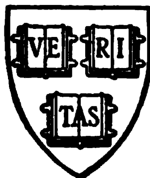

ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛІОТЕКА

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

1880

№№ 6 и 7. Іюнь и Іюль.

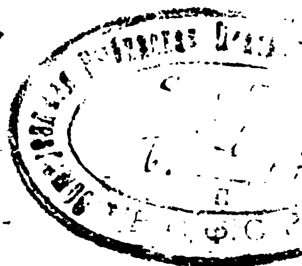
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Е. Ландау. Площадь Большаго Театра, 2.
1880.

СОДЕРЖАНІЕ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

1880

№№ 6 и 7. Іюнь и Іюль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Е. Ландау. Площадь Большаго Театра, 2.
1880.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29 Іюля 1880 года.

ПРОВИДѢНІЕ ИЛИ СЛУЧАЙНОСТЬ?

Разсказъ.

Въ жизни человѣческой нѣтъ ничего безусловно вѣрнаго, кромѣ смерти, но когда она посѣтитъ насъ—непроницаемая тайна. Иногда человѣку все благопріятствуетъ, дѣла его идутъ превосходно, цвѣтущее здоровье сулитъ долгоденствіе, будущее рисуется ему въ розовомъ цвѣтѣ. Вдругъ внезапно подвернется такой злой случай, котораго ни предусмотрѣть, ни отвратить нѣтъ никакой возможности и человѣкъ умираетъ насильственною смертію.

Бываетъ и такъ: настала неминуемая погибель, человѣкъ убѣжденъ, что доживаетъ послѣднія минуты, смерть замахнулась уже на него косою и нѣтъ ни малѣйшей надежды на спасеніе. Вдругъ неожиданный слѣпой случай спасаетъ его отъ смерти.

Объ этомъ издревле существуютъ два мнѣнія, противныя другъ другу.

Одни признаютъ судьбу (fatum), которая на роду опредѣляетъ участь каждаго человѣка. Этому вѣритъ и нашъ народъ; по его мнѣнію, чему быть, того не миновать.

Другіе думаютъ, что предопредѣленія нѣтъ, а все происходитъ отъ столкновенія случаевъ (collisia occasionum).

Спиноза, глубочайшій мыслитель XVII столѣтія, вѣрилъ въ существованіе Бога-всевѣдующаго, предъ которымъ раскрыто прошедшее и будущее. Ему извѣстна судьба каждаго существа, значитъ предопредѣлена. Законы Божіи, какъ высочайшая премудрость,—неизмѣнимы. Слѣпаго столкновенія случаевъ нѣтъ, а всему есть причины.

Нигилисты и подобные имъ вольнодумцы думаютъ, что Богъ существуетъ лишь въ понятіи человѣка, а не особая сущность, а потому предопредѣленія быть не можетъ. Человѣкъ самъ устраиваетъ судьбу свою, а слѣпое столкновеніе случаевъ (collisia occasionum) помогаетъ ему или противится.

Въ молодости моей я чуть-чуть не утонулъ въ рѣкѣ Иркутѣ. Не люди спасли меня, а что-то непонятное для моего разумѣнія.

Прошу выслушать мой разсказъ.

Лѣтомъ я уѣзжалъ къ отцу; служившему близь китайской границы. Карабкался на горы, бродилъ по юртамъ бурятъ, изучалъ бытъ крестьянъ, посѣщалъ хороводы красныхъ дѣвушекъ, удивляясь ихъ грубымъ манерамъ. Между ними нашлась однакожъ одна, приковавшая къ себѣ мое вниманіе.

Наташа была премиленькая брюнетка, съ черными, какъ смородина, глазами, надъ которыми возвышались дугою брови соболиныя. Густые каштановые волосы, гладко причесанные и мелко заплетенные въ косу, оттѣняли нѣжное правильное лицо, покрытое легкою дымкою востока. Когда она улыбалась, два ряда слоновой кости выказывались изъ-за аленькихъ губокъ и двѣ ямочки означались на пухленькихъ щечкахъ. По праздникамъ, когда веселыя пѣсни сельскихъ ореадъ оглашали окрестности, звонкій контральтъ Наташи вырывался изъ хора и покрывалъ всѣ голоса.

Она была стройна: высокая лебединая грудь, легкая походка, быстрый, но пріятный взглядъ—придавали ей какое-то величіе, она казалась мнѣ царицею, красою всей деревни. Подруги ее любили, она любила подругъ своихъ. Отецъ и мать называли ее ненаглядным солнышкомъ. Наташа была совершенно счастлива. Завидное состояніе!

Въ самомъ дѣлѣ ей завидывали не потому, чтобы Наташа мѣшала чьему нибудь благополучію, нѣтъ; люди ко всему придерутся. Ужасное *зачѣмъ не я* много дѣлаетъ въ свѣтѣ хлопотъ.

Наташа мнѣ нравилась, я былъ холоденъ къ ея подругамъ, смотрѣлъ только на одну ее и не могъ насмотрѣться, слушалъ ея пѣсни и не могъ наслушаться. Это не понравилось молодежи, а можетъ быть и дѣвушкамъ; онѣ подсмѣивались надъ Наташей. Приводилось и мнѣ слышать какую нибудь остроту, но мнѣ нравились эти колкости незнаю почему.

Нравился-ли я Наташѣ? — О, иначе быть не могло! Я значилъ въ деревнѣ больше всѣхъ; мнѣ было тогда 20 лѣтъ. Съ такимъ преимуществомъ я могъ понравиться любой горожанкѣ. А Наташа, отъ роду не видавшая никого лучше меня, могла-ли быть ко мнѣ равнодушна, и бѣдная Наташа, будучи невинной, потеряла доброе имя.

Однажды я шелъ мимо ихъ дома. Наташа была въ огородѣ: она поливала огурцы. Что тутъ размышлять! Я перелѣзъ черезъ городьбу. Плутовка притворилась будто невидитъ меня и продолжала работать, не поднимая своей головки. Однакожъ я зналъ, что дѣвушки хотя никуда не смотрятъ, а все видятъ.

Здорово, Наташа!

Ахъ!—Это вы, сударь! Ну, какъ вамѣ не стыдно!

Смотрите увидитъ кто нибудь. И такъ ужъ Богъ знаетъ, что наговорили добрые люди.

— Кому увидѣть, мой другъ, мы одни. Наташа, я люблю тебя!

— Ахъ, отстаньте, ради Бога! того и смотри, что матушка придетъ сюда.

Я не слыхалъ возраженій, обнялъ Наташу и сталъ цѣловать. Плутовка старалась вырваться, отворачивала свои губки, но когда онѣ встрѣчались съ моими, я чувствовалъ взаимный поцѣлуй.

— Наташа! мнѣ-бы хотѣлось безпрестанно смотрѣть на тебя, но ты вѣчно сидишь дома.

— Помилуйте, отвѣчала она. Теперь лѣто. Я хожу въ лѣсъ за ягодами, въ огородъ; весь день бываю на улицѣ и даже сплю вотъ на этомъ сѣнникѣ.

— Одна? мой другъ!

Наташа хотѣла что-то сказать, вѣроятно подтвердить мой вопросъ, но покраснѣла, и отвѣтъ остался на языкѣ.

— Ахъ, уйдите сударь, уйдите. Слышите, скрыпнуло воротами, кто-то идетъ сюда.

Я простился съ Наташею, но пламенные поцѣлуи горѣли на губахъ моихъ, волновали кровь, наполняли голову какимъ-то туманомъ. Я шелъ, самъ не зная куда, искалъ самъ, не понимая чего.

Настала ночь. Напрасно я хотѣмъ забыться сномъ! Наташа не выходила изъ моего воображенія, она была господствующею мыслію моею. Лежа на постели, я вертѣлся съ боку на бокъ. Мнѣ было душно; Богъ знаетъ, какъ тяжело.

Что теперь дѣлаетъ Наташа? думалъ я—Спитъ.—Гдѣ? На сѣнникѣ. Одна одинехонька. И кто знаетъ, можетъ быть, думаетъ обо мнѣ.

Не понимая самъ, что дѣлаю, я всталъ съ постели,

одѣлся, вышелъ на крыльцо безъ мысли, безъ намѣренія, по какому-то невольному влеченію. Во мнѣ былъ перевѣсъ страстей надъ разсудкомъ.

Домъ Наташи стоялъ на другой сторонѣ рѣки. Я пришелъ на берегъ.

Рѣка была въ разливѣ отъ дождей, вдвое быстрѣе и шире обыкновеннаго. Подлѣ берега стоялъ на привязи челнъ, выдолбленный изъ большаго бревна, какъ корыто; я вскочилъ въ него, оттолкнулся шестомъ; въ лодкѣ не было веселъ. Дѣлать было нечего, я гребъ шестомъ, стоя посреди лодки. Ночь была темна; противный берегъ чернѣлся въ отдаленіи, быстриною рѣки несло меня внизъ; но я, какъ новый Леандръ, плылъ подъ руководствомъ любви своей безъ свѣтильника, безъ условнаго маяка.

Наконецъ мнѣ удалось пристать къ берегу ниже деревни. Я привязалъ челнъ за колъ, вбитый въ землю и пошелъ къ Наташѣ.

Я перелѣзъ въ огородъ и, не разбирая гдѣ гряда, гдѣ борозда, шелъ на прямикъ: измялъ огурцы, проложилъ улицу на капустной грядѣ, опсыпалъ нѣсколько грядъ, словомъ надѣлалъ много опустошенія, прежде нежели добрался до завѣтнаго сѣнника.

Мрачно, безмолвно стоялъ онъ предо мною, выставивъ широкую спину свою, какъ спѣсивый начальникъ къ подчиненному, впавшему въ немилость.

Лѣстница на сѣнникъ была со двора. Осторожно перелѣзъ я во дворъ, нашелъ ощупью лѣстницу. Но какую? Узкую, выдолбленную ямами въ бревнѣ. Я сталъ лѣпиться по ней, запатался и полетѣлъ было на землю, но успѣлъ ухватиться за какую-то полку. Увы! полка обрушилась и нѣсколько горшковъ съ молокомъ и смѣтаною упало прямо на меня, ушибли и обдали жирною влагою съ ногъ до головы. Однакожъ я устоялъ противъ

молочнаго напора. Протеръ глаза, покрытыя смѣтаною, обтеръ платкомъ лицо, волосы, платье и, полный отваги, занесъ было ногу впередъ, какъ вдругъ новое бѣдствіе разразилось надо мною: стукъ отъ упавшихъ горшковъ растревожилъ собакъ, поднялся лай сперва около меня, немедленно присоединился къ нему лай сосѣднихъ собакъ, и въ нѣсколько минутъ вся деревня наполнилась собачьимъ лаемъ.

Я ударился бѣжать, но проклятыя собаки гнались за мною и количество ихъ возрастало, какъ квадраты разстояній, по мѣрѣ удаленія моего отъ дома любезной Наташи. Отбиваясь отъ дерзкихъ псовъ камнями, грязью, кусками земли, щепами, всѣмъ, что попадало подъ руку, я выбѣжалъ наконецъ изъ деревни, и тихо, едва переводя духъ, побрелъ къ лодкѣ. Она была хотя на привязи, но стояла уже далеко отъ берега; рѣка сильно прибыла, и еслибы я опоздалъ получасомъ, ее сорвало и унесло бы, тогда мнѣ привелось-бы ночевать подъ лазоревымъ одѣяломъ природы.

Я вскочилъ въ челнъ, взялъ въ руки шестъ, отпихнулся отъ берега и началъ грести по прежнему то съ той, то съ другой стороны, стоя на ногахъ. Лодка вертѣлась подо мною и нужно было имѣть большой навыкъ, чтобы сохранить равновѣсіе на столь зыбкомъ основаніи. Круглый тонккій шестъ худо исполнялъ должность весла, челнъ несло внизъ быстротою рѣки; я старался вознаградить недостатки шеста усиліемъ, но утомленный недавно минувшимъ происшествіемъ, гребнулъ какъ-то неосторожно, лодка покачнулась, я потерялъ равновѣсіе и упалъ за бортъ въ рѣку, сильно ударясь бокомъ о край челна.

Я хорошо плавалъ; упавши въ рѣку, я не испугался, не потерялъ присутствія духа. Первая мысль была плыть къ берегу, но мокрое платье мѣшало мнѣ дѣйствовать ру-

ками и ногами, да и куда плыть, я не зналъ, который берегъ ближе ко мнѣ. Быстро окинувъ глазами окрестности, я увидѣлъ роковую ладью въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ себя, несущуюся быстротою водъ. Я пустился внизъ по теченію рѣки за ладьею, догналъ ее, ухватившись руками за края; я хотѣлъ влѣзть въ нее, но, при первомъ усиліи, лодка наклонилась, зачерпнула воду и вѣроятно наполнилась бы водою, если-бы я покусился еще разъ на подобное предпріятіе.

Между тѣмъ, быстротою рѣки меня несло все внизъ, я былъ уже далеко за деревнею. Нѣсколько разъ я принимался кричать, но тотчасъ переставалъ, зная навѣрное, что меня некому услышать, я глядѣлъ то на лѣсистые пустынные берега, то на лазуревое небо, по краямъ котораго мелькали вершины деревъ, стоящихъ на берегу; я вспомнилъ, что на разстояніи двадцати верстъ рѣка протекала по безлюдному, ненаселенному берегу, посреди горъ и лѣсовъ. Ужасъ объялъ меня. Вотъ гдѣ суждено мнѣ погибнуть, и въ какія лѣта!

Я былъ по горло въ водѣ, и чувствовалъ, что намокнувшее платье тянуло меня ко дну, но руки мои окостенѣли, держась за края лодки.

Посреди бѣдствія, столь ужаснаго, я не потерялъ однакожъ разсудка; надежда не покидала меня и на краю могилы, я зналъ, что силы мои истощатся наконецъ, зналъ, что помощь человѣческая не спасетъ меня, но я надѣялся на Бога. Господи! шепталъ я. Кажется, я не сдѣлалъ еще въ жизни моей никакого ужаснаго грѣха, за что я погибаю. Но Ты милосердъ, Ты не ввергнешь родителей моихъ въ неутѣшное горе, не лишишь ихъ сына. Пусть я погибну, но смерть моя убьетъ ихъ! Я молился отъ души, призывалъ на помощь всѣхъ Святыхъ, клалъ на себя обѣты, каялся въ грѣхахъ, но все таки не уны-

валъ духомъ. Какая-то отдаленная надежда, какая-то благодѣтельная мысль подкрѣпляла меня. Я думалъ, что рано или поздно нанесетъ меня на какой нибудь островъ или на мель.

Прошло, кажется, съ полчаса, какъ я былъ въ водѣ. Холодъ проникалъ въ меня, силы ослабѣвали. Спасите! Спасите! вскрикивалъ я противъ воли, но голосъ мой умиралъ въ пустынѣ, одно эхо отвѣчало мнѣ, повторяясь между горами. Все было тихо, только подмытые теченіемъ берега, изрѣдка бухали въ рѣку. Еще съ полчаса осталось жить мнѣ, думалъ я. Ну если, къ несчастію я не попаду на мель... Рѣка меня поглотитъ, потомъ выкинетъ бездушный трупъ мой на пустынный берегъ. Кто меня отыщетъ и похоронитъ? развѣ какой-нибудь звѣроловъ,—иначе дикіе звѣри растащатъ меня по кускамъ. Эта мысль ужасала меня больше самой мысли о погибели. Я готовъ былъ разстаться съ жизнію, но мнѣ не хотѣлось достаться звѣрямъ на съѣденіе. Рѣка песчаная, думалъ я, меня замоетъ гдѣ-нибудь на отмель. Это все равно, что лежать въ могилѣ.

Иногда казалось мнѣ, что я задѣваю ногами за дно рѣки, но то былъ обманъ, порожденіе напряженной мысли о благодѣтельной мели.

Иногда я думалъ оставить ладью и плыть къ берегу, но, измѣрявъ свои силы, я чувствовалъ, что мнѣ не добраться до берега и крѣпче прежняго прижималъ ладью окостенѣвшими отъ холода пальцами.

Наконецъ я сталъ забываться, какъ будто сонъ началъ, овладѣвать мною; по тѣлу стала разливаться какая-то сладостная теплота. Все, что было, что есть, исчезало уже изъ понятій моихъ. Вдругъ лодка моя ударилась обо что-то. Я очуствовался. Смотрю: поперегъ рѣки лежитъ огромная сосна, лодка уперлась въ нее. Преслѣдуя глазами роко-

вое дерево я замѣтилъ, что сосна корнями держалась еще на берегу, но стволъ и вѣтви были въ водѣ и вѣроятно упирались обо дно рѣки. Я схватилъ одною рукою сукъ, не выпуская однакожъ изъ другой ладьи, потянулъ. Сукъ былъ крѣпокъ. Я совсѣмъ уже готовъ былъ оставить челнъ и ухватиться за дерево, но во мнѣ родилась мысль, что если сосна едва держится корнями въ землѣ, ты сдвинешь ее съ мѣста и рѣка снова увлечетъ тебя.

Но что будетъ, то и будь. Я упустилъ ладью и обѣими руками ухватился за сукъ, по немногу переставляя впередъ руки, я добрался до самого дерева и кое-какъ влѣзъ на него, сѣлъ, опустивъ ноги въ воду, голову положилъ на сукъ и въ этомъ положеніи пробылъ съ четверть часа, не въ силахъ будучи болѣе двигаться.

Бушевавшій въ дремучемъ лѣсу вѣтеръ и падающіе съ обѣихъ сторонъ подмытые песчаные берега въ рѣку, заставляли меня невольно вздрагивать; мнѣ казалось, что отъ напора вѣтра или упавшимъ берегомъ спихнетъ мою сосну въ рѣку. Между тѣмъ, боль въ моемъ боку, произшедшая отъ удара при паденіи изъ лодки, усиливалась.

Кое-какъ, собравшись съ силами, я сталъ карабкаться по дереву къ берегу; достигнувъ суши, я упалъ съ дерева и лежалъ нѣсколько времени въ какомъ-то радостномъ онѣмѣніи. Отдохнувъ немного, поднялся на ноги и съ презрѣніемъ взглянулъ на рѣку, какъ на безсильнаго, обезоруженнаго врага, поворотился къ ней гордо спиною и пошелъ впередъ. Но спѣсь моя скоро унялась. Оказалось, что я былъ на острову; между сосною и берегомъ протекала протока, правда не большая, вѣроятно не глубокая, но я такъ напуганъ былъ водою, что не смѣлъ повѣрить себя этой лужѣ.

Однакожъ животолюбіе преодолѣло страхъ, я пустился въ воду и достигнулъ берега, бредя по колѣно, но здѣсь

новое неожиданное препятствіе остановило меня. Берегъ былъ песчаный и крутой, онъ обсыпался безпрестанно, я падалъ и мокрое платье мое покрылось толстымъ слоемъ песку; кое-какъ однакожъ я поднялся и упалъ на траву. Холодъ началъ пробирать меня, ужасная дрожь распространилась по всему тѣлу, зубы стучали, руки и ноги не гнулись. Я вспомнилъ, что и среди лѣта люди замерзали въ подобномъ моему положенію. Мнѣ нужно было движеніе, чтобъ разогрѣться. Черезъ силу я поднялся на ноги мои и побрелъ вверхъ по теченію рѣки, не смѣя удаляться отъ берега; но далеко-ли я отъ деревни, никакъ не могъ постигнуть, сколько ни смотрѣлъ на окрестности. Я зналъ, что по берегу шла тропинка, но въ темнотѣ нельзя было отыскать ее.

Кажется, что я шелъ около двухъ часовъ. Востокъ началъ бѣлѣть, румяниться и вскорѣ благодатный вѣстникъ, пробившій на колокольнѣ три часа, увѣрилъ, что я не далеко отъ деревни.

Я прибрелъ въ свою комнату, легъ на постель, но уснуть не могъ. Меня бросало то въ жаръ, то въ ознобъ, при сильной головной боли. Долго ли я пробылъ въ этомъ состояніи—не помню; но когда очувствовался, руки и ноги были связаны. Передъ постелью стояли, какъ въ туманѣ, отецъ и мать и горестно смотрѣли на меня. Потомъ я опять забылся, опять очувствовался: руки и ноги мои были свободны. Что со мною дѣлается? Живъ ли я, гдѣ я? Мнѣ объяснили, что я дома. Чрезъ нѣсколько дней я узналъ, что былъ болѣнъ ужасною нервическою горячкою съ бредомъ, что вставалъ съ постели, бросался въ окна, что наконецъ принуждены были связать меня.

Однажды, гуляя по берегу, я вдругъ увидѣлъ ужасный челнъ; онъ стоялъ на прежнемъ мѣстѣ. Дрожь пробѣжала по мнѣ, но любопытство превозмогло отвращеніе.

— Гдѣ вы отыскали челнъ? спросилъ я у перевощика. Онъ, помнится мнѣ, пропадалъ.

— Точно, сударь, такъ! Въ прошлую большую воду унесло его, однакожъ мы отыскали бѣглеца на 10-й верстѣ отсюда, онъ запутался въ кустахъ, вода ушла, челнъ обмелѣлъ.

Десять верстъ несло меня по рѣкѣ ночью среди пустынныхъ береговъ и я остался живъ! Видно, что существованіе мое для чего то нужно было въ экономіи природы.

Прошло болѣе 60 лѣтъ послѣ этого происшествія. Забыть его не могу. Но я до сихъ поръ не рѣшилъ, что спасло меня отъ смерти: предопредѣленіе, или Всевышній внялъ молитвамъ моимъ и сотворилъ чудо, или слѣпое столкновеніе случаевъ сунуло меня на упавшую въ рѣку сосну.

Сто дней

Разсказы Ополченца 1855—1856 годовъ.

(Посвящается памяти А. А. Политковскаго.

I.

Сборы. Прощанье.

Призывъ къ ополченію (31 іюля 1855 года) поднялъ на ноги не только всю русскую молодежь, но и старики покидали семьи, дѣла, имѣнья и спѣшили предлагать свои силы и труды на защиту отечества.

— Добро пожаловать!.. Милости просимъ, отвѣчали начальники на эти усердныя заявленія.

Дворяне, чиновники, купцы, мѣщане и люди всѣхъ сословій и возрастовъ стекались къ сборнымъ пунктамъ, гдѣ формировались дружины. Дворянство московской губерніи собрало значительную сумму денегъ и приглашало желавшихъ служить въ качествѣ офицеровъ, въ которыхъ была большая недостача.

Я только что очнулся послѣ ужаснѣйшаго тифа, который едва не одолѣлъ мой молодой и здоровый организмъ. Нѣсколько мѣсяцевъ я былъ между жизнію и смертію, наконецъ, бредъ прекратился, опасность миновала, но осталась такая слабость, что я не могъ встать съ постели.

Однако при первыхъ дошедшихъ до меня слухахъ о формированіи дружинъ, я встрепенулся и объявилъ доктору о своемъ намѣреніи поступить въ службу. Добрѣйшій эскулапъ Петръ Александровичъ Коленіусъ только плечами пожалъ.

— Куда тебѣ пріятель?.. Ты и 50 верстъ не отъѣдешь, какъ тифъ опять тебя сцапаетъ... а возвратный тифъ ужъ не одолѣешь!.. Тогда, братъ, прощай!.. и онъ многозначительно свиснулъ.

Но я, какъ и всѣ больные, былъ упрямъ и что разъ вбилъ себѣ въ голову, то не легко было выбить. Не смотря на докторскія предостереженія, я въ одно прекрасное утро всталъ съ постели, чувствуя себя бодрѣе обыкновеннаго, облачился во фракъ, при чемъ нѣсколько разъ отдыхалъ и, глядя на себя въ зеркало, удивлялся собственной перемѣнѣ. Куда моя юная свѣжесть лица дѣвалась! Щеки впали, носъ осунулся, глаза словно больше стали. Вздохнулъ я и подумалъ: «Эхъ кабы прежнее здоровье!.. Ну!.. да все равно: послужу сколько силъ хватитъ... Если и не много осталось мнѣ жить, такъ лучше подъ вражьей пулей умереть, чѣмъ въ постели, подъ гнетомъ мучительнаго недуга!..»

Начальникомъ московскаго ополченія былъ назначенъ князь А. И. Трубецкой и къ нему то я задумалъ явиться съ предложеніемъ своихъ услугъ.

— Семенъ! Найми мнѣ извощика! приказалъ я лакею. Старикъ Семенъ не посмѣлъ возражать, такъ какъ во время болѣзни я пріучилъ его ко всевозможнымъ дикимъ фантазіямъ, да и докторъ строго запретилъ всѣмъ окружающимъ раздражать меня противорѣчіями.

Черезъ перегородку я услыхалъ шопотъ Семена съ старухой кухархой и съ хозяйкой квартиры.

Изъ двери показались недоумѣвающія фигуры этихъ

двухъ старухъ: онѣ словно съ испугомъ на меня посмотрѣли и опять скрылись.

Прошло минутъ десять; мнѣ надоѣло ждать и я крикнулъ Семена: «Что жъ извощикъ?» спросилъ я.

— Извощиковъ, сударь, нѣтъ... всѣ разъѣхались... вралъ Семенъ и вралъ такъ неискусно, что я вспылилъ и раскричался... Семенъ поспѣшилъ ретироваться за дверь и опять я услыхалъ торопливый шопотъ.

— Надо за Петромъ Александровичемъ послать... шептались въ прихожей. Петръ Александровичъ былъ мой докторъ; прислуга вообразила, что у меня возобновился бредъ и хотѣла бѣжать за докторомъ. Я расхохотался; гнѣвъ мой прошелъ; я постарался успокоить Семена и старухъ, увѣривъ ихъ, что я въ памяти и что докторъ самъ позволилъ мнѣ небольшія прогулки.

Наконецъ Семенъ привелъ мнѣ извощика, предварительно наказавъ ему ѣхать какъ можно тише и уговорить барина поскорѣе возвратиться домой. Я вышелъ на воздухъ послѣ зимняго заключенія въ душной комнатѣ больнаго.

Была весна. Въ Москвѣ хоть и не очень то пріятная пора, по случаю грязи и всевозможныхъ испареній разлагающихся веществъ, но все таки клочекъ голубаго неба и лучъ солнца, золотившій буро-зеленыя вѣтки акацій, показались мнѣ прелестнѣе самыхъ живописныхъ пейзажей въ мірѣ. Воробьи весело щебетали, купаясь въ лужѣ, словно привѣтствовали мое неожиданное появленіе на крыльцѣ; дворовая хозяйская собака, виляя хвостомъ, выбѣжала изъ воротъ и удивленно уставивъ на меня глаза, какъ будто старалась узнать: тотъ-ли это баринъ, котораго порція ухи изъ пискарей, да телячья котлетка ежедневно переходила съ тарелки выздоравливающаго въ деревянную чашку безъ края, куда выливались остатки кушанья, съ такимъ аппетитомъ вылизываемые лохматымъ «Дружкомъ».

Пѣтухъ, царапая лапками кучку наметеннаго съ улицы сора и навоза, скликалъ своихъ пріятельницъ, желтыхъ да черныхъ хохлатокъ—куръ. отъ которыхъ я столько ежедневно за завтракомъ уничтожалъ яицъ, по предписанію врача только на 2 минуты окунутыхъ въ кипятокъ. По улицамъ сновали «Ваньки» и плелся пѣшеходный людъ, съ узелками и кулечками провизіи; разнощикъ съ лоткомъ на головѣ, стоя напротивъ дома, во всю глотку распѣвалъ: «Спаржа!.. рѣдиска паровая, сахарный горошекъ!.. бобы турецкіе!..

Вся эта обыденная картина уличной жизни поразила меня, точно все это я видѣлъ въ первый разъ въ жизни. Рѣзкій весенній вѣтеръ охватилъ меня такъ внезапно, что я почувствовалъ впечатлѣніе купающагося, при погруженіи въ холодную воду. Однако слабость моя поддалась живительному вліянію свѣжаго воздуха и я довольно бодро влѣзъ въ пролетку.

— Закрывайтесь плотнѣе, сударь, вѣтеръ холодный... посовѣтовалъ Семенъ. Шибко то не гони, братъ... Мостовыя весной завсегда тряски бываютъ... крикнулъ онъ вслѣдъ извощику.

Дѣйствительно, наши убійственныя мостовыя показались хуже и трясче чѣмъ когда либо. Я поминутно схватывался за бока, и говорилъ извощику: «Тише!.. Бога ради тише!..»

— И такъ, баринъ, почесть что шагомъ ѣдемъ... возражалъ возница, по привычкѣ дергая возжами.

Кое-какъ добрались мы до Газетнаго переулка, гдѣ князь жилъ въ своемъ домѣ.

Я велѣлъ о себѣ доложить и меня тотчасъ приняли. Князю Трубецкому было тогда лѣтъ 50; онъ былъ средняго роста, плотный, съ пріятнымъ и добрымъ лицомъ. Мы встрѣчались у его родственника Воейкова, онъ очень

удивился происшедшей во мнѣ перемѣнѣ. Узнавъ о цѣли моего визита, онъ сказалъ:

— Это хорошо, очень хорошо, молодой человѣкъ... Но чувствуете ли вы себя послѣ болѣзни на столько крѣпкимъ, чтобы немедленно поступить въ службу!..

Я увѣрилъ его, что совсѣмъ здоровъ и хоть сейчасъ готовъ. Князь сомнительно покачалъ головой.

— Здоровы здѣсь, въ Москвѣ, но въ походѣ... Вѣдь вамъ предстоитъ длинный, утомительный походъ, прямо на мѣсто военныхъ дѣйствій... Путь не ближній: полторы тысячи верстъ!.. А главное пути наши такъ плохи!.. Эхъ!.. Кабы желѣзная дорога туда была... вздохнулъ князь.

Пришла къ нему въ кабинетъ княгиня, красивая женщина лѣтъ 40. Если князь былъ добръ, то его супруга олицетворяла высшую степень добродушія и сострадательности. Она съ большимъ участіемъ распрашивала меня о моей болѣзни и о разныхъ семейныхъ обстоятельствахъ. Получивъ обѣщаніе князя принять меня въ московскую дружину, я хотѣлъ съ нимъ раскланяться, но... я слишкомъ понадѣялся на свои силы, со мной сдѣлалось головокруженіе и даже легкій обморокъ.

— Воды!.. Спирту!.. За докторомъ!.. Слышу я, какъ будто сквозь сонъ, возгласы княгини.

— Пустяки все... это сейчасъ пройдетъ!.. Принесите-ка бутылку лафита!.. успокаиваетъ князь.

Я сдѣлалъ надъ собой усиліе и приподнялся со стула. «Извините, князь, за безпокойство... Княгиня!.. Благодарю васъ за участіе... Мнѣ лучше... Я доберусь до своей постели, отдохну и на дняхъ опять явлюсь къ вамъ...» говорилъ я, но съ трудомъ могъ сдѣлать нѣсколько шаговъ къ двери.

Принесли лафиту и князь заставилъ таки меня проглотить рюмку вина, что дѣйствительно немного укрѣпило

меня; однако княгиня никакъ не согласилась отпустить меня одного и послала своего камердинера проводить меня. Я хоть и отказывался, но проводникъ оказался мнѣ очень полезнымъ, потому что по дорогѣ домой со мной нѣсколько разъ возобновлялась дурнота.

Въ ночь я опять началъ бредить; явился Петръ Алексанровичъ и, на чемъ свѣтъ стоитъ, разругалъ Семена, старуху кухарку и квартирную хозяйку.

— Человѣкъ въ бреду, чудитъ и сумасшествуетъ, а вы его пускаете одного!... Вѣдь онъ могъ бы посреди улицы упасть, упасть безъ памяти! вѣдь это все равно, что безумному ножъ въ руки дать, или просто уморить человѣка.... Выговоръ этотъ, по военной привычкѣ, докторъ приправлялъ разными крѣпкими словами.

Старухи мои и Семенъ не на шутку перетрусили.

— Вотъ пріѣдетъ Алексѣй Өедоровичъ, разскажу я ему, какъ вы бережете молодаго барина!... грозилъ расходившійся врачъ.

Тогда была еще крѣпостная пора, а Семенъ и старая Агафья были крѣпостные моего отца, который шутить не любилъ... Агафья ударилась въ слезы, Семенъ кланялся въ ноги, эскулапъ, въ душѣ добрякъ, разжалобился.

— Ну, ну!... что еще тутъ пристали какъ банный листъ!... Ну... Отстаньте же!... Мало ли что въ сердцахъ говорится!... Теперь не время калякать: надо поправлять зло... если оно еще поправимо...

Снова принялись за горчичники, за ледяные компресы на голову и за отвратительную латинскую кухню.

Однако, не смотря на опасенія Петра Александровича, у меня начался не возвратный тифъ, а просто лихорадочный бредъ, который скоро уступилъ во время предпринятымъ мѣрамъ; но все таки я вылежалъ недѣли

три, да столько же просидѣлъ въ комнатѣ, подъ строгимъ запретомъ носа на улицу не показывать.

— Ты можешь удавиться или застрѣлиться, пріятель!... Это не мое дѣло!... Ну, а умереть отъ возвратнаго тифа я тебѣ не позволю: это ужъ дѣло моей чести и репутаціи врача.... говорилъ неумолимый Петръ Александровичъ.

За то онъ позволялъ мнѣ читать, и я съ жадностью глоталъ газетныя извѣстія о ходѣ военныхъ дѣйствій и рвался душой туда, гдѣ дрались наши братья... Я, между тѣмъ, дѣлалъ необходимыя приготовленія къ пути и закупки черезъ посредство своихъ знакомыхъ. Какъ барышня радуется первому бальному платью, я обрадовался, когда портной принесъ мнѣ историческую одежду ополченца: сѣрый казакъ съ краснымъ кушакомъ, такіе-же шаровары, красную рубаху косоворотку и фуражку съ бронзовымъ крестомъ, на которомъ была отлита выпуклыми буквами многознаменательная надпись: «За вѣру и Царя!...»

Въ тотъ же день, сапожникъ принесъ мнѣ сапоги съ высокими голенищами, и я выпросилъ у доктора позволенія примѣрить новую амуницію.

Наконецъ Петръ Александровичъ разрѣшилъ мнѣ замѣнить, приводившую меня въ отчаянье, уху изъ пискарей и противную не болѣе вершка телячью котлетку болѣе сытнымъ и вкуснымъ обѣдомъ. Аппетитъ у меня сдѣлался волчій и докторъ говорилъ, что это хорошій симптомъ. Во все время моей болѣзни, князь и княгиня Трубецкіе почти ежедневно присылали освѣдомляться о моемъ здоровьѣ, а когда узнали, что опасность миновала и я сталъ быстро выздоравливать, то князь прислалъ мнѣ корзинку съ дюжиной бутылокъ отличнаго лафита и записку такого содержанія: «Кушайте на здоровье,

это васъ скорѣй поставитъ на ноги, чѣмъ микстуры да порошки... Избави васъ Боже отъ этой дряни.

— Гмъ... гмъ!... дрянь!... положимъ что дрянь, а вотъ отъ вѣрной смерти избавила... Ну, теперь посмотримъ-ка ихъ цѣлебный бальзамъ!... и эскулапъ, раскупоривъ бутылку, далъ мнѣ выпить одну рюмочку, а съ остальнымъ самъ управился.

— Нельзя тебѣ много сразу... довольно одной: недѣлю по одной пей, а тамъ можно и по двѣ въ день... Штука-то дѣйствительно важная... И онъ любовно посматривалъ на корзинку, изъ которой торчали горлышки. Я поспѣшилъ предложить ему всѣ 12 бутылокъ, но онъ согласился только на половину. «Пополамъ раздѣлимъ, другъ!... Ты хворалъ, тебѣ надо укрѣпиться; а я лѣчилъ, трудился и мнѣ тоже не мѣшаетъ подкрѣпиться», смѣялся добрякъ.

Я ужасно досадовалъ, что ополченіе двинулось, прежде чѣмъ я могъ за нимъ послѣдовать. Князь прислалъ меня увѣдомить, что я зачисленъ въ Московскую дружину. «Выздоравливайте и догоняйте насъ на почтовыхъ, а мы пойдемъ черепашьимъ маршемъ впередъ»... писалъ онъ.

Ополченцы отправились пѣшкомъ... За полторы-то тысячи верстъ... Въ такую пору, когда бы надо летѣть на крыльяхъ, чтобы ни единой минуты не потерять!

Наконецъ я на столько поправился, что докторъ сказалъ: «Теперь съ Богомъ!.. въ путь къ славѣ и чинамъ».

Эти пожеланія, однако далеко не оправдались, какъ вы увидите впослѣдствіи; но тогда я твердо вѣрилъ, что если останусь живъ, то вернусь къ домашнимъ пенатамъ въ лавровомъ вѣнкѣ и съ «Егоріемъ».

Сдѣлавъ окончательныя покупки, я поѣхалъ къ отцу въ деревню, чтобы проститься, быть можетъ, на всегда.

Изъ нашей деревеньки пошло нѣсколько ополченцевъ,

и одного изъ нихъ я взялъ въ кучера, а Семенъ, хоть и старенекъ былъ, а пожелалъ служить у меня въ походѣ деньщикомъ. Дома я соорудилъ крѣпкую повозку, за прочность которой ручались всѣ мужики, собравшіеся на барскій дворъ посмотрѣть на бариновы проводы.

— Славная, братецъ, штука: здорово и легко... одобрялъ старикъ Серега, залѣзая подъ повозку и ощупывая ея оси и дрожины.

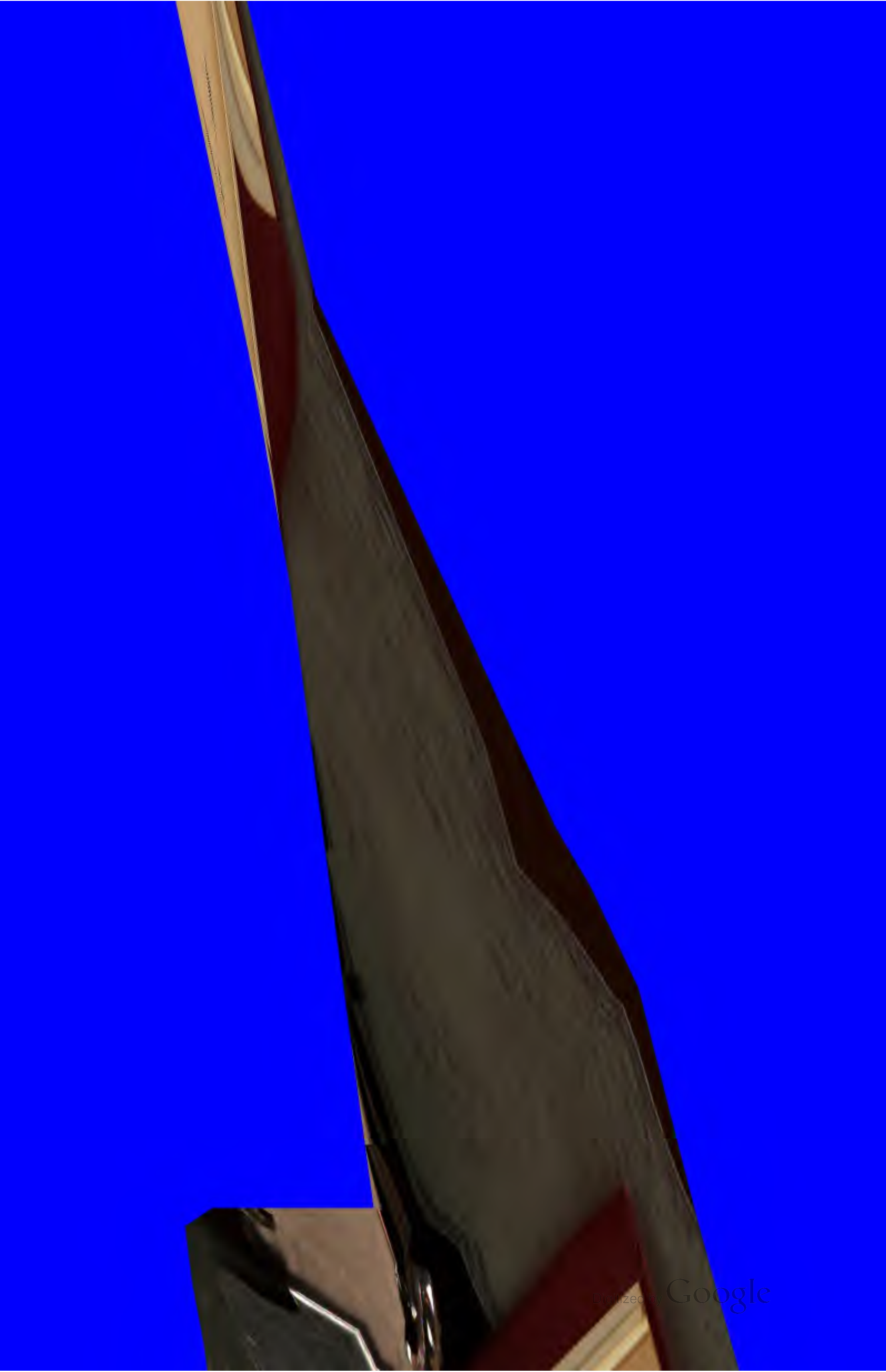
— Ты глянь-ко шинищи-то на колесахъ: во какія!.. хвалилъ ключникъ Прохорычъ. «Самъ вѣдь въ кузницѣ стоялъ, да училъ этого кузнеца-подлеца, такого разэдакаго».... Прохорычъ былъ очень хорошій старикъ, но имѣлъ двѣ слабости: любовь къ водкѣ, да къ непечатнымъ выраженіямъ; какъ его за это ни журили, а отучить не могли... наказывать же нельзя было баринова любимца...

— Ужъ налилъ бѣльмы-то, старая собака... злобно проворчалъ прикащикъ Константинъ Семенычъ, вина непившій и ругани не любившій.

— Кто?... я собака?... Я?... Ахъ ты чертовъ сынъ!.. И пошла ссора!... Мужики радостно окружили противниковъ, въ ожиданіи дароваго зрѣлища... Но съ скрыльца раздался повелительный голосъ экономки Василисы: «Батюшка ѣдетъ»!..

Противники разошлись; мужики почтительно разступились и къ крыльцу подкатила телѣжка парой, въ которой сидѣлъ священникъ, съ дьякономъ и пономаремъ. «Молебенъ служить!»... оповѣстилъ прикащикъ.

Вынесли столъ, поставили его посреди двора и накрыли чистой скатертью; вышли отецъ съ матерью и кое-кто изъ знакомыхъ; дворня стала сзади, набѣжали съ деревни бабы съ ребятишками, а мужики замыкали

было мое прошлое... Моя семья!... Какъ ни говори, а крѣпостная пора плотно связывала интересы, радости и печали барскіе и крестьянскіе...

Прошелъ десятокъ лѣтъ... и семья распалась, интересы раздвоились, радости и печали стали особнякомъ при каждомъ отдѣльномъ сословіи.... Все сдѣлалось чужое, едва ли не враждебное, что было прежде сродное, свое...

Но тогда еще объ этомъ не думали и не предвидѣли того, что должно было такъ славно, мирно и быстро совершиться въ Россіи, при великомъ преобразованіи: освобожденіи великаго народа...

II.

Въ путь. Новые товарищи.

Я скоро догналъ свою дружину. Она еще стояла въ Подольскѣ, гдѣ ратниковъ-ополченцевъ на скорую руку учили необходимымъ пріемамъ и познаніямъ военнаго дѣла. При этомъ, конечно, встрѣчались затрудненія; народъ былъ набранъ самый разношерстный: крестьяне, дворовые люди, мѣщане, цѣховые, даже промотавшіеся купцы!... Въ Московской дружинѣ особенно было много этихъ молодцевъ, уже привыкшихъ къ нѣкотораго рода комфорту и роскоши, втянувшихся въ трактирное, безшабашное житье; лишеніе предметовъ, съ которыми они сжились,, производило на нихъ непріятное впечатлѣніе, вяло и неохотно брались они за ружье, а топоръ—принадлежность оружія ополченца скорѣе тяготилъ, чѣмъ облегчалъ ихъ пріемы, ибо владѣть этимъ крестьянскимъ инструментомъ они не умѣли. Когда я въ первый разъ увидалъ въ строю этотъ сбродъ, мнѣ стало больно и досадно. Не ждалъ я добра отъ этихъ блѣдныхъ и хилыхъ субъектовъ, сонли-

выми физіономіями краснорѣчиво говорившихъ безъ всякихъ словъ о бурнопроведенной юности. Нѣкоторые были далеко уже не молоды, но въ то время на возрастъ не обращали вниманія, а только старались пополнить комплектъ и напихать негодныхъ къ труду людей, негодяевъ, на которыхъ накопились подати, сдѣлавшихся обузою общества. Дѣлать было нечего.... пришлось служить съ московскимъ отрепьемъ; переходить въ другую дружину мнѣ казалось неловко передъ княземъ Трубецкимъ, хотя его шуринъ князь Шаховской, начальникъ верейской дружины, очень приглашалъ меня служить у него.

Въ Подольскѣ случилось очень грустное обстоятельство. Начальникъ тамошней дружины, баронъ Боде, былъ молодой, прекрасный и всѣми любимый господинъ; красавица жена поѣхала его провожать и ужасно печалилась о близкомъ разставаньѣ. Во время хлопотливыхъ приготовленій къ пути баронъ простудился, съ нимъ сдѣлалась сильнѣйшая горячка и не болѣе какъ черезъ 2 недѣли его не стало!... Не возможно описать отчаянья вдовы, такого глубокаго, непритворнаго горя мнѣ рѣдко случалось видѣть. Всѣ знакомые, не говоря уже о родныхъ, очень сожалѣли о потерѣ достойнаго и полезнаго члена общества. Послѣ пышныхъ похоронъ баронесса поселилась въ монастырѣ, гдѣ и пробыла 3 года, не смотря на свою молодость, красоту и хорошее состояніе.

Я получилъ назначеніе квартирмейстера и обыкновенно обгонялъ дружину, тащившуюся, какъ шутилъ князь Трубецкой, «черепашьимъ маршемъ». Офицеры ѣхали въ повозкахъ, тарантасахъ, даже и въ телѣгахъ, а нижніе чины шли пѣшкомъ, едва волоча ноги, непривыкшія къ тяжелымъ сапожнищамъ, изнемогая подъ бременемъ своей поклажи, въ которой непремѣнную роль играли зеркальца, гребни, щетки, помада, и полотенца съ концами,

выпитыми женами, сестрами, любовницами, напихавшими въ узлы и карманы промотавшихся купчиковъ чай, сахаръ, булки, папиросы и даже гаванскія сигары!.... Самовары были тщательно уложены на общую подводу, нанятую сообща нѣсколькими субъектами позажиточнѣе. Бывало только что привалъ на отдыхъ, гдѣ нибудь на холмикѣ, въ рощѣ или просто въ открытомъ полѣ, тотчасъ задымятся трубы нѣсколькихъ десятковъ самоваровъ и наши москвичи, забывъ усталость, съ необыкновенной живостью хлопочатъ около чайныхъ принадлежностей.

Вотъ какова была походная обстановка, куда я попалъ! Теперь постараюсь дать понятіе о моихъ товарищахъ-офицерахъ. Не стану распространяться о начальникѣ дружины Г. Б.....: это была странная личность не симпатизировавшая ни съ кѣмъ изъ сослуживцевъ и державшая себя всегда особнякомъ, частью изъ гордости, а частью изъ скупости и неуживчему характеру, доказательствомъ чему служитъ то обстоятельство, что почти всѣ офицеры нашей дружины перебывали у него адъютантами и всѣ отказывались отъ этой должности.

Солдаты также не любили его за прижимки и за недостатки въ провіантѣ, зная, что казна ничего не жалѣла, но что все имъ скупалось по дешевле да похуже и часто, пока начальникъ торговался изъ-за гроша, нижніе чины терпѣли недостатокъ въ пищѣ. Къ счастью это неудобство пополнялось тѣмъ радушіемъ и хлѣбосольствомъ, которое ополченцы встрѣчали отъ жителей проходимыхъ ими городовъ и селеній. За то съ товарищами я сошелся такъ, что со многими и по окончаніи войны остался въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ. Изъ всѣхъ мнѣ особенно понравились: Всеволодъ Савинскій и Петруша Вое....кій. Первый изъ нихъ сибирякъ, учившійся въ горномъ инженерномъ корпусѣ, а послѣ служившій въ

Москвѣ. Это былъ чистый типъ сибиряка, не много флегматикъ, а вмѣсѣ съ тѣмъ добрякъ и честнѣйшая душа. Въ отношеніи вспыльчивости и живости характера, я составлялъ съ нимъ двѣ крайнія противуположности: я поступалъ всегда безъ оглядки, по первому порыву, а Всеволодъ все любилъ обдумать, какъ я шутилъ, разжевать. За его нерѣшительность и неповоротливость я часто спорилъ съ нимъ чуть не до ссоры, но тутъ-же опять мирился ради его простоты и незлобія. Наружностью онъ былъ не красивъ, а между-тѣмъ очень любилъ пощеголять и имѣлъ претензію нравиться женщинамъ, за что товарищи постоянно надъ нимъ трунили. Петрушка Вое-ъ....кій былъ родомъ изъ Малороссіи, поэтому мы его звали: «хохолъ» и еще «барышня», за его пріятную наружность и свѣжій цвѣтъ лица. Петруша былъ хорошо образованный молодой человѣкъ, живой, веселый, какъ говорится, съ душею на распашку. Если Всеволодъ пошелъ на службу отъ того, что ему нечего было оставлять дома, за то Петруша поступилъ въ ополченіе, также какъ и я, изъ любви къ Отечеству, въ надеждѣ принести посильную помощь общему дѣлу, дорогому для сердца всякаго русскаго. У Петруши было порядочное состояніе, онъ былъ одинъ сынъ у матери, баловень семьи, объ немъ плакали хорошенькія дамы и барышни, но, не смотря ни на какіе соблазны, онъ покинулъ комфортъ и родной уголъ, чтобы испытать горе и нужду походной жизни. Еще былъ у насъ офицеръ Ан....въ, человѣкъ очень богатый, но жадный до того, что не держалъ собственной кухни, а норовилъ поѣсть на даровщинку у товарищей. Замѣтя его слабость, мы часто сговаривались оставить его безъ обѣда; но онъ не унывалъ, а посылалъ своего деньщика за солдатской кашицей. Ан....евъ былъ нашей «bette noir»: не припомнишь всѣхъ шутокъ и мистифи-

кацій, которыя мы съ нимъ выдѣлывали. Другая личность, не мало потѣшившая насъ на дневкахъ и привалахъ, былъ пожилой чиновникъ Апполонъ Ивановичъ К....въ, ушедшій на войну буквально отъ домашнихъ разладовъ съ весьма сварливой женой. Онъ былъ человѣкъ бѣдный, но имѣлъ богатыхъ родственниковъ, передъ которыми привыкъ ползать и унижаться изъ собственныхъ выгодъ. Такъ, одна красавица кузина звала его: «моя кошечка», и не иначе кликала его какъ: «кисъ, кисъ!...» Безобразнѣй личности трудно было съискать: очень маленькаго роста, сутуловатый, съ лицемъ изрытымъ оспою и крошечными зелеными глазками, которые совершенно скрывались, когда онъ въ сладкой улыбкѣ растягивалъ свой широкій, но безгубый ротъ, при чемъ его огромныя уши двигались назадъ, а жесткіе торчащіе волосы поднимались вихромъ; эта особенность физіономіи дѣйствительно придавала ему сходство со старой кошкой, умильно подбиравшейся къ молоку.

Обыкновенно тихій и не замѣтный въ обществѣ, Апполонъ Ивановичъ преобразовывался, какъ скоро ему попадала въ голову лишняя рюмка вина: онъ дѣлался говорливымъ, хвастливымъ, декламировалъ оды Жуковскаго и Державина, затверженныя имъ еще на школьной скамьѣ, либо пѣлъ пѣсни «Торопа» изъ Аскольдовой Могилы, самой крикливой фистулой, выдавая ее за пріятнаго тенора. Напоить Апполона Ивановича до пьяна было для насъ любимой забавою, а потому ежедневно къ вечеру онъ бывалъ на веселѣ.

Въ Калужской губеріи мы дневали въ одномъ прекрасномъ имѣньи г-на Шепелева оказавшагося Апполону Ивановичу дальнимъ родственникомъ. Помѣщикъ угощалъ насъ весьма радушно, а Апполону Ивановичу милостиво подарилъ телѣгу со всей упряжью и старую,

очень высокую лошадь, бывшую когда-то охотничьей, а теперь негодной для погони за быстроногими зайцами. Наша «старая кошка» была въ восторгѣ! До той поры, за неимѣніемъ своего экипажа, Аполлонъ Ивановичъ попеременно присаживался то къ тому, то къ другому изъ товарищей; теперь же онъ самъ сталъ обладателемъ экипажа и коня. Съ какимъ самодовольствіемъ, съ какой любовью онъ хлопоталъ о подмазкѣ колесъ, съ какимъ тщаніемъ осматривалъ прочность осей и оглоблей!... какъ заботливо холилъ и гладилъ свою «Россинанту!...» Онъ готовъ былъ самаго себя запрячь, а ее везти на телѣгѣ. Мы отъ души смѣялись, глядя на его радостныя хлопоты, а Шепелевъ не менѣе насъ потѣшался надъ бѣднымъ родственникомъ.

— Оставайтесь у меня ночевать, господа, а завтра поутру я угощу васъ охотою, предлагалъ нашъ любезный амфитріонъ. Аполлона уговоримъ ѣхать съ нами на своей новой лошади... и вы увидите, что это будетъ за потѣха: ѣздить верхомъ онъ совсѣмъ не умѣетъ, а не сознается въ этомъ и вѣроятно нѣсколько разъ упадетъ съ лошади!..

Такъ какъ было необходимо дать еще полдня отдыху нашимъ людямъ и лошадямъ, то начальникъ дружины охотно согласился на предложеніе хозяина.

За ужиномъ было выпито порядочно, а Аполлонъ Ивановичъ, которому мы наперебой подливали изъ своихъ стакановъ, такъ угостился, что вошелъ въ совершенный экстазъ. Онъ пожелалъ сказать экспромтъ, а какъ ростомъ былъ не представителенъ, то для большаго эффекта потребовалъ, чтобы мы его подняли.

— На столъ его!.. На столъ оратора, какъ водится у американцевъ... если только хозяинъ позволитъ... крикнуло нѣсколько голосовъ.

— На столъ его!.. Влѣзай Аполонъ Бельведерскій!.. подтвердилъ Шепелевъ.

Оратора уставили на столъ, окруживъ его цѣлой батареей пустыхъ бутылокъ.

Аполонъ Ивановичъ, разставивъ ноги для точки опоры, уперъ одну руку въ бокъ, а другую поднялъ съ бокаломъ шампанскаго къ верху и началъ импровизировать:

„Услыша звонъ колоколовъ,
Я выглянулъ въ окошко;
Кругомъ горѣли плошки,
Мычанье слышалось коровъ,
На крышкѣ пѣли кошки...“

Громкій хохотъ заглушилъ голосъ импровизатора.

— Мяу... мяу!.. Кисъ... кисъ!.. Браво!.. бисъ Аполонъ Бельведерскій!.. Мя....я....у!... и вся зала замяукала на всѣ лады и тоны.

Къ сожалѣнію, мы не могли добиться окончанія экспромта; Аполонъ Ивановичъ разгнѣвался на такую остановку и рѣшительно отказался пѣть... Но не пить: пилъ онъ до того, что вмѣсто стола очутился подъ столомъ.... гдѣ мы его и оставили до утра.

Уснувъ часа три, мы вскочили при первыхъ звукахъ охотничьихъ роговъ.

На широкомъ барскомъ дворѣ ржали и били копытами осѣдланныя лошади; стремянные и доѣзжіе выводили своры гончихъ, радостно взвизгивавшихъ, чуя предстоящую потѣху. Мы поспѣшно умылись студеной водой, что освѣжило наши головы отъ вчерашняго похмѣлья, одѣлись и вышли въ залъ, гдѣ насъ дожидался за завтракомъ хозяинъ и его миловидная дочка въ костюмѣ амазонки. «Надя непремѣнно хочетъ ѣхать съ нами...» сказалъ Шепелевъ.

Всеволодъ тотчасъ предложилъ хорошенькой дѣвушкѣ

быть ея кавалеромъ, но остальная молодежь протестовала и рѣшено было испытать счастье на узелки. Я не могъ отказаться изъ вѣжливости, но очень бы не желалъ вынуть конецъ платка съ узелкомъ, предпочитая охоту болтовнѣ съ дѣвочкой и ѣздѣ скромнымъ аллюромъ возлѣ женской юбки. Потащивъ конецъ платка, который держала Надя, я почувствовалъ легкую остановку и догадался, что попалъ на столь завидный узелокъ, поэтому, выпустивъ его изъ пальцевъ, незамѣтно схватилъ другой и храбро выдернулъ его на авось.

Конецъ былъ пустой и я прикинулся огорченнымъ.

Толкнувъ Петрушу Вое...каго, я показалъ ему глазами на прежде вытянутый кончикъ, а онъ, понявъ мою мимику, вытащилъ конецъ съ узломъ.

Нашъ красавчикъ Петруша изъ всѣхъ насъ болѣе владѣлъ французской рѣчью и лучше всѣхъ могъ съ успѣхомъ поддержать передъ свѣтской барышней честь нашей дружины. Онъ немедленно приступилъ къ роли «cavalier servant»; предложивъ руку своей дамѣ, онъ вывелъ ее на крыльцо, самъ подвелъ коня, попробовалъ удила и подпругу, а потомъ, держа одной рукою стремя, другою подсадилъ Надю на сѣдло.

— Браво, monsieur Вое....кій!.. вы настоящій рыцарь среднихъ вѣковъ и я съ удовольствіемъ поручаю вамъ мою дочь.., похвалилъ Шепелевъ.

Надя улыбнулась и покраснѣла; она повидимому была очень довольна своимъ кавалеромъ и мы скоро потеряли ихъ изъ виду. Какъ мы узнали послѣ, они во все время охоты ѣздили по парку «скромнымъ аллюромъ» и бесѣдовали о французской литературѣ, о музыкѣ, театрѣ и пр.

Мы повскакали на коней. Аполлонъ Ивановичъ хотѣлъ послѣдовать нашему примѣру, но влѣзть на свою боль-

шую лошадь никакъ не могъ безъ посторонней помощи. Между тѣмъ мы выѣхали со двора, привычная лошадь рванулась за нами вслѣдъ и бѣдный сѣдокъ повисъ на ней, держась одной рукой за гриву. «Постойте!.. куда вы торопитесь?.. дайте же мнѣ сѣсть на сѣдло!..» кричалъ онъ.

Насмѣявшись надъ его каррикатурной позой, мы послали одного изъ псарей подсадить его на сѣдло.

Апполонъ Ивановичъ сгорбился, ухватился за луку сѣдла, дѣлая невѣроятныя усилія удержаться на слишкомъ для него длинныхъ стремянахъ.

Рысь у его «Россинанты» была убійственная и только хвастовство, да выпитый съ похмѣлья стаканъ портвейна заставили Апполона Ивановича терпѣть такую муку безропотно.

Вскорѣ я забылъ объ Апполонѣ Ивановичѣ и о всѣхъ своихъ товарищахъ, изъ которыхъ я былъ самымъ страстнымъ охотникомъ. Шепелевъ ѣздилъ отлично и зналъ псовую охоту до тонкости. Мы съ нимъ опередили всѣхъ и неслись по пятамъ за гончими; затравивъ нѣсколькихъ зайцевъ, мы напали на слѣдъ краснаго звѣря лисицы и еще усерднѣе помчались за добычею.

Забилось сердце охотника, когда, выскочивъ изъ кустовъ на ровную полянку, лиса-кума, раскинувъ по вѣтру свою пушистую «трубу», растилаясь по травѣ стрѣлой, пустилась на перерѣзъ стаѣ...

— Ату!... А....ту ее собаченки!... крикнулъ Шепелевъ.

Раздались два выстрѣла: мой и его... Лиса привскочила, сдѣлала шага три и упала на бокъ.

Собаки кинулись было на звѣря, но мы ихъ отогнали.

Лиса была матерая... одна изъ нашихъ пуль, а чья, навѣрное нельзя опредѣлить, попала ей въ переднюю ло-

патку: рана не смертельная, но лиса лежала безъ движенія и мы рѣшили, что убили ее на поваль. Наскакали наши товарищи, псари поздравили насъ съ «краснымъ полемъ», за что получили отъ Шепелева красную ассигнацію.

Начальникъ дружины торопилъ насъ кончить охоту, такъ какъ намъ необходимо было до ночи отойти верстъ 15 до селенія, гдѣ намъ предстоялъ ночлегъ. Не знаю, какъ тутъ-же очутился и Апполонъ Ивановичъ. Странно показалось намъ, что онъ еще не свалился съ сѣдла, но это было потому, что лиса, сдѣлавъ огромный кругъ, привела насъ почти что къ самой усадьбѣ, гдѣ нашъ чудакъ на своей «Россинантѣ» дожидался нашего возвращенія.

— Позвольте мнѣ повѣсить лисичку на сѣдло? просилъ Апполонъ Ивановичъ.

Шепелевъ согласился и одинъ изъ псарей подвязалъ звѣря къ сѣдлу Апполона Ивановича за заднія ноги, хотя по правиламъ охоты лису вѣшаютъ за шею, въ виду ея хитрости. Никто не обратилъ вниманія на эту ошибку; всѣ устали и торопились домой.

Только что мы проѣхали нѣсколько десятинъ, какъ «Россинанта» начала брыкаться, взвиваться на дыбы, сѣдокъ испускалъ пронзительные возгласы о помощи, и, бросивъ удила, уцѣпился за шею лошади; она помчалась и скоро вышибла его изъ сѣдла.

Прискакавъ на барскій дворъ, она была остановлена конюхами: оказалось, что лиса была не убита, а оглушена другой пулей, скользнувшей ей вдоль черепа; очнувшись, она начала кусать и царапать «Россинанту», что и возмутило ея обычную лѣнь.

Апполонъ Ивановичъ отдѣлался только страхомъ и лег-

кими ушибами, отъ которыхъ онъ кряхтѣлъ нѣсколько дней послѣ охоты.

Прощаясь съ радушнымъ хозяиномъ, мы замѣтили, что хорошенькая Надя съ искреннимъ участіемъ пожала руку своему кавалеру и поглядѣла на него глазами, увлаженными слезою. Петруша довольно горячо поцѣловалъ ручку своей дамы и долго потомъ оглядывался, когда мы выѣхали съ барскаго двора, гдѣ Надя стояла на крыльцѣ и махала платкомъ. Съ недѣлю Петруша вздыхалъ и грустилъ, не возражая на наши шутки да остроты. Вскорѣ мы были отвлечены отъ Петрушиныхъ сердечныхъ дѣлъ другаго рода весьма непріятнымъ дѣломъ, стоившимъ намъ большихъ хлопотъ.

Между нашими офицерами былъ нѣкто Кожинъ, человѣкъ среднихъ лѣтъ, честный, добрый и порядочно образованный, но имѣвшій несчастную слабость къ горячительнымъ напиткамъ. Страсть эта была у него не постоянная, а являлась болѣзненными припадками, извѣстными въ простонародіи подъ названіемъ запоя. Когда Кожинъ начиналъ пить, онъ дѣлался мрачнымъ и нелюдимымъ; разъ уже съ нимъ былъ этотъ припадокъ во время похода, но нашъ дружинный фельдшеръ очень скоро прекратилъ его сильнымъ пріемомъ рвотнаго. На охотѣ у Шепелева Кожинъ былъ очень веселъ, но, выпивъ наканунѣ, да подбавивъ еще при прощаньи, онъ захандрилъ и, лежа въ своей повозкѣ, началъ тянуть ромъ «гольемъ».

Мы не обратили на это вниманія, намъ было и кромѣ его много заботъ съ нашими солдатиками, безпрестанно прихварывавшими отъ усталости и хромавшими отъ скверныхъ сапогъ, которые оказались совсѣмъ негодными для дальняго похода.

Разъ пришли мы поздно вечеромъ на ночлегъ въ хорошее село, я раставилъ солдатъ по квартирамъ, а офи-

церы размѣстились въ домахъ болѣе зажиточныхъ обывателей. Кожинъ былъ сильно пьянъ, никому не было пріятно спать съ нимъ въ одной комнатѣ; мы велѣли деньщику за нимъ присматривать, а сами собрались вмѣстѣ и провели половину ночи за картами. Усталые и сонные, мы развалились тутъ-же въ повалку на свѣжемъ сѣнѣ и заснули богатырскимъ сномъ.

Утромъ насъ ожидало непріятное пробужденіе.

— Вставайте, ваше благородіе! У насъ несчастье!.. огорошилъ меня Семенъ.

— Что?.. Что такое?.. Что случилось?.. приподнимая головы, спрашивалъ я и товарищи.

— Ихъ благородіе... Вотъ его баринъ... Семенъ запнулся и указалъ на деньщика Кожина, съ испуганной физіономіей выглядывавшаго изъ двери.

— Что?.. Да говори же, чортъ!.. крикнулъ я.

— Зарѣзамшись, ваше благородіе!.. рапортовалъ деньщикъ.

Мы ахнули и вскочили; одѣваясь въ торопяхъ, мы перепутали нашу амуницію и суетились, и бранились, толкаясь въ дверяхъ, чтобы выскочить изъ дому и бѣжать на мѣсто несчастія, гдѣ уже набралось пропасть народу.

— Скотина!.. Собачій сынъ!.. Что-же ты за нимъ не смотрѣлъ?.. ругали мы деньщика.

— Виноватъ, ваше благоріе, не догадался: они запершись были, оправдывался деньщикъ.

— Какъ же вы увидали?.. Можетъ быть вы ошиблись?.. на бѣгу разспрашивалъ я.

— Никакъ нѣтъ-съ... Вѣрно, что зарѣзамшись: я вижу, что они долго не встаютъ и рому не требуютъ, усумнился, что молъ это такое? Дверь изнутри заперта, я попросилъ хозяевъ пустить меня черезъ ихъ половину въ

другую дверь... вхожу... а они всѣ въ крови-съ... совсѣмъ готовы-съ!

Растолкавъ народъ, обступившій избу, я вбѣжалъ черезъ сѣни и напоромъ плеча на дверь, еще замкнутую изнутри, сорвалъ ее съ ржавыхъ петлей.

Я все еще надѣялся спасти его... Ужасная картина представилась моимъ взорамъ: комната и постель залиты кровью... несчастный покончилъ съ собою не вдругъ; въ безсознательной алькогольной горячкѣ, онъ изрѣзалъ себя бритвою, нанося удары зря, куда попало. Наконецъ, видно, что онъ хватилъ себя по горлу и сдѣлалъ широкій разрѣзъ... Но все таки его бы можно было спасти, еслибъ вскорѣ захватили: онъ просто истекъ кровью! Смертоносная бритва такъ и застыла въ его судорожно сжатой рукѣ; сомнѣваться въ самоубійствѣ было невозможно: всѣ вещи, деньги, часы Кожина были цѣлы.

Пришлось тутъ прожить дня четыре, пока произвели слѣдствіе и дознаніе черезъ полицію. Тогда самоубійцъ не хоронили по обрядамъ церкви и намъ стоило большихъ трудовъ доказать, что Кожинъ зарѣзался въ припадкѣ бѣлой горячки.

Намъ удалось выпросить позволеніе похоронить несчастнаго на краю кладбища, но въ церковь духовенство не впустило тѣло отверженнаго самоубійцы.

Грустно и безмолвно стояли мы кругомъ могилы, пока тяжелыя глыбы сырой земли съ глухимъ звукомъ падали на крышку, наскоро сколоченнаго нашими солдатиками, гроба....

— Жалко, что не пришлось ему, голубчику, сложить свою головушку за Вѣру и Царя!.. тужили мы.

3*

III.

Перевалъ на югъ. Походныя сцены.

Чѣмъ дальше мы проникали на югъ Россіи, тѣмъ богаче становилась растительность и жарче атмосфера. Уже въ Орловской губерніи мы любовались пышными полями хлѣбовъ, а какъ перешли въ Черниговскую, то буквально потонули въ золотой пшеницѣ, доходившей выше головы взрослаго человѣка, и въ огромной травѣ, пестрѣвшей сотнями породъ южной полевой флоры. Бывало ѣду я впередъ дружины для заготовки квартиръ. Пора подъ вечеръ, жара свалила, солнце склонилось и искоса золотитъ тяжелые колосья пшеницы, слегка волнуемые вѣтромъ, доносящимъ сырую влагу съ береговъ Десны. Высоко надъ моремъ хлѣбныхъ равнинъ кружатся жаворонки, а пѣсни ихъ звенятъ и переливаются громче и мелодичнѣе, чѣмъ въ нашихъ сѣверныхъ поляхъ. Жирные перепела отъ зари до зари безъ устали кличутъ своихъ самокъ, которые притаились въ чащѣ пшеницы съ дюжинами птенцовъ, охраняя ихъ отъ отцовской прожорливости. Неуклюжіе аисты вереницами тянутся на ночлегъ къ хатамъ поселянъ, гдѣ они на кровляхъ вьютъ свои гнѣзда, раззорять которые считается грѣхомъ и предвѣщаетъ бѣду. Выше всѣхъ другихъ птицъ, какъ черная точка въ прозрачной лазури, словно недвижно лежитъ на широкихъ крылахъ степной орелъ, зоркимъ окомъ высматривая добычу... Вотъ онъ быстро, какъ камень, пущенный сверху, падаетъ въ траву и тотчасъ же опять поднимается съ зайчикомъ въ могучихъ когтяхъ.

По обѣимъ сторонамъ дороги насажены черешни, съ сочными плодами въ родѣ вишни, но ни кто не срываетъ этихъ плодовъ, которыхъ тамъ такое множество, что ими

кормятъ свиней. Изрѣдка встрѣтится скрипучій возъ, запряженный парою сѣрыхъ или бурыхъ воловъ. Напѣвая пѣсни, или посасывая коротенькую люльку, сидитъ на возу хохолъ въ бѣлой рубахѣ и торопливо сворачиваетъ своихъ флегматическихъ воловъ съ дороги, издали завидя офицерскую фуражку.

Вотъ выѣхали на гладкую равнину; за ней небольшое болото съ цѣлымъ легіономъ крикливыхъ дикихъ утокъ, гусей и лебедей, полощущихся въ высокой осокѣ и тутъ же въ средѣ суетливаго стада водяной птицы, неподвижно стоитъ на одной длинной лапѣ, поджавши другую, массивная, неуклюжая дрофа, искоса посматривающая на васъ, словно размышляя: «Что это-де за необычайный посѣтитель нашихъ странъ?»

Не смотря на спѣшный путь, сердце охотника не утерпитъ: выскочивъ изъ повозки, побѣжишь къ болоту. Раздался выстрѣлъ.... тысяча всякаго рода водяной птицы съ оглушающими криками поднимаются съ болота, въ смятеніи, безпорядочно кружится на одномъ мѣстѣ, и опять садится въ неприступные камыши. Знаешь, что застрѣлилъ пару или болѣе этой крикливой дичи, но достать нѣтъ возможности, и досадуя на себя, что безъ нужды потревожилъ миръ этой обширной птичьей колоніи, влѣзаешь опять въ тряскій экипажъ.

Издали виднѣется Малороссійское селеніе, съ живописно разбросанными бѣлыми мазанками, утопающими въ зелени садовъ. Солнце сѣло; кругомъ тишь, да гладь, да Божія благодать, только доносятся съ луговъ пѣсни косарей, торопливо хватающихъ удобную для косьбы росу. Въѣзжаемъ въ селеніе, гдѣ жинки, да дивчаты хлопочатъ объ ужинѣ, поджидая возвращенія скота съ пастбища, чтобы управившись по хозяйству, бѣжать на гульбище за околицу и прогулять тамъ всю ночь до бѣлой

зари. Какъ только разнесется вѣсть о приближеіи дружины Москалей, вся хохлатская флегма и лѣнь уступаютъ пылкому любопытству. Все селеніе оживляется, хаты на скоро убираютъ, дивчаты надѣваютъ свои праздничные наряды и плетутъ себѣ на головы свѣжіе вѣнки изъ душистыхъ полевыхъ цвѣтовъ. Косари, оставивъ спѣшную работу, возвращаются ранѣе обыкновеннаго, и въ нихъ разъигралось любопытство. Стоя у порога лучшей и самой чистой мазанки, я гляжу вдоль дороги, поджидая дружину; красавицы дивчата, шушукая и посмѣиваясь, столпились напротивъ и составляютъ прекрасную группу въ своихъ живописныхъ нарядахъ, съ распущенными косами, перемѣшанными съ пестрыми лентами и цвѣтами.

Что за красивыя лица, что за блестящіе вишневые глаза, что за пышныя формы груди и рукъ, а вмѣстѣ, что за дѣвственно-честное выраженіе.

Чу!... отдаленные звуки долетаютъ съ дороги, дивчата навострили уши... Это наша дружина съ пѣсельниками во главѣ; какъ ни устали наши солдатики, но приближаясь къ спокойному ночлегу, пріободрились и прибавили шагу. Громко гудятъ бубны и звенятъ треугольники; дружно подхватываетъ хоръ пѣсню запѣвалы, впереди всѣхъ пляшетъ, вертится и откалываетъ самые мудреные па, на пяткахъ вприсядку, нашъ ловкій и веселый Ганька-Цыганъ, когда-то потѣшавшій завсегдателей Московскихъ таборовъ въ Грузинахъ.

Отъ нечего дѣлать на дневкахъ и привалахъ, я съ Петрушей Вон....мъ занимались формированіемъ хора пѣсенниковъ, а такъ какъ къ Московской разношерстной дружинѣ можно было примѣнить стихи Пушкина:

„Какая смѣсь одеждъ и лицъ!
Племенъ, нарѣчій, состояній..."

то мы легко нашли дюжину бывалыхъ людей, какъ го-

ворится тертыхъ калачей, способныхъ скоро усвоить все, что клонилось къ забавѣ, а не къ труду; поэтому ни въ одной дружинѣ не было лучше нашихъ пѣсенниковъ, между которыми были и театральные пѣвцы съ замѣчательными голосами, особенно одинъ причетникъ, бывшій регентъ, который обучилъ намъ человѣкъ шесть пѣвчихъ такихъ, что бывало заслушаешься ихъ церковнаго пѣнія гдѣ нибудь въ сельскомъ храмѣ, куда случайно попадемъ къ обѣднѣ, или просто на привалѣ, подъ великолѣпнымъ шатромъ синей южной лазури, усѣянной тысячами звѣздъ.

Никогда не забуду я этихъ поэтическихъ ночей; подъ тихую за душу хватающую гармонію концерта Бортянскаго, наша мысль неслась далеко, далеко, въ родную сторонушку, въ свѣтлый благолѣпный храмъ Москвы бѣлокаменной, гдѣ почти всякій изъ насъ оставилъ милыхъ и дорогихъ сердцу людей, съ которыми мы не чаяли свидѣться въ этомъ мірѣ.

Гдѣ-то теперь мои бывшіе товарищи? разсѣялись по бѣлу свѣту... А многіе легли въ мрачное нѣдро матери земли, не достигнувъ желанной цѣли, или на полъ-пути къ счастью, или переживъ цѣлые ряды горя и неудачъ!..

Многихъ мы еще дорогою посѣяли по кладбищамъ либо по лазаретамъ; нашъ комплектъ быстро убывалъ: лихорадки отъ утомленія и простуды выхватывали у насъ десятки непривычныхъ къ тяжелому и далекому походу людей. Жалко и грустно было намъ, глядя на блѣдныя лица, на костлявыя, впалыя груди кашлявшихъ кровью купчиковъ, цѣховыхъ и всякихъ ремесленниковъ, попавшихъ въ непривычную среду въ такую пору жизни, когда трудно свыкнуться съ лишеніями. Совсѣмъ другое было въ дружинѣ князя Шаховскаго и прочихъ, съ которыми намъ приходилось встрѣчаться на пути, и нѣсколько времени идти вмѣстѣ, то съ одной, то съ двумя.

Тамъ народъ былъ хоть и не первой молодости, но здоровый и выносливый, потому-что набранъ былъ изъ крестьянъ.

Князь Трубецкой тоже нѣсколько времени шелъ съ нами.

Бывало на привалѣ его шуринъ, князь Шаховской, выйдя изъ своей палатки, кличетъ его по-французски.

— Alexis! venez prendre du thé...

Князь Трубецкой, стоя на порогѣ своей палатки, въ свою очередь крикнетъ ему по-русски: «А бублики есть»?

Если послѣдуетъ утвердительный отвѣтъ, то онъ тотчасъ отправляется пить чай съ бубликами, то есть по Московскому съ баранками, до которыхъ онъ былъ большой охотникъ. Вслѣдствіе этого у насъ составился обычай приглашать другъ друга на бублики. Дѣйствительно, это печенье самое удобное для похода: всякій другой бѣлый хлѣбъ портится, либо сохнетъ, либо плѣсневѣетъ, а баранки или бублики сохраняются безъ перемѣны на долгое время.

Въ Нѣжинѣ, гдѣ такъ много грековъ, мы запаслись разнаго рода пряностями, между прочимъ кофіемъ и шеколадомъ; съ недѣлю послѣ того, мы все ходили другъ къ другу пить то кофій, то шеколадъ. Нашъ скупой Ан...евъ съ удовольствіемъ угощался на счетъ товарищей; наконецъ мы пристали къ нему, чтобы онъ хоть одинъ разъ угостилъ насъ. Долго онъ отнѣкивался, потомъ уступилъ нашей просьбѣ и назначилъ день. Приходите я васъ угощу шеколадомъ... сказалъ онъ.

— Мы тогда стояли въ Малороссійской деревенькѣ; у Ан...ва былъ хозяинъ старый хохолъ-вдовецъ, отставной солдатъ, жившій одиноко и самъ себѣ готовившій пищу. Ан...въ ѣлъ съ нимъ вмѣстѣ, конечно даромъ; радушный хозяинъ не хотѣлъ брать денегъ съ военнаго, такъ какъ самъ служилъ и испыталъ походныя мытарства.

Пригласивъ насъ, Ан...въ спросилъ у хозяина, умѣетъ ли онъ варить шеколадъ, при чемъ показалъ ему плитку этого продукта и сказавъ, что ее нужно истолочь и варить съ молокомъ.

Хохолъ взялся смастерить кондитерскій напитокъ.

Въ назначенное утро являемся мы къ Ан...ву, который, въ ожиданіи насъ, набралъ у сосѣдей чашекъ да стакановъ и раставилъ ихъ на столѣ, накрытомъ холстиннымъ полотенцемъ съ пестрыми концами.

При входѣ въ хату, насъ поразилъ пріятный запахъ чего-то съѣстнаго, съ примѣсью аромата ванили.

— Ужъ не завтракъ ли ты намъ приготовилъ? спросили мы.

— Будетъ съ васъ и шеколада... отвѣчалъ Ан....въ.

— Скупой чортъ! У тебя тутъ такъ аппетитно пахнетъ... Мы вотъ сами полѣземъ въ печку и все, что тамъ найдемъ, вытащимъ да съѣдимъ... шутили мы.

— А кажу ничего нѣту; тилько щекойладъ... заявилъ старикъ-хозяинъ и вытащилъ изъ печки котелъ, изъ котораго паръ валилъ...

— Не въ чемъ больше... Посуды нѣтъ... замѣтилъ Ан....въ.

— Ничего, ничего... давай котелъ, да чумичку... и мы усѣлись вокругъ стола.

Ан....въ взялъ черпакъ и погрузилъ его въ котелъ.

Мы на перебой подставили чашки и стаканы.

Ан....въ вытащилъ черпакъ... съ огромнымъ кускомъ жирной баранины... сваренной въ молокѣ съ шеколадомъ «a la vanille...»

Мы покатились со смѣху и хохотали такъ, что бока заболѣли. Ан....въ бѣсился и ругался, а хозяинъ-хохолъ увѣрялъ, что похлебка очень вкусна.

Мы попробовали и... оказалось, что-то весьма не дур-

ное: голодъ и походъ самая лучшая приправа ко всякому кушанью. Посмѣиваясь, да поддразнивая Ан....ва, мы уписали весь котелъ и пальчики облизали. Не знаю, ѣдалъ ли кто когда подобную похлебку!.. Долго послѣ того только и было росказней, что про «щекойладъ» съ бараниной и Ан....въ не смѣлъ носу показать въ нашу компанію отъ града насмѣшекъ. Даже солдаты-москали и тѣ изподтишка посмѣивались: многіе изъ нихъ пивали сами взбитый пѣнистый шеколадъ въ знаменитой кондитерской «Люке, на Кузнецкомъ Мосту».

Съ тѣмъ же «bete noir» Ан....вымъ мы съиграли другую шутку. Пошли мы однажды на охоту и набили пропасть дичи, а онъ, какъ плохой стрѣлокъ, ничего не убилъ. Идемъ мы обратно и трунимъ надъ его неудачей; не вдалекѣ стоятъ цѣлымъ стадомъ флегматическія драхвы.

— Вотъ тебѣ дичь... говоритъ Петруша Вое....кій.

— А вкусны драхвы?.. спрашиваетъ Ан....въ.

— Очень!.. особенно старыя... пресерьезно увѣряю я.

Ан....въ началъ цѣлиться, выбравъ самаго крупнаго самца, стоявшаго немного впереди на сторожѣ.

Ан....въ прицѣливался долго и акуратно, а старикъ вожатый стада драхвъ стоялъ неподвижно, охраняя молодыхъ и самокъ; цѣль была легкая и не удивительно, что и плохой стрѣлокъ въ нее попалъ.

— Ура!.. поздравляемъ тебя съ вкусной провизіей, крикнули мы. Ан....въ торжествовалъ; онъ пыхтѣлъ, таща на себѣ свою добычу и разсчитывалъ питаться ею нѣсколько дней. Прошло дня три послѣ нашей охоты и я полюбопытствовалъ узнать, что Ан....въ сдѣлалъ со старой птицей.

— Что братецъ!... варили, варили его, жарили, жа-

рили, никакіе зубы не берутъ... и вкусъ прескверный... отвѣчалъ мнѣ разочарованный стрѣлокъ.

— Ты вѣрно не такъ его приготовилъ, утѣшалъ я его.

— Я и самъ тоже думаю: вѣрно нужно больше варить...

— Да... именно... повари его еще... совѣтовалъ я.

Говорятъ Ан....въ варилъ свою дичь цѣлую недѣлю и наконецъ рѣшился выкинуть собакамъ, которыхъ за нашей дружиной тащилась цѣлая стая.

Шли мы тихо и часто отдыхали; отъ скуки всякъ запасался звѣрькомъ, кто собакой, кто кошкой, кто пѣтухомъ; были даже любимые козлы и бараны.

Вообще наше шествіе было самое оригинальное: мы шли словно древняя Княжая дружина, во времена Удѣловъ; самая наша одежда и вооруженіе нѣсколько напоминало походы той поры.

Апполонъ Ивановичъ, любившій піитствовать, сидя въ своей телѣгѣ, писалъ цѣлые томы, по большей части тяжелыми шестистопными виршами, неуступавшими краснорѣчіемъ произведеніямъ Третьяковскаго. Содержаніе его «Одиссей» было разумѣется нашъ походъ, къ которому онъ приплеталъ самыя фантастическія, невѣроятныя похожденія. Въ каждомъ городѣ онъ отправлялъ по почтѣ отрывки этихъ «chef d'oeuvres» къ своимъ богатымъ родственникамъ и иногда получалъ отъ нихъ пособіе небольшими суммами, которыя помогали ему перебиваться коекакъ. Свою «Россинанту» этотъ крошечный «Донъ-Кихотъ» кормилъ либо подножнымъ кормомъ, либо занималъ у товарищей ячменя да пшеницы, конечно безъ отдачи...

«Россината» была здоровая, сильная лошадь, но ужасно упрамая; особенно имѣла она скверную привычку—безъ удержу скакать подъ гору и Апполонъ Ивановичъ обык-

новенно вылѣзалъ изъ телѣги заблаговременно, а если задремлетъ, или покатость представится неожиданно, то непремѣнно случится катастрофа: сѣдокъ полетитъ въ одну сторону, поклажа въ другую, а телѣга со всего разлету свалится въ оврагъ къ верху колесами.

Забавнѣе всего было видѣть нашего «Донъ-Кихота» верхомъ на своей «Россинантѣ», когда мы затѣвали въѣхать съ шикомъ въ какой-нибудь городъ или мѣстечко.

У всѣхъ нашихъ офицеровъ были порядочныя сѣдла, а у Аполона Ивановича вся сбруя была собрана изъ лычковъ да мочалокъ; поэтому, когда мы проѣзжали мимо оконъ, откуда выглядывали хорошенькія головки любопытныхъ горожанокъ, то часто раздавался серебристый хохотъ, а розовые пальчики безжалостно указывали на предметъ насмѣшекъ; но нашъ старый ловеласъ, нисколько не принимая насмѣшки на свой счетъ, приводилъ въ движеніе свои феноменальныя уши и растягивалъ тонкія губы въ самую сладкую улыбку.

На дневкахъ и ночлегахъ въ селеніяхъ, мы старались завязать знакомство съ дивчатами и жинками; Аполонъ Ивановичъ не отставалъ отъ молодежи, но всегда получалъ въ отвѣтъ: «отцѣпись!... утикай!...» то есть: отвяжись, убирайся...

Мы бывали счастливѣе и, забравшись на малороссійскія «досвитки», часто возвращались попарно, стараясь дорогою сорвать поцѣлуй со свѣжихъ, алыхъ губъ красавицъ. Особенно Петрушу любили дивчата, частью за его красивую наружность, но больше потому-что онъ владѣлъ ихъ нарѣчіемъ и зналъ ихъ пѣсни.

Собравшись ночью подъ черешнями, мы затѣвали хоръ: Петруша начиналъ, дивчата подхватывали, мы тоже старались подладиться подъ тактъ и далеко по зарѣ неслась

наша пѣсня, по большой части заимствованная у задушевнаго пѣвца малороссіи Шевченки.

Настроенные на самый поэтическій ладъ, мы глубоко чувствовали всю прелесть лѣтней южной ночи, подъ шатромъ темно-синяго небеснаго свода, чуть-чуть алѣвшаго на востокѣ, откуда тянулъ предвѣстникъ зари свѣжій вѣтерокъ, пробудивъ таинственный шопотъ вишневыхъ, сливныхъ, грушевыхъ и другихъ деревъ, которыя цѣлыми рощами окутываютъ малороссійскія селенія, замѣняя имъ лѣса и дубравы нашихъ сѣверныхъ полосъ.

Вдругъ раздается визгливая фистула Апполона Ивановича, увязавшагося за нами.

„Ой ріда, ріда, ріда!
Заризала баба діда!
Заризала, осмолила.
Щей у квасу наварила...."

Дивчата громко хохочатъ; мы досадуемъ на эту неожиданную помѣху.... Но поэтическое настроеніе улетучилось и дивчата объявляютъ, что «пора до дому». Онѣ бѣгутъ впередъ, а мы за ними.... Чу!... Смѣхъ и возня!... Звонкій поцѣлуй, тихій шопотъ и говоръ нѣсколькихъ парочекъ.

«Отцѣпись!... Утикай!...» и дивчата толкаютъ Апполона Ивановича въ крапиву либо въ яму...

Блаженная пора!... Идя почти на вѣрную смерть, мы беззаботно хватали минутное удовольствіе.... а дома.... у роднаго очага объ насъ плакали и молились старики да дѣти, воспоминаніе о которыхъ часто начатый смѣхъ превращало у насъ во вздохъ.

IV.

Колыбель христіанства. Еврейскій элементъ.

Еще въ дѣтствѣ, внимая разсказамъ странниковъ и богомольцевъ, возвратившихся изъ Кіева, я мечталъ о путешествіи къ «матери городовъ русскихъ»; но тогда желѣзной дороги туда не было, а проѣздъ былъ труденъ и дорогъ. Впослѣдствіе занятія и служба вытѣснили изъ головы воображенія живописные берега Днѣпра, таинственныя пещеры, прекрасные храмы и другія достопримѣчательности бывшей столицы Россіи, стольнаго града великаго князя Владиміра Краснаго Солнышка.

Я оставилъ какъ совсѣмъ несбыточныя мечты о путешествіи въ Кіевъ.... И вдругъ нежданно-негадано мечты мои осуществились!...

Раннимъ утромъ наша дружина остановилась на холмѣ, откуда вдругъ открылся восхитительный видъ на святой городъ и на Днѣпръ; солнечные лучи сверкали на золоченныхъ главахъ церквей города и лавры.

Мы сняли шапки и всѣ, какъ одинъ человѣкъ осѣнили себя крестнымъ знаменіемъ; мы притихли, какъ бы затаивъ дыханіе; въ этомѣ безмолвіи благовѣстъ къ обѣднѣ на всѣхъ городскихъ колокольняхъ, покрываемый густымъ и протяжнымъ гуломъ лаврскаго колокола, производилъ неизгладимое впечатлѣніе!...

Вотъ эта святыня земли Русской, откуда взошла заря Христіанства и нашего новаго братства съ Европою. Прелестная колыбель, гдѣ русскій богатырскій духъ впервые воспрянулъ для разумной жизни, все выше и выше поднимаясь въ своемъ орлиномъ полетѣ и раскидывая широкія крылья отъ Чернаго моря до Ледовитаго океана. Передъ нашимъ воображеніемъ проносятся чудесныя кар-

тины Кіевскаго величія, его испытаній, раззоренія и возрожденія, какъ феникса изъ огня развалинъ!...

Любимая народной поэзіей личность Св. Владиміра—Краснаго-Солнышка является намъ, а нераздѣльно съ нимъ и великое зрѣлище: крещеніе цѣлаго народа, напоминающее библейское сказаніе о крещеніи народа Іудейскаго въ пустынныхъ водахъ Іорданскихъ....

Прошло минутъ съ десять въ нѣмомъ и неподвижномъ созерцаніи, потомъ кто-то изъ насъ сказалъ:

— «Что-жъ, ребята?... Ура славному Кіеву!...» и окрестность огласилась громкимъ привѣтомъ всей дружины.

Размѣстившись по квартирамъ, мы выпросили у начальника дружины три дня свободы, чтобы имѣть возможность хоть вскользь осмотрѣть любопытныя мѣстности, которыя и въ три мѣсяца не выходишь и не осмотришь. Я съ Петрушей и Всеволодомъ сочли первымъ долгомъ побывать на Крещатикѣ. Когда-то тутъ, по преданіямъ, былъ берегъ Днѣпра, теперь отошедшаго на далекое пространство, оставившаго на сушѣ то мелководное дно свое, гдѣ въ X вѣкѣ народъ кіевскій стоялъ во время крещенія, кто по-поясъ, а кто и по грудь. Теперь тутъ оврагъ, поросшій зеленью и мостикъ, перекинутый черезъ ручей, бывшій притокъ Днѣпра—Почайня, на которомъ выстроена обнесенная рѣшеткою часовня съ высокою надъ ней колонною и крестомъ на вершинѣ. Оттуда мы отправились къ обѣднѣ въ лавру, а потомъ въ пещеры—достопримѣчательный памятникъ первобытной эпохи христіанства на Руси, когда еще въ нѣдрахъ земли прятались и молились послѣдователи новой вѣры, подъ страхомъ пытокъ и казней, на которыя были такъ щедры поклонники Перуна и Дажбога. Лаврскій намѣстникъ, узнавъ, что нѣсколько офицеровъ-ополченцевъ были у обѣдни, пригласилъ насъ

въ трапезу: не знаю, нарочно-ли для насъ приготовили особыя блюда, или всегда лаврская братія питается такой отличной рыбой, но, послѣ скудныхъ походныхъ харчей, монастырское хлѣбосольство показалось намъ роскошью. О. намѣстникъ много разспрашивалъ насъ о первопрестольной столицѣ Москвѣ, а при прощаньѣ благословилъ насъ небольшими иконами разныхъ угодниковъ; мнѣ досталась икона Св. Владиміра, почему я тутъ-же далъ обѣтъ, если господь сохранитъ меня въ походѣ живымъ и невредимымъ и если я когда-либо женюсь—назвать своего первенца Владиміромъ. Замѣчательно, что впослѣдствіи я женился на урожденкѣ Владимірской губерніи, которая, переселяясь на жительство съ своей родины въ Москву, также дала обѣщаніе, если выйдетъ замужъ—назвать своего перваго сына—Владиміромъ, что меня убѣждаетъ въ божіемъ предопредѣленіи или «судьбѣ», какъ называютъ тѣ, кто въ дѣлахъ провидѣнія видитъ игру слѣпаго случая.

Въ Кіевѣ насъ аттаковало израильское племя и съ той поры отъ насъ не отставало. Чѣмъ дальше мы проникали въ Кіевскую губернію, а въ послѣдствіи и въ Бессарабскую область, тѣмъ чаще намъ пришлось и имѣть дѣло съ «цестными ивреями», къ которымъ я съ того времени возъимѣлъ непреодолимую антипатію. Какъ только мы останавливались въ городкѣ или селеніи, тотчасъ являлась грязная личность въ длинномъ балахонѣ, въ сальной тюбетейкѣ на головѣ и вьющимися изъ подъ нея традиціонными пейсами. Не говоря уже о костюмѣ, особый запахъ и не вырождающійся ни въ какой сферѣ іудейскій типъ предупреждалъ насъ, что слѣдуетъ держать «ухо остро»; но не смотря на осторожность, много мы побросали, какъ говорится зря, денегъ этимъ хитрымъ сводчикамъ и аферистамъ; зато много-же и доставалось имъ отъ насъ насмѣшекъ, брани и проклятій. Не только офицеры,

но и солдаты испытали на себѣ острые когти этихъ ястребовъ; сначала они дурачили нашихъ ребятъ, а потомъ, когда ребята стали опытнѣе, то и сами стали надувать жидовъ, хвастаясь своими проказами и считая за обязанность насолить алчнымъ, продажнымъ эксплуататорамъ добрыхъ и довѣрчивыхъ хохловъ. Если мы входили въ мѣстечко на ночлегъ въ субботу, ополченцы наши заранѣе посмѣивались и собирались понагрѣть руки. Обыкновенно они освѣдомлялись у обывателей, много-ли у нихъ жидовскихъ хатъ и гдѣ именно. Сидятъ себѣ евреи на вечерней молитвѣ, съ заповѣдями Моисея, въ кубышкахъ привязанныхъ ремнями на лбу и рукѣ, раскачиваясь и уставивъ глаза на зажженныя въ высокихъ мѣдныхъ подсвѣчникахъ свѣчи. Дверь тихо отворяется и входитъ ратникъ-ополченецъ.

— Здорово хозяева! привѣтствуетъ онъ.

Евреи молчатъ, продолжая раскачиваться и шептать молитвы. Ополченецъ садится и терпѣливо ждетъ. Молитва кончена и глава семьи съ сѣдыми пейсами и крючковатымъ носомъ спрашиваетъ:

— Азе цто тебѣ нузно, слузивенькій!

— Да вотъ иду мимо, вижу свѣчи горятъ: значитъ шабашъ, ну и зашелъ, не надоть-ли свѣчи погасить, объясняетъ ратникъ.

— Нузно, нузно, добродію.... радуется хозяинъ и его семья. Какъ извѣстно, евреи сами не могутъ въ субботу погасить свѣчи и обыкновенно просятъ сосѣда христіанина зайти свѣчи погасить и двери запереть; а если никто не придетъ и свѣчей не погаситъ, то вся еврейская семья будетъ сидѣть до тѣхъ поръ, пока свѣчи сами погаснутъ.

— На чаекъ бы надоть съ васъ... говоритъ москаль.

— Вонъ тамъ у полки монета... возьми поцтенный...

— Ну спасибо... и москаль-ополченецъ шаритъ на полкѣ; потомъ одну за другой гаситъ свѣчи.

Послѣдняя свѣча почадила и погасла; вся хата погружается во мракъ... Москаль шаритъ по полкамъ и по стѣнамъ: «Ахъ, батюшки! совсѣмъ забылъ гдѣ двери-то у васъ»... говоритъ онъ.

Жиды толкуютъ ему: «прямо слузивенькій, либо на право, либо на лѣво»... Москаль все еще не находитъ выхода, причемъ иногда натыкается на самаго хозяина и будто-бы нечаянно стаскиваетъ съ его головы тюбетейку, причемъ плюетъ и съ досадой ворчитъ:

— Что это за притча, господи Іисусе!...

Еврейская семья волнуется. «Ази позалуста, поцтенный, не говори этого», проситъ Шмуль или Ицка, или Янкель.

— Ну, ну ладно... Прощайте!... и наконецъ ратникъ уходитъ, такъ хлопнувъ дверью, что вся хата трясется.

— Бозе израилевъ, какой москаль невѣза... слышитъ за собой солдатикъ, но, посмѣиваясь въ свои щетинистые усы, улепетываетъ съ разнымъ жидовскимъ скарбомъ: подсвѣчники, одежда, кострюли, въ которыхъ они варятъ свои опрѣсноки и все, что зоркіе солдатскіе глаза успѣли высмотрѣть, пока жиды доканчивали свой шабашъ, все подбирается въ темнотѣ ловкими руками и прячется въ заранѣе приготовленный мѣшокъ.

Утромъ, чѣмъ свѣтъ, дружина выступаетъ. Проснувшись послѣ шабаша, цестный иврей съ ужасомъ недосчитывается шабашныхъ подсвѣчниковъ, кострюль, новаго балахона, туфлей... Сарры и Ципоры не доискиваются лучшихъ аттрибутовъ своего туалета и кидаются съ жалобами къ Срулямъ и Лейбамъ... Тѣ выскакиваютъ на улицу, визгливо крича: «зи гвалтъ»... Сбѣгается все еврейское населеніе, ахая и разсказывая о своихъ общихъ

потеряхъ: «ой, вай миръ!... это зе москаль хапнулъ!... ихъ зе надо догнать... нацальницу залобу подать...» рѣшаетъ старикъ раввинъ.

Жиды поспѣшно запрягаютъ своихъ клячъ и настегиваютъ ихъ... Догнавъ дружину, жалобщики кидаются къ первому попавшемуся имъ ротному командиру.

— Вельможный пане!... Ваше Зіятельство!... кричатъ жиды скороговоркою, мы цестные ивреи... Вази москали звѣци гасили и насе имусцество хапнули... объясняютъ они.

Крутя усомъ и пыхтя трубкою, ротный важно и серьезно спрашиваетъ одного изъ болѣе назойливыхъ жалобщиковъ: «ты обвиняешь моихъ ополченцевъ въ кражѣ твоихъ свѣчей?...»

— Не звѣци, пане вельмозный... позвѣцники, балахонъ, платокъ моей Сарры... тараторилъ жидъ.

— Гмъ... Гмъ!.. Хорошо, прекрасно!... ты обвиняешь въ кражѣ... но узнаешь-ли ты вора въ лицо? допрашиваетъ офицеръ.

Жидъ увѣряетъ, что узнаетъ. По приказанію офицера, ратники выстраиваются въ рядъ. Жидъ смотритъ во всѣ глаза и разумѣется, какъ онъ, такъ и его товарищи не узнаютъ похитителя; всѣ эти москали на одно лицо, усы у того были черные, а у этихъ торчатъ все рыжіе, какъ новая мочалка... Недоумѣвая, Сруль заикается: «Обыскъ бы, Ваше Зіятельство»...

— Что?... грозно возвышаетъ голосъ ротный. Обыскъ! когда ты даже вора не призналъ... Обыскъ всей ротѣ!.. Да ты съ ума сошелъ, чтобы я изъ твоихъ глупостей всю роту останавливалъ здѣсь въ полѣ... Да ты все врешь... ты хочешь осрамить нашихъ ребятъ!... Это клевета!...

— Вретъ, ваше благородіе, вретъ... хочется срывку цапнуть... подтверждаютъ ребята.

Жиды съеживаются и бормочатъ: «пане вельмозній...»

— Прочь съ дороги, морды жидовскія! распоряжаются ундера, расталкивая Шмулей да Срулей.

— Жалуйтесь мѣстнымъ властямъ, да смотрите, за клевету сами не попадите въ острогъ!... говоритъ ротный, наморщивъ брови и кусая усы, чтобы не расхохотаться надъ уморительными рожами, которыя скорчили жиды, оставшіеся «на бобахъ».

Дружина трогается; пѣсельники забористо отхватываютъ трепака, бубны и треугольники звѣнятъ... Жиды стоятъ и долго, долго провожаютъ отчаянными взорами багажныя фуры, гдѣ, по ихъ убѣжденію, лежатъ ихъ шабашные подсвѣчники и прочее добро...

— Бестіи!... ворчитъ ротный, вынимая изъ кармана часы. Десять минутъ остановки по пустякамъ...

— Вздуть бы ихъ анафемовъ надоть, Ваше Благородіе, глубокомысленно поддакиваетъ деньщикъ на козлахъ.

— Чортъ съ ними!... махнувъ рукой говоритъ ротный и, окидывая разсѣяннымъ взоромъ прекрасныя картины окружающей природы, забываетъ эту глупую исторію.

А какъ только остановится дружина на дневку въ слѣдующемъ мѣстечкѣ, солдатики, отыскавъ «цестныхъ евреевъ», продаютъ имъ цапнутые подсвѣчники и другія вещи, предупреждая таинственнымъ шопотомъ: «хапаные...» а до подобныхъ предметовъ темнаго происхожденія евреи очень падки, особенно-же содержатели шинковъ и корчемъ, обыкновенно стоящихъ на околицѣ либо совсѣмъ одиноко на большой дорогѣ, завлекая путника въ свои грязныя, темныя ловушки.

Въ одномъ мѣстечкѣ вотъ какую штуку съигралъ нашъ москаль съ зажиточнымъ корчмаремъ.

Пришла дружина въ сумерки; одинъ удалой солдатикъ, разнюхивая въ родѣ лягавой сабаки, не пахнетъ ли дичью

увидалъ, что молодая красивая еврейка загоняла въ курятникъ жирнаго индюка и трехъ индюшекъ, замѣтивъ при томъ, что курятникъ запертъ не замкомъ, а просто засовомъ. Какъ совсѣмъ стемнѣло, ратникъ осторожно вошелъ въ курятникъ, снялъ съ насѣсти индюка, зажавъ ему рукою клювъ, чтобы онъ не кудахталъ.

Лейба сидитъ со своей Рахилью и считаетъ дневной «гешефтъ», полученный имъ отъ проданной «горилки».

Легкій стукъ въ дверь и Лейба навостряетъ уши.

«Кто тамъ»? спрашиваетъ онъ сквозь дверь.

«Солдатъ.... вещь хочу продать», отвѣчаютъ ему снаружи. Лейба осклабляется. «Я говорилъ маскалямъ: тащите ко мнѣ вещу»!... и онъ отворяетъ дверь.

«Иди».... приглашаетъ онъ солдата.

«Нѣтъ»!... иди ты сюда.... вещь-то хапанная, таинственно сообщаетъ солдатъ.

Выходитъ жидъ.... вокругъ темь непроглядная.

«Вотъ пѣтухъ.... въ томъ мѣстѣчкѣ, хапнулъ у корчмаря».... и солдатъ суетъ пѣтуха жиду въ руки.

Лейба ощупываетъ птицу и взвѣшиваетъ на рукахъ.

«Зирный»!... одобряетъ онъ.

«Жирный, молодой».... поддакиваетъ москаль и запрашиваетъ за индюка «два карбованца».

Лейба торгуется, прибавляя по грошамъ. Нѣсколько разъ солдатъ дѣлаетъ видъ, что уходитъ, но жидъ его возвращаетъ и наконецъ торгъ порѣшаютъ на «карбованцѣ».

Индюкъ переходитъ во владѣніе своего хозяина.

«Приносить еще куръ?... тоже хапанныя, у моихъ товарищей есть»?... кладя деньги въ корманъ спрашиваетъ солдатъ.

«Принеси, принеси!...» и Лейба осторожно поднимается по шаткой лѣстницѣ на чердакъ, куда и сажаетъ птицу.

«Теперь у насъ два индюка, надо продать одного сосѣднему пану».... говоритъ Лейба своей Рахили, кормящей грудью меньшаго шестаго ребенка.

Четверть часа спустя, опять стукъ въ дверь, опять Лейба ощупываетъ хапанную индюшку и плотитъ за нее «полъ-карбованца». Заперѣвъ и ее на чердакъ, Лейба докладываетъ Рахили, что у нихъ прибавилась индюшка. Такимъ же образомъ и остальныя индюшки переносятся съ насѣсти изъ курятника на чердакъ.

Утромъ дружина ушла. Рахиль любопытная, какъ и всѣ дочери Евы, проводивъ послѣднюю фуру за околицу, возвращается домой и, взявъ пшеницы, лѣзетъ на чердакъ покормить купленныхъ птицъ.... Но тамъ ихъ нѣтъ и дверь отворена.... Рахиль кидается въ курятникъ.... и тамъ пусто....

«Лейба!... Лейба!... дуракъ.... оселъ.... ты купилъ своихъ индюшекъ.... да и тѣхъ москаль хапнулъ»... завопила Рахиль.

Лейба въ ужасѣ бѣжитъ въ курятникъ, вскарабкивается на чердакъ.... но убѣждается, что онъ дѣйствительно «дуракъ и оселъ».

Догонять дружину нечего и думать: какъ-же жаловаться, если самъ виноватъ, что покупалъ завѣдомо краденное?...

Прошло недѣли двѣ. Мѣстечко, гдѣ Лейба корчемничалъ съ своей Рахилью, осталось далеко за нами. Както на привалѣ, возлѣ общаго котла, наши ополченцы смѣясь разсказывали этотъ анекдотъ. Я услыхалъ и передалъ товарищамъ. Вскорѣ объ этомъ узнали и офицеры другихъ дружинъ, которыя шли тогда съ нами, и всѣ хохотали отъ души.

«A voleur-voleur et demie», сказалъ князь Трубецкой. Мы обѣщали десять карбованцевъ тому, кто такъ

ловко перехитрилъ жидовскую алчность, но благоразумный москаль не откликнулся, а товарищи солдаты не выдали его тайны....

Имя хитреца, перехитрившаго «честнаго еврея», осталось для потомства неизвѣстнымъ.

V.

Степныя картины. Бендеры и конецъ похода.

Мы были на рубежѣ хлѣбородной полосы, со степной безотрадной стороною. Двѣ картины тамошней природы особенно рѣзко выдѣляются изъ моихъ воспоминаній.

Прекрасныя зрѣлыя нивы, засѣянныя кукурузою и арнауткою.... Вторая жатва готова.... Виноградники, увѣшанные темнофіолетовыми гроздами, обѣщаютъ обильный сборъ. Мы идемъ и любуемся плодородіемъ земли сравнительно со скудной производительностью нашихъ сѣверныхъ нивъ, гдѣ часто и сѣмянъ не собираютъ....

Жара!... Солнце стоитъ перпендикулярно, какъ красный шаръ безъ лучей; воздухъ колеблется словно надъ раскаленной, желѣзной плитою, давитъ грудь густой тяжелой массою и захватываетъ дыханіе.... Хотя бы капля влаги.... Трава, давно не увлаженная росою, хруститъ подъ ногами.... Вонъ вдали на гаризонтѣ является темное пятно, постепенно расширяясь. «Славу Богу», радуемся мы, пойдетъ дождь и освѣжитъ удушливую атмосферу, напоитъ тучныя нивы, ободритъ надежды поселянина!...

Такъ разсуждаемъ мы, не понимая зловѣщей силы приближающейся тучи; но привычные жители: малороссы казаки, нѣмецкіе колонисты, молдоване, калмыки, вмѣс-

то радостнаго ожиданія, приходятъ въ отчаянье, и, глядя со слезами на свою богатую жатву, ждутъ ея внезапной и неизбѣжной гибели! Не проливнаго дождя несетъ имъ эта темная туча, уже покрывшая полъ-небосклона, а тотъ ужасный бичъ природы, отъ котораго человѣческая мудрость еще не нашла спасенія — «саранчу»....

Въ нѣмомъ ужасѣ слѣдимъ мы взорами за живой массою несчетныхъ милліоновъ насѣкомыхъ....

Глухой гулъ все ближе да громче!... И вотъ саранча опускается, падаетъ намъ на головы, облѣпляетъ лошадей и фуры, покрываетъ землю на огромное постранство, почти мгновенно въ глазахъ нашихъ пожирая эту завидную жатву, которой мы только что любовались..., Черезъ часъ или два, весь ландшафтъ измѣняется: тамъ, гдѣ было обиліе, благодать и счастіе, теперь голая безжизненная пустыня!... Напрасно стаи птицъ съ пронзительными криками несутся за саранчею, уничтожая ее въ огромномъ количествѣ!... Напрасно мы топчемъ ее ногами всей дружины!...

Много верстъ послѣ того идемъ мы по опустошенному краю и надоѣдаетъ намъ топтать эту гадкую саранчу, въ слой которой колесы фуръ и ноги лошадей вязнутъ въ иномъ мѣстѣ на полъ-аршина....

«Правду пословица говоритъ: на чужой каравай—рта не разѣвай».... соглашаются наши москали.

«Нѣтъ-то лучше нашей сторонушки», вздыхаютъ подмосковные поселяне: «лѣтомъ не жарко, а зимою хоша и морозно, за то топи, сколько душѣ въ мѣру.... Рожь хоша не самъ-сто, а самъ-шесть родится, за то гадина поганая на нее не накидывается, всякое зернышко въ закромъ попадаетъ»....

«Опять же лѣсъ и вода», замѣчаютъ иные «куда не глянь—зелено!... сердце радуется подъ шумокъ нашей

густой сосны, либо кудрявой березы; вездѣ рѣчки, ручьи да болоты такъ и сверкаютъ на солнышкѣ; а тутъ что?... степь, голь, ни кустика, ни ручейка»....

«Всякому своя мила сторона», возражаютъ хохлы и казаки; «бывали у васъ въ вашей-то холодной сторонѣ.... лѣсъ кругомъ густой, темный; нигдѣ ни однаго древа съ плодами, только шишки еловыя!... а въ лѣсу-то звѣрье лютое, страшное: волки да медвѣди, да еще что хуже звѣрья: удалыя разбойники»....

«Полно вамъ врать», спорятъ наши ребята. «Волковъ мы не боимся, а про разбойниковъ николи не слышимъ; въ вашихъ степяхъ-то ихъ не въ примѣръ больше»....

Ближе къ осени стало для ходьбы удобнѣе, чѣмъ въ несносныя лѣтнія жары. Увядшая было, сожженная огнеными лучами солнца зелень опять ожила. Поля «кавуновъ» роскошно растилаютъ свои плети по землѣ, гдѣ во множествѣ лежатъ огромные, зеленые арбузы. Коли хозяинъ тутъ—за два корбованца онъ накормитъ «кавунами» всю дружину; а нѣтъ вблизи селенія—жажда не свой братъ!... И безъ хозяина москали наберутъ арбузовъ, напьются его сочнымъ, розовымъ мясомъ, да еще на дорогу натычатъ этихъ-же кавуновъ на штыки.

«Стой!... Привалъ».... Живо котелъ привѣшанъ на таганѣ; но гдѣ-жь дрова? кругомъ безлѣсныя равнины!.... хоть бы соломы, но жатва уже собрана....

Садятся на упряжныхъ лошадей верхомъ и ѣдутъ розыскивать топлива; вотъ виноградники: зрѣлыя грозды фіолетовыми кистями живописно обвиваютъ тычинки. «Отлично!... наѣдимся винограду, а хворостинъ наберемъ на дрова...» рѣшаютъ ополченцы, не придавая ни какого значенія тонкимъ тычинкамъ да колышкамъ, привыкши въ своихъ родныхъ лѣсистыхъ сторонушкахъ съ презрѣніемъ откидывать ихъ, очищая отъ сучьевъ

сосновый да осиновый «десятерикъ и двѣнашникъ». Набравъ здоровую охапку, ратники возвращаются къ мѣсту стоянки. Скоро веселый огонекъ, потрескивая, любовно лижетъ, да цѣлуетъ дно и края огромнаго котла, гдѣ кипитъ солдатская кашица.... Принимаются за обѣдъ....

Вдругъ крики и шумъ!... Оскорбленные хохлы приносятъ жалобу офицерамъ на похищеніе тычинокъ и требуютъ вознагражденіе: по три карбованца за каждую «хворостину».... а ихъ подъ котломъ сожжено болѣе пятидесяти!...

«Три цѣлковыхъ за хворостину въ палецъ!... удивляются солдаты и негодуютъ на хохловъ». Вы тутъ хуже жидовъ лупите!... Мы вѣдь люди походные: за Вѣру и Царя идемъ, свои животы не щадимъ; не умирать же намъ безъ горячаго хлебово.... А вы?... за эдакую дрянь карбованцы насчитываете!... Бисовы дѣти, жадные.... Приходите-ка къ намъ подъ Москву, мы вамъ за каждую вашу тычинку по десятерику съ нашимъ удовольствіемъ дадимъ»....

Хохлы въ недоумѣніи чешутъ за ухомъ: «на турку на татарву паганую идемъ».... толкуютъ они между собою и уходятъ, утѣшая себя тѣмъ, что для отечества не пожалѣли дорогихъ, издали привезенныхъ тычинокъ....

Когда мы перевалили въ Бессарабскую область, растительность постепенно становилась тощѣе и наконецъ пошли безводныя, безлѣсныя степи, покрытыя колкимъ густымъ бурьяномъ, представляющимъ сѣдое волнующееся море безъ береговъ и конца, сливающееся съ сѣрымъ, сумрачнымъ гаризонтомъ. Изрѣдка степи разнообразятся стадами бурныхъ киргизскихъ барановъ, головъ въ пять тысячъ и болѣе, подъ охраною одного коннаго пастуха; либо косякомъ въ тысячу и болѣе дикихъ неѣзжанныхъ коней, которые, завидя насъ, фыркаютъ, взъероша гривы

и несутся по степи съ оглушительнымъ ржаніемъ, подгоняемые киргизами въ остроконечныхъ шапкахъ и съ длинными пиками въ рукахъ.

Мгновенно возмутившееся степное безмолвіе, когда вдали заглохнетъ глухой топотъ этихъ вольныхъ коней, вновь вступаетъ въ свое нелюдимое уединеніе; опять все пусто и мертво кругомъ, степной вѣтеръ безотрадно гудитъ, пролетая порывами по безпрепятственной аренѣ, навѣвая на нашихъ москалей скуку и тоску по родинѣ.

— Вѣрите ли, ваше благородіе, все сердце выболѣло, жалуются наши солдатики, хоть бы на войну попасть скорѣе, а то что мы тутъ зря саранчу-то давимъ, да по пустынѣ, словно евреи, путаемся?.. Тамъ люди добрые сражаются, по крайности пользу приносятъ, и умираютъ-то хорошо, со славою... а мы вотъ безъ дѣла лихорадкой изнываемъ... Вотъ не чаяли мы себѣ такой участи... Дай-то Господи скорѣе на врага натолкнуться... руки чешутся!..

Увы!.. не суждено было страстному желанію нашихъ солдатъ исполниться: натолкнуться на врага, чего и мы, офицеры, не менѣе солдатъ добивались.

Прибывъ въ Кишиневъ, мы вздохнули свободнѣе, увидавъ себя въ средѣ живой дѣятельности красиваго города; послѣ мертвящаго степнаго покоя, Кишиневъ показался намъ оазисомъ, на берегу веселой бурливой рѣки Быка, съ бѣлыми, красивыми домиками, окутанными въ свои пышные сады, которые гнулись подъ бременемъ плодовъ, наводнявшихъ мѣстные рынки вкуснымъ черносливомъ, подъ названіемъ молдаванскаго, развозимаго по всей Россіи.

Тутъ мы услыхали свѣжія вѣсти съ театра войны: о сдачѣ Севастополя, о курскомъ ополченіи, со славою лег-

шемъ костьми на полѣ брани *)... И мы рвались душою отомстить за рѣзню товарищей!..

Совсѣмъ неожиданно мы получили назначеніе, которое повергло насъ въ самое печальное разочарованіе. До Кишинева мы шли съ надеждою попасть на мѣсто военныхъ дѣйствій и вдругъ получаемъ приказъ занять караулъ въ крѣпости Бендеры...

Офицеры заволновались и рѣшились просить о переводѣ въ дѣйствующую армію, но пока состоится переводъ, все-таки надо было идти въ эту крѣпость, о которой намъ сообщили много неутѣшительнаго.

Намъ оставалось всего 58 верстъ пути, а тамъ — отдыхъ!.. Но этотъ отдыхъ казался намъ теперь хуже утомительныхъ пройденныхъ нами 1,300 верстъ.

Прощай кочевая, походная жизнь!.. Прощайте добродушные малороссы, съ вашей флегматической лѣнью и широкимъ хлѣбосольствомъ! Прощайте жиды съ вашими неопрятными корчмами, прѣлымъ запахомъ и алчностью къ гешефту!.. Прощайте казаки, остатокъ воинственнаго, славнаго племени! Прощайте нѣмцы-колонисты, съ вашей честностью и лоснящейся чистотою!.. Прощайте молдаване, съ своими глиняными хатами, устланными прекрасными пушистыми коврами, сотканными изъ овечьей шерсти собственныхъ безчисленныхъ стадъ!.. Прощайте калмыки съ узкими глазами и остроконечными шапками, какъ вихрь несущіеся въ слѣдъ необозримыхъ косяковъ дикихъ вольныхъ коней!..

Выпивъ здравицу молдованскимъ бѣлымъ ромомъ, который вкругъ домашняго очага тянутъ и отцы семей, и ихъ старшіе сыновья, и женщины, дѣвушки, даже малые ребятишки... Закусивъ традиціонными блинами...,

*) 27-го августа 1855 г. на Малаховомъ Курганѣ.

вздохнувъ по странствованію нашему въ безпредѣльныхъ степяхъ черниговскихъ, кіевскихъ и бессарабскихъ, мы замкнулись въ скучной, однообразной крѣпостной обстановкѣ.

Входя въ Бендеры, мы были охвачены томительнымъ бездѣйствіемъ; самый видъ мрачной крѣпости удвоилъ наше уныніе. Повѣся головы, принялись мы за осѣдлую жизнь, за карты, вино, за новости о войнѣ.

Шли мы отъ Москвы до Бендеръ ровно «сто дней», оставивъ третью часть нашихъ ратниковъ по пути въ разныхъ госпиталяхъ и на кладбищахъ.

Оборванные, мрачные, измученные дотащились мы осенью до мѣста своего назначенія и простояли тутъ зиму въ одуряющей скукѣ...

Весна здѣсь начинается рано: еще въ началѣ марта насъ порадовали веселые, свѣтлые деньки. Мы снова стали надѣяться, что съ весною насъ двинутъ на подкрѣпленіе дѣйствующей арміи; прошелъ мартъ, наступилъ апрѣль и все ожило, зазеленѣло; Днѣстръ розлился, понесъ на своихъ быстрыхъ, голубыхъ водахъ легкіе рыбачьи челноки и тяжелые баржи съ хлѣбомъ.

Еще съ конца марта стали ходить неясные, но упорные слухи о мирѣ... Эти слухи приводили насъ въ отчаяніе!.. Какъ!.. Не понюхавъ пороховаго дыму, не видавъ ни одного сраженія, возвратиться на родину къ прежнимъ обыденнымъ занятіямъ?.. На то ли мы шли?.. На то ли надѣялись?.. Гдѣ-жь эта слава, эти лавры и «Егорій», о которыхъ мы мечтали?...

ГЛАВА VI.

Миръ. Севастополь. Одесса. Возвращеніе домой.

Однажды мы были на крѣпостныхъ стѣнахъ и присматривали за земляными работами, исполняемыми частью арестантами, частью нашими ребятами.

Вдругъ прибѣжалъ впопыхахъ мой старикъ Семенъ.

— Ваше благородіе! Богъ радости даетъ!.. Замиреніе!.. крикнулъ онъ еще издали.

У рабочихъ и лопаты изъ рукъ повыпали.

— Чтобъ тебѣ типунъ на языкъ!.. привѣтствовали мы нежеланную вѣсть.

Семена окружили и стали разспрашивать.

— Сейчасъ нарочный къ коменданту прискакалъ, сообщилъ онъ намъ.

Мы оставили дежурнымъ Аполлона Ивановича, а всѣ остальные офицеры гурьбой отправились къ коменданту крѣпости маіору Ольшевскому.

— Поздравляю васъ, господа, съ окончаніемъ войны: миръ заключенъ 11-го апрѣля *), объявилъ онъ намъ.

Мы встрѣтили это оффиціальное извѣстіе мрачно и безмолвно... У многихъ слезы навернулись на глазахъ.

— Надо выпить, господа!... Гей, шампанскаго!... крикнулъ маіоръ Ольшевскій, стараясь разсѣять нашу грусть.

Мы вздохнули и неохотно чокнулись. Не такой тостъ желали-бы мы провозгласить и осушить кубокъ до дна за побѣду Россіи... Но фактъ совершился, и не въ нашей волѣ было измѣнить неисповѣдимые пути Провидѣнія!... Солдаты-ополченцы иначе смотрѣли на это извѣстіе и съ

---

*) 1856 года.

большимъ удовольствіемъ ждали приказа о распущеніи ополченія.

— Надоѣло намъ, ваше благородіе, безъ толку и безъ настоящаго дѣла тутъ жить: домой тянетъ, сгрустнулись небойсь по насъ бабы, да ребятишки... говорили эти воины, оставившіе за собою женъ и по полдюжинѣ ребятъ.

— А пуще всего въ московскіе трактиры-то васъ тянетъ, ворчали мы, и также нетерпѣливо ждали распущенія ополченій и отпуска на всѣ четыре стороны.

Но еще нѣсколько мѣсяцевъ пришлось намъ проскучать въ Бендерахъ, прежде чѣмъ вышла намъ отставка.

Оставляя навсегда югъ Россіи, мы непремѣнно хотѣли побывать въ многострадательномъ Севастополѣ и въ Одессѣ. Простившись съ комендантомъ Ольшевскимъ, обнявъ своихъ сотоварищей, дѣлившихъ вмѣстѣ и горе и нужду и всѣ мытарства походнаго быта, я, Петруша, и Всеволодъ выѣхали изъ Бендеръ.

Мы поспѣшили посѣтить мѣсто печальнаго для Россіи жертвенника, гдѣ столько храброй, чистой крови ея защитниковъ вытекло на алтарѣ искупленія.

— Отольется-ли имъ когда нибудь эта кровь? спрашивали мы другъ друга и твердо вѣрили, что наступитъ для Россіи торжественный день, что возмездіе рано или поздно выростетъ и окрѣпнетъ...

Почти годъ прошелъ съ историческаго 27-го августа 1855 года, а слѣды погрома еще были свѣжи. Ужасно было взглянуть на груды развалинъ, на изрѣшечанныя стѣны, на взрытую бомбами да гранатами почернѣвшую отъ огня почву... Ужаснѣй того было слышать отъ очевидцевъ подробности о погибшихъ «тутъ герояхъ» во время одиннадцати мѣсячнаго сидѣнія на кратерѣ вулкана,

изрыгавшаго огонь, желѣзо и смерть!.. Вотъ знаменитый Малаховъ курганъ, гдѣ въ полдень, 27-го августа 1855 года, явилось ненавистное, вражье знамя!.. Тутъ-то, гдѣ мы теперь стояли, на обломкахъ укрѣпленія происходилъ жестокій бой, въ которомъ пало столько жертвъ и погибло почти все курское ополченіе!.. Еще и теперь намъ казалось, что изъ подъ нашихъ ногъ вставалъ кровавый паръ и взывалъ объ отдачѣ долга нашимъ противникамъ.

Тяжелъ этотъ долгъ, но когда нибудь Россія уплатитъ его сполна, да еще и съ процентами...

Мы посѣтили обширное кладбище, прозванное «Братской могилой»... Тысячи храбрыхъ спятъ тамъ мирнымъ, безпробуднымъ сномъ вѣчности и вѣчной славы о ихъ геройской оборонѣ.

Тогда еще надъ ихъ прахомъ не было ни храма, ни пышныхъ памятниковъ, а были простые деревянные кресты безъ надписей... Да и какое перо напишетъ полную, живую эпопею не менѣе славную, чѣмъ «Пѣснь объ осадѣ Трои?..» Кто тотъ великій поэтъ, который увѣковѣчитъ въ безсмертныхъ стихахъ «Русскихъ Троянъ», чтобы пѣлись ихъ подвиги изъ рода въ родъ?..

Отслуживъ скромную панихиду «о братіяхъ во брани убіенныхъ», мы покинули знаменитую мѣстность съ тяжелымъ впечатлѣніемъ.

Къ осени мы прибыли въ Одессу и прожили въ ней довольно долго, въ ожиданіи присылки денегъ съ родины, для обратнаго путешествія. Въ Одессѣ въ ту пору было множество офицеровъ всякихъ полковъ и разныхъ націй. Много было и раненыхъ, но по большей части уже выздоравливающихъ, которые могли уже участвовать въ общественныхъ увеселеніяхъ, и также, какъ и мы, пытались заглушить болѣзненно-грустныя воспоминанія несбывшихся надеждъ.

Побывали мы и на батареѣ Щеголева, молодого человѣка, почти юноши, успѣвшаго съ горстью храбрыхъ товарищей отстоять независимость порта и заставить удалиться непріятельскій флотъ.

Во второй разъ я увидалъ море... Прелестное Черное море... Черное только по названію, но прозрачно-голубое въ дѣйствительности, какъ то южное небо, которое смотрится въ него, какъ въ огромное зеркало, несмотря на глубокую осень, сохранившее свою красоту и свободу отъ ледяныхъ оковъ...

По цѣлымъ днямъ я бродилъ по берегу, избѣгая людныхъ набережныхъ, я удалялся на пустынное взморье; пѣнистыя волны съ глухимъ ропотомъ разсыпались мелкими брызгами о камни, или тихо разливались по мокрому песку. Послѣдній солнечный лучъ, прорѣзавъ синюю тучу, бросалъ золотую полосу по безпредѣльному пространству неугомонной, вѣчно тревожной стихіи; тысячи искръ мгновенно рождались и тотчасъ исчезали на гребняхъ волнъ, принимавшихъ самыя неуловимыя, фантастическія, разнообразныя формы. Мало по малу горизонтъ темнѣлъ; одинъ за другимъ загорались фонари на судахъ, лежащихъ на пристани; ярче и ярче освѣщался городъ. Я кидалъ прощальный взглядъ на потемнѣвшее море и уходилъ въ Европейскую гостинницу, гдѣ меня уже ждали друзья. Пообѣдавъ въ общей залѣ, перекинувъ партію на билліардѣ, мы обыкновенно отправлялись въ итальянскую оперу, а по окончаніи спектакля разъѣзжались по гостепріимнымъ веселымъ пріютамъ: танцы, карты и шампанское до самаго утра занимали праздное время людей всякихъ сословій и національностей. Не разъ встрѣчались мы носъ съ носомъ съ англичаниномъ или французомъ и, безсильно сжимая кулаки, удалялись изъ непріятнаго общества. Однако наши противники не такъ враждебно от-

носились къ намъ, какъ наши братья — поляки!.. Одесскіе поляки совсѣмъ не были похожи на московскихъ поляковъ; въ Москвѣ они слились въ общую русскую семью, а въ Одессѣ они стоятъ особнякомъ и ни одна національность не обнаруживала тогда явнаго недоброжелательства къ нам русскимъ; какъ мы ни старались познакомиться съ польскими семействами, но всякая наша попытка къ сближенію отражалась съ неприступной гордостью и почти-что съ презрѣніемъ. Не только ихъ дома были замкнуты для русскихъ, но они еще распускали въ обществѣ самыя несправедливыя на насъ нападки. Польская недоброжелательность проявлялась даже въ самой мелочной и глупой формѣ. По пріѣздѣ въ Одессу мы втроемъ съ Всеволодомъ и Петрушей наняли хорошую и просторную квартиру въ домѣ польскаго негоціанта, который былъ тогда въ отсутствіи, а по пріѣздѣ разсердился на своего управляющаго, зачѣмъ пустилъ русскихъ офицеровъ. Но дѣлать было нечего: мы заплатили за мѣсяцъ впередъ и получили росписку, такъ что выгнать насъ было невозможно; тогда нашъ хозяинъ панъ Р......кій началъ дѣлать намъ прижимки, отказалъ въ дровахъ, обобралъ мебель и даже отнялъ двѣ комнаты. Мы смѣялись и на зло жили, не особенно нуждаясь въ мебели и лишнихъ комнатахъ.

Передъ отъѣздомъ, получивъ изъ дому деньги, мы затѣяли устроить пирушку; знакомые намъ офицеры составили подписку, а какъ наша квартира была лучшая, то и рѣшили сдѣлать балъ у насъ. Г. Р......кій, узнавъ о нашей затѣи, ужасно взволновался и прислалъ своего управляющаго сказать намъ, что «не дозволяетъ устраивать въ своемъ домѣ оргіи». Мы вспылили и отвѣчали, что не нуждаемся въ его дозволеніи.

Вечеръ начался; собралось общество офицеровъ и дамъ

лому-свѣта, которыми такъ богата Одесса. Заиграла нанятая нами музыка и мы принялись за танцы.

Внезапно является полицейскій чиновникъ и заявляетъ намъ, что хозяинъ боленъ и шумной музыки слышать не можетъ, поэтому чтобы мы прекратили балъ.

Разумѣется, мы послали и полиціанта и пана Р...каго къ чорту, а между тѣмъ, нежелая ввязываться въ скандалъ, я пошелъ въ сосѣдній домъ, гдѣ были прекрасныя просторныя залы, и просилъ отъ имени всѣхъ моихъ друзей позволенія дошировать въ послѣдній разъ, прощаясь съ Одессою, предлагая при томъ за помѣщеніе заплатить, сколько угодно. Хозяинъ дома, богатый греческій негоціантъ, весьма вѣжливо отклонилъ уплату и предложилъ тотчасъ-же перевести и нашу музыку и всѣ атрибуты вечеринки въ его залы.

Мы воспользовались предложеніемъ съ признательностью: всякій изъ насъ взялъ что нибудь, канделябру, бутылку, чайный сервизъ, блюдо съ кушаньемъ, посуду, даже карты съ мѣлками и щетками, все немедленно переселилось на новую квартиру. Наконецъ перешли и мы подъ ручку съ нашими дамами, составивъ по улицѣ оригинальный «Полонезъ». Музыка вновь загремѣла, веселыя пары понеслись въ вальсѣ съ новымъ жаромъ; послѣ получасовой остановки нашъ «переносный балъ» продолжался до разсвѣта и кончился лишь тогда, когда не могли стоять на ногахъ отъ усталости и шампанскаго. Еще мы спали, какъ убитые послѣ бала, какъ вдругъ насъ разбудилъ Семенъ радостнымъ извѣстіемъ: снѣгъ вышалъ на четверть, что составляетъ рѣдкость въ Одессѣ, гдѣ снѣгъ хоть и идетъ зимой, но тутъ-же таетъ. Вскочивъ съ постелей, мы кинулись къ окнамъ; пріятное для сѣвернаго жителя зрѣлище представилось нашимъ взорамъ:

вся окрестность была бѣла и снѣгъ продолжалъ валить хлопьями.

«Саней, саней!..» крикнули мы, и поспѣшили добывать этотъ мало употребляемый на югѣ экипажъ. Съ трудомъ отыскали мы нѣсколько сломанныхъ санишекъ, собрали, связали ихъ раздробленные члены, запрягли въ русскую упряжь, тройками съ колокольцами да бубнами, и, пригласивъ своихъ вчерашнихъ дамъ, весело понеслись на взморье. Прелестна и упоительна была эта ѣзда по свѣжему дѣвственному снѣгу, занесенному сѣвернымъ вѣтромъ, быть можетъ изъ родной Москвы!... Колокольчики гудѣли, бубенцы разсыпались мелкой дробью, коренныя, почуя легкій санный путь, бѣжали крупной рысью, не нуждаясь въ поощреніи, пристяжныя едва уносили постромки, обсыпая насъ мягкими, рыхлыми комьями снѣга, летѣвшими прямо намъ въ лицо. Разгорѣвшіяся отъ удовольствія одесскія красавицы смѣялись и вскрикивали, когда комья снѣга попадали въ ихъ румяныя щечки; онѣ жаловались на стужу при точкѣ замерзанія и мы тщательно укутывали ихъ своими шинелями.

Пріѣхавъ на взморье, мы предложили дамочкамъ прогулку пѣшкомъ; пошли по парно и такъ загулялись, что не замѣтили внезапную перемѣну атмосферы; выглянуло солнце, ветѣръ взялъ другое направленіе и подулъ съ моря... Увы!.. Пріятный, рѣдкій гость, нашъ славный русскій снѣгъ не устоялъ... быстро началъ онъ таять, размокшая почва жадно всасывала серебристый покровъ, превращая его въ грязныя лужи... Ноги наши стали вязнуть, дамскіе подолы приняли весьма непривлекательный видъ и мы поторопились возвратиться къ нашимъ санямъ, но оказалось что ѣхать въ нихъ по землѣ невозможно!... Пришлось нанимать извощиковъ съ колесными экипажами. Разумѣется съ насъ содрали въ три-дорога и

этотъ призракъ русской зимы на югѣ кончился весьма неудачно.

Простясь съ Одессою, мы отправились въ обратный путь, который ужъ не такъ занималъ наше любопытство, какъ тогда, когда все было для насъ ново и все такъ восхищало насъ въ южной природѣ. Кромѣ того была пора года, самая неудобная для путешествія: дожди, слякоть и грязь такая невылазная, что во многихъ мѣстахъ приходилось ѣхать шагомъ на волахъ, съ трудомъ вытаскивавшихъ свои привычныя, сильныя ноги изъ липкой, черной массы, въ которую превратилась прекрасная, плодоносная почва. Наконецъ мы добрались до губерній средней полосы, гдѣ зима уже вступила въ свои права, и путь нашъ сталъ легче и быстрѣе.

Въ Калужской губерніи мы не хотѣли проѣхать мимо имѣнія гостепріимнаго Шепелева, не заѣхавъ къ нему. Петруша нетерпѣливо ждалъ свиданія съ хорошенькой Надей: его разсѣявшаяся было любовь готова была снова вспыхнуть; онъ даже признался мнѣ, что если симпатія Нади не измѣнилась, то онъ намѣренъ объясниться съ ней и сдѣлать предложеніе.

Къ сожалѣнію, Надя поторопилась и не дождалась возвращенія своего «cavaliér servant»... Мы попали на ея свадьбу съ сосѣднимъ богатымъ, толстымъ помѣщикомъ... Петруша былъ шаферомъ у невѣсты и съ горемъ пополамъ выпилъ бокалъ шампанскаго за здоровье молодыхъ...

Все ближе да ближе къ цѣли... и вотъ наконецъ въ туманной дали вечерней зари выступила изъ бѣлаго фона панорама родной столицы...

Солнце ужъ закатилось, но лучи его еще горѣли на золотыхъ главахъ и крестахъ церквей...

«Слава Богу!... дома!... живы и здоровы!..» вздох-

нули мы и все пережитое нами въ походѣ словно оторвалось и кануло въ вѣчность!... «Сто дней» тяжелаго пути отъ Москвы до Бендеръ промелькнули, какъ сонъ, ничего болѣе не оставивъ намъ, кромѣ темы разсказа у домашняго очага...

М. П.

Библіографическій указатель.

Книги историческаго содержанія на русскомъ языкѣ.

Уложеніе царя и великаго князя Алексѣя Михайловича и Земскій Соборъ 1648—1649. Загоскинъ. Казань. 1879.

Недавно, по поводу произведенія г. Загоскина (ист. права Москов. госуд.), мы высказали недовѣріе—въ чемъ представили тогда и доказательства—къ такимъ трудамъ молодыхъ ученыхъ, которые захватываютъ, если не цѣлую науку, то по крайней мѣрѣ цѣлый ея отдѣлъ, безъ предварительной монографической разработки. Теперь передъ нами новый трудъ того же ученаго, трудъ монографическій о предметѣ первостепенной важности въ области нашего права объ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича, составляющемъ первое звѣно въ исторіи нашего дѣйствующаго законодательства. Въ виду такого значенія этого юридическаго памятника мы въ правѣ ожидать отъ нашихъ ученыхъ юристовъ всесторонней и вполнѣ добросовѣстной его разработки, но къ сожалѣнію литература его до сихъ поръ остается не очень вѣской. Первымъ объ Уложеніи заговорилъ, какъ помнится, Строевъ, потомъ профессоръ московскаго университета Морошкинъ въ 1839 году, и затѣмъ мы имѣемъ труды Кавелина, Пахмана, Владимірскаго-Буданова, но всѣ эти

труды касались, кромѣ труда Кавелина *), внѣшней стороны памятника. Только въ послѣднее время труды гг. Шпилевскаго, Щапова и Сергѣевича отчетливо намѣтили дорогу, по которой долженъ идти будущій изслѣдователь Уложенія. Такимъ изслѣдователемъ является теперь г. Загоскинъ.

Судя по заглавію можно было-бы ожидать отъ новаго труда — трактата обширнаго, обнимающаго собою, если не анализъ содержанія, то по крайней мѣрѣ всю внѣшнюю сторону, состоящую въ точномъ опредѣленіи порядка составленія и изданія Уложенія, но авторъ однако ограничивается лишь однимъ выясненіемъ участія земщины, довольствуясь только упоминаніемъ о другихъ вопросахъ.

Прежде у нашихъ ученыхъ существовало, можетъ быть даже и теперь держится у многихъ, мнѣніе, что Уложеніе есть вполнѣ плодъ дѣятельности правительства, что проэктъ его былъ выработанъ коммиссіей подъ предсѣдательствомъ князя Одоевскаго, а выборные на соборѣ ограничивались только пассивной ролью молчаливаго утвержденія. На эту пассивную роль какъ будто дѣйствительно указываютъ и подлинныя слова самаго источника: «чтобъ его государское царственное и земское дѣло съ тѣми со всѣми выборными людьми *утвердити* и на мѣрѣ поставити». Но послѣдніе труды Шпилевскаго, Щапова и въ особенности Сергѣевича выяснили и доказали, что роль выборныхъ была гораздо шире, что имъ принадлежала иниціатива многихъ (именно 19) статей Уложенія.

Мнѣніе Сергѣевича раздѣляетъ г. Загоскинъ; послѣдній идетъ еще далѣе и доказываетъ, что коммиссіи вовсе и не было поручено составленія въ видѣ окончательной редаціи законодательнаго сборника. Мы съ удовольствіемъ соглашаем-

*) Впрочемъ г. Кавелинъ въ прекрасномъ сочиненіи своемъ „Основныя начала русскаго судоустройства и гражданскаго судопроизводства", изданномъ въ 1844 г., исходитъ отъ Уложенія, но не подвергаетъ его спеціальному изслѣдованію.

ся, что доводы автора вѣски и убѣдительны. Приведя нѣсколько доказательствъ изъ эпохи XVI и XVII вѣковъ о непосредственномъ вліяніи земства на законодательство, авторъ объясняетъ, что въ трудные моменты государственной жизни, въ смутныя времена общественнаго нестроенія, когда русскіе люди несли тяжелыя жертвы для возстановленія погибавшаго строя, верховная власть обращалась къ различнымъ классамъ для совѣщанія (земскіе сборы) и отвѣтомъ на такія обращенія служили подаваемыя на соборахъ государю челобитныя — откуда, по мнѣію автора, и должна была явиться инициатива законодательныхъ мѣръ. Руководясь этимъ взглядомъ, авторъ находитъ участіе земщины въ составленіи Уложенія уже не въ 19-хъ статьяхъ, а въ 82-хъ, изъ которыхъ 24 статьи составились только при участіи земцовъ, а 58 по инициативѣ ихъ. Приведемъ примѣръ: въ 1648 г.: „били челомъ... всѣ выборные люди отъ всей земли.... чтобъ государь указалъ у патріарха.... у монастырей... вотчинныя земли взять на себѣ государя". Это челобитье послужило основаніемъ 42-й статьи XVII главы Уложенія: „впредь съ нынѣшняго уложенія патріарху и митрополитомъ и архіепископомъ и епископомъ и въ монастыри ни у кого родовыхъ и выслуженыхъ и купленыхъ вотчинъ не покупати, и въ закладъ не имати, и за собою не держати, и по душамъ въ вѣчной поминокъ не имати ни которыми дѣлы».

Признаемся, мы не совсѣмъ понимаемъ сдѣланнаго авторомъ различія участія отъ челобитныхъ. Если земцы, какъ думаетъ и самъ авторъ, должны были для введенія въ проэктъ новаго законодательнаго опредѣленія (58) подавать челобитныя, то не исчерпывается-ли ими и участіе земства?

Въ концѣ своего трактата авторъ занялся разсмотрѣніемъ вопросовъ, чисто внѣшнихъ, о продолжительности засѣданій собора, о порядкѣ составленія и наконецъ объ изданіяхъ Уложенія. По мнѣнію его изданій Уложенія было не одно, какъ думали прежде, а два, изъ которыхъ второе отличается измѣненіемъ текста нѣкоторыхъ статей по предметамъ, касающимся религіозной стороны. Изъ этого можно вывести заключеніе,

что измѣненія произошли вслѣдствіе настояній патріаха Никона, этого жаркаго *исправителя книгъ*. Почему-же второе изданіе было замаскировано, то это объясняется легко тѣмъ шумомъ, какой въ то время возбудило исправленіе церковныхъ книгъ, а еще болѣе, вѣроятно, изъ нежеланія дигиредитовать постановленія, только что такъ торжественно утвержденныхъ государемъ и всѣмъ соборомъ.

Дѣлая общій выводъ изъ всего сказаннаго, мы подойдемъ къ признанію за г. Загоскинымъ заслуги большаго выясненія участія земства въ законодательствѣ и въ увеличеніи числа статей, состоявшихся на основаніи челобитень. Заслуга, конечно, негромадная, но она подаетъ надежду, что авторъ не остановится на этомъ, а пойдетъ дальше, занявшись серьезной разработкой архивныхъ источниковъ.

Провинціальныя собранія во Франціи при Людовикѣ XVI и ихъ политическая роль. И. В. Лучицкаго, Кіевъ, 1879 г. (Публичная лекція, читанная 25 февраля 1879 г.).

Въ послѣднее время замѣчается нѣкоторое литературно-ученое движеніе въ нашей провинціальной печати. Наши университетскіе города подарили насъ нѣсколькими рѣчами, занявшими довольно видное мѣсто. Еще прежде появленія сочиненія г. Загоскина объ Уложеніи, въ Кіевѣ 25-го февраля профессоромъ Лучицкимъ прочитана была публичная рѣчь о французскихъ провинціальныхъ собраніяхъ при Людовикѣ XVI. Конечно, въ этой рѣчи странно было-бы искать какой нибудь самостоятельной разработки, при такой громадности западной литературы объ этомъ предметѣ, но нельзя не отдать справедливости умѣнью автора вести разсказъ, выдѣлить и выяснить главныя вліяющія событія и придать имъ именно то значеніе, которое они дѣйствительно имѣли.

Очень мѣтко обрисована авторомъ неспособность правительства Людовика XVI къ правильной оцѣнкѣ процесса нормальнаго политическаго развитія націи и вслѣдствіе то-

го неспособность же къ принятію своевременныхъ необходимыхъ реформъ. Вмѣсто того, чтобы честно и открыто дать возможность своевременно высказаться народнымъ нуждамъ и потребностямъ, дать гарантію личнымъ и имущественнымъ правамъ, что, безъ сомнѣнія, отвратило бы революцію, правительство Людовика XVI ограничивалось однѣми полумѣрами, ни къ чему не ведущими, постоянно противорѣчащими другъ другу и только раздражающими.

А между тѣмъ въ предвѣстникахъ недостатка не было. Еще при самомъ вступленіи Людовика XVI на престолъ, парижская палата сборовъ заявляла королю о необходимости выслушать націю и учредить провинціальныя представительныя собранія, а знаменитый Тюрго высказывалъ ему же слѣдующія замѣчательныя мысли: «Самое главное зло нашего народа заключается въ томъ, что у него нѣтъ никакой конституціи, которая бы допускала отдѣльныя личности въ общественной дѣятельности, предоставляя имъ извѣстную долю самостоятельности. Отсюда происходитъ съ одной стороны то, что всѣ постоянно ждутъ приказовъ и безъ приказа не позаботятся даже о себѣ, а съ другой стороны мы видимъ отсутствіе всякихъ общественныхъ интересовъ; существуютъ исключительно частные интересы. Отсюда вытекаетъ необходимо отсутствіе патріотизма, а также отрицательное отношеніе ко всякому государственному бремени, ко всякой государственной обязанности. Нельзя не обратить вниманія точно также и на то, что это зло происходитъ отъ отсутствія общественнаго образованія, которое бы сдѣлало человѣка гражданиномъ, которое бы дало ему возможность составить себѣ понятіе объ общественныхъ отношеніяхъ съ заключающимися въ нихъ правами и обязанностями. Такимъ образомъ слѣдуетъ заботиться объ устройствѣ учрежденій, которыя должны вызвать къ жизни общественные интересы» и т. д.

Тюрго, не касаясь политической реформы, предлагалъ немедленно же ввести хотя финансовое самоуправленіе въ видѣ приходскихъ, окружныхъ и провинціальныхъ собраній,

но король, любившій впрочемъ Тюрго и убѣжденный въ его добросовѣстности (я вижу, говорилъ Людовикъ, что только я и Тюрго любимъ народъ), подъ вліяніемъ придворныхъ, запугивавшихъ его конечной гибелью, не далъ проэктамъ никакого движенія и даже уволилъ самого Тюрго отъ министерскаго поста.

Общественное положеніе не улучшалось: законодательная власть продолжала находиться исключительно въ рукахъ государя, а администрація независимою внѣ всякаго контроля общественнаго представительства. Произволъ господствовалъ, личныя права гражданъ не обезпечены, ссылки и аресты административнымъ порядкомъ продолжали вооружать всѣхъ противъ произвола, чѣмъ объясняется разрушеніе Бастиліи при первомъ взрывѣ революціи. Неудовольствіе росло и распространялось, и король уже самъ прибѣгаетъ къ реформамъ, предложеннымъ Неккеромъ, которые въ сущности тѣже, что и Тюрго, но только еще болѣе обрѣзаны, еще болѣе стѣснены центральнымъ наблюденіемъ, даже и въ финансовомъ мірѣ. Вводятся провинціальныя собранія по проэкту Неккера въ Берри, Гіенѣ, Муленѣ и Бурбонэ, но вводятся не охотно, какъ мѣра, опасная для государства. Какъ не охотно вводились эти полумѣры видно изъ того, что при первомъ же столкновеніи провинціальнаго собранія съ интендантомъ (въ родѣ губернатора), Неккера уволили, а дальнѣйшее введеніе реформъ пріостановлено.

Послѣ нѣкольких лѣтъ возбужденно-напряженнаго состоянія и нѣсколькихъ попытокъ, впрочемъ, неудачныхъ, министровъ Колонна и Бріена, финансовый кризисъ еще болѣе обостряетъ неудовольствіе. Отъ произвольныхъ расходовъ и хищничества государственная казна оказалась истощенной и государству грозило банкротство. Тогда только Людовикъ XVI рѣшился созвать генеральные штаты,—но было уже поздно. Открытые раньше, они могли-бы предотвратить народное движеніе, но послѣ стольких лѣтъ они были увлечены общимъ раздраженіемъ.

Такова поучительная и правдивая картина, которую нарисовалъ намъ профессоръ Лучицкій.

Русская историческая журналистика.

„Русская Старина". Январь, Февраль, Мартъ и Апрѣль, 1880 г.

Какъ видно редакція «Русской Старины» владѣетъ неистощимымъ запасомъ разнаго рода записокъ и матеріаловъ. Безспорно, мемуары, письма и записки частныхъ лицъ составляютъ одинъ изъ важныхъ историческихъ источниковъ, но пользованіе ими должно быть съ крайнею осторожностью. Каждый частный человѣкъ, записывая современныя ему явленія, или передаетъ свой субъективный взглядъ, или, подчиняясь вліянію окружающей среды, смотритъ на нихъ съ господствующей точки зрѣнія. Стоять выше современной страстности — удѣлъ весьма не многихъ, да притомъ и эти немногіе все таки вносятъ свои индивидуальныя черты, сложившіяся подъ дѣйствіемъ различныхъ обстоятельствъ въ своеобразныя формы, далеко отходящія отъ истины. Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда сказатель событій былъ самъ очевидцемъ или дѣйствующимъ лицомъ, даже и въ этихъ случаяхъ было-бы глубокимъ заблужденіемъ придавать его извѣстіямъ полную достовѣрность. Въ каждое повидимому самое безпристрастное современное сказаніе вносится не малая частичка злости, зависти и т. п. сродныхъ человѣчеству слабостей. Чего же ожидать отъ авторовъ ужь явно пристрастныхъ? А между тѣмъ эти-то послѣдніе болѣе всего нравятся большинству читателей (въ особенности, если въ сказаніи примѣшаны пикантные скандальчики), подсказывая имъ, что вотъ-де и великій человѣкъ былъ, а такой-же дурной, какъ и мы грѣшные, если еще не хуже. Гдѣ же авторитеты? Гдѣ же безкорыстное служеніе идеалу? И сколько зачернено и запачкано такими сплетничьими мемуарами добрыхъ, уважаемыхъ именъ и сколько ими ни за что, ни про

что поколеблено прекрасныхъ вѣрованій, а вмѣсто ихъ внесено шатости и крайняго скептицизма.

Высказывая, что мы нисколько не отрицаемъ исторической важности мемуаровъ, но пользованіе ими, повторяемъ, должно быть крайне осторожное. По нашему мнѣнію, каждое изданіе мемуаровъ необходимо должно сопровождаться подробнымъ объясненіемъ редакціи: кто именно былъ авторъ, каково было его общественное положеніе, какая среда его воспитала и подъ какими вліяніями образовался взглядъ автора; объясненія такого рода тѣмъ болѣе необходимы, что весьма многіе изъ читателей, совершенно не знакомые съ авторомъ, готовы вѣрить ему безусловно на томъ именно только основаніи, что записки помѣщены въ историческомъ сборникѣ, стало быть не могутъ быть недостовѣрными. Въ виду этого-то обстоятельства желалось бы, чтобы почтенная редакція «Русской Старины», занимаясь преимущественно или, лучше сказать, почти исключительно изданіемъ записокъ, обставляла ихъ всѣми тѣми необходимыми свѣдѣніями, которыми устанавливается на нихъ правильный взглядъ, и сопровождала критической оцѣнкой. Но, къ сожалѣнію, этотъ весьма существенный элементъ, почтенной редакціей часто совершенно упускается изъ виду.

Къ числу интересныхъ историческихъ матеріаловъ принадлежатъ и помѣщенныя въ январской, мартовской и апрѣльской книжкахъ «Русской Старины» 1880 г., переписка покойнаго императора Николая Павловича съ графомъ Дибичемъ въ августѣ 1828 года, и переводъ записокъ принца Евгенія Виртембергскаго о войнѣ Россіи съ Турціей въ 1828 же году, вышедшихъ въ Берлинѣ еще въ 1862 году (Aus dem Leben des Kaiserlichen Generals der Infanterie Prinzen Eugen von Würtemberg. Aus dessen eigenhändigen Auszeichnungen so wie aus dem schriftlichen Nachlasz seiner Adjutanten gesammelt und herausgegeben won Helldorff, General-Major (Berlin. Viertes Theil), но, кажется, до сихъ поръ еще непереведенныхъ на русскій языкъ.

Передъ переводомъ редакція предпослала такія коро-

тенькія біографическія свѣдѣнія объ авторѣ принцѣ Евгеніѣ, что изъ нихъ нисколько не выясняется значеніе записокъ. Изъ записокъ видимъ, напримѣръ, что принцъ былъ самого невыгоднаго мнѣнія о графѣ Дибичѣ, но читатель не знаетъ на сколько такое мнѣніе безпристрастно и почему въ немъ такъ сильно отзываются личныя непріязненныя отношенія. По мнѣнію автора графъ Дибичъ не только не былъ знатокомъ военнаго дѣла, но даже лишенъ былъ чуть-ли не всякихъ первоначальныхъ понятій о военной наукѣ, былъ честолюбцемъ, возвысившимся хитрыми интригами. Въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ авторъ говоритъ напримѣръ: «на очереди стоялъ быстрый переходъ черезъ Балканы. Генералъ Жомини не замедлилъ обратить вниманіе на необходимость этого движенія, замѣтивъ въ тоже время, что онъ долженъ посовѣтовать Императору поручить начальство этою экспедиціею весьма рѣшительному и опытному начальнику. Жомини отлично зналъ, что легкое выполненіе этой задачи, а равно и трудность ея и сопряженныя съ нею опасности—вполнѣ зависятъ отъ выбора начальника. Я (т. е. принцъ Евгеній Виртембергскій) подозрѣваю, что Императоръ колебался въ своемъ рѣшеніи и былъ готовъ склониться на сторону Жомини, но одна мысль, что порученіе это могло быть возложено на меня, переполошила Дибича и онъ пустилъ въ ходъ всевозможныя уловки, чтобы разстроить этотъ планъ». Слѣдовательно планъ быстраго перехода черезъ Балканы не исполнился единственно вслѣдствіе интригъ Дибича, понимавшаго притомъ всю основательность проэкта, такъ какъ самъ же исполнилъ его въ слѣдующемъ году!

Далѣе авторъ продолжаетъ: «уѣзжая (изъ арміи въ Одессу), Государь обѣщалъ возвратиться подъ Варну. Если бы онъ, уѣзжая въ Одессу, увезъ съ собою *главнаго виновника* всѣхъ недоразумѣній, то можно было-бы еще надѣяться на лучшій оборотъ дѣлъ, но Дибичъ (въ то время начальникъ Императорскаго главнаго штаба), *желая воспользоваться походомъ 1828 года для своихъ личныхъ выгодъ*, остался при Главнокомандующемъ и связалъ ему руки».

Наконецъ авторъ выводитъ на графа Дибича обвиненіе въ подсылкѣ къ нему, принцу, шпіона для надзора за всѣми его дѣйствіями. Не ясно-ли видна въ этихъ и подобныхъ этимъ строкахъ личная неп ріязнь, помимо военнаго соперничества, а между тѣмъ почтенная редакція „Старины" не потрудилась, хотя бы мимоходомъ, критически коснуться сущности этихъ отношеній. Мало того, она даже внесла отзывъ принца Виртембергскаго въ свою характеристику графа Дибича: „Наружность Дибича была изъ самыхъ непривлекательныхъ: малорослый, тучный, съ большою головой на короткой шеѣ. Одеждою своею онъ не занимался и былъ неловокъ въ обращеніи. Рѣчь его неясная и отрывистая затрудняла людей, рѣдко имѣвшихъ съ нимъ сношенія. Какъ у большинства людей, хорошія качества въ Дибичѣ перемѣшаны были съ дурными (а развѣ у меньшинства одни только хорошія или одни дурныя?), оставившими на немъ, въ нѣкоторыхъ современникахъ, весьма недобрую память. Кипучесть нрава (за которую одно высокопоставленное лицо прозвало его самоваромъ) соединялось въ немъ — какъ часто встрѣчается—съ добродушіемъ и гуманностью. Относительно подчиненныхъ онъ былъ справедливъ и доступенъ; къ собственнымъ служебнымъ обязанностямъ относился вполнѣ честно и добросовѣстно. Темною стороною его характера былъ избытокъ честолюбія. Для униженія мнимыхъ или дѣйствительныхъ соперниковъ, онъ (по свидѣтельству принца Евгенія Виртембергскаго) не гнушался иногда прибѣгать къ проискамъ весьма неблаговиднаго свойства".

Подобная характеристика только сбиваетъ съ толку читателя. Какимъ образомъ совмѣстить происки съ добродушіемъ, справедливостью, честнымъ и добросовѣстнымъ отношеніемъ къ своему дѣлу?? Намъ кажется, что слѣдовало бы къ отзыву принца Евгенія Виртембергскаго отнестись критически, провѣрить другими свидѣтельствами, а не вносить его прямо цѣликомъ въ окончательный приговоръ о такомъ историческомъ лицѣ. Неужели предметъ не стоилъ бы труда просмотрѣть внимательно всѣ біографіи Дибича?

Точно также встрѣчаемся еще и съ другимъ страннымъ мнѣніемъ редакціи (стр. 99 № 1), приписывающей неудачныя дѣйствія графа Дибича въ польскую кампанію 1831 года наступленіемъ періода упадка его силъ физическихъ и нравственныхъ. Мы полагаемъ на оборотъ, упадокъ физическихъ и нравственныхъ силъ произошелъ отъ неудачнаго хода кампаніи, а отчего явился этотъ неудачный ходъ — это другой вопросъ...

Изъ записокъ принца Евгенія Виртембергскаго мы узнаемъ весьма любопытное извѣстіе о томъ, что и въ то время, передъ войной 1828 года, у многихъ компетентныхъ лицъ господствовало мнѣніе о необходимости начатія войны съ большой массой войскъ, изъ которой часть за отдѣленіемъ нѣкоторыхъ отрядовъ, для блокированія и осадъ крѣпостей и другихъ стратегическихъ мѣстъ, могла бы быть прямо двинута за Балканы. Но это мнѣніе тогда не было принято, и кампанія началась только съ $7^1/_2$ дивизіями, чѣмъ и объясняется неудачный ходъ войны перваго года. Раздробившись на мелкія части, наша армія должна была терпѣть постоянный уронъ, не будучи въ состояніи предпринять какого-нибудь рѣшительнаго дѣйствія. Казалось бы подобный опытъ могъ бы служить полезнымъ указаніемъ и для послѣдней нашей кампаніи, но мы видимъ и въ недавно оконченной войнѣ тѣже прежнія ошибки, стоившія намъ лишней крови и лишнихъ денегъ. Впрочемъ мы предоставляемъ судить объ этомъ лицамъ, болѣе насъ свѣдущимъ въ военномъ дѣлѣ, которымъ доступны были высшія соображенія. Во всякомъ случаѣ мы рекомендуемъ читателямъ, не знакомымъ съ оригиналомъ записокъ принца Виртембергскаго, прочитать этотъ отрывокъ, тѣмъ болѣе, что переводъ сдѣланъ довольно тщательно.

Что же касается до писемъ покойнаго государя Николая Павловича, то хотя въ историко-военномъ отношеніи они и не имѣютъ особеннаго значенія, но составляютъ драгоцѣнный памятникъ тѣхъ теплыхъ и деликатныхъ отношеній,

съ которыми покойный государь обращался къ лицамъ, особенно заслужившимъ его довѣріе.

Въ каждой почти журнальной книжкѣ встрѣчаются статьи, помѣщенныя такъ себѣ для балласта. Вѣроятно ради такой надобности редакція „Русской Старины" помѣстила въ своей январской книжкѣ анекдоты, записанные г. Богуславскимъ. Большинство изъ нихъ давно уже извѣстно и не имѣютъ никакого значенія. Приведемъ въ доказательство анекдота два, характеризующіе всѣ остальные:

„Вмѣсто уволеннаго въ началѣ 1850 года, по болѣзни, изъ министерства народнаго просвѣщенія графа Уварова, назначенъ былъ министромъ бывшій товарищъ министра князь Ширинскій-Шихматовъ, а на его мѣсто опредѣленъ Авраамій Норовъ, безногій. Ни новый министръ, ни товарищъ его не славились умомъ и свѣдѣніями по предмету просвѣщенія. Князь Меньшиковъ, узнавъ объ этомъ назначеніи, сказалъ: «и прежде просвѣщеніе тащилось у насъ, какъ лѣнивая лошадь, но все таки было на четырехъ ногахъ, а теперь стало на трехъ, да и то съ норовомъ". Или другой, напримѣръ: „Графъ Закревскій, послѣ восемнадцатилѣтней отставки, былъ назначенъ московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, и вскорѣ послѣ этого, при освященіи дворца, получилъ прямо орденъ св. Андрея, не имѣя ни Александровской, ни Анненской звѣзды, ни Владиміра 1-й степени". Чему удивляться, — сказалъ Меньшиковъ, — что вольтижерка Лежаръ скачетъ черезъ ленту, когда Закревскій на старости перескочилъ черезъ двѣ".

писатели, другихъ—писатели новые съ Пушкинымъ во главѣ (какъ критика 20-хъ годовъ отнеслась къ Пушкину, объ этомъ сказано во второй главѣ). Скажемъ теперь нѣсколько словъ о критикахъ начала кумовства и кармана. Нѣтъ нужды замѣчать, что главнымъ его представителемъ былъ Булгаринъ. Такъ, въ его изданіяхъ постоянно расхваливались произведенія Греча.

При разборѣ „Учебной книги россійской словесности" послѣдняго сказано было, что это сочиненіе во всѣхъ отношеніяхъ достойно особеннаго вниманія не только литераторовъ, но и всѣхъ благомыслящихъ читателей, ревностныхъ къ пользѣ наукъ и словесности; далѣе говорилось, что разбираемый трудъ *полезенъ* собраніемъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ, *поучителенъ* важностію предмета, *занимателенъ* разнообразіемъ повѣствованія, *драгоцѣненъ*, потому что единственъ въ своемъ родѣ, и наконецъ *необходимъ* для всякаго, кто чувствуетъ благородную любовь къ отечеству, кто радѣетъ объ его славѣ, и для кого памятники похвальныхъ подвиговъ его соотечественниковъ и просвѣщеніе Россіи столь же любезны, какъ собственное благо. Тутъ же было замѣчено, что книга продается въ Петербургѣ, въ типографіи надв. сов. Греча и во всѣхъ книжныхъ лавкахъ, по 25 рублей.

Выше было сказано, что въ критическихъ статьяхъ 20-хъ годовъ встрѣчалось много переводныхъ. Въ этихъ послѣднихъ встрѣчалось много серьезныхъ разборовъ и интересныхъ фактовъ. Обратимъ вниманіе на послѣдніе. Остановимся на одной изъ такихъ критическихъ статей, разборѣ книги подъ названіемъ „Подземный міръ" или основныя мнѣнія объ удобообитаемой и обитаемой внутренности земнаго шара. Лейпцигъ. 1828 г. (Die Unterwelt etc.). Въ разборѣ сообщается, что ближайшимъ поводомъ къ этому сочиненію было воззваніе въ газетѣ, издававшейся въ Луивилѣ, въ Миссури, которое гласило такъ:

Къ человѣческому роду.

„Я утверждаю, что земля пуста и внутри удобообитаема.

Она содержитъ твердыя сферы, одну въ другой и при полюсахъ на 12—16° открыта. Въ удостовѣреніе сего, ручаюсь жизнію и готовъ искать отверстія, если угодно подкрѣпить меня. Я желаю съ десятью отважными спутниками по льду отправиться изъ Сибири на саняхъ, запряженныхъ оленями. Обѣщаю найти, если только проѣдемъ далѣе 82 градуса, страну теплую и богатую, изобилующую растеніями и животными, а въ слѣдующую весну возвратиться". Клервесъ Симнесъ изъ Огіо, капитанъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ.

Эта смѣлая мысль была причиною появленія въ Германіи сочиненія, въ которомъ нѣмецкая ученость обнаружила всю свою геогностическую фантазію. Въ разборѣ говорится, что ученый авторъ былъ давно наведенъ на изложенную въ его сочиненіи мысль догадками, возбужденными Вернеромъ, Кювье и Стефенсомъ, о внутреннемъ свойствѣ земнаго шара, о горахъ, металлахъ, окаменѣлостяхъ, магнетизмѣ, земной теплотѣ, вулканахъ, землетрясеніяхъ и проч. Авторъ считаетъ землю пустою и наполненною растеніями и животными, приводя въ подкрѣпленіе различные опыты и научныя положенія. Онъ ссылается на извѣстное наблюденіе, замѣчается въ разборѣ, что вулканы, землетрясенія, горячіе ключи и проч. не могутъ быть объясняемы изъ условій, относящихся къ поверхности земли, и что они гораздо болѣе зависятъ отъ огня, воздуха и воды, находящихся внутри ея. Говоритъ далѣе, что окаменѣлые, замерзнувшіе или инымъ образомъ уцѣлѣвшіе до насъ остатки растеній и животныхъ „относятся не къ поверхности, а ко внутренности земнаго шара"; сюда же онъ относитъ первобытныхъ рыбъ, которыя были находимы въ подземныхъ водахъ или при изверженіи огнедышащихъ горъ. Затѣмъ напоминаетъ о древнихъ сказаніяхъ, о драконахъ и другихъ чудовищахъ, которые, по его мнѣнію, родились не въ одной фантазіи поэтовъ; думаетъ даже, что ласточки и другія животныя, скрывающіяся въ извѣстное время года, улетаютъ въ нѣдра земли и тамъ проводятъ зиму. Желая найти слѣды людей въ подземномъ мірѣ,

авторъ, не останавливаясь на сказаніяхъ о горныхъ духахъ и гномахъ, ссылается на дикихъ, никому неизвѣстныхъ людей, являвшихся иногда въ образованной Европѣ. По его мнѣнію, они—подземные жители, чрезъ отверстія заходившія на поверхность земли. Къ нимъ авторъ причисляетъ цыганъ, „имѣющихъ столь много землянаго", которыхъ происхожденія еще никто не объяснилъ и которые толпами явились въ богатой пещерами Ирландіи, тогда какъ ни одно судно ихъ туда не перевозило. Онъ думаетъ, что гренландцы сродни этимъ подземнымъ жителямъ, потому что они полагаютъ свой рай во внутренности земли; они должны были выйти на поверхность земли изъ отверстія у сѣвернаго полюса. Въ результатѣ получается, что внутренность земли пуста, тепла и имѣетъ достаточное количество свѣта, что въ ней есть растенія и животныя, среди которыхъ есть существа первобытнаго міра, что тамъ должны жить и люди, родъ гномовъ, владѣющіе, по всей вѣроятности, неоцѣненными богатствами, до которыхъ мы можемъ достигнуть чрезъ отверстія у полюсовъ и глубокія пропасти. Въ существованіи подземнаго міра авторъ столь же увѣренъ, какъ названный американецъ. Онъ сравниваетъ себя съ Колумбомъ и взываетъ ко всѣмъ царямъ и царствамъ, ученымъ и рѣшительнымъ людямъ, чтобы подкрѣпили его деньгами и личнымъ участіемъ и помогли ему сдѣлать первый опытъ въ какомъ нибудь весьма глубокомъ отверстіи. Въ отзывѣ о названномъ сочиненіи было, между прочимъ, сказано: „Сочинитель походитъ на приводимыхъ въ баснѣ кладокопателей, которые хотя клада не находятъ, однако виноградный садъ обрабатываютъ и дѣлаютъ плодороднымъ. Его собраніе и сравненіе всѣхъ возможныхъ опытовъ объ извѣстной доселѣ внутренности земли поучительны, а простосердечіе и ревность, съ каковыми онъ старается выдать свою любимую идею, при всей ея непрочности, за важную истину, достойны одобренія"*).

---

*) „Московскій Вѣстникъ" 1828 г., ч. 12, стр. 306—312.

Вотъ имена западно-европейскихъ ученыхъ и литературныхъ писателей, имена которыхъ часто фигурировали въ разборахъ иностранныхъ произведеній 20-хъ годовъ: Гаммеръ, Тьерри, Галламъ, Риттеръ, Гумбольдтъ, Ремюза, Мишо, Луденъ, Вильмеръ, Ранке, Вахлеръ, Геренъ, Шлегель, Мишо, Гете, Шиллеръ, Ж. П. Рихтеръ, Шатобріанъ, Муръ, Вальтеръ-Скоттъ, Байронъ, Куперъ и др.

Съ критикой неразрывно связана полемика, какъ естественное ея слѣдствіе. Вотъ почему послѣ критики мы обращаемся къ полемикѣ. Критика и полемика составляютъ душу журнала, и этой души не лишены были и журналы 20-хъ годовъ. Въ критикѣ и полемикѣ преимущественно выражалось направленіе журнала. Нѣтъ нужды замѣчать, что полемика 20-хъ годовъ выражалась преимущественно въ спорахъ классиковъ съ романтиками, о которыхъ мы уже говорили *). Въ этихъ спорахъ часто упоминались имена замѣчательнѣйшихъ русскихъ писателей, служившихъ или предметомъ нападенія, или предметомъ защиты. Скажемъ о борьбѣ романтизма съ классицизмомъ словами Бѣлинскаго: „Если сказать по правдѣ, тутъ не было ни классицизма, ни романтизма, а была только борьба умственнаго движенія съ умственнымъ застоемъ; но борьба, какая бы она ни была, рѣдко носитъ имя того дѣла, за которое она возникла, и это имя, равно какъ и значеніе этого дѣла, почти всегда узнаются уже тогда, какъ борьба кончится. Всѣ думали, что споръ былъ за то, которые писатели должны быть образцами—древніе ли греческіе и латинскіе и ихъ рабскіе подрожатели - французскіе классики XVII и XVIII столѣтій, или новые—Шекспиръ, Байронъ, Вальтеръ-Скоттъ, Шиллеръ и Гете; а между тѣмъ въ сущности-то спорили о томъ, имѣ-

*) Одинъ классикъ такъ выразился о романтизмѣ и романтической поэзіи: „Что такое романтическая поэзія? Думаю, что романтическою поэзіею, которую обыкновенно противополагаютъ классической, называются стихотворенія, написанныя безъ всякихъ правилъ, утвержденныхъ вѣками и основанныхъ на истинномъ вкусѣ". „Благонамѣренный". 1823 г., № 13.

етъ ли право на титло поэта и еще притомъ великаго, такой поэтъ, какъ Пушкинъ, который не употребляетъ „пiитическихъ вольностей", вмѣсто шаршаваго, тяжелаго, скрипучаго и прозаическаго стиха употребляетъ стихъ гладкiй, легкiй, гармоническiй, вмѣсто одъ пишетъ элегiи, вмѣсто надутаго и натянутаго слога, держится слога естественнаго и благородно-простаго, поэмами называетъ маленькiя повѣсти, гдѣ дѣйствуютъ *люди*, вмѣсто того, чтобъ разумѣть подъ ними холодныя описанiя на одинъ и тотъ же ходульный тонъ знаменитыхъ событiй, гдѣ дѣйствуютъ *герои* съ ихъ наперстниками и вѣстниками; словомъ, поэтъ, который тайны души и сердца человѣка дерзнулъ предпочесть плошечнымъ иллюминацiямъ. Вслѣдствiе движенiя, даннаго преимущественно явленiемъ Пушкина, молодые люди, выходившiе тогда на литературное поприще, усердно гонялись за новизною, считая ее за романтизмъ" *). Что же было результатомъ борьбы? Романтизмъ остался побѣдителемъ. Онъ расчистилъ арену литературы, заваленную соромъ псевдо-классическихъ предразсудковъ. „Онъ далеко разметалъ ихъ деревянные баррьеры, уничтожилъ ихъ австралiйскiе *табу* и тѣмъ приготовилъ возможность самобытной литературы. Теперь едва ли повѣрятъ тому, что стихи Пушкина классическимъ колпакамъ казались вычурными, безсмысленными, искажающими русскiй языкъ, нарушающими завѣтныя правила грамматики; а это было дѣйствительно такъ, и между тѣмъ колпакамъ вѣрили многiе; но когда расходились на просторѣ романтики, то всѣ догадались, что стихъ Пушкина благороденъ, изящно-простъ, нацiонально вѣренъ духу языка... Равнымъ образомъ, теперь едва ли повѣрятъ, если мы скажемъ, что созданiя Пушкина считались нѣкогда дикими, уродливыми, безвкусными, неистовыми; но произведенiя романтиковъ скоро показали всѣмъ, какъ созданiя Пушкина чужды всего ди-

*) Сочиненiя, т. 9, стр. 30.

каго, неистоваго, какимъ глубокимъ и тонкимъ эстетическимъ чувствомъ запечатлѣны они“ *).

Полемика 20-хъ годовъ касалась весьма разнообразныхъ вопросовъ научныхъ, литературныхъ и художественныхъ. Иногда она касалась сущности дѣла, иногда же вертѣлась на однихъ словахъ и выраженіяхъ. Горячую полемику съ разными журналами велъ Полевой. Ему постоянно приходилось или самому нападать, или защищаться отъ нападеній своихъ многочисленныхъ непріятелей. Нанося чувствительные удары своимъ противникамъ, онъ иногда и самъ жестоко платился своими боками. Особенно ловко полемизировалъ съ нимъ Строевъ. Болѣе подготовленный для научнаго спора, послѣдній иногда весьма ловко уличалъ Полеваго въ ошибкахъ. Такой афронтъ, между прочимъ, потерпѣлъ послѣдній по поводу помѣщенія въ его журналѣ двухъ дипломатическихъ статей: „Нота о турецкихъ и персидскихъ дѣлахъ, поданная въ 1728 г. императрицѣ Екатеринѣ I знаменитымъ россійскимъ дипломатомъ“ и „Письмо турецкаго визиря къ графу П. А. Румянцеву, отъ 1-го іюня 1778 г., съ отвѣтомъ на оное гр. Румянцева“ **). Остановившись на этихъ документахъ, Строевъ замѣтилъ Полевому, что издающій какіе нибудь историческіе акты долженъ наблюдать возможную точность и отчетливость. Между тѣмъ Полевой, помѣстивъ въ журналѣ „Ноту“, не сказалъ, откуда или черезъ кого онъ получилъ ее. Нужно было назвать лицо, которымъ она была написана; безъ этого дипломатическая знаменитость сдѣлалась крайне сомнительной. „Непривычные къ фантасмагоріи высшихъ взглядовъ, замѣчалъ далѣе Строевъ, ропщутъ на издателя „Телеграфа“ и за то, что онъ оставилъ безъ объясненія, по ихъ мнѣнію, немаловажное обстоятельство: какимъ образомъ знаменитый россійскій дипломатъ, въ 1728 г., представилъ ноту императрицѣ Екатеринѣ I, когда Ея Величество 6-го мая 1727 г. переселилась отъ сей жизни

*) Сочиненія, т. 7, стр. 20—21.

**) „Московскій Телеграфъ“ 1828 г., №№ 8 и 9, стр. 476 и 104.

въ вѣчность?" Въ такой же степени Строевъ усомнился въ подлинности переписки визиря съ Румянцевымъ. Основаніемъ для сомнѣнія было отсутствіе въ документѣ *восточнаго словоизвитія*; вмѣсто восточной фигурности, въ глаза бросались европейскій слогъ, фразы на манеръ французскихъ, тонъ не паши турецкаго, а какого нибудь витязя въ родѣ Баярда. Къ этому Строевъ прибавлялъ: „О прекращеніи какого кровопролитія переписывался визирь съ графомъ Румянцевымъ въ 1778 г., когда еще 10-го іюля 1774 г. заключенъ былъ славный Кучукъ-Кайнаржскій миръ, послѣ котораго дружелюбное согласіе Россіи съ Оттоманскою Портою не нарушалось болѣе тридцати лѣтъ?" Полевой не оставилъ статьи Строева безъ отвѣта. Отвѣтственность за переписку визиря онъ возложилъ на одного изъ своихъ корреспондентовъ, а объ нотѣ замѣтилъ, что она сочинена Остерманомъ, получена отъ Лажечникова, взята изъ одного архива, что въ надписи есть ошибки, что она писана въ мартѣ 1726 г., и что на ней есть явные слѣды употребленія въ дѣло. Строевъ вторично разсмотрѣлъ спорный актъ—и рѣшительно объявилъ, что онъ — никѣмъ нескрѣпленный списокъ „Мнѣнія барона Остермана, представленнаго имъ въ Верховный Совѣтъ, по полученіи депешъ изъ Константинополя, Персіи и Голштиніи, въ мартѣ или апрѣлѣ 1727 г. Конецъ не напечатанъ". Сдѣлавши это открытіе, Строевъ писалъ: „Вслѣдствіе сего, господа владѣтели „Московскаго Телеграфа" сего 1828 г. благоволятъ: 1) въ № 9-мъ заклеить бѣлою бумагою стр. 104 и 105. Издатель отступился отъ напечатанныхъ тамъ диковинокъ, а (безыменный) корреспондентъ его въ теченіи трехъ мѣсяцевъ не представилъ ничего въ свое оправданіе; 2) въ № 8-мъ залѣпить также примѣчаніе на стран. 476 и написать заключеніе, мною теперь выведенное; 3) просить убѣдительно издателя, чтобы и конецъ акта (неизвѣстно почему ненапечатанный) былъ сообщенъ любопытству публики" *).

*) „Московскій Вѣстникъ" 1828 г., ч. II, стр. 97—100.

По поводу полемики съ Полевымъ Строевъ писалъ вообще о манерѣ нѣкоторыхъ полемизаторовъ его времени при литературныхъ спорахъ. По его замѣчанію, иные противники рыцарствовали верстахъ въ ста одинъ отъ другаго: не слышали другъ друга, говорили разомъ и каждый свое, бросались отъ предмета къ предмету, а усердные кліенты дикими взывами: *виватъ!* оглушали и морочили пубкику, письменно и словесно. „Бывало, вылетитъ десятковъ восемь брандтскугелей: дымъ и пыль столбомъ, а на полѣ битвы нѣтъ ни битыхъ, ни раненыхъ; каждый выпалитъ, да и тягу".

Нѣкоторые изъ писателей 20-хъ годовъ возставали противъ полемики, „обуявшей, какъ они говорили, всѣ періодическія изданія". Они называли ее литературной заразой, которая, уклонивъ отъ надлежащей цѣли, „постепенно приближала къ ничтожеству и увлекала къ тѣмъ мелкимъ безотчетнымъ сужденіямъ и рецензентскимъ стычкамъ, которыя ничего не оставляютъ послѣ себя въ умѣ разсудительнаго читателя, кромѣ сожалѣнія о потерѣ времени, и могутъ нравиться тольнъ однимъ *писачкамъ* и *марателямъ*, порождающимъ monstra horrenda литературы". Взглядъ этотъ, конечно, былъ несправедливъ. Во многихъ полемическихъ статьяхъ названнаго времени встрѣчается много живаго и интереснаго и очень характеристическаго для своего времени. Такова была, напримѣръ, полемика между гг. Радожицкимъ и Сухоруковымъ по поводу статьи перваго „Дорога отъ рѣки Дона до Георгіевска на пространствѣ 500 верстъ" *). Сухоруковъ доказывалъ **) автору, и очень основательно, что онъ сдѣлалъ множество промаховъ. Радожицкій не соглашался и доказывалъ, что замѣчанія Сухорукова несправедливы. Спорными пунктами были слѣдующія мѣста статьи: Аксай отдѣляетъ Новый Черкаскъ отъ Стараго, переправа черезъ Донъ отъ Аксайской пристани производится почти во всякое время года на большихъ и малыхъ лодкахъ, переправа

*) „Отечественныя Записки" 1823 г., № 41.

**) „Сынъ Отечества" 1823 г., № 40.

черезъ Донъ состоитъ въ полномъ распоряженіи станицы и составляетъ доходъ аксайскихъ казаковъ, она не зависитъ отъ распоряженій правительства, нѣтъ опредѣленной таксы за перевозъ, отъ чего казаки позволяютъ себѣ въ сборѣ неумѣренность, Аксайская станица состоитъ изъ маленькихъ домиковъ, деревянныхъ и глиняныхъ съ камышевыми крышами, и лежитъ на рѣкѣ Аксаѣ, весь правый берегъ Дона выше и ниже Аксайской станицы усѣянъ дачами и хуторами, имѣніе графа Платова находится выше Ново-Черкаска, колымяки употребляютъ кибитки на высокихъ колесахъ. Разбирая всѣ эти мѣста, Сухоруковъ замѣтилъ слѣдующее: городъ Ново-Черкаскъ лежитъ на Аксаѣ, а Старо-Черкаскъ на берегу Дона, въ 22 верстахъ отъ перваго. Радожицкій въ оправданіе отвѣчалъ *), что онъ не описывалъ топографіи мѣста, но смотрѣлъ на горизонтъ, видѣлъ вдали города, между ними рѣку, и написалъ, какъ ему показалось. Но пусть критикъ и авторъ говорятъ сами.

Сухоруковъ. Переправа на лодкахъ черезъ Донъ отъ Аксайской станицы производится не во всякое время года, какъ говоритъ авторъ, а только весной при большомъ разлитіи воды. Когда вода войдетъ въ берега, наводится черезъ Донъ плавной мостъ, а зимою по льду.

Радожицкій. Виноватъ только въ томъ, что не распросилъ на мѣстѣ о лѣтней переправѣ и о мостѣ.

Сухоруковъ. Станица не имѣетъ никакого вліянія на переправу. Всякій донской казакъ свободенъ на собственной или наемной лодкѣ производить перевозъ. Правительство управляетъ этою переправою и назначило опредѣленную и умѣренную таксу за перевозъ.

Радожицкій, отвѣчая на это, привелъ сцену, случившуюся съ нимъ на переправѣ. Ему все не понравилось на переправѣ. Вольные перевощики требовали денегъ за перевозъ, приставъ имѣлъ азіатскую фигуру и не заставилъ вольныхъ перевозчиковъ перевести Радожицкаго безденежно,

---

*) „Сынъ Отечества“ 1823 г., № 50.

указывая на казенный паромъ, послѣ переправы извощикъ не хотѣлъ везти автора, писаря станичной канцеляріи посмотрѣли на него (до переправы) и спросили: что вамъ надо? Пока проѣзжій *сухо* разговаривалъ въ канцеляріи, извощикъ выпрягъ лошадей и уѣхалъ, атаманъ велѣлъ перевезти автора даромъ, но вольные перевозчики зашумѣли и сказали, что ихъ лодки текутъ; но вотъ явился атаманъ — и перевозчики съ *угрюмыми* лицами стали причаливать лодку; авторъ забрался на нее съ своей повозкой, причемъ казаки чуть было не вывернули его, со всѣмъ его добромъ, въ воду.

Сухоруковъ. Глиняныхъ домиковъ въ Аксайской станицѣ нѣтъ, камышевыхъ крышъ очень мало. Станица расположена на правомъ берегу Дона, а не на Аксаѣ.

Радожицкій. Хотя станица расположена на Дону, но при соединеніи Аксая.

Сухоруковъ. Выше Аксайской станицы нѣтъ ни одного домика на пространствѣ 15 верстъ до Старо-Черкаской станицы, а за нею верстъ на 30 идетъ пустой берегъ.

Радожицкій. Для краткости я принялъ рукавъ Аксай за воды рѣки Дона. Кажется, это неважная погрѣшность!

Сухоруковъ. Имѣніе Платова лежитъ *ниже* Новочеркаска.

Радожицкій въ оправданіе ссылается на невѣжество казака, сказавшаго ему, что это имѣніе лежитъ *выше* Новочеркаска, и на то, что онъ заглядѣлся на сады и дачи.

Сухоруковъ. Колмыки, обитающіе на Дону, вовсе не употребляютъ ни телѣгъ, ни колесъ, а кибитки свои перевозятъ на верблюдахъ и ставятъ ихъ просто на землю.

Радожицкій. Видѣлъ кибитки на высокихъ колесахъ. Можетъ быть верблюды перевелись, и калмыки стали ѣздить на колесахъ.

Такъ велись нѣкоторые литературные споры въ 20-хъ годахъ. Фигурировало въ этихъ спорахъ и знаніе, фигурировало и невѣжество, облеченное въ крѣпкую броню безцеремонности и попранія стыда и совѣсти.

Образцы того, какъ велись ученые споры въ 20-хъ го-

дахъ, можно видѣть въ помѣщенныхъ нами выше разборахъ Исторіи Карамзина.

Отдѣлъ смѣси въ журналахъ сказаннаго времени былъ довольно разнообразенъ, хотя системы въ немъ было очень мало. Ни одинъ журналъ не обходился безъ него. Въ немъ можно было найти свѣдѣнія историческія, археологическія, литературныя, географическія, этнографическія, естественно-историческія, сельско-хозяйственныя, медицинскія, и т. д. Можно думать, что многіе читатели находили въ немъ главный матеріалъ для чтенія. Тамъ невзыскательные читатели могли найти много анекдотовъ и подчасъ довольно пикантныя вещи. Остановимся на нѣсколькихъ статьяхъ изъ этого отдѣла.

Въ „Сѣверномъ Архивѣ“ 1824 г. была помѣщена статейка подъ названіемъ „Жители на лунѣ“. Въ ней говорилось, что баварскій профессоръ Грюйтгаузенъ открылъ жителей на лунѣ. По его наблюденіямъ, сказано было въ статьѣ, на лунѣ, на пространствѣ между 55° южной и 95° сѣв. широты должны находиться растенія, между 50° сѣв. и 47° южн. шир. видны ясные слѣды обитанія одушевленныхъ существъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видны дороги, идущія въ разныхъ направленіяхъ, и въ одномъ мѣстѣ колоссальное зданіе, лежащее почти подъ экваторомъ планеты. Наблюденія Грюйтгаузена были помѣщены въ нѣмецкихъ журналахъ и къ нимъ были приложены объяснительныя гравюры. Въ замѣткѣ „Взглядъ на распространеніе христіанства“, помѣщенной въ „Московскомъ Вѣстникѣ“, находятся цифры, взятыя изъ отчета Англійскаго Библейскаго Общества и показывающія возрастаніе христіанства съ 1 по 18 стол. По этому счету, неизвѣстно насколько справедливому, оказывалось:

1	вѣкъ . . .	500,000	10	вѣкъ . . .	50.000,000
2	» . . .	2.000,000	11	» . . .	70.000,000
3	» . . .	5.000,000	12	» . . .	80.000,000
4	» . . .	10.000,000	13	» . . .	75.000,000
5	» . . .	15.000,000	14	» . . .	80.000,000
6	» . . .	20.000,000	15	» . . .	100.000,000
7	» . . .	25.000,000	16	» . . .	125.000,000

8	»	. . .	30.000,000	17	»	. . .	155.000,000
9	»	. . .	40.000,000	18	»	. .	200.000,000

Въ статьѣ „Описаніе города Шумлы и его окрестностей", помѣщенной въ томъ же журналѣ и взятой изъ „Journal des voyages", находятся любопытныя свѣдѣнія о Балканахъ и Шумлѣ. О первыхъ говорится, что они начинаются рядомъ холмовъ, которые, внезапно поднимаясь на ужасную высоту, дѣлаются почти неприступными горами со стороны Дуная и идутъ по прямой линіи во всю длину горизонта, уподобляясь огромной стѣнѣ, восходящей лѣстницею до облаковъ. „Сія цѣпь горъ, говорится далѣе, тѣснотою своихъ ущелій и лощинъ представляетъ крѣпчайшую ограду, нежели всѣ твердыни, воздвигнутыя когда-либо рукою человѣка". По всему протяженію существуетъ только 5 проходовъ: одинъ отъ Софіи до Базарджика, два отъ Тырновы (sic) до Казанлыка и Селимніи и два отъ Шумлы черезъ Карнабатъ и Гандосъ. Три первые ведутъ въ Адріанополь, а два послѣдніе въ Константинополь. Изъ дорогъ неудобнѣйшая для проѣзда та, которая лежитъ отъ Тырновы, потому что ведетъ черезъ самыя высокія и неприступныя вершины. Полагаясь на естественную защиту горъ, турки не укрѣпили почти ни одного изъ проходовъ. Между Дунаемъ и Балканомъ единственное время года, благопріятствующее военнымъ дѣйствіямъ, есть весна; тогда страна дѣлается прекрасною и здоровою: источники и рѣки даютъ прекрасную для питья воду, трава и фуражъ находятся въ изобиліи, воздухъ бываетъ здоровъ. По мѣрѣ приближенія лѣта рѣки высыхаютъ, растенія исчезаютъ, и остается только одна безводная, жаркая почва. Всѣ войска древнихъ и новыхъ временъ, воевавшія въ Болгаріи въ это время года, испытали гибельныя дѣйствія тамошняго климата. Но проходить горную цѣпь зимою и съ войскомъ еще затруднительнѣе. Болота, напитанныя дождевою водою и немогущія поднимать тяжести телѣгъ и артиллеріи, овраги, наполненные снѣгами или потоками, свергающимися съ утесовъ, и удобопроходимые только по зыбкимъ деревяннымъ мостамъ, ежеминутно угрожающимъ паденіемъ,

многочисленныя дефилеи, которыя могутъ быть защищаемы горстью людей противъ цѣлой арміи и которыя служатъ туркамъ натуральными крѣпостями, за которыми они сражаются съ такимъ упорствомъ и силою, —все это воздвигаетъ непреоборимыя препятствія (и Варна была непреоборима, но не для русскихъ, замѣчаетъ на это журналъ Погодина). „Въ послѣднюю кампанію, говорится далѣе, русскіе овладѣли всею страною, кромѣ Варны, Ниццы (sic) и Шумлы, въ которыхъ тогда засѣли турки. У нихъ было почти 100 т. хорошо вооруженнаго войска, и однакожъ они никакъ не осмѣлились идти далѣе, кромѣ нѣкоторыхъ казаковъ, которые проникали черезъ цѣпь и возвращались назадъ съ такою же быстротою, съ какою туда появлялись“ *). Теперь авторъ увидѣлъ бы, что русскіе могутъ пройти и далѣе.

Въ журналѣ же Погодина за 28 г., ч. 11, стр. 381, помѣщена была интересная замѣтка подъ названіемъ „Два слова объ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ“ **), принадлежащая Погодину. „Недавно мнѣ случилось *въ третьемъ часу ночи* осмотрѣть Университетскій Благородный Пансіонъ. Какъ гражданинъ, который любитъ свое отечество и радуется всякому хорошему явленію въ ономъ, я съ величайшимъ удовольствіемъ увидѣлъ отличнѣйшій порядокъ въ этомъ учебномъ заведеніи и долгомъ поставляю довести о немъ до свѣдѣнія соотечественниковъ“.

„Воспитанники спятъ въ огромной галлереѣ, освѣщенной лампами. По мѣстамъ, въ извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другаго, стоятъ дядьки и сторожа. Всѣ двери заперты (въ классы, на улицу), кромѣ двери въ корридоръ, также освѣщенный лампами. Надзиратель ходитъ безпрестанно по всему заведенію и осматриваетъ. Нѣтъ ни одного мѣста, гдѣ-бъ не было дежурнаго, и всѣ они, начиная отъ послѣдняго дядки до чиновника, такъ привыкли къ исполненію

*) „Московскій Вѣстникъ“, 1828 г., ч. 12, стр. 155—158

**) Въ Москвѣ.

своихъ обязанностей, что ни въ одномъ не замѣтилъ я даже признака малѣйшей усталости. Воспитанникъ не можетъ шевельнуться безъ того, чтобъ нѣсколько глазъ тотчасъ не примѣтили его движенія. Тѣ, которые знакомы съ нашими учебными заведеніями, которые знаютъ, какимъ злоупотребленіямъ покровительствуетъ одна темнота (не говоря о прочемъ), тѣ почувствуютъ всю важность, всю пользу такого распоряженія. Хорошо бы было, еслибъ такой порядокъ введенъ былъ во всѣ подобныя заведенія".

Въ томъ же журналѣ есть интересная замѣтка подъ названіемъ „Чтеніе доктора Гренвиля въ С.-Петербургской Академіи наукъ о египетскихъ муміяхъ". Лекція происходила въ присутствіи многочисленной публики. Въ срединѣ залы на столѣ лежали муміи. Развернувъ одну изъ нихъ (принадлежавшую лектору, другія принадлежали Академіи), Гренвиль разсѣкъ ее на части и показалъ ея внутренности. Члены муміи отличались гибкостью. Въ чашкѣ плавали ея кусочки, очищенныя отъ веществъ, служившихъ предохраненіемъ отъ гніенія. По свѣжести своей, они казались отрѣзанными отъ тѣла недавно умершаго человѣка и имѣли розоватый цвѣтъ. Во время чтенія Гренвиль доказалъ, что воскъ и смола составляли основу муміи и что они проникли не только въ тѣло, но и въ кости. Онъ взялъ кусочекъ муміи и, поднесши его къ огню, показалъ, что воскъ капалъ изъ него. Основываясь на этомъ, Гренвиль высказалъ убѣжденіе, что въ числѣ операцій, которыя продѣлывали при бальзамированіи, была, между прочимъ, слѣдующая: тѣло умершаго человѣка, вынувъ внутренности, погружали въ сосудъ, наполненный растопленнымъ воскомъ, который былъ смѣшанъ съ смолою, держали сосудъ на огнѣ нѣсколько времени, пока воскъ совершенно проникалъ не только тѣло, но и кости. Гренвиль, чтобы убѣдить слушателей въ истинѣ его догадки, показалъ приготовленную имъ самимъ мумію, по названному способу; она ничѣмъ не отличалась отъ настоящей, нисколько не измѣнившись послѣ трехлѣтняго существованія.

Въ числѣ другихъ статей смѣси названнаго журнала нельзя не обратить вниманія на статейку подъ названіемъ „Деревня сумасшедшихъ въ Голландіи“. Деревня называлась Гель и имѣла 7,000 жителей. Съ незапамятныхъ временъ она служила мѣстопребываніемъ всякаго рода сумасшедшихъ, слабоумныхъ и дураковъ. „Они, говорится въ статьѣ, раздѣлены между поселянами и живутъ съ ними вмѣстѣ, занимаясь, впрочемъ безъ принужденія, разными сельскими работами. Совершенная свобода, которою они наслаждаются, чистый и здоровый воздухъ, упражненія и самый образъ жизни, ровный и покойный, способствуютъ весьма многимъ возстановленію силъ душевныхъ. Брюссель, Антверпенъ и другіе ближайшіе города, вмѣсто того, чтобы по обыкновенію запирать своихъ сумасшедшихъ въ нарочно устроенные для того дома, отправляютъ ихъ въ Гель, и въ такомъ случаѣ человѣколюбивыя заведенія сихъ городовъ или больницы платятъ, по существующимъ правиламъ, за каждаго отправленнаго ими сумасшедшаго ежегодно 90 гульденовъ, снабжая его притомъ одеждою. Привозя больныхъ въ Гель, ихъ помѣщаютъ сначала въ домѣ, устроенномъ подлѣ церкви. Здѣсь сельскій священникъ читаетъ съ ними молитвы и предлагаетъ имъ утѣшенія религіи, что продолжается нѣкоторое время непрерывно и съ особенною точностію; потомъ отдаютъ ихъ на руки поселянамъ, которые, не смотря на ограниченную плату за годовое садержаніе, всегда принимаютъ ихъ съ большою охотою и прилагаютъ истинно родительское о нихъ попеченіе“. Статья заключается слѣдующими здравыми словами: „Хорошо, еслибы друзья человѣчества обратили благодѣтельное вниманіе на сей новый, необыкновенный способъ возвращать несчастнымъ утраченный ими драгоцѣнный даръ неба — разумъ. Вѣроятно, жители Геля, сіи простыя дѣти природы, чуждыя головоломныхъ теорій, руководствуются въ излеченіи своихъ больныхъ опытомъ, особливо *умѣньемъ обходиться* съ ними. И не въ этомъ ли тайна ихъ врачеванья, передаваемая отъ дѣда къ отцу,

отъ отца къ сыну?" Жаль, что деревня Гель нигдѣ не вызвала подражанія.

Иногда въ смѣси помѣщались различныя письма. Между ними замѣчательно письмо извѣстнаго стихотворца гр. Хвостова къ князю Цертелеву о поэзіи. Письмо начинается такъ: „Милостивый государь мой, князь Николай Андреевичъ! Посылаю Вашему Сіятельству вторую главу изъ Премудрости Соломона. Вы хотѣли, чтобы я ее переложилъ стихами: извините, нѣсколько промедлилъ исполнить желаніе Ваше и по привычкѣ, которую имѣю обработывать только въ Великій Постъ предметы Священнаго Писанія, и потому что Генварь и Февраль мѣсяцъ посвящены мною были посланію къ Дмитріеву о Исторіи знаменитаго пера и стихамъ на смерть Дюка де-Берри". Говоря далѣе о поэзіи, авторъ замѣчаетъ, что она во всѣхъ видахъ обязана крѣпко держаться стыдливости и непорочности, отличительнаго свойства ея *богинь* покровительницъ. Поэтъ, превознося любовь чувственную, не долженъ забывать любовь духовную. Далѣе авторъ, не замѣчая противорѣчія, замѣчаетъ: „Я теперь читаю книжку о греческой Антологіи, которая мнѣ очень полюбилась. Сочинитель сей статьи весьма основательно замѣчаетъ: *вольность* въ Антологіи у Грековъ проистекаетъ отъ началъ Вѣры ихъ, отъ климата и наконецъ это *нагота*, подобная той, которая находится въ греческихъ статуяхъ" *).

Въ нѣкоторыхъ журналахъ помѣщались иногда разные историческіе матеріалы. Особенно богатъ ими былъ „Сѣверный Архивъ". Въ немъ помѣщались письма Екатерины II, Петра Великаго, разныя грамоты и историческія записки.

Политическій отдѣлъ совсѣмъ почти отсутствовалъ. Кромѣ самыхъ короткихъ свѣдѣній о текущихъ событіяхъ, помѣщавшихся въ нѣкоторыхъ журналахъ, относящагося къ политикѣ встрѣчалось очень мало. Тѣмъ интереснѣе одна замѣтка политическаго содержанія, принадлежащая Погодину

---

*) „Невскій Зритель" 1820 г., ч. 3, стр. 274

и помѣщенная въ его журналѣ *). Она называется „Замѣчаніе о политическомъ равновѣсіи въ Европѣ“. Статья начинается слѣдующими словами: „Не должно допускать, чтобъ Россія распространила еще свои владѣнія на счетъ Турецкой Имперіи! Новыми пріобрѣтеніями ея нарушится равновѣсіе въ Европѣ“. Вотъ клики, которые прошлаго года раздавались безпрестанно во всѣхъ почти Европейскихъ Государствахъ: ультра-роялисты и либералы въ Палатахъ Французскихъ, члены министерскіе и оппозиціонные въ Парламентахъ Англійскихъ, политическіе журналисты, твердили одно и тоже. „Милостивые государи! Неужели Ротшильдъ разбогатѣетъ, если къ его милліонамъ прибавится случайно еще нѣсколько тысячъ таллеровъ? Неужели земля потеряетъ титло шара, если на ея поверхности встанетъ еще одинъ какой нибудь Монбланъ или Моннуаръ, или провалится новый Содомъ съ Гоморомъ? Неужели вѣсъ тяжелой Россіи измѣнится ощутительно, если она приметъ въ себя еще нѣсколько золотниковъ? Какая разница между 50 и 51 милліономъ жителей, между 350 и 355 тысячами квадратныхъ миль? Далѣе авторъ доказываетъ, что матеріальными пріобрѣтеніями нельзя измѣрять силы государствъ и что не ими опредѣляется равновѣсіе между ними. „Не должны ли Европейскія Государства бояться больше учрежденія ланкастерскихъ школъ въ Россіи отъ Проспы до Чукотскаго носа и отъ Кяхты, Эривани до Таймурскаго мыса, чѣмъ нашествія новыхъ Аравитянъ, Монголовъ и Турокъ?“ Въ Европѣ авторъ видитъ безпрестанное колебаніе: государства качаются потобно маятникамъ. Почему Венгры, спрашиваетъ онъ, или южные Славяне въ какомъ нибудь двадцатомъ столѣтіи не образуютъ новыхъ государствъ, почему не совокупятся въ одно цѣлое черезполосныя Нѣмецкія или Итальянскія владѣнія (это уже совершилось)?“ Въ заключеніи авторъ приходитъ къ убѣжденію, что въ числѣ причинъ, недопускающихъ Россію къ завоеваніямъ, не можетъ находиться во-

*) „Московскій Вѣстникъ“ 1829 г., ч. 3, стр. 5—10.

проса о равновѣсіи государствъ въ Европѣ. Обращаясь къ исторіи, авторъ находитъ, что въ прошедшемъ европейскія государства никогда не дѣйствовали, имѣя въ виду равновѣсіе.

Этими здравыми и въ нѣкоторомъ смыслѣ пророческими строчками мы закончимъ обозрѣніе русской журналистики 20-хъ годовъ.

ТРИДЦАТЫЕ ГОДА

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Общій очеркъ.

Переходя отъ журналистики 20-хъ годовъ къ журналистикѣ 30-хъ, переходишь къ области явленій болѣе богатыхъ, разнообразныхъ, свѣжихъ и современныхъ. Служа отраженіемъ жизни, журналистика названнаго времени принимаетъ въ себя новые элементы, которые ставятъ ее значительно выше журналистики предшествовавшаго времени. Названная пора была порой усиленныхъ внутреннихъ преобразованій и улучшеній, коснувшихся различныхъ сторонъ государственной жизни Россіи. Наука, исскуство, литература, промышленность и торговля почувствовали подъ собою почву, болѣе благопріятную для ихъ развитія. Въ прежнее десятилѣтіе наука отличалась преимущественно историко-археологическимъ направленіемъ. Теперь она начинаетъ усиленно заниматься и политико-экономическими и статистическими вопросами, находя для себя много матеріаловъ въ правительственныхъ отчетахъ, по различнымъ отраслямъ государственнаго управленія. Статьи, трактовавшія на страницахъ журналовъ объ индійскихъ поэмахъ и китайской литературѣ, начинаютъ уступать мѣсто статьямъ о желѣзныхъ дорогахъ и средствахъ для болѣе успѣшнаго развитія сельскаго хо-

зяйства. Въ области искусства въ это время замѣчается сильное движеніе къ лучшему. Это—время появленія многихъ талантовъ, которые создаютъ произведенія неувядающаго значенія. Геній живописи, архитектуры и скульптуры воплощаетъ себя въ многочисленныхъ созданіяхъ высокаго достоинства. Это пора особенно счастливыхъ художественныхъ сочетаній для сѣверной столицы русскаго государства. Въ литературѣ являются въ это время новыя силы съ оригинальнымъ направленіемъ, между которыми на первомъ планѣ блеститъ яркой звѣздой безсмертное имя Гоголя. Въ интересахъ развитія промышленности и торговли, получаетъ огромное значеніе вопросъ о путяхъ сообщенія и завязывается горячая полемика о желѣзныхъ дорогахъ. Элементъ народности, до тѣхъ поръ лежавшій подъ спудомъ и почти совершенно игнорировавшійся и обществомъ, и литературой, начинаетъ заявлять свои права, благодаря такимъ дѣятелямъ въ литературѣ, какъ Гоголь, Лажечниковъ, Вельтманъ, Даль, Сахаровъ и др. Вмѣстѣ съ этимъ, являются два новыя иностранныя вліянія, изъ которыхъ одно обнаруживается въ гегеліанствѣ, а другое въ увлеченіи произведеніями французской литературы, главнѣйшими представителями которой являются В. Гюго, Бальзакъ, Е. Сю, Дюма, Ж. Зандъ и др. Подъ вліяніемъ развитія искусства, вкусъ публики утончается, и въ литературѣ рѣже слышатся нападки на равнодушіе общества къ чтенію. Общественная жизнь получаетъ новые интересы. Все это даетъ новыя силы и интересы журналистикѣ. Она получаетъ болѣе значенія, переставая быть явленіемъ, стоящимъ особнякомъ отъ жизни и современности, и получая практическое значеніе посредствомъ посильнаго рѣшенія вопросовъ, интересующихъ общество. Являются новые журналы, между которыми особенное значеніе получаютъ «Библіотека для Чтенія» и „Отечественныя Записки». Въ ряды критиковъ становится Бѣлинскій, являясь высоко талантливымъ истолкователемъ современныхъ литературныхъ явленій. Библіографія получаетъ небывалые размѣры,—размѣры, какихъ она не имѣетъ и въ настоящее

время. Въ журналахъ являются новые отдѣлы, между которыми весьма видное мѣсто занимаютъ „Хроника событій" и „Сельское хозяйство и домоводство". Нѣкоторые изъ старыхъ журналовъ, сослуживъ свою службу, умираютъ, другіе стараются подстроиться подъ тонъ, даваемый жизнью. Самая наружность журналовъ становится изящнѣе. Только „Сынъ Отечества" еще не покидаетъ традиціонной сѣрой одежды. Всѣ названныя явленія, способствовавшія развитію журналистики, болѣе или менѣе входили въ сознаніе послѣдней, и вотъ что говорилъ одинъ изъ журналовъ названнаго времени по поводу нѣкоторыхъ изъ нихъ: „Въ послѣднее время русская литература *жила болѣе*, чѣмъ когда либо прежде. Произведенія уважаемыхъ публикою русскихъ писателей, по формѣ своей подходящія подъ разрядъ статей журнальныхъ, накоплялись болѣе и болѣе. Большая часть изъ сихъ писателей, по различнымъ причинамъ, о коихъ здѣсь излишне было бы упоминать, не участвовала въ издававшихся понынѣ журналахъ, и произведенія, часто замѣчательныя, не сообщались публикѣ. Съ другой стороны, неимовѣрные успѣхи, сдѣланные въ послѣднее время нашимъ отечествомъ на поприщѣ просвѣщенія, въ искуствахъ и промышленности, заставляли желать такого изданія, которое неусыпно слѣдило бы за этимъ развитіемъ могучихъ силъ Россіи во всѣхъ сферахъ ея дѣятельности, и которое представляя современную лѣтопись всего, что только служитъ выраженіемъ русской жизни, доставляло бы такимъ образомъ возможность каждому изъ читателей начертить для себя полную картину успѣховъ русскаго ума и русской силы во всѣхъ отношеніяхъ. Такая картина въ настоящее—время необходимость для всякаго изъ насъ: если обремененная вѣками Европа съ такимъ любопытствомъ слѣдитъ за дѣйствіемъ увядающихъ силъ своихъ, безпрестанно отмѣчая въ своихъ періодическихъ изданіяхъ тѣ или другіе успѣхи свои, на томъ или другомъ поприщѣ,—успѣхи часто мнимые,—то съ какимъ самодовольствіемъ, съ какою благородною, справедливою гордостью можетъ дѣлать это русскій, слѣдя за дѣйствитель-

ными, существенными и ежедневными успѣхами обожаемаго имъ отечества, юнаго, слѣдственно развивающагося, и преисполненнаго новыхъ, свѣжихъ, еще невѣдомыхъ силъ, растущихъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе на всемъ необъятномъ его протяженіи" *).

Указывая на оживленіе русской журналистики въ 30-хъ годахъ, нельзя, однако, не замѣтить, что первое пятилѣтіе было менѣе замѣчательно въ этомъ отношеніи, нежели второе. Въ 1830 г. въ одной Москвѣ издавалось шесть литературныхъ журналовъ: „Вѣстникъ Европы", „Московскій Телеграфъ", „Дамскій Журналъ" „Московскій Вѣстникъ", „Атеней" и "Галатея". «То было время журнальнаго раздолья, золотой вѣкъ героическихъ подвиговъ и рыцарскихъ приключеній. Холера, физическая и нравственная, истребила сіе бурное поколѣніе журнальныхъ аргонавтовъ, отправлявшихся за золотымъ руномъ не совокупно, какъ дружина древняго Язона, а каждый на своемъ челнокѣ, съ своими орудіями, снастями и припасами. Тщетно петербургская журналистика, въ слѣдующемъ году, пыталась расплодиться на запустѣвшемъ полѣ: она легла костями на костяхъ, безвременно и безславно. „Колокольчикъ" не прозвенѣлъ и году; „С.-Петербургскій Вѣстникъ" замолкъ въ первые мѣсяцы; «Эхо» не отдалось дальше первой книжки; «Гирлянда», не смотря на суетливость „Сѣвернаго Меркурія", вмѣстѣ съ нимъ, не разцвѣтши, выцвѣла; „Литературная Газета" прекратилась до объявленнаго срока; наконецъ, и „Сѣверная Миневра" явившаяся во всеоружіи на журнальномъ пустырѣ сѣверной столицы, скоро опочила на щитѣ своемъ!» **). Въ 1833 г. все литературно-журнальное народонаселеніе обѣихъ столицъ ограничивалось шестью изданіями, изъ которыхъ три принадлежали Москвѣ и три Петербургу. Къ этому можно было присоединить еще три литературные журнала, издававшіеся въ

---

*) Литературныя прибавленія къ „Русскому Инвалиду" 1838 г., стр. 856. Объявленіе объ изданіи „Отечественныхъ Записокъ".

**) „Телескопъ" 1833 г., ч. 13, стр. 573.

провинціяхъ. Такимъ образомъ, на 52 милліона жителей издавалось *девять* журналовъ. На это печальное положеніе русской журналистики и вмѣстѣ литературы въ началѣ 30-хъ годовъ указывалъ и Бѣлинскій. „Тридцатый, холерный годъ, писалъ онъ, былъ для нашей литературы истиннымъ чернымъ годомъ, истинно роковою эпохою, съ коей начался совершенно новый періодъ ея существованія, въ самомъ началѣ своемъ рѣзко отличавшійся отъ предъидущаго... Тридцатымъ годомъ кончился, или, лучше сказать, внезапно оборвался періодъ пушкинскій, такъ какъ кончился и самъ Пушкинъ, а вмѣстѣ съ нимъ и его вліяніе; съ тѣхъ поръ почти ни одного бывалаго звука не сорвалось съ его лиры. Его сотрудники, его товарищи по художественной дѣятельности, допѣвали свои старыя пѣсенки, свои обычныя мечты, но уже никто не слушалъ ихъ. Старинка пріѣлась и набила оскомину, а новаго отъ нихъ нечего было услышать, ибо они остались на той же самой чертѣ, на которой стали при первомъ своемъ появленіи, и не хотѣли сдвинуться съ ней. Журналы всѣ умерли, какъ будто бы отъ какого нибудь апоплексическаго удара или дѣйствительно отъ холеры—морбусъ. Причина этой внезапной смерти или этого мору заключалось въ томъ же, въ чемъ заключается причина того, что у насъ нѣтъ литературы. (Бѣлинскій писалъ это въ 34 году). Они почти всѣ родились безъ всякой нужды, а такъ, отъ бездѣлья или отъ желанія пошумѣть, и потому не имѣли ни характера, ни самостоятельности, ни силы, ни вліянія на общество, и неоплаканные сошли въ безвременную могилу" *). Таково было положеніе русской журнастики въ началѣ 30-хъ годовъ. Относительно второй половины этого десятилѣтія всѣ названныя жалобы были бы совершенно неумѣстны. Журналы этого времени, преимущественно «Библіотеки для Чтенія», «Отечественныя Записки» и «Современникъ» стоятъ неизмѣримо выше во многихъ отношеніяхъ

*) Сочиненія, т. I, стр. 105—106.

всѣхъ предшествовавшихъ своихъ собратій. Съ ними начинается какое-то новое вѣяніе въ журналистикѣ.

Обратимся теперь къ характеристикѣ наиболѣе видныхъ представителей русской журналистики 30-хъ годовъ. Мы начнемъ съ „Библіотеки для Чтенія", появившейся въ 1834 г. Журналъ этотъ издавался Смирдинымъ, подъ редакціей Сенковскаго. Въ первое время въ немъ участвовали многіе замѣчательные литераторы и ученые, но потомъ хозяйничанье въ немъ Сенковскаго отдалило отъ журнала эти полезныя для него силы. Тѣмъ не менѣе „Библіотека для Чтенія," очень долгое время пользовалась большимъ сочувствіемъ публики. Она нѣкоторое время задавала тонъ чуть не всей петербургской журналистикѣ. Лучшимъ ея отдѣломъ были „Науки и Художества". Въ немъ встрѣчались статьи весьма замѣчательныя и интересныя. Бѣда была только въ томъ, что не всегда можно было довѣрять переводнымъ статьямъ этого отдѣла, такъ какъ редакція иногда поступала слишкомъ безцеремонно съ иностранными авторами, передѣлывая ихъ статьи по своимъ вкусамъ и взглядамъ. Иногда въ этомъ отдѣлѣ попадались статьи, весьма странныя и оригинальныя по выраженнымъ въ нихъ мнѣніямъ. Такова, напримѣръ, была статья „Способности и мнѣнія новѣйшихъ путешественниковъ по востоку". Въ ней доказывалось, что всѣ эти путешественники сообщали самыя ложныя свѣдѣнія о Турціи, и что въ существѣ дѣла это государство гораздо цивилизованнѣе Европы. Не менѣе оригинальными взглядами была проникнута и статья „Скандинавскія саги", принадлежавшая Сенковскому. Въ ней было возвѣщено, что историческая истина, или достовѣрность, не ведетъ насъ ровно ни къ чему, что мы не будемъ ни умнѣе, ни опытнѣе, ни счастливѣе, зная однимъ древнимъ событіемъ менѣе, что исторія, въ полномъ смыслѣ слова, процвѣтаетъ въ народѣ тогда, когда она есть принадлежность разскащиковъ, что перо и письмо первые ее убиваютъ, что люди безъ другихъ дарованій, кромѣ знанія грамоты и желанія писать книги, собираются на ея похороны и составивъ для нея надгробную

надпись подъ именемъ первой лѣтописи, навсегда погребаютъ ее во тьмѣ забвенія, что исторія, какъ наука, есть трупъ почти истлѣвшій, вырытый изъ могилы и изрѣзанный тупымъ ножомъ критики, что Нибуръ, съ своею недовѣрчивостью, опоздалъ цѣлою четвертью столѣтія и былъ въ наше время вопіющимъ анахронизмомъ и т. д. Всѣ такіе писатели, какъ Вико, Юмъ, Гиббонъ, Гердеръ, Гизо, Геренъ, были названы *оптовыми поставщиками* свѣдѣній о прошедшемъ. Все это, однако, не помѣшало Булгарину объявить въ „Сѣверной Пчелѣ", что статья „Скандинавскія саги" должна произвести переворотъ въ русской исторіи и исторической критикѣ, причемъ было замѣчено, что ея авторъ, О. И. Сенковскій, кромѣ древнихъ языковъ, знаетъ языки восточные, славянскіе, почти всѣ европейскіе, и читаетъ древнія исландскія саги такъ легко, какъ будто онѣ были писаны порусски. Далѣе было замѣчено, что въ статьѣ все ново, оригинально, умно, ясно, все связано логикой и извлечено изъ логики. „Если О. И. Сенковскій, писалъ Булгаринъ, пойдетъ далѣе путемъ исторической критики, то займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ Европѣ, это безпорно. Невозможно имѣть болѣе учености, основанной на здравомъ разсудкѣ, а эти два качества рѣдко сходятся вмѣстѣ" *). Была и такая статья, въ которой доказывалось, что казаки были норманны, что начало украинскихъ „думъ" связано съ исландскою словесностью, что кіевская область была гнѣздомъ славянской Нормандіи, и т. д. Но вмѣстѣ съ названными странными статьями часто встрѣчались и такія, какъ „Опытъ исторической географіи русскаго міра", Надеждина, „Скульптура и живопись въ Германіи", и друг. Много дѣльнаго и остроумнаго встрѣчалось въ этомъ отдѣлѣ въ статьяхъ о желѣзныхъ дорогахъ, причемъ безпощадно осмѣивались противники послѣднихъ. „Любопытно видѣть," сказано было въ одной изъ нихъ, какими умствованіями, какой роскошью парадоксовъ и себялюбія противники этого изобрѣтенія успѣваютъ оста-

*) „Сѣверная Пчела" 1833 г., № 300.

навливать ходъ обширныхъ работъ, клонящихся къ пользѣ общей. Одинъ боится задохнуться отъ пароходнаго дыма; другой боится того, чтобъ отъ огня не загорѣлись его деревья и хлѣба; третьему страшно, чтобъ стукъ каретъ не перепугалъ его скота, чтобъ овцы и коровы не подарили его недоносками; иные всего больше опасаются раздѣла ихъ земель и набѣга путешественниковъ, которыхъ остроумно сравниваютъ они съ ордами арабовъ и башкирцевъ: десятина земли продается въ три-дорога, и какія нибудь мелкіе яблоки цѣнятся на вѣсъ золота. Есть наконецъ и такіе, которые толкуютъ, что снѣгъ лучшее средство сообщенія, нежели чугунъ, отнюдь не сообразивъ того, что зима не стоитъ круглый годъ, и что зимній путь не представляетъ ни той быстроты для сообщеній, ни тѣхъ пользъ для государства, какими отличаются чугунныя дороги, которыя выгоднѣе и для землѣделія, и для торговли, и для общественнаго здравія" *). Кромѣ названнаго отдѣла, замѣчательно хорошъ былъ отдѣлъ „Литературной лѣтописи". Тутъ, какъ говоритъ Бѣлинскій, была видна ловкость, умѣнье, знаніе литературной манеры, шутливость и часто остроуміе. Въ „Сынѣ Отечества" этотъ отдѣлъ превозносится до небесъ, причемъ было замѣчено, что передъ авторомъ „Литературной лѣтописи" Менцель ни стоитъ ни гроша, точно такъ же, какъ и остроумный французскій критикъ Ж. Жаненъ. Хорошъ былъ и отдѣлъ „Смѣси", относительно разнообразія содержанія, хотя въ немъ попадались и такіе взгляды, которыхъ серьезный читатель не могъ одобрить. Въ упрекъ этому отдѣлу можно было поставить и то, что почти всѣ его статьи были проникнуты однимъ тономъ, одной манерой, выдававшими редактора журнала. Здѣсь, между прочимъ, обозрѣвалась помѣсячно словесность во Франціи, Англіи и Германіи и помѣщались объявленія о новыхъ иностранныхъ книгахъ. Дѣльныя статьи встрѣчались въ отдѣлѣ „Промышленности и сельскаго хозяйства", но бывали и статьи съ страннымъ взгля-

*) „Библіотека для Чтенія" 1852 г., ч. 8, стр 106—107.

домъ на дѣло. Такъ, въ статьѣ „Опытъ пріобрѣтенія хлѣбопашествомъ крестьянскаго капитала", между прочимъ, было сказано, что вся тайна успѣшности сельскаго хозяйства заключается въ раннемъ вставаньѣ помѣщика. „Наука, плодоперемѣнность, чудесныя орудія, безподобный скотъ явятся сами, говорилъ авторъ; предразсудки и пороки крестьянъ исчезнутъ: только вставайте рано" *). Сойдясь, такимъ образомъ, во взглядѣ съ полковникомъ Кошкаревымъ, авторъ далѣе замѣчалъ, что у рано встающаго хозяина и желудокъ будетъ сытъ, и лицо розово, и честолюбіе спокойно. Въ заключеніе, авторъ еще разъ восклицалъ: „Я говорю: вставайте рано, потому что въ этомъ—вся тайна народнаго богатства". Три остальные отдѣла: „Русская словесность", „Иностранная словесность" и „Критика" были слабѣе. Стихотворенія перваго отдѣла были часто очень слабы, хотя встрѣчались стихотворенія Козлова, Давыдова, Растопчиной и другихъ подобныхъ поэтовъ. Лучшія принадлежали Пушкину. Изъ русскихъ повѣстей въ немъ помѣщались, между прочимъ, повѣсти Загоскина, Ушакова, Булгарина, Масальскаго, Маркова, Степанова, Тимофеева и самого редактора, подъ псевдонимомъ Брамбеуса. Всѣ эти повѣсти, какъ и произведенія втораго отдѣла, по замѣчанію Бѣлинскаго, отличались *провинціализмомъ*, т. е. старались удовлетворять всусу провинціальной публики. Все, что составляло послѣдніе ряды французской литературы, говоритъ онъ, все, что составляло балластъ французскихъ, иногда и англійскихъ журналовъ, что было чуждо всякой изящности, что отзывалось пустотою, посредственностью, мелочностью, провинціальнымъ остроуміемъ и провинціальною забавностью, все переводилось въ „Библіотекѣ".

Въ „Библіотекѣ" часто встрѣчались нападки на современную русскую литературу. Она вела полемику съ московскими журналами, бранила труды разныхъ русскихъ ученыхъ, какъ, напримѣръ, Погодина, Шевырева, и старалась свалить на

*) Тамъ же, 1837 г., ч. 22, стр. 38.

землю даже Гоголя. Въ «Московскомъ Наблюдателѣ» 1836 г. былъ помѣщенъ алфавитный списокъ писателей, которыхъ хвалила и бранила «Библіотека для Чтенія». Похвалы, какъ оказывается, удостоились: Коцебу, баронъ Врамбеусъ, Булгаринъ, Гречъ, Загоскинъ, Кукольникъ, К. Полевой, Тимофеевъ; порицаніе навлекли на себя: Бальзакъ, Вальтеръ-Скоттъ, В. Гюго, Гегель, Гизо, Сильвіо Пеллико, Шеллингъ, Венелинъ, Гоголь, Надеждинъ, Погодинъ, Пушкинъ, Розенъ, Хомяковъ. Разбирая „Арабески" Гоголя, рецензентъ „Библіотеки" сильно нападалъ на него. „Авторъ пишетъ обо всемъ въ свѣтѣ, говорилъ онъ: онъ рядитъ объ исторіи, географіи, музыкѣ, живописи, скульптурѣ, архитектурѣ, Пушкинѣ; описываетъ извѣстныя мѣста, которыхъ другіе не описываютъ, и предлагаетъ переписки собачекъ. Это значитъ, что авторъ все знаетъ. Книга его составлена изъ разнородныхъ статей, которыя можно раздѣлить на важныя и неважныя, то есть, на ученыя и шуточныя. Сперва объ ученыхъ. Все, что бы мы ни сказали, не въ состояніи дать надлежащаго понятія объ уродливости сужденій и слога, о тяжкихъ грѣхахъ противъ вкуса, логики и простыхъ, обыкновенныхъ познаній въ наукахъ и художествахъ; о напыщенности фразъ, внутренней пустотѣ мысли и дисгармоніи языка, какими отличаются эти „піесы, высказывавшіяся отъ души въ разныя эпохи жизни и не по заказу". Читаешь, и глазамъ не вѣришь! Въ концѣ статьи было замѣчено, что по роду своего дарованія авторъ могъ бы смѣшить публику и писать хорошія сказки *).

Указывая на характеристическія черты „Библіотеки для Чтенія" подъ редакціею Сенковскаго, нельзя не указать на циничность, которою проникнуты были многія изъ статей, принадлежащихъ перу ея редактора. Такія выраженія, какъ: „тихое, роскошное, пуховое тѣльце дѣвушекъ", „постель двухъ юныхъ любовниковъ, только что оставленная ими поутру въ живописномъ безпорядкѣ", „бѣлая, жирная ножка

*) „Библіотека для Чтенія" 1835 г., ч. 9, стр. 10.

мандаринши, на которой влюбленныя насѣкомыя утопаютъ въ небесномъ блаженствѣ", встрѣчающіяся въ разныхъ произведеніяхъ Брамбеуса, были и въ «Библіотекѣ" не рѣдкость. Нападая на современныхъ французскихъ писательницъ, рецензентъ „Библіотеки" писалъ: „Литературное общество французскихъ женщинъ поставило себѣ цѣлію низвергнуть тягостное иго мужчинъ. Мы всегда были на сторонѣ этого милаго, пахучаго возстанія. Наше сердце обливается кровью при одной мысли, какое ужасное, безотчетное вліяніе имѣютъ мужья, самый отвратительный родъ мужчинъ, на свои семейства, на своихъ женъ и дѣтей. Безумцы! что имъ за дѣло до дѣтей! Тираны! они требуютъ, чтобы супруги оставались имъ вѣрными, даже въ столицахъ! Можно ли дойти до такого варварства? Гдѣ тутъ права природы, гдѣ свобода воли? Такъ ли поступаетъ природа, оставленная на произволъ себѣ самой! Взгляните на вашихъ домашнихъ животныхъ, на этихъ веселыхъ, беззаботныхъ, не искаженныхъ предразсудками птичекъ, которымъ завидуете въ счастіи; особенно на этихъ кукушекъ, у которыхъ нѣтъ мужей, а только любовники. Гдѣ было ваше правосудіе, когда писали вы законы, если вы не могли перенять отъ этихъ невинныхъ созданій даже того, что заставляетъ насъ теперь имъ завидовать? Нынче женщина понимаетъ, что она такое, и скоро вы узнаете, что такое женщина" *). На названную черту нѣкоторыхъ статей „Библіотеки" часто указывали литературные враги этого журнала, но она же, вѣроятно, способствовала его успѣху въ средѣ нѣкоторыхъ читателей, съ жадностью бросавшихся на пряности.

„Библіотека для Чтенія" не могла не имѣть литературныхъ противниковъ. Къ самымъ сильнымъ изъ нихъ принадлежали Бѣлинскій и редакторъ „Телескопа" Надеждинъ. Особенно хороши были обличенія перваго. Съ большимъ умѣньемъ имъ были показаны какъ слабыя стороны названнаго журнала, такъ и его редактора, который для многихъ

*) „Библіотека" 1835 г., ч. 13, стр. 6.

читателей былъ чуть не кумиромъ и идеаломъ остроумія. Весьма вѣрно были опредѣлены Бѣлинскимъ причины успѣха „Библіотеки". Онъ называлъ ее журналомъ провинціальнымъ, журналомъ, который съ большимъ искусствомъ поддѣлывается подъ вкусъ провинціальной публики. „Представьте себѣ, говорилъ онъ, семейство степнаго помѣщика, семейство, читающее все, что ему попадется, съ обложки до обложки; еще не успѣло оно дочитаться до послѣдней обложки, еще не успѣло перечесть, гдѣ принимается подписка, и оглавленіе статей, составляющихъ содержаніе нумера, а ужь къ нему летитъ другая книжка, и такая же толстая, такая же жирная, такая же болтливая, словоохотливая, говорящая вдругъ однимъ и нѣсколькими языками. И въ самомъ дѣлѣ, какое разнообразіе! Дочка читаетъ стихи гг. Ершова, Гогніева, Струговщикова и повѣсти гг. Загоскина, Ушакова, Панаева, Калашникова и Масальскаго; сынокъ, какъ членъ новаго поколѣнія, читаетъ стихи г. Тимофеева и повѣсти Барона Брамбеуса; батюшка читаетъ статьи о двухпольной и трехпольной системахъ, о разныхъ способахъ удобренія земли, а матушка о новомъ способѣ лѣчить чахотку и красить нитки; а тамъ еще остается для желающихъ критика, литературная лѣтопись, изъ которыхъ можно черпать горстями и пригоршнями готовыя (и часто умныя и острыя, хотя рѣдко справедливыя и добросовѣстныя) сужденія о современной литературѣ. Не правда ли, что такой журналъ— кладъ для провинціи?» *). Для угожденія публикѣ, редакторъ не стѣснялся подпускать мѣстами цинизма, грубаго остроумія и очень прозрачныхъ намековъ на предметы, которые принято прикрывать завѣсой. Въ числѣ недостатковъ „Библіотеки" Бѣлинскимъ было указано на презрѣніе къ умозрѣнію, на брань, направленную противъ Гегеля и Шеллинга, на слабость отдѣла русской и иностранной словесности и т. д. Но указывая на недостатки, Бѣлинскій указывалъ и на достоинства журнала. Онъ хвалилъ въ немъ разнообразіе и

*) Сочиненія, т. II, стр. 24—25.

полноту содержанія, аккуратный выходъ книжекъ, самобытность и языкъ. „У «Библіотеки», писалъ онъ, есть свой оригинальный образъ мыслей, которымъ проникнута всякая статья ея, всякая строка, который составляетъ главную ея силу и опору. Эмпиризмъ не сухой и пошлый, но проникнутый жизнію мысли, есть душа этого журнала. И повторяемъ: по тому самому, что мы почитаемъ себя поборниками совершенно противуположнаго ученія, по тому самому и интересенъ для насъ этотъ эмпирическій журналъ: въ немъ есть своя дѣйствительность“ *). Видѣлъ онъ заслугу и въ изгнаніи ихъ языка *сихъ* и *оныхъ*, въ статьяхъ легкаго содержанія, называя мысли Сенковскаго о преобразованіи русскаго языка справедливыми и дѣльными. Болѣе односторонніи нападенія на «Библіотеку» и ея главнаго представителя Барона Брамбеуса дѣлалъ Надеждинъ, хотя въ этихъ нападеніяхъ было очень много остроумнаго и справедливаго. Говоря о сотрудничествѣ Барона Брамбеуса въ «Библіотекѣ», Надеждинъ писалъ: „Здѣсь, въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ, онъ успѣлъ уже показать неистощимую способность къ разнообразнѣйшей гибкости: явился разсказщикомъ и изслѣдователемъ, философомъ и мечтателемъ, нравоописателемъ и полемикомъ, проповѣдникомъ и юмористомъ; важнымъ и остроумнымъ, глубокимъ и вѣтренымъ, ѣдкимъ и любезнымъ, забавнымъ и саркастическимъ; пылкимъ, изступленнымъ, огнедышущимъ, нѣжнымъ, сладострастнымъ, упоительнымъ, милымъ, селадономъ, пастушкомъ, холоднымъ, эгоистомъ, мизантропомъ“ **). Говоря о нападкахъ Брамбеуса на *юную* французскую словесность, Надеждинъ говорилъ, что онъ, т. е. Брамбеусъ, только отводитъ глаза православному русскому народу, и, повидимому, заклиная нечистыхъ духовъ, самъ тайно пускаетъ ихъ на святую Русь, къ соблазну всего крещенаго міра. „Путешествіе на Медвѣжій островъ“ Брамбеуса Надеждинъ называлъ кощунствомъ надъ геологическими открытіями Кювье и іероглифическою системою Шам-

*) Тамъ же, т. II, стр. 445.
**) „Телескопъ“ 1834 г., ч. 21, стр. 139.

польона, надъ сравнительной анатоміей и надъ сравнительной филологіей. Указаны также были мысли Брамбеуса, вредныя для общественной нравственности. Надеждинъ говорилъ Брамбеусу, что онъ нападаетъ на бракъ, на супружескую вѣрность. Отыскивая причину расположенія публики къ Брамбеусу, онъ видѣлъ ее въ „безстрашной, неограниченной смѣлости языка". По его замѣчанію, выраженія, соблазнительныя даже и для повивальныхъ бабушекъ, у Брамбеуса не проскакивали мѣстами, а валились безпрестанно. Указывая на недостатки Брамбеуса, Надеждинъ старался показать и то, какъ этотъ писатель, нападая на французскую словесность, самъ подражалъ ей рѣшительно во всемъ. Въ заключеніе о „Библіотекѣ" приведемъ взглядъ на этотъ журналъ Греча, который нѣкоторое время самъ считался его редакторомъ. „Библіотека для Чтенія, писалъ онъ, есть безспорно одинъ изъ лучшихъ нашихъ журналовъ. Въ ней принимаютъ участіе многіе хорошіе писатели, въ ней помѣщаются переводы прекрасныхъ статей, ученыхъ и литературныхъ, изъ журналовъ иностранныхъ; въ ней есть полнота, разнообразіе. Исправность ея выхода обратилась въ пословицу. Жалуются на незанимательность многихъ статей, помѣщаемыхъ вмѣсто балласту на цинизмъ и безвкусіе нѣкоторыхъ мыслей, картинъ и выраженій, на странныя выходки противъ философіи и учености германской, на безпрерывныя насмѣшки и тупыя эпиграммы, которыми испещряются даже ученыя и серьезныя статьи. Но угодишь ли на всѣхъ; есть люди, есть читатели „Библіотеки", которымъ именно нравится то, что другіе порицаютъ. Дѣйствительный порокъ этого журнала, препятствующій ему рѣшительно дѣйствовать на публику, заключается въ дурномъ его слогѣ и варварскомъ языкѣ. Изъ этого, разумѣется, должно исключить помѣщаемыя въ „Библіотекѣ" статьи постороннихъ авторовъ, которыхъ редакція коснуться не смѣетъ. Оригинальныя статьи «Библіотеки» кажутся дурными переводами съ какого-то неизвѣстнаго намъ языка. Слогъ въ нихъ шероховатый, грубый, тяжелый и до крайности неправильный.

И между тѣмъ „Библіотека" (позвольте употреблять эту метонимію, для избѣжанія собственныхъ именъ) громогласно объявляетъ, что она очищаетъ русскій языкъ, что она одна хорошо пишетъ порусски, что русскіе писатели, старающіеся соблюдать въ своихъ сочиненіяхъ чистоту, правильность, благородство, гармонію—несчастные, запоздалые, заблудившіеся странники въ монгольскихъ степяхъ русскаго слова. И Карамзинъ, и Пушкинъ, и Державинъ, и Грибоѣдовъ—жалкіе пигмеи предъ великимъ барономъ Брамбеусомъ" *).

Другимъ замѣчательнымъ журналомъ 30-хъ годовъ были „Отечественныя Записки", издававшіяся Краевскимъ и появившіяся въ 1839 г., служа какъ бы возобновленіемъ „Отечественныхъ Записокъ" Свиньина, которыя по достоинству стояли несравненно ихъ ниже. Цѣлью ихъ было „способствовать, сколько возможно, русскому просвѣщенію по всѣмъ его отраслямъ, передавая отечественной публикѣ все, что только могло встрѣтиться въ литературѣ и жизни замѣчательнаго, и полезнаго, и пріятнаго, все, что могло обогатить умъ знаніемъ или настроить сердце къ воспріятію впечатлѣній изящнаго, образовать вкусъ". Первое мѣсто въ журналѣ назначалось извѣстіямъ о текущихъ современныхъ успѣхахъ Россіи во всѣхъ направленіяхъ общественной жизни, и въ особенности объ ея успѣхахъ въ просвѣщеніи, о ходѣ изящной и ученой литературы, о современномъ состояніи русскаго искусства и какъ опытной, такъ и раціональной промышленности. Приступая къ изданію названнаго журнала, редакція обѣщала передавать читателямъ замѣчательныя явленія иностраннаго ученаго, литературнаго, художественнаго и промышленнаго міра, представлять имъ лучшія ученыя и литературныя статьи, появляющіяся въ англійскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ журналахъ или книгахъ. Въ выборѣ литературныхъ сочиненій, принадлежавшихъ иностраннымъ авторамъ, она обѣщала руководствоваться строгою разборчивостью, въ извѣстіяхъ же о ходѣ иностранныхъ художествъ,

---

*) „Литературныя поясненія", Греча. 1838 г.

промышленныхъ и торговыхъ предпріятій стремиться къ возможной полнотѣ, ясности и современности. Она ручалась, что сужденія журнала будутъ чистосердечны, проискекать отъ полнаго внутренняго убѣжденія и оставаться чуждыми какихъ либо мелкихъ, посторонних отношеній. Въ программѣ журнала были указаны слѣдующія отдѣлы: 1) *Современная хроника Россіи*, т. е. обзоръ современнаго состоянія разныхъ частей государственнаго управленія, извлеченный изъ обнародованныхъ правительствомъ постановленій, отчетовъ и пр., и извѣстій, помѣщенныхъ въ оффиціальныхъ журналахъ; 2) *Науки*, отдѣлъ, заключавшій статьи по всѣмъ отраслямъ знанія, съ преимущественнымъ обращеніемъ вниманія на русскую исторію и исторію русской литературы; 3) *Словесность*, т. е. повѣсти, романы и стихотворенія; 4) *Художества*, отдѣлъ заключавшій въ себѣ статьи по теоріи и исторіи музыки, живописи, скульптуры и архитектуры, біографіи знаменитыхъ художниковъ, описаніе отечественныхъ памятниковъ, извѣстія о новѣйшихъ произведеніяхъ искусствъ въ Россіи и въ Европѣ, и проч; 5) *Домоводство, сельское хозяйство и промышленность*, гдѣ обращалось вниманіе на предметы, относящіеся къ сельскому хохозяйству, горному дѣлу, фабричнымъ производствамъ и торговлѣ, на новыя открытія и улучшенія по всѣмъ отраслямъ промышленности, съ разборомъ и примѣненіемъ этихъ нововведеній къ пользамъ русскихъ сельскихъ хозяевъ, фабрикантовъ и заводчиковъ; 6) *Критика*, т. е. разборъ важнѣйшихъ сочиненій на русскомъ и иностранныхъ языкахъ; 7) *Современная библіографическая хроника*, заключавшая отчеты о *всѣхъ* русскихъ книгахъ и тѣхъ иностранныхъ, которыя были особенно замѣчательны; 8) *Смѣсь*, заключавшая въ себѣ новѣйшія извѣстія о предметахъ, заслуживающихъ вниманія. Въ программѣ былъ помѣщенъ списокъ литераторовъ и ученыхъ, обѣщавшихъ свое участіе въ журналѣ. Ихъ насчитывалось 126. Тутъ находился почти весь цвѣтъ современной науки и литературы.

Такимъ образомъ „Отечественныя Записки" выступали

на журнальное поприще съ программой, чрезвычайно обширной, богатой и разнообразной, програмой, какой до тѣхъ поръ не выставлялъ ни одинъ русскій журналъ. Обѣщаній дано было много. Насколько же все это было выполнено?

Журналъ не обманулъ. Уже въ первый годъ своего существованія, онъ, какъ говоритъ Бѣлинскій, подалъ блестящія надежды въ будущемъ. Особенно хорошъ былъ отдѣлъ «Современная хроника Россіи». До того времени русская журналистика не представляла ничего подобнаго. Статьи этого отдѣла были замѣчательны и по содержанію, и по изложенію. Онѣ не были сухой номенклатурой, но представляли живую и подробную передачу всѣхъ замѣчательныхъ явленій русской жизни. Тутъ находились: обзоры современнаго состоянія разныхъ частей государственнаго управленія, современныя событія въ мірѣ ученомъ, искусствахъ, горномъ дѣлѣ, торговлѣ, мануфактурахъ и хозяйствѣ; открытія и предпріятія по разнымъ отраслямъ народной дѣятельности; изобрѣтенія и усовершенствованія, благотворительность, и т. д. Этотъ отдѣлъ вполнѣ оправдывалъ названіе, присвоенное себѣ журналомъ. Для историка русской жизни даннаго времени онъ можетъ имѣть весьма важное значеніе, представляя искусную группировку разнообразныхъ и весьма важныхъ фактовъ. Отдѣлъ „Словесности“ въ «Отечественныхъ Запискахъ» былъ названъ Бѣлинскимъ лучшимъ, богатѣйшимъ и блистательнѣйшимъ отдѣленіемъ журнала. Здѣсь были помѣщены произведенія Лермонтова, Соллогуба, кн. Одоевскаго, Панаева, Даля, Дуровой и другихъ. Между стихотвореніями лучшія принадлежали Пушкину, Лермонтову, Кольцову, Растопчиной. Отдѣленіе «Смѣси» было разнообразно и интересно. Здѣсь было много оригинальныхъ статей, чего было меньше въ „Библіотекѣ для Чтенія“. Тутъ, между прочимъ, были очень интересны статьи Макарова о библіографическихъ рѣдкостяхъ. Въ библіографической хроникѣ встрѣчалось много дѣльныхъ отзывовъ, принадлежавшихъ не одному, а многимъ рецензентамъ. Замѣчательны были очерки иностранныхъ литературъ.

Прекрасный новый журналъ, какъ водится, былъ недружелюбно встрѣченъ ветеранами русской журналистики. Между отзывами о немъ замѣчательны отзывы „Сына Отечества“. Въ нихъ проглядывали явное пристрастіе и опасеніе соперничества. „Сынъ Отечества“ не считалъ „Отечественныя Записки“ не только главнымъ, но и какимъ бы то ни было представителемъ современнаго состоянія русской литературы. „Хроника Россіи“ была названа выписками изъ „Сенатскихъ Вѣдомостей“ и разныхъ журналовъ безъ всякой системы и порядка. Давая отчетъ объ одной книжкѣ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1839 г., „Сынъ Отечества“, говоря о нѣкоторыхъ отдѣлахъ журнала, замѣчалъ: „Намъ кажется, что статью о трюфеляхъ и о томъ, какъ въ Голштиніи производятъ ягнятамъ прививку оспы подъ хвостомъ, обѣщанія издателей не выполняются удовлетворительно. Отдѣленіе художествъ также очень сжалось въ нынѣшней книжкѣ «О. З.» Въ немъ нашли мы только продолженіе статьи о русскихъ художникахъ, а въ этомъ продолженіи—реестры произведеніямъ гг. Варника и Демута-Малиновскаго, съ выпискою изъ какой-то учебной книжки о томъ, что такое гравированіе. Но читатели могутъ утѣшиться отдѣленіемъ „Библіографіи“ и „Критики“. Въ первомъ, извѣстія о *пятидесяти одной книгѣ*, на 104 страницахъ. «О. З.», что называется, *разгулялись*; тутъ достается отъ нихъ тѣмъ, кто имъ не нравится, и очень многому можно тутъ поучиться!“ *) Къ недостаткамъ ученаго отдѣла было отнесено помѣщеніе въ немъ статьи Венелина „Принятіе христіанства славянскими народами до Кирилла и Меѳодія“ и такихъ статей, какъ статья Араго „О громѣ“, которая была названа дѣльной, но негодящейся для журнала.

Говоря о недостаткахъ журнала, „Сынъ Отечества“ требовалъ отъ „Отечественныхъ Записокъ“ статей:—по философіи—Велландскаго и Ястребова, по теоріи словесности—Никитенко, по положительнымъ наукамъ—Брашмана, Буня-

*) „Сынъ Отечества“ 1839 г., ч. 7, стр. 89.

ковскаго, Перевощикова, Гесса, Куторги, Паррота, по филологіи и исторіи—Шульгина, Востокова, Кеппена, Снегирева, по военной исторіи—Данилевскаго. Невыгодный отзывъ объ «Отечественныхъ Запискахъ» былъ сдѣланъ и въ «Сѣверной Пчелѣ», въ которой Булгаринъ, говоря о томъ, что «Отечественныя Записки» обезпечены хорошимъ денежнымъ капиталомъ, доказывалъ, что деньгами хорошаго журнала создать нельзя.

По поводу подобныхъ нападеній, въ «Отечественныхъ Запискахъ» было помѣщено интересное «Объявленіе», въ которомъ, между прочимъ, было сказано слѣдующее: «На «О. З.», какъ на редакцію вообще, такъ и на сотрудниковъ отдѣльно, послѣ появленія 1-й книжки сего журнала, и въ особенности до появленія ея, сдѣлано было достаточное количество гласныхъ и негласныхъ, прямыхъ и косвенныхъ нападеній... Многіе благомыслящіе люди извѣщали редакцію, что эти нападенія приводятъ въ недоумѣніе читателей, *особенно въ провинціяхъ*, гдѣ неизвѣстны всѣ закулисныя тайны чернильнаго міра; что многіе спрашивали: какъ *осмѣливаются* литературные промышленники взводить *невѣроятныя, столь же нелѣпыя, сколь и грубыя небылицы* на изданіе, въ которомъ участвуютъ *первые, всѣми безпрекословно уважаемые русскіе литераторы и ученые*, когда вся редакція, всѣ участники налицо, и могутъ *однимъ словомъ* опровергнуть *черную клевету*, на нихъ взводимую?» *). Дальше было сказано: «Редакція «О. З.» находится вынужденною объявить одинъ разъ навсегда своимъ читателямъ слѣдующее: „О. З.“ предприняты *не для перебранки* съ той промышленностью, которая, подъ личиною литературныхъ правъ, старается для своихъ корыстныхъ видовъ уронить всякаго писателя, уважающаго свое званіе и непричастнаго книжноторговымъ сплетнямъ и спекуляціямъ на легковѣріе читателей... Съ другой стороны благосклонный пріемъ „О. З.“ публикою показываетъ, что время *спекуляторовъ* прошло, что читатели начи-

*) Обвиненіе, какъ видно, касалось мнимой политической неблагонадежности.

наютъ ясно видѣть проказы этихъ господъ и отличать настоящую литературу отъ *биржевой*, труды въ полномъ смыслѣ литературные отъ дерзкихъ усилій нажиться посредствомъ литературы, какимъ бы то ни было способомъ, что наконецъ, рано или поздно, восторжествуетъ благонамѣренность и усердіе къ общей пользѣ, а *коммерческая* литература, безславящая настоящую, погрузится въ забвеніе, изъ коего никогда не должна была выходить для чести русскаго слова». Эти слова были приняты «Сыномъ Отечества» отчасти на свой счетъ, причемъ имъ былъ сдѣланъ, между прочимъ, такой вопросъ: «Зачѣмъ издатели „О. З.“ называютъ *биржевою* и *коммерческою* спекуляціонную литературу? Тѣмъ и другимъ названіемъ означаются у насъ почтенныя занятія купца и негоціанта, и употребляя слова не въ настоящемъ смыслѣ, можно оскорбить неумышленно». Очевидно, что у «Сына Отечества», подчеркнувшаго слова: *биржевой*, *коммерческій*, *купецъ*, *негоціантъ*, была какая-то задняя мысль. Не хотѣлъ ли этимъ почтенный журналъ повредить «Отечественнымъ Запискамъ» въ средѣ названныхъ лицъ и набросить на нихъ отчасти нигилистическій оттѣнокъ?

Другимъ журналомъ, заботившимся о пользахъ отечества и ясно выразившимъ это на своей обложкѣ, былъ «Сынъ Отечества». Въ исторіи этого журнала въ 30-хъ годахъ нужно различать два періода: одинъ подъ редакціею Греча, другой—подъ редакціею Полеваго. Первый былъ весьма плачевенъ, второй представлялъ *нѣсколько* болѣе утѣшительныхъ явленій. «Сынъ Отечества» подъ редакціею Греча, при дѣятельномъ участіи Булгарина, выражалъ тѣ же самые взгляды, какіе высказывались и въ «Сѣверной Пчелѣ». Событія внутренней жизни всегда представлялись въ розовомъ свѣтѣ, напротивъ, многія явленія западно-европейской жизни рисовались въ самомъ мрачномъ видѣ. Какъ и „Сѣверная Пчела“, «Сынъ Отечества» обнаруживалъ наклонность къ *инсинуаціямъ*. Онъ желалъ видѣть молодыхъ литераторовъ въ строгомъ подчиненіи старымъ, заслуженнымъ, чиновнымъ писателямъ. Всякое дѣльное и остроумное замѣчаніе, представ-

лявшее въ невыгодномъ свѣтѣ произведенія Греча или Булгарина, считалось чуть не преступленіемъ противъ правительства и относилось къ нигилизму и подкапыванію общественнаго спокойствія въ государствѣ. И нельзя сказать, что дружныя усилія „Сѣверной Пчелы“ и „Сына Отечества“ не достигали хотя отчасти своей цѣли: нѣкоторые писатели не шутя побаивались *инсинуацій двухъ „заслуженныхъ“ литераторовъ*, которые могли навредить своему литературному врагу самымъ *не литературнымъ образомъ*. Въ критику два названные органа русской журналистики старались всѣми силами ввести духъ благонамѣренности, которую они понимали совершенно по своему. Особенно сильно они нападали на московскую журналистику, призывая всѣ громы небесные на голову „Молвы“ и „Телескопа“, критику которыхъ они называли насмѣшливой, неуважительной и оскорбительной. Совсѣмъ иныя отношенія были къ „Библіотекѣ для Чтенія“ и Брамбеусу. Послѣдній назывался литературною знаменитостью, критикомъ, который могъ убить однимъ своимъ словомъ писателя. „Библіотекѣ для Чтенія“ было дано первое мѣсто между журналами. Замѣчательно было отношеніе „Сына Отечества“ къ Пушкину. Хотя онъ и не прочь былъ похвалить послѣдняго, но совсѣмъ не придавалъ ему такого значенія, какое придается ему теперь. Такъ, Булгаринъ писалъ, въ „Сынѣ Отечествѣ“ о Пушкинѣ слѣдующее: „Хотя Пушкинъ оригиналенъ, но оригинальность его не принесетъ такихъ плодовъ, какіе принесла оригинальность Байрона. Есть и будетъ множество подражателей Пушкина (несносное племя!), но не будетъ *слѣдствія* Пушкина, какъ онъ самъ есть *слѣдствіе* Байрона. Пушкинъ плѣнилъ, восхитилъ своихъ современниковъ, научилъ ихъ писать гладкіе, чистые стихи, далъ имъ почувствовать сладость нашего языка, но не увлекъ за собою своего вѣка, не установилъ законовъ вкуса, не образовалъ своей школы, какъ Байронъ и Гете“. Въ другомъ мѣстѣ о Пушкинѣ было сказано: „Пушкинъ не читалъ даже въ подлинникѣ произведеній Байрона, и знаетъ ихъ только по французскимъ переводамъ. Пушкинъ даже

не могъ постигнуть всѣхъ красотъ нѣмецкой поэзіи, ибо онъ не столь силенъ въ нѣмецкомъ языкѣ, чтобъ понимать красоты піитическаго языка. Можетъ быть А. С. Пушкинъ теперь и понимаетъ совершенно Байрона и Гете въ подлинникѣ, но когда онъ началъ писать, онъ не зналъ столько ни англійскаго, ни нѣмецкаго языка, чтобъ понимать высшую поэзію. Это всѣмъ извѣстно" *). Что касается до Гоголя, то „Сынъ Отечества" совсѣмъ его не примѣчалъ. Вообще, „Сынъ Отечества" подъ редакціею Греча былъ крайне слабымъ журналомъ и представлялъ одно изъ самыхъ неутѣшительныхъ явленій въ русской литературѣ. Отдѣлы его были тощи и бѣдны содержаніемъ. Отдѣлъ „Изящной словесности" наполнялся переводными французскими сочиненіями, въ отдѣлѣ „Критики" высказывались дикіе взгляды на русскую литературу, въ отдѣлѣ „Современной политики" сообщались самыя коротенькія и отрывочныя свѣдѣнія въ родѣ того, что въ Сѣверной Америкѣ съ обѣихъ сторонъ готовятся къ войнѣ и что по всему видно, что Союзъ близокъ къ разрушенію, что въ палатѣ перовъ засѣданій не было и т. д. Въ отдѣлѣ „Путешествій" помѣщались статьи въ манерѣ „Сѣвернаго Архива", въ „Смѣси", весьма тощей, проглядывало весьма много тенденціознаго. Въ ней, напримѣръ, было помѣщено насмѣшливое извѣстіе, что въ числѣ членовъ нижней палаты англійскаго парламента находится одинъ бывшій *кулачный боецъ*, Гулли, сынъ *мясника*, который содержалъ *трактиръ* въ Глостерскомъ графствѣ. Въ № 4, 1833 г., была помѣщена такая замѣтка: „Въ № 22 „Journal de Francfort" и въ № 11 Спб. журнала „Le Taroir" напечатана статья: „Napoléon aux avant-postes de Bauzen" и ни одинъ, ни другой журналистъ не соблаговолили сказать, что это переводъ съ русскаго, изъ сочиненій Булгарина. Suum cuique, господа!" Въ отдѣлѣ „Медицины" велась, между прочимъ, скучнѣйшая борьба съ гомеопатіей. Не менѣе скучны были и стихотворенія журнала.

---

*) „Сынъ Отечества" 1833 г., № 6, стр. 314.

Когда въ концѣ тридцатыхъ годовъ „Сынъ Отечества“ перешелъ въ руки Полеваго, много было высказано надеждъ на улучшеніе журнала. „Не говоря уже о перемѣнѣ въ планѣ журнала, изъ недѣльника, превратившагося, по примѣру „Библіотеки для Чтенія“, въ мѣсячникъ, говоритъ Бѣлинскій, сколько надеждъ было возложено публикою на этотъ журналъ, подпавшій подъ редакцію знаменитаго, талантливаго и многосторонняго редактора. Поговаривали было уже, что „Библіотекѣ для Чтенія“ приходитъ конецъ, что вотъ наконецъ-то явится журналъ, который дастъ намъ критику безпристрастную, благородную, независимую, основанную на твердыхъ началахъ науки изящнаго, въ ея современномъ состояніи; журналъ, который, какъ на ладони, будетъ показывать намъ современную Европу со стороны ея умственной дѣятельности и духовнаго развитія. Ждали, кричали — кричали и ждали, и—дождались....“ *). „Сынъ Отечества“ подъ новой редакціей сталъ нѣсколько лучше, но совсѣмъ не оправдалъ ожиданій. Видно было, что литературныя треволненія надломили энергію почтеннаго журналиста. Съ прекращеніемъ „Телеграфа“, запрещеннаго за критическую статью противъ драмы Кукольника „Рука Всевышняго Отечество спасла», кончился цвѣтущій періодъ дѣятельности Полеваго. „Матеріальные убытки, понесенные Полевымъ, вслѣдствіе запрещенія журнала, хотя и весьма значительные, были ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ нравственнымъ погромомъ, который ему пришлось при этомъ вынести. Обремененный многочисленнымъ семействомъ и долгами, вынужденный отказаться отъ своего любимаго призванія, Полевой искалъ дѣятельности по себѣ и, не находя ея, болѣе и болѣе мельчалъ и оскудѣвалъ силами среди той литературной поденщины, на которую онъ былъ обреченъ силою тяжкихъ обстоятельствъ“ **). Критика журнала подъ новой редакціей недалеко ушла отъ своей предшественницы. Въ ней было много пристрастнаго

*) Сочиненія, т. III, стр. 94.

**) Исторія русской литературы въ очеркахъ и біографіяхъ, Полеваго, стр. 644.

и устарѣлаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ ней замѣчалось какое-то колебаніе; такъ, Гоголя она то хвалила, то старалась унизить. Въ Лажечниковѣ она видѣла безграмотнаго писаку, и даже на Пушкина не задумывалась поднять руку, непонимая красотъ его «Каменнаго гостя». Современная нѣмецкая литература, какъ говоритъ Бѣлинскій, казалась Полевому, какъ критику, пустоцвѣтной и ничтожной. Очевидно, что симпатіи его находились въ прошломъ, а не въ настоящемъ. Величайшимъ новымъ философомъ попрежнему былъ для него Шеллингъ и по прежнему онъ считалъ великими геніями Ламартина, Гюго, Виньи, Бальзака. Къ «Библіотекѣ для Чтенія» сохранялись прежнія дружественыя отношенія. Въ ней «Сынъ Отечества» видѣлъ почти всю русскую журналистику и сравнивалъ ее съ тяжелой колесницей, которая, катясь по тѣсному полю русской литературы, безжалостно давила встрѣчныхъ и брызгала грязью съ широкихъ своихъ колесъ. Иного рода отношенія были къ „Отечественнымъ Запискамъ". Эти отношенія мы уже видѣли при обзорѣ послѣднихъ. Здѣсь кстати будетъ указать на одну статью, помѣщенную въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду", въ которой указывалось на отношенія къ „Отечественнымъ Запискамъ" „Сына Отечества" и на то, почему послѣдній не могъ сдѣлаться лучшимъ журналомъ. Ей была придана форма письма къ редактору, и въ ней, между прочимъ, было сказано слѣдующее: «Вы, вѣроятно, замѣтили, милостивый государь, что почти половина книжекъ „Сына Отечества" наполняется критикою и нападеніями на „Отечественныя Записки". Понимаете ли это, милостивый государь? Очевидно, что вся редакція «Сына Отечества» прилежно занимается симъ дѣломъ и прочитываетъ «Отечественныя Записки», какъ корректурные листы, прилежно отмѣчая всѣ опечатки; это довольно легко съ помощію хорошаго типографскаго наборщика; но вѣдь изъ этихъ опечатокъ надобно составлять цѣлыя статьи, выводить изъ нихъ заключенія, полезныя для «Сына Отечества». Все это не бездѣлица. Къ тому же «Отечественныя Записки» своею неде-

ликатностью приводятъ въ отчаяніе критиковъ «Сына Отечества». Редакція «Отечественныхъ Записокъ» не удостоила всѣ нападенія «Сына Отечества» ни полстрочкою отвѣта, Это ни на что не похоже!» Указавъ на «выщипыванье опечатокъ», отнимавшее у „Сына Отечества" много времени! авторъ письма указывалъ на достоинства „Отечественныхъ Записокъ", какихъ, по его мнѣнію, вовсе не встрѣчалось въ первомъ журналѣ. Къ этимъ достоинствамъ онъ относилъ „полный, совѣстливый отчетъ о всѣхъ важнѣйшихъ происшествіяхъ въ отечествѣ, занимательныя ученыя статьи, оригинальныя или переводныя, повѣсти лучшихъ русскихъ новеллистовъ, статьи о хозяйствѣ лучшаго русскаго агронома, прекрасные стихи, которымъ самые противники отдавали справедливость, самыя свѣжія ученыя извѣстія, написанныя языкомъ, понятнымъ даже для неученыхъ людей" *) Далѣе указывались различныя противорѣчія и ошибки „Сына Отечества", въ родѣ того, что стихи Баратынскаго и Бенедиктова и худы, и хороши, что отвердѣлая глина есть камень, и т. д. Среди ученыхъ статей въ „Сынѣ Отечества" попадались статьи интересныя и замѣчательныя; сюда, напримѣръ, принадлежали статьи Іакинѳа, Врангеля, Давыдова, Корсакова. Отдѣленіе „Современной Исторіи" было замѣчательно своимъ дурнымъ изложеніемъ; стихотворенія были, по замѣчанію Бѣлинскаго, таковы, что ихъ можно было читать и сверху внизъ и снизу вверхъ. Прозаическая часть изящной словесности была лучше. Такимъ образомъ, „Сынъ Отечества" подъ новой редакціей не оправдалъ возлагавшихся на него ожиданій. По этому поводу вотъ что писалъ Бѣлинскій о Полевомъ: „Не странное ли зрѣлище представляетъ собою человѣкъ, который, съ силою, энергіею, одушевленіемъ, вооруженный смѣлостію и дарованіемъ, явился на литературномъ поприщѣ рьянымъ поборникомъ новаго и могучимъ противникомъ стараго, а сходитъ съ поприща, на которомъ подвизался съ такимъ блескомъ, съ такою славою

*) „Литературныя Прибавленія" 1839 г., стр. 278.

и такимъ успѣхомъ, сходитъ съ него—противникомъ всего новаго и защитникомъ всего стараго?... Не господинъ ли Полевой первый убилъ на Руси авторитетъ Корнелей и Расиновъ, и не онъ ли теперь благоговѣетъ предъ ихъ мишурнымъ величіемъ?... Чего добраго, можетъ быть, мы еще дождемся умилительныхъ статей, гдѣ будетъ доказываться величіе Тредьяковскаго, Сумарокова, Хераскова?... Не господинъ ли Полевой первый привѣтствовалъ Пушкина первымъ и великимъ русскимъ поэтомъ, и не онъ ли теперь, одинъ изъ всѣхъ журналистовъ, не понимаетъ одного изъ самыхъ колоссальныхъ его произведеній „Каменнаго гостя"? Не господинъ ли Полевой первый былъ у насъ гонителемъ литературнаго безвкусія, вычурности, натянутости, и не онъ ли теперь въ восторгѣ не только отъ Марлинскаго, но даже и отъ г. Каменскаго?..." *).

«Сынъ Отечества» невольно вызываетъ въ памяти «Сѣверную Пчелу». Появившись въ 1825 году, она въ сущности оставалась и въ 30-хъ годахъ такою же, какою была въ 20-хъ **). Разница была, между прочимъ, въ томъ, что, не смотря на совсѣмъ нелитературные ея принципы, она была въ 30-хъ годахъ уже значительною силою, которой побаивались многіе... Ея редакторъ Булгаринъ, по справедливому замѣчанію г. Пятковскаго, принадлежалъ въ это время къ тому тріумвирату, подъ гнетомъ котораго нѣкоторое время находилась чуть не вся русская литература. Этотъ тріумвиратъ составляли Гречъ, Булгаринъ и Сенковскій. Время его дѣятельности относится къ 1835 — 1840 г. «Эти годы, говоритъ г. Пятковскій, были особенно счастливы для «Сѣверной Пчелы», «Сына Отечества» и «Библіотеки для Чтенія»—трехъ дружныхъ органовъ, солидарныхъ между собою, въ главныхъ чертахъ своей дѣятельности и вліянія на пуб-

*) Сочиненія, т. III, стр. 105—106.

**) Мы не беремъ здѣсь во вниманіе напускнаго либерализма, который обнаруживалъ Булгаринъ въ первоначальную пору своей литературной дѣятельности. Многіе характеристическіе признаки „Сѣверной Пчелы" 30-хъ годовъ проглядываютъ въ ней уже въ 20-хъ годахъ, только впослѣдствіи они выразились гораздо яснѣе и опредѣленнѣе.

лику. Возставать противъ такого деспотическаго господства было въ то время весьма неудобно; въ особенности сильна была «Сѣверная Пчела». Говорить о монополіи этой газеты на политическія новости и ежедневный выходъ считалось дѣломъ самымъ предосудительнымъ... Ни цензоры, ни издатели не рѣшались допустить такой нападки» *).

Разсмотримъ ближе эту газету. Содержаніе „Сѣверной Пчелы" было довольно разнообразное. Въ ней помѣщались внутреннія извѣстія, заграничныя новости, научныя статьи, повѣсти и разсказы, разборы новыхъ книгъ, статьи о театрѣ и музыкѣ и смѣсь. Передовыхъ статей не было. Отдѣлъ внутреннихъ и иностранныхъ извѣстій былъ чрезвычайно сжатъ. Весьма многочисленны были статьи о театрѣ и музыкѣ и весьма обширенъ былъ отдѣлъ смѣси. Главную окраску газетѣ придавали статьи Булгарина, трактовавшаго въ ней о весьма разнообразныхъ предметахъ, и иногда весьма курьезнымъ образомъ. Онъ разсуждалъ о наукѣ, литературѣ, поэзіи, искусствахъ, изрекалъ приговоры знаменитымъ русскимъ писателямъ, говорилъ о желѣзныхъ дорогахъ, женщинахъ, картахъ и съ особенною любовью останавливался на рекомендаціи товаровъ различныхъ петербургскихъ магазиновъ. Послѣдній продуктъ его пера представляетъ много интереснаго для современнаго изслѣдователя. Было бы утомительно перечислять всѣ торговыя фирмы, которыя были воспѣты Булгаринымъ. Такъ имъ былъ воспѣтъ магазинъ Юнкера, причемъ было сдѣлано указаніе на дешевизну его товаровъ и вѣжливость продавцевъ. Хвалилъ по отношенію къ этому магазину Булгаринъ и то, что въ него можно было заходить просто для бесѣды съ знакомыми и глазѣнья, не имѣя въ виду покупки, причемъ было замѣчено, что *добрые хозяева* нисколько не гнѣвались на это. Въ заключеніе магазинъ былъ причисленъ къ лучшимъ украшеніямъ столицы **). Кругъ предметовъ, входившихъ въ область рекомен-

*) Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія, т. II, стр. 318.

**) „Сѣверная Пчела" 1838 г., № 70.

даціи и воспѣванія Булгарина, былъ чрезвычайно обширенъ, Тутъ можно было найти и вина, и тонкую закуску, и сигары, и мебель, и сукно, и дамскія ботинки. Редакторъ былъ настолько внимателенъ и любезенъ по отношенію къ своимъ читателямъ, что даже рекомендовалъ имъ гробоваго мастера. Какъ было не любить и не уважать такого обязательнаго человѣка! Любилъ также Булгаринъ описывать балаганныя и вербныя гулянья, причемъ упоминалось о „пунцовенькихъ личикахъ, прозрачныхъ вуаляхъ и стройненькихъ капотцахъ".

Но „Сѣверная Пчела" трактовала и о матеріяхъ важныхъ. Характеристичны были ея воззрѣнія литературныя. научныя и художественныя. Въ русской современной литературѣ она видѣла упадокъ и оплакивала это печальное явленіе. Она бранила Гоголя, Лажечникова, всѣ журналы, за исключеніемъ „Сына Отечества", и причисляла къ самымъ утѣшительнымъ явленіямъ русской литературы произведенія Греча и Булгарина. Современные журналы, по ея словамъ, были надуты, сухи, скучны и безотчетны. Въ литературѣ она видѣла упадокъ вкуса и чистоты русскаго языка, а въ нѣкоторыхъ ея произведеніяхъ, какъ, напримѣръ, у Гоголя, даже отвратительный цинизмъ. Языкъ „Современника", „Отечественныхъ Записокъ", „Литературныхъ Прибавленій", „Московскаго Наблюдателя" она прямо называла *сквернымъ*, не приводя для этого никакихъ доказательствъ *). По словамъ „Сѣверной Пчелы", изъ *двадцати пяти* русскихъ современныхъ писателей едва *пять* человѣкъ *знали основательно* правила русскаго языка и одна половина изъ нихъ писала по *инстинкту*, а другая наудачу **). Все это не мѣшало газетѣ нѣкоторыхъ бездарныхъ писателей превозносить до небесъ. Писателямъ не особенно виднымъ, какъ, напримѣръ, Тимофееву и Ершову, дано было ею чуть не первое мѣсто въ литературѣ. Состояніемъ современной русской науки „Сѣверная Пчела" также была не особенно довольна. Такъ, въ

*) „Сѣверная Пчела" 1839 г., № 145.

**) Тамъ же, 1836 г., № 9.

историческихъ трудахъ она видѣла подражательность и болѣе догадокъ, нежели дѣла, съ вѣчнымъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же фактовъ, при недостаткѣ философіи и критики. Въ естественныхъ и математическихъ наукахъ замѣчала застой. Болѣе успѣховъ признавала за статистикой, поощряемой правительствомъ. По отношенію къ театру газета жаловалась на недостатокъ хорошихъ артистовъ для „важныхъ ролей". Про русскую оперу говорила, что она въ Малороссіи. Касаясь вопроса объ отношеніи общества къ литературѣ, „Сѣверная Пчела" жаловалась на равнодушіе значительной его массы къ послѣдней. По ея словамъ, не мало было въ обществѣ такихъ лицъ, которыя, не стѣсняясь платить по *пятидесяти*, по *сту* рублей за ложу въ театрѣ, жалѣли истратить *пять* рублей въ годъ на книги. Вообще, газета любила такъ, или иначе останавливаться на нравахъ современнаго общества и являться обличительницею безобидныхъ предметовъ. Такъ, она иногда рисовала провинціальные нравы, обличая лѣнивую жизнь нѣкоторыхъ помѣщиковъ, которые не знали ничего другаго, кромѣ охоты, виста, ѣды и крѣпкаго сна. Лучшую часть газеты составляла фактическая сторона. Нельзя не согласиться, что въ ней не мало было статей по географіи и этнографіи, иногда довольно интересныхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ касались живыхъ вопросовъ современной общественной жизни, какъ, напримѣръ, многочисленныя статьи о желѣзныхъ дорогахъ *). Сюда же можно отнести статистическіе отчеты различныхъ правительственныхъ учрежденій. Въ этихъ отчетахъ встрѣчалось много интереснаго. Не мало интересныхъ свѣдѣній,

*) Эти статьи представляютъ много интереснаго. Оказывается, что у желѣзныхъ дорогъ на первыхъ порахъ было много враговъ и въ обществѣ, и въ литературѣ. Говорили и писали, что рельсы не могутъ выдержать нашего климата и будутъ лопаться, предлагали замѣнить желѣзныя дороги торцовыми, съ разведеніемъ по сторонамъ лѣса, который доставлялъ бы матеріалъ для послѣднихъ, и т. д. Замѣчательно, что та же исторія была съ введеніемъ газоваго освѣщенія въ 30-хъ годахъ. Нашлись противники, которые доказывали, что газоваго освѣщенія быть не можетъ, такъ какъ газъ долженъ или *замерзнуть* или *улетѣть*.

между прочимъ, было приведено по отношенію къ Петербургу, изъ книги „Статистическія свѣдѣнія о Петербургѣ". Оказывается, что въ Петербургѣ въ 1833 г. считалось домовъ 7,976, изъ которыхъ 2,730 были каменные. Большая часть деревянныхъ домовъ принадлежала чиновникамъ и мѣщанамъ. Чиновники большею частью имѣли дома на имя женъ. Въ нѣкоторыхъ домахъ число жильцовъ доходило до 4,000 человѣкъ. Самую населенную часть составляла 3-я адмиралтейская, съ преобладаніемъ рабочаго населенія, причемъ на 337 домовъ при 66,000 жителей считалось только 3,104 кухни, изъ чего было видно, что половина народонаселенія названной части пользовалась въ домахъ только пристанищемъ *). Въ этой части считалось 12 харчевень, 14 ресторацій, 10 питейныхъ домовъ и 14 штофныхъ лавочекъ. Убытковъ отъ пожаровъ въ 1829 г. было въ Петербургѣ на сумму 437,000 руб. Постройка домовъ производилась большею частію очень поспѣшно; слѣдствіемъ этого были сырость и отсюда головныя боли, катарры, расположеніе къ водяной болѣзни, гнилымъ горячкамъ, воспаленіе глазъ, англійская болѣзнь и др. **). Въ отдѣлѣ о народонаселеніи были, между прочимъ, сообщены такія свѣдѣнія. Въ 28 лѣтъ число чиновниковъ увеличилось въ два съ половиною раза, жалованье же съ 1810 г. увеличилось въ пять разъ. Отставныхъ считалось въ 1833 г. 9,605. Дворовыхъ людей считалось 96,725 обоего пола. Половину народонаселенія составляли крестьяне, изъ которыхъ 7/10 крѣпостныхъ. Большинство иностранцевъ, которыхъ считалось 12,059, составляли

*) Въ Литейной части на 862 дома считалось 5,165 кухонь, причемъ на 10 человѣкъ приходилась одна кухня.

**) Въ домахъ, расположенныхъ по лѣвую сторону Невы и обращенныхъ къ сѣверу, воздухъ отличался сыростью. Было указано, что не слѣдовало бы устраивать жилыхъ помѣщеній надъ конюшнями и сараями, что *людскія* комнаты во многихъ домахъ очень тѣсны, что форточки въ нихъ никогда почти не открываются, печи закрываются съ угаромъ, что иногда въ этихъ комнатахъ содержатся и домашнія птицы. Этимъ и другими условіями объяснялось появленіе различныхъ болѣзней, какъ, напримѣръ, горячки и цынги, среди жильцовъ этихъ комнатъ.

нѣмцы. Отношеніе мужскаго населенія къ женскому въ 1831 г. было 231:100. Особенная неравномѣрность замѣчалась между военными *).

У „Сѣверной Пчелы" было не мало литературныхъ враговъ, нападенія которыхъ весьма часто были вполнѣ основательны. Особенно сильны были нападенія Бѣлинскаго. Имъ превосходно было показано неумѣнье „Сѣверной Пчелы" цѣнить заслуги великихъ писателей, ея пристрастіе, самовосхваленіе, непослѣдовательность и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже отсутствіе честности въ сужденіяхъ. Получивъ со стороны Булгарина упрекъ въ ренегатствѣ (по поводу мысли о печальномъ состояніи русской литературы), Бѣлинскій отвѣчалъ слѣдующими характеристическими словами: „Нѣтъ, м. г., на святой Руси не было, нѣтъ и не будетъ ренегатовъ, т. е. этакихъ выходцевъ, бродягъ, пройдохъ, этихъ разстригъ и патріотическихъ предателей, которые бы, играя двойною присягою, попадали въ двойную цѣль, и избавляя отъ негодяя свое отечество, пятнали бы своимъ братствомъ какое-нибудь государство" **). Не мало чувствительныхъ ударовъ пришлось принять „Сѣверной Пчелѣ" и со стороны нѣкоторыхъ другихъ литературныхъ дѣятелей. Удачныя нападки на нее были сдѣланы, между прочимъ, въ «Литературныхъ прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду». Тамъ было сказано, что «Сѣверная Пчела» въ продолженіе большей части года покоится въ величественномъ бездѣйствіи и довольствуется извѣщеніями о новыхъ магазинахъ, кондитерскихъ, масляничныхъ балаганахъ и проч.; но въ концѣ года, во время объявленія о подпискѣ на журналы, вдругъ пробуждается и начинаетъ говорить о русской литературѣ, о своей благонамѣренности и доброй русской публикѣ, преимущественно живущей въ провинціи. Тамъ же было указано на немалое количество промаховъ «Сѣверной Пчелы» противъ логики и русскаго языка, причемъ было прибавлено, что можно было бы издавать по вечерамъ цѣ-

*) „Сѣверная Пчела" 1836 г., №№ 146, 147, 148 и 149.

**) Сочиненія, т. I, стр. 50.

лый листъ, равный «Пчелѣ», съ разборомъ только утреннихъ ея промаховъ. Были указаны и источники «Сѣверной Пчелы». Она была названа вялыми чужеядными листками, наполненными перепечатками изъ оффиціальныхъ журналовъ, неполными переводами изъ „Preussische Staats Zeitung" и невѣрными передѣлками изъ „Cabinet de la Cecture". Изъ современныхъ литературныхъ дѣятелей «Сѣверная Пчела» особенно сильно была не расположена къ Гоголю и Бѣлинскому. Перваго она называла циникомъ, а втораго—ренегатомъ, безбородымъ юношею и русскимъ Шеллингомъ и Гегелемъ.

Среди представителей петербургской журналистики видное и оригинальное мѣсто занималъ „Современникъ", основанный Пушкинымъ въ 1836 г. и потомъ, по смерти великаго поэта, перешедшій подъ редакцію Плетнева. Его появленіе многими было встрѣчено съ сочувствіемъ. Много надеждъ было возложено на него почитателями Пушкина. Не столь сочувственно отнеслись къ нему нѣкоторые журналисты. Сенковскій, напримѣръ, высказалъ мысль, что онъ „отдалъ бы все на свѣтѣ, лишь бы только Пушкинъ не сдержалъ своей программы". „Современникъ" подъ редакціею Пушкина состоялъ изъ четырехъ книжекъ и выходилъ черезъ три мѣсяца. Это составляло недостатокъ журнала и препятствовало успѣшному распространенію его среди публики. Вообще нужно замѣтить, что возлагавшіяся на „Современникъ" надежды не сбылись и онъ оказался ниже славнаго имени своего редактора. Первоначально это былъ журналъ для свѣтскихъ людей, занимавшій среди петербургскихъ журналовъ такое же мѣсто, какое среди московскихъ занималъ „Наблюдатель". По поводу этого направленія журнала Бѣлинскій писалъ слѣдующее: «Въ одномъ петербургскомъ журналѣ было недавно сказано, что «Современникъ» есть вторая или третья попытка (также неудачная, какъ и прежнія, прибавимъ мы отъ себя) какой-то аристократической партіи, которая силится основать для себя складочное мѣсто своихъ мнѣній. Мы не знаемъ и не хотимъ знать ни объ аристо-

кратическихъ, ни о какихъ другихъ партіяхъ; но намъ извѣстно, что въ нашей литературѣ есть точно какой-то «свѣтскій» кругъ литераторовъ, который не находитъ нигдѣ пріюта для сбыта своихъ мнѣній, которыхъ никому не нужно и даромъ, заводитъ журналы, чтобы толковать о себѣ и о «свѣтскости» въ литературѣ; и, по нашему счету, «Современникъ» есть уже пятая попытка въ этомъ родѣ. Мы ужь нѣсколько разъ имѣли случай говорить, что въ литературѣ необходимы талантъ, геній, творчество, изящество, ученость, а не свѣтскость, которая только дѣлаетъ литературу мелкою, ничтожною, безсильною, и наконецъ совершенно ее губитъ; что литература есть средство для выраженія мысли и чувства, данныхъ намъ Богомъ, а не «свѣтскости», которая очень хороша въ гостиныхъ и дѣлахъ внѣшней жизни, но не въ литературѣ» *). Это было писано Бѣлинскимъ въ 1836 г., по поводу второй книжки «Современника» того же года, о которой онъ вообще отозвался очень неодобрительно. Разбирая различныя статьи «Современника», Бѣлинскій, между прочимъ, указалъ на разборы «Ревизора» Гоголя и «Наполеона», поэмы Э. Кине, которые, по его мнѣнію, должны были совершенно уронить „Современникъ". Статья Бѣлинскаго кончалась словами: «И это „Современникъ"? Чтожь тутъ современнаго? Неужели стихи барона Розена и похвалы «свѣтскимъ» людямъ, за то, что они хорошо умѣютъ садиться въ кресла и говорить въ обществѣ свободно?... И на такомъ-то журналѣ красуется имя Пушкина!" **)... Впослѣдствіи Бѣлинскій нѣсколько измѣнилъ свой взглядъ на «Современникъ». Онъ называлъ его высокоуважаемымъ журналомъ и указывалъ въ немъ много хорошихъ статей. Выше всего, конечно, были поставлены имъ различныя поэтическія произведенія Пушкина, но и многія произведенія другихъ авторовъ были причислены къ разряду очень замѣчательныхъ. Сюда, напримѣръ, были отнесены: „Путешествіе по

*) Сочиненія, II т., стр. 277—278.

**) Тамъ же, стр. 282.

Россіи Государя Наслѣдника Цесаревича", Жуковскаго, «Послѣднее сраженіе Фигнера», Невѣдомскаго, „Хроника русскаго въ Парижѣ", „Младенческіе пріюты въ Петербургѣ" и другія. Статьи эти были помѣщены въ „Современникѣ" за 1838 г. Разбирая XI и XII томы этого журнала, Бѣлинскій писалъ слѣдующее: «По прежнему, „Современникъ" постоянно продолжаетъ быть интереснымъ журналомъ, достойнымъ славы своего основателя; по прежнему онъ есть сборникъ оригинальныхъ статей, интересныхъ по содержанію и изложенію, и стихотвореній, между которыми бываютъ иногда и поэтическія, кромѣ посмертныхъ стихотвореній Пушкина» *). Не соглашаясь съ мнѣніемъ, что «Современникъ» 30-хъ годовъ былъ *достоинъ славы своего основателя*, нельзя, тѣмъ не менѣе, не признать, что въ немъ встрѣчались дѣйствительно замѣчательныя статьи. Кромѣ указанныхъ, къ нимъ принадлежатъ: «Отрывки изъ исторіи партизановъ Пиренейскаго полуострова», Невѣдомскаго, «Знакомство съ Рунебергомъ», Грота, «Картина Бразиліи», «Городъ безъ имени», кн. Одоевскаго, и другія. Самымъ слабымъ отдѣломъ въ «Современникѣ» были критика и библіографія. Отзывы о разбиравшихся сочиненіяхъ отличались обыкновенно краткостью и какою-то особенною мягкостью и снисходительностью, иногда совсѣмъ неоправдывавшимися сущностью дѣла.

Въ современной журналистикѣ о «Современникѣ» высказывались самыя противоположныя мнѣнія. Такъ, въ «Литературныхъ прибавленіяхъ къ Р. Инвалиду» онъ былъ названъ чистымъ и прямымъ. „Изъ всѣхъ нашихъ нынѣшнихъ журналовъ, было сказано о немъ въ названномъ журналѣ, «Современникъ» одинъ пользуется двойственнымъ и очень важнымъ преимуществомъ: 1) Какъ періодическое изданіе, онъ доставляетъ своимъ читателямъ весь интересъ *журнала*, 2) какъ собраніе окончательно обработанныхъ статей, непереходящихъ изъ одного тома въ другой, и обнимающихъ си-

*) Сочиненія, III т., стр. 33.

стематически предметы, постоянно изучаемые въ области наукъ и словесности, онъ навсегда сохраняетъ достоинство *книги*. Въ этомъ состоитъ его отличительный характеръ». Далѣе было замѣчено: «Подлѣ разбора подробнаго, справедливой дани таланту, вы не встрѣтите грубыхъ и площадныхъ насмѣшекъ надъ неудачею, но отзывы чистосердечные, оживляемые легкими и никого неоскорбляющими шутками, которыя, какъ разговоръ лучшаго общества, и веселятъ васъ, и поучаютъ» *). Совсѣмъ другой взглядъ на „Современникъ" высказался въ „Сынѣ Отечества". Въ этомъ журналѣ было сказано, что прочитавши одну книжку „Современника", знаешь всѣ другія книжки. „Каждая, замѣчено было тамъ, непремѣнно составляется: изъ повѣсти г. Основьяненки, отрывка изъ какой-то безконечной исторіи партизановъ испанской войны г. Невѣдомскаго и либо статьи г. Грота о Финляндіи, либо Хроники русскаго въ Парижѣ. Затѣмъ идутъ списки названій десятковъ двухъ новыхъ русскихъ книгъ— *библіографія*, и съ десятокъ *стихотвореній*" **). Несочувственно относилась къ „Современнику" и „Сѣверная Пчела".

Въ «Современникѣ» участвовали многіе извѣстные писатели своего времени. Къ нимъ, между прочимъ, принадлежали: Жуковскій, кн. Вяземскій, Баратынскій, Ѳ. Глинка, кн. Одоевскій, Бенедиктовъ, Губеръ, Невѣдомскій, Основьяненко; изъ писательницъ участвовали гр. Ростопчина, Ишимова, Зонтагъ.

Обратимся къ московской журналистикѣ 30-хъ годовъ. Здѣсь мы остановимся на «Московскомъ Наблюдателѣ», «Телескопѣ», «Молвѣ» и «Телеграфѣ». Сравнивая московскую журналистику съ петербургской, сразу замѣчаешь между ними значительную разницу. Не пользуясь такимъ значеніемъ въ обществѣ, какъ послѣдняя, московская журналистика, тѣмъ не менѣе, относительно нравственныхъ требованій и серьез-

*) „Литературныя Прибавленія" 1838 г., стр. 957.
**) „Сынъ Отечества" 1839 г., т. XII, стр. 180.

наго взгляда на литературу стояла въ названное время значительно выше петербургской, такъ какъ не представляла въ своей средѣ явленій, подобныхъ «Сѣверной Пчелѣ» и «Библіотекѣ для Чтенія». Въ числѣ ея дѣятелей находились, между прочимъ, Погодинъ, Надеждинъ, Шевыревъ, Полевой, Павловъ, Бѣлинскій, — люди съ серьезнымъ нравственнымъ закаломъ, не представлявшіе въ своихъ мнѣніяхъ ничего такого, чтобы напоминало нравственную шаткость взглядовъ барона Брамбеуса или Булгарина. Многіе изъ дѣятелей московской журналистики были серьезнымъ образомъ знакомы съ главнѣйшими представителями нѣмецкой философіи и западной исторической науки. Она же дала начало столь вліятельному впослѣдствіи ученію славянофиловъ. Въ ея рядахъ стояли лучшіе представители такъ-называемаго «западничества». Не смотря на все это, московская журналистика 30-хъ годовъ не имѣла особеннаго успѣха въ обществѣ, за исключеніемъ «Телеграфа» Полеваго. Въ ней не было умѣнья подлаживаться подъ вкусы публики, какимъ отличалась петербургская журналистика въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ представителей, хотя каждый серьезный читатель долженъ былъ бы высоко поставить ея критику въ лицѣ такихъ дѣятелей какъ Бѣлинскій, Надеждинъ, Полевой и Шевыревъ.

Въ ряду представителей московской журналистики 30-хъ годовъ оригинальнымъ явленіемъ былъ „Московскій Наблюдатель", явившійся въ 1835 г. Онъ былъ основанъ съ цѣлью произвести реакцію вредному вліянію „Библіотеки для Чтенія" на публику. Люди благонамѣренные съ нетерпѣніемъ ждали появленія журнала, который могъ бы поспорить съ „Библіотекой" и побороть ее. „Наконецъ, онъ появился, говоритъ Бѣлинскій: вышла книжка—Петербургъ привсталъ; вышла другая – Петербургъ пріосанился и улыбнулся; вышла третья, четвертая—Петербургъ захохоталъ, смотря на пронесшуюся мимо его бурю; Москва пріуныла — и наши надежды разлетѣлись въ прахъ" *). Такимъ образомъ, „Наблю-

*) Сочиненія, т. II, стр. 63.

датель" не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ. Причина его неуспѣха заключалась главнымъ образомъ въ отсутствіи опредѣленнаго направленія, въ отсутствіи обширно развитой критики и библіографіи. Поэтому поводу въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду" было сказано слѣдующее: „Нельзя упрекнуть „Московскій Наблюдатель" въ неудачномъ составѣ его содержанія: многія статьи обличаютъ, напротивъ, вкусъ, знаніе дѣла, благонамѣренность редактора, и, можно сказать рѣшительно, въ *каждой* книжкѣ его есть хоть одна статья, которая принесла бы честь любому періодическому изданію; слѣдовательно, одно изъ внутреннихъ достоинствъ журналистики соблюдено имъ. Но какое направленіе „Московскаго Наблюдателя"? Едва ли кто въ состояніи опредѣлить его. Гдѣ нѣтъ критики, тамъ нѣтъ движенія: въ ней высказывается образъ мыслей о литературѣ; она — указатель главной цѣли трудовъ, которые возложилъ на себя издатель. Этой цѣли, повторяемъ снова, не видно ни на одной страницѣ „Московскаго Наблюдателя" *). Критика, какая была въ „Наблюдателѣ", отзывалась классицизмомъ и была похожа, по словамъ Бѣлинскаго, на аббата Батте во фракѣ XIX вѣка. Она стремилась къ распространенію *свѣтскости* въ литературѣ, заботилась о введеніи литературнаго приличія, хотѣла, по замѣчанію Бѣлинскаго, одѣть литературу въ модный фракъ и бѣлыя перчатки, ввести ее въ гостиную и подчинить зависимости отъ дамъ. Такое направленіе обнаруживалось, между прочимъ, въ нѣкоторыхъ критическихъ статьяхъ Шевырева, что какъ-то странно вязалось со многими чрезвычайно дѣльными сужденіями этого критика, статьи котораго составляли лучшее украшеніе журнала и давали послѣднему нѣкоторую жизнь и движеніе.

Не смотря на указанные недостатки, въ „Наблюдателѣ" встрѣчались весьма замѣчательныя статьи. Къ нимъ, напримѣръ, принадлежали: „Взглядъ на направленіе исторіи", Ястребцова, „Словесность и Торговля", Шевырева, „Народ-

*) „Литературныя прибавленія" 1838 г , стр. 314.

ныя спѣванки или свѣтскія пѣсни словаковъ въ Венгріи", Бодянскаго, „Историческіе и филологическіе труды русскихъ оріенталитовъ", Григорьева, „Брамбеусъ и юная словесность", Н. П—ва, „О свекловичносахарномъ производствѣ", Давыдова, и другія. Обращая большое вниманіе на западноевропейскую жизнь, „Наблюдатель" иногда говорилъ и о славянскихъ земляхъ, обращая вниманіе преимущественно на литературу. Статей, касавшихся собственно русской жизни, было очень мало. Вотъ, напримѣръ, 10 часть „Наблюдателя" за 1837 г. Что же мы въ ней видимъ касающагося Россіи? Двѣ крошечныя замѣтки въ смѣси: „Борисовскій городокъ" и „Развалины Потемкина дома". Все прочее носитъ иноземный характеръ, трактуя о нѣмецкихъ романистахъ, Гердерѣ, Шиллерѣ, Гете, Парижѣ, Лондонѣ, Лиссабонѣ, испанской литературѣ, вѣстяхъ изъ Абиссиніи, парижской выставкѣ, французскихъ журналахъ, мнѣніяхъ китайскихъ дамъ, чудесахъ шестой части свѣта, и т. д. Нѣмцамъ въ этой части посвящено *пять* статей, французамъ—*восемь*, англичанамъ—*двѣ* и испанцамъ и португальцамъ—*двѣ*. Такимъ образомъ, „Наблюдатель", поселившись въ Москвѣ, тѣмъ не менѣе мало обращалъ вниманія на окружающую русскую жизнь и интересовался больше тѣмъ, что дѣлалось въ Лондонѣ, Парижѣ, Лиссабонѣ и даже въ Китаѣ или шестой части свѣта. Только статьи Бодянскаго, Савельева и Погодина нѣсколько ослабляли характеръ совершенной иноземщины журнала. Съ 1838 г. сталъ участвовать въ журналѣ Бѣлинскій, поднявшій его критическій отдѣлъ. Здѣсь, между прочимъ, были помѣщены его разборы: «Ледянаго дома» и «Басурмана» Лажечникова, «Гамлета» въ пер. Полеваго, «Юрія Милославскаго» Загоскина, сочиненій Фонъ-Визина, сочиненій Греча.

Въ заключеніе, приведемъ основательное сужденіе о «Наблюдателѣ», высказанное въ «Телескопѣ» 1836 г. Надеждинымъ. «Московскій Наблюдатель», писалъ онъ, журналъ, поддерживаемый участіемъ всѣхъ лучшихъ московскихъ и нѣкоторыхъ петербургскихъ литераторовъ, скуденъ вообще

критической частью. Онъ рѣдко садится въ кресла рецензента; но когда ужь сядетъ, то надѣваетъ полный нарядъ судьи, облекается въ торжественную мантію, раскладываетъ передъ собой всѣ литературные законы, принимаетъ чиновную осанку, изрекаетъ судъ во всѣхъ формахъ европейской цивилизаціи. Вообще должно отдать ему справедливость, что онъ никогда не унижается до полемическихъ схватокъ, остерегается запальчивости и увлеченія, не любитъ шума, всегда холоденъ, хотя и не всегда чуждъ пристрастія. Но главное не въ формѣ, а въ законоположеніи, которымъ водится его судопроизводство. «Наблюдатель» судитъ по старому кодексу французскаго классическаго вкуса, по обветшалымъ понятіямъ Батте и Лагарна, хотя и скрываетъ ихъ подъ новыми выраженіями, излагаетъ новымъ, нынѣшнимъ языкомъ. Среди жалкаго безначалія нашей словесности, онъ проповѣдуетъ родъ литературной реставраціи, не потому, чтобы возвращалъ ее къ минувшимъ своенароднымъ образцамъ, а потому, что предписываетъ ей искать спасенія въ какомъ-то аристократическомъ изяществѣ, въ утонченной отборности и спѣсивомъ этикетѣ языка, точь-въ-точь какъ бывало во французской литературѣ XVIII ст. По мнѣнію „Наблюдателя", литература должна говорить языкомъ высшаго общества, держаться паркетнаго тона, быть эхомъ гостиныхъ; и въ этомъ отношеніи онъ простираетъ до фанатизма свою нетерпимость ко всему уличному, мѣщанскому, чисто-народному. Вотъ почему, всегда вѣжливый, всегда уклончивый, всегда въ бѣлыхъ перчаткахъ и съ мѣрною, величавою поступью, онъ забываетъ свою изученную холодность, разсчитанное подобострастіе, и со всѣмъ возможнымъ для него жаромъ ожесточенія преслѣдуетъ, напримѣръ, г. Загоскина, самаго народнаго изъ нашихъ писателей; русской кулакъ дѣлаетъ ему вертижи, русскій фарсъ бросаетъ его въ лихорадку. Зато поэзія г. Бенедиктова, вся изъ отборныхъ, блестящихъ фразъ, въ которыхъ, конечно, нельзя не признать относительнаго достоинства, кажется ему чудомъ совершен-

ства, геркулесовскими столбами поэтическаго изящества" *).

Переходимъ къ „Телескопу", издававшемуся Надеждинымъ съ 1831 г. и прекратившемуся въ 1836 г. Въ первую половину 30-хъ годовъ онъ, вмѣстѣ съ «Телеграфомъ» Полеваго, былъ лучшимъ представителемъ сильно оскудѣвшей въ это время русской журналистики. «Библіотека для Чтенія» явилась въ 1834 г., «Московскій Наблюдатель» въ 1835 г., «Современникъ», «Отечественныя Записки» и обновленный «Сынъ Отечества» относятся къ еще болѣе позднему времени 30-хъ годовъ. Такимъ образомъ, ему почти одному приходилось вести борьбу съ странными и вредными для литературы и общественнаго развитія мнѣніями «Сѣверной Пчелы» и «Сына Отечества», царившими тогда на полной свободѣ въ русской журналистикѣ. «Телескопъ», въ лицѣ своего редактора Надеждина, профессора Московскаго университета, былъ проводникомъ идей Канта, Шеллинга и Окена. Вліяніе ученія Шеллинга выражалось и въ критическихъ статьяхъ Бѣлинскаго, принявшаго участіе въ названномъ журналѣ съ 1835 г. Видными дѣятелями журнала были, между прочимъ, Венелинъ, Максимовичъ и Павловъ, замѣчательный представитель натуръ-философіи въ Россіи. Въ статьяхъ Бѣлинскаго «Телескопъ» велъ сильную и остроумную полемику съ «Сѣверной Пчелой», «Сыномъ Отечества», «Библіотекой для Чтенія» и «Московскимъ Наблюдателемъ». Въ «Телескопѣ» и «Молвѣ» русская читающая публика услышала впервые голосъ замѣчательнѣйшаго русскаго критика, внесшаго въ русскую журналистику духъ увлекательной, свѣтлой, поэтической, проникнутой глубокимъ убѣжденіемъ и вмѣстѣ многообъемлющей критики, истолковавшей обществу значеніе замѣчательнѣйшихъ русскихъ писателей и развѣнчавшей многихъ литературныхъ идоловъ, которымъ нѣкоторые изъ его среды неразумно поклонялись.

«Телескопъ», стремясь къ распространенію въ обществѣ знакомства съ современной наукой, искусствомъ и литера-

---

*) „Телескопъ" 1836 г., ч. 31, стр. 215—216.

турой, заключалъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: изящную словесность, науки (естественныя, политическія и исторію), современную лѣтопись, критику и смѣсь. Статьи его, подобно статьямъ почти всѣхъ литературныхъ журналовъ первой половины 30-хъ годовъ, имѣли весьма мало отношенія къ русской жизни. Только разборы произведеній русской литературы удерживали нѣсколько журналъ на національной почвѣ. Имѣя въ виду знакомить русскую публику «съ видами, требованіями и успѣхами современнаго просвѣщенія», журналъ помѣщалъ на своихъ страницахъ статьи изъ лучшихъ французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ и даже итальянскихъ и польскихъ книгъ и періодическихъ изданій. Такъ, въ немъ были помѣщены, между прочимъ, статьи: «О политическомъ краснорѣчіи древнихъ и новыхъ народовъ», Бруггама, «Взглядъ на прошедшее пятнадцатилѣтіе нѣмецкой литературы», Менцеля, «Французскіе нравы XVIII ст.», Лемонтея, «Состояніе искусства въ Германіи», Э. Кине, «Состояніе искусства во Франціи послѣ іюльской революціи», Ж. Жанена, «Знаменитые современники», А. Эскироса, «Платонъ, какъ законовѣдѣцъ», Лерминье, «Вандея и Шотландія», В. Скотта. Особенно много статей встрѣчалось изъ сочиненій Э. Кине и Ж. Жанена. Между повѣстями весьма часто встрѣчались повѣсти Бальзака, Е. Сю и Гофмана. Въ журналѣ часто помѣщались біографіи знаменитыхъ современныхъ дѣятелей, причемъ прилагались ихъ портреты. «Замѣчательныя явленія современной европейской жизни, по заявленію редактора журнала, сообщались имъ немедленно. Новости наукъ и искусствъ не залеживались». Это дѣйствительно такъ было. Вслѣдствіе этого, отдѣлъ „Современныя лѣтописи“ былъ особенно интересенъ. Жаль только, что въ этомъ отдѣлѣ мало встрѣчалось статей, относящихся къ Россіи, хотя встрѣчались между ними очень интересныя, каковы, напримѣръ: «Окрестности московскія», «Поѣздка въ Березовъ», «Прогулка за Байкалъ» и нѣкоторыя другія въ этомъ родѣ. Отдѣлъ стихотвореній не былъ блистателенъ. Оригинальныхъ повѣстей помѣщалось мало. Зато въ научномъ отдѣлѣ встрѣча-

лись статьи весьма замѣчательныя. Особенною оригинальностью отличались статьи Павлова и Максимова, относившіяся къ физикѣ и естественнымъ наукамъ и проникнутыя натуръ-философскими возрѣніями. Замѣчательны также были нѣкоторыя статьи Надеждина, какъ, напримѣръ, «Европеизмъ и народность», «Здравый смыслъ и баронъ Брамбеусъ», «Выдержки изъ дорожныхъ воспоминанійи и полемическія статьи по поводу «Исторіи поэзіи» Шевырева. Отдѣлъ критики въ послѣдніе годы существованія «Телескопа» украсился статьями Бѣлинскаго. Въ немъ, между прочимъ, были помѣщены его разборы: «О русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя», «О стихотвореніяхъ Баратынскаго», «Стихотворенія Бенедиктова», «Стихотворенія Кольцова», «Ничто о ничемъ», «О критикѣ и литературныхъ мнѣніяхъ «Московскаго Наблюдателя». Изъ различныхъ ученыхъ и литераторовъ, участвовавшихъ въ «Телескопѣ», можно назвать Востокова, Венелина, Ѳ. Глинку, Жуковскаго, Загоскина, Калайдовича, Максимовича, Пушкина, М. Павлова, Н. Павлова, Перевощикова, Погодина, Раича, Хомякова, Шевырева, Языкова. Въ заключеніе о «Телескопѣ» замѣтимъ, что являясь съ одной стороны поклонникомъ нѣмецкой философіи, онъ былъ съ другой непремиримымъ врагомъ новой, такъ называемой «юной» французской словесности, къ которой принадлежали Гюго, Бальзакъ, Дюма и другіе. Въ русской литературѣ онъ особенно преслѣдовалъ Брамбеуса и Булгарина.

Скажемъ нѣсколько словъ, о „Молвѣ“, газетѣ, издававшейся при „Телескопѣ“. Она не представляла ничего замѣчательнаго. Лучшее, что въ ней было, это критическія статьи Бѣлинскаго. Въ ней помѣщались стихотворенія, извѣстія о московскихъ новостяхъ, разборы новыхъ книгъ, разныя извѣстія и моды. Въ отдѣлѣ „Московскія новости“ попадаются извѣстія, имѣющія значеніе для характеристики московской жизни въ 30-хъ годахъ.

„Московскій Телеграфъ“ оставался вѣренъ прежнему своему направленію. И въ 30-хъ годахъ онъ имѣлъ много литературныхъ враговъ, которые наконецъ и побороли своего

противника, но побороли при помощи оружія, неимѣющаго ничего общаго съ литературой. Въ періодъ политической реакціи названіе „либеральный“ не могло сулить журналу продолжительнаго существованія. Независимый взглядъ „Телеграфа“ на многія явленія умственной жизни заграничной и домашней, при отсутствіи самовосхваленія, сдѣлалъ его существованіе въ мнѣніи нѣкоторыхъ лицъ вреднымъ. Постоянные сарказмы журнала надъ патріотизмомъ, охарактеризованнымъ прозвищемъ *квасной,* только подливали масла въ огонь. Наконецъ время паденія журнала приблизилось. Поводомъ къ запрещенію „Телеграфа“ была критическая статья на драму Кукольника „Рука Всевышняго отечество спасла“, помѣщенная въ одномъ изъ первыхъ нумеровъ 1834 г. Такъ кончилось существованіе журнала, бывшаго долгое время самымъ усерднымъ борцомъ романтизма и проповѣдникомъ западно-европейскихъ теорій въ критикѣ и наукѣ.

Журнальная дѣятельность въ 30-хъ годахъ не ограничивалась Москвой и Петербургомъ. Въ журнальную сокровищницу дѣлала небогатые вклады и провинція. Этихъ, т. е. провинціальныхъ, журналовъ было не много. Ихъ характеристической чертой было притязаніе на всеобщность, которая съ трудомъ давалась и столичнымъ журналамъ. Разумная критика обращала вниманіе названныхъ журналовъ на это обстоятельство и совѣтовала имъ стремиться къ пріобрѣтенію индивидуальной, мѣстной окраски, посредствомъ разработки преданій домашней старины и изображенія мѣстной природы и окружающихъ нравовъ. Между провинціальными журналами видное мѣсто занимали „Заволжскій Муравей“, „Радуга“ и „Литературное прибавленіе къ Одесскому Вѣстнику“. Въ „Муравьѣ“ встрѣчаешь весьма интересныя статьи о заволжскомъ краѣ. «Радуга» издававшаяся въ Ревелѣ и отличавшаяся листическимъ характеромъ, сообщала иногда интересныя свѣдѣнія объ остзейскомъ краѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ будто стремилась къ ниспроверженію всѣхъ современныхъ успѣховъ ума, не исключая положительныхъ

математическихъ истинъ. Въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Одесскому Вѣстнику“ было много хорошихъ переводныхъ и интересныхъ мелкихъ статей.

Въ заключеніе общаго очерка, помѣщаемъ списокъ періодическихъ изданій, литературныхъ и спеціальныхъ, по порядку ихъ появленія *).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Лица.

Журналистика 30-хъ годовъ выставляетъ огромную массу лицъ, заявившихъ о себѣ на различныхъ поприщахъ науки, литературы и искусства. Одни изъ этихъ лицъ начали свою

*) Въ 1830 году появилась „Литературная Газета“, „Сѣверный Меркурій“, „Сѣверный Муравей“, „Карманная книжка для любителей старины и словесности“, „Бабочка“; въ 1831 г.—„Колокольчикъ“, „Листокъ“, „Телескопъ“, „Эхо“, „С.-Петербургскій Вѣстникъ“, „Муравейникъ“, „Журналъ иностранной словесности и изящныхъ художествъ“, „Молва“; въ 1832 г.—„Воспоминанія“, „Купецъ“, „Заволжскій Муравей“, „Сѣверная Миневра“, „Записки Императорскаго Общества сельскаго хозяйства въ южной Россіи“; въ 1833 г.—„Педагогическій журналъ“, „Лѣтній Журналъ“, „Избранные листы“, „Журналъ общественныхъ свѣдѣній“, „Ученыя Записки Императорскаго Московскаго университета“, „Журналъ для овцеводовъ“; въ 1834 г.—„Библіотека для Чтенія“, „Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго университета“, Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, „Земледѣльческая Газета“; въ 1835 г.—„Московскій Наблюдатель“; въ 1836 г.—„Современникъ“, Журналъ для чтенія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній“, „Ваза“, „Вѣстникъ парижскихъ модъ“; въ 1837 г.—„Терапевтическій журналъ“, „Записки военно-топографическаго Депо“; въ 1838 г.—„Русскій Земледѣлецъ“, „Журналъ Россійскаго общества любителей садоводства“; въ 1839 г. „Отечественныя Записки“, „Листокъ для свѣтскихъ людей“, „Записки общества врачебныхъ и физическихъ наукъ“, „Репертуаръ русскаго театра“, „Мануфактурныя и горнозаводскія извѣстія“, „Радуга“. Изъ газетъ, кромѣ „Сѣверной Пчелы“, въ 30-хъ годахъ продолжали выходить „С.-Петербургскія Вѣдомости“, „Московскія Вѣдомости“ и „Инвалидъ“.

дѣятельность раньше названнаго времени, другія только что появляются въ это время. Встрѣчаются между ними и лица, уже сошедшія съ поприща дѣятельности. Особенно много блестящихъ именъ представляетъ группа артистовъ и художниковъ. Это обиліе составляетъ характеристическую черту времени. Процвѣтаніе и поощреніе искусства яркой чертой проходитъ по названному десятилѣтію. Музыка, живопись, ваяніе, архитектура и сценическое искусство, какъ бы наперерывъ, стараются выставить какъ можно болѣе блеска и таланта. Журналы начинаютъ наполняться безпрерывными отчетами о торжествѣ того или другаго художественнаго таланта. Со всѣхъ сторонъ слышатся по отношенію къ нимъ восклицанія, похвалы, удивленія и восторга. Одни восхищаются первоклассныиъ музыкальнымъ произведеніемъ, другіе любуются полотномъ, поставившимъ передъ взоры ужасы Помпеи и Моисеева змѣя въ пустынѣ, третьи говорятъ о тріумфальной аркѣ, достойной побѣдъ древняго Рима, четвертые уносятся въ волшебное царство блестящаго балета, пятые содрагаются, слыша громовой голосъ негодующаго трагическаго актера. Поощряемое искусство процвѣтаетъ, и его многочисленные представители увѣнчиваются лавровыми вѣнками.

Обращаясь къ государственнымъ дѣятелямъ, о которыхъ упоминаетъ журналистика 30-хъ годовъ, мы опять встрѣчаемся съ громкимъ именемъ Наполеона. Особенно часто оно фигурировало въ отдѣлѣ смѣси, гдѣ о Наполеонѣ между прочимъ сообщались различные анекдоты. Въ статьяхъ, его касавшихся, были разбросаны черты, характеризовавшія его какъ государственнаго человѣка, какъ полководца, какъ члена семейства и т. д. Между названными статьями замѣчательна статья подъ названіемъ: «Цезарь и Наполеонъ», помѣщенная въ «Сѣверной Пчелѣ» 1836 г. Въ ней сообщается критическій взглядъ Наполеона на военныя заслуги Цезаря. Сужденія Наполеона по этому вопросу заключаютъ въ себѣ много скептическаго. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ. Наполеонъ не видитъ никакого особеннаго искусства въ томъ, что Це-

зарь разбилъ гельветовъ, стремившихся къ поселенію въ Галліи. Онъ увѣряетъ, что Цезарь былъ сильнѣе своего противника. У Цезаря, по его словамъ, были старые, опытные солдаты, тогда какъ гельветы представляли сборище простыхъ мужиковъ. Говоря о борьбѣ цезаря съ Аріовистомъ, Наполеонъ опредѣляетъ число германцевъ въ 120,000 человѣкъ, но сравнивая полувооруженныхъ дикарей съ римскимъ войскомъ, онъ утверждаетъ, что всѣ выгоды были на сторонѣ Цезаря, котораго войска не уступали германскимъ въ числѣ. Не удивляется онъ и побѣдѣ Цезаря надъ 300,000 бельгійцевъ. Въ этомъ случаѣ Цезарь имѣлъ дѣло съ сбродомъ различныхъ племенъ, безъ дисциплины, безъ искуснаго полководца, безъ всякаго понятія о военномъ дѣлѣ. У Цезаря было 8 легіоновъ, и кромѣ того, множество галловъ, легкія войска съ Балеарскихъ острововъ, съ о. Крита и изъ Африки. Наполеонъ далѣе замѣчаетъ о славѣ, пріобрѣтенной Цезаремъ завоеваніемъ Галліи. Онъ считаетъ ее очень сомнительной. Римляне имѣли постоянное войско, *регулярную армію*, враги же римлянъ входили въ поле, представляя нѣчто въ родѣ ландверовъ. Отъ вторженія въ Германію, по мнѣнію Наполеона, Цезарь не пріобрѣлъ никакихъ выгодъ. Мостъ, построенный послѣднимъ черезъ Рейнъ, для вторженія въ Германію, онъ не считаетъ, подобно Плутарху, какимъ-то чудомъ, отдавая передъ нимъ преимущество мосту, построенному на Дунаѣ въ 1809 г. генераломъ Бертраномъ. Результатъ всѣхъ сужденій Наполеона о Цезарѣ есть тотъ, что Цезарь надѣлалъ множество ошибокъ, какъ полководецъ, и восторжествовалъ надъ варварами, благодаря искусству римскихъ легіоновъ. Онъ порицаетъ его за излишнюю жестокость съ побѣжденными. Въ Цезарѣ Наполеонъ видитъ скорѣе замѣчательнаго политика и администратора, нежели полководца. Относительно желанія Цезаря пріобрѣсть императорскій титулъ, Наполеонъ говоритъ, что это выдумка враговъ Цезаря. Всѣ названные взгляды выражены въ сочиненіи «Précis des guerres de Cesar», въ принадлежности котораго

Наполеону переводчикъ отрывковъ изъ него нисколько не сомнѣвается *).

Между статьями, трактующими о Наполеонѣ, замѣчательна также статья подъ названіемъ „Разводъ Наполеона съ Жозефиною", взятая изъ записокъ Эмиля Сентъ-Илера **). Здѣсь рисуется страшная семейная драма. Читатель видитъ передъ собой картину, въ которой съ холоднымъ разсчетомъ разбивается сердце горячо любящей женщины. Мы видимъ обмороки, мольбы, которыя не приводятъ ни къ чему и нисколько не ослабляютъ твердаго рѣшенія. Подъ давленіемъ тяжкой мысли о разводѣ, императрица не стѣснялась выражать свое отчаяніе. Упавъ однажды въ припадкѣ, она билась головою о ножку креселъ, повторяя въ отчаяніи: „я не переживу этого!... я должна умереть!"

Въ заключеніе о Наполеонѣ, укажемъ на извѣстіе «Сѣверной Пчелы» объ аукціонѣ по продажѣ нѣкоторыхъ предметовъ, связанныхъ съ именемъ Наполеона. Аукціонъ былъ устроенъ въ Лондонѣ въ 1836 г. Продавались: сабля, которую Наполеонъ носилъ въ Египтѣ; миніатюрная картина, изображающая его стоящимъ передъ назначенною ему гробницею, на о. св. Елены; ложки, употреблявшіяся Наполеономъ; нѣсколько строкъ его руки, клочекъ его волосъ и выдернутый когда-то у него зубъ. Послѣдній былъ проданъ за 7 ф. стерл. 17 шилл. и 6 пенсовъ, инструментъ же, которымъ былъ выдернутъ зубъ, за 3 ф. стерл. и 3 шилл. Всѣ эти предметы принадлежали домашнему доктору Наполеона, находившемуся при немъ на о. св. Елены.

Въ числѣ государственныхъ лицъ, о которыхъ такъ или иначе трактовала журналистика 30-хъ годовъ, мы встрѣчаемъ, между прочимъ, Талейрана, Гизо, Веллингтона, Пиля, Брума и Каннинга. Особенно посчастливилось Талейрану: имя его очень часто фигурировало въ журналахъ названнаго времени. Между статьями, связанными съ именемъ этого государственнаго человѣка, особенно замѣчательны „Записки Талейрана",

*) „Сѣверная Пчела" 1836 г., стр. 595 и 636.

**) „Отечественныя Записки" 1839 г., т. 4, стр. 100.

помѣщенныя въ „Библіотекѣ для Чтенія“ 1839 г. Статья начинается коротенькой характеристикой Талейрана, принадлежащей переводчику. „Ни одинъ государственный человѣкъ, говорится между прочимъ въ ней, не пользовался въ наше время такою блестящею репутаціей ума, тонкости, проницательности, остроумія и искусства, какъ Талейранъ. Во всѣхъ переворотахъ общее мнѣніе подозрѣвало тайное руководство Талейрана, всѣ лучшія остроты, вырывавшіяся у другихъ, публика ему одному приписывала“. Далѣе указывается подложность „Записокъ“, авторомъ которыхъ называется баронъ Ламоттъ-Лангонъ. Не смотря на подложность, „Записки“ представляютъ много интересныхъ фактовъ изъ жизни Талейрана. За «Записками» помѣщено нѣсколько выписокъ изъ статьи журнала „United Services Journale“ подъ названіемъ: „Послѣднія минуты жизни князя Талейрана, описанныя однимъ очевидцемъ“. Названныя выписки показываютъ, что умирающему дипломату пришлось разставаться съ жизнью среди самой торжественной обстановки. Въ послѣднія его минуты его посѣтили король Людовикъ-Филиппъ и многочисленная толпа разныхъ сановныхъ и свѣтскихъ лицъ. Въ то время, какъ умирающій выдерживалъ предсмертныя муки, въ сосѣдней комнатѣ, наполненной многочисленными посѣтителями, велась шумная и оживленная бесѣда. Въ одномъ углу сидѣло нѣсколько женщинъ; онѣ разговаривали о предметахъ, вовсе некасавшихся цѣли посѣщенія больнаго. Иногда въ этой группѣ раздавался даже легкій хохотъ, и тогда съ другаго конца залы слышались укорительные chut. У окна «молодая и прелестная герцогиня В. буквально *лежала* на софѣ, и множество франтовъ, съ длинными волосами и козлиными бородками, стояли вокругъ нея на колѣняхъ или сидѣли у ногъ ея на подушкахъ». О приближеніи смерти хозяина безпечной толпѣ было возвѣщено камердинеромъ. Тогда всѣ двинулись въ спальню. По временамъ онъ приподнималъ голову и отбрасывалъ длинные сѣдые волосы, которые падали ему на глаза. Онъ посматривалъ вокругъ себя: казалось, ему пріятно было, что къ нему собралась такая

толпа. «Какъ скоро глаза его, которыхъ каждый взглядъ былъ замѣчаемъ, закрылись навсегда, всѣ гости толпою бросились изъ дому: каждый надѣялся первый сообщить эту важную вѣсть своимъ знакомымъ». Когда въ домѣ никого уже не было, у постели умершаго произошла слѣдующая странная и комическая сцена. Метръ-д'отель, въ обыкновенное время, когда онъ приходилъ къ князю за приказаніями объ обѣдѣ, явился съ цѣлою ватагою поваренковъ въ бѣлыхъ курткахъ и бумажныхъ колпакахъ, съ кухоннымъ ножомъ за поясомъ. Они церемоніально, по два въ рядъ, подошли къ кровати, сняли колпаки, стали на колѣни, прочли коротенькую молитву, брызнули на трупъ святою водою и въ прежнемъ порядкѣ, въ безмолвіи, чинно вышли изъ комнаты. Можно еще упомянуть слѣдующее курьезное обстоятельство. Когда погребальная колесница, отправляясь на кладбище въ Валансэ, выѣхала изъ церковной ограды, передовой форрейторъ спросилъ: «къ которой заставѣ»? мрачный голосъ изъ кареты отвѣтилъ: «къ заставѣ ада» (Barriere d'Enfer). Такъ, дѣйствительно, называлась застава на дорогѣ, ведущей изъ Парижа къ Валансэ *).

Много говорилось о знаменитомъ дипломатѣ въ „Сѣверной Пчелѣ" 30-хъ годовъ. Въ одномъ мѣстѣ объ немъ было сказано слѣдующее: „Несторъ европейскихъ дипломатовъ Талейранъ спитъ очень оригинально, и въ этомъ, конечно, не подражаетъ ни одному изъ смертныхъ въ мірѣ. Войдите въ его спальню, и вы увидите, что онъ спитъ почти стоя, и кровать его имѣетъ совершенно перпендикулярное положеніе. Тайлеранъ такъ боится сырости и простуды, что, собираясь спать, надѣваетъ всегда семь теплыхъ колпаковъ". Колпаки, когда было нужно, снималъ камердинеръ и только седьмой снимался самимъ его владѣльцемъ **). Подобныхъ разсказовъ встрѣчалось много какъ въ „Сѣверной Пчелѣ", такъ и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ.

Въ журналистикѣ также встрѣчалось имя другаго знаме-

*) „Библіотека для Чтенія" 1839 г., 35 т., стр. 2—58.

**) „Сѣверная Пчела" 1836 г., стр. 226.

нитаго государственнаго человѣка Франціи, Гизо. Такъ, въ „Телескопѣ“ была помѣщена статья „Франсуа Гизо“, взятая изъ „Revue de deux Mondes“. Въ ней Гизо охарактеризованъ какъ писатель и какъ политическій дѣятель. Въ послѣднемъ отношеніи характеристической чертой Гизо называется стремленіе къ пересозданію подъ всевозможными формами. Такъ, въ первые годы реставраціи онъ составилъ хартію въ нѣсколько тысячъ параграфовъ, по поводу которой ему было замѣчено, что для ея обсужденія потребовалось бы по крайней мѣрѣ пять лѣтъ непрерывнаго законодательнаго собранія. Въ статьѣ замѣчательна характеристика Гизо, какъ оратора. „Еслибы вамъ привелось побывать въ одномъ изъ засѣданій французской палаты депутатовъ, говорится въ ней, вы увидѣли бы, на скамьѣ министровъ, человѣка съ блѣдными и впалыми щеками, коего глаза, глубоко ввалившіеся, кажутся огнями, сокрытыми на днѣ пещеры. Одна рука его обыкновенно засунута подъ жилетъ и судорожными своими движеніями напоминаетъ игрока, который, при лопающемся счастіи, потихоньку деретъ ногтями грудь свою... Его протяжная, но тѣмъ не менѣе рѣзкая рѣчь, и пилитъ, и рубитъ; голосъ глухой и почти могильный усугубляетъ печальное выраженіе физіономіи; и когда онъ прибѣгаетъ къ сарказму, что, правду сказать, рѣдко случается, насмѣшка въ устахъ его всегда имѣетъ что-то ужасное... Видя на трибунѣ эту длинную пуританскую фигуру, сверкающую гнѣвными взорами, слыша этотъ гробовой голосъ, внимая проклятіямъ, кои мещетъ онъ противъ буйныхъ страстей, возмущающихъ покой людей добрыхъ, наблюдая, съ какой горячностью, съ какимъ ожесточеніемъ проповѣдуетъ спокойствіе и порядокъ, невольно подумаешь объ Іоаннѣ Кальвинѣ“ *).

Къ числу лицъ, которыми интересовалась журналистика 30 годовъ, принадлежитъ также Веллингтонъ. Объ этомъ знаменитомъ дѣятелѣ была помѣщена обширная статья Капфига въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1839 г. Въ ней Веллинг-

---

*) „Телескопъ“ 1834 г., ч. 21, стр. 463—479.

тонъ разсматривается какъ полководецъ и государственный дѣятель. Въ этомъ и другомъ отношеніи авторъ отдаетъ ему должную справедливость. Сравнивая его съ Наполеономъ, Капфигъ, между прочимъ, говоритъ: „Битва при Ватерлоо отлично выразила на дѣлѣ типъ двухъ военныхъ характеровъ: императора Наполеона и лорда Веллингтона. Наполеонъ былъ не обузданъ, пылокъ и великъ въ своихъ аттакахъ, но безпорядоченъ и не разсудителенъ въ ретирадахъ; напротивъ, лордъ Веллингтонъ осторожень, нерѣшителенъ въ дѣлѣ до-того, что при малѣйшей смѣлости онъ терялся; но въ то же время онъ холоденъ и разсудителенъ при оборонѣ". Характеризуя Веллингтона какъ политическаго дѣятеля, Капфигъ замѣчаетъ: „Герцогъ Веллингтонъ былъ торій и по чувствамъ, и по происхожденію: онъ засѣдалъ въ камерѣ лордовъ посреди консервативной партіи и вмѣстѣ съ лордомъ Абердиномъ былъ центромъ скамейки торіевъ, поддерживавшей министровъ Кастлерига. Герцогъ Веллингтонъ не обладалъ даромъ краснорѣчія, но изъяснялся всегда съ большою ясностію и точностію; онъ былъ одаренъ отъ природы чувствомъ приличія, которое давало ему средство смотрѣть на вопросы съ прямой точки зрѣнія; онъ хорошо зналъ политическое положеніе Европы, много занимался дѣйствительными фактами, а потому и сохранилъ отъ нихъ глубокое впечатлѣніе; однимъ словомъ, Веллингтонъ былъ однимъ изъ тѣхъ государственныхъ людей, которые не творятъ дѣлъ великихъ, но дѣлаютъ все хорошо". «Герцогъ Веллингтонъ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, отличается своимъ прямымъ и здравымъ смысломъ и просвѣщеннымъ умомъ, который необходимо долженъ одерживать верхъ; его рѣчи величественны, и въ верхней палатѣ его слушаютъ всѣ съ величайшимъ вниманіемъ». Касаясь домашней жизни Веллингтона, Капфигъ называетъ ее военною, между прочимъ въ томъ смыслѣ, что Веллингтонъ окружилъ себя картинами всѣхъ битвъ, въ которыхъ онъ дѣйствовалъ отъ Индіи до Ватерлоо. Любимымъ его обществомъ было общество его старыхъ друзей, напоминавшее ему дѣла его оружія. Онъ былъ очень

друженъ съ русскимъ посланникомъ графомъ Поццо-ди-Борго, съ которымъ часто видѣлся и бесѣдовалъ *).

Какъ извѣстно, заслуги Веллингтона были оцѣнены его соотечественниками по достоинству. О наградахъ, имъ полученныхъ, сообщаетъ, между прочимъ, «Сѣверная Пчела» 38 г. Оказывается, что за Талаверскую битву онъ получилъ пенсію въ 2,000 ф. ст. (50,000 рублей) и былъ возведенъ въ перы съ титуломъ виконта Веллингтона. Взятіе Родриго доставило ему титулъ графа и прибавочную пенсію въ 2,000 ф. ст. За взятіе Мадрита ему дали титулъ маркиза и подарокъ въ 100,000 ф. ст. (2.500,000 рублей). За миръ 1814 г. онъ получилъ титулъ герцога, подарокъ въ 300,000 ф. ст. (7.500,000 рублей), а пенсія его увеличена до 17,000 ф. ст. (425,000 рублей). За битву при Ватерлоо ему дали подарокъ въ 200,000 ф. ст. (5.000,000) и Статфильскую землю, которая цѣнилась въ 500,000 ф. ст. (12.000,000 рублей).

Не останавливаясь на Пилѣ, о которомъ мы не нашли обширныхъ статей въ журналахъ 30-хъ годовъ, обратимся къ Бруму (Brougham) и Каннингу. Относительно Брума мы остановимся на двухъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1835 и 1837 г. Изъ нихъ очень замѣчательна первая, между прочимъ, по нѣкоторымъ воззрѣніямъ автора на различные вопросы нравственности и политики. Статья называется «Лордъ Брумъ и послѣднее его сочиненіе» и начинается слѣдующими словами: «Франція и Англія представляютъ глазамъ наблюдателя въ эту минуту два чрезвычайно любопытныя нравственныя явленія, которыя заслуживаютъ быть замѣченными. Оба эти государства страдаютъ судорожными мученіями отъ ложныхъ политическихъ теорій, которыя хотятъ перенести управленіе общественными дѣлами изъ класса самаго сильнаго славою, богатствомъ, познаніями и талантами, въ грубую и невѣжественную толпу; но тогда какъ недостатокъ вѣрованія и скептицизмъ, слѣдствія злаго духа, опутавшаго Францію во второй половинѣ прошлаго

*) „Отечественныя Записки“ 1839 г., т. 5, стр. 27—42.

вѣка, съ новою силою пожираютъ въ этой несчастной землѣ всѣ стихіи порядка и прочности учрежденій, Англія, какъ будто предчувствуя бѣдствія своей новой внутренней политики, силится всѣми средстами утвердить себя въ вѣрѣ, чтобы приготовить себѣ утѣшеніе въ несчастіи или умѣрить его жестокость спасительными правилами, глубоко вкорененными въ сердца. Между тѣмъ какъ французская литература, *вся* безъ изъятія, прямо или косвенно подкапываетъ въ народѣ послѣднія основанія утѣшительныхъ чувствованій безумными нападками то на ученіе религіи, то на догматы нравственности, то на форму общества, происходящую изъ этихъ двухъ началъ, все, что есть просвѣщеннаго и мощнаго дарованіемъ по другую старому Канала, дружно спѣшитъ окружить христіанство новыми доводами истины его откровеній, призывая свѣтъ наукъ положительныхъ, чтобы показать всемогущество, мудрость и благость Бога, пагубныя заблужденія матеріализма, несомнѣнность безсмертія духа и будущей жизни. Многочисленность превосходныхъ сочиненій, вышедшихъ недавно по этому предмету изъ-подъ пера отличнѣйшихъ ученыхъ и государственныхъ людей, дѣлаетъ величайшую честь Англіи и составляетъ ея истинную заслугу въ отношеніи къ образованности и девятнадцатому вѣку».

Яркимъ представителемъ названныхъ явленій въ Англіи авторъ называетъ лорда Брума, «человѣка непостижимаго, который дѣлаетъ въ одно время неслыханныя нелѣпости и прекрасные подвиги, ужасное зло и неисчислимое добро своему отечеству и Европѣ». Первое относится авторомъ къ политической дѣятельности Брума, второе—къ литературной, преимущественно къ «Разсужденію объ естественномъ богопознаніи», которое въ скоромъ времени по выходѣ было переведено на всѣ главные европейскіе языки. Характеризуя Брума, авторъ, между прочимъ, говоритъ: «Въ новѣйшее время немногіе государственные люди пріобрѣли такую громкую извѣстность, какъ лордъ Генри Брумъ, адвокатъ, законовѣдецъ, ораторъ, математикъ, философъ, ученый въ са-

момъ пространномъ, хотя и не въ самомъ глубокомъ значеніи слова; умъ пылкій, безпорядочный и вмѣстѣ положительный, который занимается совершенно разнообразными предметами и не только не чувствуетъ утомленія, но, кажется, почерпаетъ новыя силы въ этой необыкновенной, можно сказать, чрезмѣрной дѣятельности". Изъ дальнѣйшихъ словъ оказывается, что Брумъ зналъ почти всѣ иностранные языки, былъ почти при всѣхъ дворахъ, объѣхалъ почти всю Европу, изучалъ законы каждаго народа, зналъ въ точности, сколько Англія вывезла бумажныхъ и стальныхъ издѣлій, на чемъ больше получалось барыша, сколько четвертей хлѣба было закуплено въ Россіи, въ Польшѣ или Америкѣ, каково положеніе колоній, тюремъ, Ирландіи, и т. д. Хорошій эллинистъ и латинистъ, онъ былъ представленъ знаменитому Лапласу, какъ одинъ изъ лучшихъ англійскихъ математиковъ, и достойно поддержалъ длинный разговоръ о дѣленіи угла на три части. Трудолюбіе его было изумительно, изумительна была легкость, съ которою онъ переходилъ отъ одного занятія къ другому. Нерѣдко въ теченіе одного дня онъ читалъ разсужденіе объ естественныхъ наукахъ въ засѣданіи королевскаго общества ученыхъ, писалъ толкованіе на текстъ латинскаго автора, произносилъ длинную рѣчь въ парламентѣ о свободной торговлѣ хлѣбомъ, представляя подробныя вычисленія на многія тысячи милліоновъ рублей, и прямо оттуда отправлялся въ судъ королевской лавки защищать тяжебное дѣло о двѣнадцати фунтахъ стерлинговъ, взыскиваемыхъ какимъ нибудь лавочникомъ. Выигравъ процессъ, онъ «шелъ въ шумное собраніе черни», толковать съ ремесленниками о пошлинѣ на солодъ, а потомъ возвращался домой доканчивать начатую для «Edinburgh Review» статью объ изящномъ въ поэзіи. Останавливаясь на «Разсужденіи о богопознаніи», авторъ статьи о Брумѣ отзывается о ней съ большой похвалой. Разсматривая устройство различныхъ органовъ тѣла человѣка и животныхъ, Брумъ въ ихъ цѣлесообразномъ устройствѣ видитъ неопровержимое доказательство въ пользу той мысли, что эти органы твореніе Божіе. Въ од-

номъ мѣстѣ своего сочиненія онъ говоритъ: «Лапчатая нога водяной птицы лучшее изъ всѣхъ веселъ въ мірѣ, и всѣ нынѣшнія старанія наши усовершенствовать движеніе пароходовъ не произведутъ ничего подобнаго. Сгибающая мышца утиныхъ пальцевъ такъ направлена къ костямъ бедра и голени, что она сжимается, когда животное согнетъ ногу, и распускается, когда вытянетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ расходятся пальцы, и соединяющая ихъ плева встрѣчаетъ себѣ въ водѣ большую площадь сопротивленія". Говоря въ защиту самостоятельнаго существованія души, Брумъ, между прочимъ, указываетъ на постоянное измѣненіе тѣла въ своихъ составныхъ частяхъ (ни въ одномъ двадцатилѣтнемъ человѣкѣ, говоритъ онъ, нѣтъ ни одной частицы того тѣла, которое онъ имѣлъ десяти лѣтъ) и на то, что умъ, напротивъ, постоянно остается однимъ и тѣмъ же *).

Другая статья **) характеризуетъ Брума такимъ образомъ: «Брумъ настоящій кулачный боецъ дара слова, онъ всегда хочетъ владычествовать и отъ всякаго требуетъ не только уваженія, но даже покорности; онъ тогда только въ своей сферѣ, когда надобно спорить, браниться; вражда— его пища и жизнь; не спорьте съ нимъ, онъ пропалъ, онъ умретъ. Малѣйшій намекъ, малѣйшій предлогъ, и довольно: онъ встаетъ, гремитъ, разитъ. Онъ никогда и никого не щадитъ; насмѣшливость его доходитъ до ярости; иронія превращается въ ругательства". Есть вѣрные признаки, по которымъ вы можете узнать, что лордъ Brougham сейчасъ встанетъ и начнетъ говорить: онъ повертывается спиною къ

*) „Библіотека для Чтенія" 1835 г., ч. 11, стр. 32—56.

**) Тамъ же, 1837 г., ч. 22, стр. 80—87. О Брумѣ также есть нѣкоторыя свѣдѣнія въ „Телескопѣ" 1831 г., ч. 6. Тамъ было сказано, что въ политическомъ краснорѣчіи онъ не имѣлъ соперниковъ. Ни одинъ изъ древнихъ и современныхъ ораторовъ не обладаетъ въ такой степени силой сарказма и укоризны. Объ одной его рѣчи было сказано: „Какъ сатана Мильтона, цѣлые девять дней боролся онъ противъ десяти противниковъ, не одерживая побѣды, но не переставая биться". Онъ не боялся говорить среди раздраженной черни, бросавшей въ него иногда всякой дрянью и нечистотами.

предсѣдателю палаты, закидываетъ одну ногу на другую, опускаетъ свою безобразную голову на грудь, вертится на скамьѣ, схватывается за затылокъ и немилосердно третъ его. Вотъ онъ всталъ: *онъ на ногахъ,* какъ говорятъ парламентскіе, и странная его физіономія приковываетъ къ себѣ ваше вниманіе. Прежде всего поражаетъ васъ въ немъ безобразіе лица: не знаете, что думать объ этой неблагопристойной рожѣ; кожа черная, какъ юфть, носъ съ бутылку, сѣдые, щетинистые волосы; угловатыя перемѣшанныя черты, которыя выражаютъ и дерзость, и упрямство, и неугомонный характеръ. Но по этому широкому, выпуклому лбу, по этимъ глазамъ, которые сверкаютъ изъ-подъ навислыхъ бровей, тотчасъ видите, что на этого человѣка непріятно смотрѣть, но пріятно будетъ его слушать. „Надобно ли отвѣчать на нападеніе, тутъ онъ—герой, и является во всей силѣ. Пощады никому на свѣтѣ; противникъ, кто бы онъ ни былъ, будетъ разбитъ и затоптанъ въ грязь безчеловѣчно. Глаза блестятъ, брови ежатся, ноздри раздуваются, углы надменнаго рта приподнимаются. Личности, оскорбительные намеки, кровавые обиды, когтистыя эпиграммы, гнусныя ругательства, все пойдетъ въ дѣло; онъ собираетъ всѣхъ своихъ враговъ въ кучу и толчетъ всѣхъ ихъ вмѣстѣ; чѣмъ больше ихъ, тѣмъ лучше; языкъ у него какъ черкесскій капканъ: кого задѣлъ петлею, того и тащитъ въ плѣнъ, придушивъ ему горло. Невольно жалѣешь объ его жертвахъ. У него нѣтъ ни малѣйшей воздержности или учтивости въ сатирѣ, и никакой прелести въ преніи. Со всѣхъ сторонъ поднимаются крики, предсѣдатель посылаетъ ему выговоры; нужды нѣтъ, онъ идетъ впередъ, давитъ все, что попадается, сыплетъ пригоршнями оскорбленія и ругательства; ярость его возростаетъ по мѣрѣ негодованія слушателей“. Однажды, въ пылу негодованія, онъ зашолъ такъ далеко, что обозвалъ англійскихъ перовъ *сволочью.* Въ его рѣчахъ математика, исторія, естественныя науки, поэзія — все шло въ дѣло. Онъ представлялъ собою живую энциклопедію. Не разъ случалось, что онъ, говоря часа три сряду безъ малѣйшаго приготовле-

нія, обходилъ весь кругъ человѣческаго знанія. Пылкая, быстрая мысль, безъ изысканности, безъ принужденія, безъ торжественности, мчала въ его рѣчахъ огромную массу словъ, образовъ, идей, доводовъ, которые сыпались какъ градъ и шумѣли какъ ливень. «Онъ превзошелъ самаго себя, когда палата перовъ отвергла его билль о провинціальныхъ судахъ: онъ вышелъ на нѣсколько минутъ, чтобы освѣжиться; потомъ быстрыми шагами возвратился въ палату, бросая на оппозицію сверкающіе взгляды; тутъ онъ разразился и сталъ наносить удары столь ужасные, нестерпимые, что лордъ Wynford, который слушалъ сначала довольно спокойно, наконецъ выскочилъ блѣдный, покрытый потомъ».

О Каннингѣ мы говорили уже выше. Скажемъ о немъ еще нѣсколько словъ, такъ какъ его имя встрѣчается и въ журналахъ 30-хъ годовъ. Такъ, въ «Телескопѣ» была помѣщена статья «Каннингъ поэтъ» *). Въ этой статьѣ доказывалось, что Каннингъ былъ сильный поэтическій талантъ. Особенно замѣчателенъ онъ былъ въ политической сатирѣ, которая, между прочимъ, касалась Франціи. Замѣчательна его ода въ честь умершаго Питта. Главная ея мысль та, что Илія, т. е. Питтъ, бросилъ свою мантію — и некому поднять ее. Нѣтъ никого въ Англіи, говоритъ Каннингъ, кто могъ бы облечься въ мантію пророка. Онъ дѣлаетъ смотръ всему министерству, которое замѣнило великаго человѣка, и совѣтуетъ ему по крайней мѣрѣ раздѣлить между собою куски мантіи генія. Часть Питтовой мантіи онъ удѣляетъ лорду Гринвилю, другую—великобританскому флагу, желая, чтобы она была знаменемъ побѣдъ, по которымъ явились бы новые Нельсоны. Стихотворенія Каннинга носятъ религіозный колоритъ.

Группа замѣчательныхъ ученыхъ, о которыхъ такъ или иначе трактовала журналистика 30-хъ годовъ, была гораздо многочисленнѣе группы политическихъ дѣятелей. Эти лица были бо́льшею частью современники журналистики назван-

*) „Телескопъ" 183 г., ч. 32, стр. 459—478.

наго времени. Къ нимъ, между прочимъ, принадлежатъ слѣдующіе ученые: Ансильонъ, Вильменъ, Мишле, Тьерри, Гизо, Кювье, Прескоттъ, Гумбольдтъ, Гриммы, Шлегели, Нибуръ, Раумеръ, Ранке, Луденъ, Шлоссеръ, Гегель, Шеллингъ, Добровскій, Шафарикъ, Востоковъ, Погодинъ, Устряловъ, Строевъ, Шевыревъ, Давыдовъ, Бодянскій, Венелинъ, Сахаровъ, Снегиревъ, Остроградскій, Буняковскій, Перевощиковъ, Струве, Павловъ, Куторга и другіе. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Къ числу писателей, къ произведеніямъ которыхъ критика 30-хъ годовъ относилась съ единодушной похвалой, принадлежитъ французскій историкъ Ансильонъ. Его «Изображеніе переворотовъ въ политической системѣ европейскихъ государствъ» критиками названнаго времени ставилось весьма высоко. Автору отводилось мѣсто между Гереномъ, Нибуромъ, Роттекомъ, Луденомъ, Гизо, Тьерри, Раумеромъ и Лео. Говорилось, что онъ былъ изъ числа тѣхъ историковъ, которые подняли исторію на подобающую высоту, и что названное сочиненіе можетъ обогатить какую угодно литературу. При этомъ сообщались различныя историческія воззрѣнія Ансильона. Такъ, онъ говорилъ, что представить исторію народовъ, значитъ изобразить опасности, которымъ подвергалась національная самобытность государствъ, мѣры, употребляемыя для ея сохраненія, показать средства, созданныя необходимостью самосохраненія и защиты. Высоко ставилась критикой та часть «Изображенія», гдѣ содержится очеркъ событій среднихъ вѣковъ. Въ этой части весьма отчетливо было показано, что въ средніе вѣка Европа была чужда всякой политической системы и что только съ исхода XV ст., послѣ взятія турками Константинополя, стеченіе различныхъ причинъ физическихъ и нравственныхъ и столкновеніе особенныхъ событій произвели въ Европѣ огромныя массы силъ, изъ которыхъ однѣ могли нападать съ мужествомъ и отвагою, другія защищаться упорно и съ успѣхамъ. Въ это-то время борьбы родилась политическая система. Критика высоко ставила изображеніе различныхъ историческихъ лицъ,

встрѣчающееся у Ансильона, хвалила слогъ его сочиненія и приписывала послѣднему весьма значительную долю занимательности. Что названные отзывы были справедливы, доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что Геренъ назвалъ «Изображеніе» Ансильона однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ историческихъ твореній *).

Съ большой похвалой отнеслась критика и къ трудамъ другаго знаменитаго французскаго историка, Мишле. Ему приписывалась значительная доля участія въ разработкѣ философіи исторіи и въ изученіи законовъ историческихъ явленій. Его «Histoire de France» признавалась однимъ изъ лучшихъ современныхъ историческихъ сочиненій. Съ меньшей похвалой критика отнеслась къ его «Краткой исторіи Франціи», переведенной на русскій языкъ. Въ вину автору было поставлено то, что онъ старался выставить Францію центромъ европейской жизни и цивилизаціи, на что въ свое время было указано нѣмецкими историками. Особенно неблагосклонно отозвался о ней Бѣлинскій **). Онъ назвалъ ее уродливою компиляціею, которую не стоило переводить. Въ книгѣ Мишле, говорилъ Бѣлинскій, нѣтъ ни умозрѣнія, ни философскихъ взглядовъ, ни фактовъ, однѣ фразы и нескладное повѣствованіе безъ всякаго содержанія. Вначалѣ толкутся Цельты, Иберы, Кимбры, Тевтоны, Свевы, Узипины, Танктеры, кричатъ, шумятъ,—ничего не разберешь. Ихъ покоряютъ Римляне, и все это видишь какъ въ туманѣ или въ какомъ-то тяжеломъ снѣ: никакой картинности, ни малѣйшей перспективы, ни искры повѣствовательнаго таланта! Это какой-то бредъ разстроенной головы». Вообще, къ Мишле Бѣлинскій не особенно благоволилъ и ставилъ значительно выше его Тьерри, котораго «Завоеваніе Англіи Норманнами» онъ называлъ капитальнымъ историческимъ произведеніемъ. Вмѣстѣ съ Тьерри высоко ставился крити-

*) Литературныя прибавленія къ Инвалиду 1838 г., стр. 849. „Сѣверная Пчела“ 1838 г., № 287, стр. 1147.

**) Сочиненія, II т., стр. 389 и слѣд.

кой 30-хъ годовъ и Гизо, какъ одинъ изъ историковъ, старавшихся внести въ исторію философское начало, и послѣдователей идей Вико.

Обозрѣвая поле современнаго естествовѣдѣнія, журналистика 30-хъ годовъ не могла не остановиться на Кювье. Въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1835 г. ему была посвящена обширная статья, составленная на основаніи академическихъ похвальныхъ словъ Лорильяра, Наризе и Флурана *). Въ ней указываются заслуги Кювье на безсмертіе. Сперва говорится объ его трудахъ по естественной исторіи, потомъ по сравнительной анатоміи и палеонтологіи и разсматриваются главные его сочиненія: «Сравнительная анатомія», «Ископаемые остатки», «Царство животныхъ» и «Естественная исторія рыбъ». Его труды по естественной исторіи названы блестящими признаками его глубокаго соображенія, отъ которыхъ самыя общепринятыя системы потряслись въ основаніи. Послѣ нихъ Линнеева система, говорится далѣе, оказалась совершенно ошибочною въ классѣ насѣкомыхъ и червей. Кювье основалъ свою классификацію животныхъ на свойствахъ ощущенія и движенія, какъ на главнѣйшемъ отличіи животныхъ. Онъ первый показалъ близкія и общія отношенія между дыхательными органами, силами, движеніями, видомъ остова и мышцами, и между ощущеніями и пищевареніемъ: эти отношенія объемлютъ всецѣлость свойствъ животнаго царства и ведутъ къ естественному его раздѣленію. Вмѣсто шести Линнеевыхъ классовъ, именно: четвероногихъ, птицъ, пресмыкающихся, рыбъ, насѣкомыхъ и червей, онъ установилъ четыре большіе отдѣла: позвоночныхъ, слизняковъ, колѣнчатыхъ и лучистыхъ животныхъ, основываясь на измѣненіяхъ органовъ дыханія, кровообращенія и ощущенія. Труды Кювье по сравнительной анатоміи также чрезвычайно замѣчательны. До него, какъ говорится въ статьѣ, сравнительная анатомія была изучаема только въ видѣ рѣдкости, какъ предметъ болѣе или менѣе остроумныхъ

*) „Библіотека для Чтенія“ 1835 г., ч. 9, стр. 19—44.

разсужденій. Кювье превратилъ ее въ науку, которая въ его рукахъ сдѣлалась основаніемъ естественной исторіи. Лекціи по анатоміи онъ читалъ съ неподражаемымъ краснорѣчіемъ. При этомъ онъ занимался составленіемъ музея сравнительной анатоміи, который сдѣлался однимъ изъ славнѣйшихъ его памятниковъ. Что касается палеонтологіи, то Кювье по всей справедливости можетъ назваться ея основателемъ. «До Кювье ни одинъ естествоиспытатель не смѣлъ приступить къ распредѣленію ископаемыхъ костей четвероногихъ, такъ это казалось затруднительнымъ». Изъ неполныхъ частей ископаемыхъ четвероногихъ онъ умѣлъ извлечь очевидное доказательство раннихъ переворотовъ земной поверхности и матеріалы для ея первобытной исторіи. Изслѣдованія Кювье увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Зоологія обогатилась описаніемъ ста шестидесяти восьми ископаемыхъ позвоночныхъ животныхъ, составляющихъ пятьдесятъ родовъ, изъ которыхъ пятнадцать совершенно новые. Геологія быстро подвинулась впередъ. Трудолюбіе Кювье было изумительно. „Кювье, говоритъ Дювернуа, никогда не бывалъ безъ дѣла; онъ не давалъ уму своему инаго успокоенія, кромѣ какъ во снѣ; единственное отдохновеніе, которое онъ позволялъ себѣ, заключалось въ томъ, чтобы переходить отъ одного занятія къ другому. Въ продолженіе частыхъ городскихъ выѣздовъ и еще болѣе въ дальнихъ путешествіяхъ, онъ читалъ и даже писалъ въ каретѣ, гдѣ для большаго удобства зажигалась у него лампа. Ни одинъ авторъ не написалъ столько оригинальныхъ произведеній въ такое короткое время *).

Въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1839 г. была помѣщена интересная статья Мельгунова о Гумбольдтѣ. Автору удалось познакомиться съ свѣтиломъ германской науки, благодаря содѣйствію извѣстнаго писателя Фарнгагена. Мельгуновъ видѣлъ Гумбольдта еще раньше, въ Москвѣ, когда по-

---

*) Обширная статья о Кювье была помѣщена также въ „Телескопѣ“ 1836 г., ч. 31. Изъ ней видно, что какъ человѣкъ онъ былъ мало привлекателенъ и отличался большимъ эгоизмомъ. Она знакомитъ насъ также съ знаменитымъ споромъ Кювье съ Жофруа Сентъ-Илеромъ.

слѣдній путешествовалъ по Россіи. Относительно пребыванія Гумбольдта въ этомъ городѣ, Мельгуновъ, между прочимъ, замѣчаетъ, что знаменитый гость былъ постоянно осаждаемъ толпами любопытныхъ москвичей. Онъ присутствовалъ въ чрезвычайномъ засѣданіи Общества Испытателей Природы, въ залѣ Благороднаго собранія ему данъ былъ большой обѣдъ, на которомъ присутствовалъ и авторъ. Приступая къ разсказу о своемъ знакомствѣ съ Гумбольдтомъ во время своей заграничной поѣздки, Мельгуновъ прежде всего замѣчаетъ, что ему не нужно говорить читателямъ о томъ, кто такой Гумбольдтъ. Его поѣздка въ Сибирь и къ Каспійскому морю сдѣлала его имя извѣстнымъ въ Россіи. О существованіи Гумбольдта узнали даже исправники и засѣдатели самыхъ отдаленныхъ губерній. Отправляясь къ Гумбольдту, авторъ, по собственному его признанію, чувствовалъ какой-то невольный трепетъ, хотя и имѣлъ при себѣ рекомендательное письмо Фарнгагена. Не заставъ Гумбольдта дома, авторъ оставилъ у него письмо и свою карточку и въ тотъ же день получилъ отъ Гумбольдта приглашеніе посѣтить его на слѣдующее утро часовъ въ восемь. Для Гумбольдта это не было рано, потому что онъ вставалъ въ четыре часа. Онъ встрѣтилъ гостя очень любезно. Разговоръ продолжался около часа, причемъ говорилъ больше самъ хозяинъ. Проводивъ гостя въ переднюю, Гумбольдтъ и тамъ говорилъ около получаса. Въ разговорѣ онъ явился и глубокимъ ученымъ, и свѣтскимъ человѣкомъ первой руки. Предметомъ разговора, между прочимъ, были Фарнгагенъ, Гете, Гейне, Берне и Жоржъ Зандъ. О литературѣ Гумбольдтъ разсуждалъ съ основательнымъ знаніемъ дѣла. Коснулись и Россіи, причемъ Гумбольдтъ говорилъ о назначенной въ то время экспедиціи для сравненія высотъ Каспійскаго и Чернаго морей, о Пулковской обсерваторіи, наблюденіяхъ надъ уклоненіемъ магнитной стрѣлки и проч. Вспомнилъ онъ о Москвѣ, о вечерахъ, которые были ему даны, и о желаніи москвичей поговорить съ нимъ впрямь и вкось о «Байронѣ и о матеріяхъ важныхъ», спрашивалъ о Пушкинѣ и т. д. Вообще, посѣщеніе Гум-

больдта оставило въ авторѣ самое пріятное воспоминаніе. Въ концѣ статьи Мельгуновъ приводитъ отзывы о Гумбольдтѣ Гете и Менцеля. Первый говорилъ, что Гумбольдтъ въ свѣдѣніяхъ и живомъ знаніи не имѣетъ равнаго. Чего онъ ни касался, вездѣ былъ дома и забрасывалъ собесѣдника своими умственными сокровищами. Онъ былъ похожъ на водоемъ со многими жолобами, подъ которыми стоитъ только держать кувшинъ—и оттуда вода неистощимо льется для прохлады. То же говорилъ о Гумбольдтѣ и Пушкинъ. Менцель называлъ его Наполеономъ между естествоиспытателями. „Онъ гордымъ своимъ взглядомъ все обозрѣлъ и обнялъ, стоялъ на вершинахъ Кордильеровъ и Алтая, и ему отъ мельчайшихъ затруднительнѣйшихъ сравненій барометрическихъ до самыхъ смѣлыхъ и обширныхъ взглядовъ на цѣлое, всѣ области и всѣ царства природы покоряются, какъ необъятныя завоеванія“ *).

Изъ Шлегелей чаще встрѣчалось имя А. В. Шлегеля, причемъ иногда указывались и подвергались разбору его критическія воззрѣнія. Такъ, въ «Библіотекѣ для Чтенія» было приведено мнѣніе о немъ Шевырева. По мнѣнію послѣдняго, Шлегель въ каждомъ произведеніи искалъ философской мысли, плѣнялся ею и не отличалъ ее отъ художественной. Изъ Софокловыхъ произведеній ему менѣе всего нравился „Эдипъ царь“, тогда какъ, по мнѣнію древнихъ, онъ былъ лучшимъ ихъ произведеніемъ. Въ Шекспирѣ, говоритъ Шевыревъ, Шлегель, искусно обрисовывая многіе характеры и раскрывая идеи, не вникаетъ въ драматическіе элементы дѣйствія. Разборы комедій у Шлегеля, по мнѣнію русскаго критика, еще слабѣе, нежели разборы трагедій. Такъ, онъ „не умѣлъ постигнуть красотъ Мольера“. Названный журналъ былъ несогласенъ съ этимъ мнѣніемъ Шевырева и находилъ его страннымъ. Защиту Шлегеля отъ нѣкоторыхъ нападеній мы встрѣчаемъ и въ статьѣ Кенига о состояніи нѣмецкой литературы въ 30-хъ годахъ, помѣщен-

*) „Отечественныя Записки“ 1839 г., т. 6, стр. 82—96.

ной въ „Московскомъ Наблюдателѣ" 1836 г. Защита направлена противъ обвиненій и насмѣшекъ Гейне, который напалъ на Шлегеля при обрисовкѣ романтической школы. Кенигъ называетъ остроуміе Гейне дикимъ и не имѣющимъ отношенія къ сущности дѣла. Ему не нравится, что Гейне касается физическихъ и нравственныхъ недостатковъ Шлегеля и сообщаетъ о немъ нѣкоторые соблазнительные разсказы, не имѣющіе, по его словамъ, ничего общаго съ произведеніями названнаго писателя.

Много свѣдѣній даютъ журналы 30-хъ годовъ объ извѣстномъ нѣмецкомъ историкѣ Раумерѣ. Съ большой похвалой отзывалась критика объ его «Исторіи Гогенштауфеновъ», «Исторіи Европы съ конца XV ст.» и «Англіи въ 1835 г.». Первое изъ этихъ сочиненій было названо однимъ критикомъ всеобъемлющей картиной среднихъ вѣковъ. Относительно втораго сочиненія было сказано, что въ немъ обращаетъ на себя вниманіе умѣнье автора группировать содержаніе исторіи вокругъ великихъ характеровъ, которые имъ оцѣниваются безпристрастно, безъ обращенія вниманія на сословные и національные предразсудки. „Съ испытующимъ, свѣтлымъ взглядомъ, говоритъ критикъ, ведетъ онъ насъ въ средоту народовъ, обнажаетъ предъ нами ихъ страданія и радости; мы слѣдуемъ за нимъ въ лагери этихъ народовъ, на ихъ поля боевыя, въ аудиторіи ихъ учителей и мудрецовъ, присутствуемъ въ собраніяхъ ихъ законодателей, на роскошныхъ пиршествахъ ихъ дворовъ" *). Относительно третьяго сочиненія было замѣчено, что оно приноситъ честь германской націи. Высоко были поставлены точность свѣдѣній, всеобъемлющій взглядъ и основательное изслѣдованіе, обнаруженные авторомъ въ сочиненіи. Книга Раумера была названа истиннымъ зеркаломъ Англіи, въ которомъ иностранецъ можетъ видѣть всестороннее отраженіе этой страны. Раумеръ трактуетъ о положеніи государства, церкви, о бѣдныхъ, государственныхъ правахъ, училищахъ и тюрьмахъ,

*) „Московскій Наблюдатель" 1837 г., ч. 10, стр. 89.

искусствахъ, обществѣ, наукѣ, фабрикахъ, земледѣліи и образѣ жизни. Замѣчательно у Раумера мѣсто объ Ирландіи. Онъ рисуетъ поразительную нищету ея жителей. Въ одномъ ирландскомъ жилищѣ онъ встрѣтилъ хозяйку дома въ костюмѣ Евы: у ней не было ничего, чѣмъ бы она могла прикрыть свою наготу.

Почетное мѣсто было также дано историку Лудену. Въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду" объ немъ было сказано: „Между европейскими историками нынѣшняго столѣтія Луденъ занимаетъ, если не первое, то, по крайней мѣрѣ, одно изъ первыхъ мѣстъ, какъ историкъ-критикъ и какъ историкъ-философъ". Его „Всеобщую исторію народовъ и государствъ" нѣкоторые ставили выше трудовъ Роттека и Гизо.

Великіе нѣмецкіе философы Гегель и Шеллингъ были предметомъ разнообразныхъ сужденій журналистики. Нѣкоторые превозносили Гегеля до небесъ, другіе дѣлали ему много самыхъ тяжелыхъ упрековъ. Такъ, одинъ критикъ говорилъ, что зданіе, построенное Гегелемъ, нетвердо и непрочно, что его система вредна въ своемъ основаніи, заключая въ себѣ пагубный ядъ, что она открываетъ полную дорогу для всякихъ софизмовъ, всякаго безсмыслія и противна духу христіанскаго ученія, давая, вмѣсто любви къ ближнему и кротости, безпредѣльное высокомѣріе и самообожаніе. Чрезвычайно вредное дѣйствіе приписывалось гегелеву ученію по отношенію къ политикѣ. Обширная статья о Гегелѣ была помѣщена въ «Телескопѣ» 1833 г. Авторъ ея, Амедей Прево, сообщивъ нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о Гегелѣ, излагаетъ затѣмъ важнѣйшія начала его *Энциклопедіи*. Далѣе онъ сравниваетъ ученіе Гегеля съ ученіемъ Шеллинга и говоритъ, что система перваго есть соединеніе системъ Фихте и Шеллинга. Говоритъ затѣмъ о мысли Лерминье, что ученіе Гегеля было бы вредно для Франціи, еслибы оно проникло въ нее, такъ какъ оно, по словамъ этого писателя, отличалось антилиберальнымъ направленіемъ и чужеземнымъ происхожденіемъ.

Гегель оказалъ чрезвычайно сильное вліяніе на русскую литературу 30-хъ годовъ. Въ Москвѣ изъ нѣкоторыхъ замѣчательныхъ литераторовъ образовался кружокъ, въ которомъ весьма усердно занимались изученіемъ философіи Гегеля. Къ этому кружку принадлежалъ и Бѣлинскій. Главнымъ выразителемъ идей гегелевской философіи былъ журналъ „Московскій Наблюдатель". Молодые сотрудники этого журнала въ своихъ собраніяхъ съ жаромъ трактовали о философіи Гегеля и въ своихъ статьяхъ на все смотрѣли сквозь призму этого ученія. Каждое слово Гегеля считалось непогрѣшимымъ и никто не стремился къ критическому разсмотрѣнію положеній этого авторитетнаго философа. Это былъ періодъ страстнаго увлеченія новой философіей. Поддался ему, какъ мы сказали, и Бѣлинскій и былъ одно время самымъ горячимъ поклонникомъ новаго ученія, благодаря вліянію страстнаго гегеліанца Станкевича. Но, благодаря критическому направленію своего ума, Бѣлинскій, какъ извѣстно, въ скоромъ времени освободился отъ безусловной вѣры въ непогрѣшимость гегелевской философіи. Этой перемѣнѣ, какъ извѣстно, много способствовали знакомство Бѣлинскаго съ Огаревымъ и его переѣздъ въ Петербургъ. Кружокъ Огарева составлялъ въ свое время замѣчательное явленіе и увлекался совершенно иными идеями, нежели кружокъ Станкевича. Члены этого кружка съ большимъ усердіемъ занимались изученіемъ новыхъ экономистовъ, интересовавшихъ въ то время своимъ ученіемъ всю Европу. Вмѣстѣ съ тѣмъ изучалась новѣйшая исторія, какъ предметъ, близко соприкасавшійся съ жизнью. Должно было произойти столкновеніе между двумя названными кружками, и оно дѣйствительно произошло. Кружокъ Огарева сталъ упрекать представителей кружка Станкевича въ равнодушіи къ живымъ вопросамъ времени и увлеченіи схоластическими вопросами философіи. Противники отвѣчали упрекомъ, что ихъ враги не знаютъ основныхъ принциповъ философіи Гегеля. Въ домашнихъ спорахъ представителей названныхъ кружковъ горячее участіе принималъ и Бѣлинскій, дававшій иногда значительный

перевѣсъ своей партіи своимъ мастерствомъ въ веденіи литературныхъ споровъ. Періодъ увлеченія Бѣлинскаго Гегелемъ относится къ 1838—1841 годамъ. Въ это время онъ былъ поклонникомъ объективнаго начала. Что носило печать субъективности, имъ неумолимо отвергалось. Истинными поэтами въ это время онъ считалъ только Шекспира, Гете и Пушкина, не признавая достоинствъ въ такихъ писателяхъ, какъ Шиллеръ и Гейне. Исходя изъ принциповъ гегелевской философіи, онъ нападалъ на современную французскую литературу и считалъ истинною поэзіею только поэзію формы. Для знакомства съ литературными взглядами Бѣлинскаго въ названное время источникомъ служатъ его извѣстныя статьи «Менцель. Критикъ Гете» и «Очерки бородинскаго сраженія, соч. Ѳ. Глинки».

Не посчастливилось отъ нѣкоторыхъ и Шеллингу. Одни называли его проповѣдникомъ раздора и ненависти, сравнивали съ аббатомъ Ламне, нападавшимъ на папу и предсказывавшимъ близкій конецъ римской церкви, другіе видѣли въ немъ защитника обскурантизма и іезуитизма. Но были и защитники у Шеллинга. Такимъ, напримѣръ, является Мельгуновъ въ своей статьѣ „Шеллингъ", помѣщенной въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1839 г. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что если Шеллингъ не издастъ въ систематическомъ видѣ своихъ лекцій, то должно погибнуть много великихъ, геніальныхъ идей и потеря будетъ неизмѣрима. О Шеллингѣ онъ говоритъ много, такъ какъ лично видѣлся съ нимъ, во время своей поѣздки по Германіи. Оказывается, что Шеллингъ очень любилъ Россію и русскихъ. Отъ Россіи онъ ожидалъ въ будущемъ великихъ услугъ для человѣчества. Онъ любилъ Москву, потому что тамъ нѣкоторые литераторы усердно занимались изученіемъ его философіи. Въ наружности Шеллинга русскій путешественникъ поразился лбомъ, который онъ называетъ *бычачьимъ*, до того онъ былъ широкъ. Въ разговорѣ Шеллингъ, между прочимъ, спросилъ о Погодинѣ и его «Историческихъ афоризмахъ», выразилъ сожалѣніе, что не читаетъ порусски и не можетъ слѣдить

за успѣхами русской, юной и свѣжей образованности. Спрашивалъ о Тургеневѣ, съ которымъ ѣздилъ въ Венецію, и о нѣкоторыхъ другихъ русскихъ знакомыхъ *).

И Шеллингу суждено было оказать вліяніе на русскую литературу. Здѣсь мы опять должны остановиться на Бѣлинскомъ. Какъ натура живая, увлекающаяся, Бѣлинскій увлекся и оригинальной философіей Шеллинга. Періодъ этого увлеченія относится къ 1834—36 годамъ, ко времени его участія въ «Телескопѣ» и «Молвѣ». Бѣлинскій является въ это время въ своихъ критическихъ сужденіяхъ романтикомъ, но романтикомъ, подвергшимся сильному вліянію ученія Шеллинга. Такъ, на актъ творчества поэта онъ смотритъ какъ на непроизвольное воплощеніе въ живые образы идеи, овладѣвшей поэтомъ. Народности въ литературѣ онъ требовалъ на томъ основаніи, что она составляетъ, какъ говоритъ Бѣлинскій, выраженіе самосознанія народомъ идеи, носителемъ которой онъ является въ исторіи. Съ точки зрѣнія критика, увлекшагося ученіемъ Шеллинга, Бѣлинскій въ названное время смотрѣлъ и на русскую литературу и даже на такихъ писателей, какъ Крыловъ. Впрочемъ, не смотря на это увлеченіе, Бѣлинскій иногда высказывалъ въ названный періодъ своей дѣятельности и такіе взгляды, которые не имѣли никакого отношенія къ ученію Шеллинга. Такъ, говоря о произведеніяхъ Гоголя, онъ высоко ставилъ въ нихъ близкое отношеніе къ жизни, къ современности, доказывая такимъ образомъ ту мысль, что, кромѣ поэзіи идеальной, можетъ существовать и поэзія реальная.

Изъ славянскихъ ученыхъ было, между прочимъ, обращено вниманіе на Добровскаго и Шафарика. О первомъ было сказано, что направленіе его ума было болѣе критическое, нежели догматическое, и что онъ болѣе опровергалъ или исправлялъ мнѣнія и погрѣшности другихъ, нежели систематически излагалъ свое собственное ученіе. Въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ“ былъ приведенъ слѣдующій отзывъ о

---

*) „Отечественныя Записки“ 1839 г., т. 3, стр. 112—125.

немъ Гете: „Аббатъ Іосифъ Добровскій старѣйшина по части критическихъ изслѣдованій въ Богеміи, рѣдкій человѣкъ при геніальномъ трудолюбіи и геродотовскихъ путешествіяхъ, съ молодости предавшійся изученію славянскихъ языковъ и бытописаній, всѣ свои изслѣдованія, по особенной любви, примѣнялъ къ изученію Богемскаго народа и его страны, и такимъ образомъ соединилъ славу народнаго имени со славою науки. Гдѣ только онъ углубляется въ изслѣдованія, тамъ тотчасъ видѣнъ знатокъ, обнимающій предметъ свой вполнѣ и умѣющій изъ отрывковъ составлять цѣлое". Много толковъ было по поводу „Славянскихъ древностей" Шафарика. Большая статья о нихъ была помѣщена въ „Сынѣ Отечества" 1839 г. Авторъ ея, Бутковъ, не во всемъ соглашался съ знаменитммъ славистомъ. Нѣкоторые выводы послѣдняго показались критику сомнительными, частію подозрительными, частію невѣроятными. Бутковъ не согласенъ съ Шафарикомъ относительно мнѣнія послѣдняго объ осетинцахъ, язьгахъ, аланахъ, сарматахъ, спорахъ и многихъ другихъ народахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ видитъ натяжки въ объясненіи собственныхъ именъ. Не нравится ему объясненіе происхожденія имени *русскаго* государства отъ шведскаго *Рослагена*, отождествленіе волаховъ не съ гуннами, а съ галлами, производство слова *мордва* отъ персидскаго *мердва*, человѣкъ, *смерда* отъ *мордвы*, отъ народа *скамаровъ — скоморохова*, отъ народа *колдовъ — колдуновъ*, отъ *людовъ — людей*, и т. д. Не согласенъ онъ съ тѣмъ мнѣніемъ Шафарика, что древніе славяне были народъ мирный, незнавшій употребленія оружія и знакомый только съ музыкальными инструментами *).

Обратимся къ нѣкоторымъ русскимъ ученымъ, имена которыхъ часто встрѣчались въ журналахъ 30-хъ годовъ. Остановимся прежде всего на Востоковѣ, о которомъ критика говорила преимущественно по поводу его грамматики русскаго языка. Изъ разбора послѣдней особенно замѣчателенъ

*) „Сынъ Отечества" 1839 г., ч. 10, стр. 73—138.

обширный разборъ Галахова *). Критикъ указываетъ на многія мѣста изъ грамматики Востокова, съ которыми онъ не согласенъ. Статью о безличныхъ предложеніяхъ онъ считаетъ не совсѣмъ ясною и для самаго автора. Указываетъ на ошибку Востокова, непризнающаго для неопредѣленнаго наклоненія возможности быть подлежащимъ въ предложеніи. Замѣчаетъ, что очень мало сказано о приложеніи, что придаточное предложеніе можетъ присоединяться, кромѣ подлежащаго и сказуемаго, къ дополненію и опредѣленію, что упущено изъ виду Востоковымъ, что весьма странно только для мѣстоименія допускать возможность быть подлежащимъ въ придаточномъ предложеніи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ критикъ дѣлаетъ сравненіе между правилами Востокова, Греча и Калайдовича, причемъ оказывается сильное противорѣчіе. Предложеніе, являющееся у Востокова сложнымъ, у Греча является простымъ, числительныя, признаваемыя Гречемъ собирательными (двое, трое, четверо), не признаются такими у Востокова. По Гречу нужно говорить: *двои часовъ*, *трои саней*, *четверо ножницъ*, по Востокову: *двои часы*, *трои очки*, *четверо вороты*. Въ правилахъ о знакахъ препинанія также встрѣчаются противорѣчія.

Въ числѣ ученыхъ, съ честью и успѣхомъ подвизавшихся на поприщѣ изученія русской исторіи, замѣчателенъ Погодинъ. Его имя часто встрѣчается въ журналахъ 30-хъ годовъ. По поводу его трудовъ слышались, наряду съ одобреніемъ, и порицанія. Его критическое разсужденіе «Несторъ» вызвало обширную статью въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1839 г. Въ ней были указаны какъ достоинства, такъ и недостатки разсужденія. Какъ на недостатки, было указано на слѣдующее: авторъ не опровергнулъ воззрѣній скептиковъ

*) „Телескопъ“ 1836 г., ч. 34, стр. 108 — 128 и 248 — 274. Кромѣ разбора Галахова, можно еще указать на разборъ Калайдовича, помѣщенный въ „Телескопѣ“ 1831 г., и разборъ „Телеграфа“ 1831 г. На первый Востоковъ отвѣчалъ длинной антикритикой, помѣщенной въ „Телескопѣ“ 1831 г., ч. 6, стр. 255, второй былъ признанъ незаслуживающимъ вниманія.

по отношенію къ лѣтописи Нестора, въ его разсужденіи нѣтъ строгой связи, всюду видно пристрастіе къ афоризмамъ, не разсмотрѣнъ языкъ лѣтописи, доказательства въ пользу того мнѣнія, что она написана въ XII ст., слабы. Лучшею частью книги были признаны главы „О договорѣ русскихъ князей съ греками" и „О достовѣрности извѣстій нестеровыхъ" *). Большое разнорѣчіе обнаружилось въ критикѣ по поводу „Начертанія русской исторіи для училищъ" и „Историческихъ афоризмовъ" Погодина. Съ большимъ неодобреніемъ отозвался о первый книгѣ Бѣлинскій. По его словамъ, она была недостойна имени своего автора. Какъ на недостатки, имъ было указано на отсутствіе хронологіи, неправильный и необработанный языкъ, общія мѣста и неопредѣленность въ выраженіяхъ. „Библіотека для Чтенія" отзывалась о книгѣ съ похвалой, «Московскій Наблюдатель" указалъ и на достоинства и на недостатки. Въ послѣднемъ журналѣ она была поставлена выше всѣхъ предшествовавшихъ учебниковъ по русской исторіи. Въ заслугу автору была поставлена система и проведеніе по сочиненію одной мысли. Какъ на недостатокъ, было указано на нѣкоторые пропуски, какъ, напримѣръ, Изборника Святослава и Лаврентьевскаго списка лѣтописи Нестора, на краткость описанія нѣкоторыхъ событій, напримѣръ: освобожденія Россіи отъ монголовъ и военныхъ подвиговъ русскихъ при Петрѣ Великомъ, Елизаветѣ, Екатеринѣ II, Павлѣ и Александрѣ. Въ заключеніе трудъ Погодина названъ былъ прекраснымъ и полезнымъ, но требующимъ нѣкоторыхъ исправленій **).

Не прошли безъ нападенія со стороны нѣкоторыхъ представителей критики и „Историческіе афоризмы" Погодина. Такъ, надъ ними сильно поглумился рецензентъ „Библіотеки для Чтенія". Онъ сказалъ, что эти афоризмы не что иное, какъ *всякая всякость всяческая*, *съ примѣсью всячины*. Такое безцеремонное отношеніе къ произведенію почтеннаго про-

*) „Отечественныя Записки" 1839 г., т. 3, стр. 1 — 42.
**) „Московскій Наблюдатель" 1837 г., ч. 10, стр. 232—256.

фессора возбудило сильное негодованіе въ одномъ изъ сотрудниковъ „Московскаго Наблюдателя", рѣшившемся сказать нѣсколько защитительныхъ словъ въ пользу Погодина. Защитникъ скорбѣлъ, что современная критика въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ представителей унизилась до нарушенія самыхъ первыхъ правилъ приличія. „Тутъ, т. е. въ критикѣ, говорилъ онъ, я могу, назвававшись какимъ нибудь Барономъ, Маркизомъ, Татариномъ (намекъ на Сенковскаго), кидаться на всякаго, швырять изъ-за угла грязью. Что вы такое? Если вы не смѣете въ разговорѣ употреблять вашихъ уличныхъ поговорокъ и прибаутокъ, то что даетъ вамъ право высказывать ихъ печатно? Еслижъ вы думаете, что это можно, то говорите своимъ именемъ, не закрывайте своей совѣсти татарскою кожею и не берите на себя титло Барона, когда сбираетсь говорить, какъ говорятъ въ конюшняхъ. Книга дурна: докажите, а не издѣвайтесь, не осмѣивайте чувства, котораго вы не знаете. Какъ это случилось, что тѣ же самые афоризмы, которымъ дали годъ назадъ почетное мѣсто въ «Библіотекѣ для Чтенія», теперь разруганы въ ней же! На что это похоже?" *). Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣтилъ: „Ни имя его, т. е. Погодина, въ литературѣ справедливо заслуженное, ни прежніе труды его, которые если не имѣли счастія показаться важными въ глазахъ библіотечнаго критика, то по крайней мѣрѣ могли бы внушить ему поболѣе уваженія къ человѣку, не новичку въ дѣлѣ ученомъ, ни даже прежнее пріязненное участіе его въ „Библіотекѣ", ничто не спасло почтенный его трудъ отъ насмѣшекъ критика. Помилуйте! Неужели Погодинъ не заслужилъ у насъ даже и того, чтобы объ немъ говорили съ нѣкоторымъ уваженіемъ? Что это такое?" Защитникъ Погодина могъ бы утѣшиться тѣмъ, что „Библіотека для Чтенія" относилась съ подобнымъ неуваженіемъ не къ одному Погодину. Какъ мы увидимъ далѣе, она говорила въ такомъ же родѣ и о трудахъ Шевырева.

---

*) „Московскій Наблюдатель" 1836 г., ч. 6, стр. 490.

Весьма неодобрительно отнеслась „Библіотека для Чтенія" и къ нѣкоторымъ научнымъ предпріятіямъ Погодина. Разбирались въ ней три книги, изданныя Погодинымъ: „Руководство къ познанію древней политической исторіи" Герена, „Исторія среднихъ вѣковъ" Демишеля и „Русскій историческій альбомъ на 1837 г." О книгѣ Герена было сказано, что она переведена съ французскаго, съ грубыми ошибками и напечатана на оберточной бумагѣ, а по поводу предисловія къ ней, въ которомъ Погодинъ жаловался на то, что его предпріятій никто не поддерживаетъ, было замѣчено, что неудачныхъ предпріятій невозможно поддерживать. Къ такимъ предпріятіямъ было отнесено рецензентомъ и изданіе снимковъ съ подписей знаменитыхъ русскихъ людей. Снимки эти, по замѣчанію рецензента, были взяты изъ „Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ" съ прибавкою нѣсколькихъ десятковъ facsimile и реестра лицъ, чьи подписи помѣщены въ тетради. Реестръ, по замѣчанію рецензента, былъ такъ плохъ, что въ немъ подпись удѣльнаго князя Димитрія Углицкаго была приписана Димитрію, внуку Іоанна III. Относительно заявленія Погодина, что онъ намѣренъ издать греческую исторію Цинкейзена, римскую Фидлера и Мейзерово сокращеніе Миѳологіи Крейцера, рецензентъ замѣтилъ слѣдующее: „Чтобы почтенный издатель ни на кого не могъ жаловаться, что его не поддерживаютъ, мы первые поддержимъ его въ этомъ случаѣ: книги эти и въ подлинникахъ не стоятъ вниманія, а въ дурныхъ переводахъ навѣрное не сойдутъ съ рукъ. Мы совѣтуемъ г. Погодину оставить ихъ въ покоѣ, чтобы избавиться отъ неизбѣжнаго убытка. Развѣ это не поддержаніе?» *) Читая такіе отзывы, нельзя было не пожалѣть Погодина, постоянно встрѣчавшаго въ своей полезной дѣятельности препятствія или въ невѣжествѣ, или въ личномъ къ нему нерасположеніи.

Журналъ Надеждина „Телескопъ", съ уваженіемъ относившійся къ ученой дѣятельности Погодина, даетъ нѣкото-

*) „Библіотека для Чтенія" 1837 г., ч. 22, стр. 65.

рое указаніе о немъ какъ объ ораторѣ и его взглядѣ на значеніе ученаго сословія въ Россіи. 5-го іюля 1834 г., въ день торжественнаго годоваго собранія Московскаго Университета, Погодинъ говорилъ „Слово объ ученомъ сословіи и его историческомъ значеніи". Въ словахъ оратора было столько серьезнаго содержанія и благороднаго жара, что онъ вполнѣ овладѣлъ вниманіемъ многочисленныхъ слушателей. Изложивъ начало и происхожденіе ученаго сословія въ Европѣ, Погодинъ перешелъ къ описанію той важности, которую оно, послѣ вѣковыхъ трудовъ, пріобрѣло наконецъ въ наши времена вслѣдствіе пользы, проистекающей отъ наукъ какъ для частнаго, такъ и для общественнаго благосостоянія. Нарисовавъ затѣмъ картину блестящей будущности Россіи подъ благотворнымъ дѣйствіемъ наукъ, Погодинъ сказалъ далѣе о необходимости національнаго направленія въ наукѣ и объ уваженіи къ родному. „Русская кровь заговорила во мнѣ, замѣтилъ онъ съ жаромъ въ одномъ мѣстѣ своей рѣчи: мнѣ больно, тяжело видѣть эти обиды, эти оскорбленія, коимъ наши ученые подвергаются безпрестанно отъ чужеземцевъ... Русскому человѣку, безпечному, хладнокровному, терпѣливому, должно твердить, твердить безпрестанно, чтобъ онъ чувствовалъ свое достоинство". Въ заключеніе было замѣчено: „Московскому Университету, по преимуществу русскому, ибо мы можемъ сказать съ гордостію и радостію, что нѣтъ ни одного чужеземца между нами, принадлежитъ прекрасный, блестящій удѣлъ воспитывать русское ученое сословіе и пріуготовлять наукѣ такихъ дѣятелей, какихъ впродолженіе восьмидесяти почти лѣтъ онъ пріуготовлялъ службѣ общественной и литературѣ" *).

Между учеными дѣятелями 30-хъ годовъ обращаетъ на себя вниманіе также профессоръ Шевыревъ. Будучи замѣчателенъ какъ критикъ, онъ былъ замѣчателенъ и какъ ученый. Много было толковъ и споровъ въ 30-хъ годахъ по поводу его двухъ трудовъ: „Теоріи поэзіи въ историческомъ

*) „Телескопъ" 1834 г., ч. 22, стр. 3.

развитія у древнихъ и новыхъ народовъ" и „Исторіи поэзіи". Нашлись, какъ всегда, хвалители и порицатели. Къ послѣднимъ принадлежалъ, между прочимъ, авторъ разбора, помѣщеннаго въ „Библіотекѣ для Чтенія" 1837 г. Разбирая «Теорію поэзіи», критикъ прежде всего замѣтилъ, что теорія поэзіи не можетъ быть наукой, какъ принималъ это Шевыревъ. «Наука, говорилъ онъ, тамъ, гдѣ дѣйствуетъ умъ, гдѣ есть изслѣдованіе непреложныхъ законовъ вселенной; гдѣ дѣйствуетъ воображеніе, тамъ—искусство; въ поэзіи, искусствѣ умъ играетъ роль страдательную; здѣсь человѣкъ переходитъ въ міръ воображенія и дѣйствуетъ безотчетно». Назвавъ мысль о возможности науки поэзіи главною ошибкою Шевырева, критикъ переходитъ къ частнымъ недостаткамъ, между которыми останавливается преимущественно на одномъ пропускѣ. Онъ негодуетъ на автора за то, что тотъ заключилъ свой обзоръ французскихъ теоретиковъ Лагарпомъ, не сказавъ ничего объ ученикахъ Ройе-Коллара, доктринерахъ и издателяхъ журналовъ „Le Globe" и „La Revue française", многіе разборы которыхъ, по его словамъ, сдѣлали больше переворота въ литературѣ, нежели цѣлые курсы иныхъ теоретиковъ. Названныхъ писателей критикъ ставитъ даже выше Менцеля, Бахмана и Аста. Въ концѣ разбора онъ защищаетъ отъ нападеній Шевырева А. В. Шлегеля. Второй трудъ Шевырева подвергся обширному разбору Надеждина *). По мнѣнію критика, недостатки названной книги состояли въ слѣдующемъ. Два народа востока Индійцы и Евреи съ ихъ поэзіей стоятъ въ книгѣ совершенно отдѣльно, безъ всякаго соотношенія между собою, персы названы *начальниками* восточнаго политеизма, т. е. многобожія, тогда какъ ихъ религія наиболѣе приближалась къ еврейской, вслѣдствіе чего многіе ученые считали творца Зендавесты ученикомъ одного изъ еврейскихъ пророковъ, которыхъ онъ могъ слышать въ плѣну вавилонскомъ; авторъ говоритъ, что индійская поэзія не имѣла вліянія на европейскую литера-

*) „Телескопъ" 1836 г., ч. 31, стр. 663—716.

туру, исключая позднѣйшее время, тогда какъ замѣтно ея вліяніе въ греческой литературѣ (особенно послѣ похода Александра Македонскаго), доказательствомъ чего могутъ, между прочимъ, служить басни Эзопа, особенно тѣ, въ которыхъ являются *обезьяна* и *павлинъ*, или гдѣ *слонъ* и *левъ* представляются попавшимися въ сѣти охотниковъ, что, какъ извѣстно, бываетъ только въ Индіи; онъ утверждаетъ, что параллелизмъ въ еврейской поэзіи чаще всего встрѣчается въ историческихъ книгахъ Библіи, тогда какъ онъ чаще всего встрѣчается въ лирическихъ гимнахъ, псалмахъ и видѣніяхъ пророческихъ. Къ недостаткамъ труда Шевырева критикъ относитъ и то, что авторъ опустилъ дѣленіе еврейской поэзіи на періоды: Моисей, Давидъ, Іовъ, Соломонъ, Исаія, Іезекіиль разсматриваются у него безъ всякаго отношенія къ ихъ исторической послѣдовательности. Въ заключеніе разобранное сочиненіе было, тѣмъ не менѣе, названо прекраснымъ явленіемъ въ ученой литературѣ, достойнымъ всякаго уваженія и приносящимъ честь автору.

Въ защиту своего труда, Шевыревъ помѣстилъ двѣ статьи въ „Московскомъ Наблюдателѣ" 1836 г. Въ нихъ особенно обращаетъ на себя вниманіе то, что относится къ вопросу о религіи персовъ и періодахъ еврейской поэзіи. Что персы были *начальниками* восточнаго многобожія, Шевыревъ доказываетъ тѣмъ, что они, по свидѣтельству Геродота, первоначально поклонялись солнцу, лунѣ, землѣ, огню, водѣ и вѣтрамъ. Это была древнѣйшая религія персовъ, отличная отъ позднѣйшаго вѣроученія, находящагося въ Зендавестѣ. Для подкрѣпленія своего мнѣнія, Шевыревъ ссылается на Крейцера, который, по его словамъ, дѣлитъ религію персовъ также на древнѣйшую и позднѣйшую, изъ которыхъ первая состояла въ обожаніи стихій природы, огня, воды, земли, вѣтровъ и звѣзднаго неба, особенно же двухъ свѣтилъ, солнца и луны. Относительно принятаго Надеждинымъ дѣленія еврейской поэзіи на три періода: 1, отъ Моисея до Соломона, 2, отъ Соломона до пророковъ и 3, отъ пророковъ до Рождества Христова, изъ которыхъ первый онъ назвалъ герои-

чески-пастырскимъ и лиро-эпическимъ, второй—общественнымъ и дидактическимъ и третій созерцательнымъ и символическимъ, Шевыревъ замѣчаетъ, что вся еврейская поэзія была символическою. Нельзя также, по его мнѣнію, смѣшивать героическаго періода съ пастырскимъ. Несогласенъ онъ и съ тѣмъ, что книгу Іова нужно отнести къ періоду лиро-эпическому; по его мнѣнію, ее нужно отнести къ дидактическому роду поэзіи, какъ Пѣснь пѣсней—къ пастушескому, а не къ дидактическому періоду. Въ хронологическомъ порядкѣ пророковъ Шевыревъ видитъ у Надеждина большое разногласіе съ Филаретомъ, а въ ихъ характеристикѣ большія неправильности; такъ, элегическимъ пророкомъ, по его мнѣнію, можно назвать одного Іеремію.

Во второй статьѣ Шевыревъ замѣчаетъ, что Надеждинъ, прочитавъ его защиту, несправедливо назвалъ Геродота человѣкомъ, который вездѣ видѣлъ только свою греческую миѳологію и который поэтому не можетъ считаться авторитетомъ въ вопросѣ о персидской религіи. Странною показалась ему и та мысль, что можно поклоняться стихіямъ и не быть многобожникомъ. Коснувшись еще нѣкоторыхъ другихъ предметовъ спора, Шевыревъ въ заключеніе замѣтилъ: „Я продолжалъ преніе съ г. Надеждинымъ, покамѣстъ вѣрилъ, что мысли его основаны на внутреннемъ убѣжденіи. Послѣ приведенныхъ мною мѣстъ, вѣра моя въ это убѣжденіе не могла не поколебаться: я вижу, что преніе превращается въ схоластическую забаву. Прекращаю его тѣмъ болѣе, что слишкомъ уважаю предметъ нашего спора и считаю совершенно неприличнымъ дѣлать его предметомъ безполезной забавы діалектической“ *).

Надеждинъ не оставилъ защиты Шевырева безъ замѣчаній. Онъ отвѣчалъ въ двухъ статьяхъ: „Для г. Шевырева. Поясненія критическихъ замѣчаній на его Исторію Поэзіи“ и „Не для г. Шевырева, а для читателей“. Въ своихъ стать-

*) „Московскій Наблюдатель“ 1836 г., ч. 6 и 7, стр. 697—718, 252—287 и 396—407.

яхъ онъ выражалъ сожалѣніе по тому поводу, что Шевыревъ въ своемъ отвѣтѣ не остался въ предѣлахъ безпристрастія, найдя въ замѣчаніяхъ критика какія-то затаенныя мысли. Не останавливаясь на всѣхъ вопросахъ спора, укажемъ только на нѣкоторые. Относительно религіи персовъ Надеждинъ замѣтилъ, что *многобожія* нельзя смѣшивать съ *поклоненіемъ стихіямъ*, какъ сдѣлалъ Шевыревъ, желая доказать, что поклоняясь стихіямъ, персы могли быть названы *начальниками* многобожія. Исторія свидѣтельствуетъ, говорилъ Надеждинъ, что сабеизмъ, или поклоненіе свѣтиламъ и стихіямъ, всегда было ручательствомъ чистѣйшихъ понятій о божествѣ, сопровождая болѣе или менѣе утонченную систему *единобожія*; единство солнца въ лучезарномъ хорѣ планетъ и всѣхъ звѣздъ небесныхъ, составлявшихъ одно подчиненное воинство, одну систему по астрономическимъ понятіямъ древнихъ, представляло естественный символъ единства верховнаго существа: солнцепоклонники вездѣ и всегда были единобожники. Во второй статьѣ, написанной послѣ второй статьи Шевырева, Надеждинъ замѣтилъ, что спорить съ своимъ противникомъ ему совершенно невозможно, такъ какъ онъ окончательно вышелъ изъ предѣловъ ученаго спора. Говоря о еврейской поэзіи, Надеждинъ оставался при прежнемъ своемъ мнѣніи, именно томъ, что въ ней существуютъ три періода: лиро-эпическій, лиро-дидактическій и лиро-символическій (пророческій), которымъ соотвѣтствуютъ три главныя формы поэтическаго выраженія: гимнъ, или псаломъ, изреченіе, или притча, и символъ, или видѣніе. При этомъ онъ указывалъ на нѣкоторые пропуски въ книгѣ Шевырева, вытекшіе, по его мнѣнію, изъ того, что послѣдній не принялъ въ своемъ трудѣ логическаго построенія для освѣщенія и систематизаціи собранныхъ фактовъ. Такъ, говорилъ Надеждинъ, въ книгѣ нѣтъ даже намека на то, что книги библейскія не всѣ принадлежатъ къ поэзіи, многіе священные поэты пропущены, изъ пророковъ ничего не сказано о Даніилѣ, книга котораго есть замѣчательнѣйшее явленіе въ исторіи еврейской священной поэзіи. Фридрихъ Шлегель на нѣсколькихъ

страницахъ, замѣчалъ Надеждинъ, сказалъ въ тысячу разъ больше о еврейской поэзіи, не только въ отношеніи къ ея духу, но и къ фактамъ. По мнѣнію критика, такова участь эмпириковъ. «Нахватавъ нѣсколько разныхъ фактовъ, безъ порядка, безъ идеи, безъ системы, всего легче счесть себя всезнающимъ; тогда какъ, при свѣтѣ идеи, создавъ себѣ предварительно чертежъ изслѣдоваемой науки, умъ невольно старается наполнить всѣ пустыя мѣста своей системы и не прежде успокоивается, какъ отыскавъ соотвѣтствующіе имъ факты». Свой разборъ Надеждинъ заключалъ словами: Amiens Plato, amiens Socrates, sed magis amica veritas *).

О названномъ спорѣ было помѣщено нѣсколько словъ въ „Сѣверной Пчелѣ“ 1836 г. Авторъ замѣтки позволилъ себѣ отнестись къ нему съ насмѣшкой. «Сколько бумаги потрачено, писалъ онъ, на весь этотъ споръ! Сколько испорчено перьевъ! Сколько задѣто личностей! Цѣлый томъ критикъ и антикритикъ, написанныхъ только для того, чтобы показать искусство въ діалектикѣ, и кончившихся тѣмъ, что одинъ изъ диспутантовъ долженъ былъ громогласно отказаться отъ логики». Далѣе онъ замѣчаетъ, что Шевыревъ и Надеждинъ спорили о персидской религіи, которой ни одинъ изъ нихъ не зналъ основательно, и что они страннымъ образомъ не знали о существованіи превосходной исторіи Персіи Джона Малькольма. Въ заключеніе авторъ замѣтки выразилъ сожалѣніе, что Надеждинъ не употребилъ времени, потраченнаго на споръ, на составленіе какого нибудь учебника **). Съ неменьшимъ неуваженіемъ отнесся къ спору и рецензентъ „Библіотеки для Чтенія“. Онъ назвалъ журналъ Надеждина „Телескопъ“ калейдоскопомъ, микроскопомъ, ороскопомъ, темноскопомъ, и проч., а «Наблюдатель», въ которомъ писалъ Шевыревъ, надзирателемъ, назидателемъ, набирателемъ, и т. д. Надеждинъ и Шевыревъ не оставили этой насмѣшки безъ вниманія и указали на нѣкоторые промахи „Библіотеки“.

*) „Телескопъ“ 1836 г., ч. 32 и 33, стр. 577—638 и 393—434.

**) „Сѣверная Пчела“, 1836 г., № 221, стр. 881.

Въ «Молвѣ» 1834 г. была помѣщена замѣтка о Шевыревѣ какъ о преподавателѣ. Сказано было нѣсколько похвальныхъ словъ о его лекціяхъ по всеобщей литературѣ, читанныхъ въ Московскомъ университетѣ. Съ особеннымъ одушевленіемъ онъ говорилъ объ Италіи. «Все показывало, говоритъ авторъ замѣтки, что свѣжи еще на немъ, т. е. Шевыревѣ, впечатлѣнія отъ храма св. Петра, отъ Помпеи, отъ Рима, отъ лимонныхъ и апельсинныхъ рощей» *).

Исторія названнаго спора показываетъ, какъ разнообразны были иногда взгляды критики 30-хъ годовъ на одинъ и тотъ же предметъ, и какъ легкомысленно относились иногда нѣкоторые рецензенты къ ученымъ спорамъ. То же самое мы видимъ и по отношенію къ трудамъ другаго извѣстнаго ученаго, Венелина, автора извѣстныхъ изслѣдованій о болгарахъ. Въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1839 г. о названномъ сочиненіи было замѣчено, что оно—любопытная книга, одно изъ глубокомысленныхъ твореній русской ученой литературы. Въ «Сынѣ Отечества» того же года оно, напротивъ, было названо плодомъ страннаго направленія учености, въ родѣ Рудбека и Тредьяковскаго. „Отечественныя Записки" съ благодарностью приняли статью Венелина «Принятіе христіанства славянскими народами до Кирилла и Меѳодія». «Сынъ

*) Къ разсужденіямъ, вызваннымъ „Исторіею поэзіи" Шевырева, можно прибавить еще слѣдующее. Неуважительная статья о ней, помѣщенная въ „Библіотекѣ для Чтенія", вызвала защиту со стороны „Московскаго Наблюдателя". Отражая многія нападенія названнаго журнала, онъ, между прочимъ, отражалъ и то, что Шевыревъ ничего не сказалъ о произведеніяхъ поэзіи Африки, Америки и Австраліи, тогда какъ дикари этихъ частей свѣта имѣютъ свою эпопею, свою драму, свою дидактику и сатиру. Говоря объ этомъ, защитникъ, Андросовъ, замѣтилъ: „Нѣтъ болѣе преградъ, нѣтъ препятствій... Въ медвѣжьей берлогѣ тоже можетъ быть поэзія, какъ и въ Абботсфордѣ В. Скотта, и кушая во здравіе тюленій жиръ, тѣ же можно имѣть способности огненной импровизаціи, какъ и прихлебывая прославленное шампанское. Я даже нисколько не сомнѣваюсь, что гдѣ нибудь полунагая, вышитая разными узорами Атату, также умна, такъ же краснорѣчива, какъ мадамъ Сталь, съ такимъ же поэтическимъ чувствомъ, какъ наша Р.... на". „Московскій Наблюдатель" 1836 г., ч. 6, стр. 486.

Отечества» посмѣялся надъ редакціей, помѣстившей статью, въ которой доказывалось, что славяне задолго до Кирилла и Меѳодія были христіане, что герулы, гепиды и готѳы были славяне, и что переводъ библіи Ульфилы, готѳскаго епископа, былъ переводъ славянскій. Статья была названа путаницей словъ и мыслей, надъ которой нельзя не посмѣяться. Въ какомъ положеніи, спрашивается, были читатели: которому изъ діаметрально-противоположныхъ мнѣній они должны были вѣрить? Вообще, судьба ученыхъ трудовъ Венелина имѣла много замѣчательнаго. Его изслѣдованіе «Древніе и нынѣшніе болгаре» возбудило много порицаній въ литературѣ, и это было весьма естественно, потому что, ниспровергая все прежнее, оно шло въ разрѣзъ съ установившимися взглядами. Венелинъ старался доказать стародавность славянъ въ Россіи и найти ихъ подъ именами племенъ, которыя прежде вовсе не считались славянами. Онъ не признавалъ переселенія азіатскихъ народовъ въ Европу раньше XIII ст. и возставалъ противъ разселенія *словаковъ* изъ дунайской страны въ Русь, Польшу, Богемію и другія земли въ VII и VIII ст. по Р. Х. Россійская Академія обратила вниманіе на трудъ Венелина и отправила его въ Болгарію. Пробывъ тамъ два года, онъ составилъ богатѣйшее собраніе грамотъ, весьма важное для исторіи нашей письменности. Кромѣ того, Венелинъ составилъ превосходную болгарскую грамматику, которая по достоинству была оцѣнена Востоковымъ. При этомъ онъ былъ усерднымъ вкладчикомъ въ нѣкоторыхъ журналахъ, какъ, напримѣръ: въ „Московскомъ Вѣстникѣ“, „Телескопѣ“ («О характерѣ пѣсенъ у славянъ задунайскихъ»), „Московскомъ Наблюдателѣ“ («Скандинавоманія и ея поклонники»), „Журналѣ М. Н. Просвѣщенія“ и „Отечественныхъ Запискахъ“. Но современная русская публика мало цѣнила труды своего замѣчательнаго ученаго, какъ это видно изъ статьи о Венелинѣ, помѣщенной въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду“ за 1839 г. На его изслѣдованія о болгарахъ заграницей оказалось до 200 подписчиковъ, въ Россіи же только 25. Тѣмъ не менѣе, не смотря на всю смѣлость нѣкоторыхъ

выводовъ Венелина, какъ, напримѣръ, о родствѣ гунновъ съ славянами, въ трудахъ его были и весьма полезныя стороны. Такъ, Бѣлинскій писалъ о Венелинѣ слѣдующее: „Страстный къ своему предмету, владѣвшій огромною, хотя и специальною ученостью, изступленный славянинъ, Венелинъ, доказывая нелѣпость, славянизмъ большей части народовъ, игравшихъ роль въ Европѣ среднихъ вѣковъ до крестовыхъ походовъ, въ то же время обогатилъ свои сочиненія интересными побочными сближеніями и выводами, можетъ быть, дѣйствительно подбавилъ число народовъ, доказавъ, что одинъ и тотъ же народъ принимался за нѣсколькихъ, потому что былъ извѣстенъ подъ разными именами, и т. п. Нѣмцы не будутъ благодарны Венелину за ославяненіе нѣмцевъ, но въ томъ, что касается собственно славянъ, указанія Венелина могли бы имѣть свою цѣну и въ глазахъ нѣмцевъ, незнающихъ славянскихъ нарѣчій, еслибъ только истинно-ученая и безпристрастная рука отдѣлила въ сочиненіяхъ Венелина плевелы отъ зеренъ“ *).

Больше единодушія проявила журналистика по отношенію къ трудамъ замѣчательнаго собирателя произведеній народной словесности Сахарова. Да и странно было бы нападать на ученаго, бывшаго, вмѣстѣ съ Снегиревымъ, чуть ли не единственнымъ человѣкомъ, съ знаніемъ и толкомъ принявшимся за трудное и новое для своего времени дѣло собиранія матеріаловъ для изученія народной словесности и народнаго быта. Цѣня по заслугамъ дѣятельность неутомимаго собирателя, критика указывала и на нѣкоторые недостатки его трудовъ. Такъ, въ «Сынѣ Отечества» 1839 г., по поводу „Пѣсенъ русскаго народа“, было замѣчено, что нельзя согласиться съ системой автора, съ принятымъ имъ дѣленіемъ и размѣщеніемъ пѣсенъ. „Не смѣемъ сомнѣваться въ вѣрности списковъ г. Сахарова, говорилъ далѣе рецензентъ, но замѣтимъ однакожъ, что многія пѣсни слыхали мы иначе, нежели у него читаемъ. Можетъ быть, онѣ пе-

*) Сочиненія, т. IX, стр. 426.

реиначены въ разныхъ сторонахъ Россіи, а также и самые голоса ихъ. Пѣсня „Какъ у насъ было во прошломъ во году", поставленная г. Сахаровымъ въ *заунывныя*, въ Сибири *плясовая*, а также и другая „На улицѣ дождь и снѣгъ". Указано было, что въ *простонародныя* пѣсни попали двѣ *новѣйшія*: «Ты рябинушка, ты кудрявая» и «Ахъ, ты, поле мое, поле чистое!» *) Весьма обширная статья о „Пѣсняхъ русскаго народа" была помѣщена въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1839 г. Въ ней было высказано много вѣрныхъ взглядовъ на народную словесность, изученіе которой только что начиналось. „Выйдите изъ вашего душнаго заточенія, взывалъ въ ней авторъ къ русскимъ ученымъ, выйдите подъ открытое небо, на чистый воздухъ: здѣсь обновятся ваши истощенныя силы, освѣжатся ваши блѣдныя лица; здѣсь солнце, въ вашихъ кабинетахъ смерть и тлѣніе; здѣсь трудъ не изнуряетъ, здѣсь трудъ живитъ, и здѣсь онъ легокъ и сладокъ; дѣятельность, незаключающая въ себѣ никакого дѣйствительнаго содержанія, не перетираетъ самую себя; здѣсь она безпрерывно наполняется вѣчно новымъ содержаніемъ. Неужели мы всегда должны довольствоваться безвѣрными, неочищенными отрывками, которые удастся намъ случайно услышать тамъ и тамъ? Неужели навсегда только одни ямщики будутъ представителями нашей народной поэзіи? неужели всякій, кто захочетъ упиться ею, долженъ для этого ѣздить по всему огромному пространству Россіи, по всѣмъ угламъ и закоулкамъ и ловить православнаго мужичка подъ веселый часъ? неужели всякій долженъ повторять одни и тѣ же труды?" Далѣе авторъ называлъ удивительнымъ равнодушіе русскихъ ученыхъ къ народнымъ пѣснямъ. Изданія Якубовича и Калайдовича онъ называлъ изданіями, которыя были предприняты не по сознанію важности и достоинства созданій народа, а ради курьеза; въ изданныхъ ими пѣсняхъ они, по собственному ихъ признанію, не замѣчали никакой поэзіи. Переходя къ Сахарову, авторъ видѣлъ въ немъ че-

*) „Сынъ Отечества" 1839 г., ч. 12, стр. 128.

ловѣка благороднаго, съ живой любовью къ народу, человѣка, который, не мудрствуя лукаво, сознавъ свое назначеніе, опредѣливъ свою обязанность въ отношеніи къ народу, дѣятельно и ревностно собиралъ памятники его жизни. Въ примѣчаніяхъ Сахарова къ пѣснямъ онъ видѣлъ много дѣльнаго и прекраснаго. По его словамъ, въ нихъ Сахаровъ обнаружилъ знаніе народнаго быта. Приложенную къ пѣснямъ исторію изданія русскихъ пѣсенъ и ихъ изученія онъ называетъ составленною прекрасно. Статья заключалась выраженіемъ искренней благодарности Сахарову за его трудъ. По замѣчанію автора, трудолюбивый собиратель одиноко стоялъ на обширномъ полѣ собиранія произведеній народныхъ. „Труды его, говорилъ онъ, запишетъ Русь въ своей памяти: они такъ благородны, такъ прекрасны, такъ плодоносны...“ *).

Въ числѣ русскихъ ученыхъ 30-хъ годовъ обращаетъ на себя вниманіе русскій натуръ-философъ профессоръ Павловъ. Много отрывковъ изъ его трудовъ по физикѣ было помѣщено въ „Телескопѣ“ Надеждина. Не мало также можно было встрѣтить критическихъ отзывовъ о немъ въ журналахъ названнаго времени. Въ «Телескопѣ», между прочимъ, были помѣщены его статьи „Теорія силъ планетныхъ невещественныхъ“ и „Общій очеркъ природы“. Въ нихъ было высказано много оригинальныхъ и иногда странныхъ взглядовъ, которые, конечно, не раздѣляются современными физиками. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ. Опредѣляя, что такое вещество, Павловъ говорилъ, что оно есть свѣтъ, сгущенный и потемненный тяжестью, при взаимномъ ихъ ограниченіи, или, что все равно, погасшій огонь. Говоря о свѣтѣ и электричествѣ, онъ высказалъ такой взглядъ: „Свѣтъ есть проявленіе силы расширительной, электричество есть тотъ же свѣтъ, но стѣсненный въ предѣлахъ сильнѣйшаго ограниченія; оттуда дѣйствія его такъ порывисты, бурны, а именно: отъ усилія расторгнуть узы, столь противныя его

*) „Отечественныя Записки“ 1839 г., т. IV, стр. 1—92.

натурѣ“ *). Въ минералахъ онъ видѣлъ только одну способность, способность самосохраненія, которое, вмѣстѣ съ «ращеніемъ» минераловъ, есть первая степень жизни. Раздробивъ камень, мы не уничтожимъ противодѣйствія основныхъ силъ, не уничтожимъ его жизни, камень останется тѣмъ же. Говоря о животныхъ, онъ замѣчаетъ, что они не что иное, какъ соединеніе вещества съ преобладаніемъ жидкихъ частей. Жидкая матерія, имѣя перевѣсъ надъ твердой, силится дать животнымъ свою первообразную форму—шаръ. Форма животныхъ вся состоитъ изъ фигуръ, стремящихся перейти въ шаръ. Такъ, голова человѣка очень близко подходитъ къ шару, по причинѣ мозгомякотнаго существа въ ней. Туловище есть тоже фигура, происходящая отъ шара, какъ будто элипсисъ, состоящій изъ двухъ полушарій различной величины. По той же причинѣ сердце—конусообразной формы; фигура легкихъ зависитъ также отъ избытка въ нихъ жидкой матеріи; конечности, какъ и у растеній, имѣютъ форму коническую, но съ болѣе сближающимися поверхностями. Форма кровеносныхъ сосудовъ большею частію коническая; форма сосудовъ, служащихъ для отдѣленія влагъ, нужныхъ въ экономіи человѣческаго тѣла, подходитъ къ шарообразной. „Пріятелища, въ которыхъ заключаются жидкости, представляютъ также родъ шаровъ: глазъ, мочевой пузырь, и проч.“ Форма костей, какъ вещества съ преобладаніемъ плотности, подобна по большей части стволамъ растеній, цилиндрическая, даже угловатая. Окончаніе конечностей у птицъ имѣетъ форму угловатую, заостренную; по причинѣ преизбытка въ нихъ твердаго вещества, онѣ имѣютъ менѣе жизненности. Говоря о силахъ, дѣйствующихъ въ природѣ, Павловъ говорилъ о *свѣтѣ* и *тяжести*. Свѣтъ онъ называлъ силой расширительной, тяжесть—сжимательной. „Тѣло писалъ онъ, есть взаимное ограниченіе силы расширительной и сжимательной... Ограниченіе можетъ быть троякое: съ преобладаніемъ свѣта, равное и съ преобладаніемъ тя-

---

*) „Телескопъ“ 1836 г., ч. 32, стр. 213.

жести. Мы имѣемъ тѣла троякаго рода: *твердыя*, *жидкія* и *воздухообразныя*. Въ первыхъ преизобилуетъ тяжесть, во вторыхъ свѣтъ и тяжесть въ равновѣсіи, въ третьихъ преобладаетъ свѣтъ. Въ тѣлахъ между этими двумя силами происходитъ безпрестанная борьба съ цѣлью уничтожить другъ друга; борьба эта есть *жизнь*" *). Названную борьбу онъ видитъ во всемъ въ мірѣ. Въ землѣ преобладаетъ тяжесть, свѣтъ стремится сбросить съ себя ея оковы и достигаетъ этого отчасти, когда раскаленная лава хлещетъ изъ отверстій горъ. Когда сжимательная сила беретъ перевѣсъ надъ расширительной, тяжесть—надъ свѣтомъ, вмѣсто горъ являются долины и пропасти. То же мы видимъ и относительно воды. Моря убываютъ въ своемъ объемѣ, на мѣстахъ низкихъ, гдѣ прежде воды не было, она появляется; рѣки превращаются въ ручьи, болота исчезаютъ. Борьба названныхъ силъ заставляетъ воздухъ стремиться въ безпредѣльность и въ то же время оставаться близъ земли. Та же борьба замѣчается и во всѣхъ предметахъ природы.

Въ статьѣ «Теорія силъ планетныхъ вещественныхъ» Павловъ проводилъ ту же самую теорію. Къ этимъ силамъ онъ относилъ воздухъ, землю и воду. Въ нихъ онъ видѣлъ проявленіе тѣхъ же самыхъ невещественныхъ міровыхъ силъ: свѣта и тяжести, только особеннымъ образомъ ограниченныхъ. „Воздухъ, писалъ онъ, есть свѣтъ, сгущенный и потемненный тяжестью съ перевѣсомъ на сторонѣ перваго, такъ что его сгущеніе не перешло за предѣлъ летучести, а потемнѣніе остановилось на прозрачности". Земля, по его теоріи, есть тяжесть, поработившая себѣ свѣтъ совершенно, такъ что сгущеніе его доведено въ ней до звонкости, а потемнѣніе до непрозрачности. Вода есть свѣтъ и тяжесть въ равномъ ограниченіи. Это погасшій огонь **).

Эта оригинальная и новая теорія не вездѣ встрѣтила одобрительные отзывы. Но были между ними и такіе, которые ставили ее чрезвычайно высоко. Таковъ былъ, напри-

*) „Телескопъ" 1836 г,. ч. 34, стр. 64.
**) Тамъ же, 1836 г., ч. 33, стр. 84—89.

мѣръ, отзывъ „Телескопа", при разборѣ „Основаній физики" Павлова. Въ немъ было сказано, что названный трудъ представляетъ великолѣпную картину природы, начертанную мыслителемъ-художникомъ, что его авторъ предпринялъ отважное намѣреніе пролить свѣтъ, внести органическое единство въ хаосъ свѣдѣній, выдававшійся за науку физики. Въ концѣ разбора было сказано: „Съ системой Павлова можно смѣло углубляться въ нѣдра природы, не опасаясь потерять безцѣннаго сокровища вѣры, какъ случается съ слѣпыми гробокопателями, во мракѣ атомовъ. Давно откровеніе учитъ насъ, что *«невидимая Божія отъ созданія міра твореньми помышляема видима суть, и присносущная сила его и божество»* (Рим. I, 20): эта вѣра благоговѣйными изслѣдованіями природы разрѣшается почти въ видѣніе" *).

Высказавъ много отчасти справедливыхъ, отчасти пристрастныхъ взглядовъ по отношенію къ различнымъ, какъ западно-европейскимъ, такъ и отечественнымъ ученымъ, указавъ посильнымъ образомъ на значеніе ихъ трудовъ и разошедшись во мнѣніяхъ относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ до діаметральной противоположности, журналистика 30-хъ годовъ проявила то же самое и по отношенію ко многимъ художественнымъ писателямъ своего времени, которыми было такъ богато названное время. Изъ иностранныхъ писателей мы встрѣчамъ здѣсь Шатобріана, Ламартина, Гюго, Бальзака, Сю, Дюма, Ж. Жанена, А. Виньи, Мюссе, Ж. Зандъ, Скриба, Беранже, Поль-де-Кока, Вальтеръ-Скотта, Байрона, Бульвера, Гете, Гейне, М. Поля, Тика, Уланда, Гофмана и многихъ другихъ. Изъ отечественныхъ писателей: Пушкина, Лермонтова, Грибоѣдова, Жуковскаго, Крылова, Веневитинова, Козлова, Баратынскаго, Языкова, Вяземскаго, Бенедиктова, Растопчину, Кольцова, Гоголя, Марлинскаго, Лажечникова, Загоскина, Вельтмана, Даля, Кукольника, Павлова, Одоевскаго, Соллогуба. Обратимся сперва къ иностраннымъ писателямъ и скажемъ о нѣкоторыхъ фактахъ и

---

*) „Телескопъ" 1836 г., ч. 33, стр. 554.

взглядахъ, какіе мы находимъ по отношенію къ нимъ въ журналистикѣ 30-хъ годовъ.

Имя Шатобріана въ журналистикѣ 30-хъ годовъ встрѣчается не особенно часто. Литературное поприще къ этому времени было имъ почти уже пройдено. Онъ былъ писатель старой, идеальной школы, которая уже мало соотвѣтствовала направленію жизни во Франціи. Явились новые писатели, которые завладѣли вниманіемъ общества и заставили отойти на задній планъ когда-то ярко сіявшій образъ Шатобріана. Вотъ почему и русская журналистика, отражавшая на себѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ направленіе западно-европейской литературы, не особенно часто упоминала о Шатобріанѣ. Мнѣнія русской критики о степени его таланта и значеніи были разнообразны. Между ними замѣчательно мнѣніе Бѣлинскаго, которое мы и приводимъ. „Безспорно, говоритъ онъ, это (Шатобріанъ и Ламартинъ) люди честные, добрые; но въ поэзіи требуется нѣчто другое, кромѣ хорошаго поведенія— требуется даръ творчества, который одинъ можетъ сдѣлать человѣка художникомъ, а его-то у нихъ и не доставало, по крайней мѣрѣ, въ соразмѣрности съ ихъ претензіями на художественную геніальность. Но что-жъ долго думать? Если не художественность, такъ фразы, не геній, такъ претензія на геніальность. Они такъ и сдѣлали" *). Не такъ смотрѣли на Шатобріана его соотечественники. Въ „Телескопѣ" 1834 г. были помѣщены двѣ переводныя статьи о немъ, одна Ж. Жанена, другая Г. Планша. Въ нихъ онъ былъ поставленъ очень высоко. Жаненъ назвалъ его величайшимъ писателемъ своего времени, великимъ живописцемъ и великимъ политикомъ. Планшъ писалъ о немъ: «Второстепенный критикъ въ «Духѣ христіанства», неточный и многорѣчивый путешественникъ въ своемъ «Дорожникѣ», трудолюбивый, но не всегда успѣшный подражатель Виргилія и Гомера въ «Мученикахъ» и «Начесахъ», Шатобріанъ занимаетъ доселѣ одну изъ возвышеннѣйшихъ ступеней въ нашей поэзіи, ко-

*) Сочиненія, т. II, стр. 390.

торую видѣлъ возраставшею передъ своими глазами» *). Лучшимъ произведеніемъ Шатобріана онъ считаетъ «Рене». Кромѣ взглядовъ на Шатобріана, въ статьѣ Жанена, передававшаго содержаніе его «Записокъ», есть много интересныхъ фактовъ, относящихся къ жизни Шатобріана.

Несовсѣмъ благосклонно относились нѣкоторые журналы 30-хъ годовъ къ другому представителю идеальнаго романтизма, Ламартину. Особенно рѣзко отозвались объ немъ „Отечественныя Записки", по поводу его „Поэтическихъ думъ" (Recueillemens poétiques). Весьма страннымъ былъ названъ въ нихъ взглядъ Ламартина на его поэзію. Оказывается, что онъ весьма мало цѣнилъ произведенія своей музы и предавался поэзіи какъ бы шутя. Вслѣдствіе послѣдняго обстоятельства авторъ замѣтки о Ламартинѣ просилъ читателей не вѣрить въ поэтическое призваніе этого писателя. „Съ грустною думою откладываемъ мы «Думы» г. Ламартина, замѣчено было имъ; пусть надъ ними думаютъ и задумываются тѣ, кому больше думать не о чемъ» **). Чтобы ближе познакомить читателей съ страннымъ взглядомъ Ламартина на поэію, редакція «Отечественныхъ Записокъ» помѣстила въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду» его предисловіе къ «Думамъ», не сказавъ, впрочемъ, о немъ ничего такого, что было сказано въ «Отечественныхъ Запискахъ». Названное предисловіе интересно, между прочимъ, по описанію того, какъ романтикъ Ламартинъ проводитъ время зимою въ своемъ сельскомъ убѣжищѣ Сенъ-Поенъ. Вставалъ онъ до разсвѣта, зажигалъ мѣдную лампу и затоплялъ каминъ, въ которомъ лежали виноградные сучья. Затѣмъ прохаживался по балкону, смотря на небо и черные зубцы горъ, рѣзко отдѣлявшіеся на блѣдно-синемъ небѣ, и предаваясь размышленіямъ о сліяніи души съ великолѣпною гармоніею неба и горъ, звѣздъ и луговъ, вѣтра и деревьевъ. Возвратившись въ комнату, онъ проха-

*) „Телескопъ" 1834 г., ч. 20, стр. 405.

**) „Отественныя Записки" 1839 г., т. III, стр. 211.

живался по ней, смотрѣлъ, погруженный въ думы и воспоминанія, на портреты своихъ предковъ и бесѣдовалъ съ своею собакою. Затѣмъ садился за письменный столъ, на которомъ лежали Библія, Петрарка, Гомеръ, Виргилій, Цицеронъ, Шатобріанъ, Гете, Байронъ и нѣкоторыя другія книги, и отдавался поэтическому творчеству. Съ пробужденіемъ жизни въ деревнѣ, онъ оставлялъ литературную работу и принималъ различныхъ посѣтителей. Въ 12 часовъ отправлялся на долгую верховую прогулку или охоту и возвращался домой вечеромъ *). По поводу охоты можно замѣтить, что Ламартинъ былъ страстный любитель собакъ и развелъ превосходную породу свѣтло-коричневыхъ гончихъ.

Мы остановились на предисловіи Ламартина по поводу отзыва «Отечественныхъ Записокъ» объ его „Думахъ". Инымъ характеромъ отличался отзывъ о нихъ „Сына Отечества". Онъ гласилъ слѣдующее: «У книгопродавца Госселена, въ Парижѣ, печатается новое собраніе стихотвореній Ламартина, подъ названіемъ „Recueillements poétiques". Кажется поэтъ увидѣлъ ложное направленіе, какое давалъ въ послѣднее время своему дарованію, и обратился къ прежнему, столь знакомому голосу пѣсенъ своихъ, отголосокъ которыхъ раздался нѣкогда по всей Европѣ. Такъ полагаемъ мы, по крайней мѣрѣ, по тѣмъ стихотвореніямъ, которыя помѣщаются издателемъ въ разныхъ журналахъ французскихъ, и войдутъ въ новое собраніе Ламартиновыхъ элегій. Выписываемъ для доказательства прелестную пьесу „Деревенскій колоколъ". Имя Ламартина и французскій языкъ, кажется, такъ знакомы у насъ на Руси, что мы просимъ читателей зачесть стихи Ламартиновы вмѣсто хорошихъ русскихъ стиховъ, на которые теперь большой неурожай" **). Разница въ отзывѣ не требуетъ дальнѣйшихъ объясненій.

Низведши Ламартина съ пьедестала, какъ автора „Думъ", „Отечественныя Записки" весьма нелестно отозвались и о

*) „Литературныя Прибавленія" 1839 г., стр. 343.
**) „Сынъ Отечества" 1839 г., ч. 12, стр. 63.

другихъ плодахъ вдохновенія Ламартина *). По поводу его „Поэтическихъ размышленій“ и „Религіозныхъ гармоній“ въ нихъ было сказано: „Это стремленіе къ высшему и неизслѣдимому, это набожное чувство, обнаружившееся въ такихъ мелодическихъ звукахъ, поставило его на высокую чреду; на степень перваго поэта Франціи. Никто не думалъ изслѣдовать тогда, истинны ли эти ощущенія, родились ли они въ душѣ поэта изъ внутренней необходимости, столпились ли они въ сердце, просясь, вырываясь на просторъ; нѣтъ, Ламартину вѣрили на слово, его безусловно поставили на одну черту съ Байрономъ, какъ Гюго поставили съ Шекспиромъ“. Далѣе авторъ признается, что онъ никогда не видѣлъ въ Ламартинѣ великаго поэтическаго воодушевленія и христіанской теплоты чувства, которымъ должны были бы проникаться его произведенія, еслибы его вѣрованія проистекали изъ глубины сердца. Еще болѣе неблагопріятный отзывъ о Ламартинѣ сдѣлалъ Бѣлинскій въ «Молвѣ» 1836 г. „Ламартинъ, писалъ онъ, съ своими неистощимыми слезами о бѣдствіяхъ человѣческихъ и чуть ли не полумилліономъ годоваго дохода, съ своимъ поэтическимъ ореоломъ изъ золоченой бумаги и претензіями на политическую значительность, съ своими заоблачными мечтаніями и свѣтскою мелочностью, есть не что иное, какъ длинная водяная элегія, начиненная искуственными вздохами и поддѣльными слезами, пышная фраза на ходуляхъ, риторическая восклицательная фигура. Но что нужды? Франція провозгласила его великимъ поэтомъ, а огромная нація добрыхъ людей, разсѣянная по всему бѣлому свѣту, повѣрила ей на-слово!» **).

Сильное вліяніе оказали на русскую литературу и русское общество французскіе писатели, имена которыхъ поставлены нами выше, послѣ Шатобріана и Ламартина. Безчисленное множество ихъ произведеній, отличавшихся или неистово-романтическимъ, или соціальнымъ направленіемъ,

---

*) „Отечественныя Записки“ 1839 г., т. I, стр. 98—99.
**) Сочиненія, т. II, стр. 391.

было переведено на русскій языкъ и наводнило страницы журналовъ 30-хъ годовъ. Долгое время они составляли едва ли не самую притягательную силу періодическихъ изданій этого времени. На чтеніи произведеній названныхъ писателей воспиталось цѣлое поколѣніе, отчасти развивши свой литературный вкусъ и усвоивши себѣ нѣкоторыя изъ воззрѣній западно-европейской цивилизаціи, отчасти сильно пошатнувъ въ себѣ нѣкоторые нравственные принципы, такъ или иначе соприкасавшіеся съ семейною жизнью. Романъ извѣстнаго французскаго писателя, въ родѣ Бальзака, Дюма или Поль-де-Кока, для многихъ читателей и читательницъ былъ школою, въ которой вырабатывались воззрѣнія легкомысленнаго отношенія къ семейной жизни и инстинкты погони за запретными наслажденіями, при сильномъ ослабленіи стремленія къ серьезному отношенію къ жизни. Бойкія картины сладострастія, измѣнъ, преступленія, клятвы, продажи семейнаго спокойствія и супружескихъ обязанностей за поцѣлуй или объятія въ сущности весьма дряннаго героя, картина, подчасъ написанная мастерскою рукою, не могли не подѣйствовать вреднымъ образомъ на многихъ изъ читательницъ, не находившихъ въ себѣ для ослабленія ихъ дѣйствія противовѣса въ стремленіи къ серьезному чтенію. Нѣтъ сомнѣнія, что названные французскіе писатели давали своимъ читателямъ и много благородныхъ идей и стремленій, но это происходило только въ такомъ случаѣ, если ихъ здоровыя сѣмена падали на благодарную почву. Такимъ образомъ, признавая за названными писателями цивилизующее значеніе, нельзя, къ сожалѣнію, не согласиться и съ тѣмъ, что нѣкоторые изъ нихъ, и безъ стремленія къ тому, оказывали на мало развитыхъ читателей и читательницъ весьма печальное для здороваго взгляда дѣйствіе.

Журналистика 30-хъ годовъ отмѣтила это дѣйствіе нѣкоторыхъ французскихъ писателей, и, указывая на ихъ достоинства, указывала и на недостатки. Особенно сильныя нападенія дѣлалъ на французскихъ писателей редакторъ „Телескопа“ Надеждинъ, въ своихъ „Впечатлѣніяхъ Парижа“.

Вотъ что, между прочимъ, онъ писалъ объ „юной словесности“ Франціи: „У насъ много толковали и толкуютъ объ этой словесности: ее бранятъ, позорятъ, клеймятъ, четвертуютъ, а между тѣмъ тихомолкомъ сами подражаютъ ея замашкамъ, спекулируютъ на ея обольстительные эффекты, на ея соблазнительное очарованіе. Я всегда былъ противъ «юной словесности“, я всегда считалъ ея неистовое сумасбродство несовмѣстнымъ съ идеею истиннаго литературнаго изящества. Но что прежде только предполагалъ по соображеніямъ, въ томъ увѣрился теперь очевидными фактами“. Въ другомъ мѣстѣ онъ говорилъ еще рѣзче: «Есть, вопервыхъ, «юная словесность» демократическая, революціонная, санкюлотская, extreme gauche литературы: она-то обливается кровью, проповѣдуетъ разрушеніе всѣхъ общественныхъ связей, воспѣваетъ прелюбодѣйство и кровосмѣшеніе, однимъ словомъ, воспроизводитъ всѣ ужасы нравственнаго и гражданскаго терроризма. Но съ другой стороны есть также „юная словесность“ мистическая, иллюминатская, сен-симонистская, extreme droite литературы, которая живетъ мечтами и видѣніями, проповѣдуетъ возвращеніе золотаго вѣка, требуетъ совершенной эмансипаціи женщины, какъ перваго шага къ возрожденію общества, однимъ словомъ, нѣжитъ воображеніе и чувственность всѣми чарами утонченнаго, духовнаго сладострастія, морочитъ всѣми замашками восточнаго шаманизма. Обѣ онѣ имѣютъ сходство въ наружныхъ формахъ, отличающихся сверженіемъ всѣхъ узъ приличія, нарушеніемъ всѣхъ условій общественности; обѣ бѣгаютъ съ всклокоченными волосами, помутившимися глазами; обѣ запустили себѣ бороды, которыя теперь, наперекоръ природѣ, служатъ вывѣскою самой крайней «юности» *). Сходный отзывъ о представителяхъ юной или неистовой словесности находимъ мы у Бѣлинскаго. «Все, что есть отвратительнаго въ человѣческой природѣ, говоритъ онъ, всѣ ея уклоненія, все, что есть ужаснаго въ гражданскомъ обще-

*) „Телескопъ“ 1836 г., ч. 32, стр. 102—103.

ствѣ, всѣ его противорѣчія — все это они отвлекли отъ природы человѣка и отъ гражданскаго общества, и рядъ чудовищно-нелѣпыхъ романовъ, повѣстей и драмъ наводнилъ весь бѣлый свѣтъ. Евгеній Сю просто-на-просто объявилъ, что на этомъ свѣтѣ быть честнымъ и добрымъ значитъ мѣтить прямо на висѣлицу или на колесо, а быть мерзавцемъ и извергомъ есть вѣрное средство наслаждаться всѣми благами міра сего. Гюго объявилъ себя защитникомъ всѣхъ гонимыхъ, т. е. физическихъ и моральныхъ чудищъ: по его теоріи, всѣ сосланные на галеры съ клеймомъ лиліи—люди добродѣтельные, невинно гонимые обществомъ. Бальзакъ проповѣдуетъ, что быть бѣднымъ — все равно, что заживо попасть въ адъ, и что быть счастливымъ и блаженнымъ значитъ имѣть кучу денегъ и право ставить передъ своею фамиліею частицу *де*. Дюма возвѣстилъ міру, что любить женщину значитъ быть готовымъ каждую минуту задушить ее, что сильно и глубоко чувствовать значитъ быть тигромъ, гіеною. Жоржъ Зандъ приглашаетъ людей къ естественному состоянію, почитая гражданскія установленія, и особенно бракъ, главною причиною человѣческихъ бѣдствій. Развратъ, кровосмѣшеніе, разбой, отцеубійство, дѣтоубійство, братоубійство, предательство, казнь, пытки, кровь, гной, рѣзня, тюрьмы и домы разврата сдѣлались любимыми пружинами для возбужденія эффекта. И что же? вы думаете, что это люди съ сильными страстями, съ могучею волею, мученики жизни? Ничего не бывало! Это просто добрые ребята, краснощекіе, полные, здоровые, богатые, по модѣ одѣтые, роскошно живущіе. За вкуснымъ обѣдомъ и бутылкою шампанскаго они охотно забываютъ свое ожесточеніе противъ жизни, а за порядочную сумму денегъ готовы написать диѳирамбъ въ честь ея. Они такъ писали только потому, что это было въ модѣ и товаръ хорошо съ рукъ шолъ. Дайте имъ денегъ — они обратятся къ религіи — и къ какой вамъ угодно: къ христіанской (даже къ католицизму), къ магометанской, къ жидовской; надбавьте цѣну—они поклонятся идоламъ“ *). По

*) Сочиненія, т. II, стр. 392—393.

отношенію къ названнымъ писателямъ, подобный же взглядъ высказывала «Библіотека для Чтенія», хотя и помѣщала очень часто на своихъ страницахъ произведенія „неистовой" словесности. Такъ о Бальзакѣ въ ней было сказано слѣдующее: „Одна изъ основныхъ идей этого романиста, проявляющаяся почти во всѣхъ его твореніяхъ, состоитъ въ томъ, что женщина тогда только бываетъ истинно велика, когда она обманываетъ своего мужа, гордо попираетъ свои обязанности и смѣло предается пороку. Какъ скоро удается ему осуществить эту чудесную мысль, заимствованную по всей вѣроятности изъ логики лакейскихъ, и вывести на сцену супругу порочную, но твердую любовницу, онъ безъ памяти отъ удивленія ея характеру, онъ становится передъ нею на колѣни" *). Всего сказаннаго нельзя не поставить въ заслугу журналистикѣ 30-хъ годовъ, хотя она часто и противорѣчила себѣ, помѣщая на страницахъ журналовъ весьма «неистовыя» произведенія. Въ теоріи нѣкоторые изъ ея органовъ ратовали противъ французскихъ писателей, на практикѣ же являлись усердными распространителями ихъ произведеній. Во всякомъ случаѣ, журналистика чуяла въ названныхъ французскихъ писателяхъ громадную силу, которая въ свои неизмѣримыя объятія захватила столь же неизмѣримую массу читателей, преимущественно изъ среды прекраснаго пола. Это была школа, въ которой для многихъ переворачивались вверхъ дномъ всѣ вліянія другихъ школъ и направленій.

Между писателями французской романтической школы самое видное мѣсто занимаетъ В. Гюго. Онъ считался во Франціи главою романтиковъ, литературнымъ реформаторомъ, ведшимъ на бой „юную" Францію противъ одряхлѣвшаго классицизма. Рѣшительный вызовъ классицизму сдѣланъ былъ имъ въ „Кромвелѣ". Своими одами, „Ганомъ-Исландцемъ", „Бюгъ-Жаргалемъ" и „Кромвелемъ" Гюго подалъ блестящія надежды и былъ осыпанъ громомъ рукоплесканій. Вся

*) „Библіотека для Чтенія" 1835 г., ч. 9, стр. 94.

Европа обратила вниманіе на новаго писателя. Оно было поддержано „Восточными стихотвореніями", „Соборомъ Парижской Богоматери" и „Марьйоной-Делормъ". Слава Гюго въ это время была такъ велика, что его стали сравнивать съ Шекспиромъ и Гете. У всѣхъ на устахъ были его Казимодо и Эсмеральда. Затѣмъ въ публикѣ наступилъ періодъ охлажденія къ Гюго. Это охлажденіе выразилось и въ русской журналистикѣ 30-хъ годовъ. Вотъ, что было сказано въ „Отечественныхъ Запискахъ" 39 года о Гюго: „Горько дожить до собственнаго паденія, какъ дожилъ В. Гюго, и опустя долу свою голову, видѣть, какъ съ каждымъ днемъ облетаютъ листки съ вѣнка славы и попираются ногами черни, видѣть — и не имѣть мощи взмахнуть крылами и снова улетѣть въ обѣтованное поэтическое небо, оставивъ чернь, пресмыкающуюся по землѣ, съ разинутыми ртами отъ изумленія! А теперь, кажется, уже никто не сомнѣвается въ паденіи В. Гюго! Правда, полный еще лирическаго одушевленія, онъ порой забывается и говоритъ сильными, гармоническими стихами. Но это только одно сладостное воспоминаніе прошедшаго". Драматическія произведенія Гюго „Марія Тюдоръ" и „Анжело" были названы насильственными произведеніями ума, нисколько не лучше самыхъ жалкихъ мелодрамъ, наводнявшихъ французскую сцену, такъ какъ въ нихъ не было ничего, кромѣ напыщенной фразеологіи и декораціонныхъ эффектовъ *). Сходный взглядъ на В. Гюго, какъ драматическаго писателя, былъ высказанъ и въ „Телескопѣ" 34 г., взятый, впрочемъ, изъ англійскаго журнала „Quarterly Review". „Его драматическая практика, сказано было тамъ, очевидно основана на самомъ спутанномъ понятіи объ отношеніяхъ между *истиною* и *величіемъ* и на какихъ-то несчастныхъ началахъ относительно способа ихъ сочетанія. Кажется, онъ думаетъ, что преступленіе есть нѣчто великое, и тѣмъ больше, чѣмъ возмутительнѣе... Онъ переноситъ на театръ дѣла уголовныя, превращаетъ сцену

*) „Отечественныя Записки" 1839 г., т. I, стр. 97.

въ уголовную палату и, показывая во всѣхъ гнусныхъ своихъ подробностяхъ прелюбодѣяніе, насиліе, кровосмѣшеніе и убійство, воображаетъ, что попалъ именно на точку, гдѣ истина пресѣкается съ величіемъ". Далѣе тамъ же было сказано: „Между женскими лицами, выведенными на сцену въ десяти піесахъ В. Гюго и А. Дюма, въ продолженіе трехъ или четырехъ лѣтъ, мы находимъ *восемь* невѣрныхъ супругъ, *пять* развратницъ, принадлежащихъ къ разнымъ сословіямъ, и *шесть* жертвъ обольщенія, изъ которыхъ двѣ почти рожаютъ на театрѣ; *четыре* матери влюблены въ своихъ дѣтей или зятьевъ, и изъ четырехъ три совершаютъ преступленіе; *одинадцать* убиваются непосредственно или посредственно своими любовниками; наконецъ, въ шести изъ сихъ піесъ главныя лица незаконнорожденныя и подкидыши" *). Невысокаго мнѣнія о Гюго, какъ драматическомъ писателѣ, былъ и Бѣлинскій. По его мнѣнію, Гюго не былъ драматикомъ и шолъ по ложному, выбранному вслѣдствіе системы, пути, часто творя не для творчества, а для оправданія своихъ понятій объ искусствѣ. Далѣе Бѣлинскій называетъ Гюго жертвою того нелѣпаго романтизма, подъ которымъ разумѣли эмансипацію отъ ложныхъ законовъ, забывъ, что онъ долженъ былъ состоять въ согласіи съ вѣчными законами творящаго духа **). Да и вообще какъ о поэтѣ Бѣлинскій отзывался о Гюго весьма рѣзко. Онъ говорилъ, что его лирическая поэзія, взятая какъ нѣчто цѣлое, какъ отдѣльный міръ творчества, чужда всякаго характера, всякаго значенія, всякаго общаго паѳоса. «Notre Dame de Paris» онъ называлъ тяжелымъ плодомъ напряженной фантазіи, tour de force блестящаго дарованія, которое раздувалось и пыжилось до генія, пестрой и лишенной всякаго единства картиной ложныхъ положеній, ложныхъ страстей и ложныхъ чувствъ, океаномъ изящной реторики, дикихъ мыслей,

*) „Телескопъ" 1834 г., ч. 21, стр. 116.

**) Сочиненія, т. II, стр. 115.

натянутыхъ фразъ, словомъ, всего, что способно приводить въ бѣшенный восторгъ только пылкихъ мальчиковъ *).

Дѣлая отзывы о Гюго, какъ о поэтѣ, журналистика 30-хъ годовъ сообщала о немъ и нѣкоторые факты. Въ послѣднемъ отношеніи замѣчательна статья „Русскій въ Парижѣ", помѣщенная въ «Телескопѣ» 1836 г. Авторъ статьи видѣлся съ Гюго въ Парижѣ и былъ принятъ имъ очень любезно. Въ то время, какъ хозяинъ обѣдалъ, онъ успѣлъ разсмотрѣть жилище, собственно гостинную знаменитаго писателя. Вездѣ были видны слѣды страсти къ зодчеству среднихъ вѣковъ. На стѣнѣ висѣли прекрасные рисунки Антверпенскаго собора, видъ стразбургской колокольни, видъ части Парижа съ готическою башнею St. Jaques de la Boucherie, портретъ генерала въ мундирѣ временъ революціи и портретъ отца писателя. У стѣны стоялъ диванъ, произведеніе шестнадцатаго или семнадцатаго вѣка; налѣво софа съ штофнымъ малиновымъ балдахиномъ временъ Людовика XIII или XIV; передъ ней фортепіано. Комната была оклеена малиновыми обоями. Когда Гюго вышелъ къ гостю и попросилъ его сѣсть, первый его вопросъ былъ о томъ, дозволены ли его сочиненія въ Россіи. Потомъ спросилъ, какъ смотрятъ въ Россіи на его «Notre Dame de Paris». Затѣмъ разговоръ зашелъ о народной русской поэзіи. Говоря о Россіи, Гюго предрекалъ ей высокую поэтическую будущность **). Какъ извѣстно, съ Гюго видѣлся въ Парижѣ и Гречъ. Описывая свое знакомство съ Гюго, Гречъ говоритъ слѣдующее: „Мы съ нимъ разговорились, познакомились и, могу сказать, подружились (!). Онъ роста невысокаго, въ движеніяхъ и рѣчахъ своихъ тихъ и остороженъ, но когда рѣчь зайдетъ о неправдѣ, притѣсненіи и т. п., разгорячается до изступленія, и не выбираетъ выраженій для изъявленія своего гнѣва. Отъ роду не видалъ я такого высокаго, благороднаго чела! Глаза его слабы, и онъ носитъ зеленые очки. Наружностью

*) Сочиненія, т. VII, стр. 19.

**) „Телескопъ" 1836 г., ч. 34, стр. 245.

онъ простъ и отнюдь не слѣдуетъ модѣ. Въ петлицѣ у него ленточка Почетнаго Легіона, съ бантомъ". „Предметомъ нашихъ бесѣдъ, говоритъ онъ далѣе, была Россія, о которой французы, и самые умные, самые благонамѣренные, имѣютъ пресмѣшныя понятія. Я объяснилъ ему форму нашего правленія, необходимость единодержавія, святость царской власти и любовь къ ней русскаго народа; описалъ многія наши учрежденія, исчислилъ все, что дѣлаетъ правительство для возвышенія благосостоянія и просвѣщенія народа. Гюго слушалъ меня со вниманіемъ и съ удовольствіемъ, будто читалъ книгу о невѣдомомъ царствѣ". Затѣмъ Гречъ сообщаетъ, какъ онъ убаюкивалъ у камина маленькую дочь Гюго и бесѣдовалъ съ историкомъ города Реймса Вареномъ. Послѣдній, какъ сообщаетъ Гречъ, между прочимъ, замѣтилъ ему слѣдующее: „Согласитесь, однако, что нѣкоторыя изъ вашихъ постановленій не согласны съ законами справедливости, какъ ихъ вообще понимаютъ". „Какія? спросилъ я смѣло", говоритъ Гречъ: „назовите мнѣ ихъ, и я постараюсь доказать вамъ противное". „Вотъ, напримѣръ, сказалъ Варенъ, новое постановленіе о томъ, что крѣпостнымъ людямъ не дозволяется продолжать науки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Не жестоко ли лишать ихъ способовъ къ просвѣщенію? Согласитесь"! „Отнюдь не соглашаюсь, отвѣчалъ я. Этотъ законъ справедливъ и необходимъ: онъ истекаетъ изъ святаго правила, что всякій человѣкъ долженъ быть воспитанъ по своему званію и положенію въ свѣтѣ. Дать человѣку образованіе выше его состоянія, внушить ему желанія, потребности, которымъ онъ въ гражданскомъ своемъ быту удовлетворить не можетъ, значитъ сгубить его, сдѣлать или злодѣемъ, или несчастнымъ". „Помилуйте, возопилъ Варенъ, — а если мой крѣпостной человѣкъ получилъ отъ Бога необыкновенныя дарованія, благородное стремленіе къ просвѣщенію, возвышенную душу! Какъ мнѣ, при этомъ постановленіи, образовать его! Невозможно". „Извините, отвѣчалъ я ему: очень возможно, дайте ему свободу, и тогда онъ можетъ сдѣлаться магистромъ и докторомъ

всѣхъ факультетовъ". „Въ самомъ дѣлѣ! сказалъ Варенъ: а я и не догадался". „Я не видалъ, какъ пролетѣлъ этотъ вечеръ, замѣчаетъ въ заключеніе Гречъ. На прощанье В. Гюго подарилъ мнѣ экземпляръ своихъ новыхъ сочиненій, съ припиской: A. mr. G., souvenir cordial de V. Hugo" *).

Едва ли не больше, чѣмъ о В. Гюго, трактовала журналистика о Бальзакѣ, сводившемъ съума прекрасный полъ своими романами въ 30-хъ годахъ. Его имя, вмѣстѣ съ именемъ Поль-де-Кока, долгое время печаталось въ Парижѣ крупными буквами на всѣхъ объявленіяхъ, афишахъ, каталогахъ, на оберткахъ книгъ и на послѣдней страницѣ газетъ и журналовъ. Его имя постоянно встрѣчалось и въ русской журналистикѣ. Жадно набрасываясь на его повѣсти, она, тѣмъ не менѣе, въ своихъ отзывахъ относилась къ автору не особенно благосклонно. Обширная и хорошая статья о Бальзакѣ была помѣщена въ «Сѣверной Пчелѣ» 38 г. Въ ней, въ историческомъ порядкѣ, указаны были наиболѣе замѣчательныя произведенія Бальзака. Между ними сильному порицанію подверглись его „Шутовскія повѣсти". Относительно ихъ онъ былъ названъ подражателемъ Рабле; разсказы его были названы грязными и превосходящими безстыдствомъ повѣсти Бокаччіо и Маргариты Наварской. Зато объ его «Сценахъ изъ частной жизни» авторъ отозвался съ большою похвалою, указывая въ нихъ на необыкновенную тонкость наблюденія и искусство подготовлять интересъ **). Къ этому произведенію Бальзака съ большою похвалою отнеслись въ одной статьѣ и «Отечественныя Записки» 39 г., весьма невысоко поставивъ его философскія повѣсти. Вообще же о Бальзакѣ было сказано, что онъ владѣетъ сильнымъ талантомъ и мастерствомъ живописнаго изображенія. Въ другой статьѣ въ томъ же журналѣ былъ приведенъ отзывъ Жюль Жанена о романѣ Бальзака «Великій человѣкъ провинціи въ Парижѣ». Въ немъ французскій критикъ сильно

---

*) „Сѣверная Пчела 1838 г., № 231, стр. 924.

**) „Сѣверная Пчела" 1838 г. № 131, стр. 523.

нападаетъ на героинь романовъ Бальзака. «Вы, т. е. писатели, подобные Бальзаку, говоритъ онъ, съ жаромъ сикофантовъ, устремились на женщинъ отъ тридцати до сорока лѣтъ, которыя думали и заботились только о будущемъ; вы устремились на нихъ безъ всякаго остерегательнаго восклицанія, напали въ расплохъ, въ то время, когда онѣ находились въ нѣдрахъ своихъ семействъ, говорили своимъ дѣтямъ, отвѣчали мужьямъ своимъ искреннею и чистою любовью; вы стали жужжать имъ въ уши, что онѣ гораздо моложе, нежели думаютъ, что время бросить эти пошлыя радости супружеской жизни—и безумныя слѣпо вѣрили вашимъ грубымъ ласкательствамъ! Вы убѣдили ихъ, что все ихъ прошедшее счастіе было жалкій обманъ, и онѣ, сломя голову, кинулись въ бездну натяжныхъ страстей, а тѣ изъ нихъ, которыя не сыскали страстей себѣ по плечу, раскинулись съ вычурною нѣгою на разноцвѣтныхъ софахъ, гдѣ онѣ ждутъ еще любовника, который долженъ прійдти къ нимъ" *). «Библіотека для Чтенія», переведшая, между прочимъ, и сильно исказившая романъ Бальзака «Le Père Goriot», отозвалась какъ объ этомъ романѣ, такъ и о самомъ Бальзакѣ очень неодобрительно. Особенно она нападала на „убійственныя длинноты подлинника". „Бальзакъ описываетъ, напримѣръ, сказано было тамъ, домъ хозяйки, у которой живутъ жильцы на хлѣбахъ: онъ напередъ описываетъ его снаружи, каждое окно поодиночкѣ; въ окнѣ—каждое стекло по одиночкѣ, цѣлое, треснувшее и заклеенное бумагою; крышу, и въ крышѣ каждую черепицу; траву, растущую у входа нынѣшнимъ лѣтомъ, и траву прошлогоднюю. Потомъ входитъ онъ въ домъ, и описываетъ тѣ же окна изнутри; не забываетъ ни одной двери, ни одной ступени, ни одной комнаты, ни одного стула въ комнатѣ. Всѣ тарелки и чашки внесены у него въ опись. Картина нечистоты и вони этого дома занимаетъ девять страницъ мелкой печати" **). Все это и

*) „Отечественныя Записки" 1839 г., т. 5, стр. 232.
**) „Библіотека для Чтенія" 1835 г., ч. 8, стр. 128.

подобное было названо пошлостями и устранено въ переводѣ. Какъ извѣстно, Бѣлинскій былъ весьма выгоднаго мнѣнія о Бальзакѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Называя его Гомеромъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстья, знакомаго ему только съ улицы, онъ въ то же время видѣлъ въ немъ «непостижимое искусство обрисовывать характеры со всѣми оттѣнками ихъ индивидуальности». Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Сколько женскихъ портретовъ вышло изъ-подъ плодотворной кисти Бальзака, и между тѣмъ повторилъ ли онъ себя хотя въ одномъ изъ нихъ?" *) Этотъ отзывъ совершенно не похожъ на отзывъ о женскихъ лицахъ Бальзака извѣстнаго французскаго писателя Ж. Жанена, замѣтившаго, что всѣ они весьма походятъ одно на другое. Въ заключеніе, сообщимъ нѣсколько фактовъ, относящихся къ жизни Бальзака и передаваемыхъ журналистикою 30-хъ годовъ. Оказывается, что онъ жилъ весьма роскошно. Обстановка его комнатъ составляла предметъ всеобщихъ толковъ въ Парижѣ. Онъ носилъ черный фракъ, столь же фантастическій, какъ его сказкй на манеръ Рабле. Длинные волосы упадали по плечамъ. Визиты своихъ поклонниковъ онъ принималъ въ великолѣпномъ будуарѣ. Въ этомъ святилищѣ онъ покоился на широкомъ диванѣ, завернувшись въ широкій халатъ изъ бѣлой фланели, съ золотыми кистями и съ малиновымъ бархатнымъ капишономъ, который прикрывалъ его голову. У Бальзака были три замѣчательныя трости. По трости легко можно было узнать Бальзака на улицѣ. Всѣ его трости отличались огромною величиною. Въ верхней части одной изъ нихъ находился всегда изящный платокъ романиста. Въ нижней части помѣщались зубочистка, головная щетка, гребень для прически бакенбардовъ и множество другихъ туалетныхъ принадлежностей. При своей трости Бальзакъ былъ какою-то принадлежностью. Уличные зѣваки, увидѣвши на улицѣ трость съ Бальзакомъ, восклицали: Ба, да это Бальзакъ!

---

*) Сочиненія, т. I, стр. 101.

Менѣе толковъ было вызвано литературными произведеніями Евгенія Сю. Но все же и о нихъ много было говорено въ журналахъ 30-хъ годовъ. И здѣсь мы видимъ больше порицанія, нежели похвалы. Одни отзывы, какъ и относительно другихъ писателей, были самостоятельные, другіе—заимствованные у иностранныхъ писателей. Въ „Отечественныхъ Запискахъ", между прочимъ, было сказано, что у Евгенія Сю нѣтъ даже и тѣхъ немногихъ достоинствъ, которыя замѣтны въ прочихъ «французскихъ болтунахъ, титулующихъ себя романистами», что онъ только и отличается искусно придуманными, эффектными названіями своихъ романовъ да желаніемъ отличиться оригинальностію, которой въ немъ не было ни на волосъ. Отзывъ, такимъ образомъ, былъ слишкомъ безцеремонный: Замѣчательнѣе была характеристика Сю, помѣщенная въ «Телескопѣ» 33 г. и взятая у французскаго писателя Низара. «Новѣйшіе французскіе писатели повѣстей, сказано было тамъ, могутъ быть раздѣлены на три категоріи: категорію женскую, категорію морскую и категорію среднихъ вѣковъ. Г. де-Бальзакъ есть глава женской категоріи: ему, по всѣмъ правамъ, принадлежитъ честь изобрѣтенія женщинъ. Боже мой! Сколько женщинъ вышло изъ головы г. де-Бальзака! Женщина полная сердца, женщина безъ сердца, женщина тридцати лѣтъ, женщина пятнадцати лѣтъ, женщина вдова, женщина замужняя; у г. де-Бальзака только и рѣчей, что о женщинѣ; только и видишь кисеи, розовыя шляпки, развѣвающіяся блонды, шолковыя ленты, вечернія омовенія, таинства души, вздохи, взгляды, объясненія, безмолвіе. Г. де-Бальзакъ играетъ страстью: онъ ее пишетъ, расписываетъ, переписываетъ; представляетъ женщинъ во всѣхъ видахъ, одѣваетъ и раздѣваетъ ихъ, служитъ имъ горничной и пажемъ, носитъ за ними шлейфъ платья, подглядываетъ ихъ во время сна, бросается поднимать платокъ, когда онѣ роняютъ его на мягкую, пушистую мураву.... Департаментъ морской находится подъ командою капитана Евгенія Сю. Corbleu! morbleu! vive Dieu! mille sabords! подбирайте паруса! Онъ ластится къ кораблямъ,

точно какъ г. де-Бальзакъ ластится къ женщинамъ. Обхватываетъ рукою ихъ гибкій станъ (говорю о г. Евгеніи Сю и о корабляхъ), треплетъ ихъ по мягкимъ. пуховымъ бедрамъ, качается въ зыбкой колыбели снастей: вѣтеръ дуетъ, пиратъ приходитъ въ смущеніе, матросы бросаются сломя голову; одинъ Евгеній Сю, капитанъ, остается хладнокровнымъ и неподвижнымъ. Г. Евгеній Сю вѣчно на кораблѣ, такъ какъ г. де-Бальзакъ вѣчно въ будуарѣ. У обоихъ та же изступленная любовь, та же монотонная страсть, вѣчно тотъ же корабль или та же женщина" *). Далѣе Низаръ говоритъ о Жакобѣ Библіофилѣ.—Благопріятный отзывъ о Сю сдѣланъ былъ въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Инвалиду". Было сказано, что все, что ни выходитъ изъ-подъ пера Сю, всегда обращаетъ на себя особенное вниманіе публики. „Это, впрочемъ, говорилъ рецензентъ, преимущество всякаго знаменитаго писателя, честно заслужившаго себѣ извѣстность и умѣющаго каждымъ новымъ произведеніемъ, если не увеличивать, то, по крайней мѣрѣ, поддерживать свою славу". Опять какая діаметральная противоположность съ выше приведеннымъ мнѣніемъ „Отечественныхъ Записокъ", хотя редакція „Литературныхъ Прибавленій", какъ и послѣдняго журнала, принадлежала одному и тому же лицу, Краевскому.

Относительно Дюма мы находимъ, какъ въ самостоятельныхъ, такъ и въ заимствованныхъ отзывахъ журналистики 30-хъ годовъ, взгляды, сходные со взглядами на Сю и Бальзака. „Отечественныя Записки", называя его превосходнымъ разскащикомъ, порицали его за страсть къ эффектамъ и происходящее отъ этого спутыванье происшествій. Нѣкоторыя его драматическія произведенія, напримѣръ, „Мессалина" и „Каллигула" были поставлены въ нихъ весьма низко, послѣднее даже ниже всякой критики, хотя и было поставлено на сцену «съ истинно шарлатанскимъ великолѣпіемъ», какъ замѣтилъ журналъ. «Телескопъ», предоставившій право го-

*) „Телескопъ" 1833 г., ч. 16, стр. 266—267.

ворить за него о французскихъ писателяхъ иностраннымъ журналамъ, такъ характеризовалъ Дюма въ двухъ отзывахъ, взятыхъ изъ „Theatrical Magazine“ и „Revue des deux mondes“: «Произведенія гг. Дюма и Гюго различествуютъ въ одномъ: муза автора «Оріенталей», напитанная духомъ испанскимъ, есть муза лирическая, возвышенная, быстро переходящая отъ пошлости къ высокому паренію; муза г. Дюма есть Мельпомена-мѣщанка, незаконнорожденная дочь Ла-Шоссе и Дидро. Онъ хочетъ приладить ужасы Атрея и Ѳіеста къ нравамъ купцовъ и приказныхъ нынѣшняго Парижа. Всѣ кровосмѣшенія, всѣ прелюбодѣянія, всѣ кинжальные удары, на которые онъ такъ щедръ, совершаются у него въ тѣсныхъ предѣлахъ будуара и столовой, не выходя изъ нихъ ни на шагъ. Онъ имѣетъ свою собственную миѳологію: это Газета Присутственныхъ мѣстъ. Вообще всѣ любовники у него какіе-то негодяи, знающіе одинъ только способъ обольщенія, насиліе... Его герой имѣетъ обыкновеніе пробираться въ комнату чрезъ окно, а не чрезъ дверь. То онъ разламываетъ ставни, чтобы влѣзть къ героинѣ (Антони), то выбрасываетъ въ окно надоѣвшую свою жену (Дарлингтонъ), то поддѣлываетъ ключъ, чтобы пробраться въ альковъ молодой невинной дѣвушки (Анжела). Не станемъ тратить времени на разборъ „Нельской башни“ и „Анжелы“; обѣ сіи драмы созданы по одной канвѣ, и самое интересное положеніе Анжелы такъ тѣсно сопряжено съ повивальнымъ искусствомъ, что мы опасаемся оскорбить слухъ читателей. «Ричардъ Дарлингтонъ» также начинается родами“ *). Иного рода былъ отзывъ, взятый изъ «Revue des deux mondes». Въ немъ, между прочимъ, было сказано: «Если Дюма и насилуетъ иногда, умышленно или по невѣдѣнію, истину историческую, скоропреходящую, относительную, то ему никогда не случается идти вопреки истины вѣчной, всеобщей и абсолютной. Онъ, точно, искажаетъ лицо, но не человѣка; душа иногда ускользаетъ отъ него, но сердце никогда. Драма

*) „Телескопъ“ 1834 г., ч. 21, стр. 676—678.

интереса, драма внутренняя—вотъ его владычество, вотъ его торжество. Въ какую бы эпоху ни перенесъ онъ своего сюжета, къ какому бы историческому событію ни привязалъ его, всегда чувствуешь, какъ сердце, горячее и живое, бьется въ груди его героевъ, подъ фуфайкою среднихъ вѣковъ, также какъ подъ новымъ фракомъ, сквозь косынку Адели Гервей, также какъ сквозь брыжи герцогини де-Гизъ. Живописецъ страстей, онъ простираетъ логику до преступленія, истину до цинизма» *). Первый отзывъ принадлежалъ англичанину, второй—французу.

Особенно сильнымъ нападеніямъ подвергался Дюма въ «Библіотекѣ для Чтенія», которая вообще недолюбливала современную французскую словесность. Такъ, переведенная на русскій языкъ трагедія Дюма «Екатерина Говардъ» была въ ней названа прямо нелѣпостью. По словамъ рецензента „Библіотеки", изъ исторіи племянницы герцога Норфолька, которая была пятою женою короля Генриха VIII и казнена за невѣрность *до брака*, Дюма сковалъ цѣпь невѣроятныхъ безсмыслицъ. Онъ сдѣлалъ Говардъ крестьянкой и развилъ цѣлый рядъ небывалыхъ происшествій. О вѣрности психологической нѣтъ и помину. «Дюма является полнымъ невѣждою въ лѣтописяхъ этихъ двухъ державъ нравственнаго міра; громоздитъ эпизоды, вводитъ странности, безобразитъ невозможностями событія и характеры" **).

Общую участь своихъ собратьевъ писателей раздѣлилъ въ русской журналистикѣ и извѣстный французскій критикъ и романистъ Жаненъ: опять мы встрѣчаемся и съ порицаніемъ, и съ похвалой. По мнѣнію Бѣлинскаго, Жаненъ былъ литераторъ, въ высшей степени обладавшій талантомъ говорить на бумагѣ, литераторъ, каждая статья котораго есть бесѣда умнаго, образованнаго и остраго человѣка, разговоръ бѣглый, живой, перелетный какъ бабочка, трескучій какъ догорающій огонекъ камина, дробящій предметъ какъ гра-

*) „Телескопъ" 1834 г., ч. 23, стр. 201.
**) „Библіотека для Чтенія" 1837 г., 22, стр. 55.

ненный хрусталь. Его чертами были неподражаемая легкость и болтливость языка, легкомысленность въ сужденіи, всегдашняя готовность говорить о чемъ угодно, даже и неизвѣстномъ, говорить умно, остро, увлекательно, граціозно, хотя часто и неосновательно, вздорно. Онъ былъ мило безстыденъ, простодушно наглъ, гордо невѣжественъ, простительно безсовѣстенъ, кокетливо продаженъ и непостояненъ во мнѣніяхъ. Въ романахъ Жанена Бѣлинскій видѣлъ слѣды яркаго и сильнаго таланта *). Иначе смотрѣлъ на Жанена Шевыревъ. Его взглядъ отзывался предубѣжденіемъ противъ всей современной французской литературы. Въ романахъ Жанена Шевыревъ видѣлъ очень мало хорошаго. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» о Жаненѣ было сказано: «Мы любимъ болтуна Жанена и всегда читаемъ его съ удовольствіемъ. Да и какъ не любить его, этого француза въ полномъ смыслѣ слова,—добраго, простаго малаго, безъ всякихъ претензій, говоруна наивнаго, вѣчно-живаго, забавнаго, нерѣдко остроумнаго, часто даже трогательнаго. Жаненъ—это вся французская литература, живая, легкая, вѣтренная, непостоянная, блестящая, какъ брильянтовый фейерверкъ, и часто пустая, какъ фейерверкъ; это ея зеркало, ея resumé, ея типъ современный. Это не святоша Ламартинъ, прикрывающій маскою фарисейское лицо свое, нѣтъ, онъ весь передъ вами, со всѣми слабостями и достоинствами. «Совру—простятъ», вотъ девизъ его, а съ этимъ девизомъ ему не нужно надѣвать никакой маски: и точно, нерѣдко онъ вретъ, но вретъ такъ умно, такъ мило, такъ простодушно, что вы забудетесь и заслушаетесь его розсказней» **).

На А. де-Виньи и А. Мюссе мы остановимся не долго. О первомъ изъ нихъ, какъ и о Жаненѣ, спорили Шевыревъ и Бѣлинскій, по поводу драмы де-Виньи «Стелло». Бѣлинскій, видя въ этомъ писателѣ истиннаго поэта, ставилъ названное произведеніе весьма высоко, тогда какъ Шевыревъ

*) „Телескопъ“ 1836 г., ч. 32, стр. 219.

**) „Отечественныя Записки“ 1839 г., т. III, стр. 211.

видѣлъ въ немъ холодное произведеніе разсудка и клевету на общество. О второмъ мы находимъ интересную замѣтку въ «Сѣверной Пчелѣ» 1836 г. Тамъ было сказано: «Одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ, живущій въ Парижѣ, пишетъ къ намъ, что мода на Бальзака прошла, и что литературнымъ героемъ парижскихъ гостиныхъ сдѣлался Альфредъ де-Мюссе. Въ каждомъ порядочномъ будуарѣ лежитъ его романъ, переплетенный въ черную кожу, съ серебрянными украшеніями. Этотъ мрачный переплетъ очень удачно выражаетъ характеръ новаго моднаго писателя. Бальзакъ попалъ въ немилость за то, что изображалъ женщинъ съ самой дурной стороны, и особенно графинь, которыя у него въ повѣстяхъ ничѣмъ не отличаются отъ простыхъ гризетокъ. А. де-Мюссе еще очень молодъ, очень хорошъ собою и чрезвычайно любезенъ съ дамами» *).

Рѣже встрѣчалось въ журналахъ 30-хъ годовъ имя Беранже. Къ этимъ рѣдкимъ отзывамъ принадлежитъ, между прочимъ, мнѣніе, высказанное о немъ въ „Отечественныхъ Запискахъ". Здѣсь доказывалось, что не Викторъ Гюго, а Беранже былъ настоящимъ основателемъ романтизма во Франціи, писателемъ, подкопавшимъ авторитетъ классицизма въ послѣдней. «Еще за нѣсколько десятковъ лѣтъ до появленія Гюго, было сказано ва названномъ журналѣ, въ самое жалкое время французской литературы, когда вмѣсто Корнеля, Расина и Мольера, безтолково суетились Кребильйоны, Дюсисы, Арно и Жуи, въ эти времена одряхлѣвшаго классицизма, во Франціи былъ одинъ гуляка, внукъ портнаго, который съ иронической улыбкой разгуливалъ въ толпѣ и беззаботно напѣвалъ пѣсни и куплеты на разныя происшествія, попадавшіяся ему на глаза, пѣсни часто унылыя, проникнутыя глубокимъ чувствомъ, чаще веселыя и разгульныя, куплеты ѣдко-эпиграмматическіе, сверкавшіе остроуміемъ, бичевавшіе насмѣшкою. Этотъ гуляка сдѣлался любимцемъ всей Франціи, потому что отразилъ въ себѣ, какъ въ вѣрномъ

*) „Сѣверная Пчела" 1838 г., № 232.

зеркалѣ, всѣ стихіи народныя, потому что онъ былъ и есть до сихъ поръ единственный представитель характера цѣлой націи, простой куплетистъ, безпечный пѣвецъ, про котораго такъ удачно сказалъ Бенжаменъ Констанъ: «онъ создаетъ превосходныя оды, а думаетъ, что сочиняетъ просто пѣсенки, не заботившійся ни о какой теоріи, недобивавшійся никакой славы, онъ пѣлъ, какъ пѣлось ему. Это Беранже—великій поэтъ, но только, замѣтьте, своей эпохи и своего народа, поэтъ, который безъ колокольнаго звона, безъ напыщенныхъ фразъ, безъ громовыхъ восклицаній, можетъ быть, самъ не замѣтивъ того, тихо, незамѣтно, постепенно подкапывался подъ ветхое зданіе классицизма. Уже оно готово было рушиться, но въ эту минуту явился Викторъ Гюго, вооруженный новыми теоріями, съ трескомъ и крикомъ, и старикъ Беранже молча, безспорно предоставилъ ему громкое титло литературнаго реформатора» *). Гораздо больше разсужденій было о Поль-де-Кокѣ, какъ писателѣ, на произведенія котораго былъ большой спросъ въ обществѣ. Всѣ эти разсужденія сводились къ тому, что Поль-де-Кокъ чрезвычайно соблазнительный писатель, который можетъ дѣйствовать самымъ развращающимъ образомъ на молодое воображеніе.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ мужскимъ персоналомъ французской литературы 30-хъ годовъ. Теперь обратимся къ писательницѣ, занявшей одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ французской литературѣ, къ Ж. Зандъ. Если въ русской журналистикѣ 30-хъ годовъ раздавалось много порицаній по отношенію къ французскимъ писателямъ этого времени, то еще естественнѣе было обрушиться имъ на представительницу прекраснаго пола, выступившую на литературное поприщѣ съ весьма оригинальными взглядами на многіе вопросы нравственности. Особенно сильнымъ нападкамъ подверглась ея литературная дѣятельность со стороны „Сѣверной Пчелы“, „Телескопа“ и „Библіотеки для Чтенія“. Одна статья о Ж. Зандѣ, помѣщенная въ „Сѣверной Пчелѣ“, начиналась

*) „Отечественныя Записки“ 1839 г., т. I, стр. 94.

такимъ образомъ: „Безвкусіе, неистовство и наглость новой французской школы, по справедливости, обратили на себя негодованіе литераторовъ благонамѣренныхъ, благонравныхъ и добросовѣстныхъ. И англійскіе, и нѣмецкіе критики, даже нѣкоторые изъ французскихъ, разоблачили и достойно оцѣнили эти жалкія исчадія уродливаго воображенія и развращенной нравственности. Особенное вниманіе обратила на себя въ этомъ отношеніи женщина, одаренная необыкновенными талантами, Аврора Дюдеванъ, издающая свои творе-подъ именемъ Жоржа Санда. Всѣ ея сочиненія написаны очень смѣло, безъ всякаго закрытія, отнюдь не женскою кистью; особенно отличается цинизмомъ, безстыдствомъ и безнравственностью одинъ изъ ея романовъ „Лелія", самое странное, самое уродливое произведеніе воображенія женщины" *). Такъ же строгъ былъ отзывъ, сдѣланный о Ж. Зандѣ Гречемъ.

„Я желалъ видѣть знаменитѣйшую изъ нынѣшнихъ писательницъ Франціи, пишетъ Гречъ въ своихъ путевыхъ замѣткахъ, госпожу Дюдеванъ, которая прославилась подъ именемъ Жоржа Занда, изумляетъ своимъ страннымъ поведеніемъ и восхищаетъ талантомъ; пишетъ картины даже не двусмысленныя, а потомъ, съ жаромъ внутренняго убѣдительнаго краснорѣчія, утверждаетъ, что никто болѣе ея не чтитъ добродѣтели и нравственности; твердитъ, что она несчастная, отринутая, непонимаемая свѣтомъ, а между тѣмъ ходитъ въ мужскомъ платьѣ, куритъ сигары, роскошествуетъ за эпикурейскимъ столомъ. Ея не было въ Парижѣ. Я изъявилъ сожалѣніе о томъ Ваттемару. „Утѣштесь, сказалъ онъ мнѣ: вы хотѣли видѣть эту женщину-мужчину изъ одного любопытства, какъ рѣдкаго звѣря, какъ необыкновенную игру природы. Я не видалъ и не знаю ея, но почти увѣренъ, что вы раскаялись бы, познакомившись съ нею. Есть вещи, прекрасныя только издали" **).

*) „Сѣв. Пчела" 1836, № 182.
**) „Сѣв. Пчела" 1838, № 232.

Кромѣ этихъ разсужденій, въ журналахъ встрѣчались статьи, сообщавшія нѣкоторыя интересныя черты изъ жизни послѣдней современной знаменитости, какъ это было по отношенію и къ другимъ любимцамъ публики. Такъ въ „Отечественныхъ Запискахъ", въ „смѣси", была помѣщена очень интересная статья подъ названіемъ „Поль-де-Кокъ", хорошо знакомившая съ лѣностью этого писателя. Оказывается, что авторъ соблазнительныхъ романовъ былъ человѣкъ совсѣмъ не соблазнительной наружности. Онъ имѣлъ почтенную лысину, лицо у него было четырехугольное, плоское, брови густыя, ротъ большой, съ здоровыми зубами. Физіономію скрашивали баки, коротко подстриженные и съ просѣдью. Улыбался онъ какою-то особенною, миньятюрной улыбочкой. Съ своей женой онъ жилъ въ совершенномъ ладу. Она знала, что ея мужъ вхожъ всюду, однако нисколько не была ревнива и не имѣла никакихъ подозрѣній на счетъ его нравственной чистоты. Самое большое удовольствіе Поль-де-Кокъ испытывалъ, по его словамъ, находясь въ кругу своихъ дѣтей. Онъ былъ поклонникъ гризетокъ и считалъ ихъ самыми добродѣтельными между французскими женщинами. Разговорившись разъ съ однимъ нѣмецкимъ путешественникомъ о добродѣтеляхъ парижанъ, Поль-де-Кокъ замѣтилъ, что истинной добродѣтели въ Парижѣ меньше всего въ высшемъ классѣ и больше всего между гризетками. «Тамъ, т. е. въ высшемъ обществѣ, замѣтилъ Поль-де Кокъ своему собесѣднику, часто сидитъ женщина и громко проповѣдуетъ въ обществѣ о нравственности и добродѣтели, а я слушаю и молчу, однакожъ смѣло могу перечесть по пальцамъ число любовниковъ, которыхъ она ежедневно принимаетъ, тогда какъ гризетка или швея любитъ только своего друга и жертвуетъ собою только для него. О, я много знаю подобныхъ происшествій! Вы видѣли мой «Bal des grisettes». Я его видѣлъ случайно, мелькомъ»... Въ той же статьѣ было сообщено о томъ, какъ Поль-де-Кокъ продалъ одному книгопродавцу пять лѣтъ своей жизни за 60,000 франковъ *). Нѣ-

*) „Отеч. Записки" 1839 г., т. IV, стр. 93—100.

которыя свѣдѣнія о Поль-де-Кокѣ были сообщены также въ «Сѣверной Пчелѣ». По словамъ газеты, во Франціи романовъ Поль-де-Кока расходилось большее число экземпляровъ, нежели всѣхъ другихъ романовъ. По романамъ Поль-де-Кока англичане учились французскому языку. Переводы его произведеній были безчисленны. Поль-де-Кокъ былъ порядочный лентяй и любилъ, въ шлафрокѣ, въ греческой фескѣ и съ трубкой въ зубахъ, сидѣть у окна и смотрѣть на проѣзжающіе омнибусы и кабріолеты. Онъ любилъ охоту, и роменвильскіе воробьи не знали врага хуже Поль-де-Кока. Шкурки убитыхъ птицъ онъ набивалъ соломою. Такимъ образомъ у него составился богатѣйшій орнитологическій кабинетъ изъ всѣхъ родовъ птицъ, водящихся въ окрестностяхъ Парижа. Тамъ же было замѣчено, что Поль-де-Кокъ, написавшій до 100 томовъ различныхъ романовъ, заключилъ однажды съ однимъ книгопродавцемъ контрактъ, по которому обязался ежегодно ставить по одному роману въ двухъ частяхъ *).

Изъ англійскихъ писателей самое видное мѣсто въ журналахъ 30-хъ годовъ дано было Вальтеръ-Скотту и Байрону. Относительно перваго изъ нихъ, на страницахъ этихъ журналовъ разсѣяно много интересныхъ свѣдѣній, касающихся его жизни. Изъ статей о Вальтеръ-Скоттѣ, между прочимъ, очень интересна статья подъ названіемъ «Знакомство Вашингтона Ирвинга съ В.-Скоттомъ», помѣщенная въ «Современникѣ» 1839 г. Въ ней есть много любопытныхъ свѣдѣній, касающихся дѣтства великаго писателя. Такъ, мы узнаемъ, что Вальтеръ-Скоттъ страдалъ хромотою, и это обстоятельство препятствовало быстрому развитію его силъ въ младенчествѣ. Но не смотря на свою хромоту, Вальтеръ-Скоттъ очень рано сдѣлался отличнымъ ходокомъ. Онъ часто отлучался изъ дому и по нѣскольку дней сряду странствовалъ по окрестностямъ, собирая мѣстные толки, вникая въ народный бытъ и дѣлая наблюденія надъ характерами.

*) „Сѣверная Пчела“ 1838 г., № 109.

Отцу его это очень не нравилось, и онъ не разъ изъявлялъ опасеніе, что его сынъ не годится ни къ чему больше, какъ только быть разнощикомъ. Сдѣлавшись старше, Вальтеръ-Скоттъ страстно привязался къ охотѣ и бóльшую часть времени проводилъ въ преслѣдованіи зайцевъ. Благодаря этому развлеченію, онъ мало-по-малу собралъ массу топографическихъ свѣдѣній, о которыхъ свидѣтельствуютъ его сочиненія. Характеризуя Вальтеръ-Скотта уже въ зрѣлый періодъ его жизни, авторъ статьи, Вашингтонъ Ирвингъ, замѣчаетъ, что онъ какъ въ сочиненіяхъ, такъ и въ разговорѣ былъ самый пріятный антикварій, какого онъ когда либо видѣлъ. Спокойный, легкій юморъ придавалъ его разсужденіямъ какую-то особенную, невыразимую прелесть. Онъ такъ же хорошо умѣлъ слушать, какъ и говорить, и обнаруживалъ вниманіе къ словамъ самаго простого человѣка. Онъ не пренебрегалъ ничьими мнѣніями. Поэтому каждый чувствовалъ себя совершенно свободно въ бесѣдѣ съ великимъ писателемъ. Говоря о значеніи литературной дѣятельности Вальтеръ-Скотта, В. Ирвингъ замѣчаетъ: «Произведенія его сроднились съ мыслями и бытомъ всего образованнаго міра и подѣйствовали на вѣкъ, въ которомъ онъ жилъ. Наставлялъ ли кто когда либо такъ усладительно, какъ Вальтеръ-Скоттъ? Найдется ли человѣкъ, который, оглянувшись на протекшіе годы, не сознавалъ бы, что геній Вальтеръ-Скотта усилилъ мѣру его счастія, заставлялъ забывать заботы, усыплялъ тайныя скорби? Что до меня касается, то я въ часы унынія, когда все вокругъ меня было безотрадно, привѣтствовалъ всякое объявленіе о новомъ произведеніи его пера, какъ залогъ вѣрнаго удовольствія въ будущемъ, и ожидалъ его съ нетерпѣніемъ путешественника, который посреди пустыни видитъ вдали зелень, гдѣ онъ несомнѣнно найдетъ и прохладу, и отдохновеніе» *). Изъ другихъ журнальныхъ источниковъ мы узнаемъ, что всѣ, знавшіе лично Вальтеръ-Скотта, отдавали справедливость удивительной добротѣ его

*) „Современникъ“ 1839 г., т. XV, стр. 92—115.

души, веселой открытости нрава и благородной честности. Его прекрасное абботсфордское убѣжище было открыто для всѣхъ, и несчастіе всегда находило тамъ утѣшеніе. Оттуда же, между прочимъ, узнаемъ, какое вознагражденіе получалъ за свои труды Вальтеръ-Скоттъ. Оказывается, что оно было весьма велико. Такъ, за „Исторію Наполеона" онъ получилъ 300,000 франковъ, за нѣкоторые романы — по 25 т. франковъ за томъ. Съ 1804 по 1814 г. за свои стихотворенія и другія сочиненія онъ получилъ 2 милліона франковъ, съ 1814 по 1824 г. еще столько же за романы, наконецъ, въ остальныя восемь лѣтъ еще такую же сумму за послѣднія произведенія. Встрѣчаются свѣдѣнія и о последнихъ минутахъ жизни великаго писателя. Онъ умеръ чрезвычайно тихо, спокойно. День былъ прекрасный, столь теплый, что открыты были всѣ окна, и столь тихій, что слышалось издали журчаніе Твиды. Вокругъ постели умирающаго стояли на колѣняхъ его дочери и сыновья. «Ни одинъ художникъ не изваялъ бы болѣе величественнаго изображенія покоя", замѣчаетъ по этому поводу Локгартъ, зять Вальтеръ-Скотта, присутствовавшій также при его смерти. Что касается статей, трактовавшихъ о значеніи Вальтеръ-Скотта, то въ этомъ отношеніи замѣчателенъ отрывокъ изъ статьи извѣстнаго французскаго писателя Жанена, помѣщенный въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1839 г. Жаненъ, разбирая романъ Бальзака „Великій человѣкъ провинціи въ Парижѣ», въ которомъ было сказано, что героини Вальтеръ-Скотта почти всѣ одинаковы, ведя свое начало отъ Клариссы Гарлоу, говоритъ объ изображеніи женскихъ типовъ у Вальтеръ-Скотта. По его словамъ, великій писатель окружалъ женщинъ въ своихъ романахъ самыми кроткими добродѣтелями, изображая ихъ чистыми и вѣрными существами. Вотъ почему романы Вальтеръ-Скотта имѣли такой громадный успѣхъ. Они сдѣлались вѣрными спутниками молодаго, пробуждающагося воображенія, любимымъ чтеніемъ передъ семейнымъ комелькомъ. Они сокращали зимнія ночи и услаждали весенніе дни. Они укрѣпляли молодыхъ дѣвушекъ въ

той мысли, что исполненіе своихъ обязанностей есть единственный источникъ всего, что въ мірѣ сколько нибудь походитъ на счастье. „Гдѣ вы видѣли женщинъ лучше, очаровательнѣе? говоритъ Жаненъ. Мнѣ кажется, я слышу, какъ скользятъ онѣ по зеленой лужайкѣ, вижу, какъ сходятъ онѣ съ горы; ихъ сладкій голосъ раздается у меня въ ушахъ, отдается въ сердцѣ; я знаю ихъ имена, знаю очаровательныя лица... И вы смѣете порицать Вальтеръ-Скотта, смѣете упрекать романиста за сходство его героинь между собою, т. е., ставить имъ въ вину ихъ одинаковую чистоту, невинность, непорочную любовь, всѣ добродѣтели, ихъ окружающія! Но подумайте, господа новые романисты, что всѣ ваши героини также походятъ одна на другую, но, Боже мой! въ какомъ грустномъ отношеніи?“ *). Говоря о Вальтеръ-Скоттѣ, нельзя не упомянуть о взглядѣ, который высказалъ относительно великаго романиста Бѣлинскій. Онъ признавалъ Вальтеръ-Скотта великимъ геніемъ. По его словамъ, Вальтеръ-Скоттъ въ своемъ „Ивангое“ и „Карлѣ Безразсудномъ“ есть историкъ въ полномъ и высшемъ значеніи этого слова, историкъ, начертавшій живую картину среднихъ вѣковъ. Онъ былъ литературный Колумбъ, открывшій для жаждущаго вкуса новый, неисчерпаемый источникъ изящныхъ наслажденій, давшій искусству новыя средства и сочетавшій исторію съ поэзіею. „Кто не читалъ этихъ разнообразныхъ созданій, говоритъ Бѣлинскій, въ которыхъ средніе вѣка возстаютъ, и движутся, и проходятъ передъ нами, дышущіе всею полнотою своей жизни, играющіе всѣми радужными и мрачными лучами своей волшебной фантасмагоріи? Кто не жилъ въ этомъ роскошномъ и разнообразномъ мірѣ чудесныхъ событій, дивныхъ физіономій, начиная отъ фанатическихъ войнъ пуританскихъ до войнъ за вѣру въ Азіи, отъ колоссальной фигуры фанатика Бурлея до фантастическихъ образовъ Ричарда, Людвига XI, Карла Смѣлаго? Боже великій! Что за дивный міръ, сколько портретовъ, сколько физіономій,

*) „Отеч. Записки“ 1839 г., т. V, стр. 231.

Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
Племенъ, нарѣчій, состояній!

О, эта цѣлая и огромная панорама вселенной, въ которой движутся и толпятся всевозможныя явленія человѣческой жизни, заключенныя въ волшебныя рамы вымысла!" *). Въ заключеніе о Вальтеръ-Скоттѣ, сообщимъ интересное описаніе его кабинета, помѣщенное въ «Сѣв. Пчелѣ» 1838 г. Когда Вальтеръ-Скоттъ жилъ въ Эдинбургѣ, занимая должность адвоката, его рабочій кабинетъ представлялъ такую картину. Онъ занималъ небольшую комнату, въ которую нужно было проходить черезъ гостиную и столовую. Стѣны сверху донизу заняты были полками съ книгами. Весь столъ былъ покрытъ множествомъ судебныхъ бумагъ и цѣлымъ моремъ конвертовъ и корректурныхъ листовъ, не считая рукописей. Чернильница, подсвѣчникъ и другія принадлежности были серебряныя и всегда содержались въ крайней чистотѣ и свѣжести. Надъ каминомъ висѣлъ портретъ рыцаря Клевергоуза, извѣстнаго по роману «Пресвитеріане». По сторонамъ находились шотландскій щитъ, огромные боевые мечи и кинжалы. На окнѣ лежалъ лисій хвостъ съ серебряною ручкою для смахиванія пыли съ книгъ. Когда Вальтеръ-Скоттъ занимался, у ногъ лежала его любимая собака, а на лѣсенкѣ для книгъ, обитой сукномъ, сидѣлъ огромный холеный котъ, также горячо любимый хозяиномъ **).

Вмѣстѣ съ Вальтеръ-Скоттомъ въ журналахъ 30-хъ годовъ часто встрѣчается имя другаго великаго англійскаго писателя, также оказавшаго огромное вліяніе на русскую литературу, имено Байрона. И здѣсь мы имѣемъ дѣло отчасти съ фактами, относящимися къ жизни великаго поэта, отчасти съ взглядами на его литературную дѣятельность. Въ первомъ, т. е., фактическомъ отношеніи, была, между прочимъ, замѣчательна статья, помѣщенная въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1839 г., подъ названіемъ «Замокъ Ньюстидъ». Статья написана живо и богата многими занима-

*) Сочиненія, т. I, стр. 454.
**) „Сѣверная Пчела" 1838 г., № 99.

тельными подробностями, относящимися къ бурной молодости Байрона. Мы позволяемъ себѣ подѣлиться нѣкоторыми изъ нихъ съ читателями. Получивъ въ наслѣдство старинный замокъ Ньюстидъ, лежавшій въ самой дикой и отдаленной части Нотенгемскаго графства, молодой владѣлецъ Байронъ тотчасъ же установилъ въ своемъ помѣстьѣ очень оригинальный образъ жизни. Въ древнихъ стѣнахъ замка, дышавшаго средневѣковыми воспоминаніями и бывшаго когда-то монастыремъ, развернулась картина, которая едва ли могла даже присниться прежнимъ благочестивымъ обитателямъ. Огромная, мрачная зала замка, въ которой прежній старый владѣлецъ изнывалъ нѣкогда отъ болѣзни, вдругъ огласилась шумомъ самаго свободнаго веселья. «Одѣтый въ платьѣ инока, окруженный вѣтренными друзьями, Байронъ пропивалъ съ ними напролетъ цѣлыя ночи и выдумывалъ такія странныя и нелѣпыя забавы, что иногда казался сумасшедшимъ». Въ огромной залѣ вой собакъ, волковъ и даже медвѣдей, вскормленныхъ въ замкѣ, смѣшивался нерѣдко съ хохотомъ и пѣснями разгульныхъ гостей. Веселая компанія замка распространяла ужасъ по окрестнымъ деревнямъ, похищая для своихъ развлеченій дѣвицъ и замужнихъ женщинъ. Кулачные бои, драка пѣтуховъ и другія подобныя зрѣлища были любимымъ провожденіемъ времени въ Ньюстидскомъ Замкѣ. Повѣсы всѣхъ трехъ королевствъ, богатые молодые лорды, комедіанты, бродяги находили радушный пріемъ въ Ньюстидѣ. Его окрестности оглашались неумолкаемымъ звукомъ охотничьихъ роговъ. Иногда устраивались шутовскія процессіи. Веселые обитатели и гости замка, въ длинныхъ мантіяхъ, съ факелами въ рукахъ, по два въ рядъ, выходили длинною вереницею изъ воротъ замка и съ протяжнымъ пѣніемъ проходили по деревнѣ, разставляя такимъ образомъ коварныя сѣти для похищенія деревенскихъ красавицъ. Иногда веселые друзья скакали на бѣшенныхъ лошадяхъ по вязкимъ болотамъ и возвращались домой вечеромъ, усталые и съ ногъ до головы забрызганные грязью. Тогда завѣтная чаша,—отрытый на кладбищѣ замка черепъ

монаха, — переходила изъ рукъ въ руки, наполненная до краевъ пламеннымъ пуншемъ. Но вотъ въ одну ночь замокъ вдругъ опустѣлъ. Все затихло, ворота затворились, огни погасли, рога перестали будить окрестность. Такъ прошло двадцать три года. Байронъ, оставившій замокъ съ его шумными оргіями, уѣхалъ въ Лондонъ и сталъ искать славы на литературномъ поприщѣ. Первыя его произведенія были приняты холодно. Разочарованный, онъ обратился къ политической дѣятельности и добился мѣста въ парламентѣ. Встрѣтивъ въ немъ холодный пріемъ, онъ на другой день написалъ на членовъ парламента пасквиль, который привелъ въ движеніе весь Лондонъ. Видя, что ему нельзя здѣсь болѣе оставаться, Байронъ сѣлъ на корабль и черезъ четыре дня былъ въ Лиссабонѣ. Затѣмъ онъ посѣтилъ Севилью, Кадиксъ, Гибралтаръ, Мальту, Миссолунги, Превезу, Янину. Когда Байронъ пріѣхалъ въ Аѳины, онъ почувствовалъ наплывъ поэтической силы и написалъ двѣ маленькія поэмы, въ которыхъ сказался его необыкновенный геній. Побывавъ затѣмъ въ Смирнѣ и осмотрѣвъ Трою, Байронъ возвратился въ Англію. Тутъ онъ написалъ «Чайльдъ-Гарольда», за которымъ слѣдовали: «Гяуръ», «Абидосская невѣста» и «Корсаръ». Новыя непріятности въ отечествѣ заставили Байрона снова покинуть его. Онъ посѣтилъ Бельгію, Швейцарію, гдѣ лазалъ по горамъ и бродилъ по долинамъ, проклиная въ ожесточенной душѣ и Англію, и все человѣчество. Къ этому времени относятся его «Манфредъ» и «Шильонскій узникъ». Наконецъ онъ покинулъ и Швейцарію, чтобы отправиться въ Венецію, куда манили его наслажденія, поэтическія гондолы и море. Въ Венеціи онъ, между прочимъ, сталъ учиться по-армянски, думая труднымъ изученіемъ неизвѣстнаго языка утишить душевныя муки. Не найдя этого, онъ бросился въ вихрь бѣшенныхъ удовольствій. Въ Венеціи Байронъ познакомился съ графиней Гиччіоли. Но любовь не удовлетворяла его, и онъ вступилъ въ ряды карбонаріевъ. Заговоръ былъ открытъ. Достоинство пера спасло Байрона, и онъ уѣхалъ въ Пизу, повидаться съ прекрасною

Гиччіоли. Оттуда онъ отправился въ Геную, гдѣ сѣлъ на корабль съ графомъ Гамба и морскимъ разбойникомъ Трелоней, чтобы отправиться въ Грецію, освобожденія которой онъ желалъ всѣми силами своей души. Но въ Греціи онъ разочаровался въ потомкахъ Мильтіада и Ѳемистокла. Зато тамъ онъ нашелъ конецъ своимъ душевнымъ тревогамъ, успокоившись навѣки. Такъ прошли двадцать три года, о которыхъ было упомянуто выше. И вотъ ворота Ньюстида снова отворились. Теперь въ нихъ входила погребальная процессія, съ зажженными факелами. Впереди ѣхалъ герольдъ, держа въ рукахъ опрокинутый гербъ фамиліи Байроновъ *).

Изъ мнѣній о Байронѣ, которыя мы встрѣчаемъ въ журналахъ 30-хъ годовъ, обращаетъ на себя вниманіе мнѣніе Гете, указанное въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ" въ статьѣ „Нѣкоторыя мнѣнія и слова Гете". „Изъ поступковъ Байрона, говоритъ Гете, весьма мало можно узнать о немъ. Онъ жилъ поэтически, не думая о настоящемъ, не заботясь о будущемъ; себѣ позволялъ все, другимъ не прощалъ ничего; оттого былъ недоволенъ собою и гонимъ другими. Въ сочиненіи «English bards and scoth reviewers» задѣлъ онъ отличнѣйшихъ литераторовъ. Гроза возстала; но Байрону стоило только уступить одинъ шагъ, и преслѣдованія бы миновались. Въ послѣдующихъ его сочиненіяхъ сохранился духъ оппозиціи и порицанія; ни правительство, ни религія не спаслись отъ него. Такое поведеніе изгнало его сперва изъ Англіи, а потомъ и изъ Европы. Ему было душно, и, не смотря на величайшую неограниченность личной свободы, онъ все еще находилъ себя стѣсненнымъ: свѣтъ казался ему тюрьмой. Путешествіе въ Грецію было не добровольнымъ его желаніемъ, но слѣдствіемъ дурныхъ отношеній къ свѣту. Непризнаваніе приличій и патріотизма, революціонныя идеи и соединенное съ тѣмъ безпрерывное волненіе души, не только лично убили этого превосходнаго человѣка,

*) „Отечественныя Записки" 1839 г., т. IV, стр. 47—64.

но и не дали развиться вполнѣ его таланту“ *). Укажемъ еще на мнѣніе о Байронѣ Бѣлинскаго, который называетъ его Атлантомъ, поднявшимъ на мощныя рамена страданія цѣлаго человѣчества. „Душа его была бездонная пропасть, говоритъ Бѣлинскій; его притязанія на жизнь были огромны, и жизнь отказала ему въ его требованіяхъ. Онъ оперся на самого себя, и новый Прометей, терзаемый коршуномъ—ненасытимою жаждою своего безпокойнаго духа, вопли гордой души своей передалъ въ чудныхъ, художественныхъ образахъ. Это былъ поэтъ гордаго самимъ собою отчаянія. Сынъ XVIII вѣка, онъ съ презрѣніемъ оттолкнулъ отъ себя его бѣдныя радости, его нищенскія наслажденія,—и не узналъ истинныхъ радостей, истинныхъ наслажденій, того богатства духа, котораго ни ржа не точитъ, ни тать не похищаетъ. Въ аравійской пустынѣ желѣзнаго стоицизма нашелъ онъ свое убѣжище отъ карающей и презираемой имъ судьбы, и не достигъ до обѣтованной земли благодати, гдѣ открывается вѣчная истина, разрѣшаются въ гармонію диссонансы бытія и мерцаетъ таинственнымъ блескомъ заря безконечнаго блаженства“ **).

Къ числу англійскихъ художественныхъ писателей, на которыхъ останавливала свое вниманіе журналистика, принадлежитъ также Бульверъ. Въ 30-хъ годахъ онъ былъ знаменитостью какъ въ западной европейской литературѣ, такъ и у насъ. Въ одной переводной статьѣ, помѣщенной въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», было даже сказано, что Бульверъ далъ новое направленіе духу англійской націи, прививъ стремленіе къ жизни мечтательной, идеальной. Наши критики тоже съ большой похвалой отнеслись къ произведеніямъ Бульвера, хотя самый видный между ними, Бѣлинскій, видѣлъ въ немъ и крупные недостатки. Къ этимъ недостаткамъ онъ относилъ стремленіе быть идеальнымъ, стремленіе ниспровергнуть существующій порядокъ дѣлъ въ Анг-

*) „Литературныя Прибавленія“ 1839 г., № 12.
**) Сочиненія, т. II, стр. 391—392.

ліи и сдѣлать изъ англичанъ, народа дѣятельнаго, торговаго, положительнаго, мечтательнымъ, идеальныхъ нѣмцевъ по идеалу Тика. «Бульверъ часто или, лучше сказать, безпрестанно жалуется на прозу нашей жизни, говоритъ Бѣлинскій, и очень замѣтно, что ему хочется быть мечтательнымъ, хочется создать какую-то идеальную жизнь; это видно изъ самыхъ его эпиграфовъ; онъ старается заставить своихъ читателей вѣрить въ бытіе существъ особаго рода, наполняющихъ глубину лѣсовъ, ущелія горъ, дно морей и рѣкъ, воздушныя пространства; словомъ, онъ силится возвратить міръ къ его первобытному состоянію, когда юное человѣчество населяло природу небывалыми существами и отъ души вѣрило ихъ дѣйствительности. Намѣреніе нелѣпое! Развѣ нѣтъ поэзіи въ нашей жизни, развѣ сама истина и дѣйствительность не есть высочайшая поэзія?» *). По мнѣнію Бѣлинскаго, Бульверъ хорошъ только тамъ, гдѣ естественъ, гдѣ пишетъ въ духѣ времени. Нѣсколько иной отзывъ сдѣланъ былъ о Бульверѣ въ «Отечественныхъ Запискахъ». Тамъ было сказано, что Бульверъ имѣетъ несомнѣнный талантъ, имѣетъ душу, чувство изящнаго и въ отдѣльныхъ картинахъ и сценахъ превосходенъ. Было также замѣчено, что въ нѣкоторыхъ его произведеніяхъ много блеска, огня и жизни, хотя въ авторѣ и видно иногда преобладаніе политическихъ идей, отвергаемыхъ здравымъ разсудкомъ.

Меньшую распространенность, сравнительно съ произведеніями названныхъ французскихъ и англійскихъ писателей, имѣли у насъ въ 30-хъ годахъ произведенія нѣмецкихъ художественныхъ писателей. Трудно было нѣмецкой мечтательности и отвлеченности бороться съ реализмомъ французской школы или оригинальнымъ геніемъ Байрона и Вальтеръ-Скотта. Тѣмъ не менѣе, въ журналистикѣ 30-хъ годовъ мы часто встрѣчаемъ имена нѣмецкихъ писателей. Между ними видное мѣсто занимаютъ Гете, Ж. П. Рихтеръ, Гейне, Гуцковъ, Тикъ, Уландъ, Рюкертъ и Гофманъ, не считая мно-

*) Сочиненія, т. I, стр. 430.

гихъ другихъ. Особенно часто встрѣчается имя Гете. Статьи, трактующія о немъ, весьма разнообразны по содержанію. Въ однихъ изъ нихъ сообщаются біографическія свѣдѣнія о великомъ писателѣ, въ другихъ высказываются воззрѣнія на его литературную дѣятельность. Въ томъ и другомъ мы часто встрѣчаемъ не мало интереснаго. Останавливаясь на біографическихъ чертахъ, мы укажемъ на слѣдующія. Кругъ умственныхъ интересовъ Гете, какъ показываютъ относящіяся къ нему статьи, былъ чрезвычайно разнообразенъ. Вращаясь преимущественно въ области поэзіи, онъ въ то же время усердно занимался и разработкой нѣкоторыхъ физическихъ и естественно-историческихъ вопросовъ. Видное мѣсто въ числѣ этихъ вопросовъ занимало ученіе о цвѣтахъ и изслѣдованіе превращенія растеній. Онъ старательно собиралъ и приводилъ въ порядокъ остатки первобытнаго міра. Въ сравнительной анатоміи посвящалъ особенное вниманіе открытіямъ парижскихъ натуралистовъ, чему доказательствомъ, между прочимъ, служитъ его извѣстная критическая статья о Жоффруа Сентъ-Илерѣ. Любилъ также читать историческія сочиненія, и еще въ послѣднюю зиму читалъ біографію Плутарха. Относительно изящныхъ искусствъ Гете принималъ живѣйшее участіе во всѣхъ важнѣйшихъ, отечественныхъ и чужеземныхъ явленіяхъ этого міра. Художники съ планами и чертежами всегда находили у него радушный пріемъ. Онъ съ большимъ интересомъ слѣдилъ за раскопками въ Помпеѣ, причемъ архитекторъ Цанъ постоянно препровождалъ къ нему планы зданій, открываемыхъ подъ землею. Любимымъ его занятіемъ послѣ обѣда было разсматриваніе картинъ, эстамповъ, литографій, монетъ и т. п. Подъ конецъ жизни Гете сталъ интересоваться и математикой, тогда какъ прежде обнаруживалъ къ ней полнѣйшее равнодушіе. Извѣстно, что Гете умеръ отъ холеры въ 1832 году. Онъ не былъ чуждъ вѣры въ счастливые и несчастные дни, и съ давняго времени считалъ 22-е марта между dies nefasti для Веймара. Вотъ почему онъ ожидалъ своей смерти въ это число. Гете умеръ въ Веймарѣ. Тотчасъ послѣ его

смерти, театры въ городѣ были закрыты. Похороны были совершены съ большою торжественностью. Множество городскихъ и сельскихъ жителей примкнули къ процессіи. Улицы, даже деревья аллеи, которая вела къ кладбищу, были покрыты зрителями. Докторъ Роръ произнесъ надгробную рѣчь, въ которой, между прочимъ, сказалъ о Гете: «Ты принадлежишь вѣчно роду живущихъ: и полнота духа, съ которой ты, въ продолженіе болѣе, нежели двухъ человѣческихъ вѣковъ, подвизался какъ духовный наставникъ твоихъ собратій, какъ глубокомысленный испытатель строгаго вѣдѣнія, какъ зиждительный творецъ идей, просвѣтляющихъ обыкновенную жизнь, сія полнота остается незапечатлѣннымъ кладеземъ, изъ котораго позднѣйшее потомство будетъ черпать питаніе и крѣпость своей духовной жизни. *Дѣла его въ слѣдъ его ходятъ*—это священное изрѣченіе исполняется надъ тобой во всей силѣ!» Послѣ Гете осталось богатое научное наслѣдство. Оно состояло преимущественно изъ произведеній искусствъ, антиковъ и новѣйшихъ, оргиналовъ и слѣпковъ: статуй, барельефовъ, монетъ, медалей, вазъ, картинъ, эстампозъ, рисунковъ, моделей зданій и проч. Сюда также относились прекрасные физическіе инструменты, анатомическіе рисунки и препараты, богатыя ботаническія пособія, обширная коллекція минераловъ и замѣчательное собраніе автографовъ *). Въ журналахъ 30-хъ годовъ, между прочимъ встрѣчаются описанія дома Гете въ Веймарѣ, послѣ его смерти. Въ немъ было собрано безчисленное множество различныхъ рѣдкостей. Между прочимъ, обращали на себя вниманіе золотой лавровый вѣнокъ, украшенный изумрудами, подарокъ Франкфурта въ 70-й день рожденія Гете, великолѣпная золотая печать, украшенная драгоцѣнными каменьями и поднесенная Гете англійскими литераторами, и огромный серебрянный бокалъ, поднесенный Франкфуртомъ. Обращали также на себя вниманіе различные автографы, какъ, напримѣръ, почерки всѣхъ знаменитѣйшихъ полководцевъ

*) „Телескопъ" 1832 г., ч. 10, стр. 116—138.

Франціи. Но особенно замѣчателенъ былъ черепъ Вандика, неизвѣстно какимъ образомъ доставшійся Гете. Кабинетъ и спальня Гете отличались большою простотою. „Кабинета въ нашемъ смыслѣ не было у Гете, говоритъ Шевыревъ, описавшій его домъ въ Веймарѣ; онъ былъ постольку, поскольку надобно человѣку гдѣ нибудь сидѣть да ходить; но кабинетъ его настоящій былъ душа его, обнимавшая собою міръ...“

Передавая наиболѣе интересныя біографическія свѣдѣнія о Гете, встрѣчаемыя въ журналахъ 20-хъ годовъ, нельзя не упомянуть о статьѣ Шевырева „Дорожные эскизы на пути изъ Франкфурта въ Берлинъ“, помѣщенной въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1839 г. Здѣсь, между прочимъ, говорится о посѣщеніи Шевыревымъ великаго нѣмецкаго писателя. „Я помню, говоритъ Шевыревъ, съ какимъ благоговѣніемъ и трепетомъ я всходилъ по изящной лѣстницѣ Гетева дома, убранной копіями прекрасныхъ статуй. Я понималъ здѣсь впечатлѣніе Миньйоны, гуляющей по галлереямъ Ватикана. Мнѣ также казалось, что всѣ эти статуи смотрѣли на меня, входящаго къ великому Гете.... Планъ Рима видѣнъ былъ на стѣнѣ, какъ тотъ мраморный планъ, который вы видите на стѣнахъ лѣстницы Музея Капитолійскаго... Онъ былъ тутъ кстати: онъ приготовлялъ къ великому видѣнію. На верху лѣстницы, передъ входомъ въ переднюю, на полу у двери, глаза ваши встрѣчали мозаиковое гостепріимное salve, какъ въ домахъ Помпеи... Наконецъ я былъ въ передней. Еще нѣсколько шаговъ — и надобно было предстать предъ Гете... Эти минуты ожиданія я могу сравнить только съ тѣми, когда я въ первый разъ подъѣзжалъ къ морю, къ Риму, къ Храму св. Петра, Мон-Блану... То же самое ощущеніе, когда приближаешься къ всякому земному величію... Роковые шаги были сдѣланы... Я стоялъ въ дверяхъ гостиной — и величавая фигура Гете медленно и спокойно двигалась къ намъ на встрѣчу... Всего прежде поражало въ немъ, какъ въ бюстѣ Юпитера, высокое чело, надрѣзанное морщинами; подъ нимъ юношески

сверкали черные глаза, живости чудной на лицѣ старца... Когда Гете сѣлъ въ кресла, онъ принялъ положеніе сидящаго Юпитера: руки его со сжатыми кулаками спускались по колѣнямъ—и въ пальцахъ замѣтно было движеніе когтей орла или льва, который то вбираетъ ихъ въ себя, то выпускаетъ. Разговоръ сначала шелъ очень медленно, тѣмъ болѣе, что Гете говорилъ на французскомъ языкѣ, который затруднялъ его. Оттилія, вольнѣе имъ владѣвшая, оживляла бесѣду" *). Въ гостиной, сообщаетъ, между прочимъ, Шевыревъ далѣе, онъ замѣтилъ картину, подаренную Гете Жуковскимъ. Гете указалъ на нее съ большимъ удовольствіемъ. Она представляла комнату съ видомъ на поле и небо; въ комнатѣ никого не было, но все означало, что былъ кто-то недавно: стоялъ стулъ, у стула арфа, на стулъ кинутъ плащъ, кѣмъ-то недавно оставленный; луна свѣтила въ окна и освѣщала струны арфы. Это была память о Байронѣ.

Мнѣній о Гете въ журналистикѣ 30-хъ годовъ было высказано много. Всѣ они, конечно, сводятся къ тому, что онъ былъ великій писатель, но эта мысль высказывается съ различными оттѣнками. Въ «Телескопѣ» 1832 г. былъ, напримѣръ, высказанъ такой взглядъ на Гете. Указавши на мнѣніе Шлегелей, которые ставили Гете наряду съ Гомеромъ, Данте и Шекспиромъ, и мнѣніе Менцеля, который развѣнчивалъ его геній и называлъ Гете утонченнымъ эпикурейцемъ, презиравшимъ все доблестное и священное, авторъ говоритъ, что они преувеличены и что есть, однако, много вѣрнаго въ томъ и другомъ. По его мнѣнію, Гете былъ въ полной мѣрѣ учителемъ своей націи, но учителемъ скептикомъ, достойнымъ представителемъ XVIII вѣка. «Вступивъ однажды въ безбрежный океанъ сомнѣній, онъ всюду искалъ пристани, и нигдѣ не находилъ ее. Онъ извѣдывалъ всѣ роды, вопрошалъ всѣ науки, обращаясь ко всѣмъ народамъ, и какъ вѣчный странникъ нигдѣ не находилъ пріюта. Онъ-то, какъ геній своего народа, сдѣлалъ германцевъ

*) Отечественныя Записки" 1839 г. т. III, стр. 115—116.

тѣмъ, что они теперь: всѣмъ и ничѣмъ, окружностью безъ центра, учеными безъ собственнаго характера, изучителями народовъ безъ народности, словомъ—всѣмъ, только не нѣмцами, какъ сказалъ Ж. Поль. Космополитъ умственный, онъ научилъ своихъ соотечественниковъ переселяться во всѣ вѣка и народы, жить одинаково и съ небомъ, и съ землею, и чрезъ то лишилъ ихъ *своею*, сдѣлалъ ихъ безстрастными эклектиками, равнодушными къ народной доблести, славѣ, независимости" *). Характеръ всѣхъ героевъ Гете есть *нерѣшимость*, говоритъ онъ далѣе. Immer suchen und nimmer finden — вотъ девизъ его героевъ, и вмѣстѣ вотъ судьба новѣйшей образованности! «Онъ угадалъ ее, и первый произнесъ ей судъ. Но тѣмъ самымъ онъ произнесъ судъ и надъ собой». Гете довершилъ начатое Вольтеромъ. «Духъ разрушенія, который обратился напередъ противъ обществъ, перешелъ потомъ въ область внутренней жизни. Революція гражданская, практическая, произведенная Вольтеромъ во Франціи, повторилась въ Германіи въ видѣ революціи философской, умственной. И сію послѣднюю породилъ Гете». Нѣкоторые старались защитить Гете отъ выставляемыхъ противъ него обвиненій. Въ этомъ отношеніи была замѣчательна статья извѣстнаго нѣмецкаго писателя Кенига, помѣщенная въ „Московск. Наблюдателѣ" 1836 г. Такъ, онъ опровергаетъ мнѣніе, что Гете былъ по убѣжденіямъ язычникъ, для чего приводитъ слѣдующее его мнѣніе: «Христіанская религія могущественна сама по себѣ; упавшее и страдающее человѣчество возвышается ею; она выше всякой философіи и не имѣетъ нужды требовать отъ нея пособія». Что Гете вѣрилъ въ безсмертіе души, Кенигъ доказываетъ слѣдующими его словами: «Убѣжденіе въ продолженіи существованія нашего почерпнулъ я въ понятіи о дѣятельности. Ибо, если я продолжаю дѣйствовать до самаго конца моей жизни, то надѣюсь имѣть другую форму бытія, когда настоящая не можетъ уже долѣе держать въ

*) „Телескопъ" 1832 г., ч. 12, стр. 556—557.

себѣ духъ мой». Относительно вопроса о томъ, что Гете держался въ сторонѣ отъ политическихъ движеній, Кенигъ приводитъ опять собственныя слова Гете: „Какъ скоро поэтъ хочетъ дѣйствовать политически, онъ долженъ пристать къ какой нибудь партіи, а приставши къ партіи, онъ перестаетъ быть поэтомъ; онъ долженъ проститься съ своимъ свободнымъ духомъ, независимымъ взглядомъ, и надвинуть на уши шапку ограниченности и слѣпой ненависти". „Поэтъ, говоритъ Гете далѣе, похожъ на орла, который свободно паритъ надъ какой бы то ни было страной, свободно повсюду устремляетъ взоръ свой, и ему все равно, въ Пруссіи или въ Саксоніи бѣжитъ заяцъ, въ котораго онъ вцѣпляется". Далѣе Кенигъ замѣчаетъ, что Гете не гордился своей прославленной оригинальностью и съ большою скромностію признавалъ вліяніе на себя вѣка. „Еслибъ я захотѣлъ исчислить все, чѣмъ я обязанъ предшественникамъ моимъ и современнникамъ, говоритъ Гете, то у меня осталось бы очень немного. Лессингъ, Винкельманъ и Кантъ были старѣе меня: оба первые производили вліяніе на мою молодость, а послѣдній на мою старость; это имѣло для меня великое значеніе" *). Замѣтимъ здѣсь, что всѣ приведенныя мысли взяты Кенигомъ изъ книги „Разговоры съ Гете, въ послѣдніе годы его жизни", изданной секретаремъ Гете, Экерманомъ. Изъ мнѣній, высказанныхъ о Гете въ журналахъ 30-хъ годовъ, укажемъ также на мнѣніе Шевырева, высказанное имъ въ статьѣ „Гердеръ, Шиллеръ и Гете", помѣщенной въ „Московскомъ Наблюдателѣ" 1837 г. Здѣсь авторъ, между прочимъ, замѣчаетъ, что эмпирическая критика и эклектизмъ германскій, основанные Лессингомъ и доведенные Гердеромъ до универсальности, принесли свой окончательный плодъ въ твореніяхъ Гете. Поэты всего міра, всѣхъ вѣковъ и странъ, говоритъ онъ далѣе, участвовали черезъ Германію въ воспитаніи Гете, и потому галлерея его произведеній, вмѣщающихъ славу и гордость его отечества,

*) „Московскій Наблюдатель" 1836 г., ч. 7, стр. 469—489.

представляетъ пантеонъ всемірной поэзіи, который возможенъ былъ только въ странѣ эклектизма. Участіе Гомера видно въ созданіи „Германа и Доротеи“, вліяніе греческихъ трагиковъ отразилось въ „Ифигеніи въ Тавридѣ“, Аристофанъ ожилъ въ „Птицахъ“, печать Шекспира означилась ярко на „Гецѣ“ и „Эгмонтѣ“, французская трагедія сказалась въ „Торквато Тассо“, арабско-пермосскій востокъ отразился въ „Диванѣ“, англійскій семейный романъ далъ начало „Вильгельму Мейстеру“, Руссо внушилъ „Вертера“, „Фаустъ“ представилъ соединенное вліяніе испанской и англійской драмы, наконецъ, въ лирическихъ произведеніяхъ Гете стекаются отголоски отъ лиры всѣхъ народовъ. Здѣсь чувствуется вѣяніе поэзіи Пиндара, Овидія, Тибулла, Петрарки. Такимъ образомъ, на произведеніяхъ Гете можно изучить всемірную исторію поэзіи. Гете, замѣчаетъ далѣе авторъ, возвелъ искусство въ Германіи на высшую степень независимости отъ жизни и поставилъ его не на германской почвѣ, а надъ нею, какъ облачный міръ, чуждый земнаго *).

Къ числу нѣмецкихъ писателей, о которыхъ много говорилось въ журналахъ 30-хъ годовъ, принадлежитъ также Ж.-П. Рихтеръ, хотя его вліяніе было очень незначительно въ русской литературѣ. И здѣсь мы встрѣчаемся съ нѣкоторыми интересными біографическими чертами и очень обширными сужденіями о значеніи названнаго писателя. Въ первомъ отношеніи замѣчательна статья „Барейтъ и Ж.-Поль“, помѣщенная въ «Московскомъ Наблюдателѣ“ 1836 г. Въ ней Ж.-Поль рисуется чрезвычайно симпатичнымъ человѣкомъ. Это былъ великій юмористъ, оригиналъ и человѣкъ въ высшей степени непритязательный. Совершая свою обычную утреннюю прогулку, онъ всегда бралъ съ собою чемоданъ, который покоился у него за спиною, большую палку и свою любимую собаку. Даже зимою не пропускалъ онъ ни одного дня безъ прогулки, причемъ иногда клалъ имѣвшіяся при немъ доски на снѣгъ, потому только, чтобы работать на

*) „Московскій Наблюдатель“ 1837 г., ч. X, стр. 155—158.

свободѣ. Дома онъ не любилъ работать и находилъ чрезвычайно стѣснительнымъ для себя, когда мели его комнату, чистили платье и брили его бороду. Когда эти три бѣды сходились вмѣстѣ, день его окончательно былъ испорченъ. На его рабочемъ столѣ, между развернутыми книгами и разбросанными бумагами, всегда валялись пробки съ смолою, которыми, очевидно, была закупорена какая-то жидкость, не совсѣмъ противная для обитателя кабинета. Подлѣ стола, на софѣ, часто можно было видѣть шпица, лизавшаго жирныя пятна шлафрока. Бывая въ обществѣ, Ж.-Поль услаждалъ иногда присутствующихъ превосходною игрою на фортеньяно. При этомъ иногда происходили такія сцены. „Окончивъ игру, Ж.-Поль потребовалъ чаю, но чай былъ давно уже прибранъ, и слуга принесъ ему чего-то другаго. Онъ однакожъ настоятельно требовалъ чаю, и кричалъ такъ громко въ передней, что испуганная хозяйка выбѣжала узнать причину шума и натурально приказала сейчасъ подать чаю»... Въ жару разговора Ж.-Поль такъ усердно подливалъ къ чаю рому, что подъ конецъ пилъ одинъ ромъ и наконецъ сдѣлался совершенно неспособенъ принимать участіе въ обществѣ“ *). Другой источникъ даетъ намъ такую картину домашней обстановки Ж.-Поля. «Вотъ большая зала, наполненная дымомъ,—вы сочтете ее за базаръ, покинутый купцами. Въ срединѣ стоитъ широкая печь, съ двумя нишами, на которыхъ ловко сидѣть зимою, курить, дремать или мечтать. Черныя балки бороздятъ желтый потолокъ. Домашніе голуби перелетаютъ тамъ и сямъ, грустно воркуя; старуха съ очками на носу вяжетъ чулки подлѣ печки; молодая женщина стряпаетъ кушанье на лѣво, у большаго окна; стукъ домашней утвари мѣшается съ глухимъ и однообразнымъ говоромъ голубей, которые собираютъ на полу сѣмя, кокетничая другъ передъ другомъ; направо стоитъ столикъ изъ бѣлаго дерева и подлѣ него широкій дубовый сундукъ. Мужчина, сидящій у этого столика, Жанъ-Поль-Фридерикъ Рих-

*) „Московскій Наблюдатель“ 1836 г., ч. 7, стр. 342.

теръ, изумительный геній, самый оригинальный изъ современныхъ писателей. На немъ толстый длинный сюртукъ съ полевымъ цвѣткомъ въ петлицѣ. Вникните въ его черты; изученіе его физіономіи любопытно; эти черты не соглашаются между собою; онѣ неправильны и огромны; его узкіе глаза брызжутъ огнемъ, и на этомъ худощавомъ лицѣ вы замѣчаете смѣсь добродушія съ огнемъ вдохновенія. Онъ безпрестанно вытаскиваетъ изъ открытаго у ногъ его сундука маленькіе клочки бумаги, приводитъ ихъ въ порядокъ и связываетъ одинъ съ другимъ: это ссылки, думы, извлеченія, ученыя размышленія, осколки, обрѣзки, амальгама всѣхъ ученій, отрывки тысячи цвѣтовъ, шутовской маскарадъ, ученый, мистическій, циническій, задумчивый и грустный. Такъ создаетъ онъ свои произведенія, и его произведенія не предадутся забвенію» *). Не смотря на свою эксцентричность, Ж.-Поль пользовался благосклонностью нѣкоторыхъ очень видныхъ по своему положенію дамъ. Такъ, «Крюднеръ запиралась съ нимъ по нѣскольку часовъ, когда онъ въ Берлинѣ былъ еще молодымъ, отважнымъ студентомъ, чтобы наединѣ стричь и причесывать ему волосы; г. Сталь посѣщала его» **).

Въ отзывахъ русской журналистики Ж.-Поль является генеіальнымъ писателемъ. Русская критика 30-хъ годовъ причисляетъ его къ самымъ виднымъ писателямъ. Она указывала на скрывающуюся въ его произведеніяхъ бездну чувствительности, нѣжности, граціи, глубокомыслія. Указывала на гуманистическое чувство, искреннюю любовь къ людямъ, умиляющую поэзію, смѣлую фантазію. «Подобно Свифту и Вольтеру, говоритъ о Ж.-Полѣ одинъ критикъ, онъ любитъ проникать въ глубины, исчисляетъ подробности, ищетъ смѣшную сторону высокаго и высокую смѣшнаго». «Въ его произведеніяхъ обозначается недостатокъ цѣлаго, связи и плавности. Чтеніе ихъ оставляетъ впечатлѣнія нѣжныя и про-

---

*) „Литературныя Прибавленія“ 1839 г., № 4.

**) „Московскій Наблюдатель“ 1836 г., ч. 7, стр. 353.

тивоположныя. Изъ этого хаоса мыслей и чувствъ, какъ съ раскаленнаго желѣза, брызжутъ тысячи искръ, пламенныхъ, высокихъ, комическихъ: но это хаосъ. Одинъ стиль этихъ дивныхъ созданій есть уже феноменъ». «Не только слова, но и самыя идеи ударяются у него другъ объ друга неслыханнымъ образомъ: среди трогательнаго разсказа вы встрѣчаете остроумную насмѣшку; грубый, дерзкій намекъ среди глубокой или мистической идеи; странная смѣсь двусмыслія, бранныхъ поговорокъ, граціозныхъ образовъ, ученыхъ ссылокъ, нестройности и причудъ фантазіи». «Переводчики, ослѣпленные лучезарнымъ сіяніемъ генія, со страхомъ отступили отъ дивнаго феномена. Онъ написалъ около шестидесяти томовъ; никогда не видали еще подобнаго слога. Это хаосъ вводныхъ предложеній, эллипсисовъ, подразумѣваній, карнавалъ мыслей и языка; заселеніе новыхъ словъ, приходящихъ, по прихоти автора, требовать права гражданства въ рѣчи; періоды на трехъ страницахъ, безъ знаковъ соединенія, состоящіе изъ ста фразъ; вводныя предложенія порождаютъ другія и такъ далѣе; пособія на пособіяхъ, заимствованныхъ у искусствъ, у ремеслъ, у самой глубокой учености». «Если расматривать Ж.-Поля какъ философа и какъ мыслителя, онъ вездѣ остается вѣренъ самому себѣ: его идеи о Богѣ и природѣ мелодически гармонируютъ между собою; убѣжденіе въ безсмертіи души, живая вѣра въ другую жизнь, какъ вознагражденіе за бѣдствія земной жизни, чудная, очищенная теорія счастія, ѣдкія сатиры противъ порока, пылкая любовь ко всему человѣчеству, нѣжное сстраданіе къ его слабостямъ и горестямъ—вотъ что находимъ мы на каждой страницѣ, вышедшей изъ-подъ пера великаго мыслителя-поэта».

Сходный взглядъ на Ж.-Поля былъ высказанъ въ «Современникѣ» 1839 г., въ статьѣ «Жанъ-Поль», барона Корфа. Авторъ говоритъ, что три чувства составляютъ краеугольный камень фундамента, на которомъ Ж.-Поль водвиг-

*) „Литературныя прибавленія" 1839 г., № 4.

нулъ свое великолѣпное, блестящее зданіе, долженствующее пережить вѣка, не страшась непогодъ, на пользу и просвѣщеніе человѣчества. Эти чувства: твердая, непоколебимая вѣра въ Бога, утѣшительное, ничѣмъ несокрушимое вѣрованіе въ безмертіе души и безграничная, горячая любовь къ людямъ. Къ отличительнымъ чертамъ Ж.-Поля авторъ относитъ далѣе юморъ, наблюдательность и умѣнье схватывать во всемъ смѣшную сторону, умѣнье, превосходящее всякое понятіе. Сюда же онъ относитъ ученость Ж.-Поля, его страсть закидывать читателя цитатами, взятыми изъ области всевозможныхъ наукъ. Тутъ вы встрѣчаетесь и съ математикой, и съ химіей, и съ астрономіей. Но это не бѣда: за этими непонятными мѣстами сейчасъ же слѣдуютъ десятки страницъ чистѣйшей поэзіи. «Если вы не вѣрите въ Бога, говоритъ въ одномъ мѣстѣ авторъ, о, тогда читайте безсмертнаго мыслителя, онъ убѣдитъ васъ, онъ прольетъ утѣшеніе въ вашу скорбящую душу, онъ возратитъ ей покой, онъ покажетъ вамъ Творца въ полномъ сіяніи Его немеркнущей славы» *). Но не всѣ критики такъ смотрѣли на Ж.-Поля. Къ его противникамъ, между прочимъ, принадлежалъ Гречъ. Онъ сравнивалъ литературныя произведенія Ж.-Поля съ *винегретомъ изъ ананасовъ, сельдей, лимбургскаго сыра и т. п.* По его мнѣнію, пиво и табакъ — главные аттрибуты нѣмецкой литературы вообще и Ж.-Поля въ особенности. Романъ Ж.-Поля „Зибенкезъ“ Гречъ называетъ каррикатурнымъ, глупою сказкою **). Объ этомъ оригинальномъ мнѣніи Греча въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ» было замѣчено слѣдующее: „Мнѣніе г. Греча о Жанъ-Полѣ можетъ быть весьма назидательно для грядущаго поколѣнія литераторовъ, которые посвятятъ себя изученію великаго германскаго поэта: онъ убѣдитъ ихъ въ томъ, что нѣтъ такой хорошей вещи на свѣтѣ, которой кто нибудь не вздумалъ бы охуждать». Впрочемъ, не одинъ Гречъ такъ смотрѣлъ на Ж.-Поля. Дру-

*) „Современникъ“ 1839 г., т. XIV, стр. 22—31.

**) „Сѣверная Пчела“ 1839 г., № 83.

гой критикъ отозвался о Ж.-Полѣ такимъ образомъ: „За Ж.-Поля принимался я неоднократно: темно, не понятно. натянуто, ненатурально, безвкусно. Его книги можно сравнить съ кучами сору, гда встрѣчаются *ошибкою* и драгоцѣнныя вещи; порыться въ *навозной кучѣ* для того, чтобы авось-либо найти тамъ золотое колечко, я не въ состояніи».

Толкуя въ обширныхъ статьяхъ о значеніи Ж.-Поля, журналы 30-хъ годовъ не были гостепріимны по отношенію къ его произведеніямъ. Читающая публика видѣла обширные трактаты о характерѣ литературныхъ произведеній великаго писателя и не видѣла образцовъ того, о чемъ ей говорилось. Изъ произведеній Ж.-Поля были помѣщены въ переводѣ «Die Vernichtung» въ «Московскомъ Телеграфѣ», «Der Tod eines Engels» въ «Телескопѣ» и небольшіе отрывки въ «Вѣстникѣ Европы» и «Московскомъ Наблюдателѣ». Вотъ почти все, что было помѣщено изъ Ж.-Поля въ журналахъ.

Меньшимъ вниманіемъ журналистики 30-хъ годовъ пользовался Гейне. И въ этомъ немногомъ часто высказывались укоризны и осужденіе за нѣкоторыя тенденціи моднаго германскаго писателя. Такъ, въ «Телескопѣ», въ которомъ былъ помѣщенъ отрывокъ изъ «Дорожныхъ картинъ» Гейне, было въ примѣчаніи сказано слѣдующее: «Гейне принадлежитъ къ числу современныхъ любимцевъ германской публики. Онъ извѣстенъ, какъ поэтъ, многими лирическими и драматическими поэмами высокаго достоинства». За этимъ слѣдовали точки и потомъ было прибавлено: «Что касается до ихъ собственно художественнаго достоинтства, то онѣ отличаются какимъ-то особенно ѣдкимъ юморизмомъ, который, по извѣстному германскому неумѣнью пошутить, превращается иногда въ тяжелый, оскорбительный цинизмъ, враждующій не только съ вкусомъ, но и съ приличіемъ. Университетская молодежь боготворитъ Гейне; но тѣ, которые поздравомысленнѣе и постепеннѣе, упрекаютъ его, и не безъ основанія, въ чрезмѣрной галломаніи. Предлагаемый здѣсь отрывокъ пусть послужитъ даннымъ для нашей чи-

тающей и мыслящей публики" *). Но къ удивленію читателя, въ помѣщенномъ въ журналѣ отрывкѣ подъ названіемъ „Лондонъ" не было ничего циническаго и враждующаго съ вкусомъ и приличіемъ. Изъ другихъ мнѣній укажемъ еще на мнѣніе Бѣлинскаго. Онъ различалъ въ Гейне двухъ писателей. „Одинъ, говоритъ онъ, прозаическій писатель съ политическимъ направленіемъ. Зараженный тлетворнымъ духомъ новѣйшей литературной школы Франціи, онъ занялъ у нея легкомысліе, поверхностность въ сужденіи, безстыдство, которое для остраго словца искажаетъ святую истину. Живя въ Парижѣ, онъ изливаетъ свою желчь на то, что зимою бываетъ холодно, а лѣтомъ жарко, что Китай въ Азіи, тогда какъ ему бы надобно быть въ Европѣ, и на подобныя несообразности сего несовершеннаго міра, который не хочетъ перевернуться вверхъ дномъ, повѣривши мудрости г. Гейне. Потомъ въ Гейне надо видѣть поэта съ огромнымъ дарованіемъ, уже не болтуна-француза, но истиннаго нѣмца-художника, котораго лирическія стихотворенія отличаются непередаваемою простотою содержанія и прелестью художественной формы" **).

О другихъ художественныхъ нѣмецкихъ писателяхъ немного говорилось въ журналахъ 30-хъ годовъ. Ихъ имена рѣдко красовались въ ихъ оглавленіяхъ. Они должны были уступить мѣсто англійскимъ и французскимъ писателямъ. Въ обществѣ, и то въ незначительной его долѣ, они были извѣстны большею частію только по имени. Между тѣмъ многіе изъ нихъ могли бы представить очень много высоко-художественныхъ произведеній. Характеристикой этихъ писателей занимался преимущественно „Московскій Наблюдатель" въ статьяхъ нѣмецкаго писателя Кенига. Статьи Кенига могли дать ясное представленіе объ особенностяхъ современныхъ нѣмецкихъ поэтовъ. Для знакомства съ ихъ замѣчательнымъ изложеніемъ, мы позволяемъ себѣ сдѣлать

*) „Телескопъ" 1832 г., ч. X, стр. 88.

**) Сочиненія, т. II, стр. 421—422.

изъ нихъ двѣ выдержки. „Еще недавно, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, въ Германіи было холодное время. Вдругъ съ разныхъ сторонъ зазвучали старыя и новыя пѣсни, будто началась новая весна: во всѣхъ углахъ, во всѣхъ направленіяхъ защелкали, засвистали, запѣли; опять точно Духовъ день, когда и у лѣсныхъ птицъ языки какъ будто огненные. Но между этими безчисленными пѣвцами Рюкертъ — соловей. Онъ свищетъ съ удивительной полнотой и до чрезвычайности разнообразно. За прихотливой дробью слѣдуютъ у него высокіе грудные звуки. Послѣдними называемъ мы его прекрасныя, проникнутыя глубокимъ чувствомъ стихотворенія, а подъ прихотливой дробью разумѣемъ безчисленное множество стихотвореній этихъ самой разнообразной формы. Рюкертъ не только въ Германіи дома, но имѣетъ полное право гражданства и въ Индіи, и въ Персіи, и въ Аравіи". Разбирая одно стихотвореніе Анастасія Грюна, онъ рисуетъ такую картину: «На исповѣдномъ стулѣ сидитъ католическій священникъ, готовый исповѣдывать кающихся; лицо у него цвѣтущее, молодое, но сердце — ледяное поле, холодное зеркало, въ которомъ отражаются только небо и безграничная пустыня, гдѣ нѣтъ ни ручья, ни цвѣтка, гдѣ возносится уединенно и величаво только пирамида, съ надписью: Богъ. Передъ монахомъ-юношей стоитъ колѣнопреклонившись дѣвушка; она кается и открываетъ ему всѣ тайны своего сердца. Въ этомъ сердцѣ грѣхи развели прекрасный садикъ, полный розъ и журчащихъ ручейковъ. Когда молодой духовникъ разрѣшилъ дѣвушку отъ грѣха, этотъ садъ, благоухающій розами, перебрался въ его собственное сердце, и священная пирамида начала въ немъ колебаться». Статьи Кенига очень обширны и были имъ написаны спеціально для «Московскаго Наблюдателя», весьма усердно слѣдившаго за судьбой нѣмецкой литературы.

Въ то время какъ кипѣла литературная жизнь на западѣ, въ русской литературѣ въ 30-хъ годахъ также совершалось много знаменательныхъ явленій. Въ ней въ это время существовала цѣлая фаланга художественныхъ писателей,

обогатившихъ русскую литературу многими замѣчательными произведеніями, въ числѣ которыхъ самое видное мѣсто занимаютъ произведенія Пушкина, Лермонтова и Гоголя. Первый изъ нихъ въ это время заканчиваетъ свою литературную дѣятельность, два послѣдніе начинаютъ ее. Въ 30-хъ же годахъ разцвѣтаетъ русскій историческій романъ, какъ признакъ усилившагося стремленія къ народному самопознанію, и русская лирическая поэзія окрашивается новымъ началомъ въ стихотвореніяхъ Кольцова. Но главной силой, главной гордостью литературы 30-хъ годовъ является Гоголь, поставившій ее на реальную почву и указавшій ей новыя, чрезвычайно серьезныя цѣли. Журналистикѣ предстояла задача разъяснить обществу эти новыя явленія, показать ихъ значеніе и дать новымъ писателямъ заслуженное мѣсто въ ряду дѣятелей русскаго слова. Вмѣстѣ съ этимъ ей нужно было оцѣнить массу другихъ художественныхъ произведеній, которыя большею частію служили выраженіемъ направленія, выработаннаго въ литературѣ еще до 30-хъ годовъ, и принадлежали преимущественно послѣдователямъ Пушкина. Задача была трудная, требовавшая дѣятелей безпристрастныхъ, отзывчивыхъ, способныхъ вмѣстѣ съ движеніемъ времени подвигаться въ своихъ критическихъ сужденіяхъ впередъ. И эта задача многимъ критикамъ оказалась не по силамъ, отчасти въ силу крѣпко усвоенныхъ устарѣлыхъ литературныхъ теорій, отчасти въ силу недостатка безпристрастія и честности въ сужденіяхъ. Нужны были новые мѣха для критики, для справедливой оцѣнки новыхъ вѣяній въ литературѣ. Этимъ вмѣстителемъ новой критики явился Бѣлинскій.

Самыми видными художественными писателями, поэтами и прозаиками, съ которыми пришлось вѣдаться журналистикѣ 30-хъ годовъ, были: Пушкинъ, Лермонтовъ, Грибоѣдовъ, Жуковскій, Крыловъ, Вяземскій, Козловъ, Баратынскій, Веневитиновъ, Языковъ, Давыдовъ, Бенедиктовъ, Ростопчина, Кольцовъ, Гоголь, Марлинскій, Лажечниковъ, Загоскинъ, Вельтманъ, Даль, Кукольникъ, Полевой, Павловъ, Одоевскій, Соллогубъ. Изъ нихъ, какъ и слѣдовало ожидать,

журналистика часто останавливалась на Пушкинѣ. Какъ извѣстно, въ 30-хъ годахъ дѣятельность Пушкина была менѣе плодовита, чѣмъ въ 20-хъ, и это обстоятельство, съ упрекомъ великому писателю, было отмѣчено журналистикой. Новыя произведенія Пушкина были встрѣчены далеко не единодушными похвалами. Даже «Борису Годунову» пришлось выдержать жестоскія нападенія. Нѣкоторые говорили, что «Борисъ Годуновъ» зарѣзалъ Пушкина какъ Дмитрія царевича, что это *дребедень*, ни то трагедія, ни то комедія, ни то чортъ знаетъ, что такое. Такой взглядъ былъ высказанъ въ «Телескопѣ» Надеждина. Въ немъ названное произведеніе Пушкина было названо связкой разговоровъ, соединенной въ одинъ переплетъ подъ именемъ «Бориса Годунова». Было также замѣчено, что главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ произведеніи Пушкина является не Борисъ Годуновъ, какъ бы слѣдовало, а самозванецъ. Страннымъ найдено было и то обстоятельство, что смерть Бориса Годунова не помѣшала дѣйствію подвигаться впередъ. Въ изображеніи дѣйствующихъ лицъ указано было много недостатковъ. Смерть Бориса была названа совершенно неожиданнымъ явленіемъ, наставленіе сыну слишкомъ продолжительнымъ. Сцена въ корчмѣ была названа фарсомъ. Спасеніе самозванца изъ корчмы въ высшей степени неестественнымъ явленіемъ. «Какъ онъ могъ проскочить сквозь окно корчмы, которая и понынѣ красна бываетъ пирогами, а не углами и окнами?» съ недоумѣніемъ спрашивалъ критикъ. Битва на равнинѣ, близъ Новгорода-Сѣверскаго была названа каррикатурнымъ смѣшеніемъ языковъ, сцена съ *юродивымъ*—дикимъ фарсомъ, безъ мысли, безъ цѣли. Пименъ, по словамъ критика, является человѣкомъ съ тѣмъ *высшимъ взглядомъ* на судьбы человѣческія, до котораго не додумался даже историкъ русскаго народа Полевой. Онъ является не простымъ монахомъ, а наслѣдникомъ идей Гердера. Въ той же статьѣ было замѣчено, что „Борисъ Годуновъ“ былъ принятъ публикою очень холодно, такъ какъ она привыкла ждать отъ Пушкина или смѣха, или дикости, оправленной въ прекрасные стишки, кото-

рые можно написать въ альбомъ, или положить на ноты *). Необлагосклонно отозвался о драмѣ Пушкина и другой критикъ, Полевой. Онъ указывалъ на бѣдность идеи, которая не позволила поэту развить ни характеровъ, ни подробностей, когда драма живетъ только ими. Въ характерѣ Бориса онъ видѣлъ много невѣрнаго и неестественнаго. То же самое было имъ сказано о характерѣ самозванца. „При ошибкѣ въ двухъ главныхъ характерахъ, гдѣ же Польша, гдѣ боярство русское, гдѣ народъ, гдѣ подробности событій? спрашиваетъ Полевой. Все это скрыто за кулисами". „Польшу, іезуитовъ, пановъ, шляхту польскую, важное участіе всего этого въ дѣлѣ самозванца, замѣчаетъ онъ далѣе, находимъ только въ двухъ небольшихъ, мимолетныхъ явленіяхъ, не представляющихъ собою никакого характеристическаго отличія мѣста и времени. Марина отцвѣчена сильно, но безъ пользы, и мы готовы спросить: что слѣдуетъ изъ яркаго ея очерка?" **). Многія другія произведенія Пушкина были встрѣчены въ журналистикѣ подобными же порицаніями. «Произведенія Пушкина, было замѣчено въ одномъ журналѣ, являются и проходятъ почти непримѣтно». Въ «Сѣверной Пчелѣ» было замѣчено, что въ послѣднихъ своихъ стихотвореніяхъ *Пушкинъ отжилъ*. Когда Пушкинъ явился съ послѣдней главой „Евгенія Онѣгина", въ „Телескопѣ" былъ данъ автору совѣтъ быть постепеннѣе, причемъ относительно всего „Евгенія Онѣгина" было замѣчено, что это произведеніе не имѣетъ ни единства содержанія, ни цѣльности состава, ни стройности изложенія и есть вѣтренная и легкомысленная пародія на жизнь, блестящая игрушка, но не болѣе. При выходѣ третьей части стихотвореній Пушкина, въ томъ же журналѣ было замѣчено, что она обнаружила сильное ослабленіе таланта Пушкина. Помѣщенныя въ ней сказки Пушкина были названы «сухой, мертвой работой, старинной пылью, на которой съ особеннымъ попече-

---

*) „Телескопъ" 1831 г., ч. I, стр. 546—574.

**) „Очерки русской литературы", ч. I, стр. 198.

ніемъ выведены искусные узоры». Въ заключеніе была высказана надежда, что на смѣну Пушкину явится новый подобный талантъ. Этимъ преемникомъ былъ названъ поэтъ Тепляковъ. Но если названныя произведенія вызвали въ журналистикѣ сильныя порицанія, то такія, какъ „Домикъ въ Коломнѣ", были чуть не побиты камнями. „Мы не умѣемъ объяснить себѣ, было сказано въ „Телескопѣ" по поводу названнаго произведенія, какимъ образомъ нашему опытному, счасливому поэту могла придти на умъ работа столь непоэтическая. Прочитавъ сію странную піеску, не отличающуюся ни затѣйливостью изобрѣтенія, ни даже удачнымъ изложеніемъ, которое иногда прикрываетъ внутреннюю пустоту содержанія, невольно повторишь заключеніе, довольно искренно высказанное самимъ поэтомъ. Пожалѣемъ, что этотъ рыхлый домикъ, съ 1829 г. тлѣвшій въ порфейли пѣвца „Бориса Годунова", не въ добрый часъ выселился изъ Коломны въ „Новоселье". Лучшій пріемъ встрѣтили повѣсти Бѣлкина. Въ нихъ хвалили легкій слогъ и умѣнье волновать читателя и заставлять его то задумываться, то смѣяться. Впрочемъ, однимъ критикомъ были указаны „грамматическія небрежности" („Сильвіо былъ слишкомъ уменъ, чтобы этого не замѣтить"; „имѣя право выбрать оружіе, жизнь его была въ моихъ рукахъ"; „пробѣгая письмо, глаза его сверкали"; „управленіе села"; „недостатокъ смѣлости"; „воспоминаніе васъ"; „память одного" и т. д.). Нѣкоторые, какъ, напримѣръ, „Сѣверная Пчела", выражали сожалѣніе по поводу занятія Пушкина журналистикой. «Прекрасно было то незабвенное время нашей литературы, сказано было въ этой газетѣ, когда играла лира Пушкина, когда имя его, вмѣстѣ съ его сладкими пѣснями, носилось по Россіи изъ конца въ конецъ и было у всякаго на языкѣ. Муза его умолкла. Поэтъ промѣнялъ золотую лиру свою на скрипучее, труженическое перо журналиста. Князь мысли сталъ рабомъ толпы; орелъ спустился съ облаковъ, для того, чтобы крыломъ своимъ ворочать тяжелыя колеса мельницы. Печальная перемѣна, которой мы не пожелаемъ ни одному истинному поэту. Поэтъ

опочилъ на лаврахъ слишкомъ рано. Вмѣсто поэтическихъ произведеній онъ выдаетъ толстыя, тяжелыя книжки сухаго и скучнаго журнала, наполненнаго *чужими* статьями» *).

Посмотримъ теперь, какіе взгляды были высказаны на Пушкина Бѣлинскимъ въ 30-хъ годахъ. Нѣтъ нужды замѣчать, что онъ вѣрнѣе всѣхъ опредѣлилъ значеніе Пушкина въ русской литературѣ. Указывая на его отношеніе къ своему времени, Бѣлинскій замѣчаетъ, что Пушкинъ былъ совершеннымъ его выраженіемъ и представителемъ современнаго русскаго человѣчества. Одаренный высокимъ поэтическимъ чувствомъ и удивительною способностію принимать и отражать всѣ возможныя ощущенія, Пушкинъ, по словамъ Бѣлинскаго, перепробовалъ всѣ тоны, всѣ лады, всѣ аккорды своего вѣка; онъ заплатилъ дань всѣмъ великимъ современнымъ событіямъ, явленіямъ и мыслямъ, всему, что только могла чувствовать тогда Россія. «Какъ чародѣй, онъ въ одно и то же время исторгалъ у насъ и смѣхъ и слезы, игралъ по волѣ нашими чувствами, говоритъ Бѣлинскій. Онъ пѣлъ, и какъ изумлена была Русь звуками его пѣсенъ: и не диво, она еще никогда не слыхала подобныхъ». По замѣчанію Бѣлинскаго, невозможно объяснить всѣ созданія Пушкина и опредѣлить характеръ каждаго: это значило бы перечесть и описать всѣ деревья и цвѣта Армидина сада. Къ лучшимъ изъ нихъ Бѣлинскій относитъ „Евгенія Онѣгина“ и „Бориса Годунова“ *). Но все это Бѣлинскій относилъ къ Пушкину 20-хъ годовъ. Пушкина 30-хъ годовъ и онъ вмѣстѣ съ другими горько оплакивалъ. «Борисъ Годуновъ», по мнѣнію Бѣлинскаго, былъ послѣднимъ великимъ подвигомъ Пушкина. Въ третьей части полнаго собранія стихотвореній Пушкина замерли звуки его гармонической лиры, говоритъ Бѣлилинскій. «По крайней мѣрѣ, судя по его сказкамъ, по его поэмѣ «Анжело» и по другимъ произведеніямъ, обрѣтающимся въ «Новосельѣ» и «Библіотекѣ для

*) „Сѣверной Пчелы“ 1836 г. № 162.

**) Сочиненія, т. I, стр. 82—83.

Чтенія», мы должны оплакивать горькую, невозвратимую потерю», говоритъ критикъ. Также печально взглянулъ Бѣлинскій и на повѣсти Пушкина, изданныя въ 1834 г. Онъ находитъ въ нихъ занимательность, но назвалъ ихъ сказками и побасенками, не рѣшившись дать названіе художественныхъ созданій. Послѣ нихъ, по словамъ Бѣлинскаго, можно было задать лихую высыпку. „Осень, осень, холодная, дождливая осень, послѣ прекрасной, роскошной, благоуханной весны!» восклицалъ онъ по поводу этихъ повѣстей, изъ которыхъ лучшею считалъ „Выстрѣлъ“ *). Говоря о посмертныхъ сочиненіяхъ Пушкина, Бѣлинскій опять оживляется. Изъ нихъ онъ особенно хвалитъ «Мѣднаго Всадника» и «Египетскія ночи», причисляемыя имъ къ самымъ дивнымъ созданіямъ поэта.

Но не одна русская критика судила Пушкина: о немъ раздавались голоса и въ иностранной литературѣ. Сюда, между прочимъ, относится замѣчательная статья о Пушкинѣ извѣстнаго нѣмецкаго біографа и критика Варнгагена фонъ-Энзе, помѣщенная въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1839 г. въ переводѣ Каткова. Но сперва скажемъ нѣсколько словъ о предпосланномъ переводу замѣчанію переводчика. Въ немъ послѣдній выражаетъ свой взглядъ на Пушкина. «Мы твердо убѣждены и ясно сознаемъ, говоритъ онъ, что Пушкинъ поэтъ не одной какой нибудь эпохи, а поэтъ цѣлаго человѣчества, не одной какой нибудь страны, а цѣлаго міра; не лазаретный поэтъ, какъ думаютъ многіе, не поэтъ страданія, но великій поэтъ блаженства и внутренней гармоніи. Онъ не убоялся низойти въ самые сокровенные тайники русской души... Глубока русская душа! Нужна гигантская мощь, чтобы изслѣдить ее: Пушкинъ изслѣдилъ ее и побѣдоносно вышелъ изъ нея, и извлекъ съ собою на свѣтъ все затаенное, все темное, крывшееся въ ней. Какъ народъ Россіи не ниже ни одного народа въ мірѣ, такъ и Пушкинъ не ниже ни одного поэта въ мірѣ“. Варнгагенъ фонъ-Энзе начинаетъ

---

*) Сочиненія, т. I, стр. 319—320.

свою статью указаніемъ на малое знакомство нѣмцевъ съ русской литературой. „Мы, которые славимся ревностію, смысломъ, силою изученія всѣхъ народовъ и языковъ, самыхъ древнихъ, самыхъ темныхъ, самыхъ отдаленныхъ, говоритъ онъ,—мы, которые не обходимъ ни одного предмета, доступнаго для духовнаго постиженія и обработыванія, мы такъ мало до сихъ поръ сдѣлали для того, чтобы духовно сблизиться съ славянами, во всѣхъ отношеніяхъ такъ высоко важными, съ племенемъ, рядомъ съ нами живущимъ, переплетшимся съ вѣтвями нашего племени». Далѣе онъ указываетъ на быстрое развитіе Россіи и высказываетъ убѣжденіе, что это развитіе захватитъ собою бóльшую часть нѣмецкой жизни и усвоитъ ее, что оба народа вступятъ въ тѣснѣйшее сродство и живѣе будутъ дѣйствовать другъ на друга. Для этого сближенія русскіе сдѣлали очень много, нѣмцы же почти ничего. Сочиненіе Кенига «Litterarische Bilder aus Russland» поэтому изумило нѣмцевъ. Количество и разнообразіе русскихъ писателей, указанныхъ въ этой книгѣ, поразили ихъ. Затѣмъ авторъ указываетъ на богатство русскаго языка, говоритъ, что онъ можетъ состязаться съ самыми образованными языками Европы, что богатствомъ словъ онъ превосходитъ языки романскіе, а богатствомъ формъ— языки тевтонскіе, и замѣчаетъ, что въ томъ и другомъ отношеніи онъ способенъ къ развитію, которому границы означить невозможно. Въ благозвучіи, силѣ и нѣжности, говоритъ онъ далѣе, русскій языкъ не уступитъ ни одному сѣверному языку и можетъ даже состязаться съ южными. Онъ соединяетъ обиліе согласныхъ, которыми нѣмцы давятся, произнося свои слова, съ полнотою гласныхъ, въ которыхъ расплывается языкъ итальянскій. Если въ такомъ языкѣ проснется поэзія, говоритъ авторъ, то надобно ожидать великихъ явленій... Такая поэзія въ новѣйшее время пробилась на свѣтъ у русскихъ, и ея чистѣйшее, могущественнѣйшее выраженіе есть Пушкинъ. Изъ многочисленныхъ, разнообразныхъ рядовъ предшественниковъ и послѣдователей, группирующихся вокругъ него, возвышается его вели-

чавая глава; всѣ они объемлятся имъ, всѣ они находятся въ немъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ есть выраженіе всей полноты русской жизни и потому онъ націоналенъ въ высшемъ смыслѣ этого слова». Далѣе Варнгагенъ фонъ-Энзе, нѣмецъ, защищаетъ Пушкина отъ нападеній русскихъ критиковъ, называвшихъ его подражателемъ. Эти нападенія онъ объясняетъ скромностью русскихъ. «Если Пушкинъ, говоритъ онъ, часто напоминаетъ Байрона, Шиллера, даже Виланда, далѣе — Шекспира, Аріоста, то это указываетъ только на то, съ кѣмъ можно его сравнивать, а не отъ кого должно его производить». По его словамъ, геній Пушкина столь же способенъ къ комическому и шутливому, сколько къ трагическому и патетическому; особенно же склоненъ онъ къ ироническому, которое часто переходитъ у него въ юморъ, въ благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова. „Свѣтлая гармонія, бодрое мужество составляютъ основу его поэзіи, основу, по которой всѣ другія его свойства пробѣгаютъ какъ тѣни, или, лучше, какъ оттѣнки». Мало поэтовъ, по мнѣнію автора, которые были бы такъ чужды, какъ Пушкинъ, всего изысканнаго, растянутаго, всякаго con amore набираемаго хлама. «Его естественность, довольствующаяся самымъ простымъ словомъ, быстро схватывающая и быстро отпускающая каждый предметъ; его могучее воображеніе, полное согрѣвающей теплоты и величія; его то кроткое, то горькое остроуміе, — все соединяется для того, чтобы произвесть самое гармоническое, самое благотворное впечатлѣніе въ духѣ безпрерывно занятаго и безпрерывно свободнаго, ни минуты немучимаго читателя». Далѣе Варнгагенъ фонъ-Энзе высказываетъ превосходный взглядъ на связь поэзіи Пушкина съ свойствами его отечества. «Ему равно доступны, говоритъ онъ, равно родственны югъ и сѣверъ, Европа и Азія, дикость и утонченность, древнее и новѣйшее; изображая самые различные предметы, онъ изображаетъ предметы отечественные. Величина и могущество Россіи, объемъ и содержаніе русской имперіи имѣютъ въ этомъ отношеніи самое благотворное вліяніе; мы можемъ отсюда видѣть, въ какомъ внутреннемъ

соотношеніи съ государствомъ живетъ поэзія». „Мы можемъ здѣсь, говоритъ онъ далѣе, сказать, выражаясь собственными словами поэта:

От финскихъ хладныхъ скалъ
До пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая

вездѣ—въ мірѣ сельскихъ нравовъ и въ блестящемъ модномъ свѣтѣ, въ великолѣпныхъ палатахъ и подъ сѣнію цыганской кущи, вездѣ онъ на своей родной почвѣ и вездѣ на этой почвѣ даетъ отпрыски его поэзія". Далѣе критикъ останавливается на отдѣльныхъ произведеніяхъ Пушкина, начиная съ „Евгенія Онѣгина". Это произведеніе онъ называетъ въ высочайшей степени самобытнымъ и оригинальнымъ. „Даже и тогда, когда Пушкинъ касается въ немъ самаго обыкновеннаго, замѣчаетъ онъ, характеръ и направленіе его являются необыкновенно самобытными; поэтъ высоко паритъ надъ своими образами, изъ которыхъ онъ одними безпечно играетъ и шутитъ, другіе же скорбно прижимаетъ къ груди своей...." Лица, ихъ внѣшнее проявленіе, ихъ внутреннее существо—все очеркнуто опредѣленно, вѣрно, рѣзко; всѣ лица вполнѣ живыя существа; особенно хорошъ граціозный, милый образъ Татьяны. Изображенія природы превосходны; онѣ переданы въ очаровательнѣйшихъ художественныхъ образахъ. Высоко ставитъ онъ и „Бориса Годунова". Планъ, ходъ и развитіе этого произведенія онъ называетъ истинно драматическими. Обрисовка характеровъ, по его словамъ, столь же зрѣла, сколько разнообразна. «Кисть художника равно сильна, равно вѣрна въ изображеніи какъ многоличнаго народа, такъ царя и патріарха, какъ католическаго, такъ и греческаго монаха, какъ честолюбивой польки, такъ и кроткой царской дочери; пылкое геройство, осторожная политика, пламенная страсть, священное безстрастіе и простота—все является въ своемъ истинномъ видѣ, все выговариваетъ свое сокровеннѣйшее, отличительнѣйшее

существо». Въ заключеніе авторъ называетъ «Бориса Годунова» въ высочайшей степени національнымъ произведеніемъ.

Говоря о поэмахъ Пушкина, Варнгагенъ фонъ-Энзе находитъ въ нихъ огромныя достоинства. По его мнѣнію, «Русланъ и Людмила» отличается необыкновенною прелестью разсказа, «Кавказскій Плѣнникъ» — мастерскимъ описаніемъ природы и нравовъ, «Бахчисарайскій фонтанъ»—чудеснымъ изображеніемъ татарскихъ нравовъ и особенно женской красоты и любви, обвѣвающей произведеніе, «Цыгане»—высоко драматическимъ характеромъ. Говоря о лирическихъ стихотвореніяхъ Пушкина, критикъ замѣчаетъ, что здѣсь сверкаютъ самыя яркія искры того пламени, который горѣлъ въ сокровеннѣйшихъ тайникахъ его души. По его выраженію, Пушкинъ въ своихъ пѣсняхъ вскрылъ сердце своего народа. Кромѣ того, великое созерцаніе природы лежитъ въ основаніи всѣхъ его стихотвореній. У Пушкина равно художественны и листъ запоздалый на вѣткѣ, и одинокій звукъ, раздавшійся въ зимнюю ночь, и опоясанный облаками Кавказъ, и зеленое море степей. Воззрѣнія Пушкина на политическія современныя дѣла, по мнѣнію критика, исполнены величія и благородства, всеобъемлющей дальновидности, зрѣлаго сознанія, кроткой теплоты, при мысли объ общемъ благѣ и высокой любви къ родинѣ. Ни одинъ поэтъ въ мірѣ, говоритъ онъ, не воспѣлъ такъ достойно смерть Наполеона, какъ Пушкинъ. Говоря о стихотвореніи «Пиръ Петра Великаго», критикъ замѣчаетъ, что оно должно покорить всѣ сердца поэту, который здѣсь съ мыслію высокой, столько же русской, сколько и общечеловѣческой, воплощаетъ въ могущественнѣйшихъ, въ трогательнѣйшихъ образахъ торжественный актъ прощенія и примиренія, и разсыпаетъ эти образы въ формахъ быстрой, милой, веселой пѣсни. «Эта одна пѣсня можетъ служить ручательствомъ, что русская поэзія можетъ смѣло поставить себя наряду со всякою другою поэзіею, достигшею до высочайшей степени развитія».

Варнгагенъ фонъ-Энзе заключаетъ свою превосходную статью слѣдующими замѣчательными словами: «Біографія

Пушкина, которая бы открыто и благородно изложила всѣ его отношенія и событія его жизни, была бы богатымъ подаркомъ, заслуживающимъ полной благодарности; но въ настоящее время едва ли можно ожидать ее. Пусть между тѣмъ его соотечественники собираютъ все, относящееся къ его жизни, и заготовляютъ матеріалы, которыми воспользуются будущія поколѣнія. Память о жизни великаго человѣка дорога и священна для благородныхъ націй, и мы видимъ, что тѣ народы, которые заслуживаютъ это названіе, старались хранить въ памяти не одни политическія дѣла и военные подвиги, но и событія литературныя и тихую жизнь частнаго человѣка» *).

Такъ говорилъ о Пушкинѣ нѣмецъ. Признаемся, что его характеристику великаго поэта мы считаемъ лучшею изъ всѣхъ, явившихся въ 30-хъ годахъ. Ниже этой характеристики, по нашему мнѣнію, и то, что говорилъ о Пушкинѣ Бѣлинскій въ 30-хъ годахъ. Какъ высоко паритъ она надъ всѣмъ, что вышло изъ подъ пера Булгариныхъ и тому подобныхъ критиковъ, трактовавшихъ о Пушкинѣ и вычислявшихъ при этомъ величину оконъ корчмы на литовской границѣ. Нужно удивляться, какъ нѣмецъ могъ возвыситься до такой объективности по отношенію къ русской литературѣ и угадать существенный нервъ поэзіи нашего великаго и оригинальнаго поэта.

Когда Пушкинъ умеръ, всѣ, и друзья, и враги, почувствовали великость потери. Смерть его была почтена теплыми словами. Между ними особенно горячи были слова Полеваго. «Умеръ онъ, писалъ Полевой черезъ двѣ недѣли послѣ смерти поэта, пѣсня его умолкла. Погребальный звонъ колокола надъ его гробомъ отозвался въ русской землѣ печальною вѣстью—«Пушкина нѣтъ!» Свѣтлая Божія весна скоро зазеленѣетъ, и въ тающемъ снѣгѣ псковскихъ лѣсовъ впервые обнажитъ холодную, безмолвную могилу великаго русскаго поэта... Въ холмистой странѣ могилъ, которыя бы-

*) „Отечественныя Записки“ 1839 г., т. III, стр. 1—36.

стро выростаютъ изъ почвы нашего вѣка, взоръ потомка будетъ искать и отыщетъ могилу твою, нашъ поэтъ! И надъ этою могилою, черезъ года и столѣтія, всегда равно будетъ горѣть для избранныхъ неугасаемый пламень вдохновенія... Пусть каждый изъ насъ, кто цѣнилъ геній Пушкина, будетъ участникомъ въ сооруженіи ему надгробнаго памятника. Наши художники вспыхнутъ вдохновеніемъ, когда мы потребуемъ отъ нихъ труда, достойнаго памяти поэта. И въ мраморѣ, или бронзѣ, станетъ на могилѣ монументъ, свидѣтель того, что современники умѣли его цѣнить. И сильно забьется сердце юноши, при взглядѣ на этотъ мраморъ, эту бронзу. И тихо задумается странникъ, зашедшій въ ветхія стѣны уединенной Святогорской обители, гдѣ почіетъ незабвенный прахъ перваго поэта нашей славной Русской земли, въ наше время!» *)

О Лермонтовѣ въ 30-хъ годахъ въ журналистикѣ говорили меньше, нежели сколько заслуживалъ его великій талантъ. Въ 1838 г. Лермонтовъ явился въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду» съ поэмою «Пѣсня про царя Ивана Васильевича», а съ 1830 г. сталъ являться въ «Отечественныхъ Запискахъ». Поэма была оцѣнена по достоинству только немногими, мелкія же стихотворенія возбуждали сильный восторгъ. Это вниманіе было закрѣплено повѣстью «Бэла». Но обширной, серьезной оцѣнки таланта Лермонтова въ журналистикѣ 30-хъ годовъ не было. Бѣлинскій въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1840 г., слѣдовательно позже, ограничился отзывомъ о «Героѣ нашего времени» Лермонтова, назвавъ его звѣздою первой величины. Въ произведеніяхъ Лермонтова Бѣлинскій видѣлъ нѣчто совершенно новое, самобытное, видѣлъ могущество вдохновенія, глубину и силу чувства, роскошь фантазіи, полноту жизни и рѣзко ощутительное присутствіе мысли въ художественной формѣ. Въ «Героѣ нашего времени» Бѣлинскій находитъ много дивно-художественныхъ лицъ и поэтическихъ подробностей. По

*) „Очерки русской литературы“, ч. I, стр. 211.

его словамъ, названный романъ поражаетъ удивительнымъ единствомъ ощущенія, хотя нисколько не поражаетъ единствомъ мысли. Къ его лучшимъ художественнымъ лицамъ онъ относитъ Бэлу, Азамата, Казбича и Максима Максимыча *). Но не одинъ Бѣлинскій замѣтилъ оригинальность и прелесть произведеній новаго поэта. Ихъ видѣли и другіе. Такъ, въ „Сынѣ Отечества" 1839 г., при разборѣ стихотвореній, помѣщенныхъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1839 г., было, между прочимъ, замѣчено: «Опять является намъ г. Лермонтовъ съ прекрасною, полною мысли и огня пьесой „Поэтъ". Уподобленіе поэта кинжалу, игрушкѣ, повѣшенной на стѣнѣ среди роскошной мебели богача, превосходно!" Но такими короткими похвалами дѣло и ограничивалось. По всему было видно, что критика еще не могла опредѣлить значеніе новаго писателя въ русской литературѣ, ожидая отъ него новыхъ произведеній и не предполагая, что безжалостная могила скоро положитъ на его уста печать.

Появленіе комедіи Грибоѣдова въ печати и на сценѣ, сперва петербургской, а потомъ и московской, не могло уже произвести въ журналистикѣ особенно сильное впечатлѣніе, потому что она была раньше извѣстна, благодаря множеству списковъ. Не всѣ встрѣтили похвалами это произведеніе, которое такъ высоко поставила позднѣйшая критика. Такъ, по поводу перваго представленія комедіи на московскомъ театрѣ въ «Телескопѣ» было сказано слѣдующее: «Кому не извѣстно это странное созданіе Грибоѣдова? Молва ходила, ходила объ немъ вездѣ, и наконецъ—уходилась. Затаскавшись въ спискахъ, большею частію искаженныхъ и обезображенныхъ, „Горе отъ ума" препровождено уже было въ архивъ воспоминаній, эту широкую и глубокую могилу, въ которую общее мнѣніе, столь непостоянное, рано или поздно сваливаетъ всѣ свои игрушки. Нѣсколько счастливыхъ фразъ и рѣзкихъ выходокъ, оброненныхъ имъ во время

*) Сочиненія, т. III, стр. 543.

путешествія по гостинымъ, остались ходячими остротами бонтоннаго разговора, но такъ, что клеймо ихъ происхожденія затерлось отъ вседневнаго употребленія. Коротко сказать, «Горе отъ ума» отжило уже почти вѣкъ свой, какъ появленіе на сценѣ вызвало его снова къ жизни». Далѣе было замѣчено, что въ комедіи очень мало драматическаго. „Первый и второй актъ, не смотря на остроты, коими засыпаны, слишкомъ ощутительно отзываются пустотою дѣйствія. Пестрое разнообразіе лицъ и бальная сумятица даютъ еще нѣкоторое движеніе концу третьяго акта; четвертый держится только затѣйливою новостью небывалой на нашемъ театрѣ сцены разъѣзда. Но вообще, совершенное отсутствіе дѣйствія въ піесѣ изобличается тѣмъ, что содержаніе и ходъ ея не приковываютъ къ себѣ никакого участія, даже не раздражаютъ любопытства. Акты смѣняютъ другъ друга какъ подвижныя картины въ діорамѣ, доставляя удовольствіе собою каждый порознь, но не производя никакого цѣльнаго эффекта. Взаимная связь и послѣдовательность сценъ, ихъ составляющихъ, отличается совершенною произвольностью, и даже иногда рѣзкою неестественностью, нарушающею всѣ приличія драматической истины“. *).

Страннымъ было названо то, что „Фамусовъ, заставъ дочь свою едва не въ спальнѣ у ней съ Молчалинымъ, начинаетъ болтать всякій вздоръ и вершитъ дѣло тѣмъ, что уходитъ спокойно подписывать бумаги“. Еще страннѣе и неестественнѣе казалась критику слѣдующая сцена перваго свиданія Софьи съ Чацкимъ. „Какъ возможно, говоритъ онъ, чтобы сей послѣдній, послѣ трехлѣтней разлуки съ своей возлюбленной, едва увидѣвъ ее, съ первыхъ словъ пустился острить, колоть и злословить всю родню ея, всѣхъ знакомыхъ, всю Москву, и притомъ тогда еще, когда необыковенно холодный пріемъ долженъ былъ огромить его совершенно“. Сцену паденія Молчалина съ лошади критикъ считаетъ совершенно неидущею къ дѣлу. Необъяснимымъ ка-

---

*) „Телескопъ“ 1831 г., ч. V, стр. 586—587.

жется ему и то, что Софья рѣшается на опасное ночное путешествіе внизъ, когда Молчалину такъ хорошо была извѣстна дорога въ ея спальню. Мнимое сумасшествіе Чацкаго, по мнѣнію критика, нисколько не вытекаетъ изъ состава и хода комедіи. Отнявъ у «Горе отъ ума» достоинства комедіи, критикъ признаетъ за нею достоинства сатиры. Онъ соглашается, что дѣйствующія лица, изображающія различные оттѣнки московскаго быта, схвачены вѣрно и обрисованы рѣзко. «Всѣ стихіи московской паркетной жизни, говоритъ онъ, имѣютъ въ комедіи своихъ живыхъ, списанныхъ съ натуры, представителей. Это—панорама гостиныхъ Москвы, неподвижная, но выразительная, яркая, живописная». Съ этой точки зрѣнія, говоритъ онъ, комедія всегда будетъ имѣть успѣхъ. Иного рода отзывъ былъ сдѣланъ о комедіи въ „Сѣверной Пчелѣ". Тамъ было сказано, что Грибоѣдовъ *первый* показалъ образецъ истинно русской высокой комедіи и превосходнѣйшій образецъ превосходнѣйшаго разговорнаго языка высокаго общества. Комедія была названа созданіемъ геніальнымъ, сдѣлавшимся достояніемъ цѣлаго народа. „Мелочныя замѣчанія мелкихъ критиковъ о мнимыхъ недостаткахъ „Горе отъ ума", было замѣчено тамъ, не стоятъ вниманія, какъ все, порождаемое странною привычкою выискивать что нибудь и идти наперекоръ общественной оцѣнкѣ". Далѣе было сказано, что комедія Грибоѣдова никогда не потеряетъ цѣну, потому что она изображаетъ не одинъ временной недостатокъ общества, но нравственную сторону людей. «Недоросль», замѣчалъ рецензентъ, всегда останется образцовымъ произведеніемъ въ нашей литературѣ, но «Горе отъ ума» естъ произведеніе геніальное, какихъ не много находимъ въ литературѣ и другихъ народовъ. Говорить ли послѣ сихъ двухъ произведеній о «Ревизорѣ» г. Гоголя, который былъ провозглашенъ *когда-то* величайшимъ твореніемъ, едва не стоящимъ наряду съ комедіею Грибоѣдова! Но «Горе отъ ума» и «Ревизоръ»? Неужели тутъ есть что нибудь общее?.." Въ названной же статьѣ было сообщено нѣсколько интересныхъ чертъ о Грибоѣдовѣ, какъ ихъ передалъ близко

знавшій его К. Полевой. Вотъ этотъ отрывокъ: «Былъ какой-то большой праздникъ, говоритъ Полевой. Прелестное утро мая, который иногда такъ хорошъ въ Петербургѣ, вызывало на свѣжій воздухъ. Идя по Невскому проспекту, я завернулъ къ Грибоѣдову, и нашелъ у него нѣсколько человѣкъ гостей; разговоръ вязался изъ учтивостей, изъ пересказовъ о повышеніяхъ и сужденіи о способностяхъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ лицъ. Чуждый такой сферы, нѣсколько времени перебиралъ я ноты, лежавшія на роялѣ, и наконецъ хотѣлъ уйти. Грибоѣдовъ сказалъ мнѣ: «Останьтесь». Гости его вскорѣ раскланялись съ нимъ. „Боже мой!" сказалъ онъ тогда, „чего эти господа хотятъ отъ меня? Цѣлое утро они смѣняли у меня одинъ другаго. А намъ, право, не о чемъ говорить; у насъ нѣтъ ничего общаго. Пойдемте скорѣе гулять, чтобы опять не блокировали меня... Да можно ли идти такимъ варваромъ? прибавилъ Грибоѣдовъ, глядясь въ зеркало. Они не дали мнѣ и выбриться". Во время прогулки по Лѣтнему саду, Грибоѣдовъ разсуждалъ съ Полевымъ о разныхъ разностяхъ и, между прочимъ, о Шекспирѣ, причемъ спросилъ Полеваго, на какомъ языкѣ онъ читаетъ послѣдняго. Полевой отвѣчалъ, что въ французскихъ и нѣмецкихъ переводахъ. «А для чего не въ подлинникѣ? замѣтилъ Грибоѣдовъ. Выучиться языку, особенно европейскому, почти нѣтъ труда: надобно только нѣсколько времени прилежанія. Совѣстно читать Шекспира въ переводѣ, если кто хочетъ вполнѣ понимать его, потому что, какъ всѣ великіе поэты, онъ непереводимъ, и непереводимъ оттого, что національнъ. Вы непремѣнно должны выучиться по-англійски» *).

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о мнѣніи Бѣлинскаго о комедіи Грибоѣдова, высказанномъ имъ въ 40-хъ годахъ. По его мнѣнію, въ комедіи нѣтъ идеи, или если есть, то она неясна. Вслѣдствіе этого, „Горе отъ ума" не комедія въ истинномъ значеніи этого слова, а сатира. Поэтому она не-

*) „Сѣверная Пчела" 1839 г., № 190.

измѣримо ниже «Ревизора». Тѣмъ не менѣе, «Горе отъ ума» есть, въ высшей степени поэтическое созданіе, рядъ отдѣльныхъ картинъ и самобытныхъ характеровъ, нарисованныхъ мастерскою кистью. „Грибоѣдовъ, говоритъ Бѣлинскій, принадлежитъ къ самымъ могучимъ проявленіямъ русскаго духа. Въ „Горе отъ ума" онъ является еще пылкимъ юношею, но обѣщающимъ сильное и глубокое мужество, младенцемъ, но младенцемъ, задушающимъ, еще въ колыбели, огромныхъ змѣй, младенцемъ, изъ котораго долженъ явиться дивный Ираклъ". Останавливаясь на отдѣльныхъ лицахъ, Бѣлинскій замѣчаетъ въ нихъ нѣкоторые недостатки. Чацкаго онъ называетъ крикуномъ, фразеромъ, идеальнымъ шутомъ, который терпитъ горе не отъ ума, а отъ умничанья. Для него необъяснима любовь Софьи къ Молчалину. Другія лица, по его мнѣнію, живы и дѣйствительны, хотя иногда измѣняютъ себѣ, говоря противъ себя эпиграммы на общество *).

Гораздо болѣе единодушія высказывала критика по отношенію къ Жуковскому. Причина этого единодушія крылась не въ однихъ литературныхъ условіяхъ. Въ отзывахъ критики 30-хъ годовъ его произведенія почти всюду являются въ самомъ выгодномъ свѣтѣ. Между ними мы укажемъ на мнѣніе о Жуковскомъ Полеваго, какъ нѣсколько отличающееся отъ другихъ. Въ чемъ же онъ видѣлъ отличіе поэзіи Жуковскаго? «Совершенное недовольство собою, міромъ, людьми, недовольство тихое, унылое, и оттого стремленіе за предѣлы міра; умилительная надежда на счастіе *тамъ*, обманувшее *здѣсь;* молитва сердца, любящаго, утомленнаго борьбою, но не кроваваго, не разстерзаннаго; стремленіе къ грусти о прошедшемъ, къ безнадежной унылости въ будущемъ; нѣжная, сострадательная дружба къ скорби ближняго; любимое мѣсто прогулки на кладбищѣ, какъ на полѣ, засѣянномъ успокоенными въ уповаціи, утѣшенными смертью сердцами; мысль возвести въ идеалы ужасы кладбища и

---

*) Сочиненія, т. III, стр. 426—427.

смерти, облечь ихъ въ изящные образы, показать въ кончинѣ человѣка не страшное привидѣніе, но тихаго ангела мира и спокойствія"—вотъ отличительныя черты поэзіи Жуковскаго, по мнѣнію Полеваго. Сюда же онъ относитъ и *музыку языка* стихотвореній Жуковскаго. Къ отличительнымъ же признакамъ его, Полевой причисляетъ положеніе вдали отъ переворота идей, происшедшихъ въ западной Европѣ и въ Россіи въ 20 и 30 годахъ нынѣшняго столѣтія, когда совершались великія явленія въ литературахъ англійской, нѣмецкой, французской и русской. Кромѣ того, онъ видитъ у Жуковскаго полное отсутствіе національности. Произведенія Жуковскаго, по его словамъ, совершенно *космополитны*. Говоря о переводахъ Жуковскаго, Полевой согласенъ, что они прекрасны, но онъ не видитъ въ нихъ различія красокъ, разнообразія тоновъ. Въ *описательныхъ* стихотвореніяхъ Жуковскаго онъ не видитъ естественности. „Что за картины природы изображаетъ онъ? говоритъ Полевой. Это природа мрачная, списанная ночью, при лунѣ, робко прорѣзывающей изрѣдка бурныя облака, и списанная притомъ съ кладбища". Говоря о прозаическихъ сочиненіяхъ Жуковскаго, онъ замѣчаетъ: „Она также музыкальна, какъ и стихи. Въ этомъ отношеніи она станетъ, кажется намъ, выше прозы Карамзина. Мы разумѣемъ здѣсь прозу «Исторіи Государства Россійскаго», ибо нѣтъ сомнѣнія, что никто уже не будетъ выдавать намъ за образецъ переводовъ, или прежнихъ сочиненій Карамзина, послѣ прозаическихъ сочиненій и переводовъ Жуковскаго. Не оспариваемъ изящества и гармоніи слога „Исторіи Государства Россійскаго"; должно однакожъ согласиться, что слишкомъ уже примѣтно въ немъ желаніе гармоніи, видно усиліе искусства, и это усиліе вводитъ Карамзина въ утомительное однообразіе; примѣнившись къ нему, можете даже напередъ указывать на его паденія риторическія, бить тактъ при чтеніи и подсказывать всѣ извѣстные обороты и фигуры его" *). Относительно взглядовъ

*) „Очерки русской литературы", ч. I, стр. 95—144.

критики на баллады и повѣсти Жуковскаго укажемъ на статью, помѣщенную въ журналѣ Полеваго за 1831 г. *).

Изъ другихъ мнѣній о Жуковскомъ, мы остановимся на мнѣніи Бѣлинскаго, какъ оно было высказано имъ въ 30-хъ годахъ. По его словамъ, Жуковскій былъ Колумбъ въ нашей литературѣ; онъ указалъ ей на нѣмецкую и англійскую литературы, которыхъ существованія до него у насъ даже и не подозрѣвали. Онъ преобразовалъ, кромѣ того, стихотворный языкъ, а въ прозѣ шагнулъ далѣе Карамзина. Языкъ стихотвореній Жуковскаго Бѣлинскій называетъ смѣлымъ и энергическимъ, хотя и не всегда согласнымъ съ чувствомъ. Къ отличительнымъ свойствамъ поэзіи Жуковскаго онъ относитъ и одностороннюю мечтательность, бывшую слѣдствіемъ обстоятельствъ его жизни. „Жуковскій, говоритъ Бѣлинскій, есть поэтъ съ необыкновеннымъ энергическимъ талантомъ, поэтъ, оказавшій русской литературѣ неоцѣненныя услуги, поэтъ, который никогда не забудется, котораго никогда не перестанутъ читать; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и не такой поэтъ, котораго бы можно было назвать поэтомъ собственно русскимъ, имя котораго можно бы было провозгласить на европейскомъ турнирѣ, гдѣ соперничаютъ народными словами“. Съ подобнымъ же единодушіемъ относилась критика и къ Крылову. Здѣсь, между прочимъ, содѣйствовали этому народность его произведеній и исключительное его положеніе между другими русскими писателями. Свидѣтельствомъ того, что онъ былъ любимецъ и публики, и литературы, служилъ юбилей его 50-ти литературной дѣятельности, праздновавшійся въ 38 году. Это торжество отмѣчено было многими сочувственными стихотвореніями. Изъ нихъ стихотвореніе Вяземскаго извѣстно всѣмъ. Въ числѣ другихъ можно указать на стихотворенія Бенедиктова и Гребенки. Изъ нихъ первое оканчивалось такъ:

Не сожмутъ сердецъ морозы:
Въ насъ горятъ къ нему сердца.

*) „Московскій Телеграфъ“ 1831 г., № 23, стр. 314—323.

Онъ предъ нами—сыцтесь розы,
Лойтесь радостныя слезы
На листы его вѣнца!

Второе начиналось слѣдующими словами:

Пиръ волшебными огнями
Разливался и горѣлъ,
Стройно-звучными стихами
Хоръ пѣвцовъ веселый пѣлъ.
Мы гуляли имянины
Басни русскія творца,
Отъ временъ Екатерины
Къ намъ дошедшаго пѣвца.
Всѣ мы шумно пировали
На волшебномъ пирѣ томъ,
И поэта увѣнчали
Свѣжимъ лавровымъ вѣнкомъ.

Бѣлинскій величіе Крылова видѣлъ въ его народности. На этомъ же онъ основывалъ его славу въ будущемъ. „Слава Крылова, говоритъ онъ, все будетъ расти и пышнѣй разцвѣтать, до тѣхъ поръ, пока не умолкнетъ звучный и богатый языкъ въ устахъ великаго и могучаго народа русскаго. Кто хочетъ изучить языкъ русскій вполнѣ, тотъ долженъ познакомиться съ Крыловымъ. Самъ Пушкинъ не полонъ безъ Крылова въ этомъ отношеніи. Эти идіомы, эти руссицизмы, составляющіе народную физіономію языка, его оригинальныя средства и самобытное, самородное богатство уловлены Крыловымъ съ невыразимою вѣрностью“ *).

Къ числу видныхъ поэтовъ 30-хъ годовъ принадлежалъ кн. Вяземскій. Какъ сторонникъ романтическаго направленія, онъ имѣлъ не мало литературныхъ враговъ среди представителей классицизма, противъ которыхъ, какъ и противъ нѣкоторыхъ другихъ лицъ, ратовалъ оружіемъ критики и сатиры. Въ этомъ отношеніи многія его эпиграммы очень замѣчательны. Вслѣдствіе названнаго положенія, занятаго Вяземскимъ въ литературѣ, произведенія его музы находили, наряду съ хвалителями, и порицателей. Да и самые хвали-

*) Сочиненія, т. II, стр. 362.

тели находили въ его стихотвореніяхъ нѣкоторые недостатки. „Его отличительныя, неоспоримыя черты, сказано было о Вяземскомъ въ «Телескопѣ», острота, рѣзкость, иногда сила, коей могущество чаще заключается въ мысляхъ, если не самобытно сверкающихъ, по крайней мѣрѣ, удачно придуманныхъ, счастливо брошенныхъ". Въ названномъ журналѣ, между прочимъ, было особенно расхвалено стихотвореніе Вяземскаго «Къ старому гусару», въ которомъ встрѣчаются слѣдующіе куплеты:

Чортъ ли въ тайнахъ идеала,
Въ романтизмѣ и въ лунѣ,
Какъ усастый запѣвала,
Запоешь по старинѣ.

Буйно бьется стихъ твой пылкій,
Словно пробка въ потолокъ,
Иль Моэта изъ бутылки
Брызжетъ хладный кипятокъ!

Нѣкоторые изъ критиковъ указывали на не всегда удачную борьбу поэта съ языкомъ, непокорнымъ мѣрѣ и риѳмѣ Но были и горячіе почитатели у него. Такъ, одинъ изъ нихъ писалъ въ «Молвѣ» 1834 г. слѣдующее: «Князь Вяземскій до сихъ не былъ еще оцѣненъ у насъ надлежащимъ образомъ. Его долговременное, горячее подвижничество на поприщѣ нашей словесности даетъ ему полное право на почетное мѣсто между нашими современными писателями и, кажется, заслуживаетъ добросовѣстную снисходительность къ недостаткамъ его поэтическихъ произведеній». Тутъ же было замѣчено, что стихотворенія кн. Вяземскаго кипятъ мыслію, «гостьей рѣдкой въ современной литературѣ». Особенно хвалилъ авторъ стихотвореніе «Тройка». „Воля ваша, писалъ онъ, а, по моему мнѣнію, эта „Тройка" обгонитъ въ поэтическомъ достоинствѣ всѣ прежнія, не говоря уже о знаменитой „Телегѣ Жизни" *), у которой высыпалось изъ одного колеса нѣсколько спицъ, замѣненныхъ точками....» **).

*) Стихотвореніе Пушкина.

**) „Молва" 1834 г., стр. 373.

О Козловѣ въ 30-хъ годахъ повторялись мнѣнія, составившіяся о немъ въ 20-хъ годахъ. Баратынскій, обладавшій серьезнымъ образованіемъ, склонный къ философствованію, поэтъ мысли и поэтическаго раздумья, былъ самымъ виднымъ представителемъ въ числѣ послѣдователей Пушкина и пользовался, вообще говоря, большимъ уваженіемъ критики. Веневитиновъ, обладавшій не менѣе солиднымъ образованіемъ, поклонникъ нѣмецкой философіи и одинъ изъ членовъ кружка, къ которому принадлежали Кирѣевскій, Одоевскій и другіе шеллингисты, кромѣ того, замѣчательный критикъ, былъ рано оплаканъ журналистикой какъ одинъ изъ самыхъ видныхъ русскихъ поэтовъ 20-хъ годовъ. Это сожалѣніе о ранней смерти крупнаго поэтическаго таланта повторяется единодушно и въ журналистикѣ 30-хъ годовъ. «Незабвеный юноша былъ созданъ поэтомъ, сказано было о немъ въ «Телескопѣ» 1831 года, и душа его, рано угадавшая свое званіе, высказала себя въ нихъ мелодическими прелюдіями, коимъ судьба, по неисповѣдимымъ своимъ совѣтамъ, не дала разрѣшиться въ полную гармонію... Веневитиновъ обѣщалъ въ себѣ то блаженное соединеніе свѣта и теплоты, ту гарманію красоты и истины, которая одна составляетъ печать истинной поэзіи". Пожалѣвъ о ранней смерти поэта, критикъ перечисляетъ его прозаическія статьи, къ которымъ относятся: «Утро», «Полдень», «Вечеръ» и «Ночь», «Скульптура», «Живопись», «Музыка», «Три эпохи любви» и другія, и говоритъ, что это та же поэзія, только безъ риѳмы и мѣры. Въ критическихъ статьяхъ поэта онъ замѣчаетъ взглядъ свѣтлый и наблюдательный и хвалитъ въ нихъ кротость и благодушіе, которыхъ не замѣчаетъ въ современной критикѣ. Въ особую группу можно помѣстить Языкова, Д. Давыдова, Бенедиктова и Растопчину, поэтовъ, воспѣвавшихъ различныя веселыя стороны жизни. Этотъ характеръ ихъ музы былъ уже замѣченъ современною имъ критикою и нашелъ усердныхъ хвалителей въ литературѣ. Многіе, и въ томъ числѣ Пушкинъ, весьма высоко ставили произведенія Языкова, хотя были у

него въ литературѣ и враги, которыхъ онъ осыпалъ эпиграммами. Не менѣе похвалъ досталось на долю Бенедиктова, который былъ провозглашенъ нѣкоторыми, такъ, напримѣръ, Шевыревымъ, поэтомъ мысли по-преимуществу. Появленіе стихотвореній Бенедиктова въ 1835 году было встрѣчено многими литераторами съ восторгомъ. Нѣкоторые даже были увѣрены, что съ нимъ начинается новая эра для русской поэзіи. Въ восторгѣ отъ его стихотвореній былъ, между прочимъ, и Жуковскій, какъ разсказываетъ Панаевъ. Высокаго мнѣнія о нихъ былъ также Шевыревъ. Впрочемъ, не всѣ такъ смотрѣли на Бенедиктова. Въ „Сѣверной Пчелѣ", напримѣръ, было сказано, что всѣ второстепенные русскіе поэты выше Бенедиктова, что похвалы Шевырева, считавшаго его чуть ли не первымъ русскимъ поэтомъ, основаны только „на слѣпомъ упоеніи чувствъ". Къ недостаткамъ были отнесены непристойныя, соблазнительныя картины, слишкомъ часто встрѣчающіяся у Бенедиктова. „Вездѣ у него физическія красоты, вездѣ полнота, дородность, было замѣчено въ газетѣ. Идеалы его слишкомъ тѣсны. Его Адели, Матильды хороши только грудными волнами, глазками и проч." По словамъ рецензента, Бенедиктовъ хорошъ только тамъ, гдѣ воспѣваетъ природу, какъ, напримѣръ, въ „Утесѣ", „Степи" и „Могилѣ" *). Растопчина, по мотивамъ своей поэзіи очень близкая къ Языкову, подобно ему воспѣвавшая наслажденье и бранившая гнилой западъ, причислена было современною критикою къ виднымъ дѣятелямъ литературы. Говоря объ ея „Очеркахъ большаго свѣта", критикъ „Сына Отечества" замѣчаетъ, что еще ни одна русская писательница не говорила такимъ прекраснымъ языкомъ и не мыслила такъ глубоко. Менѣе довольна была этими очерками „Библіотека для Чтенія". „Слогу писательницы мы сдѣлаемъ два упрека, было замѣчено въ журналѣ: онъ нерѣдко грѣшитъ галлицизмами, и сверхъ того въ немъ довольно часто попадаются слова, неупотребительныя въ свѣтскомъ языкѣ, или новыя,

---

*) „Сѣверная Пчела" 1836 г., № 144.

„ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА“

въ **1880** г.

БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ ПО ПРЕЖНЕЙ ПРОГРАММѢ И ВЪ ТѢЖЕ СРОКИ.

Цѣна годовому изданію **6** руб. **50** коп., съ пересылкой и доставкой 8 руб.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ редакціи журнала (Канонерская улица, домъ № 2) и въ книжномъ магазинѣ. **Я. Исакова**, Невскій просп. Гостиный дворъ № 24.

Гг. Иногородные благоволятъ адресоваться: въ Петербургъ въ редакцію журнала „**Историческая Библіотека**“ (Канонерская улица, домъ № 2).

1. Редакція отвѣчаетъ за доставку жарнала подписавшимся только въ мѣстахъ, означенныхъ въ объявленіи.

2. Редакція проситъ гг. подписчиковъ точно обозначать свое имя, отчество и фамилію, а также и то почтовое учрежденіе, куда долженъ быть журналъ адресованъ; иначе редакція не отвѣчаетъ за правильную доставку.

3. Подписчики желающіе перемѣнить адресъ, благоволятъ своевременно увѣдомить о новомъ мѣстѣ жительства, съ обозначеніемъ прежняго, при чемъ за всякую перемѣну уплачивается 50 коп.

4. Желающіе доставить свои произведенія въ Редакцію должны обозначать свой адресъ и подробныя условія, безъ обозначенія послѣднихъ, редакція не будетъ считать себя обязанною входить съ авторомъ въ какіе-либо расчеты.

Редакторъ-издатель **П. В. Полежаевъ.**

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

1880

№№ 8 и 9. Августъ и Сентябрь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Е. Ландау. Площадь Большаго Театра, 2.
1880.

СОДЕРЖАНІЕ.

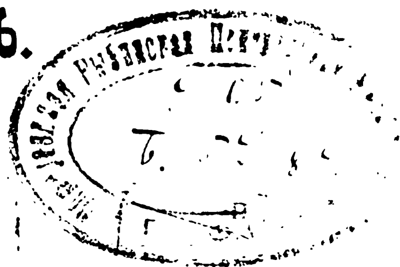
ИСТОРИЧЕСКАЯ

БИБЛІОТЕКА

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

1880

№№ 8 и 9. Августъ и Сентябрь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Е. Ландау. Площадь Большаго Театра, 2.
1880.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 сентября 1880 года.

ИВОНЪ МОЛДАВСКІЙ.

Историческая повѣсть изъ борьбы за свободу Славянъ въ XVI вѣкѣ.

ГЛАВА I.

Замокъ пана Тарлы, на берегу рѣки Десны, господствовалъ надъ огромнымъ пространствомъ земель, принадлежавшихъ этому полу-русскому, полу-польскому магнату, жившему широко и роскошно, по примѣру дворянъ-рыцарей, которые научились при дворѣ польскаго короля Сигизмунда-Августа хитро-льстивому языку и ловкости обращенія въ обществѣ, но не отстали отъ грубыхъ замашекъ на сеймахъ и деспотизма въ сношеніяхъ съ вассальными крестьянами, прикрѣпленными къ землямъ пановъ.

Въ XVI вѣкѣ вся южная русь находилась въ подданствѣ у польскихъ королей, дававшихъ свободу и право русинамъ открыто слѣдовать обрядамъ православія, заповѣданнымъ имъ отцами и дѣдами. Гоненіе за православіе началось гораздо позднѣе и вынудило южно-русскихъ выходцевъ или искать убѣжища за Днѣпровскими порогами, или просить защиты у московскихъ государей.

Иванъ Тарла, около 50 лѣтъ, мужчина былъ высокій, широкоплечій, съ открытымъ румянымъ лицомъ и гордымъ взглядомъ большихъ сѣрыхъ глазъ; во всей его наружности сквозила привычка къ власти и безпрекословному исполненію его приказаній, отдаваемыхъ подчиненнымъ, какъ и слѣдовало знатному вельможѣ, громкимъ, рѣзкимъ голосомъ.

Въ домашнемъ быту Тарлы, въ его рѣчахъ и обычаяхъ замѣчалась странная смѣсь противуположныхъ элементовъ, которые въ ту эпоху сталкивались въ порубежныхъ съ Польшею мѣстностяхъ: искренно преданный православію, Тарла допускалъ и католическія формы обрядовъ, держалъ въ домѣ священника, называемаго капелланомъ, который служилъ обѣдни и вечерни въ замковой часовнѣ, обставленной раскрашенными статуями святыхъ и оглашавшейся звуками органа. Во время богослуженія на органѣ искусно играла молодая дѣвушка—молдаванка, привезенная дочерью Тарлы изъ Кракова, гдѣ онѣ обѣ воспитывались у сестры магната маршальши Фирлей, въ одномъ изъ аристократическихъ домовъ, а потому онѣ и выучились тамъ разнымъ талантамъ и искусствамъ, о которыхъ мало имѣли понятія жители мѣстностей, отдаленныхъ отъ центра польско-французской цивилизаціи.

Обѣдня въ замковой капеллѣ только-что кончилась; затихли послѣдніе аккорды мелодическаго гимна, и нѣсколько мгновеній всѣ находившіеся въ капеллѣ стояли неподвижно, какъ будто бы подъ обаяніемъ волшебныхъ звуковъ. Солнце сквозило въ готическіе окна, расписанныя яркими красками по венеціанскому стеклу и фантастическія фигуры людей, цвѣтовъ и животныхъ, увеличиваясь въ размѣрахъ, застилали мраморный полъ цвѣтами радуги.

Прислонясь къ колонѣ у лѣваго клироса, стоялъ молодой человѣкъ, невольно поражавшій своей наружностью

тѣхъ, кто встрѣчалъ его въ первый разъ. Головой выше обыкновеннаго роста, онъ кромѣ того отличался красотой своего смуглаго лица, черными огненными глазами, орлинымъ носомъ и хорошо очерченными подвижными губами, порой нервно вздрагивавшими подъ вліяніемъ какой-то не вѣдомой, внутренней силы, которая рвалась наружу, съ трудомъ укладывалась въ могучей груди богатыря, терпѣливо выжидая удобной минуты, чтобы взмахнуть широкими крыльями хищника, захватить въ крѣпкіе когти добычу, власть или врага, ставшаго поперегъ дороги. На открытомъ челѣ этого молодца можно было прочесть печать непоколебимой воли и упрямства, которыя ворочаютъ міромъ, сдвигаютъ скалы, удерживаютъ приливъ моря, покоряютъ стихіи и повелѣваютъ людьми, ломая всѣ преграды къ предназначенной цѣли. Тотъ, кто заглянулъ бы въ глубь его сердца, содрогнулся бы при видѣ злыхъ побужденій, которыя безжалостно вырывали всѣ зачатки добра, робко проявлявшіе свои побѣги на несовсѣмъ еще зачерствѣлой почвѣ.

Гость въ замкѣ Тарлы, онъ былъ извѣстенъ подъ короткимъ именемъ Ивона; никто навѣрное не зналъ кто онъ, откуда и зачѣмъ здѣсь, кромѣ самого владѣльца, относившагося къ этому незнатному человѣку съ вѣжливой внимательностью, которая очень удивляла всѣхъ привыкшихъ къ надменнымъ пріемамъ магната.

Взгляды Ивона были устремлены на хоры, гдѣ помѣщался органъ; обычная складка между его бровями разгладилась, мягкое выраженіе полу-улыбки блуждало на губахъ, глаза подернулись слезой умиленія, что-то непривычно доброе настолько увеличило красоту Ивона, что бывшая въ капеллѣ молоденькая панна Поневская, нагнувшись къ уху Антоніи Тарла, сказала: «Жалко, что этотъ странствующій рыцарь ничего не имѣетъ кромѣ

шпаги и шпоръ!.. Будь онъ богатъ да знатенъ, завиднымъ бы былъ женихомъ для любой панянки»...

Антонія покраснѣла: она поняла намекъ и сухо отвѣчала: «Если ты находишь нашего гостя такимъ интереснымъ, то смѣло можешь сватать ему знатную невѣсту; онъ вовсе не странствующій рыцарь, а потомокъ господарей молдавскихъ и очень можетъ быть, что современемъ будетъ господаремъ.

— Едва ли это сбудется, милая Антонія. Тебѣ извѣстно, что отецъ мой, князь Александръ, уже нѣсколько лѣтъ, какъ благополучно господарствуетъ въ Яссахъ, а если Госпoдь и призоветъ его къ себѣ, то по всѣмъ вѣроятіямъ ему наслѣдуетъ братъ мой Богданъ, съ досадой возразила Анна Поневская.

— Права наслѣдія не имѣютъ преимуществъ въ той странѣ, гдѣ господствуетъ турецкій произволъ: кто дастъ большій харачь, тотъ и будетъ господаремъ Молдавіи... Этому часто бывали примѣры... насмѣшливо сказала Антонія.

— Ахъ, милая! Краковское вліяніе очень тебя измѣнило! Не такъ ты разсуждала три года тому назадъ, когда еще не гащивала у своей тетушки маршальши Фирлей... вздохнула Поневская.

— Ну полно, не гнѣвайся, любезная Марта! вѣдь я пошутила!.. Какое мнѣ дѣло, будетъ ли Ивонъ господаремъ или нѣтъ! Напротивъ, я отъ души желаю, чтобы твой отецъ еще долго господарствовалъ въ Яссахъ... притворно-равнодушно говорила Антонія.

Панна Поневская сомнительно покачала головой.

— А брату моему Богдану ты не желаешь счастья? тихо спросила она.

— Князь Богданъ братъ моего друга Марты... разумѣется я въ немъ принимаю больше участія, чѣмъ въ Ивонѣ, съ которымъ познакомилась потому, что онъ

служилъ секретаремъ у моего дяди короннаго маршала Фирлея, уклончиво отвѣчала Антонія.

Въ эту минуту разговоръ ихъ оборвался: священникъ вышелъ съ крестомъ, и магнатъ Тарла, стоявшій на особомъ мѣстѣ, подъ краснымъ бархатнымъ балдахиномъ, съ золотыми гербами, сойдя со ступеней, важно и медленно пошелъ къ благословенію. Толпа замковой прислуги почтительно разступилась, давая широкую дорогу своему владѣльцу. За Тарлой двинулись къ кресту: панъ Поневскій съ женой и Антонія; послѣ всѣхъ шелъ Ивонъ, оглядываясь, словно поджидая кого-то.

По лѣстницѣ съ хоръ легкой поступью спускалась молодая дѣвушка, игравшая на органѣ. Она оправляла свой нарядъ, помятый въ тѣсныхъ хорахъ, и разглаживала длинныя, черныя косы, въ три ряда обвитыя вокругъ головы. Ей было лѣтъ 15, но она казалась еще почти ребенкомъ; тоненькая, высокая смуглянка съ темными задумчивыми глазами и полными губками, на которыхъ рѣдко появлялась улыбка, свойственная ея возрасту. Когда она появилась въ капеллѣ, Ивонъ растолкавъ прислугу, тѣснившуюся у креста, быстро подошелъ къ дѣвушкѣ и сказалъ:

— Милена! ты замѣшкалась и не поспѣла къ кресту вмѣстѣ съ паннами.

— Ну что-жь! я подойду и послѣ съ крестьянами... добродушно отвѣчала Милена.

— Твое мѣсто не сзади, а впереди всѣхъ: твои руки достойны скипетра; ты какъ королева способна повелѣвать народомъ, твоя музыка и звѣря можетъ превратить въ человѣка, и камень растрогать... страстно говорилъ Ивонъ.

Милена поблѣднѣла и молча отшатнулась. Ее пугали эти порывы необузданной страсти Ивона, къ которому она привыкла съ дѣтства, какъ къ брату; но въ послѣднее время, замѣтя въ немъ перемѣну, старалась удаляться отъ него. Для этого она и уѣхала отъ маршальши съ Ан-

тоніей, но Ивонъ совершенно неожиданно явился въ замокъ, что было очень непріятно для Милены, тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ Ивономъ пріѣхалъ его пріятель Еремія Чарновичъ, къ которому Милена чувствовала непреодолимое отвращеніе.

Антонія съ своего панскаго возвышеннаго мѣста наблюдала за Ивономъ. Она видѣла, какъ глаза его вспыхнули, когда Милена появилась въ двери съ хоръ; темное облако пробѣжало по гладкому бѣлому лбу Антоніи, голубые глаза ея метнули искры, прекрасныя губы дрогнули, а руки начали судорожно дергать кружева на ея дорогомъ штофномъ платьѣ. Кружева затрещали, что и напомнило панянкѣ, что на нее обращены взгляды постороннихъ; она превозмогла свое волненіе и улыбаясь пошла къ выходу.

Въ тѣни свода, возлѣ самой двери, стоялъ человѣкъ, который, никѣмъ не замѣчаемый, зорко и пытливо замѣчалъ за всѣмъ, что происходило въ капеллѣ.

Наружность этого человѣка имѣла въ себѣ что-то отталкивающее: узкіе сѣрые глаза его, съ нависшими на нихъ бровями, постоянно блуждали и никогда не смотрѣли прямо; крючковатый носъ напоминалъ клювъ ястреба, а тонкія губы большаго рта съ острыми, какъ клыки, зубами придавали ему что-то звѣриное; особенно же его черные щетинистые волосы, стоявшіе на головѣ, означали злобу и коварство.

Магнатъ Тарла прошелъ мимо, не обративъ вниманія на низкій поклонъ этого человѣка; Антонія и панна Поневская слегка кивнули ему головами, а Милена отвернулась, чтобы не встрѣтить хитрый проницательный взглядъ его глазъ.

Ивонъ остановился возлѣ и сказалъ ему: «Другъ Еремія!.. что жъ ты прячешься у дверей, пойдемъ въ садъ, мнѣ необходимо поговорить съ тобой».

Еремія, бросивъ еще разъ свой неопредѣленный взглядъ

вслѣдъ удалявшейся Миленѣ, молча послѣдовалъ за своимъ другомъ, который направился въ другую сторону отъ дороги въ замокъ и, обойдя вокругъ высокой изгороди, толкнулъ низкую дверь; скрипя ржавыми пѣтлями, дверь полуотворилась, и пріятели вошли въ обширный, тѣнистый садъ, гдѣ въ то время никого не было, и они могли бесѣдовать, не боясь, что ихъ подслушаютъ. Пройдя нѣсколько шаговъ отъ калитки, Ивонъ оперся объ стволъ толстаго, развѣсистаго тополя и, скрестя на груди руки, тяжело вздохнулъ, словно ища воздуха и простора гнѣтущимъ его чувствамъ. Еремія стоялъ передъ нимъ и ждалъ, чтобы онъ заговорилъ. Прошло нѣсколько минутъ, а Ивонъ, глубоко задумавшись, казалось забылъ, зачѣмъ звалъ своего друга, такъ что тотъ долженъ былъ напомнить ему о себѣ. «Другъ Ивонъ!.. что же ты хотѣлъ мнѣ сказать?» Странный контрастъ представлялъ тонкій, вкрадчиво-слащавый голосъ Ереміи съ его зловѣщей физіономіей.

Ивонъ слегка вздрогнулъ, какъ будто бы пробужденный отъ сна. «Да!.. я хотѣлъ отвести душу съ вѣрнымъ другомъ», сказалъ онъ, проведя рукою по лбу. «Надо мнѣ рѣшить, что предпринять. Посовѣтуй мнѣ: бездѣйствіе и необходимость скрытничать трудно соединить съ моей страстью къ движенію, къ опаснымъ предпріятіямъ, къ борьбѣ...»

— Терпѣніе—самое вѣрное средство къ достиженію цѣли... протянулъ Еремія.

— Не всегда, другъ!.. Я вотъ терпѣливо ждалъ, что Диванъ исполнитъ свои обѣщанія и утвердитъ меня господаремъ... Но всѣ посулы этихъ алчныхъ волковъ не привели меня къ цѣли...» нервно возразилъ Ивонъ.

— Отъ того, что ты хлопоталъ безъ денегъ. Еслибъ ты сорилъ золотомъ, то князя Александра давно бы лишили господарства, замѣтилъ Еремія.

— Поэтому-то я, прослуживъ три года секретаремъ у

Фирлея, въ чаяньи пособія отъ Польши, послѣдовалъ сюда за панной Антоніей... говорятъ, что ея отецъ обладаетъ огромными средствами, и я надѣюсь получить достаточное количество червонцевъ, чтобы купить весь Диванъ и самого Султана!..» .

— Хорошо, если сбудется твое намѣреніе жениться на паннѣ Антоніи, притворно-равнодушно сказалъ Еремія, вызывая Ивона на откровенность.

— Я только въ крайнемъ случаѣ прибѣгну къ этому средству...

— Антонія умна, богата и прекрасна! Почему же ты такъ неохотно ищешь ея руки, которую оспаривали самые знатные краковскіе паны!.. спросилъ хитрый Еремія Чарновичь.

— Потому-то я и не желалъ бы назвать ее своей женою... Еслибъ она была глупа и безобразна, я бы и передъ людьми и передъ собственной совѣстью нашелъ оправданіе въ случаѣ измѣны... Я бы, женившись на уродѣ, могъ безпрепятственно любить Милену, откровенно объяснилъ Ивонъ.

При имени молодой молдаванки Чарновичь слегка поблѣднѣлъ и опустилъ глаза. Стиснувъ свои тонкія губы, онъ словно боялся отвѣчать.

— Ты не можешь себѣ представить, какъ сильно я ее люблю... восторженно говорилъ Ивонъ. «Я готовъ бы былъ сейчасъ на ней жениться... но это было бъ помѣхой въ званіи господаря: дѣвушка бѣдная, не знатная, безъ связей не можетъ быть достойной супругой господаря, но ни что не мѣшаетъ мнѣ имѣть ее...

Еремія не далъ ему выговорить позорное слово; онъ положилъ ему руку на плечо и тихо спросилъ: «Увѣренъ ли ты, что Милена на это согласится?» и не смотря на свое самообладаніе, голосъ Чарновича дрогнулъ.

— Милена ребенокъ... Ее можно уговорить, не сов-

сѣмъ твердо отвѣчалъ Ивонъ; видно было, что онъ и самъ не былъ увѣренъ въ томъ, что говорилъ.

Еремія покачалъ головой. «Не думаю, чтобъ этого ребенка легко было уговорить пожертвовать честью и добрымъ именемъ. Хоть я и мало ее знаю, но мнѣ кажется, что она не способна продать себя... развѣ любовь заставитъ ее отдаться безусловно... Любитъ ли она тебя?»

Сердце Чарновича такъ сильно билось въ его груди, что это учащенное біеніе было ему слышно. Словно боясь, чтобы Ивонъ не услыхалъ этотъ предательскій звукъ, Еремія плотнѣе запахнулъ свой плащъ изъ длинно-шерстяной козьей кожи, накинутый на одно плечо, руномъ вверхъ. Ивонъ молчалъ и обдумывалъ поведеніе Милены, которая очевидно избѣгала его.

— Не такова была она въ Яссахъ, говорилъ Ивонъ, припоминая прошлое. Мы были сосѣди... Ея отца убили турки за то, что онъ не угостилъ ихъ, когда они пришли сбирать харачь... Мать умерла отъ горя, и Милена осталась круглой сиротой... Правда, у нея былъ братъ, но онъ долженъ былъ бѣжать отъ турецкаго правосудія, которое преслѣдовало его за заговоръ противъ султана; говорятъ, что онъ еще живъ и нашелъ убѣжище у Днѣпровскихъ казаковъ... Милена часто ходила къ моей сестрѣ, которая потомъ ушла въ монастырь; сестра любила сиротку, учила ее шить, прясть шерсть, ткать... Бывало въ нашемъ старомъ мрачномъ домѣ становилось свѣтлѣй и веселѣй, когда приходила Милена, говорила и распѣвала свои любимыя пѣсни... Звонко раздавался ея серебристый смѣхъ подъ каменными сводами воротъ, которыя вели во внутренній дворъ, гдѣ у меня была голубятня. Милена приносила голубямъ зерны пшеницы, и они слѣтались, заслыша ея голосъ... Тогда она меня любила, обнимала, цѣловала и называла милымъ братомъ. Потомъ ее взяла на воспитанье жена короннаго маршала Фирлея, пріѣзжавшаго въ

Яссы съ какимъ-то порученіемъ отъ польскаго короля къ князю Александру. По отъѣздѣ Милены, я почувствовалъ такую тоску, что понялъ всю глубину привязанности моей къ хорошенькой дѣвочкѣ... Я тоже отправился въ Краковъ и поступилъ въ должность секретаря къ Фирлею. Прошло 3 года, Милена изъ хорошенькой дѣвочки превратилась въ прекрасную дѣвушку, удивлявшую всѣхъ своими способностями къ ученью, особенно-же въ музыкѣ и пѣніи она сдѣлала необыкновенные успѣхи. Я почти каждый день видалъ ее, но она была уже не такъ свободна, она не смѣла кидаться мнѣ на шею, ей растолковали, что это неприлично для благовоспитанной дѣвицы... А любовь моя все росла и мнѣ становилось трудно казаться ровнодушнымъ, чтобы не возбудить неудовольствія маршальши и Антоніи... Я послѣдовалъ за ними сюда, потому что не могъ жить безъ Милены.., Въ послѣднее время она избѣгаетъ меня, блѣднѣетъ и дрожитъ, когда я говорю ей про свою любовь, но это еще не значитъ, что я ей противенъ... скорѣй я полагаю, что въ ней происходитъ борьба, она старается скрыть свои чувства... Надо вызвать ее на откровенность... вотъ, другъ Еремія, о чемъ я хотѣлъ просить тебя... Ты можешь оказать мнѣ большую услугу...

— Что же ты отъ меня желаешь и чѣмъ я могу услужить тебѣ въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ... удивился Еремія, съ волненіемъ выслушавшій исповѣдь Ивона.

— Вызови Милену вечеромъ на берегъ Десны: предлогомъ къ свиданью будетъ письмо отъ ея брата... Ты вѣдь бывалъ у казаковъ... скажи ей, что видалъ тамъ Стефана, что онъ поручилъ передать письмо своей сестрѣ!

Чарновичъ колебался. «Повѣритъ ли она? Пойдетъ ли на ночное свиданье?.. Она что то очень не благосклонно ко мнѣ относится... да и какое-же письмо я ей покажу?» нерѣшительно говорилъ онъ.

— Письмо ты напиши самъ: у меня есть отрывокъ письма Стефана къ казацкому гетману Свирховскому. Когда Стефанъ былъ въ Яссахъ и затѣвалъ поднять молдаванъ противъ султана, на него внезапно напала стража, вездѣ искавшая заговорщиковъ; но онъ успѣлъ передать свои бумаги сестрѣ, и она спрятала ихъ за пазухой... Стража ничего не нашла въ домѣ Стефана, а все таки арестовали его... однако онъ вскорѣ убѣжалъ и скрылся на Днѣпрѣ; бумаги Милена передала на храненіе моей сестрѣ и уѣхала въ Краковъ, а сестра моя, поступая въ инокини, отдала эти бумаги мнѣ. Вотъ одно изъ писемъ Стефана, ты искусенъ въ поддѣлкѣ чужихъ подписей... постарайся написать сходно съ почеркомъ Стефана... Ивонъ вынулъ изъ кармана и передалъ Еремiи клочекъ пожелтѣвшаго отъ времяни пергамента.

Съ любопытствомъ пробѣжавъ содержаніе письма, Чарновичъ задумался. Документъ интересный, думалъ онъ. Можно извлечь изъ него пользу... я еще и самъ не знаю какую, но какое то предчувствіе говоритъ мнѣ, что необходимо завладѣть этимъ обличительнымъ письмомъ, гдѣ такъ ясно изложенъ планъ возстанія Молдавіи и припутаны многія имена знатныхъ бояръ...

Послѣ этихъ размышленій, Еремія спряталъ пергаментъ на груди и сказалъ: «Попытаюсь написать, я выучился снимать факсимиле съ древнихъ рукописей въ іезуитскихъ библіотекахъ...»

Послышались шаги, и друзья тихо пробрались за калитку. Они разстались, Ивонъ пошелъ въ пріемную замка, а Еремія въ одинъ изъ его флигелей, гдѣ были комнаты для пріѣзжихъ и гдѣ въ это время помѣстились панъ Поневскій съ женою, а черезъ коридоръ въ особой половинѣ Ивонъ съ своимъ пріятелемъ.

Проходя коридоромъ Чарновичъ неожиданно встрѣ-

тился съ Миленой, которая шла отъ панны Поневской. Завидѣвъ непріятную фигуру, она хотѣла вернуться назадъ, но Еремія кликнулъ ее: «Я имѣю къ тебѣ порученіе отъ брата»... При этихъ словахъ дѣвушка обернулась и быстро подошла къ нему.

— Что ты сказалъ?.. О какомъ братѣ ты упомянулъ?.. съ волненіемъ спросила она.

Чарновичъ, разыгрывая роль, подсказанную ему Ивономъ, началъ разсказывать: «Я говорю объ твоемъ родномъ братѣ Стефанѣ... Я его зналъ на Днѣпрѣ у казаковъ... Я только сегодня услыхалъ отъ Ивона, что у тебя тамъ есть братъ, слѣдовательно это къ тебѣ то письмо, которое онъ далъ мнѣ на прощаньи и велѣлъ искать въ Яссахъ свою сестру... онъ вѣдь не зналъ, что ты оттуда уѣхала...»

— Не обманъ ли это?.. Гдѣ же письмо? спросила Милена.

— Письмо въ моей дорожной сумкѣ... вѣдь ты знаешь его почеркъ... отвѣчалъ Еремія.

— Да, да!... я узнаю милыя строки.... покажи мнѣ письмо.

Въ головѣ Чарновича мелькнула внезапная мысль — заманить къ себѣ дѣвушку, нравившуюся ему такъ, что онъ ревновалъ ее къ Ивону.

— Пойдемъ ко мнѣ!.. началъ онъ, но раздался звонкій голосъ Марты Поневской, вышедшей изъ своей комнаты и приближавшейся по коридору.

— Уходи!.. я не хочу, чтобъ меня видѣли съ тобою, проговорила тихо Милена.

— Ужо вечеромъ, какъ взойдетъ луна, приходи въ развалины на Десну... я тамъ буду и принесу письмо... шепнулъ Чарновичъ. Милена кивнула головой въ знакъ согласія, и Еремія поспѣшно спрятался за первую попавшуюся дверь. «Я не думалъ, что она такъ легковѣрна...

Теперь надо заняться письмомъ, мнѣ не впервые подписывать чужимъ почеркомъ...» думалъ Чарновичь, и злая, циническая улыбка скользнула по его тонкимъ безцвѣтнымъ губамъ.

ГЛАВА II.

Полная луна поднялась изъ-за рѣки Десны и освѣтила суровый фасадъ замка Тарлы; ворота между двухъ башень скрипя захлопнулись, и загремѣли запиравшіе ихъ замки да цѣпи. Послѣ сытнаго ужина магнатъ простился съ гостями и ушелъ въ свои покои. Марта Поневская, поболтавъ съ дѣвицами, зѣвнула и сказала: «Пора спать...» Мало по малу свѣтъ погасъ въ роскошныхъ залахъ, только въ комнатѣ Антоніи горѣла лампада, да двѣ восковыя свѣчи на столѣ, передъ которымъ сидѣли дѣвушки и тихо бесѣдовали.

— Скажи мнѣ откровенно: любишь ли ты Ивона? спрашивала Антонія.

— Божусь тебѣ, дорогая моя подруга, что я еще никогда не испытывала того пламеннаго чувства, о которомъ разсказывала намъ панна Марта, отвѣчала Милена. «Прежде я любила Ивона, какъ брата, но теперь моя привязанность измѣнилась.... я стараюсь избѣгать его, потому что не слѣдуетъ бѣдной дѣвушкѣ дружиться съ посторонними мужчинами, какъ мнѣ строго приказывала твоя тетушка маршальша... я бы даже уѣхала отсюда въ Краковъ, еслибъ была увѣрена, что Ивонъ не послѣдуетъ за мной». Милена говорила такъ правдиво и прекрасные глаза ея смотрѣли такъ прямо въ голубыя очи Антоніи, что панна повѣрила ей.

— Прости меня, Милена... я было стала тебя нена-

видѣть... я думала, что ты скрываешь свою связь съ Ивономъ.... но теперь я успокоилась относительно тебя. Прошу тебя, другъ мой, когда Ивонъ станетъ говорить съ тобою о любви, ты прямо скажи ему, чтобъ онъ оставилъ всякую надежду... онъ разсердится и, какъ это часто бываетъ, начнетъ на зло тебѣ ухаживать за другой... Легко можетъ случиться, что онъ скоро излечится отъ такого чувства, которое не находитъ въ тебѣ взаимности; тогда я попытаюсь заставить его полюбить меня...

— Тебѣ не трудно будетъ завладѣть его сердцемъ; погляди на себя въ серебряное зеркало, что виситъ передъ тобою у камина... развѣ возможно не любить такую красавицу? Могу ли я, черная, худая, желтая сравниться съ тобою?.. Ты бѣла какъ мѣсяцъ, полна какъ наливное яблоко, волосы твои отливаютъ золотомъ и, разсыпанные по плечамъ, удивляютъ своей волнистой густотою... Твои глаза—подобіе лѣтняго неба, а губы словно спѣлая малина. Помнишь, какъ на пирахъ у маршала за тобой ухаживали знатные паны и рыцари? Какъ пѣвцы прославляли Антонію Тарла и слагали вирши въ честь твоей красоты?..

Милена говорила безъ всякой зависти или лести: она была не тщеславна и даже не подозрѣвала, что могла нравиться не менѣе прекрасной панны Тарла. Антонія поцѣловала свою подругу. «Обѣщай мнѣ, Милена, что ты на этихъ же дняхъ объяснишься съ Ивономъ и рѣшительно скажешь, что не любишь его», просила она.

— При первомъ удобномъ случаѣ я съ нимъ поссорюсь такъ, что онъ не только говорить, но и смотрѣть на меня не будетъ... увѣряла Милена. Дѣвушки дружелюбно простились, Милена пошла въ свою комнату, а Антонія сѣла у открытаго окна въ садъ, который былъ весь облитъ серебряннымъ свѣтомъ луны; Антонія разсѣянно блуждала взорами по устланнымъ желтымъ пескомъ до-

рожкамъ, по цвѣточнымъ клумбамъ, по кое гдѣ раскинутымъ высокимъ деревьямъ, которыя словно темные великаны приглашали подъ свою таинственную листву влюбленную парочку или бесѣду заговорщиковъ.

Наконецъ вниманіе Антоніи было привлечено какой-то мужской фигурой, тихо и осторожно пробиравшейся по тѣнистой сторонѣ. Ей показалось, что она узнаетъ худую, нескладную талію, длинныя ноги и кошачью походку Чарновича, съ его плащемъ изъ козьихъ шкуръ, употребляемыхъ горными жителями Молдавіи. Только что онъ скрылся въ густотѣ буковой аллеи, какъ другая женская фигура появилась на дорожкѣ и пошла по тому же направленію. Къ удивленію своему, Антонія убѣдилась, что на этой женщинѣ покрывало Милены изъ тонкой, прозрачной ткани, которое она сама пряла изъ бѣлой шерсти съ красными и золотыми полосами. «Неужели это она? но нѣтъ, не можетъ быть!.. Это какая нибудь дѣвушка изъ нашей комнатной прислуги, вѣроятно съ дурною цѣлью щеголяетъ въ покрывалѣ Милены; я сейчасъ пойду къ ней, и мы вмѣстѣ послѣдуемъ за негодной дѣвчонкой, ее надобно прогнать изъ замка». Антонія, взявъ свѣчу, пошла въ комнату Милены, но комната была пуста и постель не помята.

Антонія подождала съ полчаса, но подруга ея не возвратилась. «Это она! возможно ли любить такого урода, какъ этотъ Чарновичъ! Я думала, что у Милены больше вкуса... впрочемъ для бѣдной дѣвушки и такой женихъ годится...» Антонія ушла обратно и долго смотрѣла въ окно; насмѣшливая улыбка играла на ея губахъ. «Воображаю, какъ онъ объясняется въ любви!..» думала она. «Однакожъ какая она скрытная, ни словомъ, ни взглядомъ не выдала свою тайну!..» съ этими мыслями Антонія спокойно заснула.

Не вдалекѣ отъ замка на берегу рѣки Десны были

какія-то развалины, о которыхъ ходили самые сбивчивые толки: иные говорили, что въ древности тутъ былъ монастырь первой эпохи христіанства, а другіе, что это остатки магометанской мечети; вѣрнѣе же всего эти развалины были жилищемъ какого-то магната, которое было разрушено междуусобицей либо татарами.

Подъ однимъ изъ уцѣлѣвшихъ сводовъ была довольно большая площадка, усѣянная осколками каменныхъ колонъ и карнизовъ; лунный свѣтъ, прорываясь въ трещины стѣнъ, длинными полосами проникалъ въ мрачную внутренность развалинъ, оставляя одну сторону въ тѣни; въ одномъ изъ самыхъ темныхъ угловъ сидѣлъ на камнѣ человѣкъ, закрывъ лицо руками и какъ будто погруженный въ глубокій сонъ. Долго сидѣлъ онъ неподвижно и никто-бъ его не замѣтилъ, еслибъ кто нибудь и рѣшился идти ночью въ такое мѣсто, которое наводило ужасъ на окрестныхъ жителей; развѣ крайняя необходимость или преступная цѣль могли загнать сюда ночью.

Милена шла по тропѣ, ведущей изъ замка къ рѣкѣ; она безпрестанно прислушивалась, оглядывалась и нѣсколько разъ останавливалась въ нерѣшимости идти или воротиться. Но любопытство и любовь къ брату превозмогли страхъ и сомнѣніе.

Подъ своей накидкой дѣвушка спрятала длинный, острый кинжалъ, тихонько снятый ею со стѣны въ оружейной залѣ. Подходя къ развалинамъ, она ощупала тутъ ли кинжалъ и на всякій случай крѣпко стиснула его рукоятку. Она и сама не знала чего боялась: привидѣній ли, о которыхъ разсказывала Антонія, или разбойниковъ, приплывавшихъ по Деснѣ и по временамъ появлявшихся въ окрестностяхъ замка. Осторожно и медленной поступью Милена вошла въ развалины. Сначала она ничего не могла разглядѣть, но когда глаза ея привыкли къ полумраку, она замѣтила мужчину, сидѣвшаго на камнѣ.

— Чарновичь! Ты ли это? смѣло спросила она.

Человѣкъ быстро поднялъ голову и, увидавъ Милену, на которую падалъ лучь мѣсяца, не подошелъ, а однимъ прыжкомъ очутился возлѣ нея.

— Ивонъ! воскликнула она, и холодный трепетъ пробѣжалъ по всему ея тѣлу.

— Да, Милена! это я... и онъ хотѣлъ взять ее за руку, но дѣвушка отскочила и, прижавшись къ стѣнѣ, твердо сказала: «Не подходи ко мнѣ... я не желаю, чтобъ ты касался до моей руки. Если тебѣ нужно передать мнѣ что нибудь отъ твоего друга Ереміи, говори издали: почему онъ не пришелъ и не принесъ письма?

— Онъ захворалъ и прислалъ письмо со мною; вотъ оно... и Ивонъ протянулъ къ дѣвушкѣ руку съ бумагой; Милена выхватила бумагу и спрятала ее на груди. «Благодарю... я прочту завтра, и если тутъ дѣйствительно почеркъ Стефана, я напишу отвѣтъ... Но я бы хотѣла разспросить самого Чарновича: вѣдь онъ видалъ Стефана у казаковъ?..

— Завтра онъ все тебѣ разскажетъ, а теперь мнѣ надо съ тобой поговорить... началъ Ивонъ и сдѣлалъ шагъ къ дѣвушкѣ.

— Не подходи, или я убѣгу... говори, что тебѣ надо? и Милена вынула кинжалъ.

— Милена, за что ты стала такъ холодна и даже враждебна ко мнѣ? Ужели ты забыла нашу прежнюю дружбу?.. и что я тебѣ сдѣлалъ? Милена! ты меня совсѣмъ измучила... Еслибъ ты знала, какъ я тебя люблю... Ты должна быть моей, иначе я убью и тебя и себя... Ивонъ совершенно потерялъ самообладаніе и, не смотря на запрещеніе Милены, стремительно бросился къ ней съ распростертыми объятіями.

— Тише... не оцарапайся!.. холодно сказала Милена,

и конецъ кинжала, проникнувъ черезъ одежду Ивона, коснулся его груди.

— А... ты запаслась оружіемъ... Ты воображаешь остановить меня царапиной... захохоталъ Ивонъ, стараясь овладѣть руками Милены, чтобъ ее обезоружить. Милена вскрикнула такъ пронзительно, что эхо, увеличивъ этотъ звукъ, прокатило его по развалинамъ.

— Я буду защищаться до послѣдняго своего дыханія!.. Я стану кричать и созову сюда всѣхъ окрестныхъ жителей... съ отчаянной отвагой говорила дѣвушка.

— Молчи, Милена! Я не подойду къ тебѣ... Не срами меня и себя, а выслушай меня спокойно и дай мнѣ рѣшительный отвѣтъ... Ивонъ отошелъ отъ дѣвушки, и она, немного успокоенная, сказала: Я слушаю...

— Отвѣчай мнѣ, Милена, согласна ли ты быть моей женою? спросилъ Ивонъ.

— Никогда этому не бывать!.. Я тебя не люблю! забудь несбыточныя мечты и ищи другую, болѣе достойную супругу!... Ивонъ!.. опомнись: пара ли я тебѣ, бѣдная, простая дѣвушка, безъ имени, родства и тѣхъ червонцевъ, что помогли бы тебѣ купить господарство... говорила Милена, помня наставленіе Антоніи.

— Я и безъ червонцевъ завоюю себѣ господарство!.. для тебя и съ тобой я завладѣю короною!.. страстно говорилъ Ивонъ. Обѣщай мнѣ, что никого другаго не полюбишь, что терпѣливо подождешь, пока я сдѣлаюсь господаремъ...

— Ивонъ! Я не могу раздѣлять съ тобой почести и славу... я была бы пятномъ и позоромъ для тебя... Ужели ты такъ недальновидѣнъ, что не замѣчаешь своего счастья... стоитъ тебѣ протянуть руку, и оно будетъ твоимъ... Антонія Тарла тебя любитъ: она богата, знатна, прекрасна!.. вотъ супруга, достойная раздѣлить съ тобой господарское званіе.

Ивонъ съ нетерпѣніемъ прервалъ ее: «Если тебѣ такъ хочется, чтобъ я женился на Антоніи, я исполню твою волю.... съ условіемъ, что ты тогда не отвергнешь моей любви...»

Милена была глубоко оскорблена: «Какое униженіе!..» отвѣчала она съ негодованіемъ. «Ты, видно, очень презираешь меня, что считаешь способной на обманъ... да Антонію довольно трудно обмануть, она не согласится раздѣлить мужа со мною... а ты развѣ турокъ держать гаремъ?..»

— Прости меня, Милена! я не хотѣлъ обидѣть тебя... Ни Антонія, ни другая женщина, какъ бы ни была она богата и прекрасна, не будетъ моей женой... Ты!.. или никто!.. Я достигну власти и славы и тогда пріѣду за тобой и положу свое оружіе у твоихъ ногъ... Непобѣдимый для другихъ, я буду твоимъ рабомъ... Дай же мнѣ слово ждать меня и никому не отдавать своей руки до моего возвращенія.

Чтобъ отвязаться, Милена обѣщала, но съ уговоромъ, чтобъ онъ ее не преслѣдовалъ и сохранилъ бы ихъ разговоръ въ тайнѣ. Ивонъ на все согласился.

— Не выходи изъ развалинъ, пока я не достигну замка, чтобъ люди не могли бросить мнѣ въ лицо позорнаго подозрѣнія. Когда я буду у калитки сада, я крикну по совиному въ знакъ того, что дошла безпрепятственно... сказала Милена, выходя изъ развалинъ, сохраняя наружное спокойствіе и твердость, но въ душѣ опасаясь погони за собой необузданнаго и пылкаго Ивона.

Однако онъ за ней не послѣдовалъ; онъ зналъ, что она не попадется въ его руки безъ отчаянной борьбы; если онъ не боялся ея кинжала для себя, то опасался, что въ минуту раздраженія она поранитъ самою себя. «Жребій брошенъ!... я уѣду искать богатства и власти! Я во что бы то ни стало овладѣю господарствомъ, не си-

лой, такъ хитростью, не черезъ Диванъ, такъ съ оружіемъ въ рукахъ. Тогда Милена мнѣ не откажетъ; теперь она еще ребенокъ, она еще не вполнѣ испила всю горечь скитанья по чужимъ угламъ безъ друзей и родства. Черезъ нѣсколько лѣтъ она умается, устанетъ нравственно, получитъ полезный урокъ и опытность... тогда она будетъ рада склонить голову на вѣрную грудь защитника, друга, мужа... Я одинъ замѣню ей и родину и родныхъ... я окружу ее любовью, роскошью, почетомъ, я сдѣлаю ее счастливой... и она полюбитъ меня!..

Такъ мечталъ Ивонъ, глядя въ слѣдъ Милены, которая, ловко перепрыгивая съ камня на камень, удалялась не по тропинкѣ къ замку, а напрямикъ черезъ горы. Когда она отошла настолько, что скрылась изъ виду, и темный силуэтъ стоявшаго на развалинахъ Ивона потерялся за угломъ огромнаго камня, какъ будто бы брошеннаго исполиномъ на берегу рѣки, дѣвушка остановилась, чтобы перевести духъ и оглянулась, не преслѣдуетъ ли ее кто нибудь.

Кругомъ все было тихо и пустынно; луна величественно плыла по небу, окруженная безсчетными звѣздами. Ночная свѣжесть оживила растительность, и легкій паръ, поднимаясь съ луговъ, доносилъ ароматическій запахъ розъ, которыя были въ полномъ цвѣту, обѣщая обильный сборъ тѣмъ, кто занимался производствомъ розоваго масла, цѣнимаго въ то время очень дорого восточными и западными сосѣдями турками, поляками и русскими. Замокъ Тарлы былъ окруженъ садами, гдѣ разсаживали и выращивали розовые кусты. Милена вдохнула въ себя прелестный ароматъ и почувствовала внезапную слабость, голова ея закружилась, и она должна была опуститься на траву. Это было слѣдствіемъ слишкомъ сильнаго возбужденія ея нервъ; опершись головой на колѣна и обхвативъ ихъ руками, дѣвушка устремила взоры на величіе неба

и мысленно молилась, благодаря Бога за то, что цѣла и невредима возвратилась изъ опаснаго и неосторожнаго свиданія съ такимъ человѣкомъ, который могъ бы воспользоваться ея слабостью, еслибъ она случилась полъчаса тому назадъ. Постепенно силы къ ней возвратились, она встала и хотѣла идти далѣе, когда шумъ шаговъ снова привелъ ее въ ужасъ. Изъ-за скалы вышелъ человѣкъ... но это былъ не Ивонъ... вотъ онъ уже близко...

— Чарновичъ!.. воскликнула Милена. Что ты тутъ дѣлалъ?

— Не бойся, Милена, я издали охранялъ тебя и никому не далъ бы тебя въ обиду... даже Ивону... сладко и вкрадчиво отвѣчалъ онъ. Милена засмѣялась.

— Похожъ ты на рыцаря! возразила она. Гдѣ ужъ тебѣ бороться съ Ивономъ! Да и напрасно ты трудился, я и сама могу себя защитить. Прощай же, иди спокойно спать, а завтра разскажешь мнѣ, что ты знаешь о моемъ братѣ, если только ты не солгалъ, что письмо писано имъ... и прежде, чѣмъ Еремія успѣлъ отвѣчать, Милена побѣжала отъ него и скоро была уже у калитки сада. Рѣзкій крикъ совы увѣдомилъ Ивона, что дѣвушка въ безопасности.

— Гдѣ ужъ тебѣ бороться съ Ивономъ! все еще слышалось Ереміи. «Увидимъ, кто кого одолѣетъ... змѣя и мала, но своимъ тонкимъ жаломъ побѣждаетъ самыхъ крупныхъ звѣрей и даже самого царя природы — человѣка... бормоталъ Чарновичъ и зловѣщее выраженіе мелькнуло въ его глазахъ. Какъ удивился бы Ивонъ, еслибъ въ эту минуту могъ видѣть и слышать своего друга, котораго онъ считалъ такъ преданнымъ.

На слѣдующее утро Ивонъ просилъ магната переговорить съ нимъ наединѣ. Запершись въ его кабинетѣ, Ивонъ подробно и пространно изложилъ ему свои планы къ достиженію господарскаго достоинства въ Молдавіи и

просилъ его помощи. Тарла очень сочувственно отозвался на откровенность своего гостя и намѣкнулъ, что ему пора жениться. Ивонъ понялъ, что ссуда золота, котораго онъ добивался, будетъ дана ему не иначе, какъ подъ поручительство, то есть если онъ сдѣлаетъ предложеніе Антоніи. Быстро сообразивъ, что сватовство не есть еще бракъ, Ивонъ рѣшился на смѣлый поступокъ. Онъ объяснилъ магнату, что будто бы любитъ его дочь, но не смѣетъ и мечтать о ея рукѣ. Тарла съ восторгомъ обнялъ Ивона и обѣщалъ ему Антонію, съ условіемъ, что онъ тогда женится, когда достигнетъ цѣли.

— Ты понимаешь, дорогой мой рыцарь, что теперь свадьба немыслима: всѣ родные и друзья нашего дома осудили бы меня, считая тебя бѣднымъ, не знатнымъ искателемъ приключеній. Нельзя же всѣмъ и каждому довѣрить твои планы: это погубило-бъ твое предпріятіе. Поэтому я желаю, чтобы ваше обрученіе было тайное; нашъ достойный іерей, отецъ Іосифъ, благословитъ васъ при немногихъ свидѣтеляхъ, затѣмъ ты уѣдешь, а мы будемъ ждать и молиться за успѣхъ твоего дѣла.

Ивонъ былъ очень радъ, что сватовство его не будетъ оглашено, что давало ему возможность въ послѣдствіи измѣнить своему слову. Когда Тарла предложилъ ему, чтобы панъ и панна Поневскіе были свидѣтелями обрученія, Ивонъ воскликнулъ: «Почтенный будущій мой родитель! прошу тебя, ради Бога, скрыть мои планы отъ Поневскихъ, иначе они могутъ повредить мнѣ, потому что господарь Александръ прочитъ свое наслѣдіе сыну, князю Богдану... Возможно ли, чтобы панна Марта не передала мои намѣренія отцу своему и брату, которые, явясь передъ Диваномъ, какъ мои соперники, могутъ такъ очернить меня, что я рискую своей головой при дворѣ султана Селима II, куда я хочу отправиться съ просьбою и дарами.

— Да!... ты правъ, мой сынъ! Князь Александръ и его сынъ опасные для тебя соперники; я дурно поступилъ бы, пригласивъ Поневскихъ... Впрочемъ, они еще вчера собирались уѣхать, вѣроятно мы скоро освободимся отъ многихъ гостей...

Послѣ обѣда панна Марта собралась ѣхать домой.

— Что это, какъ ты весела сегодня? сказала она Антоніи на прощаньи. Глазки у тебя блестятъ и румянецъ оживляетъ щеки, что-то поблѣднѣвшія въ послѣднее время...

— Я радуюсь, что отецъ обѣщалъ скоро отпустить меня къ теткѣ въ Краковъ. Здѣсь мнѣ скучно, а тамъ бываетъ такъ людно и весело... лукавила Антонія..

— Жалко, если ты уѣдешь прежде, чѣмъ пріѣдетъ мой братъ Богданъ, онъ путешествуетъ и обѣщалъ погостить у меня, сказала Марта.

— Если онъ пріѣдетъ на дняхъ, то можетъ быть застанетъ меня: надо еще мнѣ изготовить свои наряды, завтра-же и Милена и мои швеи примутся за шитье да вышиванье, отвѣчала Антонія. Поневскіе уѣхали, ничего не подозрѣвая.

Вечеромъ, въ замковой часовнѣ, при тускломъ освѣщеньи нѣсколькихъ лампадъ да восковыхъ свѣчъ, совершилось обрученіе Ивона и Антоніи. Свидѣтелями были Чарновичъ, Милена и молодой секретарь Тарлы, кіевскій бурсакъ, безнадежно влюбленный въ Антонію.

Милена обрадовалась и успокоилась. «Слава Богу!..» думала она, онъ опомнился и послушался моихъ совѣтовъ; теперь я освободилась отъ обѣщанія, даннаго мною въ минуту испуга», думала она.

Передъ отъѣздомъ Ивонъ, улучивъ время, когда Милена пошла въ садъ, загородилъ ей дорогу и сказалъ:

— Погоди, Милена, намъ еще надо перемолвить нѣсколько словъ прежде, чѣмъ я уѣду изъ замка.

— Не задерживай меня, говори скорѣй... Антонія ждетъ меня, недовольная остановкой, отвѣчала дѣвушка.

— Я получилъ отъ Тарлы столько червонцевъ, что непремѣнно подкуплю Диванъ и получу фирманъ на господарство... Тогда я пріѣду и потребую отъ тебя исполненія слова... Помни, Милена, что если ты меня обманешь, я убью тебя... Эти слова были сказаны такимъ голосомъ, что дѣвушкой овладѣлъ ужасъ.

— Вѣдь ты женихъ Антоніи! воскликнула она.

Ивонъ захохоталъ. «И ты повѣрила, что я на ней женюсь!.. Мнѣ нужны были червонцы, и я разъигралъ комедію также искусно, какъ играютъ въ Краковѣ придворные лицедѣи...»

— Коли ты хотѣлъ обмануть людей, зачѣмъ-же ты обручался передъ алтаремъ Божіимъ?... это грѣхъ... это клятвопреступленіе... съ негодованіемъ сказала Милена.

— Я не вѣрю въ Бога. Если въ Константинополѣ потребуютъ, чтобы я принялъ исламизмъ—я безъ колебанія перемѣню вѣру... мрачно объявилъ Ивонъ.

Милена была поражена: «Не думаешь ли ты, что я пойду за турка?..» возразила она.

— Ты обѣщала!.. выбирай любое: или исполни обѣщаніе, или готовься къ смерти...

Шелесть шелковаго платья по дорожкѣ извѣстилъ Ивона, что приближается Антонія, и онъ съ нѣжной улыбкой пошелъ на встрѣчу къ своей счастливой невѣстѣ.

— Какой извергъ!.. отступникъ отъ Бога!.. измѣнникъ безъ совѣсти и чести!.. Лучше умереть, чѣмъ быть его женой... размышляла Милена, когда Ивонъ съ Чарновичемъ выѣзжали изъ воротъ замка.

ГЛАВА III.

Владѣнія пана Поневскаго граничили съ землями Тарлы. Марта была еще очень молодая красивая женщина, не много вѣтренная, но очень добрая. Мужъ, гораздо старше ея, обожалъ свою Марту такъ, что сосѣди подсмѣивались надъ нимъ, называя его мужемъ подъ башмакомъ. Марта пользовалась своею властью и привыкла къ исполненію всѣхъ своихъ прихотей.

При всякомъ случаѣ она любила попрекнуть мужа тѣмъ, что она дочь господаря, владѣтельнаго князя Молдавіи, а онъ Поневскій, хоть очень богатый, но все таки простой панъ, гораздо ниже ея происхожденіемъ.

Панъ Поневскій слабо возражалъ, что родъ его ни мало не уступаетъ роду князя Александра и что владѣніе Молдавіи не наслѣдственное, а выборное...

Такіе аргументы приводили Марту въ сильное раздраженіе, а послѣ спора, она нѣсколько дней дулась и капризничала; поэтому панъ Поневскій очень рѣдко возражалъ ей, развѣ подъ вліяніемъ крѣпкаго дорогаго вина изъ бочекъ, которыми были набиты его подвалы. Охота и добрая чара вина были у Поневскаго самыми излюбленными предметами, кромѣ его супруги, которую онъ предпочиталъ и вину и псовой стаи. Еслибъ Марта вздумала запретить ему травить лисицу и раскупоривать бутылки, лежавшія сто лѣтъ въ пескѣ замковаго подземелья, очень можетъ быть, что панъ Поневскій сдѣлалъ бы для нея эту великую жертву, но панна Марта сама любила рыскать по лѣсамъ да полямъ, почти всегда присутствуя на облавахъ и смѣло преслѣдовала на конѣ оленей, дикихъ свиней и волковъ.

Она очень подружилась съ Антоніей и часто посѣщала замокъ Тарлы; Антонія также гащивала у Поневскихъ

и всегда привозила съ собой Милену. Марта очень полюбила свою землячку молдаванку и приглашала ее жить у ней въ качествѣ компаньонки, такъ какъ въ домѣ ея мужа не было женской родни, а ей, какъ молодой дамѣ, не прилично было ѣздить и гулять безъ спутницы, когда самъ Поневскій по дѣламъ или уѣзжалъ въ другія свои имѣнія, или же по нездоровью не могъ сопровождать свою жену.

Послѣ отъѣзда Ивона, Антонія такъ загрустила, что, получивъ приглашеніе отъ Поневскихъ, сама не поѣхала, а послала Милену.

— Скажи имъ, что я извиняюсь, но не могу пріѣхать по случаю нездоровья, сказала Антонія, когда Милена садилась въ раззолоченный рыдванъ въ шесть лошадей цугомъ, присланный изъ замка Поневскихъ.

— Какая досада!... воскликнула Марта, когда Милена передала ей порученіе Антоніи. Я жду брата съ часа на часъ, и мнѣ бы хотѣлось, чтобъ онъ встрѣтилъ у меня Антонію. Однако напрасно прождавъ цѣлый день, Марта не вытерпѣла, чтобы передъ вечеромъ, когда стало попрохладнѣе, не ѣхать съ мужемъ на охоту. Милена, не любившая видѣть, какъ безцѣльно и для забавы убиваютъ звѣрей да птицъ, отговорилась усталостью и осталась въ замкѣ.

Она вышла въ садъ и, полюбовавшись живописнымъ видомъ на Десну, углубилась въ тѣнистую аллею и такъ задумалась, что и незамѣтила, какъ переступила за отворенныя ворота. Передъ ней, словно лента, растилалась узкая дорожка между полями высокой золотистой пшеницы, колосья которой, колеблемые легкимъ вѣтромъ, будто кивали ей головками и привѣтствуя шептали «добро пожаловать...»

Милена вспомнила свою далекую родину: клокъ земли, обработываемый ея отцемъ и братомъ; вотъ они косятъ

спѣлую пшеницу, мѣрно взмахивая свѣтлыми, острыми косами; колосья ложатся густыми валами и ихъ сбираетъ прекрасная женщина, ея мать; она поетъ заунывную пѣсню, которую повторяетъ горное эхо. Печально глядятъ ея черныя очи, и улыбка не оживляетъ ея алыхъ губъ; напрасно маленькая Милена, нарвавъ полный передникъ душистыхъ розъ, плела изъ нихъ вѣнокъ и надѣвала его на чудные волосы матери, спускавшіеся до колѣнъ роскошными черносиними косами, напрасно дѣвочка обнимала шею и цѣловала щеки прекрасной женщины, которая отъ этихъ дѣтскихъ ласкъ становилась еще грустнѣе и обтирала широкимъ рукавомъ навернувшіяся слезы. Много надо было золота, чтобы заплатить накопившуюся подать... а гдѣ взять золото?

Отецъ долго хворалъ и не могъ работать, братъ еще молодъ и не много добываетъ... а сборщики не ждутъ, они грозятъ надѣть цѣпи и увезти въ рабство...

Вотъ они пришли, эти страшные люди, вооруженные съ головы до ногъ... Они требуютъ золото, вино, угощеніе... они лѣзутъ цѣловаться къ прекрасной женщинѣ... Отецъ нахмурилъ брови и вышелъ въ сѣни... онъ наточилъ и безъ того острую косу... но гдѣ же одному сладить съ четырьмя?..

Шумъ, крикъ, брань! звонъ оружія... Потомъ кровь... бездыханный трупъ отца, отчаянные, безумные вопли матери... Они ушли, все тихо, мать лежитъ блѣдная и больная... вотъ его зарыли въ землю и обсыпали цвѣтами свѣжую могилу...

Остался братъ, но и съ нимъ случилась бѣда: опять явились злые, грубые янычары, обшарили весь домъ, схватили его, заковали въ цѣпи и увели... но онъ живъ, онъ бѣжалъ къ казакамъ... вотъ его письмо.

Милена сѣла на краю дороги, вынула изъ-за пазухи письмо, полученное отъ Чарновича и въ сотый разъ стала

его разглядывать: точно ли оно его руки?.. сомнительно... не такъ бы онъ написалъ къ милой сестрѣ, да и буквы выведены мельче и красивѣе его почерка...

— Чарновичь обманулъ меня! но зачѣмъ?.. Какая могла быть у него цѣль?... Милена терялась въ догадкахъ.

Не вдалекѣ послышался стукъ лошадиныхъ копытъ; кто-то ѣхалъ шагомъ, можетъ быть одинъ изъ псарей пана Поневскаго. Изъ-за высокой пшеницы показался всадникъ и, увидавъ дѣвушку, осадилъ своего усталаго коня. «Эта ли дорога въ замокъ пана Поневскаго?» спросилъ всадникъ. Милена не отвѣчала, она разсматривала лицо того, кто съ ней заговорилъ и, по сходству съ панной Мартой, догадалась, что передъ ней ея братъ, котораго она ждала.

Не получивъ отвѣта, молодой человѣкъ слѣзъ съ лошади и подошелъ къ дѣвушкѣ.

— Я здѣсь чужой и, кажется, сбился съ дороги: въ этомъ морѣ пшеницы не мудрено и потонуть... сказалъ онъ съ улыбкой, причемъ его прекрасное лицо приняло выраженіе веселой безпечности и добродушія, которое привлекало и очаровывало, такъ что и Милена невольно поддалась симпатіи.

— Ты ничуть не заблудился, отвѣчала она, тоже улыбаясь. Эта дорога идетъ прямо къ саду замка Поневскихъ... только ихъ нѣтъ дома, они на охотѣ...

— Моя милая Марта видно такая же страстная любительница охоты, какъ и прежде... Ну и пусть они веселятся, а мы съ тобой побесѣдуемъ, если тебѣ не противно... Ты здѣшняя или гостья? Молодой человѣкъ шелъ рядомъ съ дѣвушкой, ведя своего коня за поводъ; онъ съ удовольствіемъ глядѣлъ на свою спутницу, любуясь ея чудесными глазами, стройной таліей и граціозной походкой.

Милена разсказала ему свою исторію, умолчавъ объ Ивонѣ и о его навязчивой любви.

— Теперь твоя очередь повѣдать кто ты и зачѣмъ сюда пожаловалъ? спросила Милена, притворяясь, что не узнала его.

— Меня зовутъ Богданъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ. Я пріѣхалъ погостить къ моей сестрѣ Мартѣ Поневской.

— Моя родина Молдавія, и я должна оказывать тебѣ уваженіе, князь Богданъ, какъ къ сыну и наслѣднику господаря Александра... и Милена отступила отъ него, давая ему дорогу идти впередъ.

— Полно, Милена!... Мы не въ Яссахъ.... Здѣсь на чужой сторонѣ мы равные, и я прошу тебя забыть о господарствѣ Молдавіи. Еще не извѣстно, кто будетъ на мѣстѣ моего родителя и даже долго ли онъ еще прогосподарствуетъ... съ глубокимъ вздохомъ сказалъ Богданъ.

Милена не посмѣла распрашивать его о причинѣ его грусти; она знала, какъ шатко положеніе правителей Молдавіи. Когда они пришли въ замокъ, Милена распорядилась, чтобы гостю собрали угощеніе, объяснивъ прислугѣ, что это братъ панны Марты.

Скоро въ огромной столовой залѣ замка накрыли на столъ и подали разныя кушанья, до которыхъ князь Богданъ не иначе согласился прикоснуться, какъ изъ рукъ Милены. Дѣвушка, краснѣя и смущаясь, накладывала на серебряныя тарелки куски жареныхъ индюшекъ, гусей, свинину, баранину и разную дичь, наливала въ золоченые кубки вино и медъ и, поднося гостю, кланялась.

— Кушай, дорогой гость, и подкрѣпи свои силы послѣ долгаго пути... приглашала она.

— Пью за здоровье моей прекрасной землячки, сказалъ князь Богданъ, принимая изъ ея рукъ кубокъ. Когда убрали со стола, молодой князь просилъ Милену спѣть одну изъ пѣсенъ ихъ общей родины.

Милена взяла родъ небольшой арфы, которую держала на колѣняхъ и, акомпанируя себѣ на звонкихъ струнахъ, запѣла печальную балладу о горькой участи Молдавіи, изнывающей подъ гнетомъ жестокихъ басурманъ. Богданъ не ожидалъ встрѣтить въ бѣдной, незнатной дѣвушкѣ такое искусство въ музыкѣ. Онъ былъ очарованъ ея голосомъ и растроганъ непритворнымъ чувствомъ, съ которымъ она пѣла о близкомъ его сердцу предметѣ. Когда Милена кончила пѣсню, и тихіе звуки струнъ какъ будто бы замерли подъ ея тонкими пальцами, Богданъ не сказалъ ни одного слова похвалы; но онъ и не скрывалъ слезъ, катившихся по его смуглымъ щекамъ. Подойдя къ пѣвицѣ, онъ взялъ ея руку и крѣпко пожалъ.

Это пожатіе, слезы и выразительный взглядъ его черныхъ глазъ, краснорѣчивѣе льстивыхъ фразъ сказали Миленѣ, что она пріобрѣла любовь и уваженіе этого человѣка, котораго нѣсколько часовъ тому назадъ увидала въ первый разъ въ жизни. Минута, когда Богданъ стоялъ надъ ней, склоня голову къ ея лицу, произвела неизгладимое впечатлѣніе въ душѣ Милены: и радость, и необъяснимая грусть, и неодолимое увлеченіе обхватили ее, проникли во все ея существо и наполнили ея сердце никогда еще не испытаннымъ чувствомъ.

Вдругъ блаженное настроеніе разлетѣлось, какъ прерванный сонъ; на широкомъ дворѣ загремѣли звуки роговъ и возвѣстили, что возвращаются съ охоты.

Милена отдернула свою руку, Богданъ встрепѣнулся, онъ обвелъ залу глазами, словно припоминая, гдѣ онъ, и снова взоръ его искалъ чародѣйку, заставившую его забыть цѣль его путешествія, любимую сестру и весь міръ съ его заботами и честолюбіемъ... Ее возлѣ него ужъ не было. Милена отошла къ окну и глядѣла на шумную, веселую ватагу охотниковъ, псарей, коней и собакъ, въѣз-

жавшихъ и входившихъ въ ворота при свѣтѣ факеловъ, зажженныхъ замковой прислугой.

Впереди всѣхъ ѣхалъ панъ Поневскій въ красномъ камзолѣ съ серебрянными шнурами и въ шляпѣ съ перомъ орла. Рядомъ съ нимъ на прекрасной гнѣдой лошади ѣхала панна Марта, одѣтая въ голубое бархатное платье съ длиннымъ шлейфомъ и въ черной бархатной шапочкѣ, сдвинутой на одно ухо подъ бѣлымъ страусовымъ перомъ, прикрѣпленнымъ алмазной звѣздой. Марта была очень ловкая наѣздница; разрумянённое лицо ея сіяло улыбкой, она подняла глаза къ окну, чтобы привѣтствовать Милену и сказать ей, что охота была удачная...

Возлѣ Милены стояла какая-то мужская фигура. Марта вскрикнула, она узнала своего брата, но странно показалось ей, что вмѣсто того, чтобъ поспѣшить къ ней навстрѣчу, онъ даже не поклонился ей, а оставаясь около Милены, тихо говорилъ съ нею.

Марта соскочила съ лошади и побѣжала на верхъ по каменнымъ ступенямъ широкой лѣстницы. Поспѣшные шаги ея раздавались въ огромныхъ залахъ со сводами. Вотъ она уже на порогѣ столовой...

— Милена! говорилъ между тѣмъ Богданъ, пока Марта шла по лѣстницѣ. Отвѣчай же мнѣ, любишь ли ты кого нибудь? свободно ли твое сердце? или ты ужъ дала слово кому нибудь?

— Никого я не люблю и никому не дала надъ собой воли, я свободна какъ птица... отвѣчала Милена.

— Можешь ли ты полюбить меня? Я не спрашиваю, любишь ли ты... мы еще такъ мало знакомы, но и при первомъ взглядѣ на человѣка достаточно немногихъ словъ, чтобы опредѣлить, будетъ ли онъ современемъ другомъ или врагомъ...

Милена въ смущеніи молчала.

— Не медли отвѣтомъ... вонъ слышны шаги панны Марты... просилъ Богданъ.

Милена не успѣла отвѣчать, какъ вошла Марта.

— Завтра въ томъ полѣ, гдѣ мы встрѣтились, шепнулъ ей Богданъ и пошелъ на встрѣчу къ сестрѣ, которая, обнимая и цѣлуя его, кричала: «Ахъ, какъ я рада! милый братецъ!.. Какъ ты выросъ и возмужалъ... вѣдь почти 5 лѣтъ, какъ мы съ тобой не видались...

Она увлекла его съ собой на крыльцо, говоря: «Пойдемъ, я тебя покажу своему пану...»

Панъ Поневскій, не понимая почему жена его такъ стремительно побѣжала, преспокойно стоялъ на крыльцѣ, куда притащили всѣхъ звѣрей и дичину, попавшуюся въ руки охотниковъ.

— Вотъ это отнесите батькѣ-попу... Это отправьте завтра утромъ въ подарокъ пану Тарлѣ... а это намъ завтра на обѣдъ... ну, а вонъ ту мелочь да стараго вепря вамъ, хлопцы, за труды... распоряжался Поневскій.

— Полно тебѣ тутъ болтать съ хлопцами... погляди-ка, кого я привела!.. крикнула Марта.

Поневскій оглянулся: Марта стояла на верхней ступени и держала за руку своего брата.

— Ахъ, дорогой гость!.. Здравствуй!.. шагая черезъ двѣ ступени, гаркнулъ Поневскій, и стиснулъ въ могучихъ объятіяхъ князя Богдана.

Неуспѣлъ тотъ опомниться, какъ его притащили опять въ столовую, усадили ужинать, подчуя да накладывая ему груды кушанья, засыпали вопросами: «Давно ли прибылъ? На долго ли? Здоровъ ли отецъ?.. Отвѣчая на вопросы, Богданъ напрасно оглядывался кругомъ: Милены не было въ залѣ, и къ ужину она не вышла. «Ты усталъ... пора тебѣ на отдыхъ... завтра наговоримся...» сказала наконецъ Марта.

Богдана проводили въ самую лучшую комнату, пред-

назначенную для почетныхъ гостей и оставили его въ покоѣ.

Но покой не осѣнилъ его усталую голову, и сонъ бѣжалъ отъ волновавшихъ его думъ.

Онъ отворилъ окно и оглянулъ фасадъ замка, который былъ отъ него налѣво, такъ какъ флигель для гостей примыкалъ къ замку съ боку, а напротивъ былъ другой такой же флигель, гдѣ помѣщалась женская половина. Замокъ былъ погруженъ въ темноту, только въ одномъ изъ оконъ женскаго флигеля мелькалъ огонь, и какая-то тѣнь то затемняла его собой, то озарялась падавшимъ на нее свѣтомъ. Онъ узналъ Милену; она безпокойно ходила по комнатѣ, прекрасные волосы ея были распущены по плечамъ, руки скрещены на груди, но выраженіе лица нельзя было разсмотрѣть.

Долго такъ ходила она, наконецъ опустилась на колѣна и стала молиться... Потомъ свѣтъ погасъ.

— Господь съ тобой! Спи спокойно! Пусть ангелы хранятъ твое ложе отъ горя и слезъ... прошепталъ Богданъ и бросился на свою пышную постель, подъ штофнымъ балдахиномъ, съ золотыми кистями и пучками перьевъ по угламъ.

На утро еще онъ спалъ, когда панъ Поневскій явился къ нему и сказалъ, что Марта ждетъ съ нетерпѣніемъ его видѣть. «Ей нужно поговорить съ тобой объ одномъ весьма интересномъ дѣльцѣ», шепнулъ Поневскій, лукаво улыбаясь. Богданъ смутился, и яркая краска покрыла его лицо: ему представилось, что сестра замѣтила его расположеніе къ Миленѣ и хотѣла пожурить его за такое быстрое сближеніе съ дѣвушкой-сиротой, находящейся подъ ея покровительствомъ, какъ гостья, что давало ей право на уваженіе по рыцарскимъ понятіямъ того времени.

— Не правая совѣсть—самый строгій обличитель.... подумалъ Богданъ. Если сестра станетъ меня разспраши-

вать, я принужденъ буду сказать ей правду... что же тогда дѣлать? вѣдь это безчестно подвергать Милену пересудамъ и подозрѣніямъ. Эти мысли такъ озаботили Богдана, что онъ очень холодно поздоровался съ Мартой; но она не замѣтила его смущенія, она торопилась высказать ему свои планы. «Ступай по хозяйству,» выслала она мужа, а когда осталась одна съ братомъ, то, подвинувъ къ нему свое кресло, начала вкрадчивымъ голосомъ: «Милый братику.... ты сталъ ужь настоящій рыцарь, тебѣ пошелъ двадцать первый годъ и пора тебѣ избрать даму сердца... а можетъ быть ты и нашелъ ее въ Яссахъ?»

Не понимая къ чему ведутъ эти распросы, молодой князь отвѣчалъ, что въ Яссахъ у него нѣтъ никакой дамы сердца и что тамъ вовсе не такъ понимаютъ рыцарскіе нравы, какъ при дворѣ Генриха Валуа.

— У насъ сосѣдство съ турками развило грубыя рабскія понятія: восточная женщина прячется отъ людей, а потому и трудно-бъ было мнѣ выбрать тамъ предметъ достойный той возвышенной любви, о которой ты намѣкаешь... уклончиво возразилъ Богданъ, избѣгая встрѣтить испытующій взглядъ сестры.

— Тѣмъ лучше, братику, тѣмъ лучше!.. Здѣсь есть женщина, достойная такой любви.... Я познакомлю тебя съ сосѣдями, и ты увидишь, что мы вовсе не отстали отъ современнаго образованія... сказала Марта.

— Дорогая моя сестрица! я совсѣмъ не желаю заводить знакомства, я пріѣхалъ на самый короткій срокъ, чтобы повидаться съ тобой, а потомъ мнѣ необходимо торопиться къ Польскому двору... у меня есть важное порученіе отъ отца, сказалъ Богданъ.

— Я знаю объ чемъ ты хочешь хлопотать въ Краковѣ... вотъ для того-то именно и нужно тебѣ познакомиться, если не совсѣми моими сосѣдями, то по крайней мѣрѣ съ магнатомъ Тарлою, который имѣетъ большое

вліяніе при дворѣ и такъ богатъ, что можетъ быть тебѣ полезенъ для упроченія твоихъ правъ на Молдавское господарство... съ оживленіемъ говорила панна Марта.

— Я слыхалъ про Тарлу... Я не зналъ, что онъ вашъ сосѣдъ.... Ты права, съ нимъ стоитъ познакомиться.... раздумывая молвилъ князь Богданъ.

— Ну вотъ и прекрасно... Я сейчасъ велю запрягать лошадей... Кстати мы отвеземъ Милену въ замокъ Тарлы, съ радостью воскликнула Марта.

— Милену!.. Зачѣмъ же ты хочешь отвезти ее туда? удивился Богданъ.

Марта объяснила ему, что дѣвушка живетъ у магната, въ качествѣ компаньонки его дочери. «Прелестная дѣвушка! Настоящая красавица!.. умна, образованна и богата...» восхваляла Марта.

Богданъ сначала думалъ, что Марта говоритъ про Милену, но послѣднее качество не подходило къ той, кто занимала всѣ его мысли.

— Завидная невѣста для всякаго, продолжала Марта, милый братику, хочешь я тебя женю?..»

— Полно сестрица; у васъ женщинъ страсть къ сватовству... я еще и не думаю жениться... да и отца надобно спросить о такомъ важномъ вопросѣ.

— Отецъ то и проситъ меня похлопотать объ этомъ: въ письмѣ, что ты привезъ мнѣ отъ него, прямо сказано, что ты путешествуешъ съ цѣлью искать невѣсту. Зачѣмъже ты таишься отъ меня?

Князь Богданъ совсѣмъ растерялся; онъ не воображалъ, что отецъ его господарь Александръ сообщитъ Мартѣ про семейныя предположенія. Если-бъ не встрѣча съ Миленой, то онъ готовъ бы былъ исполнить желаніе отца и жениться; но теперь намѣренія его приняли другой оборотъ. Жениться на Миленѣ при жизни отца было не мыслимо... жениться же на другой стало для него не-

возможно съ той минуты, какъ внезапное, сильное чувство ворвалось въ его сердце и, помимо его воли, завладѣло его разсудкомъ. Однако объявить прямо, что онъ такъ быстро перемѣнилъ мнѣніе, показалось бы страннымъ и могло возбудить въ Мартѣ подозрѣнія, которыхъ, какъ онъ убѣдился, она еще не имѣла, поэтому онъ рѣшился хитрить и притворяться.

— Я помню, что отецъ мнѣ говорилъ про какую то панну Антонію, о которой ты ему писала. Увѣрена ли ты, что она согласится выйдти за меня? за человѣка совсѣмъ незнакомаго? уѣхать изъ своей веселой стороны въ нашу печальную Молдавію?... подвергнуться всѣмъ случайностямъ, которыя ежеминутно грозятъ правителю страны, зависящей отъ алчности и прихотей турокъ?..

Панна Марта не ожидала такихъ категорическихъ вопросовъ и не вдругъ нашлась на нихъ отвѣчать.

— Отъ тебя будетъ зависѣть понравиться Антоніи, отвѣчала она подумавъ.

— Хорошо!.. постараюсь!.. засмѣялся Богданъ. Пока ты собираешься, я пройдусь по окресностямъ; вчера я не успѣлъ разсмотрѣть, а кажется, что мѣстность у васъ живописная. Черезъ часъ или полтора я явлюсь къ твоимъ услугамъ... прибавилъ онъ.

— О! я увѣрена, что Антонія влюбится въ такого красавца, и мы скоро будемъ пировать на твоей свадьбѣ... весело сказала Марта, цѣлуя брата.

— А я увѣренъ, что этого не случится, подумалъ Богданъ, я такъ отрекомендую себя, что она мнѣ откажетъ...

Съ этими мыслями молодой князь вышелъ изъ замка въ садъ, гдѣ его догналъ панъ Поневскій, говоря, что жена послала его сопутствовать братцу въ прогулкѣ; но Богданъ отклонилъ его услуги, чему толстый панъ былъ

очень радъ; ходить пѣшкомъ было для него трудно, и онъ воротился.

Выйдя изъ садовой калитки, Богданъ съ тревожнымъ біеніемъ сердца вступилъ на ту тропинку между полями пшеницы, гдѣ наканунѣ въ первый разъ увидалъ Милену. «Придетъ ли она»? думалъ онъ. «А если нѣтъ?..» и сердце его сжималось при мысли, что Милена уѣдетъ въ замокъ Тарлы, не повидавшись съ нимъ наединѣ.

Чѣмъ дальше онъ шелъ, тѣмъ медленнѣе становилась его походка: онъ боялся неудачи...

Но вотъ сквозь золотистые колосья мелькнуло бѣлое покрывало. Молодой князь ускорилъ шаги. Милена сидѣла на томъ же мѣстѣ, гдѣ была наканунѣ. Голова ея была опущена, и лицо закрыто руками.

Князь подошелъ и сѣлъ рядомъ съ дѣвушкой; она не перемѣнила своего положенія и не отняла рукъ отъ лица.

— Милена, что съ тобой? спросилъ Богданъ, стараясь отодвинуть ея руки. Боже! ты плачешь! Объ чемъ? Какое у тебя горе?! воскликнулъ онъ, увидавъ слезы въ ея глазахъ.

— Богъ съ тобой!.. зачѣмъ было смущать бѣдную дѣвушку ложными и коварными рѣчами! Я была хоть и не совсѣмъ счастлива, но спокойна... а теперь я испытала такое разочарованье, которое отравило мое сердце на всю жизнь... говорила Милена, и снова слезы полились по ея щекамъ.

— Что значатъ твои слезы и упреки? Что я тебѣ сдѣлалъ и чѣмъ заслужилъ названіе коварнаго обманщика? изумленный ея словами, сказалъ молодой князь.

— Я все знаю. Антонія Тарлы цѣль твоего пріѣзда сюда!.. Ты ищешь богатую и знатную невѣсту, а со мной задумалъ поиграть, какъ кошка съ мышью... Но и у бѣдной дѣвушки есть гордость и честь... хоть мнѣ и трудно будетъ, но я съумѣю вырвать изъ моего сердца не-

сбыточныя надежды и... Милена, не смотря на свое волненіе, запнулась на послѣднемъ словѣ.

— И любовь... досказалъ Богданъ, которому слезы и упреки Милены доказали, что онъ любимъ взаимно.

Дѣвушка стыдливо закрыла лицо покрываломъ и продолжала плакать.

— Перестань горевать понапрасну, дорогая моя... выслушай мои оправданія, успокоивалъ ее Богданъ. Я понимаю, кто сообщилъ тебѣ эти неспрваедливыя вѣсти! Это панна Марта, болтливая, какъ всѣ женщины...

— Нѣтъ, не панна Марта, а панъ Поневскій, отвѣчала она.

Какъ ни былъ князь разстроенъ, а не могъ удержаться отъ смѣха. «Мужчина, а болтливъ, какъ маленькая дѣвочка... Я скажу сестрѣ, и она сдѣлаетъ ему выговоръ...»

— Прошу тебя не говори паннѣ Мартѣ. Я обѣщала сохранить это въ тайнѣ, но не вытерпѣла, чтобъ не упрекнуть тебя... просила Милена.

— Сердце мое!.. я готовъ исполнить все, что ты прикажешь, сказалъ Богданъ, обнимая дѣвушку. Это правда, что господарь Александръ, мой отецъ, послалъ меня путешествовать съ цѣлью найти супругу, поручилъ сестрѣ Мартѣ руководить меня въ выборѣ невѣсты... Я былъ совершенно равнодушенъ, мнѣ было одинаково на комъ жениться... но теперь, съ той минуты, какъ я тебя увидалъ, судьба моя рѣшилась: выборъ мой сдѣланъ и ни что на свѣтѣ не заставитъ меня измѣнить своему слову... Ты будешь моей женой... или я вовсе не женюсь...

— Но родитель твой и сестра не благословятъ нашъ бракъ, сомнѣвалась Милена.

— Я и не стану спрашивать ихъ согласія. Насъ обвѣнчаетъ мой духовникъ въ Яссахъ, и никто этого не узнаетъ, пока живъ господарь Александръ, а послѣ него

я съ Божіей помощью сдѣлаюсь правителемъ нашей родной страны и объявлю тебя своей супругою... говорилъ князь.

— А сватовство на Антоніи?..

— Я постараюсь, чтобъ мнѣ отказали.

— Это случится и безъ твоихъ хлопотъ... и Милена разсказала ему о тайной помолвкѣ Антоніи съ Ивономъ.

— Ивонъ!.. это тотъ, что выдаетъ себя за сына покойнаго господаря Стефана... воскликнулъ Богданъ. Я его знаю: онъ человѣкъ пронырливый и опасный... онъ домогается господарства въ Молдавіи...

Милена подтвердила его слова и передала ему, что Ивонъ уѣхалъ хлопотать въ Турцію. Это извѣстіе озаботило Богдана. Надо спѣшить въ Яссы: отецъ ничего не подозрѣваетъ, а быть можетъ ему уже готовится измѣна, тревожно говорилъ Богданъ. Потомъ помолчавъ, онъ спросилъ: «Милена, вѣришь ли ты въ мою любовь и неизмѣнность обѣщаній?»

— Вѣрю! съ убѣжденіемъ отвѣчала дѣвушка.

— Сердце мое! дорогая невѣста! мы должны отложить мое намѣренье обвѣнчаться, пока я съѣзжу въ Яссы и передамъ отцу объ опасности, угрожающей нашему семейству... Подождешь ли ты моего возвращенія?...

— Видитъ Богъ, что я готова ждать хоть нѣсколько лѣтъ!.. и Милена прильнула головой къ груди Богдана.

Раздались шаги и голосъ пана Поневскаго.

— Меня ищутъ!.. Прощай... и горячій поцѣлуй соединилъ губы влюбленныхъ.

Милена спряталась въ пшеницу, а князь пошелъ на зовъ Поневскаго. Черезъ часъ въ пышной упряжи шестерикомъ, съ перьями на головахъ лошадей и съ золоченой сбруей, подкатилъ блестящій экипажъ Поневскихъ къ крыльцу замка Тарлы. Магнатъ самъ вышелъ на встрѣ-

чу гостей, о пріѣздѣ которыхъ ему возвѣстилъ заранѣе присланный гонецъ.

Антонія, съ любопытствомъ разглядывая брата своей подруги Марты, была поражена его красотой, благородствомъ выраженія лица и всей осанки. Еслибъ не обѣтъ, данный Ивону передъ алтаремъ, Антонія могла бы полюбить Богдана; но теперь она считала себя на вѣки связанной неразрывными узами и даже мысль объ измѣнѣ Ивону считала грѣхомъ.

Послѣ роскошнаго обѣда панна Марта объяснила магнату желаніе своего отца и просила руки Антоніи для своего брата. Какъ и ожидалъ Богданъ, Антонія отказала. Марта была такъ раздосадована, что тотчасъ велѣла готовить свой экипажъ, чтобъ уѣхать. Антонія увела ее въ свою комнату и, ласково уговаривая не сердиться, разсказала ей о помолвкѣ съ Ивономъ, взявъ съ нея клятву держать эту новость въ тайнѣ.

Черезъ три дня, князь Богданъ уѣхалъ въ свою сторону, и все въ замкахъ Тарлы и Поневскихъ пошло по прежнему. Настали долгіе, осенніе вечера. Антонія скучала, Милена въ тихомолку плакала, Марта дулась и капризничала. Наконецъ пришло письмо отъ коронной маршальши Фирлей съ приглашеніемъ племянницы и Милены на зиму въ Краковъ.

Дѣвушки собрались и уѣхали, не имѣя никакихъ извѣстій отъ своихъ избранниковъ.

ГЛАВА IV.

На берегу рѣки Трубежа, что близь Переяслава (Полтавской губ.) раскинулось обширное казацкое становище. Пиръ горой идетъ у гетмана Дружко-Свирховскаго. Только

что воротились удальцы съ весьма удачнаго похода противъ татаръ, и вотъ уже третьи сутки они пьютъ да гуляютъ, да добычу дуванятъ: золото, ковры кизильбашскіе, конскую сбрую, оружіе и татарскихъ чернобривыхъ полонянокъ.

Панъ Дружко-Свирховскій сидитъ въ своей большой, бѣлой хатѣ съ своими подручными атаманами Ганжею и Покотылою, пьютъ крѣпкую горѣлку и ведутъ бесѣду про только что совершенный набѣгъ.

— Ой вы, братцы мои, товарищи! Гарно мы побили поганую татарву и добра много позаграбили... а все-таки сердце мое казацкое не уходилося, не улеглась безпокойная кровь, и руки снова просятъ работы мечемъ да сабелькой. Самые-то злые недруги рода христіанскаго не татарва-ледящая, а лютые волки-турки!.. Слыхали-ль вы, други мои, какъ они молдавовъ да волоховъ мучаютъ, въ цѣпяхъ томятъ, кожи съ нихъ дерутъ, на колы сажаютъ, огнемъ жгутъ... говорилъ неугомонный Дружко, отличавшійся предпріимчивымъ горячимъ характеромъ и безпримѣрной храбростью.

— Довольно погуляли—надо отдохнуть, сопя да кряхтя молвилъ старикъ Ганжа.

— Маленько вздохнемъ и опять за работу; коли надоѣло тебѣ, батько хетманъ, татарву бить—свистни и честное казачество съ радостью пойдетъ за тобой биться съ туркою, бойко и весело сказалъ Покатыло, осушая до дна ковшъ горѣлки.

За порогомъ хаты раздался звонкій, молодой голосъ; онъ пѣлъ новую пѣсню недавно сложенную любимцемъ гетмана молдаваниномъ—Стефаномъ.

„Ой мы, молдавы, мы христіане
Та не минуютъ насъ басурмане,
Ви казаченьки за виру дбайте
Молдавамъ на помочь прибувайте...“

— Чу! къ разу та пѣсня, сказалъ Свирховскій, приложивъ палецъ къ своему носу, покраснѣвшему отъ горѣлки.

— Гей, Стефанъ! подь сюда, сынку! кликнулъ онъ.

Дверь хаты отворилась, и вошелъ молодой малый, лѣтъ 25, красивый, черноокій, смуглый, но съ подвязанной рукой.

— Чего изволишь, батька-хетманъ? спросилъ онъ.

— Пѣсня твоя хороша! Кабы спѣлъ ты ее панамъ рады въ Краковѣ, тогда не стали-бъ они уговаривать насъ казаковъ жить въ ладахъ съ бусурманами и не радѣть о братьяхъ христіанахъ, что подъ ихъ ярмомъ изнываютъ.

Прежде чѣмъ Стефанъ могъ отвѣтить на эти сочувственныя слова, дверь снова отворилась и въ нее не вошелъ, а влѣзъ огромнаго роста молодецъ такой широкоплечій, что долженъ былъ лѣзть бокомъ. Не смотря на свои крупные размѣры, этотъ новоприбывшій былъ замѣчательно хорошъ собою; особенно въ его черныхъ и блестящихъ глазахъ выражалась такая энергія и безшабашное удальство, которыя неотразимо дѣйствовали на народную массу и увлекало ее въ тѣ сумазбродныя выходки, что прославили его въ битвахъ съ татарами. Веселый товарищъ, ловкій наѣздникъ и рѣдкій силачъ Михалко Подкова, прозванный такъ потому, что одной рукой ломалъ подковы, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжный поклонникъ прекраснаго пола. Неукротимо-храбрый въ бою, онъ смущался и краснѣлъ, какъ юный бурсакъ, передъ всякой смазливой женщиной. Товарищи говаривали про Михалку: «Михалкова сила гнетъ подковы, а гарныя казачки гнутъ Михалкову силу!..» Такое мнѣніе про Подкову вошло въ поговорку и «гарныя дивчаты» такъ и льнули къ красавцу-богатырю, особенно послѣ возвращенія изъ набѣга съ добычей.

— Ой! защемило мое ретиво! воскликнулъ Подкова. Спасибо панъ-хетманъ за твои милостивыя рѣчи.... Не слушай ты, ради Бога, тѣхъ «лядскихъ коммисаровъ», что Польша къ тебѣ присылала.... Порадѣй нашей сродной Молдавіи...

— Порадѣю! видитъ Богъ, порадѣю! отвѣчалъ гетманъ. Бисъ ихъ побери, лядскихъ каммисаровъ! Мы не боимся Польши, хоть и считаемся подъ ея короной... а коли наши украинскіе казаки не пойдутъ, я кликну кличъ къ сѣчевымъ запорожцамъ, они не только Польшу, а и самого черта не послушаются...

— Молодцы запорожцы! поддакнулъ Покатыло. Одно не ладно у нихъ: дивчатъ да жинокъ въ свой кошъ не пускаютъ, а безъ нихъ какое житье!.. Такъ ли я разумѣю, другъ Подкова?... и онъ подмигнулъ, лукаво ухмыляясь.

— Охъ эти дивчата!.. и Подкова вздохнулъ такъ, что хата затряслась. Вотъ привезъ татарку.... жалко было пришибить, такая черноокая, ловкая какъ кошка и дикая какъ степная кобылица...

— Ну такъ! ты всегда съ этимъ бисовымъ отродьемъ связываешься!.. Смотри! укуситъ она тебя, либо соннаго зарѣжетъ!.. заворчалъ полупьяный Ганжа.

— Нѣтъ! атаманъ Ганжа! Его Чайка не настоящая татарка, ея мать полонянка-христіанка, вставилъ слово Стефанъ. Подкова, шутя погрозилъ ему пальцемъ:

— Ой, хлопче! не заглядывайся на Чайку: не пожелай жены ближняго твоего...

— Ну вотъ! зачѣмъ мнѣ твоя Чайка! Ты-то не лѣзь къ Зорѣ... возразилъ Стефанъ.

— Охъ, дѣтки! плюньте на дивчатъ! Побачимъ про вашу Молдавію... остановилъ ихъ Свирховскій.

Подкова началъ доказывать, что казакамъ непремѣнно слѣдуетъ поднять оружіе на защиту христіанъ, находя-

щихся во власти турокъ. Стефанъ также просилъ гетмана и атамановъ порадѣть. Свирховскій вполнѣ съ ними соглашался, но Ганжа и Пакотыло отнѣкивались.

— Повременить надо... Казаки устали... Вотъ отдохнемъ, тогда соберемъ раду и побачимъ съ громадой!..

Подкова нетерпѣливо постукивалъ могучимъ кулакомъ по столу, такъ что жбаны да ковши подскакивали. Стефанъ нахмурился и шепнулъ своему земляку:

— Отстань, Михалко, не время теперь съ ними толковать. Горѣлка имъ разумъ отшибла!..

Подкова всталъ, поклонился гетману и вышелъ изъ хаты въ сопровожденіи Стефана. «Вотъ пятый годъ жду и все одинъ отвѣтъ: погоди да повремени!» съ досадой въ полголоса сказалъ Подкова.

— А жестокіе турки не ждутъ!... По всей нашей странѣ одинъ общій вопль: помогите единовѣрные! со слезами на глазахъ отвѣчалъ Стефанъ.

— Все это отъ того, что нашъ господарь Александръ слишкомъ старъ и слабъ. Онъ трепещетъ при имени Селима II и ползаетъ передъ Генрихомъ Валуа... воскликнулъ Подкова громко, такъ какъ они отошли ужъ далеко отъ бѣлой хаты гетмана Свирховскаго.

— По слухамъ господарь Александръ хвораетъ, можетъ быть скоро помретъ, а его преемникъ будетъ храбрѣе и предпріимчивѣе... замѣтилъ Стефанъ.

— Если султанъ утвердитъ господарство за его сыномъ Богданомъ, то Молдавія останется въ томъ же положеніи, коли еще не хуже. Богданъ мальчишка безъ воли и энергіи, онъ вполнѣ преданъ Польшѣ и не посмѣетъ поднять знамя независимости, а все будетъ испрашивать позволенія да помощи у лядскихъ коммисаровъ, а тѣ, соблюдая свои выгоды, никогда не заступятся за тѣхъ, кто не принадлежитъ къ католической церкви и кого они называютъ еретиками; напротивъ Польша стремится пода-

вить и ослабить вліяніе восточной церкви. Пока восточные славянскіе племена находятся подъ турецкимъ игомъ, у католиковъ нѣтъ сильныхъ противниковъ... только на сѣверѣ въ далекой, хладной Московіи они опасаются грознаго врага... вотъ куда бы надо намъ обратиться за помощью... молвилъ Михалко Подкова.

— Напрасно ждать помоги отъ той далекой страны, гдѣ еще не совсѣмъ одолѣли владычество татаръ, возразилъ Стефанъ. Говорятъ, что московскій царь ведетъ съ ними упорную борьбу за собственную власть... да и какая это страна?... по разсказамъ бѣглыхъ москалей народъ тамъ бѣденъ, глупъ и трусливъ...

— Не вѣрь этимъ несправедливымъ толкамъ, что распускаютъ бездѣльники, выгнанные изъ отечества. Тотъ народъ, что успѣлъ сорвать съ себя позорныя цѣпи порабощенія, изгналъ свирѣпыхъ потомковъ Тамерлана изъ своихъ предѣловъ и напиталъ своей и вражьей кровью поля битвъ... такихъ битвъ, которыя сдѣлали бы честь любому изъ его сосѣднихъ государствъ—тотъ народъ имѣетъ всѣ задатки будущаго могущества.... Москва намъ единовѣрная и отъ нея когда нибудь да явится самая надежная помощь славянамъ... Я это ужъ не разъ старался доказать и казакамъ и нашимъ землякамъ.... къ сожалѣнію меня не слушаютъ, даже братъ мой Ивонія не согласенъ съ моими взглядами; онъ хлопочетъ въ Константинополѣ и подкупаетъ совѣтниковъ Селима, а тѣ берутъ злато, сулятъ и ничего не исполняютъ...

— Братъ твой Ивонія храбръ и уменъ, ему бы слѣдовало господарствовать, онъ съумѣлъ бы освободить Молдавію, сказалъ Стефанъ.

— Дай Богъ, чтобъ это случилось, вздохнулъ Подкова.

Разговаривая о такихъ важныхъ вопросахъ, близкихъ

къ ихъ общимъ интересамъ, они подошли къ хатѣ, гдѣ жили вмѣстѣ.

— Тише! Чайка поетъ, сказалъ Подкова, вдругъ переходя отъ серьезнаго настроенія на любовный ладъ.

— И съ ней поетъ моя Зора, подхватилъ Стефанъ. Онѣ учатъ другъ друга пѣснямъ и повѣряютъ сердечныя тайны; послушаемъ, что онѣ говорятъ. Молодые люди стали подъ окномъ хаты; было совсѣмъ темно, солнце давно сѣло, а луна еще не вставала, только несчетныя звѣзды сверкали на сине-прозрачномъ небѣ, да вдали мелькали огоньки въ Переяславѣ. Тутъ было тихо и спокойно, а тамъ раздавались пьяныя хриплыя пѣсни гулявшихъ казаковъ. Дѣвушки, сидя у окна, вели задушевную бесѣду.

— Милая Чайка! увѣряю тебя, что Михалко любитъ тебя искренно, говорила казачка Зора.

— Но ты же разсказывала, что онъ любитъ и другихъ женщинъ, возразила Чайка, скоро освоившаяся съ казацкимъ нарѣчіемъ.

— Ну, положимъ, что это и правда... онъ любилъ... но тогда онъ еще не зналъ тебя... въ смущеньи отвѣчала Зора.

— Товарищи говорятъ про него, что онъ влюбчивъ и непостояненъ.... Кто можетъ поручиться, что онъ и теперь не любитъ какую нибудь казачку... а я ревнива и коли полюблю кого, то потребую, чтобъ онъ принадлежалъ мнѣ одной... За измѣну я готова убить... вотъ почему я боюсь довѣриться тому, кто защитилъ меня въ ужасную минуту.

— Разскажи, какъ это было?

— Ты знаешь уже, что мать моя гречанка, украденная и проданная въ полонъ; меня же насильно отдали хану Ибрагиму, разлучивъ съ матерью въ наказанье за то, что она не согласилась снять крестъ и поклониться

Магомету. Ибрагимъ хотѣлъ взять меня въ жены, но его ханьши этого не желали, онѣ преслѣдовали меня, били, мазали мнѣ сонной лицо и тѣло разными вредными снадобьями, чтобъ обезобразить, такъ что я едва не ослѣпла. Увидя меня больную, покрытую язвами, Ибрагимъ велѣлъ выбросить меня изъ своей кибитки. Долго я лежала между его женской прислугой, которая брезговала ѣсть вмѣстѣ со мной, называя паршивой. Меня даже хотѣли пришибить, какъ негодную собаку, но этого не случилось: спасибо одной старухѣ-рабыни, которая пожалѣла и спрятала меня; она носила мнѣ питье и пищу тайкомъ отъ злыхъ ханьшъ. Мало по малу я стала выздоравливать, язвы мои зажили, глаза прозрѣли... я собралась бѣжать. Вдругъ ночью поднялась тревога; разнеслась вѣсть, что идутъ казаки; женщинъ и дѣтей велѣли собрать въ середину становища; окружили толпами вооруженныхъ гайдамаковъ... началась битва... женщины и дѣти ханскія плакали и голосили, моля аллаха даровать побѣду татарамъ, а я молилась христіанскому Богу, чтобы сокрушилъ поганыхъ. Наконецъ татары обратились въ бѣгство, женщины бросились за ними... слабыя или хворыя падали и ихъ давили подъ конскими копытами... я нарочно отстала, я хотѣла перебѣжать къ казакамъ. Вижу, что мчится рядъ прямо на меня; я встала на кочку и, поднявъ руку, сдѣлала знаменье креста. «Стой!» раздался громкій голосъ, и высокій плечистый всадникъ осадилъ коня въ двухъ шагахъ отъ меня. Не помню, что тутъ было; меня окружили и кажется хотѣли убить, но Михалко загородилъ меня и, схвативъ за руки, поднялъ и посадилъ сзади себя на сѣдло. Я вцѣпилась въ его поясъ, и долго мы такъ скакали по степи въ догонку за бѣжавшими татарами. Подкова и забылъ, что я сзади его на сѣдлѣ; а я такъ и замерла, руки у меня одервенѣли, такъ что едва могли

разжать мнѣ пальцы, когда воротились съ погони... разсказывала Чайка взволнованнымъ голосомъ.

— А потомъ что было? полюбопытствовала Зора.

— Потомъ... Чайка вдругъ замолчала; она выглянула въ окно и увидала подслушивавшихъ.

Дѣвушки захихикали, и казачка крикнула:

— Ой, хлопцы! стыдно подслушивать...

Сконфуженные молодые люди отскочили отъ окна, но Зора выставила за окно огарокъ и при свѣтѣ его узнала ихъ: Ге! да это Стефанъ съ Михалкой.... поди.... поди сюда, ледящій, вотъ я тебѣ надеру чубъ... Казачка хохоча выскочила изъ хаты и погналась за Стефаномъ, который, отбѣжавъ за кустъ черешни, притаился и поймалъ наскочившую на него дѣвушку: «Тише! тише! не разбереди мою рану...» сказалъ онъ. Вслѣдъ затѣмъ раздался смѣхъ, шопотъ и поцѣлуи...

Подкова вошелъ въ хату и оглянулъ ее всю. Чайка забилась въ темный уголъ и накрыла голову чадрой. Подкова сѣлъ возлѣ нея: «Что моя гарная дивчата! ты все дичишься да прячешься, а пора тебѣ привыкать къ здѣшней вольной жизни казачекъ; видишь, какъ Зора весела и свободна».

— Можетъ быть я не долго здѣсь проживу, такъ и не для чего мнѣ привыкать къ чужимъ обычаямъ, отвѣчала Чайка.

— Развѣ тебѣ здѣсь не любо? спросилъ Подкова.

— Я бы хотѣла въ свою сторону. Мать говорила, что у меня тамъ остались сестры, братья и другая родня...

— Это было давно!... Живы ли они еще теперь?... Лучше тебѣ подождать, какъ казаки пойдутъ на турку, мимоходомъ мы разгромимъ татарское становище и выручимъ твою мать...

Чайка откинула чадру и наклонилась къ нему; глаза ея сверкали, румянецъ покрывалъ смуглыя щеки.

— О! кабы это случилось! воскликнула она.

— Полюби меня, и я выручу твою мать изъ когтей самого бѣса... подвигаясь ближе, говорилъ Подкова.

— А если ты потомъ мнѣ измѣнишь? Если ты полюбишь другую?

— Тогда убей меня!..

— Берегись! со мной опасно шутить!.. и она нахмурилась.

— Я не шучу. Я увѣренъ, что ты не захочешь убить того, кто такъ страстно тебя любитъ, обнимая прекрасную плѣнницу, говорилъ Подкова. Чайка не отталкивала его.

Когда Стефанъ съ казачкой вошли въ хату, она была пуста. «Наши голубки стали ворковать», засмѣялась Зора. Стефанъ не успѣлъ отвѣчать, какъ въ ночной тиши застучали конскія подковы. Кто-то ѣхалъ шибко и вдругъ сталъ возлѣ хаты. «Отопритесь!» раздался громкій, нетерпѣливый голосъ, и въ ворота посыпались удары рукояткой сабли. Зора испуганно прижалась къ Стефану.

— Охъ, мати пресвятая, матерь Божія! То гайдамаки либо татары! шептала казачка.

Подкова, услыхавъ возгласъ пріѣзжаго, оставилъ Чайку въ темныхъ сѣняхъ и бросился къ воротамъ. Онъ сорвалъ замокъ и выскочилъ на улицу. «Ивонъ! братъ!» и онъ стиснулъ нежданнаго гостя въ могучихъ объятіяхъ.

— Не задуши!.. ты все забываешь про свою силу, шутливо сказалъ Ивонъ. Черезъ минуту они были на порогѣ комнаты. «Кто это у тебя!» останавливаясь и хмуря брови, спросилъ Ивонъ.

— Это Стефанъ, изгнанникъ изъ Яссъ, года 4 тому назадъ нашедшій убѣжище у казаковъ, отвѣчалъ Подкова.

Лицо Ивона прояснилось. «Здравъ ли ты, другъ! Я радъ тебя видѣть!..» привѣтствовалъ онъ Стефана.

— Живъ, но не совсѣмъ-то здравъ: вотъ проклятая

татарская сабля рѣзнула меня по рукѣ... отвѣчалъ Стефанъ, подходя къ пріѣзжему.

— Ну, это хорошо! молодцу надо привыкать къ такимъ гостинцамъ. Быть можетъ, скоро будетъ работа позабористѣй, чѣмъ потасовка съ татарвою, говорилъ Ивонъ, садясь на скамью. Ухъ усталъ!.. путь не близкій и гналъ я безъ отдыху!.. Эй, красотка! накорми и убери моего коня, обратился онъ къ казачкѣ, которая побѣжала исполнять его просьбу и въ сѣняхъ столкнулась съ Чайкой.

— Кто это? Зачѣмъ?.. тихо спросила она.

— Это Михалковъ братъ Ивонъ, отвѣчала Зора.

— Охъ горе! чуетъ сердце, что онъ увезетъ Михалку, тужила Чайка. Когда Зора вышла, Ивонъ сказалъ тихо:

— Братъ! мнѣ нужно говорить съ тобою о важномъ дѣлѣ, гдѣ бабьи уши будутъ лишнія: удали эту, да еще я тамъ замѣтилъ другую въ сѣняхъ!.. Охота вамъ съ бабами водиться.

Подкова и Стефанъ конфузливо переглянулись; ни тотъ, ни другой не нашли отвѣта. Стефанъ пошелъ къ двери.

— Куда ты, другъ? Намъ нуженъ твой совѣтъ, крикнулъ Ивонъ.

— Я скажу имъ, чтобъ онѣ ушли и тотчасъ вернусь!.. отвѣчалъ Стефанъ. Выйдя въ сѣни, онъ крикнулъ Зору.

— Иди домой и возьми съ собой Чайку. Завтра утромъ я пріиду къ вамъ, а сами вы сюда не кажитесь, у насъ дѣла, мы протолкуемъ всю ночь, а утромъ будемъ долго спать.

— Хорошо, я уйду! Прощай мое сердце! и казачка стала послушно сбираться по приказанію своего возлюбленнаго.

— Вотъ какъ! мы вамъ стали въ тягость, съ доса-

дой сказала Чайка. А коли я не пойду?.. Что-жь меня выгоните?..

Стефанъ напрасно ее уговаривалъ. Чайка была упряма. Она сѣла на ступенькахъ крыльца и объявила, что просидитъ тутъ до утра. Услыша шопотъ и движеніе въ сѣняхъ, вышелъ Подкова. Стефанъ объяснилъ ему, что Чайка не слушается. «Иди, голубка моя! братъ не любитъ женщинъ», просилъ Подкова, но Чайка, какъ дикая степная лошадь, не знала другой воли кромѣ своей.

— Выброси меня на улицу!.. раздраженно говорила она. Надобно было покориться ея капризу. Зора ушла одна.

Молодые люди воротились въ хату и плотно затворили двери. «Онѣ ушли...» сказалъ Подкова и предложилъ брату ужинать. Когда Ивонъ утолилъ свой голодъ, то началъ разсказывать имъ свои похожденія. Вотъ что случилось съ нимъ съ той поры, какъ онъ покинулъ замокъ Тарлы.

— Я поспѣшилъ въ Константинополь и началъ усердно хлопотать при дворѣ Селима II-го; я не скупился на подарки, и главный визирь далъ мнѣ слово поставить меня на господарство, какъ скоро помретъ князь Александръ. Совершенно успокоенный, я уѣхалъ въ Молдавію, чтобы подготовить народъ къ той мысли, что господарю не наслѣдуетъ его сынъ, какъ всѣ ожидали того. По прибытіи въ Яссы я узналъ, что князь Александръ опасно болѣнъ, а сынъ его Богданъ уѣхалъ путешествовать. Это было очень благопріятно для моихъ плановъ. Прошло нѣсколько дней; я видѣлся со многими значительными лицами и передалъ имъ, что надѣюсь быть утвержденнымъ въ господарствѣ: и турецкіе чиновники и молдавскіе бояре принимали меня очень ласково и увѣряли въ своемъ сочувствіи. Старый господарь день ото дня слабѣлъ... пріѣхалъ Богданъ и только поспѣлъ, чтобы получить предсмертное

благословеніе отца. Господарь умеръ, и всѣ уже считали меня его преемникомъ. Послѣ его погребенія, Богданъ отправился въ Константинополь, но это меня не тревожило: я полагалъ, что онъ поѣхалъ съ пустыми руками. Однако я ошибся... У него сильная партія въ Яссахъ, гдѣ онъ успѣлъ пріобрѣсти общее довѣріе и любовь. Его снабдили золотомъ и вѣрно его подарки Дивану были значительнѣе моихъ. Пока я ждалъ присылки фирмана о своемъ утвержденіи, Богданъ возвратился и былъ провозглашенъ господаремъ.... Послѣ этихъ словъ, не требовавшихъ дополненія и поясненій, воцарилось безмолвіе. Ивонъ не могъ говорить, подъ вліяніемъ гнѣва и горя, волновавшихъ его пылкую душу, а Подкова и Стефанъ были такъ поражены, что не могли очнуться. Наконецъ Ивонъ первый поборолъ свое волненіе и продолжалъ: «Неудача эта тѣмъ болѣе ужасна, что я роздалъ все свое золото, которое получилъ отъ магната Тарлы; конечно онъ далъ бы мнѣ еще, но я долженъ бы былъ жениться на его дочери....»

— О! если отъ этого зависитъ твоя будущность и исполненіе завѣтнаго плана освобожденія Молдавіи, тебѣ слѣдуетъ спѣшить свадьбою... воскликнулъ Стефанъ.

— Другъ мой! къ этой свадьбѣ существуетъ непреодолимое препятствіе. Я люблю твою сестру Милену и далъ ей слово жениться на ней... отвѣчалъ Ивонъ.

— Сестра Милена! Гдѣ ты ее видѣлъ? Гдѣ она теперь? воскликнулъ Стефанъ.

— Сначала я встрѣтился съ ней въ Краковѣ у жены короннаго маршала Фирлея, гдѣ она жила какъ воспитанница, а я служилъ тамъ же секретаремъ, потомъ она уѣхала съ племянницей маршальши въ Черкассы на Десну, къ магнату Тарлы и теперь находится тамъ...

— Боже мой! такъ близко отъ сюда, и я не зналъ! Какъ бы я желалъ ее видѣть... Скажи, помнитъ ли она

меня? Здорова ли она? Хорошо ли ей жить? Стефанъ закидалъ его вопросами, и слезы текли по его щекамъ.

— Успокойся, другъ! Ее очень любятъ и берегутъ; она здорова и часто поминаетъ о миломъ братѣ. Отвѣчай мнѣ откровенно, желаешь ли ты, чтобы я женился на твоей сестрѣ? спросилъ Ивонъ.

— О да! Я не только этого желаю, но я несказанно счастливъ буду назвать тебя братомъ! отвѣчалъ Стефанъ.

Ивонъ обнялъ и поцѣловалъ молодаго человѣка; заручившись его поддержкой, онъ былъ увѣренъ, что преодолѣетъ всѣ препятствія и побѣдитъ сопротивленіе любимой дѣвушки. «Она такъ любитъ своего брата, что нерѣшится поступить на перекоръ его желанію», думалъ онъ.

— Чтожъ ты располагаешь теперь дѣлать! Неужели ты добровольно откажешься отъ давнишняго намѣренья завладѣть правленіемъ Молдавіей и поднять ее на борьбу за независимость? Ужели ты простишь этимъ невѣрнымъ, коварнымъ туркамъ ихъ подлый обманъ? Ужели ты будешь равнодушно слушать стоны нашихъ земляковъ, ничего непредпринимая, чтобы розорвать ихъ цѣпи и освободить нашу родину отъ рабства? вспыльчиво молвилъ Подкова, которому очень было не по душѣ, что его братъ изъ любви къ бѣдной дѣвушкѣ отказывается отъ женитьбы на дочери могущественнаго богатаго Тарлы, золотомъ котораго могъ бы располагать для своего предпріятія.

Ивонъ покраснѣлъ и нахмурилъ брови. Его оскорбили слова брата, въ которыхъ звучалъ упрекъ и неодобреніе его поступковъ.

— Нѣтъ, братъ! покуда есть капля крови въ моихъ жилахъ и искра жизни въ моемъ сердцѣ, я неоткажусь отъ своихъ плановъ; затѣмъ-то я и пріѣхалъ сюда; я хочу просить казаковъ и надѣюсь на ихъ помогу...

Подкова съ горечью усмѣхнулся: «Напрасно ты на-

дѣешься... Казаковъ трудно поднять, они только что воротились съ набѣга на крымцевъ... Я увѣренъ, что они откажутъ тебѣ. Не далѣе какъ два часа тому назадъ, я говорилъ объ этомъ съ самимъ хетманомъ Дружко-Свирховскимъ, который хоть и принимаетъ участіе въ судьбѣ Молдавіи, но его подручные атаманы, полковники да эсаулы другаго мнѣнія; а ты знаешь, что у казаковъ хетманъ ничего не можетъ предпринять безъ рады, нужно согласіе всей громады.... Кромѣ того, Польша старается сохранять миръ съ Турціей и не допуститъ казаковъ до вмѣшательства въ дѣла союзниковъ...

Это извѣстіе очень опечалило Ивона.

— Я не ожидалъ, что казаки мнѣ откажутъ, уныло отвѣчалъ онъ. «Что касается до Польши, то я напрасно въ ней искалъ сочувствія, впрочемъ ей теперь не до Молдавіи: въ Краковѣ и Варшавѣ страшная неурядница, шляхта враждуетъ противъ магнатовъ, а слабый король Сигизмундъ Августъ не смѣетъ вступаться въ ихъ раздоры. Не сегодня—завтра онъ умретъ; поѣдутъ искать во Францію, либо въ Австрію и Московію кандидата польской короны. Сильная партія подготовляетъ возстаніе въ пользу семигродскаго воеводы Стефана Баторія, разсказывалъ Ивонъ.

— Я знаю, что отъ поляковъ ничего недождешься кромѣ помѣхи, сказалъ Подкова. Почему бы тебѣ не попытать союза съ государемъ Московіи. Еслибъ онъ прислалъ войско, то и казаки пошли бъ охотнѣе.

— Въ крайнемъ случаѣ, если Свирховскій окончательно откажетъ, можно будетъ попытать, но я не надѣюсь на Московію, я совсѣмъ не знаю этой страны и ѣхать туда довольно опасно...

— Я самъ поѣду и все узнаю, мнѣ давно хотѣлось побывать въ единовѣрномъ намъ сѣверномъ царствѣ, предложилъ Подкова.

— Хорошо! Завтра я потолкую съ Свирховскимъ и тогда увидимъ, какой оборотъ примутъ мои дѣла. Ну, друзья мои! я изнемогъ отъ усталости: тѣло требуетъ отдыху, а мысли путаются отъ сна... Пора спать...

Подкова уложилъ дорогаго гостя и легъ рядомъ съ нимъ. Стефанъ еще нѣсколько времени просидѣлъ у открытаго окна. Все, что такъ неожиданно случилось въ этотъ вечеръ и главное вѣсти отъ потерянной и вновь найденной сестры, произвели на него такое впечатлѣніе, что онъ совсѣмъ забылъ про Чайку; а она, прильнувъ къ двери, подслушала весь разговоръ молодыхъ людей съ гостемъ. «Онъ уѣдетъ! онъ броситъ меня», шептала она, сжимая судорожно руки; голова ея горѣла, любовь и злоба кипѣли въ сердцѣ.

ГЛАВА V.

Свирховскій принялъ Ивона очень ласково и обѣщалъ свое содѣйствіе. Собрали раду и на кругу, составленномъ громадой казаковъ, самъ гетманъ произнесъ рѣчь, объясняя имъ состояніе угнетенныхъ христіанъ и прося ихъ помочь Ивону освободить Молдавію.

Казаки молча выслушали рѣчь своего гетмана и, почесывая за ухомъ, нехотя отвѣчали: «Треба подумать, дѣло-то не легкое! турокъ—не татаринъ и не степной гайдамакъ!... Такая война не чета набѣгу на крымскія кибитки да караваны!...»

Напрасно уговаривалъ ихъ Свирховскій, напрасно пылкій, краснорѣчивый Подкова разсказывалъ имъ про тѣ звѣрскіе поступки, которыми отличались басурмане въ единовѣрной казакамъ странѣ, громада, всегда послушная слову любимаго товарища, на этотъ разъ упорно стояла

на своемъ: «подумаемъ», что было равносильно отказу. Ивонъ отчаялся.

— Не унывай, панъ Ивонія! утѣшалъ его Свирховскій. Я пошлю гонца къ низовымъ братьямъ нашимъ запорожскимъ казакамъ и вѣрно тебѣ говорю, что соберу войско, только не такъ скоро, какъ тебѣ хочется... Стефанъ, хочешь ли ты ѣхать въ Сѣчь съ моей грамотой къ кошевому Павлюку?» спросилъ онъ своего любимца, который съ радостью согласился исполнить порученіе.

— Помни, сынку, что отъ твоего усердія зависитъ свобода твоей родины, напомнилъ ему гетманъ.

— А я поѣду въ Московію, сказалъ Михалко Подкова.

Свирховскій покачалъ головой. «Едва ли ты успѣешь, любезный товарищъ: тамошній царь грозенъ и лютъ, какъ разсказывалъ мнѣ князь Курбскій, котораго онъ лишилъ его наслѣдственнаго удѣла и заставилъ бѣжать изъ отечества въ Литву...»

— Я не боюсь ничего и готовъ перенести всякія опасности для пользы нашего предпріятія, молвилъ Подкова.

На томъ и завершилась первая попытка Ивона поднять казаковъ; хоть онъ и имѣлъ еще слабыя надежды, но обѣщанная помощь могла осуществиться не скоро, а между тѣмъ его соперникъ, князь Богданъ, спокойно господарствовалъ въ Яссахъ, куда Ивонъ не смѣлъ показаться послѣ своей неудачи. Стефанъ поспѣшно собрался и простился съ Зорой, которая проводила его безъ слезъ. Казачки привыкли провожать братьевъ, мужей и жениховъ на войну и терпѣливо ждать ихъ возвращенія.

Подкова объяснилъ Чайкѣ, что ему необходимо съ ней разстаться и предложилъ ей жить во время его отсутствія у родныхъ Зоры. Чайка, осыпавъ его потокомъ упрековъ, погрозила убить и его и себя, если онъ не возьметъ ее съ собой.

— Глупая! Какъ же я повезу съ собой дивчату? уговаривалъ ее Подкова. «Ты не вынесешь долгаго пути

и суроваго московскаго холода, да еще изъ за тебя мнѣ можетъ приключиться бѣда: вѣдь ты красавица, на тебя польстится какой нибудь бояринъ, велитъ меня заковать въ цѣпи, а тебя увезетъ въ рабство...»

— Я обстригу косу, надѣну казацкую одежду, и ты выдашь меня за молодаго хлопца...

— Ты заболѣешь отъ ѣзды на конѣ и будешь мнѣ помѣхой.

— Коли заболѣю—брось меня на пути... пусть помру, какъ замученная лошадь...

Послѣ такого спора, видя рѣшимость Чайки и тронутый ея любовью, Подкова согласился взять ее. Простясь съ Ивономъ, который остался у Свирховскаго, Подкова, съ переодѣтой Чайкой, выѣхалъ изъ казацкаго становища по направленію къ границамъ Московскаго государства, гдѣ тогда царствовалъ Ивонъ Васильевичъ IV-й.

Это было полтора года послѣ ужасной Новогородской рѣзни, 8 января 1570 г., которая навела ужасъ на всю Русь и прибавила къ имени царя прозваніе «грознаго». Чѣмъ дальше углублялся молдаванинъ Михалко Подкова въ земли смежныя съ Москвою, тѣмъ чаще впадалъ онъ въ сомнѣніе и нерѣшимость. Но стыдъ возвратиться, не достигнувъ цѣли пути и не испытавъ всѣ средства склонить Москву къ войнѣ съ турками, заставлялъ его упорно стремиться впередъ.

Наконецъ онъ прибылъ къ Владиміру на Клязьмѣ. Это было при солнечномъ закатѣ прекраснаго іюльскаго вечера. Подкова и Чайка залюбовались на живописную панораму города, расположеннаго на крутой горѣ, сплошь покрытой зеленью садовъ, окружавшихъ боярскія палаты, которыя съ противоположнаго берега рѣки Клязьмы, омывавшей подножье горы, казались гнѣздами ласточекъ, прилѣпленныхъ къ стѣнѣ изумруднаго цвѣта. При алыхъ

лучахъ догоравшей зари, словно окруженный сіяніемъ, блестѣлъ соборный куполъ на самомъ верху горы.

Чайка съ восторгомъ воскликнула: «Какъ хорошо жить тамъ.»

— Да! хорошо бъ было, кабы въ 140 верстахъ отъ сюда не находился вертепъ грабителей, душегубовъ, что затопили всю Русъ неповинной кровью, мрачно отозвался сановитый бояринъ, стоявшій возлѣ нихъ на перевозѣ.

Подкова съ удивленіемъ посмотрѣлъ на боярина и спросилъ.

— Неужели такъ близко отъ царской столицы у васъ водятся гайдамаки?

Бояринъ засмѣялся: «Гайдамаки! удачно ты ихъ назвалъ. По выговору твоему и одеждѣ я догадываюсь, что ты черкашинъ съ Днѣпра, или, какъ они себя величаютъ, украинскій казакъ...» сказалъ онъ.

— Ты отгадалъ да не совсѣмъ: я хоть и долго жилъ съ казаками, но родомъ не изъ ихъ земли, отвѣчалъ Подкова, которому очень понравилось открытое, смѣлое выраженіе лица боярина и его умная рѣчь, доказывавшая знакомство съ бытомъ сосѣднихъ народовъ.

— Не взыщи за любознательность: у меня привычка всѣхъ распрашивать. Откуда же ты родомъ? спросилъ бояринъ.

— Я изъ Молдавіи... слыхалъ ли ты, бояринъ, про нашу землю.

— Молдавы или молохи... слыхалъ... ваша земля далеко на пути къ Царьграду... раздумывая молвилъ бояринъ. Что же у васъ, царь или князь?..

— У насъ господарь, ставленный отъ турецкой власти... Мы подъ игомъ басурманъ и платимъ имъ дань, а какъ они зовутъ: харачь, отвѣчалъ Подкова.

Бояринъ покачалъ головой и въ большихъ сѣрыхъ глазахъ его засвѣтились жалость и участіе.

— Охъ! тяжко вамъ!.. Куда же ты путь свой держишь, зачѣмъ и какъ попалъ въ нашъ градъ Володиміръ?

— Я держу путь къ царю московскому, и мнѣ сказали, что надо ѣхать къ нему черезъ Клязьму-рѣку и градъ Володиміръ... Я ѣду хлопотать о помочи противу нашихъ угнетателей; вѣдь мы съ Москвой единовѣрцы, такъ кому-жъ и радѣть о насъ, кому и вступиться за насъ, коли не Москвѣ?.. объяснялъ Подкова.

— Москва то бы и рада помочь вамъ, да самой то Москвѣ не легче васъ... загадочно молвилъ бояринъ.

— Но я слыхалъ, что вы покорили татарское казанское царство и вамъ теперь не страшны ваши бывшіе притѣснители...

— Такъ... съ татарвой мы справились; а свейцы? а ляхи? малоль у насъ беспокойныхъ сосѣдей, съ коими надо бороться... да этобъ еще все ничто... въ самой-то Руси, въ сердцѣ ея такой то разладъ, что Боже упаси!.. Слыхалъ небойсь, каковъ у насъ царь-то? понижая голосъ, спросилъ бояринъ. «Вѣдь и въ вашей землѣ про него небойсь вѣдомо?»

— Слыхалъ, что его прозвали грознымъ, но вѣдь это не бѣда, коли онъ страшенъ своимъ врагамъ, возразилъ Подкова.

Долго молча глядѣлъ на него бояринъ, словно не рѣшаясь высказаться. Наконецъ онъ спросилъ: «Ты гдѣ на ночлегъ станешь? Есть у тебя знакомцы въ Володимірѣ!»

— Нѣтъ никого, я стану гдѣ нибудь на гостиномъ дворѣ.

— Ну, такъ вотъ что: мы поѣдемъ мимо моей усадьбы: вонъ видишъ посередкѣ горы на право-то крышка красная?.. Ночуй у меня: мы потолкуемъ по душѣ...

Подкова былъ очень радъ приглашенію, и эта встрѣча обѣщала ему пользу. Онъ надѣялся подробно узнать настоящее положеніе московскихъ дѣлъ и, смотря по тому, что услышетъ, составить планъ дѣйствій. «Если тебѣ не будетъ отъ меня утружденія, то дозволь переночевать у тебя... сказалъ Подкова.

Въ то время паромъ толкнулся о берегъ, и бывшіе съ бояриромъ челядинцы поспѣшно стали выводить съ плота осѣдланныхъ коней. Подкова тоже свелъ свою лошадь и Чайку, потомъ помогъ ей взобраться на сѣдло.

— А этотъ парень съ тобой же ѣдетъ, спросилъ бояринъ, влѣзая на сѣдло и указывая на Чайку.

— Да! Это мой меньшой братъ, отвѣчалъ Подкова, краснѣя отъ испытывающаго взгляда боярина, который слегка усмѣхнулся и сказалъ: «На что бралъ такого юнца! небойсь, связа съ нимъ была тебѣ въ пути!.. Сидѣлъ бы дома съ бабами...»

Это замѣчаніе очень не понравилось Чайкѣ; она съ досадой поглядѣла на боярина, но онъ продолжалъ улыбаться, словно поддразнивая ее. Вскорѣ дорога съузилась такъ, что двѣ лошади едва могли ѣхать рядомъ. Чайка отстала отъ боярина и Подковы, которые поѣхали впередъ. Свернувъ на право отъ дороги къ Владиміру, они сдѣлали съ полъ-версты объѣзда между садами да огородами и выѣхали на небольшую равнину. Въ глубинѣ ея стоялъ большой домъ, срубленный изъ толстыхъ сосновыхъ брусьевъ, на конькѣ и по угламъ выкрашенный разными яркими цвѣтами, съ окнами, загороженными желѣзными затворами и обнесенный высокимъ, остроконечнымъ тыномъ. Подъѣзжая къ воротамъ, бояринъ вынулъ изъ за пояса серебрянный рогъ, и пронзительный звукъ его поднялъ на ноги всю дворовую челядь, собравшуюся было спать послѣ ужина за свѣтло. Ворота заскрипѣли на своихъ масивныхъ петляхъ, и хозяинъ первый въѣхалъ

на широкій дворъ, а за нимъ и гости со всѣми провожатыми боярина.

— Добро пожаловать... молвилъ бояринъ, взявъ за руку Подкову и вводя его въ первый покой своего дома.

Изъ боковой двери стремительно выбѣжала къ нимъ на встрѣчу молодая женщина, но, увидавъ посторонняго, обернулась и бросилась вонъ изъ комнаты.

— Чего испужалась? Настя!.. Настасья Миколавна!.. иди, не бойсь—это чужой, не московскій... и молодая женщина робко воротилась.. Это моя хозяйка, рекомендовалъ онъ. Кланяйся жена гостю изъ далекихъ странъ, изъ Молдавіи... а какъ звать гостя, еще и самъ незнаю...

— Михалко, по прозвищу Подкова, отвѣчалъ гость.

— Этого то какъ? спросилъ бояринъ, указывая на Чайку..

— Александръ... У Подковы дѣйствително былъ третій меньшой братъ Александръ.

Боярыня Настасья Николавна низко поклонилась гостямъ и особенно ласково поглядѣла на Чайку.

— Ну-ка, боярыня, прикажи собрать намъ ужинать: проголодались мы съ пути дорожки-то!.. Говоря это, бояринъ повелъ гостей въ другой покой, отдѣланный богато и пестро по обычаю того времени.

— Скоро собрали ужинъ и, выпивъ нѣсколько ковшей крѣпкаго меду, бояринъ сталъ откровеннѣе.

— Ты еще, гость любезный, не знаешь, у кого въ гостяхъ: у атамана ли разбойника, или у честнаго дворянина московскаго!.. Такъ вотъ доложу я тебѣ про себя: зовутъ меня Архипомъ Алексѣевымъ, сыномъ Нарбековымъ.

Прадѣды мои были татарскіе князья басурмане, а я съ дѣтства возлюбилъ Христову вѣру и хотѣлъ въ иноки постричься, да вотъ увидалъ эту красавицу и женился... при этомъ онъ указалъ на покраснѣвшую жену.

«Охъ, Господи!., прости мое великое согрѣшеніе!» и Нарбековъ набожно перекрестился. «Теперь ты знаешь кто я... поговоримъ-ка о твоемъ дѣлѣ...» и, обернувшись къ женѣ, онъ добавилъ: «А ты, баба, иди въ свой теремъ... и эту!.. этого парня возьми съ собой...»

Настасья Николавна удивилась; какъ же парня взять въ завѣтную половину, куда мужская нога не могла вступать.

— Съ пьяну чай сбрехалъ... подумала она.

— Ты чтожъ глаза то выпялила? Веди, говорю, парня: дѣтескъ еще и несмышленъ зѣло... уложи его въ боковой свѣтелкѣ возлѣ терема...» и бояринъ сдѣлалъ повелительный знакъ. Настасья Николавна, видя, что мужъ не спьяну болтаетъ, взяла за руку мнимаго Александра и повела изъ горницы. Нарбековъ проводилъ ихъ своей двусмысленной улыбкой, а когда дверь за ними затворилась, онъ нагнулся къ уху гостя: это ты гораздо выдумалъ, что дѣвку одѣлъ парнемъ; у насъ теперь такое времячко, что у насъ теперь бабамъ и дѣвкамъ не можно носу изъ терема показать.

Подкова привскочилъ на скамьѣ: «Какъ? Что ты, бояринъ?»

— Ну, ну! нечего отнѣкиваться. Меня не обманешь; смотри только, чтобъ другіе не догадались.

Подкова долженъ былъ сознаться и просилъ боярина сохранить тайну.

— Видитъ Богъ, я никому не выдамъ, обѣщалъ бояринъ. А коли ты добраго совѣта хочешь послушаться, не вози ее съ собой туда—въ вертепъ-то гайдамачій. Оставь лучше у моей бабы въ терему.

Подкова не понялъ и изумленно спросилъ: «А что?»

— А вотъ погоди: испей-ка медку, да прислушайся къ моимъ рѣчамъ. Онъ подалъ гостю ковшъ съ медомъ, крякнулъ и началъ: Ты пріѣхалъ изъ далекой страны,

изъ Молдавіи, гдѣ христіанъ бьютъ, рѣжутъ, въ цѣпяхъ въ рабствѣ мучаютъ... ты ищешь защиты и помоги у Москвы единовѣрной... ты ѣдишь въ Москву къ великому царю московскому... А царя-то нѣтъ въ Москвѣ: онъ, словно вѣдмедь, въ густомъ бору засѣлъ, окопался рвами, обнесъ свои хоромы острожной каменной стѣной, оцѣпилъ стражей стрѣлѣцкой и никого къ себѣ не пускаетъ, кромѣ своихъ излюбленныхъ опричниковъ... Сказать ли тебѣ, что такое опричникъ?.. Опричникъ—это хуже, чѣмъ душегубъ, разбойникъ, степной гайдамакъ; на разбойниковъ идутъ съ ножемъ, съ пищалью, съ крестомъ, да молитвой и одолѣваютъ поганыхъ... а противъ опричника нѣтъ защиты, ни крестомъ, ни пестомъ отъ него не отобьешься, не убѣжишь никуда, ни въ водѣ, ни въ землѣ не утаишься... Онъ—сирѣчь опричникъ-то, надъ тобой и надъ животомъ твоимъ, надъ женой и дѣтьми твоими воленъ: хочетъ—убьетъ, хочетъ—изнасилуетъ, хочетъ—въ цѣпи, въ колодку закуетъ... и ни суда ты на него не найдешь, ни заступы... Опричникамъ дана воля и власть надъ всей Русью... Льется кровь, грѣмятъ цѣпи, стонутъ люди, стонетъ мать сыра земля!.. Вотъ какъ мы живемъ въ московскомъ государствѣ, при царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ, что въ прошломъ году избилъ цѣлый славный градъ Новгородъ, переморилъ четырехъ женъ (впослѣдстіи у Іоанна IV-го насчитывали семь женъ) да столько же переморилъ красавицъ лихимъ зеліемъ, велѣлъ задушить митрополита Филиппа, что осмѣлился его въ неправдахъ обличать... а ноне монахомъ прикидывается, самъ утрени да вечерни служитъ, въ колокола звонитъ, поклоны земные кладетъ... Ха, ха, ха!.. вотъ куда и къ кому ты заѣхалъ помоги просить... и бояринъ съ горечью засмѣялся, хотя въ голосѣ и въ глазахъ его прорывалось негодованіе наболѣвшей души.

Подкова едва вѣрилъ своимъ ушамъ, но сомнѣваться

въ истинѣ было невозможно. Нѣсколько времени длилось тягостное молчаніе: «Что-жъ мнѣ дѣлать?» спросилъ Подкова.

— По моему разуму — ѣхать тебѣ въ свою сторону, не пытаясь добраться до царя; все равно, ничего не добьешься, да еще не ровенъ часъ, въ бѣду попадешь. Заподозрятъ тебя въ лихѣ: царю-то все мерещатся крамолы да измѣны, такъ пожалуй и живъ не воротишься къ своимъ друзьямъ... молвилъ Нарбековъ.

— Да гдѣ же теперь царь-то вашъ? спросилъ Подкова.

— Царь Иванъ Васильевичъ отъ Володиміра въ 140 верстахъ, выстроилъ въ бору крѣпость—монастыремъ нарекъ, и не вдалекѣ слободу Александровскую заселилъ своими стражниками. Отъ Москвы-то это тоже будетъ 120 верстъ. Тутъ онъ и живетъ и, какъ я тебѣ сказывалъ, доступъ къ нему вельми труденъ...

— Какъ ни трудно, какъ ни опасно, а надо мнѣ до конца испытать мое дѣло. Коли я зря ворочусь къ своимъ—меня назовутъ трусомъ... рѣшительно заявилъ Подкова.

— Это дѣло твое, какъ хочешь... я по силѣ и возможности готовъ пособить тебѣ, возразилъ Нарбековъ. Пожалуй, поѣдемъ вмѣстѣ, я тебя сведу съ своимъ благопріятелемъ царскимъ крайчимъ Борисомъ Федоровымъ Годуновымъ. Человѣкъ онъ зѣло умный и добрый, отъ опричниковъ во всемъ отличный; онъ съ дѣтства при государѣ и недавно породнился съ нимъ черезъ бракъ сестры своей Ирины Федоровны съ царевымъ сыномъ Өеодоромъ Иванычемъ. Коли можно пособить твоему дѣлу—Годуновъ не откажетъ въ своей помочи, онъ и сторону вашу знаетъ. Его родичи, также какъ и мои, изъ татарскихъ князей, такъ коли я попрошу, онъ тебѣ порадѣетъ для меня...

— Благодарю тебя, бояринъ, но ты вѣдь опричниковъ зѣло не жалуешь, тебѣ, можетъ быть, не по душѣ ѣхать въ Александровскую слободу...

— Хоть я ихъ и не жалую, а по нуждѣ бываю тамъ у Бориса Федорыча; дѣла у меня съ нимъ, по вотчинамъ мы сосѣди, отвѣчалъ Нарбековъ. Завтра мы отдохнемъ, а послѣ завтра, помолясь Богу, поѣдемъ. Что будетъ — то будетъ!.. Хозяинъ всталъ изъ-за стола и, взявъ восковую свѣчу, проводилъ гостя въ его опочивальну. «Господь съ тобой, спи спокойно... утро вечера мудренѣе...» сказалъ онъ, прощаясь съ нимъ.

Не смотря на усталость, Подкова долго не могъ заснуть: все, что онъ узналъ о московскихъ дѣлахъ, приводило его въ смущеніе, и надежды его на успѣхъ предпріятія совершенно рушились. На слѣдующій день онъ мелькомъ видѣлъ боярыню Настасью Николаевну, которая показалась ему еще прекраснѣе, чѣмъ наканунѣ; она была гораздо моложе своего мужа и очень веселаго нрава; звонкій смѣхъ ея часто доносился изъ терема и изъ сада, гдѣ она прогуливалась съ мнимымъ Александромъ, повидимому весьма довольная новымъ знакомствомъ. Вечеромъ Чайка пришла въ комнату Подковы, чтобы повидаться съ нимъ наединѣ; онъ сообщилъ ей, что завтра-де отправляется къ царю, а ее оставитъ у боярыни Настасьи до своего возвращенія, но Чайка, также какъ и въ Переяславѣ, упрямо настаивала, чтобъ онъ взялъ ее съ собою. Подкова разсердился. «А коли узнаютъ, что ты не братъ мой, а дѣвка!.. мнѣ изъ-за тебя бѣда приключится, и дѣло мое пропадетъ...» крикнулъ онъ.

— Никто не узнаетъ и ничего худаго изъ-за меня тебѣ быть не можетъ... а коли ты меня тутъ бросишь, я изъ своего кушака сдѣлаю петлю и удавлюсь, объявила она.

— Господи!.. вотъ навязалъ я себѣ наказаніе-то!..

проворчалъ Подкова, однако не посмѣлъ настаивать, зная, что Чайка въ состояніи исполнить угрозу.

Утромъ ранехонько бояринъ Нарбековъ выѣхалъ изъ своей усадьбы, въ сопровожденіи Подковы, Чайки и нѣсколькихъ десятковъ конныхъ дворовыхъ людей, вооруженныхъ съ головы до ногъ.

— Зачѣмъ ты берешь съ собой столько народу? удивился Подкова.

— Дорога не близкая, все лѣсами да борами дремучими, тутъ и звѣрья много и подорожниковъ; да и тамъ-то попадемъ въ шайку опричниковыхъ холопій, такъ пожалуй и защищаться придется... двусмысленно отвѣчалъ Нарбековъ, и взоръ его скользнулъ по Чайкѣ.

Нѣсколько дней ѣхали они густыми лѣсами; изрѣдка попадались имъ небольшіе поселки, но жители робко прятались или разбѣгались еще издали, завидя толпу всадниковъ.

— Насъ принимаютъ за опричниковъ, на вопросъ Подковы пояснилъ Нарбековъ. Они часто рыскаютъ по деревнямъ, высматривая да сманивая красивыхъ бабъ и дѣвокъ; а коли охотой онѣ не пойдутъ къ нимъ, такъ и силой выкрадутъ; коли мужики вступятся—ихъ побьютъ и поселокъ выжгутъ... Нарбековъ говорилъ хладнокровно, словно не находилъ ничего предосудительнаго въ такихъ звѣрскихъ поступкахъ; только глаза его выражали совсѣмъ иныя чувства, и Подкова догадывался, что самъ бояринъ потерпѣлъ отъ ненавистныхъ ему царскихъ любимцевъ. Однако откровенный въ другомъ, Нарбековъ упорно отмалчивался, когда Подкова спрашивалъ его, случалось ли ему попадаться въ столкновеніе съ опричниками.

Подъѣзжая ближе къ Александровской слободѣ, начали они встрѣчать слѣды разрушенія и насилій: тутъ выжженное селеніе, тамъ вытоптанныя хлѣбныя поля, либо на краю дороги окоченѣвшій трупъ убитаго мужика.

Нарбековъ хмурилъ брови, вздыхалъ, но молчалъ, вѣроятно опасаясь говорить при своей прислугѣ, такъ какъ въ ту пору доносовъ и козней одно неосторожное слово могло погубить самаго вліятельнаго человѣка.

Наконецъ передъ вечеромъ четвертаго дня пути, издали показалась кучка всадниковъ. Нарбековъ, приложивъ руку ко лбу, всмотрѣлся и озабоченно проговорилъ: «Кто нибудь изъ опричниковъ ѣдетъ... не ладна эта встрѣча», и онъ приказалъ своимъ спутникамъ изготовить оружіе. «А ты, парень, схоронись въ середку, чтобъ кто нибудь тебя не замѣтилъ», обратился онъ къ мнимому Александру. Сдѣлавъ эти распоряженія, бояринъ снялъ шапку и перекрестился; примѣру его послѣдовали и всѣ его провожатые. Таковъ былъ ужасъ, внушаемый царскими любимцами, что Нарбековъ хотѣлъ было своротить съ дороги въ лѣсъ, но подумалъ, что усталыя лошади не унесутъ ихъ отъ погони.

Завидѣвъ встрѣчныхъ, ѣхавшіе впереди царскихъ слугъ затрубили въ рога: это значило, что всякій долженъ очистить дорогу. Нарбековъ велѣлъ своимъ стать на краю дороги по опушкѣ лѣса и ждать, чтобы ватага проѣхала.

Опричники подскакали и остановились въ трехъ шагахъ. Подкова глядѣлъ на нихъ съ любопытствомъ. Кромѣ холопій, ихъ было трое, два молодыхъ и очень красивыхъ, а третій старикъ, такой безобразный, что рѣдко можно было встрѣтить подобнаго. Онъ былъ небольшаго роста, худой и сутуловатый; посадка его на конѣ доказывала, что онъ не привыченъ къ верховой ѣздѣ. Огромная голова, крошечные на углахъ вздернутые глаза, приплюснутый носъ и беззубый широкій ротъ до ушей, которые торчали, какъ два крыла изъ подъ нахлобученной на морщинистый лобъ шапки. Одѣты всѣ трое были очень богато: въ бархатные охабни, шитые золотомъ, въ красные

сафьяновые сапоги и въ соболиныя шапки; дорогое оружіе торчало у нихъ за поясомъ и звенѣло на боку, а въ рукѣ каждый держалъ метлу, которая вмѣстѣ съ собачьей головой, болтавшейся у сѣдла, составляла эмблему царскихъ тѣлохранителей. «Мы грыземъ царскихъ вороговъ и выметаемъ изъ его царства всякое лихо и кривду»... говаривали опричники. Въ дѣйствительности же они загрызали добрыхъ людей и выметали все хорошее изъ Руси.

— Эй вы, черти! чего стали? Не видите, что царевы слуги ѣдутъ!.. Долой съ коней, кланяйтесь земно!.. скрипучимъ голосомъ крикнулъ старый опричникъ.

— Здравствуй, господинъ Василій Васильевичъ... отвѣчалъ Нарбековъ, снимая шапку и почтительно кланяясь.

— Господинъ! ты-бъ могъ и бояриномъ назвать! гнѣвно воскликнулъ старый опричникъ.

— Не вѣдомо мнѣ, что государь нашъ Иванъ Васильевичъ поставилъ въ боярство Василья Грязнова, смѣло возразилъ Нарбековъ.

— Давно-ль твоя-то татарская башка въ боярство попала... Бусурманъ! Крамольникъ!.. все громче и гнѣвнѣе кричалъ старикъ, пока его молодые спутники смѣялись и съ любопытствомъ разсматривали Подкову.

— Я не крамольникъ, а вѣрный слуга царевъ: мои заслуги вѣдомы государю да Борису Федоровичу Годунову, рѣзко сказалъ Нарбековъ, теряя терпѣніе.

— Годуновъ!.. что ты Годуновымъ-то похваляешься! велика птица! татарскій мурза! озлобленно заоралъ Василій Грязной.

— Полно вамъ вздорить; про Бориса Федорыча мы не позволимъ худо брехать... Молчи, Васька! выѣзжая впередъ, молвилъ одинъ изъ молодыхъ опричниковъ.

— Спасибо, Богданъ Дмитричъ! поблагодарилъ Нарбековъ.

— Кто это съ тобой? Обличье и одежа не русская?.. спросилъ Богданъ Бѣльскій, одинъ изъ вліятельныхъ людей послѣднихъ лѣтъ Іоаннова царствованія.

— Это съ молдавскихъ земель гонецъ съ просьбой къ Борису Федорычу ѣдетъ, отвѣчалъ Нарбековъ; но Бѣльскій замѣтилъ Чайку между слугами Нарбекова и продолжалъ распрашивать: А этотъ кто? и глаза его перебѣгали отъ прекраснаго лица Чайки къ ея полной груди.

— Это мой меньшой братъ, поспѣшилъ вставить Подкова.

— Г...мъ!.. братъ... а я думалъ сестра!.. и Бѣльскій захохоталъ. Ну-ка молодецъ, выѣзжай впередъ: посмотрю я, каковы отроки въ Молдавіи, похожи ли они на дѣвокъ... Чайка поблѣднѣла и попятила своего коня къ лѣсу. Э!.. да ты никакъ убѣжать хочешь!.. Ну нѣтъ, мы тебя не пустимъ... Гей, ребята! надо этого молдава обыскать, не привезъ ли онъ какого лихаго зелія съ Днѣпра, либо польскихъ прелѣстныхъ грамотъ... Не успѣлъ онъ это вымолвить, какъ ѣхавшіе съ опричниками стрѣльцы окружили прислугу Нарбекова. Подкова испугался за Чайку и неосторожно обнажилъ саблю. Тотчасъ на него кинулись нѣсколько стрѣльцовъ. Нарбековъ крикнулъ своимъ: «Ребята! не выдавай гостей!..»

Поднялась сумятица, оружіе звенѣло, ударяясь лезвіями сабель; еще минута, и полилась бы кровь.

— Стой!... раздался звучный голосъ, созданный природой повелѣвать народной волей.

Мгновенно бой прекратился, и всѣ оглянулись. Во время свалки незамѣтно подскакало нѣсколько всадниковъ и впереди ихъ высокій, статный молодой человѣкъ, лѣтъ 27, необыкновенно красивой наружности: смуглый съ черными, блестящими глазами и чертами лица, напоминавшими восточный типъ. «Что это тутъ? Кто смѣетъ затѣвать драку въ государевомъ бору?» спросилъ новоприбыв-

шій. Опричники сконфуженно переглянулись, а стрѣльцы отъѣхали отъ боярской прислуги.

— Борисъ Федорычь! Заступись, друже! Ни за что напалъ на меня Василій Грязной! отозвался Нарбековъ.

— А, Архипъ Алексѣичь!.. Это ты!.. Здорово, друже!.. Какъ это ты-то попалъ въ драку? ласково сказалъ Годуновъ. Нарбековъ не поспѣлъ отвѣтить, какъ Бѣльскій бойко возразилъ: «Бояринъ Борисъ Федорычь! вотъ подозрительные люди съ Черкасскихъ земель; мы хотѣли ихъ пораспросить да обыскать, а твой благопріятель крикнулъ своимъ холопьямъ: Не выдавайте!.. да вотъ энтотъ черномазый первый выхватилъ мечь....

Годуновъ строго поглядѣлъ на Подкову.

— Кто ты? Отъ куда? За чѣмъ? Къ кому? спросилъ онъ.

— Я молдаванъ Михалко, по прозвищу Подкова; ѣду съ Днѣпра за важнымъ дѣломъ къ тебѣ, бояринъ.... смѣло и твердо отвѣчалъ Подкова.

— Слышите! Это ко мнѣ; а я съ крамольниками не знаюсь, обращаясь къ Бѣльскому и его товарищамъ, сказалъ Годуновъ. «Поѣзжайте же своей дорогой, а ты, Нарбековъ съ этими чужеземцами слѣдуйте за мною...» и Годуновъ крупной рысью поѣхалъ впередъ, а за нимъ поспѣшилъ послѣдовать Нарбековъ съ Подковой и со всѣми своими спутниками. Опричники постояли на дорогѣ и поглядѣли имъ въ слѣдъ, но не сдѣлали ни малѣйшаго возраженія.

— Высоко забирается этотъ Годуновъ. Не сломать бы ему шею!.. проворчалъ Грязной.

— Ну нѣтъ, Васька! скорѣй ты сломишь свою дурацкую башку... вѣдь какъ ты не лѣзешь въ баре, а государь только за то къ тебѣ и милостивъ, что ты по кличкѣ звѣрь грязный, шутъ и подлецъ... презрительно сказалъ Бѣльскій и, повернувъ лошадь, поѣхалъ въ про-

тивуположную отъ Годунова сторону. Стрѣльцы встрѣтили слова Бѣльскаго одобрительнымъ смѣхомъ.

— Погоди ты, молокососъ! я тебѣ подсыплю такого снадобья, что ты у меня завоешь волкомъ... прошипѣлъ себѣ подъ носъ Василій Грязной, но не рѣшился остаться по среди лѣса и послѣдовалъ за Бѣльскимъ.

ГЛАВА VI.

По приказу Годунова, прибывшихъ съ нимъ помѣстили въ Александровской слободѣ на гостинномъ дворѣ.

— Простите! сказалъ Годуновъ, которому Нарбековъ успѣлъ дорогой вкратцѣ сообщить цѣль пріѣзда Подковы. Теперь поздно, и вамъ пора на покой. Завтра я пришлю за вами и перетолкую о вашемъ дѣлѣ кое съ кѣмъ изъ бояръ...

Но на слѣдующій день царь Иванъ Васильевичъ собрался на охоту, и Годуновъ поѣхалъ въ его свитѣ.

Нарбековъ и Подкова видѣли изъ окна гостинницы царскій выѣздъ: Иванъ Васильевичъ ѣхалъ въ каптанѣ, запряженной въ 6 лошадей цугомъ; кругомъ его гарцовали всадники съ метлами да сабачьими головами.

Разглядѣть наружность московскаго царя не удалось ни Подковѣ, ни Чайкѣ, которая неутерпѣла, чтобы не выглянуть изъ окошка. Въ ту минуту, какъ ватага опричниковъ поровнялась съ гостинымъ дворомъ, Бѣльскій оглянулся, и глаза его встрѣтились съ глазами Чайки.

Бѣльскій былъ красивъ и молодцевато сидѣлъ на конѣ. Чайка подумала, что этотъ голубоглазый бояринъ ни чѣмъ не хуже черноокаго Подковы, а глядитъ онъ даже ласковѣе, чѣмъ ея суровый молдаванинъ...

Вечеромъ какая-то оборванная старуха проскользнула

въ ворота гостиннаго двора и выждала, когда Чайка вышла на крыльцо. «Подайте, ради Бога», жалобно сказала старуха, а когда Чайка щедро положила ей въ руку цѣлую деньгу мѣди, нищуха начала причитывать: «Охъ ты, добрая душа! спасибо за милостинку... пріими и отъ меня подарочекъ», и съ этими словами она надѣла на палецъ Чайки золотой перстень съ яхонтомъ. Чайка отдернула руку и ахнула: «Отъ куда у тебя перстень! Вѣрно краденный!..»

— И что ты, не краденный, а прислалъ тебѣ подарочекъ князь Богданъ Дмитричъ Бѣльскій... да и не одинъ перстень, а вотъ еще ожерелье, и старуха вытащила изъ запазухи длинную золотую цѣпь съ бляхами, изображавшими пѣтуховъ да павлиновъ, въ перемежку съ крупнымъ жемчугомъ и дорогими каменьями. Чайка оттолкнула руку съ подарками: «Не надо мнѣ подарковъ! Отдай назадъ боярину и ожерелье и перстень», отвѣчала она и поспѣшно ушла съ крыльца въ избу, не слушая дальнѣйшихъ рѣчей старухи, у которой подъ лохмотьями она замѣтила зеленый бархатный кафтанъ, а изъ подъ грязнаго тряпья, которымъ была окутана ея голова, сверкали быстрые голубые глаза и торчали бѣлокурые волосы.

— Это переодѣтый опричникъ!.. Охъ бѣда!.. Коли скажу Михалку, онъ съ нимъ затѣетъ ссору, и дѣло опять дойдетъ до мечей... Лучше смолчу!.. авось скоро уѣдемъ изъ этого вертепа, и Бѣльскій отвяжется отъ меня...

На другой день, когда Нарбекова съ Подковой позвали къ Годунову, Чайка просила ихъ запереть ее на замокъ и ключь взять съ собою. «За чѣмъ это!» удивился Подкова.

— Такъ! я боюсь не знамо чего! смущенно отвѣчала она.

— Это дѣльно; тутъ гостинный дворъ, всякаго народу много, а больше худаго, чѣмъ добраго. На своихъ холопьевъ я плохо уповаю, убѣгутъ въ кружало и дѣвку...

охъ что я?... парня одного покинуть... сказалъ Нарбековъ и, заперѣвъ собственнымъ крѣпкимъ замкомъ дверь горенки, гдѣ сидѣла Чайка, онъ положилъ ключъ въ карманъ.

Годуновъ имѣлъ помѣщеніе въ государевыхъ хоромахъ, но держалъ свою многочисленную дворню въ слободѣ, гдѣ у него былъ срубленъ большой, хорошій домъ; его посланный привелъ Нарбекова и Подкову въ этотъ домъ и пошелъ доложить о нихъ.

На дворѣ сновала челядь и стояла повозка, запряженная четверкой отличныхъ лошадей.

— Чья эта каптана? спросилъ Нарбековъ.

— Боярина Никиты Романовича Захарьина, отвѣчали кучеръ и двое пѣшихъ скороходовъ.

— Кто это! Важный вельможа или бояринъ средней руки? полюбопытствовалъ Подкова.

— Это царевъ шуринъ по его первой женѣ Настасьи Романовны... отвѣчалъ Нарбековъ. Государь его жалуетъ; вѣрно Борисъ Федорычъ про твое дѣло съ нимъ хочетъ посовѣтоваться.

Когда они вошли въ покои, то Годуновъ обратился къ сидѣвшему возлѣ него пожилому, тучному боярину и сказалъ: «Вотъ, Никита Романычъ, докладывалъ я твоей милости, что изъ далекихъ странъ, изъ Молдавіи, прибылъ гонецъ и проситъ помочи противъ басурманъ».

Никита Романовичъ внимательно выслушалъ разсказъ Подковы о молдавскихъ дѣлахъ и, обдумавъ свой отвѣтъ, молвилъ такъ: «Вѣрю, что подъ басурманской властью тяжко жить и радъ бы помочь братьямъ христіанамъ, да не могу ничего обѣщать... выше меня есть бояре, надо имъ сказать...»

— Кто же выше тебя, бояринъ? Ты государю сродникъ, и онъ тебя жалуетъ... сказалъ Нарбековъ.

— Сродниковъ по женамъ много у государя, да не

всѣмъ отъ того почетъ: вонъ князья Черкаскіе, иные въ темницѣ, иные въ ссылкѣ... Я ничего не могу... Надо князя Ивана Федорыча Мстиславскаго, да князя Ивана Петровича Шуйскаго спросить... отнѣкивался Никита Романовичъ. Годуновъ нахмурился: «что намъ Мстиславскій... вонъ Черкасскіе то не хуже его были, да и тѣ въ опалу попали...» рѣзко сказалъ онъ.

Никита Романовичъ усмѣхнулся: «Давно-ль ты, бояринъ, названнымъ отцемъ Мстиславскаго величалъ, а ноне съ нимъ повздорилъ; да ты не серчай на Ивана Федоровича, онъ своей воли не имѣетъ, это все Шуйскіе его противъ тебя наущаютъ...

— Все мнѣ вѣдомо, возразилъ Годуновъ. Шуйскіе мнѣ завидуютъ и хотятъ первыми послѣ государя быть, да едвали это имъ удастся...

— Тебѣ ничего они не сдѣлаютъ. Ты черезъ сестрицу свою Ирину Федоровну ближе всѣхъ къ царю: онъ старшаго царевича Ивана не любитъ, а Федора царевича за его смиренство. Господь возвеличитъ. Богъ гордымъ противитъ, а смиренныхъ взыскиваетъ.... Не любому сыну государь царство свое не отдастъ, а коли Федоръ послѣ него на престолъ сядетъ, такъ ты Борисъ Федорычъ въ такую силу попадешь, что и Мстиславкихъ съ Шуйскими съ лица земли сотрешь. Никита Романовичъ только повторялъ придворные толки, которые ужъ и въ то время предъугадывали силу, таившуюся въ необыкновенно разумномъ и властолюбивомъ Годуновѣ.

— Что Богу угодно, то и будетъ, а я своимъ завистникамъ зла не желаю, притворно добродушно сказалъ Годуновъ, но разумѣется дальновидный Никита Романовичъ ему не повѣрилъ.

— Поѣдемъ-ка къ Ивану Федоровичу... онъ дома ноне, потому что государь послѣ вчерашней охоты за недужился и ни кого не принимаетъ, предложилъ онъ.

— Я не прочь, коли ты думаешь, что нужно спросить князя Мстиславскаго и Шуйскаго, согласился Годуновъ, который еще не имѣлъ той власти, которая впослѣдствіи отдала въ его руки участь всѣхъ, кто домогался противодѣйствовать его возвышенію.

При царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ въ 1586 году князь Иванъ Федоровичъ Мстиславскій былъ насильно постриженъ въ монахи, а въ 1587 г. князья Иванъ и Андрей Петровичи Шуйскіе сосланы и, какъ говорятъ современные лѣтописцы, по приказу Годунова они были удавлены. Сынъ Никиты Романовича Федоръ Никитичъ Романовъ постриженъ подъ именемъ Филарета.

Они вышли всѣ вмѣстѣ на крыльцо, а какъ повозка Никиты Романовича стояла тутъ, то онъ и предложилъ ѣхать въ ней. Сѣвъ рядомъ съ Годуновымъ, онъ указалъ Нарбекову и Подковѣ на переднюю скамью.

Сидѣть на низкомъ мѣстѣ было Нарбекову не по душѣ, но онъ подавилъ свое неудовольствіе, такъ какъ перекоры за мѣстничество, очень обыденные въ эту эпоху, могли бы повредить дѣлу, о которомъ онъ хлопоталъ.

— Только-бъ дѣло твое успѣлось, посидимъ и не по чинамъ... шепнулъ онъ Подковѣ.

Въ Москвѣ и въ своихъ вотчинахъ Мстиславскіе жили, какъ подобало однимъ изъ первыхъ вельможъ, но въ Александровской слободѣ было тѣсно, да и царь не любилъ, чтобъ роскошью подражали ему. Ты не въ цари ли лѣзешь... желчно замѣчалъ онъ тѣмъ, кто украшалъ свои хоромы; по этому домъ Мстиславскихъ ни чѣмъ не отличался отъ домовъ другихъ придворныхъ, которые являлись въ Александровскую слободу или по дѣламъ службы, или для того, чтобъ доносить другъ на друга.

Мстиславскій былъ сѣдой, благообразный вельможа, не отличавшійся блестящимъ умомъ и часто мѣнявшій нап-

равленіе; онъ то дружился съ Годуновыми, то примыкалъ къ враждебной имъ партіи Шуйскихъ.

— Переметная сума, въ минуты досады говаривалъ про него Годуновъ. Не смотря на небольшую размолвку съ своимъ названнымъ сынкомъ, князь принялъ его довольно привѣтливо, но узнавъ про дѣло Подковы, отказался на отрѣзъ ходатайствовать за Молдавію передъ царемъ.

— Не должно теперь: Свейцы расходились, того и гляди войска въ Эстонію двинутъ... да и не пойдетъ Иванъ Васильевичь въ союзъ съ крамольниками. Вѣдь по словамъ этого посла у нихъ княжилъ господарь Александръ, а ноне ему наслѣдовалъ сынъ его Богданъ... значитъ, коли кто другой затѣваетъ у него господарство отнять, то затѣваетъ крамолы, а крамольники противны нашему государю; за таковое ходатайство еще себѣ бѣду нажить можно... да и казаки, что объ дѣлѣ хлопочутъ, состоятъ подъ польскимъ покровомъ, а намъ супротивники.... Еще помнится мнѣ, что-то ты и прежде про господаря Александра мнѣ говаривалъ....

Годуновъ вдругъ вскочилъ и ударилъ себя ладонью по лбу. «Спасибо, что напомнилъ, княже господарь Александръ Молдавскій прислалъ мнѣ въ даръ пелену на гробъ Господенъ, всю златомъ и бисеромъ низанную... Та пелена находится въ монастырѣ при моей вотчинѣ Вяземахъ, что подъ Звенигородомъ...» послѣ этихъ словъ Годуновъ обратился къ Подковѣ:

— Видишь, честной посолъ! я не могу хлопотать противъ Александрова сына... а какъ ты слышалъ, что нашъ государь затѣваетъ войну со свейцами, то вамъ молдавамъ ждать отъ Москвы помоги не можно.... На томъ и кончилось совѣщаніе: ни Мстиславскій, ни Годуновъ, ни Романовъ Захарьинъ не согласились доложить царю Ивану Васильевичу о просьбѣ Ивона и Подковы.

Печальные и раздосадованные вышли на улицу Нарбековъ и Подкова, не замѣтивъ, что въ слободѣ было не спокойно. Пройдя нѣсколько шаговъ, они увидали скачущихъ всадниковъ, между которыми былъ и Бѣльскій.

— Пожаръ! Гостиный дворъ горитъ! крикнулъ Бѣльскій и проскакалъ мимо ихъ.

Нарбековъ и Подкова кинулись къ гостинному двору, вокругъ котораго народъ толпился и кричалъ.

Дымъ валилъ изъ оконъ, но огня не было видно.

Растолкавъ народъ, Подкова вбѣжалъ по лѣстницѣ и не смотря на смрадъ, захватывавшій дыханіе, достигнулъ до комнаты, занимаемой Чайкою. Двѣрь была сорвана съ петель и комната пуста. Чайка пропала, и ее напрасно искали въ толпѣ.

— Ее выкрали опричники, а домъ зажгли, крикнулъ Нарбековъ, и это подозрѣніе навело его на мысль дознаться у Бѣльскаго. Онъ поспѣшилъ къ Годунову, но ему сказали, что Годуновъ уѣхалъ въ Москву; а Бѣльскій отговорился тѣмъ, что его требуютъ къ царю и не далъ никакого объясненія. Какъ ни хлопотали Нарбековъ и Подкова въ продолженіи нѣсколькихъ дней, но ничего не могли добиться.

— Мой вамъ совѣтъ — бросьте поиски, не то попадетесь въ бѣду, что переодѣтую дѣвку съ Днѣпра тайно привезли. Скажутъ вѣдунья либо колдунья.... Поѣзжайте съ Богомъ во свояси; я все здѣсь тихо разузнаю и тебѣ, Архипъ Алексѣичь, подробно отпишу, также какъ я помнишь разузналъ про твою кобылицу!... сказалъ имъ дьякъ Щелкаловъ, дѣлецъ и правая рука Годунова.

Дѣйствительно надо было торопиться, стрѣльцы шумѣли, а староста, содержавшій гостиный дворъ обвинялъ пріѣзжихъ въ поджогѣ, хотя домъ его и остался цѣлъ, а только зачадило какое-то тряпье, брошенное въ сѣняхъ.

Собравшись въ ночь, Нарбековъ съ Подковою тайкомъ выѣхали изъ Александровской слободы.

— Провалиться бы тебѣ въ преисподнюю! вертепъ разбойничій!.. пробормоталъ Нарбековъ, оглядываясь на излюбленную царемъ мѣстность. Черезъ трое сутокъ они благополучно прибыли въ Володимiръ на Клязьмѣ. Подъѣзжая къ своей усадьбѣ, Нарбековъ съ безпокойствомъ сказалъ:

— Все ли безъ меня здорово? Не случилось ли какой бѣды? Но въ усадьбѣ все казалось спокойно. «Что это моя баба меня не встрѣчаетъ?» удивился бояринъ, проходя въ теремъ, гдѣ нашелъ Настасью Николавну въ горѣ и слезахъ.

— Чего ты, Настя, плачешь? что тебѣ попритчилось? не испортилъ ли лихой чародѣй, аль вѣдунья?.. распрашивалъ бояринъ; Настасья Николавна молча взяла мужа за руку и повела его въ свѣтелку, смѣжную съ теремомъ.

На постели лежала Чайка, блѣдная, почти бездыханная въ изодранной казацкой одеждѣ.

— Бѣдный парень!.. вечоръ прискакалъ на конѣ израненный, и вотъ теперь лежитъ безъ памяти, объяснила боярыня Нарбекова.

— Какой парень! это дѣвка!.. воскликнулъ бояринъ, забывъ данное имъ Подковѣ обѣщаніе.

— Дѣвка! повторила Настасья Николавна; она упала на скамью возлѣ постѣли и, закрывъ лицо руками, горько зарыдала. Боярыня, рѣдко видавшая вблизи молодыхъ людей, влюбилась съ перваго же дня знакомства въ этого прекраснаго, чужеземнаго юношу. Она не спала ночи и все ждала его возвращенія; когда онъ явился такъ неожиданно одинъ, изнемогающій отъ ранъ и усталости, боярыня перепугалась до смерти; но потомъ она, перевязавъ его раны, нѣсколько успокоилась и даже стала надѣяться, что выздоравливая юноша на долго останется у

ней въ свѣтлицѣ. И вдругъ... какое разочарованіе!... «Дѣвка!... О Господи!.. дѣвка!..» повторяла она, нервно всхлипывая. Нарбековъ, разумѣется, не понялъ причины ея слезъ.

— Ну полно!.. чего убиваешься зря!.. авось не помретъ!.. ласково сказалъ бояринъ, цѣлуя жену. Потомъ онъ пошелъ увѣдомить о случившемся Подкову.

— Пока мы ее тамъ искали, а она впередъ насъ ускакала безъ оглядки....

Наконецъ Чайка очнулась и, увидавъ возлѣ себя своего возлюбленнаго, прошептала: «Слава Богу!... ты живъ!...»

На распросы какъ она убѣжала, дѣвушка отвѣчала:

— Опричники разломали дверь и уволокли меня, держали день да ночь въ запертой избѣ; я вылѣзла изъ оконца, упала, разбила голову въ кровь да ногу повредила.... Съ горяча-то я не почувствовала боли, нашла на дворѣ чью-то лошадь, отворила ворота, кое-какъ вскорабкалась на коня... а потомъ не помню какъ ѣхала... Голова у меня горѣла и въ глазахъ было туманно... не знаю какъ я сюда попала.

— Что за притча! вѣдь лошадь не могла же сама привезти ее въ мою вотчину, въ незнакомое мѣсто!.. удивлялся Нарбековъ. Но эта загадка объяснилась, когда онъ осмотрѣлъ лошадь: это оказалась та самая кобылица, что пропала у него нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, про которую ему говорилъ дьякъ Щелкаловъ, что видалъ ее у опричника Бѣльскаго въ Александровской слободѣ. Не смотря на то, что лошадь эта была очень дорогая, Нарбековъ не рѣшился разъискивать ее у царскаго приближеннаго, который могъ не только кобылицу, но и жену чужую выкрасть безнаказанно. Какъ только лошадь почувствовала себя на свободѣ и управляемой ослабѣвшей

рукой больной Чайки, она понеслась какъ вѣтеръ прямо на свою сторону, въ тотъ табунъ, гдѣ выросла.

Чайка поправлялась очень медленно; голова ея была пробита въ нѣсколькихъ мѣстахъ, а нога вывихнута. Между тѣмъ Подкова спѣшилъ въ обратный путь до начала осенней погоды и не могъ ждать ея выздоравленія.

Онъ уѣхалъ, оставивъ ее на попеченье боярыни Нарбековой; Чайка довольно хладнокровно простилась съ нимъ. Тѣлесный недугъ сломилъ ея энергію, и она вообразила, что не останется въ живыхъ: «Все равно, надо разстоваться...» говорила она.

Однако молодость и крѣпкая натура одолѣли болѣзнь, къ осени Чайка выздоровѣла, только слегка хромала.

Боярыня искренно привязалась къ дѣвушкѣ, которую сначала любила иначе, когда считала ее мужчиной.

Молодая и хорошенькая жена Нарбекова, какъ и всѣ русскія боярыни, вела очень замкнутый и однообразный родъ жизни; ея единственное развлеченье и отраду составляли поѣздки въ женскій монастырь, находившійся въ Владимірѣ. Игуменья и старицы ласкали боярыню, щедро дарившую имъ разную провизію изъ своихъ вотчинъ и жертвовавшую значительные вклады на поминъ души своихъ сродниковъ. Когда настала зима, Чайка, не видавшая еще никогда такого суроваго климата, начала скучать. Чтобъ ее развлечь, Настасья Николавна предложила ей ѣхать погостить въ монастырь, гдѣ дѣвушка еще не бывала, потому что больная нога ея не вытерпѣла бы ѣзды въ трясскомъ лѣтнемъ экипажѣ; на полозьяхъ же по гладкому первому пути было покойнѣе, и боярыня, окутавъ свою любимицу шубейками да фатами на бѣлыхъ мѣхахъ съ соболей опушью, усадила ее рядомъ съ собой въ крытую повозку.

Монастырская служба въ благолѣпномъ храмѣ, освѣщенномъ множествомъ лампадъ и восковыхъ свѣчь, про-

извела глубокое впечатлѣніе на дочь степей: она проплакала всю утреню и только во время обѣдни немного успокоилась. Старицы приняли ее съ участіемъ и соболѣзнованіемъ; общія ласки и тихія, кроткія рѣчи этихъ женщинъ, одѣтыхъ въ длинныя черныя одежды, такъ тронули Чайку, что она охотно согласилась подолѣе погостить у нихъ.

Боярыня уѣхала, оставивъ ее въ монастырѣ. Однообразная, спокойная монастырская жизнь благотворно дѣйствовала на дикій, необузданный нравъ дѣвушки. Старицы воспользовались такимъ настроеніемъ и стали уговаривать ее поступить въ иночество; ее одѣли въ одежду послушницы, дали ей имя сестры Серафимы и поставили ее на клиросъ, гдѣ имъ былъ нуженъ свѣжій, звонкій голосъ. И вотъ Чайка какъ-то безсознательно-послушно исполняла свое легкое послушаніе, пѣла и молилась, но на всѣ доводы старицъ постричься—отвѣчала:

«Дайте срокъ, подумаю да пріобыкну!...»

Зима прошла, снѣгъ растаялъ, и вся природа ожила; небо прояснилось, поля зазеленѣли, птицы звонко запѣли въ кустахъ монастырской ограды.

Сестра Серафима стала безпокойна и разсѣянна; иногда простоитъ всю службу, не кланяясь и не осѣняя себя крестомъ; а когда старицы напомнятъ ей, что слѣдуетъ молиться, она словно очнется, упадетъ на колѣни и начнетъ учащенно кланяться въ землю. Старица Макрида, съ которой она жила въ одной келіи, разсказывала, что по ночамъ-де Серафима бредитъ все про какую-то Подкову, поэтому всѣ монастырскія обитательницы рѣшили, что на юную послушницу нашло навожденіе нечистой силы. Ее стали отчитывать, но это еще ухудшило ея состояніе. Она плакала, охала и жаловалась. что у ней сердце болитъ.

Тоска охватила бѣдную дѣвушку; ее тянуло на волю,

въ степь, въ тѣ мѣста, гдѣ она впервые испытала сладкое и мучительное чувство любви; самая любовь ея, заглохшая, застывшая подъ вліяніемъ болѣзни и иноческаго аскетизма, внезапно вспыхнула съ прежней силой, и ни что уже не могло удержать сумазбродную, дикую Чайку въ тѣсной монастырской кельи.

Однажды во всенощную сестра Серафима отпросилась на покой, жалуясь, что угорѣла; старица Макрида благословила ее и отпустила спать, наказавъ привязать къ пяткамъ тертаго хрѣну, какъ вѣрное средство отъ угара.

По окончаніи службы, Макрида, прійдя въ свою келью, не нашла тамъ Серафимы; старицы всполошились, стали искать, спрашивали у молодыхъ послушницъ... Никто не видалъ Серафимы... она пропала безъ вѣсти.

Поволновались, поахали инокини, пожалѣла боярыня Настасья Николавна, и всѣ были убѣждены, что нечистая сила утащила бѣдную послушницу, либо утопила въ Клязьмѣ. Одинъ бояринъ Нарбековъ былъ инаго мнѣнія: «Она убѣжала къ казакамъ», увѣрялъ онъ. Старицы приходили въ ужасъ и негодованіе; а боярыня Настасья вздыхала и думала: «любовь чудеса творитъ....»

ГЛАВА VII.

Стефанъ спустился къ низовью Днѣпра и достигнулъ того мѣста, гдѣ была старая Сѣча, находившаяся на островахъ, поросшихъ густымъ камышемъ между рѣчками Чартомлыкой и Подпольной, впадающими въ Днѣпръ. Запорожская Сѣчь уже была извѣстна тогда своимъ воинственнымъ духомъ, непомѣрной храбростью и безпрестанными набѣгами на татарскія орды, съ которыхъ удалые запорожцы срывали богатую добычу. Они угоняли стада и та-

буны, а иногда забѣгали и къ турецкимъ границамъ, грабили, жгли города да селенія и являлись подъ самымъ Царьградомъ, наводя на турокъ и татаръ суевѣрный ужасъ сверхъестественной силы. Въ Сѣчь собирались изъ Польши и Литвы, изъ Украины и Руси и изъ всѣхъ земель отчаянные люди, разорвавшіе всѣ узы съ обществомъ и закономъ. Житье въ Запорожьѣ было привольное и безотвѣтное: не требовалось иныхъ условій, кромѣ крѣпкаго тѣла, руки неутомимой въ бою и безбоязненнаго, богатырскаго нрава, готоваго на всякую опасную и безумную игру—игру не въ карты или кости, а въ жизнь и смерть. Никто не разспрашивалъ новоприбывшаго товарища—какое было его прошлое, но за то всякая вина противъ уставовъ, положенныхъ этимъ вольнымъ товариществомъ, строго наказывалась судомъ общества—громады. Главное условіе сѣчеваго общежитія—изгнаніе женщинъ, требовалось не столько вслѣдствіе мнѣнія, что «жинка кума бису», сколько отъ того, что при дикихъ, необузданныхъ нравахъ сброднаго братства, присутствіе женщины неминуемо должно было породить вражду, ревность и убійство. Запорожскіе казаки не признавали надъ собой ни чьей власти: напрасно Польша и Литва всякими ласковыми грамотами и посулами приглашали ихъ подъ свою опеку; напрасно турки искали съ ними міра и союза; напрасно ихъ одноплеменные осѣдлые украинскіе казаки приглашали ихъ подъ свое общее гетманское правленіе. Воля и безданное, безпошлинное житье подъ рукою, ими самими избраннаго изъ своей среды батьки-кошеваго, котораго они могли по своему произволу и смѣнить и за худыя дѣла судить, были такъ заманчивы, что никакія льготы, ни удобства осѣдлой жизни, ни семья и очагъ бѣлой хаты, ничего не могло соблазнить удальцовъ, считавшихъ свободу дороже всего въ мірѣ. Не рѣдко запорожцы ходили въ походы вмѣстѣ съ украинскими каза-

ками и вели съ ними постоянную дружбу, но не хотѣли подчиниться ни гетману, ни королю, ни польскимъ коммисарамъ.

Стефанъ не легко попалъ въ Сѣчь, зорко охраняемую сторожевыми. Подъѣхавъ къ костру, который издали виднѣлся синеватой струей дыма, Стефанъ думалъ, что тутъ ему удастся узнать о дорогѣ въ Кошъ. У костра сидѣло пять смуглыхъ оборванцевъ, типы которыхъ не имѣли между собой ничего общаго. Одинъ выдавалъ себя косыми глазами за калмыцкаго выходца; другой своей рыжей всклокоченной бородой напоминалъ русскаго бѣгуна; третій крючковатымъ носомъ и быстрыми черными глазами представлялъ цыганское отродье; четвертый длиннолицый, русый, съ голубыми глазами, смахивалъ на поляка; пятый былъ очевидно чистый казакъ: лицо широкое, каріе добродушные глаза, большой толстый носъ, красные, смѣющіяся губы и старозавѣтный длинный чубъ, спускавшійся съ бритой головы, обвиваясь два раза вокругъ уха. Этотъ послѣдній казался начальникомъ небольшаго отряда; онъ былъ одѣтъ щеголеватѣе, да и оружіе, роскошь казака, было у него исправное. Они молча сидѣли на корточкахъ и, устремивъ глаза на закипавшій котелокъ, дожидались, что-бы поспѣлъ ихъ ужинъ. Не вдалекѣ паслись ихъ поджарые, быстроногіе кони, стреноженные и пущенные на поросшій камышемъ берегъ рѣчки Подпольной.

Солнце только что скрылось за голой степью, окрасивъ алымъ цвѣтомъ дымку тумана, поднимавшуюся съ рѣчки; безчисленные перепела да дергачи перекликались въ камышахъ, такъ что надъ степью стонъ стоялъ, и нельзя было разслышать приближенія лошади, ѣдущей шагомъ. Казаки только тогда замѣтили Стефана, когда онъ остановился въ трехъ шагахъ отъ нихъ.

— Стой!.. крикнулъ начальникъ отряда по имени Янчикъ.

Кто тутъ безъ нашего соизволенія смѣетъ гарцовать?

Стефанъ еще не успѣлъ отвѣчать, какъ его окружили, стащили съ лошади и связали; еще несовсѣмъ зажившая рука Стефана не позволила ему бороться противъ пятерыхъ. Отобравъ у него оружіе, казаки обшарили его карманы и вытащили кошель съ деньгами да сумку, въ которой было спрятано письмо отъ гетмана Свирховскаго. Не обращая вниманія на протесты Стефана, казаки начали дѣлить между собой его оружіе и деньги.

— А въ сумкѣ что у бисова сына? спросилъ Янчикъ.

— Въ сумкѣ грамота къ кошевому Павлюку, крикнулъ Стефанъ.

— Что? грамота къ нашему батькѣ?.. удивился Янчикъ, а товарищи его, оставивъ дѣлежку, окружили Стефана, требуя разъясненій. Услыхавъ, что онъ гонецъ изъ Переяслава отъ гетмана Свирховскаго, казаки переглянулись, почесывая затылки.

— Коли ты не брешешь, сынку, мы тебя отведемъ къ нашему батькѣ, но оружія не отдадимъ, пока въ Кошъ не доставимъ. Тамъ пусть батька разсудитъ, чествовать ли тебя якъ посла, или вздернуть на вѣшалку якъ поганова гайдамаку, сказалъ Янчикъ, и товарищи его остались весьма довольны его находчивостью.

— Такъ! такъ! гарно!.. Малоль что всякій степной бродяга брешетъ, не можно каждому вѣру давать. Пойдемъ до батьки... батька разсудитъ, поддакнули они. Стефану развязали руки и пригласили къ своему ужину; хлебая кашицу, они разспрашивали его про житье въ Переяславѣ, изъявляя презрѣніе къ «лядскимъ коммисарамъ», которые хозяйничаютъ въ Украинѣ.

— Что за житье подъ панской властью, сказалъ по-

лякъ Соколовскій, прозванный казаками Соколкой. «Я служилъ у пана Николая Радзивила чернаго, брата красавицы Варвары, что взялъ въ жены король Сигизмундъ Августъ. Меня полюбила его кастелянша, а онъ за это меня шляхтича велѣлъ своимъ холопьямъ выпороть... Ну, я и бѣжалъ въ Сѣчь...»

— Полно брехать, Соколка! говорятъ, что ты обокралъ Радзивила Николая-чернаго, и паны рады присудили тебя повѣсить... замѣтилъ цыганъ.

— Что? я обокралъ!.. Ахъ ты цыганскій песъ. Не ты ль зарѣзалъ своего старосту и увелъ его коней, которыхъ на вѣсъ золота продалъ крымскому хану, да и у того опять ихъ выкралъ да нашему батькѣ промѣнялъ на оружіе!.. крикнулъ разозлившійся шляхтичь.

Оба схватились за ножи и готовы были наскочить другъ на друга, но Янчикъ остановилъ ихъ: «Не можно биться безъ громады; выйдите на майданъ и при всемъ кругу рѣшите свой споръ оружіемъ...» сказалъ онъ.

Противники отложили драку до разрѣшенія кошеваго выйдти на единоборство въ кругу, называемомъ майданомъ, какъ то было принято въ обычай въ старой Сѣчѣ при батькѣ кошевомъ Павлюкѣ.

Поужинавъ, Янчикъ велѣлъ привести своего коня.

— Я доѣду до Коша и сдамъ этого хлопца батькѣ, сказалъ онъ. А вы сторожите тутъ до моего возвращенія; слышно, что караванъ на пути съ Крыма на Москву, смотрите, не прозѣвайте...

Тогда купцамъ, ѣхавшимъ съ караваномъ изъ Крыма, было почти невозможно пробраться безъ остановки отъ казацкихъ отрядовъ, рыскавшихъ по степи и требовавшихъ огромную дань за дозволеніе проѣхать безпрепятственно съ низовья на верхнюю, луговую сторону Днѣпра, или Украину къ границамъ московскаго государства. Иногда купцы упрямились и не хотѣли платить. Тогда

дѣло доходило до оружія, и если отрядъ крымцевъ, конвоировавшій караванъ, разбѣгался или былъ побитъ, то казаки захватывали товары и заковывали купцовъ въ цѣпи. Крымцы въ свою очередь нападали на караваны, ѣхавшіе изъ московскаго государства, брали съ торговыхъ гостей выкупъ либо захватывали ихъ въ плѣнъ, да продавали въ неволю туркамъ.

Стефана посадили на его лошадь, но не отдали ни его кошеля, ни сумки, ни оружія. «Батько разсудитъ», повторяли казаки. «А коли ты вздумаешь на утекъ въ камыши, я тебя вотъ этимъ угощу».... прибавилъ Янчикъ, проводя рукой по своей пищали. Стефанъ и не думалъ бѣжать: его очень забавляли эти странные, новые для него обычаи запорожцевъ, которыхъ онъ считалъ чѣмъ-то въ родѣ разбойниковъ. Когда они выѣхали въ открытую степь, луна уже взошла, и ея желтый свѣтъ покрылъ позолотой спокойную поверхность рѣки Подпольной, извивавшейся темной лентой между высокой осокой и камышемъ. Южныя ночи не имѣютъ той тишины, которая у насъ смѣняетъ дневной шумъ и суетню; напротивъ, на югѣ днемъ все словно засыпаетъ, а просыпается подъ вечеръ, когда солнечный зной замѣняетъ прохлада ночи. Косцы, жнеи и пахари выходятъ на работу, и жнутъ и косятъ и орутъ при свѣтѣ луны; птицы вылѣзаютъ изъ густой травы и камышей, гдѣ прятались днемъ отъ жары. Тутъ-то въ свѣтлую южную ночь поднимается хлопанье крыльевъ и крикъ водяныхъ пернатыхъ, ваваканье перепеловъ, соловьиныя пѣсни, воркованье горлицъ и голубей..... Въ полномъ разгарѣ начинается степной праздникъ, замирающій отъ истомы при безвѣтріи и духотѣ южно-степнаго лѣтняго дня. Чудно и волшебно-привольно ночью въ степи.....

Стефанъ заслушался и заглядѣлся на красавицу степь и не замѣтно перенесся думами въ Переяславъ...... Вдругъ

громкій возгласъ напомнилъ ему о дѣйствительности. «Кто ѣдетъ?»..... и изъ камышей выскочило до десятка вооруженныхъ людей.

— Свой!... отвѣчалъ Янчикъ. До батьки гонца съ Украины везу....

Они пріѣхали въ Кошъ; низенькія хатки группами гнѣздились на полуостровѣ, образуемомъ рукавами Днѣпра. Все было сонно и мертво, кромѣ стражи, поставленной на ночь охранять покой Сѣчи.

— До батьки не можно!... батька спитъ, испивъ горилки, отвѣчалъ одинъ изъ стражниковъ.

Начали совѣщаться, будить ли пьянаго Павлюка, наконецъ порѣшили оставить до утра. Сдавъ Стефана стражникамъ, Янчикъ уѣхалъ, не приказавъ водить гонца къ кошевому до своего возвращенія съ отрядомъ.

Стефану предложили или спать въ тѣсной, душной хатѣ, или пролежать до утра возлѣ стражниковъ; онъ предпочелъ послѣднее и, развалясь на душистой, только что накошенной травѣ, заложилъ руки подъ затылокъ и поднялъ глаза къ верху.

Синее небо разстилалось какъ бархатная пелена, усѣянная алмазами, которые то сверкали и искрились отдѣльными единицами, то скучивались въ группы, то сливались въ бѣловато-серебристую полосу, упиравшуюся однимъ концемъ въ сѣверъ, а другимъ въ даль, терявшуюся на югѣ. Стефанъ размышлялъ: «Что это за огни? Окошки Божіи или глаза ангеловъ?»

Мало по малу мысли его путались: казалось ему, будто изъ бѣлесоватой полосы отдѣляются тонкіе прозрачные призраки и тихо скользятъ, спускаясь къ землѣ.... вотъ они близко.... схожіе съ дивчатами въ бѣлыхъ плахтахъ и монистахъ изъ алмазовъ.... Они схватываются руками, составляя огромный хороводъ, и вьются и кружатся и исчезаютъ въ туманѣ.... Одна дивчата носится

надъ самой головой Стефана, вотъ она нагнулась, съ улыбкой глядитъ въ очи молодца.... ближе.... еще ближе... и губы ея коснулись его щеки....

— Гей ты, гонецъ! вставай! пора до батьки!...

Стефанъ просыпается и не вдругъ приходитъ въ себя отъ потоковъ солнечныхъ лучей, смѣнившихъ лунную ночь съ ея сонными грезами....

Надъ нимъ стояла кучка людей: то были казаки, съ которыми онъ ужиналъ вечоръ въ степи.

— Идемъ до батьки! повторяли они.

Стефанъ всталъ, отряхнулся, перекрестился, глядя на востокъ, и отвѣчалъ: «идемъ»!

Между низенькими хатками бродили казаки, не было ни суетни, ни шума, ни крика; всѣ шагали мѣрно, серьозно, словно всякій былъ убѣжденъ въ важности своего дѣла, хотябъ то дѣло было просто рыбная ловля на рѣчкѣ Чартомлыкѣ. Прохожіе, не останавливаясь, глубокомысленно вглядывались въ Стефана, но ни одинъ не спросилъ сопровождавшихъ его казаковъ:

Что дѐ это за хлопецъ?...

Ни одной женщины не было видно ни на улицѣ, ни въ хатахъ; духу бабьяго не слышалось по всей Сѣчи. Павлюкъ не терпѣлъ «жинку» и при немъ казакамъ было строго воспрещено никогда не поминать ненавистнаго ея имени.

Батька Павлюкъ сидѣлъ на заваленкѣ возлѣ своей хаты, онъ былъ очень толстъ и неповоротливъ. Заплывшіе глаза его сонно оглянули подходившихъ, а когда казаки привѣтствовали его: «здравствуй на многіе годы, батька кошевой», онъ только замычалъ да головой тряхнулъ. Вечоръ испивъ не въ мѣру горилки, батька Павлюкъ съ утра занедужился и былъ не въ духѣ. «Вотъ гонецъ отъ твоего друга Свирховскаго...» сказалъ Янчикъ. «У него и грамота къ тебѣ въ этой сумкѣ...»

Глаза Павлюка немного открылись, а языкъ явственно вымолвилъ: «А...га....»

— Мы его вечоръ въ степи изловили да заподозрили, не брешетъ ли хлопецъ... потому и отняли у него коня, оружіе, кошель съ деньгой и сумку съ грамотой....

— Бисовы псы!... гаркнулъ Павлюкъ, и глаза его совсѣмъ открылись. Казаки попятились; они знали по опыту, что у батьки кулакъ очень тяжелъ, когда онъ съ похмѣлья непроспится. Павлюкъ всталъ и уперся въ стѣну хаты, дабы сохранить приличное его сану равновѣсіе.

— Ты отъ хетмана Свирховскаго? спросилъ онъ Стефана.

— Точно такъ, панъ кошевой, вонъ въ сумкѣ и грамота отъ него, отвѣчалъ Стефанъ.

Павлюкъ вытащилъ изъ сумки пергаментъ съ навѣшанной на шнурѣ восковой печатью и, повертѣвъ грамоту въ рукахъ, сказалъ: «Мы прочтемъ на майданѣ.... Гей!... хлопцы!... сбирайте громаду...» послѣ таковаго проявленія своей власти, усталый Павлюкъ грузно сѣлъ на прежнее мѣсто и промычалъ: «башка трещитъ!...»

Послѣ долгаго молчанія, онъ началъ распрашивать Стефана, а когда тотъ отвѣчалъ, что въ грамотѣ-де все написано, Павлюкъ, покачавъ головой, возразилъ:

— Мы писульку не бачимъ... Громада прочтетъ.... Это значило, что Павлюкъ не умѣлъ грамоты.

Скоро стали собираться казаки и молча становились въ кругъ. Мало по малу кошевой, протрезвляясь, словно оживалъ, а когда всѣ собрались и спросили: «Чи батька кликалъ громаду?» Павлюкъ бодро всталъ, снялъ шапку и, низко поклонясь громадѣ, громко и толково молвилъ:

— Честная громада! товарищи казаки! собралъ я васъ по важному дѣлу: хетманъ Свирховскій прислалъ гонца съ грамотой: треба ее прочитать.»

Изъ среды казаковъ выступилъ высокій, худощавый

человѣкъ въ монашеской рясѣ и, поклонясь сперва батькѣ, а потомъ громадѣ, сказалъ: «могимъ!..»

Кошевой подалъ ему пергаментъ, и монахъ, бѣжавшій изъ пограничнаго съ Польшей монастыря, началъ:

— Другу моему, товарищу и брату Кошевому Павлюку.... Здравствуй на многіе годы! Шлю тебѣ поклонъ до земли и прошу совѣта и дружбы казацкой. Честная громада Запорожской доблестной Сѣчи, славное и непобѣдимое рыцарство! Заступись за Христову вѣру и за крестъ Господній, что попираютъ лютые бусурмане!... Возстань! собери силы противъ поганыхъ и вмѣстѣ съ нами иди на помочь Молдавамъ....

Тутъ чтеца прервали возгласы казаковъ: «Добро!... идетъ бить турку!...» но Павлюкъ махнулъ рукой и все смолкло. Чтецъ продолжалъ излагать содержаніе подробно начертаннаго плана, гдѣ Свирховскій обѣщалъ запорожцамъ богатую добычу.

Казаки съ готовностью согласились, но осторожный Павлюкъ заявилъ, что для похода на освобожденіе Молдавіи требуется время и приготовленія.

— Это не караванъ крымцевъ разбить!... Чтобы не быть срамно побитыми, треба дѣло разжувати, собрать охочихъ, вооружить, изготовить запасы въ степи, и тогда ужъ начинать войну!...

— А когда могутъ быть окончены всѣ приготовленія? спросилъ Стефанъ.

— Теперь дѣло къ осени... тамъ зима, ненастье... на то лѣто пожалуй не соберешься... а тамъ опять зима!...» раздумывая говорилъ Павлюкъ.

— Значитъ, на то лѣто, не на это! насмѣшливо сказалъ Стефанъ.

— Да! это вѣрно, на то лѣто, что послѣ второй зимы придетъ... отвѣчалъ кошевой, не замѣтивъ ироніи. Казаки вполнѣ одобрили мнѣніе своего батьки.

— Отпиши пану Свирховскому, что я могу выставить отъ одной до полутора тысячи войска черезъ полтора года, коли буду живъ да здравъ, да останусь кошевымъ въ славной Сѣчѣ... приказалъ Павлюкъ бѣглому монаху.

Стефана разбирала досада на этихъ молодцевъ, которые такъ на долго откладывали освобожденіе его дорогой Молдавіи, но поколебать упрямство Павлюка было также немыслимо, какъ своротить съ своего мѣста скалу. Пришлось возвратиться къ Ивону съ такимъ неблагопріятнымъ отвѣтомъ. Стефанъ былъ глубоко убѣжденъ, что Ивонъ дѣйствовалъ безъ корыстной или властолюбивой цѣли, а видѣлъ въ его будущемъ господарствѣ славу и свободу родины; поэтому то интересы Ивона и были такъ дороги довѣрчивому Стефану.

Тѣ-же самые пять казаковъ, что встрѣтили Стефана въ степи, проводили его къ тому же самому мѣсту, гдѣ былъ разложенъ ихъ костеръ. Пожелавъ ему счастливаго пути, казаки привѣтливо простились съ нимъ, сказавъ на послѣдкахъ: «Коли надоѣстъ тебѣ жить въ Украйнѣ, приходи къ намъ въ Сѣчу...»

— Избави Господи! что за житье безъ дивчатъ, возразилъ Стефанъ, стегнувъ коня.

Казаки захохотали въ слѣдъ поскакавшему гонцу, и вѣтеръ прокатилъ по степи звукъ ихъ задорнаго смѣха.

ГЛАВА VIII.

Ивонъ нетерпѣливо ожидалъ своихъ гонцевъ. Стефанъ возвратился первымъ, такъ какъ Сѣча была ближе къ окраинѣ, чѣмъ Москва. Отвѣтъ кошеваго Павлюка показался Ивону за отказъ. «Это они нарочно откладываютъ дѣло на долгій конецъ, ибо знаютъ, что медлить намъ не можно...» вспыльчиво сказалъ онъ.

— Нѣтъ, другъ! Запорожцы не стали бы отводить пустыми обѣщаніями; коли Павлюкъ сказалъ «прійду через двѣ зимы да одно лѣто,» онъ свято исполнитъ свое казацкое слово, вступился Свирховскій.

— Павлюкъ говоритъ дѣльно, вдругъ не можно начать такую войну... замѣтилъ Покатыло. Запорожецъ всегда готовъ на удалый набѣгъ либо на стычку съ татарской безпорядочной толпой; но собрать болѣе тысячи человѣкъ воиновъ съ обдуманной заранѣе цѣлью не легко тамъ, гдѣ во всякой головѣ своя воля и гдѣ всякій казакъ можетъ отказаться отъ похода, слѣдовательно ихъ надо подготовить къ мысли о пользѣ и выгодѣ этой войны. Казакъ медлителенъ и не обладаетъ быстротой соображеній, онъ не скоро поддается на новое для него дѣло; но разъ онъ рѣшился сказать да—тогда онъ ужъ упрямо и настойчиво идетъ къ цѣли. Я это знаю лучше всѣхъ васъ, ибо самъ былъ кошевымъ въ Сѣчѣ, но ушелъ оттуда, потому что задумалъ жениться...

— Тысяча или полторы противъ несмѣтнаго турецкаго войска это все равно, что капля въ морѣ, раздраженно молвилъ Ивонъ.

— Тысяча отчаянныхъ казаковъ болѣе 30 тысячъ изнѣженныхъ гаремныхъ рабовъ... отвѣчалъ Свирховскій.

— Бывали же примѣры, что сотни три казаковъ обращали въ бѣгство въ десятеро болѣе турокъ, брали ихъ города, полонили жителей и получали огромный выкупъ. Все дѣло въ стойкомъ мужествѣ и быстротѣ дѣйствій. Казаки налетаютъ какъ внезапная буря, и ничто не въ состояніи противиться силѣ этой бури... заспорилъ Покатыло, и Свирховскій былъ того же мнѣнія.

— Надо обождать: пока Павлюкъ готовится, я сберу своихъ украинцевъ, говорилъ онъ.

— Скорѣй бы воротился братъ: онъ можетъ быть привезетъ лучшія вѣсти, вздохнулъ Ивонъ.

Наконецъ воротился Подкова и при сборищѣ всей громады разсказалъ всѣ подробности своей поѣздки.

— Вотъ-то царь—грозенъ и лютъ! кабы онъ пошелъ съ тобой, дѣло твое было бы выиграно! воскликнулъ Свирховскій, котораго въ разсказѣ Подковы особенно поразило то, что царь избилъ цѣлый городъ, славный вольный Новгородъ, о которомъ онъ много слыхалъ.

— Тебѣ остается одно послѣднее средство, любезный братъ! сказалъ Подкова, когда они, возвратясь отъ Свирховскаго, держали совѣтъ въ своей хатѣ. Тебѣ надо немедля ѣхать къ магнату Тарлы и жениться на его дочери.

— А Милена! вѣдь я люблю ее больше жизни? воскликнулъ Ивонъ. Подкова возразилъ насмѣшливо:

— Ну, такъ откажись отъ притязаній на господарство, женись на своей Миленѣ и поступи опять на должность короннаго маршала Фирлея...

— Прежде чѣмъ жениться на той или другой, я еще попытаюсь привлечь на свою сторону одну изъ партій вельможныхъ пановъ, что хозяйничаютъ на польскихъ сеймахъ... Только бы добиться одобренія Польши и денежное пособіе, я бы набралъ наемное войско шляхты и казаковъ... задумчиво говорилъ Ивонъ.

— Вѣдь ты просилъ ужъ Польшу, но получилъ отказъ!

— Попытаюсь еще, а коли опять будетъ неудача...

Ивонъ остановился, словно не рѣшаясь высказать то, о чемъ онъ думалъ.

— Тогда что? спросилъ заинтересованный Подкова.

— Тогда я сниму крестъ и перейду въ магометанство, рѣшительно молвилъ Ивонъ.

— Что? ты сдѣлаешься ренегатомъ? Забудешь завѣщаніе родителей? потеряешь честь, доброе имя и уваженіе своихъ земляковъ?... съ ужасомъ крикнулъ Подкова.

— Это все громкія слова и больше ничего!.. Я еще

и прежде хотѣлъ перемѣнить вѣру.... мнѣ это давно совѣтуетъ другъ мой Еремія Чарновичъ....

— А!.. такъ вотъ кто твой искуситель! Чарновичъ! человѣкъ вредный, коварный и безнравственный!.. совѣтую тебѣ, братъ, избѣгать его наущеній!.. волновался Подкова.

— Полно, братъ! ты несправедливо предубѣжденъ противъ бѣднаго Ереміи! онъ мнѣ искренно преданъ и дѣйствуетъ съ цѣлью моей пользы и славы!...

— Берегись, Ивонія!.. когда нибудь ты убѣдишься, что мое мнѣніе о Чарновичѣ вполнѣ справедливо!.. Дай Богъ только, чтобъ это случилось не послѣ того, какъ онъ сдѣлаетъ тебѣ непоправимое зло....

Но всѣ доводы честнаго Подковы не могли поколебать убѣжденій и рѣшимости Ивона. Довольно холодно простясь съ братомъ, онъ взялъ съ собой Стефана и уѣхалъ по дорогѣ къ рѣкѣ Деснѣ. «Мы заѣдемъ въ замокъ Тарлы, и ты увидишься съ своей сестрой Миленой».... сказалъ онъ Стефану, который слѣпо ему вѣрилъ и безгранично уважалъ будущаго освободителя Молдавіи.

Въ замкѣ они застали только одного Тарлу и узнали, что Антонія съ Миленой уѣхали въ Краковъ къ маршальшѣ Фирлей. Магнатъ принялъ Ивона далеко не столь радушно, какъ прежде: неудача въ достиженіи господарства охладила Тарлу. Онъ освѣдомился, цѣлы ли данные имъ червонцы, когда же Ивонъ сталъ у него просить еще золота, рѣшительно отказалъ. Этотъ отказъ взорвалъ Ивона.

— Позволь узнать, намѣренъ ли ты отдать за меня Антонію прежде, чѣмъ я сдѣлаюсь господаремъ? спросилъ онъ.

— Это дѣло самой Антоніи, уклончиво отвѣчалъ магнатъ. А главное зависитъ отъ моей сестры маршальши, которая замѣняетъ Антоніи мѣсто матери и, по пра-

ву ближайшей родственницы, должна руководить ею въ такомъ важномъ для всякой дѣвушки случаѣ. Поѣзжай въ Краковъ. Маршальша тебя хорошо знаетъ! Если она одобритъ этотъ бракъ, то и я согласенъ»....

Ивонъ догадался, что Тарла говоритъ не спроста. Когда онъ жилъ у Фирлея, то имѣлъ неосторожность оскорбить его супругу, отвергнувъ изъявленія ея любви; женщины никогда этого непрощаютъ, и Ивонъ былъ увѣренъ, что маршальша повредила ему во мнѣніи своего брата.

— Вѣроятно и Антонію она умѣла вооружить противъ меня, думалъ Ивонъ, выѣзжая изъ замка. Ну что жъ! пусть откажутъ и возвратятъ мнѣ свободу!... Милена.... Милена!... Если ты меня любишь, то не отвергнешь потому только, что дѣло мое затянулось; ты уѣдешь со мной въ Константинополь, гдѣ я въ роскошномъ гаремѣ забуду съ тобой всѣ лишенія и печали.... и заживу блаженной жизнію турецкаго паши....

Стефанъ очень огорчился тѣмъ, что не засталъ Милены въ замкѣ; онъ боялся ѣхать въ Польшу, потому что могъ быть узнанъ тѣми коммисарами, которые помогали турецкимъ властямъ подавить возстаніе въ Яссахъ, гдѣ Стефанъ принималъ участіе. Польша старалась угождать турецкому правительству, и выдача бѣжавшихъ славянъ отъ ихъ угнетателей была для нея очень обыкновеннымъ пріемомъ.

Стефанъ простился съ Ивономъ и возвратился въ Украину, не видавъ любимой сестры.

Маршальша Фирлей была женщина гордая и своенравная. Узнавъ, что ея племянница избрала себѣ жениха, не спрося ея совѣта, она разгнѣвалась и на Антонію и на своего брата, особенно когда Антонія назвала Ивона, бывшаго секретаря, наемника, рыцаря безъ имени и средствъ. Маршальша едва не задохнулась отъ злобы.

— Никогда! никогда тому небывать! крикнула она. Чтобъ я допустила благородный родъ Тарлы до такого позора!... Я буду просить короля, и онъ вступится въ такое неслыханное поруганіе польской дворянской чести! Чтобы дочь магната вышла за какого-то искателя приключеній, за нищаго, бродягу, за крамольника, умышляющаго измѣну противъ законнаго молдавскаго князя....

Антонія попыталась заступиться за своего жениха, но тетка накинулась на нее. «Ты мнѣ не племянница, коли осмѣлишься не только любить, а даже помышлять о такомъ проходимцѣ... Я тебя упрячу въ монастырь.... Я обязана вмѣсто матери имѣть о тебѣ попеченіе!..»

Послѣ такой бурной сцены, Антонія захворала и пролежала нѣсколько дней въ постели; маршальша этимъ ничуть не умилостивилась, а напротивъ стала дѣятельно приводить въ исполненіе свои планы.

Первымъ дѣломъ она написала къ брату грозное посланіе, упрекая его, что онъ губитъ свою единственную дочь. Тарла очень уважалъ свою сестру, и мнѣнія ея были для него закономъ; вслѣдствіе этого письма онъ и принялъ Ивона такъ неблагосклонно, предоставивъ ему лично объясниться съ маршальшей, въ той увѣренности, что она съумѣетъ гораздо лучше разстроить свадьбу, которая и ему самому стала казаться нелѣпостью.

Маршальша рѣшилась представить Антонію ко двору и пріискать ей знатнаго жениха. Она заказала ей великолѣпные наряды, заново отдѣлала свой замокъ, чтобы давать въ немъ пиры и поручила Миленѣ заняться всѣми приготовленіями къ предстоящему выѣзду Антоніи на балъ короля Генриха. Антонія грустно и покорно примѣривала платья и драгоцѣнности, не находя никакого удовольствія въ роскоши и забавахъ, которыя бывало такъ ее плѣняли. Она плакала, прощаясь съ своими мечтами о счастьи... Оно разлѣтѣлось въ осколки отъ крутой воли

маршальши, какъ легкій челнокъ ударившійся о скалу. Милена была не менѣе печальна; она слышала, что князь Богданъ сдѣлался господаремъ и, не получая отъ него вѣсти, боялась, что онъ ее разлюбилъ.

Наконецъ Антонія явилась на одномъ изъ блестящихъ баловъ, гдѣ польская знать, окружая своего француза-короля, старалась во всемъ подражать благороднымъ друзьямъ Генриха, пріѣхавшимъ вмѣстѣ съ нимъ изъ столицы, которая и тогда считалась центромъ образованности и изящества. Какъ и ожидала маршальша, ея племянница произвела большой эффектъ; прекрасная, богатая, не много серьезная, но полная граціи Антонія пріобрѣла толпу обожателей и, постепенно увлекаемая свѣтскимъ водоворотомъ, становилась равнодушнѣе къ воспоминанію о своемъ женихѣ. Самъ король заинтересовался новымъ свѣтиломъ красоты, которое такъ нежданно появилось на польскомъ тускломъ горизонтѣ, надоѣвшемъ ему своимъ однообразіемъ.

Король Генрихъ Валуа былъ избранъ на польскій престолъ послѣ смерти Сигизмунда 11-го августа. Сигизмундъ Августъ умеръ въ іюлѣ 1572 года, и съ нимъ прекратилась династія Ягеллоновъ. Старшій братъ Генриха, французскій король Францискъ II-й, умеръ очень молодымъ и бездѣтнымъ; послѣ него вступилъ на французскій престолъ второй братъ Карлъ IX-й. Какъ третій, меньшой братъ, Генрихъ не могъ расчитывать царствовать во Франціи, а потому и согласился надѣть корону Ягеллоновъ. Однако вскорѣ эта корона оказалась очень тяжелой, вслѣдствіе того, что въ Польшѣ происходили смуты и распри между партіями самовольныхъ гордыхъ магнатовъ и задорной шляхтой, мелкимъ дворянствомъ, имѣвшимъ свою независимость и право голоса на сеймахъ.

Король своей собственной властью ничего не могъ предпринять и рѣшить безъ одобренія сейма, а сеймы бы-

вали такъ бурны, что нерѣдко вельможи и шляхта разныхъ партій выходили на бой и совершали убійства.

Слабый, изнѣженный, не подготовленный къ управленію государствомъ, а воспитанный въ духѣ французской придворной распущенности нравовъ, Генрихъ не совладѣлъ съ трудной задачей и безъ борьбы предоставилъ государственныя дѣла на произволъ вельможъ, а самъ проводилъ время на охотѣ и пирахъ. Паны-рады хозяйничали на сеймахъ и затѣвали интриги да заговоры противъ короля. Изъ всей этой безпокойной знати выдѣлялся умомъ и ловкостью семиградскій воевода Стефанъ Баторій; какъ Годуновъ при Ѳеодорѣ въ Россіи, такъ и Баторій при Генрихѣ въ Польшѣ подготовлялъ себѣ ваканцію на престолъ.

Ивонъ расчитывалъ именно на Баторія и на его друга Яна Замойскаго. Прибывъ въ Краковъ, Ивонъ явился къ Баторію, но получилъ отказъ: «Польша не можетъ ссориться съ Турціей изъ за какой нибудь Молдавіи, когда не сегодня-завтра ей предстоитъ война съ московскимъ царемъ, который слишкомъ забираетъ власти... а это противно интересамъ польской короны...» отвѣчалъ на его просьбу Баторій, ужъ и тогда мечтавшій о средствахъ поколебать возраставшее могущество Россіи. Взбѣшенный вышелъ отъ него Ивонъ.

— Неудалось привлечь на мою сторону Баторія, такъ отправлюсь къ его заклятому врагу Самуилу Зборовскому... сказалъ себѣ Ивонъ.

Самуилъ Зборовскій, ненавидѣвшій Стефана Баторія и Яна Замойскаго, вѣчно интриговавшій, шумѣвшій на сеймахъ и отличавшійся безпокойными замашками самоуправства, узнавъ, что Баторій отказалъ въ участіи Ивону, тотчасъ принялъ въ немъ горячее сочувствіе и обѣщалъ собрать въ его пользу сильную партію: «мы на сеймѣ предложимъ вопросъ о Молдавіи, и я посмотрю, какъ За-

мойскіе да Баторіи перекричатъ насъ Зборовскихъ, Радзивиловъ, Сапѣгъ и всѣхъ недовольныхъ этимъ французскимъ рыцарствомъ, которое намъ навязали.... Развѣ въ Польшѣ мало знаменитыхъ панскихъ родовъ, которые могли бы занять престолъ!... Да, мы знаемъ, что Баторій его прочитъ для себя, ну это ему не удастся... Наша партія сильнѣе его.... А ты, любезный Ивонъ, можешь расчитывать на мою дружбу».

Ивонъ вышелъ отъ Зборовскаго ободренный и довольный; теперь ему предстояла забота, еще ближе касающаяся его сердца: увидать Милену. Онъ смѣло пошелъ въ домъ маршала Фирлея, но, какъ и надо было предполагать, его не приняли, и слуги весьма дерзко объявили, что имъ приказано, схвативъ его, представить къ начальству.

Ивонъ, разумѣется, не сталъ входить въ препирательства съ холопьями и удалился, раздумывая о другомъ средствѣ добраться до занимаемой Миленой комнаты.

Въ продолженіи нѣсколькихъ дней онъ бродилъ вокругъ дома и сада маршала; прислуга хоть и видала этого неотвязнаго человѣка, по часамъ стоявшаго напротивъ оконъ, сложивъ руки и оперпшись о противоположную стѣну, но не смѣла принять противъ него насильственныхъ мѣръ.

Маршальша, узнавъ о посѣщеніи Ивона, встревожилась и окружила Антонію строгимъ надзоромъ; она позвала Милену и, какъ тайну, сообщила ей объ Ивонѣ.

— Онъ пытается увидѣть Антонію. Это такой человѣкъ, что способенъ на дерзкое предпріятіе: похитить невѣсту... Прошу тебя, милая, не говори Антоніи ни слова о немъ, и коли замѣтишь сношенія съ нею, увѣдомь меня.... Но что же ты такъ поблѣднѣла?... ужъ незнаешь ли ты чего еще ужаснѣе?... воскликнула маршальша.

Милена едва не упала, услыхавъ, что Ивонъ неотвяз-

но бродитъ около ихъ дома: она поняла, что онъ ищетъ не Антонію, а ее..... Она поспѣшно завѣрила маршальшу, что Антоніи не грозитъ опасность и обѣщала ей свое содѣйствіе. «Я буду хлопотать передъ королемъ, чтобъ его какъ заговорщика выслали изъ Кракова», рѣшила маршальша. Но Генрихъ съ своей лѣнивой беззаботностью очень равнодушно выслушалъ просьбу маршальши и послалъ ее къ панамъ-рады. «Это до меня не касается.... а вотъ я все жду обѣщаннаго вами бала»... сказалъ король.

Маршальша собиралась дать блестящій балъ и въ краковской знати много было толковъ о предстоящемъ праздникѣ. «Надо спѣшить выдать Антонію замужъ», говорила маршальша своему мужу. «Панъ Андрей Вановскій очень за ней ухаживаетъ и, кажется, ей тоже нравится.... Это подходящая партія, и я думаю, что дѣло рѣшится у насъ на балѣ».

Андрей Вановскій былъ молодой человѣкъ весьма привлекательной наружности, довольно богатый и хорошаго родства. Антонія произвела въ его сердцѣ глубокое чувство, которое такъ ясно высказывалось, что дѣвушка была имъ тронута. Хотя она и не любила его тою любовью, что чувсвствовала прежде къ Ивону, но когда тетка доказывала ей, что Андрей Вановскій прекрасный женихъ, Антонія не противорѣчила, что и было принято маршальшей за согласіе. Андрей еще не рѣшался объясниться и сдѣлать формальное предложеніе, а между тѣмъ всѣ знакомые считали, что его бракъ съ Антоніей Тарла долженъ непремѣнно скоро быть объявленъ.

Почти недѣля прошла съ того дня, какъ Ивонъ прибылъ въ Краковъ; Самуилъ Зборовскій усердно хлопоталъ о его дѣлѣ и кромѣ Сапѣги да двухъ Радзивиловъ Николая Сиротки *) и Николая Рыжаго, привлекъ въ свою

*) Сиротка Радзивилъ сынъ Николая Чернаго Радзивила.

партію сильнаго и вліятельнаго Гурко съ братьями. Всѣ они обѣщали на предстоящемъ сеймѣ кричать и настаивать о пособіи Ивону.

Однажды около полудня Ивонъ бродилъ возлѣ замка маршала Фирлея, когда изъ воротъ его двора выѣхала блестящая кавалькада, состоявшая изъ польской и французской молодежи; тутже въ костюмахъ амазонокъ ѣхали многія знатныя дамы и дѣвицы, между которыми Ивонъ увидалъ свою бывшую невѣсту Антонію Тарла. Она ѣхала рядомъ съ панной Мартой Поневской въ сопровожденіи двухъ молодыхъ людей, Яна Тенчынскаго и Андрея Вановскаго. Первый былъ очень занятъ хорошенькой Мартой, а второй всецѣло былъ проникнутъ своей страстью къ красавицѣ Антоніи, какъ видно не безъ успѣха нашептывая ей разныя любезности. Антонія, краснѣя и улыбаясь, разсѣянно осматривалась кругомъ.

Вдругъ улыбка сбѣжала съ ея губъ, и щеки покрылись смертельной блѣдностью: въ трехъ шагахъ отъ веселой кавалькады остановился, давая ей дорогу, высокій смуглый человѣкъ въ иноземной одеждѣ. Антонія, узнавъ Ивона, испугалась, вообразивъ, что онъ пріѣхалъ требовать отъ нея обѣта.

Испугъ былъ такъ силенъ, что Антонія закачалась на сѣдлѣ и упала-бы, если бы Вановскій не схватилъ ее за руку. «Что съ вами, панна»? воскликнулъ онъ и, слѣдя за направленіемъ ея взора, замѣтилъ мрачную фигуру незнакомца.—«Это тотъ черномазый испугалъ васъ», спросилъ онъ, и когда Антонія утвердительно кивнула головой, Вановскій двинулъ своего коня прямо на Ивона и дерзко крикнулъ: «Гей! ты холопъ!» Чего тутъ стоишь какъ пугало?... Прочь съ дороги»... Но Ивонъ стоялъ неподвижно и презрительно глядѣлъ на Вановскаго. Этотъ нѣмой вызовъ взбѣсилъ молодаго пана, онъ поднялъ хлыстъ, который былъ у него въ рукѣ, и замахнулся на Ивона.

Ивонъ схватилъ хлыстъ, и переломивъ его, бросилъ прямо въ лицо Вановскому: «Я не холопъ, а такой же рыцарь, какъ и ты!..» сказалъ онъ. «Здѣсь не мѣсто для поединка.... Я пришлю къ тебѣ Зборовскаго, уговорись съ нимъ, когда и гдѣ мы можемъ помѣриться силами»... Съ этими словами Ивонъ быстро ушелъ.

— Каковъ нахалъ!.. воскликнулъ Янъ Тенчынскій, видѣвшій и слышавшій все, что произошло.. «Я его догоню и порядкомъ проучу...» Не обращая вниманія на просьбу испуганной Антоніи, Тенчынскій поскакалъ за Ивономъ, но на встрѣчу ему попались всадники, и онъ потерялъ изъ виду того, кого хотѣлъ догнать.

— Панъ Зборовскій!.. крикнулъ онъ. Не видали-ль вы тутъ высокаго, черноволосаго молодца въ одеждѣ иноземца?

— Да, видѣлъ... Это другъ мой, Ивонъ, Молдавскій... отвѣчалъ Самуилъ Зборовскій, ѣхавшій съ своимъ братомъ на встрѣчу къ кавалькадѣ.

— Если это вашъ другъ, то это совсѣмъ не лестно... Онъ, какъ видится, неучъ, и я хотѣлъ было дать ему урокъ вѣжливости... съ горячностью возразилъ подъѣхавшій Вановскій.

— Да!.. я слышалъ, что вы подняли на него хлыстъ, который онъ бросилъ вамъ въ лицо!.. громко сказалъ Зборовскій. Что бы учить другихъ, надо сперва самому выучиться вѣжливости... Ивонъ гораздо умнѣе васъ и никому не уступитъ въ рыцарской чести...

— А вотъ увидимъ послѣ завтра въ полдень возлѣ Королевскаго Замка... вспыхнувъ, отвѣчалъ Вановскій.

— Если это вызовъ, то я принимаю его за себя и за моего друга, гордо отозвался Зборовскій.

— Пусть Вановскій имѣетъ дѣло съ Ивономъ, а я буду биться съ вами... Я тоже считаю себя оскорбленнымъ... крикнуль Янъ Тенчынскій, но панъ Самуилъ,

даже не взглянувъ на него, снялъ шляпу, поклонился дамамъ и, отъѣзжая, кивнулъ Вановскому: «до свиданья...»

Это приключеніе озадачило всѣхъ присутствовавшихъ при распрѣ пановъ; никто не понялъ главной причины вызова — ревности!.. Вановскій инстинктивно понялъ, что между этимъ красавцемъ Ивономъ и поблѣднѣвшей при его взглядѣ Антоніей должна существовать какая нибудь тайна... «Я убью его либо онъ меня...» значительно сказалъ онъ, прощаясь съ Антоніей, которая была такъ взволнована, что отказалась отъ прогулки и возвратилась въ замокъ Фирлей.

Она была въ отчаяньи: «что я надѣлала,» думала она.

Еслибъ я проѣхала мимо, не обращая вниманія на Ивона, не вышло бы этой скандальной исторіи, къ которой молва припутаетъ мое имя. Они вызвали другъ друга на поединокъ и непремѣнно либо убьютъ, либо ранятъ кого нибудь... Ивонъ мало знакомъ съ искусствомъ драться на шпагахъ, а наши паны выучились этому у французовъ... Ужасно, если онъ погибнетъ изъ за меня... А Вановскаго развѣ не жалко?.. вѣдь онъ такъ любитъ меня... Это онъ изъ ревности его вызвалъ... Надо постараться разстроить эту нелѣпую дуель... Завтра у насъ балъ... я уговорю Вановскаго... Тетка увѣряетъ, что онъ на балѣ сдѣлаетъ мнѣ предложеніе... я его приму съ условіемъ, что бъ онъ оставилъ это дѣло...

Дѣйствительно, въ замкѣ маршала Фирлея шли спѣшныя и дѣятельныя приготовленія къ празднику, на которомъ ожидали самого короля и всего двора.

Милена сбилась съ ногъ: по порученію маршальши, она завѣдывала всѣми приготовленіями. Кромѣ того должна была явиться на праздникѣ и спѣть нѣсколько арій, бывшихъ тогда въ модѣ. Милена робѣла и отказывалась,

но маршальша требовала отъ нея повиновенія. Не даромъ же она такъ тщательно воспитывала эту бѣдную дѣвушку, надобно было похвастаться своими благодѣяніями....

ГЛАВА IX.

Совсѣмъ стемнѣло, и покои въ замкѣ маршала Фирлея освѣтились сотнями восковыхъ свѣчъ въ люстрахъ, канделябрахъ и жирандоляхъ, висѣвшихъ на стѣнахъ и съ потолка. Начали собираться гости. Экипажи подкатывались съ громкими возгласами кучеровъ и хлопаньемъ длинныхъ бичей. Нарядныя панны выскакивали изъ каретъ, легко и граціозно поднимались по парадной лѣстницѣ, выложенной мазаикой и устланной пушистыми коврами. Паны пріѣзжали верхомъ на отличныхъ коняхъ съ болѣе или менѣе значительной свитой холопьевъ.

Толпа любопытныхъ осаждала подъѣздъ; всѣ толковали, что самъ король пріѣдетъ на пиръ.

Ивонъ подошелъ къ самымъ дверямъ, отворенным на стежъ; онъ съ особеннымъ интересомъ смотрѣлъ на верхъ лѣстницы, гдѣ была пріемная, убранная цвѣтами и зеленью, которыя отражались въ большихъ зеркалахъ изъ венеціанскаго стекла, роскошь, въ ту пору не всѣмъ доступная. Онъ поджидалъ Милену.

Вдругъ народъ заволновался. «Король! король!..» послышался ропотъ, и шапки полетѣли съ бритыхъ головъ простолюдиновъ, которые не любили француза Валуа, какъ прозвали короля его недоброжелатели. Короля встрѣтили, хотя почтительно, но молча и безъ изъявленій преданности. Генрихъ подъѣхалъ на великолѣпномъ конѣ, одѣтый по французской модѣ въ шелкъ, бархатъ и кружева. Генрихъ былъ молодъ и красивъ; но лицо его не

выражало ума; это былъ свѣтскій, ловкій кавалеръ, любитель удовольствій, волокита и вѣтренникъ.

Встрѣтивъ Антонію Тарла, онъ нашелъ ее прекрасной, а главное заинтересовался новизной, такъ какъ краковскія дамы начинали ему надоѣдать. Онъ самъ назвался на балъ къ маршалу и даже заранѣе назначилъ, что будетъ танцовать въ первой парѣ мазурку съ Антоніей—честь, восхитившая маршальшу.

Антонія считала стѣсненіемъ бесѣдовать съ королемъ на французскомъ языкѣ, который она хоть и хорошо знала, но не могла усвоить бѣглаго парижскаго жаргона; а король плохо зналъ по польски и съ трудомъ произносилъ на сеймахъ заранѣе затверженныя рѣчи на этомъ, какъ онъ выражался «нарѣчіи варваровъ».

Рядомъ съ королемъ ѣхалъ прекрасный всадникъ, съ особенной ловкостью управлявшій горячимъ воронымъ конемъ. Когда король сталъ слезать съ лошади, то и онъ соскочилъ съ сѣдла, оглядываясь и ища глазами, кому бы отдать свою лошадь. Ивонъ стоялъ всѣхъ ближе, и онъ обратился къ нему, сказавъ по польски съ иностраннымъ акцентомъ.

— Подержи, любезный, моего коня....

Ивонъ вздрогнулъ и попятился: «господарь Богданъ!..» пробормоталъ онъ.

— Ивонія!.. воскликнулъ Богданъ. «За чѣмъ ты здѣсь!... Вѣдь говорятъ, что ты поднимаешь казаковъ противъ султана Селима!...»

— Не противъ Селима, а противъ измѣнника, замышляющаго присоединить Молдавію къ Польшѣ... злобно возразилъ Ивонъ.

— Берегись! мнѣ стоитъ сказать одно слово и тебя схватятъ какъ заговорщика, погрозилъ Богданъ, но Ивонъ ужъ стушевался, крикнувъ изъ толпы по молдавски: «Еще увидимся въ Яссахъ...»

Князь Богданъ былъ взволнованъ этой встрѣчей: онъ не боялся соперника, потерпѣвшаго неудачу, но присутствіе его въ Краковѣ предвѣщало какія нибудь новыя затѣи.

Господарь, только наканунѣ прибывшій въ Краковъ, имѣлъ дѣйствительно намѣреніе просить короля Генриха принять Молдавію подъ свое покровительство, чтобы освободиться отъ тягостнаго турецкаго владычества. Онъ полагалъ, что его намѣренія—тайна, извѣстная только самымъ преданнымъ друзьямъ, и вотъ его соперникъ и злѣйшій врагъ бросаетъ ему въ глаза эту тайну, какъ укоръ и угрозу.

Если Ивонъ выдастъ эту тайну султану, Богданъ погибъ.

— Mon cousin! вы что-то блѣдны?... Кто этотъ иностранецъ, что разговаривалъ съ вами?.. спросилъ его король, всходя по мозаичной лѣстницѣ.

— Это нѣкто Ивонъ—претендентъ на молдавское господарство—человѣкъ смѣлый, предпріимчивый и опасный заговорщикъ... отвѣчалъ князь Богданъ на французскомъ языкѣ, которымъ владѣлъ въ совершенствѣ.

— А, заговорщикъ!.. Передайте канцлеру Замойскому, чтобы онъ слѣдилъ за нимъ. Я велю выслать его изъ польскихъ предѣловъ... разсѣянно сказалъ Генрихъ.

— Напротивъ, я бы просилъ ваше величество приказать задержать его... иначе онъ можетъ уѣхать въ Константинополь и повредить мнѣ, прежде чѣмъ вы примите окончательное рѣшеніе относительно Молдавіи....

Генрихъ положилъ свою руку на руку князя Богдана.

— Тише, mon cousin! я не желаю ссориться съ Селимомъ. Я подумаю о вашемъ планѣ, но быстраго рѣшенія не ожидайте... еще нужно согласіе сейма!... Oh! mon Dieux! вѣдь я король фиктивный, безъ власти и голоса!..

Эти самовольные, буйные паны дѣлаютъ, что хотятъ.

Но довольно объ этомъ. Оставимте дѣла и давайте веселиться. Вонъ я вижу прекрасные глазки панны Антоніи... и король, встрѣченный въ пріемной маршаломъ и маршальшей, обратился къ Антоніи:

— Vous êtes une vrais dèesse, mademoiselle, bien plus belle, que Venus: si Paris était de nos jours, c'est à vous qu'il aurait présenté la celebre pomme....

Антонія покраснѣла отъ такой преувеличенной похвалы и не нашла отвѣта.

Музыканты заиграли традиціонную мазурку, и король выступилъ въ первой парѣ съ Антоніей. За ними понеслись и другія легкія пары; дамы граціозно скользили, паны притоптывали серебрянными шпорами и лихо повертывались на каблукахъ.

Князь Богданъ отошелъ къ окну и задумчиво слѣдилъ глазами за вихремъ мазурки. Кто-то дотронулся до его плеча; онъ оглянулся и увидалъ ту, которую никакъ не ожидалъ встрѣтить здѣсь на балѣ.

Милена, одѣтая въ голубое, шитое серебромъ платье, съ цвѣтами и перьями на головѣ, стояла возлѣ него.

— Милена! ты ли это?.. какая радость! воскликнулъ онъ.

Милена приложила палецъ къ губамъ.

— Не обращай на меня вниманія здѣсь... выходи на терассу... Я тамъ подожду тебя... и она отошла.

Черезъ полъ-часа князь Богданъ, ни кѣмъ не замѣченный, вышелъ изъ залы на терассу, которая вела въ садъ.

Въ тѣни мелькнуло свѣтлое платье, и князь пошелъ по направленію къ тому мѣсту. Вдругъ темная фигура отдѣлилась отъ колонны и прошла мимо его; ему почудилось, что это былъ Ивонъ, но онъ не успѣлъ разсмотрѣть навѣрное, какъ подошла Милена и отвлекла его мысли отъ врага.

— Милый Богданъ! я счастлива, что тебя вижу, а между тѣмъ я бы должна была печалиться и плакать. Ты господарь... съ тобой король обращается какъ съ товарищемъ... могу ли я мечтать, чтобъ ты остался вѣренъ прежнему чувству къ бѣдной, ничтожной дѣвушкѣ... говорила Милена.

— Сердце мое! никогда я не измѣню своему слову. Я люблю тебя еще болѣе, чѣмъ тогда, какъ видѣлъ тебя въ замкѣ Тарлы; разлука не охладила, а напротивъ усилила мою любовь.... Поѣдемъ со мной въ Яссы и тамъ обвѣнчаемся... Говоря это, Богданъ обнялъ дѣвушку и хотѣлъ прижать свои губы къ ея пылавшей щекѣ, какъ кто то схватилъ его за руку и, грубо оттолкнувъ, закричалъ:

— Не смѣй касаться до моей невѣсты!..»

— Ивонъ, ты лжешь! воскликнула Милена. Не я, а Антонія Тарла твоя невѣста...

— Нѣтъ, измѣнщица! ты обѣщала быть моей женой, и я никому тебя не уступлю... съ бѣшенствомъ отвѣчалъ Ивонъ, стараясь овладѣть рукой Милены.

— Прочь!.. Оставь Милену!.. и Богданъ обнажилъ шпагу. Ивонъ выхватилъ свой тяжелый мечъ...

Въ эту минуту раздался голосъ короля: Arretez-vous, messieurs!.. здѣсь не мѣсто для дуели, вы можете рѣшать свои распри внѣ моего присутствія!..

— О! да это тотъ самый господинъ, что вызвалъ на поединокъ моего друга Андрея Вановскаго... замѣтилъ панъ Тенчынскій, шедшій по саду вмѣстѣ съ Генрихомъ,

— Quel bretteur!.. Кто этотъ забіяка?.. спросилъ король.

— Это тотъ Ивонъ, про котораго я имѣлъ честь говорить вашему величеству!.. поспѣшилъ напомнить Богданъ.

— Да!.. помню, это заговорщикъ... Маршалъ Фирлей, развѣ онъ въ числѣ вашихъ гостей?..

— Нѣтъ, ваше величество!.. онъ ворвался сюда безъ моего вѣдома!.. отвѣчалъ маршалъ.

— Какъ же ты смѣлъ войдти безъ приглашенія да еще нападать съ оружіемъ на моихъ друзей!.. Замойскій, вы какъ староста краковскій обязаны охранять насъ: поручаю вамъ арестовать этого дерзкаго...

Замойскій, подошедшій во время этого шумнаго спора, тотчасъ исполнилъ приказаніе Генриха. Подойдя къ Ивону, онъ произнесъ: «Именемъ короля я васъ арестую.»

— Кто осмѣлится дотронуться до моего друга, Ивона Молдавскаго, тотъ будетъ имѣть дѣло со мной!.. крикнулъ Самуилъ Зборовскій, проталкиваясь впередъ.

— Я дѣйствую по приказу короля, возразилъ Замойскій.

— Не позволямъ безъ сейма! Вы не имѣете права лишить свободы иностранца!.. спорилъ Самуилъ Зборовскій, опираясь на право польскихъ дворянъ произносить свое знаменитое: не позволямъ!..

Король вспыхнулъ. «Это неслыханнная смѣлость! Это не слыханная смѣлость! Какъ вы рѣшаетесь противиться моимъ распоряженіямъ?.. Messieurs!.. скажите, кто же здѣсь король? зачѣмъ вы избрали меня, если сами хотите управлять дѣлами Польши?» воскликнулъ онъ, обращаясь къ подоспѣвшимъ вельможамъ, изъ которыхъ половина стала на сторону короля, Замойскаго и Тенчынскаго, а другая отдѣлилась къ Зборовскому и его братьямъ, ставъ въ угрожающей позѣ, положа руки на эфесы сабель и шпагъ. Дѣло принимало серьезный оборотъ: могло произойти кровопролитная стычка между враждебными партіями, которыя только искали случая, чтобы явно возстать противъ Генриха Валуа.

— Ваше величество! Оставьте эту распрю. Было бы слишкомъ неблагоразумно допустить Зборовскихъ и ихъ партію до открытаго возстанія, шепнулъ королю высокій

статный вельможа, котораго умное и серьезное лицо внушало уваженіе. Это былъ правитель Трансильваніи, семиградскій воевода Стефанъ Баторій, глава самой сильной изъ всѣхъ партій, волновавшихъ Польшу въ ту эпоху смутъ и безначалія, при слабомъ неспособномъ Генрихѣ Валуа.

— Что-жъ теперь дѣлать? Было бы постыдно уступить этому дерзкому Самуилу Зборовскому.. смущенно сказалъ король.

— Предоставьте мнѣ уладить дѣло. Я буду имѣть въ виду того молдавана, а покуда необходимо удалить его мирно и безъ драки... отвѣчалъ Баторій. «Вельможные паны!...» громко обратился онъ къ шумѣвшей толпѣ, и мгновенно всѣ стихли, желая послушать умную рѣчь воеводы.

— Король проситъ васъ не нарушать праздника въ присутствіи прекрасныхъ дамъ и отложить вопросъ о томъ, кто изъ споривщихъ правъ или виноватъ. Завтра мы это обсудимъ, а теперь музыка давно уже приглашаетъ васъ въ залъ.... Онъ шепнулъ но ухо маршальшѣ Фирлей: «уведите Зборовскихъ», и она, подавая руку Самуилу, любезно и весело сказала: «Любезный панъ! за вами очередь: вы еще не танцовали со мной.»

Зборовскій тотчасъ оставилъ свою воинственную позу и повелъ маршальшу въ залу, гдѣ по распоряженію Баторія музыканты заиграли живую, увлекательную мазурку. Другіе паны послѣдовали примѣру Зборовскаго и, подхвативъ дамъ, пустились въ плясъ.

Подъ шумъ и говоръ Ивонъ ускользнулъ отъ Замойскаго.

Скоро въ саду стало тихо и уединенно.

— Жалкая пародія на короля!.. съ горечью молвилъ Генрихъ, оставшійся наединѣ съ господаремъ. Какъ я

раскаяваюсь, что послушался совѣта моей матери *) и согласился ѣхать въ эту буйную невѣжественную страну!.. Милая моя Франція... Какъ я жажду вернуться на родину!... Въ одинъ прекрасный день я убѣгу отъ короны Ягелленовъ, столь же колкой, какъ и терновый вѣнецъ.... и слезы слышались въ его голосѣ.

— Успокойтесь, ваше величество, всякій вѣнецъ имѣетъ свои тернія и власть никому не дается даромъ, вездѣ борьба и тревоги; вотъ вамъ живой примѣръ: сегодня я господарь Молдавіи; а завтра быть можетъ меня за небывалыя преступленія схватятъ турецкіе агенты и препроводятъ въ Константинополь, гдѣ многіе господари нашли цѣпи, темницы и смерть... сказалъ Богданъ.

Король, недовольный и опечаленный столкновеніемъ съ Самуиломъ Зборовскимъ, уѣхалъ съ бала, который еще долго тянулся, словно и не было никакого раздора между панами, такъ онп беззаботно плясали и усердно осушали кубки съ виномъ.

Господарь, улучивъ минуту, спросилъ Милену:

— Согласна ли ты ѣхать со мной въ Яссы?

— Да!... отвѣчала Милена. Мнѣ нѣтъ другаго выбора, чтобъ избавиться отъ преслѣдованья Ивона, какъ бѣжать.... Я отдаю себя подъ твое покровительство и вручаю тебѣ свою честь....

Маршальша Фирлей позвала Милену. «Тебѣ надобно спѣть тѣ пѣсни, которыя ты разъучила къ нашему балу... иди и принеси твою арфу.... но Милена рѣшительно отказалась. «Я не могу пѣть... у меня болитъ голова... прошу васъ уволить меня...» и она ушла, слыша себѣ въ слѣдъ брошенное маршальшей:

— Упрямая дѣвчонка.... Вотъ награда за мои благодѣянія.

*) Знаменитая Катерина Медичи.

нять рѣшительныя мѣры.... твердо молвилъ господарь. Ночью я обдумаю средства къ оборонѣ и завтра сберу совѣтъ, а ты къ полудню явись сюда. Я дамъ тебѣ порученье, гдѣ ты можешь оказать мнѣ свои способности и преданность.

Чарновичъ, выйдя изъ замка, остановился передъ мрачнымъ, массивнымъ зданіемъ и скрестилъ на груди руки. «Ловко выпутался, а былъ на волоскѣ отъ тюрьмы, а можетъ и отъ висѣлицы, размышлялъ хитрецъ. Господарь женился на Миленѣ!.. хотя тайный, но вполнѣ законный союзъ соединилъ два любящихъ сердца!.. Ха, ха, ха!.. Какъ они оба просты и довѣрчивы: поддались моимъ медоточивымъ рѣчамъ и отдались во власть врага.... Теперь надо бѣжать безъ оглядки, пока Богданъ не одумался, а главное, пока меня не поставили лицомъ къ лицу съ вельможами, которымъ я говорилъ совсѣмъ иное...

Не торопливо, чтобъ не возбудить подозрѣнія, Чарновичъ собрался въ путь, осѣдлалъ свою лошадь, расплатился въ гостинницѣ, гдѣ останавливался, и шагомъ выѣхалъ за черту городскаго вала: «Прощай покуда, Богданъ!.. Увидимся, когда тебя будутъ вѣшать... А ты, Милена, не выскользнешь изъ нашихъ рукъ. Я тебя на вѣсъ золота и цѣной почестей продамъ Ивону, который за тебя готовъ отдать все свое богатство!..

Возвратясь въ Константинополь, Чарновичъ принялся писать. Владѣя рѣдкимъ искусствомъ поддѣлываться подъ рукописи и почерки, онъ составилъ грамоту, будто бы писанную рукою господаря Молдавіи, въ которой излагался договоръ съ Польшей. «Вотъ средство избавиться отъ твоего врага», сказалъ онъ Ивону, подавая ему фальшивый документъ.

— Я не знаю почерка Богдана и не могу судить, похожъ ли онъ... замѣтилъ Ивонъ, прочтя грамоту.

Чарновичъ молча подалъ ему письмо, похищенное въ Яссахъ.

«Сердце мое! Дорогая моя супруга, Милена», начиналось это письмо; Ивонъ, прочтя эту первую строку, вскочилъ, словно ужаленный змѣинымъ жаломъ.

— Что это значитъ? Супруга? развѣ Милена у него? Ты ее видѣлъ? закидалъ онъ его вопросами.

Чарновичъ разсказалъ ему все, что слышалъ о женитьбѣ господаря и все, что видѣлъ своими глазами.

Ивонъ, какъ бѣшеный звѣрь, метался по комнатѣ, онъ самъ себя не помнилъ отъ ревности и злобы.

— О! только попался бъ онъ мнѣ въ руки! Я бы выпилъ всю его кровь до капли!.. Я бъ искрошилъ его въ куски!.. Я бъ растопталъ его трупъ ногами!.. Я бъ выкололъ тѣ глаза, которыми онъ обольстилъ Милену!.. Я бъ вырвалъ то сердце, гдѣ горитъ любовь къ ней!.. кричалъ онъ съ пѣною у рта.

— Перестань, другъ. Къ чему напрасно тревожить себя? Судьба Богдана у тебя въ рукахъ, а Милена не убѣжитъ отъ меня. Пока ты будешь хватать да казнить своихъ враговъ въ Яссахъ, я какъ тѣнь проскользну во дворецъ господаря и овладѣю красоткой... успокоивалъ его Чарновичъ.

Ивонъ представилъ фальшивый договоръ султану, и какъ онъ самъ, такъ и паши признали почеркъ Богдана. Этого было достаточно, чтобы гибель господаря была рѣшена.

Ивону выдали фирманъ съ назначеніемъ его господаремъ Молдавіи, а какъ предвидѣлось сопротивленіе и безпорядки между приверженцами Богдана, желавшими присоединенія къ Польшѣ, то Ивону собрали наемное войско сербовъ, валаховъ, грековъ и турокъ около 20,000 человѣкъ. Съ этой арміей Ивонъ двинулся къ границамъ Молдавіи, почти безъ сопротивленія занялъ пограничные

города и внезапно явился передъ Яссами. За двѣ недѣли до этого, князь Богданъ собралъ совѣтъ вельможъ и передалъ имъ то, что слышалъ отъ Чарновича.

— Необходимо немедленно собрать войско и приготовиться къ оборонѣ, заключилъ господарь свою рѣчь.

— Мы сначала желали бы видѣть того, кто привезъ тебѣ эти вѣсти и слышать этотъ разсказъ отъ него самого, возразилъ князь Струдза, не довѣрявшій Богдану и вообразившій, что затѣвая войну съ Турціей, онъ имѣетъ цѣль присоединить ее къ Польшѣ. Господарь приказалъ привести Чарновича, но его не нашли въ Яссахъ. Вельможи, переглядываясь да пожимая плечами, разошлись, не давъ рѣшительнаго отвѣта.

Когда турки явились передъ стѣнами города, князь Богданъ снова попытался поднять вельможъ и народъ. Онъ не успѣлъ собрать дружины, а только убѣдился, что молдавскій народъ потерялъ всю энергію и трепеталъ передъ турецкой силой. Изъ вельможъ же большая часть, съ княземъ Струдзою въ главѣ, была на сторонѣ Ивона и собиралась встрѣтить его съ изъявленіями преданности.

Въ замкѣ господаря царствовало смятѣніе: женщины плакали и молились. Друзья мало по малу стушевывались и не рѣдко тѣ, кто клялись умереть за него, первые оставляли Богдана въ минуты опасности.

— Милая моя!.. воскликнулъ Богданъ, входя въ комнаты Милены. Турки у норога: бѣги вмѣстѣ съ Зорою, Стефанъ будетъ сопровождать и охранять васъ... Господь съ вами!..

— Не покину я тебя!.. Умремъ вмѣстѣ... обнимая мужа, отвѣчала Милена.

— Хорошо кабы удалось умереть вмѣстѣ, дорогая моя!.. ты забыла, что Ивонъ любилъ тебя, вѣроятно любитъ и теперь... Я не могу быть спокоенъ при мысли, что ты рискуешь попасть въ его руки... Это отравитъ мой пос-

лѣдній вздохъ. Къ тому же, я даю тебѣ слово, если не останется надежды уговорить вельможъ стать во главѣ нашихъ дружинъ и поднять народъ на самозащиту... тогда я уйду и буду искать помощи въ Украинѣ у казаковъ, а ты бѣги прямо къ моей сестрѣ Мартѣ Поневской, гдѣ я вскорѣ увижусь съ тобою...

Увѣренія Богдана, а главное страхъ попасть во власть Ивона, заставили Милену рѣшиться на бѣгство. Она съ горькими слезами простилась съ мужемъ, и Стефанъ съ Зорой почти безчувственную увели ее изъ дворца.

Совсѣмъ стемнѣло, когда Стефанъ и двѣ женщины, переодѣтыя въ мужское платье, тайкомъ выбрались изъ городскихъ воротъ, противоположныхъ той сторонѣ, гдѣ турецкое войско расположилось на обширной равнинѣ въ виду города. Пламя костровъ, разложенныхъ турками, высоко поднималось, а тутъ, гдѣ была Милена съ братомъ и невѣсткою, стояла непроглядная тьма. Они торопливо шли къ рощѣ, куда Стефанъ заранѣе отправилъ нѣсколько человѣкъ провожатыхъ съ лошадьми и кое какими запасами, необходимыми въ пути.

Милена тихонько плакала и часто останавливалась, оглядываясь на городъ, гдѣ оставила человѣка, котораго любила больше всего въ мірѣ.

— Скорѣй, сестра! не останавливайся! просилъ ее Стефанъ. Воспользуемся этой ночью, завтра можетъ быть тутъ, гдѣ мы идемъ, будутъ турки... Они непремѣнно возьмутъ городъ, потому что ни вельможи, ни дружины, ни народъ не въ состояніи сопротивляться: интриги, рознь, зависть и предательство губятъ нашу жалкую родину. Долго еще видно не стряхнуть ей своей позорной неволи и рабства!.. Подходя къ рощѣ, они разглядѣли лошадей и людей. «Это наши провожатые!.. Поспѣшимъ сѣсть на коней и ускачимъ отъ враговъ къ друзьямъ въ Украину!..» сказала Зора и, подойдя къ одной изъ лошадей, ловко

взобралась на нее. Милена безъ возраженій послѣдовала ея примѣру, потомъ и Стефанъ вскочилъ на сѣдло. «Впередъ!..» крикнулъ онъ провожатымъ, уже сидѣвшимъ на коняхъ.

— Повертывай назадъ! въ отвѣтъ ему крикнулъ грубый голосъ и, схвативъ за узду лошадь Милены, переодѣтые враги поскакали къ лагерю турокъ! Милена хотѣла было броситься долой съ сѣдла, но сильная рука удержала ее. «Не сопротивляйся, Милена! Я везу тебя къ князю Богдану: онъ послалъ меня воротить васъ...» сказалъ одинъ изъ всадниковъ, котораго она узнала по голосу.

— Чарновичъ! измѣнникъ! Оставь меня! Стефанъ, защити меня! воскликнула Милена. Чарновичъ захохоталъ.

— Твой братъ связанъ, а коли ты не перестанешь сопротивляться, его убьютъ въ твоихъ глазахъ....

Милена лишилась сознанія и безпомощно склонила голову.

Чарновичъ, подхвативъ ее, посадилъ передъ собой на своего коня. Осторожно поддерживая безчувственную женщину, онъ поѣхалъ кругомъ городскихъ стѣнъ по направленію къ шатру Ивона.

— А что, если я убѣгу съ ней въ Украину? Заставлю ее признать меня своимъ мужемъ? мелкнула у него мысль. «Вѣдь я тоже люблю ее и многое отдалъ бы, чтобы владѣть ею... но нѣтъ... мнѣ некуда бѣжать! моя судьба связана съ Ивономъ... пусть покуда онъ ею владѣетъ, а тамъ, развѣ я не могу отнять у него и Милену и господарство. Вѣдь турки и его свергнутъ, также какъ свергнули Богдана, стоитъ мнѣ только опять сочинить какой нибудь заговоръ, да покидать червонцевъ пашамъ....

Размышляя такъ, Чарновичъ подъѣхалъ къ передовымъ турецкимъ отрядамъ. «Кто ѣдитъ?» окликнулъ часовой.

— Ивонъ и полумѣсяцъ... отвѣчалъ Чарновичъ услов-

ный пароль, и его тотчасъ пропустили вмѣстѣ съ его спутниками безъ всякихъ распросовъ. Отправивъ связанныхъ Стефана и Зору подъ карауломъ, какъ плѣнныхъ, въ особую палатку, Еремія поѣхалъ къ шатру, передъ которымъ горѣлъ фонарь и ходилъ часовой.

Ивонъ не спалъ; онъ безпокойно ходилъ изъ угла въ уголъ своего шатра. Давно ужъ отъ него разошлись начальники дружинъ, съ которыми онъ держалъ совѣтъ, какъ напасть на городъ завтра утромъ. Онъ не ждалъ упорной борьбы, но главная его забота состояла въ томъ, чтобы овладѣть своимъ ненавистнымъ соперникомъ, на которомъ ему хотѣлось излить всю злобу, накипѣвшую въ его мстительномъ сердцѣ, въ продолженіе многихъ лѣтъ изгнанія и притворнаго униженія передъ турецкими властями.

— Что это, какъ долго нѣтъ вѣсти отъ Ереміи? Онъ хотѣлъ пробраться въ городъ и узнать тамъ ли Милена, не уѣхала ли она! Не бѣжалъ ли Богданъ? Ивонъ, подойдя ко входу палатки, отдернулъ пологъ.

Картина спящаго лагеря ясно обрисовалась передъ нимъ въ туманной мглѣ. Вдали неправильными силуэтами возвышались городскія стѣны, а за ними кое-гдѣ виднѣлись башни, храмы и наконецъ все стушевывалось въ неопредѣленныя формы.

Тихо и зловѣще стоялъ густой, свинцовый воздухъ, предвѣщавшій грозу. Тяжело было дышать, и Ивонъ почувствовалъ то, что еще ни разу въ жизни не вставало передъ его смущенной совѣстью—это было раскаянье!

Завтра ему предстояло совершить ужасное дѣло—внести убійство, опустошеніе, желѣзо и огонь въ свой родной городъ, гдѣ протекло его дѣтство, гдѣ жили его друзья, которые могли пасть жертвами буйства наемныхъ солдатъ.... Какъ ни было черетво его сердце, но въ эту минуту онъ испугался своихъ собственныхъ поступковъ и

готовъ бы былъ вернуться, еслибъ былъ возвратъ въ начатомъ злодѣяніи....

Въ сонномъ безмолвіи раздались шаги, и тѣни людей приблизились къ палаткѣ. Ивонъ вглядѣлся въ того, кто шелъ впереди и узналъ походку Чарновича; за нимъ двое солдатъ несли что-то безформенное.

— Другъ! Какія вѣсти несешь ты мнѣ? Гдѣ Милена? спросилъ Ивонъ. Чарновичъ не отвѣчалъ, но отступивъ, указалъ на сопровождавшихъ его солдатъ. Свѣтъ отъ фонаря, висѣвшаго возлѣ палатки, упалъ на ношу, которую они берѣжно открыли, и блѣдное лицо женщины съ закрытыми глазами выступило изъ окружавшаго ее мрака. «Милена мертва!...» воскликнулъ Ивонъ.

— Нѣтъ, живая! Это отъ испуга дурнота, которая пройдетъ, если спрыснуть ей лицо холодной водою... возразилъ Чарновичъ. Ивонъ въ порывѣ радости обнялъ его и едва могъ вымолвить: «Дорогой! вѣрный другъ!... чѣмъ я могу вознаградить тебя за преданность? Я вѣчный тебѣ должникъ, и клянусь исполнить все, чего бъ ты отъ меня не потребовалъ.

— Мнѣ не нужно награды; я счастливъ тѣмъ, что сдѣлалъ тебѣ удовольствіе, притворно-скромно отвѣчалъ Еремія.

Безчувственную Милену внесли въ шатеръ и положили на приготовленную для Ивона постель. Чарновичъ сдѣлалъ знакъ солдатамъ, чтобъ они вышли и, самъ не говоря ни слова, послѣдовалъ за ними, плотно заслонивъ входъ въ палатку войлочнымъ пологомъ.

Ивонъ опустился на колѣна и устремилъ восторженный взоръ на женщину, которую такъ давно и такъ страстно желалъ видѣть.

— Вотъ она! Слабая и безпомощная, какъ дитя!.. Никто не вырветъ ее теперь изъ моей власти!.. Она моя раба и повелительница! Еслибъ я могъ завладѣть ея ду-

шею, какъ завладѣлъ ея тѣломъ! Какъ бы я былъ счастливъ, какъ бы я сталъ добръ и великодушенъ!.. Я-бъ простилъ своихъ враговъ, я-бъ осыпалъ своихъ подданныхъ благотворительностью, миромъ и добромъ! О, Милена! въ твоихъ рукахъ не только мое спокойствіе, но и судьба Молдавіи, такъ мечталъ Ивонъ, пока Милена медленно приходила въ чувство. Наконецъ она открыла глаза и, безсмысленно озираясь, привстала на постелѣ. Откинувъ со лба распустившіяся пряди длинныхъ волосъ, она нѣсколько разъ провела рукою по лицу, словно хотѣла удостовѣриться, что не спитъ, а видитъ на яву ту странную обстановку, въ которой очутилась. Ивонъ стоялъ за домъ къ свѣту, и она его не узнала. «Кто ты? и куда меня привезли?..» тихо спросила Милена, смутно припоминая сцену въ рощѣ.

— Милена!.. страстно воскликнулъ Ивонъ, протягивая къ ней руки. Дикій, отчаянный крикъ огласилъ безмолвный лагерь. Милена вскочила и какъ безумная стала кидаться по угламъ шатра, шаря руками, чтобъ найти выходъ изъ страшнаго положенія.

— Куда ты?... сказалъ Ивонъ. Пойми, что бѣгство немыслимо. Ты среди 20 тысячнаго войска, и это войско принадлежитъ мнѣ!.. Какъ же ты одна, безпомощная и безсильная сокрушишь то желѣзное кольцо, что окружаетъ тебя со всѣхъ сторонъ? Оставь же сопротивленія и примирись со мной. Я забуду прошлое и все будущее посвящу твоему счастію... Пока онъ уговаривалъ бѣдную плѣнницу, она постепенно убѣждалась, что любовь къ ней Ивона не измѣнилась, и слабая надежда, какъ далекій отблескъ свѣта, проникъ въ мрачный хаосъ ея души. «Упрямствомъ ничего не сдѣлаешь: надо выждать случай и бѣжать...» подумала она.

— Что же ты молчишь? Отвѣчай, согласна ли ты меня любить? спросилъ Ивонъ.

На другой день около полудня къ королевскому замку стали собираться паны враждебныхъ партій. Замойскій, Тенчынскій, Вановскій и господарь Богданъ пріѣхали, въ сопровожденіи своихъ друзей и прислужниковъ. Самуилъ Зборовскій, его братья Христофъ и Андрей, Станиславъ Гурко, Янъ Немоевскій, Радзивилы Сиротка и Рыжій, Николай Зебръжидскій и Ивонъ съ цѣлой дружиной безпокойной, всегда готовой на драку, шляхты съ шумомъ подскакали и стали въ небольшомъ разстояніи. Самуилъ Зборовскій выѣхалъ впередъ и крикнулъ: «Пусть князь Богданъ, господарь Молдавіи, извинится въ нанесеніи оскорбленія моему другу Ивону....»

— Господарь не можетъ унизить свое достоинство передъ измѣнникомъ и бѣглецомъ, изгнаннымъ изъ Молдавіи за крамолы... отвѣчалъ Богданъ.

— Итакъ, господа, миръ не состоялся.... Къ оружію!.. провозгласилъ Зборовскій, первый выхватывая мечъ.

Обѣ партіи двинулись другъ на друга и зазвенѣли сабли да шпаги. Такъ какъ это было среди дня, на площади передъ самымъ королевскимъ замкомъ, то набѣжало много любопытныхъ, окружившихъ плотной толпой сражавшихся. Шляхта громко заявляла свои симпатіи къ той или другой сторонѣ, присутствуя, словно на рыцарскомъ турнирѣ, незная навѣрное, бой ли это или потѣха. Подобныя сцены были не рѣдки въ Польшѣ, гдѣ ни одинъ сеймъ не обходился безъ драки; однако такая смѣлость, чтобы схватиться возлѣ королевскаго жилища, превзошла всѣ прежніе безпорядки.

Увидя изъ окна это побоище, Генрихъ вышелъ изъ своей беззаботной апатіи. Онъ послалъ гонца за Баторіемъ, чтобы поручить ему или уговорить пановъ или призвать отрядъ солдатъ и перехватать зачинщиковъ; пока гонецъ ѣздилъ за Баторіемъ, и онъ явился на мѣсто происшествія, дѣло приняло весьма печальный оборотъ.

Ивонъ съ ожесточеніемъ напалъ на своего соперника Богдана. Они оба были равной силы и ловкости; сабли ихъ мелькали надъ головами, но всякій ударъ встрѣчалъ отпоръ. Ивонъ разгорячился и забылъ весь міръ: ему нужна была кровь его противника. Поднявъ своего коня на дыбы, онъ со всего размаха ударилъ Богдана саблей по головѣ; хотя господарь и подставилъ свою саблю, но она разлетѣлась въ куски, и ударъ все-таки слегка ошеломилъ его. Ивонъ воспользовался минутной слабостью врага и, выхвативъ изъ-за пояса ножъ, хотѣлъ довершить убійство.

Вановскій, отдѣлавшись отъ нападавшаго на него Зборовскаго, сталъ искать глазами Ивона и, увида, что онъ бьется съ Богданомъ, который опустилъ руку съ переломанной саблей и зашатался на сѣдлѣ, бросился къ нему на помощь. Ивонъ въ своемъ ожесточеніи рвался къ цѣли и сокрушалъ все, что становилось на пути: занесенный ножъ сверкнулъ и по самую рукоять вонзился въ грудь подвернувшагося Вановскаго.

Несчастный молодой человѣкъ, обливаясь кровью, свалился съ коня... Въ эту минуту Баторій съ отрядомъ солдатъ кинулся между сражавшимися. Увидавъ убитаго Вановскаго, воевода крикнулъ: «Ловите убійцу... хватайте Зборовскихъ и ихъ соучастниковъ!..»

Но не такъ-то было легко исполнить приказъ. Партія Зборовскихъ увеличилась примкнувшей къ ней шляхтой; сомкнувшись въ плотную толпу, Зборовскій и Ивонъ съ ихъ друзьями стали медленно отступать, обороняясь отъ слабаго натиска солдатъ, которые не охотно дѣйствовали противъ Зборовскихъ, извѣстныхъ своимъ богатствомъ и отчаяннымъ удальствомъ. Добравшись до предмѣстья города, пѣшая шляхта разбѣжалась по переулкамъ, а Зборовскіе съ товарищами такъ быстро ускакали на своихъ лихихъ коняхъ, что догнать ихъ было невозможно.

Черезъ нѣсколько дней король Генрихъ собралъ сеймъ, и приверженцы Баторія единогласно приговорили Самуила Зборовскаго къ вѣчному изгнанію изъ отечества.

— Дѣло наше плохо. Ты изгнанъ изъ Польши, а я изъ Молдавіи: намъ обоимъ приходится бѣжать къ туркамъ, уныло говорилъ Ивонъ Зборовскому, когда до нихъ дошла вѣсть о приговорѣ короля и вельможъ.

— Я обращаю мало вниманія на эти королевскіе указы, храбрился Зборовскій. Генрихъ и самъ не твердо сидитъ на престолѣ, не нынѣ, такъ завтра его выгонятъ и выберутъ другаго короля.

— Коли выберутъ Баторія, намъ еще будетъ хуже. Баторій и Замойскій поступятъ съ нами какъ съ бунтовщиками, либо засадятъ въ тюрьму, либо казнятъ, замѣтилъ братъ Зборовскаго Христофъ *).

— Баторія не выберутъ! Мало ли вельможъ, которые имѣютъ столько же правъ на престолъ какъ и онъ... Почему бы и мнѣ не быть королемъ?.. Партія у меня сильная, а Баторія никто не любитъ: онъ дерзокъ, гордъ и явно идетъ въ разрѣзъ съ нашей національной вольностью... горячился Зборовскій. Онъ собралъ многочисленную дружину и, окруживъ себя тѣлохранителями, разъѣзжалъ по польскимъ городамъ, сбирая шляхту, волнуя умы молодежи, подкупая союзниковъ съ цѣлью составить противъ короля Генриха, а потомъ короля Баторія, обширный заговоръ.

Ивонъ не надѣялся на исполненіе обѣщанія Зборовскихъ помочь ему деньгами и оружіемъ. Видя, что его репутація окончательно подорвана въ Польшѣ, онъ рѣшился на послѣднее отчаянное средство: по совѣту Чар-

*) При королѣ Баторіи, канцлеръ Замойскій, захвативъ Самуила Зборовскаго, привелъ надъ нимъ въ исполненіе приговоръ суда и казнилъ его какъ изгнанника, самовольно нарушившаго приговоръ о вѣчномъ изгнаніи.

новича, онъ уѣхалъ въ Турцію, перешелъ въ магометанство и завелъ обширную торговлю «живымъ товаромъ», то есть продажею красивыхъ женщинъ, которыхъ его агенты покупали, сманивали и похищали въ Молдавіи, Валахіи, въ крымской татаріи, Арменіи, на кавказскихъ горахъ и во всѣхъ пограничныхъ съ Турціею странахъ.

Милена, не довѣривъ никому своего намѣренія, ушла изъ дома маршала подъ предлогомъ прогулки, но вечеромъ не возвратилась. Какъ ее не искали, никто ничего о ней не узналъ. Въ тотъ день, когда молдавскій господарь выѣхалъ изъ Кракова, незнакомый человѣкъ принесъ къ привратнику дома Фирлея шкатулку съ просьбой передать ее паннѣ Тарла, а самъ тотчасъ же скрылся. Въ шкатулкѣ нашли дорогой жемчужный уборъ и записку съ короткой надписью. «Отъ Милены Антоніи».

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ Антонія вышла замужъ за одного изъ братьевъ пана Тенчынскаго. Ходили слухи, что это былъ бракъ не по любви, а по семейнымъ соображеніямъ; такъ или иначе, но послѣ свадьбы, Антонія зажила свѣтской, роскошной жизнію придворной дамы и пользовалась особенной благосклонностью королевы Анны *). По наружности, она была вполнѣ довольна собою, но что было у ней на душѣ—того, разумѣется, никто не зналъ.

ГЛАВА X.

Князь Богданъ тайно обвѣнчался съ Миленой. Не имѣя никакихъ честолюбивыхъ, тщеславныхъ цѣлей, Милена удовольствовалась морганическимъ бракомъ. Въ Яссахъ знали, что господарь женатъ, но не желаетъ объявлять

*) Супруги Стефана Баторія, выбраннаго королемъ послѣ Генриха въ 1576 г.

свой бракъ съ незнатной дѣвушкой, которую однако всѣ уважали, какъ законную супругу господаря.

Получивъ извѣстіе отъ своего брата Стефана, Милена выхлопотала ему дозволеніе возвратиться въ отечество. Стефанъ привезъ съ собою Зору, и Милена не нашла ничего предосудительнаго, чтобъ онъ женился на простой казачкѣ. Молодые зажили спокойно и счастливо.

Между тѣмъ начали ходить неблагопріятные слухи. Турки становились враждебны и придирчивы; нѣсколько разъ Богдана вызывали въ Константинополь и дѣлали ему выговоры; только посредствомъ крупныхъ суммъ, ему удавалось откупиться. Тяжело было молодому князю унижаться передъ дерзкими пашами и еще труднѣе было удовлетворять ихъ алчность къ подаркамъ.

Господарь предпринялъ новое путешествіе въ Польшу, чтобы склонить короля Генриха къ принятію Молдавіи подъ свое покровительство, но собственное положеніе польскаго короля становилось съ каждымъ днемъ невыносимѣе, и онъ ужъ серьезно обдумывалъ свое бѣгство обратно во Францію.

Молдавскіе вельможи и вліятельный князь Струдза, сначала приверженные къ Богдану, стали отдаляться отъ него, вслѣдствіе его сношеній съ католической Польшей, которая была имъ ненавистна.

— Мы не хотимъ снова сдѣлаться польскими холопьями... роптали православные молдаване. Довольно у насъ похозяйничалъ Альбертъ Лаескій, со своими нахальными панами.

Въ половинѣ XVI столѣтія, при смутахъ въ Молдавіи, богатый магнатъ Альбертъ Лаескій, съ другими вельможами, забравъ въ руки правленіе княжествомъ, едва не присоединилъ его къ Польшѣ; но безпечный король Си-

гизмундъ-Августъ *) не съумѣлъ воспользоваться благопріятнымъ случаемъ къ увеличенію своихъ владѣній.

Пока Богданъ и Милена жили такъ счастливо въ Яссахъ, Ивонъ дѣятельно хлопоталъ въ Константинополѣ, при дворѣ султана Селима. Разбогатѣвъ весьма быстро, онъ сыпалъ червонцами и прикидывался ревностнымъ магометаниномъ, Самъ султанъ и его приближенные очень благосклонно относились къ Ивону, но все еще медлили назначить его господаремъ. Наконецъ Ивонъ снова прибѣгнулъ къ изобрѣтательности своего друга Ереміи Чарновича.

— Придумай какое нибудь средство подвинуть мои дѣла, просилъ онъ Еремію.

— Средство я давно уже придумалъ, но для его исполненія мнѣ необходимо ѣхать въ Яссы, отвѣчалъ Чарновичъ.

— Объясни мнѣ, что ты думаешь тамъ дѣлать?

— Я еще ничего не могу сказать опредѣленнаго. Планъ представляется мнѣ еще весьма смутно; для его окончательныхъ деталей я долженъ видѣться съ самимъ господаремъ, таинственно возразилъ Чарновичъ.

Ничего не добившись отъ него, Ивонъ снабдилъ его деньгами и письмами къ вліятельнымъ вельможамъ. Затѣмъ Чарновичъ отправился въ путь.

Прибывъ въ Яссы, онъ разузналъ всѣ подробности семейной жизни князя Богдана. Когда ему сказали, что господарь тайно женатъ и что жену его зовутъ Миленой, Чарновичъ рѣшился прямо дѣйствовать черезъ нея. Онъ явился въ замокъ господаря и велѣлъ доложить о себѣ Миленѣ, прибавивъ, что онъ имѣетъ къ ней важное дѣло.

Сначала Милена не хотѣла съ нимъ видѣться, но любопытство взяло верхъ надъ осторожностью, и она велѣла

*) Прозванный въ насмѣшку: „король-завтра".

ввести Чарновича, который тотчасъ заинтересовалъ ее, сказавъ, что прибылъ прямо изъ Константинополя.

— Мнѣ необходимо видѣться съ самимъ господаремъ, сказалъ Еремія. Ему готовится опасность: если онъ не приметъ быстрыхъ мѣръ, то погибнетъ.

Испуганная Милена ввела Чарновича въ свои внутренніе покои и пошла передать Богдану его загадочныя слова. Чарновичъ остался одинъ. Былъ вечеръ, и двѣ восковыя свѣчи, не ясно обрисовывая контуры каменныхъ сводовъ и готическихъ оконъ съ мелкими свинцовыми переплетами, болѣе рельефно выдвигали изъ темноты массивные дубовые шкапы, столы и стулья съ высокими рѣзными спинками, отсвѣчиваясь на серебрянной насѣчкѣ оружія, навѣшаннаго на стѣнахъ и на серебрянной посудѣ, разставленной по полкамъ. Чарновичъ, быстро оглядѣвъ всѣ углы залы, удостовѣрился, что за нимъ никто не наблюдаетъ; онъ подошелъ къ столу, гдѣ лежали разныя бумаги и сталъ ихъ перебирать. Тутъ было нѣсколько писемъ князя Богдана, писанныхъ имъ къ Миленѣ, во время недавняго путешествія изъ Польши. Чарновичъ отобралъ одно изъ этихъ писемъ и спряталъ его.

Только что онъ успѣлъ отойти отъ стола, какъ дверь отворилась и въ залу вошелъ господарь. «Ты желалъ говорить со мной?» спросилъ онъ, вглядываясь въ лицо Чарновича.

— Да, господарь! я, какъ вѣрный подданный, желаю спасти тебя отъ угрожающей опасности, униженно сказалъ Еремія.

— Г...мъ! вѣрный подданный! возразилъ князь. Помнится мнѣ, что ты считался за вѣрнаго друга ренегата Ивона. Надо бы схватить тебя, какъ его соучастника... Сперва я хочу слышать, что ты намѣренъ мнѣ передать.

Чарновичъ далеко не былъ храбрецомъ; онъ внезапно раскаялся въ томъ смѣломъ предпріятіи, которое могло

кончиться весьма для него печально. Ему надобно было призвать на помощь всю свою изобрѣтательность, чтобы выпутаться. Онъ подробно и ясно раскрылъ князю всѣ интриги, затѣваемыя противъ него въ Константинополѣ, назвалъ имена пашей, которые подговаривали султана отнять у него господарское достоинство, и наконецъ прямо указалъ на Ивона, какъ на руководителя замысловъ противъ Богдана. «Селимъ обѣщалъ Ивону дать войско, и если Молдавія не признаетъ его добровольно, то онъ силою оружія отниметъ у тебя власть и самую жизнь», заключилъ онъ свой разсказъ.

Факты были ясны, и Богдану не оставалось никакихъ сомнѣній; къ тому же Чарновичъ говорилъ такъ спокойно и самоувѣренно, что вполнѣ завладѣлъ довѣрчивостью господаря.

— Что же заставило тебя измѣнить своему другу и явиться ко мнѣ съ предупрежденіями.... спросилъ Богданъ.

— Мнѣ наскучило играть второстепенную роль и служить у отступника; мнѣ самому нужны власть и почетъ. Я согласенъ служить въ Молдавіи, съ тѣмъ, чтобъ мнѣ дано было званіе баркалаба *) какого нибудь значительнаго города... отвѣчалъ Еремія.

— Хорошо!.. но коли придетъ Ивонъ съ турецкимъ войскомъ, меня убьютъ или посадятъ въ тюрьму, тогда ты потеряешь свое мѣсто?..

— Не надобно доводить до того, чтобы насъ захватили врасплохъ, надо приготовить отпоръ: укрѣпить границы, собрать и вооружить рати, наконецъ можно нанять казаковъ... предлагалъ Чарновичъ, искусно затрогивая мужество Богдана.

— Да!.. ты правъ: медлить не слѣдуетъ, а надо при-

*) Баркалабъ — губернаторъ или [illegible]

— Я жена Богдана и не должна любить другаго! Не требуй измѣны.... Конечно, я въ твоей власти и ты можешь дѣлать со мной, что угодно... но тебѣ вѣдь не тѣло нужно, а душа Милены.... Такъ оставь меня въ покоѣ и дай время смириться съ горькой участью плѣнницы....

Ивонъ не ожидалъ, чтобы Милена такъ спокойно приняла его слова; онъ ждалъ и боялся слезъ, упрековъ, цѣлой бури.... но вотъ она стоитъ передъ нимъ твердая, глядитъ прямо и гордо, хоть и называетъ себя плѣнницей, скорѣе похожа на королеву передъ подданнымъ.

— Ого... она привыкла къ власти и выучилась повѣлевать, подумалъ Ивонъ, невольно подчиняясь силѣ воли, которая блестѣла въ глазахъ Милены, какъ дикій тигръ усмиряется магнетическимъ взоромъ укротителя.

— Хорошо, Милена... я согласенъ подождать; тебѣ необходимъ отдыхъ и сонъ. Спи же спокойно и небойся насилія... но помни, что бѣгство и сопротивленіе не возможны!.. сказалъ Ивонъ и вышелъ изъ шатра.

Онъ поставилъ часовыхъ, приказавъ имъ зорко караулить плѣнницу, а самъ ушелъ въ палатку своего брата Подковы, гдѣ засталъ Чайку, которая, убѣжавъ изъ монастыря, примкнула къ каравану, шедшему къ границамъ Турціи и благополучно добралась до лагеря.

— Опять эта дѣвушка, пробормоталъ Ивонъ. Я пришелъ ночевать съ тобой, сказалъ онъ брату. «Иди куда нибудь, Чайка, здѣсь тебѣ не мѣсто... обратился онъ къ дѣвушкѣ.

Чайка мрачно и злобно взглянула на Ивона, котораго ненавидѣла за то, что онъ не позволялъ своему брату на ней жениться. Она молча направилась къ выходу, но Ивонъ кликнулъ ее; ему пришла внезапная мысль:

— Миленѣ не ловко безъ женской прислуги, среди грубыхъ солдатъ... и онъ сталъ толковать Чайкѣ, что въ его палаткѣ плѣнница, за которой нуженъ уходъ.

— Иди, милая! постарайся облегчить ея участь... посылалъ Чайку ея Подкова, зная, что она бы неохотно исполнила порученіе его брата.

— Для тебя я на все готова... но кромѣ тебя, никто не имѣетъ права мной распоряжаться... гордо отвѣчала дѣвушка, выходя изъ палатки.

— Какая дикая и упрямая. Удивляюсь, что ты можешь ее любить... сказалъ Ивонъ, когда она ушла.

— Ей можно извинить ея странности за то, что рѣдкая женщина способна любить такъ страстно и вѣрно. Если бъ тебя такъ любили, ты бы понялъ, что нельзя отвергать такую любовь.... возразилъ Подкова. Ивонъ тяжело вздохнулъ.

— Да!... это правда: вѣрная любовь сокровище, которымъ надо дорожить!.. грустно молвилъ онъ и передалъ брату, что Милена попалась въ плѣнъ.

Подкова видалъ Милену дитей, а потомъ уѣхалъ въ Украину и потерялъ ее изъ виду; онъ слыхалъ, что она стала красавицей, умницей и что Ивонъ ее страстно любилъ.

— Завтра ты будешь въ Ясахъ и твердо станешь на господарствѣ; никто не помѣшаетъ тебѣ жениться на любимой женщинѣ... вѣдь ты обѣщалъ отстать отъ магометанства и возвратиться къ православію... съ тѣмъ только условіемъ я и согласился участвовать въ этой войнѣ съ нашими соотечественниками, имѣя въ виду, что впослѣдствіи ты съумѣешь свергнуть постыдное и ненавистное турецкое иго... сказалъ честный Подкова, который не покидалъ завѣтной цѣли независимости Молдавіи.

— Но Милена жена Богдана!.. Пока онъ живъ, она не согласится стать двумужницей, печально отвѣчалъ Ивонъ.

— Завтра, во время боя, Богданъ, покинутый всѣми, будетъ навѣрное убитъ: въ плѣнѣ онъ не сдастся... я

его знаю. Онъ храбръ и будетъ сопротивляться до конца... Оставшись вдовой, Милена, вѣроятно, одумается и согласится быть твоей женою!.. возразилъ Подкова.

Слова брата нѣсколько успокоили Ивона; онъ заснулъ, думая не о предстоящей битвѣ, а о томъ, какъ онъ заживетъ съ Миленой въ господарскомъ дворцѣ.

ГЛАВА XI.

Настало утро. Богданъ послалъ гонцевъ собрать вельможъ, но никто не явился на его зовъ.

— Одинъ!.. брошенъ на произволъ судьбы!.. О, подлецы, измѣнники и трусы!.. воскликнулъ господарь.

Явился одинъ изъ провожатыхъ, которымъ было поручено сопровождать Милену, Зору и Стефана.

— Я исполнилъ твое приказаніе, господарь! супруга твоя въ безопасности, я проводилъ ее далеко, лошади у нихъ добрыя, быстроногія... теперь они навѣрное тамъ, гдѣ ихъ не достанутъ поганые турки!.. увѣрялъ предатель, подкупленный Чарновичемъ. Богданъ повѣрилъ и щедро наградилъ его.

По уходѣ измѣнника, господарь впалъ въ тягостное раздумье. «Биться одному противъ 20 тысячъ—безумство, вѣдь одинъ въ полѣ не воинъ... Еслибъ у меня не было Милены, я бъ умеръ безъ страха и сожалѣнія о жизни... но судьба моя связана съ ней... За чтожъ я покину ее одинокую на свѣтѣ... Къ тому же развѣ всѣ шансы потеряны? Пусть сегодня Ивонъ завладѣетъ господарствомъ, но и я могу еще поспорить съ нимъ, если прійду съ войскомъ, которое надѣюсь нанять въ Украинѣ...

Князь Богданъ сошелъ съ крыльца и самъ осѣдлалъ своего лучшаго коня, которому не было въ Молдавіи соперника въ красотѣ, силѣ и быстротѣ бѣга.

Никто не обратилъ вниманія на господаря: всѣ безъ оглядки бѣжали изъ замка, зная, что на него устремится главная злоба враговъ.

Въ ту минуту, когда Богданъ выѣхалъ изъ однихъ воротъ города, въ другія ворвалось войско Ивона; все сокрушая, избивая беззащитныхъ жителей, грабя дома и оскверняя храмы, враги добрались до господарскаго замка... Двери стояли настежь, и все было пусто.

Ивонъ послалъ искать Богдана; посланные возвратились безъ успѣха.

Недѣли черезъ три послѣ того, какъ князь Богданъ перешагнулъ черезъ рубежъ Молдавіи, онъ безпрепятственно прибылъ въ помѣстье своей сестры Марты Поневской. Вотъ и поле пшеницы, гдѣ онъ впервые увидалъ Милену. «Какъ она обрадуется! какъ горячо она обойметъ меня и прижметъ свои алыя губки къ моимъ губамъ...», мечталъ князь, подъѣзжая къ замку.

Марта Поневская съ радостными слезами встрѣтила своего брата. До нея уже дошли слухи о занятіи молдавскаго господарства Ивономъ, и она боялась, что Богданъ погибъ, либо взятъ въ плѣнъ.

— Здорова ли Милена! спросилъ ее князь.

— Милена? я не знаю... ее у насъ нѣтъ... отвѣчала съ изумленіемъ Марта.

Богданъ упалъ на скамью и, закрывъ лицо руками, воскликнулъ: «Великій Боже!.. она либо умерла, либо попала въ руки злодѣя...» Марта утѣшала его, увѣряя, что еще не слѣдовало отчаяваться. «Ты ѣхалъ очень быстро, а она, какъ женщина, не могла же скакать безъ отдыха. Погоди!.. она еще пріѣдетъ... Богъ ее не оставитъ и возвратитъ тебѣ супругу...»

Дни шли за днями, а вѣсти объ Миленѣ не приходили; князь поѣхалъ ее искать, распрашивалъ по пути,— никто не видалъ ни Милены, ни Зоры, ни Стефана.

На границѣ Молдавіи Богданъ узналъ, что Ивонъ признанъ и провозглашенъ господаремъ и началъ свое правленіе убійствами да жестокими казнями. Онъ узналъ также, что за его собственную голову назначена высокая цѣна.

«Тысячу червонцевъ тому, кто доставитъ бывшаго господаря Богдана, живаго или мертваго», гласила надпись на пограничномъ столбѣ, возлѣ котораго князь остановилъ своего усталаго коня.

— Прощай, несчастная Молдавія! Прощай, Милена! Я молю Бога, чтобъ ты была лучше въ землѣ, чѣмъ въ рукахъ этого кровожаднаго звѣря! сказалъ Богданъ и, оборотивъ коня, поѣхалъ въ Польшу къ королю Генриху. Прибывъ въ Краковъ, онъ услыхалъ поразительную новость: Генрихъ Валуа бѣжалъ изъ Польши...

Во Франціи послѣ Франциска II-го, умершаго безъ потомства, наслѣдовалъ его братъ Карлъ IX, во время малолѣтства котораго государство находилось подъ управленіемъ регентши королевы-матери Катерины Медичи, прославившейся своими интригами и тѣми ужасными средствами, которыми она устраняла всѣхъ, кто становился ей поперегъ дороги къ полновластію. Отрава и подкупленные убійцы избавляли ее отъ враговъ, а хитрость и коварство подчиняли ея вліянію слабохарактернаго Карла. Катерина Медичи была ревностная католичка и ненавидѣла протестантовъ, потому что они смѣло возставали противъ нее и осуждали ея поступки.

Мстительная королева-мать увѣрила своего сына, что протестантъ герцогъ Конде умышляетъ отнять у него корону. По внушенію матери, король Карлъ привелъ въ исполненіе созданный ею планъ общаго избіенія гугенотовъ. Рѣзня, бывшая въ Парижѣ въ ночь на святаго Варфоломея, 24 августа 1572 года, уничтожила враговъ Медичи, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ протестантовъ погибъ и

адмиралъ Колиньи, котораго сначала король очень уважалъ, за что и возбудилъ въ своей матери зависть и ненависть къ руководителю противной ей партіи.

Вскорѣ послѣ Варфоломеевской ночи Карлъ IX-й сталъ хворать, какъ говорятъ историки, отъ раскаянья и угрызеній совѣсти; наконецъ онъ умеръ черезъ два года, не оставивъ дѣтей. Узнавъ о смерти брата, Генрихъ бросилъ польскій престолъ въ добычу партій, терзавшихъ наслѣдіе Ягеллоновъ, и тайно ускакалъ въ Парижъ, гдѣ и былъ провозглашенъ королемъ, подъ именемъ Генриха III.

Польша вновь осталась безъ государя, и разные претенденты нахлынули съ своими правами на сеймъ, назначенный въ Варшавѣ. Не смотря на происки и интриги враговъ, Стефанъ Баторій былъ избранъ въ короли.

Это было самое неблагопріятное время для войны съ Турціей. Если добродушный, легкомысленный Генрихъ Валуа, называя князя Богдана: «Mon cousin», былъ готовъ, изъ чувства рыцарскаго принципа, идти походомъ противъ невѣрныхъ, то умный и осторожный Баторій былъ совсѣмъ другаго мнѣнія. При смутахъ въ своемъ собственномъ государствѣ, гдѣ ему грозили безпрерывные раздоры и заговоры, онъ еще затѣвалъ оттягать у московскаго царя Іоанна IV тѣ земли, на которыя Польша издавна имѣла притязанія, а потому и желалъ во что-бы ни стало сохранить миръ съ турками, чтобы просить ихъ идти вмѣстѣ на Москву. Стефанъ Баторій на отрѣзъ отказалъ Богдану въ разрѣшеніи украинскимъ казакамъ собрать для него наемное войско и подъ строгимъ наказаніемъ запретилъ польскимъ волонтерамъ поступать на службу для освобожденія Молдавіи. Кромѣ того и самые казаки, подъ вліяніемъ гетмана Свирховскаго, скорѣе согласились бы содѣйствовать Ивону, чѣмъ идти противъ него. Князь Богданъ пришелъ къ убѣжденію, что власть въ Молдавіи для него окончательно потеряна; горе по Ми-

ленѣ притупило его энергію и предпріимчивость. Онъ уѣхалъ въ свои обширныя владѣнія, пріобрѣтенныя имъ въ Украинѣ и Польшѣ на тотъ случай, который могъ лишить его владѣній въ Молдавіи. «Еслибъ со мной была Милена, я-бъ могъ быть счастливъ безъ честолюбія и борьбы», говорилъ Богданъ, порой надѣясь ее отъискать, порой отчаяваясь и убѣждаясь, что ее нѣтъ въ живыхъ.

Милена жила въ Яссахъ въ господарскомъ дворцѣ, окруженная роскошью и довольствомъ, не имѣя самаго драгоцѣннаго въ жизни — свободы. Ее зорко сторожили и никуда не выпускали; изрѣдка ей дозволялось видѣться со Стефаномъ и его женою, которые также могли считаться плѣнниками, такъ какъ имъ были строго запрещены всякія сношенія съ посторонними. Поэтому ни Милена, ни Стефанъ не могли подать о себѣ вѣсть Богдану; однако они узнали черезъ Чайку, что князь успѣлъ бѣжать изъ Молдавіи, и это извѣстіе ободряло Милену въ упорной борьбѣ съ ея властелиномъ.

Ивонъ, достигнувъ долго преслѣдуемой цѣли, былъ глубоко несчастливъ; власть его вполнѣ зависѣла отъ турецкихъ пашей, которыхъ онъ долженъ былъ осыпать подарками; партія друзей, которая сначала дѣйствовала въ его пользу, отшатнулась отъ него, какъ отъ ренегата. Со стороны Польши угрожало нападеніе воинственнаго Баторія, который еслибъ вздумалъ овладѣть Молдавіей, то легко могъ бы это исполнить. Главное же мученіе составляло для Ивона то, что Милена, для которой онъ добивался могущества и богатства, хоть и принадлежала ему физически, но нравственно ускользала отъ него.

Милена сопоставляла его пылкой страсти ту презрительную холодность, которая была для него невыносимѣе брани и упрековъ. Напрасно онъ осыпалъ упрямую женщину ласками, окружалъ ее роскошью и заботливымъ исполненіемъ ея малѣйшихъ прихотей, Милена гордо от-

талкивала его любовь и не обращала вниманія на его дорогіе подарки.

— Милена, говорилъ Ивонъ въ минуты порывовъ своей страсти, скажи, что ты меня любишь, поцѣлуй меня.... какъ милостыню брось мнѣ свою безцѣнную улыбку...

— Ты завладѣлъ моимъ тѣломъ, но душа моя принадлежитъ Богдану... Я люблю его, а тебя ненавижу и презираю!.. повторяла Милена.

Ивонъ приходилъ въ бѣшенство и грозилъ убить непокорную.

— Убей!.. Я не боюсь смерти... а для тебя, потерявшаго счетъ въ злодѣяніяхъ, еще одно убійство беззащитной плѣнницы не много прибавитъ грѣха при отчетѣ на судѣ Божіемъ! возражала Милена, смѣло и прямо глядѣвшая въ его гнѣвныя очи.

Ивонъ ломалъ дорогую посуду, рвалъ штофныя занавѣски, осыпалъ Милену проклятіями и какъ съумасшедшій выбѣгалъ изъ ея покоевъ. Тѣ дни, когда онъ ссорился съ Миленой, ознаменовывались страшными казнями, которыми онъ навелъ ужасъ на всю Молдавію и заслужилъ уваженіе турокъ. Онъ вѣшалъ всѣхъ, кого подозрѣвалъ въ измѣнѣ, сдиралъ съ живыхъ кожи, сажалъ на колъ и придумывалъ самыя жестокія пытки.

Иногда онъ являлся къ Миленѣ и, подведя ее къ окну, указывалъ на несчастныхъ мучениковъ, приведенныхъ на казнь. «Скажи, что ты меня любишь, обними меня... и я дарую жизнь осужденнымъ... говорилъ Ивонъ, но Милена упрямо отвѣчала: «я тебя не навижу!..»

Ивонъ подавалъ знакъ рукою и начинались мучительныя пытки. Гляди!.. это ты виновата въ ихъ страданіяхъ и смерти... говорилъ онъ, принуждая ее стоять у окна.

Милена закрывала глаза и начинала вслухъ молиться о спасеніи мучениковъ, но ни разу не согласилась иску-

пить обреченныхъ на смерть тѣмъ словомъ, которое вымаливалъ у ней ея тиранъ.

Всѣ эти ужасы и безпрерывная борьба производили въ бѣдной женщинѣ неизгладимое впечатлѣніе. Наружно она козалась спокойной и здоровой, но душа ея изнемогала, и жизненныя силы мало по малу подтачивались; бывали минуты совершеннаго отчаянья, когда она была готова прибѣгнуть къ самоубійству, но вскорѣ возвращалось сознаніе, и упорная надежда подсказывала ей, что власть Ивона не можетъ быть долговременна.

Такъ протекло около трехъ мѣсяцевъ.

Однажды, послѣ бурно проведенной ночи, раздраживъ Ивона до припадка совершеннаго бѣшенства, Милена лежала на софѣ блѣдная, изнемогшая. Одежда ея была въ безпорядкѣ, длинные распустившіеся волосы лежали прядями на подушкѣ и спускались на полъ.

Тихо отворилась дверь, и на порогѣ показались Стефанъ съ своей женою. «Она спитъ», шопотомъ сказалъ Стефанъ, но легкій звукъ и осторожные шаги заставили Милену нервно вздрогнуть, открыть глаза.

— Это вы, друзья мои! привѣтствовала она брата и невѣстку. Какъ я рада васъ видѣть! давно ужъ мнѣ не дозволялось это утѣшеніе.

Стефанъ подошелъ и грустно отвѣчалъ: «Сестра! я пришелъ проститься съ тобою. Господарь объявилъ мнѣ, что я присужденъ къ смертной казни за тотъ заговоръ, что былъ еще при господарѣ Александрѣ...» Милена въ ужасѣ вскочила.—«Что? тебя казнить!.. Такъ вотъ, чѣмъ онъ грозитъ мнѣ... О! я несчастная! Сколько людей погибли изъ за меня!.. Теперь злодѣй хочетъ лишить меня послѣдней радости, погубить милаго брата»!.. и Милена въ отчаяньи зарыдала. Зора также плакала и умоляла Милену спасти ее и Стефана.

— Это Чарновичъ донесъ султану и представилъ пи-

санную моей рукой черновую заговора, которая, какъ я полагалъ, уничтожена... гдѣ и какъ онъ ее досталъ, я не знаю. Этотъ коварный человѣкъ, котораго Ивонъ такъ любитъ, что далъ ему одну изъ главныхъ должностей баркалаба хотинскаго, нарочно вовлекаетъ господаря во всякія злодѣйства. Всѣ въ Яссахъ готовы возстать, и господарь непремѣнно попадетъ въ немилость у султана. Говорятъ, что Чарновичъ самъ желаетъ заступить его мѣсто... разсказывалъ Стефанъ.

Дѣйствительно, Еремія Чарновичъ старался вредить своему другу и донесъ дивану, что Ивонъ держитъ въ почетѣ брата своей любовницы, съ цѣлью поднять возстаніе противъ Турціи. Въ доказательство этого онъ представилъ черновую заговора, такъ неосторожно переданную ему Ивономъ въ замкѣ Тарлы. Визирь прислалъ приказъ немедленно схватить измѣнника Стефана; Ивонъ, конечно, могъ бы оправдать Стефана или просто дать ему средства бѣжать изъ предѣловъ Молдавіи, но зная, какъ горячо Милена любитъ своего единственнаго брата, Ивонъ ухватился за возможность еще разъ испытать ужасное средство, чтобы заставить несчастную женщину вымолвить завѣтное слово любви. Съ этой цѣлью онъ допустилъ Стефана къ сестрѣ.

Обнявъ Стефана, Милена склонила голову на его грудь, горько плача и приговаривая: «Прости меня, Стефанъ! Прости меня, Зора! Я причиной вашей гибели... чтобъ отомстить мнѣ, Ивонъ выдаетъ тебя султану... но я не могу тебя спасти... Я не могу измѣнить Богдану!..»

Занавѣсъ, отдѣлявшій эту комнату отъ прочихъ, раздвинулся, и вошелъ Ивонъ, мрачный, зеленовато-блѣдный, со стиснутыми зубами и блуждающимъ взоромъ.

— Довольно нѣжничать, Стефанъ!.. Стража ждетъ тебя, и палачъ уже приготовилъ орудіе твоей смерти.... произнесъ онъ хриплымъ голосомъ.

Милена еще крѣпче обхватила брата и судорожно зарыдала.

— Возьмите его! приказалъ Ивонъ, и вошла стража.

Милену оторвали отъ брата; Зора упала господарю въ ноги и молила его о помилованіи, но онъ оттолкнулъ ее. «Пусть проситъ она!..» указалъ онъ на Милену.

— Сестра!.. Милая, дорогая Милена! Проси за насъ!.. воскликнула Зора.

Милена встала, сдѣлала нѣсколько шаговъ къ Ивону, открыла ротъ, но языкъ не повиновался ей, а изъ гортани вырывались неопредѣленные звуки.

— Ведите ихъ!.. яростно крикнулъ господарь, и самъ вытолкнулъ Стефана съ Зорой; а Милена все стояла какъ окаменѣлая. Шумъ тяжелыхъ шаговъ постепенно удалялся, наконецъ все стихло.

Вдругъ раздался говоръ народа на площади передъ дворцомъ. Ивонъ подошелъ къ окну: въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ него возвышался помостъ, и на немъ стоялъ въ ярко красной одеждѣ палачъ, съ сѣкирой въ рукахъ.

— Прекрасное зрѣлище!.. Подойди, Милена, и полюбуйся на свои добрыя дѣла... Милена не трогалась съ мѣста; онъ схватилъ и подтащилъ ее къ окну...

— Вонъ видишь своего Стефана!.. его ведутъ... вотъ онъ входитъ на ступени... а жену его тащатъ за нимъже!.. гляди, съ нихъ сорвали верхнюю одежду, оголили шеи... Голова твоего возлюбленнаго брата склонилась на плаху...

И вдругъ, перемѣнивъ суровый тонъ, господарь страстно и порывисто молвилъ: «Милена! жизнь моя!.. пожалѣй бѣднаго Стефана... Обѣщай любить меня!.. Открой мнѣ свои объятія... Дай мнѣ испить на твоей груди блаженство любви... Молю тебя, согласись... и братъ твой будетъ помилованъ: мнѣ стоитъ подать условный знакъ, и народъ выхватитъ его изъ рукъ стражи... Черезъ нѣ-

сколько часовъ онъ будетъ въ безопасности и свободно уѣдетъ въ Украину.

Страшная борьба совершалась въ головѣ и душѣ Милены; она протянула руки, чтобы обнять Ивона, но вдругъ оттолкнула и, дико захохотавъ, крикнула:

— Извергъ! отступникъ! презрѣнный ренегатъ!... Я ненавижу... я презираю тебя!..

Ивонъ отшатнулся отъ нея; судорога исказила его лицо... онъ махнулъ платкомъ и... голова Стефана скатилась съ окровавленной плахи...

Милена, какъ подкошенный колосъ, упала безъ чувствъ.

Ивонъ опомнился. «Я убилъ ее!» воскликнулъ онъ и, поднявъ бездыханную женщину, положилъ на софу; онъ созвалъ ея женскую прислугу, послалъ за врачемъ и знахарями, которые долго не могли привести ее въ чувство. Наконецъ она очнулась и открыла глаза, но ея взоръ блуждалъ, никого не узнавая, а губы произносили одни и тѣ-же отрывочныя фразы: «Злодѣй, презрѣнный ренегатъ!.. Я ненавижу его!..

Милена сошла съ ума!..

Подкова сидѣлъ съ нѣсколькими вельможами и озабоченно разсуждалъ о грамотахъ, полученныхъ изъ Константинополя. Дѣло Стефана лежало передъ нимъ, и онъ съ одобренія совѣтниковъ собирался написать отвѣтъ въ Турцію о томъ, что Стефана нѣтъ въ Яссахъ.

— Мы его спрячемъ и отправимъ въ Украину, говорилъ онъ.

Окна той залы, гдѣ они находились, выходили въ садъ, и они не могли видѣть того, что происходило на площади. Внезапно послышались спѣшные шаги и оживленный споръ часоваго, стоявшаго за дверью.

— Пусти!... пусти меня!... мнѣ нужно ихъ видѣть! послышался женскій возгласъ. Подкова узналъ голосъ

Чайки и, отворивъ дверь, спросилъ: «Чего тебѣ? Что случилось?»

Чайка блѣдная и взволнованная едва переводила духъ отъ поспѣшной ходьбы. «Спаси!.. Спаси Стефана и Зору!.. Они тутъ на площади въ рукахъ палача!..»

Подкова бросился изъ залы, выскочилъ изъ окна на улицу и побѣжалъ къ помосту, расталкивая толпу, отшвыривая стражниковъ... Все падало и разступалось передъ силой богатыря.... Онъ быстро вбѣжалъ по ступенямъ возвышенія... но было поздно: обезглавленный трупъ грузно свалился на помостъ... Палачъ снова взмахнулъ сѣкирой надъ головой Зоры, но Подкова ударомъ кулака свалилъ палача съ ногъ, подхватилъ Зору и однимъ прыжкомъ соскочилъ съ помоста.

Восторженный крикъ сочувствія вырвался изъ груди народной толпы. Всѣ привѣтствовали смѣлый поступокъ господарскаго брата, очень популярнаго между народомъ; а онъ бѣжалъ, не оглядываясь, неся Зору, какъ малаго ребенка, на своихъ могучихъ плечахъ.

— Вотъ возьми ее!.. а тотъ уже умеръ!.. Богъ съ нимъ, передавая Зору Чайкѣ, сказалъ богатырь, который тщетно старался удержать брата отъ жестокостей и противодѣйствовать коварнымъ совѣтамъ Ереміи Чарновича, подталкивавшаго Ивона въ пропасть...

ГЛАВА XII.

Помѣшательство Милены было самымъ жестокимъ ударомъ судьбы для Ивона, который вмѣсто того, чтобы почувствовать отвращеніе отъ безумной, еще сильнѣе полюбилъ ее. Онъ не могъ ее видѣть безъ сожалѣнія и укоровъ совѣсти; съ нимъ совершился внезапный моральный переворотъ. Всѣ прежніе его звѣрскіе поступки предстали

передъ нимъ во всемъ ихъ безобразіи, и раскаянье вполнѣ имъ овладѣло. Подъ вліяніемъ новаго для него чувства, Ивонъ отшатнулся отъ магометанства, принятаго имъ для достиженія честолюбивой цѣли.

Вмѣсто прежней жестокости, онъ сдѣлался добръ и милостивъ. Желая загладить свои заблужденія, онъ сталъ ревностно молиться, украшать храмы, раздавать милостыню и прощать преступниковъ.

Когда онъ дѣлалъ что-нибудь доброе и полезное, совѣсть его успокоивалась; съ свѣтлой радостью спѣшилъ онъ въ покои Милены, словно надѣялся, что найдетъ ее выздоровѣвшею. Помѣшательство Милены было тихое и безъ припадковъ раздраженія; она какъ будто бы углубилась въ свой внутренній міръ и не замѣчала ничего, что происходило вокругъ нея. По цѣлымъ днямъ она сидѣла у открытаго окна и, устремивъ глаза въ безграничное пространство, гдѣ земля сливается съ небомъ, казалось думала глубокую думу; если кто нибудь подходилъ къ ней, она разсѣянно повертывала голову, глядѣла въ упоръ своими прекрасными, но безсмысленными глазами, но не узнавала того, кто говорилъ съ ней. Выраженіе этихъ нѣкогда столь блестящихъ глазъ приводило Ивона въ отчаянье; онъ предпочелъ бы, чтобъ въ глазахъ Милены отразилась прежняя вражда къ нему, чѣмъ то безучастное, холодное, какъ сталь, оцѣпѣненіе, которое оковало всѣ мысли, чувства и разсудокъ несчастной.

Молдавскій народъ, ненавидѣвшій своего господаря, когда онъ былъ отступникомъ и жестокимъ тираномъ, при его внезапной перемѣнѣ, сначала робко и недовѣрчиво относился къ нему, а потомъ постепенно примирился съ Ивономъ и даже началъ его любить.

Черновичъ не менѣе Ивона былъ пораженъ сумасшествіемъ Милены и хотя былъ главнымъ виновникомъ казни

Стефана, но всю вину свалилъ на Ивона и больше прежняго возненавидѣлъ его.

— Что мнѣ теперь въ безумной? Если я погублю его, то все таки не возвращу разума Миленѣ, которую я хотѣлъ отнять у него вмѣстѣ съ господарствомъ, думалъ коварный Еремія, никому, впрочемъ, не повѣряя своихъ тайныхъ мыслей, и продолжалъ играть передъ Ивономъ роль преданнаго друга.

Узнавъ, что молдавскій господарь снова сдѣлался христіаниномъ, султанъ Селимъ потребовалъ его въ Константинополь. Ивонъ не рѣшился ѣхать лично, а послалъ своего друга Чарновича, котораго онъ, по его желанію, возвелъ въ званіе баркалаба-хотинскаго. Уѣзжая изъ Яссъ, Еремія завѣрилъ своего друга, что употребитъ всѣ усилія, чтобы устроить его дѣла, а прибывъ въ Константинополь, описалъ передъ диваномъ поведеніе господаря въ самыхъ черныхъ краскахъ. Не столько правды, сколько коварной лжи и клеветы заключали его хитрыя рѣчи, и онъ легко добился того, чего желалъ. Диванъ рѣшилъ отнять у Ивона господарство; однако на просьбу Чарновича утвердить его въ этомъ званіи, далъ уклончивый отвѣтъ.

Чарновичъ уѣхалъ изъ Константинополя въ самомъ злобномъ настроеніи. «Псы! невѣрные басурмане! Какъ я ни хлопоталъ, а видно не бывать мнѣ господаремъ», ворчалъ предатель. Онъ успокоилъ Ивона, увѣривъ, что паши остались весьма довольны его подарками, и все обошлось для него благополучно.

Между тѣмъ диванъ сталъ пріискивать кандидата на молдавское господарство, и вскорѣ явился претендентъ. Это былъ братъ валахскаго господаря Петрила, который для того, чтобы склонить султана на свою сторону, обѣщалъ платить дань или харачь, вмѣсто 60 тысячъ, сбираемыхъ съ Молдавіи Ивономъ, ровно вдвое, то есть 120 тысячъ

червонцевъ. Это послѣднее обѣщаніе такъ подѣйствовало на алчность дивана, что Петрилу дали предпочтеніе.

Ивонъ, ничего не предчувствуя, продолжалъ ѣздить по богомольямъ да раздавать щедрыя милостыни, какъ вдругъ въ Яссы явились присланные диваномъ паши и предъявили ему требованіе двойнаго харача, то есть ежегодной дани въ 120 тысячъ червонцевъ. Ивонъ, взбѣшенный такимъ неслыханнымъ дотолѣ требованіемъ, рѣзко отказалъ, и паши уѣхали безъ подарковъ. Это значило явно разорвать миръ и дружбу съ Турціей.

Для Ивона настала тяжелая пора, и все его упованіе сосредоточилось на помощи гетмана Свирховскаго. Тотчасъ послѣ отъѣзда пашей, Ивонъ поскакалъ въ Украину, чтобы просить казаковъ собрать войско.

Свирховскій собралъ раду и напомнилъ товарищамъ, что они обѣщали помогать Ивону на случай, если Молдавія начнетъ войну за свою независимость.

— Идемъ! идемъ за Христову виру! за братьевъ мультанъ *), гаркнула громада единодушно.

Условившись съ Свирховскимъ, господарь уѣхалъ обнадеженный и ободренный. По возвращеніи въ Яссы, онъ предъявилъ вельможамъ несообразныя требованія турокъ.

— Молдавія не въ состояніи платить 120 тысячъ въ годъ, сказалъ на совѣтѣ господарь. Вы знаете, что она и безъ того отягощена поборами на подарки пашамъ и едва можетъ собрать теперешній харачь въ 60 тысячъ. Кромѣ того, кто можетъ поручиться, что турки не возвысятъ этотъ огромный харачь еще вдвое, а тамъ и втрое? Вы видите, что они хотятъ окончательно раззорить наше несчастное отечество!.. По моему мнѣнію, война неизбѣжна, и я уже заручился войскомъ храбрыхъ украин

*) Мультаносъ—малдаване.

скихъ казаковъ; надѣюсь, что и запорожцы пойдутъ съ нами... Пора поднять всѣ силы за свободу!..

Молдавія, долго терпѣвшая ужасное бремя турецкой власти, униженная, подавленная непреодолимой силой басурманъ, внезапно очнулась отъ нравственной дремоты и подъ вліяніемъ отчаянія единодушно поднялась съ оружіемъ въ рукахъ.

— Умремъ!.. а не прибавимъ больше, чѣмъ платили прежде!.. Все равно погибать съ голоду; лучше падемъ съ честью на полѣ битвы за свободу нашей родины!... воскликнули бояре, а за нимъ тоже крикнулъ и народъ.

Ивонъ началъ быстрыя и дѣятельныя приготовленія.

Молдавы сами безъ понужденія стекались со всѣхъ сторонъ и просили оружія, чтобы биться на смерть со своими угнетателями; поселяне оттачивали ножи да косы, вооружаясь всѣмъ, что было подъ руками.

При такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, Ивонъ не забывалъ Милены и, какъ только улучалъ свободную минуту, тотчасъ прибѣгалъ навѣстить ее, но находилъ ее все въ той же апатіи и равнодушіи ко всему окружавшему внѣшнему міру.

По совѣту своего брата Подковы, принимавшему живое участіе въ несчастной женщинѣ, Ивонъ приставилъ къ ней спасенную отъ казни Зору и Чайку, которая охотно взяла на себя попеченіе о больной.

— Послушай, братъ! говорилъ господарь. Если меня убьютъ или полонятъ, а ты останешься живъ и свободенъ,—защити Милену и увези ее изъ Молдавіи въ Украину, подъ покровительство казаковъ... но, ради Бога, не отдавай ее Богдану!.. Я и въ могилѣ буду ее любить да ревновать!.. Обѣщайся... клянись мнѣ, что ты исполнишь мое завѣщаніе!..

Подкова далъ требуемую клятву и съ своей стороны

поручилъ брату свою Чайку на тотъ случай, если онъ будетъ убитъ.

Свирховскій собралъ войско, но изъ опасенія, чтобы крымцы не воспользовались его отсутствіемъ и не напали на Украину, онъ долженъ былъ оставить сильную рать на границахъ.

— Насъ не достаточно, чтобы освободить Молдавію отъ турецкаго владычества, замѣтилъ ему Покатыло. Надо послать гонца къ запорожцамъ.

Свирховскій послалъ есаула Либишовскаго къ кошевому Павлюку съ просьбой подсобить ему, и Павлюкъ, вѣрный данному слову, выставилъ 1,300 отборныхъ храбрецовъ изъ своихъ сѣчевыхъ товарищей; между ними были и Янчикъ съ Соколкою.

Съ этой, не столько многочисленной, сколько крѣпкой и закаленной въ битвахъ ратью, гетманъ Свирховскій двинулся къ границамъ Молдавіи.

Былъ прекрасный весенній день въ половинѣ марта. Солнце золотило цвѣты полей и покрывало отлогіе вершины горы Капо роскошнымъ изумруднымъ покровомъ. Прозрачное безоблачное небо улыбалось, отражая свою синеву въ струяхъ рѣчки Бахлуя (притокъ Прута), огибавшей предмѣстья города Яссы.

Кругомъ раскинулись многочисленные шатры на огромной равнинѣ. Молдавскіе воины точили оружіе, объѣзжали коней и учили новобранцевъ. Самъ господарь перебрался изъ своего замка на ратное поле и ежедневно присутствовалъ при ученіи полковъ. Онъ съ часу на часъ ожидалъ прибытія казацкихъ отрядовъ и послалъ гонцевъ съ приказаніемъ немедленно повѣстить ему, когда приблизится Свирховскій со своими есаулами, старшинами и сотниками.

Съ отборной свитой бояръ, верхомъ на отличномъ ворономъ жеребцѣ, Ивонъ пристально всматривался въ даль,

прикрывъ глаза рукою отъ солнечныхъ лучей. Къ нему подскакалъ Подкова и повѣстилъ: «Господарь! прибылъ гонецъ отъ хетмана Дружко-Свирховскаго; онъ въ полумилѣ разстоянія отсюда остановился и ждетъ твоего дозволенія приблизиться къ нашему лагерю». Господарь съ сіяющими отъ радости глазами отвѣчалъ: «Поспѣши, любезный братъ! привѣтствуй отъ моего имени и отъ всего молдавскаго воинства доблестнаго хетмана и пригласи его немедленно въ нашъ станъ».

Когда Подкова съ нѣсколькими боярами ускакалъ, чтобъ исполнить порученіе господаря, онъ обратился къ вельможамъ и продолжалъ свои распоряженія: «Бояре, князья и вельможи! Долгъ гостепріимства и признательности повелѣваетъ намъ изготовить встрѣчу и угощенія, достойныя тѣхъ храбрыхъ защитниковъ, которые, покинувъ свои родные очаги, прибыли изъ далека на помощь и для освобожденія Молдавіи отъ поганыхъ басурманъ!..

— Да!.. Да!.. мы готовы чествовать и поднести дары такимъ дорогимъ гостямъ!.. воскликнулъ князь Струдза, одинъ изъ самыхъ знатныхъ и богатыхъ вельможъ Молдавіи.

Для гостей были немедленно отведены лучшіе и обширные шатры, со всѣмъ необходимымъ для отдыха. Запылали костры; заварили въ огромныхъ котлахъ баранину съ сарачинскимъ пшеномъ, свинину съ кукурузой, напекли лепешекъ и хлѣбовъ изъ муки съ примѣсью дынной мякоти *); это угощеніе готовилось для простыхъ казаковъ, а для гетмана съ избранными товарищами стряпали болѣе изысканныя кушанья. Ставили столы между палатками, накрывали особый столъ въ господарскомъ шатрѣ и выкатывали бочки съ виномъ. Еще не кончились

*) Дынями засѣваются цѣлыя поля и дынная мякоть употребляется при печеньи хлѣба въ Молдавіи.

всѣ эти приготовленія, какъ вдали показались казацкія рати, и лучи солнца заискрились на концахъ ихъ копій съ разноцвѣтными бунчуками да значками. Когда они приблизились на три сотни шаговъ, то господарь самъ поѣхалъ къ нимъ на встрѣчу и, поровнявшись съ Дружко-Свирховскимъ, обнялъ и поцѣловалъ его. Казаки смѣшались съ молдавами и, по примѣру начальниковъ, тоже обнимались. Когда казаки въѣхали въ молдавскій станъ, раздались привѣтственные крики молдавскихъ солдатъ и пушечные выстрѣлы. Послѣ пира, какъ гетману, такъ и всѣмъ есауламъ, старшинамъ и сотникамъ, по приказанію господаря, поднесли по серебрянной братинѣ, наполненной золотыми.

— Это вамъ, друзья, на баню, необходимую послѣ долгаго пути, сказалъ имъ господарь.

— Не нужно намъ даровъ, отвѣчалъ Свирховскій. Не для корысти пришли мы изъ далека, а для защиты единовѣрныхъ братьевъ отъ ихъ угнетателей бусурманъ.

Долго упрашивали и господарь и вельможи, чтобы казаки приняли дары. Наконецъ гетманъ согласился:

— Только для пополненія расходовъ пути принимаемъ мы ваше золото, въ упованіи возвратить вамъ его со сторицею изъ добычи съ невѣрныхъ.

— Для пополненія путевыхъ издержекъ я, кромѣ того, прикажу выдать вамъ 600 таллеровъ... возразилъ Ивонъ.

Когда выкаченныя бочки съ виномъ опустѣли, князь Струдза приказалъ принести нѣсколько мѣховъ съ самымъ лучшимъ виномъ изъ своихъ виноградниковъ. «Выпьемъ, братья, за здравіе доблестныхъ казаковъ и за будущій успѣхъ нашего похода», провозгласилъ онъ, и всю ночь шелъ пиръ горой въ молдавскомъ лагерѣ.

На слѣдующій день собрали совѣтъ передъ господарскимъ дворцомъ на обширной равнинѣ, окруженной сплошной массой солдатъ и народа, которые тѣснились, чтобы

послушать рѣчи своихъ начальниковъ. Ивонъ всталъ съ своего мѣста и началъ говорить такъ громко, что слова его, при общемъ безмолвіи, доносились до послѣднихъ рядовъ:

— Славные и храбрые рыцари! Благодарю васъ за участіе и радуюсь, что могу привѣтствовать васъ на долинахъ Молдавіи, гдѣ столько неповинной, христіанской крови пролито жестокими тиранами, попирающими крестъ и ругающимися надъ Христовой вѣрой. Слава казачьяго воинства извѣстна всему міру, передъ ней трепещутъ алчные паши, и самъ грозный султанъ Селимъ II страшится казацкой силы. Какъ ни многочисленны турецкія полчища, но я уповаю, что и горсти непобѣдимыхъ украинскихъ и запорожскихъ храбрецовъ достаточно, чтобы одолѣть нашего лютаго врага, очистить предѣлы Молдавіи отъ ея угнетателей и доказать свѣту, что христіанскій Богъ назначилъ вашими могучими руками раззорить, унизить, покорить невѣрныхъ!.. Я не имѣю средствъ вознаградить васъ за ваши подвиги, но предлагаю вамъ половину той добычи, которую Господь пошлетъ намъ....

Краснорѣчивыя слова Ивона произвели на слушателей благопріятное впечатлѣніе.

— Опять повторю, возразилъ Свирховскій, что награда и добыча не входили въ наши расчеты, когда мы рѣшились идти къ тебѣ на помощь. Мы будемъ довольны всѣмъ, что будетъ угодно Богу даровать намъ, и объ одномъ только молимъ Его, чтобъ онъ благословилъ нашъ рыцарскій подвигъ, ниспослалъ бы намъ побѣды и даровалъ бы свободу Молдавіи.

Радостныя слезы блистали въ глазахъ господаря и всѣхъ вельможъ; народъ и войско ободрились, когда вполнѣ увѣрились, что казаки готовы твердо и непоколебимо исполнить свое обѣщаніе.

Пока молдавы встрѣчали и чествовали своихъ защит-

никовъ, въ Константинополѣ шли быстрые и дѣятельные сборы: 30 тысячъ турокъ и 2 тысячи венгровъ были отправлены въ Валахію съ приказаніемъ тамошнему господарю и его брату вести войско въ Молдавію, гдѣ и посадить на господарство Петрилу, а Ивона схватить и доставить закованнаго въ Константинополь.

Господарь съ братомъ двинулись и, перейдя рѣку Серетъ, расположились на отдыхъ передъ нападеніемъ на непріятеля. Петрила предполагалъ, что при быстротѣ его похода, можно будетъ нагрянуть на Ивона въ расплохъ; но гетманъ Свирховскій, знакомый съ уловками турокъ и привыкшій къ неожиданнымъ нападеніямъ крымскихъ татаръ, строго и бдительно сторожилъ по всѣмъ дорогамъ, гдѣ легкіе казацкіе отряды безпрестанно сновали, распрашивая сельскихъ жителей и осматривая всѣ мѣста, въ которыхъ возможно было ожидать появленія врага. Берега рѣкъ Серета, Молдавы, Дуная и озеръ, въ него впадающихъ, особенно обращали на себя вниманіе казаковъ.

Однажды, въ темную ночь, есаулъ Покатыло съ тремя десятками казаковъ, да господарскій братъ Подкова, съ полусотней молдавскихъ всадниковъ, тихо ѣхали по берегу рѣки Серета, прислушиваясь къ страннымъ, неяснымъ звукамъ, доносимымъ вѣтромъ съ противуположнаго берега. Наконецъ Покатыло остановился и сказалъ Подковѣ: «Не будь я казакъ Покатыло, коли не творится тамъ на валахской сторонѣ *) что-то не ладное!» Всѣ остановились, напрягая слухъ, и дѣйствительно услыхали всплески воды; ближе, да сильнѣе шумѣли волны, а не было замѣтно признаковъ бури. По распоряженію Покатылы и Подковы казаки спѣшились, а молдавы съ лошадьми спрятались въ кусты. Казаки поползли на брюхѣ къ самому

*) Рѣка Серета составляла межу Молдавіи отъ Валахіи.

скату берега; шумъ усиливался, а ночь была такъ темна, что разглядѣть было невозможно. «Что это такое? Плывущія ли ладьи, или переходъ лошадей въ бродъ? И сколько ихъ? Небольшой ли отрядъ или цѣлое войско?» шепотомъ спрашивали другъ друга Покатыло и Подкова.

— А вотъ погодимъ; небо, кажется, прочищается, авось проглянетъ покровительница турокъ—луна и покажетъ намъ ихъ силу!.. также шепотомъ сказалъ бывшій съ ними запорожецъ Янчикъ.

Облака разорвались и образовали словно прогалины, въ которыя проглядывало синее, звѣздное небо; въ одну изъ этихъ прогалинъ выплылъ мѣсяцъ и облилъ своимъ свѣтомъ ужасающую картину: весь берегъ рѣки Серета съ валахской стороны былъ на необозримое разстояніе покрытъ сплошными массами турокъ, которые спускались по берегу къ броду, постепенно вступая на коняхъ въ воду и переплывая на молдавскую сторону.

— Враги вступили на нашу землю, и пора принять ихъ по достоинству. Пойдемте, друзья, и возвѣстимъ господарю и хетману, что настала рѣшительная минута начала борьбы за вѣру и свободу... сказалъ Подкова.

Казаки ползкомъ достигли кустовъ, вскочили на лошадей и поѣхали шагомъ на гору, а тамъ пустились во весь карьеръ, но турки, занятые переправой, ихъ не замѣтили и не подозрѣвали, что за ними наблюдали.

Свирховскій и Ивонъ не ожидали, чтобы турки такъ быстро и смѣло переправились цѣлымъ войскомъ.

Гетманъ спокойно спалъ въ своемъ шатрѣ, когда возвратившіеся изъ развѣдокъ Покатыло и Подкова, разбудивъ его, сообщили вѣсть о прибытіи враговъ.

Гетманъ тотчасъ всталъ и одѣлся. «Надо разбудить господаря», сказалъ онъ, и всѣ трое отправились пѣшкомъ къ его шатру, не перекидываясь словами, такъ какъ каждый думалъ свою крѣпкую думу. «Господарь уѣхалъ

въ Яссы», отвѣчали часовые на вопросъ, спитъ ли господарь.

— Поѣдемъ и мы туда!.. сказалъ Подкова и, сѣвъ на коней, они выѣхали изъ лагеря.

Ивонъ воспользовался ночнымъ временемъ, когда его распоряженія не были необходимы, и вздумалъ провѣдать Милену, которую не видалъ дня три или четыре.

Подъѣхавъ къ господарскому замку, онъ оставилъ коня конюху, а самъ тихо поднялся по высокой, каменной лѣстницѣ во второй этажъ. Надо было пройти нѣсколько большихъ залъ, чтобы достигнуть комнатъ, занимаемыхъ Миленой. Мрачныя, уединенныя залы, слабо освѣщенныя проглядывавшимъ изъ-за облаковъ мѣсяцемъ, имѣли въ себѣ что-то таинственно-загадочное. Ивонъ шелъ задумчиво, и чуткое чувство не то страха, не то нервнаго возбужденія представляло ему въ преувеличенномъ видѣ и шорохъ мышей по угламъ, и скрипъ не плотно притворенной рамы, колеблемой вѣтромъ, и тѣни отъ пробѣгавшихъ мимо мѣсяца облаковъ... Вдругъ среди безмолвія послышались вздохи и стоны. Ивонъ остановился.... передъ открытымъ окномъ стояла, словно привидѣніе, какая-то фигура въ длинномъ, бѣломъ одѣяніи и простирала руки изъ окна на площадь. Волосы зашевелились на головѣ Ивона, и холодный потъ выступилъ на лбу... ему невольно пришли на память ужасныя сцены казней и пытокъ.

— Милый братъ! стонало привидѣніе. Прости меня, я не могла спасти тебя.... но успокойся: скоро жестокое возмездіе постигнетъ твоего убійцу... Близокъ часъ его погибели... а онъ и не воображаетъ, что дни его сочтены!... Послѣ славныхъ побѣдъ настанутъ роковыя неудачи... Обманъ, предательство и гибель... Сверкаютъ мечи, люди падаютъ, льется кровь!.. Онъ взятъ въ плѣнъ.... напрасно онъ мечется въ своихъ оковахъ... его окружа-

ютъ, десятки сабель поднимаются надъ его головой... тѣло его распадается на окровавленные куски...

Хоть эти слова были произнесены едва внятно, отрывисто и безсвязно, но они отчетливо, какъ будто раскаленными буквами врѣзывались въ сердцѣ Ивона. Бѣлый призракъ повернулся въ его сторону, и онъ узналъ Милену.

— Что это съ ней сдѣлалось? удивился господарь. До сихъ поръ она ничего не помнила и не говорила ни слова о томъ, что случилось до ея помѣшательства...

Милена, какъ автоматъ, шла прямо къ нему. Она такъ близко прошла мимо, что коснулась его своей одеждой. Глаза ея были закрыты: она ходила и говорила во снѣ!.. Господарь осторожно послѣдовалъ за ней; она черезъ всѣ залы направилась къ своей спальнѣ и легла на постель. Ровное спокойное дыханіе молодой женщины убѣдило господаря, что она спитъ. Напрасно онъ старался успокоить себя тѣмъ, что не стоитъ обращать вниманія на бредъ больной; въ старину лунатизмъ почитался сверхъестественнымъ состояніемъ души, отдѣлявшейся отъ земнаго бытія въ часы ясновидѣнья, и вѣщія слова лунатика производили впечатлѣніе пророчества.

Пока Ивонъ стоялъ надъ Миленой и размышлялъ о странности ея дѣйствій и рѣчей, въ залахъ раздались спѣшные шаги. Ивонъ очнулся отъ своихъ тяжелыхъ думъ и вышелъ изъ комнатъ Милены. На встрѣчу къ нему шелъ Свирховскій.

— Турки переправились черезъ Серетъ и вступили въ Молдавію, повѣстилъ онъ господарю.

— Скоро жестокое возмездіе поразитъ твоихъ враговъ... близокъ часъ ихъ гибели!.. сказалъ вошедшій съ гетманомъ Подкова, словно онъ повторялъ только что сказанное Миленой, только въ противномъ смыслѣ: она проро-

чила гибель Ивону, а онъ предсказывалъ гибель его враговъ. Кому изъ нихъ слѣдовало вѣрить?

— Чтобы ни послалъ мнѣ Богъ, побѣду или погибель, я на все готовъ!.. вздохнувъ, отвѣчалъ господарь, и вмѣстѣ съ вѣстниками войны возвратился въ станъ, гдѣ тотчасъ разбудили бояръ и сотниковъ, чтобы составить общій планъ нападенія на враговъ.

ГЛАВА XIII.

Петрила, переправивъ все войско на молдавскій берегъ рѣки Серета, расположился станомъ, по обычаю того времени окруживъ себя обозомъ. Необходимо было дать отдыхъ измученнымъ отъ трудности переправы людямъ и конямъ. Петрила, никакъ не предполагая нападенія, спокойно улёгся спать въ своемъ шатрѣ, надъ которымъ приказалъ водрузить молдавское знамя. Между тѣмъ Свирховскій, назначенный главнокомандующимъ всей молдавской арміи, ни кому не довѣряя, собрался лично ѣхать на развѣдки, чтобы узнать, какое положеніе приняли войска турокъ и въ какомъ количествѣ они расположились, всѣли переправились и нельзя ли ихъ отрѣзать отъ рѣки. Свирховскій взялъ отрядъ молдаванъ да четыре сотни своихъ казаковъ и подкрался къ непріятелю; встрѣтивъ 300 конныхъ турокъ, выѣхавшихъ также на рекогносцировку, казаки такъ ловко окружили ихъ, что ни одинъ не успѣлъ бѣжать.

Отъ этихъ плѣнниковъ гетманъ узналъ всѣ подробности: сколько у Петрилы конницы, пѣхоты и наряда (т. е. артиллеріи). Какъ и гдѣ они расположены? Куда именно они намѣрены направить первое нападеніе?

— При такой огромной арміи, намъ съ нашимъ нич-

тожнымъ противъ нихъ войскомъ не возможно и думать о правильномъ сраженіи, говорилъ Свирховскій господарю по возвращеніи съ рекогносцировки. Мы только и можемъ осилить ихъ нашей быстротой, неожиданностью и безумной отвагой. Поэтому я полагаю, что не слѣдуетъ медлить ни однимъ днемъ, а необходимо ударить въ нихъ врасплохъ, пока они не привели въ порядокъ своего наряда, растроеннаго при поспѣшной переправѣ; только этимъ маневромъ мы можемъ надѣяться выиграть битву и разбить эту грозную армію...

— Вручаю въ твои опытныя руки свою судьбу, отвѣчалъ ему Ивонъ. Я увѣренъ, что ты поведешь насъ не на пораженіе и срамъ, а на блестящую побѣду. Дѣйствуй и приказывай по своему разумѣнію, а мы покорно исполнимъ твои распоряженія.

Свирховскій раздѣлилъ молдавское войско на три части и велѣлъ имъ одновременно съ трехъ сторонъ броситься на враговъ, а самъ съ своими казаками долженъ былъ раньше ихъ напасть съ четвертой самой важной стороны. Молдавскую конницу и нарядъ онъ поставилъ въ скрытомъ мѣстѣ, чтобы въ случаѣ неудачи найти въ нихъ опору. Окончивъ всѣ распоряженія, онъ выѣхалъ впередъ и, обернувшись къ выстроеннымъ рядамъ солдатъ, сказалъ громко и отчетливо: «Друзья молдавы! насталъ давно желанный вами день!.. день борьбы за честь и свободу. Помните, что главное условіе удачи состоитъ не только въ мужествѣ, но и въ холодной осторожности: не слѣдуетъ теряться при первой трудности; идите впередъ бодро, не отступая ни на шагъ отъ своей воинской обязанности жертвовать жизнію за отечество. А вы, мои храбрые товарищи казаки!.. Напоминаю вамъ всѣ прежнія битвы, покрывшія васъ безсмертной славой, и вполнѣ полагаюсь на ваше несокрушимое мужество!

При послѣднемъ словѣ обширная равнина, на берегу

рѣки Прута, огласилась восторженными криками всего молдавскаго и казацкаго воинства.

Всѣ четыре отряда подкрались ночью къ турецкому лагерю. Казаки первые бросились на соннаго непріятеля; Ивонъ, Подкова и Струдза, командовавшіе тремя молдавскими отрядами, ударили одновременно, какъ было условлено. Разбуженные рѣзкими криками казаковъ, турки такъ растерялись, что въ темнотѣ, съ просонья, не могли найти свое оружіе и коней; всѣ бѣгали, какъ безумные, кричали, сталкивались, не слушаясь приказаній пашей. Наконецъ, видя, что казаки ворвались въ центръ обоза, турки только о томъ и думали, чтобы спастись отъ совершеннаго погрома. Они обратились бѣжать, но казаки гнались за ними и били на повалъ. Молдавы не менѣе удачно дѣйствовали на другихъ пунктахъ, вездѣ встрѣчая испугъ и сумятицу оплошавшаго врага.

Пораженіе турецкой арміи было совершено въ нѣсколько часовъ; долина, гдѣ былъ ихъ лагерь, покрылась ихъ трупами, кровь стояла лужами или стекала ручьями въ рѣку Серетъ, которую запрудили утопленники, пытавшіеся было перебраться на валахскій берегъ. По этой живой плотинѣ казаки перешли на ту сторону и продолжали погоню за турками.

Ивонъ съ небольшимъ отрядомъ остался на полѣ битвы, желая найти живаго или мертваго своего соперника Петрилу. Четыре дня Ивонъ напрасно искалъ его между трупами и тогда только убѣдился въ безполезности дальнѣйшихъ поисковъ, когда нѣсколько пойманныхъ бѣглецовъ разсказали ему, что сами видѣли, какъ Петрила и братъ его валахскій господарь, достигнувъ на своихъ быстроногихъ коняхъ берега рѣки Дуная, бросились вплавь и спаслись съ немногими тѣлохранителями. Радость славной побѣды была омрачена для мстительнаго Ивона, ко-

торый заранѣе мысленно готовилъ пытки и казни своимъ соперникамъ.

Ворвавшись въ предѣлы Валахіи, казаки и молдаване проложили слѣдъ крови и огня до самаго Браилова, гдѣ, по слухамъ, укрылся господарь и Петрила.

Браиловъ былъ окруженъ рвами и окопами, на которыхъ стояли каменныя пушки, а въ центрѣ города была крѣпость, защищенная крѣпкими стѣнами и высокими башнями. Надобно было сначала взять приступомъ городъ, а потомъ уже самую крѣпость.

Ивонъ послалъ городскому воеводѣ письмо, угрожая ему гибелью всего Браилова, если онъ добровольно не выдастъ бѣглецовъ. Воевода, увѣренный въ неприступности укрѣпленій для такого малочисленнаго врага, прислалъ Ивону съ четырьмя турками весьма дерзкій отвѣтъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими стрѣлами и ядрами.

— «Холопъ султана Селима, осмѣлившійся возстать противъ своего господина»! писалъ воевода. «Приказываю тебѣ немедленно удалиться, коли не желаешь попробовать силу прилагаемыхъ гостинцевъ».

Ивонъ изорвалъ письмо и крикнулъ: «отрубите носы и уши невѣрнымъ псамъ, принесшимъ эти подарки браиловскаго воеводы.»

Несчастные посланцы были изувѣчены и повѣшены въ виду стоявшихъ на валу браиловскихъ жителей.

— Послѣ подобнаго оскорбленія, намъ нечего ждать отъ нихъ покорности, сказалъ онъ Свирховскому.

— По моему, не слѣдуетъ откладывать приступа въ пустыхъ переговорахъ, пока турки не очнулись отъ пораженія, согласился гетманъ и приказалъ готовить лѣстницы для приступа.

Казаки и молдавы быстро двинулись къ стѣнамъ; выстрѣлы изъ крѣпостныхъ орудій, перелетая, невредили имъ. Подъ градомъ стрѣлъ, удальцы приставили

лѣстницы, влѣзли на стѣны и съ неудержимой силой прорвавшаго плотину потока хлынули въ городъ, истребляя жителей и поджигая ихъ дома. Однако крѣпость оказалась дѣйствительно неприступной. Ивонъ рѣшился было осадить и ее; но прискакалъ гонецъ отъ Подковы, который ушелъ впередъ, съ извѣстіемъ, что на выручку Браилова подвигаются 15 тысячъ турокъ и валаховъ.

— Дай мнѣ тысячъ восемь твоихъ воиновъ, и я съ своими казаками встрѣчу этихъ псовъ такъ, что они и пятокъ своихъ не унесутъ, предложилъ гетманъ.

Пока Ивонъ оставался подлѣ крѣпости, Свирховскій повелъ свое небольшое войско навстрѣчу турокъ и снова побилъ ихъ такъ жестоко, что только съ небольшимъ тысяча человѣкъ убѣжали, остальные же были убиты, либо взяты въ плѣнъ. Гетманъ гнался за бѣглецами до города Тейны, гдѣ узналъ, что тамъ сбираются крымскіе татары, призванные турками на помощь.

— Брось осаду браиловской крѣпости и спѣши къ намъ, написалъ Свирховскій господарю, и тотъ, не смотря на его страстное желаніе овладѣть ненавистнымъ Петрилой, безпрекословно снялся съ осады и двинулся къ Тейнѣ.

Черезъ восемь дней послѣ взятія Браилова, побѣдоносное молдаво-казацкое войско расположилось лагеремъ возлѣ разрушеннаго и вызженнаго города Тейны, а 600 охотниковъ-казаковъ, подъ начальствомъ Покатылы, ушли впередъ и напали на Бѣлградъ (Аккерманъ), наполовину выжгли его и разграбили. Тутъ они увидали, что новое турецкое ополченіе, придя къ Бѣлграду, безъ всякаго порядка и дисциплины располагается на отдыхъ за городомъ. Съ невѣроятной быстротой Покатыло вернулся къ Тейнѣ и сообщилъ гетману о томъ, что непріятель сбирается за Бѣлградомъ.

Свирховскій опять раздѣлилъ молдавское войско на

три части, а самъ съ одной тысячей казаковъ пошелъ впередъ. Увидавъ эту горсть смѣльчаковъ, турки начали глумиться и, повскакавъ на коней съ криками и насмѣшками, пустились на врага.

Тогда выступили молдавы, съ права стрѣляя изъ каменныхъ подвижныхъ пушекъ, а съ лѣва посылая въ непріятеля тучу стрѣлъ. Турки остановились въ нерѣшимости: идти ли впередъ или отступить? Вдругъ превосходная молдавская конница выѣхала изъ засады и стремительно бросилась на вражіе полки. Конные турки попятились и смяли пѣхоту. Копейщики и казаки на бѣгу кололи и били турокъ и крымцевъ. Побоище продолжалось нѣсколько часовъ. Ивонъ приказалъ всѣхъ плѣнныхъ убивать безъ пощады: «У насъ нѣтъ для нихъ провизіи и темницъ!..» говорилъ онъ.

Однако Свирховскій не слѣдовалъ примѣру господаря. Онъ взялъ въ плѣнъ пашу, командовавшаго разбитой арміей, но не рѣшился взять съ него предлагаемый имъ огромный выкупъ: «Я не могу тебя отпустить безъ разрѣшенія господаря», сказалъ гетманъ.

— Ради аллаха и твоего Бога, молю тебя, лучше прикажи меня убить, а не отдавай на волю Ивона, который прославилъ себя свирѣпостью, не имѣющей примѣра даже и у насъ въ Турціи... со слезами просилъ старикъ паша, котораго сѣдая борода и почтенный видъ растрогали казаковъ, такъ что и они присоединили свои просьбы къ его, но Свирховскій былъ непоколебимъ. «Плѣнники принадлежатъ господарю!.. я далъ ему слово отдавать ихъ въ его распоряженіе», возразилъ гетманъ и выдалъ пашу Ивону. Жестокій господарь нѣсколько дней потѣшался надъ мученіями этого важнаго плѣнника и наконецъ велѣлъ его изрубить въ куски.

Въ продолженіи этой безпримѣрной борьбы ничтожнаго войска въ нѣсколько тысячъ человѣкъ съ несчетными пол-

чищами врага, слава и честь которой вполнѣ зависѣли отъ необыкновенной храбрости, быстроты передвиженія и стратегическаго соображенія казаковъ, Еремія Чарновичъ въ своемъ новомъ званіи баркалаба-хотинскаго не принималъ большаго участія, предпочитая оставаться въ аріергардѣ, чтобы при первой неудачѣ скорѣе всѣхъ спастись бѣгствомъ. Завистливый отъ природы, онъ возненавидѣлъ гетмана Свирховскаго за ту славу и почетъ, которыми онъ пользовался между молдавами; ему хотѣлось въ одно и тоже время погубить и Ивона и его друга гетмана. Предатель не переставалъ втайнѣ сноситься съ турками, но до сихъ поръ ему все еще не удавалось повредить тѣмъ, кого онъ намѣревался продать за вѣсъ золота. Коварный, алчный Еремія отъ того и медлилъ, что выторговывалъ у турокъ такую сумму, которая обезпечила бы его на всю жизнь.

Лазутчики увѣдомили Свирховскаго, что турки сбираютъ самую сильную армію въ 200 тысячъ на берегу Дуная, составлявшаго границу между Турціей и Молдавіей. «Необходимо караулить, чтобы турки не переправились; когда же станутъ переправляться, то надобно немедленно дать намъ знать», говорилъ гетманъ Ивону. «Дѣло это большой важности и слѣдуетъ поручить его кому нибудь умному, расторопному и главное преданному.

— Самый преданный мнѣ человѣкъ—это Еремія Чарновичъ, другъ моей юности, спутникъ моей страннической жизни, не разъ доказавшій мнѣ свою неподкупную преданность.... сказалъ господарь и велѣлъ призвать Еремію.

Поговоривъ съ Чарновичемъ, гетманъ усомнился въ его прямотѣ и, недовѣрчиво покачавъ головой, замѣтилъ:

— Не лучше ли было бы довѣрить надзоръ за переправой одному изъ моихъ старшинъ Покатылѣ или Ган-

жѣ... но господарь настаивалъ, чтобы послать Еремію, и Свирховскій весьма не охотно согласился.

— Собачій нюхъ у этихъ проклятыхъ казаковъ, думалъ Чарновичъ, выходя изъ совѣта. Они меня подозрѣваютъ и надобно дѣйствовать очень осторожно.

Взявъ тысячъ десять отборнаго молдавскаго войска, Чарновичъ размѣстилъ его вдоль берега Дуная такъ, что тотъ пунктъ, гдѣ всего удобнѣе и вѣроятнѣе могла быть переправа, оставилъ подъ своимъ собственнымъ наблюденіемъ.

Разъ, темной ночью, явились въ шатеръ Ереміи посланцы отъ турецкаго главнокомандующаго Кабута-паши и просили его прибыть на совѣщаніе въ турецкій станъ къ валахскому господарю, его брату Петрилѣ и Кабуту-пашѣ.

— Чтобъ ты не сомнѣвался въ своей безопасности и въ добромъ къ тебѣ расположеніи султана, мы привезли тебѣ въ даръ 30 тысячъ червонцевъ, сказали послы и велѣли втащить въ палатку нѣсколько тяжелыхъ, кожанныхъ мѣшковъ съ золотомъ. Жадный Чарновичъ развязалъ мѣшки, и глаза его разгорѣлись при видѣ такого количества золота, которое онъ самъ сосчиталъ до послѣдняго червонца. Отпустивъ посланныхъ съ обѣщаніемъ явиться на назначенное свиданіе, онъ въ ту-же ночь зарылъ турецкое золото на берегу рѣки въ мѣстѣ, которое онъ заблаговременно облюбовалъ для сохраненія своей казны. «30 тысячъ червонцевъ—изрядный капиталецъ, и на него я могу купить хорошее помѣстье въ Польшѣ... но этого мнѣ мало: надобно, чтобъ я былъ на всю жизнь обезпеченъ... а главное мое условіе въ выдачѣ моего друга это — занятіе его должности. Пусть турки дадутъ мнѣ еще столько же золота и клятвенно обѣщаютъ меня назначить господаремъ Молдавіи», размышлялъ Чарновичъ, переправляясь черезъ Дунай въ маленькомъ челнокѣ,ко-

торымъ управлялъ онъ самъ, а гребли двое цыганъ, давно служившіе ему еще въ то время, когда онъ доставлялъ Ивону живой товаръ для гаремовъ. Эти слуги были вполнѣ надежны, да они и не знали настоящей цѣли поѣздки своего господина на турецкій берегъ. «Я хочу самъ высмотрѣть и сосчитать войско невѣрныхъ», сказалъ имъ Чарновичъ, поставивъ ихъ подъ навѣсомъ скалы въ ожиданіи своего возвращенія.

Только что вошелъ онъ на крутой берегъ, какъ къ нему на встрѣчу вышли человѣкъ 10 вооруженныхъ валаховъ. Было темно, и Еремія струсилъ, не зная, друзья ли это или враги. «Не тревожься, баркалабъ! мы поставлены ждать тебя», сказалъ передовой валахъ. «Слѣдуй за нами, намъ приказано проводить тебя въ шатеръ господаря.»

Чарновичъ пошелъ съ ними и скоро очутился среди турецкаго стана. «Пропала моя голова! подумалъ Еремія. Ну, какъ схвативъ меня да закуютъ въ цѣпи, а сами нынче же ночью переправятся черезъ Дунай, который въ мое отсутствіе остался безъ надзора.»

Но ни турки, ни валахи не догадались этого сдѣлать, и Чарновичъ напрасно дрожалъ за свою шкуру.

— Добро пожаловать! привѣтствовалъ его валахскій господарь, когда онъ вошелъ въ шатеръ, гдѣ господарь жилъ вмѣстѣ съ Петрилой; тутъ же былъ Кабутъ-паша и еще нѣсколько начальствующихъ лицъ.

Начались переговоры—какъ и гдѣ устроить переправу.

— Ты слишкомъ уменъ, чтобы не замѣтить, что мятежный Ивонъ стремится къ своей гибели, говорилъ Ереміи валахскій господарь. Онъ ослѣпленъ нѣсколькими удачными битвами и воображаетъ, что въ состояніи побороть несмѣтныя силы султана Селима. Не первый это случай, что Молдавія, Валахія и другія подвластныя Турціи княжества пытались возставать, но всегда жестоко платились за свое безумство. Не завтра, такъ черезъ нѣсколько мѣ-

сяцевъ или годовъ, изнуривъ и раззоривъ страну тяжелой войной, Ивонъ все таки попадется наконецъ въ плѣнъ, либо будетъ убитъ, а тѣ, кто нынѣ помогаютъ ему, отступятся отъ такого предпріятія, гдѣ въ концѣ побѣдъ должно предвидѣть неизбѣжное пораженіе...

— Еще еслибъ Польша пошла въ союзъ съ Ивономъ, подхватилъ Кабутъ-паша, тогда можно бъ было сомнѣваться въ исходѣ дѣла; но благоразумный Стефанъ Баторій, подъ страхомъ изгнанія и конфискаціи имущества, запретилъ своимъ панамъ помогать бунтовщикамъ противъ нашего великаго султана, съ которымъ желаетъ сохранить вѣчный миръ и дружбу. Свирховскій, какъ вассалъ польской короны, поступаетъ крайне необдуманно и можетъ раскаяться, если Стефанъ Баторій, какъ мы его о томъ просили, пошлетъ войско въ Украину, да и крымцы обѣщались вскорѣ сдѣлать нападеніе на границы казацкихъ земель; тогда гетманъ поневолѣ долженъ будетъ бросить Ивона на произволъ судьбы и спѣшить на защиту своей родины.... а съ молдавами безъ казаковъ легко управиться—мы ихъ передавимъ какъ мухъ!.. Сообразивъ все это, ты поймешь, что гораздо умнѣе, взявъ наше золото, выгородить себя отъ тѣхъ неизбѣжныхъ бѣдъ, которыя доведутъ Ивона до висѣлицы, а Молдавію до нищеты...

Чарновичъ притворялся, будто со вниманіемъ слушаетъ эти убѣдительныя рѣчи, а самъ думалъ: «Все это я и безъ васъ знаю... а все таки одолѣть Свирховскаго и Ивона вамъ удастся не иначе, какъ черезъ меня. Одна только измѣна выдастъ Ивона туркамъ, а такое дѣло стоитъ дороже 30 тысячъ червонцевъ».

Послѣ долгихъ споровъ было рѣшено, что въ ночь тайной переправы Чарновичъ получитъ еще 30 тысячъ. Господарь и Кабутъ-паша поклялись исполнить договоръ, и Чарновичъ обѣщалъ имъ свое содѣйствіе.

Выходя изъ шатра валахскаго господаря, предатель тихонько сказалъ Кабутъ-пашѣ: «Мнѣ еще надо переговорить съ тобой тайно отъ валаховъ. Кабутъ-паша и нѣсколько другихъ пашей, отдѣлившись отъ валаховъ, ввели Чарновича въ ту часть лагеря, гдѣ были одни турецкіе солдаты.

— Ну, говори, что тебѣ нужно? спросилъ Кабутъ-паша.

— Мнѣ обѣщано молдавское господарство, а вотъ султанъ назначилъ Петрилу, который ничего не сдѣлалъ для Турціи полезнаго, сказалъ Еремія. Я желаю отъ султана клятвеннаго обѣщанія, что если переправа удастся и Ивонъ попадется въ плѣнъ, то чтобъ меня, а не Петрилу, назначили господаремъ.

Визирь и главнокомандующій арміей Кабутъ-паша былъ человѣкъ хитрый и умный, способный перехитрить самого Чарновича. Сообразивъ, что весьма легко дать обѣщаніе, а потомъ отговориться тѣмъ, что это обѣщаніе дано безъ разрѣшенія дивана, Кабутъ-паша сказалъ:

— Посылать къ султану далеко... а намъ необходимо торопиться, пока казаки не пронюхали нашъ замыселъ... Я уполномоченный, а слѣдовательно имѣю право дать тебѣ клятву, которую ты требуешь...

Чарновичъ задумался. Дѣйствительно, мѣшкать было опасно, Свирховскій подозрѣвалъ его и могъ уговорить Ивона поручить охрану береговъ кому нибудь изъ казацкихъ старшинъ; если же послать въ Константинополь, то пройдетъ удобная минута для переправы, и онъ не только господарства, не получитъ и уговорныхъ 60 тысячъ червонцевъ. «Дѣлать нечего.... я согласенъ довольствоваться твоей клятвою...» со вздохомъ сказалъ Еремія.

Кабутъ-паша ввелъ Чарновича въ свой шатеръ и далъ ему торжественную клятву на коранѣ.

Обнадеженный клятвою визиря, Чарновичъ оставилъ турецкій лагерь и, сѣвъ въ лодку, возвратился на молдав-

скій берегъ. Войдя въ свою палатку, онъ нашелъ тамъ гонца съ письмомъ господаря, который требовалъ его къ себѣ. Утромъ Чарновичъ явился къ господарю.

— Что новаго? не слыхать ли про движеніе турецкой арміи? спросилъ его господарь.

— По моимъ развѣдкамъ турки еще далеко отъ молдавской границы. Они еще только двинулись изъ Константинополя, да и то въ небольшомъ количествѣ, отвѣчалъ предатель.

— Однако мои казаки сказывали мнѣ, что по ночамъ видѣли огни отъ костровъ на турецкомъ берегу: это значитъ, что тамъ какое нибудь становище, замѣтилъ Свирховскій, пристально всматриваясь въ лицо Чарновича; но Еремію не легко было смутить, и онъ спокойно отвѣчалъ: «Я и самъ тоже замѣтилъ и не побоялся ночью въ легкомъ челнокѣ переплыть Дунай, чтобы узнать, что это за костры...»

— Ну! и что же ты узналъ? нетерпѣливо спросилъ Ивонъ.

— Да просто рыбаки ночью съ факелами бьютъ крупную рыбу острагой. Теперь удобный ловъ, рыбаки собираются большими артелями и зажигаютъ на берегу костры...

— Вотъ видишь, почтенный гетманъ; то, что показалось страннымъ для твоихъ казаковъ, незнакомыхъ съ обычаями мѣстныхъ жителей, объясняется очень просто! сказалъ Ивонъ.

— Дай Богъ, чтобъ это было такъ, возразилъ недовѣрчиво гетманъ. А все таки я еще разъ прошу тебя, господарь, дозволь одному изъ моихъ старшинъ раздѣлить труды баркалаба Чарновича.

— О, нѣтъ! я не хочу напрасно утруждать твоихъ храбрыхъ товарищей. Имъ необходимъ отдыхъ, а потому я полагаю распустить и ихъ и нашихъ молдавовъ на нѣ-

сколько дней; пусть они погуляютъ, а тамъ мы имъ назначимъ день сбора... предложилъ господарь.

— Хорошо! пусть будетъ по твоему! но такъ какъ судьба Молдавіи теперь вполнѣ зависитъ отъ переправы турокъ черезъ Дунай, то прошу тебя, чтобъ успокоить и меня и моихъ товарищей, прикажи твоему другу баркалабу-Чарновичу при всемъ войскѣ присягнуть, что онъ исполнитъ возложенное на него столь важное порученіе вѣрно, свято и непоколебимо... настаивалъ гетманъ.

— Я готовъ исполнить желаніе почтеннаго гетмана! объявилъ Еремія, который видѣлъ, что необходимо во что бы то ни стало усыпить подозрительность казаковъ.

Барабанный бой созвалъ всѣхъ ратныхъ людей на обширномъ полѣ. Молдавскіе князья и бояре, казацкіе старшины, есаулы и сотники составили кругъ, по среди котораго на возвышенномъ мѣстѣ стояли: господарь Ивонъ, гетманъ Дружко-Свирховскій, баркалабъ Еремія Чарновичъ и священникъ въ облаченіи съ крестомъ и евангеліемъ на аналоѣ.

Надъ ними развѣвались знамя молдавскаго господарства и казацкій бунчукъ. Ивонъ громогласно сказалъ, обращаясь къ Ереміи: «Другъ мой! я совершенно въ тебѣ увѣренъ, но чтобы успокоить нашихъ храбрыхъ защитниковъ, прошу тебя, поклянись на святомъ крестѣ и евангеліи, что ты неуклонно и со всевозможной бдительностью будешь охранять молдавскій берегъ и при малѣйшей попыткѣ нашихъ враговъ переправиться черезъ Дунай, не медля ни минуты извѣстишь меня и почтеннаго гетмана.

— Клянусь! поднимая руку, твердо сказалъ Чарновичъ и, ставъ на колѣна, поцѣловалъ крестъ и евангеліе.

Ивонъ со слезами умиленія поцѣловалъ своего друга.

— Вручаю тебѣ нашу свободу, жизнь и честь! Помни, что отъ тебя зависитъ наша побѣда надъ врагами.

Честный Свирховскій, во все время присяги слѣдившій за выраженіемъ лица Чарновича, видя его непоколебимую увѣренность и спокойствіе, повѣрилъ наконецъ его вѣрности. Обращаясь къ своимъ старшинамъ, гетманъ спросилъ:

— Довольны ли вы? Вѣрите ли?

— Вѣримъ! вѣримъ! единодушно откликнулись казаки.

Чарновичъ уѣхалъ, обезпечивъ успѣхъ своей гнусной интриги; а господарь и гетманъ распустили войско на отдыхъ и гульбу.

Въ ту-же ночь Чарновичъ съѣздилъ въ турецкій станъ и сказалъ визирю: «Переправляйтесь! я уведу свой полкъ и оставлю вамъ свободный путь!» При этомъ онъ потребовалъ остальные обѣщанные ему 30 т. червонцевъ.

— Мы ихъ доставимъ тебѣ послѣ переправы, отвѣчалъ Кабутъ-паша. Вѣдь еще не извѣстно, удачна ли она будетъ и не захватятъ ли насъ казаки.

Не совсѣмъ довольный Чарновичъ напомнилъ о господарствѣ.

— Я ужъ обѣщалъ и надѣюсь, что султанъ тоже согласится... уклончиво сказалъ Кабутъ-паша.

— Не продать ли мнѣ теперь турокъ казакамъ?.. задалъ себѣ вопросъ измѣнникъ, возвращаясь въ свой шатеръ. Казаки-то пожалуй ничего не дадутъ мнѣ за услугу... а съ турокъ еще слѣдуетъ дополучить... и алчность къ наживѣ заставила его довести дѣло до конца.

ГЛАВА XIV.

Пока господарь и гетманъ пировали, а молдавы съ казаками скрѣпляли свою дружбу за братинами вина, тур-

ки безпрепятственно переправились черезъ Дунай и заняли молдавскій берегъ.

Эта переправа огромной арміи, однако же не могла произойти такъ тайно, чтобы береговые жители того не замѣтили. Скоро разнеслась ужасная вѣсть, и Чарновичъ, видя, что скрыть движеніе враговъ невозможно, прискалъ къ Ивону и съ притворнымъ отчаяніемъ увѣдомилъ его, что будто бы не могъ остановить переправу турокъ, солгавъ при томъ, что ихъ было только 12 тысячъ. «Прежде чѣмъ остальные переправятся, надобно нагрянуть на нихъ,» добавилъ онъ.

Ивонъ немедленно собралъ распущенное войско и созвалъ совѣтъ, на которомъ было рѣшено идти на турокъ.

9-го іюня 1574 года, молдавы и казаки стали лагеремъ за 3 мили отъ турецкаго обоза. Въ то время, какъ Ивонъ дѣлалъ распоряженія о возведеніи земляныхъ валовъ да окоповъ на случай, еслибъ пришлось укрыться отъ погони, гетманъ Свирховскій сидѣлъ въ своемъ шатрѣ и думалъ тяжелую думу. Въ первый разъ на своемъ вѣку онъ колебался и какое-то мрачное предчувствіе, какъ холодная змѣя, заползало въ его закаленное въ битвахъ сердце. Онъ все болѣе и болѣе убѣждался, что между молдавскими начальниками таится измѣна, особенно же подозрѣвалъ Чарновича, къ которому чувствовалъ непреоборимое отвращеніе. «На мнѣ лежитъ огромная отвѣтственность передъ моими товарищами.... Ну если я веду ихъ къ пропасти?... Переживу ли я такой позоръ? Какъ возвращусь я въ Украину послѣ постыднаго пораженія?..» печально размышлялъ гетманъ.

Раздались голоса и шаги. Въ палатку вошли старшины, сотники, полковники, есаулы, которые также, какъ и ихъ начальникъ, были томимы предчувствіемъ бѣды и подозрѣніемъ въ предательствѣ; а потому и рѣшились прямо

заявить о томъ гетману. Поздоровавшись съ нимъ, казаки просили выслушать ихъ рѣчи.

— Говорите, друзья!.. сказалъ Свирховскій.

Первый выступилъ Покатыло и молвилъ такъ:

— Батько нашъ! Вѣдомо тебѣ, что мы не боимся смерти, но не желали бы попасть въ западню, гдѣ насъ перебьютъ какъ барановъ!.. Еремія Чарновичъ либо неумѣлый, глупый малый, либо измѣнникъ! Возможно ли повѣрить, чтобы быстрая переправа огромной арміи черезъ широкую рѣку, да на крутые берега, произошла такъ тихо и тайно, что никто изъ поставленныхъ на сторожѣ того не видалъ?..

— Молдавамъ не впервые измѣнять да продавать своихъ господарей... подхватилъ самый старый изъ есауловъ Ганжа. Тутъ очевидна измѣна, а кто же кромѣ баркалаба Чарновича виновенъ въ оплошности, отъ которой всѣмъ намъ грозитъ гибель?.. И почему господарь не согласился поручить охрану Дуная кому нибудь изъ насъ совмѣстно съ его другомъ? Мы-бъ не проглядѣли и не допустили-бъ турокъ переправиться.

— Добрые товарищи! отвѣчалъ гетманъ. Я и самъ обо всемъ этомъ думалъ. Разумѣется, я не хочу поступать не обдуманно и подвергать васъ опасности. Пойдемъ къ господарю и объяснимся съ нимъ. Всѣ казацкіе начальники пошли вмѣстѣ къ шатру господаря, который, выйдя къ нимъ на встрѣчу, по обыкновенію, принялъ ихъ радушно.

— Чего вы желаете, мои вѣрные защитники?

— Мы крѣпко недовольны, что твой другъ баркалабъ Чарновичъ допустилъ переправу враговъ, молвилъ гетманъ. Теперь дѣло твое ухудшилось настолько, что мы почти увѣрены въ пораженіи насъ... Я отвѣчаю передъ своей родиной за безопасность моихъ товарищей, а потому прошу тебя, прими мѣры предосторожности, пока не поз-

дно и дозволь намъ идти ближе къ турецкому обозу. Мы поймаемъ нѣсколько плѣнниковъ и распросимъ ихъ о достовѣрномъ количествѣ ихъ армій.

— Храбрые рыцари! Славные казаки! Повѣрьте, что моя собственная безопасность не такъ для меня дорога, какъ ваша! Никогда я не осмѣлился бы вести васъ на срамное пораженіе, съ искреннимъ чувствомъ сказалъ господарь. Я знаю Чарновича: онъ мнѣ истинный и преданный доброжелатель, и если допустилъ переправу, то не отъ небрежности, а по невозможности ее остановить. Онъ подробно выслѣдилъ и сосчиталъ враговъ. Ихъ не болѣе 12 тысячъ, а съ такимъ незначительнымъ войскомъ мы легко управимся: только стоитъ преградить имъ отступленіе къ Дунаю, когда мы нагрянемъ на нихъ съ другой стороны... А впрочемъ, коли вы сомнѣваетесь, то удостовѣрьтесь сами: я даю въ ваше распоряженіе 6 тысячъ моихъ воиновъ!

Эти слова нѣсколько успокоили казаковъ. Вмѣстѣ съ молдавскимъ отрядомъ, они отправились на рекогносцировку; вскорѣ они наткнулись на 6 тысячъ турецкой конницы и бросились на нихъ. Турки слабо защищались, потомъ поскакали назадъ, но казаки не рѣшились гнаться за ними, опасаясь засады. Въ руки казаковъ попался только одинъ плѣнникъ, да и тотъ умиралъ отъ раны въ грудь.

На вопросъ Свирховскаго, сколько ихъ всѣхъ? несчастный отвѣтилъ невнятно: «не много» и впалъ въ агонію.

Возвратясь къ Ивону, Свирховскій сказалъ ему: «Если турки могутъ посылать на простую развѣдку около 6 тысячъ превосходной конницы, то ихъ гораздо́ болѣе 12 тысячъ. Позволь же дать тебѣ благой совѣтъ: удостовѣрься въ правдивости Чарновича...»

— Мнѣ нечего удостовѣряться: я увѣренъ въ моемъ другѣ, какъ въ самомъ себѣ, возразилъ Ивонъ. Онъ оче-

видно дѣйствовалъ съ такимъ упрямымъ ослѣпленіемъ вслѣдствіе предопредѣленія судьбы, которая вела его прямо къ гибели, въ воздаяніе за всѣ его пороки и жестокости. Не смотря на совѣты и даже настоятельныя просьбы гетмана Свирховскаго, господарь назначилъ въ передовой отрядъ начальникомъ Чарновича, съ отборной конницей въ 13 тысячъ, и въ томъ числѣ была самая знатная молодежь Молдавіи. Остальное войско, около 30 тысячъ пѣхоты, было раздѣлено на 30 отрядовъ, а на крѣпостныхъ валахъ окоповъ утверждено 80 каменныхъ пушекъ.

На канунѣ битвы, которая должна была имѣть такое важное значеніе въ судьбѣ Молдавіи, къ Ивону явились старшины изъ того полка, что былъ набранъ изъ поселянъ, вооруженныхъ только копьями да косами.

— Достопочтенный господарь! сказалъ одинъ изъ старшинъ съ бѣлыми какъ снѣгъ волосами. Ты всегда былъ милостивъ до простаго народа, а въ послѣднее время далъ намъ многія благодѣтельныя для насъ льготы, по этому мы пришли, любя тебя, просить, чтобъ ты не довѣрялъ тому, кто допустилъ переправу турокъ. Стань среди храбрыхъ казацкихъ дружинъ, которыя одни въ состояніи побороться съ огромными вражьими полчищами.

— Любезные друзья! благодарю васъ за преданность, но вы преувеличиваете опасность. Турокъ менѣе, чѣмъ насъ, и я не отчаяваюсь одолѣть ихъ, отвѣчалъ Ивонъ.

— Тебя обманули, господарь, сказавъ, что турокъ не много, войди на холмъ и убѣдись своими очами, предложилъ старшина. Ивонъ пошелъ вмѣстѣ съ нимъ на высокій холмъ, но турки спрятали главныя свои силы за скалистыми берегами, оставивъ на виду небольшую рать.

— Видишь, старикъ! не я, а вы ошибаетесь, засмѣялся господарь и отпустилъ старшинъ, не повѣря имъ.

Ночь прошла спокойно. Только что занялась заря, какъ

явился Подкова и объявилъ господарю, что со стороны вражьяго стана слышенъ топотъ и движеніе.

— Пойдемъ на холмъ! Теперь будетъ виднѣе, чѣмъ вчера, потому что турки подошли ближе, предложилъ онъ.

Ивонъ вышелъ изъ шатра. Утро сіяло всѣмъ блескомъ южнаго лѣта; легкая дымка тумана вставала надъ Дунаемъ, котораго берега были сплошь покрыты виноградниками. Птицы встрѣчали появленіе солнца громкимъ пѣніемъ; лагерь постепенно оживлялся, солдаты спокойно раздували костры и варили пищу.

— Что то сулитъ мнѣ нынѣшнее солнце? прежде, чѣмъ оно обойдетъ свой дневной путь, судьба моя рѣшится... О Милена? только бы мнѣ возвратиться побѣдителемъ, я увезу тебя въ сосѣднія государства, гдѣ наука дѣлаетъ чудеса, гдѣ мудрые врачи и знахари излечиваютъ всѣ недуги. Я осыплю ихъ золотомъ, и они возвратятъ тебѣ даръ Божій—разумъ! мечталъ Ивонъ, всходя на холмъ.

Стая вороновъ, кружась надъ холмомъ, нарушала своимъ рѣзкимъ крикомъ общую гармонію лѣтняго утра, и словно въ отвѣтъ на мысли Ивона, пророчила ему бѣду. «Зловѣщія птицы! вы чуете, что скоро вамъ будетъ роскошный пиръ надъ трупами невѣрныхъ басурманъ...» поднявъ глаза къ верху, сказалъ Ивонъ.

— Все въ рукахъ Всевышняго! Ему одному вѣдомо, кого будутъ пожирать вороны да степные волки: турокъ или молдавановъ съ казаками,» вздохнулъ Подкова.

Въ эту минуту они достигнули вершины холма, и восходящее солнце озарило величественное зрѣлище: все видимое пространство на нѣсколько миль было покрыто несмѣтными турецкими полчищами, которыя дружно и спѣшно строились въ плотные ряды.

— О братъ! Чарновичъ обманулъ тебя? воскликнулъ Подкова.

— Измѣнникъ!.. Спѣши привести его ко мнѣ!.. Пока

я живъ и имѣю власть, я хочу примѣрно наказать того, кто продалъ меня и свое отечество. Я прикажу воздвигнуть висѣлицу и повѣшу его передъ всѣмъ войскомъ въ виду турокъ... кричалъ взбѣшенный господарь.

Подкова бросился искать Чарновича, а Свирховскій, увѣдомленный имъ, вошелъ на холмъ.

— Теперь ты убѣдился, что Чарновичъ погубилъ Молдавію, тебя и насъ.... сказалъ Свирховскій. Надо приготовиться къ страшному бою, а главное сейчасъ-же передай начальство надъ конницей кому нибудь другому, иначе она погибнетъ.

Но было поздно. Когда Подкова прискакалъ къ Чарновичу съ приказаніемъ немедленно явиться къ господарю, измѣнникъ, догадываясь, за чѣмъ его требуютъ, отвѣчалъ:

— Теперь некогда! Скажите господарю, что я желаю загладить свою ошибку и спѣшу начать сраженіе для освобожденія Молдавіи.... съ этими словами онъ скомандовалъ своимъ полкамъ... «Впередъ»! и вся блестящая конница, главная надежда всей молдавской арміи, послушная командѣ, стройно и смѣло понеслась на врага.

Подкова возвратился къ господарю и вмѣстѣ съ нимъ слѣдилъ глазами за дѣйствіями конницы. Модавскія войска, услыша, что начинается битва, съ напряженнымъ любопытствомъ ждали благопріятной вѣсти.

Врѣзавшись безпрепятственно въ центръ турецкой арміи, которая разступалась передъ молдавами и замыкалась сзади ихъ, конница очутилась какъ бы въ кольцѣ, окруженная со всѣхъ сторонъ. «Стой!» скомандовалъ Чарновичъ. Изумленные всадники остановили своихъ разгоряченныхъ коней. «Друзья!» провозгласилъ ихъ начальникъ, мы попались въ непредвидѣнную засаду! Глядите, спасенья нѣтъ!... Намъ предстоитъ, или быть изрубленными или сдаться.... Я предлагаю вамъ послѣднее!....

Нѣкоторые изъ знатныхъ офицеровъ воскликнули: Луч-

ше смерть, чѣмъ позорный плѣнъ!... Но солдаты закричали: за чѣмъ умирать, коли можно сдаться на добрыхъ условіяхъ. Турки не людоѣды, авось не проглотятъ насъ! Это были тѣ, кого Чарновичъ заранѣе подговорилъ и поставилъ въ передніе ряды. По приказанію Чарновича знаменосцы передали свои значки туркамъ; остальные покидали оружіе, сняли шлемы и преклонили головы въ знакъ покорности.

При такой ужасной сценѣ измѣны, Ивонъ въ отчаяньи воскликнулъ: Боже! мы погибли!...

Услыша такой возгласъ, приближенные господаря смутились, а ряды молдавской пѣхоты поколебались и стали отступать; но вскорѣ мужество возвратилось къ Ивону, онъ сталъ ободрять и уговаривать бояръ.

— Надо броситься на турокъ, пока они заняты сдачей измѣнниковъ, они не выстроили свои полки. Бояре на скоро собрали разстроенные ряды и храбро пошли въ аттаку, но коварные турки выстроили впередъ покорившихся малдованъ. «Стрѣляйте въ измѣнниковъ изъ пушекъ!» крикнулъ господарь. Грянули каменныя орудія, и всѣ здавшіеся погибли, за исключеніемъ Чарновича, который стоялъ въ безопасномъ мѣстѣ возлѣ Кабута-паши и валахскаго господаря, наблюдая за ходомъ сраженія.

Въ тотъ промежутокъ времени, когда каменныя жерла молдавскихъ пушекъ громили своихъ собственныхъ воиновъ, турки, подъ прикрытіемъ этой живой стѣны и незамѣтные отъ пороховаго дыма, подкрались къ полкамъ пѣхоты Ивона и начали ихъ бить. Казаки кинулись на выручку съ такой отчаянной храбростью, что турки были отброшены.

— Не преслѣдуйте ихъ... они хотятъ заманить насъ подъ свой нарядъ, остановилъ гетманъ своихъ товарищей, намѣревавшихся погнаться за отступавшими врагами.

Видя, что ихъ уловка не удалась, турки снова начали наступать и началась страшная рѣзня.

Грохотъ молдаванскихъ орудій покрылъ собою весь шумъ битвы, а выстрѣлы дѣйствовали такъ мѣтко, что совершенно разстроили передовые турецкіе полки.

— Молдавы одолѣваютъ, крикнулъ Чарновичъ и поскакалъ къ Дунаю, гдѣ пересѣлъ на первый попавшійся челнокъ и переплылъ на турецкій берегъ.

Прибѣжавъ въ близь лежавшій городъ Облачинъ, трусливый Еремія переполошилъ всѣхъ жителей, увѣряя, что Ивонъ съ казаками идутъ въ слѣдъ за нимъ! «Спасайтесь, а то они васъ перерѣжутъ безъ пощады!»

Жители Облачина побѣжали въ паническомъ ужасѣ, а Чарновичъ бѣжалъ впереди всѣхъ!...

— Еще! Еще! и мы потопимъ невѣрныхъ въ волнахъ Дуная, ободрялъ своихъ Свирховскій.

Но геройство казаковъ было напрасно. Само небо шло противъ Ивона; внезапно налетѣла гроза, поднялся вихрь, окутавшій сражавшихся тучами пыли, такъ что нельзя было распознать, гдѣ другъ и гдѣ недругъ, громъ раскатывался съ ужасающимъ трескомъ, потоки дождя подмочили порохъ, и такъ убійствено дѣйствовашія каменныя молдавскія орудія замолкли!...

Турки и татары, оправившись отъ понесенныхъ ими потерь, не останавливаемые смертоносными каменными ядрами, повалили на молдаванъ такими массами, что буквально давили грудью, и устоять противъ силы натиска было не возможно.

Не смотря на попытки Ивона собрать подавленные, разстроенные полки, молдавы побѣжали и преслѣдуемые врагами, безъ борьбы падали подъ ударами. Казаки сомкнулись въ тѣсный кругъ и дрались какъ львы; изъ всего ихъ войска осталось только 250 человѣкъ. Въ

средѣ ихъ былъ Подкова, во время сѣчи потерявшій изъ виду своего брата.

Вдругъ всадникъ на бѣшенномъ конѣ безъ шлема, окровавленный, прорвался сквозь турецкій строй и подскакалъ къ казакамъ: это былъ Ивонъ со знаменемъ въ рукахъ. Увидавъ своего брата, онъ воскликнулъ, вручая ему знамя: «Все погибло! но не погибла честь Молдавіи... Возьми ея знамя и спѣши съ нимъ въ Яссы... Если тебѣ не удастся собрать войско намъ на помощь, бѣги за предѣлы Молдавіи съ этимъ знаменемъ!... Поклянись мнѣ, что ты будешь продолжать начатое мною... а я обязанъ умереть здѣсь съ моими храбрыми защитниками казаками»...

— Я тогда только уѣду, когда не останется ни малѣйшей надежды на спасенье!... но клянусь, что пока живъ—буду ратовать за честь и свободу Молдавіи, отвѣчалъ Подкова, принимая знамя.

— Простите меня, доблестные рыцари! я не повѣрилъ, что Чарновичъ измѣнникъ и привелъ васъ къ гибели! бросаясь на шею Свирховскаго, воскликнулъ Ивонъ, и рыданія заглушали его слова.

— Да! умирать приходится, но прежде испробуемъ послѣднее средство къ спасенію... отступимъ въ окопы, хладнокровно сказалъ гетманъ. Они начали отступать, ограждая бѣгство молдавской пѣхоты.

— Попытаемся утащить нѣсколько пушекъ: ихъ можно исправить!... приказалъ Ивонъ, и самъ съ Подковею потащилъ тяжелыя пушки, которыя и 12 человѣкъ едва могли сдвинуть съ мѣста.

Наконецъ они достигнули возвышеннаго мѣста не далеко отъ города Килліи. Тутъ они остановились, чтобъ отдохнуть, такъ какъ турки перестали ихъ преслѣдовать, опасаясь, что у Ивона въ запасѣ есть свѣжіе полки. Собравъ остатки войска, Ивонъ дѣйствительно могъ бы рас-

полагать 20 тысячами пѣхоты, но она была разрознена и плохо вооружена, а лучшая конница, артиллерія и главное казацкій полкъ были почти уничтожены.

Ивонъ рѣшился ждать въ окопахъ, пока посланный имъ въ туже ночь Подкова не соберетъ новое войско въ Яссахъ. Но Ивонъ не подумалъ о самомъ необходимомъ: у нихъ не было воды...

Турки повели осаду, выжидая, что голодъ и жажда заставятъ молдаванъ сдаться. Прошло нѣсколько дней; войско Ивона изнемогало отъ недостатка въ пищѣ и питьѣ. 13 іюня коварный Кабутъ-паша прислалъ къ Ивону пословъ съ предложеніемъ мира.

— Я согласенъ, отвѣчалъ Ивонъ, если примутъ мои условія.

— Визирь обѣщалъ исполнить все, что ты пожелаешь, увѣряли послы.

— Вотъ мои условія, сказалъ Ивонъ. Пусть Кабутъ-паша и всѣ ваши начальники семь разъ присягнутъ на коранѣ, а господарь и Петрила на крестѣ, что дадутъ казакамъ свободный путь черезъ Днѣстръ на ихъ родину; даруютъ полное прощеніе молдавамъ, а меня цѣлаго и невредимаго представятъ къ султану, на милость котораго я вполнѣ полагаюсь..

— Хорошо! Пошли съ нами своихъ уполномоченныхъ, и при нихъ наши паши примутъ присягу.

Ивонъ выбралъ десять бояръ и отправилъ ихъ къ Кабуту, который въ ихъ присутствіи присягнулъ, что условія Ивона будутъ свято выполнены.

Прощаясь съ гетманомъ Свирховскимъ и его товарищами, Ивонъ сказалъ: «Неоцѣненные, храбрые защитники! Честь и цвѣтъ славнаго казацкаго воинства! Благодарю васъ, и если Господу угодно даровать мнѣ жизнь, то мои потомки и всѣ молдавы будутъ вѣчно благословлять ваши имена. Злой рокъ одолѣлъ и унизилъ меня, но я

еще не теряю надежды, что Селимъ II-й проститъ меня и возвратитъ мнѣ званіе господаря. Прощайте, друзья мои»... Онъ роздалъ казакамъ на память все свое оружіе, а своимъ молдавскимъ воинамъ велѣлъ раздѣлить всю находящуюся при немъ казну.

14 іюня онъ вышелъ изъ окоповъ и обезоруженный пошелъ въ турецкій станъ. Визирь Кабутъ-паша принялъ его очень сурово и началъ упрекать въ измѣнѣ.

— Какъ ты смѣешь говорить со мною такъ дерзко! Ты больше ничего, какъ холопъ, рабъ султана Селима! Ему одному я дамъ отчетъ въ своихъ поступкахъ... раздраженно возразилъ Ивонъ

Кабутъ-паша вскочилъ и выхватилъ изъ ноженъ свой мечь. При этомъ условномъ знакѣ, бывшая при немъ стража янычаръ бросилась на Ивона и изрубила его.

Выкинувъ изуродованный трупъ изъ шатра визиря, янычары надѣли голову Ивона на конецъ копья и выставили на возвышенномъ мѣстѣ кровавый трофей. Услыхавъ, что Ивона убили, турецкіе солдаты прибѣжали и чуть не въ драку старались отнять другъ у друга хотя кость отъ трупа, чтобы поставить ее въ рукоятку меча; они обмакивали концы копій и лезвія мечей въ его кровь и давали лизать ее конямъ, увѣряя, что и оружіе и кони будутъ послѣ того неуязвимы и непобѣдимы. Такъ велика была слава Ивона.

Не смотря на клятвы, казаковъ не выпустили на свободу, а назначили за нихъ огромный выкупъ.

Вотъ имена есауловъ, сотниковъ и старшинъ, сохранившіеся въ лѣтописяхъ, вмѣстѣ съ именемъ гетмана Свирховскаго: Янчикъ, Залѣсскій, Либешовскій, Козловскій, Циповскій, Копытскій, Сидорскій Рѣшковскій, Бачшицкій, Соколовскій, Суцинскій. Всѣмъ имъ Кабутъ-паша объ-

щалъ почести и богатство, если они примутъ магометанство и поступятъ на службу султана.

— Мы не измѣнники и продавать свои души за золото и почесть не согласны! отвѣчали казаки.

ГЛАВА XV.

Петрила съ торжествомъ вступилъ въ Яссы и былъ провозглашенъ молдавскимъ господаремъ.

Во время одного изъ пировъ, данныхъ имъ въ господарскомъ дворцѣ своимъ друзьямъ, участвовалъ между прочимъ и Черновичъ, явившійся изъ бѣговъ, тогда какъ не стало опасности попасть въ руки убитаго Ивона. Когда доброе молдавское вино развязало языкъ обыкновенно молчавшему Ереміи, онъ весело сказалъ:

— Господарь! на твоемъ пиру недостаетъ самого главнаго—женщинъ!...

— Чтожъ дѣлать! Еще неуспѣли набрать прекрасныхъ обитательницъ Яссъ, разбѣжавшихся отъ насъ... также весело отвѣчалъ Петрила.

— А знаешь ли ты, что здѣсь же во дворцѣ живутъ двѣ красавицы, пользовавшіяся особымъ расположеніемъ Ивона? продолжалъ Чарновичъ.

— Вѣроятно, онѣ составляли украшеніе гарема ренегата? засмѣялся господарь.

— А любопытно было бы взглянуть на этихъ гурій! замѣтилъ одинъ изъ пировавшихъ друзей Петрилы.

— Ничего нѣтъ легче, подхватилъ Еремія. Прошу тебя, господарь, отдай мнѣ этихъ женщинъ, и я тотчасъ приведу ихъ сюда. Этотъ подарокъ будетъ мнѣ наградой за мои заслуги: вѣдь еслибъ не мои хлопоты, тебѣ бы не бывать молдавскимъ господаремъ...

— Г...мъ! Да, такіе люди, какъ баркалабъ Чарновичъ, часто бываютъ полезны: измѣна скорѣе и вѣрнѣй храбрости рѣшаетъ судьбу народовъ и государей, съ оттѣнкомъ насмѣшки и презрѣнія замѣтилъ Петрила.

— Такъ прикажешь ли привести сюда этихъ женщинъ, или ты и не видавши согласенъ отдать мнѣ ихъ?... спросилъ Еремія, не совсѣмъ довольный тономъ Петрилы.

— Нѣтъ!... нѣтъ! мы хотимъ ихъ видѣть, закричали полупьяные гости господаря.

Чарновичъ отправился разыскивать Милену и Зору.

Бѣдныя женщины, забытыя всѣми во время смутъ и кровопролитія, спрятались въ отдаленную комнату подвальнаго этажа и прожили тамъ всю тревожную пору, пока не водворился новый господарь. Зора по ночамъ выходила изъ дворца и мѣняла какое нибудь украшеніе либо нарядъ на хлѣбъ, овощи и воду, которые доставляла ей одна изъ тѣхъ алчныхъ старухъ—цыганокъ, которыя пользовались крайностью многихъ знатныхъ женщинъ, также какъ и Милена, притаившихся въ подвалахъ да погребахъ отъ свирѣпаго разгула ворвавшихся въ Яссы янычаръ.

Однажды Зора услыхала ужасную вѣсть: вслѣдствіе измѣны, молдавы и казаки попали въ сѣчу, гдѣ ихъ большую часть избили, а остальныхъ взяли въ плѣнъ.

Зора особенно плакала по своимъ землякамъ-казакамъ.

Милена, въ послѣднее время проявлявшая нѣкоторые проблески смысла, спросила у Зоры о чемъ она плачетъ.

— Малдавы и казаки дрались съ турками, и невѣрные одолѣли.... отвѣчала Зора. Милена схватилась руками за голову, какъ будто бы силясь вспомнить прошлое.

— А гдѣ Богданъ? Гдѣ Стефанъ?... Ивонъ!... первыя два слова она произнесла съ любовью, при послѣд-

немъ же имени она вздрогнула и произнесла свою обычную фразу: «злодѣй! ренегатъ! Я его ненавижу...» Нить ея воспоминаній порвалась, и она снова впала въ апатію. Эти попытки къ сознанію и напряженіе ума обыкновенно завершались упадкомъ силъ и страннымъ глубокимъ сномъ, во время котораго она иногда говорила и ходила какъ лунатикъ. «Боже мой! еслибъ Милена была въ разумѣ, мы-бъ могли бѣжать», тужила Зора. «При общей суматохѣ никтобъ не обратилъ на насъ вниманія. Старая цыганка предлагала промѣнять наши парчевыя платья, расшитыя жемчугомъ, на грязныя лохмотья, подъ которыми мы могли бъ свободно выйти изъ города... но какъ увести Милену? Вдругъ она ослабнетъ или заснетъ, или заговоритъ то, что выдастъ насъ...»

Зора съ состраданіемъ глядѣла на безумную, разсѣянно устремившую глаза на окно, куда доходили отблески зарева пылавшаго вокругъ Яссъ отъ поджигаемыхъ турками селеній. Нѣсколько дней Зора боялась выидти изъ подвала, наконецъ голодъ заставилъ ее рѣшиться на ночное путешествіе къ цыганкѣ.

— Господарскій братъ Подкова прискакалъ, чтобы собрать войско, но жители Яссъ бѣгутъ безъ оглядки, и никто не соглашается идти противъ турокъ, разсказала Зорѣ цыганка.

— Подкова!... а гдѣ онъ теперь? воскликнула Зора.

— Небойсь во дворцѣ! равнодушно отвѣчала старуха.

Схвативъ данный ею хлѣбъ, Зора побѣжала обратно; она надѣялась, что Чайка, вмѣстѣ съ Подковой, не покинутъ ее и Милену. Подходя къ крыльцу господарскаго замка, она увидала двухъ осѣдланныхъ лошадей; дверь на улицу распахнулась и поспѣшно вышло двое мужчинъ, одинъ очень высокій, другой маленькаго роста.

— Пора!.... утромъ ужъ мы будемъ далеко и уне-

семъ знамя изъ этого жилища трусовъ!... сказалъ высокій, увлекая своего товарища.

— Да! бѣжимъ въ Украйну... отвѣчалъ тотъ.

— Чайка!... крикнула Зора, узнавъ ее по голосу.

— Зора!... и двѣ подруги крѣпко обнялись.

— Скорѣй, Чайка!... торопилъ ее Подкова. Враги у порога, а ты задерживаешь меня.

Зора стала ихъ упрашивать взать ее съ Миленой; не смотря на опасность быть схваченнымъ, Подкова позволилъ Чайкѣ спуститься въ подвалъ и вывести оттуда Милену.

— Я возьму на сѣдло Зору, а ты Милену, говорила Чайка.

Вбѣжавъ въ падвалъ, онѣ нашли Милену въ спящемъ состояніи; какъ ее ни будили, но разбудить не могли. Она лежала безъ движенія, и только слабое дыханіе доказывало, что она жива: «Боже! Боже мой!...» въ отчаяньи говорила Зора.

— Понесемъ ее! воскликнула Чайка. Она схватила Милену, Зора хотѣла поднять ее... раздался барабанный бой...

— Янычары!.. крикнула Чайка, бросая спящую. Они ее убьютъ.., О милый Михалко!... О знамя Молдавіи!... и Чайка, не слыша моленій Зоры, кинулась изъ подвала, вскочила на коня и послѣдовала за своимъ возлюбленнымъ, уносившемъ знамя и надежду на освобожденіе.

Это былъ дѣйствительно передовой отрядъ турокъ, который спѣшилъ занять городъ, чтобы отрѣзать молдавской арміи, осажденной близъ Килліи, путь къ Яссамъ. Зора не смѣла выглянуть изъ окна, загородивъ его чѣмъ попало, чтобы случайно не замѣтили ихъ.

Дня черезъ три пришла старая цыганка съ свѣжими новостями. «Господарь Ивонъ убитъ!» таинственно сказала она.

— Можетъ ли это быть? Кто тебѣ сказалъ? крикнула Зора.

— Тише! не кричи! Кто нибудь еще подслушаетъ, остановила ее цыганка. Мнѣ сказалъ мой землякъ, что служилъ у баркалаба Чарновича.... Онъ самъ видѣлъ, какъ янычары выкинули его трупъ и изрубили въ куски, а голову воткнули на копье... Теперь у насъ другой господарь-валахъ Петрила, и на дняхъ его ждутъ въ Яссы.

Зора набожно сложила руки и подняла глаза на сіявшій при свѣтѣ мѣсяца куполъ собора Трехъ Святителей, который виднѣлся изъ отворенной двери подвала.

— Губившій мечемъ — погибнетъ отъ меча!... сказала она. Теперь Ивонъ предсталъ предъ вѣчнаго Судью!... О Стефанъ!.. прости ему... и тихія слезы потекли изъ ея глазъ. Ей хотѣлось сообщить Миленѣ эту вѣсть, которая избавляла ее отъ заклятаго врага, но пойметъ ли несчастная?...

Когда цыганка ушла, Зора сказала:

— Милена! другъ мой!... Послушай-ка, что я слышала... и она передала ей то, что сообщила ей старуха.

— Ивонъ убитъ! Ивонъ убитъ!... повторяла Милена слова Зоры. Она старалась понять смыслъ этихъ словъ, брови ея наморщились, щеки заалѣли, крупныя капли пота выступили на лбу отъ внутренней борьбы разума съ окутавшей его тьмою; но борьба была не подъ силу бѣдной больной. Она откинула голову, закрыла глаза, и глубокій сонъ, похожій на безпамятство, овладѣлъ ею.

Зора слышала шумъ и крики, барабанный бой, лязгъ оружія, видѣла зловѣщее зарево и дымъ... Цѣлую недѣлю она не смѣла выйти изъ своего убѣжища... Потомъ все успокоилось; раздался звонъ церковныхъ колоколовъ и веселые возгласы и пѣсни.

Петрила вступилъ въ Яссы и поселился въ господарскомъ дворцѣ... подъ одной кровлей съ ними.

Никто не безпокоилъ пріютившихся въ подвалѣ женщинъ; старая цыганка разсказывала всѣмъ, что тутъ двѣ сестры, изъ которыхъ одна умираетъ. Валахи, встрѣчая Зору, участливо спрашивали ее: «Какова нынче твоя больная сестра?» Зора обыкновенно отвѣчала: «Плоха!...»

Въ одинъ вечеръ Зора пряла при дымномъ свѣтильникѣ изъ оливковаго масла, а Милена лежала на соломѣ и безсмысленно глядѣла на красноватое пламя свѣтильника, когда раздались шаги, и стукъ оружія по каменнымъ ступенямъ. Дверь отворилась, и на порогѣ явилась старая цыганка съ своимъ землякомъ, провожая Чарновича. Зора вскочила и загородила Милену: «Что тебѣ надо?», съ испугомъ обратилась она къ цыганкѣ; но старуха, не отвѣчая ей, подобострастно пропустила впередъ Чарновича, сказавъ ему: Вельможный баркалабъ! Вотъ любовница Ивона и ея невѣстка.

— О, презрѣнная тварь! Она насъ продала!... съ отчаяньемъ прошептала Зора.

— Любезная казачка! ласково обратился къ ней Еремія. Не бойся ничего! тебѣ не худа желаютъ, а добра. Великій господарь Петрила, узнавъ, что ты и твоя подруга живете въ сыромъ мрачномъ подвалѣ и нуждаетесь въ пищѣ, послалъ меня сюда; онъ желаетъ лично видѣть васъ и облегчить вашу участь... Милена, пораженная звуками ненавистнаго для нея голоса, приподнялась на своемъ ложѣ и, всмотрѣвшись въ лицо Ереміи, пробормотала: Стефанъ! ты говорилъ, что тебя выдалъ этотъ низкій человѣкъ... зачѣмъ же онъ сюда пришелъ?...

— Бѣдняжка, она безъ ума болтаетъ всякій вздоръ! поспѣшила пояснить цыганка. Зора не знала на что рѣшиться: она боялась измѣны, но ослушаться приказаній господаря было немыслимо. «Господи! научи меня!» молилась она. «О матерь Божія! отдаю себя и сестру мою

подъ твой милостивый покровъ!» послѣ этой короткой молитвы, Зора успокоилась и принялась одѣвать Милену.

По совѣту Чарновича, на нее надѣли алое бархатное платье, вышитое золотомъ, остатки роскоши, которою окружилъ ее Ивонъ. Ея чудесные черные волосы распустились по плечамъ, а на голову прикрѣпили алмазную діадему съ длиннымъ, прозрачнымъ вуалемъ. Въ этомъ нарядѣ Милена, не смотря на свою блѣдность и болѣзненный видъ, была прекрасна, и Чарновичъ впился въ нее алчнымъ взоромъ.

Зора надѣла свой національный костюмъ. «Скажу ему, что я изъ Украины и буду проситься на свою родину», думала она, слѣдуя за Чарновичемъ, который повелъ молодыхъ женщинъ, черезъ тайные переходы, прямо въ галерею, примыкавшую къ залѣ, гдѣ пировалъ Петрила съ друзьями, валахскими вельможами да князьями.

Взоры всѣхъ пировавшихъ устремились на дверь, откуда вошли двѣ женщины съ Чарновичемъ. Шопотъ одобренія пробѣжалъ въ толпѣ: «Красавица! Но отчего жь она такъ блѣдна?.. Она насъ боится... нѣтъ, нѣтъ, она больна!...

— Подойдите и не опасайтесь! молвилъ имъ господарь.

Зора приблизилась и опустилась на колѣна; Милена, окинувъ усталымъ взоромъ господаря и всѣхъ его окружавшихъ, остановилась и безучастно сложила руки.

— Скажи, какъ твое имя? откуда ты? Чѣмъ могу я быть тебѣ полезнымъ? любуясь красотой Милены, спросилъ у нея Петрила.

Отвѣта не послѣдовало, это удивило господаря и вельможъ.

— Она сошла съума и не понимаетъ тебя! объяснилъ Чарновичъ.

— Безумная! безумная! Какая жалость!.. Красавица, а съумасшедшая... повторяли друзья Петрила.

— Несчастная! сказалъ господарь. Раскажи хоть ты ея прошлую жизнь и причину ея помѣшательства? обратился онъ къ казачкѣ. Та призвала на помощь все свое присутствіе духа и въ краснорѣчивомъ отъ задушевности разсказѣ передала господарю все, что случилось съ Миленой и съ ней.

— Вотъ, друзья мои, по этому разсказу вы можете судить о звѣрскихъ страстяхъ отступника и злодѣя Ивона! Его постигла достойная кара, и я радъ, что могу облегчить участь его жертвъ. Милена! вотъ другъ Ивона, Еремія Чарновичъ, проситъ меня отдать тебя ему.... Согласна ли ты на это?.. спросилъ господарь съ удареніемъ на слова: «другъ Ивона».

— Чарновичъ! тихо повторила Милена. Онъ предатель... онъ погубилъ моего брата Стефана...

— Вотъ видишь, почтенный баркалабъ!.. Уста безумныхъ вѣщаютъ намъ о твоихъ подвигахъ.... Я понимаю изъ словъ Милены, что она не желаетъ твоего покровительства, насмѣшливо молвилъ Петрила.

— Если ты мнѣ откажешь — это будетъ съ твоей стороны явная неблагодарность! колко возразилъ Чарновичъ.

— Что?.. смѣешь ли ты такъ выражаться? гордо воскликнулъ господарь. Ты требуешь благодарности?... но развѣ можно благодарить купца за проданный товаръ?... Вѣдь тебѣ заплатили за измѣну?.. За мѣшки золота ты продалъ своего друга: хоть онъ и злодѣй, но все таки онъ выше тебя!...

Чарновичъ позеленѣлъ отъ злобы. Такое оскорбленіе при всемъ обществѣ валахскихъ вельможъ заклеймило его позоромъ. «Какое право имѣешь ты меня оскорблять?..» крикнулъ взбѣшенный Еремія. Я прямо поѣду къ сул-

тану и попрошу его потребовать отъ тебя отчета и объясненія... Сегодня ты господарь, а завтра можешь сдѣлаться изгнанникомъ, какъ Богданъ, либо растерзаннымъ трупомъ какъ Ивонъ!

Петрила съ гнѣвомъ всталъ и схватился за мечь.

Между валахами поднялись крики: «Смерть дерзкому, измѣннику, предателю!..»

— Стража! Возьмите этого человѣка и заприте его въ темницу. Я донесу султану: пусть онъ разсудитъ насъ, приказалъ господарь. Чарновича окружили, обезоружили и со связанными руками потащили изъ залы.

— Не долго тебѣ господарствовать! съ пѣной ярости на губахъ, кричалъ Чарновичъ. Братья Ивона—Богданъ и Александръ сбираютъ возстаніе и тебя ждетъ участь Ивона!... Остальные возгласы нельзя было разслышать, такъ какъ Чарновича повлекли ужъ съ лѣстницы господарскаго дворца, и скоро шумъ и шаги заглохли въ отдаленіи.

— Давно я желалъ отдѣлаться отъ этого волка, который и меня могъ бы также загрызть, какъ заѣлъ своего пріятеля Ивона... пробормоталъ Петрила.

Зора, съ любопытствомъ слѣдившая за этой сценой, воспользовалась удаленіемъ Чарновича и, обнимая колѣна господаря, со слезами воскликнула: «О, господарь! ты справедливъ и милостивъ!.. дозволь мнѣ и моей больной сестрѣ возвратиться къ моимъ роднымъ въ Украину....»

— Я согласенъ... Завтра же я назначу вамъ провожатыхъ, которые отвезутъ васъ за предѣлы молдавскихъ земель, отвѣчалъ Петрила.

Зора, благословляя его, увела Милену, которая едва держалась на ногахъ отъ утомленія, и какъ только добрелась до своего подвала, то упала на постель и впала въ безпамятство.

Дня черезъ три отрядъ солдатъ, конвоировавшій Милену и Зору, приблизился къ границѣ Молдавіи.

— Тутъ намъ приказано васъ оставить, далѣе ѣхать мы не можемъ, ибо тамъ кочуютъ татары и убьютъ насъ, сказалъ начальникъ отряда.

Зора, поблагодаривъ его, взяла Милену за руки и вошла съ ней въ бессарабскія степи.

— Берегитесь! не попадите въ руки степныхъ гайдамаковъ!... Лучше подождите каравана московскихъ купцовъ, съ ними вы безопаснѣе доберетесь до Украины.... крикнулъ имъ вслѣдъ валахскій офицеръ.

Отрядъ умчался, и женщины остались однѣ въ голой безбрежной равнинѣ.... Долго шла Зора, ведя безумную Милену, останавливаясь на пути, когда Милена изнемогала и падала. Зора терпѣливо сидѣла возлѣ нея и ждала ея пробужденія. Холодъ, голодъ, и жажду, и усталость переносила Зора въ надеждѣ отдохнуть на родинѣ. «Только-бъ не умерла Милена въ пути! только-бъ не пришлось моимъ рукамъ зарыть ее мертвую въ морской песокъ... думала мужественная казачка.

Иногда какъ вихрь проносились вдали татарскіе наѣздники, либо шайка степныхъ отчаянныхъ гайдамаковъ; Зора ложилась на землю и заставляла Милену прятаться въ пескѣ... Татары и гайдамаки проѣзжали близко, не подозрѣвая присутствія двухъ одинокихъ странницъ въ безпредѣльномъ морѣ степей.

Проходили караваны, но Зора не осмѣливалась приблизиться къ нимъ. Цыганскіе кочевники раскидывали свои шатры на стоянку, но казачка спѣшила мимо, увлекая Милену все далѣе на сѣверъ, оставляя за собой солнце, служившее ей руководительнымъ знаменьемъ.

Наконецъ, степь миновала, пошли зеленыя пастбища, свѣтлыя рѣчки, веселые поселки. Зора смѣло входила въ бѣлыя хаты и просила хлѣба да молока для своей

больной сестры. Добродушныя поселянки кормили и поили странницъ, участливо распрашивая Зору о болѣзни ея сестры. «Безумная... Божія душа...» говорили онѣ и давали имъ все, что онѣ просили.

Въ одно раннее утро, пореночевавъ въ селеніи, Зора вышла въ поле; она подвигалась бодрѣе и поспѣшнѣе.

— Иди скорѣй, Милена! Еще немного усилій и мы вступимъ въ Украину...» И вотъ насталъ желанный мигъ!.. Зора упала на колѣна и со слезами прильнула къ землѣ своей вольной родины...

ГЛАВА XVI.

Подкова тщетно пытался поднять и воодушевить жителей Яссъ: послѣ извѣстія о взятіи Ивона въ плѣнъ, паническій страхъ обнялъ всю Молдавію; когда же узнали, что онъ убитъ, то немедленно стали заявлять свою покорность новому господарю. Съ отчаяньемъ и негодованіемъ на слабость характера своихъ земляковъ, Подкова покинулъ родину и явился въ Переяславъ, гдѣ и объявилъ казакамъ ужасную вѣсть объ истребленіи войска, ушедшаго воевать съ турками... Случалось, что казаки возвращались съ урономъ... случалось, что украинцы недосчитывались многихъ удальцовъ изъ числа дружинъ, ходившихъ на татарина да на турку... но такого разгрома еще не бывало: почти всякая семья оплакивала брата, отца, сына... Казаки печально повторяли пѣсню, сложенную Подковой, которая для впечатлительныхъ, музыкальныхъ обитателей южной Руси нагляднѣе и задушевнѣе простаго разсказа рисовала горестное событіе.

На всѣ лады Украина пѣла:

„Какъ зъ низу хмара стягала,
По Украинѣ тумани слала
А Украина сумовала
Своего хетмана оплакала.
Тоди буйные вѣтры завивали:
Дежь ви нашего хетмана сподивали?
Тоди кречеты налитали:
Дежь ви нашего хетмана жалковали?
Тоди орли загомонили:
Дежь ви нашего хетмана схоронили?
Тоди жайворонки повилися:
Дежь ви съ нашимъ хетманомъ простилися?
У глубокій могили
Биля города Килія
На турецкой линіи...“

По просьбѣ Подковы собралась казацкая рада и на майданѣ дала торжественную клятву выкупить своего гетмана и находившихся съ нимъ въ плѣну казаковъ. Тутже громада обѣщала собрать новое войско и отомстить туркамъ за помраченіе казацкой славы.

— О, Молдавія! Ты еще не совсѣмъ пропала! Еще не погасла надежда на твою независимость!... Пока я живъ, я буду продолжать святое дѣло, а погибну, тогда ты, братъ Александръ, отомсти за меня и за Ивона, молвилъ Подкова своему брату, который былъ тогда еще юношей лѣтъ 17, но вполнѣ раздѣлялъ воинственный предпріимчивый духъ своихъ старшихъ братьевъ.

— Я очищу Молдавію отъ невѣрныхъ, прогоню Петрилу и повѣшу предателя Чарновича!... самоувѣренно говорилъ Александръ, усердно помогая брату въ наборѣ охотниковъ для его арміи. Чайка окончательно промѣняла

*) Г. Костомаровъ говоритъ, что Свирховскій не воротился изъ плѣна, но современный событію лѣтописецъ Леонардъ Горѣцкій въ своей книгѣ, изданной въ 1578 году, упоминаетъ, что гетмана и казаковъ выкупили изъ плѣна. Г. Марковинъ въ его „Очеркѣ Исторіи Запорожскаго казачества“ говоритъ, что послѣ плѣна Свирховскій снова велъ удачную войну съ турками, въ чемъ ему помогали и запорожцы.

женское платье на мужское и во всѣхъ походахъ сопутствовала Подковѣ, не уступая въ наѣздничествѣ любому казаку.

Потерявъ надежду отъискать Милену, князь Богданъ долго горевалъ. Какъ Марта ни старалась его развлечь, но онъ былъ неутѣшенъ и, упрямо отказываясь отъ общества, жилъ уединенно въ своемъ замкѣ. Единственную утѣху, которую онъ себѣ дозволялъ, была охота: либо съ соколами, либо съ собаками онъ рыскалъ по лѣсамъ своихъ обширныхъ владѣній, и на нѣсколько часовъ забывалъ боль своего сердца. Однажды, во время облавы на вепрей, князь потерялъ изъ виду всѣхъ псарей и собакъ. Сначала онъ трубилъ въ рогъ, чтобы созвать товарищей охоты, но видя, что никто не откликается, рѣшился ѣхать домой. Былъ вечеръ; солнце сѣло и съ рѣки Дѣсны потянуло свѣжестью. Князь ѣхалъ шагомъ, бросивъ поводья на шею усталой лошади. Окружавшая его тишъ навѣяла на него грустныя думы; снова заныла не зажившая рана его души, и воспоминанье о потерянномъ семейномъ счастьи встало передъ нимъ во всей своей неотвязной силѣ.

Подъѣхавъ къ опушкѣ густо-заросшагося парка, окружавшаго со всѣхъ сторонъ его замокъ, князь вдругъ почувствовалъ, что лошадь подъ нимъ вздрогнула. Навостривъ уши, она повернула голову къ сторонѣ узкой тропы, расширила ноздри, словно обнюхивая присутствіе чего-то особеннаго и наконецъ остановилась въ трехъ шагахъ отъ большаго куста полеваго жасмина, росшаго у подошвы столѣтняго дуба.

Въ кусту что-то шевельнулось. Богданъ потрепалъ по шеѣ своего любимца и сказалъ: «что, добрый конь? не почуялъ ли ты бураго пріятеля вепря?..» и, снявъ съ плеча свое оружіе, онъ прицѣлился въ кустъ... но рука его тотчасъ опустилась, онъ разглядѣлъ сквозь вѣтви жасминника у подошвы, двухъ незнакомыхъ женщинъ, вѣроятно,

какъ подумалъ князь, цыганки либо бездомныя странницы... Князь досталъ изъ прицѣпленнаго къ поясу кожаннаго кошелька серебрянную монету и кинулъ ее къ ногамъ этихъ бѣдныхъ, оборванныхъ скиталицъ. Онъ ужъ тронулъ шпорой коня, который зашагалъ быстрѣе, когда одна изъ женщинъ, выскочивъ изъ за куста, закричала:

— Князь Богданъ.... Это былъ знакомый голосъ, но въ загорѣломъ, исхудаломъ лицѣ Богданъ не могъ распознать кто была женщина. Неужели ты меня не узнаешъ?... Я Зора!... и казачка бросилась почти подъ ноги лошади, чтобъ остановить князя.

Богданъ едва не свалился съ сѣдла отъ неожиданной встрѣчи. «Зора!.. Тебя ли я вижу!... а Милена?...» задыхавшимся голосомъ спросилъ князь и, соскочивъ съ испуганнаго коня, схватилъ Зору за руки. Лошадь, освободившись отъ сѣдока, побѣжала къ замку.

— Тише, не разбуди ее... она тамъ... спитъ!... и Зора указала на лежавшую подъ дубомъ женщуну, лицо которой было прикрыто легкимъ пологомъ, прицѣпленнымъ къ низко висѣвшему суку дерева.

Князь упалъ на колѣна и слова благодарственной молитвы вылились изъ полноты его восторженнаго сердца. Зора нагнулась къ его уху и прошептала:

— Не ужасайся и неунывай... Милена была больна .. она изнемогла отъ горя и утомленья... разумъ ея помутился... но не отчаявайся въ милости Божіей, сохранившей насъ живыми въ ужасныя минуты... Милена выздоровѣетъ... она уже по временамъ все чаще да чаще стала приходить въ сознаніе. .

— Боже!.. хотя безумную, но все таки живую Ты возвратилъ ее мнѣ!... Благодарю и благословляю Тебя!... докончилъ князь свою молитву. Зора запретила ему будить и тревожить Милену. Сидя съ нимъ возлѣ нея, Зора передала ему все, что случилось съ ними въ Яссахъ.

Милена сдѣлала движеніе и вздохнула. Зора отдернула пологъ: Милена сидѣла, прислонившись къ стволу дуба, и глядѣла на нихъ съ тихой улыбкой.

— Какъ часто я его вижу во снѣ... но никогда еще не представлялся онъ мнѣ такъ ясно!... промолвила Милена, принимая дѣйствительность за продолженіе сновидѣнія и протягивая руки къ призраку любимаго человѣка!

Богданъ не вытерпѣлъ: «Дорогая Милена! сердце мое. Это не сонъ... твой вѣрный и неизмѣнный супругъ!... воскликнулъ онъ, прижимая ее къ своей груди.

Милена вскрикнула нечеловѣческимъ голосомъ и лишилась сознанія. Князь и Зора перепугались. «Что ты надѣлалъ?.. упрекала его казачка. Отъ нечаянной радости она захвораетъ еще хуже... Надо было осторожно подготовить ее къ дѣйствительности...»

Богданъ поднялъ Милену на руки и понесъ ее въ свой замокъ, откуда прислуга ужъ высыпала его искать, встревоженная тѣмъ, что лошадь прибѣжала безъ сѣдока.

Тотчасъ поскакали за врачемъ, жившемъ за нѣсколько миль и дали знать паннѣ Мартѣ Поневской.

У Милены открылась нервная горячка; нѣсколько недѣль отчаявались въ ея выздоровленіи. Однако кризисъ миновалъ, и Милена пришла въ сознаніе... Ея безуміе прошло навсегда, и постепенно здоровье укрѣплялось, вмѣстѣ съ семейнымъ счастьемъ.

Богданъ провелъ цѣлый блаженный годъ съ своей женой, вдали отъ празднаго общества и свѣтской суеты; но польскій король Стефанъ Баторій прислалъ ему грамоту, съ предложеніемъ вступить на его службу, такъ какъ онъ затѣвалъ войну съ московскимъ государемъ.

Князь Богданъ, какъ и многіе польскіе паны того времени, неохотно соглашались нарушить миръ съ Москвою, но отказать прямо было невозможно, надо было найти

благовидный предлогъ. Богданъ поѣхалъ въ Краковъ, вмѣстѣ съ Миленой, имѣя въ виду отговориться тѣмъ, что здоровье жены требуетъ его попеченій. Узнавъ о неожиданномъ возвращеніи Милены, которую всѣ считали погибшей, король пожелалъ ее видѣть. Его супруга, королева Анна *), была заинтересована романическими приключеніями Милены.

Когда она явилась на придворный балъ въ полномъ блескѣ красоты, здоровья и наряда, никто-бъ не повѣрилъ, что это была та-же самая безумная, больная, исхудалая скиталица по бессарабскимъ степямъ, которая питалась подаяніемъ поселянокъ и внушала имъ состраданіе.

Московскій царь Іоаннъ IV, покончивъ войну съ казанскими татарами, съ Ливоніей и со Швеціей, долженъ былъ готовиться къ новой борьбѣ съ воинственнымъ Стефаномъ Баторіемъ. Въ апрѣлѣ 1578 года изъ Москвы выѣхали послы царя Ивана Васильевича къ Баторію съ переговорами о порубежныхъ земляхъ, за которыя шелъ исконный споръ между Русью и Польшей, а также для утвержденія перемирія. Но Баторій нарочно затягивалъ дѣло до окончанія приготовленій къ войнѣ; пословъ возили изъ города въ городъ, откладывая свиданіе ихъ съ королемъ; между прочимъ они пріѣхали въ Львовъ, гдѣ имъ сказали, что будетъ самъ король. Послы эти, бояринъ Головинъ, дворянинъ Карповъ и еще нѣсколько бояръ, въ томъ числѣ и знакомый уже намъ Архипъ Алексѣевичъ Нарбековъ, застали въ Львовѣ множество пановъ и шляхты, собравшихся на любопытное зрѣлище — казнь преступниковъ. Хотя эти зрѣлища и были заурядны при царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ, но послы полюбо-

*) Королева Анна была сестра Сигизмунда Августа.

пытствовали сравнить казни московскія съ казнями польскими.

— Пойдемъ, братцы, посмотримъ ловки ли здѣсь заплечные мастера... Какъ поляки головы сѣкутъ да петли накидываютъ?.. предложилъ Головинъ.

— Эхъ друже! чего глядѣть-то!.. Небойсь тѣ-же корчи, та-же кровь... та-же смерть... и въ Москвѣ глядѣть на нихъ надоѣло!.. грустно возразилъ Нарбековъ.

Однако послы рѣшились идти на площадь, и Нарбековъ не могъ отстать отъ своихъ. Приблизившись къ площади, гдѣ возвышался помостъ и волновались народныя массы, русскіе были въ затрудненіи, какъ пробраться поближе. Въ это время ѣхалъ съ большой свитой вельможа Николай Радзивилъ, прозванный Рыжимъ, для отличія отъ двоюроднаго брата его Николая же Чернаго Радзивила, умершаго лѣтъ двадцать передъ тѣмъ *). Онъ былъ во главѣ партіи протестантовъ въ Польшѣ и Литвѣ, а потому ненавидѣлъ католика Стефана Баторія и хлопоталъ о возведеніи на польскій престолъ царевича Федора Ивановича, для чего нѣсколько лѣтъ тому назадъ посылалъ въ Москву. Увидавъ русскихъ бояръ, затертыхъ въ теснотѣ, Радзивилъ велѣлъ своимъ холопьямъ разогнать чернь плетью, чтобы очистить дорогу посламъ.

— Спасибо, панъ вельможный, сказалъ Головинъ. Кабы не ты, протолкались бы мы тутъ, ничего не видавши....

— Нечего и смотрѣть-то!... возразилъ Радзивилъ. Что-жь хорошаго, когда король, давъ слово, отъ него отступается и выдаетъ того, кого обѣщалъ держать въ чести, подъ своей королевской защитой...

— О комъ ты намѣкаешь? Объясни намъ, чтобъ и мы знали, какъ вашъ король слово держитъ?.. спросилъ Карповъ.

---

*) Николай Черный Радзивилъ умеръ въ 1565 году.

— А вотъ послушайте, честные бояре, и обсудите, пригоже ли такъ измѣнять своей клятвѣ, съ выраженіемъ негодованія и презрѣнія началъ Радзивилъ. Вѣдомо вамъ, что уже лѣтъ 6, какъ молдавы противъ турокъ возстали, ради великихъ и нестерпимыхъ утѣсненій; казаки съ Украины и съ низовья Днѣпра, что прозывается Запорожьемъ, ходили на турку въ помочь молдавамъ. Долго и успѣшно бились они съ невѣрными, побили ихъ множество, но наконецъ несмѣтная сила бусурманская ихъ одолѣла. Господаря молдавскаго Ивона и гетмана казацкаго Дружко-Свирховскаго взяли въ полонъ. Господаря турки убили, а гетманъ откупился и вмѣстѣ съ господарскимъ братомъ, по прозвищу Подковою, снова собрали великую рать и начали воевать съ турками... Христіанскому королю слѣдовало бы заступиться за христіанъ... но нашъ король инаго мнѣнія: онъ ведетъ миръ и дружбу съ невѣрными и, называя казаковъ да молдавовъ мятежниками, послалъ противъ нихъ своего брата, который, нечаянно окруживъ рать Подковы, уговорилъ его сдаться, ручаясь за его свободу и безопасность; тоже клятвенно подтвердилъ и Стефанъ Баторій. Подкова повѣрилъ рыцарской чести короля и сдался, но, вмѣсто свободы, его заковали въ цѣпи и заключили въ темницу!... Турки, этимъ не довольствуясь, потребовали, чтобы Подкову, какъ мятежника, казнили... И вотъ, о позоръ всѣму христіанству!.. Баторій, измѣнивъ святости рыцарской королевской клятвы, въ угоду бусурманамъ, подписалъ смертный приговоръ христіанина, котораго вся вина состоитъ въ томъ, что онъ радѣлъ о благѣ и независимости своего отечества!..

Нарбековъ былъ пораженъ. «Такъ это Подкову будутъ казнить?..» воскликнулъ онъ съ искреннимъ участіемъ.

— Да!... но развѣ ты его знавалъ, что такъ печалишься!.. спросилъ Радзивилъ.

— Я видалъ его у насъ въ Володимірѣ и въ Алек-

сандровской слободѣ, куда онъ пріѣзжалъ просить царя дать ему войско противъ бусурманъ... но до царя его и не допустили!.. объяснилъ Нарбековъ.

— Напрасно не допустили... Москвѣ-то скорѣй другихъ государствъ пригоже было порадѣть молдавамъ да казакамъ, ибо они Москвѣ единовѣрцы... замѣтилъ Радзивилъ.

Въ эту минуту раздались звуки трубъ и барабанный бой; народъ заволновался и, не смотря на усилія Радзиваловой свиты, его и пословъ оттѣснили, а Нарбекова почти притиснули къ самому помосту. Оглянувшись, Нарбековъ увидалъ возлѣ себя кучку закутанныхъ въ плащи людей, которыхъ загорѣлыя, смуглыя лица странно рознились своимъ типомъ отъ физіономій польскихъ простолюдиновъ. Особенно двое молодыхъ людей, впереди другихъ съ волненіемъ и напряженнымъ вниманіемъ слѣдившихъ за тѣмъ, что происходило на помостѣ, показались Нарбекову знакомыми, но припоминать, гдѣ онъ ихъ видалъ, было некогда.... Весь интересъ боярина сосредоточился на происходившей передъ нимъ драмѣ...

На помостѣ стоялъ рослый, плечистый богатырь съ смуглымъ, энергическимъ лицомъ; окруженный палачами и стражей, Подкова держалъ себя гордо и спокойно, словно готовился не къ позорной казни, а къ бою на ратномъ полѣ. Католическій ксендзъ приблизился къ нему. «Сынъ мой, ты предстоишь передъ вѣчностью: отшатнись отъ ереси и исповѣдуй истинную апостольскую католическую вѣру,» слащавымъ тономъ говорилъ іезуитъ.

— Я родился, жилъ и умру православнымъ, отодвигая рукой іезуита, твердо молвилъ Подкова, обращаясь къ окружившей его толпѣ любопытныхъ. Подкова возвысилъ голосъ: Благородные паны рыцари!... и вы, честная шляхта!... Знайте, что я не преступникъ!... Со мной поступили безчестно, по предательски... Король клятвенно обѣщалъ

мнѣ свободу и въ угоду басурманъ велѣлъ меня казнить... По сигналу, данному львовскимъ воеводой, дальнѣйшую рѣчь осужденнаго заглушилъ барабанный бой...

Нѣсколько разъ стража помогала палачамъ завязать глаза осужденному, но онъ срывалъ повязку, говоря: оставьте, я хочу передъ смертью видѣть солнце!... Когда голова его готова была склониться на плаху, онъ громко крикнулъ:

— Прощай, Молдавія!... Скажите Чайкѣ и брату!...

— Мы слышимъ!... раздались два голоса возлѣ Нарбекова: тутъ только онъ узналъ переодѣтую по мужски Чайку и, по сходству съ Подковой, догадался, что ея спутникъ былъ его братъ...

Черезъ минуту все было кончено; народъ встрѣтилъ эту казнь молча и съ угрюмымъ, недовольнымъ видомъ сталъ расходиться съ площади... Александръ и Чайка остались послѣ всѣхъ; въ замѣнъ мѣшка червонцевъ имъ отдали трупъ казненнаго Подковы, и они съ товарищами молдавами унесли свою печальную ношу...

Московскихъ пословъ продержали болѣе году и безъ результата едва отпустили домой.

Началась война между царемъ московскимъ и Баторіемъ. Александръ продолжалъ дѣло своихъ братьевъ: онъ выгналъ изъ Яссъ Петрилу и, поймавъ Чарновича, казнилъ его.

Взятый турками въ плѣнъ, онъ погибъ мучительной смертью... Чайка была убита, участвуя въ битвѣ съ невѣрными за независимость Молдавіи...

М. Политковская.

Открытіе памятника А. С. Пушкину.

Открытіе памятника нашему знаменитому поэту принадлежитъ къ числу событій, имѣющихъ историческое значеніе, событій, на которыхъ останавливается особенное вниманіе историка, умѣющаго отрывать подъ внѣшними формами истинный смыслъ и выраженіе народнаго духа. Поэтому-то каждая, повидимому, незначительная подробность такого событія должна быть записана, должна служить впослѣдствіи достояніемъ исторіи.

Первая мысль о сооруженіи памятника Александру Сергѣевичу возникла въ средѣ его лицейскихъ товарищей *, которыми предполагалось поставить памятникъ въ Царскомъ Селѣ въ лицейскомъ саду. Впослѣдствіи, именно въ 1860 г., по случаю пятидесятилѣтняго юбилея, мысль эта стала осуществляться и наконецъ въ ноябрѣ того же года, по инціативѣ директора лицея Н. И. Миллера, испрошено было Высочайшее разрѣшеніе на открытіе подписки по всей Имперіи. Жертвователей оказалось довольно, и въ нѣсколько лѣтъ собралась значительная сумма въ 13359 рублей. Въ мартѣ 1871 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе о назначеніи мѣста для памятника въ Москвѣ, родинѣ поэта, какъ такого мѣста, гдѣ «монументъ получитъ національное значеніе», а вслѣдъ затѣмъ особо организованный для устройства па-

---

* Авторъ лично слышалъ объ этомъ отъ одного изъ сотоварищей поэта Петра Ивановича Булгакова, умершаго въ Петербургѣ два года назадъ.

мятника Комитетъ, по соглашенію съ Думой, выбралъ для постановки и мѣстность въ концѣ Тверскаго бульвара.

Въ слѣдующемъ году Комитетъ назначилъ для представленія скульптурныхъ моделей какъ пьедестала, такъ и самой статуи, восмимѣсячный конкурсъ, на который и было доставлено, кажется, проэктовъ пятнадцать. Затѣмъ, выбравъ изъ этихъ представленныхъ моделей проэктъ художника Опекушина, комитетъ приступилъ къ исполненію работъ, которыя и продолжались вплоть до настоящаго года.

Наконецъ работы кончены: памятникъ отлитъ, пьедесталъ огранёнъ. Оставалось только назначить время открытія, котораго всѣ ожидали въ день рожденія поэта 26 мая, но неизвѣстно вслѣдствіе какихъ причинъ открытіе это отложилось до 6 Іюня.

Съ утра въ пятницу, 6 іюня, въ Москвѣ проявилось особенное движеніе. Погода въ тотъ день стояла довольно холодная, вѣтряная, небо покрыто облаками, по временамъ падали капли дождя, но, нѐ смотря на то, народныя толпы массами потянулись къ концу Тверскаго бульвара на площадь Страстнаго монастыря.

Въ 10 часовъ 30 минутъ въ главный храмъ Страстнаго монастыря вошелъ преосвященный Макарій, митрополитъ Московскій и Коломенскій, и тотчасъ же приступилъ къ совершенію заупокойной литургіи, въ сослуженіи двухъ епископовъ и множества духовенства. Въ срединѣ обѣдни пріѣхалъ его высочество принцъ Ольденбургскій, а въ концѣ г. министръ народнаго просвѣщенія; кромѣ нихъ въ церкви были депутаты, высокопоставленныя лица и на почетномъ мѣстѣ семья Пушкина. За литургіей слѣдовала торжественная панихида, по окончаніи которой было произнесено слово митрополитомъ Макаріемъ.

При послѣднихъ звукахъ хора «и сотвори ему вѣчную память» началъ говорить импровизаціей свою рѣчь высокодаровитый митрополитъ, и его слово, полное силы мысли и чувства, произвело на всѣхъ слушателей глубокое впечатлѣніе. Опредѣливъ въ нѣсколькихъ чертахъ значеніе поэзіи Пушкина, создавшаго русскую рѣчь и передавшаго въ пре-

лестныхъ, художественныхъ формахъ русскія народныя преданья и повѣрья, преосвященный закончилъ: «мы открываемъ памятникъ величайшему генію, величайшему дѣятелю русской мысли и слова.... Не время ли теперь именно, взывая о вѣчной памяти отшедшему въ вѣчность, помолиться и о томъ, чтобъ зрѣла на Руси здоровая мысль, чтобъ развивалось и крѣпло русское слово, русская наука, поэзія, литература, чтобъ больше и больше нарождалось въ Россіи великихъ дѣятелей не на почвѣ литературы только, но на всѣхъ поприщахъ проявленія человѣческаго духа, чтобъ не оскудѣвала она, родная, людьми, созидающими ея славу своими заботами въ чистой области знанія, поэзіи, искусства».

Въ 12 часовъ по полудни кончилось церковное торжество, и присутствующіе, почти всѣ съ обнаженными головами, направились на площадь къ памятнику. Народъ между тѣмъ ожидалъ на площади, кругомъ которой протянутые канаты отдѣляли мѣста для избранныхъ отъ простаго, сѣраго люда; народныя массы заливали всѣ прилегающія улицы, ворота, крыши.

Когда процессія двинулась изъ церкви, музыка, помѣщавшаяся на эстрадѣ въ глубинѣ площади, заиграла сначала «Коль славенъ Богъ», потомъ коронаціонный маршъ изъ «Пророка», а присутствующіе, постепенно, по мѣрѣ приближенія къ памятнику, еще покрытому пеленою, стали занимать назначенныя для нихъ мѣста. Кругомъ памятника помѣстились депутаты — представители съ развѣвающимися знаменами—всѣхъ знаменъ было до тридцати. Прямо противъ памятника развѣвалось знамя Москвы; съ правой стороны занимали мѣста представители журналовъ и газетъ, императорскихъ театровъ, консерваторіи и проч.; съ лѣвой стороны представители петербургской думы, литературнаго фонда, общества любителей россійской словесности, университета и проч. Въ этой же лѣвой сторонѣ устроено было особое возвышеніе, обтянутое краснымъ сукномъ, предназначенное для его высочества принца Ольденбургскаго, московскаго генералъ-губернатора, министра народнаго просвѣщенія,

гг. статсъ-секретарей, семьи Пушкина и другихъ почетныхъ лицъ.

По занятіи высокопоставленными лицами своихъ мѣстъ, музыка заиграла народный гимнъ, по исполненіи котораго на возвышеніе вошелъ московскій городской голова для пріема памятника въ вѣдѣніе московскаго городскаго управленія. Обрядъ передачи заключался въ томъ, что статсъ-секретарь Корниловъ, президентъ комитета для устройства памятника, произнеся предварительно небольшую рѣчь, вынулъ изъ футляра книгу въ зеленомъ бархатномъ переплетѣ съ надписью золотыми буквами: „Актъ передачи памятника Пушкина въ вѣдѣніе московскаго городскаго управленія", передалъ ее головѣ, который при этомъ отвѣчалъ тоже небольшою рѣчью. Обѣ эти рѣчи, однакожъ, равно какъ и содержаніе акта, не были слышны за говоромъ толпы.

Вдругъ все смолкло, замерло.... генералъ-губернаторъ, махнувъ платкомъ, подалъ знакъ: покрывало съ памятника спало, и передъ глазами толпы явился нашъ незабвенный поэтъ. Затишье, продолжавшееся минуту, разразилось громовымъ, тысячегласнымъ, неумолкаемымъ ура! Началось коронованіе. Первый вѣнокъ, бѣлый съ бѣлыми лентами, сложенъ былъ сыномъ покойнаго Александра Сергѣевича, а затѣмъ поочередно подходили депутаты, складывая на пьедесталъ нескончаемые ряды лавровыхъ вѣнковъ, украшенныхъ живыми цвѣтами, перевитыхъ разноцвѣтными лентами съ вышитыми серебреными и золотыми надписями. Народными массами овладѣло страстное возбужденіе, они двинулись впередъ, канаты порвались, и всѣ смѣшались. Величавое зрѣлище представляла тогда эта бронзовая фигура, тонувшая въ цвѣтахъ и гирляндахъ, задумчиво наклоненная съ высоты на толпившійся у ея подножія народъ и эти движущіяся волны, увѣнчивающія своего духовнаго представителя.

Коронованіе продолжалось болѣе получаса, въ продолженіи котораго интеллигентная публика стала разъѣзжаться. Замѣчательно, что когда Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ проходилъ по площади къ коляскѣ, его встрѣтилъ взрывъ аплодисментовъ. Иванъ Сергѣевичъ смутился и поторопился уѣхать.

За этимъ первымъ актомъ открытія послѣдовалъ рядъ другихъ празднествъ. Въ два часа пополудни того же дня происходило торжественное собраніе въ университетѣ, подъ предсѣдательствомъ г. министра народнаго просвѣщенія. Въ собраніи присутствовали: принцъ Ольденбургскій, московскій генералъ-губернаторъ, депутаты и всѣ прибывшія въ Москву почетныя лица. Актъ открылся рѣчью ректора университета Н. С. Тихонравова, объявившаго объ избраніи совѣтомъ университета въ день открытія памятника въ почетные члены: академика, статсъ-секретаря Я. К. Грота, пріобрѣвшаго извѣстность трудами по исторіи русской литературы XVIII и XIX вѣковъ, П. А. Анненкова за изданіе сочиненій Пушкина и біографическихъ свѣдѣній, а равно и за труды по исторіи литературнаго движенія въ Россіи, И. С. Тургенева, какъ знаменитаго писателя-художника. Шумныя рукоплесканія, неумолкавшія съ появленія ректора, въ особенности усилились при имени Ивана Сергѣевича Тургенева. Подобная почесть смутила нашего даровитаго, но скромнаго писателя, и онъ поспѣшилъ уклониться, опустившись въ свое кресло. Аплодисменты, дѣйствительно, замолкли, но они возобновились съ новой силой, когда къ нему подошли съ любезными поздравленіями принцъ Ольденбургскій, министръ народнаго просвѣщенія, генералъ-губернаторъ и другія почетныя лица.

Отдавъ почесть живущему, г. ректоръ потомъ напомнилъ посѣтителямъ присутствіе въ средѣ ихъ Пушкинской семьи и, низко поклонившись, въ лицѣ потомковъ почтилъ такимъ образомъ память великаго человѣка.

Затѣмъ Н. С. Тихонравовъ перешолъ къ изложенію своей рѣчи, въ которой обстоятельно раскрылъ истинное значеніе творчества Пушкина. Упомянувъ о борьбѣ у насъ классицизма и романтизма, о мимолетномъ вліяніи на Пушкина французской литературы, произведеній Державина и поэзій Байрона, почтенный ректоръ доказалъ осязательно самобытность генія Пушкина. По мнѣнію оратора шелъ онъ (Пушкинъ) „дорогою свободной, куда влекъ его свободный умъ“, выбирая для своихъ проиведеній сюжеты изъ русской жизни, съ полнымъ

пониманіемъ русскаго духа и русской національности. Благодаря такому направленію и художнической чуткости, Пушкинъ первый оцѣнилъ, по справедливости, Гоголя, выступившаго тогда съ „Вечерами на хуторѣ близь Диканьки".

Вторая рѣчь высказана была профессоромъ Ключевскимъ о значеніи произведеній Пушкина въ историческомъ отношеніи. По мнѣнію профессора, Пушкинскіе типы XVIII и XIX столѣтій отчетливо рисуютъ характеръ эпохи, служа тѣмъ самымъ весьма важнымъ дополненіемъ къ мемуарамъ и актамъ историческимъ. «Пушкинъ не мемуаристъ и не исторіографъ, но въ поэтѣ-художникѣ соединилось и то и другое». Слова г. Ключевскаго были покрыты громкими рукоплесканіями.

Третья и послѣдняя рѣчь университетскаго акта, посвященнаго исключительно памяти поэта, сказана была профессоромъ Стороженко объ отношеніи Пушкина къ иностранной словесности.

Актъ продолжался слишкомъ два часа и кончился прочтеніемъ привѣтственныхъ телеграмъ отъ различныхъ учрежденій и лицъ; между ними встрѣчена была особенно сочувственно телеграма чешскихъ художниковъ изъ Праги, въ которой говорилось; „честь и слава тому народу, который незабываетъ великихъ сыновъ своихъ".

Прямо почти съ университетскаго акта гости, за исключеніемъ принца Ольденбургскаго и генералъ-губернатора, собрались на парадный обѣдъ, данный городской Думой. Оставляя въ сторонѣ роскошную обстановку, обѣдъ останется памятнымъ навсегда высказанными на немъ рѣчами. Говорили Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ и Михаилъ Никифоровичъ Катковъ, и оба съ тѣми присущими имъ краснорѣчіемъ и задушевностью, которыми такъ отличаются они и которыя такъ всѣмъ извѣстны. Первымъ говорилъ почтенный славянофилъ Иванъ Сергѣевичъ: „Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой, сказалъ Пушкинъ незадолго до смерти, въ справедливомъ сознаніи совершеннаго имъ подвига. И со всей Руси великой, ото всѣхъ концовъ ея, съ верховныхъ высотъ власти и со всѣхъ общественныхъ ступеней, стеклись сюда вы, послы и

представители всенароднаго мнѣнія, чтобы передъ лицомъ всего міра, всею Россіею поклониться великому воистину русскому поэту. Не мѣсто и не время пускаться здѣсь въ разсужденія о правахъ Пушкина на такое высокое наименованіе. Да и нѣтъ въ томъ надобности. Настоящимъ торжествомъ, принявшимъ такіе неожиданные, небывалые размѣры, превысившіе всѣ первоначальныя программы, воочію, всевластно объявилось дѣйствительное, доселѣ можетъ быть многимъ сокрытое значеніе Пушкина для русской земли. Длиненъ, мучителенъ русскому народу былъ переходъ отъ эпическаго творчества къ высшимъ формамъ искусства. Долга была ночь отрицанія, лжи, умственнаго и духовнаго рабства.... Будто днемъ озарило Россію поэзіей Пушкина и оправдалась наша народность, по крайней мѣрѣ хоть въ сферѣ искусства. На немъ печать высшихъ даровъ нашего народнаго духа. Настоящее торжество —это побѣдное торжество, впервые, въ лицѣ Пушкина, расторгшаго свой плѣнъ и воспарившаго смѣлымъ свободнымъ полетомъ народнаго поэтическаго генія. Настоящее торжество—это радостный благовѣстъ нашего мужающаго, наконецъ, самосознанія, и т. д.

Эта блестящая рѣчь покрыта была шумными рукоплесканіями.

Совершенно другимъ оттѣнкомъ отличалась рѣчь Михаила Никифоровича. „Если на полѣ битвы, говорилъ онъ, и смертельные враги, стоя въ одномъ ряду противъ общаго непріятеля, чувствуютъ за одно, мыслятъ согласно и дѣйствуютъ дружно, то неужели не должно имѣть такую же силу дѣло мирнаго торжества, неужели общій непріятель можетъ лучше единить и дружить людей, чѣмъ предметъ ихъ общей любви, ихъ общаго чествованія? На праздникѣ Пушкина, передъ его памятникомъ, собрались лица разныхъ мнѣній, быть можетъ, несогласныхъ, быть можетъ непріязненныхъ. Вѣрно, однако, то, что всѣ собрались добровольно и, стало быть, съ искреннимъ желаніемъ почтить дорогую всѣмъ память. Я говорю подъ сѣнію памятника Пушкина, и потому надѣюсь, что мое искреннее слово будетъ принято дружелюбно всѣми безъ исключенія. Кто бы мы ни были и

откуда бы мы ни пришли, и какъ бы мы ни разнились во всемъ прочемъ, но въ этотъ день, на этомъ торжествѣ мы всѣ, надѣюсь, единомышленики и союзники. Кто знаетъ, быть можетъ это минутное сближеніе послужитъ залогомъ болѣе прочнаго сближенія въ будущемъ и поведетъ къ замиренію, по крайней мѣрѣ къ смягченію вражды между враждующими. Буду еще смѣлѣе. На русской почвѣ люди столь же искренно желающіе добра, какъ искренно мы всѣ сошлись на праздникѣ Пушкина, могутъ сталкиваться и враждовать между собою въ общемъ дѣлѣ только по недоразумѣнію. Къ сожалѣнію, недоразумѣнія составляютъ силу очень серьезную, которая не легко уступаетъ. Сила эта питается всѣми человѣческими слабостями. И есть одна слабость, которая всѣхъ болѣе плодитъ недоразумѣнія и отравляетъ отношенія людей. Всякій любитъ хорошее и всякому пріятно чувствовать хорошее въ себѣ. Это очень естественно, но тутъ кроется опасность. Мы невольно пріучаемся хорошее любить въ себѣ, а дурное ненавидѣть въ другихъ. Благодатный миръ водворился бы на землѣ, еслибы люди пріучились, напротивъ, хорошее любить болѣе въ другихъ, а дурное ненавидѣть въ себѣ.

Не будемъ предаваться мечтамъ и утопіямъ, будемъ только надѣяться, что сила свѣта возьметъ свое, что сила недоразумѣній, раздѣляющихъ людей, будетъ ослабѣвать, и что все шире и шире будетъ становиться область, въ которой люди разныхъ мнѣній могутъ сходиться мирно и дружно. На пиршествѣ, которое Москва даетъ своимъ гостямъ, собравшимся чествовать Пушкина, слѣдуетъ дать слово самому виновнику торжества и т. д.

На слѣдующій день, въ субботу 7-го іюня, память поэта чествовалась торжественнымъ собраніемъ Общества любителей россійской словесности въ 12 часовъ пополудни въ залѣ дворянскаго собранія. Обстановка вполнѣ соотвѣтствовала назначенію. На особой эстрадѣ величаво возвышался бюстъ Пушкина, весь увитый лаврами и окруженный вѣнками. Внизу у подножія эстрады, за особымъ столомъ, засѣдали, подъ предсѣдательствомъ С. А. Юрьева, члены общества:

И. С. Тургеневъ, Ф. М. Достоевскій, Писемскій, Полонскій и мн. друг.—всо даровитые ветераны руской словесности, но... никого изъ молодежи! По обыкновенію сущность засѣданія состояла изъ рѣчей. Первое слово сказано было предсѣдателемъ о народности поэзіи Пушкина. Затѣмъ говорилъ французскій депутатъ Луи Лежэ *), извѣстный ученый, мягкой симпатичной наружности, небольшаго роста, смуглый. Въ простой, безъискуственной рѣчи, на русскомъ языкѣ, онъ высказалъ о томъ, съ какимъ высокимъ уваженіемъ относится Франція къ памяти Пушкина, какъ благодарна она переводчику за передачу на французскій языкъ безсмертныхъ произведеній поэта, поставившихъ его рядомъ съ Байрономъ и Гете и наконецъ закончилъ искреннею благодарностью за теплый, братскій пріемъ, встрѣченный имъ въ Россіи. Нечего и говорить, съ какимъ сочувствіемъ отозвалась публика и какими горячими привѣтствіями она отвѣчала на эту рѣчь. Послѣ Луи Лежэ произнесъ нѣсколько словъ Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ о дѣятельности поэта, а въ заключеніи Писемскій прочелъ нѣсколько отрывковъ изъ «Капитанской дочки».

На другой день, въ воскресенье, состоялось второе собраніе любителей россійской словесности, на которомъ сказана была Федоромъ Михайловичемъ Достоевскимъ та знаменитая рѣчь, о которой возбудилось столько горячихъ толковъ. Объ ней говорилось задолго прежде, какъ о чемъ-то необыкновенномъ, всѣ ожидали ее съ живымъ, тревожнымъ нетерпѣніемъ, но успѣхъ далеко превзошелъ всѣ ожиданія и всѣ надежды. Приводимъ изъ нея извлеченіе: «Черезъ цѣлое сто-

*) Луи Лежэ, безспорно, принадлежитъ къ самымъ виднымъ даровитымъ ученымъ послѣдняго времени. Занимая кафедру восточныхъ языковъ въ Парижской спеціальной школѣ, онъ въ особенности занимается славянской исторіей, основательно знаетъ славянскій языкъ, изучаетъ внутренній бытъ славянскихъ народовъ и довольно хорошо говоритъ по русски. Извѣстны его сочиненія: Славянскіе этюды и о Славянскомъ мірѣ, а въ особенности: Histoire de l'Autriche-Hongrie depuis les origines jusqu' à l'année 1878. Знаніе славянскихъ языковъ и довольно хорошій русскій выговоръ онъ пріобрѣлъ во время нерѣдкихъ своихъ путешествій по Россіи и вообще по славянскимъ землямъ.

лѣтіе послѣ Петровской эпохи явился поэтъ, который геніальными своими произведеніями освѣтилъ дорогу русскому народу. Періоды поэтической дѣятельности Пушкина не имѣютъ твердыхъ опредѣленныхъ границъ. Онъ всегда почерпалъ свои идеалы въ родной землѣ и напрасно говорятъ о подражаніи его Андре Шенье, Байрону и друг., Пушкинъ всегда обладалъ глубиною самосознанія и глубиною познанія своего народа и его духовныхъ качествъ, а потому и могъ пророчествовать о будущихъ его судьбахъ. Вся суть русскаго сердца и русской души вылилась въ типахъ, созданныхъ Пушкинымъ. Капитальные типы эти—Алеко, Евгеній Онѣгинъ (въ существѣ тотъ же Алеко) и Татьяна. Алеко—типъ историческаго міроваго страдальца, не умѣющаго и не могущаго примкнуть ни къ какому строю общественной жизни, потому что ему нуженъ строй идеальный; Алеко бѣжитъ къ цыганамъ, туда, гдѣ нѣтъ законовъ. Эти міровые мученики въ тоже время необходимо являются и скитальцами. Типъ этотъ безпрерывно сохраняется въ исторіи нашего народа; эти скитальцы и теперь продолжаютъ свое скитальничество, и если теперь, въ погонѣ за идеаломъ, не пойдутъ къ цыганамъ, то ударятся въ соціализмъ, потому что русскому скитальцу для успокоенія нужно всеміpное счастіе, меньшимъ онъ не помирится. Эти лица оттѣняютъ общій слой нашей интеллигенціи, представители которой служатъ казнѣ, служатъ на желѣзныхъ дорогахъ, читаютъ даже иногда лекціи, но у нихъ никогда не явится стремленія бѣжать къ цыганамъ... Но всѣмъ намъ великій поэтъ указываетъ спасительную дорогу смиреннаго общенія съ народомъ. Алеко былъ искреннимъ, хотя и фантастичнымъ страдальцемъ. Онъ былъ единицею массы, воспитанной въ закрытыхъ стѣнахъ русскихъ институтовъ и раздѣленной на 14 классовъ; онъ тоже, вѣроятно, обладалъ крѣпостными, и онъ убѣжалъ, убѣжалъ туда, гдѣ его встрѣчаетъ, по выраженію одного поэта, дикая женщина.... Но Алеко не могъ ассимилироваться и съ этой первобытной средой. Онъ не годился не только для всеміpной гармоніи, но даже для цыганъ; они его прогоняютъ, онъ отвѣчаетъ убійствомъ, и—вотъ мораль

нашего поэта, рѣшающая нашъ русскій вѣковой, преклятый вопросъ: смирись, гордый человѣкъ! Евгеній Онѣгинъ—тотъ же типъ, съ его отличительными чертами. Онъ является изъ Петербурга и непремѣнно изъ Петербурга; онъ также не можетъ никуда примкнуть, также сознаетъ невозможность какой бы то ни было работы на родной почвѣ. Почему? можетъ быть также изъ хандры по міровому идеалу. Слѣдующій типъ, положительный—типъ Татьяны. Такого образца художественной красоты мы не встрѣчаемъ ни у одного изъ нашихъ крупныхъ талантовъ; развѣ только онъ повторился въ образѣ Лизы „Дворянскаго Гнѣзда"... Онѣгинъ, встрѣтивъ Татьяну, эту чистую, непорочную дѣвушку, не съумѣлъ распознать ея внутренней красоты и призналъ ее нравственнымъ эмбріономъ, а такимъ эмбріономъ былъ онъ самъ. Я удивляюсь, почему Пушкинъ не сдѣлалъ Татьяну даже героиней поэмы и не далъ поэмѣ имени этой дѣвушки!.. Тлетворное вліяніе свѣтской жизни не тронуло Татьяну. Она отвѣчаетъ Онѣгину, пришедшему къ ней съ любовью: «я другому отдана и буду вѣкъ ему вѣрна»... Можетъ быть скажутъ, что у Татьяны не хватило смѣлости порвать связывавшія ее путы и отдаться личному счастью? Нѣтъ, русская женщина смѣла и не одинъ разъ доказала это. Нѣтъ! Татьяна, какъ русская женщина, сознаетъ, что она не можетъ построить свое счастье на несчастіи другаго. Да и какое русское сердце не откажется отъ своего личнаго счастья, если для него необходимо замучить хоть одно человѣческое существо? Какой русскій согласится быть архитекторомъ подобнаго зданія? Мнѣ скажутъ, что Татьяна, поступая такимъ образомъ, разбиваетъ сердце Онѣгина. Но развѣ Татьяна не разглядѣла, что Онѣгинъ любитъ не ее, а свою фантазію, что онъ—листъ, несомый вихремъ! И будь она свободна, она уже не пошла бы за него, предвидя разочарованіе, предвидя несчастіе... Есть у поэта и еще русскій типъ—типъ монаха-лѣтописца. Сколько бы можно сказать о немъ!..

Стало быть есть въ русскомъ народѣ духъ, есть жизненная сила, есть вѣра, а если есть вѣра, есть и надежда... И ни одинъ русскій писатель не уяснилъ намъ такъ сущности

русской натуры, какъ Пушкинъ. Правда, есть одно-два исключенія, но и эти исключенія, въ большинствѣ случаевъ являясь господами, старались поднять народъ до себя... но всѣмъ, что въ нихъ есть хорошаго, они обязаны Пушкину. Не было бы Пушкина и не было бы послѣдующихъ талантовъ, не было бы вѣры въ русскую самостоятельность. Онъ первый далъ намъ прозрѣть наше значеніе въ семьѣ европейскихъ народовъ. Онъ самъ былъ отзывчивъ и уяснилъ, что всемірная отзывчивость есть отличительная черта нашего народа; явленіе такого поэта не есть ли явленіе пророческое? Онъ раскрылъ намъ русское сердце, онъ показалъ намъ, что оно не удержимо стремится къ всемірности и всечеловѣчности. Производившее столько волненій раздѣленіе русскаго общества на славянофиловъ и западниковъ есть только одно великое недоразумѣніе. Россія любитъ человѣка. Она постоянно служила Европѣ можетъ быть больше, чѣмъ себѣ самой. Остается еще задача—указать исходъ европейской тоскѣ не мечемъ, не экономическими правилами, не наукою,—а любовью русскаго сердца. Пусть наша земля — нищая, но ее изъ конца въ конецъ „Христосъ исходилъ, благословляя". И если бы Пушкинъ былъ живъ, мы стоялибы ближе къ рѣшенію нашей задачи, онъ уяснилъ бы суть русскаго народа въ Европѣ и помирилъ бы насъ съ нею..."

Публика пришла въ какое то восторженное, опьянѣлое состояніе: хлопали въ ладоши, стучали, топали, махали шляпами, оратору поднесли лавровый вѣнокъ и наконецъ, когда Федоръ Михайловичъ поднялся съ мѣста, члены Общества, по почину Ивана Сергѣевича Тургенева, его разцѣловали.

Послѣ такого пріема дѣлалось опаснымъ другимъ продолжать рѣчи. И. С. Аксаковъ, которому слѣдовало бы по очереди говорить, отказался, высказавъ прямо, что послѣ предшественника толковать болѣе не о чемъ, и только по усиленнымъ просьбамъ предсѣдателя и Тургенева согласился прочитать нѣсколько выдержекъ изъ приготовленной было имъ рѣчи. Конечно эти выдержки, равно какъ и послѣдующія рѣчи гг. Анненкова, Калачова и Бартенева, не могли не показаться блѣдными и сухими.

Заключительнымъ актомъ произнеслась рѣчь г. Потѣхинымъ о значеніи совершающагося торжества, какъ права гражданства за русской литературой, какъ нашего аттестата зрѣлости. «Но Пушкинъ сдѣлалъ еще не все; его дѣло продолжалъ Гоголь и потому необходимо, предложилъ г. Потѣхинъ, теперь же, открывъ памятникъ А. С. Пушкину, начать сборъ на памятникъ Гоголю. Онъ долженъ быть поставленъ въ Москвѣ на Никитскомъ бульварѣ, и Москва современемъ станетъ пантеономъ русской мысли».

На предложеніе отозвались сочувственно, открылась подписка и въ тотъ же день собрано было до 4 тысячъ рублей. Въ числѣ первыхъ подписавшихся было имя Ивана Сергѣевича Тургенева.

Общество любителей россійской словесности неудовольствовалось только своими засѣданіями, оно устроило еще два музыкально-вокально-литературныхъ вечера, въ которыхъ музыкальнымъ отдѣленіемъ, подъ управленіемъ Н. Г. Рубинштейна, были исполнены увертюры «Руслана и Людьмилы» Глинки и «Русалки» Даргомыжскаго, вокальную часть исполнили Мельниковъ, Каменская и Климентова, литературную же, самую интересную, часть составляли чтенія г. Тургенева, прочитавшаго «Опять на родинѣ», «Зиму» и отрывки изъ «Цыганъ», г. Достоевскаго, прочитавшаго «Пророка» Пушкина и гг. Григоровича, Писемскаго, Анненкова, Плещеева, Чаева и друг. Г. Полонскій прочиталъ слѣдующія стихи:

Пушкинъ, это возбужденье
Русской музы —воплощенье
Нашихъ думъ и нашихъ чувствъ,
Это незапечатлѣнный
Вдохновенный ключъ—священный
Въ свѣтлой области искусствъ.
Это старой няни сказка,
Это молодость и ласка,
Огонекъ въ степной глуши;
Это слезы умиленья,
Это спутники стремленья
Вѣчно страждущей души.

Свой повсюду, какъ избранникъ,
Свой, какъ братъ и какъ изгнанникъ,
Пушкинъ чуткою душой
Слышитъ друга отзывъ дальній,
Пѣсню Грузіи печальной,
Бредъ цыганки кочевой...
Пушкинъ—это эхо славы,
Отъ Кавказа до Варшавы,
Отъ Невы до всѣхъ морей,
Это сѣятель пустынный,
Другъ свободы, неповинный,
Въ лжи и злобѣ пошлыхъ дней.
Это геній, все любившій,
Все въ самомъ себѣ вмѣстившій
Сѣверъ, западъ и востокъ;
Это тотъ ничтожный міра,
Что когда бряцала лира,
Жегъ сердца намъ, какъ пророкъ.
Это врагъ гордыни праздной,
Въ жертву сплетни неотвязной
Свѣтомъ преданный, возжей
Словно терніемъ повитый
Оскорбленный и убитый
Святотатственной рукой.
Поэтическій мессія
На Руси онъ, какъ Россія
Всеобъемлющъ и великъ.
Нынѣ мы поэта славимъ
И на пьедесталѣ ставимъ
Прославляющій насъ ликъ.

Музыкально-вокально-литературныя вечера оканчивались апоѳеозами. Къ подножію бюста Пушкина, возвышающемуся по срединѣ сцены, складывали присутствующіе вѣнки; самое же чело Пушкина увѣнчали вѣнками: на первомъ вечерѣ Тургеневъ, а на второмъ Достоевскій. По исполненіи этого, всѣ участвующіе длинною вереницей стали позади бюста, при звукахъ хора: „Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный....“

Остается сказать еще нѣсколько словъ о самомъ памятникѣ и объ устроенномъ въ двухъ комнатахъ дворянскаго собранія пушкинскомъ музеѣ.

Въ статуѣ монумента Пушкинъ стоитъ прямо съ нѣсколько наклоненной курчавой головой, выставивъ немного впередъ лѣвую ногу; правая рука заложена за жилетъ, а лѣвая держитъ за спиной шляпу; сверхъ сюртука надѣтъ широкій плащъ. Черты лица переданы вѣрно съ имѣющимися лучшими портретами и съ маской, снятой послѣ кончины поэта. Бронзовая отливка статуи произведена очень удачно, точно также и всѣхъ украшеній пьедестала. Самый пьедесталъ состоитъ изъ сердобольскаго темносѣраго и темнокраснаго гранита. Кругомъ памятника вымощенъ тротуаръ съ четырьмя ступенями къ памятнику. На передней сторонѣ постамента имѣется лаконическая надпись „Пушкину“, на правой сторонѣ:

„И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ.

Съ лѣвой:

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ.

Съ задней стороны: Сооруженъ 1880 года.

Что же касается до стоимости памятника, то она выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: Скульптору Опекушину 22 тыс. р., за отливку 15,745 р., за пьедесталъ 27 тыс. р., архитектору 5,500 руб., за дополнительную работу фундамента 3,400 р. Слѣдовательно всего израсходовано 83,645 р.

Одновременно съ открытіемъ памятника устроился въ двухъ комнатахъ московскаго дворянскаго собранія Пушкинскій музей. У насъ это первая попытка такого рода къ охраненію памяти великихъ людей отъ тлѣнія, тогда какъ на западѣ давно уже сознана необходимость подобныхъ музеевъ. Тамъ, напримѣръ, видимъ и домикъ Шекспира со всей тщательно сберегаемой обстановкой до мельчайшихъ подробностей, и помѣщеніе Шиллера, и прославленный замокъ Вольтера.

Въ Пушкинскомъ музеѣ хранятся слѣдующіе предметы: въ первой комнатѣ: гравюры проэктовъ памятника, переводы твореній Пушкина на французскій, нѣмецкій, итальянскій и

славянскій языки, сочиненія поэта, изданныя при его жизни, виды мѣстностей, имѣющихъ отношеніе къ поэту, села Михайловскаго, села Захарова, флигеля на Нѣмецкой улицѣ въ Москвѣ, видъ могилы въ Святогорскомъ монастырѣ; въ этой же комнатѣ хранятся ящикъ съ изображеніемъ Пушкина въ гробу, его гипсовая маска, большая коллекція портретовъ поэта и рисунковъ къ его твореніямъ. Во второй комнатѣ: портреты лицъ, близкихъ поэту, князя Вяземскаго, Жуковскаго, Языкова, Соллогуба, Камовскаго, Даля, Чаадаева, Плетнева, Шаховскаго, Гоголя, канцлера Горчакова, Баратынскаго, предка Пушкина Абрама Ганнибала и два портрета жены Пушкина. Здѣсь же виситъ картина, нарисованная художникомъ Чернецовымъ по приказанію покойнаго императора Николая Павловича. изображающая Крылова, Пушкина, Гнѣдича и Жуковскаго вмѣстѣ; въ особомъ стеклянномъ шкафчикѣ вещи, принадлежащія поэту, его кошелекъ, перстни, масонскіе знаки и т. п.

Библіографическій указатель.

Иностранная историческая литература.

Geschichte Frankreichs von der Thronbeisteigung Louis Philipp's bis zum Fall Napoleon's III. Von Karl Hillebrand. 1879. II Band.

(Исторія Франціи отъ восшествія на престолъ Луи Филиппа до паденія Наполеона III. 2-й т.).

Новаго во всей исторіи почтеннаго ученаго почти ничего нѣтъ, за исключеніемъ только тѣхъ штриховъ, которыми очерчена катастрофа іюльской монархіи, интересныхъ по милости неизданныхъ еще никѣмъ депешъ русскаго посланника при дворѣ Луи Филиппа. Кромѣ этихъ депешъ, авторъ пользовался также еще неизвѣстными публикѣ матеріалами-депешами прусскаго посланника графа Арнима. Все содержаніе этого, вышедшаго въ концѣ прошедшаго года, тома сочиненія Гиллебранда состоитъ почти исключительно въ объясненіи причинъ, доведшихъ монархію до революціи 1848 года; описаніе же этого послѣдняго событія выполнено слабо и довольно сжато.

Разсказъ автора вообще веденъ живо и полонъ интереса, въ особенности же хорошо проведена характеристика короля Луи Филиппа, этого государя-гражданина, человѣка мягкаго, до безумія любящаго дѣтей своихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ скупаго, мелочнаго, тщеславнаго и надмѣннаго. Доброта короля весьма рѣзко проявлялась въ его великодушныхъ отношеніяхъ къ заговорамъ, въ его хлопотахъ о смягченіи наказаній виновникамъ покушеній,—которыхъ было не менѣе восьми,— на его жизнь, скупость въ его искатель-

ныхъ интригахъ въ палатѣ объ увеличеніи содержанія его дѣтямъ, а тщеславность и высокомѣрность въ его отношеніяхъ къ министрамъ. Говоря, напримѣръ, о Гизо, король высказывался: «я нашелъ министра моего царствованія», хотя, по справедливости, Гизо скорѣе могъ бы сказать: я нашелъ самаго удобнаго для себя короля.

Гизо очень хорошо видѣлъ недостатки короля и пользовался ими. «Я охотно дозволяю ему (королю), тѣшить свое тщеславіе, высказывалъ министръ, потому что это мнѣ выгодно; благодаря этому мое вліяніе велико и прочно». Къ Тьеру король, по личному своему характеру, всегда чувствовалъ непріязнь и интриговалъ противъ него. Когда въ 1840 году Тьеръ сдѣлался министромъ противъ желанія Луи Филиппа, то послѣдній различными происками и тайными переговорами съ Гизо, бывшимъ тогда посланникомъ въ Лондонѣ, достигнулъ таки того, что Тьеръ вышелъ въ отставку, уступивъ свое мѣсто Гизо.

Но Гизо, при всѣхъ своихъ ученыхъ заслугахъ, оказался министромъ крайне близорукимъ. Весь занятый парламентскими партіями, онъ не хотѣлъ видѣть, народнаго неудовольствія, и это ослѣпленіе погубило монархію. Весьма интересенъ отзывъ о французскомъ правительствѣ графа Арнима, писавшаго 13-го февраля 1848 года своему двору: правительство Франціи очень походитъ на стѣнные часы, отъ которыхъ ключъ потерянъ; разъ заведенные, они идутъ и даже довольно правильно, но никто не въ состояніи ихъ снова завести. Никому неизвѣстно, сколько времени они будутъ въ ходу, кто можетъ ручаться, что они не остановятся завтра? Все, что можно положительно сказать, это то, что механизмъ, построенный въ 1830 году, не имѣетъ никакихъ жизненныхъ началъ».

Особенно интереснымъ вышло у автора изложеніе религіознаго движенія во Франціи во время іюльской монархіи. Движеніе это, какъ извѣстно, получило весьма важное общественное значеніе, продолжающееся и до настоящаго времени. Современи Луи Филиппа французское духовенство начало постоянно стремиться къ захвату въ свои руки дѣла народнаго

образованія, чего и достигло въ 1850 и 1875 годахъ. Не безъ интереса также изложены главы о характеристикѣ общества въ царствованіе Луи Филиппа, о литературномъ и экономическомъ состояніи Франціи того времени.

Указавъ на главные черты сочиненія г. Гиллебранда, заслуживающаго полнаго вниманія, мы не можемъ не высказать желанія видѣть этотъ трудъ переведеннымъ на русскій языкъ, тѣмъ болѣе, что у насъ нѣтъ полнаго сочиненія, обнимающаго исторію этого времени. Болѣе же достойнаго сочиненія мы не знаемъ, такъ какъ по глубинѣ знанія, по богатству матеріаловъ, по силѣ изображеній литературныхъ образовъ это произведеніе составляетъ высокую цѣнность для историческихъ наукъ.

Histoire de la Russie depuis les origines jusqu'a l'année 1877 par Alfred Rambaud. Ouvrage couronné par. l'Academie française. Paris. 1878.

(Исторія Россіи съ основанія до 1877 г. Альфреда Рамбо. Сочиненіе увѣнчанное французской академіей).

Начиная разборъ произведенія г. Альфреда Рамбо, предварительно необходимо оговориться. Мы приняли за правило въ Библіографическомъ указателѣ Исторической Библіотеки говорить о тѣхъ сочиненіяхъ исторической литературы запада, которыя выдѣляются чѣмъ либо изъ разряда посредственностей и указаніе на которыя было бы полезно для русскаго читателя; но книга г. Рамбо никакимъ образомъ не принадлежитъ къ числу такихъ книгъ, и мы упоминаемъ о ней въ виду особаго исключительнаго обстоятельства.

Что г. Альфредъ Рамбо написалъ русскую исторію, увѣнчанную академіей, для французовъ—этому нельзя не порадоваться, но, не удовольствуясь этимъ, онъ пошелъ дальше, онъ издалъ свою исторію съ нѣкоторыми сокращеніями (вѣроятно для цензуры) для *русскихъ читателей*. Это становится уже дѣломъ серьёзнымъ, такъ какъ у насъ и до сихъ поръ еще много лицъ, которыя предпочитаютъ иностранныя руководства, для которыхъ иностранный учебникъ имѣетъ еще полный авторитетъ. Имѣя въ виду такихъ то лицъ,

мы и сочли своей обязанностью указать на опасность пользованія подобнымъ руководствомъ.

Нельзя не отдать справедливости г. Рамбо въ умѣньи пріятно разсказывать, въ знаніи, хотя не особенно глубокомъ, русскаго языка и въ знакомствѣ съ русской исторической литературой, но этихъ качествъ далеко еще недостаточно для серьезнаго исторіографа. Изъ библіографической замѣтки автора видно, что онъ знакомъ съ трудами русскихъ ученыхъ Соловьева, Костомарова, Карамзина, Бестужева-Рюмина, Иловайскаго, Погодина, Забѣлина и друг., даже съ самими источниками — съ лѣтописью Нестора, по изданію Миклошича, съ Домостроемъ, по изданію Языкова, съ судными грамотами и т. п., но ко всѣмъ этимъ матеріаламъ онъ отнесся съ обычной французской легкостью. Вмѣсто того, чтобы добросовѣстно провѣрить всѣ историческія извѣстія русскихъ ученыхъ, сравнить ихъ между собою основательнымъ анализомъ и самому глубже вглядѣться въ значеніе фактовъ съ помощью сравнительнаго историческаго метода, авторъ удовольствовался задачей незатѣйливой компиляціи, выбирая изъ русскихъ учебниковъ или нѣкоторыхъ монографій какъ ни попало, что прежде попадется подъ руку, и сшивая хронологическія извѣстія различными разсужденіями, въ которыхъ, вѣроятно, самодовольно и наивно видитъ должное освѣщеніе. Отъ такого легкаго отношенія къ дѣлу, конечно, неизбѣжны безпрерывныя ошибки, недоразумѣнія и грубыя искаженія. Въ доказательство нашего мнѣнія приведемъ нѣсколько особенно выдающихся погрѣшностей, опуская болѣе мелкія.

Въ разсказѣ объ основаніи русскаго государства авторъ безсознательно впалъ въ грубое противорѣчіе. Сначала это основаніе онъ призналъ завоеваніемъ, говоря, что товарищи Рюрика поступили въ Россіи точно также, какъ поступили датчане въ Англіи, норманны въ Нейстріи, товарищи Танкреда въ Неаполѣ и Сициліи и объясняя извѣстіе лѣтописи Нестора о добровольномъ призваніи варяговъ естественнымъ желаніемъ скрасить рѣзкій фактъ завоеванія. Но вслѣдъ затѣмъ, разбирая то же извѣстіе лѣтописи, авторъ уже вы-

сказалъ: „дѣйствительно завоеванія не было“ и въ доказательство приводитъ сохраненіе при князьяхъ славянскаго, демократическаго вѣча. Подобное противорѣчіе странно встрѣтить у историка, не менѣе странно и то, что авторъ рѣшительно не далъ себѣ труда вглядѣться въ отношенія варяговъ и славянъ между собою, а еще страннѣе приводить доказательствомъ существованіе вѣча, когда о немъ въ то время, до XI столѣтія, ни въ какихъ источникахъ не упоминается ни слова.

Говоря о законодательствѣ Ярослава,—названнаго Карломъ Великимъ, авторъ находитъ въ Русской Правдѣ допущеніе всѣмъ родственникамъ убитаго преслѣдовать убійцу частной местью и существованіе судебнаго поединка, и затѣмъ далѣе видитъ въ Судной Грамотѣ тѣ же принципы, что и въ Русской Правдѣ. Можетъ ли быть болѣе грубое незнаніе? Въ Русской Правдѣ нѣтъ ни такого дозволенія, ни упоминанія о судебномъ поединкѣ, а въ Судной Грамотѣ излагаются только внѣшнія процессуальныя стороны и не имѣется никакого намека ни на месть, ни на головщину, ни на испытаніе водой и желѣзомъ.

Время XV—XVI в. авторъ называетъ (XVI гл.) *возрожденіемъ московскаго государства, когда даны были Адашевымъ муниципальныя вольности.* Всѣ эти положенія составляютъ такія грубыя ошибки, которыя можетъ допустить только совершенно незнакомый съ русской исторіей. Никакого возрожденія во внутреннемъ состояніи государства, какъ извѣстно, не было, да и не могло быть по естественному ходу вещей, никакихъ муниципальныхъ вольностей не было, а были замѣны, и то постепенно и далеко не повсемѣстно, намѣстниковъ и волостелей излюбленными старостами, вслѣдствіе постоянныхъ и настойчивыхъ жалобъ земскихъ людей на притѣсненія и обирательства намѣстниковъ и волостелей; даны же были эти вольности Иваномъ Грознымъ по личному убѣжденію, а не по совѣту Адашева, на что нѣтъ никакого указанія и что даже совершенно противорѣчило бы стремленіямъ Адашева, стоявшаго за олигархическіе интересы, а вовсе не за народные.

Иногда историческое творчество французскаго историка доходитъ до созданія новыхъ образовъ. Такъ, разсказывая о Домостроѣ отца Сильвестра, онъ говоритъ, что будто бы въ совѣтахъ мужамъ объ исправленіи своихъ женъ Домострой отклоняетъ мужа только отъ употребленія толстой палки или дубины съ желѣзнымъ концомъ, слѣдовательно, допуская палку менѣе толстую или дубину безъ желѣзной оправы. Напротивъ того, въ Домостроѣ совѣтуется мужьямъ *надзирать* за женами и *спасать страхомъ*, не употребляя въ дѣло ни посоха, ни батога, ни всякаго желѣзнаго или деревяннаго орудія, ни *кулака*, даже за великое и страшное ослушаніе.

Или, напримѣръ, авторъ называетъ соборъ, бывшій при Иванѣ Грозномъ въ 1566 году, первымъ земскимъ соборомъ съ участіемъ депутатовъ отъ трехъ сословій, между тѣмъ какъ извѣстно, что этотъ соборъ не былъ первымъ, что за шесть лѣтъ прежде, именно съ августа 1549 по августъ 1550 г., былъ созванъ первый соборъ, на который, по свидѣтельству Степенной книги, государь «повелѣ собрати свое государство изъ городовъ всякаго чина». Для исторіи-руководства подобныя ошибки немаловажны.

Далѣе г. Рамбо, говоря о преобразованіяхъ Петра Великаго, высказываетъ, что при немъ двадцати милліонное населеніе составляло собственность поземельныхъ олигарховъ. Откуда могло быть почерпнуто подобное положительное и вмѣстѣ съ тѣмъ такое ложное свѣдѣніе? Извѣстно, что по ревизіи 1722 г. значилось всѣхъ податныхъ, слѣдовательно не однихъ крѣпостныхъ, около шести милліоновъ; да въ то время и все населеніе Россіи не могло простираться до двадцати милліоновъ.

Мы не проводимъ далѣе утомительнаго перечня и удовольствуемся заявленіемъ, что такихъ ошибокъ и искаженій, обнаруживающихъ полное незнаніе, разсыпано въ книгѣ почти на каждой страницѣ. Единственно вѣрныя мѣста это тѣ, гдѣ авторъ дословно переводитъ,—не объясняя, впрочемъ, этого,—изъ учебниковъ гг. Иловайскаго или Соловьева и гдѣ не пускается лично ни въ объясненія, ни въ разсужденія.

Что же касается до знанiя авторомъ русскаго языка, то и это знанiе не отличается особенной глубиной. Такъ, напримѣръ, онъ страшный Преображенскiй Приказъ Петра Великаго, завѣдывавшiй изслѣдованiемъ политическихъ преступленiй, называетъ реформацiоннымъ Приказомъ *prikaz de réformation* или *bureau de la réformation*. Очевидно, ошибка произошла отъ непониманiя различiя словъ преображенiе и преобразованiе. Однодворцы перекрещены въ *odnovortsi*. Между тѣмъ авторъ старается выставить свое знанiе русскаго языка, щегольнуть имъ до того, что во французскомъ подлинникѣ какъ будто невольно вводитъ русскiя слова, какъ напримѣръ: du vrémia de Pierre le Grand.

Оканчивая обзоръ труда, увѣнчаннаго французской академiей, мы остаемся при прежде высказанной мысли, при желанiи предостеречь наше русское общество отъ руководства подобными французскими учебниками. По нашему мнѣнiю, писать исторiю иностранцу съ помощью только одного знанiя, и то поверхностнаго, языка, вещь совершенно невозможная, смѣлость, на которую способно только пренебреженiе къ сѣвернымъ варварамъ.

Geeschichte Alexanders des Grossen. Joh. Gust. Drohsen. 3 Auflage 3 Gotha 1880.

(Исторiя Александра Великаго, Дрозена. 3 издан.).

Первое изданiе этого, можно сказать, классическаго сочиненiя появилось въ 1837 году и доставило автору почетное имя историка; но извѣстность его прiобрѣла еще большiе размѣры по выходѣ въ свѣтъ его сочиненiй: Жизнь Iорка и исторiя прусской политики. Исторiя Александра отличается замѣчательнымъ критическимъ анализомъ. Результаты новѣйшiе всѣхъ географическихъ, топографическихъ и нумизматическихъ наукъ были авторомъ исчерпаны рѣшительно всѣ. Произведенiе это представляетъ талантливо нарисованную картину цвѣтущей эпохи всемiрной исторiи.

Изданiе тщательно, изящно и даже роскошно.

безъ нужды придуманныя". Сюда были отнесены слова: *внимая, единый, проклинуть* и другія.—Кольцовымъ критика занималась какъ оригинальною игрушкою, какъ новинкою. Это былъ для нея талантливый мужичекъ, котораго она, для поощренія, находила приличнымъ гладить по головѣ.

Посмотримъ теперь, что говорилъ о названныхъ поэтахъ въ 30-хъ годахъ Бѣлинскій. Козлова онъ считалъ истиннымъ поэтомъ, хотя и не изъ первостепенныхъ. Многія его стихотворенія, по словамъ Бѣлинскаго, вызываютъ всѣ задушевныя думы читателя и заставляютъ откликаться всѣ его чувства. Основнымъ элементомъ поэзіи Баратынскаго онъ считалъ умъ, изрѣдка задумчиво разсуждающій о высокихъ человѣческихъ предметахъ, почти всегда слегка скользящій по нимъ, но всего чаще разсыпающійся каламбурами и блещущій остротами. Поэзіи въ стихотвореніяхъ Баратынскаго Бѣлинскій видѣлъ мало, но вездѣ замѣчалъ умъ, литературную ловкость, умѣнье, навыкъ, щегольскую отдѣлку и больше ничего. Выше онъ ставилъ Веневитинова, который, по его мнѣнію, одинъ изъ всѣхъ молодыхъ поэтовъ пушкинскаго періода обнималъ природу не холоднымъ умомъ, а пламеннымъ сочувствіемъ и силою любви могъ проникать въ ея святилище. „Это была прекрасная утренняя заря, предрекавшая прекрасный день", говоритъ Бѣлинскій. Въ Языковѣ и Давыдовѣ Бѣлинскій видѣлъ много общаго. „Одинъ—поэтъ-студентъ, говоритъ онъ, безпечный и кипящій избыткомъ юнаго чувства, воспѣваетъ потѣхи юности, пирующей на праздникѣ жизни, пурпуровыя уста, черныя очи, лилейныя перси и дивныя брови красавицъ, огненныя ночи и незабвенные края,

Гдѣ пролетѣла шумно, шумно
Лихая молодость его.

Другой—поэтъ-воинъ, со всею военною откровенностью, со всѣмъ жаромъ неохлажденнаго годами и трудами чувства, въ удалыхъ стихахъ разсказываетъ намъ о проказахъ молодости, объ ухорскихъ забавахъ, о лихихъ наѣздахъ, о гусарскихъ пирушкахъ, о своей любви къ какой-то гордой кра-

савицѣ. Какъ тотъ, такъ и другой не рѣдко срываютъ съ своихъ лиръ звуки сильные, громкіе и торжественные; не рѣдко трогаютъ выраженіемъ чувства живаго и пламеннаго. Ихъ односторонность въ нихъ есть оригинальность, безъ которой нѣтъ истиннаго таланта" *). Оцѣнки Растопчиной мы не находимъ у Бѣлинскаго въ 30-хъ годахъ. Упоминая только объ ея стихотвореніи „Тайныя думы", онъ замѣчаетъ: „въ немъ прекрасными, полными души и чувства, стихами воспѣваются достоинства одной особы, имени которой мы не смѣемъ угадывать". О Кольцовѣ, напротивъ, находимъ обширный отзывъ. Въ Кольцовѣ Бѣлинскій видѣлъ весьма крупный талантъ. Въ его стихотвореніяхъ онъ замѣчалъ близкое отношеніе къ жизни и впечатлѣніямъ автора, простоту и наивность выраженія, искренность чувства и часто неподдѣльную поэзію. Высоко онъ цѣнилъ народность Кольцова; по его словамъ, она благородна, истинна, неподдѣльна и не оскорбляетъ чувства ни грубостью, ни цинизмомъ. Простота выраженія и картинъ у Кольцова неподражаема, говоритъ Бѣлинскій. Но вѣнецъ его поэзіи—это тѣ стихотворенія, въ которыхъ поэтъ изливаетъ свое тихое и безотрадное горе любви («Люди добрые скажите», «Ты не пой, соловей», «Первая любовь», „Не шуми ты, рожь"). Говоря о достоинствѣ стихотвореній новаго поэта, Бѣлинскій высказалъ опасеніе, что его не оцѣнятъ по достоинству. „Толпа слѣпа, говорилъ онъ: ей нуженъ блескъ и трескъ, ей нужна яркость красокъ, и ярко-красный цвѣтъ у ней самый любимый" **).

Перейдемъ къ прозаическимъ писателямъ ***). Здѣсь главной силой десятилѣтія является Гоголь. Ему суждено было,

---

*) Сочиненія, т. I, стр. 87. Ниже ставилъ Бѣлинскій Бенедиктова. Онъ не находилъ у него мысли, не находилъ истинной поэзіи. При этомъ указывалъ на вычурность языка, странныя метафоры, гиперболизмъ, страсть къ изобрѣтенію новыхъ словъ и сальность нѣкоторыхъ картинъ.

**) Сочиненія, т. I, стр. 271—278.

***) Нѣкоторые изъ нихъ извѣстны, впрочемъ, и произведеніями въ стихотворной формѣ.

подобно Пушкину, вести русскую литературу далѣе, еще тѣснѣе связать ее съ жизнью, показать ей еще болѣе серьезныя цѣли и, подобно Пушкину, встрѣтить крики и брань со стороны людей, отставшихъ отъ движенія времени и думавшихъ, что для литературы не нужно никакихъ новыхъ направленій, что она давно поставлена на вѣрный путь усиліями Гречей и Булгариныхъ. Пришлось выдерживать сильную борьбу. Но помимо громадныхъ достоинствъ новаго писателя, на его сторонѣ стояли новый, высоко талантливый критикъ новаго десятилѣтія и вѣрный инстинктъ общества. Загородки, сооруженныя руками устарѣвшей критики, чтобы преградить генію путь къ храму славы, были безжалостно смяты, сами строители были сбиты съ ихъ поста—и окруженный славою геній занялъ подобающій ему пьедесталъ.

Въ высшей степени интересно видѣть первый пріемъ, сдѣланный журналистикой 30-хъ годовъ Гоголю. Присутствуешь на какомъ-то крайне странномъ спектаклѣ. Прозорливые критики какъ будто нарочно завязали себѣ глаза, чтобы ничего не видѣть. Видишь какое-то сборище тупоумныхъ людей, запасшихся солиднымъ количествомъ тяжеловѣсныхъ камней, съ цѣлію пришибить кого-то на смерть. И гораздо меньше видишь лицъ, которыя правильно смотрятъ на дѣло. Первое мѣсто между названными слѣпцами занимала «Сѣверная Пчела». Эта газета относилась къ Гоголю крайне неблагосклонно. Его «Ревизоръ» въ ея глазахъ былъ жалкое произведеніе. Въ высшей степени интересна ея оцѣнка знаменитой комедіи. Вотъ нѣкоторыя мнѣнія названной газеты о „Ревизорѣ". Канва „Ревизора" не новая и пустѣйшая. Въ нѣмецкой, французской, англійской и русской литературахъ существуютъ повѣсти, комедіи и романы, основанные на *инкогнито*. Это самая древняя машина завязки. У дѣйствующихъ лицъ авторъ отнялъ всѣ человѣческія принадлежности, кромѣ дара слова, употребляемаго ими на пустомеліе. Городничій, судья, почтмейстеръ, смотритель училищъ, попечитель богоугодныхъ заведеній представлены величайшими глупцами и дураками. Помѣщики и отставные

чиновники ниже человѣческой глупости. Жена и дочь городничаго—кокетки, какія и въ большихъ городахъ живутъ не во всѣхъ ихъ частяхъ и не на всѣхъ улицахъ. Купцы сущіе разбойники, полицейскіе чиновники наводятъ ужасъ. Споры маменьки и дочери въ комедіи напоминаютъ сцены на Сандвичевыхъ островахъ во времена капитана Кука. „Ревизоръ" не комедія: на административныхъ злоупотребленіяхъ нельзя построить комедіи. Авторъ взялъ характеры, нравы и обычаи изъ временъ до-недорослевскихъ. Его комедія—рядъ смѣшныхъ каррикатуръ, не больше. Языкъ отдаетъ малороссіянизмами. Въ русскомъ просторѣчіи авторъ слабъ и впадаетъ въ плоскости. Какъ и другія его произведенія, комедія проникнута цинизмомъ. Пиго-ле-Брень и Поль де-Кокъ—красныя дѣвицы въ сравненіи съ авторомъ «Ревизора». Даже порядочный лакей не скажетъ: супъ *воняетъ*; онъ скажетъ: дурно пахнетъ. Ни одинъ порядочный писатель не напишетъ: *ковыряетъ* въ зубахъ. Особенно часто встрѣчается въ комедіи слово *свинья* („авторъ пересолилъ свою свинину"). Авторъ разбора былъ Булгаринъ. Въ заключеніе, онъ давалъ Гоголю такой совѣтъ: „автору комедіи не худо бы зарубить на стѣнку: 1, Все неизящное недолговѣчно; 2, къ потомству доходятъ однѣ идеи и чувствованія; 3, похвала друзей не есть справедливая оцѣнка; 4, аплодисменты и вызовы не слава; 5, Rien n'est beau, que le vrai *). Но разбранивъ такимъ образомъ „Ревизора", „Сѣверная Пчела" осталась очень довольна „Вечерами на хуторѣ близь Диканьки". Эти повѣсти были названы его лучшими народными повѣстями. Указано было, между прочимъ, на вѣрное и поэтическое изображеніе въ нихъ Малороссіи, теплое чувство и живой разсказъ. Говоря о „Миргородѣ», «Сѣверная Пчела» была недовольна языкомъ повѣстей и увѣряла, что въ нихъ есть фразы, которыхъ самъ Эдипъ не разгадалъ бы. Въ повѣсти „Носъ", одной изъ петербургскихъ, почтенная газета, заботившаяся о приличіи и чистотѣ

*) „Сѣверная Пчела" 1836 г., №№ 97 и 98.

въ русскомъ языкѣ, подчеркивала слова и выраженія: *звѣрь*, *потаскушка*, *пачкунъ*, *сдѣлавши*, *ковырнулъ*, *засунулъ* пальцы, *головки муку*, *сверхъ рубашки*, и другія. Къ числу недовольныхъ Гоголемъ принадлежалъ и Сенковскій. Когда въ 1835 году вышли „Арабески", онъ старался осмѣять ихъ и похоронить. Они были названы полной мистификаціей наукъ, художествъ, смысла и русскаго языка. «Авторъ пишетъ обо всемъ на свѣтѣ, сказано было въ „Библіотекѣ для Чтенія" объ „Арабескахъ". Онъ рядитъ объ исторіи, географіи, музыкѣ, живописи, скульптурѣ, архитектурѣ, Пушкинѣ; описываетъ извѣстныя мѣста, которыхъ другія не описываютъ, и предлагаетъ переписки собачекъ. Это значитъ, что авторъ все знаетъ. Книга его составлена изъ разнородныхъ статей, которыя можно раздѣлить на важныя и неважныя, на ученыя и шуточныя. Сперва объ ученыхъ. Все, что бы мы здѣсь ни сказали, не въ состояніи дать надлежащаго понятія объ уродливости сужденій и слога, о тяжкихъ грѣхахъ противъ вкуса, логики и простыхъ, обыкновенныхъ познаній въ наукахъ и художествахъ, о напыщенности фразъ, внутренней пустотѣ мысли и дисгармоніи языка, какими отличаются эти „піесы, высказывавшіяся отъ души въ разныя эпохи жизни и по заказу". Читаешь, и глазамъ не вѣришь! Выше ученыхъ критикъ ставитъ *шуточныя* статьи. Въ заключеніе онъ высказываетъ убѣжденіе, что призваніе автора разбираемыхъ произведеній—смѣшить публику и писать хорошія сказки *).

Инымъ является Гоголь въ разборѣ «Ревизора», помѣщенномъ въ „Московскомъ Наблюдателѣ" 1836 г. и принадлежащемъ Андросову. Комедія Гоголя была здѣсь названа явленіемъ чрезвычайно важнымъ въ русской словесности. Было указано на *внутреннюю* истину *идеи* комедіи, которой не замѣчали такіе критики, какъ Булгаринъ, и на то, какъ авторъ умѣлъ выразить *сущность* тѣхъ людей, изъ которыхъ составлялась разнородная масса современныхъ провинціальныхъ нравовъ **). Лучше понималъ значеніе Гоголя

*) „Библіотека для Чтенія" 1835 г., т. IX, стр. 8–14.
**) „Московскій Наблюдатель" 1836 г., ч. 7, стр. 128.

и „Телескопъ“. По поводу „Вечеровъ“ въ этомъ журналѣ было сказано, что *Рудый Панько* владѣетъ кистью смѣлою, роскошною и могущественною, что его картины кипятъ жизнью, что они проникнуты высочайшею истинностью. По поводу „Ревизора“ въ томъ же журналѣ было замѣчено, что его не могли убить нападки Булгарина, Сенковскаго и ихъ компаніи. *Двадцать пять* экземпляровъ „Ревизора“, появившіеся въ Москвѣ, «были сейчасъ же расхватаны, перекуплены, перечитаны, зачитаны, выучены, превратились въ пословицы и пошли гулять по людямъ, обернулись эпиграммами и начали клеймить тѣхъ, къ кому придутся». Хлестаковы, Анны Андреевны, Марьи Антоновны, Городничіе, Тяпкины-Ляпкины пошли подъ-руку съ Фамусовымъ, Молчалинымъ, Простаковыми. Много прекрасныхъ сужденій высказалъ о Гоголѣ Бѣлинскій въ 30-хъ годахъ. Онъ сразу призналъ въ Гоголѣ необыкновенный талантъ. Въ первый разъ это было имъ высказано по поводу „Вечеровъ на хуторѣ близь Диканьки“, которые онъ назвалъ очерками, полными жизни и очарованія. «Сколько въ нихъ остроумія, веселости, поэзіи и народности, писалъ онъ. Дай Богъ, чтобы авторъ вполнѣ оправдалъ поданныя о себѣ надежды!» Подробный разборъ „Ревизора“ сдѣланъ былъ Бѣлинскимъ уже въ 40-хъ годахъ. Нѣтъ необходимости замѣчать, что эта комедія была поставлена имъ чрезвычайно высоко. „Въ „Ревизорѣ“ нѣтъ лучшихъ сценъ, говоритъ онъ, потому что нѣтъ худшихъ, но всѣ превосходны, какъ необходимыя части, художественно образуя собою единое цѣлое“. Сцену съ чиновниками, которую такъ разбранила „Сѣверная Пчела“, онъ называетъ дивною. Ошибку городничаго, принявшаго Хлестакова за ревизора, Бѣлинскій считаетъ совершенно возможною. Въ цѣлой комедіи онъ видитъ художественный, замкнутый въ себѣ міръ, чего, какъ извѣстно, онъ не находилъ въ комедіи Грибоѣдова *). Повѣсти Гоголя были названы народными въ высочайшей степени и между ними

*) Сочиненія, т. III, стр. 385—410.

„Тарасъ Бульба"—дивной эпопеей. - Къ ихъ достоинствамъ Бѣлинскій относилъ необыкновенную глубину и вѣрность изображенія жизни.

Когда явился Гоголь, многіе уже были сведены съума Марлинскимъ. Успѣхъ его нѣкоторое время былъ необыкновенный. „Марлинскій" (А. Бестужевъ) былъ извѣстенъ чуть ли не всей читающей Россіи. Имя его ставилось наряду съ именемъ Пушкина и считалось украшеніемъ журналовъ и альманаховъ. Особенно былъ популяренъ его „Амалатъ-Бекъ". Лучшій отзывъ объ этомъ писателѣ былъ сдѣланъ въ 30-хъ годахъ Бѣлинскимъ. По его мнѣнію, Марлинскій былъ съ избыткомъ награжденъ природой остроуміемъ, но страдалъ натяжками, неестественностью. „Ни одно изъ дѣйствующихъ лицъ его повѣстей, говоритъ Бѣлинскій, не скажетъ ни слова просто, но вѣчно съ ужимкой, вѣчно съ эпиграммою или съ каламбуромъ, или съ подобіемъ". Въ другомъ мѣстѣ Бѣлинскій называетъ талантъ Марлинскаго обезсиленнымъ отъ вѣчнаго принужденія и избившимся о пни и колоды выисканнаго остроумія. Народности, на которую претендовалъ Марлинскій, Бѣлинскій не видѣлъ въ его произведеніяхъ и слѣдовъ. Въ нихъ онъ народенъ, по его мнѣнію, не больше Карамзина, такъ какъ его „Русь" жестоко отзывается его завѣтною, любимою Ливоніею *).

Несравненно больше правъ на народность имѣлъ Лажечниковъ, одинъ изъ самыхъ видныхъ романистовъ характеризуемаго десятилѣтія, писатель, имѣвшій очень многихъ почитателей и въ обществѣ, и въ литературѣ. Извѣстно, что въ ихъ числѣ былъ и Пушкинъ, сказавшій, что романы Лажечникова будутъ жить до тѣхъ поръ, пока не забудется русскій языкъ. Первыми его произведеніями были „Послѣдній Новикъ", „Ледяной домъ" и „Басурманъ". Всѣ они явились въ 30-хъ годахъ и долгое время пользовались большимъ вниманіемъ публики. Въ нихъ встрѣчались вѣрно нарисованныя картины русскаго прошлаго, картины, какихъ не

*) Сочиненія, т. I, стр. 101—102.

было ни у Загоскина, ни у Полеваго. Не смотря на это, мнѣнія разныхъ журналовъ о романахъ Лажечникова были очень не сходны между собою. „Отечественныя Записки", „Библіотека для Чтенія" и „Литературныя Прибавленія" очень хвалили ихъ, „Сѣверная Пчела" и „Сынъ Отечества" бранили. „Ледяной Домъ" былъ названъ въ первомъ журналѣ произведеніемъ, богатымъ рѣзкими, оригинальными характерами, истинно-драматическими сценами и вѣрными и живыми картинами. Въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ" „Басурманъ" былъ поставленъ выше всѣхъ предшествовавшихъ русскихъ романовъ, какъ произведеніе, обнаруживавшее въ авторѣ глубокое знаніе русскаго духа. Съ подобной же похвалою отнеслась къ этому роману „Библіотека для Чтенія". Но не такъ онъ былъ встрѣченъ „Сѣверною Пчелою" и „Сыномъ Отечества". Названная газета напала на романъ съ какимъ-то ожесточеніемъ. Романъ оказывался ниже всякой критики. Между прочимъ, было сказано, что авторъ не понялъ эпохи, которую взялся описывать, и не изучилъ ея характеровъ. Изображеніе Іоанна III было названо ничтожнымъ, смѣшнымъ, невѣрнымъ. „Художественная сторона въ авторѣ слаба, а сторона смышлености сильна", было замѣчено въ газетѣ. При этомъ было указано и на процессъ созданія романа; по словамъ „Сѣверной Пчелы", онъ былъ таковъ: авторъ разложилъ на столѣ нѣсколько иностранныхъ романовъ и выкроилъ изъ нихъ „небылицу въ лицахъ". Но особенно аристархъ названной газеты былъ недоволенъ языкомъ автора. Указавъ на такія нововведенія, какъ: *этѣхъ*, *этова*, *ево*, *моево*, *можетбыть*, *тѣмболѣе* и т. д., онъ замѣчалъ: „Не умѣя справиться съ русской грамматикой, какъ Мамонъ съ орлами, авторъ расторгаетъ всѣ правила языка и исполинскими шагами грядетъ во тьму". Нововведенія автора были названы смѣшными, нелѣпыми, было сказано, что онъ душитъ грамматику безъ милосердія. Тутъ же было замѣчено, что другой романъ автора—„Послѣдній Новикъ" весь созданъ изъ сценъ и положеній, заимствованныхъ у В.-Скотта, Лафонтена, Виньи, Радклифъ и Дюкредюмениля, что

въ этомъ романѣ нѣтъ и тѣни лифляндскихъ нравовъ, что весь лифляндскій бытъ перенесенъ изъ нѣмецкихъ народовъ *). Не похвалилъ Лажечникова и «Сынъ Отечества». Тамъ было сказано, что онъ не знаетъ коренныхъ уставовъ орфографіи и что ничего нѣтъ хуже писателя, у котораго умъ заходитъ за разумъ.

Нѣсколько иначе судила критика собрата Лажечникова по историческимъ романамъ Загоскина, автора знаменитаго „Юрія Милославскаго", выдержавшаго въ короткое время до 9 изданій и заставившаго въ свое время говорить объ авторѣ чуть не всю грамотную Россію. Слава названнаго романа была такъ велика, сто онъ въ скоромъ времени былъ переведенъ на нѣмецкій, французскій и англійскій языки, а въ иностранныхъ журналахъ появились отзывы объ немъ. Отзывы эти настолько интересны, что нельзя не остановиться на нихъ. Такъ, въ одномъ нѣмецкомъ журналѣ было сказано, что Загоскина можно смѣло поставить рядомъ съ В.-Скоттомъ, а въ одномъ отношеніи даже выше его, такъ какъ онъ не страдаетъ утомительной остановкой на подробностяхъ. Изображеніе русскихъ нравовъ было названо мастерскимъ, обрисовка характеровъ—художественною **). Въ другомъ нѣмецкомъ журналѣ „Юрій Милославскій" былъ поставленъ также очень высоко, но ниже „Выжигина" Булгарина, такъ какъ, по мнѣнію журнала, въ послѣднемъ романѣ больше безпристрастія и замѣчается спокойное изображеніе злоупотребленій, происходящихъ отъ смѣщенія азіатскаго варварства съ европейскою утонченностью, за обнаруженіе которыхъ русскіе должны быть очень обязаны «его сіятельству графу Булгарину» (Булгаринъ былъ названъ графомъ) ***). Тѣмъ естественнѣе было хвалить «Юрія Милославскаго» русскимъ журналамъ. И этихъ похвалъ въ нихъ мы, дѣйствительно, встрѣчаемъ много. Такъ, въ „Отечест-

*) „Сѣверная Пчела" 1839 г., №№ 46 и 49.

**) „Wiener Zeitschrift", 1831, № 49.

***) „Litteratur-Blatt", 1831, № 50.

венныхъ Запискахъ" было сказано, что „Юрій Милославскій" отличается многими прекрасными мѣстами и проникнутъ патріотическимъ чувствомъ. Но особенно высоко былъ поставленъ романъ «Сѣверной Пчелой». Вообще, эта газета не скупилась на похвалы по отношенію къ Загоскину. Она ставила его не только выше Лажечникова и Погодина, но и выше Гоголя. Жалуясь на нѣкоторыхъ современныхъ писателей и въ томъ числѣ на Гоголя, Булгаринъ писалъ въ своей газетѣ: „Почему у г. Загоскина мужики говорятъ натурально и пріятно? Потому что онъ постигъ народный, разговорный языкъ. Какъ жаль, что съ его драматическимъ талантомъ, онъ не возьмется за народную драму! Пустые декламаторы заняли теперь то мѣсто, которое сама природа назначила г. Загоскину. Пусть бы онъ написалъ освобожденіе Москвы, въ родѣ Шиллерова Валенштейнова лагеря: тогда бы мы узнали русскихъ" *). Меньше сочувствія встрѣтили послѣдующія произведенія Загоскина. Особенно сильныя порицанія пришлось ему выслушать за романъ „Искуситель".

Къ любимцамъ публики 30-хъ годовъ принадлежалъ также Вельтманъ, написавшій множество романовъ и повѣстей въ фантастическомъ родѣ и изображавшій древнюю Русь въ формѣ шутливой сказки. Критики 30-хъ годовъ много говорили объ этой оригинальной чертѣ Вельтмана, и судили его за нее такъ или иначе. Особенно много толковъ было объ его романѣ „Кощей безсмертный". По его поводу Вельтманъ былъ названъ однимъ критикомъ русскимъ Жакобомъ Библіофиломъ. Съ большой похвалой отозвались о романѣ «Московскій Телеграфъ», «Сѣверная Пчела» и «Молва». Много пріятнаго для автора было также сказано въ „Московскомъ Наблюдателѣ". Особенно хвалилъ критикъ послѣдняго журнала *гимнъ жрецовъ*, изображеніе *половецкой чаровницы*, *праздникъ новгородцевъ* и эпизодъ «*Младенъ и Мильца*». Тотъ же критикъ видѣлъ большія достоинства въ романѣ «Святосла-

---

*) „Сѣверная Пчела" 1836 г., № 12.

вичъ», «Страннику», «Муромскихъ лѣсахъ» и «Предкахъ Калимероса». Въ послѣднемъ произведеніи онъ особенно высоко ставилъ изображенія женщинъ, причемъ указывалъ на сходство автора въ этомъ отношеніи съ Байрономъ. Вообще же критикъ вездѣ замѣчалъ у Вельтмана мысль и чувство, облеченныя въ богатую фантазію. Научныя статьи Вельтмана также были, по его мнѣнію, замѣчательны *). Значительныя достоинства въ произведеніяхъ Вельтмана находили и „Отечественныя Записки». Въ нихъ было замѣчено, что основная мысль у Вельтмана весьма часто блестяща и оригинальна. Но тутъ же было прибавлено, что произведеніямъ Вельтмана недостаетъ сердечной теплоты, что вездѣ у него преобладаетъ смѣлый, острый и опытный умъ. Въ „Кощеѣ“ было указано журналомъ на слѣды глубокой учености. Въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду“ было сказано, что „Странникъ“, „Кощей безсмертный“ и „Святославичъ“ могли бы составить громкую репутацію не одному человѣку. Менѣе благосклонно относилась къ Вельтману „Библіотека для Чтенія“. Такъ, этотъ журналъ былъ не доволенъ „Предками Калимероса“, особенно миѳоманіей въ нихъ, причемъ выражалъ опасеніе, что авторъ можетъ промотать свой талантъ. Также неблагосклонно смотрѣла она на ученые труды Вельтмана, какъ, напримѣръ, на его брошюру «О господинѣ Новгородѣ Великомъ». «Сѣверная Пчела» отчасти хвалила, отчасти бранила Вельтмана. За „Кощея безсмертнаго“ и нѣкоторыя другія произведенія она называла его однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ романистовъ, за «Предковъ Калимероса» сильно бранила, причемъ была очень недовольна филологическими разысканіями автора.

Но если нѣкоторые представители русской критики 30-хъ годовъ были многимъ недовольны въ произведеніяхъ Лажечникова, Загоскина и Вельтмана, то значительно недовольнѣе они были Луганскимъ (Даль). Имъ очень не нравилась манера его народности, его простонародные разсказы съ ихъ

---

*) „Московскій Наблюдатель“ 1836 г., ч. VII, стр. 99—220.

небывалымъ въ литературѣ языкомъ. Къ числу этихъ недовольныхъ, между прочимъ, принадлежали „Библіотека для Чтенія" и „Сынъ Отечества". Первая находила родъ, избранный Луганскимъ, нелитературнымъ, грубымъ, лапотнымъ, ознаменованнымъ печатью самаго дурнаго вкуса и крайней пошлости, до которой изящная словесность никогда, даже играя, не должна унижаться, изъ уваженія къ достоинству искусства и къ образованнымъ привычкамъ читателей. „Вначалѣ, когда казакъ Луганскій являлся впервые передъ образованною публикою, подвязавъ себѣ бороду простонароднаго сказочника, это было ново, забавно, любопытно: всѣ хотѣли послушать его крестьянскихъ шутокъ, сказано было въ журналѣ. Г. Луганскому слѣдовало и удовольствоваться этимъ первымъ опытомъ, который былъ награжденъ громкимъ рукоплесканіемъ. Но онъ забылъ, среди успѣха, что шутка повторенная уже никого не смѣшитъ. Публика разошлась, послѣ перваго представленія: онъ все продолжалъ повторять ту же самую шутку, и повторяетъ ее донынѣ, передъ пустыми скамейками». Далѣе автору данъ былъ совѣтъ не думать, что избранный имъ путь новъ, но вѣрить, что шутовство было извѣстно гораздо раньше *). Подобный же взглядъ былъ высказанъ на Луганскаго въ «Сынѣ Отечества». „Не пора ли избавить насъ отъ породій на русскія сказки и повѣсти, отъ приторнаго балагурства и безвкусія, въ которыя какъ будто влюбился нашъ почтенный и умный казакъ Луганскій", было замѣчено въ одномъ мѣстѣ журнала, причемъ одна сказка Луганскаго была названа нѣмецкимъ кренделемъ на русской опарѣ изъ латинской кухни. Затѣмъ, приведши образчикъ рѣчи Луганскаго, критикъ спрашивалъ: «Неужели это остроумно? Неужели это изящно? И если такая пустая болтовня на манеръ какихъ нибудь мужиковъ, въ самомъ дѣлѣ, русская, то мало ли что говорится на Руси съ пьяна, съ похмѣлья и съ дуру! Неужели поэзія и искусство должны собирать всякую копоть и сажу человѣческаго

*) „Библіотека для Чтенія" 1839 г,, т. XXXV, стр. 13.

воображенія, которыя садятся на языкъ его безъ току?“ *). Обращикъ же этотъ былъ слѣдующій: «Гой, нужда-свѣтъ, барыня горемычная! Ты ль съ босой ноги на босу ногу переступаешь, кулаки студеные продуваешь; щецъ горячихъ и прихлебнула бы, да ложки и плошки нѣтути, а поколѣ ложкою скудельною Христа-ради гдѣ разживешься, такъ и щи давнымъ давно простыли, и собаки ихъ вылокали, и горшки вылизали! Аль ты, корга-птица сивобокая, отъ нужи и туги сѣдина пробивается, лысины нѣтъ, да и кудрей не видать, на лаптяхъ снѣжокъ, а въ зобу песокъ?“ Критикъ, какъ видно, не замѣтилъ серьезной стороны балагурства Луганскаго. Но критикъ не былъ виноватъ: онъ былъ выразителемъ взглядовъ времени на мужика, которому еще рано было съ почетомъ фигурировать въ литературѣ. Ему позволялось выходить въ ней только въ качествѣ балаганнаго шута, и то на самое короткое время. Впрочемъ, не всѣ критики такъ смотрѣли на попытку Луганскаго ввести простонародный элементъ въ литературу въ болѣе или менѣе чистомъ его видѣ. Такъ, въ «Отечественныхъ Запискахъ» было сказано, что сочиненія Казака Луганскаго отличаются настоящимъ русскимъ, неподдѣльнымъ юморомъ, который уловить такъ трудно, даже и при особенныхъ обстоятельствахъ жизни, болѣе или менѣе способствующихъ нужнымъ для этого наблюденіямъ. Далѣе было замѣчено, что только Гоголь и Даль постигли настоящую суть русскаго юмора и прониклись неподдѣльнымъ русскимъ духомъ. Сказки Даля были названы праздникомъ для русской литературы.

По странной судьбѣ русской критики 30-хъ годовъ менѣе рѣзкимъ нападкамъ, нежели какимъ подвергались Лажечниковъ и Даль, подвергался Кукольникъ, выводившій въ своихъ произведеніяхъ страстныя, художническія натуры и окрашивавшій свои драмы реторическимъ патріотизмомъ. Онъ написалъ множество романовъ, повѣстей и драмъ, изъ которыхъ многія чрезвычайно нравились публикѣ его времени.

*) „Сынъ Отечества“ 1839 г., т. IX, стр. 138—139.

Особенно великъ былъ успѣхъ его патріотической драмы „Рука Всевышняго отечество спасла“. Кукольникъ былъ представителемъ внѣшняго блеска въ литературѣ, представитель самоувѣренный, обѣщавшій дать новое направленіе русской литературѣ, если Богъ потерпитъ грѣхамъ и продлитъ жизнь. Долгому его процвѣтанію въ литературѣ, какъ извѣстно, не мало содѣйствовало короткое знакомство съ Каратыгинымъ, Глинкой и Брюловымъ. Не мало содѣйствовали славѣ Кукольника и знаменитые его литературные вечера, на которыхъ онъ съ жаромъ бесѣдовалъ о святынѣ искусства. Хвалителей у Кукольника было много, но первое мѣсто между ними по всей справедливости принадлежало Сенковскому, называвшему его русскимъ Гете. Самыя крупныя литературныя силы 30-хъ годовъ, по словамъ редактора «Библіотеки для Чтенія», были Кукольникъ и Тимоѳеевъ. Булгаринъ похваливалъ, и иногда довольно неумѣренно, но былъ болѣе остороженъ, и даже указывалъ иногда на недостатки произведеній русскаго Гете. По его словамъ, Кукольникъ писалъ очень хорошо, но не для сцены, а для кабинетнаго чтенія. О драматической фантазіи Кукольника «Іоаннъ Антонъ Лейзевицъ» въ «Сѣверной Пчелѣ» было сказано, что это одушевленная картина жизни артистовъ и поэтовъ, исполненная чувства и истины. Не мало похвалъ пришлось на долю Кукольника и со стороны Полеваго. Этотъ критикъ говорилъ, что Кукольникъ имѣетъ всѣ поэтическія средства: живое воображеніе, чувство добра въ сердцѣ и звучный стихъ. Впрочемъ, говоря о „Торквато Тассо“, Полевой замѣтилъ, что авторъ часто не слушается грамматики и синтаксиса и проникнутъ какою-то гордостью, самоувѣренностью, причемъ было указано на то, что авторъ заставляетъ Тасса говорить ему похвалы. Въ „Сынѣ Отечества“, издававшемся въ концѣ 30-хъ годовъ подъ редакціею Полеваго, было замѣчено по поводу „Іоанна Антона Лейзевица“, что ошибочно переносить въ драму жизнь поэтовъ и художниковъ, но замѣчено съ извиненіемъ, причемъ было прибавлено, что на авторѣ

покоится единственная надежда русской современной сцены*).

Полевой, извѣстный какъ критикъ и журналистъ, былъ извѣстенъ и какъ авторъ многихъ романовъ и драматическихъ произведеній. За первые безпристрастные цѣнители хвалили его больше, нежели за вторые. Какъ романисту, ему дано было нѣкоторыми одно изъ самыхъ видныхъ между современными повѣствователями мѣсто, причемъ было указано на удивительную многосторонность, какъ на одну изъ отличительныхъ чертъ его произведеній. Замѣчали также въ послѣднихъ теплоту чувства и вѣрность дѣйствительности. Менѣе счастливъ былъ Полевой въ качествѣ драматурга. Тутъ ему иногда указывали на историческую невѣрность въ изображеніи историческихъ лицъ и событій, какъ, напримѣръ, въ „Уголино“ и „Иголкинѣ, купцѣ новгородскомъ“, въ которомъ шведскіе солдаты являлись удивительными дураками и трусами. Болѣе единодушныя похвалы заслужилъ нѣкогда столь знаменитый «Дѣдушка русскаго флота». По словамъ Бѣлинскаго, на сценѣ эта піеса была просто очарованіе. Что касается «Уголино», то нѣкоторые имъ были очень недовольны. Такъ, въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ» было сказано, что это драма-комета, которая свободно можетъ носиться по всѣмъ христіанскимъ вѣкамъ, странамъ и народамъ, и вездѣ требовать себѣ права гражданства, тогда какъ должна была бы изображать Италію XIII ст. „Смотря на «Уголино», было сказано тамъ, вы вовсе не чувствуете ни поэтической, кипящей жизнью эпохи, ни роскошной природы, ни воздуха Италіи, не замѣтите почти никакой краски мѣстности. Если вамъ скажутъ, что дѣйствіе „Уголино“ происходитъ въ Испаніи, Франціи, Англіи, въ какомъ угодно вѣкѣ, дадутъ сообразно этому имена дѣйствующимъ лицамъ съ присоединеніемъ *доновъ*, *маркизовъ* или *лордовъ*, — и вы повѣрите этому охотно“ **) Иначе смотрѣла на драматическія заслуги Полеваго «Сѣверная Пчела», по словамъ

*) „Сынъ Отечества“ 1839 г., т. VII, стр. 123.

**) „Литературныя Прибавленія“ 1838 г., № 11.

которой «нечитаемые и неуважаемые журналы безъ милосердія нападали на Полеваго, а публика хлопала и вызывала автора по 10 разъ».

Въ числѣ беллетристовъ 30-хъ годовъ видное мѣсто занялъ извѣстными тремя повѣстями Павловъ. Сряду послѣ ихъ выхода общее мнѣніе единогласно поставило его въ рядъ лучшихъ русскихъ писателей. Глубина созданныхъ имъ характеровъ, живость дѣйствія, оригинальный взглядъ и оригинальная манера изложенія—все обнаруживало въ авторѣ талантъ сильный и самобытный. Вслѣдствіе успѣха повѣстей Павлова, явилась даже спекуляція на его имя въ мелкой книжной промышленности. Стали являться повѣсти, часто совершенно нелѣпыя, съ подписью: А. Павловъ, П. Павловъ, и т. д. «Три повѣсти» Павлова („Именины", „Аукціонъ", „Ятаганъ") встрѣтили единодушное одобреніе въ «Отечественныхъ Запискахъ», «Библіотекѣ для Чтенія», «Телескопѣ» и «Московскомъ Наблюдателѣ». Въ первомъ изъ названныхъ журналовъ Павловъ прямо былъ причисленъ къ однимъ изъ самыхъ лучшихъ современныхъ писателей. Въ „Библіотекѣ" особенную похвалу заслужила повѣсть „Ятаганъ", причемъ было замѣчено, что произведенія автора отличаются образованнымъ, благовоспитаннымъ языкомъ, что въ нихъ нѣтъ „тѣхъ басистыхъ фразъ, отъ которыхъ несетъ лукомъ на всю комнату. Впрочемъ, „Библіотека" хвалила не безусловно: она не видѣла въ повѣстяхъ идеи. Въ „Телескопѣ» было сказано, что характеры повѣстей глубоки и что авторъ показалъ блистательное знаніе свѣта и человѣческаго сердца. Въ „Московскомъ Наблюдателѣ" Шевыревъ замѣтилъ, что авторъ является психологомъ, что у него все просто, неизысканно, что характеры его глубоки. Въ послѣдующихъ повѣстяхъ: „Маскарадѣ", „Демонѣ" и „Милліонѣ" здравая критика также видѣла много хорошаго. Такъ, въ «Отечественныхъ Запискахъ» было сказано, что въ нихъ видно глубокое знаніе человѣческой души, что въ нихъ являются образы, которые врѣзываются въ воображеніе и потомъ уже не покидаютъ его, и что онѣ проникнуты новыми,

оригинальными идеями *). Журналы, говоря о достоинствахъ повѣстей Павлова, въ доказательство приводили отрывки изъ нихъ. Такъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» были приведены отрывки изъ повѣстей «Демонъ» и «Милліонъ», въ „Библіотекѣ" былъ приведенъ отрывокъ изъ повѣсти „Ятаганъ". Вотъ послѣдній изъ нихъ, характеризующій достоинство повѣстей Павлова:

«Въ усадьбѣ князя водили разсѣдланныхъ лошадей, когда его дочь, въ верховомъ платьѣ, въ мужской шляпѣ и съ хлыстикомъ, подошла проворно къ стеклянныхъ дверямъ откуда отлогій скатъ, уставленный по сторонамъ лиловыми и бѣлыми левкоями, спускался въ широкую, длинную аллею изъ столѣтнихъ, столбовыхъ деревъ, аристократически мрачную и богато опрятную. Въ самомъ концѣ ея, гдѣ былъ выходъ изъ сада, стоялъ корнетъ съ адъютантомъ: этотъ какъ будто имѣлъ намѣреніе не сходить съ мѣста; тотъ какъ будто колебался въ нерѣшимости остаться или уйти. Княжна выдернула изъ-за пояса лорнетъ и стала смотрѣть украдкой съ такимъ любопытствомъ, что, казалось, ей очень хотѣлось замѣнить чувствомъ зрѣнія ограниченность другаго чувства и подслушать глазами далекій разговоръ. Онъ примѣтно оживился. Спокойствіе, требуемое отъ образованной осанки, нарушилось у офицеровъ во всѣхъ частяхъ: кто трепалъ аксельбанты, мялъ фуражку, кто пожималъ плечами и махалъ рукою, однако, еще немного, и они разошлись бы довольно смирно. Корнетъ отступилъ уже шага три, адъютантъ почти совсѣмъ отвернулся, но только взглянулъ назадъ, кивнулъ головой.... и вмигъ корнетъ остановился; сдѣлалъ знакъ на домъ и на аллею, надвинулъ фуражку... адъютантъ къ нему... и оба вмѣстѣ изчезли изъ сада.

„Лорнетъ закачался на золотой цѣпи, княжна потупилась. Обвила хлыстикъ около руки съ большимъ тщаніемъ, оторвала разсѣянно нѣсколько листковъ у прекрасной штамповой розы и медленно пошла къ фортепіанамъ; оглянулась

---

*) Отечественныя Записки" 1839 г. т. VI, стр. 107.

на аллею, оглянулась еще разъ, задумчиво пролетѣла пальцами по клавишамъ и, съ небрежностью мужчины, кинулась на диванъ. Шляпа упала съ нея и она приняла одно изъ тѣхъ неправильныхъ, искусительныхъ положеній, которыя не терпятъ свидѣтелей, таятся въ непорочности дѣвичьяго уединенія. Это былъ отдыхъ отъ неволи, бунтъ противъ привычекъ воспитанія; это были обременительныя размышленія, итальянская лѣнь, или заманчивая мечта. О чемъ думала княжна?.. О чемъ думаютъ княжны наединѣ?.. Голосъ отца засталъ ее въ живописномъ забытьи, и она опомнилась, и вдругъ изъ прелестной, романтической женщины превратилась опять въ прелестную классическую княжну".

„Тутъ князь сталъ проповѣдывать дочери тяжелую науку свѣта; а какъ проповѣди, совѣты и всякаго рода нравоученія бываютъ длинны, когда читаются людьми слабыми (краткость создана силой!), то онъ распространился объ этомъ предметѣ, обвинилъ корнета за молодость, а дочь за опрометчивость въ обращеніи, и вообще остался вѣренъ назначенію всѣхъ нравоучителей и судей, которые умѣютъ судить, да не умѣютъ уберечь никого отъ слабости или преступленія. Однако же, подъ конецъ, началъ смягчать жестокость упрековъ выраженіями: другъ мой, милая; потому что княжна сильно растрогалась. Пріученная по смерти матери къ безусловнымъ похваламъ, къ безусловному исполненію своихъ прихотей, она прослезилась, слушая отца и ломая хлыстикъ. Трудно рѣшить, досада ли извлекла эти слезы, или приготовленныя въ душѣ для другаго чувства, онѣ заблистали на густыхъ рѣсницахъ при первомъ удобномъ случаѣ. Женщины плачутъ обо всемъ, когда имъ хочется плакать о чемъ нибудь" *).

Этотъ отрывокъ наглядно показываетъ, что хвалители Павлова были правы. Всякій согласится, что въ немъ чрезвычайно много тонкой наблюдательности и художественности. Такое психологическое чутье и такое изящество, какія

*) „Библіотека для Чтенія" 1835 г.. т. IX, стр. 6—7.

встрѣчались у Павлова, не часто встрѣчаются и въ повѣстяхъ нашего времени.

Первоначальныя произведенія кн. Одоевскаго состояли большею частію изъ аллегорій и отличались дидактизмомъ и юморомъ. Въ нихъ было много жизни и поэзіи. Впослѣдствіи предметомъ наблюденій Одоевскаго сдѣлался художникъ, причемъ высшія проявленія жизни послѣдняго были изображены съ большою вѣрностью. Затѣмъ онъ обратился отъ аллегоріи къ чисто-поэтическимъ фантазіямъ, проникнутымъ мыслью и чувствомъ. Вообще, Одоевскій былъ поэтъ болѣе идеальной, чѣмъ дѣйствительной жизни. Только подъ именемъ дѣдушки Иринея онъ глубже вникалъ въ послѣднюю. Эти отличительныя черты таланта кн. Одоевскаго были отчасти замѣчены и современною ему критикою. Между его произведеніями какъ на очень оригинальное было указано на помѣщенный въ альманахѣ «Утренняя Заря» отрывокъ изъ романа «4338 годъ». Дѣйствіе романа происходитъ почти 2500 лѣтъ спустя послѣ времени автора. Авторъ представляетъ, что въ 4338 г. существуютъ только два огромныя государства: Россія и Китай, получившій образованіе отъ Россіи. Петербургъ и Москва образовали одинъ исполинскій городъ. Климатъ Россіи измѣнился, благодаря системѣ теплохранилищъ, которыя тянутся почти по всему сѣверному полушарію отъ экватора, гдѣ огромныя машины вгоняютъ горячій воздухъ въ трубы, соединяющіяся съ главными резервуарами, а съ этими резервуарами соединены всѣ теплохранилища, особо устроенныя въ каждомъ городѣ. Люди летаютъ на аэростатахъ и ведутъ корреспонденцію посредствомъ телеграфовъ. Россія представлена образованнѣйшимъ и счастливѣйшимъ государствомъ. Дамы фантастическаго государства ходятъ въ платьяхъ изъ эластическаго хрусталя, въ который вплавлены рѣдкія растенія, бабочки, жуки, свѣтящіяся мошки, а головная уборка состоитъ изъ маленькихъ электрическихъ снарядовъ, безпрестанно бросающихъ искры. Упражненія надъ животнымъ магнетизмомъ замѣнили собою карты, кости, танцы и другія развлеченія. При помощи этой

забавы существованіе тайны уничтожается, и красавицы, въ состояніи сомнамбулизма, открываютъ, кого онѣ любятъ.— Главная мысль отрывка—твердая вѣра въ совершенствованіе человѣчества и въ мірообъемлющую судьбу Россіи, мысль, названная въ одномъ журналѣ истинною, высокою и вполнѣ достойною большаго таланта. О графѣ Соллогубѣ не приходилось говорить много, такъ какъ онъ выступилъ на литературное поприще только въ концѣ 30-хъ годовъ.

Всѣмъ названнымъ писателямъ, начиная съ Лажечникова, сдѣлалъ оцѣнку, вмѣстѣ съ другими, и Бѣлинскій. Остановимся на болѣе характеристическихъ изъ его взглядовъ, высказанныхъ имъ въ 30-хъ годахъ. По мнѣнію Бѣлинскаго, Лажечниковъ занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ между современными романистами, обладая талантомъ, образованностью, пламеннымъ чувствомъ и опытомъ жизни. Романы „Послѣдній Новикъ“, „Ледяной Домъ“ и „Басурманъ“ были поставлены Бѣлинскимъ очень высоко. Первый изъ нихъ былъ имъ названъ произведеніемъ необыкновеннымъ, ознаменованнымъ печатью высокаго таланта. Въ „Ледяномъ Домѣ“ Бѣлинскій видѣлъ талантъ, возставшій въ какомъ-то львиномъ могуществѣ. Къ особенно удачнымъ лицамъ романа онъ относилъ Волынскаго, Остермана, Бирона и Маріорицу. Къ наиболѣе прекраснымъ главамъ, по его мнѣнію, принадлежали „Смотръ“, „Ледяная статуя“, „Переряженные“, „Западня“, „Сцена на Невѣ“, „Съ передняго и съ задняго крыльца“, „Соперники“, „Во дворцѣ“, „Ледяной домъ“, „Родины козы“, „Любовь повѣренная“ и „Ударъ“. Особенно онъ хвалилъ „Родины козы“, гдѣ все высоко, глубоко, просто. Вообще, „Ледяной Домъ“, по его мнѣнію, былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ явленій въ русской литературѣ *). «Басурмана» онъ ставилъ ниже, находя его лица безцвѣтными. Самой лучшей стороной романа была названа историческая, а лучшимъ лицомъ—Іоаннъ III. Поэтическихъ мѣстъ, по мнѣнію критика, въ романѣ много и

*) Сочиненія, т. III, стр. 8—20.

интересъ вездѣ поддерживается *). Менѣе похвалъ было по отношенію къ Загоскину. „Юрія Милославскаго" Бѣлинскій считалъ первыхъ хорошимъ русскимъ романомъ. Въ немъ, по его мнѣнію, не было художественной полноты, но было искусное изображеніе жизни нашихъ предковъ вмѣстѣ съ необыкновенною теплотою чувства. Въ „Рославлевѣ" были указаны тѣ же самыя достоинства и тѣ же самые недостатки, какъ и въ «Юріѣ Милославскомъ». Въ повѣстяхъ Загоскина Бѣлинскій замѣчаетъ утрировку и склонность къ изображенію небылицъ.—Въ Вельтманѣ Бѣлинскій видѣлъ истинный талантъ, преобладающую сторону котораго составляло остроуміе. «Искендеръ» Вельтмана былъ причисленъ Бѣлинскимъ къ драгоцѣннѣйшимъ алмазамъ русской литературы. Къ лучшимъ его произведеніямъ былъ отнесенъ также «Кощей безсмертный», обнаруживавшій глубокое изученіе старинной Руси въ лѣтописяхъ и сказкахъ и представляющій рядъ очаровательныхъ картинъ. Въ талантѣ Вельтмана, по мнѣнію Бѣлинскаго, много было оригинальности и самобытности. Гораздо менѣе достоинствъ онъ видѣлъ въ Далѣ, о которомъ нѣкоторые думали, что ему суждено создать народную литературу. По мнѣнію Бѣлинскаго, это былъ балагуръ, иногда довольно забавный, иногда довольно скучный, нерѣдко уморительно-веселый и часто приторно-натянутый. „Вся его геніальность, говоритъ Бѣлинскій, состоитъ въ томъ, что онъ умѣетъ кстати употреблять выраженія, взятыя изъ русскихъ сказокъ; но творчества у него нѣтъ и не бывало, ибо уже одна его замашка передѣлывать на свой ладъ народныя сказки достаточно доказываетъ, что искусство не его дѣло. Во второй части его „Былей и Небылицъ" содержится три сказки, одна другой хуже... Третья—о „Жидѣ вороватомъ и Цыганѣ бородатомъ", состоитъ изъ ходячихъ армейскихъ анекдотовъ о жидахъ; грязно, сально, старо, пошло, но, не смотря на то, такъ забавно, что невозможно читать безъ смѣха... Казакъ Луганскій—забавный балагуръ!..» **). Ку-

*) Сочиненія, т. III, стр. 20—25.
**) Сочиненія, т. I, стр. 334—335.

кольника Бѣлинскій въ 30-хъ годахъ почти не касался. О Полевомъ говорилъ много. Онъ признавалъ въ немъ талантъ, отличающійся многосторонностью, въ доказательство чего были указаны „Симеонъ Кирдяпа“, „Живописецъ“, „Разсказы Русскаго Солдата“, „Эмма“, „Мѣшокъ съ Золотомъ“ и „Блаженство Безумія“. „Въ „Симеонѣ Кирдяпѣ“, говоритъ Бѣлинскій, этой живой картинѣ прошедшаго, начертанной могучею и широкою кистью, поэзія русской древней жизни еще въ первый разъ была постигнута во всей ея истинѣ, и въ этомъ созданіи историкъ-философъ слился съ поэтомъ. Прочія повѣсти всѣ отличаются теплотою чувства, прекрасною мыслью и вѣрностью дѣйствительности. Въ самомъ дѣлѣ, вглядитесь въ нихъ пристальнѣе, и вы увидите такія черты, схваченныя съ жизни, которыя вы часто можете встрѣтить въ жизни, но рѣдко въ сочиненіяхъ, увидите эту выдержанность и оригинальность характеровъ, эту вѣрность положеній, которыя основываются не на разсчетахъ возможностей, но единственно на способности автора понимать всевозможныя положенія человѣческія, положенія, въ которыхъ онъ самъ, можетъ быть, никогда не былъ и не могъ быть» *). Драматическія произведенія Полеваго Бѣлинскій ставилъ ниже его романовъ и повѣстей. Такъ, онъ видѣлъ очень мало хорошаго въ «Иголкинѣ», «Одѣ Фелицѣ», «Первомъ представленіи «Мельника» и «Ужасномъ незнакомцѣ». По словамъ Бѣлинскаго, Полевой допускалъ въ своихъ драматическихъ произведеніяхъ тѣ самые недостатки, противъ которыхъ очень умно возставалъ въ своей критикѣ. Павлова Бѣлинскій оцѣнилъ по достоинству, хотя видѣлъ въ немъ и нѣкоторые недостатки. „Всѣ три повѣсти г. Павлова, говоритъ онъ, ознаменованы однимъ общимъ характеромъ, и только ихъ содержаніе придаетъ имъ чрезвычайное наружное сходство. Потому ли, что онѣ еще первый опытъ, носящій на себѣ всѣ недостатки перваго опыта, или почему другому, но только мнѣ кажется, что онѣ не проникнуты

*) Сочиненія, т. I, стр. 197—198.

слишкомъ глубокою истиною жизни; въ нихъ есть эта вѣрность, которая заставляетъ говорить: „Это точно списано съ натуры“, но эта вѣрность видна не въ ихъ цѣломъ, а въ частностяхъ и подробностяхъ, и есть слѣдствіе наблюдательности, пріобрѣтенной прилежнымъ и внимательнымъ изученіемъ описываемаго имъ міра“ *). Въ «Ятаганѣ» отдѣльныя картины и описанія, по мнѣнію Бѣлинскаго, превосходны и исполнены поэзіи и многія черты схвачены съ поразительною вѣрностью. Вообще же, Павловъ былъ прчисленъ Бѣлинскимъ къ немногому числу отличныхъ прозаиковъ. Въ произведеніяхъ кн. Одоевскаго Бѣлинскій видѣлъ талантъ могущественный и энергическій, чувство глубокое и сострадательное. Онъ замѣчалъ въ немъ знаніе человѣческаго сердца, знаніе общества, высокое образованіе и наблюдательный умъ. О Соллогубѣ Бѣлинскій въ 30-хъ годахъ еще не говорилъ ничего.

Въ составѣ критики и журналистики въ 30-хъ годахъ произошла нѣкоторая перемѣна. Въ числѣ критиковъ является новый, сильный талантъ, Бѣлинскій, пролившій новый свѣтъ на русскую литературу. Его литературную дѣятельность можно раздѣлить на три періода: первый періодъ, съ 1834 по 1836 г., есть время сотрудничества въ „Телескопѣ“ и вліянія философіи Шеллинга, второй, съ 1838 по 1841 г.,—пора участія въ „Московскомъ Наблюдателѣ“ и „Отечественныхъ Запискахъ“ 39—41 г. и увлеченія философіей Гегеля, и третій, послѣ 1841 г.,—время сотрудничества въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 42—46 г. и „Современникѣ“ и болѣе тѣсной связи съ реальною жизнью. Въ первомъ періодѣ Бѣлинскій нападалъ на сторонниковъ ложно-классическаго направленія въ русской литературѣ, не признавалъ существованія послѣдней въ совокупности ся явленій и опредѣлялъ значеніе самыхъ видныхъ русскихъ писателей, начиная съ Ломоносова. Одной изъ самыхъ видныхъ заслугъ этого времени было открытіе въ Гоголѣ, неоцѣненнаго другими критиками, могущественнаго таланта. Въ это

*) Сочиненія, т. I, стр. 201.

время Бѣлинскій еще находился подъ вліяніемъ романтизма и критики Полеваго, опередивъ въ весьма немногихъ отношеніяхъ послѣдняго. Поэтъ для него въ это время былъ еще существомъ, по самой сущности своей природы живущимъ въ разладѣ съ толпою. Народность въ литературѣ была у него въ это время философскимъ терминомъ, формою проявленія извѣстной идеи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это была пора сильныхъ нападеній на современную французскую литературу и перваго освѣщенія темныхъ угловъ русской критики. Въ этотъ періодъ Бѣлинскій былъ дѣятельнымъ членомъ кружка Станкевича, около котораго группировались Аксаковъ, Грановскій, Красовъ, Клюшниковъ и другіе. Это былъ міръ философіи и эстетики. Здѣсь велись горячія бесѣды о Шекспирѣ, Гете, Шиллерѣ, театрѣ, музыкѣ, и вырабатывались взгляды на литературу и жизнь. Въ бесѣдахъ этого кружка Бѣлинскій познакомился съ ученіемъ Гегеля. Во второмъ періодѣ съ Бѣлинскимъ совершается большая перемѣна. Онъ, оставивъ Шеллинга, увлекается идеями Гегеля и старается примѣнить ихъ къ воззрѣніямъ на современную русскую литературу. Бѣлинскій начинаетъ считать истинно художественными произведеніями только такія, въ которыхъ замѣчалось спокойное, объективное созерцаніе жизни. Субъективная сторона была имъ вычеркнута изъ области поэзіи. Самыми великими писателями были признаны Шекспиръ, Гете и Пушкинъ. Сатира была признана недостойнымъ родомъ поэзіи. Нападки на французскую литературу сдѣлались особенно сильны. Въ этотъ періодъ Бѣлинскому пришлось завѣдывать редакціей «Московскаго Наблюдателя». Въ его рукахъ журналъ сдѣлался органомъ распространенія идей Гегеля. Онъ сталъ наполняться философскими и эстетическими разсужденіями. При выборѣ статей редакція старалась слѣдовать гегелевской идеѣ примиренія, вслѣдствіе чего полемика почти совершенно была изгнана изъ журнала. Литературныя знакомства Бѣлинскаго въ этотъ періодъ продолжались, но онъ уже сталъ понемногу охладѣвать въ этомъ отношеніи. Въ кружкѣ Станкевича въ это время произошла

перемѣна. Мѣсто Шеллинга также заступилъ Гегель. «Цѣлые дни и ночи члены кружка проводили въ спорахъ о различныхъ параграфахъ гегелевской логики и феноменологіи; въ то же время они и говорить стали не иначе, какъ языкомъ Гегеля; вмѣстѣ съ тѣмъ и самое отношеніе къ жизни сдѣлалось школьное, книжное; человѣкъ, который шелъ гулять въ Сокольники, шелъ для того, чтобъ отдаться *пантеистическому чувству своего единства съ космосомъ*». Бѣлинскій сталъ охладѣвать къ К. Аксакову, направившемуся въ сторону славянофильства, разошелся и съ членами тѣхъ двухъ кружковъ, изъ которыхъ въ одномъ, куда принадлежалъ Станкевичъ, царили метафизика и обожаніе нѣмецкихъ объективныхъ писателей, а въ другомъ, гдѣ находился Грановскій, увлекались общественными науками и восторгались Ж. Зандомъ и Гюго. «Доведенный до крайняго раздраженія нападками втораго кружка на свое гегельянство, на свое *искусство для искусства*, Бѣлинскій выразилъ крайне рѣзко свои тогдашнія мнѣнія въ статьяхъ о «Бородинской годовщинѣ и о Менцелѣ». Подъ конецъ второго періода Бѣлинскій сталъ охладѣвать къ гегелевскому ученію и сближаться съ жизнью. Эта перемѣна стала обозначаться со времени его переселенія въ Петербургъ и сотрудничества въ «Отечественныхъ Запискахъ» Краевскаго. Въ статьѣ «Русская литература въ 1840 г.» онъ уже иначе начинаетъ смотрѣть и на французскую литературу. Литературными непріятелями Бѣлинскаго во второй періодъ были Булгаринъ, Гречъ, Сенковскій, Погодинъ и Шевыревъ. Члены пушкинскаго кружка, кромѣ самого Пушкина, также относились къ нему несочувственно. Въ третьемъ періодѣ Бѣлинскій уже окончательно неузнаваемъ. Онъ является горячимъ поклонникомъ интересовъ жизни. Къ этому времени относятся самые свѣтлые его взгляды на Гоголя. Онъ ратуетъ за сатиру и видитъ великія достоинства въ произведеніяхъ Ж. Занда. Къ этому времени относятся его статьи, систематически охватывающія исторію русской литературы отъ Ломоносова до Пушкина включительно. На критикѣ Бѣлинскаго въ этотъ періодъ вос-

питались Тургеневъ, Гончаровъ, Некрасовъ, выдвинутые имъ въ ряды новыхъ сильныхъ талантовъ русской литературы. Къ этому же періоду относится его оцѣнка «Бѣдныхъ людей» Достоевскаго. Въ этотъ періодъ Бѣлинскій является служителемъ искусства для жизни и гуманизма. Въ это время къ его литературнымъ врагамъ прибавляются славянофилы. Послѣднее обстоятельство даетъ намъ поводъ сказать нѣсколько словъ о послѣднихъ, игравшихъ весьма видную роль въ русской литературѣ и благотворно подѣйствовавшихъ на нее въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Славянофильскія воззрѣнія начинаютъ замѣтнымъ образомъ проявляться уже въ 30-хъ годахъ. Главными представителями ихъ были К. Аксаковъ, Хомяковъ и Кирѣевскіе. Основа ученія П. Кирѣевскаго была теологическая. Общественные идеалы славянофиловъ были у него гораздо менѣе выяснены, чѣмъ у К. Аксакова, который далъ историческія доказательства теоріи славянофиловъ. Хомяковъ отличался искусствомъ вести споры въ пользу ученія, котораго онъ былъ сторонникомъ. Въ этомъ случаѣ ему помогали его обширный умъ и многостороннее образованіе. Признаки славянофильскихъ взглядовъ сказывались также въ 30-хъ годахъ у Погодина, Шевырева, Венелина, Сахарова, Снегирева, Вельтмана и Загоскина, но въ гораздо меньшей степени.

Замѣчательнымъ предшественникомъ Бѣлинскаго въ области критики былъ московскій журналистъ Надеждинъ. Подобно многимъ другимъ литературнымъ дѣятелямъ 30-хъ годовъ, онъ былъ послѣдователемъ Шеллинга. Его критическая дѣятельность началась небольшими статьями въ «Вѣстникѣ Европы». Подъ именемъ *«экс-студента Надоумки»*, онъ открылъ горячую борьбу противъ романтизма, доказывая, что русскіе XIX ст. не паладины среднихъ вѣковъ и что поэтому для нихъ нѣтъ никакого основанія увлекаться романтическою поэзіею. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ высказывалъ, что наша поэзія не должна быть и классическою, такъ какъ мы не греки и не римляне. По его убѣжденію, современная ему русская поэзія должна была представлять примиреніе

обоихъ началъ, и классическаго, и романтическаго, образуя вслѣдствіе этого примиренія новую поэзію. Эти взгляды были выражены имъ преимущественно въ его диссертаціи на степень доктора. Какъ противникъ романтизма, Надеждинъ, вооружившись всѣми аргументами своей обширной учености, нападалъ на Пушкина и съ ожесточеніемъ преслѣдовалъ новѣйшихъ французскихъ писателей. Сдѣлавшись докторомъ и получивъ каѳедру въ Московскомъ университетѣ, онъ сдѣлался журналистомъ и сильно измѣнилъ свои литературныя воззрѣнія. Такъ, при разборѣ «Бориса Годунова», онъ уже съ гораздо большимъ уваженіемъ сталъ относиться къ Пушкину. Въ издававшемся Надеждинымъ журналѣ „Телескопъ" высказывались самыя разнообразныя мнѣнія. Тѣмъ не менѣе, Надеждинъ принесъ большую пользу литературѣ. Онъ далъ критикѣ научное основаніе и познакомилъ молодое поколѣніе съ различными философскими и эстетическими вопросами, которые потомъ дали содержаніе многимъ статьямъ Бѣлинскаго. Изъ многочисленныхъ статей Надеждина, помѣщенныхъ въ его журналѣ, между прочимъ, замѣчательны «Европеизмъ и народность» и «Здравый смыслъ и Баронъ Брамбеусъ». Первая написана въ шеллинговскомъ духѣ. Въ ней говорится о *движеніи* и *матеріи*, *свѣтѣ* и *тяжести*, *силѣ центробѣжной* и *силѣ центростремительной*, причемъ доказывается мысль, что названные элементы должны находиться въ каждой литературѣ въ гармоніи, что литература не должна подчиняться исключительно ни силѣ центростремительной, т. е. ограничиваться народностью, ни силѣ центробѣжной, т. е. расплываться въ всеобщности. Въ статьѣ, между прочимъ, доказывалось, что въ русской литературѣ еще нѣтъ своего, народнаго языка, что литераторы еще не говорятъ одной рѣчью. Средствомъ пополнить, обогатить, возрастить русскій языкъ со стороны лексикографической Надеждинъ считалъ изученіе славянскихъ языковъ и нарѣчій. Труды Шафарика, Копитара, Ганки, Коллара и другихъ славистовъ могли, по его мнѣнію, помочь въ этомъ дѣлѣ. Очищенія, возстановленія и расширенія Надеждинъ требовалъ и въ

области синтаксиса. И тутъ могло бы помочь изученіе славянскихъ языковъ, говоритъ онъ. Но еще лучшимъ средствомъ было бы обращеніе къ своему народному языку. Попытки такого обращенія Надеждинъ замѣчалъ у Крылова и Загоскина. Оставшись недовольнымъ формою современной русской литературы, т. е. языкомъ, Надеждинъ былъ недоволенъ и содержаніемъ, видя въ произведеніяхъ литературы много подражательнаго. Отсутствіе *народности* онъ «оплакивалъ какъ величайшее литературное бѣдствіе». Но подъ народностью онъ не разумѣлъ наружныхъ формъ русскаго быта. Говоря о писателяхъ, изображавшихъ эти формы, онъ писалъ: „Они погрузились въ щи, въ квасъ, въ брагу, забились па палати, обливаются Ерофеичемъ, закусываютъ лукомъ, передразниваютъ мужиковъ, сидѣльцевъ, подъячихъ, ямщиковъ, харчевниковъ". Такую народность, по его убѣжденію, нужно было гнать изъ литературы, какъ и малеванье различныхъ эпохъ изъ русской исторіи. Подъ народностью Надеждинъ разумѣлъ совокупность всѣхъ свойствъ, наружныхъ и внутреннихъ, умственныхъ и нравственныхъ, физическихъ и духовныхъ, изъ которыхъ слагается физіономія русскаго человѣка. Во второй статьѣ Надеждинъ обличалъ Сенковскаго. Указывая на циничность Барона, онъ велъ подкопъ и подъ его ученость. Надеждинъ называлъ Брамбеуса подражателемъ *юной* французской словесности, не смотря на всѣ его нападки на нее. Онъ вызывалъ его предъ судилище строгой критики и обвинялъ «въ оскорбленіи величества благороднаго, чистаго, дѣвственнаго русскаго языка». «Вы крестите, говорилъ онъ, обращаясь къ Брамбеусу, нашими русскими православными именами бѣсовскіе призраки, напугавшіе васъ самихъ на кладбищѣ французской литературы; вы пріучаете нашъ честный, цѣломудренный русскій языкъ къ цинизму, отъ котораго, по увѣренію даже апологиста вашего, приходятъ въ замѣшательство опытныя повивальныя бабушки... О, г. Баронъ! это уже не чета *юной словесности!*»

Другимъ замѣчательнымъ московскимъ критикомъ былъ Шевыревъ. Онъ писалъ въ „Московскомъ Наблюдателѣ", и,

по словамъ Бѣлинскаго, его статьи составляли лучшее украшеніе журнала и давали ему нѣкоторую жизнь и движеніе. Бѣлинскій называлъ Шевырева литераторомъ дѣльнымъ, добросовѣстнымъ, оригинальнымъ во мнѣніяхъ и слогѣ, литераторомъ съ дарованіемъ и авторитетомъ. Но это не мѣшало ему находить много невѣрныхъ мыслей въ критическихъ статьяхъ Шевырева. Бѣлинскій, напримѣръ, указалъ, что Шевыревъ считалъ господствующей стихіей таланта Гоголя комизмъ, тогда какъ у послѣдняго смѣшное перемѣшано съ серьезнымъ, грустнымъ, прекраснымъ и высокимъ.—Говоря о критикѣ, Шевыревъ требовалъ критики національной, воспитанной національною наукою и основанной на глубокомъ изученіи исторіи словесности. Тогда и литература, по его мнѣнію, достигла бы высокихъ созданій національнаго вкуса и перестала бы ограничиваться отрывками и мелкими произведеніями. Шевыревъ въ своихъ критическихъ статьяхъ часто нападалъ на критику „Библіотеки для Чтенія“, говоря, что главный ея критикъ, т. е. Сенковскій, судитъ о литературныхъ произведеніяхъ по личнымъ впечатлѣніямъ и отвергаетъ возможность положительныхъ законовъ искусства. Изъ европейскихъ современныхъ литературъ ему сильно не нравилась французская за ея направленіе. Къ итальянской поэзіи онъ, напротивъ, питалъ пристрастіе и былъ горячимъ поклонникомъ Данта и Тасса. Въ русской поэзіи до Бенедиктова онъ видѣлъ періодъ формъ, стиховъ и пластицизма, въ Бенедиктовѣ же видѣлъ перваго поэта мысли. Выходило, такимъ образомъ, что Бенедиктовъ былъ выше Жуковскаго, Пушкина и Грибоѣдова. Будучи недоволенъ современною русскою поэзіею, онъ старался ввести въ нее итальянскую октаву, и ждалъ отъ этого для нея какого-то обновленія. Съ этимъ пристрастіемъ къ итальянскому въ немъ мирились наклонности славянофила, получившія полное свое выраженіе въ „Москвитянинѣ“, гдѣ онъ, между прочимъ, низводилъ съ возвышеннаго пьедестала Лермонтова, называя его подражателемъ Бенедиктова. Періодъ участія Шевырева въ «Москвитянинѣ» былъ отмѣченъ также горячими нападені-

ями на Бѣлинскаго. Въ заключеніе замѣтимъ, что Шевыревъ былъ редакторомъ «Московскаго Наблюдателя» (1835 г.) и «Москвитянина» (съ 1841 г.), издававшихся имъ вмѣстѣ съ Погодинымъ.

Критическая и журнальная дѣятельность Полеваго, начавшаяся въ 20-хъ годахъ, продолжалась и въ 30-хъ. О замѣчательной и успѣшной борьбѣ Полеваго съ классицизмомъ было уже сказано выше. Въ его журналѣ особенно замѣчателенъ былъ критическій отдѣлъ. Въ критическихъ статьяхъ Полеваго всегда лежала въ основаніи общая руководящая идея. Краеугольнымъ камнемъ его критики было положеніе, что истинная поэзія должна быть національна и что истинный поэтъ весь предается своему вдохновенію и подчиняется только его голосу. Исходя изъ этой точки зрѣнія, онъ считалъ лучшими русскими поэтами Державина и Пушкина. Жуковскаго, какъ поэта, лишеннаго національнаго колорита, онъ ставилъ несравненно ниже. Во всѣхъ своихъ лучшихъ критическихъ статьяхъ каковы: „Сочиненія Державина“, „Жуковскій и его сочиненія“, „Борисъ Годуновъ“, „Ломоносовъ“, „Кантемиръ“, „Тарквато-Тассо“, Полевой твердо стоялъ на трехъ точкахъ зрѣнія: искренности поэтическаго вдохновенія, независимости отношенія къ жизни и народности. Поэтъ, удовлетворявшій этимъ требованіямъ, былъ истинный поэтъ, по мнѣнію Полеваго. О печальномъ концѣ «Телеграфа» мы говорили выше. Въ концѣ 30-хъ годовъ Полевой сдѣлался редакторомъ «Сына Отечества». Въ этомъ журналѣ мы уже не видимъ прежняго Полеваго. Онъ проникся смиреніемъ и сталъ хвалить то, на что прежде справедливо нападалъ. Онъ отсталъ отъ времени, отъ литературнаго движенія. Но къ его чести нужно сказать, что онъ не старался тормазить этого движенія, какъ дѣлали нѣкоторые другіе. Къ числу литературныхъ враговъ Полеваго принадлежалъ, между прочимъ, Надеждинъ. Замѣчательны были нападенія Полеваго на докторскую диссертацію послѣдняго, подъ названіемъ: «De origine, natura et fatis poeseos, quae romantica audit». Въ статьѣ Полеваго, между прочимъ,

были указаны непривѣтливыя названія, которыми авторъ осыпалъ нѣкоторыхъ знаменитыхъ писателей. Такъ, Байронъ былъ названъ въ диссертаціи «выродкомъ поэтическаго отступничества въ области обмоложеннаго романтизма», «зловѣщею кометою, на которой отсвѣчиваетъ мрачное пламя эсѳетической преисподней». Были указаны нападенія на русскую поэзію. Чтеніе «Цыганъ» и «Братьевъ разбойниковъ» Пушкина авторъ называлъ „безпутнымъ скитаніемъ по цыганскимъ таборамъ и разбойническимъ вертепамъ». Русскій романтизмъ Надеждинъ называлъ „мерзостями, дважды переваренными“. Изложеніе диссертаціи, по мнѣнію Полеваго, было отвратительное. Въ нѣкоторыхъ мнѣніяхъ автора онъ видѣлъ вліяніе ферулы и скамейки, вразумлявшихъ бурсаковъ, и замѣчалъ въ диссертаціи непостижимо безстыдное присвоеніе чужаго. Въ заключеніе онъ совѣтовалъ предоставить латинскій трудъ Надеждина ученикамъ латинскаго класса въ уѣздныхъ училищахъ.

Обращаемся къ знаменитому тріумвирату петербургской журналистики 30-хъ годовъ, Булгарину, Гречу и Сенковскому. Булгаринъ и Гречъ, издававшіе „Сѣверную Пчелу“ и „Сѣверный Архивъ“, держались сходныхъ воззрѣній на явленія міра научнаго, литературнаго и политическаго *). Въ этихъ воззрѣніяхъ они руководились пристрастіемъ и допускали самое безцеремонное искаженіе истины. Какъ разбиралъ Булгаринъ научные труды, примѣромъ можетъ служить его разборъ „Историческаго атласа“ Крузе, помѣщенный въ „Сѣверной Пчелѣ“ 1835 г. Въ немъ было допущено самое безцеремонное искаженіе фактовъ. Но еще замѣтнѣе пренебрегались интересы истины по отношенію къ литературному міру. Оригинальное и талантливое въ этой области часто третировалось Гречемъ и Булгаринымъ какъ незаслуживающее никакого вниманія, бездарное же и посредственное поднималось на незаслуженную высоту. Считая повѣсти

*) Кромѣ участія въ „Сѣверной Пчелѣ“ и „Сѣверномъ Архивѣ“, Гречъ издавалъ еще „Сынъ Отечества“.

Брамбеуса геніальными произведеніями, Булгаринъ называлъ „Ревизора“ грязнымъ и вреднымъ плодомъ цинической фантазіи. Считая себя патентованными писателями, Булгаринъ и Гречъ нападали на современную критику, которая, по ихъ словамъ, занималась подкапываніемъ чужихъ репутацій. Они не терпѣли соперниковъ и съ ожесточеніемъ нападали на «Телескопъ» и «Отечественныя Записки», гдѣ ихъ литературные грѣхи выводились наружу. Разница была въ томъ, что Гречъ былъ сдержаннѣе Булгарина, отличавшагося болтливостью и совершеннымъ неумѣньемъ сдерживать порывы гнѣва. Болѣе развязнымъ былъ Гречъ на своихъ литературныхъ вечерахъ, на которыхъ онъ иногда былъ не прочь и полиберальничать. Сходство между Булгаринымъ и Гречемъ выражалось и въ наклонности къ инсинуаціямъ и жалобамъ. Такъ, Булгаринъ жаловался Дубельту на редактора „Вѣдомостей С.-Петербургской Городской Полиціи“ Межевича, котораго онъ обвинялъ въ сплетничествѣ и оскорбленіи чести гражданина, т. е. его, Булгарина. Гречъ, опасавшійся перехода редакціи «Энциклопедическаго Лексикона» Плюшара въ руки Сенковскаго, разбранившаго лексиконъ, прибѣгнулъ къ подобному же пріему, обратившись съ жалобою въ цензурный комитетъ и обезопасивъ себя такимъ образомъ отъ нападеній «Библіотеки для Чтенія». Благодаря своему гостепріимству, тотъ и другой имѣли кучу хвалителей, отечественныхъ и иноземныхъ. Этимъ объяснялись переводы сочиненій Булгарина на языки французскій, нѣмецкій, англійскій, итальянскій, польскій и шведскій. Съ одинаковымъ раздраженіемъ относилились Гречъ и Булгаринъ къ французской литературѣ. Французскіе журналисты были названы однимъ изъ нихъ „злодѣями, коихъ образуютъ своеволіе, недостатокъ воспитанія, гордость, бѣдность и лѣнь“. Особенно сильны были нападенія на Ж.-Зандъ. Въ томъ и другомъ журналистѣ замѣчалась наклонность къ самовосхваленію. „Безъ „Пчелы“ ни одинъ порядочный человѣкъ не можетъ выпить утромъ чашки чаю“, говорилъ о своей газетѣ Булгаринъ. Въ ней постоянно расхваливаливались литератур-

„ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА"

въ 1880 г.

БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ ПО ПРЕЖНЕЙ ПРОГРАММѢ И ВЪ ТѢЖЕ СРОКИ.

Цѣна годовому изданію **6** руб. **50** коп., съ пересылкой и доставкой 8 руб.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ редакціи журнала (Канонерская улица, домъ № 2) и въ книжномъ магазинѣ. **Я. Исакова,** Невскій просп. Гостиный дворъ № 24.

Гг. Иногородные благоволятъ адресоваться: въ Петербургъ въ редакцію журнала **„Историческая Библіотека"** (Канонерская улица, домъ № 2).

1. Редакція отвѣчаетъ за доставку журнала подписавшимся только въ мѣстахъ, означенныхъ въ объявленіи.

2. Редакція проситъ гг. подписчиковъ точно обозначать свое имя, отчество и фамилію, а также и то почтовое учрежденіе, куда долженъ быть журналъ адресованъ; иначе редакція не отвѣчаетъ за правильную доставку.

3. Подписчики желающіе перемѣнить адресъ, благоволятъ своевременно увѣдомить о новомъ мѣстѣ жительства, съ обозначеніемъ прежняго, при чемъ за всякую перемѣну уплачивается 50 коп.

4. Желающіе доставить свои произведенія въ Редакцію должны обозначать свой адресъ и подробныя условія, безъ обозначенія послѣднихъ, Редакція не будетъ считать себя обязанною входить съ авторомъ въ какіе-либо расчеты.

Редакторъ-издатель **П. В. Полежаевъ.**

ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛІОТЕКА
УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.
1880

№ 10. Октябрь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Е. Ландау. Площадь Большаго Театра, 2.
1880.

СОДЕРЖАНІЕ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

1880

№ 10. Октябрь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау. Площадь Большаго Театра, 2.

1880.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 22 октября 1880 года.

ПРЕДАНІЯ И ВОСПОМИНАНІЯ.

В. В. Селиванова.

ГЛАВА V.

Пріѣздъ въ Нижній.—Встрѣча съ родными.—Нижегородскій театръ.—Представленіе въ немъ.—Актеры.—Откупщикъ К. И. Кузинъ.—Его біографія.—Знакомство съ драматическимъ писателемъ кн. Шаховскимъ.—Братья Исаковскіе, соорудители Нижегородскаго театра.—Поѣздка къ дѣдушкѣ А. А. Демидову въ с. Елвашку.—Удовольствія на масляницѣ въ Нижнемъ.—Возвращеніе въ Любаво.—Великій постъ. Весна.—Страстная недѣля.—Священникъ отецъ Федоръ.—Его семья. Приготовленія къ празднику.—Крашеніе яицъ —Поѣздка въ церковь къ заутренѣ. —Церковная служба.—Разговенье.—Четверговая соль.—Ожиданіе образовъ.—Приготовленія.—Приходъ образовъ.—Дядя Михаилъ Павловичъ.—Домашніе шуты.—Продѣлки дяди Николая Павловича.—Вечерня.—Проводы образовъ.—Обычай катать попа.

Чтобы показаться роднымъ въ приличномъ видѣ, мы не въѣхали прямо въ городъ, а повернули въ село, что виднѣлось за Волгою, на луговой сторонѣ противъ Нижняго, гдѣ и въѣхали на постоялый дворъ. Дворъ этотъ былъ чистъ и просторенъ. Тесовая, зеленая его кровля была изукрашена рѣзнымъ узорчатымъ и пестро раскрашеннымъ гребнемъ, филенчатыя ставни разрисованы цвѣтами, а внутри полы были выметены, и все было въ порядкѣ.

Пока ставили самоваръ, изъ повозокъ были вытащены

и внесены въ горницу нужные чемоданы и сундуки съ платьемъ; и вотъ, умывшись и напившись чаю, всѣ принялись мѣнять бѣлье, холиться, чиститься, одѣваться. Батюшка побрился передъ дорожнымъ зеркальцемъ; тетушка надѣла чепецъ съ бантами, и когда все было улажено, свѣжими и добрыми всѣ сѣли въ повозки и поѣхали въ городъ, оставивъ за собою постоялый дворъ съ тѣмъ же веселымъ духомъ, какъ оставляли бывало свой деревенскій домъ, отъѣзжая къ какому нибудь ближнему сосѣду на имянинный обѣдъ.

Вотъ переѣхали поперегъ Волгу, вотъ поднялись на гору, сердце такъ и замираетъ отъ радостнаго ожиданія чего-то пріятнаго. Вотъ миновали площадь, повернули въ улицу, въ другую, въ третью и наконецъ въѣхали на дворъ и остановились у крыльца деревяннаго, окрашеннаго дикой краскою дома съ желѣзною зеленою крышею.

Всѣ родственныя, какъ встрѣчи такъ и проводы изъ далека пріѣхавшихъ или далеко отъѣзжавшихъ родныхъ, въ тѣ времена сопровождались слезами, что нынѣ повывелось за рѣдкими исключеніями. Были ли тогда чувствительнѣе, любили ли родныхъ больше—трудно рѣшить. Всего вѣрнѣе, что эту восторженность при свиданіи и грусть при прощаніи поддерживала затруднительность сообщеній и потому неувѣренность когда либо свидѣться.

Самое возможно-быстрое передвиженіе производилось только на почтовыхъ лошадяхъ; но этотъ способъ ѣзды для частныхъ лицъ, особенно семейныхъ, былъ почти недоступенъ. На всякой станціи проѣзжающій находилъ непреодолимое препятствіе со стороны станціонныхъ смотрителей, у которыхъ для пріѣзжающихъ по своей надобности никогда лошадей не было. Одни военные, усвоивъ себѣ право безнаказанно колотить не только ямщиковъ, но подъ часъ и самихъ смотрителей,—скакали сломя голову, загоняли лошадей, и все сходило имъ съ рукъ. Объ

желѣзныхъ дорогахъ или пароходахъ никому и во снѣ не грезилось; а потому семейнымъ людямъ только и оставался одинъ способъ передвиженія—это на своихъ лошадяхъ съ кормами, съ ночлегами и съ огромною потерею времени. На проѣздъ 500 верстъ, при самой лучшей дорогѣ, надобно было употребить, по меньшей мѣрѣ отъ 7 до 8 сутокъ, а въ осеннія грязи или зимою по ухабамъ, такъ и въ двое болѣе.

Изъ всего этого читателю не трудно понять, что дальнія путешествія для свиданія съ родными, требовали нѣкотораго самоотверженія, и когда отъѣзжая прощались, прощались чуть-чуть что не на вѣчную разлуку.

Въ передней дома, къ которому мы подъѣхали, насъ встрѣтили бабушка Анна Акакіевна, тетушка Варвара Петровна, которой тогда было не болѣе 24 лѣтъ. Начались объятія, слезы, рыданія; съ бабушкой сдѣлалась дурнота: это ужъ не по обычаю. Бабушка въ первый разъ увидала меня 8-ми лѣтняго мальчика, виновника смерти ея любимой дочери, и сердечная рана потери, еще не совсѣмъ зажившая, была растравлена. Восемь лѣтъ не могли изгладить скорбныхъ воспоминаній.... Дяди Николая Федоровича Ренова, мужа Варвары Петровны, въ это время не было въ Нижнемъ: какъ оберъ-форштмейстеръ, онъ ѣздилъ осматривать лѣса по губерніи и возвратился только черезъ недѣлю послѣ нашего пріѣзда.

Въ Нижнемъ мы прожили около мѣсяца и, захвативъ тамъ масляницу, лишь на 2-й недѣлѣ великаго поста пустились въ обратный путь. Гощеніе въ Нижнемъ нашего семейства было для насъ, дѣтей, самымъ пріятнымъ гощеніемъ, какое я могу только припомнить въ моемъ дѣтствѣ. Домъ дяди Николая Федоровича можно было назвать полною чашею домашняго благосостоянія. Изобиліе лучшей волжской рыбы за его столомъ, его хлѣбосольство и дружеское вниманіе къ батюшкѣ, радость бабушки ви-

дѣть своихъ внучатъ; живыя ласки хозяйки-тетушки; невѣдомая нами дотолѣ городская, хотя и губернская, но кипѣвшая свѣтскими удовольствіями жизнь, а главное, первое знакомство съ театромъ, о которомъ мы знали только по наслышкѣ, производили на насъ впечатлѣніе какого-то чуднаго обоятельнаго сна.

Къ немалому нашему удовольствію мы нашли въ Нижнемъ нашу двоюродную сестру Анночку Подкользину, которая съ отъѣзда семейства Подкользиныхъ изъ Любавы и до отвоза ея въ Екатерининскій институтъ въ Петербургъ, оставалась гостить у тетушки Варвары Петровны.

Какъ особа уже прижившаяся въ домѣ, Анночка сейчасъ же послѣ встрѣчи насъ вмѣстѣ съ другими въ передней, повела насъ, гостей, по всѣмъ комнатамъ, посвятила во всѣ обычаи дома и на вопросъ, что это за деревянное желтое зданіе, съ выбѣленными колонами, что видно изъ оконъ гостинной на другой сторонѣ улицы, противъ самаго дядинаго дома,—объяснила, что это театръ, что представленія въ немъ бываютъ три раза въ недѣлю; что вотъ и завтра будетъ представленіе, которое мы будемъ смотрѣть, потому что у тетушки есть въ театрѣ годовая ложа.

Въ то время, т. е. въ началѣ 20-хъ годовъ, зданіе Нижегородскаго театра составляло частную собственность князя Шаховскаго; а артистами сцены были его крѣпостные люди. Не помню хорошо, да кажется, что я и не видалъ афишъ тогдашняго Нижегородскаго театра, чтобъ полюбопытствовать, какъ именовались въ нихъ исполнители ролей; но вообще, въ публикѣ, артисты эти были извѣстны подъ именами Яшъ, Иванушекъ, Миная, Зари, вѣроятно передѣланной изъ Зои, Нади и проч. другихъ, которыхъ теперь ужъ не упомню. Помню, что Яша и Иванушка играли въ трагедіяхъ, а Минай былъ первымъ

комикомъ, любимцемъ публики, однимъ словомъ Нижегородскій Щепкинъ.

Вотъ наступилъ и слѣдующій день, вотъ уже и 6-й часъ пополудни, и всѣ по немногу начали собираться въ театръ. У освѣщеннаго сальными свѣчами въ деревянныхъ со стеклами фонаряхъ подъѣзда и въ сѣняхъ стояло и сидѣло человѣкъ 5 жандармовъ; вотъ отворилась обитая войлокомъ и клеенкою дверь, и мы вошли въ большую ложу въ бенуарѣ прямо противъ сцены.

Не знаю теперь есть ли этотъ театръ; но въ 1843 году онъ еще существовалъ почти въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ онъ былъ при первомъ знакомствѣ съ нимъ; но ужъ на немъ давала свои представленія какая-то странствующая труппа.

Театръ этотъ имѣлъ тогда 2 ряда ложъ, т. е. бенуаръ и бельэтажъ, а выше уже былъ раекъ. Внутренность нашей ложи, какъ и входная однопольная дверь въ партеръ, бывшая возлѣ самой нашей ложи съ правой стороны, были оклеены грошевыми синими съ узорами обоями, во многихъ мѣстахъ порванными и подъклеенными кое-какъ. Ложи были устроены на столбахъ, окружавшихъ партеръ и поддерживавшихъ потолокъ; а барьеры ихъ были украшены деревяннымъ точенымъ балясникомъ. Занавѣсъ изображалъ продолженіе этихъ столбовъ и барьеровъ такъ, что правая и лѣвая стороны ложъ, у стѣны, соединялись по занавѣсу въ намалеванной перспективѣ.

Судя потому, что каждый день по утрамъ, изъ трубъ, что торчали надъ крышею театра, выходилъ дымъ, надобно полагать, что театръ отапливался; но я очень хорошо помню, что и мы въ нашей ложѣ и зрители партера ни шубъ, ни теплыхъ сапогъ не снимали.

Размалеванную занавѣсь мы приняли сначала за размалеванную стѣну и потому были пріятно изумлены, когда

послѣ увертюры занавѣсъ взвился и глазамъ нашимъ открылась сцена.

Давали оперу князя Шаховскаго «Ломоносовъ или рекрутъ стихотворецъ». Ломоносова игралъ Яша, а Христіана Ганца, гусара ветерана, содержателя трактира, игралъ Минай. Игра его своимъ комизмомъ и веселостью приводила насъ въ восторгъ; но дѣйствительно ли она была такъ хороша, какъ представлялась нашему дѣтскому созерцанію, хотя я помню, что и старшіе всѣ говорили тогда объ Минаѣ, какъ о величайшемъ талантѣ, рѣшить не могу. Въ представленіи труппы, игравшей на Нижегородскомъ театрѣ въ 1843 году, т. е. почти черезъ 23 года послѣ описываемаго мною времени, участвовалъ и Минай подъ именемъ г. Полякова. Тутъ я его видѣлъ въ роли пана Прудіуса въ оперѣ «Казакъ стихотворецъ»; но игра его была черезъ чуръ рутинная, или лучше сказать, что въ игрѣ его игры не было никакой, не смотря на то, что мнѣ на него указывали, какъ все еще на любимца Нижегородской публики.

Привычка уважать талантъ много значитъ. Этой привычкой увлекалась и московская публика въ послѣдніе годы жизни и игры знаменитаго Щепкина. Его встрѣчали восторженными рукоплесканіями, когда онъ отъ старости захлебывался на сценѣ отъ мокротъ, и нельзя было ни разслышать хорошо, ни разобрать, что онъ говорилъ... Какая же ужъ тутъ могла быть игра? И не смотря на все это, онъ и до гробовой доски оставался любимцемъ московской публики. Минаю Полякову, когда я его видѣлъ въ послѣдній разъ, было тоже, если не за 80, то ужъ непремѣнно подъ 80 лѣтъ.

Да не смѣшиваетъ читатель князя Шаховскаго, бывшаго владѣльца Нижегородскаго театра, съ княземъ Шаховскимъ, извѣстнымъ драматическимъ писателемъ быв-

шимъ директоромъ С.-Петербургскаго театра. Если я не ошибаюсь, они были двоюродными братьями.

Съ княземъ Шаховскимъ, драматургомъ, я познакомился въ Харьковѣ, когда я служилъ тамъ по корпусу жандармовъ адъютантомъ при жандармскомъ штабъ-офицерѣ. Это случилось въ 1842 году, въ домѣ коммерціи совѣтника, милліонера и знаменитаго въ то время кабацкаго откупщика, Кузьмы Ивановича Кузина.

Кузинъ былъ уроженецъ Зарайскаго уѣзда, с. Нижняго-Бѣлоомута, изъ крестьянъ. Мальчикомъ еще началъ онъ свое поприще службою по кабакамъ. Въ юности, когда онъ былъ уже извѣстнымъ забулдыгою, кто-то въ кабакѣ хватилъ его въ рыло штофомъ; вслѣдствіе чего на его щекѣ остался шрамъ на всю жизнь, и за тотъ шрамъ былъ онъ въ родномъ селѣ прозванъ Кузькою рубцомъ. Чтобъ обуздать его молодецкую удаль, родные придумали его женить, и женили на что ни не было въ селѣ глупой дѣвкѣ. Послѣ женитьбы, молодецъ остепенился и поступилъ на службу по откупу. Бывъ расторопенъ и втершись въ довѣренность управляющаго откупомъ, прикарманилъ тысячъ 30 денегъ, ввѣренныхъ ему для отвоза въ Нижній или въ Казань, или въ другое какое мѣсто, не упомню.

Съ этими деньгами онъ началъ участвовать въ откупахъ, какъ пайщикъ. Потомъ сдѣлался и самъ откупщикомъ, заворочилъ милліонами, и за милліонъ, пожертвованный имъ на погорѣвшую Тулу, былъ Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ награжденъ орденомъ Св. Равноапостольнаго князя Владиміра 4-й степени.

Біографію эту почерпнулъ я изъ разсказовъ крестьянъ села Бѣлоомута, почему за истину ея не отвѣчаю. Не въ насмѣшку или въ упрекъ привожу я ее въ моемъ разсказѣ. Быль молодцу не укоръ, говоритъ старинная пословица, а Кузьму Ивановича никто не вправѣ укорить

даже и въ похищенныхъ имъ деньгахъ. При его широкой, чисто русской природѣ, никто не позаботился о его воспитаніи, не въ кабакахъ же было ему усвоивать понятія о долгѣ и нравственности? и при всемъ томъ нельзя было отрицать въ немъ ни дѣльности его ума, ни такта. Любимый не только своимъ семействомъ, но и многими его знавшими, онъ жилъ въ Харьковѣ, какъ патріархъ, окруженный дѣтьми и внучатами. Общество его уважало; хотя, конечно, немалую долю въ этомъ случаѣ играли его милліоны и хлѣбосольство; а громадная жертва, принесенная имъ человѣчеству въ лицѣ несчастныхъ погорѣльцевъ Тулы, кромѣ другихъ неоффиціальныхъ благодѣяній, сторицею искупили преступленія его молодости.

Разъ какъ-то зимнимъ вечеркомъ, зайдя въ домъ Кузьмы Ивановича, не знаю по дѣлу или по приглашенію на чашку чаю, въ кабинетѣ его, кромѣ самаго хозяина, я нашелъ двухъ собесѣдниковъ, сидѣвшихъ около маленькаго стола передъ догоравшимъ каминомъ. Одинъ изъ нихъ былъ курскій помѣщикъ Григорьевъ, бывшій прежде курскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, а впослѣдствіи откупщикомъ, съ которымъ я уже прежде былъ знакомъ, а другой, высокій, сгорбленный, съ сѣдыми прядями волосъ на вискахъ плѣшивой головы, рѣзкими чертами лица, тотчасъ напомнилъ мнѣ портретъ князя Шаховскаго во «Ста русскихъ литераторахъ». Тогда еще на поэтовъ и вообще писателей я смотрѣлъ какими-то отвлеченными глазами и никакъ не могъ себѣ вообразить, что князя Шаховскаго, этого литературнаго ветерана, я встрѣчу въ кабинетѣ Кузина и въ собесѣдничествѣ съ двумя откупщиками.

Разговоръ шелъ о политикѣ, о состояніи современнаго общества, о торговлѣ, о просвѣщеніи.

— Нѣтъ, старинное дворянство исчезаетъ, говорилъ старичекъ, отъ вторженія въ него другихъ сословій...

Чины, ордена возводятъ въ дворянское достоинство по большей части людей недостойныхъ; пора бы положить конецъ этому вторженію...

— А какъ же, вотъ я-то? замѣтилъ Кузьма Ивановичъ, посмотрѣвъ на свой Владимірскій крестъ, висѣвшій въ петлицѣ его сѣраго сюртука.

— Это совсѣмъ другое дѣло, возразилъ незнакомецъ. Такихъ людей, какъ вы, давайте намъ поболѣе... Намъ нужны капиталы, давайте намъ капиталовъ!.. капиталами поддерживаются сословія...

Когда около полуночи старикъ ушелъ, я спросилъ у Кузина, кто это такой?

— Это князь Шаховской, отвѣчалъ хозяинъ.—Онъ живетъ въ деревнѣ, недалеко отъ Харькова... Капиталами-то онъ ужъ больно плоховатъ.

Соорудителями и учредителями Нижегородскаго театра были два брата Шаховскихъ. Старшій братъ, по разсказамъ моего отца, даже и умеръ въ театрѣ, скоропостижно, въ одномъ изъ жилыхъ покоевъ, гдѣ, по какому-то случаю, онъ имѣлъ временное помѣщеніе. Такъ какъ это случилось ночью, то никто и не слыхалъ, какъ онъ умиралъ, а только уже по утру увидали, что на постели, вмѣсто его, лежалъ холодный трупъ.

На другой или на третій день послѣ нашего пріѣзда, батюшка, какъ старый знакомый, поѣхалъ къ живому князю Шаховскому съ визитомъ, и тотъ, въ тотъ же день, отплатилъ визитъ.

Онъ былъ старичекъ, небольшаго роста, худощаваго сложенія и, какъ мнѣ помнится, имѣлъ пріятныя черты. Подбородокъ его былъ выбритъ необыкновенно чисто, волосы напудрены. Онъ былъ одѣтъ въ мундиръ Екатерининскаго времени. Былъ ли онъ красный съ черными отворотами или темно-зеленый, а только отвороты, воротникъ и обшлага были красные, не могу сказать, помню

только, что все на немъ было свѣжо, ново и золоченые пуговицы ярко горѣли на солнцѣ. Ботфорты блистали какъ зеркало. Шпага, шляпа съ плюмажемъ и замшевыя бѣлыя перчатки довершали нарядъ. Движенія его были сдержаны до утонченности...

Не за долго до поѣздки нашей въ Нижній, мы гдѣ-то достали трагедію Озерова «Дмитрій Донской» и читая ее часто, заучили на память цѣлыя явленія. Отецъ велѣлъ намъ съ братомъ продекламировать князю Шаховскому то, что мы знаемъ, и тотъ, былъ такъ обязателенъ, что на другой-же день назначилъ для представленія на Нижегородскомъ театрѣ «Дмитрія Донскаго».

Иванушка игралъ Димитрія, а Яша—князя Тверскаго. Мы были въ восторгѣ.

На масляницѣ въ Нижнемъ мнѣ быть не привелось. Батюшка, вздумавши съѣздить вмѣстѣ съ тетушкой Федосьею Петровною къ дѣдушкѣ Александру Акакіевичу Демидову въ Васильсурскій уѣздъ въ с. Елвашку, взялъ и меня съ собою. Особенно интереснаго въ поѣздкѣ этой не было ничего. Ѣхали на почтовыхъ. Зимняя дорога, проложенная по Волгѣ, была ровна и гладка; лошади неслись вскачъ, и громко заливался колокольчикъ подъ дугою. Помню высокіе берега Волги, поросшіе вѣчно зелеными лѣсами елей и сосенъ, и на вершинѣ самой высокой скалы, подъ самымъ обрывомъ, бѣлѣвшую на грунтѣ темнаго лѣса красивую небольшую ротондочку на семи колонахъ.

У Александра Акакіевича мы провели весело масляницу. Старинный деревянный его домъ былъ не штукатуренъ внутри, и потемнѣвшія бревенчатыя проконопаченныя стѣны остались въ своемъ естественномъ видѣ. Единственныя украшенія гостинной были большіе портреты предковъ въ золоченныхъ рамахъ.

Праздновалъ ли онъ день своего рожденія, или имянинъ, или - же рожденіе своей жены, не знаю;

помню только, что въ одинъ ясный и морозный день гостей наѣхало множество. Столъ въ залѣ былъ накрытъ покоемъ П. Помню огромныхъ стерлядей и часто хлопающія въ потолокъ пробки.

Вечеромъ масляничная гора на дворѣ, изукрашенная вешками, была освѣщена разноцвѣтными фонарями.

Во всякомъ случаѣ я шибко проигралъ, что поѣхалъ съ отцомъ. Въ Нижнемъ-Новгородѣ, по словамъ брата и сестры, было далеко веселѣе. Во первыхъ былъ у кого-то дѣтскій балъ-маскарадъ съ подарками для всѣхъ гостей; былъ маскарадъ въ собраньѣ; представленія въ театрѣ по два раза въ день, а по вечерамъ по улицамъ Нижняго разъѣзжалъ, украшенный флагами съ разноцвѣтными фонарями съ музыкой, катеръ, на которомъ каталось лучшее Нижегородское общество.

На второй недѣлѣ поста выѣхали мы изъ Нижняго. Много опять было пролито слезъ при прощаньѣ, особенно нами дѣтьми и нашею двоюродною сестрицею Анночкою. Послѣ нашего отъѣзда ее отвезли въ Екатерининскій институтъ въ Петербургѣ, и я увидалъ ее послѣ Нижняго-Новгорода въ первый разъ уже по выходѣ изъ института совершеннолѣтней дѣвицей, въ Москвѣ, куда я пріѣхалъ въ началѣ 1832 года юнымъ драгунскимъ прапорщикомъ, по окончаніи польской войны.

Въ концѣ 3 недѣли великаго поста возвратились мы обратно въ Любаву. По пути опять заѣзжали мы къ бабушкѣ Александрѣ Николаевнѣ въ Неземово, къ князю Степану Матвѣевичу Крапоткину въ Киселево, къ другимъ бабушкамъ въ Митинское, и вездѣ находили привѣтъ, любовь и родственное гостепріимство. У князя Степана Матвѣевича обратило мое особенно вниманіе, стоявшее въ углу, залы огромное черемуховое дерево съ широко-раскинувшимися вѣтвями и въ полномъ цвѣту. Медовой запахъ черемухи разливалъ ароматъ по всему дому и чтожъ?

это было ничто иное, какъ срубленное цѣлое дерево черемухи, поставленное въ кадку съ водою.

Постъ въ нашемъ домѣ наблюдался строго, но по обычаю тогдашняго времени великопостный столъ представлялъ страшное обиліе явствъ. Дѣло въ томъ, что при заказываніи великопостнаго обѣда имѣлось въ виду угожденіе вкусамъ, кто чего пожелаетъ; а вслѣдствіе этого собранный для обѣда столъ, кромѣ обыденныхъ мисокъ, соусниковъ и блюдъ, весь устанавливался горшками и горшечками разныхъ величинъ и видовъ: чего хочешь, того просишь! Вотъ кашица изъ манныхъ крупъ съ грибами, вотъ горячее, рѣкомое оберточки, въ видѣ пирожковъ, свернутыхъ изъ капустныхъ листовъ, начиненныхъ грибами, чтобы не разсползлись, сшитыхъ нитками и сваренныхъ въ маковомъ соку. Вотъ ушки и гороховая лапша, и гороховый супъ, и горохъ просто сваренный, и гороховый кисель, и горохъ, протертый сквозь рѣшето. Каша гречневая, полбенная и пшенная; щи или борщъ съ грибами и картофель вареный, жареный, печеный, въ винигредѣ убранномъ и въ винигредѣ сборномъ, и въ видѣ котлетъ подъ соусомъ. Масло орѣховое, маковое, конопляное, и все свое домашнее и ничего купленнаго.

Всѣхъ постныхъ явствъ и не припомнишь, и не перечтешь.

Тихо проходилъ великій постъ. Вешнее солнышно нагрѣвало воздухъ, и дождевыя тучки смѣняли холодныя облака зимы. Во множествѣ зачернѣлись проталины; зажурчали съ горъ потоки, зарѣяли жавороночки въ глубокой лазури, оглашая воздухъ нескончаемымъ пѣніемъ.

Въ парникахъ, между сугробами ослѣпительно бѣлѣвшаго, но уже разрыхленнаго отъ солнечныхъ лучей снѣга, и въ маленькой нашей тепличкѣ ужъ зеленѣли огурцы, укрываясь въ широкой листвѣ раскидистыхъ плетей, усыпанныхъ золотистыми цвѣтками, между редисами и

пушистымъ салатомъ. На полкахъ теплички и по срубу тепличнаго парника въ банкахъ цвѣли желтофіоли, левкои и царственная красавица роза, наполняя растворенный парами воздухъ теплички своимъ чуднымъ благоуханіемъ. Цвѣли миндаль и малина, посаженные въ кадки, и багряными кистями спускались мясистыя ягоды ананасной клубники съ своихъ горшечковъ, приставленныхъ на верхней полкѣ, подъ самыя стекла тепличныхъ рамъ.

Но вотъ мало по мало снѣгъ сошелъ окончательно. По всѣмъ направленіямъ свѣтлыми ручейками сбѣгала вода и изъ влажной земли, пригрѣтой солнышкомъ, будто зеленыя иголочки вылѣзалъ гусятникъ, выкидывая вверхъ свой крошечный, блѣдножелтый цвѣтокъ на волоскообразномъ стебелькѣ.

Маленькій прудъ въ саду, рѣдкое лѣто не пересыхавшій, переполнившись водою, вылился на главную садовую дорожку, обсаженную сливами, и затопилъ ее. Случаемъ этимъ не преминули воспользоваться дворовыя бабы: перекинули черезъ разливъ доску и стоя на ней босыми чуть не до колѣнъ оголенными ногами, съ утра до вечера полоскали бѣлье, взмахивая и стуча вальками. Въ густотѣ рощи не изныли еще кое гдѣ бугры побурѣвшаго снѣга, а возлѣ нихъ уже пестрѣли цвѣтки медуники, куриной слѣпоты и кудрявыми головками выбивался изъ земли на свѣтъ Божій змѣевикъ - папортникъ. Мелкіе толкачики копышились въ прозрачномъ воздухѣ; щебетали пташки, и далеко разносился крикъ грачей, покрывавшихъ гнѣздами суковатыя вершины вѣковыхъ дубовъ.

Страстный охотникъ до сада, съ наступленіемъ весны батюшка изъ него почти не выходилъ. Всѣ работы въ саду производились при немъ; многое дѣлалъ своими руками и радовался каждой травкѣ, каждому цвѣтку и деревцу, вырощенному имъ. Увлекаясь его примѣромъ мы съ братомъ Ильей и сестрою устроили на отведенномъ

намъ въ саду мѣстечкѣ свой садъ. Копали грядки, сажали огурцы, горохъ, бобы, сами пропалывали траву и поливали... но любовь къ саду воплотилась на всю жизнь только въ одномъ во мнѣ: братъ и сестра съ лѣтами охладѣли къ этому дѣлу.

Наступила страстная недѣля-недѣля, въ которую семейство наше всегда говѣло. Въ церковъ мы ѣздили только къ обѣднямъ; всѣ же другія службы, заутрени и вечерни отправлялись на дому. Кстати замѣчу, что и всеночныя подъ всѣ большіе и двунадесятые праздники весь круглый годъ у насъ всегда служились дома.

Священникомъ въ то время въ нашемъ приходскомъ селѣ Ивановскомъ былъ отецъ Федоръ. Человѣкъ очень добрый, простой, не глупый; но какъ и большая часть священниковъ того времени бывалъ невоздерженъ касательно хмѣльнаго. Впрочемъ эта маленькая слабость нисколько не мѣшала бывшему тогда Зарайскому соборному протоіерею Ивану Даниловичу, пользовавшемуся въ Зарайскомъ уѣздѣ славою ученаго проповѣдника и стихотворца, отзываться объ отцѣ Федорѣ, какъ объ лучшемъ своемъ ученикѣ по духовному училищу и въ особенности по курсу латинскаго языка.

Когда Иванъ Даниловичъ находилъ нужнымъ проѣхаться по благочинію, то всегда заѣзжалъ къ отцу Федору и гащивалъ у него дня по два и далѣе. Въ такіе дни гощенія ворота двора отца Федора запирались наглухо, ставился единственный самоварчикъ изъ красной мѣди въ видѣ большаго чайника, заваривался пуншикъ съ кизлярочкой и ужъ тутъ, не стѣсняемые свидѣтелями, и старый учитель и пожилой ученикъ нагружались веліе въ сласть.

Не смотря на латинскій языкъ, отецъ Федоръ обходился безъ носоваго платка, а сморкался съ пособіемъ пальцевъ прямо на полъ; но высморкавшись доставалъ

платокъ и обтиралъ имъ усы и бороду. Эта манера вообще непріятно дѣйствовала на присутствующихъ, особенно когда отецъ Федоръ сморкался во время исполненія службъ. Чтобъ отучить его тонкимъ образомъ отъ нехорошей привычки, батюшка каждый разъ, когда бывала служба у насъ въ домѣ, дарилъ отцу Федору носовой платокъ; но хотя отецъ Федоръ и набралъ таки довольно платковъ, а все окончательно не могъ отстать отъ своей привычки. Кромѣ этой слабости осудить его было не за что: онъ дѣйствительно былъ добрый человѣкъ, и мы всегда рады были его приходу къ намъ. Въ образѣ домашней жизни онъ мало рознился съ образомъ жизни крестьянъ. Та же одна чистая изба съ русскою печью, съ лавками по стѣнамъ, съ образами на полкахъ въ переднемъ углу, и чистымъ липовымъ русскимъ столомъ. Другая изба курная-черная.

Матушка попадья носила ситцевый сарафанъ, лѣтомъ кофту, зимой заячью шубейку, а на головѣ платокъ. Сама съ работницею работала серпомъ въ полѣ, ткала холсты, доила коровъ и вообще была домовитою хозяйкой. Набранныя на святой недѣлѣ красныя яйца за множествомъ ихъ солились въ кадкахъ и въ рабочую пору лѣтомъ ими кормились работникъ съ работницею, покрошивши въ квасъ и съ приправою зеленаго лука.

Такъ какъ тетушка Варвара Павловна была крестною матерью всѣхъ дѣтей отца Федора, то въ Рождество Христово, отпущенные на святки изъ духовнаго училища и изъ семинаріи крестники приходили съ поздравленіемъ къ крестной матери и читали соотвѣтствующее торжеству праздника привѣтствіе въ стихахъ; читали скороговоркою безъ запятыхъ и точекъ, ровнымъ голосомъ произнося слова не по разговорному, а по письменному, сильно ударяя на о.

Въ прощальный вечеръ, т. е. въ воскресенье на ма-

сляницѣ, отецъ Федоръ приносилъ своей кумѣ на деревянномъ лоткѣ гостинцы, состоявшіе изъ смѣтаны, изюму, молдавскаго чернослива и пряниковъ; разумѣется всѣ эти гостинцы мы дѣти поѣдали съ наслажденіемъ...

И такъ, все наше семейство на страстной недѣлѣ говѣло. Съ нами вмѣстѣ говѣла вся дворня и даже часть крестьянъ всѣхъ возрастовъ, не говѣвшихъ въ продолженіе великаго поста. При отправленіи заутрень, часовъ и вечерень столовая, гдѣ совершалось самое служеніе, лакейская и корридоръ наполнялись народомъ; а когда ѣхали мы въ церковь къ обѣднямъ, то за нашимъ господскимъ поѣздомъ тянулась цѣлая вереница саней или телѣгъ, смотря по погодѣ.

Въ великую субботу съ 8 часовъ утра занимались крашеніемъ яицъ. Эта фабрикація производилась на мезонинѣ въ комнатѣ у батюшки. Туда несли яйца въ рѣшетахъ; разводился въ каминѣ огонь, и Софья Ивановна, сидя передъ нимъ на полу, красила въ большой кастрюлѣ яйца, погружая ихъ въ кипящій сандалъ.

Впрочемъ и мы дѣти не были только праздными зрителями, не сидѣли сложа руки. Мы усердно щипали лоскутки шелковыхъ матерій, которыми снабжала насъ тетушка, завертывали въ нихъ яйца и варили въ особой кастрюлѣ. Это называлось красить подъ мраморъ. Съ любовью и съ неменьшимъ вниманіемъ принималъ въ этомъ дѣлѣ участіе и самъ батюшка. Въ такія минуты онъ жилъ нашею радостію и увлекался самъ, какъ ребенокъ.

Въ сумерки приносили изъ погреба пасху и выкладывали ее изъ формы на блюдо, что производилось обыкновенно въ дѣвичьей.

Вотъ куличъ господскій, вотъ куличъ для народа; ихъ тоже выкладываютъ на блюда и обкладываютъ кругомъ красными яичками. Все это повезется въ церковь для освященія. Какой пріятный запахъ сдобнымъ разносится отъ

нихъ и щекочетъ наше дѣтское обоняніе: такъ и текутъ слюньки, такъ бы и съѣлъ—да еще грѣхъ; а между тѣмъ какъ радостно бьется сердце въ ожиданіи разговѣнія. Но вотъ ужъ и темно... Мало по малу все затихло въ домѣ, хотя никому не спится. Только около каретнаго сарая возня, возгласы и разговоры кучеровъ, готовящихъ экипажи для ночнаго поѣзда къ заутренѣ. Ночь хоть глазъ выколи!..

Вотъ полночь—все оживаетъ и въ домѣ и на дворѣ. Въ домѣ все уже на ногахъ: все суетится, хлопочетъ одѣваться. Горничныя дѣвушки уже одѣлись въ свои лучшія платья, тщательно причесаны, примазаны; не притворная радость сіяетъ на озабоченныхъ лицахъ, и какъ будто особенно по праздничному теплится лампадка въ дѣвичьей предъ святыми иконами.

Вотъ и экипажи готовы и поданы къ крыльцу. Нѣсколько верховыхъ крестьянъ и дворовыхъ съ фонарями въ рукахъ окружаютъ ихъ, готовые освѣщать путь. Съ шумными разговорами, то съ бранью, то съ хохотомъ разсаживаются дѣвки и дворовыя женщины, старики и старухи, по телѣгамъ, и весь поѣздъ тихо съѣзжаетъ со двора.

— Стой! кричитъ батюшка, и весь поѣздъ останавливается. Взяли ли изъ зала туэзокъ съ яйцами, христосоваться съ попами?..

— Взяли, отвѣчаетъ изъ непроницаемаго мрака чей-то голосъ.

— Пошелъ!

— Свѣти сюда! кричитъ кучеръ.

— Тутъ яма, держи лѣвѣе, предупреждаетъ фонарь.

— Ай, ай, ай! раздается позади пронзительный женскій голосъ, — опрокинулъ, опрокинулъ!... потомъ начинается брань, упреки, хохотъ.

— Куда тѣ чертъ занесъ? Не видишь канава? замѣчаетъ, подъѣзжая, фонарь.

— А ты что не свѣтилъ?.. Чертъ! внушительно отвѣчаетъ возница, и снова раздается хохотъ.

Поѣздъ останавливается, проводники и лакеи спѣшатъ на помощь.

— Что тамъ такое? спрашиваетъ батюшка своего камердинера или, какъ дворовые обыкновенно называли, *камардина* Ивана Николаева, который, возвратившись къ коляскѣ и карабкаясь на запятки, кричитъ—пошелъ!

— Хи, хи, хи! ухмыляется Иванъ Николаевичъ: — умный-то нашъ человѣкъ Михаилъ Василичъ телѣгу съ Федуловной взвалилъ въ грязь...

— Ушиблась?

— Хи, хи, хи! мягко-съ!..

— Экой дуринда! говоритъ, качая головою, батюшка; а между тѣмъ по всему поѣзду идутъ нескончаемые разсужденія и толки объ этомъ событіи, сопровождаемые смѣхомъ и разными прибаутками.

Вонъ въ полѣ не вдалекѣ отъ церкви горятъ смоляныя бочки, зажженныя сосѣдомъ Любавскимъ, озаряя церковь своимъ пламенемъ. Кругомъ церкви скучилось много телѣгъ, и изъ мрака слышно только, какъ лошади фыркаютъ да жуютъ сѣно.

Разбитый 40 пудовый колоколъ дребезжитъ, производя тазообразный звукъ изо всей мочи, а внутри ярко освѣщенной церкви тѣснота непроходимая. Отецъ Федоръ надѣлъ лучшія парчевыя ризы, тѣ самыя, которыя сдѣланы изъ покрова покойника Ивана Яковлевича Любавскаго; Иванъ Ильичъ и Илья Ивановичъ, отецъ и сынъ, пономарь и дьячекъ, нарядились въ стихари и расплели свои гривы.

Охотники до сладкозвучнаго пѣнія изъ дворовыхъ людей Ивана Ивановича Любавскаго и изъ крестьянъ де-

ревни Рудневой тѣснятся на правомъ клиросѣ и поютъ изо всѣхъ силъ. Самъ Иванъ Ивановичъ стоитъ впереди всѣхъ и поддерживаетъ хоръ своимъ звучнымъ теноромъ.

По возвращеніи домой приступали къ разговѣнью за семейнымъ столомъ. Разговѣвшись пасхою, куличемъ и яйцами съ четверговой солью, шли пить чай. Тетушка Варвара Павловна особенно торопилась поскорѣе усладить себя чаемъ со сливками. Она любила чай крѣпкій-прекрѣпкій, но любила не иначе, какъ съ прибавкою чайной ложечки топленыхъ густыхъ сливокъ, почему въ продолженіи великаго поста душевно страдала, будучи лишена этого удовольствія. Когда мы съ отцомъ еще входили только въ чайную, тетушка сидѣла уже передъ самоваромъ и съ наслажденіемъ втягивала съ блюдечка горячій чай.

Въ это время, т. е. пока мы пили чай, вся домашняя и дворовая челядь, а за ними и всѣ крестьяне и бабы съ деревни, имѣя красныя яйца за пазухой, приходили христосоваться съ нами и, похристосовавшись, разговлялись куличемъ и пасхою съ того же стола, съ котораго разговлялись и мы.

Всѣ двери въ домѣ были настежъ. Въ лакейской, въ дѣвичьей, въ корридорѣ толпился народъ и слышалось чмоканье.... Полы, только что въ великую пятницу подмытые, грязнились безъ милосердія, не смотря на то, что въ сѣняхъ, въ предвидѣніи такого обстоятельства, чуть не по колѣно была настлана солома.

Изъ всей дворни одинъ только Тимофей Ивановичъ, старый буфетчикъ, котораго дворня величала казначеемъ, бывалъ недоволенъ этимъ и роптал, что полъ, только что молъ вымыли, а уже успѣли притоптать!.. Бралъ вѣникъ, долго замѣнявшій у насъ въ домѣ половую щетку, и замѣталъ грязь въ уголъ.

Тимофей Ивановичъ по старинному обычаю къ разговѣнью св. Христова Воскресенія всегда заготовлялъ чет-

верговую соль. Четверговою она называется потому, что приготовленіе ее совершалось въ великій четвергъ. Способъ самаго приготовленія былъ не мудренъ: брали соль и пережигали ее въ печи. Перегорѣлая, она получала сѣроватый цвѣтъ и особенный вкусъ. Соли этой приписывали таинственную силу врачеванія лихорадокъ.

Выпивши, закусивши и поблагодаривъ за угощеніе, мало по малу народъ расходился. Послѣ безсонной ночи всякому хотѣлось отдохнуть, выспаться... «Идите-ка дѣти, усните... Еще до обѣда не скоро, говаривалъ бывало батюшка, приподнимаясь съ креселъ; я тоже пойду на боковую»

Въ понедѣльникъ приходили къ намъ образа; а извѣстное дѣло, что ни пѣсенъ играть, ни на качеляхъ качаться, прежде нежели образа не побывали, нельзя. Къ принятію образовъ дѣлались слѣдующія приготовленія: На задней половинѣ двора, на серединѣ, раскладывалась штучка, т. е. складной столъ, накрытый скатертью.

Подъ столъ клали клокъ сѣна, на столъ ставили четверикъ, до половины засыпанный овсомъ, съ зарытыми въ него куриными яйцами. Въ овесъ втыкали рогульку: небольшую суковатую палочку, а къ рогулькѣ прилѣпляли восковую грошевую свѣчу. Еще ставили на столъ миску для водосвятія, деревянную солоницу, и тутъ же клали большой ржаный хлѣбъ и пирогъ.

На стѣнѣ дома противъ стола вывѣшивали на гвоздикъ образъ Матери Божіей, купины неопалимой. Образу этому изстари въ домѣ нашемъ приписывали неотразимую силу измѣнять во время пожара направленіе вѣтра, если вѣтеръ дулъ на строенія.

На другомъ столѣ, тутъ же не подалеку, выставляли на лоткахъ, нарѣзанные кусками, солонину и пироги для закуски; штофъ съ виномъ и ушатъ съ брагою. Окончивши всѣ эти приготовленія, ожидали прихода образовъ.

— Идутъ, идутъ! вдругъ раздавался крикъ со стороны выгона, и на этотъ крикъ всѣ торопливо, господа и дворня, выходили встрѣчать за ворота. Стоятъ, смотрятъ, прислушиваются. Вотъ начинаютъ долетать возгласы церковнаго пѣнія—то тише, то рѣзче—и въ этихъ неопредѣленныхъ возгласахъ все явственнѣе и явственнѣе слышатся побѣдныя слова: Христосъ воскресъ! Вотъ показалось наконецъ и шествіе... Мужчины снимаютъ шапки и крестятся, женщины крестятся и творятъ земные поклоны. Всему ходу предшествуетъ большой жестяной фонарь на древкѣ съ слюдою вмѣсто стеколъ; за нимъ двухсторонній образъ съ изображеніями: съ одной стороны нерукотвореннаго Спаса, а съ другой Димитрія Мироточиваго, съ подвѣшеннымъ къ нему кускомъ краснаго кумача, съ нашитымъ на немъ изъ узенькаго галуна крестикомъ. Образъ однимъ своимъ бокомъ прикрѣпленъ желѣзными ушками къ пестро раскрашенному шесту, увѣнчанному деревяннымъ же крестомъ. За этой старинною хоругвей, о которой можно сказать, что она какъ-то теплѣе смотрѣла нынѣшнихъ, заимствованныхъ отъ западныхъ церквей хоругвей, одинъ за другимъ идутъ богоносцы, дѣвки и парни, мужики и бабы, усердствующіе святынѣ или по обѣщанію.

Всякій несетъ, кто запрестольный крестъ, кто образъ Божіей Матери, Николая Чудотворца, Ильи Пророка, Димитрія Солунскаго и проч. За богоносцами идетъ бывало отецъ Федоръ въ облаченіи. Серебрянный крестъ въ рукахъ сіяетъ на вешнемъ солнцѣ. Далѣе выступаютъ дьячки и церковный староста съ денежнымъ ящикомъ, сыновья причетниковъ, пріѣхавшіе на праздникъ изъ семинаріи и духовнаго училища, и, наконецъ, народъ пестрой толпою.

Подойдя къ накрытому столу на дворѣ, богоносцы располагаются полукругомъ съ восточной его стороны, за-

жигаются свѣчи передъ образами и начинался молебенъ съ водосвятіемъ. Отпѣвши молебенъ, образа шли по дворовымъ избамъ. По пути батюшка-священникъ заходилъ кропить святою водою всѣ хозяйственныя службы, скотный и конный дворъ, конюшню, птицъ и проч.; а обойдя всѣ семьи дворовыхъ и отслуживъ во всѣхъ углахъ молебновъ до 20-ти, образа несли въ домъ, ставили ихъ въ углу залы на приготовленное для нихъ мѣсто и зажигали передъ ними свѣчи. Отецъ Федоръ снималъ ризы и складывалъ ихъ тутъ же къ образамъ. Дьячки, богоносцы, дьячихи и ихъ дѣти шли въ дѣвичью, гдѣ для нихъ приготовленъ былъ обѣдъ; самъ же батюшка и матушка попадья съ своими дѣтьми обѣдали съ нами. Тогда былъ еще такой обычай, что причетники, ходя по приходу, забирали съ собою и женъ, и чадъ, и домочадцевъ.

На второй день праздника пріѣзжалъ къ намъ изъ Бѣляева дядя Михайла Павловичъ въ широкихъ низко висящихъ панталонахъ и неуклюжемъ фракѣ, что все вмѣстѣ, если не уподобляло совершенно, то невольно напоминало медвѣженка на заднихъ лапахъ. Онъ обыкновенно привозилъ съ собою въ кошелькѣ цѣлую сотню сырыхъ куриныхъ яицъ биться. Желающіе сразиться съ нимъ на аренѣ битья, выходили противъ него тоже съ сырыми яйцами. Удары свои дядя наносилъ до того сильно, что внутренность иного яйца всецѣло летѣла въ рыло его противника, что очень его забавляло.

Въ тѣ времена шуты и дураки въ домахъ сельскихъ дворянъ были еще въ ходу. Помѣщики любили потѣшаться ихъ пошлыми, часто доходившими до гадости шутками; шутили сами надъ ними, и шутки эти не дешево подчасъ обходились несчастнымъ шутамъ.

Вмѣстѣ съ приходомъ образовъ являлось въ Любаво много народа изъ сосѣднихъ деревень поздравлять батюш-

ку съ праздникомъ. Отъ крестьянъ монастырскаго вѣдомства, деревень Мухина и Федоровскаго, и изъ нѣкоторыхъ деревень господскихъ оброчныхъ, являлись выборные или старосты и вмѣстѣ съ красными яйцами приносили на поклонъ отъ своихъ міровъ выпоеннаго телка, пару гусей или пѣтуха. Принимая эти приносы, батюшка, сидя въ лакейской за столомъ, бесѣдуя съ выборными, угощалъ ихъ виномъ и брагой изъ огромнаго стариннаго стакана съ орломъ и съ надписью: «Pter. Alex. Magn. Czar Mosc» *), отъ чего угощенные выходили изъ барскаго дома едва не на четверинкахъ. Изъ шутовъ, обыкновенно являвшихся въ домѣ нашемъ въ день посѣщенія образовъ, я помню двухъ. Одинъ дворовый человѣкъ Любавскаго, природный, вывезенный еще младенцемъ изъ Очакова, турокъ, а другой дьячекъ, изъ села Жилконецъ, извѣстный подъ именемъ Сеньки. Оба они были пьяницы. Дьячекъ Семенъ имѣлъ на обоихъ рукахъ безобразно сведенные пальцы, и этимъ уродствомъ былъ обязанъ шуткамъ дяди Николая Павловича. Не то за гривенникъ, не то за полштофъ водки, онъ предложилъ пьяному Сенькѣ голыми руками достать изъ топившейся печи жаръ. Сенька выполнилъ уговоръ, получилъ гривенникъ и остался на всегда уродомъ: пальцы ему свело. Дьячекъ Семенъ былъ роста высокаго, сутуловатъ, съ всклокоченными волосами на головѣ, рѣденькою бородкою и съ торчащею на затылкѣ тоненькою косичкою; глаза изкоса и вѣчно пьяный. Одинъ разъ, тоже по предложенію дяди Николая Павловича, за пять рублей ассигнаціями, онъ согласился быть запряженнымъ въ дрожки, въ тройку за пристяжную лошадь, чтобы довезти дядю до Жилконецъ. Сеньку раздѣли до гола, запрегли на пристяжку, и онъ четыре версты усердно скакалъ какъ

*) «Петръ Алексѣевичъ Великій Царь Московскій». Этотъ стаканъ въ настоящее время хранится у меня. А. С.

пристяжная, не отставая отъ лошадей. Впрочемъ и кучеръ нерѣдко поощрялъ его кнутикомъ на равнѣ съ другою пристяжною, если замѣчалъ въ нихъ лѣнь.

Послѣ обѣда священникъ съ богоносцами подымалъ образа изъ зала и шли на деревню обходить дворы. Весь прежній причетническій полъ и матушка попадья тоже плелись за ними. Обойдя въ деревнѣ дворы, отецъ Федоръ, дьячки и богоносцы возвращались въ домъ сильно хмѣльными. Ставили образа въ тотъ же уголъ, гдѣ они стояли, и начиналась вечерня. Пьяные дьячки и посторонніе припѣвали, ревѣли всякій въ свой тонъ, кто въ лѣсъ, кто по дрова: всѣ учили и упрекали другъ друга въ нескладицѣ, а отецъ Федоръ, при слушаніи такого пѣнія и не въ силахъ будучи самъ подтянуть, смѣялся отъ чистаго сердца.

Я помню, одинъ разъ, такая шутовская вечерня не на шутку разсердила батюшку. Онъ сдѣлалъ замѣчаніе отцу Федору, за что отецъ Федоръ очень оскорбился. «Какъ! духовный мой сынъ смѣетъ мнѣ выговаривать!.. Что ты думаешь, что ты маіоръ?.. я самъ маіоръ!..»

Батюшка сильно разгорячился, не знаю, чѣмъ ссора эта могла бы кончиться, еслибы матушка попадья съ дьячками не увлекли отца Федора.

Священникъ съ причтомъ отправились на ночь домой. Образа оставались ночевать въ залѣ. Передъ ними смѣнялись горящія свѣчи и три или четыре усердныхъ старушки богомолки оставались въ залѣ на молитвенномъ бдѣніи и для наблюденія за огнемъ въ продолженіи ночи.

По утру во вторникъ по окончаніи обѣдни священникъ съ причтомъ и со всѣми домочадцами снова являлись въ домѣ. Служили молебенъ, завтракали, а послѣ завтрака поднимали образа и съ пѣніемъ Христосъ воскресе тѣмъ же порядкомъ, какъ пришли на канунѣ, шли въ домъ Любавскаго, для проведенія тамъ дня и ночи.

Въ среду съ утра съ обѣихъ усадьбъ приготовляли проводы образовъ на выгонѣ. На выставленномъ у часовнѣ столѣ готовилось напутственное угощеніе: пироги, хлѣбы, мясо, штофы съ водкой, а возлѣ стола ставили ушатъ съ брагою. Тутъ служился послѣдній молебенъ. Послѣ молебна священникъ вызывалъ по одному отъ обѣихъ барщинъ нашей и Любавскаго крестьянъ запашиковъ, читалъ надъ наклоненными подъ эпитрахиль головами ихъ молитву, благословлялъ ихъ и надѣлялъ хлѣбами. Потомъ, еще разъ выпивши и закусивши, священникъ, причтъ и богоносцы съ образами возвращались въ церковъ, провожаемые до околицы молящимся народомъ.

При проводахъ у часовни существовалъ изстари обычай катать попа. Это дѣлалось такимъ образомъ. Когда священникъ по окончаніи молебна снималъ ризы, что-бы закусить, на него внезапно бросались бабы и, поваливъ на землю, начинали катать. Все это для того, какъ объясняли бабы, что бы ленъ родился рослѣе. Отецъ Федоръ, хотя не позволялъ уже себя катать, но я помню, что бабы очень приговаривались къ этому и только не доставало уже въ нихъ смѣлости. Всѣ вспоминали предшественника отца Федора, отца Игната, который никогда не перечилъ.

ГЛАВА VI.

Путешествіе въ Москву.—Дорога.—Старники.—Ночлегъ въ Степанщинѣ. — Село Никитское. — Бронницы. — Дуракъ Михаилъ Васильевичъ.—Его выходки.—Кривцы —Легенда о двухъ братьяхъ.—Путевыя впечатлѣнія. — Островцы. — Жилино. — Теряевка. — Люберцы. — Въѣздъ въ Москву. — Мое первое знакомство съ ней. — Московскія развалины.

Въ 1821 году брату Ильѣ исполнился 12 годъ, сестрѣ минуло 10, мнѣ шелъ 9-й, и батюшка началъ подумывать о необходимости умственнаго образованія для сестры и брата. Старшихъ братьевъ онъ отдавалъ въ кадетскіе корпуса на казенное воспитаніе, но съ нами разстаться не хотѣлъ. Утрата брата Николая жила еще въ его памяти, къ тому-жъ и денежныя средства его черезъ приращенія состоянія на столько возросли, что онъ въ казенномъ воспитаніи для насъ не нуждался. Въ августѣ мѣсяцѣ рѣшено было ѣхать въ Москву и отдать брата Илью и сестру Анночку—въ пансіоны. Наступилъ августъ, начались приготовленія. Нашили приличное количество бѣлья—навязали чулокъ, и вотъ въ концѣ августа, а можетъ быть даже и въ сентябрѣ, не помню именно какого числа, отслуживъ напутственный молебенъ, выѣхали со двора. Не знаю, что чувствовали братъ и сестра, но я былъ очень радъ путешествію, будучи увѣренъ, что возвращусь опять домой, что я только побываю въ Москвѣ, только посмотрю Москву.

Первый ночлегъ нашъ былъ въ Городнѣ — куда мы

пріѣхали уже ночью. Обѣдали въ Старникахъ, что въ двухъ верстахъ отъ Коломны, проѣхавши ее. У батюшки былъ тамъ знакомый дворникъ по имени Савоська, страшный пьяница и веселый балагуръ. Дворъ его стоялъ почти противъ только строившейся тогда каменной церкви, крайній къ выгону. Возлѣ двора разстилался лугъ, на которомъ расположили экипажи, отпрягли лошадей и задали имъ корма. Въ Савоськиной избѣ только обѣдали, но обѣдъ готовился поваромъ Филиппомъ и для насъ и для людей на таганѣ, на разложенномъ на чистомъ воздухѣ огнѣ. У Савоськи брали только сѣно для лошадей, квасъ, да курицу въ супъ. Помню, что насъ очень смѣшилъ нашъ хозяинъ Савоська. Съ крылечка его дома я много любовался видомъ Коломны съ ее кремлемъ и на величественныя его древнія башни, которыя тогда еще не были разобраны.

Изъ Сандырей выѣхали уже часу въ 4-мъ пополудни. Сквернѣйшая изъ сквернѣйшихъ дорогъ когда-либо существовавшихъ на равнинахъ нашего отечества, между Коломною и Бронницами, была изрыта вдоль колеями отъ колесъ, а поперегъ грядками отъ прогоняемыхъ гуртовъ, перерыта канавами—и все это было взмѣшено въ вязкую грязь отъ лившихъ не задолго до того времени дождей. Наступила ночь, и ночь была темная, а мы все еще ѣхали, передвигаясь шагъ за шагомъ, помышляя съ невольнымъ трепетомъ каждую минуту быть опрокинутыми или завязнуть безъвыѣздно. Большая четвероместная коляска, отживавшая 25-ти-лѣтіе своего существованія, тяжелая, прочная и съ козлами на столбикахъ, крытые дрожки увѣсистѣе нынѣшней коляски, простая кибитка съ кожаннымъ съ кокошникообразнымъ верхомъ и телѣга съ овсомъ, провизіей и рухлядью, составляли нашъ поѣздъ. Въ коляскѣ сидѣли батюшка, я и братъ Илья; въ дрожкахъ—тетушка Варвара Павловна съ сестрою, а въ ки-

биткѣ, запряженной тройкою, которою правилъ поваръ Филиппъ, помѣщалась кухня и сидѣли нянюшка сестры Софья Ивановна и горничная тетушки.

Батюшка, оставивъ коляску, помѣстился на мѣшкѣ съ овсомъ, привязанномъ на запяткахъ крытыхъ дрожекъ. Мы съ братомъ, оставшись одни, сидѣли тихо, творили про себя молитвы, прислушивались къ мурлыканью батюшки, напѣвавшаго какую-то пѣсню, что дѣлалъ онъ всегда, когда бывалъ не спокоенъ духомъ. Коляску мечетъ по колеямъ изъ стороны въ сторону... и вдругъ, о радость! вдали мелькнулъ огонекъ. «Степанщина», пробормоталъ кучеръ... «Слава Богу! Слава Богу», крестясь и вглядываясь въ огонекъ повторяли всѣ... Ѣдемъ еще... Огонекъ все яснѣе прорѣзываетъ непроницаемую мглу; еще минутъ десять и мы въ Степанщинѣ. Свѣтъ огонька, такъ обрадовавшій насъ, выходилъ изъ деревяннаго неуклюжаго фонаря, подвѣшеннаго подъ навѣсомъ воротъ.

Хозяинъ съ рыжею бородою, выжидавшій пріѣзжихъ, подошелъ съ привѣтливымъ словомъ — милости просимъ. Не смотря на мученье, претерпѣнное нами на дорогѣ и необходимость ночлега, начался торгъ. Сторговавшись, что будетъ стоить овесъ, что сѣно, что будутъ кушать люди и, не смотря на баснословно ничтожныя цѣны, въ сравненіи съ нынѣшними, батюшка согласился только по убѣжденію, что ѣхать далѣе некуда. Наконецъ экипажи наши въѣхали на дворъ. Съ дѣтскою радостію впорхнули мы въ избу, гдѣ свѣтъ отъ сальной свѣчи въ желѣзномъ подсвѣчникѣ и тепло заставили насъ скоро забыть всѣ претерпѣнные дорожные страхи.

Вслѣдъ за нами внесли погребецъ и ящикъ съ харчемъ. Скоро на столѣ, накрытомъ чистой скатертью, закипѣлъ складной дорожный самоваръ.

Батюшка хлопоталъ по обыкновенію за всѣмъ самъ.

Въ свободныя отъ хлопотъ минуты разъяснялъ намъ и смѣялся съ нами, разсматривая лубочныя картинки, которыя, какъ я только помню, чрезвычайно меня занимали. Тамъ были и Прохоръ и Борисъ, которые ссорились и дрались; тамъ видна была и райская птица, съ женскою головою и въ коронѣ, птица поющая только Богу; тамъ и мыши кота хоронили; и въ лицахъ былъ изображенъ споръ между мальчикомъ и ученымъ философомъ: мальчикъ совсѣмъ загонялъ ученаго философа. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но до самаго устройства желѣзной дороги я съ какимъ-то сочувствіемъ смотрѣлъ на всякій постоялый дворъ, особенно при поѣздкахъ въ Москву. Я и теперь не прочь глядѣть на лубочныя картинки и изучать по нимъ минувшій взглядъ народа на жизнь, науку и искусство,—но болѣе всего люблю эти картинки собственно за нихъ самихъ. Они переносятъ меня въ лѣта моего дѣтства. Когда мы напились чаю и вынимали дорожный запасъ для ужина, люди, дѣвки и кучера пили чай и шумно разговаривали за перегородкой о всѣхъ событіяхъ въ пути... Одинъ только кучеръ Егоръ, старшій сынъ Гаврилы, не любилъ пить чай, вмѣсто котораго ему всегда предлагалась водка изъ дорожнаго штофика. Хозяинъ постоялаго двора былъ услужливъ до невозможности, занималъ моего отца разсказами политическими и коммерческими, говорилъ и объ Болнопартіи и нашествіи двунадесять языкъ на Москву, что продолжалось до тѣхъ поръ, пока мы ве поужинали и не пришло время ложиться спать. Сестрѣ, брату и мнѣ постлали на полу; люди наши пошли одни къ лошадямъ, другіе полѣзли на палати. Я погрезилъ о чемъ-то не помню и не помню какъ заснулъ. По утру насъ разбудили ѣхать, или лучше сказать пробудилъ споръ между отцомъ моимъ и хозяиномъ, который, держа въ рукахъ счета и уже не съ ласковымъ лицемъ какъ наканунѣ, а съ наглымъ выраженіемъ въ чертахъ,

говорилъ, что онъ «ворота запретъ и не спуститъ насъ съ постоялаго двора». Отцу моему, да вѣроятно и многимъ было новостію, не смотря на то, что отецъ мой не мало поѣздилъ на своемъ вѣку, что можно требовать за ночлегъ, когда для лошадей брали овесъ и сѣно, и люди ѣли и пили, за комнату, какъ за комнату, когда и въ поминѣ не было особой комнаты... Не помню, чѣмъ кончился споръ, но отецъ мой, отъ природы пылкій, разругалъ сильно дворника, и мы опять, разсѣвшись по мѣстамъ, потянулись шагъ за шагомъ по грязной, непроѣздной дорогѣ.

Служивъ впослѣдствіи въ военной службѣ и пошатавшись и поѣздивъ по матушкѣ Россіи, я нигдѣ не встрѣчалъ бѣдственнѣе и непроѣзжаемѣй дороги, какая существовала до устройства шоссе между Москвою и Коломною. Какихъ нибудь года за два до открытія шоссе, я съ женою и маленькими дѣтьми отъ Москвы до Любавы, 140 верстъ, ѣхали 6 дней. Правда, что весь апрѣль и до половины мая шли сильные дожди, а мы ѣхали въ концѣ этого мѣсяца.

Не помню много-ли верстъ мы проѣхали до обѣда, но помню, что на этомъ переѣздѣ меня поразилъ и удивилъ господскій каменный домъ въ селѣ Никитскомъ. Такъ показался онъ мнѣ огроменъ и красивъ, что мы съ братомъ долго объ этомъ говорили. Когда мы заглядывали на домъ, обративши глаза изъ коляски на право, отецъ мой, тронувъ меня, сказалъ: «что смотрите то все направо, посмотрите-ка сюда на лѣво!» Мы обернулись и были пріятно изумлены избами, расписанными самымъ фантастическимъ образомъ драпировками, цвѣтами въ вазахъ, плодами и ужъ не помню чѣмъ. Признаюсь, мнѣ, какъ ребенку, хотя и казался господскій домъ особенно великолѣпенъ, но избы были милѣе. Не смотря на безвкусицу и пестроту, отъ нихъ вѣяло теплотою какой-то

дѣтской наивности; а домъ былъ такъ бѣлъ, такъ чистъ, такъ солиденъ, что я бы не желалъ въ немъ жить. Отъ него несло на меня холодомъ. Часа въ четыре пополудни, кучера остановили лошадей, что-бъ дать имъ вздохнуть, а сами слѣзли съ козелъ. Я дремалъ, но сквозь дремоту слышу: вонъ и Бронницы! Что за Бронницы, что это за городъ?—Гляжу, впереди верстахъ въ четырехъ раскинулся предъ нами маленькій, низенькій, состоящій изъ темныхъ деревянныхъ ветхихъ строеній городокъ. Впереди виднѣлась группа бѣлыхъ длинныхъ низкихъ строеній съ башенкою, а надъ городомъ высоко поднимался пятиглавый старинный соборъ, съ отдѣлившеюся отъ него колокольнею. День былъ сѣренькій, но теплый и тихій. И маленькій темный городокъ съ стариннымъ соборомъ и колокольнею, хотя каменною, но своими очертаніями напоминавшею деревянныя колокольни старинныхъ сельскихъ церквей, запечатлѣлся въ моей памяти, какъ хорошенькая картинка. Первое пріятное впечатлѣніе осталось при мнѣ до сихъ поръ, и всегда впослѣдствіи, самъ не знаю за что, любилъ я въѣзжать въ бѣдный городокъ Бронницы и засматриваться на его высокій пестрораскрашенный соборъ. Но грустно мнѣ вспомнить, что нѣтъ ужъ той пестрой колокольни, покрытой разноцвѣтной обильной чешуйчатой черепицей. Колокольню ту разобрали и взамѣнъ ее сгородили что-то неуклюжее, тяжелое...

Когда кучера слѣзли съ козелъ, и мы, увлеченные мѣстечкомъ сухимъ и ровнымъ, вышли изъ коляски, чтобы порасправить ноги, подошелъ къ намъ, переваливаясь съ ноги на ногу и размахивая руками, Миша или Михаилъ Василичъ, тотъ что опрокинулъ въ ночь на свѣтлое воскресенье въ грязь Федуловну. Онъ ѣхалъ съ нами въ Москву въ качествѣ возницы въ телѣгѣ.

Начало 19 столѣтія еще носило на себѣ ветхія ласкутья обычаевъ и преданій когда-то, по своему роскош-

ной и лукаво-наивной цивилизаціи 18 вѣка. Это было переходное состояніе. Не было уже ни при дворѣ, ни въ домахъ вельможъ и людей богатыхъ, записныхъ, парадныхъ дураковъ, неразлучныхъ непремѣнныхъ членовъ кабинета и будуара; но дворяне, начавшіе свою жизнь и дѣятельность въ золотой вѣкъ Екатерины, любили еще имѣть близъ себя дураковъ, хотя далеко не въ парадной одеждѣ. Любили надъ ними посмѣяться, пошутить съ ними и отъ души хохотали надъ неуклюжими шутками и случайнымъ дурацкимъ остроуміемъ. Въ устахъ дурака предполагалась всегда правда, и потому дураки эти нерѣдко своею болтовнею сѣяли въ сердцахъ господъ недовѣріе и ненависть къ людямъ добросовѣстнымъ, усерднымъ и вполнѣ преданнымъ ихъ интересамъ.

Какъ помѣщикъ начала 19 вѣка, отецъ мой имѣлъ охоту, т. е. держалъ борзыхъ и гончихъ собакъ; но будучи всегда благоразуменъ, стая его числомъ своимъ никогда не превышала его средствъ.

Комплектъ охоты состоялъ изъ 10 борзыхъ и шести гончихъ собакъ, и только на семидесятыхъ годахъ жизни батюшки, число собакъ уменьшилось, и наконецъ отецъ мой совсѣмъ пересталъ ѣздить въ поле. Дворянину-охотнику непремѣнно нуженъ стремянный, и Миша, такъ звали дурака, въ будничной жизни работавшій въ саду и считавшій себя чѣмъ-то въ родѣ подмастерья садовника, въ дни охоты и въ отъѣзжихъ поляхъ исполнялъ при батюшкѣ должность стремяннаго. Когда бывало сосѣдніе помѣщики-дворяне спрашивали его въ какой онъ должности при баринѣ? «Струментомъ ѣзжу», отвѣчалъ обыкновенно Миша съ выраженіемъ въ лицѣ глупо скрываемаго самолюбія. Помню, какъ шутки или, лучше сказать, глупости Миши приносили удовольствіе и вызывали непритворный смѣхъ не только на уста насъ дѣтей, но и на уста людей пожилыхъ. Вся дворня находила нескончаемое удо-

вольствіе шутить и смѣяться надъ Мишей. Одинъ разъ держа на сворѣ собакъ, изъ которыхъ одна рвалась и тихо визжала, въ то время, когда гончія заливались въ островѣ, въ то время, когда должно было сохранять тишину, и Мишины ласки и угрозы, произносимыя шопотомъ, оказывались не дѣйствительными, Миша разсердился, присѣлъ на корточки, схватилъ морду собаки въ обѣ руки и укусилъ ей носъ. Собака страшно завизжала... Это было до того уморительно, что я и теперь, чрезъ 37 лѣтъ, не могу при воспоминаніи этого происшествія не улыбнуться. Когда Миша пришелъ къ намъ, ему кто-то, указывая на Бронницы, сказалъ, что это Москва, и что если кто въѣзжаетъ въ Москву въ первый разъ, то долженъ поцѣловать какую-нибудь слюнявую старуху, а иначе посадятъ въ мѣшокъ. Этому онъ вѣрилъ и не вѣрилъ;—но сомнѣніе въ достовѣрности было довольно сильно и Миша съ досадой махнулъ рукою. .. «Сама-тъ цѣлуй слюнявую.... чертъ!» проворчалъ онъ сердито сквозь зубы, возвысивъ голосъ на послѣднемъ словѣ, — «а то вишь ты прыткой какой!...» и, будучи доволенъ своимъ отвѣтомъ, залился отъ души самымъ дурацкимъ смѣхомъ.

Когда мы ѣхали чрезъ Кривцы и увидали двѣ церкви, стоящія неподалеку одна отъ другой, отецъ разсказалъ намъ легенду, что въ этомъ селѣ жили два брата, ненавидѣвшіе до того другъ друга, что одинъ, чтобы не встрѣчаться съ братомъ, выстроилъ для себя другую церковь.

Не доѣзжая боровскаго перевоза верстъ за 20, дорога сдѣлалась не проѣздна, и потому мы свернули куда-то въ сторону проселкомъ; переѣзжали гдѣ-то на большомъ паромѣ Москву рѣку, но гдѣ именно—теперь не могу дать себѣ отчета. Помню только, что этотъ паромъ былъ разукрашенъ и раскрашенъ какъ игрушка. Цвѣта: зеленый,

красный, бѣлый и черный пестрили его бока и точеныя балясенки перильцевъ.

Переѣхавъ рѣку и проѣхавъ отъ нея верстъ пять, мы остановились кормить. Гдѣ и какая это деревня—не знаю. Помню какой-то лугъ въ долинѣ, а на горѣ памятники кладбища между орѣховыми кустами. Помню, какъ мы дѣти, будучи пропитаны романами М. Ратклифъ и балладами Жуковскаго, смотря на изсѣченныя изъ бѣлаго камня и раскрашенныя яркими красками и золотомъ урны, и думали и задумывались: — кто-то лежитъ подъ этимъ памятникомъ, какая таинственная судьба привела усопшихъ почить въ уединенной долинѣ?... и дѣтская душа застилалась какою-то неопредѣленною мечтою, какъ дымкою тумана. День былъ солнечный, небо лазурно. На луговинѣ возлѣ рѣчки поваръ нашъ, разложивъ огонекъ и уставивъ таганъ, варилъ въ кострюлѣ супъ изъ курицы.

Я случайно увидѣлъ какъ поваръ рѣзалъ курицу, и потому смотрѣлъ на повара, какъ на варвара или злодѣя, и не хотѣлъ ѣсть супъ изъ несчастной курицы; но дѣтскій аппетитъ взялъ свое, и я, какъ теперь помню, съ какимъ наслажденіемъ гладалъ крылышко и проглотилъ пупочекъ. Время шло, всѣ отдохнули, и уже приходила пора запрягать лошадей.

Мы дѣти, сидя на завалинѣ, играли и смѣялись, толкуя о томъ, что скоро увидимъ Москву. При словѣ Москва, я нарочно коверкалъ выговоръ, что доставляло сестрѣ и брату великое удовольствіе. Вдругъ подошелъ къ намъ батюшка и, обратясь къ теткѣ, смотрѣвшей на насъ въ открытое окно, промолвилъ: «Сестра! если поѣхать въ Москву теперь, то въѣдемъ ночью, и дѣти не увидятъ Москвы при въѣздѣ. Не лучше ли намъ здѣсь ночевать и въ Москву въѣхать днемъ». Тетка разумѣется согласилась съ этимъ, а мы дѣти, хотя и вполнѣ понимали всю нѣжную заботливость отца, все-таки нѣсколько смути-

лись при мысли, что увидимъ Москву не ранѣе слѣдующаго дня.

Чѣмъ ближе на другой день приближались къ Москвѣ, деревни становились чаще, дорога оживленнѣе, и вотъ Островцы; какія они длинныя, предлинныя—безъ конца. Вотъ Жилино—и братъ мой, далеко будучи ученѣе меня и вычитавшій изъ исторіи Константинова, замѣтилъ, что къ этому селу отступила русская армія при оставленіи Москвы въ 1812 году.

Вотъ Теряевка,—какія высокія и прямыя сосны ростутъ направо отъ дороги; кажется такихъ исполиновъ и на свѣтѣ другихъ нѣтъ.

Теряевка, что-то не доброе слышно въ этомъ словѣ. Кругомъ лѣсъ, мѣсто уединенно;—въ сторонѣ торчатъ двѣ или три бѣдныхъ избенки. Ухъ, какъ ужасно!—тутъ совершались грабежи и разбои, о которыхъ долго не забывается въ исторіяхъ. Ну, слава Богу, проѣхали благополучно. Вотъ и Люберцы. Чрезъ рѣчку плотина изъ бѣлаго тесаннаго камня съ шлюзами. Большой прудъ, а надъ прудомъ садъ съ дорожками, усаженными сиреневыми кустами. Въ это время на берегу пруда строилась каменная, обнесенная лѣсами, церковь... «Дворецъ-то разобрали, замѣтилъ отецъ, да изъ этого-то кирпича видно и строятъ церковь».

Вотъ направо чрезъ березовую рощу мелькнули золоченые верхи церкви села Кускова и пробудили мысль о страшномъ богатствѣ графа Шереметьева; ѣдемъ далѣе... Какъ все оживлено, весело, сердце отъ радости хочетъ выскочить. Вотъ еще направо показались зданія и храмы съ осьмиконечными крестами—ужъ не Москва ли это? Нѣтъ, это раскольничій скитъ, а вотъ лѣвѣй-то смотрите, сказалъ сидѣвшій на козлахъ съ кучеромъ Иванъ Николаевъ—вонъ это ужъ Москва.

Гляжу—въ синеватой дали показались конусообразныя

башни Симонова монастыря, и золоченыя главы, но вся Москва еще скрывалась отъ глазъ за отлогимъ холмомъ и за синевою осенняго тумана. Еще ½ версты, и вотъ засіяли верхи безчисленныхъ храмовъ и монастырей. «Вотъ Андроніевъ монастырь, говорилъ отецъ; вотъ направо-то далеко синѣетъ Сухарева башня. Вонъ прямо-то башни Кремля и крестъ Ивана Великаго».—А это, что за домъ такой огромный?—«Это Головинскій дворецъ!»

Ахъ, какъ нехорошо пахнетъ, откуда это? И мы зажали носы. Отецъ шутилъ и смѣялся надъ нами, говоря, что пахнетъ Москвою, а кучеръ и лакей плюнули въ разныя стороны.

Меня, при въѣздѣ въ Москву, ужасно занимали и столбы заставы, и пестрый шлагбаумъ, и военный караулъ, и блестящіе штыки. Мнѣ очень хотѣлось быть военнымъ. Наконецъ въѣзжаемъ въ Москву, ѣдемъ изъ улицы въ улицу и не знаемъ, на что смотрѣть. Тутъ мелочная лавочка съ огромною вывѣскою, представляющею сахаръ въ головахъ, цибики чаю, банки варенья и кучи фруктовъ, конфектъ. Въ срединѣ золотая птица съ виноградною кистью въ клювѣ, а внизу надпись: продажа разныхъ иностранныхъ винъ, рому и водокъ и овощныхъ товаровъ. Тогда еще акцизно-откупное коммисіонерство не стѣсняло торговли винами, и всякая мелочная лавочка торговала винами. Вывѣска чиста, опрятна и даже великолѣпна, а сквозь отворенныя двери виднѣлись неопрятныя бутыли съ конопляннымъ масломъ и кучи рѣпчатаго луку. Тутъ калашня или входъ въ ресторацію, затѣйливо расписанный березами и другими деревьями. Ухъ, какіе большущіе дома, какія церкви, какъ много народу, какъ кричатъ разнощики: «виноградъ хорошій! пельсины, лимоны хороши! сливы, черносливъ!..» Какъ ловко эти молодцеватые въ красныхъ александриковыхъ рубашкахъ разнощики носятъ лотки на шляпахъ. Ахъ, какія смѣшныя

дрожки-войлочки у извощиковъ-ванекъ, и еще съ фартукомъ изъ грязной тряпицы, чтобъ пассажира не обрызгало грязью...

Отчего такое множество обгорѣлыхъ домовъ? Каменныя стѣны ихъ во множествѣ тамъ и сямъ, какъ остовы мертвецовъ, стоятъ среди новизны и жизни. «Москва вся была выжжена во время французовъ. Русскіе сами жгли Москву», проговорилъ батюшка, и дѣтское сердце мое запылало патріотизмомъ и радостнымъ сознаніемъ, что я русскій.

Ѣдемъ по большой Нѣмецкой улицѣ—всѣ дома новы, свѣжи, чисты, нигдѣ и слѣда пожара, но стоило только свернуть съ большой улицы въ любой переулокъ, чтобъ увидать другое.

Нескончаемыя пустыри, усѣянныя развалившимися печами съ торчащими надъ ними трубами между репейниковъ и крапивы, представляли для глазъ картину страшнаго истребленія. Славно русскіе-то сожгли Москву, думалъ я изъ глубины бьющагося сердца, славно, такъ и слѣдовало, чтобъ она не доставалась врагамъ!

Наконецъ подъѣзжаемъ къ небольшому деревянному дому съ пилястрами изъ тесу, съ фронтономъ и семью окнами на улицу. Скоро ставни дома растворились, ворота отперлись, и мы въѣхали на просторный дворъ. Этотъ домъ принадлежалъ А. Б. Приклонскому—старому пріятелю и дальнему родственнику отца. Наконецъ мы въ Москвѣ.

ГЛАВА VII.

Москва.—Домъ Нестеровыхъ.—Наше посѣщеніе ихъ.—Семейство Нестеровыхъ.—Василій Трофимычъ, домашній ходатай по дѣламъ.—Дѣдушка Афонасій Александровичъ.—Разговоры.—Братъ Павелъ.—Его воспитаніе.—Дядька Алифонъ и жена его, Прасковья Ивановна.—Жизнь брата Павла въ Москвѣ.—Обѣдъ у него.—Александровскіе сады. — Оберъ-полицеймейстеръ Шульгинъ. — Пансіоны. — Пансіонъ доктора Кистера.—Кистеръ.—Вступленіе мое въ пансіонъ.—Занятія и распредѣленіе дня.—Первый урокъ учителя А. Д. Смирнова.—Пансіонская жизнь.—Танцмейстеръ Лобановъ. — Дивертисманы. — Урокъ танцевъ.—Суббота.—Квартальный Ф. Д. В.—Отпускъ.—Разлука съ отцемъ.

Я въ Москвѣ! я въ Москвѣ! твердилъ я безпрестанно, радостно прыгая по комнатѣ. Братъ и сестра раздѣляли мою радость: скачемъ, хохочемъ, и увидя открытое окно, всѣ трое бросаемся къ нему. Смотримъ... На другой сторонѣ улицы, надъ входомъ въ дверь красуется синяя вывѣска съ изображеніемъ золотыхъ ножницъ. Вотъ проѣхали войлочки съ сидящею на нихъ толстою купчихой въ шелковомъ травчатомъ платкѣ на головѣ и въ атласномъ салопѣ. Объ войлочкахъ, объ этомъ патріархальномъ экипажѣ, едва-ли теперь кто знаетъ, тогда какъ устройство его было самое простое. Вообразите себѣ ломовыя дроги съ лежащею на нихъ подушкою, или бѣговыя дрожки въ большихъ неуклюжихъ размѣрахъ съ прицѣпленнымъ съ боку холщевымъ фартукомъ; вотъ вамъ и войлочки. Только въ концѣ 20 годовъ, и именно при оберъ-поли-

ціймейстерѣ Шульгинѣ, извозчичьи войлочки, мало по малу, начали замѣняться калиберами, на которыхъ и до позднѣйшихъ временъ еще подвизаются Московскіе ваньки и которыхъ Шульгинъ считался изобрѣтателемъ. Сквозь отверстіе переулка виднѣлись остовы обгорѣлыхъ каменныхъ домовъ, груды развалинъ фундаментовъ и безчисленное множество торчащихъ печей и трубъ, истребленныхъ пожаромъ деревянныхъ строеній. Широко разстилался пустырь пожарища, поросшій чернобыльникомъ и крапивою, а по этому пустырю, во всѣхъ направленіяхъ, извивались тропинки, протоптанныя пѣшеходами.

Долго-бы еще мы смотрѣли въ окно на проѣзжихъ и на прохожихъ и на вывѣску съ ножницами, если-бы голосъ отца не прервалъ нашихъ созерцаній и нашей болтовни. «Дѣти, одѣвайтесь, сказалъ онъ, пора къ Нестеровымъ». Къ Нестеровымъ... твердилъ я въ умѣ, повторяя слова отца, и страхъ въ первый разъ быть представленнымъ богатымъ родственникамъ, всегда жившимъ въ Москвѣ, т. е. кореннымъ москвичамъ, мимолетнымъ ознобомъ пробѣжалъ по кожѣ. Я былъ-бы радъ не видать никакихъ родныхъ, не знаться ни съ кѣмъ, такъ мнѣ было хорошо въ родимой семьѣ. Передъ поѣздкой въ Москву намъ съ братомъ сшили полуфраки по тогдашней модѣ изъ синяго сукна съ блестящими мѣдными пуговицами, и въ этотъ разъ суждено было намъ ихъ обновить. Открытыя воротнички нашихъ манишекъ были разшиты крупными дырами съ рѣшетками и паутинками. Когда всѣ были готовы, одѣты и причесаны, мы вышли изъ воротъ на тротуаръ. Пройдя мимо маленькаго желтаго цвѣта домика съ портикомъ изъ 4 бѣлыхъ колонокъ, съ зеленою желѣзною крышею и съ стоящимъ у портика воиномъ «съ сѣкирою въ бронѣ сермяжной», повернули за уголъ по кирпичному переулку. Вотъ на право за высокою полуразвалившеюся каменною стѣною виденъ куполъ като-

лической церкви, а вотъ и бѣлокаменныя палаты Нестеровыхъ—цѣль нашего хожденія.

Въ большомъ домѣ тогда никто еще не жилъ; онъ только что возрождался послѣ пожара 12 года. Наружная отдѣлка была окончена; но внутри еще бѣлили стѣны, красили рамы и грунтовали двери. Съ утра и до вечера раздавались къ намъ удары топоровъ и кирокъ, визгъ пилъ, и далеко вокругъ въ чистомъ осеннемъ воздухѣ разливался запахъ масла и скипидара отъ малярныхъ работъ. Подъ домомъ этимъ когда-то была устроена кладовая со сводами, недоступная для огня, куда передъ нашествіемъ французовъ и бѣгствомъ изъ Москвы владѣльцевъ дома было запрятано все, чего не успѣли или что не могло быть вывезено изъ Москвы: мебель, бронзы, фарфоръ, хрусталь, картины и сундуки съ богатымъ скарбомъ; входъ же въ кладовую былъ наглухо заложенъ кирпичемъ. Въ общемъ пожарѣ домъ сгорѣлъ, но все запрятанное въ кладовой осталось бы цѣло, если бы не измѣнилъ дворникъ и не указалъ французамъ завѣтнаго тайника. Все, что они въ немъ нашли, было разграблено и истреблено... Лѣтъ около тридцати до настоящаго времени домъ Нестеровыхъ преобразился изъ барскаго въ частный домъ Лефортовской части и заторчала надъ нимъ каланча, но въ описываемое мною время онъ предназначался для жизни прекрасной 22-хъ лѣтней дѣвушки, единственной и послѣдней отрасли когда-то многочисленнаго и цвѣтущаго семейства Александра Матвѣевича.

По возвращеніи въ Москву послѣ оставленія ея непріятелемъ, Нестеровы поселились въ двухъ-этажномъ оштукатуренномъ снаружи флигелѣ окнами на площадь, отдѣланномъ внутри на скорую руку для временнаго житья. Взойдя по крутой и узкой лѣстницѣ на второй этажъ, мы очутились въ небольшой передней, по стѣнамъ которой на лавкахъ сидѣло восемь или девять видныхъ

лакеевъ, уже немолодыхъ, одѣтыхъ въ синіе суконные фраки, съ мѣдными гладкими пуговицами, и между ними мальчикъ лѣтъ 12-ти съ плутовскимъ улыбающимся лицомъ.

На столѣ лежала раскрытая большая книга церковно-славянской печати, и, какъ я соображаю по воспоминаніи ея наружнаго вида, книга эта была минея-четія. Старый, какъ лунь посѣдѣвшій, лакей пріятной наружности, читавшій ее, при входѣ нашемъ тихо приподнялся, снялъ съ носа очки и, положивъ ихъ на книгу, почтительно поклонился.

Вотъ и залъ, обставленный по стѣнамъ выкрашенными черною краскою стульями, съ веревочными рогожками подъ свѣтлой охрой. У одной изъ стѣнъ стояло фортепьяно, а въ простѣнкахъ между оконъ ломберные столы темно-краснаго дерева съ мѣдными украшеніями.

Въ небольшой гостиной у окна, въ углу, сидѣла въ вольтеровскихъ креслахъ старушка, одѣтая въ тавтяный дикаго цвѣта на ватѣ шлафоръ. Широкій зеленый шелковый зонтикъ надъ глазами скрывалъ большую часть ея лица, а ноги лежали на скамѣечкѣ, обитой пестрымъ коврикомъ. При входѣ нашемъ она вскинула голову. Необыкновенная воскояровая бѣлизна старушки, ея худоба, тонкія черты ея лица и черные неугасимые глаза внушали къ ней невольное уваженіе. Старушкѣ этой было уже около 80 лѣтъ; ее звали Александра Афонасьевна.

На диванѣ, у задней стѣны гостиной, сидѣла другая старушка, лѣтъ за 50 отъ роду, довольно полная, бѣлая, круглоликая съ привлекательнымъ выраженіемъ темнокарихъ глазъ. Это была Александра Александровна, когда-то типъ русской красоты, дѣвица, дочь Александры Афонасьевны, одна изъ всѣхъ дочерей, оставшаяся еще въ живыхъ. На креслѣ у круглаго стола, что передъ диваномъ, помѣщалась другая дѣвица, но молодая и прекрас-

ная, съ голубыми глазами, съ меланхолическимъ выраженіемъ кроткаго и блѣднаго лица. Имя этой дѣвицы Марья Афонасьевна, она была внучка 90 лѣтней старухи, отрада семейства, дочь Афонасія Александровича, единственнаго, остававшагося еще въ живыхъ сына и хозяина дома.

Самого Афонасія Александровича въ это время дома не было. Изъ второй главы моего разсказа, вѣроятно, припомнитъ читатель, что Александра Афонасьевна имѣла много дѣтей. Дочери цвѣли красотою; сыновья были въ чинахъ; но она всѣхъ схоронила одного за другимъ, а сама жила. Афонасію Александровичу было уже около 60 лѣтъ, и онъ былъ вдовецъ. Представительницею новаго поколѣнія оставалась его единственная красавица дочь, объ которой я выше сказалъ; но и та была какъ будто уже отмѣчена смертію. Чахотка развивалась въ груди ея незамѣтно.

Кромѣ уже описанныхъ мною лицъ, въ углу, около печи, сидѣла еще третья старушка, худощавая, съ продолговатымъ лицомъ, въ тавтяномъ копотѣ съ подвязушками, съ бѣлымъ бумажнымъ платкомъ на головѣ и въ востроносыхъ, екатерининскихъ временъ, съ каблуками башмакахъ; это была Анна Павловна, родная моя тетка, съ ранней молодости, какъ уже читатель знаетъ изъ первой главы, пріютившаяся въ домѣ Нестеровыхъ.

Маленькая моська съ громкимъ лаемъ бросилась на насъ при входѣ нашемъ въ гостиную; старушка прабабушка вздрогнула; другія привѣтствовали насъ громкими изліяніями родственной радости. Начались цѣлованія, слезы. Отецъ мой поочередно подводилъ насъ дѣтей, сначала къ Александрѣ Афонасьевнѣ, а потомъ и къ другимъ. Мы, какъ слѣдуетъ, цѣловали ручки; цѣловали, ласкали и насъ.

Когда первыя движенія свиданія поуспокоились и стар-

шіе занялись разговоромъ, я, сѣвши у окна на одномъ креслѣ съ братомъ, началъ отъ нечего дѣлать разсматривать гостиную. Все въ ней было пусто. По стѣнамъ висѣло три портрета въ круглыхъ вызолоченныхъ рамахъ съ изображеніемъ женскихъ фигуръ, полногрудыхъ, съ напудренными, высоко взбитыми волосами и въ фижмахъ. Диванъ и кресла стариннаго фасона съ мягкими пуховыми подушками; въ углу старинная краснаго дерева шифоньерка съ бронзовыми украшеніями; а на столикѣ между оконъ, подъ зеркаломъ, красовались столовые англійской работы часы съ курантами, разыгрывавшіе каждый часъ маршъ на голосъ: «Мальбрукъ въ походъ поѣхалъ». Надъ окнами висѣли соломенныя сторы.

Обозрѣвъ подробно гостиную, я повернулся къ окну и посмотрѣлъ въ него. Отъ самаго дома Нестеровыхъ разстилалась немощеная площадь или, лучше сказать, неровный пустырь, поросшій травою; а за пустыремъ прямо противъ оконъ виднѣлись развалины каменныхъ зданій съ полуобрушившимися колонами, съ рядами сквозныхъ оконъ и съ торчащими трубами печей сгорѣвшаго въ 1812 году дома графа Бутурлина. Живописныя развалины эти уже успѣли одѣться мхами, порости травою, а въ разсѣлинахъ стѣнъ разрастались молодыя березки и рябина. Позади развалинъ были видны пруды и каналы съ неподвижными водами, кое гдѣ подернувшіяся зеленью, а въ незацвѣтшія еще мѣста зеркальной поверхности отражались вершины березъ, липъ и елей. Еще далѣе, между деревьями, сверкала Яуза, отдѣлявшая бутурлинскую усадьбу отъ дворцоваго сада.

А вотъ на право и Лефортовскій дворецъ, по которому вся эта часть Москвы называется Лефортовымъ. Зданіе это, построенное въ видѣ замка, составляетъ квадратъ двухъ этажныхъ строеній, со всѣхъ четырехъ сторонъ однообразно украшенныхъ пилястрами. Въ то время

обгорѣлыя стѣны были покрыты желтовато-красными пятнами и копотью. Крыши изъ ржаваго желѣза, а въ окна были вдѣланы доски съ намалеванными на нихъ рамами. Далѣе за Лефортовскимъ дворцомъ тянулись обгорѣлые остовы одноэтажныхъ зданій бывшаго слободскаго дворца.... Зданія эти были построены въ легкомъ итальянскомъ вкусѣ и въ своихъ развалинахъ были чрезвычайно живописны.

— А гдѣ же дядюшка? спросилъ мой отецъ.

— Братъ скоро долженъ пріѣхать, отвѣчала Александра Александровна, онъ все съ своими дѣлами.... и при этомъ бабушка что-то пошептала батюшкѣ на ухо.

Батюшка покачалъ головою.

— Еслибы не Василій Трофимычъ, продолжала бабушка... Далѣе я не слыхалъ.

Василій Трофимычъ былъ крѣпостнымъ человѣкомъ и домашнимъ ходатаемъ по дѣламъ. Онъ былъ человѣкъ умный, хитрый и дѣлецъ по тогдашнимъ понятіямъ, т. е. зналъ кому дать и сколько дать. Старинные баре никогда не вели сами никакихъ процессовъ, никогда не дѣлали сами никакихъ рукоприкладствъ, а всегда довѣряли всякаго рода тяжбы своимъ крѣпостнымъ повѣреннымъ.

Это былъ особенный типъ служителей. Начало своего юридическаго образованія они получали при вотчинныхъ конторахъ, вели приходо-расходныя книги и по довѣренностямъ управляли имѣніями. Для нихъ при помѣщичьихъ усадьбахъ и при московскихъ домахъ отводились особыя помѣщенія во флигелѣ или въ домѣ, всегда особенно теплыя съ необходимою домашнею утварью: неопрятною кроватью съ ситцевымъ одѣяломъ и пологомъ отъ мухъ, шкафомъ для платья, столомъ, стульями; чего другая прислуга не имѣла и довольствовалась спаньемъ на полу, гдѣ Богъ привелъ. При нихъ всегда были карманные серебряные часы на бисерномъ шнуркѣ и прислуга, состоящая

изъ какого нибудь двороваго мальчишки-сироты или старухи. Съ господами обращались они почтительно, но и сквозь эту почтительность всегда проглядывала какая-то фамильярность: вслѣдствіе внутренняго сознанія, что у нихъ съ господами бывали общія тайны, да уже такія, что еслибы сослали въ Сибирь одного, то онъ потянулъ бы за собою и другаго.

Къ тому-жъ, кто бы велъ безъ нихъ тяжбы, которыхъ у всякаго было вдоволь, или защищалъ бы интересы помѣстій и вотчинъ отъ набѣговъ земской полиціи и сводилъ бы съ нею счеты.

Таковъ былъ и Василій Трофимовичъ. Но вотъ часы съ курантами бьютъ часъ, проиграли Мальбрука, поѣхавшаго въ походъ, и вслѣдъ затѣмъ въ передней послышалось движеніе.

— Вотъ и папенька пріѣхалъ! сказала радостно Марья Афонасьевна и, пока она проговорила эти слова, въ гостиную вошелъ довольно полный, но ровный мужчина, средняго роста. Лице его было правильное и красивое; лысина, начинавшаяся отъ широкаго лба, сливалась съ обнаженною макушкою. Лобъ былъ прорѣзанъ морщинами, губы тонкія, а въ небольшихъ сѣрыхъ глазахъ свѣтилось выраженіе душевнаго волненія при совершенной неподвижности лица. Онъ былъ одѣтъ въ синій, однобортный сюртукъ съ обтяжными пуговицами.

— А! деревенскія вороны! вскрикнулъ онъ, весело обнимая моего отца. Давно ли пріѣхали? что это? твои дѣти? Молодцы!... и говоря это, цѣловалъ насъ поочереди.

Поздоровавшись съ нами, дѣдушка подошелъ къ матери и поцѣловалъ ей руку. Та приподняла голову, чтобы взглянуть изъ подъ зонтика на сына и тихо спросила: «гдѣ былъ?..»

— На бѣгу, матушка.

Старушка безсмысленно засмѣялась, покачала головою и снова опустила глаза.

Дѣдушка былъ страстный охотникъ до лошадей, особенно до рысаковъ, и рысаки его нерѣдко составляли украшеніе московскихъ бѣговъ.

— Кушанье готово, доложилъ дворецкій, и всѣ пошли къ столу.

За обѣдомъ было два горячихъ супа и лѣнивыя щи, стоявшія на столѣ въ массивныхъ серебряныхъ мискахъ. Впрочемъ вся посуда и блюда и соусники, исключая тарелокъ, все было изъ серебра.

Къ жаркому подавали крыжовникъ въ уксусѣ и довольно мелкій.

— Вотъ какое у насъ соленье нынѣшній годъ, сказала бабушка Александра Александровна, взявъ на вилку и показывая ягодку крыжовника,—нашъ садовникъ ничего намъ болѣе не прислалъ. Чтобы вамъ догадаться, да привезти намъ гостинцу.

На другой же день желаніе это было исполнено, и часть нашего деревенскаго запаса по части соленій въ уксусѣ была отдѣлена и отправлена къ бабушкѣ.

Мальчишка, котораго я замѣтилъ между лакеями при входѣ въ переднюю и подававшій сметану ко щамъ, соленье и сахаръ къ пирожному, смотрѣлъ на меня въ продолженіи обѣда пристально и лукаво и, подавая всѣмъ, онъ какъ будто нечаянно, будто незамѣтивъ, обносилъ меня и скрывался въ буфетъ; но я, наблюдая за нимъ чрезъ щель буфетной двери, видѣлъ его черный, лукаво смотрѣвшій на меня глазъ и высунутый насмѣшливо языкъ.

Минуту спустя, вѣроятно довольно позабавившись надъ моимъ смущеніемъ, онъ выходилъ изъ буфета и подавалъ мнѣ все особо, съ видомъ человѣка, нечаянно пропустившаго гостя. Такія продѣлки онъ повторялъ со мною и въ

послѣдствіи довольно часто, когда я обѣдывалъ у Нестеровыхъ въ первые мѣсяцы моего съ ними знакомства.

Во время кофея, когда дѣдушка, взявъ Московскія Вѣдомости сѣлъ возлѣ окна въ кресло, и маленькая моська, взлѣзши къ нему на колѣна, всячески старалась лизнуть его въ лицо, отъ чего онъ обороняясь, говорилъ съ моською такъ, что мы дѣти, помирали со смѣху, Марья Афонасьевна, ставши позади его и взявши какую-то четырехъ угольную стклянку съ наклеенной на ней картинкою, тонкими прозрачными своими пальцами стала изъ нея мазать ему голову какой-то розовой жидкостію.

— Чѣмъ это вы мажете? спросилъ ее батюшка.

— Это макасарское масло, недавно только привезенное въ Москву; отъ него ростутъ волосы, отвѣчала Марья Афонасьевна. Эта стклянка стоитъ 14 рублей.

На такое дорогое масло мы всѣ смотрѣли, какъ на чудо. Разглядывали картинку, изображавшую плантаціи и негра, собирающаго цвѣты. Но, не смотря на драгоцѣнное масло, на заботы дочери, дѣдушкина голова все таки осталась плѣшивою.

Изъ разговоровъ я помню только, какъ было говорено, что уроки музыки Марьѣ Афонасьевнѣ даетъ Фильдъ, что онъ первый фортепьянный учитель въ Москвѣ; что въ Москвѣ, въ домѣ княгини Волконской на домашнемъ ея театрѣ играетъ труппа итальянскихъ пѣвцовъ, отъ которой вся Москва, т. е. свѣтскаго круга, въ восторгѣ; особенно отъ оперы Сорока воровка. Съ восторгомъ объ этой оперѣ отнеслась и Марья Афонасьевна и тутъ же, доставъ изъ стола тоненькую книжку съ напечатаннымъ въ ней переводомъ Сороки воровки на русскій языкъ, дала прочесть брату, что онъ и исполнилъ во всеуслышанье.

Говорили о пребываніи въ Москвѣ Каталани и о ея концертахъ.

— Когда она давала свой первый концертъ въ дворян-

скомъ собраніи, разсказывала бабушка,—публики наѣхало множество и внизу и на хорахъ не было пустаго мѣста. Всѣ съѣхались, ждутъ Каталани, а она не ѣдетъ. Давно уже пробило 7 часовъ, въ публикѣ поднялся ропотъ. Всѣ стали обижаться и, наконецъ, многіе согласились за ея невѣжество освистать ее, когда она будетъ пѣть. Проходитъ и еще съ добрыхъ полчаса и вотъ, наконецъ, Каталани входитъ съ спокойнымъ сіяющимъ лицомъ, подходитъ къ ройялю и вдругъ неожиданно на русскомъ языкѣ запѣла:

„Ты возвратился благодатный,
Нашъ кроткій ангелъ, другъ сердецъ.. “

И публика пришла въ такой невыразимый восторгъ, что не только свистать, но даже окончательво забыла, что Каталани заставила себя дожидаться около двухъ часовъ.

Говорятъ, что англичане купили у Каталани ея горло послѣ ея смерти и заплатили 30 тысячъ рублей.

Восторгъ, съ которымъ публика отнеслась къ спѣтому Каталани гимну, объясняется безконечною любовью тогдашняго московскаго общества къ покойному Императору Александру Павловичу, не задолго возвратившемуся съ Вѣнскаго конгресса.

— Ты вѣдь знаешь, Василій, нашего Богоявленскаго протопопа Матвѣя Абрамовича, снова начала бабушка, обращаясь къ моему отцу, онъ намъ вчера принесъ стихи своего сочиненія на пожаръ Москвы. Очень курьезно! прибавила она, и тутъ же, выдвинувъ изъ стола ящикъ, достала тоненькую брошюрку въ красной оберточкѣ, напечатанную тѣмъ гадкимъ шрифтомъ, какимъ печатались тогдашнія «Московскія Вѣдомости» и на самой плохой сѣро-синеватой бумагѣ.

Стихи эти я читалъ и перечитывалъ нѣсколько разъ. Не могу судить дѣйствительно ли они были хороши; но

помню, что они были исполнены патріотизма, заставляя мое дѣтское сердце трепетать и радоваться. Особенно мнѣ нравилось одно мѣсто, гдѣ поэтъ говорилъ о крестѣ Ивана Великаго, снятомъ врагами.

Время уже близилось къ чаю, когда въ гостиную вошелъ братъ Павелъ, старшій меня лѣтъ на 10-ть и который уже около года, какъ въ качествѣ канцелярскаго служителя, состоялъ на службѣ въ Правительствующемъ Сенатѣ и жилъ въ Москвѣ.

Такъ какъ братъ пріѣхалъ по вызову батюшки, батюшка посылалъ къ нему нарочнаго, то вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ и старикъ дядька его, состоявшій при немъ въ услуженіи.

Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій свиданья, батюшка вышелъ съ пріѣзжимъ братомъ въ залъ, позвалъ туда изъ передней дядьку и сталъ распрашивать у него: какъ ведетъ себя Павелъ Васильевичъ, ходитъ ли на службу и, наконецъ, какъ употребляетъ деньги? Въ отвѣтъ на это старый дядька докладывалъ барину, что Павелъ Васильевичъ не изволитъ слушаться и денежками транжиритъ по кеатрамъ.

Не помню теперь, какъ шелъ разговоръ, только батюшка, пожуривъ брата и взойдя въ гостиную, объявилъ намъ, что завтра мы всей семьей поѣдемъ къ нему обѣдать и посмотрѣть его житье-бытье. Старый дядька, стоя въ дверяхъ, съ почтительной улыбкой проговорилъ: милости просимъ, и мы, еще посидѣвъ часовъ до 9-ти, отправились домой, очень довольные гостепріимствомъ и ласками добрыхъ родныхъ.

Братъ Павелъ, я уже упомянулъ въ I главѣ моего разсказа, говоря о старшихъ братьяхъ, съ 9-лѣтняго возраста былъ отвезенъ въ морской кадетскій корпусъ. Тамъ развилась въ немъ природная золотуха, открылись раны въ ногахъ, и болѣзнь съ помощью тогдашняго казеннаго

леченія развилась въ немъ до того, что отецъ мой вынужденъ былъ взять его для излеченія въ деревню. Съ корою на головѣ, съ язвами на искалеченныхъ ногахъ, съ желто-сѣроватымъ цвѣтомъ лица, возвратился онъ подъ родительскій кровъ, но тутъ домашній уходъ, декоты изъ калиновыхъ побѣговъ и репейнаго корня, чай изъ листьевъ черной смородины, а главное свобода и чистый деревенскій воздухъ возстановили его здоровье. Онъ скоро сталъ бѣлъ и румянъ, что называется кровь съ молокомъ, хотя одна нога осталась короче другой. Причиною этого обстоятельства была не единственно золотуха. Въ кадетскомъ корпусѣ добрые товарищи-кадеты, ради ли шалости, или въ видахъ медицинскаго пособія, раскалили въ печи кочергу до красна, да и прижгли ему ногу. Отъ такой операціи въ ногѣ свело жилы, и онъ на всю жизнь остался хромымъ.

Любезнымъ его занятіемъ сдѣлалась голубятня. Какъ теперь вижу краснощекаго моего брата полувылѣзшаго изъ слуховаго окна бани, гдѣ помѣщалась голубятня, и носовымъ платкомъ махавшаго на голубей, высоко кружившихся въ воздушной лазури. Я былъ тогда лѣтъ 7-ми; но забава съ голубями мнѣ нравилась, и хотя я никогда самъ не гонялъ голубей, но любилъ, да и теперь люблю этихъ птицъ. Люблю и радуюсь, когда голуби большими стаями покрываютъ крыши моихъ надворныхъ деревенскихъ строеній, или клюютъ разсыпавшіяся зерна въ гумнѣ или у амбаровъ.

Впрочемъ, брату Павлу недолго пришлось гонять голубей, а когда онъ совершенно поокрѣпъ въ силахъ, отецъ мой записалъ его на службу въ Зарайскій уѣздный судъ. Тутъ онъ впервые сознал̇ъ канцелярскій порядокъ, а еще нѣсколько времени спустя, былъ переведенъ на службу въ Москву, въ 8 департаментъ Правительствующаго Се-

ната, въ чинѣ канцеляриста, гдѣ получилъ мѣсто за экзекуторскимъ столомъ.

Отпуская брата въ Москву, отецъ мой, въ качествѣ служителя и ментора, отправилъ съ нимъ и его дядьку, объ которомъ я выше упомянулъ, ходившаго за нимъ и за братомъ Петромъ еще до отправленія ихъ въ корпусъ.

Христіанское имя дядьки, данное ему при крещеніи, было Афиногенъ; но вѣроятно современники нашли болѣе удобнымъ величать его съ молоду Алифошкой, а подъ старость Алифономъ Андреевичемъ. Впрочемъ, всѣ мы братья, а за нами и сестры, въ малолѣтствѣ не иначе звали его какъ дядькою.

Въ 80-хъ годахъ прошедшаго столѣтія Алифонъ Андреевичъ былъ доѣзжачимъ дяди Алексѣя Павловича и ему единственно обязана исторія сохраненіемъ преданія о затравленномъ дядею медвѣдѣ. Супругу его звали Прасковьей Ивановной. Это та самая, которая проспала мою мать въ часы ея предсмертной агоніи.

Какъ Алифонъ Андреевичъ, такъ и Прасковья Ивановна любили выпить; оба они одарены были большими носами; оба были стары и нѣжно любили другъ друга.

Подойдетъ бывало 60-ти-лѣтняя Паша къ своему 70-ти-лѣтнему Алифошѣ, такъ, не говоря ни слова, только посмотритъ на него значительно, а Алифоша, поднявъ свою сѣдую голову, взглянетъ черезъ окуляры, всегда торчавшіе на кончикѣ его носа, въ глаза своей Пашѣ, и вотъ они уже поняли другъ друга. Алифонъ Андреевичъ встанетъ, положитъ въ сторону всегда вертѣвшійся въ рукахъ его чулокъ со спицами, разсѣдлаетъ носъ отъ окуляровъ, скинетъ съ гвоздика свой неизмѣнный, долгополый сюртукъ и ваточный картузъ, одѣнется, и вотъ они рука въ руку идутъ въ ближайшій питейный, откуда черезъ нѣсколько времени возвращаются домой, хотя и тѣмъ же порядкомъ и съ тою же любовью какъ пошли, но ужъ

значительно съ разрумянившимися носами и не тою твердою походкой.

Въ жизнь свою они никогда не ссорились, не спорили и ни въ чемъ не упрекнули другъ друга, и когда гораздо уже позднѣе настоящаго моего разсказа, проживая на покоѣ въ деревнѣ, умерла Прасковья Ивановна, то старикъ, переживщій ее годами двумя, каждое воскресенье ходилъ версты за 3 на кладбище, едва передвигая отъ старости ноги, чтобы только хоть посидѣть на могилкѣ своей Паши.

Мой московскій братецъ, отъ природы живой съ цвѣтущимъ здоровьемъ, былъ очень не прочь повеселиться, а деньжонокъ-то бывало на малѣ. Отъ батюшки онъ получалъ тогда рублей 300 въ годъ, да кой-какой домашній деревенскій запасъ: муку, крупу, масло, ветчину, зимою мерзлую живность и проч. Этого при тогдашнихъ условіяхъ для жизни канцелярскаго служителя, при жалованьѣ хотя и небольшомъ, было-бы и достаточно, но братъ любилъ этакихъ, разныхъ сильфидъ и другія удовольствія, особенно театръ, до котораго молодость вообще бываетъ страстна.

Хотя мой братецъ, посѣщая театръ, сиживалъ не болѣе какъ въ раю или какъ онъ тогда выражался «на верхотуріи», что конечно стоило не дороже двугривеннаго; но и двугривенными при другихъ секретныхъ удовольствіяхъ много утрачивалось изъ средствъ содержанія, а братъ бывало и послѣднюю копѣйку относилъ въ театръ.

Напрасно менторъ дядька дѣлалъ ему разныя представленія и въ обузданіе непутности читалъ натаціи. Ни что не помогало. Бывало братъ, послѣ весело проведенной ночи, часу въ третьемъ по полудни прибѣжитъ изъ Сената домой съ разгулявшимся аппетитомъ, хлопнетъ съ розмаху дверью и бойко закричитъ: дядька, обѣдать! а дядька, продолжая вязать чулокъ, посмотритъ на него

спокойно черезъ свои окуляры и спроситъ насмѣшливо: «А денегъ-то на обѣдъ давалъ?... вотъ теперь и сиди не ѣвши!...»

Конечно, помучивши нѣсколько времени своего воспитанника и позабавившись его затруднительнымъ положеніемъ, Алифонъ Андреевичъ приказывалъ Пашѣ, т. е. своей супругѣ Прасковьѣ Ивановнѣ, достать изъ печи щей «пусть ужъ его похлебаетъ!...»

Братъ Павелъ очень иногда любилъ полюбоваться собою, особенно принарядившись. Станетъ бывало передъ зеркаломъ, долго передъ нимъ охорашивается и выпрямляется, то подойдетъ къ зеркалу, то отойдетъ отъ него, или ужъ и такъ и сякъ вертясь, оглядываетъ себя съ боковъ. Старый дядька, продолжая вязать свой чулокъ, не спускаетъ съ него глазъ, но, наконецъ, не выдержитъ, ухмыльнется и промолвитъ: «Охъ ужъ ты мнѣ щеголь коровьи ноги!...»

День былъ чудесный, когда мы въ четверомѣстной коляскѣ выѣхали изъ воротъ нашего временнаго пріюта въ Нѣмецкой слободѣ. Небо было безоблачно. Мы ѣхали по Ильинкѣ. Невиданныя зданія, шумъ и движеніе народа, множество лавокъ, стукъ колесъ отъ безпрестанно снующихъ каретъ, дрожекъ и войлочковъ наводили на насъ дѣтей какое-то сладостное одуреніе. На Ильинкѣ у жестяныхъ лавокъ вышли мы всѣ изъ коляски и пошли пѣшкомъ. Купцы кричатъ: что покупаете-съ? Пожалуйте-съ: шпильки, булавки, перчатки, помада, помочи... у насъ есть-съ, пожалуйте-съ!... Квасъ малиновый... Пироги горячіе!... Что ни дальше, все становится шумнѣе и многолюднѣе. А это что видно вдали? Что это за золотыя главы, что за башни съ орлами? Это Кремль, соборы, Иванъ Великій. Какъ ярко горитъ солнце на золотѣ куполовъ.

Вотъ монументъ Минину и Пожарскому! указалъ нашъ

отецъ, когда мы вышли на Красную площадь, а вотъ и Василій блаженный, и Спасскія ворота. Снимайте, дѣти, шапки... И сняли мы шапки и въ первый разъ вошли въ Кремль.

Помолившись въ соборахъ и приложившись ко всѣмъ кремлевскимъ мощамъ, мы снова сѣли въ коляску и поѣхали на Никитскую, гдѣ противъ самыхъ святыхъ воротъ Никитскаго монастыря въ домѣ криваго дьячка проживалъ братъ Павелъ Васильевичъ.

Въ сѣняхъ низенькаго деревяннаго домика, котораго теперь нѣтъ въ поминѣ, насъ встрѣтили самъ братъ, дядька и менторъ его Алифонъ Андреевичъ съ супругою Прасковьею Ивановною и чрезъ просторную хозяйскую кухню ввели въ небольшую горенку, оклеенную грязно-розоваго цвѣта обоями съ букетами изъ желтыхъ и синихъ цвѣтовъ.

Столъ уже былъ накрытъ: ножи, тарелки, вилки, ложки, все было разноколиберное. Частію свое, частію призанятое хозяйское.

«Ну-ка посмотримъ Ваше хозяйство, что тамъ у Васъ» — сказалъ батюшка, и Алифонъ Андреевичъ и его Паша засуетились. Подали щи жирныя и горячія, потомъ большую часть говядины, зажаренную на противнѣ вмѣстѣ съ картофелемъ, плававшимъ въ растопленномъ жиру; подали и еще что то, чего ужъ я теперь не помню.

Послѣ обѣда пришелъ дьячекъ хозяинъ съ огромнымъ бѣльмомъ на одномъ глазу, съ свѣтлорусой небольшой, но окладистой бородкой и съ пучкомъ изъ волосъ на затылкѣ. Изъ разговоровъ его съ батюшкою помню только одно, что онъ хотѣлъ строиться, но говорилъ, что въ чертѣ бѣлаго города вновь деревянныхъ строеній возводить не дозволяется.

Часу въ шестомъ пополудни пошли мы всей семьей смотрѣть Кремлевскія сады, называвшіеся тогда садами

Александровскими. Деревья и кустарникъ были тогда еще очень молоды. Тѣни никакой. Но лужайки были зелены и пушисты, дорожки выметены чисто, и множество гуляющихъ густой толпой двигалось по главной аллеѣ. Подъ мостомъ, раздѣлявшимъ сады, помѣщалась харчевня, или ужъ не знаю что, только изъ двухъ дверей, находящихся подъ аркой, сильно несло запахомъ пригорѣлаго масла.

Въ садахъ этихъ особенно восхитилъ меня гротъ.... Впрочемъ все, что я тогда не видѣлъ, все очаровывало, какъ будто я былъ въ состояніи самозабвенія, какъ будто я находился подъ вліяніемъ очаровательныхъ грезъ. Съ какимъ благоговѣніемъ глядѣлъ я на Кремль. И кто бы могъ думать, смотря тогда на меня, что въ маленькой груди моей, въ груди 8-ми лѣтняго мальчика, уже сознательно трепетало сердце гражданина, пропитаннаго до фанатизма чувствомъ народной гордости.

Нагулявшись досыта, мы сѣли отдахнуть на каменныхъ ступеняхъ лѣстницы, ведущей въ садъ отъ Экзерцисъ-гауза, и стали смотрѣть на проходившихъ и на все насъ окружавшее.

По Моховой проѣхала команда жандармовъ въ высокихъ каскахъ справа рядами. Городскіе жандармы того времени принадлежали корпусу внутренней стражи и имѣли желтыя выпушки и желтые лампасы, но мнѣ казалось, что ничего изящнѣе и быть не можетъ, потому что до этого времени я никогда не видалъ конныхъ войскъ. «Куда это они ѣдутъ?» спросили мы съ братомъ Ильей брата Павла. «Вѣрно въ театръ» — отвѣчалъ братъ москвичъ. «Театръ тутъ очень близко. въ домѣ Пашкова». Нужно же было такъ случиться, что это то самое зданіе, гдѣ нынѣ помѣщается университетская церковь, и на томъ мѣстѣ, гдѣ музы и терпсихоры волновали сердца, теперь приносятся безкровныя жертвы.

Большой домъ съ портиками изъ колоннъ, на дворѣ,

что теперь называется новымъ университетомъ. стоялъ тогда съ обгорѣлыми стѣнами. Не знаю, когда онъ сгорѣлъ; но въ то время не разъ мнѣ удавалось видѣть, особенно въ лавкахъ ножевой линіи гравюру, довольно впрочемъ плохую, съ надписью внизу: «Дѣйствіе Московской пожарной команды во время пожара». На картинѣ этой былъ изображенъ сказанный съ портиками домъ, съ бьющимися изъ оконъ и крыши языками пламени и столбами густаго дыма. Пожарныя команды ставятъ къ дому лѣстницы и лѣзутъ вверхъ. Немного впереди скачутъ съ бочками, съ трубами, а еще ближе виденъ скачущій на парѣ лихихъ лошадей привставшій на дрожкахъ и протянутой рукою указывающій на пожаръ знаменитый Московскій оберъ - полиціймейстеръ Шульгинъ I-й. Тогда онъ былъ въ славѣ; на его молодецкую старо-гусарскую наружность народъ глядѣлъ съ восторгомъ, купечество его любило.

Куда бы онъ не ѣхалъ, его постоянно сопровождалъ конвой изъ 4-хъ жандармовъ и столько же казаковъ. Все это было въ духѣ того времени.

Шульгинъ былъ очень богатъ, имѣлъ нѣсколько большихъ каменныхъ домовъ въ Москвѣ, но чрезъ немного лѣтъ умеръ въ нищетѣ. Дѣло въ томъ, что незадолго до кончины Императора Александра Павловича Шульгинъ былъ переведенъ на ту же должность въ Петербургъ. Послѣ 14 декабря впалъ въ немилость и уволенъ отъ службы. Дома и все имущество его были проданы въ удовлетвореніе какихъ то денежныхъ взысканій—и вотъ бывшій Московскій оберъ-полиціймейстеръ Шульгинъ послѣдніе годы своей жизни въ той же Москвѣ ходилъ по лавкамъ гостиннаго двора, питаясь подаяніемъ.

Цѣлью пріѣзда нашего въ Москву было желаніе отца моего отдать брата и сестру въ пансіонъ, и вотъ, поживши, погулявши и повидавшись съ родными, отецъ мой

началъ искать пансіоны, куда бы ихъ помѣстить. Въ то время частныхъ пансіоновъ было тьма. Не было, мнѣ кажется, не только улицы, но даже и переулка, гдѣ бы не было вывѣски: «Пансіонъ для благородныхъ дѣтей мужскаго пола» или «пансіонъ благородныхъ дѣвицъ». Въ одной нѣмецкой слободѣ было, кажется, пансіоновъ 7 или болѣе. Тутъ былъ пансіонъ Гильфердингъ и нѣсколько пансіоновъ Дельсалей. На Сѣнной площади у Красныхъ воротъ—пансіонъ Дамоно. Въ новой Басманкѣ пансіонъ Бибикова, у Петра и Павла въ переулкѣ въ домикѣ о трехъ окнахъ былъ тоже чей-то пансіонъ, на Мясницкой близъ Красныхъ воротъ пансіонъ профессора Шлецера и доктора Федора Кистера, на Мясницкой, въ домѣ Салтыковой пансіонъ мад. Жарни и далѣе близъ Лубянской площади пансіонъ М. Пернэ;—вотъ сколько пансіоновъ, которые сохранились въ моей памяти на протяженіи отъ Нѣмецкой слободы до Лубянки; но и въ другихъ протяженіяхъ Московскихъ улицъ было не менѣе, и я слыхалъ столько названій содержателей и содержательницъ, что и упомнить нельзя. Гимназія въ Москвѣ была одна и далеко не была въ томъ видѣ, какъ теперь, и потому дворянство предпочитало отдавать своихъ дѣтей въ такъ называемый благородный пансіонъ, хотя въ сущности въ нихъ принимались всякія дѣти лишь бы платили деньги.

Въ то время, въ пансіонъ безъ благородныхъ дѣтей на вывѣскѣ никто бы дѣтей и не отдавалъ. Не знаю, кто отрекомендовалъ батюшкѣ два пансіона Кистера и Пернэ. Только въ одинъ прекрасный день коляска наша, вмѣщавшая всю семью, остановилась на Мясницкой у подъѣзда дома Лобанова-Ростовскаго, что нынѣ домъ машинистовъ—братьевъ Бутенопъ. Надъ портикомъ, гдѣ вывѣска гласитъ теперь о машинистахъ, красовалась тогда синяя вывѣска, съ крупною писанною золотомъ над-

писью: «Учебное заведеніе для благородныхъ дѣтей мужскаго пола профессора Шлецера и доктора Кистера».

Всѣ мы, не исключая моего отца, прочитавъ вывѣску, подумали, что это докторъ прописывающій рецепты больнымъ, и мнѣ помнится, что батюшка даже подумалъ въ полголоса, что это хорошо, что самъ можетъ лечить въ своемъ пансіонѣ въ случаѣ болѣзни, но оказалось иначе. Кистеръ имѣлъ степень доктора философіи въ Московскомъ Университетѣ и читалъ, кажется, въ приготовительномъ факультетѣ нѣмецкую литературу. У подъѣзда стоялъ швейцаръ, плѣшивый, въ нанковомъ сюртукѣ, который проводилъ насъ по лѣстницѣ на верхъ и чрезъ комнату, въ которой находились шкафы съ книгами и физическими инструментами, ввелъ насъ въ гостинную.

Послѣ нашихъ деревенскихъ хоромъ домъ Лобанова показался намъ чрезвычайно великолѣпнымъ. Паркетные полы, лѣпные карнизы и поддѣланныя подъ мраморъ панели, пилястры и амбразуры оконъ возбуждали наше удивленіе. Пока мы глазѣли во всѣ стороны, въ гостинную взошелъ одинъ изъ содержателей пансіона. Это былъ Кистеръ. Кистеръ былъ мужчина толстый и съ полнымъ брюхомъ. Голова сѣдая и плѣшивая; черты лица правильныя круглыя и съ выраженіемъ кислоты, принимаемой за глубокую ученость. На лицѣ его сіяла привѣтливая и вкрадчивая улыбка, которую онъ всегда принималъ, когда привозили къ нему отдавать дѣтей. Походка его была торопливая, движеніе озабоченное.

— Вы господинъ Шлецеръ, спросилъ его мой отецъ!

— Я докторъ Кистеръ. Шлецеръ ужъ оставилъ пансіонъ. Пансіонъ мой, я директеръ!

Послѣ этого Кистеръ просилъ садиться, и батюшка завелъ съ нимъ разговоръ о цѣли нашего посѣщенія. Дѣло шло только о братѣ; Кистеръ превозносилъ свой пансіонъ, свою попечительность и любовь къ дѣтямъ и, наконецъ,

обратился ко мнѣ. «Ахъ какое миленька, миленька, этого права, ей Богу,—миленька, ошень миленька, право ей Богу. Надо въ пансіонъ ушиться, ушиться»... Его такая симпатія ко мнѣ была мнѣ не понутру, а дѣлать нечего.

— Онъ у меня, говорилъ отецъ, любитъ все дѣлать машины, строить мельницы, архитекторъ: «О, о, о! этого право ей Богу все узнаетъ у меня, всему ушатъ и математикъ, и шершеній все, все», говорилъ онъ, сдѣлавъ самыя сладкія глаза и оттопыривъ, улыбаясь, губы такъ, что отецъ мой соблазнился и спросилъ о цѣнѣ. Кистеръ сказалъ ему, что онъ менѣе тысячи рублей (тогда былъ счетъ ассигнаціями) съ ученика не беретъ. По тогдашнимъ средствамъ батюшки—насъ было у него 7 человѣкъ дѣтей: иные были въ Корпусѣ, другіе уже офицерами—было дорого, и потому батюшка вдругъ не рѣшился. Кистеръ повелъ насъ показывать свое заведеніе, и мы изъ гостинной прямо взошли въ высшій классъ. Всѣ ученики встали, и чтоже? между учениками высшаго класса—и это было большинство—были верзилы лѣтъ отъ 20 до 25. Всѣхъ классовъ было четыре. За то въ низшемъ классѣ были дѣти лѣтъ 6 и по 7, впрочемъ и тутъ сидѣли вмѣстѣ съ крошками мальчики лѣтъ по 15 и болѣе.

Осмотрѣвъ классы и распрощавшись съ Кистеромъ, который снова обратилъ на меня свои нѣжныя ласки: потрепалъ по щекѣ, погладилъ по головкѣ,—назвалъ нѣсколько разъ миленька право, ей Богу, мы уѣхали домой.

Я былъ непокоенъ, чуствовалъ, что мнѣ не миновать бѣды, и предчувствіе мое оправдалось. Когда мой отецъ расказывалъ одному знакомому о пріемѣ Кистера и что онъ охотно отдалъ бы и меня, но только цѣна несоразмѣрна, потому что я еще не великъ, что платить за мое ученье такъ дорого, то старый знакомый ему сказалъ: «а Вы бы поторговались—можетъ и уступилъ бы», и совѣтъ этотъ удался какъ нельзя лучше.

Батюшка поѣхалъ въ пансіонъ и порѣшилъ съ Кистеромъ платить ему за насъ двухъ братьевъ 1600 руб. ассигн. и половину денегъ заплатилъ впередъ.

Дня черезъ три приставленъ былъ къ намъ съ братомъ, въ видѣ дядьки, человѣкъ Максимъ. Его отправили съ нашими пожитками въ пансіонъ впередъ, а вслѣдъ за нимъ отвезли и насъ. Меня посадили въ меньшемъ классѣ, т. е. въ 1-мъ, а брата моего во 2-мъ... Часы до обѣда прошли еще кое-какъ, но послѣ обѣда на насъ съ братомъ нашла такая тоска, мы такъ плакали, что я не знаю, испытываетъ ли эту грусть нынѣшнее поколѣніе дѣтей. Мнѣ казалось, что я оторванъ отъ теплаго угла и брошенъ въ холодный безпріютный вертепъ бѣснующихся бездушныхъ мальчишекъ, которые никогда не знали отеческой любви, слѣдственно не въ состояніи понять и нашихъ горестей.

Часы занятій въ классахъ были раздѣлены слѣдующимъ образомъ: вставали въ 6 часовъ. Отъ 7 до 8 шли въ классы и садились за утреннюю репетицію готовить уроки. Въ 8 часовъ пили чай изъ каменныхъ съ ручками кружекъ съ кускомъ бѣлаго хлѣба и шли въ классъ. Въ 10 часовъ звонокъ извѣщалъ о перемѣнѣ классовъ, и въ этотъ краткій промежутокъ всѣ шли въ столовую и получали по ломтю бѣлаго хлѣба, съ 10 часовъ до 12 опять въ классѣ. Въ 1-мъ обѣдали; въ 2 часа въ классъ до 4 часовъ, съ 4 до 6 часовъ другой классъ; въ 7 пили чай, съ 8 до 9 часовъ репетиція; въ 10 ужинъ, и шли спать, а въ 6 часовъ утра звонокъ поднималъ всѣхъ къ началу новаго дня. Такимъ образомъ мы сидѣли на мѣстѣ 10 часовъ въ сутки и только два часа имѣли время для приготовленія уроковъ.

Въ послѣ-обѣденные часы того грустнаго дня, о которомъ я началъ говорить, учителя по какимъ-то обстоятельствамъ не приходили, и потому 1, 2 и 3 классъ со-

брали въ одинъ третій, гдѣ въ это время давалъ урокъ русской грамматики Алекс. Дмитріевичъ Смирновъ.

Для насъ это былъ первый урокъ неуваженія къ учителямъ.

Смирновъ терпѣть не могъ названія монахъ, и потому прежде его появленія въ классъ, уже былъ на большой математической классной доскѣ, стоявшей на треножникѣ, нарисованъ мѣломъ монахъ во весь ростъ, и взрослые ученики неистово радовались заранѣе эффекту, какой произведетъ монахъ на Александра Дмитріевича. На немъ былъ надѣтъ фракъ коричневаго цвѣта и очень потертый; панталоны узенькіе и бѣлый жилетъ пикэ съ огромнымъ желтымъ чернильнымъ пятномъ, чуть не въ половину всего жилета. Въ петличкѣ, на длинной Владимірской лентѣ, моталась дворянская медаль 1812 года, и Александръ Дмитріевичъ не иначе подписывался, какъ кавалеромъ мѣдной медали. Волосы на головѣ были курчавые, а лице его выражало незлобіе. При входѣ его всѣ ученики встали и насмѣшливо поклонились.

Онъ, дѣлая маленькіе частые поклоны головою, подошелъ и сѣлъ на свой стулъ, положивъ шляпу предъ собою на столъ, и, расправивъ на головѣ курчавые съ просѣдью волосы обѣими руками, вдругъ сталъ осматривать учениковъ.

— Это что такое еще нарисовали тутъ,—какой это дуракъ? Между учениковъ начался страшный хохотъ. Да вотъ дуракъ нарисовалъ, ну, ты Затыкевичъ! что зѣвъ-то дерешь, сотри поди, нечего горланить, бери мѣлъ, да пиши!

Затыкевичъ идетъ писать, а нѣкоторые ученики встали и идутъ къ Александру Дмитріевичу съ картинками, вырванными изъ книжекъ и дрянными лубочными гравюрками съ изображеніемъ лошадей и проч.

— Александръ Дмитріевичъ!—не угодно ли картин-

ку-съ! я для васъ приготовилъ, говорили подошедшіе къ нему ученики, и онъ ласково скалилъ зубы и говорилъ, кивая головою въ видѣ учащенныхъ поклоновъ, что очень, очень благодаренъ-съ. Одинъ изъ учениковъ, не имѣя картины, поднесъ Александру Дмитріевичу гривенничекъ. «Вашимъ милымъ соболянкамъ на пряники-съ», произнесъ онъ скромно и вкрадчиво. «Премного благодаренъ», говорилъ снова, оскаливъ зубы наставникъ, «премного благодаренъ, всякое даяніе благо», и онъ спряталъ гривенничекъ въ жилетный карманъ, въ которомъ скрывались огромные серебряные, въ видѣ луковицы, часы, на бисерномъ темно-бѣленькомъ незабудочномъ шнуркѣ.

Не помню, какъ прошелъ классъ, но только окончаніе онаго сопровождалось шумомъ и гамомъ бѣсновавшихся учениковъ, и, какъ сквозь туманъ, вижу проходящаго и сѣменящаго ногами Александра Дмитріевича, скалящаго зубы и кивающаго на прощанье головою. Въ толпѣ учениковъ я искалъ брата и, когда веселая ватага ихъ отхлынула въ другую комнату, я его увидалъ и подошелъ къ нему. Онъ стоялъ у окошка и тихо плакалъ. Сердце мое было переполнено тоскою; мнѣ мерещился нашъ домъ; мнѣ какъ будто слышался ласковый голосъ отца; мнѣ представлялась семья наша, сидящая около стола, на которомъ шипѣлъ самоваръ и стояли пестрыя чашки; и грустная существенность во всей наготѣ подавила окончательно духъ мой. Когда я увидѣлъ слезы брата, то и самъ заплакалъ горькими слезами. Вдругъ снова раздался шумъ и гамъ около насъ. Толпа небольшихъ учениковъ преслѣдовала одного большаго съ крикомъ: Фока! Фока! сопровождавшая свой вопль плевками. Несчастный верзила остановился и въ отчаяніи закричалъ во все горло самымъ пронзительнымъ голосомъ. На крикъ прибѣжалъ надзиратель, французъ Пижосъ, и маленькіе разбѣжались. Сцена эта не могла порадовать насъ, но мы послѣ при-

выкли. Несчастный Фока, какъ звали его ученики, былъ Шишковъ.

Онъ страшно боялся плевковъ; къ тому-жъ онъ вѣроятно былъ въ младенчествѣ чѣмъ нибудь испуганъ: не смотря на свои лѣта, былъ робокъ и только отдѣлывался отъ преслѣдованій крикомъ.

Раздался звонокъ къ чаю; всѣ собрались въ большой залѣ и попарно вошли въ столовую, гдѣ размѣстились на скамейкахъ, выкрашенныхъ зеленою краскою около стѣнъ. Намъ подали чай съ молокомъ въ кружкахъ и роздали по ломтю бѣлаго хлѣба.

Мы пили чай, но не разъ слезы скатывались въ кружку. Трудно припомнить всѣ подробности ничтожныхъ приключеній въ пансіонѣ; въ то время все казалось такъ обыкновенно, что не оставляло по себѣ особеннаго впечатлѣнія. Какъ новичковъ, насъ сначала били и щипали добрые товарищи, мы плакали, терпѣли, не жаловались, и дѣло обошлось.... Я былъ посаженъ въ самый маленькій классъ, а братъ однимъ классомъ выше.

Въ пятницу, по окончаніи первыхъ послѣ-обѣденныхъ часовъ, всѣ ученики начали суетиться съ крикомъ одѣваться; одѣлись и всѣ бѣжали къ своимъ шкафамъ, стоявшимъ въ спальняхъ.

Что такое, зачѣмъ одѣваться, спросили мы? Лобановъ пріѣхалъ, Лобановъ пріѣхалъ! Мое воображеніе представило мнѣ какого-то вельможу, гостя—тѣмъ болѣе, что пансіонъ нашъ занималъ домъ Лобанова-Ростовскаго; но.... оказалось другое.

Лобановъ былъ никто другой, какъ танцмейстеръ, артистъ Императорскаго Московскаго театра, дававшій въ нашемъ пансіонѣ уроки танцованія. Когда всѣ одѣлись и пришли въ залу, вдругъ двери отворились, и входитъ какой-то господинъ въ черномъ фракѣ съ продолговатымъ смуглымъ лицомъ, довольно вертлявый и въ башмакахъ.

Ученики привѣтствовали его крикомъ: здравствуйте, господинъ Лобановъ! А онъ на привѣтствіе быстро раскланивался на всѣ стороны. Впослѣдствіи я видалъ Лобанова—знаменитаго Лобанова, неподражаемаго въ русской и цыганск. пляскѣ, на сценѣ въ дивертисментахъ. Въ тѣ времена ни одинъ спектакль въ Москвѣ не оканчивался безъ дивертисмента. Дивертисменты имѣли свои названія, напримѣръ: Семикъ или гулянье въ Маріинской рощѣ; гулянье въ Сокольникахъ; праздникъ колонистовъ близь столицы и проч. Въ дивертисментахъ пѣлись удалыя и заунывныя русскія пѣсни; плясали по цыгански, по русски, по казацки — и пусть меня называютъ варваромъ, вандаломъ; но для меня въ дивертисментахъ было болѣе жизни, стало быть и болѣе наслажденій, нежели во всѣхъ фантастическихъ великолѣпно обставленныхъ балетахъ съ чертями и безъ чертей.

Не знаю, какъ на другихъ дѣйствуютъ балеты, но на меня по выходѣ изъ театра нападаетъ апатія въ родѣ той, которая посѣщаетъ человѣка на другой день послѣ ночной оргіи. Пустота въ головѣ и въ сердцѣ, и недовольство собою за потраченное время. Но не то было послѣ дивертисмента: звуки родной пѣсни долго еще раздавались, если не въ слухѣ ушей, то слышались сердцемъ, наполняя его отрадою, воображеніе рисовало видѣнную въ театрѣ картину лѣса на утреннемъ разсвѣтѣ или восходѣ солнца и группы живыхъ людей, и плясавшихъ, и веселившихся отъ души въ полномъ разгулѣ, какъ веселится только русскій народъ. Въ этихъ-то дивертисментахъ являлся Лобановъ одѣтымъ въ кафтанъ съ окладною бородою, съ черными кудрями, и, когда онъ плясалъ, театръ стоналъ отъ восторга. Въ немъ нельзя ужъ было узнать вертляваго актера, нѣтъ это былъ типъ граціознаго русака. Поведетъ бывало плечемъ, взглянетъ, кажется, все просто, все обыкновенно, но все было полно

упоенія, мысли, чувства. Случалось мнѣ видѣть Лобанова, плясавшаго по русски въ числѣ многихъ паръ, одѣтаго одинаково со всѣми. Всѣ ловки, всѣ красивы, всѣ пляшутъ хорошо, а Лобанова узнаешь изъ всѣхъ по особенной прелести его пляски. Публика любила его и въ цыганской пляскѣ, гдѣ онъ въ красной поддевкѣ былъ до того вертлявъ и бѣшенъ, что не было возможности услѣдить его движеній. Заставляли криками фора, тогда еще bis не кричали, переплясывать нѣсколько разъ; онъ обыкновенно бросалъ свою шляпу въ глубь сцены, бѣжалъ за нею и скрывался за кулисы. Послѣ брошенной шапки публика уже болѣе его не заставляла повторять. Такъ знали и такъ привыкли къ этой выходкѣ Лобанова.

Что касается до балетовъ, то онъ былъ замѣчателенъ только въ венгерской хижинѣ, гдѣ превосходно плясалъ по венгерски, но въ другихъ балетахъ, кажется, онъ занималъ только роли чертей.

За Лобановымъ взошелъ въ залу его музыкантъ со скрипкой; Лобановъ закричалъ: играй французскій кадрель, захлопалъ въ ладоши, и немедленно образовалось нѣсколько кадрилей въ 4 пары каждая; музыкантъ заигралъ и пошла писать.

Для насъ съ братомъ, какъ недавно пріѣхавшимъ въ Москву, французская кадриль была особенно новою. Она еще вводилась въ то время только въ Москвѣ, но въ провинціяхъ еще объ ней не имѣли и понятія; года черезъ два или болѣе начали только танцовать, и то не многіе избранные, въ Рязанскомъ Собраніи и съ трудомъ собрали 4 пары, заставляя вызывать многихъ изъ за картъ чтобъ полюбоваться новымъ танцемъ. Тогда въ кадриль становилось не болѣе четырехъ паръ и танцовали со всѣмъ усердіемъ, выдѣлывая каждое па: танцовали съ антръша, съ паделе, де зефиръ.

Сообразно съ духомъ времени и ученики прыгали, ломались.

Лобановъ не любилъ учить методически. Онъ прямо становилъ въ танцы то тамъ, то сямъ, выплясывая самъ, и глядя на него всѣ танцовали съ большимъ одушевленіемъ. Въ этомъ классѣ тоска по домѣ нѣсколько поутихла, тѣмъ болѣе, что на другой день наступала суббота— день, когда, какъ и теперь ведется въ учебныхъ заведеніяхъ, всѣ ученики распускаются по домамъ.

Наконецъ наступила суббота—день, который я до сихъ поръ особенно люблю, а за что и самъ не знаю.

Обязанъ ли этимъ впечатлѣніемъ тому времени, когда еще съ самаго нѣжнаго возраста по субботамъ ученье книжное прекращалось, а добрый отецъ нашъ собиралъ насъ въ свою комнату и давалъ намъ уроки рисованія, искусство, которое я страстно любилъ. Послѣ обѣда, уроковъ уже не было никакихъ, а впереди ожидалось воскресенье— цѣлый день свободы.

Въ пансіонѣ суббота имѣла еще большій интересъ, она возвращала меня къ дому, къ родной семьѣ, а когда впослѣдствіи для сердца моего сдѣлались понятны незримыя, неосязаемыя и неслышимыя впечатлѣнія поэзіи и любви, я полюбилъ субботній звонъ колоколовъ, призывающій ко всенощной; мнѣ нравилась, для меня была полна красоты и мира даже лампадка, затепленная въ субботу во имя вѣры предъ образомъ Спаса,—и для меня казалось, что субботу и сама природа считаетъ долгомъ праздновать, посылая въ самыя ненастные и мрачные дни осени хоть на минуту лучь солнышка.

Весело освѣщало солнышко классъ нашъ, рисуя на паркетномъ дубовомъ полу ярко изображеніе рамъ; дѣтски радостно сіяли личики всѣхъ моихъ маленькихъ товарищей въ ожиданіи роспуска. Давно уже пробило 11 часовъ, и вотъ отворились двери и въ классъ вошелъ квартель-

ный надзиратель Ф. Д. В. въ мундирѣ съ вышитыми золотомъ вѣтками въ видѣ крючковъ на воротникѣ, съ трехъуголкой и бѣлыми перчатками въ лѣвой рукѣ. Онъ былъ еще среднихъ лѣтъ и, вѣроятно, хорошо воспитанъ, потому что бойко говорилъ по французски. Средняго росту, съ гладко причесанными волосами и съ тонкимъ нѣсколько вздернутымъ носомъ, онъ на вѣчно врѣзался въ моей памяти. Причина его появленія была очень проста. Въ одномъ со мною классѣ учился его сынъ однихъ лѣтъ со мною, и Ф. Д. В. въ субботу въ 12 часовъ самъ заѣхалъ, чтобъ взять сына домой. Впослѣдствіи онъ каждую субботу и всегда почти въ одно время, т. е. за 1/4 часа до 12 часовъ, являлся къ намъ въ классъ, и я помню, что мы на него въ его квартальническомъ мундирѣ смотрѣли, какъ на вѣстника радости, а на его крючковатыя вѣтви воротника, какъ на масличную вѣтвь, принесенную Ною голубкою по осушеніи земли.

Много времени прошло съ тѣхъ поръ; я былъ въ военной службѣ, на войнѣ въ Польшѣ, служилъ долго, вышелъ въ отставку, женился и обзавелся семействомъ. Но лѣтъ 8 назадъ, будучи по дѣламъ въ Московской гражданской палатѣ, вдругъ вижу квартальнаго надзирателя; вглядываюсь—и что-жъ? это Ф. Д. В. Волосы у него побѣлѣли, какъ снѣгъ, щеки впали и прорѣзались морщины, но я ему обрадовался, какъ давно потерянному другу. Разумѣется, что онъ и не подозрѣвалъ моей радости;—его окружала толпа канцелярскихъ, съ различными остротами называя высокоблагородіемъ; онъ вертѣлся во всѣ стороны, улыбался, но былъ какъ будто встревоженъ; говорили о какомъ-то фальшивомъ свидѣтельствѣ, рукоприкладной и проч., чего я не могъ понять, не знавши въ чемъ дѣло. Мундиръ его былъ сильно потертъ, не такъ щеголеватъ, какъ прежде, и висѣлъ на немъ мѣшкомъ, но я послѣ узналъ, что онъ постоянно все былъ надзирате-

лемъ того же квартала, изъ котораго пріѣзжалъ къ намъ въ пансіонъ за сыномъ.

Наконецъ классъ кончился. Всѣ двери отворились, и всѣ ученики съ шумомъ и гамомъ побѣжали во всѣ стороны. Бѣгу и я къ брату, сидѣвшему въ другомъ классѣ, нашелъ, побѣжали вмѣстѣ въ залу, и о радость—нашъ отецъ стоялъ въ ожиданіи насъ и съ сіяющимъ лицемъ принялъ насъ въ свои объятія. Еще двѣ или три субботы онъ пріѣзжалъ брать насъ, наконецъ пріѣхалъ проститься съ нами... Много было пролито слезъ... Онъ уѣхалъ, и мы остались съ братомъ, какъ сироты, покинутые всѣми.

ГЛАВА VIII.

Пансіонская жизнь.—Надзиратель Кляузень и музыкальный учитель Мерике.—Публичный экзаменъ.—Балъ.—Пожаръ генералъ-губернаторскаго дома.—Князь Юсуповъ.—Домъ нашъ въ Ольховцахъ.—Праздничные дни.—Елка у Кистера.—Шалость воспитанниковъ съ учителемъ Поповымъ. —Смерть его.—Пріѣздъ отца.—Масляница.—Гулянья на Москвѣ-рѣкѣ.—Театръ на Моховой.—Опера „Илья Муромецъ".—Трагедія Коцебу: „Смерть Роллы".—Вѣтроцинская.—Смерть тетеньки Нестеровой.

Съ отъѣзда изъ Москвы отца началась жизнь истинно пансіонская. Привычка примирила насъ съ судьбою, сблизила и съ товарищами шалунами. Мы смѣшались съ ними, увлеченные общимъ потокомъ жизни. По воскресеньямъ изрѣдка пріѣзжалъ за нами братъ Павелъ и бралъ насъ къ Нестеровымъ, гдѣ мы находили всегда сестру, отданную, также какъ и мы, въ пансіонъ М-мъ Пернэ, находившійся на Мясницкой же въ домѣ Татищева, противъ переулка, ведущаго съ Мясницкой на Кузнецкій мостъ.

Домъ этотъ теперь перестроенъ, но тогда онъ имѣлъ свою отличную архитектуру; стоялъ какъ и теперь стоитъ, имѣя предъ своимъ фасадомъ небольшой садъ.

Въ домѣ Нестеровыхъ мы находили теплый родственный пріемъ и потому бывали чрезвычайно рады, когда пріѣзжалъ за нами братъ. Отецъ, оставляя насъ въ пансіонѣ, не былъ покоенъ. Онъ боялся бросить насъ совершенно въ среду учениковъ безъ особеннаго надзора и по-

тому придумалъ отдать насъ подъ особый присмотръ и попеченіе надзирателя Кляузеня съ тѣмъ, чтобы мы спали въ его комнатѣ и имѣли нѣсколько болѣе удобства въ жизни. Онъ условился съ Кляузеномъ, и тотъ согласился исполнить желаніе отца, т. е. пріютить насъ въ своей комнатѣ за 400 руб. ассигн. въ годъ. Однако-жъ забота добраго нашего отца не достигала цѣли—деньги платились даромъ. Спать было все равно, что въ одной, что въ другой комнатѣ, а Кляузенъ кромѣ лишней сальной свѣчки, да столика, за которымъ мы съ братомъ занимались, особеннаго ничего намъ не предоставлялъ. Въ комнату Кляузена были два хода-чрезъ швейцарскую съ параднаго крыльца и комнату музыкальнаго учителя Мерике и другой ходъ чрезъ дворъ на заднее крыльцо. Разумѣется, Мерике чрезъ свою комнату не пускалъ, или пускалъ рѣдко. Мерике былъ нѣмецъ уморительный, съ лицемъ краснымъ и такимъ же носомъ, съ хохломъ на головѣ, всегда съ поднятою въ верхъ головою и въ зеленомъ фракѣ; онъ воображалъ себя величайшимъ артистомъ, что-то въ родѣ маэстро. Этотъ маэстро по сосѣдству съ нами не давалъ намъ покоя. Вдругъ ночью, когда мы собирались бывало засыпать, Мерике начиналъ разыгрывать на скрипкѣ симфоніи съ такимъ скрипомъ. ревомъ и фальшью, что казалось, какъ будто пилилъ тупымъ ножемъ по сердцу, и часто случалось, что онъ, погруженный въ игру, тиранилъ и скрипку и слухъ нашъ на пролетъ цѣлыя ночи. Онъ былъ въ пансіонѣ учителемъ музыки, и мнѣ кажется, что Родивиловъ, восхищавшій впослѣдствіи Москву игрою на балалайкѣ, имѣлъ его своимъ первымъ учителемъ. По крайней мѣрѣ я помню Родивилова съ скрипкою въ рукахъ и Мерике, дающаго ему урокъ, въ свѣтло-зеленомъ фракѣ и притопывающаго ногою кадансъ. Не помню долго ли онъ еще оставался учителемъ въ пансіонѣ, только помню, что онъ давалъ пу-

бличный концертъ по 10 руб. ассигн. за мѣсто. Публика съѣхалась, заняла мѣста. Заигралъ и Мерике, но что-жъ? къ концу симфоніи 1-го отдѣленія концерта публика куда-то исчезла, и Мерике разыгрывалъ удивительныя вещи только безмолвнымъ стѣнамъ и въ безпорядкѣ торчащимъ въ залѣ стульямъ. Мерике уѣхалъ вскорѣ послѣ этого и говорили, что онъ отправился въ Америку.

Зимнее пребываніе наше въ пансіонѣ ни чѣмъ не отличалось особеннымъ. Вечера мы съ братомъ просиживали за своимъ столикомъ, иногда готовили уроки, а по большей части занимались рисованьемъ.

Иногда къ намъ приходили нѣкоторые изъ товарищей, а чаще всѣхъ Соловцовъ, служившій впослѣдствіи въ гвардейской артиллеріи, которому открывалась, какъ говорили, блестящая карьера, но котораго самолюбіе заставило въ чинѣ полковника гвардіи оставить службу. Соловцовъ имѣлъ даръ славно рисовать лошадей, черкесовъ, гусаръ, и мы чрезвычайно уважали въ немъ этотъ талантъ. Впрочемъ объ немъ мнѣ еще придется поговорить послѣ.

Не помню теперь хорошо, не то въ ноябрѣ, не то въ декабрѣ, былъ въ пансіонѣ публичный экзаменъ. Мѣсяца за два еще онъ составлялъ для всѣхъ учениковъ предметъ разговоровъ и помышленій. Для учениковъ высшаго класса воображеніе рисовало серебряныя медали, для другихъ похвальные листы и книги.

Наконецъ давно ожиданный день наступилъ. Въ концѣ столовой залы, гдѣ находилась украшенная колонами нишь, деревянною раскрашенною рѣшеткою было отдѣлено мѣсто для учениковъ. Возлѣ рѣшетки со стороны посѣтителей поставленъ былъ большой столъ, покрытый зеленымъ коленкоромъ, а на столѣ поставили электрическую машину со всѣми принадлежностями, воздушный насосъ, гироновы фонтаны и машину, приводившую въ движеніе солнечную систему, не настоящую, а составленную изъ свѣтилъ,

выточенныхъ изъ дерева и изъ кости. Эта машина меня очень занимала, и я ожидалъ съ нетерпѣніемъ, когда планеты начнутъ ходить около деревяннаго, сравнительно огромнаго солнца; а отъ электрической машины надѣялся видѣть такія чудеса, объ которыхъ и въ сказкахъ не разсказываютъ.

Около стола полукругомъ расположились профессора университета. Помню Чумакова, Цвѣтаева, Мерзлякова. Никто изъ профессоровъ и учителей не былъ въ мундирѣ; а напротивъ, какъ теперь вижу ученыхъ мужей, славу Московскаго университета, одѣтыхъ въ такіе фраки, какихъ не найдешь въ настоящее время и у самаго степнаго помѣщика, вѣчно живущаго въ захолустьѣ. Если впечатлѣніе дѣтства и память мнѣ не измѣнили, то не солгать скажу, что фракъ на комъ-то изъ профессоровъ былъ не суконный, а какъ будто нанковый—коричневый; а можетъ быть и изъ другой какой матеріи съ обтяжными пуговицами.

Экзаменъ начался съ утра закономъ Божіимъ. Не помню, что спрашивали и что отвѣчали, потому что до экзамена мнѣ дѣла не было; я былъ въ маленькомъ классѣ, гдѣ учили настолько, что нечего было спрашивать. Изъ всего этого экзамена въ моей памяти осталось: «Васисъдасъ» нѣмецкаго пастора, экзаменовавшаго изъ закона ученика лютеранскаго исповѣданія. Часу во второмъ утреннія испытанія кончились. Не знаю куда дѣвалась публика, но профессора отправились, кажется, обѣдать къ содержателю пансіона во внутреннія комнаты.

Послѣ обѣда часа въ четыре пополудни, зала начала опять наполняться родителями и родственниками. Профессора опять заняли свои мѣста, и экзаменъ начался снова. Когда дѣло дошло до математической географіи, которую по тетрадкѣ на французскомъ языкѣ читалъ самъ Кистеръ, машина была заведена ключемъ, Юпитеръ, Са-

турнъ, земля и луна, все пошло вертѣться и около солнца и около своихъ осей. Это для меня было необыкновенно любопытно, такъ что я забылъ и о снѣ, который давно уже начиналъ меня одолѣвать. Особенный восторгъ и удивленіе возбуждали во мнѣ электрическая машина и фонтаны, но, кажется, родители родственники не менѣе моего были заняты всѣми этими чудесами. По крайней мѣрѣ я помню, что всѣ встали съ своихъ мѣстъ и тѣснились поближе къ столу. Физика была послѣднимъ предметомъ испытанія; за нею началась раздача наградъ. Сначала медали, потомъ листы, потомъ книги, и я также, какъ и другіе, былъ вызванъ и Богъ знаетъ за что получилъ маленькую священную исторію съ картинками, переплетенную въ папку и съ надписью на крышкѣ золотыми буквами: «За добрыя свойства, прилежность и успѣхи».

Когда награды были розданы, столъ со всѣми машинами физическими и астрономическими былъ убранъ — явились пюпитры съ нотами, и четверо воспитанниковъ, въ числѣ которыхъ былъ и Родивиловъ, подъ управленіемъ нашего ночнаго тирана Мерике разыгрывали симфонію, которая возбудила общія рукоплесканія. Эта симфонія была единственная, которую разыгрывали въ пансіонѣ при всѣхъ большихъ вокаціяхъ; да кажется больше ничего и не умѣли разыгрывать. Эта симфонія была пыль, пускаемая въ глаза родителямъ, отдававшимъ своихъ дѣтей въ нашъ пансіонъ для воспитанія. Наконецъ въ большой танцовальной залѣ люстры и лампы были зажжены, музыка заиграла и начался балъ, открывшійся польскимъ. Полонезы, экосезы, мазурки, французскія кадрили, русскія кадрили, манимаски, вальсъ, англезы — смѣнялись одни другими. Гремѣли шпоры улановъ и гусаръ въ мазуркахъ, отчетливо выдѣлывающихъ падезефиры и антраша, разносили чай, часто подавали оршадъ, лимонадъ

и фрукты; все прыгало, вертѣлось, мѣшалось... и я ужасно удивился, когда очнувшись, увидалъ себя на своей кровати подъ байковымъ одѣяломъ, и сквозь внутреннія не плотно притворенныя ставни оконъ проникалъ тихо въ комнату лучь денницы.

Около этого времени вся Москва была занята событіемъ, слухи о которомъ возбудили толки и въ пансіонѣ. Это пожаръ въ генералъ-губернаторскомъ домѣ на Тверской. Какъ разсказывали тогда, огонь началъ распространяться во время многолюднаго бала, на которомъ веселился весь цвѣтъ высшаго Московскаго общества. Говорили, что въ страшной суматохѣ при разъѣздѣ иныя дамы и дѣвицы въ однѣхъ бальныхъ платьяхъ и башмакахъ искали свои экипажи. Морозъ былъ трескучій, и вслѣдствіе того многія перепростудились и сдѣлались жертвами горячки. Мошенники, пользуясь суматохой, грабили и даже рвали серьги изъ ушей у дамъ; не знаю на сколько все это правда.

Домъ генералъ-губернатора въ 12 году уцѣлѣлъ отъ общаго разрушенія, но въ это время была молва, что команды умышленно долго не являлись на помощь и приписывали это враждебнымъ отношеніямъ бывшаго оберъ-полицїймейстера Шульгина 1-го къ генералъ-губернатору князю Голицыну. На деревянномъ заборѣ, которымъ былъ окруженъ впослѣдствіи обгорѣлый домъ, какой-то острякъ написалъ слѣдующее четверостишіе, которое тогда повторялось всѣми:

„Чернышевъ построилъ,
Наполеонъ сберегъ,
Галицынъ сжегъ,
А Шульгинъ помогъ“.

Домъ горѣлъ три дня, и какъ мнѣ помнится говорили, что пожаръ начался съ кухни или кондитерской.

Еще въ памяти моей осталось впечатлѣніе, произве-

денное на меня обломкомъ вельможнаго вѣка Великой Екатерины княземъ Юсуповымъ. Какъ теперь вижу его одѣтаго въ бѣлыя короткія панталоны, въ шелковыхъ чулкахъ, въ башмакахъ, съ туго накрахмаленными брызжами и жабо, въ синемъ фракѣ, покроя французскаго кафтана. Голова его была напудрена, по сторонамъ были двѣ букли, а сзади коса, или пучекъ, вложенный въ кошелькѣ, съ бантомъ изъ черной ленты. Борода была выбрита необыкновенно гладко, въ рукахъ его была золотая табакерка. Онъ нюхалъ часто, отчего верхняя не много отдутая губа его и манишка съ брызжами были засыпаны постоянно французскимъ табакомъ.

Какъ теперь вижу передъ собою, когда я вбѣжалъ въ танцовальную залу, Юсупова, стоящаго посреди комнаты, отставившаго одну ногу впередъ и важно нюхающаго табакъ изъ золотой эмальированной табакерки. Я хотя и не зналъ тогда, кто это, но безсознательно догадывался, что должно быть вельможа... Съ одной стороны возлѣ Юсупова съ подобострастіемъ и съ сладенькимъ улыбающимся лицомъ стоялъ содержатель пансіона, а съ другой стороны маленькій лѣтъ 8, худощавенькій съ длиннымъ личикомъ мальчикъ, очень хорошо одѣтый какъ большой, во фракѣ и въ галстукѣ, держащій головку, какъ козликъ. Этому-то мальчику и были мы обязаны, что видѣли Юсупова въ нашемъ пансіонѣ. Мальчикъ носилъ фамилію извѣстной въ то время петербургской актрисы, но былъ ли ее сынъ,—не знаю. Для содержателя пансіона такой воспитанникъ былъ сущій кладъ; и дѣйствительно, получая за него, конечно, значительную плату, Кистеръ заботился объ немъ, какъ объ сынѣ. Мальчикъ былъ смиренъ, кротокъ и учился прилежно. Какъ слышалъ я впослѣдствіи отъ кого-то мелькомъ, что онъ имѣлъ деньги, что молодость свою не тратилъ праздно и занимался съ успѣхомъ игрою на биліардѣ въ трактирахъ.

Зимніе праздники, т. е. съ Рождества и до Крещенія, мы съ братомъ проводили у Нестеровыхъ, но такъ какъ у Нестеровыхъ домъ былъ очень тѣсенъ (я выше сказалъ, что они жили во флигелѣ), а брата Павла квартира все еще была на Никитской, то онъ возилъ насъ ночевать въ Красное село на Ольховцы въ домъ, купленный батюшкою съ осени за 6000 руб. ассигн. у А. Л. Д—ва. Названіе *«домъ»* было великолѣпно; но въ сущности для предполагаемаго дома былъ только составленъ архитекторомъ планъ, а въ натурѣ возведенъ былъ еще только фундаментъ. Строеніе состояло только изъ флигеля; т. е. изъ двухъ большихъ избъ, выстроенныхъ изъ хорошаго лѣса, соединенныхъ сѣнями, въ которыхъ были небольшіе чуланчики. Одна изба была разгорожена тесовыми перегородками на 4 комнатки, имѣющими по серединѣ огромную русскую печь; а другая изба имѣла такую же печь, но безъ перегородокъ. На улицу изъ флигеля было два небольшихъ окна, а бревенчатыя стѣны, потемнѣвшія отъ времени, не были обиты тесомъ.

На дворѣ была связь строеній, въ которыхъ помѣщались конюшня, каретный сарай, погребъ и амбаръ, все это было покрыто желѣзомъ, а къ двору примыкалъ довольно просторный садъ, гдѣ по заборнику росли березы, акаціи, былъ не большой цвѣтничекъ, по дорожкамъ росъ крыжовникъ, смородина и было въ куртинахъ десятка 3 яблонь. Ольховая улица тогда была пустынна, но объ улицѣ и о обитателяхъ этого уголка Москвы я буду говорить ниже.

Въ домѣ жилъ еще дворникъ старый, когда-то бывшій солдатъ съ своею старухою, одинъ изъ нашихъ кучеровъ, котораго папенька обратилъ въ ваньки—лѣтомъ на войлочкахъ, а зимою на санкахъ съ тѣмъ, чтобъ возилъ брата, а въ свободное время возилъ бы сѣдоковъ и собранныя деньги, по прошествіи мѣсяца, представлялъ бы

брату. Четвертый обитатель дома былъ нашъ же дворовый человѣкъ—колесникъ, назначенный отцомъ моимъ въ будущіе дворники дома. Въ этотъ домъ послѣ ужина на первый день Рождества привезъ насъ, т. е. брата Павла, Илью и меня нашъ домашній извощикъ Варфоломей.

Входимъ въ правую половину дома, слабо освѣщенную однимъ тоненькимъ огаркомъ, горящимъ въ желѣзномъ подсвѣчникѣ. По стекламъ оконъ наросли льды, спускавшіеся на подоконники, въ которыхъ замерзла и примерзла всякая дрянь.

Въ углахъ и съ потолка висѣла паутина клочьями, комнаты были засорены, холодъ страшный. Но... счастливъ возрастъ дѣтей. Мы были счастливы съ братомъ, что могли ночевать въ этой нечистотѣ, гдѣ висѣли хомутъ и седелка, валялось корыто и стояла кадочка съ дегтемъ... Въ пансіонѣ мы спали въ чистой, свѣтлой, сухой и теплой комнатѣ, на кровати, покрытой чистымъ бѣльемъ и байковымъ одѣяломъ, но туда не хотѣлось. Отчего же бы это, что нравилось намъ валяться на полу, на постланномъ сѣнѣ, покрытомъ какой-то толстой простынею, одѣваться своими шубами, умываться надъ грязной лоханкой? Все это намъ нравилось. Отчего же это? не отъ сознанія ли собственнаго, ни въ чемъ такъ не драгоцѣннаго, какъ въ родномъ пріютѣ, какъ грязенъ бы онъ ни былъ, или отъ того, что въ немъ жили люди, которыхъ привыкли мы были видѣть съ дней первоначальнаго своего бытія, людей, которые стлали и укладывали насъ, какъ мать своихъ дѣтей, какъ своихъ маленькихъ господъ, не стѣсняясь при насъ вести свою обычную жизнь, говорить между собою, по своему острить и смѣяться, садились при насъ ужинать одинъ на опрокинутую кадушку, другой на стулъ о трехъ ножкахъ; употребляли для ѣды, какъ они называли, суповую ложку, сдѣланную изъ обрубка съ помощію топора и долота. Въ

дѣтскомъ возрастѣ намъ мила эта безъискуственная сфера жизни, отъ которой съ возрастомъ мы отстаемъ и попасть въ нее впослѣдствіи считаемъ страшнымъ бѣдствіемъ. Намъ не хотѣлось въ пансіонъ, тамъ было все чужое, равнодушно, холодно, безъ любви смотрѣли на насъ чистыя. отдѣланныя подъ мраморъ стѣны, еще равнодушнѣе смотрѣли люди, для которыхъ родной нашъ языкъ былъ чужой и который они по необходимости только коверкали безъ милосердія. По утру умывшись, мы возвратились опять къ Нестеровымъ. Тамъ проводили день съ сестрою, которую по праздникамъ они брали къ себѣ, пользуясь ласками старушекъ и особенною ласкою нѣжно насъ любившею молодою тетенькой.

Товарищемъ нашихъ дѣтскихъ занятій, съ которымъ мы рисовали и клеили, былъ мальчикъ нашихъ лѣтъ, незаконнорожденный сынъ умершаго брата дѣдушки, котораго онъ взялъ на воспитаніе послѣ смерти брата. Молодая тетенька смотрѣла на него съ состраданіемъ и ласкала его, дѣдушка равнодушно, а бабушка и прабабушка не то чтобы съ отвращеніемъ, а какъ на что-то такое, обо что можно запачкать понятіе о цѣломудріи. Прабабушка по кровному чувству быть можетъ и любила его, но показать это какъ будто считала неприличнымъ. Разъ я помню, прабабушка достала изъ стола 6 листовъ цвѣтной бумаги. Дала два листа брату, два листа мнѣ, а «эти, промолвила она, гдѣ ты тамъ?...» мальчикъ подошелъ: «на и тебѣ» — и предварительно сунула ему, не глядя, остальные два листа цвѣтной бумаги. По вечерамъ люди и дѣвки, составлявшія довольно большую дворню, наряжались, какъ это водится еще, и то ужъ рѣдко, по деревнямъ въ домахъ, въ разные уродливые и смѣшные наряды и въ маленькой залѣ плясали и дурачились отъ души. Потомъ мы ужинали, а ночевать ѣхали на Ольховцы.

Не помню почему наканунѣ новаго года или за день, братъ опять насъ привезъ въ пансіонъ. Вечеромъ, когда мы сидѣли съ братомъ въ своей комнатѣ за столикомъ, Кистеръ прислалъ насъ позвать къ себѣ въ комнаты. Мы пошли, и что же увидѣли? Среди комнаты на столѣ поставлена была елка, украшенная свѣчками, плодами и конфектами, а кругомъ на тарелкахъ разложены были конфекты. Зрѣлище елки для насъ деревенскихъ мальчиковъ было ново до того, что мы объ наряженной елкѣ не имѣли никакого понятія. Тогда вообще у русскихъ елка въ обычаѣ еще не была; не только въ деревняхъ, но и въ столицахъ елка подъ Новый годъ красовалась только въ нѣмецкихъ семействахъ на забаву маленькихъ нѣмчиковъ; — елки не выдумать русскимъ! Съ удивленіемъ и любопытствомъ смотрѣлъ я на нѣмецкую затѣю, а никакъ не могъ, какъ и теперь не могу понимать, что тутъ веселаго? Если и безъ елки поставить конфектъ и игрушекъ, то дѣти точно также были бы рады, какъ и при елкѣ, а елка можетъ быть именно только достойною забавою чинныхъ, скромныхъ, слушающихся мальчиковъ и никогда не пачкающихъ платьица благовоспитанныхъ дѣтей. Получивши свои конфекты, мы съ братомъ возвратились домой очень довольными: поѣли, спрятали про запасъ и отдѣлили часть, чтобъ отвезть сестрѣ.

Наконецъ праздники прошли и 7 или 8 числа распущенные изъ пансіона ученики начали возвращаться. Въ пансіонѣ все оживилось: шумъ, гамъ, бѣготня, а подъчасъ и потасовка между пріятелями, замѣнили праздничную тишину.

Въ тѣ времена студенты университета бывали лѣтъ въ 30-ть иногда женатые отцы семейства, а потому и въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ были верзилы лѣтъ отъ 20-ти до 25-ти.

Такихъ-то верзилъ въ нашемъ пансіонѣ было очень не

мало; они дѣлали, что хотѣли, не ставили и въ грошъ Кистера, котораго за то маленькіе страшно боялись. Разъ эти верзилы, въ числѣ которыхъ было два брата С., изъ которыхъ одного звали дѣдушкою и которому дѣйствительно давно была уже пора не учиться, а жениться, сочинили церемоніалъ пріема учителя—Попова, для класса котораго къ несчастію приходились первые утренніе часы наступившаго дня. Поповъ этотъ былъ ипохондрикъ; онъ былъ доволно полный мужчина, съ черными, курчавыми волосами, съ блѣднымъ лицомъ, на которомъ всегда было постоянное выраженіе мрачной тоски. Постоянно въ каждомъ классѣ, а онъ читалъ, кажется, математику въ высшемъ классѣ,—не обходилось безъ оскорбленій и насмѣшекъ; онъ терпѣлъ и только грустнѣе и мрачнѣе становилось лицо его. Тогдашнее учительское сословіе было очень бѣдно, и потому черный фракъ его съ обтяжными суконными пуговицами былъ довольно ровнаго сукна. Придуманный церемоніалъ немедленно былъ приведенъ въ исполненіе. На площадкѣ, соединяющей нижнюю лѣстницу параднаго крыльца съ двумя лѣстницами, ведущими къ верхней галлереѣ дома, сталъ дѣдушка съ распростертыми руками, котораго я теперь при воспоминаніи его неуклюжей богатырской фигуры и тупаго, старообразнаго и наглаго выраженія лица, невольно сравниваю съ Самьелемъ. Двое другихъ верзилъ помѣстились въ низу, у самой двери, раздѣляющей швейцарскую съ лѣстницей. Другіе ученики, т. е. весь пансіонъ какъ есть, расположились по ступенямъ лѣстницъ и по верхней галлереѣ. Тишина была совершенная — наконецъ: пріѣхалъ, пріѣхалъ—пробѣжало между учениковъ, и злая улыбка оживила лицо дѣдушки. Лишь только Поповъ, снявъ шубу и ничего не подозрѣвая, отворивъ стеклянную дверь, сталъ входить на лѣстницу, двое верзилъ подхватили его подъ руки, а всѣ ученики, которыхъ быть можетъ, на этотъ

разъ собралось человѣкъ до 50 или 60, запѣли хоромъ во все горло:

„Екимъ, Екимъ! краса природы;
Чернокрудрый въ завиткахъ;
Вспомни прежни свои годы
И надѣнь свой сѣрый фракъ,
А то въ черномъ ты дуракъ!"

Отъ этого пріема и хора лице Попова и безъ того блѣдное покрылось мертвенною блѣдностію. Губы посинѣли и затряслись, онъ ничего не могъ выговорить. Побѣжалъ сначала къ Кистеру, но его не было дома, опять сбѣжалъ съ лѣстницы, надѣлъ шубу и уѣхалъ...

Ученики провожали его съ хохотомъ; я самъ, увлекшись общимъ потокомъ, пѣлъ глупые стихи и хохоталъ, и сердце у меня долго щемило при воспоминаніи страданія, выражавшагося на лицѣ Попова.

Послѣ этого происшествія мы его въ пансіонѣ болѣе уже не видали и, какъ впослѣдствіи я слышалъ, Поповъ прекратилъ свои страданія самоубійствомъ. Подробности этой катастрофы, Богъ уже знаетъ какимъ образомъ дошедшія до учениковъ, разсказывались такъ, что онъ выстрѣлилъ изъ пистолета себѣ въ бокъ. Когда на выстрѣлъ прибѣжала находившаяся при немъ какая-то женщина,— она нашла его въ крови смертельно раненнымъ; чрезъ нѣсколько часовъ онъ умеръ. «Хотѣлъ-съ въ лобъ-съ, стеклось-съ... я въ бокъ-съ—пафъ... упалъ-съ... больно-съ!!!» Такъ будто говорилъ онъ передъ смертію о своемъ самоубійствѣ, и слова эти, съ гримасами и со смѣхомъ, передавались учениками другъ другу, какъ что-то преуморительное—забавное.

Время было уже въ половинѣ февраля. Дни прибавлялись. Я сидѣлъ въ классѣ за столомъ, сидѣлъ праздно, потому что учителя не было, что въ нашемъ маленькомъ классѣ случалось не рѣдко. Сидѣлъ и смотрѣлъ въ

окно на группу румяныхъ яблочковъ, на лазурное небо, окрашиваемое золотымъ сіяніемъ послѣ полуденнаго солнышка. Передъ мною лежала русская грамматика, изданная для народныхъ училищъ и развернутая на приведенной тамъ для какого-то примѣра строфѣ Ломоносова:

„Уже врата отверзло лѣто;
Натура ставитъ общій пиръ;
Земля и сердце въ насъ нагрѣто,
Колеблетъ вѣтви тихъ Зефиръ;
Объемлетъ мягкій лучъ крилами,
Брега питаетъ тучный илъ;
Листы и цвѣтъ покрылись медомъ,
Ведетъ своимъ довольство слѣдомъ
Поспѣшно красный вождь свѣтилъ“.

Поэзія-ли этого стихотворенія, изъ котораго вѣяло на меня какъ будто весною, лазурь-ли неба, сіявшаго изъ окна, только на сердцѣ у меня, какъ теперь помню, было такъ сладко, такъ отрадно, спокойно и вмѣстѣ такъ полно какого-то ожиданія, что я и передать не въ состояніи. Чувство это можетъ испытывать только непорочное сердце ребенка, когда отдыхаетъ въ немъ самъ ангелъ-хранитель. Но вотъ, какъ сигналъ окончанія классовъ, зазвенѣлъ колокольчикъ надзирателя, всѣ двери въ одно мгновеніе распахнулись, ученики съ шумомъ густою толпою ринулись изъ всѣхъ классовъ, и когда очистилась вся амфилада комнатъ, — я вдругъ увидѣлъ отца моего, идущаго ко мнѣ съ сіяющимъ отъ удовольствія лицомъ въ сопровожденіи брата и надзирателя. Удивленіе, радость моя были неописанны. Одно мгновеніе — и я бросился къ отцу на встрѣчу и повисъ на его шеѣ.

Когда первое движеніе радости поутихло, отецъ мой присѣлъ на окошко, мы съ братомъ стали рядкомъ противъ него, и онъ намъ сообщилъ, что пріѣхалъ въ Москву съ тѣмъ, чтобы завесновать и привести хоть немножко въ порядокъ домъ нашъ на Ольховцѣ. Поговоривъ съ на-

ми и пораспросивъ обо всемъ, отецъ уѣхалъ, а мы, радостные и счастливые, стали ожидать субботы, чтобы ѣхать въ отпускъ уже не въ чужой домъ, а въ родную семью.

Въ нашемъ убогомъ домикѣ все приняло другой видъ, и когда мы пріѣхали въ субботу—нашли, что всѣ полы были вымыты, пыли и паутины нѣтъ, ледъ на окнахъ изчезъ, воздухъ сухой и чистый. Въ передней комнатѣ помѣщалась дѣвичья; въ одной изъ маленькихъ комнатокъ мой отецъ; въ другой такой-же тетка, а самая просторная комната, въ которой огромная русская печь занимала чуть ли не цѣлую четверть, имѣла назначеніе столовой гостинной и диванной. Мебель состояла изъ тесовыхъ старыхъ кроватей и такихъ-же столовъ, изъ полдюжины дрянныхъ стульевъ и пяти или шести креселъ очень плохихъ; но мы не промѣняли бы всего этого ни на какія бѣлокаменныя палаты,—такъ намъ было хорошо.

Наступила масляница. Въ десять часовъ по обычаю у насъ ѣли блины, и потомъ возили насъ кататься или, лучше сказать, смотрѣть катанье и балаганы. Тогдашнія масляничныя гулянья были одушевленнѣе теперешнихъ, болѣе въ народномъ духѣ и несравненно многолюднѣе. На самой Москвѣ рѣкѣ на льду, противъ воспитательнаго дома, выстраивались балаганы. Это были не нынѣшніе балаганы сараи, а фигурныя постройки, въ видѣ павильоновъ, кіоски съ куполами и флагами будто сказочный городокъ, что все вмѣстѣ представляло очень красивый видъ.

Балаганы строились около за Москворѣцкаго берега, а правѣе ихъ, но ближе къ серединѣ рѣки, красовались высоко устроенныя горы съ башенками, изукрашенныя флагами и елками. Противъ балагановъ тянулись лубочныя и полотнянныя лавочки съ лакомствами, т. е. пряниками, орѣхами всѣхъ сортовъ, изюмомъ, черносливомъ,

винными ягодами и проч. По срединѣ рѣки, мимо балагановъ и горъ, и по всему протяженію между Москворѣцкимъ, тогда еще деревяннымъ на сваяхъ и разбиравшимся съ каждою весною, мостомъ и мостомъ Каменнымъ, устроивалось катанье въ саняхъ въ одну лошадку, но веревкою, чинно, въ порядкѣ.

Тамъ по большой части катались горожанки, еще одѣтыя въ національныя штофныя шубейки на лисьемъ мѣху самыхъ яркихъ цвѣтовъ, а по набережной катались въ каретахъ шестернями и въ парныхъ саняхъ; экипажей на этихъ гуляньяхъ бывало такое множество, что разстояніе между воспитательнымъ домомъ и такъ называемою водоподъемною кремлевскою башнею не могло вмѣщать двухъ веревокъ, и потому вереницы экипажей тянулись по Неглинной, въ Иверскія ворота, по Красной площади, и мимо Василія-блаженнаго съѣзжали опять на Набережную. Народъ во множествѣ толпился на рѣкѣ около балагановъ и унизывалъ рѣшетку Набережной со стороны Кремля,—и на все это смотрѣлъ величественный Кремль съ своими вѣковыми башнями. Нѣтъ масляничныя забавы на льду Москвы рѣки, въ виду древняго Кремля, а главное въ семомъ центрѣ Москвы, были несравненно оживленнѣе, народнѣе, радовали всякаго болѣе, чѣмъ нынѣшнія Новинскія гулянья. И зачѣмъ ихъ перенесли подъ Новинское? въ особенности грустно, куда дѣвалась поэзія русскихъ горъ, которыя непремѣнно опять бы возникли, если-бъ народъ опять перешелъ веселиться на ровную ледяную и просторную площадь Москвы рѣки. Отецъ мой водилъ насъ по балаганамъ и самъ съ удовольствіемъ глядѣлъ на конныя ристалища въ незатѣйливыхъ циркахъ, на ломавшихся акробатовъ, на китайскія тѣни, фокусниковъ, косморамы, и кукольный театръ. И какъ я могъ замѣтить — забавы эти не подчинились общимъ законамъ прогресса, по крайней мѣрѣ у насъ на

Руси. Тогдашнія труппы балаганныхъ артистовъ не были, мнѣ кажется, такъ ощипаны, и лица ихъ не носили на себѣ выраженія голода и грусти, какъ теперь. Читая объявленія въ Московскихъ Вѣдомостяхъ о спектакляхъ, отецъ мой замѣтилъ, что не худо бы съѣздить въ театръ, и что нужно бы выбрать какую нибудь получше піесу. Перечитали театральныя объявленія, которыя въ началѣ 20-хъ годовъ печатались въ Московскихъ Вѣдомостяхъ подъ рядъ съ объявленіями отъ Магистрата, отъ Коммиссіи строеній или отъ Московской Синодальной типографіи, съ прпискою именъ всѣхъ артистовъ на каждую роль, съ обѣщаніемъ машинъ, декорацій и великолѣпныхъ спектаклей. Между многими театральными объявленіями наше общее вниманіе обратила опера Илья Муромецъ. Въ ней обѣщались полёты, танцы, сраженья, машины, декораціи и превращенія, однимъ словомъ все, что только могло заинтересовать публику. На другой же день билетъ былъ взятъ, карету попросили у Нестеровыхъ, посажались въ нее биткомъ и отправились въ театръ.

Я кажется уже прежде сказалъ, что театръ на Моховой помѣщался тогда въ домѣ Пашкова, въ томъ зданіи, гдѣ теперь помѣщается Университетская церковь. Церковь просторна, но театръ былъ очень не великъ. Спектакольный залъ освѣщался лампами съ двойными металлическими вогнутыми зеркалами. Креселъ не было: ихъ замѣняли диваны или, лучше сказать, лавки со спинками, обтянутыя краснымъ сукномъ съ раздѣленными ручками мѣстами.

Противъ каждаго мѣста на спинкѣ дивана была придѣлана жестяная круглая дощечка съ прорѣзаннымъ въ ней нумеромъ. Театръ имѣлъ, кажется, совсѣмъ съ бенуаромъ два яруса ложъ и раекъ. Ложа наша была въ бенуарѣ. Декораціи были не дурны, превращенія, полеты

и всякія другія чудеса, все шло какъ нельзя лучше, и мы были въ восторгѣ. Раскрывавшійся кустъ съ спящей въ немъ красавицей, окруженный группою геніевъ съ освѣщеніемъ бенгальскимъ огнемъ, дѣлалъ бы честь лучшему декоратору. Русскіе витязи и богатыри, народъ, женщины, князь, все было одѣто соотвѣтственно ролѣ каждаго и не противорѣчило ни историческимъ, ни сказочнымъ преданіямъ. Одно только мнѣ кажется странно, зачѣмъ на Черниговской площади во время нашествія печенѣговъ, при Ильѣ Муромцѣ, танцевали па-дэ-труа. Да еще кто? Какой-то витязь съ обтянутыми въ лосину ногами и съ нимъ двѣ танцовщицы, одѣтыя просто по балетному. Когда я вышелъ изъ дѣтскаго возраста и поосмыслился, долго еще при воспоминаніи театра на Моховой мерещилась мнѣ Черниговская площадь, обставленная великолѣпными зданіями итальянской архитектуры и витязь съ двумя сильфидами, выпрыгивавшій по ней антраша. Прогрессъ все двинулъ впередъ. Театръ изъ тѣснаго помѣщенія на Моховой перебрался въ зданіе, которое по его размѣрамъ едва ли не первое въ этомъ родѣ въ Европѣ, а анохронизмы появляются на немъ подъ часъ и теперь, да еще въ грубѣйшемъ видѣ. Кто не любовался баломъ, который сподвижники Рюрика, Аскольдъ и Диръ, давали современному имъ Кіевскому обществу въ чертогахъ, великолѣпно освѣщенныхъ гигантскими канделябрами и люстрами, и какъ на этомъ балу выплясываютъ мазурку и краковякъ. Кто не восхищался землячками Сусанина, крестьянками деревни Коробовой, въ расшитыхъ сарафанахъ и кринолинахъ, или коръ-де-балетомъ въ Кремлевскихъ палатахъ польской сволочи, разодѣтой въ великолѣпныя полубалетныя и полупольскія костюмы. А русалка днѣпровская въ своихъ подводныхъ чертогахъ въ бѣлой блузѣ и въ кринолинѣ!... и проч.

Въ другой разъ, это было въ пятницу или субботу на

масляницѣ, хорошо не помню, отецъ мой, взявъ съ собою меня и брата, поѣхалъ съ нами въ театръ. При входѣ въ раекъ взяли билеты, кажется по двугривенному; но тѣснота въ дверяхъ райка была такая, что продраться туда было нелегко. Я былъ малъ, задоренъ и потому началъ работать локтями. «Смотри ты, не толкайся, баринъ, а то самаго такъ толконутъ, что и духъ вонъ! жаль только, что молоденекъ-то ты, вотъ что!» сказалъ мнѣ какой-то господинъ въ фризовой шинели, съ опухшими потреснутыми губами, и слова эти такъ глубоко запали мнѣ въ душу, такъ сознаяъ я съ тѣхъ поръ право всякаго человѣка на уваженіе, что въ жизни своей, даже провожая дамъ чрезъ толпу, будучи офицеромъ и кавалеристомъ, не только ни кого не толкнулъ, но даже и не отодвинулъ, не предупредивъ или не попросивъ извиненія.

Давали смерть Роллы, трагедія Коцебу. Роль Эльвиры занимала г-жа Вѣтроцинская — любимица райка и молодаго Московскаго купечества. Въ раекъ, что бы занять тамъ получше мѣсто, надобно было придти по крайней мѣрѣ часа за два до начала спектакля. Такъ сдѣлали и мы. При насъ начали зажигать лампы, при насъ музыканты заняли оркестръ и, наконецъ, по немножку начала съѣзжаться публика. Въ это время Вѣтроцинская, костюмированная въ мужской испанскій нарядъ пунцеваго цвѣта нѣсколько по балаганному, въ которомъ должна была играть Эльвиру—вышла изъ занавѣса съ боку, подошла къ самой срединѣ авансцены, пореговорила что-то съ однимъ изъ музыкантовъ и, какъ мнѣ помнится, что-то передала ему и опять ушла за занавѣсъ. При удивительной простотѣ тогдашнихъ театральныхъ нравовъ выходъ Вѣтроцинской, кажется, никого не удивилъ. По райку пробѣжалъ восторженный говоръ: Вѣтроцинская, вонъ Вѣтроцинская—и намъ, видѣвшимъ всегда выходящихъ

на показъ прежде представленія паяцевъ и акробатовъ совсѣмъ костюмированныхъ, появленіе Вѣтроцинской казалось въ порядкѣ вещей.

Роль Роллы занималъ также любимецъ Московскаго купечества г. Максинъ, перешедшій на Московскую сцену съ Петербургской. Игра его была ниже посредственной, и въ журналѣ «Благонамѣренномъ» Максина сравнивали съ козломъ. Онъ безъ милосердія размахивалъ руками и, какъ я помню, становился все задомъ къ тѣмъ, съ кѣмъ говорилъ. Перуанскіе воины были одѣты довольно хорошо, рубашки и головное украшеніе изъ перьевъ — составлялъ ихъ нарядъ; ноги и руки были обнажены, или вѣрнѣе обтянуты трикомъ подъ цвѣтъ смуглой человѣческой кожи. но Ролла, какъ Перуанскій полководецъ, надѣлъ на себя шелковыя панталоны, шелковыя бѣлыя чулки и красныя башмаки съ бантами.

Представленіемъ этой трагедіи мы съ братомъ не были довольны, въ особенности негодовали на Максина, который своею игрою исказилъ въ нашемъ воображеніи идеалъ дикаря героя Роллы.

Театръ Коцебу былъ уже нами прочтенъ въ переводѣ и даже не одинъ разъ, а потому даваемая трагедія была намъ давно знакома. За «смертію Роллы» давался водевиль: «новая шалость или театральное сраженіе», Хмѣльницкаго. Тутъ опять играла Вѣтроцинская въ роли одного изъ воспитанниковъ военной школы и играла мило. Вообще водевиль этотъ вполнѣ удовлетворилъ насъ, и мы долго не могли забыть Лисицину и Воеводскаго.

Такъ прошла масляница и наступилъ великій постъ. Въ домѣ Нестеровыхъ, казалось, все шло своимъ порядкомъ, но въ сущности готовился ударъ этому семейству, который вскорѣ и разразился. Молодая наша добрая тетенька умерла скоротечною чахоткою; это извѣстіе привезъ намъ въ пансіонъ отецъ, когда она была уже схо-

ронена. Расказывали послѣ, что когда она еще кончалась, на крыльцѣ и у воротъ дома уже толпились гробовщики съ образчиками бархату, галуновъ и парчи....

Отецъ мой въ оранжереяхъ дворцоваго сада, которыхъ теперь нѣтъ и въ поминѣ, накупилъ цвѣтовъ и усыпалъ ими покойницу въ гробу....

Узнавъ объ кончинѣ тетеньки, мы, а особенно братъ мой, очень плакали....

Потомъ, потомъ время и молодость взяли свое, слезы скоро обсохли и прекрасная тетенька мало по малу была забыта.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.

(Біографическій очеркъ).

О днѣ и мѣстѣ рожденія нашего знаменитаго поэта существуютъ два различныхъ извѣстія: показаніе самого его и метрическая запись московской Богоявленской церкви на Елоховѣ. Самъ Александръ Сергѣевичъ московскимъ знакомымъ своимъ называлъ мѣстомъ своего рожденія Молчановку, въ приходѣ церкви Николы на Курьихъ-Ножкахъ, безъ указанія на домъ; въ метрической же записи обозначается и домъ коллежскаго регистратора Ивана Васильевича Шварцова, находившійся на углу Нѣмецкой улицы и Аптекарскаго переулка, что нынѣ дома купцовъ Щапова и Макарова.

Точно также не совпадаютъ приведенныя извѣстія и о днѣ рожденія. Самъ поэтъ называлъ 26 мая 1799 г., день Вознесенія, метрическая же запись указываетъ на 27 мая, что приходилось въ пятницу. Впрочемъ, это противорѣчіе легко можетъ быть примирено. Вѣроятно, рожденіе происходило поздно вечеромъ или въ ночь съ 26 на 27 мая, отчего естественно молитва родильницѣ дана была 27 числа, какъ и записано въ метрической книгѣ. При этомъ необходимо обратить вниманіе на то, что Александръ Сергѣевичъ, далеко не чуждый суевѣрія, всегда считалъ Вознесеніе знаменательнымъ днемъ въ своей жизни.

По происхожденію онъ принадлежалъ къ старой служилой

фамиліи. Извѣстно, что по прямой линіи онъ происходилъ отъ Григорія Гавриловича Пушкина, находившагося нашимъ посломъ въ Варшавѣ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, а по матери Надеждѣ Осиповнѣ отъ знаменитаго негра Абрама Петровича. Изъ этой женской линіи Ганнибаловыхъ особенно извѣстенъ былъ генералъ-поручикъ И. А. Ганнибаловъ, основатель Херсона, отличившійся въ Наваринской битвѣ.

Отецъ и мать, Сергѣй Львовичъ и Надежда Осиповна, любили свѣтъ и часто выѣзжали, а потому первые ребяческіе годы поэта прошли подъ преимущественнымъ надзоромъ бабушки съ материнской стороны Марьи Алексѣевны Ганнибалъ, жившей вмѣстѣ съ дочерью и зятемъ, а еще болѣе подъ надзоромъ няни Арины Родіоновны, которую такъ нѣжно поэтъ любилъ во всю жизнь и о которой такъ много говорится во всѣхъ Пушкинскихъ біографіяхъ. Няня Арина Родіоновна, полная, сѣдовласая добродушная старушка, типъ няни стараго времени, была замѣчательная мастерица пѣть колыбельныя пѣсни и разсказывать сказки. Подъ эти-то дребезжащіе, но мелодично-поэтическіе звуки развивались первыя впечатлѣнія ея питомца. Къ этой-то нянѣ относятся стихи Александра Сергѣевича:

Подруга дней моихъ суровыхъ,
Голубка дряхлая моя!
Одна въ глуши лѣсовъ сосновыхъ
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты подъ окномъ своей свѣтлицы
Горюешь, будто на часахъ,
И медлятъ поминутно спицы
Въ твоихъ поморщенныхъ рукахъ *).

До семи лѣтъ ребенокъ росъ толстымъ увальнемъ, неспособнымъ къ рѣзвымъ движеніямъ и нелюбившимъ ихъ. Къ этому времени бабушка успѣла однакожъ выучить его читать и писать. Но съ семи лѣтъ ребенокъ сталъ замѣтно развиваться, проявилась рѣзвость, игривость, и родители съ рукъ бабушки и няни передали его учителямъ и гувернерамъ. Къ

*) Арина Родіоновна умерла въ 1828 г. 70-ти лѣтъ въ домѣ Ольги Сергѣевны Павлищевой.

счастью въ главные учители т. е. въ преподаватели закона Божія, исторіи, географіи и ариѳметики попался человѣкъ достойный, извѣстный въ то время проповѣдникъ Александръ Ивановичъ Бѣликовъ, но не такъ счастливъ былъ выборъ гувернеровъ-французовъ, которыхъ было нѣсколько, быстро смѣнявшихъ другъ друга. Конечно, при такихъ смѣнахъ невозможно было достигнуть серьёзныхъ успѣховъ да впрочемъ и обязанности гувернеровъ-иностранцевъ ограничивались только практикой языковъ. Хорошо ли, дурно ли шло преподованіе, но все-таки Александръ Сергѣевичъ не отставалъ отъ современныхъ юношей, бѣгло говорилъ по французски, по италіански, по англійски—хотя не совсѣмъ свободно, зналъ и нѣмецкій языкъ, котораго, впрочемъ, не любилъ. Вмѣстѣ съ нимъ училась и старшая сестра его, Ольга Сергѣевна, вышедшая впослѣдствіи замужь за Павлищева. По разсказамъ Ольги Сергѣевны братъ ея отличался острой памятью, но не прилежаніемъ.

Обыкновенно не гувернеры, а общество, среда, имѣетъ большее воспитательное значеніе, и въ этомъ отношеніи домъ Сергѣя Львовича былъ въ счастливомъ положеніи. Кромѣ того, что онъ находился въ близкихъ связяхъ съ извѣстными въ то время въ Москвѣ домами кн. Ив. Дм. Трубецкаго, гр. Дм. Петр. Бутурлина, сенатора Ник. Мих. Сушкова, его посѣщали извѣстные литераторы Н. М. Карамзинъ, В. А. Жуковскій и К. Н. Батюшковъ. Безъ всякаго сомнѣнія общество этихъ развитыхъ и высоко-даровитыхъ людей не могло не имѣть вліянія на развитіе умственныхъ способностей ребенка, жадно прислушивающаося къ ихъ рѣчамъ и надѣленнаго не рядовымъ остроуміемъ. Сохранился анекдотъ, выказывающій находчивость, хоть и злую, поэта: Разъ Ив. Ив. Дмитріевъ, подсмѣиваясь надъ восточнымъ типомъ и курчавыми волосами десятилѣтняго Саши, сказалъ: какой арапчикъ!—За то не рябчикъ! отгрызнулся Саша. Соль отвѣта заключалась именно въ томъ, что Иванъ Ивановичъ былъ рябоватъ.

Кромѣ общества литераторовъ, вторымъ и вѣроятно не

меньшимъ воспитательнымъ значеніемъ было чтеніе и спектакли. Библіотека Сергѣя Львовича состояла изъ богатаго собранія лучшихъ французскихъ писателей Корнеля, Расина. Мольера и друг. Всѣхъ ихъ Александръ Сергѣевичъ можно сказать проглотилъ, просиживая ночи въ библіотекѣ. Нерѣдко бывали у Сергѣя Львовича и Василія Львовича домашніе спектакли, подъ впечатлѣніемъ которыхъ ребенокъ-поэтъ сталъ упражняться въ сочиненіи піэсъ, исполняемыхъ имъ самимъ. Единственной публикой этихъ спектаклей бывала только сестра Ольга, нерѣдко безцеремонно освистывавшая брата—автора и актера. По разсказамъ Ольги Павлищевой въ это время братъ ее написалъ ирои-комическую поэму (потомъ разорванную) въ шести пѣсняхъ la Tolyade.

Учился Александръ Сергѣевичъ плохо. Обладая богатою памятью, онъ почти никогда не училъ уроковъ, но отвѣчалъ ихъ, когда прежде спрашивали сестру; а когда ему приходилось отвѣчать первому, то онъ обыкновенно срѣзывался. Болѣе всѣхъ трудною казалась ему ариѳметика. Не мало горькихъ слезъ было пролито имъ надъ первыми ариѳметическими дѣйствіями, въ особенности надъ дѣленіемъ.

Въ 1806 году бабушка Марья Алексѣевна купила подмосковное имѣніе (въ 40 верст. отъ Москвы) сельцо Захарово. куда и ѣздило семейство Пушкиныхъ на лѣтнее время. Безъ всякаго сомнѣнія деревенскій воздухъ и большая свобода имѣли благотворное вліяніе на физическое развитіе ребенка.

19 Октября 1811 года Пушкинъ поступилъ въ только что основанный тогда для аристократическихъ дѣтей Царскосельскій лицей Александру Сергѣевичу минуло двѣнадцать лѣтъ. Иная жизнь и иные образы окружили новаго питомца. Важныя политическія и общественныя событія, совершившіяся на западѣ и отразившіяся на умственномъ движеніи нашего отечества, безспорно должны были имѣть значительное вліяніе, хотя въ то время и незамѣтное, на развитіе и направленіе лицейской молодежи. Что дѣйствительно это вліяніе отразилось на Александрѣ Сергѣевичѣ можно видѣть изъ его по-

слѣдующей поэтической дѣятельности, соприкосавшейся съ политической стороной.

Извѣстно, что вся русская жизнь, и въ особенности образованіе, въ то время подчинялись сильному давленію западныхъ идей. Въ преподаватели поступали почти исключительно иностранцы—эмигранты. Такъ даже въ лицей, куда по слухамъ императоръ Александръ Павловичъ намѣревался отдать своихъ братьевъ Николая Павловича и Михаила Павловича, въ число преподавателей поступилъ родной братъ Марата, друга народа. Приведемъ по этому случаю нѣсколько строкъ изъ Table-Talk самого Пушкина: «Будри, профессоръ французской словесности въ царскосельскомъ лицеѣ, былъ родной братъ Марату. Екатерина II перемѣнила ему фамилію, по просьбѣ его, придавъ ему аристократическую частицу де, которую Будри тщательно сохранялъ. Онъ былъ родомъ изъ Будри и очень уважалъ память своего брата. Однажды въ классѣ, говоря о Робеспьерѣ, онъ сказалъ намъ, какъ ни въ чемъ не бывало: c'est lui qui sous main travailla l'esprit de Charlotte Corday et fit de cette fille un second Ravaillac». Будри, съ наружностью, напоминавшею якобинца, по разсказамъ Пушкина, часто разсказывалъ ученикамъ о братѣ, о его любви къ отечеству и согражданамъ, о его добродушіи, о различныхъ случаяхъ его жизни.

Александръ Сергѣевичъ сошелся съ товарищами, любилъ ихъ и былъ любимъ ими. Съ начальствомъ же онъ вообще не ладилъ, чуждался его и отклонялся даже отъ такой прекрасной свѣтлой личности, каковъ былъ Энгельгардтъ, стоявшій тогда въ главѣ царскосельскаго лицея.

Въ системѣ лицейскаго образованія особенно видную роль играло изученіе словесности. Извѣстный педагогъ Кошанскій, недовольствуясь преподаваніемъ теоріи, занималъ питомцевъ практическими упражненіями. Впрочемъ и безъ него литературныя занятія были любимымъ ихъ предметомъ. Рѣдкій изъ воспитанниковъ не писалъ стиховъ. Въ средѣ ихъ даже выходили свои журналы „Лицейскій мудрецъ" и „Юные Пловцы", но нечего и говорить, что изъ всѣхъ юныхъ литера-

торовъ особенно выдѣлялся Пушкинъ, начавшій въ лицеѣ писать русскими стихами. Разсказываютъ, что однажды Кошанскій послѣ урока задалъ своимъ ученикамъ написать сочиненіе на тему роза. Сочиненія вышли болѣе или менѣе неудачныя, но стихи Пушкина поразили и восхитили педагога.

10 іюня 1817 года Пушкинъ вышелъ изъ лицея и прямо со школьной скамьи полетѣлъ въ село Михайловское, къ своей милой ненаглядной нянѣ Здѣсь онъ началъ писать свою поэму „Русланъ и Людмила", которую кончилъ въ началѣ слѣдующаго года. Такъ по крайней мѣрѣ можно судить потому, что въ 1818 году онъ читалъ свою поэму на вечерѣ у В. А. Жуковскаго. Поэма произвела сильное впечатлѣніе поэтической мыслью и изящной легкостью стиха. Въ литературномъ кружкѣ Александра Сергѣевича замѣтили и выдвинули впередъ какъ поэта, подающаго большія надежды. Его окружили участіемъ и сочувствіемъ самые видные литературные дѣятели того времени: Карамзинъ, кн. Вяземскій, Жуковскій, А. И. Тургеневъ, Гнѣдичъ, Оленинъ, Ѳ. Н. Глинка. Не смотря на то, что Пушкину только что минуло двадцать лѣтъ, его выбрали въ члены знаменитаго литературнаго общества «Арзамасъ» подъ названіемъ «сверчка». Конечно, далеко не всѣ относились къ молодому поэту прямодушно и дружелюбно. Старые поклонники старѣющаго классицизма не могли не предвидѣть въ немъ могучаго врага, способнаго разорвать желѣзныя цѣпи, связывавшія русское слово и русскую мысль. Не мало также работала и зависть къ успѣху новичка, выскочки, осмѣлившагося такъ нагло пренебрегать ихъ тяжелыми, ограненными стихами и высокими благородными сюжетами.

Поддерживаемый одобреніемъ и сочувствіемъ интеллигентнаго кружка и чувствуя въ себѣ богатый запасъ силы, Пушкинъ шелъ впередъ, громя враговъ желчными эпиграммами. Молодыя силы его рвались, бушевали и за недостаткомъ строго опредѣленной цѣли, тратились въ юношескихъ оргіяхъ. Пушкинъ полюбилъ карты, полюбилъ свободныя холо-

стыя пирушки и въ особенности театръ, увлекаясь прекрасной игрой извѣстныхъ въ то время актрисъ.

Между тѣмъ къ двадцатымъ годамъ въ политическомъ направленіи нашего двора произошелъ поворотъ. Въ виду совершившихся на западѣ событій: возстаній въ Италіи и Испаніи, распространеній повсюду тайныхъ обществъ карбонаровъ и союза добродѣтели и убійства Августа Коцебу, политическія убѣжденія императора Александра I, радикально измѣнились. Прежде допускавшееся свободомысліе стало преслѣдоваться строгими мѣрами. Пушкинъ, какъ и большинство молодежи того времени, былъ зараженъ западнымъ направленіемъ и не скрывалъ этого. Мало того, приправляя свои убѣжденія острымъ словомъ и ѣдкой эпиграммой, онъ не стѣсняясь высказывалъ ихъ всѣмъ повсюду, и потому неудивительно, что слухи объ нихъ дошли наконецъ до императора и можетъ быть еще болѣе въ преувеличенномъ видѣ. Государь былъ недоволенъ. Когда же донесли, что Пушкинъ въ театрѣ (масляницей 1820 г.) показывалъ всѣмъ знакомымъ портретъ Лувеля, убійцы герцога Беррійскаго, тогда немилость государя выразилась въ существенныхъ мѣрахъ. Разсказывали, будто-бы тогда была рѣшена высылка поэта въ Соловецкій монастырь и только спасли усиленныя просьбы близкихъ къ императору лицъ. О смягченіи участи просили государя императрица по просьбѣ Н. М. Карамзина, Е. А. Энгельгардтъ, князь Васильчиковъ и петербургскій генералъ-губернаторъ графъ Милорадовичъ. Вслѣдствіе этихъ ходатайствъ Соловецкое заключеніе замѣнилось высылкой въ южные края.

Александръ Сергѣевичъ выѣхалъ изъ Петербурга въ день *Вознесенія*, такъ по крайней мѣрѣ можно заключить изъ того, что на видѣ, выданномъ ему изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, гдѣ онъ числился на службѣ, значилась помѣта 5 мая, а въ Екатеринославъ онъ пріѣхалъ 16 или 17 мая. Здѣсь, въ Екатеринославѣ, катаясь на лодкѣ, онъ простудился и схватилъ горячку; больной, полуживой лежалъ онъ въ какой-то жидовской хатѣ въ бреду, безъ всякой меди-

цинской помощи. Въ такомъ положеніи застало его проѣзжавшее на Кавказъ семейство генерала Раевскаго, приняло въ немъ живѣйшее участіе, оказало нравственную и врачебную помощь и, наконецъ, взяло его съ собой для излеченія на Кавказъ. Самъ Александръ Сергѣевичъ въ письмѣ къ брату съ глубокой благодарностью и восторженностью говоритъ о семействѣ Раевскихъ, милымъ заботамъ котораго приписываетъ возстановленіе своихъ силъ.

Въ сентябрѣ 1820 года Пушкинъ уже жилъ въ Кишиневѣ подъ надзоромъ и покровительствомъ управлявшаго тогда Бессарабіей генерала Инзова. Впрочемъ, этотъ надзоръ нисколько не стѣснялъ поэта; онъ совершенно свободно гулялъ, ѣздилъ верхомъ, бывалъ у знакомыхъ, но всего чаще въ «зеленомъ трактирѣ», куда привлекала посѣтителей хорошенькая молдаванка Маріонилла, распѣвавшая тамъ свои пѣсенки. Одну изъ ея пѣсенъ нашъ поэтъ въ своеобразной формѣ передалъ намъ въ извѣстной всѣмъ «черной шали». Кромѣ черной шали Пушкинъ написалъ въ Кишиневѣ до 30 стихотвореній, написанныхъ подъ вліяніемъ поэзіи Байрона, помѣщенныхъ въ Сынѣ Отечества и другихъ издававшихся тогда журналахъ. Стихи Пушкина подвергались строгой цензурѣ, на что постоянно встрѣчаются жалобы автора почти во всѣхъ его письмахъ. Изъ Кишинева Александръ Сергѣевичъ выѣзжалъ то въ Одессу, то въ Кіевъ, то въ Черниговъ и вообще велъ далеко не затворническую жизнь. Серьезныя историческія занятія въ то время еще не начинались, поэтъ не любилъ сидѣть дома, а когда долженъ былъ оставаться, то обыкновенно занимался стрѣльбой изъ пистолета въ цѣль восковыми пулями. Кстати упомянуть, что въ Кишиневѣ онъ имѣлъ двѣ дуэли, не имѣвшихъ почти никакихъ послѣдствій.

Черезъ три года въ половинѣ 1823 года Пушкинъ переселился въ Одессу. Здѣсь продолжалась таже кишиневская жизнь, но только отношенія къ начальству были не прежнія. Остается невыясненнымъ вслѣдствіе ли рѣзкихъ эпи-

грамъ *), или вслѣдствіе частныхъ семейныхъ отношеній, но только извѣстно, что управлявшій краемъ М. С. Воронцовъ, спустя нѣсколько недѣль послѣ переѣзда Пушкина въ Одессу, ходатайствовалъ у императора чрезъ графа Несельроде о переводѣ Александра Сергѣевича куда нибудь въ другой край. Основаніемъ къ ходатайству выставлено графомъ Воронцовымъ поклоненіе Пушкину со стороны молодежи, кружившей автору будто бы голову и отвлекавшей его отъ болѣе серьезныхъ занятій. Графъ Воронцовъ не видѣлъ въ Пушкинѣ геніальныхъ способностей, а находилъ только его не безъ дарованій. Дѣйствительно серьезныхъ занятій у Пушкина не было, но тѣмъ не менѣе горькій опытъ жизни не пощадилъ его чуткой и отзывчатой души и произвелъ какое-то озлобленіе. Въ совѣтахъ его брату Льву читаемъ: «Ты будешь имѣть дѣло съ людьми, которыхъ еще не знаешь. Начинай всегда съ того, чтобы думать о нихъ какъ можно хуже: немногимъ ошибешься. Не суди о нихъ по своему сердцу, которое считаю благороднымъ и добрымъ и которое, вдобавокъ, еще и молодо; презирай ихъ самымъ вѣжливѣйшимъ образомъ. Это средство предохраняетъ отъ маленькихъ предразсудковъ и страстишекъ, съ которыми столкнешься при своемъ вступленіи въ свѣтъ. Будь холоденъ со всѣми: фамильярность всегда вредитъ: особенно же остерегайся отъ подобнаго обращенія съ высшими, какъ бы они тебя къ тому ни вызывали. Они очень скоро превзойдутъ тебя и будутъ очень рады унизить тебя, когда этого всего меньше ожидаешь.

Никогда никакой угодливости; чуждайся уступчивости, на которую можешь быть способенъ: люди ея не понимаютъ и весьма охотно сочтутъ за низость, всегда довольные случа-

*) Въ обществѣ извѣстна, напримѣръ, одна изъ эпиграмъ Александра Сергѣевича на одно административное лицо Одессы:

Полу-милордъ, полу-купецъ,
Полу-мудрецъ, полу-невѣжда,
Полу-подлецъ, и есть надежда
Что полнымъ будетъ наконецъ.

емъ судить о другихъ по самимъ себѣ. Никогда не принимай благодѣяній. Благодѣяніе, въ большинствѣ случаевъ, коварство. Избѣгай покровительства, ибо оно подчиняетъ и унижаетъ.

Хотѣлъ бы я предостеречь тебя отъ обольщеній дружбы, но у меня не хватаетъ духу черствить твою душу въ пору ея сладчайшихъ мечтаній. Все, что я могъ бы сказать тебѣ относительно женщинъ, было бы совершенно безполезно. Замѣчу только, что чѣмъ менѣе любятъ женщину, тѣмъ вѣрнѣе и обладаніе ею. Но такое наслажденіе прилично старой обезьянѣ 18-го вѣка. Относительно той, которую полюбишь, желаю тебѣ, отъ всего сердца, обладать ею Никогда не забывай обиды умышленной; поменьше словъ, или вовсе безъ нихъ, и никогда не мсти оскорбленіемъ за оскорбленіе.

Если состояніе или обстоятельства твои не позволятъ тебѣ блистать, не старайся скрывать своихъ лишеній, обнаруживай лучше другую крайность: цинизмъ суровостью своею дѣйствуетъ внушительно на легкомысленность мнѣнія, тогда какъ маленькія плутни тщеславія сдѣлаютъ тебя смѣшнымъ и презрѣннымъ".

Въ Одессѣ начатъ былъ „Евгеній Онѣгинъ».

Ходатайство графа Воронцова было уважено тѣмъ болѣе, что одновременно съ симъ было перехвачено одно изъ писемъ Пушкина, въ которомъ говорилось весьма неуважительно о религіи. Мѣстомъ новаго жительства назначено было село Михайловское; тогда же послѣдовало и его отчисленіе отъ службы по коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

Въ половинѣ іюля 1824 г. Александръ Сергѣевичъ пріѣхалъ въ Михайловское, гдѣ тогда жило все его семейство, обыкновенно проводившее лѣтнее время въ деревнѣ. Не радостна была семейная встрѣча. Надежда Осиповна никогда не отличалась материнскою нѣжностью, а отецъ Сергѣй Львовичъ, по скупости своей, не могъ примириться съ расточительностью сына. Къ довершенію неудовольствія у Сергѣя Львовича явилась боязнь подвергнуться отвѣтственности за политическія убѣжденія сына. Начались нескончаемыя ссоры

упреки и домашнія грязныя сцены. Къ счастью еще, что въ сосѣдствѣ съ Михайловскимъ въ селѣ Тригорскомъ жило симпатичное и развитое семейство Осиповыхъ, состоявшее изъ матери вдовы, сына и пяти дочерей. Къ этому-то семейству убѣгалъ Александръ Сергѣевичъ отъ домашнихъ непріятностей, тамъ находилъ постоянно утѣшеніе и нравственную поддержку. Что испыталъ въ это время поэтъ, можно видѣть изъ его прошенія къ Псковскому губернатору о переводѣ своемъ куда-нибудь, хоть въ крѣпость, и изъ писемъ къ всегда неизмѣнному другу В. А. Жуковскому.

По истеченіи трехмѣсячнаго пребыванія въ деревнѣ, все семейство, наконецъ уѣхало, оставивъ Александра Сергѣевича въ Михайловскомъ въ обществѣ няни Арины Радіоновны да Тригорскихъ сосѣдей. Жизнь пошла однообразная; отсутствіе свѣтскихъ развлеченій заставило обратиться къ серьезнымъ занятіямъ: «Знаешь-ли мои занятія? писалъ онъ своему брату, до обѣда пишу записки, обѣдаю поздно, послѣ обѣда ѣзжу верхомъ, вечеромъ слушаю сказки и вознаграждаю тѣмъ недостатки *проклятаго* своего воспитанія. Что за прелесть эти сказки!» Записки, о которыхъ упоминаетъ Александръ Сергѣевичъ, заключались въ выпискахъ и въ изученіи историческихъ матеріаловъ. Въ этотъ періодъ были написаны: Борисъ Годуновъ, три главы изъ Евгенія Онѣгина и графъ Нулинъ.

Изрѣдка отшельника посѣщали друзья. Такъ у него гостилъ нѣсколько дней другъ его баронъ Дельвигъ, пріѣзжали лицейскій товарищъ Ив. Ив. Пущинъ и извѣстный Н. М. Языковъ, оставившій описаніе Михайловскаго кабинета.

Друзья пріѣзжали, однако, рѣдко, а между тѣмъ молодыя силы требовали дѣятельности, чувства поэтическихъ образовъ. Александръ Сергѣевичъ начиналъ уже замѣтно скучать, томиться и даже обратился было къ начальству съ ходатайствомъ о дозволеніи ему выѣзда для излеченія болѣзни, какъ вдругъ, по случаю неожиданнаго пріѣзда Анны Петровны Кернъ, все измѣнилось. Михайловское снова стало ему до-

рого. Анну Петровну Кернъ видѣлъ Александръ Сергѣевичъ въ первый разъ до отъѣзда еще своего въ южные края на вечерѣ у Олениныхъ и тогда же былъ пораженъ очаровательной красотой молодой женщины. Послѣ этой встрѣчи они невидались, и впечатлѣніе изгладилось.

Анна Петровна пріѣхала погостить къ теткѣ своей Прасковьѣ Александровнѣ въ Тригорское. Въ какомъ восторженномъ состояніи былъ нашъ поэтъ во все время бытности Анны Петровны въ Тригорскомъ, можно судить по письмамъ его къ ней, когда она потомъ уѣхала, чрезъ нѣсколько недѣль, въ Ригу къ своему мужу. Александръ Сергѣевичъ полюбилъ ее всѣмъ пыломъ молодыхъ силъ, но чѣмъ полнѣе была жизнь, чѣмъ незамѣтнѣе промелькнуло время, тѣмъ тягостнѣе, тѣмъ мучительнѣе потянулось оно послѣ отъѣзда любимой женщины.

Въ послѣднихъ числахъ ноября 1825 года разнеслось повсюду извѣстіе о кончинѣ императора Александра I и о вступленіи на престолъ Константина. Въ Пушкинѣ воскресла надежда на лучшую для себя будущность. «Бурная его (Константина Павловича) молодость, писалъ онъ къ одному изъ своихъ друзей, напоминаетъ молодость Генриха V; отъ новаго царствованія я ожидаю много хорошаго». Потомъ въ другомъ письмѣ, именно къ В. А. Жуковскому, онъ писалъ: «Говорятъ ты написалъ стихи на смерть Александра! Предметъ богатый! Но въ теченіи десяти лѣтъ его царствованія лира твоя молчала. Это лучшій упрекъ ему. Никто болѣе тебя не имѣетъ права сказать: гласъ лиры—гласъ народа, слѣдовательно я не совсѣмъ былъ виноватъ»...

Вскорѣ получилось другое извѣстіе, страшное извѣстіе о бунтѣ 14 декабря. Это извѣстіе привезъ въ Тригорское поваръ, посланный въ Петербургъ за покупками. Оно какъ громомъ поразило всѣхъ и въ особенности Александра Сергѣевича, который имѣлъ полное основаніе бояться за участь брата, многихъ дорогихъ для себя лицъ Кюхельбекера, Пущина, Рылѣева, Бестужева и многихъ другихъ. Въ тревогѣ за ихъ участь онъ на другой же день утромъ выѣхалъ изъ Михай-

ловскаго въ Петербургъ, но, не проѣхавъ двухъ верстъ, воротился. Случилось, что почти у околицы ему встрѣтился священникъ, а въ полѣ перебѣжали дорогу три зайца! На этотъ разъ суевѣріе оказало ему существенную помощь и можетъ быть спасло его отъ серьезныхъ непріятностей.

Образованная, по усмиреніи мятежа, слѣдственная коммисія дѣятельно занялась розысканіями и изслѣдованіями объ участникахъ въ заговорѣ, но въ числѣ послѣднихъ не встрѣтила никакого указанія на имя Пушкина. Успокоенный на этотъ счетъ, онъ рѣшился сдѣлать новую попытку освободиться отъ ссылки. Съ этой цѣлью онъ написалъ къ Псковскому губернатору Адеркасу на Высочайшее имя прошеніе, въ которомъ, ссылаясь на свою болѣзнь (аневризмъ), просилъ дозволенія ѣхать для леченія въ Петербургъ или заграницу. Къ прошенію было приложено медицинское свидѣтельство и удостовѣреніе о непринадлежности къ тайнымъ обществамъ. Вмѣстѣ съ формальнымъ прошеніемъ, онъ отправилъ письмо къ Жуковскому съ просьбою подкрѣпить его ходатайство. Казалось, теперь можно было надѣяться на успѣхъ—участія его не было ни въ какихъ политическихъ движеніяхъ.

Дни проходили за днями, а такъ нетерпѣливо ожидаемой вѣсти не получалось. Миновала весна 1826 г., прошло наконецъ и лѣто. общественное волненіе успокоилось, и все приходило къ обычному ходу, а свободы, желанной свободы, все по прежнему не было. Милое семейство Осиповыхъ сочувствовало Александру Сергѣевичу, утѣшало его, но оно не могло удовлетворить поэта. Наконецъ, въ ночь на 1-е или на 2-е сентября въ Михайловское прискакалъ фельдъегерь съ порученіемъ взять Пушкина и доставить его въ Москву, гдѣ находился тогда императоръ Николай Павловичъ со всѣмъ дворомъ по случаю коронаціи.

Прямо съ дороги, въ пыли, Пушкинъ былъ представленъ государю императору.

— Здравствуй, Пушкинъ, доволенъ-ли, что возвращенъ, привѣтствовалъ государь Пушкина при входѣ его.

Разумѣется отвѣтъ былъ, какъ требовали обстоятельства.

Императоръ долго разговаривалъ съ Пушкинымъ и между прочимъ спросилъ:

— Если-бы ты былъ въ Петербургѣ, Пушкинъ, принялъ-ли бы ты участіе въ 14 декабря?

— Неизбѣжно, государь, откровенно высказался Александръ Сергѣевичъ, всѣ мои друзья были въ заговорѣ, и я былъ бы въ невозможности отстать отъ нихъ. Одно отсутствіе спасло меня, и я благодарю за это небо.

Прямое откровенное признаніе понравилось государю, и онъ продолжалъ милостиво разговаривать.

Наконецъ, отпуская Пушкина, государь сказалъ:

Довольно шалилъ, надѣюсь, что теперь образумишься и впередъ размолвки у насъ не будетъ.

Проницательный взглядъ императора вѣрно оцѣнилъ поэта.

— Я говорилъ сегодня съ умнѣйшимъ человѣкомъ въ Россіи, высказалъ государь вечеромъ того же дня на балѣ у Дмитрія Николаевича Блудова.

Послѣдствіемъ свиданія было разрѣшеніе Пушкину пріѣзжать въ Москву и освобожденіе произведеній его отъ разсмотрѣнія цензурой. Въ то же время ему было дозволено обращаться съ своими нуждами къ государю чрезъ графа Александра Христофоровича Бенкендорфа, который съ этого времени и сдѣлался постояннымъ посредникомъ между государемъ и поэтомъ, непосредственнымъ ходатаемъ послѣдняго. Къ несчастію графъ Александръ Христофоровичъ не съумѣлъ или не смогъ оцѣнить своего новаго питомца; онъ исполнялъ свою обязанность собственно по приказанію, оставаясь чуждымъ, а можетъ быть даже и недоброжелательнымъ къ интересамъ кліента. Онъ видѣлъ въ Пушкинѣ подчасъ докучливаго стихотворца, а не человѣка геніальнаго, совмѣстившаго въ себѣ русское сердце и русскую мысль.

Послѣ свиданія, Александръ Сергѣевичъ возвратился въ свое Михайловское, гдѣ вскорѣ получилъ письмо отъ графа Бенкендорфа. «Сочиненій вашихъ, увѣдомлялъ графъ, никто разсматривать не будетъ: на нихъ нѣтъ никакой цензуры.

Государь императоръ самъ будетъ и первымъ цѣнителемъ произведеній вашихъ и цензоромъ». И дѣйствительно съ этого времени сочиненія Пушкина печатались уже безъ предварительнаго разсмотрѣнія цензурой, съ единственной только помѣтой чиновника собственной канцеляріи государя императора. Первымъ опытомъ Пушкинъ представилъ на разсмотрѣніе государя, чрезъ графа Бенкендорфа, въ концѣ 1825 года оконченную имъ трагедію «Борисъ Годуновъ».

Этотъ михайловскій періодъ поэтической дѣятельности Пушкина можно считать полнымъ разцвѣтомъ его генія. Не говоря уже о всестороннемъ развитіи творчества, въ это время поэтъ пріобрѣлъ ту изящность и легкость стиха, которыя прежде не давались ему такъ свободно. Извѣстно, что повѣсть «графъ Нулинъ» была имъ написана только въ два утра.

Пользуясь даннымъ разрѣшеніемъ, Александръ Сергѣевичъ зиму 1826 г. провелъ въ Москвѣ. гдѣ получилъ новое разрѣшеніе пріѣзжать и въ Петербургъ. Изъ Москвы, весною слѣдующаго 1827 г., онъ переѣхалъ въ Петербургъ, но столичная жизнь съ ея эгоизмомъ, мелочностью и тщеславіемъ скоро его разочаровала. Въ послѣдніе годы духъ поэта возмужалъ; уединеніе и постоянное самоуглубленіе создали иные идеалы, никакъ не укладывавшіеся съ условіями свѣтской жизни. «Признаюсь, писалъ онъ въ Тригорское, что эта жизнь довольно пошла, и я горю желаніемъ избавиться отъ нея тѣмъ или другимъ образомъ... Шумъ и суета Петербурга сдѣлались мнѣ чужды, и я съ трудомъ переношу ихъ».

Тоскливо-тревожное настроеніе духа въ полнотѣ выразилось въ прекрасныхъ стихахъ поэта:

Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
Иль зачѣмъ судьбою тайной
Ты на казнь осуждена.
Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ,
Душу мнѣ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ?...

Цѣли нѣтъ передо мною;
Сердце пусто, празденъ умъ,
И томитъ меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ.

Подъ вліяніемъ душевной тревоги и остраго разлада духовнаго идеала съ житейской мелочностью, жизнь Александра Сергѣевича постоянно съ этого времени отмѣчается безпокойностью. Онъ какъ будто не можетъ нигдѣ найти покоя, безпрестанно переѣзжаетъ то изъ Михайловскаго въ Петербургъ, то обратно, то въ Москву. Онъ даже передъ открытіемъ турецкой войны просилъ о зачисленіи себя въ дѣйствующую армію, въ чемъ, конечно, получилъ отказъ подъ предлогомъ неимѣнія вакантнаго мѣста. Тѣмъ же томящимъ и неровнымъ характеромъ отличаются и написанные имъ въ это время лирическія произведенія. Впрочемъ, послѣднихъ въ этомъ періодѣ сравнительно менѣе—поэтъ занялся прозой: художественной повѣстью «Арапъ Петра Великаго (предокъ поэта) и впослѣдствіи повѣстями Бѣлкина. Изъ поэтическихъ же произведеній въ стихахъ, осенью 1828 года написаны поэма „Полтава" и нѣсколько главъ изъ Онѣгина.

Зимой 1828—1829 гг. въ Москвѣ Пушкинъ познакомился съ семействомъ Гончаровыхъ и страстно влюбился въ одну изъ дочерей, красавицу Наталью Николаевну, невольную виновницу своей преждевременной смерти. Какъ извѣстно, онъ тогда же сдѣлалъ предложеніе, но въ рукѣ любимой дѣвушки отъ матери получилъ положительный отказъ. Послѣ этого, можетъ быть съ отчаянія, въ мартѣ 1829 года онъ уѣхалъ на Кавказъ, не испросивъ предварительно разрѣшенія отъ графа А. Х. Бенкендорфа. Пробывъ на Кавказѣ болѣе полугода, онъ возвратился уже въ ноябрѣ съ новымъ произведеніемъ «Путешествіе въ Арзерумъ» (помѣщенномъ потомъ въ № 1 его Современника).

Слава имени Пушкина гремѣла по всей Россіи, но тѣмъ не менѣе житейскія обстоятельства его были далеко незавидны. Правда, его произведенія покупались издателями на расхватъ, на вѣсъ золота, правда, что они не разсматривались цензурой и что самъ авторъ былъ свободенъ, но отъ

этого было не легче. Представленныя на разсмотрѣніе государя сочиненія не возвращались долго, а когда и возвращались, то съ значительными сокращеніями нѣкоторыхъ мѣстъ для печати, надзоръ графа Бенкендорфа тоже оказывался довольно бдительнымъ. Такъ самовольная кавказская поѣздка вызвала переписку и выговоры, точно также графъ высказывалъ не удовольствіе за то, что авторъ Бориса Годунова дозволилъ себѣ прочитывать изъ него нѣкоторые отрывки въ кругу знакомыхъ еще до возвращенія сочиненія изъ канцеляріи государя и, наконецъ, за напечатаніевъ журналахъ мелкихъ стихотвореній, еще не разсмотрѣнныхъ государемъ.

Наученный опытомъ, Александръ Сергѣевичъ въ слѣдующемъ году уже обращается къ графу съ слѣдующей просьбой: «Пока я не женатъ и не занятъ службою, я бы желалъ отправиться путешествовать во Францію или въ Италію; въ случаѣ же, если на это не будетъ согласія, я бы просилъ милостиваго дозволенія посѣтить Китай вмѣстѣ съ миссіею, которая туда ѣдетъ. Позвольте мнѣ еще васъ обезпокоить. Въ мое отсутствіе г. Жуковскій хотѣлъ напечатать мою трагедію («Борисъ Годуновъ»). но не получилъ на то прямаго разрѣшенія. Такъ какъ я человѣкъ небогатый, то мнѣ чувствительно лишеніе суммы тысячъ въ 15 рублей, которые могли-бы доставить мнѣ трагедія, и мнѣ было-бы горько отказаться отъ обнародованія труда, который я долго обдумывалъ и которымъ я наиболѣе доволенъ».

Разрѣшенія на поѣздку не послѣдовало, точно также Борисъ Годуновъ, Полтава и Мѣдный Всадникъ оставались ненапечатанными. Только относительно Бориса Годунова графъ увѣдомилъ, что государь размотрѣлъ это произведеніе, остался имъ доволенъ, замѣтивъ, что сочиненіе еще болѣе выиграло бы, если-бы было въ формѣ романовъ Вальтеръ Скотта.

Не смотря на прежній отказъ матери Гончаровой въ рукѣ Натальи Николаевны, сватовство Александра Сергѣевича въ началѣ 1831 года возобновилось вновь. и на этотъ разъ съ успѣхомъ. Свадьба совершилась въ Москвѣ 18 февраля 1831 года въ церкви *Вознесенія*. Поэтъ былъ на верху счастія.

Могъ-ли онъ предвидѣть, что это счастье будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и главной причиной его гибели?

Отпраздновавъ свадьбу, молодые переѣхали въ Петербургъ, гдѣ началась для нихъ новая жизнь. Семейство Гончаровыхъ имѣло большія связи и знакомства съ аристократическими домами. Сама Наталья Николаевна любила свѣтъ и желала выѣзжать, поэтому очень естественно, что ее, какъ красавицу, умную и любезную, тотчасъ-же по вступленіи въ свѣтъ, въ качествѣ молодой женщины, окружила толпа поклонниковъ. Молодому мужу, страстно влюбленному въ жену, съ первыхъ же поръ это ухаживанье за ней не нравилось, и разъ по этому случаю онъ высказалъ ей экспромтомъ:

Для твоего поэта
Насталъ великій постъ,
Не ожидай, чтобъ въ эти лѣта
Я былъ такъ простъ!
Люблю тебя, моя комета,
Но не люблю твой длинный хвостъ.

Александръ Сергѣевичъ ревновалъ и ревновалъ постоянно во все время своей женатой жизни

Женившись, онъ, по русской пословицѣ, перемѣнился, сталъ религіозенъ, прочитывалъ жизнеописанія святыхъ, прологъ, писалъ молитвы, изъ беззаботнаго расточительнаго кутилы сдѣлался заботливымъ и разсчетливымъ. Впрочемъ, къ расчетливости вынуждало и критическое положеніе финансовыхъ обстоятельствъ. Состояніе Пушкиныхъ въ это время крайне разстроилось. Отецъ его, Сергѣй Львовичъ, какъ истый наслѣдникъ дворянскихъ идей XVIII вѣка, съумѣлъ соединить въ себѣ двѣ противоположности. Рядомъ съ крайней скупостью у него шло мотовство, которое при безалаберности и неумѣлости вести сколько нибудь порядочно хозяйство, вскорѣ довело до полнаго раззоренія. Къ свадьбѣ Сергѣй Львовичъ отдалъ сыну село Болдино, Нижегородской губерніи, а затѣмъ передалъ ему въ управленіе и всѣ остальныя имѣнія. Правда, у Пушкиныхъ родовыхъ имѣній было много, но всѣ они, разстроенныя и заложенныя, приносили

самый незначительный доходъ. Изъ переписки поэта съ Тригорскими друзьями видно, на сколько заботило его семейное положеніе. Онъ жалуется, напримѣръ, на упрямство отца. не соглашавшагося на его проэктъ продать для уплаты долговъ одно изъ имѣній и ввести экономію, живя въ деревнѣ, что безъ сомнѣнія привело бы въ порядокъ дѣла.

Съ другой стороны не мало къ разстройству дѣлъ вліяла и петербургская жизнь молодыхъ супруговъ. Постоянные выѣзды въ свѣтъ, туалетъ и свѣтскіе визиты, необходимые по общественному положенію (Пушкинъ назначенъ былъ камеръ-юнкеромъ), требовали издержекъ, которыхъ, конечно, не могли удовлетворить средства Александра Сергѣевича. Хотя онъ снова поступилъ на службу (14 ноября 1831 г.) въ коллегію иностранныхъ дѣлъ съ жалованьемъ, по особому Высочайшему повелѣнію, по 5 тыс. руб. ежегодно, но этихъ средствъ, точно также какъ и доходовъ за литературныя работы, далеко не доставало. Онъ постоянно входилъ въ долги и часто бывалъ въ затруднительномъ положеніи. Крайность заставляла Александра Сергѣевича по временамъ обращаться къ щедрости государя, отъ котораго неоднократно и получалъ тысячъ по десяти, а иногда и болѣе.

Въ странномъ положеніи находится поэтъ. Въ одно и тоже время онъ презиралъ свѣтъ и дорожилъ имъ. По своему высокому развитію онъ не могъ не видѣть бессмысленности свѣтскихъ условій, и однако строго исполнялъ ихъ, тянулся за ними и выбивался изъ силъ. Конечно, главнымъ образомъ на это вліяла Наталья Николаевна, любившая развлеченія, много выѣзжавшая и дорожившая связями, но странность была и въ характерѣ самого поэта. Еще въ юности, послѣ выхода изъ лицея въ немъ замѣчалось тоже самое. Онъ и тогда тянулся къ аристократамъ, протирался въ ихъ кругъ, не смотря на ихъ холодно-насмѣшливый пріемъ и горячіе упреки товарищей. Въ этомъ невольномъ тяготѣніи ясно просвѣчивали вліяніе родовой крови и среды воспитанія.

Понимая пустоту свѣтскаго круга, мелочность, глупость

и дряблость, покрытыхъ свѣтскимъ лоскомъ, чувствуя, можетъ быть даже безсознательно, тайную непріязнь къ себѣ отъ этого высшаго общества, естественную непріязнь посредственности къ высокому дарованію, онъ платилъ тою-же монетой, но прямо, открыто, рѣзко, злыми эпиграммами, чувствительными и колючими тѣмъ болѣе, что объ нихъ говорили, ихъ повторяли и разучивали. Отъ этого у Александра Сергѣевича явилось много враговъ, тайныхъ и непримиримыхъ, оскорбленныхъ въ своемъ самолюбіи, а потому и способныхъ на всѣ средства сдѣлать вредъ. Такимъ образомъ враги набрасывали тѣнь на его политическія убѣжденія, тѣснили по службѣ, дѣлали выговоръ за небытность въ церкви, слѣдили и объясняли по своему каждое его движеніе, задерживали печатаніе его сочиненій, непозволяли изданіе газеты. Напрасно въ оправданіе своихъ политическихъ убѣжденій онъ писалъ «Клеветникамъ Россіи» и «Бородинскую годовщину», напрасно говорилъ, что

Небесами
Клянусь, кто жизнію своей
Игралъ предъ сумрачнымъ недугомъ,
Чтобъ ободрить угасшій взоръ,
Клянусь, тотъ будетъ неба другомъ
Каковъ бы ни былъ приговоръ...

Стѣсненія не уменьшались. Въ одномъ изъ писемъ своихъ Пушкинъ описываетъ свое положеніе: «У насъ ни гроша вѣрнаго дохода... Обѣщали газету, а тамъ запретили; заставляютъ меня жить въ Петербургѣ, а не даютъ жить своими трудами. Я теряю время и силы душевныя, бросаю за окошко деньги трудовыя и не вижу ничего въ будущемъ...» Впослѣдствіи, въ послѣднихъ числахъ іюня 1834 года, онъ даже вынужденъ былъ ходатайствовать объ увольненіи вовсе отъ службы, но чрезъ нѣсколько же дней взялъ обратно свое ходатайство изъ опасенія показаться неблагодарнымъ.

Лично самъ Александръ Сергѣевичъ любилъ простоту и не очень стѣснялся свѣтскими условіями и приличіями, являлся, напримѣръ, нерѣдко въ старомъ потертомъ сюртукѣ,

въ воротничкахъ, какъ никто не носилъ, въ черномъ галстукѣ на балъ и т. п. Въ обращеніи съ тѣми, къ кому не чувствовалъ неприязни, простъ и привѣтливъ, былъ чуждъ литературной зависти и ревности. Извѣстно, съ какой готовностью онъ приходилъ на помощь всегда, когда это было въ его силахъ. Онъ первый указалъ на дарованія Гоголя, обласкалъ и ободрилъ Кольцова. Замѣчательно, что идея Ревизора и Мертвыхъ Душъ принадлежала собственно Пушкину, и Гоголь воспользовался ею самовольно. Пушкинъ высказывалъ неудовольствіе, узнавъ о сочиненіи Гоголемъ Мертвыхъ Душъ, но когда Гоголь прочиталъ ему нѣсколько главъ изъ своей поэмы, то добродушно, на что способно только капитальное дарованіе, выразился: „впрочемъ, я не написалъ бы лучше; въ Гоголѣ бездна юмора и наблюдательности, которыхъ у меня нѣтъ“.

Вращаясь постоянно въ свѣтѣ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и далекъ отъ него, не втягивался въ тину всѣмъ существомъ своимъ. Онъ не переставалъ дополнять недостатки своего образованія и, начавъ еще въ Михайловскомъ заниматься историческими трудами, послѣ свадьбы припялся еще съ большей настойчивостью. Онъ задался двумя работами: написать исторію Пугачевскаго бунта, задуманную имъ прежде, и исторію Петра Великаго.

Для изученія и собиранія матеріаловъ Пушкинъ долженъ былъ нерѣдко на нѣсколько мѣсяцевъ отлучаться то въ Москву, то въ Казань и Оренбургъ, заѣзжая по пути въ деревню Болдино для хозяйственныхъ распоряженій. Особенно заботила его исторія Пугачевскаго бунта, для которой ему необходимо было дѣлать довольно продолжительныя поѣздки на мѣста дѣйствій. Во время этихъ поѣздокъ Наталья Николаевна постоянно оставалась въ Петербургѣ, продолжая вести разсѣянную свѣтскую жизнь, заставлявшую мужа, страстно любившаго свою красавицу-жену, постоянно ревновать. Почти во всѣхъ письмахъ его къ ней проглядывала ревность то въ формѣ шутокъ, то въ формѣ внушительнаго совѣта. Такъ въ одномъ письмѣ онъ шутитъ: „Недаромъ всѣ

эти встрѣчи. Смотри, жонка! Того и гляди избалуешься безъ меня, забудешь меня—изкокетничаешься. Одна надежда на Бога да на тетку». А въ другомъ письмѣ 30 октября 1833 г.: „Ты, кажется, не путемъ изкокетничалась. Смотри: не даромъ кокетство не въ модѣ и почитается признакомъ дурнаго тона. Въ немъ толку мало. Ты радуешься, что за тобою, какъ за... бѣгаютъ.., есть чему радоваться! Не только тебѣ, но и Прасковьѣ Петровнѣ легко за собою пріучить бѣгать холостыхъ шаромыжниковъ; стоитъ разгласить, что-де я большая охотница. Вотъ вся тайна кокетства. *Было-бы корыто, а свиньи будутъ*. Къ чему тебѣ принимать мужчинъ, которые за тобою ухаживаютъ? Не знаешь на кого нападешь. Прочти басню А. Измайлова о Ѳомѣ и Кузьмѣ. Ѳома накормилъ Кузьму икрой и селедкой. Кузьма сталъ просить пить, а Ѳома не далъ. Кузьма и прибилъ Ѳому, какъ каналью. Изъ этого поэтъ выводитъ слѣдующее нравоученіе: красавицы! не кормите селедкой, если не хотите пить давать; не то — можете наскочить на Кузьму. Видишь ли? Прошу, чтобъ у меня не было этихъ академическихъ завтраковъ. Теперь, мой ангелъ, цалую тебя, какъ ни въ чемъ не бывало, и благодарю за то, что ты подробно и откровенно описываешь мнѣ свою безпутную жизнь. Гуляй, жонка; только не загуливайся и не забывай меня".

Такъ прошли первые три года супружеской жизни Пушкиныхъ

Въ началѣ 1834 года явился въ Петербургъ нѣкто Жоржъ д'Антесъ, красивой наружности блондинъ, ловкій, хвастливый, любезный, остроумный, хотя не всегда удачно, милый сердцеѣдъ. Пріѣхалъ въ Россію д'Антесъ искать счастья и, по обыкновенію, нашелъ его. Благодаря многочисленнымъ вліятельнымъ рекомендаціямъ, а главное благоволенію императора Николая Павловича, онъ тотчасъ же по пріѣздѣ получилъ прямо мѣсто офицера въ кавалергардскомъ полку съ жалованьемъ и съ особыми денежными вспомоществованіями. Но этого еще мало. Д'Антесъ съумѣлъ пріобрѣсти горячее расположеніе находившагося въ Петербургѣ на посту гол-

ландскаго посланника барона Геккерна, усыновившаго даже его и оставившаго ему потомъ свое громадное состояніе.

Новый кавалергардецъ встрѣчался съ Пушкиными въ свѣтѣ и познакомился съ ними. Александръ Сергѣевичъ любилъ даже легкій разговоръ д'Антеса, приправленный болѣе или менѣе остроумными выходками.

Лѣто 1834 года семейство Пушкина провело въ Калужской деревнѣ, откуда воротилось въ Петербургъ къ началу зимняго сезона во второй половинѣ октября. Въ это же время кончилась печатаніемъ и поступила въ продажу исторія Пугачевскаго бунта. Изданіе расходилось быстро и дало автору значительныя суммы, но эти суммы почти всѣ поступили на удовлетвореніе долговъ. Между тѣмъ свѣтская жизнь и увеличивавшееся семейство молодыхъ Пушкиныхъ, кутежи брата Льва Сергѣевича и жизнь отца и матери требовали все большихъ и большихъ расходовъ.

Для удовлетворенія назойливыхъ и нескончаемыхъ нуждъ Пушкинъ усердно работалъ въ литературѣ и по хозяйству. Не смотря на страстную любовь къ женѣ, онъ половину 1835 года провелъ отдѣльно отъ семейства то въ Москвѣ, гдѣ пробылъ около мѣсяца, то въ Михайловскомъ, гдѣ прожилъ около четырехъ мѣсяцевъ. Затруднительность положенія Пушкиныхъ не было тайной ни для кого. „Наташа служитъ, писалъ онъ въ исходѣ августа 1835 г., г. Осиповой, цѣлью для злыхъ нападковъ свѣта. Повсюду говорятъ - какъ это ужасно, что она такъ наряжается, когда ея свекру и свекрови ѣсть нечего, когда ея свекровь умираетъ у чужихъ людей. Вы знаете въ чемъ дѣло. Нельзя, конечно, сказать, чтобъ человѣкъ, у котораго 1200 душъ крестьянъ, находился въ нищетѣ. Стало, у моего отца кое-что есть, а у меня ничего нѣтъ. Во всякомъ случаѣ Наташа тутъ не при чемъ и за все долженъ быть я въ отвѣтѣ". Письмо это Александръ Сергѣевичъ заканчиваетъ: «повѣрьте мнѣ жизнь—при всемъ томъ, что она *сладкая привычка*—содержитъ въ себѣ горечь, отъ которой, наконецъ, дѣлается противною; свѣтъ же — гнусная, грязная лужа».

Подъ впечатлѣніемъ непріятныхъ общественныхъ отношеній, безпрерывныхъ сплетенъ, домашнихъ упрековъ отца, матери и тещи, недостатка финансовыхъ средствъ, а главное подъ постояннымъ давленіемъ ревности характеръ Александра Сергѣевича сдѣлался до крайности раздражителенъ, придирчивъ и подозрителенъ. Въ каждомъ безъ умысла сказанномъ словѣ онъ видѣлъ оскорбительный для себя намекъ, въ каждой свѣтской любезности женѣ наглое волокитство. Интересныя характеристическія подробности сообщаетъ графъ Соллогубъ изъ послѣдняго года жизни нашего знаменитаго поэта.

Во время командировки въ г. Ржевъ Тверской губерніи для изслѣдованія, совершеннаго тамъ раскольниками, святотатства въ началѣ 1836 года, графъ В. А. Соллогубъ совершенно неожиданно получилъ отъ А. Н. Карамзина письмо, въ которомъ тотъ спрашивалъ, почему онъ (Соллогубъ) не отвѣчаетъ на вызовъ А. С. Пушкина.

«Для меня это было совершенной загадкой, разсказываетъ графъ Соллогубъ. Пушкина я зналъ очень мало, встрѣчался съ нимъ у Карамзиныхъ; смотрѣлъ на него, какъ на полу-бога... и вдругъ ни съ того, ни съ сего, онъ вызываетъ меня стрѣляться, тогда какъ передъ отъѣздомъ я съ нимъ даже не видался вовсе. Рѣшительно нельзя было ничего тутъ понять, кромѣ того, что Пушкинъ чѣмъ-то обидѣлся, о чемъ-то мнѣ писалъ и что письмо его было перехвачено. Слѣдствіе кончилось. Я переѣхалъ жить въ Тверь. Съ Карамзинымъ я списался и узналъ, наконецъ, въ чемъ дѣло. Наканунѣ моего отъѣзда я былъ на вечерѣ вмѣстѣ съ Натальею Николаевной Пушкиной, которая шутила надъ моей романической страстью и ея предметомъ. Я ей хотѣлъ замѣтить, что она уже не дѣвочка и спросилъ: «давно ли она замужемъ?» Затѣмъ разговоръ коснулся Ленскаго, очень милаго и образованнаго поляка, танцовавшаго тогда превосходно мазурку на петербургскихъ балахъ. Все это было до крайности невинно, и безъ всякой задней мысли. Но присутствующія дамы соорудили изъ этого простаго разговора

цѣлую сплетню: что я, будто, оттого говорилъ про Ленскаго, что онъ будто нравится Натальѣ Николаевнѣ (чего никогда не было) и что она забываетъ о томъ, что она еще недавно замужемъ. Наталья Николаевна, должно быть, сама разсказала Пушкину про такое странное истолкованіе моихъ словъ, такъ какъ она вообще ничего отъ мужа не скрывала, хотя и знала его пламенную, необузданную природу. Пушкинъ написалъ тотчасъ же ко мнѣ письмо, никогда ко мнѣ недошедшее, и, какъ мнѣ было передано, началъ говорить, что я уклоняюсь отъ дуэли. Получивъ это объясненіе, я написалъ Пушкину, что я совершенно готовъ къ его услугамъ, когда ему будетъ угодно, хотя не чувствую за собой никакой вины, по такимъ и такимъ-то причинамъ, Пушкинъ остался моимъ письмомъ доволенъ и сказалъ С. А. Соболевскому: «немножко длинно, молодо, а впрочемъ хорошо». Въ тоже время онъ написалъ мнѣ по-французски письмо слѣдующаго содержанія: «М. г. Вы приняли на себя напрасный трудъ, сообщивъ мнѣ объясненія, которыхъ я не спрашивалъ. Вы позволили себѣ невѣжливость относительно жены моей. Имя, вами носимое, и общество, вами посѣщаемое, вынуждаютъ меня требовать у васъ сатисфакціи за непристойность вашего поведенія. Извините меня, если я не могу пріѣхать въ Тверь прежде конца нынѣшняго мѣсяца и проч.» Оригиналъ этого письма долго у меня хранился, но потомъ кѣмъ-то у меня взятъ, едва ли не въ Симбирскѣ. Дѣлать было нечего, я сталъ готовиться къ поединку: купилъ пистолеты, выбралъ секунданта, привелъ бумаги въ порядокъ и началъ дожидаться—и прождалъ такъ напрасно три мѣсяца. Пушкинъ все не пріѣзжалъ, но распрашивалъ про дорогу, на что одинъ мой тогдашній пріятель (нынѣ государственный сановникъ), навѣстившій меня проѣздомъ черезъ Тверь, отвѣчалъ, что до Твери дорога хорошая. Вѣроятно, гнѣвъ Пушкина давно уже охладѣлъ; вѣроятно, онъ понималъ неумѣстность поединка съ молодымъ человѣкомъ, почти ребенкомъ, изъ самой пустой причины „во избѣжаніе какой-то свѣтской молвы». Наконецъ, отъ того же пріятеля

узналъ я, что въ Петербургѣ явился новый французъ-роялистъ Дантесъ, сильно уже надоѣдавшій Пушкину. Съ другой стороны онъ, по особому щегольству его привычекъ, не хотѣлъ уже отказаться отъ дѣла, имъ затѣяннаго. Весной, я получилъ отъ моего министра, графа Блудова, предписаніе немедленно отправиться въ Витебскъ, въ распоряженіе генералъ-губернатора Дьякова. Я забылъ сказать, что я завѣдывалъ въ то время принадлежавшей моей матушкѣ тверской вотчиной. Передъ отъѣздомъ въ Витебскъ нужно было сдѣлать нѣсколько распоряженій. Я и поѣхалъ въ деревню на два дня; вечеромъ въ Тверь пріѣхалъ Пушкинъ. На всякій случай я оставилъ письмо, которое отвезъ ему мой секундантъ князь Козловскій. Пушкинъ жалѣлъ, что не засталъ меня, извинялся и былъ очень любезенъ и разговорчивъ съ Козловскимъ. На другой день онъ уѣхалъ въ Москву. На третій я вернулся въ Тверь и съ ужасомъ узналъ съ кѣмъ я разъѣхался. Первой моей мыслію было, что онъ подумаетъ, пожалуй, что я отъ него убѣжалъ. Тутъ мѣшкать было нечего. Я послалъ тотчасъ за почтовой тройкой и безъ оглядки поскакалъ прямо въ Москву, куда пріѣхалъ на разсвѣтѣ, и велѣлъ везти себя прямо къ П. В. Нащокину, у котораго останавливался Пушкинъ. Въ домѣ всѣ еще спали. Я вошелъ въ гостиную и приказалъ разбудить Пушкина. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ ко мнѣ въ халатѣ, заспанный, и началъ чистить необыкновенно длинные ногти. Первыя взаимныя привѣтствія были очень холодны. Онъ спросилъ меня, кто мой секундантъ? Я отвѣчалъ, что секундантъ мой остался въ Твери, что въ Москву я только пріѣхалъ и хочу просить быть моимъ секундантомъ извѣстнаго генерала князя Ѳ. Гагарина. Пушкинъ извинился, что заставилъ меня такъ долго дожидаться, и объявилъ, что его секундантъ П. В. Нащокинъ.

Затѣмъ разговоръ нѣсколько оживился и мы начали говорить о начатомъ имъ изданіи Современника.—Первый томъ былъ слишкомъ хорошъ—сказалъ Пушкинъ. Второй я постараюсь выпустить поскучнѣе: публику баловать не надо. Тутъ

онъ разсмѣялся и бесѣда между нами пошла почти дружеская до появленія Нащокина. Павелъ Воиновичъ явился, въ свою очередь, заспанный, съ взъерошенными волосами и, глядя на мирный ликъ его, я невольно пришелъ къ заключенію, что никто изъ насъ не ищетъ кровавой развязки, а что дѣло въ томъ, какъ бы всѣмъ выпутаться изъ глупой исторіи, не уронивъ своего достоинства. Павелъ Воиновичъ тотчасъ приступилъ къ роли примирителя. Пушкинъ непремѣнно хотѣлъ, чтобъ я передъ нимъ извинился. Обиженнымъ онъ, впрочемъ, себя не считалъ, но ссылался на мое свѣтское значеніе и какъ будто боялся компрометировать себя въ обществѣ, если оставитъ безъ удовлетворенія дѣло, получившее уже въ небольшомъ кругу нѣкоторую огласку. Я, съ своей стороны, объявилъ, что извиняться передъ нимъ ни подъ какимъ видомъ не стану, такъ какъ я не виноватъ рѣшительно ни въ чемъ; что слова мои были перетолкованы превратно и сказаны въ такомъ то смыслѣ. Споръ продолжался довольно долго. Наконецъ, мнѣ было предложено написать нѣсколько словъ Натальѣ Николаевнѣ. На это я согласился; написалъ прекудрявое французское письмо, которое Пушкинъ взялъ и тотчасъ же протянулъ мнѣ руку, послѣ чего сдѣлался чрезвычайно ласковъ и дружелюбенъ. Этому прошло 30 лѣтъ: многое, конечно, я уже забылъ, но самое обстоятельство мнѣ весьма памятно, потому что было основаніемъ ближайшихъ, впослѣдствіи, моихъ сношеній съ Пушкинымъ и, кромѣ того, выказываетъ одну странную сторону его характера, а именно его пристрастіе къ свѣтской молвѣ, къ свѣтскимъ отличіямъ и условіямъ.

Весною 1836 г. умерла Надежда Осиповна, мать Александра Сергѣевича. Смерть матери произвела на него глубокое тяжелое впечатлѣніе, соединившееся съ мрачнымъ предчувствіемъ и своей близкой кончины. «Еслибы ты знала, милая сестра, говорилъ онъ Ольгѣ Сергѣевнѣ Павлищевой, какъ жизнь тяготитъ меня! Я надѣюсь, что она не продолжится долго; скажу болѣе, я это чувствую».

Въ концѣ мая семейство Пушкиныхъ переѣхало на дачу

на Каменный островъ, гдѣ и прожило до половины октября. Въ это время поэтъ былъ занятъ изданіемъ журнала «Современникъ», который вообще шелъ плохо, такъ какъ Пушкинъ не былъ рожденъ быть журналистомъ, да теперь ему было и не до журнала. Лѣтомъ, послѣ нѣсколькихъ баловъ на Минеральныхъ водахъ, въ большомъ свѣтѣ разнеслась сплетня объ ухаживаніи д'Антеса за Натальей Николаевной. Узнавъ объ этомъ, Александръ Сергѣевичъ отказалъ д'Антесу отъ своего дома, но это не помѣшало послѣднему встрѣчаться съ Натальей Николаевной у общихъ свѣтскихъ знакомыхъ и даже писать къ ней. Мало того, баронъ Геккернъ, бывая у Пушкиныхъ, не уставалъ нашептывать молодой женщинѣ о безнадежной любви къ ней своего пріемнаго сына. Наталья Николаевна не скрывала отъ мужа ни любезностей д'Антеса, ни поступковъ барона Геккерна. Зная же, какъ страстно былъ влюбленъ въ свою жену Александръ Сергѣевичъ, какъ щекотливъ былъ онъ къ свѣтской молвѣ, можно представить до какой степени онъ былъ возбужденъ и раздраженъ.

Возвращаемся къ разсказу графа Соллогуба о послѣднихъ мѣсяцахъ жизни Александра Сергѣевича.

„Я жилъ тогда въ Большой Морской, у тетки моей Васильчиковой. Въ первыхъ числахъ ноября (1836) она велѣла однажды утромъ меня позвать къ себѣ и сказала: „Представь себѣ, какая странность! Я получила сегодня пакетъ на мое имя, распечатала и нашла въ немъ другое, запечатанное письмо, съ надписью: Александру Сергѣевичу Пушкину. Что мнѣ съ этимъ дѣлать?» Говоря такъ, она вручила мнѣ письмо, на которомъ было дѣйствительно написано кривымъ, лакейскимъ почеркомъ: *Александру Сергѣевичу Пушкину*. Мнѣ тотчасъ же пришло въ голову, что въ этомъ письмѣ что-нибудь написано о моей прежней личной исторіи съ Пушкинымъ, что слѣдовательно уничтожить я его не долженъ, а распечатать не въ правѣ. Затѣмъ я отправился къ Пушкину, и, не подозрѣвая нисколько содержанія приносимаго мною гнуснаго пасквиля, передалъ его Пушкину. Пуш-

кинъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, распечаталъ конвертъ, и тотчасъ сказалъ мнѣ: «Я ужъ знаю, что такое; я такое письмо получилъ сегодня же отъ Елиз. Мих. Хитровой: это мерзость противъ жены моей. Впрочемъ понимаете, что безъимяннымъ письмомъ я обижаться не могу. Если кто-нибудь сзади плюнетъ на мое платье, такъ это дѣло моего камердинера вычистить платье, а не мое. Жена моя—ангелъ, никакое подозрѣніе коснуться ея не можетъ. Послушайте, что я по сему предмету пишу г-жѣ Хитровой». Тутъ онъ прочиталъ мнѣ письмо, вполнѣ сообразное съ его словами *). Въ сочиненіи присланнаго ему всѣмъ извѣстнаго диплома, онъ подозрѣвалъ одну даму, которую мнѣ и назвалъ. Тутъ онъ говорилъ спокойно, съ большимъ достоинствомъ, и, казалось, хотѣлъ оставить все дѣло безъ вниманія. Только двѣ недѣли спустя, узналъ я, что въ этотъ же день онъ послалъ вызовъ кавалергардскому поручику Дантесу, усыновленному, какъ извѣстно, голландскимъ посланникомъ барономъ Гекерномъ. Я продолжалъ затѣмъ гулять, по обыкновенію, съ Пушкинымъ и не замѣчалъ въ немъ особой перемѣны. Однажды спросилъ я его только, не дознался ли онъ, кто сочинилъ подметныя письма. Точно такія же письма были получены всѣми членами тѣснаго Карамзинскаго кружка, но истреблены ими тотчасъ по прочтеніи. Пушкинъ отвѣчалъ мнѣ, что не знаетъ, но подозрѣваетъ одного человѣка. S'il vous faut un troisième, ou un second, сказалъ я ему, disposez de moi. Эти слова сильно тронули Пушкина, и онъ мнѣ сказалъ тутъ нѣсколько такихъ лестныхъ словъ, что я не

---

*) „4 ноября поутру я получилъ три экземпляра анонимнаго письма, оскорбительнаго для моей чести, и чести моей жены“. Слова Пушкина въ письмѣ къ гр. Бенкендорфу отъ 21 ноября 1836 г. (см. въ книжкѣ г. А. Аммосова стр 45). Изъ послѣдующаго разсказа читатель замѣтитъ важность этого числа (21 ноября): Пушкинъ объявилъ обо всемъ гр. Бенкендорфу въ самый день, какъ отказался отъ поединка вслѣдствіе желанія противника жениться на его свояченицѣ. Стало быть онъ не вѣрилъ нисколько въ искренность Дантеса Тогда же онъ написалъ и ругательное письмо къ посланнику Геккерну, которое удержалъ у себя мѣсяца на два и которое было поводомъ окончательнаго взрыва.

П. Б.

смѣю ихъ повторить; но слова эти остались отраднѣйшимъ воспоминаніемъ моей литературной жизни. Сколько разъ въ послѣдствіи, когда имя мое, болѣе чѣмъ я самъ, подвергалось насмѣшкамъ и ругательствамъ журналистовъ, доходившимъ иногда до клеветы, я смирялъ свою минутную досаду повтореніемъ словъ, сказанныхъ мнѣ главою русскихъ писателей какъ бы въ предвѣдѣніи, что и для моей скромной доли не мало нужно будетъ твердости, чтобъ выдержать многія непонятныя, печатанныя на авось и незаслуженныя оскорбленія. Порадовавъ меня своимъ отзывомъ, Пушкинъ прибавилъ: «Дуэли никакой не будетъ; но я, можетъ быть, попрошу васъ быть свидѣтелемъ одного объясненія, при которомъ присутствіе свѣтскгао человѣка (опять таки свѣтскаго человѣка) мнѣ желательно, для надлежащаго заявленія, въ случаѣ надобности». Все это было говорено по французски. Мы зашли къ оружейнику. Пушкинъ прицѣнивался къ пистолетамъ, но не купилъ, по неимѣнію денегъ. Послѣ того мы заходили еще въ лавку къ Смирдину, гдѣ Пушкинъ написалъ записку Кукольнику, кажется, съ требованіемъ денегъ. Я между тѣмъ оставался у дверей и импровизировалъ эпиграмму:

Коль ты къ Смирдину войдешь,
Ничего тамъ не найдешь,
Ничего ты тамъ не купишь,
Лишь Сенковскаго толкнешь

Эти четыре стиха я сказалъ выходящему Александру Сергѣевичу, который съ необыкновенною живостью заключилъ:

Иль въ Б....... наступишь.

Я былъ совершенно покоенъ, такимъ образомъ, насчетъ послѣдствій писемъ, но черезъ нѣсколько дней долженъ былъ разувѣриться. У Карамзиныхъ праздновался день рожденія старшаго сына. Я сидѣлъ за обѣдомъ подлѣ Пушкина. Во время общаго веселаго разговора, онъ вдругъ нагнулся ко мнѣ и сказалъ мнѣ скороговоркой: «Ступайте завтра къ д'Аршіаку. Условьтесь съ нимъ только на счетъ матеріаль-

ной стороны дуэли. Чѣмъ кровавѣе, тѣмъ лучше. Ни на какія объясненія не соглашайтесь». Потомъ онъ продолжалъ шутить и разговаривать, какъ бы ни въ чемъ не бывало. Я остолбенѣлъ, но возражать не осмѣлился. Въ тонѣ Пушкина была рѣшительность, не допускавшая возраженій. Вечеромъ я поѣхалъ на большой раутъ къ австрійскому посланнику графу Фикельмону. На раутѣ всѣ дамы были въ траурѣ, по случаю смерти Карла X. Одна Катерина Николаевна Гончарова, сестра Натальи Николаевны Пушкиной (которой на раутѣ не было) отличалась отъ прочихъ бѣлымъ платьемъ. Съ ней любезничалъ Дантесъ-Гекернъ. Пушкинъ пріѣхалъ поздно, казался очень встревоженъ, запретилъ Катеринѣ Николаевнѣ говорить съ Дантесомъ и, какъ узналъ я потомъ, самому Дантесу высказалъ нѣсколько болѣе чѣмъ грубыхъ словъ. Съ д'Аршіакомъ, статнымъ молодымъ секретаремъ французскаго посольства *), мы выразительно переглянулись но разошлись, не будучи знакомы. Дантеса я взялъ въ сторону и спросилъ его, что онъ за человѣкъ. „Я человѣкъ честный, отвѣчалъ онъ, и надѣюсь скоро это доказать». Затѣмъ онъ сталъ объяснять, что не понимаетъ, чего отъ него Пушкинъ хочетъ; что онъ поневолѣ будетъ съ нимъ стрѣляться, если будетъ къ тому принужденъ; но никакихъ ссоръ и скандаловъ не желаетъ. Ночь я, сколько мнѣ помнится, не могъ заснуть: я понималъ, какая лежала на мнѣ отвѣтственность передъ всей Россіей. Тутъ уже было не то, что исторія со мной. Со мной я за Пушкина не боялся. Ни у одного русскаго рука на него бы не поднялась; но французу русской славы жалѣть было нечего.

На другой день погода была страшная, снѣгъ, мятель. Я поѣхалъ сперва къ отцу моему, жившему на Мойкѣ, потомъ къ Пушкину, который повторилъ мнѣ, что я имѣю только условиться на счетъ матеріальной стороны самаго безпощаднаго поединка, и наконецъ, съ замирающимъ сердцемъ отправился къ д'Аршіаку. Каково же было мое удивленіе,

---

*) Д'Аршіакъ имѣлъ титулъ виконта.

когда съ первыхъ словъ д'Аршіакъ объявилъ мнѣ, что онъ самъ всю ночь не спалъ, что онъ, хотя не русскій, но очень понимаетъ, какое значеніе имѣетъ Пушкинъ для русскихъ, и что наша обязанность сперва просмотрѣть всѣ документы, относящіеся до порученнаго намъ дѣла. Затѣмъ онъ мнѣ показалъ:

1) Экземпляръ ругательнхго диплома на имя Пушкина.

2) Вызовъ Пушкина Дантесу, послѣ полученія диплома.

3) Записку посланника барона Гекерна, въ которой онъ просилъ, чтобъ поединокъ былъ отложенъ на двѣ недѣли.

4) Собственноручную записку Пушкина, въ которой онъ объявлялъ, что беретъ свой вызовъ назадъ, на основаніи слуховъ, что г. Дантесъ женится на его невѣсткѣ К. Н. Гончаровой.

Я стоялъ пораженный, какъ будто свалился съ неба. Объ этой свадьбѣ я ничего не слыхалъ, ничего не вѣдалъ и только тутъ понялъ причину вчерашняго бѣлаго платья, причину двухъ-недѣльной отсрочки, причину ухаживанія Дантеса. Всѣ хотѣли остановить Пушкина. Одинъ Пушкинъ того не хотѣлъ. Мѣра терпѣнія преисполнилась. При полученіи глупаго диплома отъ безъимяннаго негодяя, Пушкинъ обратился къ Дантесу, потому что послѣдній, танцуя часто съ Н. Н., былъ поводомъ къ мерзкой шуткѣ. Самый день вызова неопровержимо доказываетъ, что другой причины не было. Кто зналъ Пушкина, тотъ понимаетъ, что не только въ случаѣ кровной обиды, но что даже при первомъ подозрѣніи, онъ не сталъ бы дожидаться подметныхъ писемъ *). Одному Богу извѣстно, что онъ въ это время выстрадалъ, воображая себя осмѣяннымъ и поруганнымъ въ большомъ свѣтѣ, преслѣдовавшемъ его мелкими безпрерывными оскорбленіями. Онъ въ лицѣ Дантеса искалъ или смерти или расправы

---

*) Кстати замѣтить, что гнусные интриганы для разсылки анонимныхъ писемъ (въ которыхъ Пушкинъ величался рогоносцемъ) воспользовались только что заведенною тогда въ Петербургѣ городскою почтою: иначе было бы легче обличить ихъ. *П. Б.*

съ цѣлымъ свѣтскимъ обществомъ. Я твердо убѣжденъ, что еслибы С. А. Соболевскій былъ тогда въ Петербургѣ, онъ, по вліянію его на Пушкина, одинъ могъ бы удержать его. Прочіе были не въ силахъ *).

«Вотъ положеніе дѣла, сказалъ д'Аршіакъ. Вчера кончился двухъ-недѣльный срокъ, и я былъ у г. Пушкина съ извѣщеніемъ, что мой другъ Дантесъ готовъ къ его услугамъ. Вы понимаете, что Дантесъ желаетъ жениться, но не можетъ жениться иначе, какъ если г. Пушкинъ откажется просто отъ своего вызова безъ всякаго объясненія, не упоминая о городскихъ слухахъ. Г. Дантесъ не можетъ допустить, чтобъ о немъ говорили, что онъ былъ принужденъ жениться, и жениться во избѣжаніе поединка. Уговорите г. Пушкина безусловно отказаться отъ вызова. Я вамъ ручаюсь, что Дантесъ женится, и мы предотвратимъ, можетъ быть, большое несчастіе". Этотъ д'Аршіакъ былъ необыкновенно симпатичной личностью и самъ скоро потомъ умеръ насильственною смертью на охотѣ. Мое положеніе было самое непріятное: я только теперь узнавалъ сущность дѣла; мнѣ предлагали самый блистательный исходъ, то что я и требовать и ожидать бы никакъ не смѣлъ, а между тѣмъ я не имѣлъ порученія вести переговоры. Потолковавъ съ д'Аршіакомъ, мы рѣшились съѣхаться въ три часа у самаго Дантеса. Тутъ возобновились тѣ же предложенія, но въ разговорахъ Дантесъ не участвовалъ, все предоставивъ секунданту. Никогда въ жизнь свою я не ломалъ такъ головы. Наконецъ, потребовавъ бумаги, я написалъ по французски къ Пушкину слѣдующую записку:

«Согласно вашему желанію я условился на счетъ матеріальной стороны поединка. Онъ назначенъ 21 ноября въ 8 часовъ утра на Парголовской дорогѣ, на 10 шаговъ барьера. Впрочемъ изъ разговоровъ узналъ я, что г. Дантесъ женится на вашей свояченицѣ, если вы только признаете, что онъ велъ себя въ настоящемъ дѣлѣ какъ *честный* человѣкъ.

---

*) Въ августѣ 1836 г. С. А. Соболевскій уѣхалъ въ чужіе края. *П. Б.*

Г. д'Аршіакъ и я служимъ вамъ порукой, что свадьба состоится; именемъ вашего семейства умоляю васъ согласиться» и пр.

Точныхъ словъ я не помню, но содержаніе письма вѣрно. Очень мнѣ памятно число 21 ноября, потому что 20 было рожденіе моего отца, и я не хотѣлъ ознаменовать этотъ день кровавой сценой. Д'Аршіакъ прочиталъ внимательно записку; но не показалъ ея Дантесу, не смотря на его требованіе, а передалъ мнѣ и сказалъ: «Я согласенъ. Пошлите». Я позвалъ своего кучера, отдалъ ему въ руки записку и приказалъ вести на Мойку туда, гдѣ я былъ утромъ. Кучеръ ошибся и отвезъ записку къ отцу моему, который жилъ тоже на Мойкѣ и у котораго я тоже былъ утромъ. Отецъ мой записки не распечаталъ, но, узнавъ мой почеркъ, и очень встревоженный, выглядѣлъ условія о поединкѣ. Однако онъ отправилъ кучера къ Пушкину, тогда какъ мы около двухъ часовъ оставались въ мучительномъ ожиданіи. Наконецъ, отвѣтъ былъ привезенъ. Онъ былъ въ общемъ смыслѣ слѣдующаго содержанія: „Прошу гг. секундантовъ считать мой вызовъ недѣйствительнымъ, такъ какъ по городскимъ слухамъ (par le bruit public) я узналъ, что г. Дантесъ женится на моей свояченицѣ. Впрочемъ я готовъ признать, что въ настоящемъ дѣлѣ онъ велъ себя честнымъ человѣкомъ“. Этого достаточно, сказалъ д'Аршіакъ, отвѣта Дантесу не показалъ и поздравилъ его женихомъ. Тогда Дантесъ обратился ко мнѣ со словами: «Ступайте къ г. Пушкину и поблагодарите его, что онъ согласенъ кончить нашу ссору. Я надѣюсь, что мы будемъ видаться, какъ братья». — Поздравивъ съ своей стороны Дантеса, я предложилъ д'Аршіаку лично повторить эти слова Пушкину и ѣхать со мной. Д'Аршіакъ и на это согласился. Мы застали Пушкина за обѣдомъ. Онъ вышелъ къ намъ нѣсколько блѣдный и выслушалъ благодарность, переданную ему д'Аршіакомъ. „Съ моей стороны, продолжалъ я, я позволилъ себѣ обѣщать, что вы будете обходиться съ своимъ зятемъ, какъ съ знакомымъ“. — «Напрасно, воскликнулъ запальчиво Пушкинъ. Никогда этого не будетъ. Ни-

когда между домомъ Пушкина и домомъ Дантеса ничего общаго быть не можетъ".—Мы грустно переглянулись съ д'Аршіакомъ. Пушкинъ затѣмъ немного успокоился. «Впрочемъ, добавилъ онъ, я признаьъ и готовъ признать, что г. Дантесъ дѣйствовалъ какъ честный человѣкъ».—Больше мнѣ и не нужно, подхватилъ д'Аршіакъ и поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

Вечеромъ на балѣ С. В. Салтыкова свадьба была объявлена, но Пушкинъ Дантесу не кланялся. Онъ сердился на меня, что, не смотря на его приказаніе, я вступилъ въ переговоры. Свадьбѣ онъ не вѣрилъ. «У него, кажется, грудь болитъ, говорилъ онъ, того гляди, уѣдетъ за границу. Хотите биться объ закладъ, что свадьбы не будетъ. Вотъ у васъ тросточька. У меня бабья страсть къ этимъ игрушкамъ. Проиграйте мнѣ ее». — А вы проиграете мнѣ всѣ ваши сочиненія.—Хорошо.—(Онъ былъ въ это время, какъ-то желчно веселъ). «Послушайте, сказалъ онъ мнѣ черезъ нѣсколько дней, вы были болѣе секундантомъ Дантеса, чѣмъ моимъ, однако я не хочу ничего дѣлать безъ вашего вѣдома. Пойдемте въ мой кабинетъ". Онъ заперъ дверь и сказалъ: «Я прочитаю вамъ мое письмо къ старику Гекерну. Съ сыномъ уже покончено... Вы мнѣ теперь старичка подавайте». Тутъ онъ прочиталъ мнѣ всѣмъ извѣстное письмо къ голландскому посланнику. Губы его задрожали, глаза налились кровью. Онъ былъ до того страшенъ, что только тогда я понялъ, что онъ дѣйствительно африканскаго происхожденія. Что могъ я возразить противъ такой сокрушительной страсти? Я промолчалъ невольно, и такъ какъ это было въ субботу (пріемный день кн. Одоевскаго), то поѣхалъ къ кн. Одоевскому. Тамъ я нашелъ Жуковскаго, и разсказалъ ему про то, что слышалъ. Жуковскій испугался и обѣщалъ остановить отсылку письма. Дѣйствительно, это ему удалось: черезъ нѣсколько дней онъ объявилъ мнѣ у Карамзиныхъ, что дѣло онъ уладилъ, и письмо послано не будетъ. Пушкинъ точно не отсылалъ письма, но сберегъ его у себя на всякій случай.

Въ началѣ декабря я былъ командированъ въ Харьковъ къ гр. А. Г. Строганову и выѣхалъ совершенно успокоенный въ Москву. Въ Москвѣ я заболѣлъ и пролежалъ два мѣсяца. Передъ отъѣздомъ я пошелъ проститься съ д'Аршіакомъ, который показалъ мнѣ нѣсколько печатныхъ бланковъ съ разными шутовскими дипломами на разныя нелѣпыя званія. Онъ разсказалъ мнѣ, что вѣнское общество цѣлую зиму забавлялось разсылкою подобныхъ мистификацій. Тутъ находился тоже печатный образецъ диплома, посланнаго Пушкину. Такимъ образомъ гнусный шутникъ, причинившій его смерть, не выдумалъ даже своей шутки, а получилъ образецъ отъ какого-то члена дипломатическаго корпуса и списалъ. Кто былъ виновнымъ, оставалось еще тайной непроницаемой. Послѣ отъѣзда, Дантесъ женился и былъ хорошимъ мужемъ, и теперь по кончинѣ жены весьма нѣжный отецъ. Онъ пожертвовалъ собой, чтобъ избѣгнуть поединка. Въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но какъ человѣкъ вѣтреный, онъ и послѣ свадьбы, встрѣчаясь на балахъ съ Натальей Николаевной, подходилъ къ ней, и балагурилъ съ нѣсколько казарменной непринужденностью. Взрывъ былъ неминуемъ и произошелъ несомнѣнно отъ площаднаго каламбура. На балѣ у гр. Воронцова, женатый уже, Дантесъ спросилъ Наталью Николаевну, довольна ли она мозольнымъ операторомъ, присланнымъ ей его женой.—Le pédicure prétend, прибавилъ онъ, que votre cor est plus beau que celui de ma femme. Пушкинъ объ этомъ узналъ. Въ письмѣ его къ посланнику Гекерну есть намеки на этотъ каламбуръ. Письмо впрочемъ было то же самое, которое онъ мнѣ читалъ за два мѣсяца,—многія мѣста я узналъ; только прежнее было, если не ошибаюсь, длиннѣе и, какъ оно не покажется невѣроятнымъ, еще оскорбительнѣе.

Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ отсылки письма была дуэль Александра Сергѣевича съ Жоржемъ д'Антесъ, при которой секундантами были: со стороны д'Антеса д'Аршіакъ, со стороны Пушкина Данзасъ.

О подробностяхъ дуэли заимствуемъ изъ «Русской Старины» разсказъ Данзаса:

Драться Пушкинъ съ д'Антесомъ долженъ былъ 27-го января, въ пятомъ часу пополудни. Мѣсто поединка было назначено секундантами за Черной рѣчкой, возлѣ комендантской дачи. Оружіемъ выбраны пистолеты. Стрѣляться соперники должны были на разстояніи двадцати шаговъ, съ тѣмъ, чтобы каждый могъ сдѣлать пять шаговъ и подойти къ барьеру; никому не было дано преимущества перваго выстрѣла; каждый долженъ былъ сдѣлать одинъ выстрѣлъ, когда будетъ ему угодно; но, въ случаѣ промаха съ обѣихъ сторонъ, дѣло должно было начаться снова, на тѣхъ же условіяхъ. Личныхъ объясненій между противниками никакихъ допущено не было; въ случаѣ же надобности, за нихъ должны были объясняться секунданты.

По желанію д'Аршіака, условія поединка были сдѣланы на бумагѣ

Съ этой роковою бумагой Данзасъ возвратился къ Пушкину. Онъ засталъ его дома, одного. Не прочитавъ даже условій, Пушкинъ согласился на все. Въ разговорѣ о предстоящей дуэли, Данзасъ замѣтилъ ему, что, по его мнѣнію, онъ бы долженъ былъ стрѣляться съ барономъ Гекерномъ-отцомъ, а не съ сыномъ, такъ какъ оскорбительное письмо онъ написалъ Гекерну, а не д'Антесу. На это Пушкинъ ему отвѣчалъ, что Гекернъ, по оффиціальному своему положенію, драться не можетъ.

Условясь съ Пушкинымъ сойтись въ кондитерской Вольфа, Данзасъ отправился сдѣлать нужныя приготовленія. Нанявъ парныя сани, онъ заѣхалъ въ оружейный магазинъ *Куракина* за пистолетами, которые были уже выбраны Пушкинымъ заранѣе; пистолеты эти были совершенно схожи съ пистолетами д'Аршіака. Уложивъ ихъ въ сани, Данзасъ пріѣхалъ къ Вольфу, гдѣ Пушкинъ уже ожидалъ его *.

---

* Въ 1877 году въ „Русскомъ Архивѣ", подъ заглавіемъ „Воспоминанія о Пушкинѣ", была напечатана импровизація какого-то господина

Было около четырехъ часовъ пополудни.

Выпивъ стаканъ лимонаду или воды, Пушкинъ вышелъ съ Данзасомъ изъ кондитерской, сѣли въ сани и отправились по направленію къ Троицкому (?) мосту. Пушкинъ по наружности былъ покоенъ... На Дворцовой набережной они встрѣтили въ экипажѣ г-жу Пушкину. Данзасъ узналъ ее; надежда въ немъ блеснула: встрѣча эта могла поправить все (?). Но жена Пушкина была близорука, а Пушкинъ смотрѣлъ въ другую сторону.

День былъ ясный. Петербургское великосвѣтское общество каталось на горахъ и въ то время нѣкоторые уже оттуда возвращались. Много знакомыхъ Пушкину и Данзасу встрѣчались, раскланивались съ ними, но никто не догадывался куда они ѣхали; а между тѣмъ исторія Пушкина съ Гекернами была хорошо извѣстна всему этому обществу.

На Невѣ Пушкинъ спросилъ Данзаса шутя: не въ крѣпость ли ты везешь меня?—«Нѣтъ,—отвѣчалъ Данзасъ,—черезъ крѣпость на Черную рѣчку самая близкая дорога».

На Каменноостровскомъ проспектѣ они встрѣтили въ саняхъ двухъ знакомыхъ офицеровъ Коннаго полка: князя В. Д. Голицына и Головина. Думая, что Пушкинъ и Данзасъ ѣхали на горы. Голицынъ закричалъ имъ: «что вы такъ поздно ѣдете, всѣ уже оттуда разъѣзжаются!»

Данзасъ не знаетъ, по какой дорогѣ ѣхали д'Антесъ съ д'Аршіакомъ, но къ комендантской дачѣ они съ ними подъѣхали въ одно время. Данзасъ вышелъ изъ саней и, сговорясь съ д'Аршіакомъ, отправился съ нимъ отыскивать удобное для дуэли мѣсто; они нашли такое саженяхъ въ полутораста отъ комендантской дачи: болѣе крупный и густой кустарникъ окружалъ здѣсь площадку и могъ скрывать отъ глазъ оставленныхъ на дорогѣ извощиковъ то, что на ней происходило. Избравъ это мѣсто, секунданты утоптали но-

---

(такого же знакомца поэта, какъ Хлестаковъ), который говоритъ, что онъ пріѣхалъ къ Александру Сергѣевичу предъ его отъѣздомъ на дуэль: въ передней на ларѣ лежалъ *ящикъ съ пистолетами*, а Пушкинъ *плакалъ*, торопясь ѣхать и т. д. Нелѣпость и пошлость очевидныя.

гами снѣгъ на томъ пространствѣ, которое нужно было для поединка, и потомъ позвали противниковъ.

Не смотря на ясную погоду, дулъ довольно сильный вѣтеръ. Морозу было градусовъ пятнадцать.

Закутанный въ медвѣжью шубу, Пушкинъ молчалъ и, повидимому, былъ столько же покоенъ, какъ и во время пути, но въ немъ выражалось сильное нетерпѣніе приступить скорѣе къ дѣлу. Когда Данзасъ спросилъ его: находитъ ли онъ удобнымъ выбранное имъ и д'Аршіакомъ мѣсто? Пушкинъ отвѣчалъ:

— Ça m'est fort égal, seulement tâchez de faire tout cela plus vite!

Отмѣривъ шаги, Данзасъ и д'Аршіакъ отмѣтили барьеръ своими шинелями и начали заряжать пистолеты. Во время этихъ приготовленій нетерпѣніе Пушкина обнаружилось словами къ своему секунданту:

— Eh bien? Est-ce fini?

Все было кончено. Противниковъ поставили, подали имъ пистолеты и по сигналу, который сдѣлалъ Данзасъ, махнувъ шляпой, они начали сходиться.

Пушкинъ первый подошелъ къ барьеру и, остановясь, началъ наводить пистолетъ. Но въ это время д'Антесъ, не дойдя до барьера одного шага, выстрѣлилъ и Пушкинъ, падая, сказалъ:

— Je crois que j'ai la cuisse fracassée.

Секунданты бросились къ нему и когда д'Антесъ намѣревался сдѣлать то же, Пушкинъ удержалъ его словами:

— Attendez, je me sens assez de force, pour tirer mon coup.

Д'Антесъ остановился у барьера и ждалъ, прикрывъ грудь правою рукою... При паденіи Пушкина пистолетъ его попалъ въ снѣгъ, а потому Данзасъ подалъ ему другой. Приподнявшись нѣсколько и опершись на лѣвую руку, Пушкинъ выстрѣлилъ: д'Антесъ упалъ... На вопросъ Пушкина у д'Антеса: куда онъ раненъ? д'Антесъ отвѣчалъ:

— Je crois que j'ai la balle dans la poitrine!

— Браво! вскрикнулъ Пушкинъ и бросилъ пистолетъ въ сторону.

Но д'Антесъ ошибся: онъ стоялъ бокомъ и пуля, только контузивъ грудь, попала въ руку.

Пушкинъ былъ раненъ въ правую сторону живота: пуля, раздробивъ кость верхней части ноги у соединенія съ тазомъ, глубоко вошла въ животъ и тамъ остановилась.

Данзасъ съ д'Аршіакомъ подозвали извощиковъ и съ помощію ихъ разобрали находившійся тамъ заборъ изъ тонкихъ жердей, который мѣшалъ санямъ подъѣхать къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ раненый Пушкинъ. Общими силами усадивъ его бережно въ сани, Данзасъ приказалъ извощику ѣхать шагомъ, а самъ пошелъ пѣшкомъ, подлѣ саней, вмѣстѣ съ д'Аршіакомъ; раненый д'Антесъ ѣхалъ въ своихъ саняхъ за ними.

У комендантской дачи они нашли карету, присланную на всякій случай барономъ Гекерномъ-отцомъ. Д'Антесъ и д'Аршіакъ предложили Данзасу отвезти въ ней въ городъ раненаго поэта. Данзасъ принялъ это предложеніе, но отказался отъ другаго, сдѣланнаго ему въ это же время д'Антесомъ, предложенія: скрыть участіе его въ дуэли.

Не сказавъ, что карета была барона Гекерна, Данзасъ посадилъ въ нее Пушкина и, сѣвъ съ нимъ рядомъ, поѣхалъ въ городъ. Во время дороги Пушкинъ держался довольно твердо; но, чувствуя по временамъ сильную боль, онъ началъ подозрѣвать опасность своей раны. Онъ вспомнилъ про дуэль общаго знакомаго ихъ офицера Московскаго полка *Щербачева*, стрѣлявшагося съ *Дороховымъ*, на которой Щербачевъ былъ смертельно раненъ въ животъ. Жалуясь на боль, Пушкинъ сказалъ Данзасу: «я боюсь, не раненъ ли я такъ, какъ Щербачевъ». Онъ напомнилъ также Данзасу и о своей прежней дуэли въ Кишеневѣ съ *Зубовымъ*. Во время дороги Пушкинъ въ особенности безпокоился о томъ, чтобы по пріѣздѣ домой не испугать жены и давалъ наставленія Данзасу, какъ поступить, чтобы этого не случилось.

Пушкинъ жилъ на Мойкѣ, у Пѣвческаго моста, въ ниж-

немъ этажѣ дома княгини Волконской. У подъѣзда Пушкинъ просилъ Данзаса выйти впередъ, послать людей вынести его изъ кареты, и если жена его дома, то предупредить ее и сказать, что рана не опасна...

Старанія восьми врачей и хирурговъ не могли спасти жизни Пушкина—и въ пятницу 29-го января, въ три четверти третьяго часа пополудни онъ скончался.

Къ вечеру тѣло Пушкина, одѣтое въ его старый, поношенный сюртукъ, лежало на столѣ и надъ нимъ звучалъ унылый, однообразный голосъ псаломщика. Въ это время съ него были сняты два портрета: одинъ покойнымъ *Бруни*, а другой, ученикомъ К. П. Брюллова, *Мокрицкимъ*.

Гибель великаго поэта послужила первымъ шагомъ къ гибели и для его юнаго преемника, обѣщавшаго Россіи, можетъ быть, втораго Пушкина.

Вскорѣ послѣ его кончины, именно въ первыхъ числахъ февраля 1837 года, въ высшемъ и въ среднемъ кругахъ стало расходиться во множествѣ списковъ стихотвореніе на смерть великаго поэта... Оно было написано молодымъ гусарскимъ офицеромъ Михаиломъ Юрьевичемъ *Лермонтовымъ*. Просимъ вновь прочитать эти прекрасныя, всѣмъ извѣстныя на Руси «поминки»:

Погибъ поэтъ, невольникъ чести,
Палъ оклеветанный молвой,
Съ свинцомъ въ груди и съ жаждой мести
Поникнувъ гордой головой.
Не вынесла душа поэта
Позора мелочныхъ обидъ;
Возсталъ онъ противъ мнѣній свѣта
Одинъ, какъ прежде - и убитъ!
Убитъ!.. къ чему теперь рыданья,
Похвалъ и слезъ ненужный хоръ
И жалкій лепетъ оправданья:
Судьбы свершился приговоръ!
Не вы-ль, сперва, такъ долго гнали
Его свободный, чудный даръ
И для потѣхи возбуждали
Чуть затаившійся пожаръ...
Что-жъ? Веселитесь!.. Онъ мученій

Послѣднихъ перенесть не могъ.
Угасъ, какъ свѣточъ, дивный геній,
Увялъ торжественный вѣнокъ!
Его убійца хладнокровно
Навелъ ударъ—спасенья нѣтъ:
Пустое сердце бьется ровно,
Въ рукѣ не дрогнетъ пистолетъ.
И что за диво?.. Издалека,
Подобно сотнямъ бѣглецовъ,
На ловлю счастья и чиновъ
Заброшенъ къ намъ по волѣ рока;
Смѣясь, онъ дерзко презиралъ
Земли чужой языкъ и нравы;
Не могъ щадить онъ нашей славы,
Не могъ понять въ сей мигъ кровавый
На что онъ руку подымалъ!

***

И онъ погибъ,—и взятъ могилой,
Какъ тотъ пѣвецъ невѣдомый, но милой,
Добыча ревности нѣмой,
Воспѣтый имъ съ такою чудной силой,
Сраженный, какъ и онъ, безжалостной рукой!
Зачѣмъ отъ мирныхъ нѣгъ и дружбы простодушной
Вступилъ онъ въ этотъ свѣтъ, завистливый и душной
Для сердца вольнаго и пламенныхъ страстей?
Зачѣмъ онъ руку далъ клеветникамъ безбожнымъ?
Зачѣмъ повѣрилъ онъ словамъ и ласкамъ ложнымъ,
Онъ—съ юныхъ лѣтъ постигнувшій людей!
И прежній снявъ вѣнокъ, они вѣнецъ терновой,
Увитый лаврами, надѣли на него...
Но иглы тайныя сурово
Язвили славное чело!
Отравлены его послѣднія мгновенья
Коварнымъ шопотомъ безчувственныхъ невѣждъ
И умеръ онъ, съ глубокой жаждой мщенья,
Съ досадой тайною обманутыхъ надеждъ!

***

Замолкли звуки дивныхъ пѣсенъ,
Не раздаваться имъ опять:
Пріютъ пѣвца угрюмъ и тѣсенъ
И на устахъ его печать!

***

А вы, надменные потомки
Извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ,
Пятою рабскою поправшіе обломки
Игрою счастія обиженныхъ родовъ!
Вы, жадною толпой стоящіе у трона—
Свободы, генія и славы палачи!
Таитесь вы подъ сѣнію закона,
Предъ вами судъ и правда—все молчи!
Но есть и Божій судъ, наперсники разврата...
Есть грозный судія—онъ ждетъ;
Онъ недоступенъ звону злата;
Онъ мысли и дѣла всѣ знаетъ напередъ...
Тогда напрасно вы прибѣгнете къ злословью:
Оно вамъ не поможетъ вновь;
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

Стихотвореніе Лермонтова, особенно его окончаніе, возмутило именитыхъ покровительницъ и покровителей д'Антеса. Въ лицѣ юнаго поэта наша знать видѣла живой портретъ самого Пушкина...

Изъ отношенія военнаго министра графа Чернышева г. шефу жандармовъ и командующему Императорскою главною квартирою (отъ 25-го февраля 1837 г. за № 100) видно, что

«Государь Императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: лейбъ-гвардіи гусарскаго полка корнета *Лермонтова*, за сочиненіе извѣстныхъ вашему сіятельству стиховъ, перевесть тѣмъ же чиномъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ, а губернскаго секретаря *Раевскаго*, за распространеніе сихъ стиховъ, и въ особенности за намѣреніе тайно доставить свѣдѣніе корнету Лермонтову о сдѣланномъ имъ показаніи, выдержать подъ арестомъ въ теченіе одного мѣсяца, а потомъ отправить въ Олонецкую губернію, для употребленія на службу, по усмотрѣнію тамошняго гражданскаго губернатора.

Леонтій Васильевичъ Дубельтъ.

(Сентябрь. „Русская Старина“).

Авторъ статьи подъ заглавіемъ: „Леонтій Васильевичъ Дубельтъ“, неумѣстно отрываясь отъ своего «героя» и приплетая покойнаго Александра Гавриловича Политковскаго, пытается доказать, что у «Лукулла», какъ онъ называетъ Александра Гавриловича, былъ въ Петербургѣ игорный домъ и притонъ шуллеровъ, куда завлекали богатыхъ людей, отъискивая ихъ, черезъ темныхъ агентовъ, въ театрахъ, собраніяхъ и другихъ мѣстахъ. Накормивъ этихъ неопытныхъ богачей яствами, подправленными коньякомъ, шуллера ихъ обыгрывали, обирали, стригли, какъ глупыхъ барановъ, а на зарѣ выталкивали нагими на улицу! А пока происходили подобныя сцены, вѣроятно почерпнутыя авторомъ изъ «Лондонскихъ тайнъ Троллопа» или романовъ Понсонъ-дю-Террайля, аристократическія дамы и цвѣтъ петербургскаго «beau monde» отплясывали въ блестящихъ залахъ «Лукулла» Политковскаго, не подозрѣвая, что за тонкой отъ нихъ перегородкой совершается «уголовщина». Для полноты подражанія французскому романисту Понсонъ дю-Террайлю, авторъ позорнаго вымысла увѣряетъ, что бывшій шефъ петербургской тайной полиціи и грознаго «третьяго отдѣленія» генералъ Дубельтъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей этого общества игроковъ и шуллеровъ, собиравшихся въ домѣ петербургскаго Лукулла. Исполать вамъ, почтенный авторъ! Какое пылкое воображеніе и какая смѣлость основывать подобныя дифамаціи на шаткомъ доказательствѣ разсказа „одного знакомаго“, а этому знакомому будто бы разсказывалъ „поваръ“, стряпавшій тѣ предательски-одуряющіе соусы, посредствомъ которыхъ обирали и стригли богатыхъ барановъ. Не правда ли наивная откровенность «кухонныхъ

преступныхъ дѣлъ мастера» и идиллическая простота знакомаго, внимавшаго нелѣпымъ фабуламъ и передавшаго сплетни праздной дворни крѣпостнаго права за достовѣрные факты. Еще страннѣе передавать эти сплетни потомству въ такомъ журналѣ, который читающая его публика считаетъ за «серьезный». Нарѣканья на Александра Гавриловича Политковскаго клеймятъ позоромъ все тогдашнее высшее общество, посѣщавшее его гостепріимный домъ. Что онъ жилъ роскошно и открыто—это дѣйствительно было извѣстно всему Петербургу, но извѣстно и то, что послѣ его внезапной смерти, вдова и дочь его (А. А. Зыбина) остались безъ всякихъ средствъ. Все мнимое богатство «Лукулла» разсѣялось какъ обманчивый миражъ и доказало, что, увлеченный обстановкой своего общественнаго положенія, онъ жилъ «au jour le jour», безъ оглядки, очертя голову, ставя на карту не только собственное состояніе, но и ввѣренныя ему казенныя суммы. Исторія грустная, но правдивая—присущая многимъ высокопоставленнымъ людямъ, для которыхъ наружный блескъ тоже, что для бѣдняка кусокъ насущнаго хлѣба. Еслибъ Политковскій былъ главою такого обширнаго «общества» загребателей чужаго золота и стрижки золотаго руна съ невинныхъ агнцевъ, опаиваемыхъ ромомъ въ кремахъ и маіонезахъ, то недочетъ казенныхъ суммъ, стоившій ему жизни, былъ бы легко пополненъ имъ самимъ, а не пришлось бы уже послѣ его смерти одному изъ его друзей, заводчику Яковлеву, внести за него 500 тысячъ.

500 тысячъ!.. вотъ рычагъ, которымъ ворочалъ Политковскій, задавалъ пиры, игралъ въ безумную игру и увлекъ свою семью въ нищету, запятнавъ растратой свое доброе имя и безукоризненную память дворянскаго рода, происходящаго изъ честнаго и когда-то славнаго Донскаго казачества. Александръ Гавриловичъ былъ троюроднымъ дядей моего мужа; покойный свекоръ мой много разсказывалъ мнѣ про честолюбіе и гордость своего знатнаго „кузена". Происходя отъ одного поколѣнія, Политковскіе раздѣлились на нѣсколько вѣтвей: украинскихъ, московскихъ и петербург-

скихъ; послѣдняя была главная, старшая и самая блестящая. Слѣдовало бы ея представителямъ поддерживать покровительствомъ членовъ младшихъ линій, но на дѣлѣ было иначе. Александръ Гавриловичъ былъ очень полезенъ и щедръ для своихъ приближенныхъ, изъ которыхъ многіе по его милости составили карьеру, но все, что носило фамилію Политковскихъ младшихъ линій, было сурово и непреклонно удалено изъ его «intimitée». «Я не могу дать вамъ мѣсто», отвѣчалъ онъ моему свекру, «потому что вы носите мою фамилію: будь вы какой нубудь Ивановъ или Петровъ, я бы охотно опредѣлилъ васъ, но Политковскій... сохрани Боже, если вы употребите во зло мою рекомендацію!.. нѣтъ, ужъ лучше поѣзжайте обратно въ свою глушь: тамъ, чтобы вы ни набѣдакурили, не будетъ имѣть огласки и не опорочитъ нашу дворянскую честь...» Послѣ такого отвѣта мой свекръ, прямой и упрямый, никогда ни передъ кѣмъ не гнувшій спину, разорвалъ всѣ сношенія съ знатной родней. „Богъ съ ними", говаривалъ старикъ. Прошло почти полвѣка съ той поры, какъ небогатый родственникъ былъ съ такой надменностью оттолкнутъ находившимся тогда на зенитѣ почестей „кузеномъ", давно и того и другаго „истлѣли кости", какъ вдругъ несчастный „Лукуллъ" является на лобномъ мѣстѣ печатнаго слова, гдѣ авторъ, какъ заплечный мастеръ четвертуетъ безгласную жертву, рветъ на кровавыя клочья его память и облѣпляетъ грязью его источенный червями скелетъ!.. И все это вслѣдствіе росказней повара!.. На то ли должно служить печатное слово?

Хоть я и не имѣла чести знать шефа третьяго отдѣленія г. Дубельта, но полагаю, что едва ли можно давать вѣру анекдотамъ о немъ, описаннымъ въ той же статьѣ: чего добраго и они также почерпнуты авторомъ изъ пересудовъ кучеровъ, кухарокъ и лакеевъ.

М. Е. Политковская.

27 сентября 1880 года.

тельной, отчасти въ драматической формѣ, и позволилъ себѣ вывести только нѣсколькихъ неисторическихъ личностей, которыя, такъ сказать, являясь какъ бы представителями того времени, высказывали бы господствовавшія тогда мнѣнія въ нашемъ обществѣ и толки ходившіе въ народѣ. Для объясненія въ нѣкоторыхъ случаяхъ хода политическихъ дѣлъ, въ разсказъ введенъ авторомъ и романическій элементъ—любовь графа Литта къ Скавронской, но и это обстоятельство исторически совершенно вѣрно. Изображая же такихъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, какими являются императоръ Павелъ, аббатъ Груберъ, митрополитъ Сестренцевичъ, графы: Кутаисовъ, Паленъ и нѣкоторыя другія, г. Карновичъ строго держался историческихъ данныхъ, не допуская при этомъ никакихъ собственныхъ вымысловъ и произвольныхъ прикрасъ. Во внѣшней же обстановкѣ выдержана всевозможная историческая точность, такъ что тотъ, кто прочитаетъ сочиненіе г. Карновича „Мальтійскіе рыцари въ Россіи“, ознакомится въ главныхъ чертахъ со всѣмъ, что заключается въ историческихъ документахъ современныхъ этой эпохѣ, а также и въ запискахъ частныхъ лицъ какъ изъ русскихъ, такъ и изъ иностранцевъ, и познакомится со всѣмъ тѣмъ, что, по неотдаленности еще той поры отъ нынѣшняго времени, могло появиться въ нашей печати.

СПБ. 1880 г. **Цѣна 2 рубля. Книгопродавцамъ обычная уступка.**

ПЕЧАТАЕТСЯ:

ПРЕСТОЛЪ И МОНАСТЫРЬ

историческій романъ изъ русскихъ лѣтописей.

Соч. **П. В. Полежаева.**

СКЛАДЪ У ИЗДАТЕЛЯ И. Г. НИКИФОРОВА.

Канонерская ул., д. 5, кв. 2.

ПОДПИСКА НА 1881 ГОДЪ

НА ЖУРНАЛЪ

„ПЕРЕВОДЫ ОТДѢЛЬНЫХЪ РОМАНОВЪ"

изд. **Е. ЛЕБЕДЕВОЙ.**

(бывшій Львовой).

Журналъ выходитъ пятнадцатый годъ и имѣетъ своею задачею давать публикѣ произведенія, самыя новѣйшія иностранныхъ писателей. Редакція считаетъ долгомъ заявить передъ гг. подписчиками, что всѣ ея стремленія будутъ направлены къ тому, что-бы знакомить **съ дѣйствительно лучшими** или имѣющими по той или другой причинѣ, самый наибольшій успѣхъ заграничными авторами, такъ чтобы журналъ не только служилъ пріятнымъ провожденіемъ досуга читателя, но и знакомилъ бы его съ наиболѣе интересными и наиболѣе пользующимися успѣхомъ, въ различныхъ странахъ Запада, произведеніями изящной литературы.

Для болѣе лучшаго знакомства съ писателями, имена которыхъ почему либо еще мало извѣстны въ Россіи, но которые пользуются наибольшей популярностью заграницей, редакція будетъ прилагать ихъ краткія біографіи и, по возможности, портреты.

Въ одной изъ первыхъ книжекъ будетъ помѣщенъ парижскій романъ **Генри Рошфора**—„Мадмуазель Бисмаркъ", гдѣ читатель встрѣтитъ лицъ, заправляющихъ въ настоящее время судьбою Франціи, какъ, напримѣръ, Гамбетту и т. п. При январской книжкѣ мы приложимъ и портретъ Рошфора, вмѣстѣ съ его краткой біографіей.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Безъ дост.	Съ дост. на домъ	Съ пересылк.
На 12 мѣсяцевъ	8 руб.—коп.	8 руб. 50 коп.	9 руб.
На 6 „	4 „ 25 „	4 „ 50 „	5 „

Допускается разсрочка по полугодично, по третямъ и помѣсячно, съ тѣмъ, что въ первомъ случаѣ при подпискѣ вносится 5 руб., во второмъ—3 руб., а въ третьемъ—2 рубля.

Гг. иногородные адресуютъ свои требованія исключительно въ контору **„ПЕРЕВОДЫ ОТДѢЛЬНЫХЪ РОМАНОВЪ"**, Спб., Надеждинская ул., д. № 28/2.

ные труды издателей. «Чтенія» и грамматика Греча оказывались столпами русскаго просвѣщенія, а Булгаринъ являлся замѣчательнымъ русскимъ романистомъ, статистикомъ и путешественникомъ. Главными литературными врагами Греча и Булгарина были: «Телескопъ», «Молва», «Отечественныя Записки», «Московскій Наблюдатель» и «Литературныя Прибавленія». По отношенію къ „Библіотекѣ для Чтенія" замѣчалось какое-то заискиванье. Но нѣтъ ничего прочнаго на свѣтѣ. Такъ была не прочна и дружба между двумя знаменитыми журналистами. „Пчела" сдѣлалась для нихъ со временемъ костью, которая дружественныя отношенія измѣнила въ враждебныя. Начались самыя неприличныя разоблаченія, маравшія и безъ того уже не совсѣмъ чистую нравственную физіономію двухъ дѣятелей, дружба которыхъ когда-то была воспѣта въ баснѣ Крылова „Кукушка и Соловей".

Выше по своему таланту, но не по направленію стоялъ знаменитый редакторъ «Библіотеки для Чтенія» Сенковскій. Обладая обширными знаніями и значительною долею остроумія, онъ, къ сожалѣнію, не далъ тому и другому благороднаго и полезнаго примѣненія. Не имѣя никакихъ возвышенныхъ идеаловъ и глубокихъ чувствъ, онъ часто легкомысленно поднималъ руку на то, что заслуживало глубокой симпатіи и почтенія. Онъ осмѣивалъ Пушкина, Гоголя, Лермонтова, глумился надъ философіей и шутовскимъ образомъ относился къ разнымъ, иногда весьма почтеннымъ, теоріямъ и системамъ. Осмѣивая разныхъ европейскихъ ученыхъ, онъ подрывалъ въ своихъ читателяхъ уваженіе къ наукѣ. Нападая на первокласныхъ русскихъ писаталей, онъ не въ мѣру хвалилъ писателей посредственныхъ, какъ, напримѣръ, Бенедиктова, Подолинскаго, Кукольника, и придавалъ большое значеніе произведеніямъ Булгарина. Онъ являлся жестокимъ порицателемъ французской литературы, бранилъ Гюго, Ж.-Зандъ и расхваливалъ однихъ англійскихъ писателей. Не смотря на все это, онъ имѣлъ обширный кругъ почитателей. Подчасъ базарная форма его остроумія находила многочи-

сленныхъ хвалителей, восторгавшихся его повѣстями и рецензіями. Но несправедливо было бы находить только одну темную сторону въ литературной дѣятельности Сенковскаго. Онъ принесъ и значительную долю пользы своему времени. Его журналъ имѣлъ многія хорошія стороны. Онъ отличался разнообразіемъ, легкостію изложенія и обиліемъ свѣдѣній по разнымъ отраслямъ науки. Особенно интересны были статьи по естествознанію, которыя знакомили читателей съ открытіями и изслѣдованіями такихъ ученыхъ, какъ Грове, Фарадей, Ляйель и другіе. Все это излагалось въ доступной для каждаго читателя формѣ. Благодаря „Библіотекѣ для Чтенія", читатели перестали бояться ученыхъ статей, которыя въ прежнихъ журналахъ были большею частію весьма сухи и подъ силу только спеціалистамъ. Такимъ образомъ, названный журналъ содѣйствовалъ сближенію журналистики съ обществомъ. Какъ бы въ благодарность за это, общество дало журналу нѣсколько тысячъ подписчиковъ, тогда какъ прежде журналы едва насчитывали ихъ до 1,500. Говоря о Сенковскомъ, нельзя не сказать и о реформѣ, къ которой онъ стремился въ области русскаго языка. Всѣмъ памятна его упорная борьба съ *сими*, *оными*, *ибо* и *коими*. Онъ нападалъ на *книжность* рѣчи современныхъ писателей, на длинные періоды, на многосоюзіе, на причастія и требовалъ короткихъ предложеній, связанныхъ логическою послѣдовательностью мысли. Предложенія въ томъ видѣ, какъ они у многихъ встрѣчались, онъ сравнивалъ съ цѣпью сонныхъ летучихъ мышей, которыя, сцѣпившись лапками, висятъ зимою подъ сводомъ въ погребу. Защищая мѣстоименіе *который*, Сенковскій говорилъ: „Предки наши носили длинныя бороды, и гордились ими; у насъ теперь нѣтъ бороды, и вмѣсто ея есть длинное *который:* я горжусь имъ, какъ будто оно висѣло на моемъ подбородкѣ". „Ахъ, любезный другъ, силъ нѣтъ высказать тебѣ, какъ я люблю наше плотное, полновѣсное *который!*... Я чувствую, другъ мой, я чувствую!... что я одинъ, какъ Аяксъ своимъ копьемъ, разгоню

имъ цѣлый корпусъ этихъ вертлявыхъ французовъ съ ихъ *ки-ки-ки-кескесекса!...*"

Въ 30-хъ годахъ продолжались путешествія въ отдаленныя земли. Цѣли ихъ были различныя: практическія, научныя, эстетическія и т. д. Грандіозныхъ русскихъ морскихъ путешествій въ это десятилѣтіе было меньше, чѣмъ въ предшествующее. Было бы утомительно перечислять имена всѣхъ западноевропейскихъ путешественниковъ 30-хъ годовъ. Изъ нихъ мы укажемъ только на нѣкоторыхъ, какъ, напримѣръ, на Пеппига, Митчеля, Полака, Бека, Шомбургка, Смита, Вальяна, Диза и Симпсона. Имена двухъ послѣднихъ путешественниковъ, довершившихъ обозрѣніе сѣвернаго берега Америки, очень часто встрѣчались въ журналахъ конца 30-хъ годовъ. Изъ русскихъ путешественниковъ, между прочимъ, встрѣчаются: Литке, Пахтусовъ, Циволка, Беръ, Ѳедоровъ, Давыдовъ, Всеволожскій, Глаголевъ, Муравьевъ и Норовъ. Изъ нихъ осебенно много говорилось о Давыдовѣ, Всеволожскомъ, Норовѣ и Муравьевѣ. О „Путешествіи вокругъ свѣта", въ которомъ знаменитый морякъ Литке описывалъ свое плаваніе на шлюпѣ „Сенявинъ" въ 1826—1829 г., много было сказано въ „Библіотекѣ для Чтенія" 1835 г. Первыя части названной книги вышли въ 1834—1835 г. Она была названа живой, разнообразной и любопытной повѣстью о приключеніяхъ на пути вокругъ свѣта, движущейся понорамой змдовъ, народовъ и нравовъ, разсказомъ очевидца внимательнаго и просвѣщеннаго. О Берѣ говорилось по поводу его путешествія въ Новую Землю и Лапландію, причемъ было указано на собранныя имъ свѣдѣнія по части этнографіи, естественной исторіи и географіи этихъ земель. Путешествіе астронома Ѳедорова обратило на себя вниманіе своими научными результатами. Оно продолжалось около шести лѣтъ и имѣло огромное значеніе для опредѣленія долготъ Сибири. Въ пять лѣтъ Ѳедоровъ записалъ 337 лунныхъ происхожденій, 45 покрытій звѣздъ и одно солнечное затмѣніе. По поводу путешествія Ѳедорова въ «Отечественныхъ Запискахъ» было замѣчено, между прочимъ, слѣдующее: «Астрономическо-гео-

графическія операціи, произведенныя въ послѣднія десять лѣтъ русскими въ Турціи, въ Малой Азіи, у подошвы Кавказа и въ Сибири, рѣшительно упрочиваютъ за нами славу народа, опередившаго всѣхъ въ примѣненіи астрономіи къ географіи».—Съ большою похвалою отнеслись журналы къ „Путевымъ Запискамъ" Давыдова, веденнымъ имъ во время его пребыванія на Іоническихъ островахъ, въ Греціи, Малой Азіи и Турціи въ 1835 г. Ихъ хвалили за откровенный, простосердечный тонъ, умный, живой разсказъ и наблюдательность. Съ Давыдовымъ путешествовалъ Брюловъ, превосходные рисунки котораго вошли въ огромный атласъ, приложенный къ книгѣ. Въ послѣдней сообщались факты самые свѣжіе и вѣрные. По Греціи Давыдовъ путешествовалъ съ Страбономъ, Павзаніемъ и Геродотомъ въ рукахъ. Описывая олимпійскую долину, до которой путешественники добрались по одичалымъ мѣстечкамъ, пустыннымъ и печальнымъ равнинамъ и узкимъ и непроѣзжимъ дорогамъ, Давыдовъ говоритъ: «Мы перешли черезъ гору, и увидѣли, при послѣднихъ лучахъ заходящаго солнца, знаменитую и прекрасную долину, служившую нѣкогда поприщемъ, куда собиралось юношество со всѣхъ концовъ Эллады. Какъ перемѣнилась она съ тѣхъ поръ, когда Дарій, могущественный царь персовъ, восклицалъ съ негодованіемъ: «что можно дѣлать противъ такихъ людей, которые рискуютъ жизнью, чтобъ пріобрѣсть масличный вѣнокъ?» Теперь долина эта замолкла; въ ней не раздаются болѣе стукъ колесницъ и ржаніе коней; юноши не собираются, какъ прежде, толпами, чтобъ испытать свои силы въ борьбѣ, или перещеголять другъ друга въ быстротѣ бѣга, теперь умолки голоса ораторовъ и витій, исторгавшихъ нѣкогда слезы и рукоплесканія у восторженныхъ слушателей!» Живая Греція представляла Давыдову совершенно противоположную картину: здѣсь были бѣдность, преобладаніе иностранцевъ, невѣжество, забвеніе прошлаго величія, непроѣзжаемыя улицы, лихорадки, величайшая смертность. — Книга Давыдова представляла образецъ типографской роскоши.

Много было писано въ журналахъ по поводу «Путешествія чрезъ южную Россію, Малую Азію, Сѣверную Африку, Мальту, Сицилію, Италію, Южную Францію и Парижъ въ 1836 и 1837 годахъ» Всеволожскаго. Эта книга была поставлена критикою ниже книги Давыдова, но, тѣмъ не менѣе, и за нею были признаны значительныя достоинства. Всеволжскій былъ путешественникъ особаго рода. Молодость его принадлежала екатерининскому времени. «Ступайте — васъ ждетъ слава; я не сомнѣваюсь, что вы скоро заслужите георгіевскій крестъ», сказала Екатерина II Валеріану Зубову и Всеволожскому, отправляя этихъ двухъ друзей-воиновъ въ молдавскую армію. При отъѣздѣ, въ Москву отецъ Всеволожскаго говорилъ ему: «Не забывай, другъ мой, что предки наши, князь Дмитрій Александровичъ и сынъ его бояринъ Иванъ Дмитріевичъ, были честь и опора отечества» Чрезъ сорокъ три года Всеволожскому опять пришлось ѣхать по той же дорогѣ, но теперь онъ ѣхалъ одинъ, безъ мечтаній, безъ надеждъ. Счастье, улыбнувшееся ему при началѣ поприща, быстро потомъ оставило его. Но сорокалѣтняя служба сопровождавшаяся неудачами, не охладила въ немъ жара къ умственнымъ наслажденіямъ. Въ описаніи путешествія, Всеволожскаго интересна его вступительная исповѣдь. «Какъ при вступленіи моемъ въ свѣтъ, счастье отмѣнно меня баловало, говоритъ онъ, такъ быстро потомъ покинуло: я началъ повсюду встрѣчать неудачи; служба не льстила; совсѣмъ усердіемъ моимъ на этомъ сорокалѣтнемъ поприщѣ, по истинѣ не провинясь ни разу, я отсталъ чинами, наградами, почестями не только отъ всѣхъ моихъ товарищей, но даже подчиненныхъ. Обдумавъ хорошенько такое горе, не виня никого, кромѣ самаго себя, я рѣшился отойти, перестать бороться со счастьемъ, и, по пословицѣ: *плетью обуха не перешибешь*, рѣшился жить дома, съ родными и малымъ числомъ оставшихся у меня друзей, зарылся опять въ богатую свою библіотеку, снова полюбилъ литературу, опять вспомнилъ старыхъ друзей: Омира, Пиндара, Геродота, Ѳукидида и проч. и проч. Я не забылъ еще ихъ языка. Всѣ

любимые мои греческіе герои явились передо мною; знаменитыя мѣста Мараѳона, Платеи, Саламина и Термопилъ манили меня къ себѣ по прежнему; я встрепенулся; чувствую еще довольно силы, знаю, что паровыя машины и не такія массы приводятъ нынѣ въ подвижность. Такъ сяду на пароходъ и въ родѣ стараго Донъ-Кихота пущусь искать приключеній. Признаюсь однако, что положеніе Турецкой имперіи, вводимыя нынѣшнимъ султаномъ перемѣны, отдѣленіе Египта и Сиріи, сильно возбуждали мое любопытство. Итакъ, помолясь у Иверской Божіей Матери, распрощавшись съ старымъ Кремлемъ и царскими теремами, я отправился молиться къ Влахернской Богородицѣ, къ стѣнамъ Константиновымъ, ко дворцу Ѳеодосіеву". Мы позволили себѣ остановиться долѣе на путешествіи Всеволожскаго, потому что оно весьма любопытно. Интересно, между прочимъ, то, что онъ говоритъ о турецкихъ женщинахъ. Онъ доказываетъ что онѣ легко побѣдимы. «Мнѣ разсказывалъ, говоритъ онъ,, давно живущій здѣсь и опытный въ такихъ дѣлахъ, соотечественникъ нашъ, г. Ф....., которому можно вѣрить, что часто турчанка, замѣтившая васъ, проходя мимо, и даже не взглядывая на васъ, скажетъ въ полголоса: *есть ли мѣсто?* (разумѣется, для свиданія). Тогда, если вы, также не глядя на нее, скажете: *есть*, она пойдетъ за вами куда хотите. Опасны въ этомъ случаѣ шпіоны. Это, обыкновенно, бѣдные бродяги турки, которые, не имѣя гроша, ищутъ случая что нибудь сорвать: они доносятъ своимъ единовѣрцамъ, что гауръ вошелъ въ такой-то домъ съ мусульманкой. Но и противу этого очень легко взять предосторожности; въ случаѣ же несчастья, почти вся опасность падаетъ на женщину. Пойманную, безъ всякаго суда, завязываютъ въ мѣшокъ и бросаютъ въ море! Европеецъ можетъ еще, принадлежа къ какой нибудь націи, спастись защитой посланника своего государя. Дома для свиданія бываютъ у торговокъ гречанокъ, армянокъ или жидовокъ». Приглашенная такимъ образомъ турчанка часто остается до утра, добавляетъ почтенный путешественникъ. «Это покажется удивительно только

тѣмъ, которые не знаютъ обычаевъ турецкихъ. Здѣсь мужъ или отецъ не имѣютъ никакого средства узнать, гдѣ была ихъ жена или дочь; она, уходя изъ дому, сказала, что идетъ къ родственницѣ и, вѣроятно, у ней ночуетъ...» Во время пребыванія въ Римѣ Всеволожскій имѣлъ случай быть у папы. Во время разговора папа, между прочимъ, замѣтилъ, что онъ ежедневно молится о соединеніи церквей. «И мы. святѣйшій, за каждую обѣдню о томъ же молимся», отвѣчалъ Всеволожскій. „Усердные молитвы непремѣнно услышитъ Господь, замѣтилъ папа, и, рано или поздно, онѣ исполнятся. Счастливы будутъ пастыри, во время которыхъ это случится!“ Чрезвычайно интересно у Всеволожскаго описаніе парижскихъ гостиныхъ. Въ нихъ онъ былъ принятъ чрезвычайно любезно. Тутъ онъ видѣлъ герцога Дюра, съ которымъ часто игралъ въ вистъ, князя де-Бово, графа Босета, графа де-Скервиля, княгиню Ваграмскую, герцогиню Піаченцскую, герцогиню Виченцскую и даже иногда герцога Орлеанскаго. Въ Парижѣ Всеволожскій встрѣтился, между прочимъ, съ своей знакомой по Петербургу знаменитой художницей Виже-Лебрёнъ. Онъ чрезвычайно обрадовался этой встрѣчѣ, хотя Лебренъ было уже болѣе осьмидесяти лѣтъ. Самое пріятное, самое занимательное общество Всеволожскій нашелъ въ гостиной Рекамье. Здѣсь онъ часто бесѣдовалъ съ Шатобріаномъ. У Тьера Всеволожскій былъ три раза. Его гостиной нашъ путешественникъ не былъ особенно доволенъ, такъ какъ не видалъ тамъ никого изъ дамъ, кромѣ тещи хозяйна, г-жи Донъ. Сама хозяйка была молчалива, а хозяйнъ бесѣдовалъ большею частію съ разными депутатами, имѣя въ виду полученіе министерскаго мѣста. Кромѣ многаго интереснаго, относящагося къ западноевропейскимъ землямъ, у Всеволожскаго встрѣчается много интереснаго и по отношенію къ родинѣ. Онъ говоритъ о разныхъ городахъ, чрезъ которые проѣзжалъ, Малороссіи, Крымѣ, курганахъ, сельскомъ хозяйствѣ и т. д. Въ Симферополѣ онъ, между прочимъ, видѣлъ французскаго ресторатора Амабля, бывшаго когда-то поваромъ въ Петербургѣ. Французъ

жаловался на варварство татаръ, не обращавшихъ никакого вниманія на его свиныя ножки съ трюфелями, и высказывалъ намѣреніе замѣнить свое занятіе *воспитаніемъ юношества.* Процвѣтаніе Крыма Всеволожскій всецѣло приписывалъ попеченію графа Воронцова, причемъ предсказываетъ блестящую будущность крымскимъ винамъ.

Журналистикой 30-хъ годовъ съ большой похвалой были отмѣчены описанія путешествій Муравьева и Нарова. О Муравьевѣ, какъ о религіозномъ писателѣ, въ „Московскомъ Наблюдателѣ" было сказано слѣдующее: «Чуждый глупаго презрѣнія къ такъ называемымъ предразсудкамъ, онъ съ благоговѣніемъ ввелъ своихъ писателей въ древніе храмы, предъ честныя иконы святыхъ угодниковъ, объяснилъ имъ величественное знаменованіе обрядовъ нашей церкви, почтенное достоинство сана пресвитеровъ. Новая, малоизвѣстная до сихъ поръ атмосфера окружила самыхъ свѣтскихъ мыслителей; озлащенные куполы, дымящійся фиміамъ, горящіе свѣтильники, краснорѣчивые иноки, духовныя бесѣды, вся эта внѣшность христіанства получила новое, глубокое значеніе въ глазахъ неопытныхъ зрителей, незнакомыхъ съ писаніями св. отцевъ. Преданность къ православію, отличительная черта характера русскаго, привѣтствовала съ непритворнымъ одобреніемъ первые опыты набожнаго писателя». Тамъ же было сказано, что хотя описаніе путешествія въ Палестину не удовлетворило строгихъ ученыхъ, однако оно достигло своей цѣли, заставивъ читателей плакать тамъ, гдѣ плакалъ авторъ, безмолвствовать тамъ, гдѣ онъ безмолвствовалъ, и молиться тамъ, гдѣ онъ молился. Такъ же высоко была поставлена другая книга Муравьева: «Путешествіе по святымъ мѣстамъ русскимъ». „Не бьется ли уже сердце при одномъ этомъ заглавіи: святыя мѣста русскія! замѣчалъ критикъ. Сколько дѣяній, сколько именъ, сколько событій воскресаетъ въ виду бѣлокаменныхъ оградъ, позлащенныхъ крестовъ, нѣмыхъ и хладныхъ свидѣтелей столькихъ жизней, столькихъ смертей». Почетное мѣсто въ числѣ описаній путешествій было дано

и «Путешествію по Святой Землѣ" Норова. При этомъ нѣкоторыми было замѣчено, что главнымъ и почти единственнымъ руководствомъ при путешествіи служила для автора Библія. Было указано и на то, что книгу Норова можно разсматривать въ двухъ отношеніяхъ: духовномъ и историческомъ. «Въ первомъ отношеніи она не оставляетъ желать ничего болѣе, сказано было въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ". Каждая страница, каждая строка ея проникнута глубокимъ религіознымъ чувствомъ; вездѣ вы встрѣтите библейскія изреченія, цитаты и т. д., а такъ какъ исторія, статистика и географія занимаютъ въ ней самую меньшую часть, то и безошибочно, кажется, можно причислить ее къ книгамъ содержанія духовнаго». Въ заслугу Норову было поставлено то, что онъ доказалъ, что всѣ мѣста, которыя описаны въ Библіи, остались и донынѣ въ совершенно такомъ же положеніи, въ какомъ были за тысячи лѣтъ. Указано было и на полноту описанія. Относительно живости и одушевленности разсказа книга Муравьева ставилась выше «Путешествія» Норова.

Давыдовъ, Всеволожскій, Муравьевъ и Норовъ принадлежатъ къ оригинальнымъ путешественникамъ 30-хъ годовъ.

Два первые были проникнуты глубокою любовью къ классицизму. Второй изъ нихъ, кромѣ того, является лицомъ, принимающимъ живое участіе въ знаменитыхъ парижскихъ салонахъ 30-хъ годовъ. Два послѣдніе проникнуты глубочайшею религіозностью. Эти черты со временемъ, у послѣдующихъ путешественниковъ, замираютъ. Съ Гомеромъ и Геродотомъ въ карманѣ путешествуютъ только спеціалисты. Историческія преданія начинаютъ уступать мѣсто интересу къ современнымъ явленіямъ. Салонная жизнь замираетъ, и русскіе путешественники уже не хвалятся посѣщеніемъ Рекамье, бесѣдою съ Шатобріаномъ или игрой въ вистъ съ герцогомъ Дюра.

Обращаемся къ представителямъ искусства. Здѣсь мы видимъ безконечный рядъ блестящихъ именъ, которымъ позавидовало бы и наше время. Остановимся прежде всего на

представителяхъ образовательныхъ искусствъ, и преимущественно отечественныхъ. Сюда, между прочимъ, принадлежатъ: Брюловъ, Бруни, Шебуевъ, Егоровъ, Воробьевъ, Басинъ, Ивановъ, Айвазовскій, Солнцевъ, братья Чернецовы, Венеціановъ, Нефъ, Тонъ, Щедринъ, Мартовъ, Рамазановъ, Пименовъ, Гальбергъ, Логановскій, Орловскій, Клотъ, Толстой, дѣятели, которые навсегда сохранятъ за собою самыя видныя мѣста въ исторіи русскаго образовательнаго искусства. Сколько громкихъ именъ, сколько блеска, таланта! Неудивительно, что произведенія такихъ талантовъ приводили въ восторгъ современное образованное общество и порождали въ журналистикѣ толки и разсужденія, причемъ нужно замѣтить, что эти толки почти всегда клонились въ пользу оцѣнивавшихся произведеній, чего, какъ мы видѣли, не было въ журналистикѣ, когда дѣло касалось произведеній литературныхъ.

Въ журналистикѣ 30-хъ годовъ часто приходится встрѣчаться съ именемъ Брюлова. Въ отзывахъ о его произведеніяхъ слышится преимущественно выраженіе восторга и удивленія. Особенно это можно сказать относительно „Послѣдняго дня Помпеи“ *). Характеризуя манеру Брюлова, говорили, что онъ ищетъ одного, любитъ одно: природу, которой подражаетъ не съ подобострастіемъ, а съ разборчивостью, умѣя примѣнить къ ней свои геніальныя поэтическія идеи. Нѣкоторые находили, что Брюловъ такъ разнообразенъ, такъ многостороненъ, что у него нѣтъ ничего принятаго или заученнаго, нѣтъ пристрастія ни къ какой манерѣ, что у него постоянно встрѣчаются новые тоны, новые эффекты. До какой степени были восторженны отзывы о произведеніяхъ Брюлова, можно видѣть изъ слѣдующаго отрывка изъ одного

*) Замѣчательно то, что французскіе журналисты не видѣли никакой красоты въ „Послѣднемъ днѣ Помпеи“. Не такъ смотрѣли на дѣло русскіе цѣнители. Одинъ изъ нихъ, въ „Отечественныхъ Запискахъ“, назвалъ эту картину „лучшимъ художественнымъ произведеніемъ нашего вѣка, а можетъ быть и всѣхъ минувшихъ вѣковъ“. Смотря на нее, онъ, по его признанію, былъ пораженъ ужасомъ и удивленіемъ.

журнальнаго отзыва объ его картинѣ «Взятіе Божіей матери на небо»: „Вотъ вдохновеніе! Вотъ nec plus ultra искусства! воскликнулъ я. Мои товарищи стояли въ нѣмомъ восторгѣ. По прошествіи нѣкотораго времени, мы пытались выразить произведенное на насъ впечатлѣніе, но рѣчи наши были невнятны и языкъ казался бѣднымъ и неполнымъ... Находя всѣ выраженія слабыми, чтобы высказать, что чувствовалъ я, стоя передъ этою картиною, я и теперь удержусь отъ всякаго описанія. Тому, кто ея не видалъ, это описаніе не могло бы дать никакого понятія о превосходствѣ произведенія Брюлова. Что́ прибыли разсказывать слѣпому, какъ прекрасно солнце на небѣ! Тѣмъ же, которые знакомы съ этимъ произведеніемъ, всякое описаніе, всякая похвала должны, я думаю, показаться или безконечно-слабыми, или нестерпимо-приторными» *). Подобный же восторгъ слышался въ отзывахъ о картинѣ: «Спаситель, умирающій на крестѣ». Это произведеніе Брюлова было названо несравненнымъ, глубокомысленнымъ. Портреты, писанные Брюловымъ, какъ, напримѣръ, Перовскаго, гр. Строгановой, Жуковскаго, Демидовой, гр. Фикельмонъ, Меллеръ-Закомельской, также вызывали въ журналистикѣ громкія похвалы. Сужденіе не въ пользу Брюлова казалось и въ обществѣ, и въ печати какимъ-то кощунствомъ. Такимъ кощунственнымъ отзывомъ былъ, напримѣръ, признанъ отзывъ нѣкоего Струйскаго, позволившаго себѣ печатно высказать свое мнѣніе о недостаткахъ живописи Брюлова. Этотъ критикъ находилъ въ его произведеніяхъ *излишнюю небрежность въ формѣ и окончательности*. Статья Струйскаго, невыгодно трактовавшаго о многихъ русскихъ художникахъ, вызвала опроверженіе въ «Художественной Газетѣ»; по поводу отзыва о Брюловѣ, оппонентъ ограничился только восклицаніемъ: „Поздравляемъ! поздравляемъ!"

Произведенія Брюлова до такой степени высоко цѣнились современниками, что въ честь его писались даже стихо-

---

*) „Отечественныя Записки" 1839 г., т. VI, стр. 104.

творенія. Таково, напримѣръ, слѣдующее стихотвореніе, помѣщенное въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду» за 1838 г.:

БРЮЛОВЪ.

Чичероне.

Къ стѣнамъ Скауровой гробницы
Ходилъ глядѣть одинъ пришлецъ,
Какъ озаряетъ всходъ денницы
Гиганта сумрачный вѣнецъ.

Потомъ съ поникшей головою,
Бывало, бродитъ межъ колоннъ,
Стоитъ надъ рухнувшей стѣною,
Иль мраморъ, фрески смотритъ онъ...

Путешественникъ.

Скажи-жъ, кто былъ пришлецъ безвѣстный?
Чего искалъ онъ межъ гробовъ?
Тебѣ, я думаю, извѣстно,
Откуда онъ и кто таковъ?

Чичероне.

Онъ кистью творчески-чудесной
Послѣдній день.....

Путешественникъ.

То былъ—Брюловъ!.... *).

Другимъ свѣтиломъ живописи 30-хъ годовъ былъ Бруни, творецъ „Мѣднаго змія". Похвалы, которыми художественная критика встрѣтила эту картину, были равны похваламъ „Послѣднему дню Помпеи". Журналы разнородныхъ направленій отнеслись къ ней съ одинаковымъ одобреніемъ. Такъ, въ „Отечественныхъ Запискахъ" объ этой картинѣ было сказано, что она принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя дѣлаютъ эпоху въ исторіи искусства, въ „Художественной Газетѣ" было замѣчено, что она была удивленіемъ столицы художествъ и доставила художнику первоклассную славу. Мно-

*) „Литературныя Прибавленія" 1838 г., № 41.

го также толковъ было по поводу его „Моленія о чашѣ". Въ „Художественной Газетѣ" объ этой картинѣ, между прочимъ, было сказано слѣдующее: «У Бруни картина исполнена именно той поэзіи, которую чувство изящнаго требуетъ отъ живописнаго произведенія: это евангельскій стихъ, облеченный въ формы вещественныя, сохранившій всю важность страшнаго мгновенія, всю церковность стиля, всю божественную таинственность событія. Въ чисто живописномъ отношеніи нельзя не обратить вниманія на письмо сей картины; оно поразитъ васъ правдою переходовъ, освѣщеніе обнаруживаетъ высшій разсчетъ; драпировка сохраняетъ отмѣнную простоту и написана съ рѣдкимъ познаніемъ. Словомъ, мы смѣло можемъ поздравить отечество съ новымъ, отличнымъ произведеніемъ русской школы" *). Въ другомъ мѣстѣ той же газеты по поводу названной картины было замѣчено, что Бруни „прилежно изучилъ древніе великіе образцы и въ то же время получилъ отъ матери-природы тотъ геній и ту поэтическую искру, которая составляетъ душу каждой поэмы и всего того, что выходитъ изъ предѣловъ посредственности и стремится приблизиться къ великому и возвышенному". Осыпая похвалами произведенія Бруни, журналистика также высоко ставила произведенія Шебуева. Его „Тайная Вечеря" была встрѣчена въ журналахъ съ восторженною похвалою. Такъ, въ одномъ журналѣ было замѣчено, что названная картина, полная творчества и потребовавшая много изученія, опыта и художественной наглядки, по своей самобытности, изяществу и оконченности отдѣлки станетъ вровень съ совершеннѣйшими произведеніями того же содержанія. Въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1839 г., въ статьѣ «Выставка С.-Петербургской Академіи Наукъ», много было удѣлено мѣста отзыву о знаменитой картинѣ Шебуева. «Я остановился предъ картиною, и онѣмѣлъ отъ восторга, говоритъ, между прочимъ, авторъ статьи. Вдохновеніе художника, кажется, перелилось въ меня. Святость предмета, ис-

*) „Художественная Газета" 1837 г., № 15, стр. 239.

полненнаго столь превосходнымъ образомъ, возбудила во мнѣ чувства набожности. Я перенесся въ отдаленныя времена искупленія рода человѣческаго. Тайная вечеря, въ которую Спаситель въ послѣдній разъ бесѣдовалъ съ своими учениками, живо отразилась въ моей душѣ. Я забылъ окружающую меня толпу, забылъ, что стою передъ картиною»... Въ этой же статьѣ мы видимъ двухъ зрителей, которые, безъ сомнѣнія, вымышлены и выражаютъ мнѣнія двухъ разнородныхъ направленій въ художественной критикѣ. Одинъ изъ нихъ, *Блондинъ*, восторженно перечисляетъ достоинства картины. „А головы! какое изящество, говоритъ онъ, любуясь картиной, и притомъ въ каждой такъ много характера, что онѣ производятъ дѣйствіе портретовъ, про которые мы съ перваго взгляда и совершенно не зная подлинника, говоримъ, что въ нихъ должно быть чрезвычайное сходство! Какъ эта картина сочинена! Какъ брошена эта фигура на лѣвой сторонѣ на первомъ планѣ! Вотъ истинное мастерство, соединенное съ высокимъ чувствомъ и глубокимъ знаніемъ. Какая естественность и стиль въ драпировкѣ маникеновъ! какой изящный, классическій рисунокъ!.. Когда-то упрекали нашу школу въ недостаткѣ колорита; а здѣсь какая сила, какое правдоподобіе и какая сообразность въ краскахъ! и притомъ какъ это все превосходно освѣщено!“ Другой зритель, *Черный*, позволяетъ себѣ указывать на нѣкоторые недостатки картины; такъ, онъ замѣчаетъ, что *люстра* и *скатертъ*, видимыя на картинѣ,—анахронизмы, что ничего этого не было у первыхъ христіанъ; но въ концѣ концовъ и онъ высказываетъ мнѣніе, что картина превосходна. Въ другой статьѣ, подъ названіемъ: „Мастерскія русскихъ художниковъ“, помѣщенной въ томъ же журналѣ, о картинѣ Шебуева было сказано слѣдующее: „Толпа зрителей стекалась смотрѣть на это новое классическое произведеніе кисти почтеннаго художника; не разъ, не два и не три, по нѣскольку часовъ, не отрываясь взоромъ, созерцали мы это произведеніе, и самыя пріятныя, истинно-эстетическія впечатлѣнія, возростая, не переставали волновать нашу душу. Размѣще-

ніе фигуръ, положеніе апостоловъ за трапезой, аттрибуты триклиніума, гдѣ все есть, кромѣ языческаго, переносятъ совершенно въ самую эпоху событія, когда *обычаи Рима* еще управляли завоеванными ими народами и царствами". „Много изученія, опыта, художественной наглядки требовало подобное созданіе, полное творчества. Оно не напомнитъ подражаніемъ тайной вечери другихъ знаменитыхъ художниковъ, но станетъ вровень, по своей самобытности, изяществу и оконченности отдѣлки, съ совершеннѣйшими произведеніями того же содержанія". Большими похвалами была также осыпана картина Шебуева „Подвигъ купца Иголкина". То самое нужно сказать объ его огромномъ плафонѣ въ круглой залѣ Академіи Художествъ, произведеніе, которое въ одномъ журналѣ было названо „сочиненіемъ колоссальнымъ, выполненнымъ удивительно по рисовкѣ, живописи и эффекту и увѣковѣчившимъ художника и эпоху учрежденія академіи, которую картина изображаетъ".

Раздавъ лавровые вѣнки Брюлову, Бруни, Шебуеву, журналистика не забыла вручить такой же вѣнокъ Егорову, о которомъ въ одномъ журналѣ было сказано, что онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ художниковъ, которые, при всемъ сознаніи собственной силы и достоинства, видятъ въ своемъ искусствѣ призваніе неземное, мало того, въ каждомъ ударѣ кисти хвалу Богу. Егоровъ былъ талантъ чрезвычайно многосторонній и плодовитый. Указывая на эту черту, одинъ изъ обозрѣвателей его мастерской изумлялся богатству его портфелей съ эскизами, настоящихъ рудниковъ изящнаго. Эти эскизы „изумляли своею многосторонностью, разнообразіемъ, окончательностью въ чертахъ созданія и вѣрностью рисунка". Особенно поразили обозрѣвателя „Семь дней творенія". Показывая очеркъ *третьяго дня,* художникъ сказалъ: „Теперь ужь я не нарисую такъ; годовъ двадцать назадъ, я былъ смѣлѣе". „Разсматривая *четвертый*, *пятый и шестой дни творенія*, говоритъ обозрѣватель, мы увлекались высокимъ сознаніемъ вѣковыхъ моментовъ развитія жизни вселенной, въ особенности *шестымъ*, изображавшимъ

сотвореніе человѣка, гдѣ поворотъ фигуры, поднятіе головы вверхъ, движеніе рукъ, глазъ — все наводитъ на это мгновеніе, когда человѣкъ впервые созналъ жизнь, созналъ свои способности, свой умъ, свою душу, и въ первый разъ краснорѣчиво высказалъ взоромъ благодарность его сотворившему. Но вотъ *седьмой день,* день отдыха всемогущаго Зиждителя. Богъ почилъ отъ трудовъ своихъ. И сколько спокойствія въ положеніи фигуры, сколько блага и добра на челѣ отдыхающаго Вседержителя! Сонмы силъ невидимыхъ служатъ ему ложемъ, и творческая длань возлежитъ на главахъ ангеловъ... Вотъ духовное величіе, непостижимая торжественность истинно-божественнаго отдохновенія. Такъ изобразилъ нашъ отечественный художникъ высокую идею сотворенія міра. Одинъ выборъ сюжета, одна мысль заняться его развитіемъ, убѣждаетъ уже въ безпрестанно-направленной дѣятельности художника на предметы, возвышающіе душу, а исполненіе доказываетъ силу и энергію, доступныя для того только, кто бываетъ проникнутъ своимъ сюжетомъ. Много лѣтъ проведено было въ думѣ художникомъ, пока онъ рѣшился, можетъ быть, въ первый разъ довѣрить карандашу и бумагѣ свою высокую мысль; а теперь ей уже тѣсно въ этомъ сжатомъ пространствѣ; она просится на волю, на просторъ, молитъ, кажется, о томъ, чтобы раскинуться ей въ колоссальныхъ фрескахъ — и гдѣ тотъ русскій Ватиканъ, который вмѣститъ ихъ въ себѣ современемъ?...“ *). Въ другомъ мѣстѣ было замѣчено, что въ числѣ произведеній Егорова насчитывалось до 10,000 эскизовъ. Между большими его работами особенно высоко ставилась критикой картина „Истязаніе Христа“, написанная во время полной силы таланта художника.

Славу названныхъ художниковъ по достоинству раздѣлялъ во мнѣніи современниковъ превосходный пейзажистъ

*) „Отечественныя Записки“ 1839 г., т. I, стр. 7. Здѣсь помѣщенъ большой списокъ работъ Егорова и указаны мѣста, гдѣ онѣ находятся. Въ подобномъ же спискѣ указаны работы Шебуева и Воробьева.

Воробьевъ. Его виды Іерусалима, Палестины, Константинополя, береговъ Чернаго моря, по справедливости ставились очень высоко. Они, по словамъ одного современника, дышали упоительнымъ воздухомъ востока и заставляли созерцать красоты его роскошной природы. Его „Виды Петербурга въ лунную ночь“ были названы въ „Отечественныхъ Запискахъ“ одними изъ лучшихъ его произведеній: „массы зданій, токъ воды, удаленіе заднихъ плановъ—все написано здѣсь съ непостижимою правдою“, сказано было въ отзывѣ объ этихъ картинахъ. „Великъ художникъ, сказано было о Воробьевѣ въ другомъ мѣстѣ, творчески, непостижимо вѣрно возсоздающій подъ своей кистью предметы, повидимому недоступные живописному олицетворенію“. Въ числѣ его многочисленныхъ картинъ обращали на себя большое вниманіе: „Видъ зимняго дворца съ набережной при восходѣ солнца“, «Видъ Крестовскаго острова», «Два вида Іерусалимскаго храма», «Видъ отъ Троицкаго моста при лунѣ», «Видъ Смирны», «Видъ Мертваго моря», «Четыре вида Одессы», «Два вида взрыва въ Варнѣ», «Три вида Іерусалима» и многія другія.

Въ числѣ произведеній Басина, обратившихъ на себя особенное вниманіе цѣнителей, видное мѣсто занимала картина, изображавшая сошествіе св. Духа и написанная въ надпрестольномъ сводѣ академической церкви. Въ «Художественной Газетѣ» она была причислена къ драгоцѣнностямъ русской школы. Къ числу достоинствъ портретовъ Басина относили умѣнье «расположить предметы и колера со вкусомъ и эффектомъ, отдѣлить различные планы и привести все въ пріятную для глазъ гармонію».

Къ замѣчательнымъ представителямъ живописи 30-хъ годовъ принадлежитъ Ивановъ, авторъ знаменитой картины «Явленіе Христа народу». Большое вниманіе обратила на себя его картина „Явленіе Спасителя Маріи Магдалинѣ». Вслѣдствіе высокихъ ея достоинствъ, «Общество поощренія художниковъ» принесло ее въ даръ Императору Николаю, повелѣвшему поставить картину въ Русскую Галлерею Эрми-

тажа. Еще большихъ достоинствъ художественная критика 30-хъ годовъ ожидала отъ начатой въ то время его картины «Явленіе Христа народу».

Талантъ Айвазовскаго былъ оцѣненъ по достоинству уже въ 30-хъ годахъ. Между прочимъ, обращала на себя вниманіе быстрота его работы. Въ „Художественной Газетѣ" сдѣлана была такая характеристика молодаго художника по поводу одной его картины: „Легко сказать, новая картина Айвазовскаго; невольно можно обмануть публику; едва успѣемъ написать двѣ странички; пока ихъ наберутъ въ самой быстрой типографіи, отпечатаютъ на скоропечатной машинѣ—это извѣстіе уже будетъ старо; три, четыре картины займутъ мѣсто описанной на треножникѣ удивительно скораго въ работѣ и неутомимаго молодаго художника. Не словамъ, произведеніямъ Айвазовскаго должно повѣрить, до какой степени разгорѣлся въ этой душѣ пламень благодатнаго труда; какъ искусство побѣдительно овладѣваетъ всѣмъ его временемъ, всѣми его мыслями и освѣщаетъ путь трудный, темный, дѣлаетъ его безконечно разнообразнымъ и занимательнымъ. Вода и воздухъ, казалось, были любимыми стихіями молодаго художника; казалось, у него на землѣ—только мастерская, а мысли, душа, воображеніе гуляютъ на вольномъ просторѣ двухъ безконечныхъ стихій; конечно, онъ разувѣрялъ въ такой исключительности таланта прекрасными фигурами человѣка въ своихъ произведеніяхъ, но эти фигуры были болѣе аттрибутныя изображенія, какъ случайные красивые камни, скалы далекія, зданія и т. п. Но въ послѣдней картинѣ художникъ показалъ совершенно новую сторону своего таланта, именно, драматическую живопись, сильную, исполненную мыслей, чувства и правды сценической" *).

Своеобразна была дѣятельность археолога-художника Солнцева. Уже въ 30-хъ годахъ онъ занялъ весьма видное положеніе относительно изученія древняго русскаго искусства. Труды его обратили на себя вниманіе журналистики.

---

*) „Художественнря Газета" 1837 г., № 23.

Такъ, въ „Отечественныхъ Запискахъ“ былъ сдѣланъ такой отзывъ объ его дѣятельности: «Въ Москвѣ, Солнцевъ, трудолюбивый, опытный изъяснитель русской старины по части искусствъ, продолжаетъ обогащать свой портфель новыми пріобрѣтеніями по монастырямъ и церквамъ, подробностями возобновленія царскихъ теремовъ и открытія церкви Лазарева Воскресенія; выискиваетъ древніе портреты, оружія, буквы, принадлежности быта, и если когда либо это драгоцѣнное собраніе будетъ издано, то не только искусства наши пріобрѣтутъ сокровище необыкновенно важное, но и промышленность, въ отношеніи къ художественной своей части, можетъ принять физіономію оригинальную, русскую, ей только принадлежащую, что усилитъ ея успѣхи и откроетъ ея произведеніямъ вѣрный сбытъ въ чужіе краи» *). Въ «Художественной Газетѣ» его коллекція произведеній русской старины была названа собраніемъ, какое едва ли гдѣ нибудь существуетъ въ мірѣ. Тамъ же было указано на возобновленіе Солнцевымъ московскихъ царскихъ теремовъ и на желаніе составить календарь на всѣ дни года, съ рисованными изображеніями святыхъ, каждый день празднуемыхъ греческою церковью, съ соблюденіемъ костюма, повсемѣстно принятаго, а гдѣ есть измѣненія, тамъ и съ этими измѣненіями. Относительно этого намѣренія художника въ той же газетѣ было спрадливо замѣчено, что такое собраніе, кромѣ археологической важности, имѣло бы большое значеніе и для художниковъ при исполненіи церковной живописи.

Въ ряду представителей живописи 30-хъ годовъ весьма видное мѣсто занимали братья Чернецовы. Они дали современному обществу множество превосходно исполненныхъ видовъ, относящихся къ различнымъ мѣстностямъ Россіи. Въ числѣ ихъ произведеній видное мѣсто занимаютъ виды Крыма, Кавказа и береговъ Волги. Это были художники въ высшей степени неутомимые. Соорудивъ себѣ на баркѣ мастерскую, они совершили трудное путешествіе по Волгѣ отъ Ры-

*) „Отечественныя Записки“ 1839 г., т. I, стр. 79.

бинска до Астрахани *). Во время плаванія они снимали съ натуры берега Волги. Въ мѣстахъ, заслуживавшихъ болѣе внимательнаго изслѣдованія, они выходили на берегъ, и тамъ писали виды или занимались срисовываніемъ памятниковъ и остатковъ древностей. Изъ этого путешествія они привезли съ собою до двухъ тысячъ рисунковъ и эскизовъ, весьма важныхъ, какъ въ художественномъ, такъ и въ археологическомъ отношеніи. Панорама береговъ Волги была произведеніемъ чрезвычайно интереснымъ. Давая отчетъ объ этихъ произведеніяхъ, одинъ обозрѣватель выставки сдѣлалъ, между прочимъ, такое замѣчаніе объ одной картинѣ изъ названнаго собранія: «Истинно прекрасно! Взгляните на этотъ пейзажъ, на которомъ рѣка широкой лентой разстилается по живописной долинѣ. Какъ натуральны отблески свѣта на водѣ! А этотъ песчаный островъ посреди рѣки, какъ онъ вѣрно нарисованъ и написанъ! Какой обманъ въ перспективѣ! Когда смотришь на это множество плавающихъ, съ раскинутыми парусами судовъ, такъ и позываетъ затянуть пѣсню: „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ, по широкому раздолью". Впрочемъ, нѣкоторые находили и недостатки въ картинахъ Чернецовыхъ. Говорили, что у нихъ „не довольно отчетливо исполнены камни и скалы, что послѣднія слишкомъ мягки и округленны и что въ картинахъ нѣтъ той опредѣлительности и окончательнаго рельефа (особенно въ затѣненныхъ мѣстахъ), которые составляютъ иногда украшеніе произведеній великихъ мастеровъ".

Тридцатые годы были весьма богаты произведеніями архитектурнаго искусства. Въ это и ближайшее къ нему время какъ въ Петербургѣ, такъ и во многихъ другихъ городахъ было построено или отдѣлано вновь много весьма замѣчательныхъ зданій. Изъ украсившихъ Петербургъ сюда отно-

*) Путешествіе было совершено на средства одного частнаго лица. Уже при отъѣздѣ Чернецовыхъ и комитетъ „Общества Поощренія Художниковъ" просилъ ихъ быть откровенными и въ случаѣ надобности во время пути прямо обращаться къ нему, съ полною увѣренностью, что ни въ чемъ не будетъ отказа.

сятся Троицкій соборъ, церковь св. Екатерины у Калинкина моста, церковь Введенія въ Семеновскомъ полку, лютеранская церковь Петра и Павла на Невскомъ проспектѣ, отдѣланные вновь Зимній дворъ и зданіе университета, Михайловскій театръ и множество замѣчательныхъ зданій, принадлежащихъ частнымъ лицамъ. Такое оживленіе архитектурной дѣятельности находилось въ связи съ существованіемъ въ это время многихъ архитектурныхъ талантовъ. Изъ нихъ мы укажемъ на Тона, Монферрана и Щедрина, какъ на лицъ, чаще другихъ встрѣчающихся въ журналистикѣ 30-хъ годовъ. Изъ нихъ первымъ, между прочимъ, были построены названныя церкви Введенія и Св. Екатерины и церкви въ Царскомъ Селѣ и въ Петергофѣ; имя третьяго, между прочимъ, соединено съ отдѣлкою зданія Петербургскаго университета и постройкою дома министерства народнаго просвѣщенія, маріинской гимназіи и многихъ другихъ зданій. Монферранъ, иностранецъ по происхожденію и образованію, извѣстенъ всѣмъ, какъ строитель Исаакіевскаго собора.

Произнося съ уваженіемъ имена замѣчательныхъ представителей архитектуры, журналистика 30-хъ годовъ старалась воздать по заслугамъ и представителямъ скульптуры, прекрасными произведеніями которыхъ были украшены многія зданія Петербурга и другихъ городовъ Россіи. Изъ замѣчательныхъ скульпторовъ мы укажемъ на Пименова, Гальберга, Логановскаго, Орловскаго, Демута-Малиновскаго, Ставассера и Рамазанова. Изъ произведеній Пименова, которому принадлежатъ превосходныя статуи Закона и Правосудія на зданіи сената, современными цѣнителями высоко ставился «Бабочникъ», обнаружившій много жизни, движенія и народности. Между произведеніями Гальберга обратили на себя большое вниманіе колоссальныя изваянія двухъ ангеловъ, поставленныхъ въ наружныхъ нишахъ Троицкаго собора въ Петербургѣ, барельефы для церкви Академіи Художествъ и бюстъ Пушкина. Изъ произведеній Логановскаго, между прочимъ, очень много хвалили его „Сваячника“, извѣстнаго по своему соперничеству съ „Бабочникомъ“ Пименова. Между

работами рано умершаго Орловскаго были оцѣнены по достоинству статуи Кутузова и Барклая-де-Толли, поставленныя у Казанскаго собора. Произведенія Демута-Малиновскаго, Ставассера и Рамазанова также были встрѣчены съ похвалами, хотя и безъ подробнаго ихъ мотивированія.

Одинокое мѣсто въ числѣ представителей искусства въ 30-хъ годахъ занимаютъ извѣстные мастера литейнаго дѣла Якимовъ и Клотъ. Якимовъ, между прочимъ, извѣстенъ отливкою изъ бронзы статуй Кутузова и Барклая-де-Толли по моделямъ Орловскаго. Въ свое время онъ былъ до такой степени извѣстенъ, что „Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду" не усомнились назвать его первымъ литейщикомъ въ Европѣ. Тѣмъ не менѣе, въ журналахъ 30-хъ годовъ гораздо чаще встрѣчается имя барона Клота, творца статуй Аничкова моста. Его работы, отливавшіяся изъ гипса, распространялись въ Петербургѣ, требовались въ Пруссію и даже проникали въ Италію. Имя его въ журналахъ 30-хъ годовъ всегда произносилось съ большимъ уваженіемъ.

Останавливаясь преимущественно на представителяхъ національной живописи, журналистика 30-хъ годовъ иногда обмолвливалась отзывами и о произведеніяхъ иностранныхъ художниковъ. Такъ, мы встрѣчаемъ въ ней имена Жерара, Энгра, Г. Верне, Делароша, Делакруа, Штейбена и нѣкоторыхъ другихъ. О первомъ изъ нихъ сообщены нѣкоторыя любопытныя подробности въ „Художественной Газетѣ". Такъ, напримѣръ, говорится, что за каждый портретъ въ ростъ съ членовъ фамиліи Бонапарте онъ бралъ по 30,000 франковъ, что за картину „Коронація Карла X" онъ получилъ 80,000 франковъ, что „Сраженіе подъ Аустерлицомъ" было написано имъ противъ воли, по повелѣнію Наполеона. Объ Энгрѣ, названномъ первымъ рисовальщикомъ XIX ст., въ томъ же журналѣ было, между прочимъ, замѣчено, что для его учениковъ останется незабвеннымъ то утро, когда онъ возвѣстилъ имъ открытіе въ Пантеонѣ праха Рафаэля и совѣтовалъ имъ странствовать туда, какъ къ святому мѣсту. Горацій Верне былъ названъ мастеромъ какъ батальной, такъ

и „комической“ живописи. Почтальоны, дилижансы, проѣзжающіе по тѣснымъ улицамъ маленькихъ городковъ, охота, гулянья на Марсовомъ полѣ и въ Булонскомъ лѣсу и множество другихъ картинъ въ этомъ родѣ были отнесены къ произведеніямъ, которыя надолго должны сохранить его славу. Видное мѣсто дано было ему и какъ рисовальщику животныхъ, особенно лошадей и собакъ.

Переходя къ представителямъ музыкальнаго искусства, мы уже не встрѣчаемъ здѣсь такого обилія отечественныхъ талантовъ, какое мы видѣли въ области живописи. Въ 30-хъ годахъ здѣсь почти одиноко блеститъ имя Глинки (представителей духовной музыки мы оставляемъ въ сторонѣ). Взамѣнъ того, на страницахъ журналовъ часто встрѣчаются имена Бетховена, Вебера, Мендельсона, Листа, Мейербера, Берліоза, Обера, Шопена, Россини, Бартольди, Беллини, Паганини и другихъ. И здѣсь, какъ выше относительно живописи, мы имѣемъ дѣло большею частью съ выраженіемъ восторга и безусловной похвалы. Между представителями нѣмецкой музыки первое мѣсто, конечно, давалось Бетховену. Изъ статей, къ нему относящихся, мы остановимся на двухъ, изъ которыхъ одна была помѣщена въ „Телескопѣ“, а другая въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Первая изъ нихъ переводная и замѣчательна какъ по взглядамъ на знаменитаго композитора, такъ и по нѣкоторымъ фактамъ, относящимся къ его жизни. По мнѣнію автора, Бетховенъ сдѣлалъ для музыки то же самое, что Гете для германской литературы, измѣнивъ сферу даннаго искусства и расширивъ ея предѣлы. Характеристическія черты его музыки—смѣлая фантазія, изступленная мистика и неожиданные переходы отъ печали къ радости, отъ выраженія живѣйшихъ звуковъ веселья къ самой мрачной меланхоліи. Онъ — живописецъ звуковъ. Такъ, въ его «Пастушеской симфоніи» соединены всѣ впечатлѣнія, какія можетъ возбуждать сельская природа. Здѣсь вы слышите шумъ сельскихъ работъ, чувствуете таинственное безмолвіе лѣсовъ, слышите звонъ воскреснаго колокола, видите селянина, молящагося въ храмѣ, присут-

ствуете при пляскѣ на деревенскомъ праздникѣ, слышите крикъ полупьянаго крестьянина, возмущающаго праздникъ; но вотъ приближается гроза, всѣ бѣгутъ, громъ усиливается, но черезъ нѣсколько времени голубое небо и спокойствіе въ природѣ опять вступаютъ въ свои права. Вмѣстѣ съ характеристикой великаго композитора статья даетъ и нѣкоторые факты, относящіеся къ его жизни. Читателямъ 30-хъ годовъ, конечно, интересно было узнать, что первыя произведенія Бетховена не имѣли успѣха, что его преслѣдовали насмѣшками, что великій Гайднъ не признавалъ въ немъ генія, называя его только хорошимъ исполнителемъ, что онъ долго томился въ бѣдности. Но мало по малу оригинальный геній Бетховена пробилъ себѣ дорогу. Кругъ его почитателей расширялся. Къ ихъ числу принадлежалъ и императоръ Александръ, который, выслушавъ симфонію „Битва при Витторіи“, послалъ Бетховену 200 червонцевъ въ знакъ испытаннаго удовольствія. Величайшимъ несчастіемъ въ жизни Бетховена была потеря слуха. Когда это случилось, цѣлый оркестръ, гремѣвшій подлѣ него fortissimo, не возбуждалъ въ немъ ни малѣйшаго ощущенія. Потерявъ слухъ, Бетховенъ поселился въ маленькомъ домикѣ, невдалекѣ отъ Бадена, и отвернулся отъ человѣческаго общества. Тѣмъ не менѣе, лучшія его произведенія относятся къ этой эпохѣ его жизни. Бродя ночью по мрачнымъ лѣсамъ и по берегамъ озера, Бетховенъ созидалъ свои гармоническія произведенія, дышащія недосягаемымъ величіемъ. Въ послѣднее время жизни Бетховенъ отличался чрезвычайною раздражительностью. Во-время болѣзни онъ съ ругательствами прогналъ отъ себя доктора. Когда онъ умиралъ, бушевала страшная гроза; это обстоятельство сильно поразило мистическое воображеніе его соотечественниковъ. Послѣ его смерти нашли 10,000 флориновъ и 1,000 фунтовъ стерлинговъ, тщательно спрятанные въ старомъ, источенномъ червями сундукѣ. Похороны Бетховена были великолѣпны. Въ обширной вѣнской церкви св. Целестины былъ исполненъ Requiem Моцарта. Исполинскій голосъ Лаблаша раздавался подъ сводами. На

похороны собралось до 30,000 народа. Спустя нѣсколько дней, смотритель кладбища получилъ письмо, въ которомъ ему предлагали 1,000 флориновъ за черепъ Бетховена *). Въ статьѣ, помѣщенной въ «Отечественныхъ Запискахъ», также есть нѣсколько интересныхъ фактовъ, относящихся къ Бетховену. Изъ нея мы, между прочимъ, узнаемъ, что Моцартъ относился къ Бетховену иначе, нежели Гайднъ. Слушая разъ его игру, очарованный Моцартъ, удерживая дыханіе, вышелъ на цыпочкахъ въ сосѣднюю комнату и сказалъ своимъ друзьямъ: «Стотрите на этого молодаго человѣка: «объ немъ когда нибудь будутъ много говорить». На музыкальномъ вечерѣ у князя Лихновскаго Бетховенъ разъ отличился такимъ образомъ. Во время игры его ученика Риса, двери залы растворились и вошелъ оберъ-камергеръ графъ П. съ своею супругою. Всѣ бросились на встрѣчу знатнымъ особамъ, Бетховенъ же въ раздраженіи вскочилъ съ своего мѣста, схватилъ Риса за руки и громко крикнулъ: «Я не буду играть передъ этими свиньями!» Произошелъ переполохъ, но потомъ все уладилось. Послѣ игры Бетховена графъ П. подошелъ къ нему, съ восторгомъ пожалъ ему руку и сказалъ: „Я въ самомъ дѣлѣ заслужилъ бы имя, которымъ вы меня назвали, если бы прервалъ такую чудную импровизацію" **).

Изъ представителей нѣмецкой музыки, кромѣ Бетховена, мы, между прочимъ всрѣчаемся съ Веберомъ. Въ отзывахъ о немъ мы встрѣчаемъ въ журналистикѣ выраженія: „незабвенный Веберъ", „первоклассный талантъ", и т. п. Характеризуя его талантъ, нѣкоторые сравнивали его съ итальянскими композиторами и ставили выше послѣднихъ. Такой взглядъ былъ, напримѣръ, высказанъ въ одной статьѣ «Художественной Газеты», причемъ было замѣчено, что «если музыку должно слушать музыкально-образованнымъ слухомъ, а не довѣряться мимолетнымъ эффектамъ счастливаго органа исполнителя или необычайной ловкости управлять голосомъ,

*) „Телескопъ" 1833 г., ч. 13, стр. 111—138.

**) „Отечественныя Записки" 1839 г., т. IV, стр. 111.

то, конечно, музыка нѣмецкая получитъ первенство въ исторіи этого искусства во всѣхъ отношеніяхъ» *). Вмѣстѣ съ характеристикой въ журнальныхъ статьяхъ мы встрѣчаемъ и нѣкоторые факты по отношенію къ названному композитору. Такъ, оказывается, что въ Италіи Веберъ не пользовался почетомъ, и допустить въ итальянскіе театры «варварскаго» «Фрейшюца» было бы выше силъ мелодическаго царства. Его слушали только урывками въ концертахъ, гдѣ вслѣдъ за простодушно-таинственнымъ дуэтомъ Агаты и Анеты лились привычныя раллады Россини и украшенія Беллини. Въ иныхъ отношеніяхъ были къ Веберу англичане. Успѣхъ „Фрейшюца" въ Лондонѣ до того взволновалъ композитора, что существеннымъ образомъ повредилъ его слабому здоровью, окончательный ударъ которому былъ нанесенъ успѣхомъ „Оберона". „Когда осыпанный почестями, забросанный деньгами, прославленный, хотя и неоцѣненный журналами, онъ приготовлялся къ новымъ восторгамъ Лондона, въ назначенное въ его пользу представленіе „Фрейшюца» 5-го іюня 1836 г., въ тотъ самый день смерть похитила его, и англичане утѣшились только тѣмъ, что, по крайней мѣрѣ, похоронили его съ блескомъ и великолѣпіемъ, достойными славы Вебера, въ церкви Moopfilds".

На страницахъ журналовъ 30-хъ годовъ мы встрѣчаемъ также имя Листа. Отнесшись съ достодолжнымъ уваженіемъ къ его таланту, журналистика не забыла отмѣтить и нѣкоторыя его странности. Такъ, напримѣръ, оказывается, что Листъ всегда употреблялъ три или четыре инструмента, когда игралъ дома или сочинялъ. Рабочій его кабинетъ былъ устроенъ оригинально. Онъ уговорилъ хозяина одной квартиры выломать потолокъ комнаты, вслѣдствіе чего она сдѣлалась вдвое выше прочихъ. На верху этой комнаты была устроена галлерея, на которой усаживались друзья Листа и слушали, въ качествѣ цѣнителей, его игру. Интересно было видѣть, какъ тощій молодой виртуозъ перелеталъ съ

*) „Художественная Газета" 1837 г., № 24.

одного стула на другой и почти безъ остановки рождалъ своими чудными пальцами дивные мотивы и бурныя варіаціи. При этомъ онъ не чувствовалъ ни малѣйшаго утомленія, хотя въ публичныхъ концертахъ онъ почти всегда падалъ въ обморокъ.

Въ ряду представителей французской школы журналы 30-хъ годовъ съ большою любовью останавливались на Мейерберѣ. Критика видѣла его оригинальность въ эклектическомъ талантѣ, называя его подражателемъ въ частяхъ, но оригинальнымъ въ цѣломъ. По мнѣнію одного музыкальнаго критика, Мейерберъ лучше всѣхъ другихъ композиторовъ удовлетворялъ требованію времени, доказательствомъ чего служило то, что его оперы выдерживали сотни представленій на всѣхъ европейскихъ театрахъ, такъ что Россини, съ первыми пѣвцами въ мірѣ, уступалъ ему первенство успѣха. Мейерберъ придалъ музыкѣ драматическое начало и въ этомъ его успѣхъ. Какъ восторженно принимались публикою его оперы, показываетъ пріемъ «Гугенотовъ» въ дрезденскомъ театрѣ. Въ продолженіе оперы зрители неоднократно и съ восторгомъ вызывали Мейербера на сцену, причемъ онъ былъ увѣнчанъ лаврами. Король и королева, участвуя въ общемъ энтузіазмѣ, позвали его въ свою ложу и осыпали лестными привѣтствіями. Спектакль заключенъ былъ серенадою въ честь композитора. Въ домашней музыкальной жизни Мейерберъ представлялъ много странностей, что и было отмѣчено журналистикой. Работалъ онъ совершенно особеннымъ манеромъ. Всего сильнѣе дѣйствовало въ немъ вдохновеніе весною, причемъ развивалась страсть къ путешествію. По отношенію къ составителямъ либретто къ его операмъ онъ былъ безцеремоненъ въ высшей степени. Передѣлкамъ либретто не было конца. Одни инструменты замѣняли другіе. Мейерберъ портилъ стихи, перемѣнялъ рифмы, возвращая поэту его произведеніе въ томъ видѣ, въ какомъ инквизиторы выдавали тѣло грѣшника.

Художественная критика 30-хъ годовъ не могла не отнестись съ должнымъ вниманіемъ и къ произведеніямъ дру-

гаго представителя французской школы, Обера. Изъ его оперъ особенный успѣхъ имѣла «Финелла». На всѣхъ европейскихъ сценахъ, въ томъ числѣ и на петербургской, она была принята съ восторгомъ. На послѣдней она уже въ 1836 году насчитывала до ста представленій. Отмѣтивъ это обстоятельство, «Сѣверная Пчела» объясняла его тѣмъ, что въ музыкѣ Обера всякій слышитъ что-то близкое душѣ, родное. Въ журналистикѣ было указано также и на то замѣчательное и рѣдкое явленіе, что Оберъ во все продолженіе своего музыкальнаго поприща не только не испыталъ ни одной неудачи, но что у него не было даже ни одной оперы, которая бы имѣла только полууспѣхъ. Изъ фактовъ, относящихся къ жизни Обера и указанныхъ журналистикой, мы остановимся на слѣдующихъ. Сынъ богатаго негоціанта, Оберъ первоначально занимался музыкой какъ отдохновеніемъ отъ трудовъ и не искалъ славы композитора. По смерти разорившагося отца, онъ чуть было совсѣмъ не забылъ о музыкѣ, отыскивая въ Парижѣ мѣстечко прикащика или бухгалтера въ какомъ нибудь коммерческомъ домѣ. Мѣста онъ не получилъ, и этимъ обстоятельствомъ былъ оставленъ для музыкальнаго міра. Изъ привязанностей Обера была замѣчательна его страсть къ лошадямъ. Въ хорошую погоду можно было видѣть его каждый день скачущимъ вдоль бульваровъ чрезъ площадь Согласія и Елисейскя поля въ Булонскій лѣсъ. Конюшни автора „Финеллы" были едва ли не самыя богатѣйшія и крисивѣйшія въ Парижѣ. По замѣчанію «Отечественныхъ Записокъ», онъ столько же почиталъ лошадинаго барышника Кремье, сколько торговца либреттами Скриба.

Меньше, чѣмъ на Оберѣ, останавливала свое вниманіе журналистика на Берліозѣ. Въ самомъ Парижѣ его произведенія не всегда пользовались большимъ успѣхомъ. Вотъ, что, напримѣръ, было сказано объ немъ въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ»: «Опера Берліоза „Бенвенуто Челлини", надѣлавшая столько шума при своемъ появленіи, нынѣ опять поступила на сцену. Можно ожидать, что послѣ по-

чести, которую Паганини оказалъ публично этому молодому композитору, въ доказательство своего уваженія къ его блестящему таланту, публика парижская, наконецъ, обратитъ должное вниманіе на изящное произведеніе Берліоза, и не будетъ оставаться попрежнему нечуствительною къ прелестямъ музыки, очаровавшей даже слухъ такого геніальнаго знатока и музыканта, каковъ Паганини" *). Но были у Берліоза и восторженные поклонники. Къ ихъ числу принадлежалъ знаменитый скрипачъ Паганини, подарившій Берліозу, за наслажденіе, доставленное ему музыкою послѣдняго, вексель въ 20,000 франковъ.

Менѣе общимъ сочувствіемъ музыкальной критики пользовались произведенія представителей итальянской музыки. Самъ глава этихъ представителей Россини не всегда пожиналъ одни только лавры. Нѣкоторые русскіе критики ставили ему въ вину отсутствіе драматическаго начала. Они видѣли у него монотонные декламаціонные монологи и не видѣли простаго, естественнаго человѣческаго голоса. На недостатокъ драмы указывали и у соперника Россини Беллини. Говоря объ его „Нормѣ", одинъ критикъ «Отечественныхъ Записокъ» замѣтилъ: „Авторъ ея *богатъ однимъ мотивомъ* и этотъ мотивъ онъ повторилъ во всѣхъ своихъ операхъ: трогательная элегія, выраженная въ простомъ протяжномъ пѣніи, которое выдаетъ всю звучность голоса—вотъ его мотивъ. Италія, послѣ инструментальныхъ руладъ, услышала простой человѣческій голосъ—и рукоплескала Беллини. Но здѣсь и предѣлъ его успѣховъ, онъ оказалъ большую услугу, заставивъ полюбить итальяцевъ изящную простоту пѣнія; онъ обличилъ самый главнѣйшій недостатокъ Россини, своего соперника; но, къ сожалѣнію, шелъ съ нимъ по одной дорогѣ и также не понималъ драмы и пренебрегалъ ею» **). Не смотря на это, въ „Библіотекѣ для Чтенія" Беллини былъ названъ «первымъ композиторомъ нашего време-

*) „Литературныя Прибавленія" 1839 г., № 10.

**) „Отечественныя Записки" 1839 г., т. I, стр. 29.

ни». Сообщая публикѣ свои воззрѣнія на названныхъ композиторовъ, журналы сообщали и нѣкоторые факты, относившіеся къ ихъ жизни. Такъ, «Сѣверная Пчела» 36 года сообщала, что Россини, написавъ 40 оперъ, успокоился на лаврахъ и сталъ писать одни романсы, получая съ издателей музыкальныхъ произведеній по 2,000 франковъ за романсъ. Оттуда же мы узнаемъ, что онъ „любилъ понѣжиться, поспать“ и искусно приготовлялъ макароны. О Беллини въ «Библіотекѣ для Чтенія» было замѣчено, что онъ отличался любезностью и скромностью, что въ немъ не было ни зависти, ни желчи, что его таланту особенно удивлялись дамы, изъ которыхъ нѣкоторыя писали трогательные стихи на его смерть. Съ меньшимъ одобреніемъ относилась музыкальная русская критика къ произведеніямъ Доницетти. Вотъ, напримѣръ, какой отзывъ данъ былъ о немъ въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ“: „Слѣпой подражатель Россини, онъ придерживается совершенно его манеры, а, что всего хуже, обираетъ и обкрадываетъ своего знаменитаго учителя самымъ безсовѣстнымъ образомъ, не оставляя, впрочемъ, въ покоѣ и другихъ композиторовъ. Самымъ лучшимъ доказательствомъ этого служитъ опера, слышанная нами въ бенефисъ г. Петрова и извѣстная подъ названіемъ «Il Furioso». Вся она, отъ начала до конца, составлена изъ давно уже извѣстныхъ мотивовъ, взятыхъ цѣликомъ изъ „Семирамиды“, „Ченерентолы“, „Монтеки и Капулети“, „Нормы“, „Сомбамбулы“ и другихъ оперъ. Но въ «Il Furioso» зритель-слушатель чаще всего кланяется Беллини. Доницетти наложилъ свою безжалостную руку на старыхъ нашихъ знакомыхъ „Норму“, „Сомнамбулу“ и ограбилъ ихъ какъ можно было ограбить“. «Одинъ извѣстный любитель музыки, пользующійся самъ заслуженною славою оригинальнаго композитора, весьма справедливо замѣтилъ, что, еслибы существовали законы противъ композиторовъ, то Доницетти долженъ бы давно быть повѣшенъ“ *).

---

*) „Литературныя Прибавленія“ 1839 г., № 9.

Въ произведеніяхъ музыкальной критики 30-хъ годовъ мы иногда находимъ общіе отзывы о характерѣ итальянской музыки. Такой отзывъ сдѣланъ былъ, напримѣръ, въ статьѣ «Итальянская и германская музыка», помѣщенной въ «Отечественныхъ Запискахъ». Въ этой статьѣ, между прочимъ, было сказано слѣдующее: «У итальянскаго композиста сердце горячо, чувство глубоко, сильная страстная жизнь кипитъ въ немъ. Кто, слушая прекрасно спѣтую итальянскую оперу, не выносилъ въ душѣ ея мелодій и долго съ наслажденіемъ не повторялъ ихъ? И вмѣстѣ съ тѣмъ, кто, взявъ партитуру итальянской оперѣ, или даже ея переложеніе на фортепьяно, не удивлялся пустотѣ, здѣсь царствующей, изобилію общихъ мѣстъ, пошлыхъ эффектовъ, монотонности и однообразію мелодій, бѣдности и ничтожности оркестрировки, — и вообще безжизненности цѣлаго и отсутствію всякаго единства?» *)

Характеризуя произведенія музыкальныхъ знаменитостей своего времени, журналистика не оставляла безъ вниманія и вопросъ объ отношеніи къ нимъ публики. Въ результатѣ получалось очень неутѣшительное явленіе. Оказывалось, что въ публикѣ мало была развита любовь къ музыкѣ и что она была проникнута исключительной маніей къ балетамъ, въ чемъ была повинна преимущественно Тальони, прививъ эту страсть петербургской публикѣ. По отзывамъ современниковъ, Большой театръ очень часто оставался пустъ даже въ то время, когда давались лучшія произведенія Мейербера, Россини и другихъ подобныхъ композиторовъ. Указывая на все это, одинъ музыкальный критикъ 30-хъ годовъ выводилъ изъ этого такія заключенія: „Если Россини, Мейерберъ и всѣ великія музыкальныя произведенія, въ добавокъ исполненныя, если не вполнѣ, то отчасти прекрасно, вотще раздаются въ пустыхъ стѣнахъ, а балетъ, это дитя чувственности, сбираетъ толпы зрителей даже тогда, когда нѣтъ царицы его Тальони, — не есть ли это признакъ, грустный

*) „Отечественныя Записки". 1839 г., т. VII т, стр. 5.

признакъ упадка вкуса?» «У насъ еще рѣшительно не понимаютъ театра и его важности; на него смотрятъ просто, какъ на средство убить время. Театръ существуетъ для нравственнаго наслажденія, и въ него должно входить не съ цѣлію убивать время, но проводить его въ высшихъ человѣческихъ наслажденіяхъ, въ наслажденіяхъ искусствомъ. Это положеніе, что у насъ не понимаютъ театра, мы основываемъ, между прочимъ, и на томъ, что дѣтей, напримѣръ, предпочтительно берутъ въ балетъ, а не въ драму, не въ оперу, значитъ, хотятъ развивать въ нихъ чувственность, а не чувство». «У насъ только два театра, въ Петербургѣ и Москвѣ, и если публика своимъ капризомъ погубитъ на нихъ оперу или драму, то эта потеря будетъ потерею для всей Россіи» *). Такія же сѣтованія мы встрѣчаемъ въ дневникѣ инспектора репертуарной части Храповицкаго, помѣщенномъ въ „Русской Старинѣ" 1879 г. Говоря о головокруженіи, произведенномъ въ публикѣ Тальони, онъ сообщаетъ интересный фактъ о современныхъ провинціалахъ: чтобы увидѣть ее, нѣкоторые изъ нихъ, по его словамъ, закладывали свои имѣнія и тащились въ Петербургъ...

Въ 30-хъ годахъ совершилось замѣчательное явленіе въ области музыкальнаго искусства въ Россіи: является Глинка съ своею оперою „Жизнь за царя". Это событіе совершилось безъ особенныхъ предувѣдомленій со стороны журналовъ. Появленіе классическаго произведенія не вызвало единодушныхъ восторговъ въ журналистикѣ. Первый камень былъ брошенъ въ него Булгаринымъ, которому судьба назначила быть тупоумнымъ гонителемъ всего, что носило на себѣ печать оригинальности и таланта и чему предназначено было перейти въ потомство. Чѣмъ же былъ недоволенъ тонкій цѣнитель? Въ оперѣ слишкомъ много хоровъ, говорилъ онъ, и хоры очень растянуты. Мало отдѣльныхъ арій, мало дуэтовъ, терцетовъ, слѣдовательно, мало дѣйствія, мало жизни. Цѣлая опера скучна. Въ безпрерывномъ пѣніи со-

*) „Литературныя Прибавленія" 1839 г. № 26.

держаніе оперы погибло. Странно, что поляки сговариваются на ужасный подвигъ подъ мазурку. Недоволенъ онъ былъ и словами либретто. Въ выраженіи, напримѣръ: «страха не страшусь», говорилъ онъ, нѣтъ ни логическаго, ни грамматическаго смысла. Говоря о костюмахъ, онъ замѣтилъ, что польки такъ не одѣвались, какъ онѣ одѣты въ оперѣ; коснувшись танцевъ, нашелъ, что они утомительны. Говоря объ идеѣ русской народной музыки, Булгаринъ замѣтилъ, что она была уже высказана раньше, въ оперѣ „Мельникъ“ Въ заключеніе онъ совѣтовалъ Глинкѣ идти по дорогѣ, намѣченной этой оперой, опровергая такимъ образомъ справедливость пословицы, что яйца курицу не учатъ *). Но не всѣ такъ смотрѣли на дѣло. Въ «Сѣверной же Пчелѣ» былъ помѣщенъ отзывъ, совершенно противоположный тому, что говорилъ объ оперѣ Булгаринъ. Тамъ было сказано, что оперой Глинки рѣшался важный вопросъ для русскаго искусства: являлась *русская опера, русская музыка*. Русскія мелодіи, было сказано тамъ, являлись и прежде, напримѣръ, у графа Віельгорскаго, Верстовскаго, Геншиты, но такого размѣра въ примѣненіи не было. Своимъ произведеніемъ Глинка доказалъ, что русская мелодія можетъ быть возвышена до трагическаго стиля **). Въ той же газетѣ, въ № 289, былъ помѣщенъ такой отрывокъ изъ письма въ редакцію одного любителя музыки объ оперѣ Глинки: „Что за музыка! Надобно очень хорошо знать русскія сердца, чтобы одними звуками умѣть такъ сильно говорить имъ. Въ языкѣ этой новорожденной, прекрасной музыки есть истинно что-то волшебное“. „Слушая тріо Воробьевой съ Степановымъ и Леоновымъ, я готовъ былъ рыдать съ ними“. Тутъ же было замѣчено, что въ русскихъ пѣсняхъ оперы много *тишины* и *благонравія*. Имя Глинки встрѣчается въ журналахъ 30-хъ годовъ и помимо его оперы. Онъ является и какъ авторъ музыки нѣкоторыхъ романсовъ. По такому же

*) Сѣверная Пчела“ 1836 г., № 292.

**) Тамъ же, № 280.

поводу въ журналахъ встрѣчаются имена Даргомыжскаго, Варламова и Алябьева. Встрѣчается также имя Верстовскаго, какъ автора оперы «Аскольдова могила».

Больше, нежели о представителяхъ названныхъ отраслей искусства, трактовала журналистика о представителяхъ искусства сценическаго. Здѣсь мы встрѣчаемъ очень много громкихъ именъ. Въ драматической группѣ мы видимъ Каратыгина, Мочалова, Щепкина, Брянскаго, Сосницкаго, Максимова, Мартынова, Самойлова, Дюра, Асенкову, Самойлову, Гусеву, Рѣпину; въ оперной — Петрова, Воробьеву; въ балетной — Гольца, Санковскую, Дюръ, Андріанову. Между представителями западно-европейскаго искусства встрѣчаются Лаблашъ, Рубини, Малибранъ, В. Гарсіа, Гризи, Тальони, Ф. Эльслеръ. О всѣхъ этихъ дѣятеляхъ искусства не мало было толковъ въ журналистикѣ названнаго времени.

Среди драматическихъ артистовъ 30-хъ годовъ самое видное мѣсто во мнѣніи публики и журналистики занимали Каратыгинъ и Мочаловъ. Какъ представителямъ двухъ конкуррировавшихъ между собою сценъ, петербургской и московской, имъ суждено было сдѣлаться предметомъ сильной полемики въ журналистикѣ. Сравнивая игру этихъ любимцевъ современной петербургской и московской публики, одни изъ критиковъ отдавали пальму первенства Каратыгину, другіе Мочалову. Этотъ споръ, конечно, имѣлъ весьма важное значеніе для уясненія вопроса о томъ, какими свойствами должна отличаться игра драматическаго актера, берущаго на себя изображеніе трагическихъ героевъ. Принесъ онъ, конечно, извѣстную долю пользы и сценическому искусству.

Среди многочисленныхъ мнѣній о характеристическихъ особенностяхъ игры Каратыгина видное мѣсто занимаетъ мнѣніе Бѣлинскаго. По убѣжденію знаменитаго критика, Каратыгинъ принадлежалъ къ числу тѣхъ художниковъ, которые въ высшей степени постигли внѣшнюю сторону искусства. Но у него мало было того вулканическаго вдохновенія, которое проявлялось въ игрѣ Мочалова. Каратыгинъ, по словамъ Бѣлинскаго, за всякую роль брался смѣло и увѣ-

ренно, потому что его успѣхъ зависѣлъ не отъ удачи вдохновенія, а отъ строгаго изученія роли. Поэтому онъ падалъ только въ тѣхъ роляхъ и сценахъ, которыя, по своей сущности, требовали огненной страсти, какъ въ Отелло, хотя это паденіе было видно не толпѣ, а только немногимъ знатокамъ искусства. Вотъ почему Бѣлинскій считалъ не по плечу Каратыгину шекспировскіе роли. «Я не пойду, писалъ онъ, смотрѣть Каратыгина въ роли Гамлета, которую онъ играетъ искусно, но въ которой я требую отъ актера, кромѣ искусства, еще кой чего такого, чего мнѣ не можетъ дать Каратыгинъ; я не пойду смотрѣть въ роли Лира ни Мочалова, ни Каратыгина, потому что въ первомъ, можетъ быть, увижу Лира, но только Лира, а не *короля*-Лира, и во второмъ только *короля*, но не Лира-короля; я не пойду смотрѣть на Каратыгина въ роли Отелло, потому что ровно *ничего* не увижу, но всегда пойду смотрѣть Мочалова въ этой роли, потому что если иногда тоже *ничего* не увижу, зато иногда *много* увижу, точно также, какъ всегда пойду смотрѣть Мочалова въ роли Гамлета, потому что всегда увижу что нибудь великое, а иногда и много великаго; но я никогда не пойду смотрѣть Мочалова въ роли Лейчестера, Людовика XI, Велизарія, и всегда пойду смотрѣть въ этихъ роляхъ Каратыгина. Игра Мочалова, по моему убѣжденію, иногда есть откровеніе таинства, сущности сценическаго искусства, но часто бываетъ и его оскорбленіемъ. Игра Каратыгина, по моему убѣжденію, есть норма внѣшней стороны искусства, и она всегда вѣрна себѣ, никогда не обманываетъ зрителя, вполнѣ давая ему то, что онъ ожидалъ, и еще больше» *). Одной изъ лучшихъ ролей Каратыгина Бѣлинскій считалъ роль Велизарія. «Я врагъ эффектовъ, пишетъ онъ въ одномъ мѣстѣ, мнѣ трудно подпасть подъ обаянія эффекта: какъ бы ни былъ онъ изященъ, благороденъ и уменъ, онъ всегда встрѣтитъ въ душѣ моей сильный отпоръ; но когда я увидѣлъ Каратыгина-Велизарія, въ тріумфѣ везомаго народомъ

*) „Литературныя Прибавленія“ 1839 г., № 21.

по сценѣ въ торжественной колесницѣ, когда я увидѣлъ этого лавровѣнчаннаго старца-героя, съ его сѣдою бородою, въ царственномъ величіи, священный восторгъ мощно охватилъ все существо мое и трепетно потрясъ его... Театръ задрожалъ отъ взрыва рукоплесканій... А между тѣмъ, артистъ не сказалъ ни одного слова, не сдѣлалъ ни одного движенія—онъ только сидѣлъ и молчалъ»... «Въ продолженіе цѣлой роли, пишетъ онъ далѣе, благородная простота, геройское величіе видны были въ каждомъ шагѣ, слышны были въ каждомъ словѣ, въ каждомъ звукѣ Каратыгина; передъ вами безпрестанно являлось несчастіе въ величіи, ослѣпленный герой, который:

Видитъ въ памяти своей
Народы, вѣки и державы *)...

Но не всѣ такъ смотрѣли на Каратыгина. Для нѣкоторыхъ онъ былъ величіе, которое было выше всякой критики. Вопреки мнѣнію Бѣлинскаго, нѣкоторые Гамлета и Лира считали лучшими ролями Каратыгина. Они говорили, что эти роли «смѣло могутъ поставить его наряду съ отличнѣйшими драматическими талантами, которые когда либо украшали собою сцены лучшихъ европейскихъ театровъ». Особенно восторженны были похвалы Каратыгину «Сѣверной Пчелы». Такъ, въ ней въ одномъ мѣстѣ было сказано: «Игра несравненнаго Каратыгина есть игра истиннаго художника. Ровность ея, естественность и одушевленіе только въ порывахъ страсти показываютъ, что онъ не думаетъ объ эффектахъ, а переселяется въ представляемое имъ лицо» **). Тамъ же къ числу лучшихъ ролей Каратыгина была отнесена роль Людовика XI, причемъ было замѣчено, что Каратыгинъ глубоко изучилъ и обдумалъ этотъ истинно-драматическій характеръ. Тутъ же иронически было указано на мнѣніе тѣхъ, которые говорили, что Каратыгинъ превосходилъ своихъ соперниковъ только голосомъ и фигурой. Каратыгинъ игралъ

*) „Литературныя Прибавленія“ 1839 г., № 21.
**) „Сѣверная Пчела“ 1838 г., № 100.

и на московской сценѣ. Такъ, въ 1838 г. онъ вышелъ на ней въ роли Гамлета. Публика съ нетерпѣніемъ ожидала этого дебюта, раздѣлившись на два лагеря: поклонниковъ Мочалова и поклонниковъ Каратыгина. И защитники и противники Каратыгина устремились въ театръ. Театръ былъ полонъ. Съ трепетомъ и волненіемъ ожидала публика поднятія занавѣса. И вотъ поднялся занавѣсъ. Въ глубинѣ сцены показался Гамлетъ... Раздался громовый аплодисментъ. Затѣмъ наступила мертвая тишина. Началась игра. Поклонники артиста наслаждались, поклонники Мочалова покачивали головою. Вотъ что писалъ объ этомъ дебютѣ Каратыгина одинъ изъ послѣднихъ въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ»: «Съ напряженнымъ вниманіемъ искали мы на лицѣ Гамлета выраженія той безконечной грусти, той поэтической задумчивости, которыя въ игрѣ г. Мочалова бывало невольно заставляли публику рукоплескать прежде, нежели Гамлетъ начиналъ рѣчь свою съ королемъ и матерью; поза г. Каратыгина была прекрасна, но физіономія его оставалась нѣмою, неподвижною; въ ней не высказывалась душа Гамлета, не просвѣчивались думы, ее волновавшія»... «Но Гамлетъ началъ говорить... Голосъ густой, упрямый, непокорный, безъ музыки, безъ переливовъ, къ которымъ такъ привыкло наше ухо... Мы съ нетерпѣніемъ ожидали моголога:

Для чего
Ты не растаешь, ты не распадешься прахомъ...

И этотъ монологъ, признаемся чистосердечно, рѣшительно поставилъ насъ противъ Каратыгина; мы увидѣли его со всѣми прежними его недостатками: та же неестественная декламація, анти-Шекспировская декламація, тѣ же вскрикиванія, тотъ же надорванный голосъ, тѣ же разсчитанныя ударенія на нѣкоторыхъ словахъ, и въ особенности въ послѣднихъ стихахъ, ради эффекта, какъ нѣсколько восклицательныхъ знаковъ при окончательномъ стихѣ въ иныхъ стихотвореніяхъ, и наконецъ безпрестанная изысканная жестикуляція — все это показалось намъ недостойнымъ г. Каратыгина» *).

*) „Литературныя Прибавленія“ 1838 г., № 23.

Кромѣ Каратыгина, изъ петербургскихъ артистовъ большимъ вниманіемъ публики и журналистики пользовались Сосницкій, Дюръ, Брянскій, Максимовъ и Мартыновъ. Вмѣстѣ съ ними встрѣчается иногда имя Самойлова. Здѣсь мы опять имѣемъ, отчасти, дѣло со взглядами Бѣлинскаго. Къ первому изъ названныхъ артистовъ Бѣлинскій относился неблагосклонно. Такъ, разбирая игру различныхъ артистовъ въ драмѣ Шиллера «Коварство и любовь», Бѣлинскій замѣчаетъ, что хуже всѣхъ игралъ Сосницкій. По его словамъ, Сосницкій въ роли маршала игралъ не вельможу, не придворнаго, а какого-то шута самаго пошлаго тона. Иного рода отзывъ былъ сдѣланъ о Сосницкомъ въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ», при оцѣнкѣ его игры въ «Дѣдушкѣ русскаго флота» Полеваго. По мнѣнію критика, Сосницкій въ роли Брандта былъ верхъ совершенства. Пластическая обработка роли возвысилась у него до художественнаго творчества, хотя онъ своею игрой не сжималъ, не истерзывалъ сердца зрителя, подобно Щепкину въ той же роли. Вообще же критика 30-хъ годовъ относилась къ Сосницкому, какъ къ одному изъ самыхъ видныхъ представителей петербургской сцены. Къ нимъ же она относила и Дюра. Вотъ что было сказано объ этомъ артистѣ въ названномъ журналѣ по поводу извѣщенія объ его смерти: «Потеря Дюра ничѣмъ невознаградима для нашего театра: танцоръ, пѣвецъ, музыкантъ и наконецъ актеръ для самыхъ разнообразныхъ амплуа—все это соединялъ въ себѣ онъ одинъ. Четыре таланта нужны для замѣны *одного*. И еще грустнѣе, какъ вздумаешь, что онъ умеръ во цвѣтѣ лѣтъ, въ ту пору жизни, когда талантъ его съ каждымъ днемъ развивался и укрѣплялся болѣе и болѣе. Отсутствіе его въ послѣдніе мѣсяцы было слишкомъ замѣтно на сценѣ Александринскаго театра, и еще долго придется сиротѣть театру, пока явится у насъ новый Дюръ» *).

*) „Литературныя Прибавленія“ 1839 г., № 20. Въ „Сѣверной Пчелѣ“ 1836 г., № 136, Дюръ былъ названъ однимъ изъ лучшихъ украше-

Высоко также ставился Брянскій. Онъ часто игралъ вмѣстѣ съ Каратыгинымъ и былъ достойнымъ его товарищемъ по игрѣ. Странно только, что критика не особенно часто останавливалась на разборѣ его игры. По отношенію къ Максимову мы встрѣчаемъ менѣе единодушія въ одобреніи. По однимъ отзывамъ, онъ прекрасный талантъ, единственный актеръ, который съ огромнымъ успѣхомъ можетъ занимать роли первыхъ любовниковъ. По другимъ, онъ—актеръ, который не долженъ брать ролей выше Нюниныхъ, Лычкиныхъ и тому подобныхъ героевъ. При этомъ говорилось о неподвижности физіономіи, излишней развязности, непріятномъ голосѣ, трагической декламаціи и т. п. Къ оцѣненнымъ по достоинству артистамъ принадлежитъ Мартыновъ. Критики съ вѣрнымъ чутьемъ видѣли въ немъ талантъ самобытный, неподдѣльный, безъ малѣйшаго фарсерства, видѣли актера, который своею мимикою, своимъ голосомъ и оригинальностью произношенія, можетъ заставить смѣяться въ продолженіе цѣлаго вечера и надолго остаться въ памяти. Какъ комикъ, онъ ставился многими выше Дюра. Въ пику нѣкоторымъ артистамъ, о немъ въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ» было замѣчено: «Вотъ ужъ его мы не пошлемъ на Михайловскій театръ учиться у г. Бо; лучше пусть г. Бо посмотритъ самъ на г. Мартынова». Увидѣвъ на московской сценѣ Мартынова, Бѣлинскій призналъ въ немъ огромный талантъ, истиннаго художника. Не понравились ему только фарсы на манеръ Живокини. Самойловъ въ 30-хъ годахъ только что расправлялъ свои крылья. Онъ былъ молодой артистъ, котораго критика еще не рѣшалась осыпать похвалами. Тѣмъ не менѣе она уже чуяла что-то выходящее изъ ряда. Вотъ, напримѣръ, что было сказано о немъ въ роли Губкина («Студентъ, артистъ, хористъ и аферистъ») въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ»: «Кто осмѣлился бы послѣ него (Дюра) играть роль Губкина, требующую и знанія музыки, и сценической

ній петербургской сцены. Въ числѣ достоинствъ была отмѣчена естественность его игры.

ловкости, и неподдѣльной веселости, качества, которыми Дюръ обладаетъ по превосходству. Г. Самойловъ 2-й изумилъ насъ сначала отвагою, съ которою онъ взялся за исполненіе этой роли, а потомъ успѣхомъ, съ которымъ онъ ее сыгралъ,—подвигъ тѣмъ болѣе достославный, что многія обстоятельства были противъ него. Онъ, являясь на сцену послѣ опаснаго состязанія, долженъ былъ, такъ сказать, съ перваго выхода выиграть благосклонное мнѣніе публики, которая почти всегда непривѣтливо встрѣчаетъ артиста, неознаменовавшаго себя блестящими успѣхами и вдругъ рѣшившагося играть трудную роль... Публика не осталась въ долгу передъ г. Самойловымъ и троекратнымъ вызовомъ поблагодарила его за усердіе, съ которымъ онъ принялся за изученіе своего искусства» *). Изъ петербургскихъ артистовъ упомянемъ еще Каратыгина 2-го, на котораго журналистика обращала вниманіе особенно какъ на автора веселыхъ водевилей.

Въ то время, какъ петербургская публика наслаждалась игрой названныхъ артистовъ, москвичи восхищались Мочаловымъ, Щепкинымъ, Живокини и Шумскимъ, которые съ успѣхомъ могли поспорить съ петербургскими артистами. Игра Мочалова, какъ извѣстно, превосходно анализирована Бѣлинскимъ въ статьѣ „Гамлетъ, драма Шекспира, и Мочаловъ въ роли Гамлета" **). Указавши на множество превосходныхъ мѣстъ въ игрѣ Мочалова, Бѣлинскій въ одномъ мѣстѣ названной статьи восторженно говоритъ: «Никакое перо, никакая кисть не изобразитъ и слабаго подобія того, что мы тутъ видѣли и слышали. Всѣ эти сарказмы, обращенные то на бѣдную Офелію, то на королеву, то, наконецъ, на самаго короля, всѣ эти краткія, отрывистыя фразы, которыя говоритъ Гамлетъ, сидя на скамеечкѣ, подлѣ кресель Офеліи, во время представленія комедіи,—все это дышало такою скрытою, невидимою, но чувствуемою, какъ дав-

*) „Литературныя Прибавленія" 1839 г., № 17.

**) Сочиненія, т. II, стр. 473.

леніе кошемара, силою, что кровь леденѣла въ жилахъ у зрителей, и всѣ эти люди разныхъ званій, характеровъ, склонностей, образованія, вкусовъ, лѣтъ и половъ слились въ одну огромную массу, одушевленную одною мыслію, однимъ чувствомъ, и съ вытянувшимся лицомъ, заколдованнымъ взоромъ, притая дыханіе, смотрѣвшую на этого небольшаго, черноволосаго человѣка съ блѣднымъ, какъ смерть, лицомъ, небрежно полуразвалившагося на скамейкѣ. Жаркія рукоплесканія начинались и прерывались, недоконченныя; руки поднимались для плесковъ и опускались, обезсиленныя; чужая рука удерживала чужую; незнакомецъ запрещалъ изъявленіе восторга незнакомцу — и никому это не казалось страннымъ. И вотъ, король встаетъ въ смущеніи; Полоній кричитъ: «огня! огня!»; толпа поспѣшно уходитъ со сцены; Гамлетъ смотритъ ей во слѣдъ съ непонятнымъ выраженіемъ; наконецъ, остается одинъ Гораціо и сидящій на скамеечкѣ Гамлетъ, въ положеніи человѣка, котораго спертое и удерживаемое всею силою исполинской воли чувство готово разразиться ужасною бурею. Вдругъ Мочаловъ однимъ львинымъ прыжкомъ, подобно молніи, со скамеечки перелетаетъ на середину сцены и, затопавши ногами и замахавши руками, оглашаетъ театръ взрывомъ адскаго хохота... Нѣтъ! еслибы, по данному мановенію, вылетѣлъ дружный хохотъ изъ тысячи грудей, слившихся въ одну грудь—и тотъ показался бы смѣхомъ слабаго дитяти, въ сравненіи съ этимъ неистовымъ, громовымъ, оцѣпеняющимъ хохотомъ, потому что для такого хохота нужна не крѣпкая грудь съ желѣзными нервами, а громадная душа, потрясенная безконечною страстью... А это топанье ногами, это маханіе руками, вмѣстѣ съ этимъ хохотомъ? О, это было макабрская пляска отчаянія, веселящагося своими муками, упивающагося своими жгучими терзаніями... О, какая картина, какое могущество духа, какое обаяніе страсти!... Двѣ тысячи голосовъ слились въ одинъ торжественный кликъ одобренія, четыре тысячи рукъ соединились въ одинъ плескъ восторга—и отъ этого оглушающаго вопля отдѣлялся неистовый хохотъ и дикіе

стоны одного человѣка, бѣгавшаго по широкой сценѣ, подобно вырвавшемуся изъ клѣтки льву... Въ это мгновеніе исчезъ его обыкновенный ростъ: мы видѣли передъ собою какое-то страшное явленіе, которое, при фантастическомъ блескѣ театральнаго освѣщенія, отдѣлялось отъ земли, росло и вытягивалось во все пространство между поломъ и потолкомъ сцены, и колебалось на немъ, какъ зловѣщее привидѣніе»... *). Но не всегда такъ игралъ Мочаловъ, и не всегда такъ высоко ставилъ его Бѣлинскій. Бывала игра посредственная, даже слабая... Эта неровность игры была причиной охлажденія къ нему публики. Стали раздаваться холодные возгласы: Мочаловъ—мѣщанскій актеръ, что за средства, что за ростъ, что за манеры, что за фигура! и тому подобное. Какъ бы то ни было, вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ, нужно признать, что Мочаловъ былъ великій артистъ, артистъ, который могъ бы помѣряться съ первѣйшими знаменитостями западно-европейской сцены...

Вторую гордость Москвы составлялъ Щепкинъ. Всякій, видѣвшій его въ роли городничаго въ „Ревизорѣ“ Гоголя, вѣроятно, долго его помнилъ... „Щепкинъ—художникъ, говоритъ о немъ Бѣлинскій, и поэтому для него изучить роль не значитъ одинъ разъ приготовиться для нея, а потомъ повторять себя въ ней: для него каждое новое представленіе есть новое изученіе. Онъ всегда игралъ городничаго превосходно, но теперь становится хозяиномъ въ этой роли и играетъ ее все съ большею и большею свободою. Его игра—творческая, геніальная. Онъ не помощникъ автора, но соперникъ его въ созданіи роли“. По мнѣнію современной критики, мало было артистовъ, которые бы такъ понимали свое призваніе и такъ ревностно, такъ пламенно стремились къ совершенству, какъ Щепкинъ. „Глубокія его познанія въ искусствѣ драматическомъ и сценическомъ, было сказано о немъ въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ“ 1838 г., суть плоды долговременной опытности и размышленія—и вотъ почему

*) Сочиненія, т. II, стр. 549—550.

онъ, какъ опытный стратегъ, дѣйствуетъ вѣрнымъ оружіемъ на своихъ зрителей, и еще никогда не зналъ неудачи. Жаръ къ изученію своего дѣла, къ проникавію до глубочайшихъ его тайнъ не охладили въ немъ ни лѣта, ни утомленіе, ни заботы жизни, ни даже непріятности, сопряженныя съ возвышеніемъ каждаго художника вообще, а сценическаго въ особенности. Талантъ его изъ горнила опыта, труда, нуждъ, препятствій, бореній и дрязгъ закулисныхъ вышелъ чистымъ золотомъ, которому всѣ признали настоящую цѣну и мѣсто" *). „Щепкинъ принадлежитъ къ числу весьма немногихъ избранниковъ искусства, сказано было въ другомъ мѣстѣ того же журнала. Съ высокимъ комическимъ дарованіемъ, которому долговременная сценическая дѣятельность дала полное развитіе, онъ соединяетъ юморъ, ему только свойственный, и необыкновенную веселость, которая располагаетъ къ нему каждаго зрителя съ перваго его выхода на сцену. Щепкинъ такъ оригиналенъ въ выраженіи самыхъ трудныхъ характеровъ, умѣетъ придать имъ такой рѣзкій и блестящій колоритъ, что безотчетно увлекаетъ самаго строгаго знатока, и всегда вѣрно и метко поражаетъ естественностью и непринужденностью игры своей. Мы не можемъ сравнить Щепкина ни съ однимъ изъ лучшихъ современныхъ намъ комиковъ: ни съ Сосницкимъ, ни съ Рязанцовымъ, ни съ Дюромъ. Въ немъ свой самобытный родъ игры, неподходящій къ другимъ, но въ общихъ съ ними роляхъ—отчетисто-прекрасный. Чѣмъ труднѣе выполненіе лица, тѣмъ Щепкинъ выше: вотъ почему лучшія его минуты встрѣчаемъ мы въ безсмертныхъ кемедіяхъ Мольера (особливо въ «Скупомъ») и въ драмахъ Шекспира. Нуженъ ли вамъ *русскій человѣкъ* со всѣми оттѣнками національности, со всѣми чертами страны или вѣка, въ которыхъ онъ дѣйствуетъ, со всѣмъ выраженіемъ общества, въ которомъ живетъ—смотрите Щепкина, ступайте въ «Горе отъ ума»—вотъ вамъ настоящій Фамусовъ; загляните въ «Ревизора»—вотъ вамъ живой Дмухановскій, уѣзд-

*) „Литературныя Прибавленія" 1838 г., № 15.

ный городничій; посмотрите «Въ тихомъ омутѣ черти водятся»—вы встрѣтите вылитаго русскаго полковника незабвенной эпохи 1812 года... Щепкинъ до такой степени умѣетъ придать русскій типъ своимъ созданіямъ, что вамъ кажется, что лицо это дѣйствительно существуетъ, что вы его встрѣтили, видѣли, говорили съ нимъ, или, по крайней мѣрѣ, что оно не можетъ быть въ природѣ иначе, какъ на сценѣ въ игрѣ Щепкина. Но особенная отличительная черта Щепкина состоитъ въ полнотѣ, часто даже въ избыткѣ *чувства*. Оно такъ откровенно, такъ тепло выливается у него прямо изъ души въ роляхъ драматическихъ, что вы не въ силахъ противиться его вліянію; вы тронуты, вы умилены до глубины сердца, и долго, долго не изгладите изъ памяти этого пріятнаго впечатлѣнія". По отзывамъ современной критики, Щепкинъ въ роли Фамусова былъ совершенство. Въ роли городничаго онъ былъ выше Сосницкаго, придавъ ей специфическія черты провинціализма. Смотря на Щепкина въ этой роли, можно было подумать, что Гоголь списалъ съ него своего городничаго, а не онъ выполнилъ роль, написанную Гоголемъ. Замѣтимъ въ заключеніе, что успѣхъ Щепкина былъ одинаковъ какъ на московской, такъ и на петербургской сценѣ, на которой онъ появлялся въ качествѣ гостя. Разногласія не было. Театръ ломился подъ зрителями и дрожалъ отъ грома дружныхъ рукоплесканій. Великій артистъ самоувѣренно бралъ свое.—Ниже Щепкина стоялъ во мнѣніи журналистики его собратъ по комическимъ ролямъ, Живокини. Между прочимъ, мы имѣемъ объ его игрѣ отзывъ Бѣлинскаго. Послѣдній видѣлъ въ немъ истинный талантъ, но упрекалъ за кривлянье въ угожденіе райку (въ обширномъ значеніи этого слова), за фарсы *). Кромѣ названныхъ артистовъ, упомянемъ еще Шумскаго, также пользовавшагося вниманіемъ современной критики.

Переходимъ къ артисткамъ. Изъ петербургскихъ выда-

*) Подобный отзывъ былъ сдѣланъ о Живокини въ „Сѣверной Пчелѣ" 1839 г., № 163.

вались Асенкова, Каратыгина, Самойлова 2, Гусева, изъ московскихъ — Рѣпина. О первой артисткѣ въ журналахъ 30-хъ годовъ встрѣчается много разнообразныхъ отзывовъ. На первыхъ порахъ она получала сильныя распеканья со стороны „Сѣверной Пчелы". При разборѣ игры комедіи Скриба „Честолюбецъ", въ этой газетѣ, между прочимъ, было замѣчено: „Асенкова изумила насъ пріятнымъ образомъ: мы никогда не подозрѣвали въ ней столько чувства; ея игра показала, что она можетъ занять не послѣднее мѣсто въ высокой комедіи, которая ежедневно упадаетъ отъ умноженія оперъ и балетовъ" *). При этомъ высказано было желаніе, чтобы артистка лучше выговаривала слова и не вертѣла безпрестанно головой. При разборѣ игры Асенковой въ „Дѣдушкѣ русскаго флота", другимъ критикомъ было замѣчено, что Асенкова и Максимовъ были до такой степени небрежны, до такой степени дурны въ своихъ роляхъ, что ему, критику, рѣдко случалось испытывать въ театрѣ такое непріятное чувство, какое онъ испыталъ во время ихъ игры. Они, по этому отзыву, выполняли свои роли безъ всякаго уваженія къ содержанію піесы, къ ея автору и къ старому Брандту: ихъ развязность на сценѣ переходила всѣ мѣры сценической вольности. Въ ту минуту, когда старикъ Брандтъ разсказывалъ имъ о пріемѣ, какой сдѣлалъ ему Петръ Великій, они смѣялись. Въ торжественное мгновеніе, когда онъ благословлялъ ихъ, говоря Питеру: „Питеръ, люби мою Корнелію, сдѣлай ее счастливою, чтобы я и умирая, благословилъ тебя такъ, какъ теперь!", они смѣялись. Прекрасный разсказъ Питера, когда онъ въ восторгѣ, почти въ безуміи прибѣгаетъ домой, Максимовъ, по словамъ критика, передалъ съ какимъ-то тривіальнымъ комизмомъ, а Асенкова и въ эту минуту смѣялась! Въ заключеніе Асенковой данъ былъ совѣтъ поучиться у Самойловой 2 умѣнью держать себя на сценѣ. Вообще же, журнальные отзывы признавали Асенкову весьма талантливою артисткою. Нѣкоторые считали

*) „Сѣверная Пчела" 1836 г., № 20.

ее прекрасною водевильною актрисою въ рѣзвыхъ, веселыхъ роляхъ, но слабою въ роляхъ страстныхъ. Въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ" было замѣчено, что Асенкова могла бы составить украшеніе какой угодно сцены, на которой играются только водевили и комедіи. Въ ней замѣчалось все, что нужно для этого амплуа: молодость, образованность, непринужденность, ловкость, живость и благородство. Въ игрѣ Каратыгиной критикой было отмѣчено присутствіе искусства и старанія къ дѣлу, хотя иногда указывался недостатокъ душевной теплоты и естественности, напримѣръ, въ роли Маріи Стюартъ.—Игра Самойловой 2 цѣнилась высоко. Первый дебютъ ея былъ въ роли Вѣрушки въ водевилѣ «Матушкина дочка», и въ этотъ разъ она уже обратила на себя общее вниманіе неподдѣльной веселостью, живостью, благородствомъ въ пріемахъ и знаніемъ свѣтскихъ приличій. Выгодное впечатлѣніе, произведенное первымъ дебютомъ молодой артистки, въ послѣдующихъ роляхъ усиливалось болѣе и болѣе.—Любимицей публики была и Гусева, но въ другихъ роляхъ. Въ ней было отмѣчено критикой необыкновенное умѣнье представлять женщинъ изъ русскаго простонародья; въ этомъ амплуа она рѣшительно не имѣла соперницъ.—На московской сценѣ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ занимала Рѣпина, бывшая, вмѣстѣ съ тѣмъ, и замѣчательной оперной артисткой. Бѣлинскій признавалъ въ ней истинное и глубокое дарованіе.

Оперная русская труппа 30-хъ годовъ была очень бѣдна талантами по сравненію съ драматической. Здѣсь мы укажемъ только на Петрова и Воробьеву (Петрову). Ихъ имена въ отзывахъ театральныхъ рецензентовъ часто встрѣчались вмѣстѣ и произносились съ одинаковымъ уваженіемъ. По отношенію къ Петрову хвалили прекрасную игру и звучность, силу и пріятность голоса. Его называли старательнымъ художникомъ, составляющимъ украшеніе русской оперной труппы и совершенствующимъ съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе свой прекрасный талантъ. Въ Петровой хвалили прекрасную игру и задушевность, и искусство пѣнія. Она была

одинакова хороша для публики и въ оперѣ, и въ романсѣ, и въ цыганской пѣснѣ. Она была общей любимицей и журнальныхъ репортеровъ.

Въ балетной труппѣ выдавались Гольцъ, Санковская, Дюръ и Андріанова. Гольцъ замѣчательно хорошъ былъ въ „Дѣвѣ Дуная". Объ немъ и артисткѣ Дюръ въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ» было, между прочимъ, замѣчено слѣдующее: „Г-жа Дюръ и г. Гольцъ—также мимическіе артисты, въ которыхъ могутъ позавидовать намъ лучшіе европейскіе театры и которые, при нынѣшнемъ состояніи хореграфическаго искусства, съ каждымъ годомъ становятся рѣже". Не менѣе замѣчательна была Санковская, Тальони московской сцены. По поводу ея игры въ «Сильфидѣ», вотъ что было сказано въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ»: «Петербургъ избаловала Тальони, Москву избаловала Санковская. Прежде балетъ возбуждалъ только чувственность, теперь онъ возбуждаетъ чувство. Вмѣсто соблазна, онъ можетъ доставить вамъ тихое и спокойное наслажденіе. Наши почтенные старички не желаютъ этому вѣрить и посмѣиваются надъ нами. «Въ балетѣ чувство!» восклицаютъ они, «Тальони можетъ тронуть; экая нелѣпость!... Конечно, она превосходная танцовщица, но... „и произнося это *но* и понюхивая табачокъ, они смотрятъ на Тальони совсѣмъ не такими глазами, какими бы слѣдовало смотрѣть на нее; обозрѣвъ ее съ надлежащимъ вниманіемъ и въ подробности, они обыкновенно прибавляютъ: «танцуетъ-то она чудесно, такъ; да жаль, что худощава немножко, нѣтъ этихъ формъ, знаете...» и проч. Вѣрно, и про Санковскую говорятъ то же: она, точно, худощава и небольшаго роста. Но что мнѣ за дѣло до ея роста? Когда я смотрѣлъ на нее, мнѣ не приходило въ голову мѣрять ее глазами.... Я видѣлъ передъ собою Сельфиду—веселую, игривую, съ лицомъ одушевленнымъ, съ глазами, полными жизни. Какъ была она мила въ ту минуту, когда у нея отпадаютъ крылышки; какъ она, стоя на колѣнахъ, смотрѣла на этого безсмысленнаго шотландца, непонявшаго ея свободной любви, хотѣвшаго

держать ее на привязи!" «Въ другой разъ я видѣлъ Санковскую въ „Дѣвѣ Дуная", и долго не забуду ея въ той сценѣ (2 актъ), когда она приводитъ въ чувство бѣснующагося конюшаго, и потомъ, видя, что онъ опамятывается, полная радости и безпредѣльной страсти, бросается въ его объятія. Санковская была необыкновенно хороша въ эту минуту! Въ ея глазахъ было столько любви и нѣги, въ ея движеніяхъ столько увлеченія и граціи!» *).

Въ числѣ западно-европейскихъ представителей и представительницъ сценическаго искусства въ журналахъ 30-хъ годовъ мы встрѣчаемъ, между прочимъ, Лаблаша, Рубини, Марсъ, Рашель, Шредеръ-Девріенъ, Малибранъ, В. Гарсіа, Гричи, Тальони и Ф. Эльснеръ. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ. Въ журналахъ 30-хъ годовъ особенно часто встрѣчается имя Тальони. Эта артистка долгое время положительно сводила съ ума не только публику, но и многихъ представителей театральной критики. Восторгамъ не было конца. Имя Тальони у многихъ не сходило съ языка. Слухъ о «Дѣвѣ Дуная» и «Сильфидѣ» проникъ въ самые отдаленные уголки нашего отечества и привлекъ въ Петербургъ такихъ посѣтителей, которые иначе никогда не выползли бы изъ своей берлоги. Для покрытія путевыхъ издержекъ, дѣло доходило до закладыванія имѣній. На западно-европейскихъ сценахъ торжество Тальони было не менѣе полнымъ. Денегъ зрители не жалѣли. Бенефисъ Тальони въ Лондонѣ, на театрѣ Queens, доставилъ ей 1150 фунтовъ стерлинговъ, или около 29.000 руб. Въ Германіи она была засыпана флоринами, жемчугомъ и брилліантами. Въ Парижѣ, во время представленія «Сильфиды", одинъ изъ почитателей Тальони былъ до такой степени восхищенъ ея игрой, что сорвалъ съ головы сидѣвшей подлѣ него дамы пучокъ цвѣтовъ, бросилъ его къ ногамъ обворожительной артистки и отъ восторга заплакалъ **). Въ Вѣнѣ, когда она тамъ вышла на

*) „Литературныя Прибавленія" 1839 г., № 25.

**) „Сѣверная Пчела" 1836 г., № 234.

„ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛIОТЕКА"

въ 1880 г.

БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ ПО ПРЕЖНЕЙ ПРОГРАММѢ И ВЪ ТѢЖЕ СРОКИ.

Цѣна годовому изданію **6** руб. **50** коп., съ пересылкой и доставкой 8 руб.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ редакціи журнала (Канонерская улица, домъ № 2) и въ книжномъ магазинѣ. **Я. Исакова**, Невскій просп. Гостиный дворъ № 24.

Гг. Иногородные благоволятъ адресоваться: въ Петербургъ въ редакцію журнала **„Историческая Библіотека"** (Канонерская улица, домъ № 2).

1. Редакція отвѣчаетъ за доставку журнала подписавшимся только въ мѣстахъ, означенныхъ въ объявленіи.

2. Редакція проситъ гг. подписчиковъ точно обозначать свое имя, отчество и фамилію, а также и то почтовое учрежденіе, куда долженъ быть журналъ адресованъ; иначе редакція не отвѣчаетъ за правильную доставку.

3. Подписчики желающіе перемѣнить адресъ, благоволятъ своевременно увѣдомить о новомъ мѣстѣ жительства, съ обозначеніемъ прежняго, при чемъ за всякую перемѣну уплачивается 50 коп.

4. Желающіе доставить свои произведенія въ Редакцію должны обозначать свой адресъ и подробныя условія, безъ обозначенія послѣднихъ, Редакція не будетъ считать себя обязанною входить съ авторомъ въ какіе-либо расчеты.

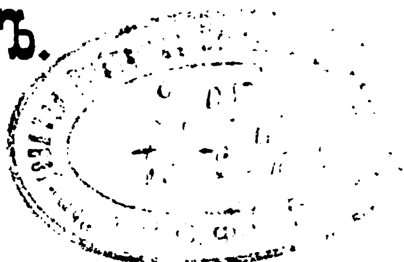
Редакторъ-издатель **П. В. Полежаевъ.**

ИСТОРИЧЕСКАЯ

БИБЛІОТЕКА

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

1880

№№ 11 и 12. Ноябрь и Декабрь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Е. Ландау. Площадь Большаго Театра, 2.
1880.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Декабря, 1880 года.

Прекращая изданіе Исторической Библіотеки, о чемъ было своевременно заявлено въ газетахъ, Редакція входила въ переговоры съ г. редакторомъ-издателемъ имѣющаго издаваться въ будущемъ году литературнаго и историческаго журнала „Полярная Звѣзда“ и послѣдній изъявилъ согласіе высылать свой журналъ гг. подписчикамъ Исторической Библіотеки по уменьшенной цѣнѣ, *вмѣсто десяти за девять* рублей.

Извѣщая объ этомъ, редакція Историч. Библіотеки проситъ своихъ гг. подписчиковъ въ требованіяхъ журнала „Полярная Звѣзда“ обозначать, что они были подписчиками Исторической Библіотеки. Тѣ же гг. подписчики, которые уже выслали въ редакцію Историч. Библіотеки восемь рублей, благоволятъ или дослать въ редакцію „Полярной Звѣзды“ одинъ рубль или-же увѣдомить о возвращеніи имъ своихъ денегъ.

---

6) Обзоръ крупныхъ событій и явленій общественной жизни въ Россіи и заграницей, въ легкой формѣ подъ рубрикой „Въ подлунномъ мірѣ“. 7) Историческіе матерьялы. 8) Библіографія. 9) Приложенія.

Объемъ каждой книги будетъ около 20-ти печатныхъ листовъ.

Помимо произведеній отечественныхъ писателей, почтившихъ своимъ участіемъ „**ПОЛЯРНУЮ ЗВѢЗДУ**“, въ первой книгѣ журнала начнется печатаніемъ историческій романъ нижеподписавшагося „**ВОЛЬНОДУМЦЫ**“ изъ времени Екатерины II и Павла I въ Россіи и времени Людвика XVI и Революціи во Франціи.

Романъ „Вольнодумцы“ есть непосредственное продолженіе историческаго романа „**ПУГАЧЕВЦЫ**“.

Въ январской-же книгѣ начнется въ переводѣ съ испанскаго новый историческій романъ изъ среднихъ вѣковъ „**ИНОКЪ ФИЛИППЪ ЛИППИ**“ капитальное произведеніе знаменитаго испанскаго писателя и бывшаго диктатора **ЕМИЛІО КАСТЕЛЯРА**.

Въ той-же книгѣ начнется печатаніемъ новое произведеніе одного извѣстнаго иностраннаго писателя—историческій романъ изъ русской жизни, героемъ котораго выведенъ нашъ геніальный поэтъ Пушкинъ.

Въ приложеніи къ журналу съ первой-же книги будутъ даны „**ИСПАНСКІЯ ПИСЬМА**“ нижеподписавшагося, разбросанныя въ теченіи десяти лѣтъ по разнымъ журналамъ.

Всякій подписчикъ Полярной Звѣзды получаетъ право пріобрѣсти за полъ-цѣны два изящныя иллюстрированныя изданія, имѣющія появиться въ будущемъ году. 1) „**ИЗБУШКА НА КУРЬИХЪ НОЖКАХЪ**“ разсказъ и 2) „Los Novios“ повѣсть изъ современныхъ испанскихъ нравовъ.

Годовая цѣна журналу „**ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА**“ съ доставкой въ Петербургѣ и пересылкой во всѣ мѣста Имперіи:

ДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ.

Подписка принимается въ конторѣ журнала: уголъ Литейной и Семіоновской, домъ Кабата. Иногородные подписчики благоволятъ обращаться исключительно въ редакцію на имя нижеподписавшагося по слѣдующему адресу: С.-Петербургъ, Лѣсной Корпусъ, собственный домъ.

Редакторъ-издатель Графъ Е. А. Саліасъ-Турнемир

ПРЕДАНІЯ И ВОСПОМИНАНІЯ

В. В. Селиванова.

ГЛАВА IX.

Мои успѣхи въ пансіонѣ.—Мечты.—В. А. Ріепи.—Поѣздка въ Любаво.—Е. А. Гуферландъ.—Первая любовь.—Мое первое стихотвореніе.—Мечты о войнѣ.—Прогулка въ Марьину рощу.—Публичный экзаменъ.—Возвращеніе въ Любаво.—Надежды на поступленіе въ полкъ. Генералы Петерсонъ и Бистромъ.—Тетушка Варвара Петровна Ренова.—Стихоманіе того времени. — Визитъ новобрачныхъ Шуваловыхъ.—И. И. Шуваловъ.—Его судьба и смерть.—Случай, рѣшившій мою участь. Командировка брата Алексѣя и его пріѣздъ.—Отъѣздъ изъ Любава.—Впечатлѣніе свободы.—Пребываніе въ Москвѣ.—Дорога въ Могилевъ. — Евреи въ Лядахъ. — Пріѣздъ въ Могилевъ. — Наша жизнь.—Юнкерская служба.—Мои друзья —Капитанъ Сафроновъ.—Полковникъ Гаяриновъ.—Балъ.—Моя болѣзнь.—Іезуитскій коллегіумъ.—Зачисленіе въ драгунскій полкъ.—Пріѣздъ въ Москву.—Блюмеръ.—Посѣщеніе театра.—Водевиль „Піэтро-Дондини".—Возвращеніе къ отцу.—Смерть брата Михаила.

Въ 1829 году февраля 28 исполнилось мнѣ 16 лѣтъ. Я жилъ и продолжалъ учиться въ пансіонѣ; но ученье не шло мнѣ въ голову и наконецъ опротивѣло до того, что я и на науку и на самихъ жрецовъ ея начиналъ глядѣть съ отвращеніемъ. Кистеръ, смотря на меня во время уроковъ нѣмецкаго языка и сдѣлавъ кисло-грустную гримасу, говаривалъ: «Шалкій, шалкій—мальшикъ!» а французъ Дюсосе, когда я бывало стою передъ нимъ съ ве-

селымъ, беззаботнымъ лицомъ, но безъ отвѣтно на всѣ его вопросы, обращаясь къ ученикамъ, моимъ товарищамъ по классу, торжественно заявлялъ: «Selivanoff a un bon coeur, mais sot!..»

Впрочемъ, мнѣ не до сожалѣній Кистера, ни до заявленій Дюсосе мало было дѣла. Я весь былъ погруженъ въ очарованіяхъ мечты, исполненныхъ поэзіи и жизни.

Предметами моихъ мечтаній, во-первыхъ, были образы дѣвъ, одаренныхъ всѣми прелестями той роскошной красоты, какими юная проматерь Евва очаровала нашего праотца Адама. На всякую мало-мальски смазливую дѣвченку я смотрѣлъ какъ Адамъ на Евву, чему кромѣ врожденной воспріимчивости чувствъ, много способствовало тогдашнее элегически-нѣжное настроеніе нашей литературы; а еще болѣе чтеніе непечатныхъ стихотвореній Баркова, Полежаева, Языкова, В. Пашкина и прочихъ писателей въ этомъ родѣ, творенія которыхъ, мимоходомъ сказать, были очень распространены въ нашемъ пансіонѣ. Во вторыхъ, я уже мѣсяца 2 какъ былъ влюбленъ, и вотъ какъ это случилось:

Въ декабрѣ 1828 года передъ Рождествомъ батюшка прислалъ въ Москву тройку лошадей съ тѣмъ, чтобы мы съ братомъ Ильей пріѣхали въ Любаво провести съ нимъ святки. Для большаго удовольствія братъ Илья пригласилъ ѣхать съ нами одного своего пріятеля, архитектора Московской строительной коммиссіи, В. Ан. Ріепи.

Василій Антоновичъ былъ сынъ итальянца, садовника при дачѣ Яковлева, что была близь Сокольниковъ. Теперь эта живописная дача давно уже перешла въ другія руки, а отъ дома не осталось и слѣдовъ.

Ему тогда было не болѣе 23 или 24 лѣтъ. Онъ былъ очень хорошъ собою, носилъ военный мундиръ корпуса инженеровъ путей сообщенія; былъ сложенъ какъ Аппо лонъ, танцовалъ великолѣпно, отлично рисовалъ акваре

лью и хорошо игралъ на гитарѣ. Мать его была русская; вслѣдствіе чего онъ по вѣрѣ православной, по душѣ на распашку и разгульному добродушію, былъ совершенный русакъ. Для деревни такой гость -- кладъ; и вотъ мы втроемъ, втиснувшись въ небольшую кибитку, 21 числа декабря въ 1-мъ часу тихой и звѣздной морозной ночи, выѣхали изъ Москвы.

Всю дорогу—мы всѣ трое были въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Дорожныхъ приключеній особенно замѣчательныхъ не было.

На вторыя сутки, часу въ 7-мъ вечера, по сугробамъ снѣговъ подъѣхали мы къ крыльцу нашего скромнаго деревенскаго дома. На звонъ нашего поддужнаго колокольчика съ оглушительнымъ лаемъ сбѣжалась къ крыльцу стая собакъ, мѣшаясь съ бѣгущими туда же изъ дворовыхъ избъ ребятишками. На крыльцѣ встрѣтилъ насъ дворецкій, Тимофѣй Ивановичъ, съ сальнымъ огаркомъ въ мѣдномъ засаленномъ подсвѣчникѣ въ рукахъ и еще два или три лакея; а изъ отворенной двери лакейской, въ которую въ нетерпѣніи высунулся батюшка, валилъ намъ на встрѣчу густой и теплый паръ. Позади батюшки видна была сестра Анночка, далѣе тетушка, и наконецъ, толпа молодыхъ горничныхъ дѣвокъ, въ предшествіи старой Марфы Александровны, и сестриной няни Софьи Ивановны. На всѣхъ лицахъ была написана непритворная радость; а у Марфы Александровны, всегда круглыя совиныя глаза, казалось, отъ радости сдѣлались еще круглѣе.

Сестрѣ Анночкѣ было 16 лѣтъ, и въ то время она была въ полномъ блескѣ своего дѣвическаго развитія. Живя въ деревнѣ почти въ совершенномъ одиночествѣ, потому что ни батюшка, ни тетушка при всей любви своей къ ней, не могли же наполнить окружавшей ее пустоты, она читала и только читала, разумѣется романы—и ко-

нечно была болѣе всѣхъ рада въ домѣ нашему пріѣзду. На другой день Василій Антоновичъ, какъ художникъ и любезный молодой человѣкъ, предложилъ снять съ нея акварельный портретъ. Предложеніе, съ разрѣшенія батюшкина, было принято, и онъ немедленно приступилъ къ дѣлу.

Весело прошло время краткаго нашего пребыванія въ Любавѣ отъ Рождества и до Крещенія. То сосѣди у насъ, то мы у сосѣдей. Каждый почти вечеръ игры, пляски, наряжанья, танцы. Мы танцовали въ Карцовѣ у Селивановыхъ, въ Строиловѣ у Исаковыхъ, въ Павловскѣ у Н. М. Коноплиной, у насъ, т. е. у себя дома, и наконецъ въ Нѣмцовой слободкѣ у Андрея Ефремовича Гуферландъ. Какъ у насъ гости, сосѣди, такъ и мы у иныхъ сосѣдей ночевали ночи по двѣ. Танцовали и подъ органъ, танцовали и подъ фортепьяны, и подъ музыку Коноплиной.

Изъ всѣхъ знакомыхъ дѣвицъ болѣе всѣхъ интересовала нашу молодежь дочь Андрея Ефремовича Гуферландъ Елизавета Андреевна. Не знаю, была ли она дѣйствительно такъ хороша собою, какъ мнѣ тогда казалось, но, чтобы не оставалось для читателя ничего недоговореннаго, постараюсь описать ея примѣты: лѣта — 17, волосы — свѣтлорусые, спускавшіеся къ плечамъ длинными локонами, глаза—голубыя, кроткія, разрѣзъ ихъ продолговатый съ паволокой, ротъ—изящный, съ розово-караловыми губками, которыя Василій Антоновичъ называлъ брусничкою, зубки—жемчужные.

Часто встрѣчаясь съ Елизаветой Андреевной, я началъ находить наслажденіе, незамѣтно для нея любоваться ею, но все это безъ особеннаго участія сердца. Мнѣ даже казалось, что я и на нее смотрѣлъ, какъ на всѣхъ другихъ дѣвъ, однакожъ скоро убѣдился, что потребность въ созерцаніи хорошенькаго личика Елизаветы Андреевны за

ключала въ себѣ побужденія и болѣе возвышенныя, и болѣе чистыя.

Разъ, танцуя съ нею котильонъ, я, какъ истинный Дезире-Корбо, подсѣлъ къ ней очень близко и, когда она хотѣла мнѣ что-то сказать и я наклонился къ ней, то почувствовалъ прикосновеніе ея локона къ своему лицу и горячее ея дыханіе на моей щекѣ. О, это была роковая искра, брошенная въ порохъ!..

Вотъ эту-то искру, затлѣвшуюся въ моемъ сердцѣ, я привезъ по возвращеніи изъ деревни въ пансіонъ.

Любовь въ юномъ сердцѣ плохо уживается съ учебниками, и я, чтобъ они не мѣшали мнѣ предаваться моимъ завѣтнымъ мечтаніямъ, пересталъ окончательно въ нихъ заглядывать. Случилось однажды такъ, что въ одну длинную январскую ночь напала на меня безсонница. Я ворочался съ боку на бокъ, напрасно усиливаясь заснуть и, наконецъ, началъ думать о ней!.. Думалъ, думалъ... Вотъ мысли мои начали понемногу слагаться въ рифмы, потомъ въ строфы, путались, двоились, испарялись, и когда утренній свѣтъ озарилъ комнату, я, вырвавъ изъ какой-то попавшейся мнѣ подъ руку тетради листокъ, записалъ на немъ карандашемъ то, что подсказала мнѣ безсонная ночь.

Это было мое первое стихотвореніе. Вотъ оно:

„Какъ радъ былъ я, когда увидѣлъ
Твои глаза и ротикъ твой;
Но тутъ же я возненавидѣлъ
Сей день и даже міръ земной.
Когда впервые съ удивленьемъ
Я взглядомъ утѣшалъ себя,
И часто взоръ мой съ дерзновеньемъ
Былъ обращенъ лишь на тебя“.

***

„Какъ радъ былъ я, когда случалось
Сидѣть мнѣ близко отъ тебя;
Но сердце грустію терзалось:

Зачѣмъ несчастливъ я, любя?
Зачѣмъ такъ близко находился
Прелестнѣйшихъ твоихъ очей?
Зачѣмъ такъ скоро я плѣнился
Пріятностью твоихъ рѣчей?!..“

***

„Какъ радъ я былъ, когда въ эфирѣ
Я видѣлъ нѣжный образъ твой
И глазки свѣтло-голубые
Съ твоею чистою душой.
Я въ нихъ читалъ лишь восхищѐнье
Невинности твоей святой,
Тогда бывалъ я въ упоѐньи
И возлеталъ къ тебѣ мечтой“.

Я и спалъ и видѣлъ, какъ бы поскорѣе надѣть мнѣ военный мундиръ. Скорѣе бы подъ ружье, скорѣе бы на войну!..

Съ какой магической, чарующей лирою вербовали меня на ратные подвиги и «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ» и поэтъ—партизанъ Давыдовъ.

Его «бранная лира» неотразимо дѣйствовала на мое воображеніе. Духъ мой носился съ поэтомъ «по дымному полю между пылавшихъ огней», гдѣ я съ нимъ вмѣстѣ восхищался «Бурцовымъ», этимъ «красою—гусаровъ», но вмѣстѣ съ тѣмъ «ерой и забіякой», или скорбѣлъ о «друзьяхъ минувшихъ лѣтъ».

Какое же тутъ можетъ быть сравненіе, сидѣть ли за латинской грамматикой въ душномъ классѣ, чуть ли не всякій день слышать: «Шалкій—этого право—ей Богу—мальшикъ!» или въ киверѣ «звѣрски на бекрень» порхать по широкому полю на ухарскомъ конѣ.

Школьная скамья мнѣ опротивѣла, страсти во мнѣ бушевали; кровь кипѣла ключемъ. Любовь и война, война и любовь—смѣшались и поглотили всѣ мои помыслы, все мое бытіе.

А между тѣмъ время все шло, да шло. Я жилъ въ пансіонѣ, но неучился; по воскресеньямъ и по праздни-

камъ ходилъ къ братьямъ на Ольховцы, а по буднямъ и не рѣдко, пользуясь сумерками, уходилъ тихонько изъ пансіона чрезъ заднія ворота на улицу. Побродивши часъ или два по Набережной, по Кремлю, или по Красной площади, я тѣмъ же путемъ возвращался въ пансіонъ. Все удовольствіе этихъ прогулокъ заключалось единственно въ томъ, что я, хоть на короткое время, чувствовалъ себя внѣ пансіонскаго надзора

Прошла масляница, прошла святая недѣля—время близилось къ лѣтней ваканціи. Въ семикъ, поутру были въ пансіонѣ классы, а послѣ обѣда по случаю гулянья въ Марьиной рощѣ учителей не было. Воспользовавшись свободой, я одѣлся въ новый мой синій фракъ съ бронзовыми золочеными пуговицами, надѣлъ на голову круглую шляпу и вышелъ тихонько изъ пансіона, направивъ свой путь въ Марьину рощу. Небо мало-по-малу заволокалось сѣрыми ненастными облаками, и уже сталъ накрапывать дождь. Надобно бы было возвратиться въ пансіонъ; но не воспользоваться свободой, когда ужъ разъ вырвался изъ неволи — казалось мнѣ малодушіемъ, и я все шелъ, все шелъ впередъ, все далѣе и далѣе, а дождь все усиливался, усиливался, и ужъ лилъ какъ изъ ведра. Я чувствовалъ, что на мнѣ уже давно нѣтъ сухой нитки, а я все иду впередъ и не оглядываюсь.

Встрѣчные смотрѣли на меня съ удивленіемъ, лавочники въ каретномъ ряду и по 1-й мѣщанской смѣялись, а иные съ участіемъ говорили: «Куда вы баринъ—ишь вѣдь какой дождь!», а я все шелъ. Вотъ и Крестовская застава, а вонъ вдали и Марьина роща. Еще минутъ 15 ходьбы, и я въ рощѣ. Жандармы и казаки бывшіе въ нарядѣ, спѣшившись и закутавшись въ шинели, стояли кучками между деревьевъ, одинокая карета скорой рысью проѣзжала по гулянью. Дождь лилъ.... Не смотря однакожъ на потоки дождя, на страшную грязь, во многихъ

мѣстахъ рощи производились чаепитія, вѣроятно такой публикой, которая прибрела сюда съ утра изъ отдаленныхъ краевъ Москвы. По большей части дамы были одѣты въ бѣлыя кисейныя и даже съ прошивками платья и съ пунцовыми драдедамовыми платками на плечахъ; а кавалеры во фракахъ и сюртукахъ лакейскаго типа. Вмѣсто столовъ чаепійцамъ служили могильные камни когда-то тутъ бывшаго въ старину нѣмецкаго кладбища, а отъ дождя любезныя дамы, какъ себя, такъ и своихъ кавалеровъ, укрывали своими бѣлыми каленкоровыми зонтиками; тогда еще антука не знали. Изъ трактировъ неслись вопли цыганскихъ завываній и шумъ пьянаго кутежа.

Пройдя Марьину рощу отъ одного конца до другаго, я пошелъ въ обратный путь. Нечего говорить, въ какомъ состояніи было на мнѣ платье, т. е. мой синій съ золочеными пуговицами фракъ. Увы! прелесть новизны для него была потеряна навсегда, хотя онъ и былъ переданъ для переутюжки портному; а изъ сапогъ, снявши ихъ, я вылилъ порядочное количество воды.

Наступилъ іюнь. Время близилось къ ваканціи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и къ публичному экзамену. Нетерпѣніе мое скорѣе оставить пансіонъ росло все сильнѣе. Въ день экзамена еще съ утра начались въ пансіонѣ приготовленія. Рекреаціонную залу къ одному ея концу на четвертую часть перегородили поперегъ барьеромъ; за барьеромъ разставили скамьи для учениковъ, а посрединѣ ближе къ барьеру 2 черныхъ классныхъ доски на треножкахъ. Впереди барьера былъ поставленъ большой столъ, накрытый зеленымъ коленкоромъ, на которомъ были разложены приготовленныя для отдачи наградныхъ пять серебрянныхъ медалей, изъ которыхъ одна была вызолоченная, похвальные листы и книги. Далѣе разставлены полукружіемъ кресла для экзаменаторовъ, профессоровъ университета и

учителей, а еще далѣе нѣсколько рядовъ стульевъ для публики.

Въ четыре часа всѣхъ насъ учениковъ повели попарно за барьеръ, гдѣ мы разсѣлись на скамьяхъ по классно; въ 5 часовъ начали съѣзжаться экзаменаторы, профессора, учителя, а наконецъ мало-по-малу и публика. Около 6-ти часовъ начался экзаменъ. Описывать экзаменъ, особенно публичный, нечего. Начался онъ, какъ я уже сказалъ, около 6 часовъ, окончился часу въ 11-мъ. Въ эти съ небольшимъ 4 часа произведено было испытаніе всѣмъ 4 классамъ изъ всѣхъ наукъ, начиная съ закона Божія и кончая физикой, ботаникой, для которой были приготовлены роскошные букеты цвѣтовъ въ вазахъ, стоявшихъ передъ профессорами на столѣ, и военными науками: фортификаціей и артиллеріей. Исключая закона Божія, русской исторіи да полевой фортификаціи, я умѣлъ увернуться отъ испытанія въ другихъ предметахъ такъ ловко, что никто этого и не замѣтилъ. Михайла Петровичъ Погодинъ, тогда еще въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, ближе всѣхъ другихъ профессоровъ сидѣлъ къ барьеру, и когда тотъ классъ, въ которомъ находился я, не стоялъ на испытаніи, подзывалъ къ себѣ нѣкоторыхъ изъ моихъ товарищей по одиночкѣ и предлагалъ имъ вопросы изъ исторіи. Хотя я по части русской исторіи и не былъ слабѣе другихъ, потому что много читалъ Карамзина, но все-таки по чувству самосохраненія почелъ за лучшее спрятаться отъ обязательнаго вниманія Михаила Петровича.

Александръ Дмитріевичъ Смирновъ, учитель русской грамматики, извѣстный уже читателю, явился на экзаменъ и выбритъ, и напомаженъ, хотя все-таки въ своемъ неизмѣнномъ сильно потертомъ, коричневомъ фракѣ съ длинно-прицѣпленой въ петлицѣ, на владимірской лентѣ, бронзовой дворянской медалью 12-го года. Жилетъ его изъ бѣлаго пике былъ чисто вымытъ, но огромное почти

во всю половину жилета чернильное пятно, которое отъ мытья сдѣлалось только желтымъ, придавало всей фигурѣ Алекс. Дмит. особенную оригинальность.

Когда очередь дошла до него, онъ, вызвавъ одного изъ учениковъ его класса къ доскѣ, велѣлъ взять мѣлъ.

«Пиши», сказалъ Александръ Дмитріевичъ: «Мысли наши, подобно вѣтру, переносятся отъ одного предмета къ другому».

— Какія же вѣтрянныя мысли! замѣтилъ громко профессоръ Снегиревъ. Всѣ захохотали, а Александръ Дмитріевичъ, обернувшись къ нему, оскалилъ подобострастно зубки и, посѣменивъ ножками, торопливо поправилъ на головѣ свои сѣдыя кудри.

Послѣ одного изъ испытаній, когда нашъ классъ, отошедъ отъ барьера, сѣлъ на свое мѣсто, Кистеръ, желая показать передъ публикою отеческую нѣжность къ своимъ воспитанникамъ, обратился къ нашему классу и, сдѣлавъ очень пріятную исполненную любви гримасу, сказалъ: «Allaiz, enfants, demander quelquechose à vous manger».

Разумѣется мы тотчасъ встали и пошли къ Шарлотѣ Ивановнѣ. Увидавъ насъ, пришедшихъ къ ней толпою, и услыхавъ въ чемъ дѣло, она нѣсколько растерялась; но, пробормотавъ что-то по-нѣмецки, вышла въ другую комнату и въ ту-же минуту вынесла круглое блюдо съ высоко-наложеннымъ на немъ пирожнымъ въ видѣ колецъ изъ миндальнаго тѣста. Только что хотѣла она раздавать, вдругъ вслѣдъ за нами вбѣгаетъ Кистеръ, съ лицомъ разсвирепѣвшимъ, и накинувшись на насъ закричалъ: «Qu'avais vous affaire içi, allaiz vous en!» и говоря это уже протягивалъ руки къ ушамъ...

Увидѣвъ такое неожиданное совершившееся съ Кистеромъ превращеніе, мы опрометью бросились бѣжать обратно въ залу, а онъ, разбранивъ супругу, вошелъ вслѣдъ

за нами, какъ ни въ чемъ не бывало, съ пріятно обязательнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Дѣло въ томъ, что когда онъ насъ послалъ полакомиться, и мы вышли, кто-то изъ профессоровъ-экзаменаторовъ замѣтилъ, что во время экзамена вовсе не время ѣсть.

Профессора, присутствовавшіе на нашемъ экзаменѣ, и учителя, имѣвшіе университетскія степени, были одѣты въ синіи фраки съ форменными пуговицами и суконными малиноваго цвѣта воротниками. Эта странная форма, которую развѣ только на смѣхъ можно было придумать для ученаго сословія, существовала довольно долго. Дѣло въ томъ, что когда при императорѣ Николаѣ были введены по всѣмъ министерствамъ форменные фраки, то воротники для нихъ были присвоены бархатные по цвѣту воротниковъ парадныхъ мундировъ; а такъ какъ парадный мундиръ чиновъ университета былъ суконный малиновый съ золотымъ по немъ шитьемъ, то такой же суконный малиновый воротникъ былъ присвоенъ и форменнымъ фракамъ. Форменная одежда тогдашнихъ студентовъ былъ мундиръ синяго же сукна съ малиновымъ воротникомъ съ вышитыми золотомъ петлицами, треугольная шляпа и шпага при бедрѣ безъ темляка. Кромѣ параднаго мундира они имѣли еще сюртукъ военнаго покроя также синяго сукна и съ малиновымъ воротникомъ. Впрочемъ форменную одежду постоянно носили только казеннокоштные студенты. Для приходящихъ студентовъ одежда эта была только обязательна на лекціяхъ, и внѣ университета никто изъ своекоштныхъ студентовъ ее не носилъ.

По окончаніи экзамена началась раздача наградъ. Золотую медаль получилъ Соловцовъ—самый старый изъ учениковъ нашего пансіона; но такъ какъ по болѣзни онъ на экзаменѣ не былъ, то присужденную ему награду по просьбѣ Кистера отнесъ ему въ лазаретъ самъ ин-

спекторъ учебнаго округа. Я тоже, Богъ знаетъ за что, получилъ похвальный листъ и книгу.

На другой день я послѣ экзамена ушелъ домой на Ольховцы къ братьямъ, а дня черезъ два, нанявъ тройку лошадей, ѣхалъ уже по дорогѣ въ Любаво. Я ѣхалъ на этотъ разъ одинъ, только съ моимъ человѣкомъ Никитою, состоявшимъ при мнѣ въ качествѣ дядьки и оставшимся при мнѣ камердинеромъ почти что до уничтоженія крѣпостнаго права.

Братъ Илья со мною ѣхать не могъ. Онъ въ это время кончалъ свой университетскій курсъ—и у него шли экзамены. Въ Любавѣ я нашелъ только тетушку и сестру, да проживавшую у насъ въ это время одну дѣвушку изъ воспитанницъ воспитательнаго дома временъ Тутолмина. Въ воспитательномъ домѣ она была въ рукодѣльномъ классѣ и во время прибыванія французовъ въ Москвѣ въ числѣ невывезенныхъ дѣвицъ оставалась въ воспитательномъ домѣ. По словамъ ея она видѣла французовъ только въ окна, потому что въ отдѣленіи къ оставшимся дѣвицамъ ни одинъ изъ французовъ проникать не дерзалъ. Тутолминъ былъ ихъ ангеломъ хранителемъ.

По выходѣ изъ воспитательнаго дома, она имѣла мѣста въ Саратовѣ, а потомъ жила у моего дяди Николая Павловича при малолѣтнихъ дочеряхъ, надзирая за ними и обучая ихъ грамотности и рукодѣльямъ. Въ 26 или 27-мъ году она отъ дяди отошла и до пріисканія мѣста проживала у насъ, какъ семьянинка. Немного подслѣповатая, очень блѣдная и худая, нѣсколько мечтательная, какъ подобаетъ старой дѣвѣ, она была любима всѣмъ нашимъ семействомъ за ея веселость и своебытныя шутки, переходившія нерѣдко въ дурачество.

Отца въ это время въ Любавѣ не было. Онъ съ мая уѣхалъ въ Тамбовскую вотчину Орловку и оставался тамъ почти до августа.

Лѣто было великолѣпное, и я весь предался наслажденіямъ деревенской свободы. Бродилъ по лѣсамъ, оврагамъ и болотамъ, ѣздилъ верхомъ и купался. Иногда отъ усталости бросался гдѣ нибудь на траву въ кустарникъ и предавался моимъ любимымъ мечтаніямъ, т. е. о любви и войнѣ, или лучше сказать о предстоящей жизни въ полку, о будущихъ товарищахъ-юнкерахъ и о впечатлѣніи, какое я буду производить конно-егерскимъ мундиромъ, гремящей саблею и звенящими шпорами на нее и на всѣхъ вообще дѣвицъ и женщинъ.

Я непремѣнно надѣялся поступить въ Переяславскій конно-егерской полкъ, и вотъ почему образовалась эта надежда. Братъ Алексѣй въ 1828 году перешелъ изъ пѣхоты, гдѣ онъ послѣднее время былъ бригаднымъ адъютантомъ у генерала Петерсона, въ Переяславскій Конно-Егерской полкъ. Когда онъ ѣхалъ изъ Курляндіи въ Щигры, гдѣ былъ штабъ Переяславскаго полка, я видѣлъ его при проѣздѣ чрезъ Москву и его конно-егерскій мундиръ окончательно свелъ меня съ ума. Съ тѣхъ поръ я только и думалъ, чтобы скорѣе быть коннымъ егеремъ и дотого увлекался этою мыслію, что на меня по временамъ находила тоска. Я еще не былъ увѣренъ, что батюшка позволитъ мнѣ въ 16 лѣтъ оставить ученье и пансіонъ.

Кстати о генералѣ Петерсенъ. Онъ былъ уроженецъ Курляндіи, исповѣданія лютеранскаго; по словамъ брата терпѣть не могъ нѣмцевъ. «Для нѣмца побожиться—все равно, что русскому м...», говаривалъ Петерсенъ. Это мнѣ напоминаетъ другаго нѣмца по рожденію, но русскаго душою. Это покойный генералъ адъютантъ Бистромъ, начальникъ всей гвардейской пѣхоты. По словамъ Крутова, бывшаго въ 30-хъ годахъ моимъ полковымъ командиромъ въ Казанскомъ Драгунскомъ полку, для Бистрома нѣмецъ было браннымъ словомъ. «Салтыковъ, Ваше Вы-

сочество, ужасный нѣмецъ», говорилъ онъ разъ великому князю Михаилу Павловичу, вознегодовавъ за что-то на Салтыкова. Будучи лютеранинъ, Бистромъ постоянно носилъ на своей косматой широкой груди православный тѣльникъ.

Недѣли черезъ двѣ пріѣхалъ въ Любаво братъ Илья съ степенью дѣйствительнаго студента. Разумѣется онъ былъ счастливъ и доволенъ, окончивъ свой четырехълѣтній университетскій курсъ, но въ тайнѣ его сердца гнѣздилась скорбь другаго рода. Предметъ его страстной любви, Софья Петровна Щепочкина, дѣвушка дѣйствительно прелестная собою, какъ слышно была помолвлена. Сначала онъ примѣтно тосковалъ, но мало по малу онъ началъ свыкаться съ своимъ горемъ и наконецъ повеселѣлъ.

Разъ, когда онъ, сестра, я и Варвара Александровна возвращались съ прогулки, когда солнце во всемъ блескѣ своей вечерней красоты торжественно опускалось за горизонтъ, и мы вспомнили слова изъ трагедіи «Разбойники», Шиллера, произнесенныя Карломъ, когда онъ, окруженный разбойниками, смотрѣлъ съ холма на закатывавшееся солнце: «Такъ умираетъ герой, достойный обожанія!» вдругъ видимъ, что къ крыльцу подъѣхала коляска, запряженная четвернею красивыхъ гнѣдыхъ лошадей. Высокій видный лакей вскочилъ съ козелъ, чтобъ отворить дверцу, и изъ коляски вышла молодая красивая женщина съ маленькимъ зонтикомъ въ рукахъ. Эта была тетушка Варвара Петровна Ренова. Въ это время она была вдовою. Ея веселый нравъ, ея ласки къ намъ, ея живое сочувствіе молодости, и главное—привлекательная наружность, обворожили всѣхъ насъ такъ, что мы скоро привязались къ ней со всѣмъ восторгомъ юношескихъ сердецъ. Самъ братъ Илья при ней повеселѣлъ и увлекае-

мый новымъ обаяніемъ, хотя и совершенно другаго рода, примѣтно забывалъ свое сердечное горе.

Тетушкѣ Варварѣ Петровнѣ было тогда съ небольшимъ лѣтъ 30-ть; но она, никогда не имѣвши дѣтей, такъ хорошо сохранилась, что на видъ ей казалось 27 или 28-мъ. Тогда было время поэзіи, или стихоманіе. Была-ли это мода или повѣтріе, только всѣ молодыя дамы, дѣвицы, молодые люди всѣхъ мнѣ извѣстныхъ слоевъ общества въ столицахъ, и деревняхъ—все бредило стихами, выражалось стихами, философствовало стихами и занималось переписываніемъ стиховъ въ тетрадки. У всѣхъ дамъ и дѣвицъ были цѣлыя кипы переписанныхъ стиховъ. Жуковскій, Пушкинъ, Баратынской, Дельвигъ, Козловъ, Грибоѣдовъ, Туманскій, Ѳ. Глинка, и множество другихъ поэтовъ, представляли неисчерпаемый запасъ общественнымъ разговорамъ, а въ молодыхъ дѣвицахъ и дамахъ развивали чувствительную мечтательность, увлекавшую ихъ въ какой то невѣдомый міръ, гдѣ живутъ только образы безъ лицъ!...

Это время было временемъ какихъ-то сладостныхъ грезъ, безъ отрицанія, безъ сомнѣнія, время какой-то духовной изнѣженности, наконецъ, время идеаловъ.

Батюшка любилъ слушать, когда мы ему читали стихи; но говаривалъ: «хорошо! только по моему стихи разслабляютъ чувства молодежи!..» Разумѣется, что онъ говаривалъ это о стихотвореніяхъ элегическаго свойства, гдѣ господствовавшею мыслію была любовь и нѣга.

Подчинясь духу времени, наша пріѣзжая тетушка привезла съ собою стопы двѣ исписанной стихами бумаги, и во время своего гощенія у насъ переписывала «Абадосскую невѣсту» Козлова. Дни шли за днями.... Время проходило въ чтеніяхъ, въ прогулкахъ, въ разговорахъ, подъ вліяніемъ самаго пріятнаго настроенія духа всего нашего семейства. И дѣйствительно, время это, какъ во-

обще, такъ въ особенности для нашего дома, было хорошимъ временемъ. Каждыя газеты привозили только извѣстія о побѣдахъ, о новомъ торжествѣ нашего оружія: тогда шла война съ турками.

Лѣто стояло чудесное, воздухъ благорастворенный; хлѣба превосходныя. Довольство въ нашемъ домѣ съ окончательнымъ переходомъ вотчинъ бабушки Александры Николавны въ наши руки возростало со дня на день... Всѣ карнизы нашихъ отъ времени и непогодъ потемнѣвшихъ хоромъ были унизаны гнѣздами ласточекъ, какъ будто подтверждая народное повѣрье, что благо дому тому, подъ кровлею котораго гнѣздятся ласточки.

Вскорѣ послѣ Ильина дня возвратился въ Любаво и батюшка. Онъ былъ бодръ, дѣятеленъ, веселъ. Въ отношеніи насъ же, т. е. дѣтей своихъ, нѣженъ и ласковъ. Съ пріѣздомъ его, мысль объ опредѣленіи въ юнкера пробудилась во мнѣ съ новою силою; но я какъ-то робѣлъ начать съ батюшкою разговоръ объ этомъ и, боясь получить отказъ, откладывалъ его до удобной минуты. Случай, повидимому ничтожный, ускорилъ это дѣло.

Дня за 2 еще до Ильина дня пріѣхали къ намъ гости. Это была Наталья Николаевна Батурина съ дочерью Аделью Павловной и зятемъ Ив. Ив. Шуваловымъ. Это, вотъ видите ли, къ намъ пріѣхали молодые новобрачные сдѣлать 1-й родственный визитъ.

Молодой было лѣтъ 19, а молодому 22 года. Въ лицахъ новобрачныхъ соединялось хорошее состояніе какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Онъ служилъ въ конной гвардіи и съ чиномъ поручика вышелъ въ отставку, имѣлъ изящныя манеры свѣтскаго человѣка, былъ хорошъ собою и любезенъ. Дѣйствительно же онъ былъ добрый малый. Хотя молодая была и молода, и недурна, и богата; но, какъ впослѣдствіи говорили, онъ женился

на ней не по любви, а какъ на богатой невѣстѣ, въ видахъ поправленія своихъ разстроенныхъ дѣлъ.

Послѣдствія этого не замедлили обнаружиться. Онъ сталъ вѣтренничать, она ревновать, а теща своими наблюденіями за его поведеніемъ подливала только въ огонь масла. Плодомъ этого брака были двѣ дочери, возрастъ ихъ требовалъ развитія, какъ умственныхъ способностей. такъ и талантовъ, и для того была нанята гувернантка. Къ несчастію, гувернантка эта была не болѣе 19 лѣтъ и чрезвычайно хороша собою. Какъ и слѣдовало ожидать Иванъ Ивановичъ предался ей со всѣмъ пыломъ необузданной страсти. При деревенской обстановкѣ связь ихъ не могла долго оставаться тайною; она сдѣлалась беременна; ее хотя и отпустили, но вслѣдствіе домашнихъ бурь у него разлилась желчь, доведшая его до умопомѣшательства. Теща и жена привезли его въ Москву. Онъ былъ молчаливъ, тихъ и покоренъ. Вмѣсто того, чтобъ избѣгать всего того, что могло его тревожить, онѣ, приписавъ его умопомѣшательство порчѣ, пригласили какого-то священника-спеціалиста по части отчитыванія одержимыхъ бѣсами, чтобъ онъ его отчиталъ. Какъ происходило это отчитываніе, я хотя и слышалъ тогда, но теперь забылъ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1843 года я, будучи женихомъ, пріѣхалъ изъ Саранска въ Москву. Въ 6 часовъ утра, когда батюшка еще почивалъ, я взошелъ въ домъ, и первый, встрѣтившій меня въ сѣняхъ, былъ камердинеръ батюшки. Поздравивъ меня съ невѣстой, онъ вслѣдъ затѣмъ сказалъ: «А вчера папенька вашъ былъ на похоронахъ!»

— У кого? спросилъ я.

«Иванъ Ивановичъ Шуваловъ зарѣзался».

И вотъ что я узналъ отъ батюшки, когда онъ проснулся, и я вошелъ къ нему поздороваться.

Послѣ отчитываній Иванъ Ивановичъ сталъ еще скрыт-

нѣе, и жена его изъ боязни спать съ нимъ одна, клала двухъ своихъ далеко еще несовершеннолѣтнихъ дочерей. Старшей дочери было 13, другой лѣтъ 10, и каждый вечеръ въ спальнѣ на полу стлали имъ особую постель. Въ роковой вечеръ Иванъ Ивановичъ особенно усердно хлопоталъ о постеляхъ дочерямъ, самъ носилъ подушки, одѣяла, простыни, а между тѣмъ подъ свою подушку тихонько припряталъ бритву. Выждавъ минуту, когда жена начала забываться первымъ сномъ, онъ, доставъ бритву, хватилъ ею по горлу жену. Та вскрикнула и, защищаясь руками отъ вторичнаго удара, стала хвататься за бритву, при чемъ изрѣзала себѣ руки. Крикъ ея заставилъ его оставить жену, и онъ бросился на дочерей. Старшей успѣлъ сдѣлать на шеѣ два глубокихъ порѣза, но поднявшаяся въ домѣ тревога не допустила его довершить убійства. Испугавшись самъ своего дѣла, онъ въ отчаяніи бросился въ другую комнату и, когда зажгли свѣчу и взошли туда, нашли его стоящимъ посреди комнаты въ одной окровавленной рубашкѣ съ перерѣзаннымъ горломъ. Еще мгновеніе—и онъ мертвый упалъ на полъ.

Всякое медицинское пособіе для него было уже поздно. Жена же и дочь чрезъ нѣсколько недѣль были уже совершенно здоровы. Эпизоду этому хотя бы и не кстати быть вклеену въ мой разсказъ; но я коснулся его по поводу перваго визита молодыхъ. Дѣло въ томъ, что мнѣ въ присутствіи ихъ не хотѣлось показаться въ худыхъ заношенныхъ сапогахъ; заказанные вновь сапоги еще не были готовы, а готовыхъ купить въ деревнѣ сапогъ, негдѣ. Какъ тутъ быть?... Шаря вездѣ, я залѣзъ въ батюшкинъ шкафъ и тамъ нашелъ его сапоги, но не простые, а высокіе съ кисточками въ родѣ гусарскихъ, какіе тогда хотя уже вышли изъ моды, но ихъ еще носили при гражданскихъ мундирахъ. Батюшка имѣлъ очень небольшія ноги и я, примѣривъ его сапоги, нашелъ, что они

были мнѣ въ пору. Не думая ни мало, я отрѣзалъ верхнюю ихъ часть почти до половины голенища и, бросивъ съ ногъ свои худые сапоги, надѣлъ отцовскіе.

По возвращеніи батюшки камердинеръ его, не найдя въ шкафу остававшихся тамъ сапогъ, началъ ихъ искать, и когда узналъ отъ меня, что я ихъ изрѣзалъ, объявилъ мнѣ, что батюшка сапоги эти всегда надѣваетъ, когда ѣздитъ на выборы, что они ему были нужны. Это меня очень потревожило.

Невѣденіе, чѣмъ разрѣшится моя участь, отпуститъ-ли меня батюшка въ полкъ, или придется опять возвращаться въ пансіонское заточеніе, а тутъ еще сапоги, все это вмѣстѣ погружало меня въ непритворное уныніе. Я сдѣлался задумчивъ и грустенъ...

Прошелъ день, другой, батюшка это замѣтилъ. Разъ, когда я сидѣлъ въ гостинной у стола и, облокотясь на локоть, читалъ какую-то книгу, батюшка, подойдя ко мнѣ и взявъ меня тихонько за ухо, сказалъ: «Что ты, Васюкъ, такой не веселый?..» Батюшка, когда хотѣлъ меня приласкать, называлъ всегда Васюкомъ. «Что тебя тревожитъ? Если ужъ тебѣ такъ хочется въ полкъ на службу, я препятствовать тебѣ не стану».

Вмѣсто отвѣта я схватилъ руку батюшки и покрывалъ ее поцѣлуями.

— Папенька я виноватъ!

«Что такое? Въ чемъ?»

— Я изрѣзалъ ваши сапоги, которые вы надѣваете на выборы. И теперь ихъ ношу.

«Такъ чтожъ такое? я очень радъ, если они тебѣ пригодились. А... а...хъ, ахъ! какъ же тебѣ не стыдно безпокоиться объ такомъ вздорѣ?..»

Я снова и еще горячѣе началъ цѣловать его руки и отъ радости плакалъ.

Завѣтная моя мечта осуществилась скоро.

Братъ Алексѣй, служившій въ это время въ Переяславскихъ конныхъ егеряхъ, былъ въ числѣ шести офицеровъ разныхъ полковъ 5-го резервнаго кавалерійскаго корпуса прикомандированъ къ жандармскому полку, состоявшему при главной квартирѣ 1-й арміи, имѣвшей съ 1815 года постоянное свое пребываніе въ Могилевѣ на Днѣпрѣ.

Поводомъ къ тому было то обстоятельство, что «Государь Императоръ, во время проѣзда своего чрезъ Могилевъ, замѣтилъ въ жандармскомъ полку многихъ офицеровъ молодыхъ лѣтъ, изъявилъ высочайшую волю о переводѣ ихъ въ другія полки и выборѣ на мѣсто оныхъ другихъ изъ арміи. По всеподданнѣйшему докладу, изъ представленнаго шефомъ жандармовъ, генералъ-адъютантомъ Бенкендорфомъ, списка офицеровъ полковъ 5-го резервнаго кавалерійскаго корпуса, извѣстныхъ по хорошему поведенію и знанію службы, Его Величество высочайше повелѣть соизволилъ прикомандировать изъ (Переяславскаго конно-егерскаго полка) поручиковъ Апполона Меркулова и Алексѣя Селиванова къ жандармскому полку для испытанія» *).

Во исполненіе полученнаго предписанія, братъ Алексѣй изъ Щигровъ, гдѣ квартировалъ Переяславскій полкъ, отправился къ новому своему назначенію въ Могилевъ на Днѣпрѣ; но пользуясь случаемъ безсрочнаго пріѣзда, поѣхалъ не прямо туда, а заѣхалъ, хотя это было и далеко не по пути, провести нѣсколько дней въ родной семьѣ въ Любаво.

Хотя въ Любавѣ всѣ искренно радовались пріѣзду брата, но я исключительно. Я какъ будто не слыхалъ подъ собою земли, тѣмъ болѣе, что въ тотъ же вечеръ

*) Изъ предписанія командовавшаго 5-мъ резервнымъ кавалерійскимъ корпусомъ командиру Переясл. конн. егерск. полка.

(братъ пріѣхалъ въ Любаво часу въ 8 пополудни, и это былъ чудный лѣтній вечеръ) объявилъ, что беретъ меня съ собою въ Могилевъ.

Началось снаряжанье добраго молодца. Нашили мнѣ достаточно бѣлья носильнаго, и постельнаго снабдили и халатомъ, и тулупчикомъ... и вотъ недѣли черезъ двѣ или три благословилъ меня батюшка на новое поприще, на ратную службу.

Станціи смѣнялись станціями, одни почтовыя тройки замѣнялись другими. Съ постепеннымъ удаленіемъ отъ родимаго гнѣздышка мало-по-малу изглаживалось изъ памяти грустное впечатлѣніе и проводовъ и слезъ, улетая вмѣстѣ съ пылью, поднимавшейся изъ подъ колесъ нашей телѣги и разносимой вѣтромъ...

Въ Москвѣ мы пробыли дня три. Впервые я чувствовалъ, что я вырвался на свободу, что я самостотеленъ, что я воленъ располагать временемъ, собою, и не зналъ, что мнѣ дѣлать. Въ первый день обѣдалъ и почти до вечера провелъ у Нестеровыхъ. Старушки Александры Афонасьевны уже не было въ живыхъ. Александра Александровна по прежнему съ тѣмъ же, какъ и всегда, спокойнымъ и старчески миловиднымъ лицемъ, сидѣла въ креслахъ у угольнаго окна своей спальни, наблюдая за проѣзжавшими и проходившими по площади; а столовые англійскіе часы по прежнему выбивали четверти и каждый часъ наигрывали маршъ: Мальбругъ въ походъ поѣхалъ, раздававшійся какимъ-то грустнымъ воспоминаніемъ въ большихъ комнатахъ пустыннаго дома. Тетушка Анна Павловна, по прежнему сухая и блѣдная съ трясущеюся головою съ синимъ бумажнымъ на ней платкомъ, сидѣла на диванѣ въ своей комнатѣ, обложенная подушками. Жаловалась на нездоровье, и на дурную пищу, что ѣсть нечего, что хоть съ голоду умирай... Но это все болѣе по привычкѣ, потому что въ домѣ Нестеровыхъ былъ

все тотъ же неизмѣнно хорошо приготовленный обильный столъ съ неизбѣжными двумя горячими въ массивныхъ серебрянныхъ мискахъ.

По прежнему Афонасій Александровичъ всякій день куда-то съ утра уѣзжалъ и возвращался только къ обѣду, и по прежнему въ лакейской торчали пожилые, рослые лакеи въ синихъ фракахъ съ свѣтло-вычищенными мѣдными пуговицами.

На другой день я прочелъ въ газетахъ, что въ тотъ вечеръ даютъ въ театрѣ.

Давали «Недоросля». Не думая ни мало, я изъ нѣмецкой слободы отправился прямо за билетомъ и, получивъ билетъ, возвратился обѣдать домой въ Ольховцы. Было еще рано и потому до четырехъ часовъ я уже успѣлъ пообѣдать и отдохнуть; а въ пять часовъ снова былъ на пути къ театру. Проходя мимо Красныхъ воротъ, я неожиданно встрѣтилъ нашего пансіонскаго законоучителя, протоіерея Арсентія Ивановича Тяжелова. «Что же это вы, г. Селивановъ, шатаетесь? Пора вамъ къ Федору Ивановичу, въ пансіонъ».

Я хотя и сознавалъ вполнѣ свое право шататься, однакожъ сробѣлъ. Ну, какъ думаю, онъ меня потащитъ въ пансіонъ. Однакожъ ободрился и, подошедъ къ Арсентію Ивановичу, просилъ его благословенія на службу, объявивъ притомъ, что я ужъ больше не въ пансіонѣ, и что завтра выѣзжаю въ Могилевъ. «Ну, Господь съ вами», проговорилъ, благославляя меня, Арсентій Ивановичъ—и мы разстались.

Арсентій Ивановичъ былъ всегда логиченъ и послѣдователенъ, а въ классѣ рѣчь его была до того увлекательна, что ученики, слушая его, остерегались шевельнуться, чтобъ не нарушить тишины или проронить хоть одно его слово. Его уважали, любили и боялись.

Если я сколько нибудь унесъ изъ моей юности теплоту вѣры въ сердцѣ, то этимъ я много обязанъ ему.

Въ театръ идти было еще рано, и я до начала представленія пошелъ побродить по кремлевскому саду. Я былъ свободенъ располагать собою; но странно: когда я присѣлъ отдохнуть на скамѣечкѣ сада, вдругъ я почувствовалъ мое одиночество и такъ мнѣ сдѣлалось грустно съ моей праздной свободой, что я и передать не могу. Разумѣется это продолжалось не долго и совершенно испарилось, когда я очутился въ большомъ театрѣ на скамьѣ, въ мѣстахъ за бенуарами, переименованныхъ нынѣ въ амфитеатръ или сталь.

Я уже сказалъ, что давали Недоросля Фонъ-Визина. Митрофанушку игралъ Живокини — тогда еще молодой, тонкій, стройный и во всѣхъ своихъ роляхъ непродражаемо веселый!...

Съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ Живокини въ роли Митрофанушки, прошло 41 годъ, но еще и въ 1870 году московская сцена не обходится безъ Живокини. И теперь, хотя ужъ далеко не по прежнему, онъ еще смѣшитъ публику...

На другой день послѣ обѣда на перекладной почтовой телѣгѣ мы съ братомъ выѣхали изъ Москвы.

Дорога до Можайска была грунтовая; тогда еще о шосейныхъ дорогахъ, исключая Московско-С.-Петербургской, не было и помину; но дорога эта была окаймлена двумя довольно высокими валами сч обложенными дерномъ откосками и обложенная по валу аллеями изъ березокъ. Березки были чисты, стройны, зелены, молоды, одна въ одну, такъ что для глазъ дорога эта представляла чрезвычайно пріятный видъ. Устройствомъ этихъ дорогъ—аллей занимались инженеры путей сообщенія, и князь Димитрій Владиміровичъ Голицынъ, тогдашній

главнокомандующій Москвы, очень заботился объ ихъ устройствѣ и содержаніи въ порядкѣ.

Такая же дорога была устроена и до Троицко-Сергіевской Лавры но... съ проведеніемъ шоссе валы лавровской дороги были срыты, прекрасно росшія деревья опрокинуты или вырублены, и такимъ образомъ труды на посадку деревъ и заботы о нихъ пропали даромъ.

Судьба березокъ по можайской дорогѣ была еще печальнѣе. Какъ говорили, ихъ вырубили для того, чтобъ въ тѣни ихъ не могли укрываться жулики...

О путешествіи нашемъ отъ Москвы до Могилева сказать нечего. Мы ѣхали день и ночь. Братъ въ дорогѣ останавливаться не любилъ и на станціяхъ, перемѣняя лошадей, онъ торопилъ безъ милосердія ямщиковъ и смотрителей. Можайскъ, Вязьма, Дорогобужъ, Смоленскъ и Орша промелькнули въ моихъ глазахъ почти незамѣтно.

Въ Вязьмѣ на базарной площади я замѣтилъ много торговокъ, продовавшихъ пряники; а въ Лядахъ, первомъ мѣстѣчкѣ при въѣздѣ въ Бѣлоруссію, я въ первый разъ увидалъ жидовское племя въ необычайно многолюдномъ развитіи. Когда мы въѣхали на торговую площадь, насъ окружила цѣлая толпа разносчиковъ со всякаго рода продуктами, а по площади, и въ торговыхъ лавочкахъ, и на дворахъ, и въ окнахъ домовъ кишили черныя фигуры евреевъ, какъ въ великорусскихъ губерніяхъ на постоялыхъ дворахъ кишатъ большіе черные тараканы. Такое впечатлѣніе покрайней мѣрѣ произвели они на меня, когда я увидалъ ихъ въ первый разъ въ Лядахъ.

Тогда современное европейское платье не было обязательно для евреевъ, и они строго еще держались своей племенной одежды заимствованной ими въ средніе вѣка отъ нѣмцевъ вмѣстѣ съ такъ называемымъ новоеврейскимъ языкомъ.

Одежда эта состояла изъ плисовыхъ узенькихъ въ обтяжку панталонъ до колѣна, изъ черныхъ или бѣлыхъ чулокъ и башмаковъ съ пряжками. Верхняя одежда состояла изъ длиннаго черного камзола и чернаго же демикотоноваго, иногда и шелковаго или суконнаго, смотря по состоянію и времени года, долгополаго съ лифомъ халата, по большей части на распашку. На головѣ черная плисовая ермолка, подъ которой отъ висковъ по обѣимъ сторонамъ лица ниспадали длинныя пряди вьющихся въ кольца пейсиковъ. Внѣ дома нарядъ этотъ довершала круглая съ низенькой тульею шляпа съ преширокими полями. Нельзя сказать, чтобъ одежда эта была живописна. Особенно очень страдали отъ нея молодые люди, иногда хорошо сложенные и одаренные красивыми чертами лица; но особенно смѣшны были маленькіе жиденята полуобнаженные, нагіе, въ своихъ узенькихъ по колѣни штанишкахъ, почти всегда растегнутыхъ, и съ трясящимися пейсиками изъ подъ засаленныхъ ермолокъ.

Насколько показалось мнѣ безобразны мужчины евреи своимъ нарядомъ, настолько же показались мнѣ прекрасны молодыя еврейки въ своей нарядной одеждѣ съ роскошными головными уборами, шитыми золотомъ, жемчугомъ и самоцвѣтными каменьями.

На станціи, бывшей на содержаніи у евреевъ, гдѣ мы перемѣняли лошадей, воздухъ былъ пропитанъ жидовской вонью. Въ передней комнатѣ грязная старая жидовка полуизсохшими руками на засаленномъ столѣ крошила лапшу, и этотъ видъ жидовской кухни возбуждалъ во мнѣ отвращеніе; но за то образы трехъ молодыхъ красавицъ евреекъ, дочерей или невѣстокъ хозяина, съ ихъ черными страстными, горящими какъ уголь, глазами, съ коралловыми губками, съ жемчужными зубами маленькихъ прекрасно очерченныхъ ротиковъ, и съ необыкновенной

привлекательностію во всѣхъ чертахъ лицъ и ярко рдѣвшимъ румянцемъ въ щекахъ, произвели на меня тревожное впечатлѣніе.

Чуть ли не до самой Орши я все думалъ о лядскихъ красавицахъ, и только свѣжесть тихой ночи, усталость отъ безостановочной ѣзды на перекладной телѣгѣ и безпрестанно нарушаемая толчками дремота очистили отъ нихъ мою голову.

Дороги въ Бѣлоруссіи еще при императрицѣ Екатеринѣ Великой были обсажены березами. Высокія, старыя, развѣсистыя деревья окаймляли дорогу, придавая ей видъ безконечно длинной роскошной аллеи. Полная луна, плавая на темномъ небѣ, то скрываясь въ сучьяхъ березъ, то вдругъ обливая своимъ свѣтомъ уносившую насъ по ровному, какъ по скатерти, пути тройку, рисовала по серебристой землѣ причудливые образы древесныхъ тѣней Валдайскій колокольчикъ заливался веселымъ звономъ, ямщикъ разгульно свисталъ, помахивая кнутомъ и шевеля возжами, тройка неслась...

Въ Могилевъ мы въѣхали уже ночью и остановились на почтовой станціи въ особой меблированной комнатѣ. Всякій пріѣзжій въ Могилевъ офицеръ, по распоряженію начальства главной квартиры, до пріисканія себѣ квартирнаго помѣщенія въ городѣ, три дня могъ проживать на почтовой станціи. Для этой цѣли было устроено 4 или 5 номеровъ отдѣльныхъ комнатъ и даже, какъ мнѣ помнится, кто хотѣлъ могъ пользоваться и даровымъ обѣдомъ.

На другой день братъ, одѣвшись въ полную парадную форму, отправился являться къ коменданту главной квартиры, командиру жандармскаго полка полковнику Гояринову, а я пошелъ побродить по городу. Было 10 часовъ утра и день былъ великолѣпный. Подошедъ къ плацъ-парадному мѣсту, я увидалъ, что тамъ приготовленъ былъ отъ какого то пѣхотнаго полка разводъ съ це-

ремоніей. Фронтъ стоялъ неподвижно. Передъ нимъ стояло множество генераловъ, штабъ и оберъ офицеровъ. Черныя и бѣлыя перья султановъ на шляпахъ развѣвались и играли въ осеннемъ воздухѣ.

Самъ главнокомандующій 1-й арміею баронъ фонъ-деръ Остенъ-Сакенъ присутствовалъ при этомъ разводѣ, и, по окончаніи парада, тутъ же на плацу, ему представлялись прибывшіе въ главную квартиру офицеры.

Когда главнокомандующій уѣхалъ, и всѣ присутствовавшіе при разводѣ стали разъѣзжаться и расходиться, я увидѣлъ нѣсколько кавалерійскихъ офицеровъ разнаго оружія, шедшихъ вмѣстѣ и весело разговаривавшихъ; въ числѣ ихъ былъ и братъ. Тутъ были и гусары, и драгуны, и конные егеря, и всѣ они, какъ и братъ, были прикомандированы противъ ихъ воли къ жандармскому полку. Когда я подошелъ къ брату, онъ меня представилъ своимъ новымъ товарищамъ, и всѣ они дружески жали мнѣ руку.

Опасеніе быть переведенными въ жандармы сблизило новыхъ товарищей и, любя свои полки, всѣ они твердо рѣшились во что бы то ни стало отвѣртеться отъ этого перевода.

На слѣдующій день братъ пріискалъ квартиру въ жандармскомъ домѣ, куда мы немедленно и перебрались. Она состояла изъ 2-хъ комнатъ. Въ первой, или прихожей, гдѣ была устроена кухня, помѣстился Никита, а въ другой съ окномъ на улицу мы съ братомъ. При нашихъ малыхъ пожиткахъ и неприхотливости въ образѣ жизни, для насъ было достаточно. Никита готовилъ намъ обѣдъ, состоявшій всегда изъ картофельнаго супа и жареной съ картофелемъ говядины, и однообразіе такого стола нисколько не надоѣдало. Съ каждымъ, казалось, днемъ чувствовался все болѣе и болѣе увеличивавшійся аппетитъ. Нерѣдко въ приготовленіи обѣда помогалъ и я Никитѣ:

чистилъ картофель, подкладывалъ въ печь дрова и проч. Никита былъ необыкновенно веселаго нрава, балагуръ и шутъ. Нерѣдко бывало, когда мы съ братомъ обѣдали и располагались пить чай, Никита, подавъ самоваръ и ставъ у дверей, своими неистощимыми разсказами смѣшилъ насъ чуть не до умору, Всему тому. что онъ видѣлъ, встрѣчалъ или слышалъ, онъ въ своихъ разсказахъ придавалъ такой забавный оттѣнокъ, что невольно заставлялъ хохотать.

Вѣроятно вліянію его юмора способствовало и собственное настроеніе нашего духа, не омраченнаго никакими житейскими заботами.

Случилось разъ, что я дома одинъ часу въ 5 по полудни, собираясь идти и выходя въ переднюю, увидалъ. что Никита, обратившись лицомъ къ стѣнѣ, спалъ крѣпкимъ сномъ. Тутъ же въ кадочкѣ лежалъ сырой картофель, и я, недумая долго, началъ обкладывать имъ Никиту, заранѣе радуясь тому, какое дѣйствіе это произведетъ на спящаго при его пробужденіи, когда посыпятся съ него картофелины. Тихо совершалъ я мою остроумную операцію, но не успѣлъ я положить на Никиту и двухъ десятковъ картофеля, какъ онъ вдругъ во снѣ захохоталъ неистовымъ образомъ, повернулся и грохнулся на полъ съ своей кровати, продолжая хохотать на полу. Нѣсколько минутъ я смотрѣлъ съ изумленіемъ на Никиту. не понимая, что съ нимъ сдѣлалось? Когда же онъ очнулся, то объяснилъ мнѣ, что онъ видѣлъ во снѣ что то очень смѣшное, но что именно—того не помнитъ.

Время было наконецъ подумать и о дѣлѣ, за которымъ я пріѣхалъ въ Могилевъ. Надобно было подавать прошеніе на службу; но куда? Положеніе брата было еще неопредѣленное: останется ли онъ самъ въ Могилевѣ или возвратится обратно въ свой полкъ.

Тогда въ Могилевѣ при главной квартирѣ была устро-

на юнкерская школа 1-го пѣхотнаго корпуса съ офицерскими классами. Образованые офицеры разнаго оружія были прикомандированы къ школѣ въ качествѣ преподавателей. Школа содержалась прекрасно, преподававшіе занимались своимъ дѣломъ добросовѣстно, и я не разъ въ послѣдствіи сталкивался и на войнѣ, и въ обществѣ съ офицерами, которые своимъ воспитаніемъ были единственно обязаны этой школѣ.

Часто ходя по городу передъ закатомъ солнца, встрѣчалъ я молодыхъ, стройныхъ, чисто одѣтыхъ пѣхотныхъ офицеровъ съ шляпами надѣтыми по формѣ, парочками или одиноко гуляющими послѣ дневныхъ классныхъ занятій, и это были воспитанники школы офицерскаго класса.

Нѣкоторые изъ нихъ, съ которыми братъ познакомился, заходили иногда къ намъ раздѣлить время за чаемъ, и братъ такъ прельстился ихъ образованіемъ, что предлагалъ мнѣ поступить въ школу. Я же и руками, и ногами...

Нечего дѣлать, братъ отправился посовѣтоваться съ Гояриновымъ, и вотъ что ему предложилъ Гояриновъ: «Пусть вашъ братъ обмундируется, какъ юнкеръ жандармскаго полка, мы его употребимъ на службу на равнѣ съ юнкерами... Если вы останетесь здѣсь, то службу его зачтемъ; еслижъ не останетесь здѣсь, то запишите его тогда въ какой полкъ найдете лучше. А между тѣмъ онъ будетъ уже обученъ и въ верховой ѣздѣ, и пѣшему фронту».

Братъ съ благодарностію принялъ предложеніе Гояринова. Въ тотъ же день жидъ портной снималъ съ меня мѣрку, а на третій день я уже облегся въ голубой мундиръ жандармскаго полка.

Я былъ вполнѣ счастливъ: голубой мундиръ — шелъ какъ нельзя болѣе къ моему молодому лицу; я любовался собою въ зеркало и мнѣ казалось, что и всѣ кто только видѣлъ меня любовались мною.

Представившись полковнику Гояринову, я отправился въ казармы знакомиться съ новыми товарищами юнкерами, которые меня приняли очень радушно, особенно Суходольскій и Стрѣлковъ, съ которыми я скоро сдружился.

При главной квартирѣ и при штабѣ полка состоялъ только одинъ дивизіонъ (2 эскадрона дѣйствующихъ и одинъ эскадронъ запасный), составлявшій кадры полка. Юнкера постоянно находились при запасномъ эскадронѣ подъ начальствомъ командира этого эскадрона капитана Сафронова и имѣли помѣщеніе въ обширномъ мезонинѣ деревянныхъ прочно и удобно устроенныхъ казармъ. Для каждыхъ двухъ юнкеровъ, т. е. на каждыя 2 кровати, были устроены особыя комнаты. Кровати желѣзныя, и у каждой кровати столикъ и табуретка.

Служба юнкеровъ состояла въ очередномъ дежурствѣ по конюшнямъ и по казармамъ, исключая времени, когда состоявшіе въ спискахъ дѣйствующихъ эскадроновъ выѣзжали съ своими эскадронами для обученія и смотровъ.

Остальное время занимались верховой ѣздою въ манежѣ, фехтованьемъ на рапирахъ и эспадронахъ, или изучали построеніе и разсчеты рядовъ по уставу строевой кавалерійской службы на большой черной партѣ, стоявшей въ большой фехтовальной залѣ казармъ.

Не смотря вообще на строгость Гояринова, юнкера не видали ни малѣйшаго принужденія: всѣ какъ то учились охотно, шутя, весело; но всѣ и ѣздили хорошо, хорошо фехтовали, ловко и красиво маршировали.

Въ свободное отъ служебныхъ занятій время всякій шелъ, куда хотѣлъ, и возвращался въ казармы когда хотѣлъ, вслѣдствіе чего не было разрыва съ общественной жизнію.

Никто не чувствовалъ давленія такъ называемой

дисциплины, но она сама невидимо входила въ плоть и кровь сознательно, хотя объ ней никто не говорилъ и не напоминалъ. Какъ многіе другіе юнкера, имѣвшіе въ городѣ родныхъ, я не жилъ въ казармахъ, а оставался жить съ братомъ. Ходилъ по утрамъ, а иногда и послѣ обѣда, въ казармы упражняться въ верховой ѣздѣ, въ фехтованьи и проч., и только оставался ночевать тамъ въ тѣ дни, когда бывалъ дежурнымъ.

Суходальскій и Стрѣлковъ, два задушевныхъ друга, покровительствовали мнѣ, какъ истинные товарищи, а когда мнѣ приходилось оставаться въ казармахъ цѣлыя сутки, то и столъ, и кофей и ночлегъ я имѣлъ въ ихъ казармѣ. Они радушно дѣлились со мною всѣ по братски. У Суходольскаго, какъ я слышалъ, была красивая сестра, и Стрѣлковъ впослѣдствіи женился на ней. Оба мои пріятели были хорошо воспитаны, ловки и очень красивы собою. Это первая моя юнкерская дружба никогда не изгладится изъ моей памяти.

Капитанъ Сафроновъ былъ уже человѣкъ порядочно пожилой и добрякъ; но онъ рѣдко приходилъ къ намъ. Когда я являлся къ нему съ рапортомъ, когда бывалъ дежурнымъ, онъ былъ всегда необыкновенно привѣтливъ, сажалъ и предлагалъ чаю, такъ какъ вечерній рапортъ всегда совпадалъ со временемъ его чая. Странна была судьба его по службѣ: ему какъ будто суждено было вѣчно оставаться капитаномъ. Когда много лѣтъ спустя я столкнулся съ нимъ на смотру въ Вознесенскѣ, когда я уже былъ и самъ штабсъ-капитаномъ, онъ все еще оставался въ своемъ неизмѣнномъ капитанскомъ чинѣ.

Когда Гояриновъ смотрѣлъ ѣзду нижнихъ чиновъ въ манежѣ или училъ самъ, онъ горячился, кричалъ и выходилъ изъ себя. За малѣйшее отступленіе отъ правилъ верховой ѣзды, онъ ссаживалъ виновнаго съ лошади и наказывалъ палками или бичами. Во время такихъ уче-

ній и смотровъ юнкера всегда присутствовали въ манежѣ у въѣзда за барьеромъ. Разгорячившійся Гояриновъ, обращаясь къ намъ, кричалъ: «юнкера, палокъ!» Услыхавъ это приказаніе мы всѣ въ одно мгновеніе разсыпались въ разныя стороны, кто куда попало; но этого явнаго ослушанія Гояриновъ какъ будто не замѣчалъ. Вообще Гояриновъ къ нижнимъ чинамъ былъ строгъ иногда до жестокости. Каждый день послѣ обѣда онъ пріѣзжалъ въ казармы и всѣхъ кого находилъ подъ арестомъ въ своемъ присутствіи жестоко наказывалъ розгами. И колодки на ноги, и рогатки на шею, все было въ употребленіи. Я помню, что одинъ рядовой что-то укралъ. Гояриновъ приказалъ надѣть виновному на шею рогатку и закляпать ее наглухо. Въ этомъ желѣзномъ уборѣ продержалъ онъ его цѣлый мѣсяцъ, такъ что несчастный не могъ ни прилечь на нарахъ, ни прислониться, а долженъ былъ постоянно сидѣть. Сверхъ этого чрезъ каждые три дня Гояриновъ, пріѣзжая въ казармы, истязалъ его розгами.

Не помню по какому случаю, чуть ли не въ Николинъ день, Гояриновъ въ залѣ казармъ, въ той самой, гдѣ мы юнкера учились фехтовать, давалъ балъ, на который было приглашено все лучшее общество Могилева, весь генералитетъ, состоящій при штабѣ 1-й арміи и самъ главнокомандующій баронъ Остенъ-Сакенъ.

Для этого бала бревенчатыя, неоштекатуренныя стѣны зала были обтянуты сукномъ: до оконъ въ видѣ панелей сѣрымъ, а отъ панели до потолка голубымъ. По угламъ и простѣнкамъ возвышались громадныя жирандоли изъ ружей, пистолетовъ, штыковъ со множествомъ восковыхъ свѣчей. Всѣ стѣны были украшены арматурами изъ всякаго оружія, а на одной поперечной стѣнѣ былъ устроенъ щитъ съ изображеніемъ колоссальной буквы «Н» подъ императорской короной, окруженной лучами изъ шомполовъ. Мнѣ удалось пробраться на хоры, и въ дырочку,

проверченную въ сукно, которымъ были скрыты хоры, наблюдать за ходомъ бала. Въ памяти моей осталось польское. Фельдмаршалъ Сакенъ шелъ въ 1-й парѣ, за нимъ генералъ отъ артиллеріи князь Яшвель, и эти оба едва волочившіе ноги старикашки на перерывъ любезничали съ красавицами. Обращеніе ихъ съ дѣвицами было безцеремонно: когда какая дѣвица имъ нравилась, они позволяли себѣ взять ее за подбородокъ и приласкать словомъ: «какая миленькая!» или что нибудь въ этомъ родѣ, на что конечно въ глазахъ всѣхъ давали имъ право ихъ мафусаиловскія лѣта и положеніе общественное, упроченное заслугами. Своими глазами я этого не видалъ; но помню, что когда Сакенъ въ продолженіе польскаго хотѣлъ отбить у Яшвеля его даму, молоденькую хорошенькую дѣвицу, беззубый Яшвель взялъ ее за руку обѣими своими руками, заспорилъ, говоря: «не уступлю, ваше сіятельство! ни за что не уступлю!...»

Шли дни, недѣли, мѣсяцы—прикомандированные офицеры не давали покоя Гояринову, приставая къ нему съ требованіемъ о возвращеніи ихъ въ ихъ полки, и надоѣли ему до невозможности. Въ то время еще существовала въ офицерахъ какая то фанатическая привязанность къ своимъ полкамъ; но между прочимъ многихъ смущала мысль, которую они не могли переварить: это, чтобъ сбрить усы!... Тогда ни кирасирскіе ни жандармскіе, также какъ и всѣ пѣхотные офицеры усовъ еще не носили. Можно ли было равнодушно разстаться съ этимъ отличительнымъ украшеніемъ тогдашняго кавалериста.

Дней за 10 до Рождества я простудился и слегъ въ постель. Хотя я и не былъ сильно болѣнъ, но лихорадочные припадки повторялись довольно часто, сопровождаемые изнурительнымъ потомъ. Братъ каждый день былъ приглашаемъ то на обѣды, то на вечера, то проводилъ время съ товарищами, а я, будучи не въ силахъ ни слу-

жить, ни выѣзжать, естественно скучалъ. Книги, какія были подъ руками, или какія могъ достать въ самомъ скудномъ количествѣ, я перечиталъ. Никита тоже завелъ знакомство и пріязнь съ человѣкомъ одного изъ прикомандированныхъ офицеровъ поручика Меркулова, и уходя къ нему въ гости, поручалъ мнѣ запереть за нимъ дверь и часто надолго пропадалъ. Пріятель этотъ, разъ пришедъ безъ него, когда Никита отлучился на короткое время отъ кухни или передней, называйте какъ хотите, стянулъ со стѣны его карманные серебрянные часы, пріобрѣтеніемъ которыхъ Никита чрезвычайно гордился.

Такое воровство произвело вражду между друзьями и даже драку; но это продолжалось недолго и чрезъ недѣлю дружба возстановилась во всей силѣ, не смотря на то, что Никита за глаза не иначе называлъ его, какъ подлецомъ, и говорилъ, что часы его «безпремѣнно стянулъ Меркуловъ Ванька».

Въ Рождество мнѣ стало лучше, и я пошелъ къ обѣдни въ монастырь, или какъ называли всѣ въ Могилевѣ, въ братство. Полковая церковь жандармскаго полка была устроена въ упраздненномъ костелѣ бывшаго Іезуитскаго коллегіума. Въ бытность мою въ Могилевѣ еще свѣжо было воспоминаніе объ изгнанныхъ отцахъ, а въ жандармскомъ полку не было почти ни офицера, ни юнкера польскаго происхожденія, который бы не былъ воспитанъ въ коллегіумѣ отцовъ Іезуитовъ. Мнѣ прожужжали уши разсказами о достоинствахъ того широкаго развитія, какое получалось въ этой школѣ, какъ основательно преподавались науки, какое обиліе было во вспомогательныхъ средствахъ, и громадная библіотека, и физическій кабинетъ, и все другое проч.; но я искренно скажу, что мнѣ не удалось встрѣчать ни одной личности въ свѣтскомъ быту изъ воспитанниковъ Іезуитскаго коллегіума, котораго можно было назвать человѣкомъ просвѣщеннымъ.

По большей части я встрѣчалъ только или тупицъ, или самыхъ тонкихъ плутовъ и лицемѣровъ съ самыми ограниченными научными свѣдѣніями. Окружавшій меня со всѣхъ сторонъ въ Могилевѣ или католицизмъ, или талмудизмъ, на которые я сначала моего пріѣзда смотрѣлъ съ любопытствомъ, начинали меня тяготить, и потому я ко всеночной, и къ обѣдни любилъ ходить въ братство, предпочитая его другой единственной православной въ Могилевѣ церкви кафедральному собору. Смотря на православныхъ монаховъ, я живо чувствовалъ мое православное отечество.

Возвратясь отъ обѣдни, я почувствовалъ лихорадочный припадокъ и легъ въ постель. Сдѣлался жаръ, и я погрузился въ какое-то забытье. Никита куда-то ушелъ, я оставался одинъ, а между тѣмъ наступилъ вечеръ. Меня окружила темнота. Вдругъ сквозь сонъ я слышу громкое пѣніе: открываю глаза и вижу сквозь стекла окна огромную изъ прозрачной бумаги звѣзду ярко освѣщенную изнутри и съ изображеніемъ по срединѣ Рождества Христова.

Звѣзду эту, прикрѣпленную къ палкѣ, носили бурсаки и, поставивъ ее къ окну дома, гдѣ извѣстно имъ было, что живутъ православные, пѣли хоромъ канты, за что разумѣется имъ высылали деньги. Такъ они у нашихъ оконъ пропѣли нѣсколько кантовъ, изъ которыхъ я запомнилъ только одинъ припѣвъ, повторяемый послѣ каждой строфы:

„Радуйся, Марія!
„Радуйся, присно Дѣва!

Денегъ я имъ выслать не могъ, потому что было не съ кѣмъ; самъ же я лежалъ въ жару раздѣтый, и потому они, простоявъ подъ окномъ и пропѣвъ напрасно съ добрыхъ 1/4 часа, ушли.

Въ послѣдствіи мнѣ сказывали, что этотъ обычай собиранія денегъ бурсаками существуетъ въ городахъ Малороссіи и всего юго западнаго края.

Мало по малу я сталъ поправляться, а между тѣмъ всѣ прикомандированные къ жандармскому полку офицеры получили разрѣшеніе возвратиться въ свои полки. Братъ былъ радъ до невозможности; но надобно было подумать и обо мнѣ: я небылъ еще записанъ никуда.

Въ Переяславскомъ конно егерскомъ полку, въ которомъ служилъ братъ, юнкеровъ было множество: чуть ли не болѣе ста. Скоро ли же можно было тамъ дождаться производства въ офицеры? Въ виду этого братъ отправился въ канцелярію главнаго штаба 1-й арміи и справившись со списками полковъ, состовлявшихъ 3-й резервный кавалерійскій корпусъ, узналъ, что изъ всѣхъ 8-ми полковъ самое меньшее количество юнкеровъ было въ казанскомъ драгунскомъ. Не думая долго, онъ тотчасъ поручилъ одному изъ штабныхъ писарей написать отъ имени моего прошеніе объ опредѣленіи меня юнкеромъ въ казанскій драгунскій полкъ; въ тотъ же день я его подписалъ, подалъ и на другой день былъ уже зачисленъ въ драгунскіе юнкера.

Недѣли за двѣ до масляной выѣхали мы изъ Могилева въ Москву. Морозы были трескучіе, дорога гладка, какъ скатерть. Небо было ясно и серебристый иней густыми хлопьями одѣвалъ березовыя аллеи, окаймлявшія дорогу.

Для совершенія этого путешествія братъ купилъ сани новыя, но безъ подрѣзовъ. Будучи нетерпѣливаго характера, ему показалось долго накладывать подрѣза, и потому, положившись только на «авось доѣдемъ» глубокомысленно произнесенное Никитою, поѣхали. Сани раскатывались и туда, и сюда, и при малѣйшемъ ухабѣ опрокидывались на бокъ, а мы и вся наша кладь вылетали

на дорогу. Подобные случаи, пока мы доѣхали до Москвы, повторялись довольно часто. Я съ терпѣніемъ стоика переносилъ эти дорожныя неудобства, но братъ при каждомъ паденіи ужасно сердился и всякій разъ попрекалъ Никитѣ за его «авось!»

Въ девятомъ часу вечера на третій день подъѣхали мы къ дорогомиловской заставѣ. Караульный унтеръ офицеръ, сдѣлавъ обычный распросъ, отобралъ подорожную. «Бомъ—высь!..» и мы въѣхали въ Москву. Запахъ саекъ и калачей охватилъ насъ, замелькали фонари... Вотъ и красныя вороты... Вотъ поворотили въ темный кривой переулокъ возлѣ церкви Петра и Павла въ новой Басманной, проѣхали между длинно тянувшимся заборомъ и занесенными сугробами снѣговъ огородами, и наконецъ остановились у безмолвно чернѣвшагося во мракѣ ночи нашего ольховицкаго дома.

Въ домѣ въ это время жилъ только одинъ братъ Павелъ. Братъ Илья Васильевичъ, послѣ моего отъѣзда въ Могилевъ, уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и опредѣлился на службу въ департаментъ Военнаго Министерства.

Въ Москвѣ мы съ братомъ пробыли дня три и этимъ временемъ я воспользовался порисоваться передъ родными и знакомыми своимъ юнкерскимъ мундиромъ, погремѣть саблею и побрянцать шпорами.

Въ это время жилъ въ Москвѣ числившійся въ отпуску уланскаго Его Высочества Великаго Князя Михаила Павловича полка тогда еще юнкеръ Блюмеръ, знакомый и пріятель нашего семейства, въ особенности брата Павла до конца его жизни. Домъ матери Блюмера, вдовы старушки, находился на разгуляѣ близь дома нынѣшней 2-й гимназіи, бывшаго тогда домомъ Пушкиной. Какъ новый юнкеръ, я отправился къ нему, и все краткое время моего пребыванія въ Москвѣ кромѣ ночлега я проводилъ съ нимъ и у него. Старушка его мать жила въ

довольствѣ, столъ у нихъ былъ приготовленъ со вкусомъ, а со мною она была ласкова.

Заглянувъ въ Московскія Вѣдомости театральныхъ объявленій и узнавъ, что на сценѣ идетъ водевиль «Чудныя и странныя приключенія Піэтро-Дандини» мы отправились въ театръ. Въ юнкерскихъ мундирахъ въ театрѣ мы быть не могли, и потому должны были переодѣться въ партикулярныя платья, что мы и сдѣлали только въ половину.

Правда, что вмѣсто колетовъ надѣли партикулярные сюртуки, но ни рейтузъ, ни сапоговъ со шпорами не снимали. Совершенно въ рябчиковъ преобразиться не хотѣлось: пусть, молъ, кто увидитъ, заподозриваетъ въ насъ юнкеровъ, а не сочтетъ дѣйствительно за рябчиковъ.

Представленіе Піэтро-Дандини было въ этотъ день избрано дирекціей театра по случаю нахожденія въ Москвѣ, проѣздомъ изъ Персіи въ Петербургъ, наслѣднаго персидскаго принца Хозрефа Мирзы, ѣхавшаго во главѣ персидскаго посольства извиняться въ смерти русскаго посла Грибоѣдова, убитаго въ Тегеранѣ во время народнаго мятежа.

Водевиль состоялъ изъ 3-хъ дѣйствій съ чрезвычайно красивыми декораціями, что для непонимающихъ русскаго языка персіянъ могло доставить фантастическое наслажденіе.

Главное содержаніе этого водевиля состояло въ томъ, что Піэтро-Дандини, отправившись съ своимъ служителемъ и другомъ отыскивать счастіе за океаномъ, потерпѣлъ крушеніе и былъ поглощенъ китомъ.

Тутъ былъ представленъ открытый волнующійся океанъ и далеко игравшій китъ, который мало по малу приближаясь и вынырнувъ изъ воды, въ послѣдній разъ занялъ собою аванъ-сцену во всю ее ширину.

Чрезъ открывшійся бокъ кита обнаруживались его вну-

тренности и въ средѣ ихъ наши несчастные путешественники, расположившіеся въ китовой утробѣ, какъ у себя дома. Чтобъ посмотрѣть, что дѣлается въ свѣтѣ, окнами имъ служили глаза кита, пищею глотаемыя китомъ сельди.

Между наглотанными китомъ рыбами они нашли сундучекъ, въ коемъ заключался какой то талисманъ, съ помощію котораго всякое желаніе могло быть исполнено, если только пожелать на оборотъ. Когда они стали совѣтоваться, чего бы имъ пожелать, служитель Піэтро-Дандини торжественно пожелалъ, чтобъ они сейчасъ же очутились на поверхности моря; но такъ какъ всякое пожеланіе исполнялось на изворотъ, то они вдругъ полетѣли изъ кита внизъ и очутились въ подводныхъ чертогахъ...

Водевиль этотъ кромѣ прекрасныхъ декорацій не лишенъ былъ веселости и остроумія, какъ мнѣ тогда казалось покрайней мѣрѣ; а исполнителями главныхъ ролей былъ Живокини, Бандышевъ и знаменитая артистка Рѣпина.

Приключеній въ театрѣ особенно никакихъ не было, исключая развѣ, что я, сидя въ галлереѣ за бенуарами, поссорился съ двумя сидѣвшими тамъ же француженками съ Кузнецкаго моста, задѣвшими какъ-то мою амбицію.

На другой день послѣ этого памятнаго для меня представленія мы съ братомъ выѣхали изъ Москвы, а на третій въ сумерки я уже грѣлся въ Любавѣ, сидя на лежанкѣ въ нашей чайной комнатѣ, окруженный родною семьею, весело слушавшей разказы о моихъ Могилевскихъ похожденіяхъ.

На столѣ кипѣлъ самоваръ, наполняя комнату паромъ, а кострюлечки съ густыми топлеными сливками золотились толстыми пѣнками. Мареа Александровна не знала себѣ равную въ искусствѣ топленія сливокъ...

Это уже было въ концѣ января 1830 года, но я

забылъ упомянуть, что въ 1829 году іюня 20-го въ сраженіи при Баязетѣ, братъ Михайла Васильевичъ на 21-мъ году своей жизни былъ убитъ. Объ этомъ грустномъ событіи мы съ братотъ Алексѣемъ узнали изъ приказовъ по арміи вскорѣ по пріѣздѣ въ Могилевъ.

Геройская смерть брата была подробно описана въ «Исторіи войны въ азіатской турціи въ 28 и 29 году».

ГЛАВА X.

Княгиня Н. А. Мещерская.—Поѣздка къ ней на обѣдъ.—Н. Я. Любавскій.—Поѣздка въ Авдѣево.—Масляница.—Смерть дяди Николая Павловича. — Пріѣздъ въ Щигры. — Полковникъ Новосильцевъ — Штабсъ-капитанъ Падерниковъ.—Военный постой.—Пріѣздъ въ Старый Осколъ—Полковникъ Баланъ.—Его характеристика.—Слухи объ открытіи мощей св. Митрофанія. -- Пребываніе у брата въ селен. Гуровѣ.—Карабинеръ Теличко.—Продѣлки его съ Никитой.—Юнкерскій кружокъ Переяславскаго полка.—Разлука съ братомъ.—Возвращеніе въ Старый Осколъ.—Городъ.—Хлопоты о квартирѣ.—Депутатъ Масловъ. -- Знакомство съ товарищами-юнкерами. — Экзекуція надъ преступникомъ.—Манежное ученье.—Пирушка у Сечинова.—Прапорщикъ Арцибашевъ.—Святая недѣля.—Горняшка.—Походъ въ Козелецъ.—Генералъ Гельманъ.—Малороссія.—Природа.—Катанье на лодкѣ по разливу Сейма.—Переправа подъ Батуринымъ.

— А завтра я званъ на обѣдъ къ княгинѣ Мещерской. Не хотите ли и вы со мною?... предложилъ намъ батюшка, когда послѣ шумныхъ изліяній радости, смѣшанныхъ съ безсвязными вопросами и отвѣтами, всѣ призамолкли.

— Мы не званы... хорошо ли...

— Ничего, я скажу, что я васъ привезъ... У нея сегодня свадьба. Выдаетъ дочь Катерину за какого то военнаго... забылъ фамилію. Поѣдемте!...

— Чтожъ, братъ, поѣдемъ, обратился ко мнѣ братъ Алексѣй!

— Поѣдемъ, отвѣчалъ я...

И батюшка веселый и довольный, что явится на зван-

ный обѣдъ къ сосѣдкѣ и родственницѣ въ сопровожденіи двоихъ сыновей военныхъ вышелъ торопливо изъ комнаты сдѣлать необходимыя распоряженія.

Княгиня Настасья Амосовна Мещерская была урожденная Демидова, дочь Амоса Прокофьевича, слѣдовательно двоюродная сестра бабушки Анны Акакіевны. Мы съ княгиней считались въ родствѣ.

Усадьба ея была въ селѣ Киселевѣ, отъ насъ верстахъ въ 12-ти. Правда, что недвижимое имущество ея было не очень велико, но всѣ сосѣди и знакомые полагали ее кису порядочно набитой,.— потому что княгиня Настасья Амосовна слыла въ околодкѣ очень и очень разсчетливой...

Она была очень неглупа, полна, бѣла, въ обращеніи любезна и говорила безъ утомленія. Туалетомъ своимъ она занималась мало. Сѣрые рѣдкіе волосы ея были какъ будто всегда растрепаны, и впечатлѣніе моего дѣтства представляетъ мнѣ ее не иначе, какъ одѣтой не то въ каленкоровой кофтѣ, не то въ такомъ же капотѣ съ подвязушками и очень небрежно. Князь, мужъ ея, жилъ не съ нею, а въ своей усадьбѣ—гдѣ то, не знаю... но въ оказіяхъ, какъ напримѣръ въ торжественные дни годовыхъ праздниковъ или имянинъ и рожденья княгини, пріѣзжалъ навѣстить ее и поздравить какъ то доброму и вѣрному мужу надлежитъ.

Въ описываемое мною время двѣ старшихъ ея дочери были уже замужемъ и обѣ обзавелись порядочнымъ количествомъ дѣтей. Сынъ былъ въ отставкѣ и женатъ... Такъ какъ бракъ этотъ былъ совершенъ противъ воли ея, княгини, то она хотя и простила непокорнаго сына, но невѣстки своей не принимала и денегъ ему не давала...

Теперь выходила за мужъ ея третья дочь Катерина, а четвертая дочь еще была подросткомъ.

Какъ мы ни были утомлены почтовой ѣздою по ухабистой дорогѣ и не спали ночи;—но по приглашенію ба-

тюшки пошли въ нашу комнату на мезонинѣ разбирать свои чемоданы — холиться, одѣваться, чтобы на свадебномъ обѣдѣ не ударить лицемъ въ грязь.

Одѣвшись въ мундиръ казанскаго драгунскаго полка, состоящаго изъ колета темнозеленаго сукна съ малиновымъ прикладомъ, т. е. съ воротникомъ, обшлагами и фалдочками малиноваго сукна и съ золотымъ приборомъ, т. е. какъ юнкеръ, съ золотымъ голуномъ по воротнику и по обшлагамъ, мѣдными вызолоченными пуговицами и такими же чешуйчатыми эполетами по формѣ нижнихъ чиновъ кавалеріи, я сошелъ внизъ. Все было изящно, все такъ ко мнѣ шло, что появленіе мое среди любившей меня семьи произвело восторженное впечатлѣніе. Шумъ восклицаній, поздравленій и поцѣлуевъ привлекъ изъ дѣвичей всѣхъ ея обитательницъ, сначала старухъ, осмѣлившихся такъ, немножко, приотворить двери, чтобъ незримо любопытнымъ окомъ взглянуть, что дѣлается въ чайной, а тамъ съ приливомъ къ отверстію и молодыхъ дѣвушекъ двери мало по малу растворялись, и вся дѣвичья, во всемъ своемъ олицетвореніи незамѣтно наполнила чайную... Мое юношеское тщеславіе было сладко удовлетворено.

На дворѣ былъ порядочный морозъ. Батюшка, братъ и я сѣли въ широкіе троичные сани—и борзая тройка сытыхъ лошадей понесла насъ по снѣжной равнинѣ по торной проселечной дорожкѣ, замѣтаемой перебѣгающей поземкою. Поверхъ моей юнкерской изъ темнаго сѣраго сукна уксусомъ подбитой шинели, на меня распорядились надѣть батюшкинъ на бѣличьемъ мѣху тулупчикъ, да еще что то; на голову теплую мѣховую шапку; фуражку я везъ для приличія въ рукахъ, и мнѣ было тепло. А чтобъ мнѣ не отморозить носа и не обвѣтрить лица, то я спряталъ его въ батюшкину медвѣжью шубу. Такимъ обра-

зомъ я цѣлъ, теплъ и невредимъ доѣхалъ до усадьбы Настасьи Амосовны въ с. Киселевѣ.

Необширный, низенькій деревянный домъ княгини былъ полонъ гостей по большой части родныхъ. Кромѣ дочерей съ ихъ мужьями и ихъ мелкаго потомства, кромѣ князя, мужа самой хозяйки, и молодаго князя, ихъ сына, кромѣ насъ съ отцомъ и братомъ, былъ тутъ только сосѣдъ княгини, Николай Яковлевичъ Любавской съ женою и дочерью. Это тотъ самый Любавской, который написалъ эпитафію въ помять моей покойной матери. Знавшіе въ молодости Николая Яковлевича говорили, что онъ былъ когда то и строенъ, и красивъ собою, но годы и болѣзни истребили и самые слѣды былаго. Когда я его зазналъ, онъ былъ только сухой и сгорбленный старикъ, немножко тронутый, но не смотря на то рѣчь его дышала веселымъ юморомъ, а въ черныхъ глазахъ свѣтилась мысль. Разстройство его умственныхъ способностей проявлялось разными странностями; но всего страннѣе было, что онъ никогда почти не спалъ. Ночи онъ проводилъ, или играя на скрипкѣ, или въ бесѣдахъ съ своимъ любимымъ служителемъ, неуклюжимъ горбуномъ, котораго онъ звалъ обыкновенно келейникомъ.

Онъ былъ большой хлѣбосолъ, и эта наклонность его добродушія выражалась иногда очень забавно. Разъ, это было въ Николинъ день, разсказывалъ мой отецъ, я вмѣстѣ съ многими другими господами ночевалъ у Николая Яковлевича. Гостей было не мало, послѣ ужина въ гостиную и въ залу натаскали кроватей, перинъ, подушекъ. Николай Яковлевичъ всѣмъ самъ распоряжался, хлопоталъ, и когда всѣ улеглись, ушелъ и онъ, предварительно пожелавъ гостямъ спокойной ночи и пріятнаго сна.

Всѣ гости рады были добраться до постелей и скоро уснули; заснулъ и я...

Часу во второмъ или третьемъ ночи я сквозь сонъ

слышу, что кто то будто шаркаетъ около кровати, что то будто проблеснуло въ глазахъ и все опять тихо; но черезъ минуту я опять слышу шарканье. Подъ вліяніемъ сна, чтобы избавиться отъ этого пробуждающаго шарканья, я машинально повернулся на другой бокъ—но въ это время чей то голосъ спрашиваетъ меня:

— Василій Павловичъ, вы не спите? Не прикажете ли чаю?

Открываю глаза, надо мною стоитъ Николай Яковлевичъ въ халатѣ и со свѣчею въ рукахъ.

— Что вамъ угодно, Николай Яковлевичъ?

— Не прикажете ли чаю?

— Не хочу.

— Ну такъ кофею, можетъ быть?

— Не хочу ничего...

— Ну такъ яблочка — освѣжиться. Ей, келейникъ, вскричалъ Николай Яковлевичъ, подай Василью Павловичу чаю, яблокъ.

— Я не хочу...

— Ничего, освѣжитесь! это хорошо!

Разговоръ нашъ и приказанія, отдаваемыя келейнику, разбудили и того и другаго, и Николай Яковлевичъ, обрадованный ихъ пробужденіемъ, обращался и къ тому и другому съ такими же подчиваніями, какъ и ко мнѣ. Между тѣмъ воисполненіе хозяйскаго приказанія несли и чай, и кофе и яблоки, и перебуженные гости волей или неволей, а должны были вмѣсто сна пить и ѣсть. Это продолжалось часа два. Наконецъ онъ ушелъ, огонь вторично былъ потушенъ, но уже перерваный первый сонъ не скоро возвратился къ перебуженнымъ гостямъ.

Когда мы взошли въ гостиную, княгиня сидѣла на диванѣ, занимая своими разползшимися тѣлесами чуть не половину всего дивана. Батюшка подвелъ насъ къ ней,

мы приложились къ ея пухлой ручкѣ; а она представила батюшкѣ и намъ своего новаго зятя, прося полюбить его.

Это былъ старшій адъютантъ какой то, теперь ужъ не помню, гренадерской дивизіи. Ему было лѣтъ подъ 30-ть. Онъ былъ довольно высокъ и не дурно сложенъ, а адъютантскій его мундиръ придавалъ ему видъ такъ называемаго молодца, сквозь котораго выглядывалъ пѣхотно-армейскій фрунтовикъ.

Поздоровавшись со всѣми, батюшка подсѣлъ къ княгинѣ на диванъ, брата Алексѣя Васильевича занялъ разговоромъ молодой, а мнѣ оставалось только сидѣть и наблюдать.

Наступилъ вожделѣнный часъ обѣда. Двери въ залу растворились, и всѣ пошли къ столу.

Супъ разливалъ самъ молодой. Супъ черный, пречерный, безъ прибавленія, видомъ и вкусомъ походилъ болѣе на помои, а пирожки къ нему твердые, претвердые изъ самой низкой муки, такъ что Николай Яковлевичъ, сидѣвшій за столомъ противъ меня, откусивъ отъ пирожка и отвѣдавъ супа, энергически шарахнулъ пирожокъ въ тарелку съ супомъ и сдалъ ее лакею.

Вторымъ кушаньемъ была говядина изъ супа, нарѣзанная наканунѣ ломтями, безъ всякой приправы.

Послѣ обѣда ближайшій изъ сосѣдей княгини Николай Яковлевичъ Любавскій пригласилъ батюшку и насъ къ себѣ ночевать. Батюшка принялъ предложеніе тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что поземка къ ночи превратилась въ настоящую мятель и возвратиться домой сдѣлалось невозможнымъ.

Первое замѣчаніе, сдѣланное Николаемъ Яковлевичемъ батюшкѣ, когда подали чай, было: «Знаете-ли, Василій Павловичъ, княгиня очень жирно кушаетъ!»

И это замѣчаніе было произнесено такъ серьезно, что заставило насъ невольно расхохотаться.

Послѣ этой поѣздки всей семьей ѣздили мы въ Авдѣево. Дядя Николай Павловичъ видимо таялъ. Хотя онъ и не лежалъ постоянно въ постели, но силы его со дня на день изчезали. При насъ онъ пріобщался, и, приступая къ этому священному таинству, обновилъ новый байковый сюртукъ. Когда онъ указывалъ на свою обнову, слезы текли по блѣднымъ и впалымъ его щекамъ. На третій день мы уѣхали домой. При прощаніи съ умирающимъ дядею, моимъ крестнымъ отцомъ, я просилъ его благословенія, и онъ изсохшею, холодвѣшею рукою и съ глазами полными слезъ благословилъ меня.

Ѣздили мы и къ другимъ сосѣдямъ... Былъ я у Андрея Ефремовича Гуферландъ... и любовь къ его прекрасной дочкѣ, постоянно тлѣвшая въ моемъ сердцѣ, разгорѣлась съ новою силою. Снова она грезилась мнѣ во снѣ и на яву—и часто въ безсонную ночь, припоминая нѣжное личико, и блѣдно-розовый румянецъ ея щечекъ, подернутыхъ легкимъ пушкомъ—я, передѣлавъ Лилу въ Лизу, твердилъ:

„Лиза, Лиза, я страдаю
„Безутѣшною тоской;
„Я томлюсь, я изнываю,
„Гасну пламенной душой;
„Но любовь моя напрасна, и проч.

Приближалась масляница—время безконечныхъ надеждъ и ожиданій; время, въ которое я надѣялся не одинъ разъ столкнуться съ предметомъ моего обожанія и при удобномъ случаѣ надѣялся передать ей тихонько мои ощущенія, пожать ей слегка ручку, шепнуть ей, что я ее люблю...; а между тѣмъ брата Алексѣя, съ которымъ моя судьба была неразрывно связана, также сердечныя побужденія тянули на масляницу въ Москву...

Дня за четыре до масляницы онъ объявилъ при мнѣ батюшкѣ, что въ суботу мы должны отправиться въ путь.

Масляницу мы пробудемъ въ Москвѣ, а на первой недѣлѣ выѣдемъ въ Курскую губернію къ своимъ полкамъ. Батюшка зналъ, что братъ имѣетъ виды на руку Марьи Александровны Демидовой, охотно согласился съ этимъ планомъ—а я... я почувствовалъ себя какъ ошпаренный кипяткомъ или какъ окунувшійся въ воду... Я загрустилъ не на шутку, хотя и не думалъ возражать или сопротивляться.

Братъ наблюдалъ за мною и доброму его сердцу сдѣлалось жаль меня... Задумался и онъ.

На другой день въ сумерки, когда мы съ сестрой сидѣли въ чайной вдвоемъ и говорили о скорой разлукѣ, вдругъ вбѣжалъ въ дверь братъ—веселый и довольный, будто открылъ Америку.

— Знаете-ли, что я придумалъ, заговорилъ онъ, обратясь къ сестрѣ. Братъ Василій масляницу останется здѣсь, а я попрошу у батюшки пару разгонныхъ лошадей, да Игната кучера, да на нихъ трухи трухи.... и поѣду завтра въ Москву. Тамъ я пробуду масляницу, лошади по вечерамъ будутъ возить въ Москвѣ, а въ понедѣльникъ на первой недѣлѣ мы опять себѣ съ Игнатомъ трухи—трухи и вернемся въ Любаво. Подорожная наша по казенной надобности будетъ, и мы съ братомъ Василіемъ поѣдемъ уже прямо на Тулу. Веселый и довольный, онъ побѣжалъ къ батюшкѣ сообщить ему свою мысль и приводить въ исполненіе...

Я былъ въ восторгѣ. На другой день братъ Алексѣй, закутавшись въ отцовскую медвѣжью шубу, завалился въ наполненныя сѣномъ и покрытыя ковромъ розвальни и затрусилъ въ Москву.

Масляница прошла для меня весело. Каждый день, то мы на званныхъ блинахъ, то у насъ блины. Вездѣ я встрѣчался съ нею...

На четвертый день масляной недѣли, послѣ сильныхъ

морозовъ и непогодъ наступила оттепель. «Что-то теперь братъ Николай Павловичъ—проговорилъ батюшка, когда мы съ нимъ въ открытыхъ саняхъ возвращались отъ Исаковыхъ.—Для больныхъ такая погода убійственна».

— Того и гляди братъ умеръ,—еще разъ повторилъ мой отецъ.

Когда мы были уже недалеко отъ Любавы, встрѣтилъ насъ нарочный, ѣхавшій къ намъ съ печальнымъ извѣстіемъ, что въ эту ночь дядя Николай Павловичъ скончался. Это было 16-го февраля 1830 года.

По пріѣздѣ домой, батюшка велѣлъ тотчасъ запрягать свѣжихъ лошадей въ кибитку и вмѣстѣ съ тетушкой Варварой Павловной уѣхали въ Авдѣево. Мы съ сестрой остались въ Любавѣ одни. Извѣстіе о смерти дяди произвело на меня тяжелое впечатлѣніе. Его блѣдное умирающее лицо, его потухающіе глаза и крестящая меня холодная рука—грезились мнѣ поминутно, особенно при той тишинѣ въ домѣ, которая насъ окружала.

Въ концѣ 1-й недѣли поста мы съ братомъ оставили Любаво. При прощаніи по обыкновенію всѣ плакали, плакалъ и я... Ѣхали мы и день, и ночь. Почтовыя тройки смѣнялись... Въ Тулѣ я купилъ себѣ саблю и чугунное кольцо, въ Орлѣ обѣдали, а не то на третьи, не то на четвертые сутки въѣхали мы въ Щигры—штабъ квартиру Переяславскаго конно-егерскаго полка.

Остановившись на постояломъ дворѣ, мы напились чаю съ братомъ и, переодѣвшись, тотчасъ отправились въ квартиру полковаго командира Новосильцева, братъ—чтобы представиться ему по возвращеніи и командировки; а меня онъ взялъ съ собою, чтобы представить ему и просить его дозволенія о прикомандированіи меня до весны къ Переяславскому полку.

Казанскій драгунскій полкъ имѣлъ свою штабъ-квартиру въ городѣ Старомъ-Осколѣ. Во всякомъ случаѣ мнѣ

надобно было предварительно ѣхать въ Старый Осколъ представиться своему полковому командиру Балану и просить также его согласія на задуманную братомъ прикомандировку.

Новосильцевъ вышелъ къ намъ въ растегнутомъ сюртукѣ безъ эполетъ. Онъ былъ очень красивъ собою, высокъ ростомъ и держалъ себя съ тѣмъ величавымъ и снисходительнымъ достоинствомъ, которое не допускаетъ ни признака фамильярности съ подчиненными. При всемъ этомъ былъ любимъ своими подчиненными до фанатизма.

Распросивъ очень привѣтливо брата касательно подробностей проведеннаго имъ въ откомандировкѣ времени, Новосильцевъ изъявилъ согласіе на все, о чемъ только братъ его просилъ. Потомъ помолчавъ немного, онъ улыбнулся и, сдѣлавъ головою едва замѣтный поклонъ, вышелъ изъ залы также быстро, какъ и вошелъ.

— Кланяйтесь вашему полковнику Балану: мы съ нимъ пріятели,—проговорилъ онъ, отворяя дверь. Эти послѣднія слова Новосильцева относились ко мнѣ.

Въ тотъ же день мы выѣхали изъ Щигровъ и направили нашъ путь къ Старому Осколу. Проѣхавъ верстъ 30 или 40, теперь уже не помню, мы заѣхали ночевать къ бывшему ремонтеру Переяславскаго полка Падерникову.

Штабсъ-капитанъ Падерниковъ былъ тогда извѣстной въ ремонтерскомъ мірѣ личностью; являлся въ штабъ полка только для сдачи ремонта или полученія денегъ на покупку лошадей, а все остальное время проживалъ, какъ помѣщикъ въ купленномъ имъ небольшомъ имѣніи, занимаясь хлѣбопашествомъ и маленькимъ коннымъ заводомъ. Домикъ его былъ очень небольшой, но теплый и уютный; стѣны были украшены гравюрами битвъ изъ эпохи отечественной войны. Вообще все въ домикѣ было въ порядкѣ какъ бываетъ по возможности у холостяка уже не первой молодости.

Конечно, въ то блаженное время и безъ случныхъ казенныхъ конюшенъ, коннозаводство по губерніямъ Тамбовской, Воронежской, Курской и Харьковской процвѣтало, неговоря уже о громадномъ запасѣ бродящихъ по землѣ войска Донскаго степныхъ табуновъ, отъ чего лошади были дѣйствительно дешевы; но тогда и фуражное продовольствіе было уже черезъ чуръ дешево. Четверть овса въ 9 мѣръ въ Курской губерніи можно было (я это говорю по опыту, самъ покупалъ) купить за двугривенный, т. е. за 20 коп. сереб.

Чудная тогда стоянка для конныхъ войскъ была въ степныхъ губерніяхъ, лишенныхъ всякаго сбыта своимъ хлѣбнымъ продуктамъ. Народонаселеніе Курской губерніи, не говоря о помѣщичьихъ имѣніяхъ, въ которыхъ никогда военнаго постоя не несли, состояло почти исключительно изъ однодворцевъ.

Конюшни для лошадей устраивались подъ навѣсами или въ плетневыхъ сараяхъ; на зиму защищались и обваливались навозомъ и соломою такъ, что въ такой конюшнѣ въ трескучіе морозы было можно оставаться безъ нужды въ одной рубашкѣ. Избытокъ даровой соломы былъ такъ великъ, что лошади, имѣя ее подъ ногами, всегда по брюхо нѣжились въ ней какъ въ пуховикахъ.

Не знаю пользуется ли теперь кавалерія такими благами, но тогда ей было житье. Казеннаго фуража для лошадей было немного. Изъ отпускаемыхъ казною денегъ на содержаніе лошадей въ полки по разсчету 3 гарнца на лошадь въ сутки, причитающуюся сумму на 1 гарнецъ отъ каждой лошади, полковой камандиръ оставлялъ себѣ на разные непредвидимые расходы въ видахъ благоразумной экономіи, на составленіе капитала на случай сдачи полка и на сведеніе счетовъ съ властями.

Остальныя деньги по разсчету на два гарнца отпускали въ безотчетное распоряженіе эскадронныхъ команди-

ровъ. Хотя справочныя цѣны были всегда довольно высоки, но и у эскадронныхъ командировъ бывали непредвидѣнные расходы на средства благоразумной экономіи, какъ напримѣръ ежегодно даваемый подарокъ мѣстному Исправнику на случай могущихъ возникнуть споровъ съ сельскими обществами при подпискѣ квитанцій, а потому казеннаго фуража для лошадей было бы недостаточно. Тутъ помогала расторопность солдатъ. Отъ нечего дѣлать пойдетъ солдатикъ къ хозяину въ ригу, когда тотъ молотитъ овесъ, возметъ цѣпъ и ну помогать; помолотившись сколько въ силу хватитъ или на сколько есть свободнаго времени, подставитъ полу или мѣшокъ, и хозяинъ сыпетъ безъ мѣры, сколько унесется.

Хороша была жизнь; но старые офицеры и въ описываемое мною время уже вспоминали о прошломъ, какъ объ утраченномъ лучшемъ. Пользуясь простотою родныхъ нравовъ, они простодушіе и беззащитность часто употребляли во зло.

Нерѣдко случалось въ селеніи, гдѣ квартировалъ эскадронъ, въ сумерки проходя по улицѣ, быть свидѣтелемъ удивительныхъ повѣстокъ.

Подойдетъ староста къ окошку какой нибудь избы и постучитъ подашкомъ въ косякъ. «Ей, слухай! кто тамъ у васъ... дома та-тъ?» Изъ приподнятой рамки оконца высовывается голова дебелой крестьянской дѣвушки, съ румяными щеками и лукавыми глазами. «Матрешка! кричитъ староста. твоя очередь! къ капитану...» И отдавши такое приказаніе, староста идетъ къ другой избѣ. Снова стучитъ въ косякъ окна и снова кричитъ: «Ганька!.. къ поручику... живѣй!..» и такъ далѣе...

Окончивъ нарядъ, староста, опираясь размашисто на свой подашекъ, бойко идетъ домой съ самодовольнымъ видомъ человѣка свято исполнившаго свою служебную обязанность. На что только нужны были офицерамъ вѣс-

товые женскаго рода—трудно рѣшить; за это я не берусь, но, полагаю, что для посылокъ.

Офицеры не любили сидѣть дома и постоянно разъѣзжали на крестьянскихъ лошадяхъ по домамъ окрестныхъ помѣщиковъ.

Одинъ эскадронный командиръ, покидая свой эскадронъ, когда тотъ выступилъ въ походъ съ своихъ зимнихъ квартиръ въ полковой штабъ, призвалъ вахмистра и поручилъ ему вести эскадронъ. На продовольствіе людей и лошадей въ четырехъ дневномъ походѣ далъ ему пятиалтынный, наказавъ строго безъ особенной надобности его не тратить. Самъ-же, какъ и другіе младшіе офицеры его эскадрона, поѣхалъ окольными дорогами, переѣзжая по пути отъ одной помѣщичьей усадьбы въ другую, съ ночлега на ночлегъ, съ тѣмъ, чтобы съѣхаться съ своимъ эскадрономъ на послѣднемъ переходѣ.

— Слушаю, Ваше Высокоблагородіе, говорилъ вахмистръ, принимая пятиалтынный, ради стараться.

Въ маленькомъ домикѣ Падерникова было свѣтло, тепло и уютно. Вечеръ, за стаканами чая въ прихлебку, съ дымящимися табакомъ Жукова трубками на длинныхъ черешневыхъ чубукахъ съ янтарями мунштуками, какими въ то время любили щеголять офицеры, въ неумолкаемыхъ веселыхъ разговорахъ, прошелъ незамѣтно. Ужинали, ночевали, а на другой день пустились въ путь, и рано утромъ прибыли въ Старый Осколъ.

Это было въ послѣднихъ числахъ февраля 1830 года. Умывшись, напившись чая на постояломъ дворѣ и переодѣвшись, какъ слѣдуетъ, мы съ братомъ отправились въ квартиру командира Казанскаго драгунскаго полка я, чтобъ представить ему себя, а братъ, чтобъ познакомиться съ нимъ и замолвить за меня слово. Командиръ полка былъ полковникъ Баланъ.

Личность эта была очень замѣчательна, и потому я позволю войдти въ нѣкоторыя объ ней подробности.

Баланъ по рожденію былъ Малороссійскій казакъ; по службѣ сдаточный. Вѣроятно, обязанный своему богатырскому сложенію и красивой наружности, былъ опредѣленъ въ лейбъ-гв. конно-гвардейскій полкъ, гдѣ въ послѣдствіи былъ вахмистромъ. Въ какую-то войну, въ 1806 или въ 1812 или 13 годахъ, теперь не упомню, онъ съ нѣсколькими рядовыми его же полка конвоировалъ генер. Депрерадовича въ предпринятой имъ рекогносцировкѣ для осмотра расположенія непріятельскихъ форпостовъ.

Вдругъ откуда не возьмись на нихъ нападаетъ въ превосходнѣйшемъ противъ ихъ числѣ разъѣздъ непріятельскихъ уланъ. Нападеніе это было такъ внезапно, что конвой Депрерадовича, недумая защищаться, обратился въ бѣгство. Одинъ только Баланъ не смѣшался. Одаренный богатырскою силою, онъ встрѣтилъ нападавшихъ и палашемъ своимъ положилъ не одного изъ нихъ на мѣстѣ. Увидѣли ли нападавшіе возвращеніе сначала растерявшихся конвойныхъ на помощь своему вахмистру, или такъ сробѣли, только и они въ свою очередь пошли на утекъ, не успѣвъ причинить Депрерадовичу никакого вреда.

За этотъ геройскій подвигъ Баланъ былъ произведенъ въ корнеты, съ назначеніемъ въ одинъ изъ кирасирскихъ полковъ молодой гвардіи, но въ какой не помню. Я не видалъ формуляра полковника Балана и за точность разсказаннаго мною не ручаюсь. Какъ мнѣ помнится я передалъ довольно вѣрно то, что слышалъ отъ старыхъ офицеровъ полка, съ которыми имѣлъ честь служить; изъ нихъ многіе были и сами участниками въ знаменитой отечественной войнѣ и въ послѣдующихъ за нею славныхъ войнахъ.

Если въ разсказъ о подвигѣ Балана и вкрались у ме-

ня неточности, то за то безошибочно скажу и поручусь, что добросовѣстнѣе и прямодушнѣе его, какъ человѣка и какъ полковаго командира, трудно было встрѣтить другаго. Въ немъ было чрезвычайно много служебнаго благородства.

Въ Казанскомъ драгунскомъ полку при началѣ въ немъ моей службы было много офицеровъ, человѣкъ до 10-ти, выслужившихся изъ вахмистровъ, что конечно въ смыслѣ тогдашнихъ понятій о хорошемъ обществѣ было очень не лестно для полка. Штабные офицеры, какъ напримѣръ казначей Сочневъ, такъ и квартирмейстеръ Сорокинъ, были тоже выслужившіеся изъ нижнихъ чиновъ; но съ ними и съ подобными имъ Валанъ обращался нестѣсняясь и если что не такъ, то онъ такихъ господъ награждалъ подъ часъ и крѣпкимъ словомъ, а въ исключительныхъ случаяхъ и подзатыльникомъ.

Разъ казначей, представивши ему отчетъ сдѣланныхъ расходовъ, показалъ цѣну одному заказу болѣе, чѣмъ дѣйствительно стоило. Валанъ, обозвавъ его за это воромъ съ добавленіемъ приличнаго случаю крѣпкаго словца, вытолкалъ изъ своего кабинета буквально, въ шею.

Зато съ офицерами изъ дворянъ, въ особенности съ мало мальски образованными, былъ деликатенъ на сколько онъ только могъ, исключая тѣхъ случаевъ, когда онъ собирался за что нибудь распечь. Онъ рѣдко кому говорилъ «вы»; но когда хотѣлъ распечь, то начиналъ такъ: «Вы офицеръ! вы офицеръ!» Но далѣе онъ забывался и восклицалъ: «Какой ты чертъ офицеръ!»...

Во все продолженіе командованія его полкомъ, я непомню случая, чтобы онъ кого либо изъ офицеровъ посадилъ на гауптвахту, подъ арестъ. Съ 1832 года духъ подавляющей дисциплины особенно началъ охватывать русскую армію. Всякій генералъ, всякій полковой командиръ того времени чѣмъ больше оскорблялъ офицеровъ

безпрестанными выговорами, угрозами и сажаніемъ за всякій по фрунтовой части вздоръ на гауптвахту, тотъ много выигрывалъ въ глазахъ высшаго начальства; тотъ смѣло могъ разсчитывать и на награды, и на повышенія, и на лестныя назначенія. Изъ всѣхъ начальствующихъ лицъ, которыхъ я зналъ (исключая развѣ одного благороднаго П. Х. Граббе) только Баланъ не подчинился этому жалкому вліянію времени.

— Пока я командую полкомъ ни одного казанца на гауптвахтѣ не будетъ!.. Эти честныя слова высказаны Баланомъ въ то время, когда дивизія наша была собрана въ Бѣлгородѣ для царскаго смотра въ то время, когда городская гауптвахта ни на минуту не была свободна отъ арестованныхъ офицеровъ трехъ остальныхъ полковъ нашей дивизіи, т. е. рижскаго, тверскаго и финляндскаго.

Мы нашли Балана ходившимъ по своей залѣ и курившимъ табакъ изъ длиннаго и толстаго черешневаго чубука. Онъ былъ одѣтъ въ форменный сюртукъ безъ эполетъ на распашку и въ бѣлый пикейный жилетъ.

— Очень радъ, сказалъ онъ мнѣ, когда я ему представлялся какъ новый юнкеръ. Потомъ, выслушавъ брата, просившаго его меня не оставить своимъ вниманіемъ, онъ отвѣчалъ: «Будь покоенъ; братъ не будетъ обиженъ, я все сдѣлаю, что нужно.» Обратившись ко мнѣ, онъ сказалъ: «Зачислить въ Лейбъ эскадронъ: тамъ и офицеры получше... а теперь ступай съ братомъ къ нему, и возвращайтесь, пока еще не испортилась дорога...

Веселые и довольные пріемомъ полковника Балана, возвратились мы на постоялый дворъ и принялись за неприхотливый постный обѣдъ.

Пока послали за лошадьми, чтобы ѣхать въ обратный путь, т. е. въ расположеніе Переяславскаго конно егерскаго полка въ Щигровскій уѣздъ, братъ ушелъ купить не то чаю, не то табаку, а я сѣлъ на лежанку, отъ не-

чего дѣлать болтать ногами, довольный и собою, и всѣмъ меня окружавшимъ

На постояломъ дворѣ, за неимѣніемъ особой, мы занимали комнату общую съ хозяйкой. Это была старушка лѣтъ за 50, высокая ростомъ, немножко сгорбленная.

Одѣта она была въ темный ситцевый сарафанъ, чёрную душегрѣйку, и съ чернымъ платкомъ на головѣ, повязаннымъ въ видѣ шлыка. По всему замѣтно было, что она въ одеждѣ и въ образѣ жизни подражала тѣмъ старушкамъ богомолкамъ, которыя во множествѣ проживаютъ при женскихъ монастыряхъ южныхъ губерній, въ собственныхъ келейкахъ. Передній уголъ горницы былъ весь заставленъ иконами разныхъ величинъ. Иныя были въ ризахъ, другія совершенно потемнѣли отъ времени и копоти. Передъ ними тѣплились 3 или 4 лампадки.

Когда я остался одинъ, она вышла изъ боковой каморки, поправила лампадки и, ставъ посреди комнаты, обратилась ко мнѣ съ разговоромъ.

— Вы слышали въ Воронежѣ-то явились мощи?

— Нѣтъ, не слыхалъ.

— Народу то, народу туда сколько устремилось, продолжала старуха.

— Чьи же это мощи?

— Святителя Митрофанія.

— Когда же они открылись?

— Ихъ еще не открыли, а ужъ чудесъ много было, много и исцѣленій, говорятъ. Теперь еще надъ гробомъ святителя служатъ панихиды. Преосвященный Антоній о всѣхъ явленныхъ чудесахъ доноситъ въ Сѵнодъ и говорятъ, что скоро, вишь, будетъ изъ Сѵнода прислана коммиссія изъ архіереевъ для освидѣтельствованія нетлѣнности мощей. А открывать мощи, вишь, самъ государь пріѣдетъ въ Воронежъ.

— Какъ же они явились?

— Явились то они, сказываютъ, такимъ дѣломъ. Вишь соборный пономарь съ сторожами по ночамъ много разъ замѣчали, что въ окнахъ того собора, гдѣ почивали мощи святителя Митрофанія, появляется свѣтъ необычайный. Свѣтъ въ окна видятъ, а войдтить то въ соборъ, чтобъ посмотрѣть—нельзя: двери заперты. Думали, думали, да и доложили объ этомъ чудѣ преосвященному.

Преосвященный Антоній, какъ вотъ слухи носятся, когда ему доложили о свѣтѣ, позвалъ ключаря, да и пошелъ ночью въ соборъ, самъ и видѣлъ...

— Что же онъ видѣлъ?

— Видѣлъ, говорятъ, продолжала старуха съ таинственнымъ видомъ, что весь соборъ освѣщенъ, царскія двери отворены и самъ угодникъ стоитъ на молитвѣ передъ престоломъ, колѣнопреклонный...

Теперь и день и ночь служба въ соборѣ не умолкаетъ. Все поютъ панихиды, такъ ужъ дверей и не затворяютъ. Одни входятъ, а другіе выходятъ. И откуда только берется столько народу!

И проговоривъ эти послѣднія слова, какъ будто что припомнивъ, что надобно было давно бы сдѣлать, что-то ворча про себя, старушка выбѣжала торопливо въ сѣнную дверь.

По возвращеніи брата, мы, не теряя времени, выѣхали изъ Стараго Оскола, и къ вечеру на другой день прибыли въ большое однодворческое селеніе Гурово, гдѣ находилась эскадронная квартира лейбъ-эскадрона Переяславскаго конно-егерскаго полка, котораго шефомъ былъ его высочество великій князь Михаилъ Павловичъ, и первый взводъ, которымъ командовалъ братъ.

Наши люди, т. е. мой Никита Ивановъ и братнинъ человѣкъ Василій Гавриловъ, сынъ Гаврилы Малофѣевича, давно уже насъ ожидали. Просторная и чистая изба была вытоплена, постели постланы, и мы послѣ до-

вольно продолжительнаго путешествія то на почтовыхъ, то на сдаточныхъ, послѣ рѣдкихъ, да притомъ безпокойныхъ ночлеговъ, заснули сладкимъ сномъ.

Въ первомъ взводѣ Переяславскаго полка былъ правымъ флантовымъ карабинеръ Теличко. Во всемъ полку считался онъ самымъ удалымъ, самымъ исправнымъ, самымъ виднымъ солдатомъ, и при этомъ плутомъ первостатейнымъ. Онъ былъ высокъ ростомъ, а сквозь огромные усы и бакенбарды сильно пробивалась сѣдина. На смугломъ его лицѣ и въ черныхъ блиставшихъ изъ подъ нависшихъ бровей глазахъ вѣчно сіяла какая-то рѣшительная веселость, какъ будто хотѣвшая сказать: «Нечего терять солдату; что было въ прошломъ, того не воротишь, а что будетъ, про то Богъ вѣдаетъ.»

Всѣ офицеры и юнкера его любили, ласкали. Въ день своихъ имянинъ, а это бывало по нѣскольку разъ въ годъ (кто-жъ станетъ въ полку заглядывать въ календарь), онъ выпроситъ у кого нибудь изъ юнкеровъ крендель или булку или калача, ну что случится, и пойдетъ по офицерамъ и по другимъ юнкерамъ поздравлять съ днемъ своего ангела. Кто ему даетъ двугривенный, кто четвертакъ, кто полтинникъ: Теличко всѣмъ доволенъ. Гдѣ поднесутъ водки, гдѣ попоютъ чайкомъ, а если кто забудетъ возвратить ему обратно его приношеніе, то онъ напомнитъ самъ, говоря, что надо еще побывать у того-то и у того-то.

Такія личности, какъ былъ Теличко, вызываютъ къ себѣ невольное, хотя и не всегда законное сочувствіе. Немудрено, что мой Никита, узнавши Теличку, скоро сблизился съ нимъ, какъ съ другомъ закадычнымъ. Пора была масляничная, погулять хочется, денегъ у Никиты на малѣ, а у Телички и вовсе нѣтъ. Надобно подыматься на штуки. У Василья Гаврилова былъ старый офицерскій сюртукъ, который ему братъ Алексѣй Васильевичъ

отдалъ за негодностію. По совѣту Тилички Никита напялилъ этотъ сюртукъ на себя, и они вмѣстѣ съ Теличкой отправились по самымъ зажиточнымъ дворамъ справлять масляницу. Никита долженъ былъ представлять вновь прибывшаго во взводъ поручика, а Теличка, какъ издавна знакомый съ мѣстными жителями, долженъ былъ его, какъ своего новаго начальника, съ ними знакомить.

Прежде нежели войдти во дворъ, Теличка отправлялся впередъ и предупреждалъ хозяина, что вотъ, молъ, новый начальникъ прибылъ во взводъ, дѣлаетъ ему честь —«въ гости, молъ, къ вамъ идетъ, есть ли чѣмъ угостить?»

Пріятенъ ли, непріятенъ ли гость, а дѣлать нечего! Поручикъ во взводѣ первое лицо, подъ часъ пригодится, и хозяинъ говоритъ, что «милости просимъ! Чѣмъ богаты, тѣмъ ради!..»

Теличко бѣжитъ просить мнимаго поручика пожаловать въ избу. Самъ снимаетъ съ него шинель, называетъ не иначе какъ ваше благородіе и все время, пока Никита ломается за столомъ, остается у дверей, вытянувшись во весь ростъ и выпуча глаза.

Поручикъ ѣстъ блины, пьетъ водку и брагу, но незабываетъ и своего спутника. Сначала снисходительно приказываетъ ему выпить рюмку водки, тамъ другую и третью, а потомъ приказываетъ ему сѣсть, чего тотъ долго не рѣшался сдѣлать.

— «Помилуйте, ваше благородіе, какъ же это можно? Смѣю ли я при вашемъ благородіи, и проч.» Но, наконецъ, во исполненіе воли начальства садится за столъ... и время идетъ пріятно. Натянувшись вдоволь и поблагодаривши хозяина и хозяйку за угощеніе, пріятели, заслышавъ пѣніе хоровода, шли туда. Ихъ веселый разгулъ сообщался всему хороводу. и поручикъ, не рѣдко забывъ всякое приличіе, пускался въ присядку.

Въ послѣдній день масляницы дружба Никиты съ Те-

личкой нѣсколько поколебалась. Теличко, обѣщавъ Никитѣ доставить ему свиданіе съ одной красавицей, съ каторой они познакомились въ хороводныхъ играхъ, взялъ у него на необходимыя на этотъ предметъ расходы деньги: нужно было вѣдь угостить и того и того-то водочкой и пр., у Никиты мелочи не случилось, и онъ далъ ему красненькую бумажку съ тѣмъ, чтобъ онъ размѣнялъ ее въ кабакѣ и сдачу принесъ ему обратно.

Долго Никита дожидался обѣщаннаго свиданія, стоя гдѣ-то за угломъ — и не дождался. Продрогнувши по напрасно часа три, онъ возвратился домой и легъ спать. Это былъ послѣдній вечеръ масляницы. Проснувшись въ чистый понедѣльникъ, онъ побѣжалъ къ Теличкѣ за своими деньгами; но Теличко на требованіе Никиты отвѣчалъ, что онъ ихъ потерялъ, а потому и обѣщаннаго свиданія доставить не могъ.

Когда мы съ братомъ пріѣхали на свое гнѣздо, Никита былъ очень не въ духѣ. Жаль ему было денегъ, и онъ страшно ругалъ Теличку!.. «Чтобъ ему и того и сего подлецу!..» Онъ ругался и сердился, а Василій не давалъ ему покоя своими насмѣшками.

Живя у брата въ Гуровѣ, я занимался по службѣ только верховою ѣздою въ манежѣ, а остальное время я проводилъ въ кругу юнкеровъ.

Въ одномъ Переяславскомъ лейбъ эскадронѣ ихъ было человѣкъ до 12. Одного изъ нихъ, Станиславскаго я зналъ еще прежде въ Москвѣ, когда онъ былъ студентомъ. Въ домѣ Ал. Львов. Демидова онъ считался своимъ. Гостя разъ у Станиславскаго дня три, я познакомился съ Даниловымъ и Растовцевымъ—также юнкерами. Вообще юнкерскій кружокъ состоялъ изъ людей образованныхъ, хорошихъ фамилій и со средствами.

Это временное пребываніе мое у брата пожалуй было и не дурно, но все я чувствовалъ, что я не на мѣстѣ,

что меня окружали не тѣ товарищи, съ которыми суждено мнѣ въ будущемъ дѣлить и горе и радость. Къ томужъ они были съ ногъ до головы пропитаны чувствомъ своего конно-егерьскаго достоинства; и на меня, драгуна, какъ мнѣ казалось, смотрѣли съ гордымъ снисхожденіемъ. Разумѣется это оскорбляло мое самолюбіе, и я въ глубинѣ души желалъ поскорѣе развязаться съ ними.

Судьба помогла мнѣ въ этомъ случаѣ и очень скоро. На 5-й недѣли поста нежданно-негаданно братъ получилъ предписаніе полковаго командира явиться въ Курскъ и принять завѣдываніе дѣлами бригадной канцеляріи, такъ какъ бригадный командиръ вмѣстѣ съ своимъ бригаднымъ адъютантомъ находился гдѣ то въ отлучкѣ на неопредѣленное время. Командованіе бригадою возложено было на полковника Новосильцева.

Какъ ни непріятно было брату это новое назначеніе, тѣмъ болѣе, что спокойную жизнь въ Гуровѣ онъ предпочиталъ натянутой жизни при штабѣ, въ Курскѣ, но дѣлать нечего—надобно ѣхать!

Оставаться во взводѣ въ его отсутствіе мнѣ было уже вовсе неумѣстно, и потому порѣшили: ему ѣхать въ Курскъ, а мнѣ въ Старый Осколъ. Такъ и сдѣлали. Въ одно время привели намъ лошадей, въ одно время вышли мы съ братомъ изъ избы, крѣпко обнялись, поцѣловались, и разсѣлись всякій въ свои сани, вмѣстѣ выѣхали изъ воротъ, чтобы разъѣхаться въ разныя стороны.

Небольшой уѣздный городокъ, Старый Осколъ, въ которомъ судьба опредѣлила мнѣ начать мое военно-служебное поприще, занимаетъ по своему топографическому положенію одну изъ миловиднѣйшихъ мѣстностей. Онъ расположенъ при устьѣ небольшой рѣчки Оскальца, впадающей въ рѣку Осколъ, на горѣ, далеко господствующей надъ окресностью. Живописная рѣка Осколъ, развѣтвляясь рукавами, въ своемъ теченіи образуетъ много зеле-

нѣющихъ островковъ, поросшихъ по краямъ густымъ ракитникомъ и тростниками. По обоимъ берегамъ его и впадающаго въ него Оскольца раскинулись пригородные слободы, утопающія въ пушистой зелени своихъ садовъ, мягко муравчатыхъ левадъ и цѣлыхъ рощей развѣсистыхъ ветелъ. Отъ перешейка той горной возвышенности, на которой построенъ городъ, далеко направо тянется цѣпь зеленѣющихъ холмовъ, которыхъ вѣчно бѣлѣющія мѣловыя вершины довершаютъ красоту общей картины.

Пообогрѣвшись немного съ дороги, я умылся, одѣлся и тотчасъ же отправился къ полковнику. Онъ обошелся со мною ласково, сказалъ, что всѣ юнкера теперь находятся въ сборѣ при штабѣ, чтобъ я сходилъ къ адъютанту, заявилъ ему о своемъ пріѣздѣ, а онъ сообщитъ квартирмейстеру о истребованіи мнѣ квартиры.

Все это я окончилъ не болѣе какъ въ 1/4 часа, потому что квартира полковника и полковая канцелярія отъ постоялаго двора, гдѣ я остановился, были очень недалеко. Когда я возвратился къ себѣ, самоваръ уже кипѣлъ на столѣ, и я расположился пить чай.

Никита былъ очень доволенъ, что онъ, поторговавшись, заплатилъ за чай на половину дешевлѣ той цѣны, которую я ему назначилъ. Въ мое отсутствіе онъ, видители, успѣлъ сбѣгать въ лавку и купить фунтъ чаю; но какъ только я обварилъ этотъ чай кипяткомъ, онъ тотчасъ принялъ цвѣтъ баварскаго пива, а вкусъ и ароматъ обличали тождество его съ сѣнною трухою. Не смотря однакожъ на этотъ маленькій недостатокъ, Никита и хозяйка наша, выпивши послѣ меня этого темнаго настоя по нѣскольку чашекъ, нашли, что чай очень недуренъ.

Съ этой покупкой перваго фунта чая началось мое самостоятельное хозяйство.

Послѣ обѣда, состоявшаго изъ постной густой лапши съ конопляннымъ масломъ, осетрины самаго крутаго за-

сола съ хрѣномъ, я отправился хлопотать объ квартирѣ. Мысль, что я самостоятеленъ и иду хлопотать о главнѣйшей изъ житейскихъ потребностей возвысила меня въ моихъ собственныхъ глазахъ, и въ глубинѣ души я былъ очень доволенъ.

Сначала я пошелъ къ полковому квартирмейстеру поручику Сорокину. Онъ спалъ одѣтый, въ рейтузахъ и сапогахъ со шпорами, но безъ верхняго платья. Я безъ церемоніи разбудилъ его. Онъ приподнялся на своей кровати, спустилъ ноги на полъ и высоко, зѣвая и потягиваясь, вытянулъ руки въ верхъ.

— Идите въ квартирную коммиссію, сказалъ онъ мнѣ, смотря на меня сонными глазами. Требованіе на отводъ вамъ квартиры туда уже отослано мною.

Пошелъ я въ квартирную коммиссію; но тамъ ни души и коммисія заперта. «Мнѣ нужна квартира, сказалъ я сторожу, гдѣжъ мнѣ ее взять?

— А вотъ подите къ депутату.

— Къ какому депутату?

— Къ какому хотите; тутъ два депутата. Одинъ купеческій, другой дворянскій.

— Который ближе?

— Купеческій вонъ насупротивъ живетъ, да кажись онъ болѣнъ; а можетъ и выздоровѣлъ. Зайдите.

Я пошелъ. Въ передней, которую послѣ настойчиваго торканья съ моей стороны наконецъ мнѣ отперли, меня встрѣтилъ нанковый долгополый сюртукъ зелено-гороховаго цвѣта, надѣтый на рыжаго, бѣлаго дѣтину, обстриженнаго въ кружокъ.

— Что вамъ нужно? спросилъ онъ.

— Квартиру.

— Николай Лаврентьевичъ нездоровъ.

— Да мнѣ чтожъ дѣлать? мнѣ нужна квартира.

— Я ему доложу... И сказавъ это, онъ на цыпоч-

кахъ своихъ толстоподошвенныхъ подбитыхъ гвоздями сапогъ съ напускомъ пошелъ въ другую горницу.

— Николай Лаврентьевичъ приказалъ вамъ сказать, что онъ въ жару, чтобъ вы шли къ дворянскому депутату Маслову.

— Гдѣ онъ живетъ?

Долгополый сюртукъ мнѣ указалъ, и я пошелъ къ Маслову, все еще очень довольный, что хлопочу.

Дворянскій депутатъ Масловъ былъ потомственный дворянинъ и очень добрый старикъ. Служебное его поприще онъ началъ съ подъячихъ. Былъ очень гостепріименъ. Самъ былъ не великъ ростомъ, одаренъ круглымъ брюшкомъ; имѣлъ очень толстую, довольно уже пожилую супругу, съ которой въ мирѣ и совѣтѣ бездѣтно проживалъ въ своемъ собственномъ домикѣ. Онъ очень любилъ пуншъ съ кизлярочкой; былъ всегда веселъ, и, бывало въ уѣздномъ обществѣ служащихъ, всѣхъ смѣшилъ своими остроумными прибауточками.

Когда я предсталъ предъ нимъ, какъ предъ офиціальнымъ лицомъ, онъ, выслушавъ добродушно мое требованіе, тотчасъ же велѣлъ запречь дрожки и вмѣстѣ со мною отправился въ коммиссію. Подписавъ квартирный билетъ и вручая его мнѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ велѣлъ сторожу проводить меня и указать тотъ домъ, въ который предназначено было мнѣ квартировать.

Въ тотъ же день я съ Никитой и со всѣми моими пожитками перебрался на мое новоселье.

На другой день я пошелъ представиться къ командиру запаснаго эскадрона маіору Гаврилову, въ вѣдѣніе котораго состояли юнкера. Гавриловъ былъ человѣкъ довольно суроваго характера и потому при первомъ свиданіи за что-то меня распекъ. Кажется за то, что не тотчасъ къ нему явился. На вопросъ же мой, что прикажетъ

мнѣ дѣлать, онъ велѣлъ мнѣ идти въ манежъ, тамъ скажутъ мнѣ, что дѣлать.

Не совсѣмъ довольный, я отправился въ манежъ. Манежъ стоялъ у заставы. Онъ былъ сооруженъ изъ плетней, прикрѣпленныхъ къ столбамъ, на которыхъ утверждена была крыша, покрытая тростникомъ. Барьеры внутри были обшиты тесомъ, плетни были и снутри и съ наружи обмазаны глиной и выбѣлены мѣломъ. Передъ манежомъ былъ небольшой плацъ, окруженный конюшнями такой-же системы постройки, какъ и манежъ, въ которыхъ содержались трубаческія и казенныя лошади для офицеровъ.

По другую сторону манежа стояла сборная изба, гдѣ жила прислуга, находившаяся при офицерскихъ лошадяхъ, казарма для трубачей и ихъ школа.

Пришедши на плацъ манежа, я нашелъ тутъ всѣхъ юнкеровъ. Ихъ было человѣкъ до 12, и я съ ними тотчасъ сошелся. Тутъ же я познакомился съ молодымъ прапорщикомъ Леоновымъ, уроженцемъ Рязанской губерніи, слѣдственно какъ съ землякомъ. Какъ дежурный въ тотъ день по карауламъ, онъ былъ одѣтъ въ полной парадной формѣ.

Тутъ я узналъ отъ юнкеровъ, что капитанъ Цѣслинскій, котораго они прозвали змѣемъ горынычемъ, и которому ввѣрена юнкерская команда, находится въ отпуску. Что слава Богу, что его нѣтъ, потому что Цѣслинскій очень золъ, и когда онъ учитъ въ манежѣ, просто юнкерамъ бѣда.

Теперь же въ отсутствіе его ученіемъ юнкеровъ занимается унтеръ-офицеръ, состоящій при офицерской командѣ, а очень часто приходилъ наблюдать за юнкерскою ѣздою и самъ полковникъ.

— Приходите сегодня вечеромъ ко мнѣ, сказалъ мнѣ

юнкеръ Сечиновъ, который, какъ я впослѣдствіи узналъ, былъ изъ дворянъ Тамбовской губерніи.

— Да, да, приходите къ намъ, сказалъ Топорнинъ, очень красивый, стройный и ловкій юноша,—мы соберемся сегодня всѣ у Сечинова. Тамъ мы познакомимся покороче.

Меня очень удивило что ни на воротникѣ, ни на обшлагахъ колета Топорнина не было галуновъ. Кантъ же его и рейтузы были, какъ и у всѣхъ у насъ юнкеровъ, тонкаго офицерскаго сукна, и сидѣли на немъ изящно. Не мѣшаетъ замѣтить, что въ тѣ времена юнкера солдатскаго сукна не носили, никто ихъ къ тому не принуждалъ и одѣвались вообще щеголевато. Впослѣдствіи узналъ я, что Топорнинъ разжалованъ въ рядовые въ Казанскій полкъ изъ пажей за дерзость противъ корпуснаго начальства, безъ лишенія однакожъ дворянскаго достоинства.

— Что-же мы будемъ теперь дѣлать? спросилъ я юнкеровъ.

— Сегодня назначена манежная ѣзда.

— Въ которомъ часу?

— Да вотъ, когда кончится экзекуція.

— Какая экзекуція?

— Сегодня будутъ гонять въ манежѣ сквозь-строй приговореннаго военнымъ судомъ за 1-й побѣгъ. Одинъ разъ черезъ 500 человѣкъ. Пока я разговаривалъ съ юнкерами, пришла отъ запаснаго эскадрона команда, человѣкъ во сто, одѣтая въ походной формѣ, и вошла въ манежъ. Вслѣдъ за ними привели туда и прстеупника.

Увлеченный движеніемъ юнкеровъ, съ бьющимся сильнѣе обыкновеннаго сердцемъ, подошелъ и я къ открытымъ воротамъ манежа. Приведенные для совершенія наказанія, солдаты стояли тамъ въ двѣ шеренги лице къ лицу и у каждаго изъ нихъ въ правой рукѣ высоко вверхъ

поднимался, покачиваясь въ воздухѣ, длинный хлыстъ.

Трубачь заигралъ походъ, и обнаженный по поясъ преступникъ, держась за поданный ему двумя унтеръ офицерами прикладъ ружья и влекомый ими, пошолъ сквозь эту зеленую улицу.

Въ одно мгновеніе спина несчастнаго и руки отъ плечей до локтя были исполосованы сине багровыми рубцами, еще немного и потекли струйки засочившейся крови.

Надобно правду сказать, что трудно придумать наказанія безчеловѣчнѣе этого нѣмецкаго изобрѣтенія. Мы стыдились кнута, этого орудія нашего уголовнаго правосудія, какъ остатка варварства, завѣщаннаго намъ монгольскимъ игомъ; отчегоже не стыдились и не стыдимся нравственнаго ига нѣмцевъ, со всѣми заимствованными отъ нихъ дисциплинами, шпицъ-рутенами, фухтелями, аркибузированіями и проч., поселившими ужасъ и отвращеніе въ русскомъ народѣ къ воинской повинности.

Отошедъ отъ воротъ манежа, я увидѣлъ полковника Балана. Завернувшись въ шинель, онъ ходилъ взадъ и впередъ по плацу, потупивъ голову внизъ.

Увидѣвъ меня, когда я, снявъ фуражку, стоялъ передъ нимъ, вытянувшись въ струнку, онъ привѣтливо кивнулъ мнѣ головою и спросилъ:

— А умѣешь ѣздить верхомъ?

— Умѣю, полковникъ.

— Посмотримъ!

Скоро манежъ очистился. Юнкера, по приказанію полковника, бросились въ конюшню за лошадьми, которыя ужъ были осѣдланы. Я послѣдовалъ тоже ихъ примѣру и вмѣстѣ съ ними ввелъ въ манежъ назначенную мнѣ лошадь.

Въ срединѣ манежа мы сѣли на лошадей и построились въ шеренгу.

— Справа по одному!—Шагомъ! маршъ! скомандовалъ полковникъ. и манежная ѣзда началась.

— Стой!

Мы остановились. Баланъ подошелъ ко мнѣ, молча взялъ меня за колѣнку обѣими руками и тихо поправилъ мою посадку.

— А руку на щипокъ! такъ... это относилось къ моей правой рукѣ, упиравшейся въ ляшку.

— Теперь хорошо... рысью маршъ! И продолжая командовать, щелкалъ бичемъ, чтобы придать жару лошадямъ.

Подъ конецъ ѣзды, выстроивъ насъ въ шеренгу у одной изъ поперечныхъ стѣнъ манежа, скомандовалъ: съ мѣста маршъ! маршъ!

Мы дали шпоры лошадямъ и понеслись въ карьеръ.

— Стой! равняйсь! Слѣзай!.. И подходя къ намъ съ веселымъ полусмѣящимся лицомъ, промолвилъ:

— Хорошо, молодцы! .

— Ради стараться. . отвѣчали мы.

— Ну, теперѣ отведите лошадей—и по домамъ.

Такъ кончилась моя первая ѣзда въ манежѣ при вступленіи въ полкъ—и мнѣ было весело.

Ни одного не только грубаго или оскорбительнаго, ни одного даже рѣзкаго замѣчанія во все продолженіе ученія не сорвалось съ языка Балана. А вѣдь онъ былъ человѣкъ безъ образованія...

По возвращеніи домой, я, отдохнувъ немного, пошелъ въ квартиру Сечинова, куда былъ приглашенъ юнкерами.

Въ небольшой комнаткѣ маленькаго мѣщанскаго домика, я нашелъ человѣкъ 6 юнкеровъ. На столѣ красовался небольшой самоваръ, чайникъ, полоскательная чашка, нѣсколько стакановъ и большой штофъ съ кизлярской водкой.

Хозяинъ и гости его приняли меня съ большимъ ра-

душіемъ: жали мнѣ руку и просили быть по товарищески на ты. Въ этомъ кругу моихъ новыхъ товарищей замѣшался, чего я сначала не замѣтилъ, одинъ офицеръ; онъ былъ черноволосый и молодъ, но слѣды невоздержной жизни, страшные слѣды нравственнаго упадка отражались и въ смуглыхъ впалыхъ щекахъ, и въ потухшихъ умныхъ глазахъ, и въ трясущихся рукахъ. Онъ тоже подошелъ ко мнѣ съ вѣжливымъ привѣтомъ, прося полюбить, какъ товарища.

Въ послѣдствіи я узналъ, что это былъ прапорщикъ Арцыбашевъ, единственный сынъ одной помѣщицы Новгородской губерніи.

Образованіе онъ получилъ въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія, учился хорошо и уже оканчивалъ курсъ, какъ за какую то шалость или дерзкое слово, или ужъ не помню за что, былъ исключенъ изъ вѣдомства инженеровъ и по какому то бывшему знакомству матери его съ полковникомъ Баланомъ съ чиномъ прапорщика поступилъ въ Казанскій драгунскій полкъ.

Прибывши въ полкъ, онъ еще принесъ на своемъ лицѣ юношескую бѣлизну и румянецъ, черные глаза его были ясны и смѣло встрѣчались съ глазами всякаго; но на бѣду...

На бѣду онъ съ собою въ полкъ для прислуги привезъ изъ дома своей матери очень хорошенькаго мальчика, лѣтъ 18-ти. Мальчикъ этотъ былъ живъ, проворенъ, легокъ и услужливъ; но прошло мѣсяца 3 или 4-е, мальчикъ сильно сталъ измѣняться въ лицѣ, сдѣлался неповоротливъ и даже сталъ неестественно полнѣть. Нечего дѣлать: необходимо оказалось переодѣть его наконецъ въ женское платье. Дѣло то въ томъ, что Арцыбашевъ, сведя интригу съ горничной дѣвушкою своей матери, увезъ ее съ собою въ полкъ и, во избѣжаніе всякихъ пререканій, одѣлъ ее казачкомъ. Мать очень была оскорблена

поступкомъ сына и перестала посылать ему денегъ, а между тѣмъ проходили года и у него холостаго отца, явилось семейство, состоящее изъ 3 или 4-хъ дѣтей. Естественная любовь къ дѣтямъ, о которыхъ онъ страдалъ, вмѣстѣ съ безвыходнымъ положеніемъ, въ которое онъ себя поставилъ, развили въ немъ страсть къ возліяніямъ. Каждый день съ утра и до вечера онъ былъ пьянъ. Офицеры отъ него отшатнулись; и вотъ потребность болѣе или менѣе образованнаго кружка втянула его въ кружокъ беззаботной и невзыскательной молодежи — юнкеровъ.

— Господа, чай налитъ, садитесь, предлагалъ хозяинъ.

Всѣ усѣлись окола стола, и кизлярка полилась по стаканамъ, разнося по комнатѣ свой водочный запахъ.

— Чтожъ вы то не подливаете, спросилъ Топорнинъ, обращаясь ко мнѣ?

— Я не пью пунша, мнѣ противенъ пуншъ...

— Какой же вы послѣ этого товарищъ, если вы не хотите участвовать съ нами въ дружеской бесѣдѣ.

— Я не пью пунша, отвѣчалъ я и солгалъ. Я пилъ его у Ростовцева въ Переяславскомъ полку; но тамъ былъ ромъ, а тутъ кизлярка. Къ томужъ мнѣ не хотѣлось съ разу напиться, не знавши еще съ кѣмъ я пью.

— Давайте я просто выпью голякомъ кизлярки; но пуншу я пить не могу: моя натура не принимаетъ.

Но ничто не помогало. Неудовольствіе моихъ товарищей росло соразмѣрно моему упорству. Арцыбашевъ тоже присоединился къ юнкерамъ.

— Понудьте себя наконецъ, если вы хотите быть добрымъ товарищемъ.

Между тѣмъ мнѣ уже два раза поднесли кизлярки голякомъ; все это было поставлено ни во что. Непремѣнно хотѣли, чтобъ я выпилъ пуншъ.

Отъ двухъ выпитыхъ рюмокъ у меня голова закружилась. Я забылъ свой планъ воздержанія, схватилъ стаканъ чая и ухнулъ въ него кизлярки.—Вотъ молодецъ, вотъ товарищь, вскричали всѣ мои собесѣдники, хлопая въ ладоши. Многіе бросились меня обнимать...

«Славный малый» доходило по временамъ до моего слуха, произносимое въ полголоса.... и я понималъ, что рѣчь шла обо мнѣ.

Мало по малу какой-то безумный восторгъ охватилъ все наше маленькое общество. Всѣ говорили, хохотали, кричали, никто не слушалъ; но вотъ кто-то изъ юнкеровъ затянулъ обычную при возліяніи пунша застольную пѣсню, другіе подхватили—и нестройный, но полный одушевленія хоръ огласилъ комнату.

„Плохой драгунъ.......
„Который пуншъ тянуть не любитъ;
„Въ атакахъ будетъ отставать,
„На штурмахъ камергерить будетъ“.

Послѣ такого поэтическаго приговора можно-же ли было не пить отвратительной кизлярки.

„Когда Богъ землю наказалъ—
„И шаръ земной вода покрыла,
„Онъ этимъ ясно доказалъ,
„Какая вредная въ ней сила.
„Друзья, не станемъ пить воды,
„Отъ ней великія бѣды.

Когда ужъ было пить воду, и пуншъ то ужъ лѣзъ изъ горла; я рѣшился оставить веселую компанію и идти домой.

Темнота на улицахъ была страшная, грязь по колѣно и я, чтобъ уйти безопаснѣе, зашагалъ по серединѣ улицы. Пройдя не малое разстояніе, я наконецъ добрался до своей квартиры. Никита на мой стукъ въ дверь отвѣчалъ: «сейчасъ», вздулъ огонь и встрѣтилъ меня со свѣчею.

Посмотрѣвъ мнѣ въ глаза и потомъ на мои ноги, ко-

торые были ужъ не по колѣно, а гораздо выше колѣнъ, въ густой грязи, расхохотался.

Я не говоря ни слова, потому что не могъ говорить, сѣлъ на свою постель, и, желая казаться совершенно ничего, только улыбался. Никита меня раздѣлъ и уложилъ спать.

Такія или подобныя этой сходки нашего юнкерскаго кружка повторялись довольно часто. По большей части мы собирались у Арцыбашева. Начинали съ пунша, кончали водкой, ужинали потомъ, и, за непроходимой грязью на темныхъ улицахъ, не рѣдко тамъ и ночевали, разумѣется какъ попало и на чемъ попало. Въ отношеніи меня мои добрые товарищи были особенно деликатны и внимательны. Лучшее мѣстечко для ночлега, и можетъ быть единственная лишняя хозяйская подушка въ ситцевой наволокѣ, всегда уступались мнѣ.

Послѣ ненастныхъ дней наступили дни ясные, и городскія улицы начали просыхать. Сначала показались, утоптанныя пѣшеходами, тропинки, а потомъ мало по малу сушь распространилась все шире и шире, такъ что къ заутренѣ Свѣтлаго Воскресенія Христова можно было пройти въ церковь, нисколько не рискуя испачкаться въ грязи.

Горожане Стараго Оскола были въ то время очень благочестивы. Храмы Божіи были въ цвѣтущемъ состояніи, и въ день Воскресенія Христова освѣщенныя плошками колокольни далеко разливали вокругъ себя свѣтъ. Горожанки всѣхъ возрастовъ и состояній, женщины и дѣвицы, съ самаго вечера страстной суботы до начала заутрени ходили изъ церкви въ церковь, прикладываясь къ плащаницѣ и къ образамъ.

Увлеченные примѣромъ прекраснаго пола и мы, юнкера, таскались за ними изъ церкви въ церковь, и только при первомъ ударѣ колокола отправились къ заутрени въ

полковую церковь, отведенную для полка въ одной изъ двухъэтажныхъ церквей города.

Отслушавъ заутреню и обѣдню, мы всей гурьбой отправились къ Сечинову на квартиру. Тамъ у него было приготовлено чѣмъ разговляться, т. е. пасха, куличъ, яйца и, сверхъ того, довольно обильный завтракъ. Разговѣвшись, закусивши, и запивши сантуринскимъ, мы вдругъ припомнили, что не худо бы пойдти поздравить полковника.—Идемъ, Идемъ!—и пошли. Такъ какъ мы были одѣты въ парадную форму, то, взайдя въ залъ, не снимая киверовъ выстроились въ шеренгу по ранжиру.

Между тѣмъ доложили полковнику, что пришли юнкера. Онъ вышелъ изъ своего кабинета и на привѣтъ его «Христосъ Воскресъ», мы въ голосъ отвѣтили: «Во истину воскресъ». Похристосовавшись съ каждымъ изъ насъ по очереди, отчего у двухъ или трехъ юнкеровъ кивера свалились на затылокъ, полковникъ предложилъ намъ войдти въ гостинную разговѣться.

— Мы ужъ разговѣлись, сказалъ Курдюмовъ.

Всѣ почувствовали невѣжливость такого отвѣта; но поправлять дѣло было уже нельзя. Слово было сказано однимъ за всѣхъ.

— Ну когда разговѣлись, сказалъ полковникъ, то ступайте по домамъ. Смотрите, праздники не шалить. Катайте яйца, веселитесь, а случится дома посидѣть, то читайте пунктики.

— Мы читаемъ, полковникъ, отвѣчалъ Курдюмовъ, барашко-образный бѣлокурый юнкеръ, нѣсколько писклявымъ голосомъ.

— Ну что ты читалъ—скажи. Надобно все знать, что читалъ. Ну знаешь, что такое перпендикуляръ!

Курдюмовъ смѣшался; но полковникъ, чтобъ объяснить ему, что значитъ перпендикуляръ приподнялъ руку

и, выставивъ вертикально свой указательный палецъ, сказалъ: «вотъ перпендикуляръ!»

— Это кукишъ, полковникъ, возразилъ усмѣхаясь Курдюмовъ.

Всѣ мы расхохотались. Полковникъ также расхохотался и отпуская насъ, подтвердилъ, чтобъ не шалить!...

Въ Старомъ-Осколѣ за кладбищемъ была тогда, вѣроятно и теперь существуетъ, довольно обширная роща подъ названіемъ Горняшка. Въ праздничные дни и въ ос бенности въ продолженіи всей святой недѣли Горняшка служила сборнымъ мѣстомъ городскихъ обывателей. Разряженныя женщины шли туда подышать лѣснымъ воздухомъ, а еще вѣрнѣе, чтобъ себя показать и другихъ посмотрѣть, а мущины шли только посмотрѣть на кулачные бои, или принять въ нихъ участіе. Страсть къ кулачнымъ схваткамъ была очень развита тогда между купечествомъ, мѣщанствомъ и обывателями пригородныхъ слободъ. Въ Горняшкѣ въ продолженіи всей святой недѣли и по воскресеньямъ и праздникамъ во все лѣто происходили бои стѣнками. По большой части съ одной стороны выходили жители слободъ, съ другой горожане. Не разъ случалось видать какого нибудь щеголевато одѣтаго по европейски молодаго купчика, идущаго въ Горняшку. На немъ круглая широкая шляпа, лайковыя перчатки и трость въ рукѣ. Онъ поигрываетъ ею, какъ истинный джентельменъ. Сначала онъ только зритель происходящаго передъ нимъ ратоборства, но вѣдь сердце не каменное, и въ жилахъ его не вода. Закипитъ ретивое, и онъ, бросивъ свою джентельменскую тросточку, какъ сумашедшій бросается въ свалку. Кулаки его работаютъ направо и налѣво, и онъ выходитъ побѣдителемъ, хотя съ разбитой рожей и съ недочетомъ 2-хъ или трехъ зубовъ.

Между гуляющими по тропинкамъ Горняшки и отдыхавшихъ по ея зеленымъ лужайкамъ, можно было встрѣ-

тить много уѣздныхъ камелій, а юнкера извѣстно большіе любители цвѣтовъ этого рода. Что мудренаго. что для юнкеровъ, да и для офицеровъ, роща эта была любимымъ мѣстомъ прогулокъ. Ея гористая мѣстность, пересѣченная лощинами, ея окаймленныя орѣховымъ кустарникомъ лужайки, имѣли въ себѣ что-то обаятельно пріятное.

Сборищи наши въ квартирѣ Арцыбашева съ наступленіемъ весенней теплоты прекратились. Все послѣ обѣденное время каждаго дня, кто только изъ насъ не былъ дежурнымъ по конюшнямъ, проводилъ въ Горняшкѣ; и по закатѣ солнца, возвратившись въ городъ, заходили въ военный погребокъ при колоніальной лавкѣ купца Головина. Тамъ оставаясь до поздней ночи, роспивали на брата по бутылкѣ донскаго, и затѣмъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа расходились по домамъ.

Въ воскресенье послѣдовало пробужденіе.

Изъ приказа по полку мы узнали, что во вторникъ на Ѳоминой полкъ выступаетъ въ походъ, что въ понедѣльникъ, т. е. на другой день, послѣ прочтенія приказа юнкерамъ отправиться въ свои эскадроны.

Походъ этотъ предположено было совершить въ городъ Козелецъ Черниговской губерніи, куда назначено было собраться всему нашему 3-му резервному кавалерійскому корпусу для царскаго смотра.

Приказаніе выступить въ походъ было такъ внезапно и такъ мало дано было времени для сборовъ, что, начиная съ самаго полковаго командира и до рядовыхъ, огорошило всѣхъ. При штабѣ началась самая дѣятельная жизнь. Ни штабные офицеры, ни писаря не спали ночей. Самъ Баланъ для скорѣйшаго приведенія въ исполненіе распоряженій не выходилъ изъ канцеляріи, и когда я въ 8 часовъ утра въ понедѣльникъ съ однимъ изъ своихъ товарищей Паренаго явился въ канцелярію за полученіемъ приказанія, предъ отправленіемъ въ эскадронъ,

мы нашли Балана давно уже тамъ. Онъ сидѣлъ на сундукѣ и на память распоряжался необходимыми перемѣщеніями лошадей и нѣкоторыхъ унтеръ-офицеровъ изъ эскадрона въ эскадронъ. Онъ зналъ чуть-ли не каждую лошадь и не каждаго рядоваго въ полку.

Тутъ только я узналъ, что я зачисленъ не въ 1-й, а въ 4-й эскадронъ.

Получивъ изъ канцеляріи требованіе на 2 подводы, мы съ Паренаго отправились не то къ исправнику, не то въ Стрѣлецкое волостное правленіе и, получивъ лошадей, уложили наши пожитки и отправились въ эскадронъ, а въ какое село не упомню. На одной подводѣ ѣхали мы съ Паренаго, а на другой Никита везъ наши пожитки.

На половинѣ пути въ одномъ какомъ то большомъ селеніи мы перемѣняли подводы. Солнце уже давно сѣло, и окрестности застилались темнотою. Отъ земли подымался легкой туманъ. На обширномъ выгонѣ раздавались хороводныя пѣсни и, когда мы подъѣхали, веселый хороводъ, заканчивая уже свои забавы, съ плясками, и пѣніемъ шелъ къ селу. Вдругъ со стороны женскаго пола раздался визгъ и хохотъ. Мы съ Паренаго взглянули и видимъ, что дѣвки бѣгутъ, преслѣдуемыя парнями. Не выдержали и мы, выскочили изъ подводы и тоже пустились въ ловитву.

Какъ эта охота ни была увлекательна, но ѣхать было неизбѣжно, и мы возвратились къ нашей подводѣ.

Ночь сдѣлалась темна — туманъ подымался съ сырой земли, кругомъ и вблизи, и вдали въ пустынныхъ поляхъ текли потоки огня, выжигаемаго жнивья.

То вспыхивали они ярко, на мгновенье озаряя окрестность, то вдругъ исчезали, то легкимъ заревомъ разливались по горизонту.

Наконецъ я задремалъ, и не помню уже, какъ мы пріѣхали въ эскадронную квартиру. Почти ощупью добра-

лись мы до какого-то двора, долго стучались въ ворота и наконецъ, уставшіе и продрогшіе подъ вліяніемъ сырой весенной ночи, вошедши въ избу, легли на чемъ попало, и заснули крѣпкимъ сномъ.

На другой день часу въ 7-мъ мы, проснувшись и одѣвшись въ походную форму, отправились по своимъ взводамъ. Паренаго былъ зачисленъ въ 1 взводъ, а я въ 4.

Взводнымъ вахмистромъ былъ тогда Акимъ Ивановъ. человѣкъ характера суроваго, онъ мнѣ назначилъ лошадь и дядьку.

Въ дядьки онъ мнѣ опредѣлилъ стараго драгуна, по прозванію Шарова. Грудь его была украшена медалями 12 и 13 годовъ, длинные усы висѣли внизъ, а на оцѣпенѣвшихъ чертахъ его смуглаго лица рѣдко кто видалъ улыбку.

Солдатъ онъ былъ исправный и старательный, но въ походѣ на квартирахъ былъ человѣкомъ самымъ безпокойнымъ. Капризничалъ, ругалъ бабъ хозяекъ на чемъ свѣтъ стоитъ, и всегда былъ недоволенъ предложенной ему трапезой. Поѣвши же до сыта, онъ, выходя изъ избы, самъ не зная досадуя на кого, сильно хлопалъ дверью.

Но вотъ эскадронъ выстроился на выгонѣ. Офицеры стояли передъ взводами. Пріѣхалъ командиръ эскадрона капитанъ Павленко. «Съ права рядами» и эскадронъ тронулся въ походъ.

Мы шли степями. Небо было безоблачно, солнце сіяло во всемъ блескѣ, разливая теплоту въ благорастворенномъ воздухѣ. Кое гдѣ пробивалась зеленая травка сквозь плотно прилегшую къ землѣ прошлогоднюю траву, и во множествѣ по степи, не успѣвая вылѣзти изъ земли, раскрывали свои тюльпанообразныя чашечки синія флокусы. Всѣ ручьи и рѣчки были въ полномъ разливѣ, такъ что иногда версты по 2 и болѣе случалось идти сплошь водою

по пути, указываемому высланными земскою полиціею крестьянами-проводниками, или воткнутыми по разливу вѣхами. Прибавьте къ этому безчисленное множество жаворонковъ, незримо оглашавшихъ воздухъ своимъ нескончаемымъ пѣніемъ, и тогда поймете, какъ весело и хорошо было у меня на сердцѣ при совершеніи этого 1-го перехода моего 1-го похода.

Переходъ былъ не болѣе обыкновеннаго походнаго перехода, верстъ 25 или 27, но по случаю частыхъ затрудненій при переправахъ чрезъ рѣчки и лощины, эскадронъ на ночлегъ добрался только къ вечеру.

Селеніе, въ которое мы пришли, было малороссійское. Въ первый только разъ увидалъ я здѣсь бабъ, одѣтыхъ не въ юпки и не въ поневы, а въ плахты. Въ первый разъ услышалъ я малороссійскую рѣчь и познакомился тутъ съ малороссійской хатой мазанкой, съ ея безукоризненно чисто выбѣленными стѣнами внутри, съ гладко убитымъ глинянныйъ и опрятно выметеннымъ поломъ и съ блестящими каменными обливными узорчатыми мисками на полкахъ. Однимъ словомъ, въ первый разъ въ этомъ походномъ ночлегѣ я столкнулся тутъ съ малороссіскимъ племенемъ, хотя до Малороссіи было еще далеко. Южная половина Курской губерніи представляетъ смѣсь великорусовъ и хохловъ, хотя тѣ и другіе живутъ особыми селеніями, и ни тѣ ни другіе не измѣняютъ своимъ племеннымъ обычаямъ. Малороссіянинъ великорусса зоветъ москалемъ, а великоруссъ малороссіянина—хохломъ.

На столѣ, накрытомъ чистою скатертью лежала, недавно еще испеченная паленица изъ гречневой муки. Молодая хохлушка, разведши огонь, готовила ужинъ, а Никита стелилъ мнѣ постель. Я уже совсѣмъ собирался расположиться на отдыхъ, какъ вошелъ Пареный.

— Пойдемъ къ капитану, сказалъ онъ, взойдя въ хату.

— Зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ? Капитанъ еще насъ не видѣлъ, тебя совсѣмъ не знаетъ, надобно-же къ нему явиться.

— Что онъ—добрый?

— Добрый. Пойдемъ.

Пошли.

Войдя въ квартиру капитана (капитанъ былъ малороссъ—по фамиліи Павленко), мы нашли у него всѣхъ офицеровъ эскадрона. Онъ и всѣ офицеры сидѣли около стола. Капитанъ, какъ хозяинъ, на первомъ мѣстѣ на лавкѣ подъ святыми, другіе засѣдали около него и на приставленной къ столу скамьѣ. Въ рукахъ у всѣхъ дымились трубки—на длинныхъ черешневыхъ чубукахъ. На столѣ валялись кисеты, стояли двѣ свѣчи на мѣдныхъ подсвѣчникахъ, величественно возвышался большой штофъ съ водкой, стояли 2 серебрянныхъ чарочки, деревянная солоница и на тарелкѣ хлѣбъ. Въ углу деньщикъ капитана убиралъ самоваръ и стаканы.

Между офицерами шелъ оживленный разговоръ, сопровождаемый хохотомъ.

— Честь имѣю явиться, г-нъ капитанъ, сказалъ я, подойдя къ Павленкѣ послѣ Паренаго.

— Садитесь, братики, сказалъ онъ намъ, указывая мѣста на лавкѣ возлѣ себя, садитесь! Мы присѣли.

— Не хотите ли горилки?—спросилъ онъ привѣтливо.

Я хотя и давно уже употреблялъ водку, но передъ новымъ начальникомъ, желая показать себя благовоспитаннымъ молодымъ человѣкомъ, нѣсколько слицемѣрилъ и отвѣчалъ: «я не пью, капитанъ».

— Вретъ, вретъ онъ, капитанъ. Онъ пьетъ, воскликнулъ Паренаго.

— Такъ чтожъ ты, братико, притворяешься, что не пьешъ? воскликнулъ Павленко, наливая чарку, — пей! Я выпилъ.

— Вотъ братику—молодца! продолжалъ онъ, и мало

по малу чрезъ $1/4$ часа я былъ въ кругу офицеровъ, какъ будто вѣкъ жилъ съ ними; а часамъ къ 11 вечера неравенства между офицерами, нами—юнкерами и командиромъ эскадрона уже не существовало. До ужина, передъ ужиномъ, въ ужинѣ—передъ всякой новой перемѣной, и послѣ ужина—наливались чарки, такъ что штофъ наконецъ опустѣлъ. Всѣ были зѣло упившись.

— Ну скажи: зелени зазеленѣлись! приставалъ ко мнѣ Паренаго, когда мы шли съ нимъ на ночлегъ, поддерживая другъ друга.

— Самъ скажи.

— Нѣтъ, ты скажи... и никто изъ насъ не рѣшался сказать, что́ зелени зазеленѣлись.

Пошли переходы—черезъ 2 дня на третій дневка, и всякій день офицеры эскадрона и мы юнкера обѣдали и ужинали у капитана. Всякій день повторялся тотъ же веселый разгулъ, и всякій день все также всѣ упивались до зѣла.

Вотъ и граница Малороссіи—границы Черниговской губерніи. Тутъ откупъ—тамъ свободная продажа водки. Водка отличная въ сравненіи съ откупомъ, а дешева—то, дешева то какъ,—чуть не задаромъ.

Послѣдняя дневка въ Курской губерніи пришлась нашему эскадрону въ $1^1/_2$ верстѣ отъ границы Черниговской губерніи и... но прежде нежели разсказывать, что тутъ совершалось, для подробности всѣхъ моихъ походныхъ похожденій возвращусь нѣсколько назадъ.

Бригадою нашею командовалъ генералъ маіоръ Гельманъ. Хотя всѣ знали его, какъ за самаго пустаго господина, и за глаза величали дуракомъ; но неменѣе того этотъ господинъ представлялъ собою начальство, и даже начальство очень придирливое, всегда готовое облаять подчиненныхъ.

Когда онъ въ коляскѣ обгонялъ нашъ эскадронъ, то

офицеры и вахмистра предупреждали всѣхъ драгунъ смотрѣть ему въ глаза, какъ можно рѣзче,—«ѣшь его глазами»! твердили постоянно, завидѣвъ коляску Гельмана. Дѣйствительно, когда всѣ ѣли его глазами, онъ проѣзжалъ мимо, не замѣчая ничего; но когда этого не дѣлали, онъ набрасывался на эскадронъ съ бранью. И то не такъ, и то не этакъ.

Разъ я съ одной дневки былъ посланъ въ Обоянь отъ эскадрона за приказаньемъ. Поднимаюсь на своей подводкѣ въ гору къ городу, гляжу, на горѣ стоитъ Гельманъ и Баланъ въ шинеляхъ и что-то разговариваютъ между собою. Когда я поровнялся съ ними, Гельманъ что то меня спросилъ.

Я не разслышалъ, выскочилъ изъ телѣги и подошелъ къ нему.

— Не скоро отвѣчаешь! вскричалъ онъ. Не знаешь дисциплины!... Сейчасъ велю тебя арестовать!

Баланъ, стоя за нимъ и смотря на него, насмѣшливо улыбался.

— Пошелъ! еще разъ вскричалъ Гельманъ, и я пошелъ, сѣлъ въ телѣгу и поѣхалъ далѣе.

За что онъ меня облаялъ, я и теперь не понимаю. Когда я разсказалъ капитану объ моемъ приключеніи, онъ отвѣчалъ:

— Ну что на него смотрѣть, онъ вѣдь сумасшедшій.

Разъ пришли мы въ одно малороссійское селеніе на ночлегъ. Утро было великолѣпное. Проходя по улицѣ, и при выходѣ на сельскую площадь, вездѣ мы видѣли образовавшіяся кучки парубковъ и дѣвчатъ, одѣтыхъ по-праздничному и оглашавшихъ воздухъ мелодичными свадебными пѣснями. На всѣхъ встрѣчаемыхъ нами лицахъ отражалась веселость, которая невольно сообщалась и намъ... Дѣло въ томъ, что въ селѣ была свадьба.

До самаго заката солнца не прерывались гульба и

пѣсни. Съ закатомъ солнца мало по малу все замолкло и по селенію распространилась тишина. Въ этотъ день я былъ дежурнымъ по эскадрону и потому по обязанности службы часу въ 1-мъ ночи, обходя конюшни, вышелъ по площади. Чудная была эта ночь. Въ тихомъ и тепломъ воздухѣ отъ цвѣтущихъ яблонь, грушъ, вишень и черемухи, наполнявшихъ открытыя малороссійскія усадьбы, и въ которыхъ живописно прятались чисто выбѣленныя мазанки, разливался ароматъ. Вода въ прудѣ, прилегавшему къ площади съ одной ея стороны, была тиха, и какъ въ зеркалѣ отражала тростники, окаймлявшіе берега, и самые берега, густо поросшіе тополями, и цвѣтущія куртинки, и темное южное небо съ сверкавшими по немъ звѣздочками.

Полная луна, поднимаясь изъ за садовъ и осеребряя легкіе поднимавшіеся отъ воды туманы, разлила свой чарующій свѣтъ на всю окрестность; множество соловьевъ въ густотѣ рощицъ, окружавшихъ прудъ, и по цвѣтущимъ садамъ усадьбъ, какъ будто одинъ передъ другимъ старались отличиться своимъ пѣніемъ.

Да и чтожъ это было за дивное пѣніе въ этой тишинѣ малороссійской полуночи. Я былъ, какъ очарованный. Присѣвъ у пруда на повалившейся дуплистой и уже полусгнившей ветлѣ, я смотрѣлъ на воду, вдыхалъ въ себя влагу благоуханнаго воздуха и слушалъ пѣніе, ничѣмъ не заглушаемое, соловьевъ.. это было блаженство, котораго ни за какія деньги не купишь... Вдругъ....

Позади себя на площади слышу какое то странное завываніе хриплаго старушечьяго голоса. Оглянулся—и вижу посреди площади женщину всю въ бѣломъ, скачущую на одной ногѣ и распѣвающую своимъ отвратительнымъ голосомъ пѣсню самаго отвратительнаго, непристойнаго содержанія.

— Вотъ она, вѣдьма то, подумалъ я невольно; но

гляжу къ этой вѣдьмѣ то изъ одной, то изъ другихъ хатъ скачутъ на одной ногѣ такія же всѣ въ бѣломъ вѣдьмы, и хриплымъ, безобразнымъ хоромъ присоединяютъ свои голоса къ отвратительной пѣснѣ. Самыя непристойныя ругательства, самое отвратительное злословіе смѣшались въ пѣніяхъ этихъ вѣдьмъ, и пѣсни ихъ были упрекомъ несчастной новобрачной... При полномъ свѣтѣ луны, при тишинѣ ночи появленіе ихъ на площади казалось чѣмъ то сверхъ естественнымъ.

Дѣло въ томъ, что новобрачная не была уже невинна... Это была ея казнь.

Выведенный изъ моего сладкаго раздумья, я вскочилъ и бросился къ этимъ вѣдьмамъ, чтобъ ихъ разогнать. Но разгоняя въ одномъ мѣстѣ, я видѣлъ какъ въ другихъ во многихъ мѣстахъ собирались такія же скачущія на однихъ ногахъ съ разныхъ сторонъ остовы костлявые старухъ въ однихъ бѣлыхъ рубашкахъ и съ бѣлыми покрывалами на головахъ. Напрасно я гонялся за ними съ обнаженною саблею, стараясь съѣздить какую нибудь фуктелемъ; но все было напрасно. Старыя вѣдьмы были увертливы, и я наконецъ, утомленный и взбѣшенный, ушелъ со стыдомъ на свою квартиру.

За одинъ переходъ отъ Батурина была у насъ дневка не помню въ какомъ селѣ. Село это было расположено не въ дальнемъ разстояніи отъ берега рѣки Сейма. Рѣка была въ полномъ разливѣ и окрестность на далекое пространство была покрыта водою. Подобно островамъ подымались изъ нея рощицы ольхъ, какъ бы укрываясь одна за другою, и, отражаясь въ кристальной поверхности тихаго разлива, казались опрокинутыми своими вершинами въ безпредѣльную глубину небеснаго свода.

Солнце уже сѣло, когда мы съ Паренаго вышли бродить на лугъ и подошли къ водѣ. Съ разлива подымался легкій паръ, одѣвая своею прозрачно-синеватою дымкою

отдаленную окрестность. Было въ природѣ такъ тихо, на душѣ такъ покойно, а передъ глазами такъ хорошо, что и сказать нельзя. Насъ манило непреодолимое желаніе покататься по водѣ. Оглядываемся кругомъ и, вотъ радость-то! видимъ опрокинутый на лугу челнокъ и два валявшихся тутъ же плохихъ весла.

Нечего долго думать, стащили лодку въ воду, вооружились веслами и поплыли въ даль. Разговаривая и работая веслами, да глядя по сторонамъ, мы заплыли уже порядочно далеко и, попавъ на теченіе, только замѣтили, что лодка наша сильно наполняется водою, что она худая. Дѣло оказалось изъ рукъ вонъ. Въ лодкѣ вода, а отливать нечѣмъ; теченіе увлекаетъ, а весла плохія;—да и грести-то мы оказались плохими мастерами. Какъ уроженецъ Воронежа и почитающій себя знатокомъ рѣчнаго дѣла, Паренаго сидѣлъ на кормѣ и бранился на мою неумѣлость дѣйствовать весломъ. Я хохоталъ, а дѣло все не ладилось. Бились, бились, и только съ большимъ трудомъ успѣли выбиться съ теченія на тихую воду разлива. Мало по малу, упираясь веслами въ землю, съ сапогами наполненными водою, добрались до суши. Притащивши лодку на лугъ, бросили весла, и сами со всѣхъ ногъ бросились бѣжать на квартиру мѣнять сапоги и намокшее платье и носки.

Тяжело было вставать. Голова была тяжела до нельзя, а вставать надо было рано. Выступленіе эскадрона въ походъ назначено было съ 2-хъ часовъ ночи. Такое раннее выступленіе было назначено для того, что черезъ рѣку Сеймъ, которая была въ полномъ разливѣ, подъ Батуринымъ надобно было полку переправиться на паромахъ. Обстоятельство это во всякомъ случаѣ замедляло передвиженіе полка, а тутъ еще на встрѣчу намъ шла 4 гусарская дивизія. Дивизія эта въ продолженіи многихъ лѣтъ имѣла свою постоянную стоянку подъ благо-

словеннымъ небомъ Малороссіи. Почти всѣ офицеры, не говоря уже о рядовыхъ, которые во всей почти русской кавалеріи изъ малороссовъ, всѣ были ея дѣти. Въ то время, когда нашъ полкъ встрѣтился съ нею въ Батуринѣ, дивизія эта слѣдовала въ Тверь. Не знаю, весело ли было гусарамъ покидать родимую сторону, съ ея привольемъ, дешевою горилкою, галушками, варениками и саломъ, только встрѣча съ ними на переправѣ вовсе не была для насъ пріятна. Хотя эскадронъ нашъ, совершая свой переходъ въ тишинѣ ночи, часу въ 7-мъ утра, и былъ уже у переправы, но на другую сторону рѣки перебрался не ранѣе, какъ часовъ въ 6 вечера. Одни и тѣ же паромы перевозили и гусаръ, и драгунъ. Высадивши на берегъ однихъ, они принимали другихъ.

ГЛАВА XI.

Дружба съ Павленкой.—Осенній компаментъ.—Холера въ Бѣлградѣ.—Учебная юнкерская команда. — Наши обязанности. — Выступленіе въ походъ.—Эпизоды походной жизни.—Помѣщикъ Пиленко. — Его гостепріимство. — Переходъ черезъ Днѣпръ. — Предстоящая война съ Польшой.—Разлука съ Никитой.—Обѣдъ у польскаго пана.

Село Опочки, расположеніе квартирное 4-го эскадрона, было широко раскинуто. Туземцы, по большой части однодворцы, жили въ довольствѣ. Гумны ихъ полны многолѣтними скирдами, а огромныя стада коровъ и овецъ благополучно гуляли по обширному выгону. Я имѣлъ квартиру въ свѣтлой хорошей избѣ; но въ ней я мало сидѣлъ или занимался. Съ утра напившись чаю и поучившись немного съ унтеръ-офицеромъ Жилинковымъ ружейнымъ пріемамъ, я уходилъ къ капитану Павленкѣ, гдѣ и проводилъ весь день до поздней ночи. Если случалось достать какую новую книгу, я читалъ вслухъ, а то такъ рисовалъ, и онъ съ любовію диллетанта смотрѣлъ на мою работу. Онъ охотникъ былъ клеить изъ картона разныя бездѣлушки, и въ это время по моему рисунку склеилъ что то въ родѣ колонны или памятника, окруженнаго рѣшѣткой, съ мѣстечкомъ надъ капителью для карманныхъ часовъ. Онъ клеилъ, а я разрисовывалъ красками подъ мраморъ и бронзу. Между мной и Павленкомъ мало по малу завязалась дружба, какая могла только существовать между немолодымъ добродушнымъ эскадроннымъ ко-

мандиромъ и мальчикомъ юнкеромъ. Столъ его былъ сытенъ и сочень. Павленко, какъ хохолъ, любилъ кушать жирно, и потому самъ подкладывалъ масла въ кашу своимъ гостямъ, если ему казалось, что гость церемонился положить достаточно масла или незнаетъ вкуса. Передъ обѣдомъ и въ обѣдѣ, передъ ужиномъ и въ ужинѣ серебряно-вызолоченная чарочка съ полнѣйшимъ постоянствомъ наливалась и осушалась.

Въ концѣ августа весь нашъ полкъ былъ собранъ въ Старый Осколъ для осенняго компамента. Все шло своимъ порядкомъ. Эскадронъ нашъ былъ расположенъ въ Стрѣлецкой пригородней слободѣ. Помню, что мы ходили на ученье и съ ученья, помню, что мнѣ приглянулась очень хорошенькая огородница, помню, что въ ту осень было много грибовъ и мы съ Павленкой и съ другими офицерами эскадрона ходили за грибами въ Гарняшку, вдыхая въ себя сырой воздухъ влажной осени. Много набирали, и деньщикъ Павленковъ жарилъ ихъ намъ въ сметанѣ.

Помню, что я, бывши на почтовомъ дворѣ, получилъ письмо отъ батюшки, въ которомъ онъ извѣщалъ, что скверные французы прогнали Карла X-го; но самое страшное, что осталось въ моей памяти отъ этого компамента, такъ это дошедшій до насъ слухъ, что въ Бѣлгородѣ, въ 120-ти верстахъ отъ Стараго Оскола, появилась неслыханная дотолѣ восточная эпидемія—холера. Расказы объ ней наводили ужасъ. Говорили, что противъ нее, какъ противъ чумы, принимались карантинныя мѣры — и мѣста, гдѣ она проявлялась, оцѣплялись.

Ее тогда величали не иначе, какъ полнымъ титломъ: холера-морбусъ. Говорили даже такъ, что холера то бы ничего—а вотъ морбусъ то скверно. Въ Бѣлгородѣ умиравшихъ холерою хоронили арестанты, вытаскивая покойниковъ изъ домовъ баграми. Для предохраненія самихъ арестантовъ отъ заразы дѣлали для нихъ одежду изъ ко-

жи, пропитанной дегтемъ, или одѣвали въ смоченныя въ деготь рубашки и шаровары. Таковые то доходили до насъ слухи. Въ числѣ предохранительныхъ мѣръ велѣно было въ квартирахъ держать распущенную хлоровую известь, будто бы очищавшую воздухъ, но въ сущности издававшую отвратительный запахъ; неупотреблять въ пищу рисовую крупу—и носить на шеѣ завязанный въ тряпочку чеснокъ. Соображая, что если хорошо носить чеснокъ на шеѣ, то вѣроятно еще лучше его ѣсть, я и нѣкоторые мои товарищи, т. е. юнкера и офицеры, безъ милосердія жевали чеснокъ. У многихъ изъ насъ, въ томъ числѣ и у меня, показался поносъ; но мы, положительно не зная, какіе признаки предшествуютъ холерѣ, мало обращали на него вниманія. По прежнему ѣли, по прежнему кутили и въ сласть пользовались арбузами, которыхъ въ городъ не пропускали, а потому въ пригороднихъ слободахъ отдавали ихъ намъ чуть не за даромъ.

Болѣе всѣхъ мѣстныхъ властей возставалъ противъ арбузовъ нашъ полковникъ командиръ Баланъ: цѣлыми возами, даже своеручно, разбивалъ онъ ихъ, безъ всякаго милосердія. Никто не смѣлъ показаться съ арбузами на базарѣ. Такъ или сякъ, но пока мы оставались въ Старомъ Осколѣ, смертныхъ случаевъ не было, и поносы пока проходили сами собою.

1-го октября компаментъ кончился, всѣ эскадроны разошлись по своимъ стоянкамъ, а намъ юнкерамъ всего полка велѣно было остаться при штабѣ въ учебной юнкерской командѣ.

Въ начальники нашей команды назначенъ былъ капитанъ Цѣслинскій. Это былъ человѣкъ высокаго роста съ непропорціонально длиннымъ туловищемъ и относительно короткими ногами, за что мы и прозвали его Змѣемъ Горынычемъ. Эта кличка была ему по шерсти, по-

тому что онъ былъ золъ, какъ можетъ быть золъ только полякъ.

Квартиры юнкерской командѣ велѣно было занять въ Пушкарной слободѣ. Собрались мы всѣ въ числѣ человѣкъ 18-ти юнкеровъ и отправились въ Пушкарную слободу. Для указанія намъ домовъ подъ квартиры исправникъ распорядился прислать десятскаго, но этотъ членъ полиціи мало принесъ намъ пользы. Узнавши, что квартирантами въ слободу назначены юнкера, домовладѣльцы Пушкарной слободы заперли ворота и затворили ставнями окна своихъ домовъ.

Дѣло то въ томъ, что отцы семействъ, у кого имѣлись дочери на возрастѣ, какъ чумы боялись юнкеровъ. Нельзя сказать, чтобы они были не правы, да и намъ то оставаться на улицѣ безъ пріюта было неудобно. «Господа, на штурмъ»! — закричалъ юнкеръ Мавринъ. Юнкеръ Мавринъ, уроженецъ Новгородской губерніи, парень толстый, свѣжій, какъ молодой отпоенный быкъ, при этомъ обладалъ замѣчательною силою. Занимался ради шутки разгибаніемъ подковъ и не разъ одинъ вступалъ въ рукопашную съ толпою ямщиковъ.

— На штурмъ! вскричалъ Мавринъ, «На штурмъ!» подхватили другіе,—и всѣ мы бросились къ одному дому. Одни потащили бревно, чтобы разбивать ворота, другіе полѣзли по накатаннымъ къ стѣнѣ дома бревнамъ отрывать ставни и чѣмъ бы это кончилось Богъ вѣдаетъ, еслибъ десятскій не сходилъ къ исправнику и тотъ не прислалъ сказать, чтобы мы ужъ какъ нибудь переночевали эту ночь на своихъ старыхъ квартирахъ, а съ завтрашнимъ днемъ онъ распорядится отводомъ намъ квартиръ самъ.

Такъ и было. На другой день намъ доставленъ былъ списокъ квартиръ, которыя мы могли себѣ избрать. Мнѣ досталась крартира въ домикѣ Пичеи, какъ называли

торговку бубликами собственнаго производства. Комната моя имѣла въ квадратѣ аршина 4 съ однимъ большимъ почти квадратнымъ окномъ. Для Никиты была передняя въ половину менѣе, вообще квартира была чрезвычайно сухая и теплая.

Наступила поздняя осень со всѣми своими невзгодами. На улицѣ была слякоть и вязкая грязь, то туманъ, то изморозь, то мелкій снѣгъ, но мнѣ въ моей теплой каморкѣ мало было заботы. По службѣ обязанности нашей учебной команды вообще съ запаснымъ эскадрономъ, къ которому мы были прикомандированы, было содержаніе карауловъ, да ежедневная ѣзда въ манежѣ.

Учебныя занятія наши состояли въ оружейныхъ пріемахъ, да въ ежедневной ѣздѣ. Вотъ тутъ-то ужъ Змѣй Горынычъ допекалъ насъ, рабовъ Божіихъ, со всѣмъ увлеченіемъ своего злаго сердца. На меня, какъ на новичка, онъ налегалъ болѣе, нежели на другихъ. Быть можетъ ему не нравилось, что еще не загрубѣли на полудѣтскомъ лицѣ моемъ слѣды нѣжнаго воспитанія, отражавшагося и въ манерахъ, и въ голосѣ, и во взглядѣ, чего терпѣть не могутъ истые фрунтовики съ казарменнымъ воспитаніемъ.

Змѣй Горынычъ, чтобы гонять меня на кордѣ, назначилъ самую тряскую лошадь, гоньбу сопровождалъ крикомъ и угрозами и гонялъ такъ долго, что я отъ сотрясенія въ желудкѣ нѣсколько разъ падалъ съ лошади, что его очень забавляло.

Какъ ни грустны были эти ежедневные эпизоды, но по выходѣ изъ манежа все забывалось. Возвратясь домой, я облекался въ овчинный изъ домашнихъ мягкихъ мерлушъ, крытый полосатою нанкою тулупчикъ, обѣдалъ щи и кашу, а послѣ обѣда или самъ шелъ куда нибудь въ товарищескую бесѣду, либо ожидалъ къ себѣ прихода товарищей.

Усядимся бывало за самоваръ, пьемъ чай со сливками, а иногда съ кизлярочкой, не ради чего другаго, а такъ для провожденія времени. Этакая была жизнь,—что и умирать не надо, жаль только, что не долго продолжалась.

Въ одинъ темный вечеръ—на дворѣ шла изморозь, холодный осенній вѣтеръ пронизывалъ насквозь и на улицѣ было такъ скверно, что ни одинъ хозяинъ не рѣшился бы и собаки согнать со двора. Въ моей укромной каморкѣ напротивъ было пріятно какъ въ раю. Никита затопилъ печь, и яркій свѣтъ огня разливался по всѣмъ уголкамъ комнаты. На столѣ кипѣлъ самоваръ, а я и четверо моихъ товарищей: Мавринъ, Пареный и два брата Шеховцевы, бывшіе мои еще по пансіону однокашники, кто сидя, кто лежа на моей кровати, болтали, смѣялись и курили. Всѣмъ было хорошо, вдругъ... вдругъ растворяется дверь и унтеръ-офицеръ приноситъ приказаніе. «Завтрашняго числа всѣмъ юнкерамъ, взявъ своихъ лошадей, отправляться по эскадронамъ. Передъ отправленіемъ явиться въ канцелярію за приказаніемъ. Походъ въ Волынскую губернію для перемѣны квартиръ. Корпусному штабу назначенъ г. Житоміръ, нашему полку мѣстечко Бѣлгородка». Таковое, какъ мнѣ помнится, въ главныхъ чертахъ было содержаніе приказа. Чтеніе этого приказа повергло насъ въ уныніе. Теперь была не весна. Намъ предстоялъ походъ въ самое позднее время года и только къ 13 декабря, какъ значилось въ маршрутѣ, мы дошли бы до Бѣлгородки. Грустно было разставаться намъ съ мирною Пушкарною слободою и съ нашими теплыми квартирами...

Послѣ перваго тяжелаго впечатлѣнія пустились мы разсуждать и обдумывать, зачѣмъ это нужно — вдругъ сдѣлать перемѣны квартиръ. Мы ясно сознавали, что остановкой въ Волынской губерніи походъ не кончится. Что насъ поведутъ на войну, за границу, но куда?...

Тогда въ западной Европѣ была смута: Бельгія отказалась отъ Голландіи—мы знали это изъ газетъ, и вслѣдствіе того порѣшили, что мы на помощь Голландіи. Пройдемъ поперегъ всю Европу, побываемъ даромъ во Франціи... какъ весело.

На другой день, часу въ 3-мъ пополудни, мы съ Паренаго, одѣтые по походному, уже ѣхали на своихъ лошадяхъ по пустыннымъ полямъ, направляя путь къ эскадрону. Часу въ 10-мъ вечера, сдавъ лошадей своихъ во взводы, сами залѣзли на печь въ первой попавшейся избѣ и проспали до разсвѣта самымъ безмятежнымъ сномъ.

Маршрутъ нашъ изъ Стараго Оскольскаго уѣзда верстъ 300 лежалъ по тому самому пути, какимъ мы шли въ Козелецъ; и хотя походъ совершился также весело, какъ и тогда, но ужъ поэзіи той не было; какая ужъ тамъ поэзія, когда подъ-часъ снѣгъ лѣпитъ глаза или ледяная крупа прямо сѣчетъ въ лицо.

Ноября 7-го были въ Путивлѣ. Не помню, каковъ мнѣ показался городъ, но помню жаренаго поросенка, котораго принесъ мнѣ Никита изъ харчевни. Я съѣлъ его съ большимъ удовольствіемъ. Ноября 9 прошли Прилуки; а 19-го эскадронъ нашъ расположился въ одномъ селеніи въ 15-ти верстахъ отъ Переяславля.

Изъ событій походной жизни не много осталось въ моей памяти.

Проводя дневку въ селеніи близь пустыни Сафроновской, всѣ офицеры и юнкера нашего 2-го дивизіона, по предложенію моему, ходили въ пустынь служить молебенъ Архангелу Михаилу и Божіей Матери.

Въ Полтавской губерніи тоже во время одной изъ дневокъ, я, Паренаго и двое или трое офицеровъ нашего эскадрона, бродя по селенію, увидали высокую тесовую крышу господскаго дома, поднимавшуюся изъ густо разросшагося сада; послѣ краткаго совѣщанія положили по-

знакомиться съ владѣльцами дома и провести въ немъ вечреъ. Сказано—сдѣлано. Я надѣлъ свой новый колетъ, а Паренаго, такъ какъ у него колетъ былъ очень поистертъ, одѣлся въ офицера, т. е. надѣлъ офицерскій сюртукъ съ эполетами прапорщика Юркевича, который пришелся ему совершенно въ пору. Въ домѣ хозяина не было, а хозяйка была вдова Горленко, и при ней три взрослыхъ дочери институтки, очень хорошенькія собою. Онѣ насъ приняли со всѣмъ малороссійскимъ гостепріимствомъ, играли на фортепьянахъ, пѣли малороссійскія пѣсни, танцовали, и такъ увлекли своими ласками, что къ ужину я чувствовалъ, что уже былъ влюбленъ по уши.

Во время ужина я сидѣлъ возлѣ одной изъ юныхъ хозяекъ, то невольно вглядываясь въ миловидный ея профиль, то преслѣдуя движеніе ея плутовки ручки, частенько-таки нагибавшей бутылку съ наливкою къ моей рюмкѣ. Наконецъ, когда лицо мое отъ любви и наливки зардѣлось, какъ маковой цвѣтокъ, глаза засвѣтились огнемъ страсти, а зубы упражнялись обгладываніемъ крылышка жареной пулярки, вдругъ Паренаго, сидѣвшій возлѣ меня съ другой стороны, толкнувъ меня слегка въ бокъ, шепнулъ: «полно ѣсть, оставь что нибудь собакамъ!...» Я такъ и разразился хохотомъ. Отъ этого внезапнаго хохота милая моя угостительница, не понимая его причины, сдѣлалась посерьезнѣе...

За такое несвоевременное возмущеніе моего духа Паренаго на другой день былъ выруганъ свиньею. Затѣмъ весь первый переходъ я постоянно думалъ только о черноокой горлинкѣ, такъ мило ворковавшей мнѣ въ продолженіе ужина. На второмъ переходѣ я все еще думалъ объ ней, но уже съ нѣкоторою разсѣянностію, а на третьемъ переходѣ и совсѣмъ позабылъ думать...

Не въ дальнемъ разстояніи отъ того селенья, гдѣ расположился эскадронъ нашъ подъ Переяславлемъ, про-

живалъ въ то время помѣщикъ Пиленко. Пиленко лучшіе годы своей жизни прослужилъ въ нашемъ полку; былъ долгое время ремонтеромъ, а въ описываемое мною время мирно жилъ на покоѣ въ своемъ небольшомъ помѣстьѣ или лучше сказать хуторкѣ, довольный настоящимъ и, какъ мнѣ казалось, мало заботившійся о томъ, что совершалось за рубежемъ его владѣнія. Другомъ его въ продолженіи служебнаго поприща былъ нашъ капитанъ Павленко, и потому, когда мы проходили мимо усадьбы Пиленко, эскадрону велѣно было остановиться. Пиленко вышелъ къ намъ навстрѣчу; обнимался съ Павленкою и, какъ бывшій экадронный прежде Павленки командиръ, поздоровался съ своими сослуживцами. Драгуны привѣтствовали его обычнымъ здравія желаемъ, отъ котораго затрещало въ ушахъ, а Пиленко велѣлъ угостить ихъ водкою съ преизбыткомъ. Офицеровъ и юнкеровъ просилъ въ домъ.

Домикъ его былъ уже полонъ старыми его товарищами офицерами другихъ эскадроновъ, прибывшихъ прежде насъ. На большомъ столѣ, занимавшемъ почти всю залу Пиленкина домика, наставлено было множество провизіи и жареной, и вареной, чего тутъ не было—и жареные поросята, гуси, ветчина, сало малороссійское, колбасы домашняго приготовленія всѣхъ родовъ и безчисленное множество бутылей съ наливками всѣхъ возможныхъ названій. На ближайшемъ же столикѣ бросалась въ глаза шеренга графиновъ, различныхъ настоевъ всегда полезныхъ для желудка. Кругомъ стола сидѣли въ различныхъ безцеремонныхъ положеніяхъ гости—всѣ уже порядочно на веселѣ. Бутылки пустѣли, но тотчасъ же замѣнялись новыми. Шумъ, говоръ, пѣсни. Возлѣ стола въ тѣсномъ промежуткѣ между столомъ и стѣною устанавливалась французская кадриль, разумѣется, безъ дамъ, потому что ихъ не было. «Селивановъ пой!»—Что?—«Французскую

кадриль» кричалъ поручикъ Костаревъ 2-й, очень тогда еще молодой и веселый офицеръ, котораго товарищи звали обыкновенно Алешей и теперь принявшій на себя распоряженія танцами. Я заартачился, смѣшался, пѣвецъ я былъ плохой; но кто-то выручилъ, запѣлъ: тра-та-та! тра-та-та! и все запрыгало, заскакало, заплясало въ полоумномъ восторгѣ. Часу въ девятомъ вечера домикъ Пиленки опустѣлъ. Всѣ гости, не исключая офицеровъ, юнкеровъ и нашего 4-го эскадрона, разъѣхались по своимъ эскадронамъ. Единственнымъ гостемъ Пиленки остался Павленко на все время расквартированія полка въ этомъ околодкѣ. По маршруту намъ слѣдовало тутъ только дневать, но мы простояли тутъ ровно двѣ недѣли. Не могу теперь опредѣлить почему; но кажется, что причиною было большое скопленіе войскъ на переправахъ Днѣпра и недостатокъ паромовъ.

Каждый почти день офицеры нашего эскадрона и мы съ Паренаго являлись обѣдать къ Пиленкѣ—и проводили у него большую часть времени—пока одно и то же при всемъ радушіи хозяина не наскучило. Раза два онъ устроивалъ намъ охоту съ тенетами. Наконецъ, переправа на Днѣпрѣ очистилась, и мы, распростившись съ гостепріимнымъ уголкомъ, двинулись въ походъ. Въ сумерки только подошли мы къ Днѣпру. Рѣка волновалась, скоро сдѣлалось темно и потому переправа отложена была до утра. Три или четыре эскадрона провели ночь на бивуакахъ. Это былъ первый бивуакъ, который я узналъ не по наслышкѣ и остался имъ очень недоволенъ. Не ожидая, что намъ придется ночевать на холодномъ пескѣ пустыннаго берега, мы всѣ пожитки наши отправили впередъ и они уже были за Днѣпромъ. Продовольствія съ нами не было никакого. Голодно, холодно; и въ ближнихъ окрестностяхъ никакого жилья. Не было даже водки. Капитанъ Павленко и еще кое-кто изъ офицеровъ ночевали въ ку-

ренѣ чиновника земской полиціи, который давно уже проживалъ тутъ, переправляя черезъ рѣку разныя части войскъ. Я пошелъ къ нимъ, думая тамъ найти хоть рюмку водки; но увы, тамъ все уже было выпито. Офицеры 6-го эскадрона разложили огонекъ, набравъ кое-гдѣ палочекъ и хворосту. Кругомъ огня сидѣли и лежали офицеры изъ всѣхъ тутъ ночевавшихъ эскадроновъ. Когда я подошелъ къ нимъ, то по выраженію ихъ глазъ, устремленныхъ къ огню, я тотчасъ смѣкнулъ, что что-то неладно, что есть какая нибудь непріятная новость, которая всѣхъ занимаетъ. Такъ и было. Примкнувши къ кружку, окружавшему огонекъ, я услышалъ страшную новость. Польша взбунтовалась и насъ ведутъ ее усмирять. Сердце у меня, какъ вѣроятно и у многихъ другихъ, при этомъ извѣстіи сильно екнуло... Холодная ночь на Днѣпрѣ тянулась будто вѣчность.

Съ этого ночлега мы уже знали цѣль нашего похода. Новость скоро стала обыденною и наконецъ мало по малу всѣ привыкли къ мысли, что въ близкомъ будущемъ намъ предстоитъ война.

Съ углубленіемъ нашимъ въ Волынь увеличивались морозы; снѣгъ покрылъ равнины и лѣса инеемъ. Велѣно было отпустить сабли. Я отдалъ свою моему дядькѣ старому усачу Шарову, и онъ мнѣ наточилъ ее великолѣпно. Я часто пробовалъ ея остріе и задумывался...

Наконецъ 23 декабря дошли мы до Заставы. Тутъ я долженъ былъ проститься съ Никитой. Какъ юнкеръ я не имѣлъ права имѣть съ собою прислугу, потому что всѣхъ лишнихъ людей, слѣдовавшихъ за полкомъ, велѣно было удалить. Мнѣ нужно было сшить новый суконный галстукъ, и Никита всю послѣднюю ночь передъ нашимъ разставаньемъ провелъ за шитьемъ, сидя возлѣ моей постели, не разъ окропивъ свою работу слезами. Къ разсвѣту, когда эскадрону надо было выступать,—я обно-

вилъ галстукъ, крѣпко горячо обнявшись съ Никитою; оба плакали навзрыдъ. Наконецъ мы простились. Я пошелъ съ эскадрономъ, а онъ отправился въ дальній путь— домой въ Любаво.

По пути мы въ селахъ и мѣстечкахъ, которыя проходили, вездѣ видѣли великолѣпные громадные каменные костелы и въ параллель имъ въ селахъ часто съ русскимъ населеніемъ, а иногда рядомъ съ костелами торчали полуразвалившіяся русскія церкви, поросшія мхомъ съ провалившимися крышами — тѣсныя, жалкія. Православное населеніе, угнетаемое крѣпостнымъ правомъ польскихъ пановъ, прозябало въ полнѣйшей нищетѣ и въ безвыходныхъ трудахъ. Трудно было достать кусокъ хлѣба безъ примѣси овсяной муки, то есть овсянки съ мякиной. Лица мужчинъ, и женщинъ, старости и юности, были истощены. Впалыя щеки, отупѣвшіе глаза и желто пергаментный цвѣтъ лица представляли общій типъ. За кусокъ чистаго хлѣба можно было купить невинность дѣвушки.

Разъ пришли мы въ большое селенье съ великолѣпнымъ панскимъ домомъ. Не успѣли мы взойти въ отведенныя намъ квартиры, какъ панъ прислалъ своего изящно одѣтаго служителя просить офицеровъ и юнкеровъ къ нему кушать. Мы пошли. Панъ встрѣтилъ насъ съ распростертыми руками, объятіямъ и поцѣлуямъ въ плечо не было конца. Въ гостиной, изящно убранной, онъ представилъ насъ женѣ, представилъ намъ и дѣтей своихъ, мальчика лѣтъ 14-ти и дѣвочку лѣтъ 13-ти. Какъ мнѣ помнится, это было на Рождество, 25 декабря. Жена тоже была съ нами очень любезна. Былъ тамъ еще учитель, кажется французъ, съ черными бакенбардами очень серьезнаго вида и 2 или 3 молоденькихъ ловкихъ приживалки изъ мелочной шляхты.

Начался разговоръ о современныхъ дѣлахъ въ Цар-

ствѣ Польскомъ. Панъ безъ милосердія порицалъ возмущеніе; говорилъ, что его 14-ти лѣтній сынъ величайшій патріотъ и что нигдѣ не хочетъ иначе служить, какъ въ петербургской гвардіи, въ гренадерахъ.

Между тѣмъ столъ былъ накрытъ—и всѣ мы были приглашены въ столовую.

Сервировка вся была на серебрѣ, не говоря о сереброподобной скатерти. Стаканы, рюмки, графины, все было высокаго гранёнаго хрусталя, но вина стояла только на столѣ одна бутылка на серебряномъ поддонникѣ,—а графины были наполнены, какъ алмазъ, чистою водою. Болѣе всего меня удивило то, что въ стоявшей на серединѣ стола, разумѣется, серебряной корзинѣ лежали ломтики хлѣба простаго, ржанаго и до того тонко и крохотно нарѣзанные, что и заразъ положить въ ротъ весь кусокъ нечего.

Панъ сперва подвелъ насъ къ водкѣ. Рюмочки вѣроятно были взяты изъ дѣтскаго сервиза. Буквально не превосходили емкостью наперстка.

Сѣли за столъ. Хозяйка разливала супъ чистый, прозрачный и съ привѣтомъ подавала каждому изъ насъ. Тарелки были самаго малаго размѣра и наливались до половины, такъ что вся порція равнялась 3 или 4 столовымъ ложкамъ. Пирожки по числу гостей очень хорошо приготовленные были въ голубиное яичко.

Послѣ этого въ закрытомъ серебряномъ соусникѣ принесли и поставили передъ хозяиномъ ту говяжью кость, изъ которой, вѣроятно, варился бульонъ. Онъ вытряхнулъ мозгъ, говоря, что онъ очень «это» любитъ, что это его прихоть, и потомъ по очереди сталъ подчивать всѣхъ. Всѣ отказались. Потомъ подавали ветчину, жаркое, кажется дичь, но все это нарѣзано такъ крохотно, что только раздражало вкусъ. Наконецъ радушный хозяинъ, не перестававшій подчивать, предложилъ вина. Что это

было за вино, я и теперь не знаю. Была ли это смѣсь наливокъ, былъ ли это черный, пречерный медъ, никто изъ насъ не могъ бы сказать, что мы пили?

Послѣ обѣда, по предложенію хозяина занять гостей, хозяйка сѣла за рояль и занимала насъ музыкою.

Подали хербату. т. е. чай. Тутъ стаканы были большіе, но чай представлялъ только едва желтенькую водичку безъ всякаго вкуса. Въ это время пришелъ ксендзъ съ органщикомъ изъ ихъ приходскаго костела, и принесли нѣсколько пачекъ, связанныхъ розовыми ленточками, облатокъ. Хозяйка тотчасъ раздала намъ по пачкѣ, а хозяинъ замѣтилъ, что облатки эти очень вкусно ѣсть съ медомъ. «Вотъ я сейчасъ велю вамъ подать меду .. Мы такъ вамъ рады, прибавилъ онъ. . Все, что есть у насъ— мы ничего не пожалѣемъ для дорогихъ гостей», и тотчасъ началъ обнимать ксендза и цѣловать его въ плечо.

Принесли на тарелкѣ медъ и намъ подали блюдечки и чайныя ложки. Приличіе заставило брать, но что это былъ за медъ съ неотдѣленною узою, съ дохлыми пчелами, такъ что сколько нибудь чистаго меду нельзя было набрать съ блюдечка и 2-хъ чайныхъ ложекъ.

Послѣ чаю капитанъ началъ прощаться съ хозяиномъ и хозяйкою. Его примѣру послѣдовали и другіе офицеры; за ними и мы съ Паренаго. Объятіямъ, прикладываніямъ къ плечу, льстивымъ словамъ опять не было конца, и дѣйствительно не было бы всему этому лицемѣрію конца, если бы мы не поторопились поскорѣе сойдти съ крыльца.

Морозная безлунная ночь обхватила насъ со всѣхъ сторонъ. Насмѣшливо моргали на насъ съ темнаго неба ярко сіявшія звѣзды. Мы шли молча; всѣ были голодны; никому не хотѣлось начинать разговора.

— Вотъ бестія-то—вскричалъ наконецъ капитанъ, когда мы вышли на площадь и остановились съ тѣмъ, чтобы пожать другъ другу руки и разойтись. «Бестія,

бестія»! подтвердили всѣ. Разошлись; но долго еще въ темнотѣ морозной декабрской ночи слышались разныя непечатныя междометія, расточаемыя расходившимися въ разныя стороны офицерами на счетъ гостепріимнаго помѣщика.

— Пойдемъ, братико, ко мнѣ, поужинаемъ, сказалъ мнѣ Павленко, когда офицеры разошлись.

— Еще не поздно и мы успѣемъ еще и почитать. Дѣло въ томъ, что мнѣ удалось у кого то достать 1-ю часть Евгенія Онѣгина, которую Павленко еще не читалъ.

— Горѣлки! гаркнулъ Павленко своему курчавому деньщику, когда мы съ нимъ вошли въ хату, «да ставь сюда поросенка». Пока Павленко снималъ сюртукъ и облекался въ халатъ, на столѣ уже стояла горѣлка, 2 серебряныя чарочки и жареный поросенокъ. Павленко налилъ чарочки, и мы съ нимъ чокнулись. «Ѣшь, братико»!

Въ половинѣ ужина, т. е. когда половина поросенка была съѣдена, мы выпили еще по чарочкѣ и затѣмъ окончили вторую половину ужина.

— Ну, теперь читай! сказалъ Павленко и прилегъ на постланную ему постель.

Безъ остановки я прочелъ всю 1-ю главу Онѣгина. Павленко былъ доволенъ. Я тоже ушелъ очень довольный и чтеніемъ и ужиномъ.

Болѣе 25 градусовъ мороза было на дворѣ, когда эскадронъ нашъ утромъ слѣдующаго дня выступалъ въ дальнѣйшій путь. Тутъ намъ разсказалъ вахмистръ, что панъ выставилъ на базарѣ печеный хлѣбъ и обязалъ своихъ крестьянъ покупать этотъ хлѣбъ, чтобы кормить солдатъ. Крестьяне были до того разорены, что буквально ни въ одной хатѣ нельзя было достать хлѣба, который безъ привычки можно бы было жевать.

ГЛАВА XII.

Луцкая городская больница.—Пріѣздъ въ Устилугъ.—Капитанъ Креслингъ.—Вступленіе въ предѣлы Польши.—Отъ Устилугъ до Пулавъ.—Офицеры отряда Крейца.—Люблинъ.—Кофейня Шикандара.—Мои хозяева.—Полковникъ Притвицъ.—Прапорщикъ Забѣльскій.—Фальшивая тревога.—Генералъ Бракерь.—Вступленіе въ Пулавы.—Поручикъ Пьтёухъ.—Польскій разъѣздъ.—Переправа черезъ Вислу.—Занятіе Козеницъ.—Штабсъ-капитанъ Марковъ.—Походныя насѣкомыя.—Ссора Киндякова съ Репнинскимъ.—Тревога.—Аттака Дверницкаго.—Дневка въ Мащіовицахъ.—Возвращеніе въ Пулавы.—Аттака непріятеля на 5 эскадронъ Казанскаго полка.—Плѣнъ Сакмина и др. офицеровъ.—Смерть прапорщика Воейкова.—Прапорщикъ Юргенсъ.—Княгиня Чарторыжская.—Александра Заборовская.—Экспедиція Делинсгаузена.—Свиданіе его съ Чарторыжской.—Арестъ Забаровской.—Занятіе замка кн. Чарторыжской.—Возвращеніе въ Люблинъ.—Мое выздоровленіе.—Порученіе Делинсгаузена.—Выѣздъ изъ Люблина.—Мои приключенія.—Переходъ до селенія Нѣмецъ.—Штурмъ Люблина.—Занятіе города.

Луцкая городская больница помѣщалась въ низкомъ, ветхомъ, деревянномъ строеніи. Для больныхъ, кромѣ небольшой передней, было всего двѣ комнаты. Одна для арестантовъ, другая для инвалидовъ. Въ первой комнатѣ при вступленіи моемъ въ больницу, лежало 4 или 5 больныхъ изъ городской тюрьмы; во второй три кровати заняты были рядовыми луцкой инвалидной команды, четвертую кровать отвели мнѣ. Какъ ни непріятна показалась мнѣ сначала вся эта обстановка, а болѣе всего мои новые товарищи, но скоро я примирился со всѣмъ меня

окружавшимъ. Я былъ въ теплѣ. Положимъ, что наволочки на подушкѣ и простыня были сшиты изъ грубаго равендука, но они были чисты. Суконное одѣяло было подшито чистою-же простынею. Возлѣ кровати стоялъ столикъ съ оловянною кружкою чистой воды. Кормили меня кашицею съ хорошей говядиной въ обѣдъ и въ ужинъ и при этомъ давали по фунтовой булкѣ изъ пшеничной, довольно бѣлой муки. Чаю и сахару я купилъ себѣ самъ, но чайникъ и горячую воду доставляла мнѣ безъ затрудненія больничная прислуга, состоявшая изъ фельдшера, да отставнаго инвалида. Обходились со мною вѣжливо. Товарищи мои, инвалиды, были добродушны и разсказывали мнѣ про свою боевую жизнь и про походы. Въ числѣ арестантовъ былъ одинъ священникъ, лишенный правъ состоянія, и какая-то крестьянка. Эти два лица, отъ которыхъ я не слыхалъ ни ропота, ни жалобъ, возбуждали во мнѣ чувство особеннаго состраданія. Священникъ разстрига былъ уже старъ. Борода и волосы на головѣ сѣдые, впалыя щеки, глаза тусклые. Онъ едва ворочался и едва приподнимался на своей постелѣ, но по утрамъ и вечерамъ доставалъ изъ подъ подушки ветхій молитвенникъ въ черномъ кожанномъ переплетѣ, завернутый въ неменѣе ветхую шелковую эпитрахиль и тихо читалъ молитвы. Крестьянка арестантка, напротивъ, была молода, но пороки и заключеніе въ тюрьмѣ наложили на лицо ея исключительную печать. На впалыхъ щекахъ рдѣлся пятнами румянецъ, глаза свѣтились болѣзненнымъ огнемъ; волосы всклокочены, но не смотря на собственныя душевныя и тѣлесныя страданія, она послѣднія свои изнеможенныя силы посвящала уходу за старцемъ-священникомъ, подавала ему пить, помогала ему привстать и повернуться. Между тѣмъ я поокрѣпъ и ждалъ уже дня, когда меня выпишутъ изъ больницы, чтобы отправиться къ резервамъ, но сдѣлалось не такъ.

Въ одно прекрасное утро, когда я, выспавшись отлично и напившись чаю въ полусидячемъ положеніи, умывшись, причесавшись и одѣвшись сказалъ бы я, еслибъ я не былъ одѣтъ въ халатѣ, лежалъ на своей койкѣ и читалъ одинъ изъ разрозненныхъ томовъ знаменитаго романа Ричардсона, «Кларису Гарловъ», вдругъ входитъ ко мнѣ братъ Алексѣй... «Здорово, братъ! что ты это гдѣ валяешься... Одѣвайся скорѣе.... Ѣдемъ со мною!..»

Признаюсь, внезапное появленіе его, вызовъ сейчасъ же ѣхать, ѣхать въ трескучій морозъ, въ будущемъ опять походы, опять труды и лишенія проняли меня лихорадкой.

— Я просилъ за тебя Крейца, продолжалъ братъ, я состою при немъ ординарцемъ и тебя прикомандировали къ корпусному штабу. Ты будешь состоять при оберъ-квартирмейстрѣ...

Поцѣловавшись съ братомъ, я началъ торопливо одѣваться. Надѣлъ свой походный на шленской овчинѣ колетъ, шинель, и чрезъ полъ-часа мы уже мчались съ нимъ по снѣжной гладкой дорогѣ на лихой почтовой тройкѣ въ Устилугъ, гдѣ долженъ былъ ночевать корпусный штабъ.

Когда мы въѣхали въ Устилугъ, было уже совершенно темно. Пройдя чрезъ темныя сѣни, взошли мы въ корчму, освѣщенную сальнымъ огаркомъ. Вся эта комната завалена была вьюками и чемоданами, а за стѣной въ другой комнатѣ слышенъ былъ говоръ многихъ голосовъ. Изъ всего я заключилъ, что въ этой корчмѣ было скучено много состоящихъ при штабѣ. Василій Гавриловъ, подмостивъ скамью къ лежанкѣ и постеливъ кое-что, уложилъ меня спать. Въ корчмѣ было шумно, ходьба взадъ и впередъ офицеровъ, деньщиковъ, вѣстовыхъ, казаковъ, не прекращалась всю ночь. Однакожъ еще слабый и утомленный переѣздомъ я заснулъ крѣпкимъ сномъ. Василій

Гавриловъ, пока я еще не заснулъ, успѣлъ уже разсказать мнѣ объ отношеніи брата къ начальству, объ офицерахъ Переяславскаго полка, о полковомъ командирѣ ихъ Новосильцевѣ и наконецъ о капитанѣ Креслингѣ.

Капитанъ Креслингъ командовалъ лейбъ-эскадрономъ въ Переяславскомъ конно-егерскомъ полку. Онъ былъ высокаго роста, одаренъ богатырскимъ сложеніемъ и въ мирное время почитался однимъ изъ отличнѣйшихъ служакъ. Всѣ ожидали, особенно всегда нѣсколько увлекавшійся мой братецъ, что въ первую войну Креслингъ съ его твердостію, знаніемъ службы и воинскою наружностью покажетъ себя героемъ... но увы, наружность почти всегда бываетъ обманчива.

Герой этотъ, когда уже сдѣлалось непреложнымъ, что война неизбѣжна, до того перетрусился, что плакалъ, какъ баба, возбуждая къ себѣ своимъ малодушіемъ презрительное состраданіе. Его оставили въ резервахъ, откуда онъ скоро былъ переведенъ въ корпусъ фельдъ-егерей.

На утро, съ разсвѣтомъ, отрядъ нашъ, состоявшій изъ 2-й драгунской дивизіи, въ числѣ 24 эскадроновъ при 24 орудіяхъ и одного казачьяго полковника Грекова полка, подъ личнымъ начальствомъ корпуснаго командира генералъ-лейтенанта Крейца, перешедъ Бугъ по льду, вступилъ въ предѣлы Царства Польскаго. Это было 24 января 1831 года.

Послѣ болѣзни я былъ еще слабъ. У меня не было ни лошади, ни аммуниціи, и потому мнѣ дали мѣсто въ огромной бричкѣ, вмѣстѣ съ старшимъ корпуснымъ писаремъ и топографомъ, въ бричкѣ, въ которой везли походную канцелярію и чертежную корпуснаго штаба. Когда легкій вагенбургъ, при которомъ слѣдовала занимаемая мною бричка, выѣхалъ на противоположный берегъ Буга, съ лѣвой стороны отъ дороги увидѣли мы высокое врытое въ землѣ бревно, одѣтое соломою. Это былъ телеграфный маякъ,

который предназначался быть зажженнымъ въ ночь, при первомъ появленіи русскихъ войскъ въ границахъ Царства. Линія такихъ маяковъ, разставленныхъ по всѣмъ высотамъ, отъ самой границы тянулась до самой Варшавы. Въ виду нашемъ нѣсколько казаковъ, отдѣлившись отъ отряда, поскакали къ маяку и тотчасъ начали рубить его топорами. Маякъ упалъ.

Первый ночлегъ корпуснаго штаба былъ мѣстечко Грубешовъ, а 31-го вступили въ мѣстечко Пулавы.

На движеніе нашего отряда, отъ Устилуга и до Пулавъ, тянувшагося длинною вереницею по дорогѣ, я смотрѣлъ, какъ на обыкновенное походное движеніе въ мирное время. Ничто не напоминало о войнѣ. Кругомъ все спокойно и тихо, лица веселыя. Только прекрасно устроенные шоссе, да верстовые столбы, окрашенные не въ 3 цвѣта, а въ 2, т. е. малиновый и бѣлый, напоминали, что мы не дома, а на чужбинѣ.

Пріѣзжая на ночлегъ, я, какъ ничѣмъ не озабоченный человѣкъ, бѣжалъ прямо на квартиру, отведенную брату. Впрочемъ за рѣдкими исключеніями, для адъютантовъ и постоянныхъ ординарцевъ Крейца, къ которымъ принадлежалъ братъ, квартиры отводились въ одномъ по просторнѣе домѣ.

До прибытія въ Люблинъ я уже ознакомился со всѣмъ составомъ чиновъ, составлявшихъ штабъ Крейца. Начальникомъ штаба нашего корпуса былъ свиты Его Императорскаго Величества генералъ-маіоръ Долинсгаузенъ, оберъ-квартирмейстеръ полковникъ баронъ Притвицъ, дежурный штабъ-офицеръ подполковникъ Броневскій, за старшаго адъютанта исправлялъ должность Арзамазскаго конно-егерскаго полка штабсъ-капитанъ Марковъ. Адъютанты Крейца: гвардіи поручикъ Киндяковъ и поручикъ князь Друцкой. Этотъ послѣдній послѣ войны состоялъ адъютантомъ при Московскомъ военномъ генералъ-губернаторѣ

князѣ Дмитріи Владимировичѣ Голицинѣ. Въ Московскомъ обществѣ онъ былъ извѣстенъ подъ названіемъ «возокъ съ фонарями». Прозвище это онъ пріобрѣлъ своими огромными, въ родѣ коровьихъ, стекловидными буркулами. Въ военное время онъ былъ малый добрый. Возилъ съ собою во вьюкѣ пуховыя подушки и вообще располагался на квартирахъ, гдѣ было возможно чрезвычайно причудливо. По вечерамъ на столѣ его всегда горѣли двѣ свѣчи въ бронзовыхъ подсвѣчникахъ, которые онъ тоже возилъ съ собою. Впослѣдствіи я не разъ встрѣчался съ нимъ въ Москвѣ, но тутъ онъ, женившись на какой-то дѣвицѣ изъ высшаго круга, очень зазнался. Ординарцами при Крейцѣ были братъ и рижскаго принца Виртембергскаго полка поручикъ Охотниковъ. Слишкомъ черезъ 40 лѣтъ этого послѣдняго я увидѣлъ въ Москвѣ у прежде-освященной обѣднѣ въ церкви Николы, что на курьихъ ножкахъ, старостою церковнымъ, ходившаго по церкви съ тарелкою. Черезъ плечо на шнуркѣ висѣла у него огромная слуховая труба. Изъ прежняго полнаго жизни, лихаго офицера, осталась глухая, сѣдая согбенная старостію развалина. При оберъ-квартирмейстерѣ полковникѣ Притвицѣ-генеральнаго штаба капитанъ Бутовской и поручикъ князь Друцкой-Сокольницкій. Послѣдній былъ чрезвычайно симпатичная личность. Его миловидная изящная наружность съ перваго знакомства внушала довѣріе и невольно влекла къ нему. Не любить его было нельзя. Прикомандированные въ распоряженіе оберъ-квартирмейстера были: переяславскаго конно-егерскаго полка штабсъ-капитанъ и поручикъ Бырдины, поручикъ Бѣлкинъ и тверскаго драгунскаго полка поручикъ Сомовъ и прапорщикъ Забельскій.

Къ чертежной въ распоряженіи барона Притвица было прикомандировано нѣсколько юнкеровъ, а именно: переяславскаго конно-егерскаго полка юнкеръ Свѣчинъ, твер-

скаго драгунскаго полка юнкеръ Кирѣевскій и отъ казачьяго драгунскаго полка я.

Кромѣ корпуснаго штаба при отрядѣ нашемъ слѣдовалъ штабъ 2-й драгунской дивизіи, въ лицѣ начальника дивизіи генералъ-маіора, или лейтенанта, не помню, Забаринскаго, и состоявшаго при немъ адъютантомъ князя Мещерскаго. Кромѣ Забаринскаго было еще два генерала. Это бригадные командиры: генералъ-маіоръ Каверъ и генералъ-маіоръ Гельманъ, со всѣми адъютантами. Адъютантомъ при Гельманѣ былъ поручикъ Карповичъ. При Каверѣ не помню кто, тутъ же при штабѣ вертѣлся Виртембергскаго конно-егерскаго полка поручикъ Кудрявцевъ, но былъ ли онъ въ числѣ ординарцевъ Крейца-не помню. Артиллеріею командовалъ генералъ-маіоръ Брикеръ. При немъ адъютантомъ-поручикъ Игнатьевъ.

Такъ-какъ весь отрядъ нашъ состоялъ изъ одной драгунской дивизіи, двухъ батарей, да одного полка казаковъ подъ личнымъ начальствомъ корпуснаго командира Крейца, то Забаринскому и дѣлать было нечего.

Каверу Крейцъ сначала ввѣрялъ еще отдѣльныя части, а Гельманъ, какъ и Забаринскій только ѣли и спали. Для Крейца они рѣшительно ни на что не были нужны. При нашемъ же отрядѣ находился генералъ адъютантъ принцъ Адамъ Виртембергскій.

Авангардъ нашъ состоялъ изъ Виртембергскаго драгунскаго полка подъ начальствомъ своего полковаго командира полковника Шилинга. Полки, составлявшіе отрядъ, на начлегѣ располагались по ближайшимъ къ штабу деревнямъ. При штабѣ оставался всегда одинъ дежурный эскадронъ и команда жандармовъ, которой начальствовалъ поручикъ Пьетухъ, офицеръ польскаго происхожденія.

Приключеній особенно замѣчательныхъ или передвиженій нашего отряда отъ Устилуга до Люблина никакихъ не было. Помню только, что въ Красноставскомъ трактирѣ

я въ послѣдній разъ видѣлъ офицера нашего полка прапорщика Воейкова. Не знаю почему, но его прекрасныя, юныя черты лица, свѣтлорусые небольшіе усы его, въ этотъ разъ привлекали на себя исключительное мое вниманіе. Я вглядывался въ него, какъ будто съ тѣмъ, чтобы на всегда сохранить въ памяти его черты, какъ будто говорило сердцу, что онъ будетъ первою жертвою войны.

Не помню теперь изъ Выйсловецъ ли, или изъ Красностава Крейцъ посылалъ брата въ крѣпость Замостье парламентеромъ съ предложеніемъ сдачи крѣпости; но предложеніе это было отвергнуто.

Приблизившись къ крѣпости, разсказывалъ братъ, я велѣлъ сопровождавшему меня трубачу трубить. Изъ крѣпости выѣхалъ офицеръ. За нимъ слѣдовалъ небольшой конвой. Когда братъ объявилъ, что онъ желаетъ говорить съ комендантомъ, ему предложили слѣзть съ лошади, завязали глаза и повели чрезъ ворота къ дому коменданта.

Поднявшись по лѣстницѣ, его ввели въ пріемную, и уже тутъ развязали глаза. Не помню, что и какъ было говорено, но когда глаза были развязаны, братъ вмѣстѣ съ комендантомъ увидѣлъ много молодыхъ офицеровъ, съ которыми по окончаніи переговоровъ онъ познакомился по пріятельски.

Всѣ они были очень вѣжливы, привѣтливы, и на прощанье братъ изъявилъ имъ надежду, встрѣтившись съ ними когда нибудь въ бою, порубиться на славу. Затѣмъ глаза были завязаны и, когда его вывели за ворота, подъемный мостъ тихо подняли.

Въ Пяскахъ квартира брату и мнѣ была отведена въ небольшомъ домикѣ, принадлежащемъ унтеръ-офицеру ветерану. Польская армія до 1831 года комплектовалась посредствомъ конскрипціи. Срокъ службы былъ не продолжительный, и заслуженные нижніе чины, отличавшіеся

хорошимъ поведеніемъ, выпускались ветеранами. Они носили особенный, присвоенный имъ мундиръ—синій съ малиновыми кантами и тесакъ на черной глянцевой перевязи съ серебрянымъ темлякомъ. Хозяинъ ветеранъ накормилъ насъ чѣмъ Богъ послалъ; въ первый разъ я увидѣлъ у него на стѣнѣ литографированный портретъ покойнаго Императора Александра. Онъ былъ изображенъ на щитѣ, поставленномъ на пьедесталѣ. Съ одной стороны щита польскій уланъ съ своимъ уланскимъ дротикомъ, а на другой сторонѣ русскій гвардейскій гренадеръ съ ружьемъ подавали другъ другу руки. Очень часто впослѣдствіи мнѣ случалось встрѣчать въ Царствѣ Польскомъ портреты Александра въ этомъ видѣ; но не рѣже встрѣчался въ томъ же видѣ и портретъ Наполеона I-го. Разница только въ томъ, что вмѣсто русскаго гренадера поставленъ гренадеръ старой французской гвардіи въ медвѣжьей шапкѣ. Послѣдняя литографія была исполнена значительно лучше: то было французское издѣліе.

Видъ Люблина съ своимъ кафедральнымъ костеломъ, высоко-господствующимъ надъ всѣмъ городомъ, и холмистымъ мѣстоположеніемъ еще издали произвели на меня самое пріятное впечатлѣніе. Когда отрядъ нашъ достигнулъ собора, то на холмѣ, на которомъ построенъ, собралось около сотни гимназистовъ разныхъ возрастовъ въ синихъ форменныхъ сюртукахъ съ малиновыми воротниками, съ веселыми минами, какъ мнѣ казалось, и съ любопытсвомъ смотрѣвшихъ на проходившіе мимо ихъ эскадроны.

Въ одной изъ лучшихъ улицъ въ предмѣстьи Люблина бричка, въ которой я ѣхалъ, остановилась противъ дома, отведеннаго подъ дежурство, и я побѣжалъ въ домъ, въ которомъ отведена квартира брату. Комната ему назначена была во 2-мъ этажѣ большаго каменнаго дома, очень чисто и хорошо меблированнаго. Взглянувъ изъ окна на улицу,

я увидалъ небольшую вывѣску съ надписью золотыми буквами «Cava», что особенно обратило мое вниманіе. У входа въ эту каву на улицѣ стояло уже нѣсколько офицерскихъ лошадей разныхъ полковъ нашей дивизіи въ сѣдлахъ, что ясно показывало присутствіе ихъ сѣдаковъ въ кофейной. Не думая долго, отправился туда и я.

Кофейная эта принадлежала французу Шикандару, женатому на полькѣ. Кофейная состояла изъ 2-хъ отдѣленій. На право собственно кофейная съ каминомъ и небольшой плитой, на которой постоянно кипѣло нѣсколько кофейниковъ съ готовившимся кофе и стояло нѣсколько горнушечковъ со сливками, покрытыми розово-золотистыми пѣнками. Двѣ очень хорошенькія, ловкія дѣвушки - приманка всѣхъ польскихъ кавъ—составлявшія прислугу этого отдѣленія, кокетничали съ посѣтителями, какъ могутъ кокетничать только польки. Въ отдѣленіи съ лѣвой стороны, гдѣ находился буфетъ, расположены были столы и столики для желающихъ обѣдать или просто перекусить. Въ этомъ отдѣленіи. какъ и въ первомъ, прислуга состояла также изъ двухъ хорошенькихъ дѣвушекъ. Самъ Шикандаръ былъ мужчина лѣтъ подъ 50, замѣчательный тѣмъ, что кто бы ни подходилъ къ его конторкѣ для расплаты, много ли, мало ли ѣлъ, всегда слышалъ одну и туже фразу: «Dix florin et dix graces». Супруга его г-жа Шикандаръ была женщина не первой молодости, но очень миловидная. Держала себя какъ grande dame, и чрезвычайно граціозно умѣла обвивать персидской шалью свой красивый станъ и изящно сложенныя плечи. Если Люблинъ съ первыхъ дней похода нашего отряда въ Царствѣ Польскомъ сдѣлался главнымъ операціоннымъ пунктомъ его дѣйствій, то кофейная Шикандара сдѣлалась любимымъ сборнымъ мѣстомъ нашихъ офицеровъ. То преслѣдуя непріятеля, разбивши его, то уклоняясь отъ сраженія, если силы непріятеля были несоразмѣрно

значительнѣе нашихъ, отрядъ нашъ, смотря по обстоятельствамъ, то оставлялъ Люблинъ, то возвращался опять въ него, и возвращался всегда въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Первый визитъ офицеровъ по приходѣ въ Люблинъ былъ всегда въ кофейную Шикандара. Тамъ передавали другъ другу взаимныя впечатлѣнія, разсказывали о боевыхъ и любовныхъ приключеніяхъ и расточали любезности хорошенькой прислугѣ. Днемъ ѣли и пили, а по вечерамъ около большаго ломбернаго стола въ кофейномъ отдѣленіи собиралась многочисленная толпа поиграть въ банкъ или попытать счастіе на поприщѣ штосса. Кучи голландскихъ червонцевъ невидимо росли и, мало по малу поднимаясь горами, составляли для понтирующихъ неотразимую приманку. Много при этомъ выпивалось шампанскаго, да и много же и червонцевъ изъ кармановъ гулякъ переходило въ карманъ Шикандара. Въ скоромъ времени онъ нажилъ себѣ значительный капиталъ, пріобрѣлъ дома, и, какъ я слышалъ впослѣдствіи, отъ избытка счастія сошелъ съ ума.

Когда я, пообѣдавъ всласть, возвратился на квартиру, были уже сумерки. Брата не было дома. Вдругъ входитъ въ комнату горничная дѣвушка и говоритъ мнѣ, что хозяинъ дома проситъ меня пожаловать къ нимъ на «хербату». Тогда я еще ничего ровно не понималъ по польски, однакожъ догадался, что меня просятъ на чай. Доставъ новый мой колетъ и рейтузы изъ тонкаго сукна, я переодѣлся, причесался и пошелъ на радушный призывъ, на новое знакомство. Миновавши залъ и хорошо меблированную гостиную, вхожу въ диванную. Въ диванной я увидалъ до пяти лицъ. Хозяинъ, хозяйка, ихъ дочь и еще двѣ молодыя дѣвушки, сидѣвшія за небольшимъ овальнымъ столомъ, вмѣстѣ съ юною хозяйкою. Всѣ три были очень хорошенькія дѣвушки, и всѣ три усердно щипали корпію. Хозяинъ привѣтливо, хотя не безъ нѣкото-

рой важности протянулъ мнѣ руку и просилъ садиться. Я, поклонившись сперва пожилой хозяйкѣ и потомъ дѣвицамъ, сѣлъ. Хозяинъ былъ видный мужчина лѣтъ 50, волосы съ просѣдью. Кто онъ такой, негоціантъ ли, панъ ли, чиновникъ ли—теперь не припомню. Да едва ли и тогда то догадался я узнать эти подробности. Во всякомъ случаѣ, какъ полякъ, онъ держалъ себя съ гоноромъ. Начался разговоръ. Онъ жалѣлъ, что поводомъ къ нашему знакомству послужили такія печальныя обстоятельства, какъ война.... и проч. Между тѣмъ спросилъ меня, какъ великъ нашъ отрядъ?

Я, признаться, и самъ тогда этого не зналъ; но не желая разыгрывать роль несмышленыша, что-то очень преувеличилъ нашу силу, особенно казаковъ.

— О, нѣтъ, сказалъ онъ, столько не можетъ быть. Чрезъ Устилугъ мы знаемъ навѣрное вступила только одна дивизія драгунъ.

Тогда я обратился къ дочкѣ съ вопросомъ по-французски, что она работаетъ?

— Вы видите, щипимъ корпію, для войны она необходима.

— Можетъ быть обойдется безъ войны.

— Нѣтъ, война неизбѣжна. Сеймъ посылалъ депутатовъ къ царю въ Петербургъ. Они изложили предъ нимъ все бѣдствіе страны, всѣ несправедливости, какія здѣсь совершались, но царь на всѣ ихъ представленія, молча, показалъ только на свою шпагу. Конечно, они поняли, что это значитъ.

— Къ тому же корпія, сказала она немного помолчавъ, можетъ быть понадобится моимъ братьямъ.

— У васъ есть братья!

— Да, два брата. Они теперь въ арміи въ Варшавѣ.

— Польшѣ трудно бороться съ Россіей, замѣтилъ я. Армія русская многочисленна...

— Зато наши будутъ сражаться, какъ львы... какъ львы!... еще разъ повторилъ, вмѣшавшійся въ нашъ разговоръ, отецъ.

Подали чай. Я выпилъ чашку и, боясь проболтать что нибудь некстати, поблагодаривъ за вниманіе къ себѣ, ушелъ.

Не заходя на квартиру, я прямо отправился въ походную чертежную. Тамъ я явился оберъ-квартирмейстеру, полковнику Притвицу, который разсѣянно молча взглянулъ на меня чрезъ очки и снова занялся своимъ дѣломъ. Около него толпились офицеры, были разложены топографическія карты, и тутъ же за особымъ столомъ топографы что-то тщательно переписывали. Полковникъ Притвицъ былъ средняго роста, худой и блѣдный старичекъ. Голова была плѣшивая, окаймленная рѣдкими сѣдыми волосами. Верхняя губа всегда была въ табакѣ, но выраженіе лица было необыкновенно доброе, и лицо его было дѣйствительно вывѣскою души. Онъ былъ необыкновенно добръ и страшно разсѣянъ. Какъ параллель его пожилой наружности тутъ же возлѣ него сидѣлъ, внимательно взглядывая въ топографическую карту, дѣлая по временамъ свои замѣчанія, молодой офицеръ генеральнаго штаба чрезвычайно миловидной наружности князь Друцкой-Сокольницкой. Они составляли дизлокацію. Не имѣя возможности близко подойти къ столу, чтобы понять въ чемъ дѣло, мнѣ показалось все это очень скучно. Я тихонько убрался домой, за что братъ меня послѣ распекъ. «Хоть ничего не дѣлай, да вертись въ глазахъ начальства, чтобъ тебя видѣли. Ты не виноватъ въ томъ, если тебѣ не даютъ дѣла».

На другой день съ утра и до поздняго вечера я пробылъ въ чертежной. Тутъ я въ этотъ день сдружился съ прапорщикомъ тверскаго драгунскаго полка Забѣльскимъ. Онъ кончилъ курсъ въ Московскомъ Университетѣ.

Тогда имѣвшіе университетскій дипломъ служили юнкерами только 6 мѣсяцевъ и производились въ офицеры безъ всякихъ оговорокъ касательно знанія фрунтовой службы на открывшіяся въ полку вакансіи. Его молодость, веселость и воспоминанія о Москвѣ, ея театрѣ и шалостяхъ ея молодежи сблизили насъ такъ, что во все пребываніе мое при оберъ-квартирмейстерѣ, т. е. до производства моего въ офицеры, мы были неразлучны.

Поздно вечеромъ, когда я возвращался на квартиру по сырой улицѣ (снѣгу въ окрестностяхъ Люблина и далѣе не было), и густой туманъ едва прорѣзывался свѣтомъ рѣдкихъ фонарей, мимо меня пробѣжалъ писарь изъ корпуснаго дежурства и на вопросъ мой, куда бѣжишь, отвѣчалъ: тревога! и побѣжалъ далѣе. Не много погодя проскакалъ по опустѣвшей улицѣ ординарецъ по направленію расположеннаго бивуака. Я тоже побѣжалъ къ своей квартирѣ, чтобы увѣдомить брата о тревогѣ, если его найду дома, и на углу перваго перекрестка улицъ наткнулся на артиллерійскаго генерала Бракера. Старикъ стоялъ на тротуарѣ въ тепломъ мѣховомъ сюртукѣ, въ саблѣ, шарфѣ и, по обычаю тогдашняго военнаго времени, имѣлъ на тоненькомъ, надѣтомъ черезъ плечо, ремнѣ казацкую нагайку. Тогда всѣ генералы и офицеры почитали это казацкое оружіе необходимымъ дополненіемъ форменнаго вооруженія. Въ рукахъ казаковъ это было дѣйствительно оружіе, еслибъ несовѣстно было назвать его смертоноснымъ. Такъ у одного изъ офицеровъ нашего отряда была нагайка съ вплетенными въ нее пулями, и онъ, пользуясь ею, даже въ схваткахъ съ непріятелемъ не вынималъ сабли. Ударъ ея нерѣдко укладывалъ на мѣстѣ вооруженнаго врага.

— Куда вы, молодой человѣкъ, бѣжите, спросилъ меня Бракеръ?

«Говорятъ тревога, ваше превосходительство», отвѣчалъ я.

— Слышали и мы, и вотъ я жду лошади, чтобъ ѣхать на бивуакъ, говорилъ Бракеръ, подергивая шаровары.--Узнайте повѣрнѣе, да скажите мнѣ.. Страхъ какъ неловко!... И снова принялся поправлять слѣзавшія, или недававшія свободнаго движенія, шаровары. Въ послѣдствіи адъютантъ его, кажется Игнатьевъ, разсказывалъ, что старикъ до того растерялся и заторопился, что надѣлъ свои шаровары задъ на передъ.

Я, по приказанію Бракера, побѣжалъ въ штабъ, но тамъ все было спокойно, и мнѣ сказали, что никакой тревоги нѣтъ.

Когда я возвратился на то мѣсто, гдѣ стоялъ Бракеръ, его уже тамъ не было. Всю эту фальшивую тревогу надѣлалъ мой полковой товарищъ и рядовой изъ пажей Топорнинъ. Онъ, зайдя въ шинокъ выпить водки, прислушался къ разговору одного пьяницы и, хотя еще Топорнинъ тогда не очень-то смыслилъ въ польскомъ языкѣ, однако понялъ, что дѣло шло о намѣреніи въ эту же ночь перерѣзать всѣхъ русскихъ въ расплохъ, возбудивъ общее возстаніе. Вѣрнѣе всего, что пьяница, увлеченный польскимъ хвастовствомъ и подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, вралъ чепуху. Топорнинъ тотчасъ побѣжалъ къ Крейцу, былъ къ нему допущенъ и объявилъ слышанное имъ. Крейцъ далъ ему изъ своего караула людей, чтобъ отыскать пьяницу, а между тѣмъ послалъ на бивуакъ ординарца съ тайными приказами къ полковымъ командирамъ быть на готовѣ въ случаѣ тревоги. Вотъ это-то обстоятельство и было причиною фальшивой тревоги. Между тѣмъ Топорнинъ съ даннымъ ему патрулемъ отыскалъ пьяницу въ томъ же шинкѣ, спавшимъ мертвымъ сномъ, и когда его привели къ Крейцу и стали

допрашивать, онъ не могъ сказать ни одного слова, потому что былъ невыразимо пьянъ.

Января 31-го, или февраля 1-го — теперь ужъ не упомню,—отрядъ нашъ вступилъ въ мѣстечко Пулавы. Окрестности этого прелестнаго мѣстечка представляли, по крайней мѣрѣ тогда, для меня живописный видъ. Всѣ дороги прямыя, какъ стрѣла, пересѣкаясь въ разныхъ направленіяхъ, были обсажены высокими итальянскими тополями. По окрестнымъ холмамъ виднѣлись такіе же, посаженные кустами, тополи, и хотя все это стояло обнаженное, безъ листьевъ, но я дополнялъ своимъ воображеніемъ, какъ это все должно быть хорошо весною. Черезъ кучи невысокихъ домиковъ пулавскихъ обитателей виднѣлся четырехъ-этажный замокъ княгини Чарторижской съ далеко выступавшею террасой и съ примыкавшими къ нему садами.

Квартиру намъ съ братомъ отвели въ домѣ кузнеца, чуть ли не нѣмца. Привыкши видѣть только нашихъ русскихъ кузнецовъ въ нагольныхъ дырявыхъ полушубкахъ съ закорузлыми руками, мнѣ странно показалось видѣть кузнеца толстаго, бѣлаго, съ бритою бородою въ кафтанѣ нѣмецкаго покроя, какими изображаютъ кузнецовъ на картинкахъ.

Когда мы съ братомъ пообѣдали, пришелъ къ намъ жандармскій поручикъ Піотухъ. Піотухъ былъ добрый малый; ростомъ довольно высокъ, недурно сложенъ. Лице продолговатое и было бы совсѣмъ недурно, если бы тонкій и длинный носъ его не былъ загнутъ нѣсколько на бокъ. Но главное бѣдный Піотухъ страдалъ душою за поляковъ, почитая ихъ своими соотечественниками. Вслѣдствіе внутренней борьбы между долгомъ и чувствомъ соплеменности онъ былъ, если не притворялся, все какъ въ лихорадкѣ. Войдя и поздоровавшись съ братомъ и процедивъ

сквозь зубы о своемъ нездоровьѣ, онъ сообщилъ намъ, что за Вислой показались польскіе разъѣзды.

Услыхавъ это, я тотчасъ схватилъ фуражку и побѣжалъ къ Вислѣ. Вышедъ на отлогій, песчаный берегъ, я увидѣлъ впереди себя Крейца и Делинсгаузена, стоявшихъ съ зрительными трубками и смотрѣвшихъ на противоположный берегъ. Позади ихъ нѣсколько казаковъ на лошадяхъ и состоявшій по кавалеріи подполковникъ Бутовскій, прикомандировавшійся къ штабу Крейца. Не много погодя, Бутовскій вскочилъ на лошадь и въ сопровожденіи урядника и трехъ казаковъ понесся въ каррьеръ черезъ рѣку по льду на противуположный берегъ. Кракусы ихъ выждали и когда казаки были отъ нихъ на близкомъ разстояніи, сдѣлали по нимъ нѣсколько выстрѣловъ изъ пистолетовъ. Но казаки, оставшись невредимы, опустили пики и съ гикомъ понеслись на нихъ. Кракусы не выдержали, обратились въ бѣгство на утекъ. Я потерялъ скоро и тѣхъ и другихъ изъ виду, и боясь, чтобъ Крейцъ меня не замѣтилъ въ фуражкѣ и безъ оружія, бродящимъ по берегу, когда считаюсь больнымъ, тоже утекъ поскорѣе на свою квартиру.

Тамъ я засталъ Піотуха лежащимъ на постелѣ, безъ сюртука, и разговаривающимъ съ братомъ о горькой своей судьбѣ: что онъ долженъ поднимать руку на своихъ братьевъ; при чемъ разсказалъ намъ нѣсколько чувствительныхъ анекдотовъ о великодушіи поляковъ и ихъ страданіяхъ. И голосъ и декламація—все было a la Гамлетъ; но при всемъ этомъ разсказы его ни сколько насъ не трогали. Пока онъ говорилъ съ одушевленіемъ, въ дверяхъ показался Бутовскій съ веселымъ, побѣднымъ лицемъ. Разъѣздъ, за которымъ онъ погнался съ казаками по его разсказамъ, былъ уничтоженъ. Одинъ Кракусъ убитъ. Конно-егерскій офицеръ, командовавшій разъѣздомъ и еще трое Кракусовъ рядовыхъ взяты въ плѣнъ.

Такія вѣсти насъ съ братомъ порадовали, за что мы Бутовскаго и казаковъ обозвали молодцами. А Піотухъ чуть не заплакалъ, вскочилъ, тотчасъ одѣлся и пошелъ навѣстить своего соотечественника.

День уже склонялся къ вечеру, а въ ночь была назначена переправа черезъ Вислу. Ледъ на Вислѣ былъ не очень твердъ, и потому переправа совершалась со всѣми предосторожностями. Эскадроны и артиллерія переправились въ разныхъ мѣстахъ и не вдругъ. Я тоже, покинувъ свою штабную, тяжело нагруженную бричку, перешелъ на другой берегъ пѣшкомъ и тотчасъ пошелъ къ стоящей у переправы корчмѣ. Я думалъ найти въ ней хоть временно теплый пріютъ, но былъ ужасно разочарованъ: корчма оказалась покинутою, и рамы изъ оконъ вынуты. Однако я все таки вошелъ въ корчму. Нѣсколько казаковъ и рядовыхъ тверскаго полка, между которыми былъ одинъ юнкеръ, разложивъ огонь въ каминѣ, грѣлись. Я тоже присоединился къ нимъ. Юнкеръ, тутъ же грѣвшійся, снялъ съ себя киверъ, вынулъ изъ него небольшой мѣдный чайникъ, налилъ въ него воды и поставилъ къ огню. Пока вода вскипала, онъ досталъ изъ кивера же стаканъ, сахаръ, чай—и тотчасъ же его заварилъ. Когда чай настоялся, онъ налилъ въ стаканъ и принялся пить, какъ у себя дома, спокойно, не торопясь, пуская кольцами дымокъ изъ коротенькаго чубучка своей походной трубки. «Умница, мой собратъ», подумалъ я про себя.

Третьяго или четвертаго числа отрядъ нашъ занялъ Козеницы. Авангардъ, состоявшій изъ полка тогда Георга Виртембергскаго, нынѣ рижскаго драгунскаго, подъ начальствомъ своего полковаго командира полковника Шилинга, выдвинутъ былъ версты на три по пути къ Варшавѣ, гдѣ и расположился на полянѣ, окруженной густымъ лѣсомъ, имѣя передъ собою и въ тылу своего расположенія дефиле, чрезъ которые пролегало Варшавское шоссе.

При авангардѣ находилась легкая батарея изъ 6 орудій, подъ начальствомъ полковника Бутовскаго.

Всѣ состоявшіе и прикомандированные къ штабу офицеры и юнкера занимались своимъ дѣломъ; но такъ какъ въ нарядѣ недостатку не было, то все шло и легко и весело. Большая часть молодежи группировалась въ чертежной около оберъ-квартирмейстера полковника Притвица.

Туда сходились не только состоявшіе по квартермистерской части, но и изъ дежурства, и тамъ, я говорю собственно про Казеницы, разводили въ каминѣ огонь, курили, болтали и обсуживали привезенныя разъѣздами новости. Тутъ я узналъ штабсъ-капитана арзамасскаго конно-егерскаго полка Маркова, прикомандированнаго къ корпусному дежурству въ должность старшаго адъютанта. Теперь онъ ужь давно генералъ-лейтенантъ и состоитъ на службѣ при военномъ министрѣ въ Петербургѣ; но тогда онъ незадолго до войны высидѣлъ годъ въ крѣпости за участіе въ дуэли, и потому война для него имѣла значеніе очистительной дани, имѣвшей смыть изъ его формуляра нахожденіе подъ судомъ. Марковъ былъ молодой красивый офицеръ, но веселость его была всегда сдержанная, всегда спокойная, что заставляло товарищей его уважать. Впрочемъ, все общество офицеровъ, наполнявшее штабъ Крейца, во взаимныхъ сношеніяхъ было чрезвычайно деликатно. Попоекъ не существовало.

На другой день утромъ случилась на нашей квартирѣ маленькая ссора.

Зашли ли къ намъ съ братомъ или стояли съ нами на одной квартирѣ Киндяковъ и юнкеръ Рѣпнинскій. Киндяковъ, адъютантъ Крейца, былъ гвардейскій офицеръ. Онъ рѣзко отличался отъ другихъ офицеровъ штаба заносчивостью, или, какъ обыкновенно обзываютъ это свойство, гордячествомъ или важничаньемъ. Было ли это мелоч-

ное самолюбіе гвардейца, полученное ли воспитаніе по всѣмъ правиламъ тогдашняго свѣтскаго общества, только манера Киндякова не нравилась никому. Онъ былъ средняго роста, щеки блѣдныя, впалыя, поросшія темными бакенбардами, и, какъ мнѣ тогда казалось, въ немъ уже развивалась чахотка.

Рѣпнинскій былъ племянникомъ бывшаго корпуснаго командира, былъ прикомандированъ къ штабу по ходатайству дежурнаго штабъ-офицера Броневскаго. Юноша энергичный, храбрый, и, при вызовѣ фланкеровъ, всегда являлся впереди въ числѣ охотниковъ.

Шелъ разговоръ о томъ, о семъ. Киндяковъ растянулся на одномъ диванѣ, Рѣпнинскій на другомъ. Сначала шло все хорошо. Киндяковъ что то доказывалъ, Рѣпнинскій опровергалъ. Киндяковъ, разгорячившись, что доказательства его не убѣждаютъ Репнинскаго, произнесъ въ досадѣ: «мѣдный лобъ»!.. Рѣпнинскій отвѣтилъ: «сами Вы—мѣдный лобъ». Услышать такія слова отъ юнкера Киндякову показалось въ высшей степени обидно. Онъ тотчасъ вскочилъ, побѣжалъ съ жалобой къ Броневскому и подалъ рапортъ на сдѣланное ему юнкеромъ оскорбленіе. Въ военное время подобная жалоба могла имѣть для Рѣпнинскаго очень печальное послѣдствіе. Рѣпнинскій тотчасъ былъ арестованъ, и онъ не избѣгнулъ бы суда, еслибъ нѣкоторые офицеры, а въ особенности братъ, не уговорили Киндякова взять рапортъ назадъ...

Все было покойно. Вдругъ... часу во 2-мъ пополудни со стороны Нововеси послышалась пушечная пальба, и вскорѣ затѣмъ разъѣзды привезли извѣстіе, что въ авангардѣ дерутся. Тотчасъ поднялась тревога. Адъютанты и ординарцы помчались съ приказаніями въ разныя стороны. Писаря изъ дежурства укладывали въ бричку, въ которой я совершалъ походъ, бумаги и ящики; и когда лошади были впряжены, все уложено, весь вагенбургъ,

а съ нимъ и моя бричка, подъ прикрытіемъ одного взвода казанскаго полка, выѣхали изъ Казеницъ по той же дорогѣ, по которой въѣхали. Я видѣлъ, какъ сѣлъ на лошадь Крейцъ, какъ выѣхала команда жандармовъ, составлявшая конвой Крейца, и какъ Крейцъ, Делинсгаузенъ, Притвицъ, Броневскій и всѣ офицеры штаба и конвой понеслись по дорогѣ къ Нововеси. Съ завистью смотрѣлъ я на моихъ скачущихъ тамъ же товарищей—штабныхъ юнкеровъ. Сердце мое билось... Отдаленные пушечные выстрѣлы раздавались все чаще и чаще... Вотъ мимо насъ на полныхъ рысяхъ пронеслись 5 эскадроновъ казанскаго драгунскаго полка; 6-й эскадронъ былъ оставленъ въ Пулавахъ. Смотрю на лѣво, тамъ во весь карьеръ густою колонной несется тверской драгунскій полкъ. За нимъ, чтобы привести его на позицію, былъ посланъ братъ. Я вижу брата, скачущаго одного впереди темной колонны... Тверской полкъ былъ тогда на лошадяхъ вороной шерсти.

Все скачетъ, все движется впередъ, впередъ на встрѣчу опасности, а мы съ вагенбургомъ тащимся шажкомъ, и остановились въ первомъ, не помню какомъ-то, селеньѣ верстахъ въ трехъ отъ Козеницъ, гдѣ расположенъ былъ арьергардъ, состоявшій изъ взвода тверскихъ драгунъ. Дѣло авангардное было такъ: Дверницкій, имѣя въ своемъ распоряженіи 22 эскадрона кавалеріи, 7 батальоновъ пѣхоты и 16 орудій, внезапно атаковалъ нашъ авангардъ. Пѣхота, вышедъ изъ лѣса, ударила на лѣвый флангъ, а кавалерія, пройдя дефиле въ числѣ 10 эскадроновъ, повела атаку съ фронта. Такъ какъ всѣмъ атакующимъ вдругъ дѣйствовать по тѣснотѣ мѣста было нельзя, то эскадроны, по мѣрѣ выхода изъ дефиле, развертывали фронтъ подъ выстрѣлами нашихъ орудій и тотчасъ же бросались въ атаку.

Командовавшій на нашей батареѣ, полковникъ Буто-

вичъ, самъ наводилъ орудія. Отъ природы безстрастный и, какъ тогда говорили еще, разгоряченный виномъ, онъ только кричалъ: Картечи! Еще картечи!... И картечь неумолкаемымъ градомъ осыпала атакующихъ. Нѣсколько атакъ были отражены. Тѣсная поляна была усыпана трупами: болѣе 300 польскихъ тѣлъ покрывало ее; но атаки не прекращались... Между тѣмъ непріятель сталъ выходить изъ лѣса около самой батареи.

«Прикажите взять орудія на передки и увозите орудія скорѣе», говорилъ Бутовичу подъѣхавшій въ это время къ батареѣ полковникъ Притвицъ; но разгоряченный Бутовичъ не слыхалъ ничего. «Картечи, еще картечи!» — кричалъ онъ въ изступленіи и кричалъ до тѣхъ поръ, пока прислуга была перебита и одинъ изъ поляковъ схватилъ его всего изколотаго пиками за волосы. Два орудія наши остались въ рукахъ поляковъ. Другія два орудія по приказанію Притвица успѣли увезти.

Тогда неудерживаемые болѣе картечью кракусы дорвались до противоположной стороны дефиле, но тутъ были встрѣчены оставшимся въ резервѣ дивизіономъ рижскаго драгунскаго полка, который взаимно атаковалъ и опрокинулъ ихъ съ большимъ урономъ. Въ этой схваткѣ, что, конечно, открылось въ послѣдствіи, самъ Дверницкій едва спасся отъ преслѣдовавшихъ его драгунъ. Я помню, тогда говорили, что отъ непріятельскаго фронта по вѣтру, тогда вѣтеръ былъ въ лицо нашимъ, страшно несло запахомъ водки... Когда съ Нововеси прибылъ Крейцъ съ остальными 10 эскадронами драгунъ, дѣло было уже кончено, и войска расположились на позиціи бивуакомъ.

На другой день ожидали новаго нападенія, но, къ величайшему изумленію, посланные разъѣзды донесли, что непріятеля нигдѣ не видно, что онъ отступилъ. Разумѣется, обо всемъ этомъ я слышалъ изъ разсказовъ.

Утро 8-го числа. День былъ солнечный и теплый. Въ то время, когда въ отрядѣ ожидали сраженья не на животъ, а на смерть, въ вагенбургѣ нашемъ всѣ были проникнуты тревожнымъ ожиданіемъ. Подошедъ къ поручику Луцкому, командовавшему взводомъ, составлявшимъ прикрытіе вагенбурга, я спросилъ его, какъ онъ думаетъ, кто побѣдитъ? «Наши побѣдятъ», отвѣчалъ онъ глубокомысленно и съ увѣренностью. Я очень остался доволенъ его отвѣтомъ. Поручикъ Луцкій по происхожденію былъ, какъ тогда величали, изъ бурбоновъ.

Въ сущности, еслибы Дверницкій не поторопился съ своимъ корпусомъ на помощь къ Варшавѣ, угрожаемой Дибичемъ, и не былъ введенъ въ заблужденіе преувеличенными слухами о составѣ нашего отряда, онъ бы раздавилъ насъ своею многочисленностью, такъ что ни одинъ человѣкъ не ушелъ бы обратно за Вислу.

Такъ ли, сякъ ли, только 9 числа отрядъ нашъ двинулся впередъ и дошелъ до мѣстечка Рычиволи. Тутъ, какъ мнѣ помнится, простояли мы дня три, потому только не преслѣдуя Дверницкаго, что онъ при отступленіи своемъ разрушалъ и жегъ по дорогѣ мосты на переправахъ. Проѣзжая чрезъ поле битвы въ лѣсу Нововеси, слѣдовъ сраженія замѣтно уже не было. Только въ сторонѣ на опушкѣ лѣса песчаная земля была взрыта и покрыта сучьями ельника и межевельника, да врыты были два или три деревянныхъ небольшихъ, кое-какъ сколоченныхъ, креста.

«Вотъ тутъ похоронили всѣхъ въ одну яму», сказалъ сопровождавшій насъ казакъ.

— Кто же хоронилъ, спросилъ сидѣвшій со мною въ бричкѣ писарь?

«Изъ деревни высылали народъ, чтобъ похоронить убитыхъ...» и проговоривъ это, казакъ поскакалъ въ сторону. Мы слѣдили за нимъ глазами. Дѣло въ томъ, что са-

женяхъ въ 200 отъ дороги бродила лошадь. Зоркій казакъ тотчасъ сообразилъ, что эта лошадь будетъ получше его лошади, и потому, подъѣхавъ къ ней, слѣзъ, свою разсѣдлалъ, новую осѣдлалъ, пустилъ свою на всѣ четыре стороны, вскочилъ на сѣдло и вихремъ примчался къ отряду.

Переправа черезъ Вислу совершалась у мѣстечка или деревни Торчины, не помню хорошо; но помню, что на этой переправѣ отрядъ нашъ и особенно артиллерія подвергалась величайшей опасности. Въ продолженіи нѣсколькихъ дней пребыванія нашего за Вислою стояли оттепели; ледъ на Вислѣ сдѣлался рыхлъ, такъ что пѣшему человѣку переходить рѣку было небезопасно; а тутъ надо было переправлять орудія. Перевозить ихъ на лошадяхъ оказалось черезъ-чуръ рискованнымъ дѣломъ, и потому ихъ снимали съ лафетовъ, клали на салазки и на людяхъ волокомъ перетаскивали на другой берегъ. Заряды изъ зарядныхъ ящиковъ вынимали и переносили на рукахъ, а ящики и лафеты перевозили пустыми. Драгуны переводили лошадей по одиночкѣ, и такимъ образомъ тихо, безъ шуму къ разсвѣту переправился весь отрядъ. Я, разумѣется, не наблюдалъ за всѣмъ этимъ; и какъ только обозъ нашъ достигнулъ до берега Вислы, я выскочилъ изъ брички и, перебѣжавъ рѣку по льду, трещавшему подъ ногами, взошелъ въ ближайшую къ берегу избушку въ деревнѣ Торчинѣ. Тамъ уже былъ такой же какъ и я постоялецъ, прежде меня занявшій квартиру, какой-то полковой лекарь, который очень привѣтливо обошелся со мною. Скоро мы съ нимъ познакомились. Онъ разсказалъ мнѣ о сдѣланной имъ операціи, вынутіи пули изъ черепа у одного рядоваго послѣ послѣдняго сраженія, причемъ показалъ даже и самую пулю. Послѣ этого прикурнувъ кое-какъ, мы предались сладостной дремотѣ, не думая о томъ, что происходитъ на рѣкѣ.

Февраля 12 провели въ Торчинѣ, а 13-го перешли въ мѣстечко Маціовицы (Maciejowice). Въ Маціовицахъ, какъ мнѣ помнится, была дневка. На другой день по прибытіи въ Маціовицы часу въ 10 утра, я пошелъ посмотрѣть, что дѣлается въ дежурствѣ. Дежурство помѣщалось въ корчмѣ. Войдя въ комнату, я увидѣлъ тутъ собравшуюся всю нашу штабную молодежь. Киндяковъ, князь Друцкій и Бѣлкинъ сидѣли на единственномъ тутъ стоявшемъ въ глубинѣ комнаты диванѣ, другіе кто сидѣлъ на лавкахъ, кто бродилъ по комнатѣ, или собравшись въ кружки, разговаривали въ полголоса.

Первое, что мнѣ бросилось въ глаза, это вытянутыя лица, что предвѣщало что-то недоброе. Не успѣлъ я еще дознаться о причинахъ, какъ въ комнату изъ боковой двери вышли Крейцъ, Притвицъ и Броневскій. Всѣ они имѣли встревоженныя лица. Лицо Крейца судорожно сжималось.

— Этотъ Сакминъ должно быть страшная дрянь... проговорилъ онъ Броневскому.

Броневскій почтительно молчалъ.

— Кто еще тамъ офицеры?

— Курдомовъ, Воейковъ. Юргенсъ—все молодые офицеры...

— Молодость еще ничего. И молодой можетъ быть дѣльнымъ. У меня и не молодые, да никуда послать нельзя...

При этихъ словахъ Киндяковъ, продолжая по прежнему сидѣть на диванѣ, заслоненный отъ глазъ Крейца толпою окружавшихъ его штабныхъ, опрокинулся назадъ къ спинкѣ дивана и скорчилъ гримасу, какъ ужаленный пчелою или захваченный въ расплохъ. Дѣйствительно намекъ Крейца былъ сдѣланъ на него. Дѣло въ томъ, что Киндяковъ, посланный Крейцемъ изъ Казеницъ въ Нововѣси при первомъ долетѣвшемъ оттуда до слуха пушечномъ

выстрѣлѣ, узнать, что дѣлается въ авангардѣ, не доѣхавъ до него, скоро вернулся съ извѣстіемъ, что въ обходъ нашему отряду идетъ много пѣхоты въ батальонныхъ колоннахъ. Киндяковъ кажется былъ близорукъ, или у страха глаза бываютъ велики, только сложенныя по вновь планированному шоссе въ кубики камни онъ принялъ за колонны пѣхоты и... донесъ Крейцу вздоръ.

Я выше повѣствовалъ, что когда отрядъ нашъ переправился на лѣвый берегъ Вислы, въ Пулавахъ для охраненія нашего тыла и прикрытія лазарета и сообщенія оставленъ былъ 5 эскадронъ казанскаго драгунскаго полка подъ командою маіора Сакмина.

Въ одинъ прекрасный день, когда драгуны, ничего не подозрѣвая, вывели лошадей на водопой, 18 пѣшихъ егерей и 100 кракусовъ Вельснера, тайно проведенныхъ жителями Пулавы, внезапно ихъ аттаковали. Захваченные въ расплохъ, драгуны бросились въ овинъ и тамъ заперлись, стали перестрѣливаться; другіе стрѣляли съ крышъ... Встрѣтивъ такой неожиданный отпоръ, поляки, послѣ 2-хъ часовыхъ безполезныхъ усилій овладѣть овиномъ, положили сжечь его. Начали таскать солому и обкладывать ею овинъ, что конечно, заставило драгуновъ сдаться. Многіе изъ плѣнныхъ извѣстны. Тутъ убитъ человѣкъ брата Алексѣя Васильевича Василій Гавриловъ, за болѣзнію остававшійся въ Пулавскомъ лазаретѣ. Сакминъ и всѣ офицеры, кромѣ Воейкова, были взяты въ плѣнъ. Вмѣстѣ съ ними былъ взятъ оставленный при эскадронѣ штандартъ 3-го дивизіона, и, какъ трофей, отправленъ въ Варшаву. Долго штандартъ этотъ развѣвался надъ Варшавской ратушей въ лапѣ одноглаваго польскаго орла. Я сказалъ кромѣ Воейкова. Предчувствіе мое въ Красноставскомъ трактирѣ сбылось. Я его уже не видалъ болѣе. Въ то время, какъ сдѣлано было нападеніе, Воейковъ, совсѣмъ раздѣтый, такъ какъ было утро, лежалъ на своей квартирѣ

въ постели, ничего не зная, что дѣлается. Вдругъ къ нему въ дверь врываются польскіе солдаты подъ начальствомъ офицеровъ и требуютъ, чтобы онъ сдался. Воейковъ схватилъ саблю и, вмѣсто отвѣта, началъ рубить на право и на лѣво. Напрасно офицеры убѣждали его оставить безполезное сопротивленіе, что они вынуждены будутъ велѣть стрѣлять, но онъ ихъ не слушалъ и лучше хотѣлъ умереть, чѣмъ быть въ плѣну. Тогда офицеры уже были не въ состояніи удержать разсвирѣпѣлой толпы, и юный Воейковъ палъ, прострѣленный насквозь многими пулями. Тѣло его было отыскано любившими его товарищами и похоронено на одномъ изъ холмовъ въ окрестностяхъ Пулавы. На могилѣ его насажали купу пирамидальныхъ тополей.

Другой занимательный субъектъ Пулавской драмы представляетъ прапорщикъ Юргенсъ. Когда я поступилъ въ полкъ, Юргенсъ былъ еще юнкеромъ и только не задолго до похода былъ произведенъ въ офицеры. Онъ былъ племянникомъ подполковника нашего же полка нѣмца Фермора. Хотя между нами юнкерами товарищами строгой нравственности никому не приходило въ голову требовать,—вообще мы смотрѣли снисходительно другъ къ другу,—но съ Юргенсомъ большинство нашего круга не зналось. Юргенсъ во всѣхъ отношеніяхъ считался нравственно-грязноватымъ. Бывало дядя его, нѣмецъ, начнетъ его распекать: «Э! ты! Юргансъ патлецъ!»—«Сами вы, дядюшка, подлецъ,»—отвѣчалъ Юргенсъ пискливымъ голоскомъ. Юргенсъ былъ средняго роста, худощавъ, имѣлъ вздернутый носъ и говорилъ пискливымъ голосомъ. Въ продолженіи похода онъ проигралъ въ карты все: не только лошадь, но и все носильное платье, и за неимѣніемъ лошади дѣлалъ переходы пѣшкомъ. На немъ оставался сѣрый, нанковый коротенькій халатецъ, который онъ подпоясывалъ, какъ монастырскіе послушники, широкимъ рем-

немъ. Въ этомъ то нарядѣ его застало возстаніе въ Пулавахъ.

При первой тревогѣ онъ забрался на сѣновалъ, помѣщавшійся надъ каменнымъ строеніемъ, въ которомъ была одна входная дверь. Приперши дверь изнутри и влѣзши на сѣновалъ, онъ притаился возлѣ люка, устроеннаго для подъема или скидки сѣна, надъ самой входной дверью. Тамъ онъ рѣшился защищаться и, дѣйствительно защищался, пока послѣдній зарядъ не былъ имъ выпущенъ изъ пистолета.

Нѣсколько разъ осаждавшіе его покушались разломать дверь, но едва приближался кто нибудь къ двери, Юргенсъ черезъ люкъ стрѣлялъ въ самое темя подошедшаго, и тотъ падалъ жертвой своей отваги. Когда всѣ патроны были разстрѣляны — сдался тогда и Юргенсъ.

Возстаніемъ въ Пулавахъ руководила фрейлина старой княгини Чарторижской Александра Заборовская; но и сама княгиня, какъ надобно полагать, не была чужда заговора. Не могла она не знать, что въ собственномъ ея замкѣ скрывались вооруженные солдаты. Во время самаго разгара битвы Заборовская, какъ говорили, бѣгала по улицамъ мѣстечка, возбуждая жителей къ рѣзнѣ.

Въ ту же ночь, какъ получено было извѣстіе объ этомъ печальномъ событіи, т. е. съ 12 на 13 число, посланъ былъ въ Пулавы начальникъ нашего штаба Делинсгаузенъ для разслѣдованія этого дѣла и наказанія предательскаго мѣстечка.

Съ нимъ отправлено было 3 эскадрона тверскаго драгунскаго полка, 300 казаковъ и 2 орудія подъ командою прапорщика артиллеріи Михайлова. Къ отряду этому присоединился и принцъ Адамъ Виртембергскій.

Объ экспедиціи этой разсказывали такъ: когда отрядъ подошелъ къ Пуламамъ и расположился на одной изъ вы-

сотъ, окружающихъ Пулаву, Делинсгаузенъ велѣлъ снять орудія съ передковъ и открыть по мѣстечку огонь. Нѣсколько ядеръ и гранатъ полетѣли въ городъ. Хотя въ сущности бомбандировка эта и не нанесла много вреда, но заставила жителей покориться и просить пощады.

— Можете ли вы навести орудіе такъ, спросилъ Делинсгаузенъ Михайлова, чтобъ ядромъ вѣрно попасть вонъ въ то окно замка, при чемъ онъ указалъ этажъ и открытое окно. Это былъ будуаръ старой княгини.

— Могу, отвѣчалъ Михайловъ.

— Попадите, и получите Владиміра.

Михайловъ навелъ орудіе, и ядро угодило по назначенію.

Въ польскихъ газетахъ, какъ мнѣ переводилъ Піотухъ, объ этомъ происшествіи было напечатано такъ. Когда ядро влетѣло въ окно будуара, старая княгиня ни сколько не смутилась. Подняла ядро и, показывая бывшимъ при ней, сказала: «Вотъ гостинецъ, который посылаетъ мнѣ мой племянникъ Адамъ Виртембергскій»....

Далѣе, какъ я слышалъ, Делинсгаузенъ, занявъ Пулавы, отправился въ замокъ. Когда онъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ взошелъ въ ту комнату, гдѣ находилась сама княгиня Чарторыжская, она, встрѣтивъ его, гордо спросила: «Какъ вы смѣли, генералъ, войти ко мнѣ безъ доклада»?—Если бы я не видалъ въ васъ, княгиня, родственницу моего Государя, я бы не такъ еще поступилъ съ вами. Былъ при этомъ разговорѣ принцъ Адамъ, и такъ ли дѣйствительно происходилъ разговоръ, я не ручаюсь. Какъ слышалъ тогда, что говорили, такъ и пишу.

Заборовская вмѣстѣ съ главными участниками предательскаго заговора были арестованы и привезены въ штабъ квартиру Крейца, находившуюся въ это время въ Конской-волѣ.

Въ Конской-волѣ мнѣ памятны темная ночь, грязь, привозъ Александры Заборовской и ночлегъ въ корчмѣ у жида. Кажется я ночевалъ тамъ съ Забѣльскимъ и Кирѣевскимъ на полу на жидовскихъ грязныхъ перинахъ. Подъ голову жидъ далъ мнѣ свою подушку, грязную и провонялую. И что жъ? Я спалъ, и спалъ сладкимъ сномъ. Не могу теперь дать себѣ отчета, какъ это я рѣшился коснуться лицомъ своимъ этой жидовской подушки...

По ходатайству старой княгини Заборовская была отпущена, и вскорѣ затѣмъ и сама княгиня оставила Пулавы и выѣхала въ Австрію. Багажъ ея вывезли за нею изъ замка въ 80 фурахъ.

Замокъ опустѣлъ. Почти вслѣдъ за выѣздомъ княгини введенъ былъ въ Пулавы конно-егерскій короля Виртембергскаго полкъ. Стояли тамъ еще какіе то гусары, стояла какъ будто и пѣхота, но всѣ эти постои очень грустно отозвались на великолѣпномъ замкѣ Чарторыжскихъ. Громадныя трюмо разстрѣливались, мебель одиралась и жглась въ каминахъ. У каждаго конно-егерскаго офицера Виртембергскаго полка можно было видѣть или бурку, подбитую дорогимъ венеціанскимъ зеленымъ бархатомъ съ портьеръ и съ мебели, или архалукъ, или шапочку, или кисетъ для табака, и все это изъ Пулавскаго замка. Похищались и книги и гравюры, хотя въ небольшомъ количествѣ, потому что неудобно было возиться съ этими вещами на бивуакахъ. Впрочемъ, по возвращеніи въ Россію, въ Курской губерніи, мнѣ случилось видѣть одну очень большую картину масляными красками, вывезенную изъ Пулавской картинной галлереи. Къ счастію опустошенія эти продолжались не долго. Вскорѣ командированъ былъ маіоръ нашего казанскаго драгунскаго полка Абнилскій для принятія по каталогу книгъ въ библіотекѣ и составленія описи картинной галлереи. Въ послѣдствіи все имущество Чарторыжской было кон-

фисковано и библіотека вывезена и присоединена къ Императорской С.-Петербургской публичной библіотекѣ.

Въ Люблинѣ тоже было непокойно. Изъ перехваченныхъ депешъ узнали, что и тамъ, какъ въ Пулавахъ, готовится возстаніе. Узнали, что комендантъ, оставленный тамъ съ 1 эскадрономъ, не помню уже какого изъ полковъ нашей дивизіи, во избѣжаніе участи, постигшей 5-й нашъ эскадронъ въ Пулавахъ, удалился изъ Люблина по добру и по здорову. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ отрядъ нашъ изъ Конской-воли снова выступалъ въ Люблинъ.

Тутъ я уже чувствовалъ себя совершенно здоровымъ. Ни пластыря, ни бинтовъ на мнѣ уже не было. Я чувствовалъ себя бодрѣе и крѣпче, нежели былъ когда нибудь. Явившись къ дежурному штабъ-офицеру Броневскому, я просилъ его истребовать мнѣ изъ полка лошадь и аммуницію.

— Распоряженіе объ этомъ уже сдѣлано, сказалъ мнѣ Броневскій. Пора, пора на коня. Аммуницію вамъ выдадутъ изъ цейхгауза. Обратитесь туда.

Я тотчасъ побѣжалъ въ цейхгаузъ. Сейчасъ мнѣ тамъ выдали аммуницію: киверъ, ледунку съ патронами, пистолеты на шнуркѣ, саблю; и когда я все это надѣлъ на себя, я былъ такъ счастливъ, что и передать не могу. У дежурства, куда я возвратился, меня ожидала приведенная изъ эскадрона осѣдланная лошадь. Впрочемъ это было уже на 3-й день по приходѣ нашемъ въ Люблинъ. А между тѣмъ Дверницкій 18 числа со всѣмъ своимъ корпусомъ переправился въ Пулавахъ черезъ Вислу и шелъ къ Люблину. У Курови наткнулся на тверской драгунскій полкъ и преслѣдовалъ его до Маркушова. У Маркушова присоединился къ тверцамъ бригадный командиръ Каверъ съ финляндскимъ драгунскимъ полкомъ, и ободренные тверцы, обратившись, сами уже атаковали

преслѣдовавшихъ ихъ поляковъ, опрокинули ихъ и преслѣдовали обратно до Курови. Такимъ образомъ тверцы и финляндцы очутились у Курови лицемъ къ лицу со всѣмъ корпусомъ Дверницкаго. Увидавши всю опасность своего положенія, они начали быстро отступать, а Кавфъ, ихъ бригадный командиръ, опередивъ свою отступающую бригаду, какъ съумасшедшій прискакалъ въ Люблинъ, прямо къ Крейцу и донесъ ему, что бригада «болѣе не существуетъ», что она истреблена.

Въ штабѣ у насъ вслѣдствіе этого донесенія поднялась тревога, и черезъ 1/2 часа Крейцъ, со всѣмъ своимъ штабомъ съ остававшимся еще при немъ казанскимъ полкомъ, выступилъ изъ Люблина по дорогѣ къ Маркушову. Я вмѣстѣ съ другими штабными ѣхалъ за Притвицемъ. Отъѣхавъ съ полъ-версты отъ заставы, Притвицъ остановился, разсѣянно понюхалъ табаку и тутъ только замѣтилъ, что онъ забылъ надѣть свою саблю. Вслушавшись въ его слова, я тотчасъ повернулъ лошадь, далъ шпоры и полетѣлъ въ городъ, чтобы привезть ему забытую имъ саблю; но казацкій урядникъ, находившійся также при Притвицѣ, увидя мое движеніе и желая самъ подслужиться оберъ-квартермистру, бросился за мною съ тѣмъ, чтобы меня опередить. У меня лошадь была крупнѣе его казацкой лошади и потому онъ меня, хотя и нагонялъ много разъ, но перегнать не могъ. Съ усиленнымъ напряженіемъ онъ какъ то, нагнавъ меня, изо всѣхъ силъ раза три нагайкою хватилъ по крупу моей лошади, проговоривъ: «скачать вотъ такъ»! И дѣйствительно лошадь моя рванулась съ такою быстротою впередъ, что у меня занялся духъ, и казакъ остался далеко позади меня. Сабля Притвица лежала спокойно на столѣ въ оставленной имъ квартирѣ. Я взялъ ее и, какъ съ трофеемъ, понесся догонять отрядъ. Казака уже не видалъ. Онъ

вернулся къ отряду прежде меня. Старикъ Притвицъ поблагодарилъ меня ласковымъ взглядомъ.

Я нагналъ штабъ, остановившійся верстахъ въ двухъ отъ заставы. Крейцъ въ енотовой шубѣ, Дилинсгаузенъ, Притвицъ были слѣзши съ лошадей. Они стояли впереди, разговаривая между собою, и смотрѣли впередъ на дорогу вдаль. Зрительная труба переходила изъ рукъ въ руки. Я съ любопытствомъ смотрѣлъ на Крейца. Всѣ движенія его были спокойны, какъ будто онъ былъ у себя дома, какъ какой нибудь помѣщикъ, вышедшій зимнею порою въ шубѣ походить по своему двору. Только по временамъ внутреннее волненіе выражалось подергиваніемъ въ лицѣ около носа. Да правду сказать и было о чемъ побезпокоиться. Наличныя силы его коръ-де-баталя составляли 5 эскадроновъ казанскаго драгунскаго полка, да ужъ не знаю 1 или 1½ батальона артиллеріи, да сотни 2 или 3 казаковъ.

Драгунскій принца Виртембергскаго полкъ былъ въ авангардѣ, а на него двигалась масса цѣлаго корпуса Дверницкаго. Объ участи бригады Кавера еще не было ничего извѣстно. Около часа стояли мы на одномъ мѣстѣ, штабная молодежь, не подозрѣвая опасности, была весела: врачи смѣялись, какъ вотъ наконецъ показалась уничтоженная бригада Кавера, шедшая въ порядкѣ, и подходя къ позиціи, занятой казанскимъ полкомъ, начала выстраиваться на указанныя мѣста.

Позиція, занятая отрядомъ, была однако скоро оставлена. Вступить въ бой съ далеко сильнѣйшимъ непріятелемъ, имѣя въ тылу враждебно настроенный городъ, было бы черезъ-чуръ безразсудно. Къ тому же наступали сумерки, а Крейцу хотѣлось засвѣтло провести отрядъ черезъ городъ. Штабъ тронулся. Всѣ окна въ домахъ были закрыты—на опустѣвшихъ улицахъ не видно было ни одной души, не мерцало ни одного огонька въ домахъ.

хотя уже было порядочно темно. Одно только окно на главной улицѣ открылось и въ немъ показался бургомистръ города, который дружескимъ движеніемъ головы простился съ Крейцомъ. За штабомъ слѣдовалъ весь отрядъ... Только слышанъ былъ топотъ лошадей по мостовой, да гдѣ-то вдали со стороны наступающаго непріятеля все чаще и чаще раздавались пистолетные выстрѣлы.

Когда штабъ былъ уже на выѣздѣ изъ города, Делинсгаузенъ, подозвавъ меня, сказалъ: «Поѣзжайте въ авангардъ, скажите полковнику Шиллингу, чтобъ онъ держался, какъ можно долѣе, но въ бой не вступалъ. Потомъ проводите авангардъ по той же улицѣ и поверните чрезъ этотъ переулокъ къ мосту».

Выслушавъ приказаніе, я далъ шпоры лошади и во весь карьеръ поскакалъ къ авангарду. Онъ отступалъ въ большомъ порядкѣ и, когда я подъѣзжалъ къ нему, онъ остановился и повернулся лицомъ къ непріятелю.

— Гдѣ полковникъ Шиллингъ, закричалъ я?

«Здѣсь, что нужно?»

Я передалъ ему приказаніе начальника штаба.

— Охотники, впередъ!—закричалъ онъ и человѣкъ 40 охотниковъ вылетѣли впередъ. Рѣпнинскій былъ въ числѣ охотниковъ. Между охотниками и непріятельскими карабинерами скоро началась перестрѣлка. А между тѣмъ становилось все темнѣе и темнѣе. Видны были офицеры, но лицъ разглядѣть было уже нельзя. Темная масса непріятелей придвигалась. Шиллингъ съ авангардомъ медленно отступалъ почти до самой заставы, но когда вошли въ городъ скомандовалъ «рысью». Я ѣхалъ впереди возлѣ Шиллинга: было уже очень темно.

— Гдѣ вы, Селивановъ?

— Здѣсь.

— Куда же ѣхать?

— Ступайте за мной вотъ въ этотъ переулокъ.

Позади насъ раздавались перестрѣлки уже въ улицахъ и вмѣстѣ съ ними крики народа, привѣтствовавшаго вступленіе Дверницкаго. Ночь сдѣлалась темна, хоть выколоть глазъ.

Пройдя мостъ, Шиллингъ остановился, а я, исполнивъ свое дѣло, поѣхалъ отыскивать корпусный штабъ. По дорогѣ во тьмѣ двигались экипажи, фуры,—вьюки сновали. Казаки безпрестанно перерѣзывали мнѣ дорогу. Спросить не у кого, да и на мои вопросы никто бы не могъ мнѣ отвѣтить: гдѣ штабъ? Въ какую указать въ потьмахъ сторону, никто не зналъ. Въ городѣ засверкали огни, вѣроятно отъ плошекъ, раздавались клики ликованья, радостные выстрѣлы... бѣдные люблинцы! Они полагали, что Дверницкій на всегда выгналъ насъ изъ Люблина.

Мое положеніе далеко не было радостно. Я былъ голоденъ, во первыхъ, хотѣлось ѣсть, а во вторыхъ, потерявъ штабъ, я привязался къ эскадрону финляндскаго драгунскаго полка и, чтобы совсѣмъ не пропасть во мракѣ темной, февральской, холодной, хотя и безснѣжной ночи, ѣхалъ за нимъ, куда не зная самъ.

Проѣхавъ нѣсколько часовъ, я вмѣстѣ съ эскадрономъ въѣхалъ въ знакомыя уже мнѣ Пяски. Часть эскадрона расположилась подъ крышей большаго постоялаго двора при жидовской корчмѣ.

Я тоже привязалъ тамъ свою лошадь къ яслямъ, далъ ей подъ морду клокъ сѣнца, а самъ усталый бросился на землю подлѣ стѣны двора, и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Звукъ трубы, трубившей тревогу, разбудилъ меня. Я приподнялъ голову, осмотрѣлся вокругъ себя. Сквозь ворота вижу, что на дворѣ свѣтло. Лошадей финляндскихъ драгунъ уже нѣтъ. Фонарь, повѣшенный съ вечера, освѣщалъ еще пустой дворъ. Я бросился къ моей лошади.

Она стоитъ одиноко. Недоуздникъ съ нея снятъ. Я хотѣлъ ее замундштучить—глядь, туда—сюда—мундштукъ украденъ. Я выбѣжалъ на площадь—тамъ эскадронъ строился во фронтъ. Я сначала съ жалобой къ офицерамъ: никому не до меня.

Я опять бросился къ своей лошади, боясь не украли бы и ее. На дворѣ я нашелъ одного отсталаго драгуна, который собиралъ тамъ кое какую кладь и увязывалъ на вьюкъ. Я обратился къ нему съ просьбою, нѣтъ ли у него какой нибудь уздечки. На мое счастіе у него дѣйствительно нашлась уздечка, и онъ мнѣ ее продалъ за 5 злотыхъ. Не теряя времени, я взнуздавъ новопріобрѣтенною уздечкою моего коня, вскочилъ на него и поѣхалъ по дорогѣ на Люблинъ.

Корпусную квартиру, кажется, я нашелъ еще въ с. Ястковѣ. Тамъ уже начинали полагать меня пропавшимъ. Изъ Ясткова мы перешли въ Пяски; изъ Пясокъ въ Суходилъ; 25 были въ Ленчнѣ, 26-го вступили въ с. Нѣмецъ. Всѣ эти передвиженія не оставили въ моей памяти ни какого впечатлѣнія. Помнится мнѣ только въ это время въ отрядѣ нашемъ велѣно всѣмъ войскамъ имѣть на киверахъ въ видѣ султанчика еловыя вѣтки. Вѣроятно такое распоряженіе во всей русской арміи имѣло ту цѣль, чтобы можно было издали узнать своихъ отъ поляковъ. Регулярныя польскія войска обмундированы и вооружены были совершенно одинаково съ русскими войсками.

Не помню хорошо, но кажется изъ Ленчны былъ посланъ братъ Алексѣй съ депешами въ главную квартиру. Передъ отъѣздомъ онъ передалъ мнѣ свою лошадь съ тѣмъ, чтобы я на ней ѣздилъ, кормилъ и берегъ ее. Я помню, что на переходѣ къ селенію Нѣмецъ она была подъ моимъ сѣдломъ. Лошадь была красивая и довольно горячая, такъ что, сидя на ней я, помню, очень рисовался....

Въ сумерки вступили мы въ Нѣмецъ. Въ первый разъ я, а быть можетъ, что и большая часть моихъ походныхъ товарищей, испытывали тутъ тяжелое чувство видѣть цѣлое селеніе оставленное жителями.

Ни собака не полаетъ, ни пѣтухъ не прокричитъ, ни курица не прокудакчетъ, ни корова, ни телокъ не промычатъ. Все какъ будто вымерло. Это было первое селеніе въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ передъ приходомъ нашимъ всѣ жители удалились въ лѣса и угнали съ собою весь скотъ. Ночью я не видалъ господскаго двора, но вѣроятно усадьба принадлежала богатому пану, потому что опустѣвшія, выстроенныя изъ кирпича, конюшни, куда введены были лошади жандармской команды и лошади всѣхъ, состоявшихъ при штабѣ генераловъ и офицеровъ, были очень обширны.

Не помню какъ я провелъ вечеръ и гдѣ ночевалъ эту ночь, а кажется что въ конюшнѣ на сѣнѣ, только еще далеко до свѣта осѣдлали лошадей и выступили по Любартовскому тракту къ Люблину.

Весело было у меня на душѣ. Я скакалъ, гарцовалъ... то подъѣду къ эскадронамъ своего полка, то поскачу къ колоннѣ, идущей впереди, то примкну къ штабу. Было темно. Видно было, напримѣръ, что ѣдутъ на лошадяхъ, но узнать или различить, кто ѣдетъ, было невозможно. Разъ, когда я далъ шпоры братнину жеребцу и поскакалъ куда то, вдругъ слышу голосъ:

— Мучь, мучь братнину-то лошадь!

— Убирайся къ черту съ своими совѣтами, отвѣтилъ я невѣдомому мнѣ голосу и поскакалъ впередъ.

Невѣдомый этотъ былъ самъ корпусный командиръ Крейцъ. Когда братъ возвратился изъ командировки и явился къ Крейцу, Крейцъ, выслушавъ его рапортъ и отпуская его, сказалъ: «А твой братъ разбранилъ меня и послалъ къ черту».

При этомъ онъ со смѣхомъ разсказалъ, какъ это было.

Когда уже порядочно разсвѣло, мы подошли къ Люблину. Не доходя версты до заставы, остановились. Я подъѣхалъ къ старичку генералу Бракеру, остановившемуся у батарей, наведенныхъ на городъ. Около него было двое или трое офицеровъ.

— Холодно, замѣтилъ онъ. И обратившись къ ѣхавшему за нимъ верхомъ деньщику, сказалъ: «Подай-ка сюда водочки»! Деньщикъ, подъѣхавъ, подалъ ему серебряную чарочку.

— Ну налей!

Деньщикъ налилъ. Онъ выпилъ.

— Господа, не хотите ли согрѣться? сказалъ онъ, передавая офицерамъ чарку.

Тѣ пожелали и пропустили по чарочкѣ.

Деньщикъ хотѣлъ уже отъѣхать. «А молодому то человѣку», сказалъ Бракеръ, ласково взглянувъ на меня. «Подай молодому человѣку»!

Я благодарилъ за вниманіе и тоже пропустилъ.

Шлагбаумъ у заставы былъ опущенъ. Изъ за земляного городскаго вала по временамъ показывалось оружіе. Посланные впередъ карабинеры, встрѣченные выстрѣлами, составили цѣпь и открыли перестрѣлку изъ пистолетовъ. Подъѣхавшій близко къ валу начальникъ авангарда, полковникъ Шиллингъ, вдругъ, схвативъ себя за щеку, вскрикнулъ: «я убитъ»! Дѣйствительно онъ былъ бы убитъ, если бы не спасла его чешуя кивера. Пуля попала въ чешую, скользнула въ щеку и осталась въ мякотѣ подбородка. Тотчасъ лѣкарь вынулъ ему пулю и сдѣлалъ перевязку. Шиллингъ остался на лошади.

Прежде, нежели открыть огонь изъ батареи по городу, Крейцъ рѣшился послать парламентера. Притвицъ, Броневскій, многіе штабные офицеры и мы, юнкера, со-

стоявшіе при оберъ-квартермистрѣ, подъѣхали почти къ самой заставѣ. Охранявшіе заставу и валъ мало по малу отступали подъ гору, потому что дорога или улица отъ заставы шла внутрь города нѣсколько подъ гору и кажется тамъ внизу былъ мостъ. Все это я припоминаю теперь смутно, только внизу около моста стояли вооруженныя толпы гражданъ и, хотя въ Люблинѣ въ это время находился гарнизонъ, состоявшій изъ батальона пѣхоты и 300 кракусовъ, но ихъ пока еще видно не было.

Парламентеромъ съ требованіемъ сдачи города и сложенія оружія поѣхалъ молодой офицеръ драгунскаго принца Виртембергскаго полка, Ульянинскій, польскаго происхожденія и любимецъ своего полковаго командира Шиллинга. Сопровождаемый трубачемъ, онъ бодро поѣхалъ по дорогѣ къ стоявшей толпѣ, но когда онъ подъѣхалъ къ нимъ близко, они закричали ему, чтобъ онъ далѣе не ѣхалъ. Онъ началъ было имъ что то говорить, но они прицѣлились въ него изъ ружей. Ульянинскій оробѣлъ, повернулъ лошадь и ну-улепетывать къ заставѣ. Мы всѣ, стоявшіе у заставы, захохотали съ большимъ или меньшимъ негодованіемъ.

Притвицъ, раздосадованный, обратился къ нему съ упрекомъ: «Чего вы испугались? Стыдитесь. Кто жъ станетъ стрѣлять въ парламентера»? И онъ, сбросивъ съ себя шинель и приказавъ трубачу слѣдовать за собою, въѣхалъ въ заставу. Когда онъ сталъ приближаться къ вооруженной толпѣ, точно также наклонились ружья; но онъ снявъ съ себя саблю и отдавъ ее трубачу, слѣзъ съ лошади и подошелъ къ толпѣ. Поговоривъ съ ними минутъ съ десять, онъ снова сѣлъ на лошадь и шагомъ поѣхалъ обратно.

На предложеніе гарнизону оставить городъ, а гражданамъ разоружиться, онъ получилъ отказъ. Крейцъ велѣлъ

бомбардировать городъ. Тотчасъ открыли огонь. Въ городъ полетѣли ядра и гранаты. Послѣ получасоваго бомбардированія, отъ котораго толпа, стоявшая внизу, вслѣдствіе лопнувшей близь нея гранаты, не причинившей впрочемъ никому вреда, разбѣжалась, что доставило намъ много потѣхи—внизу показалось бѣлое знамя. Его несли лучшіе граждане города и приближались къ заставѣ. Огонь былъ прекращенъ, и Крейпъ, окруженный штабомъ и всѣмъ наличнымъ генералитетомъ, подъѣхалъ къ заставѣ.

Депутація, подойдя къ нему, изъявила покорность и просила пощады городу. Кажется для эффекта были при этомъ поднесены и ключи города. Депутація была удержана, а внутрь города посланъ былъ спѣшенный дивизіонъ драгунъ съ ружьями и съ примкнутыми штыками. Дивизіонъ этотъ отъ Виртембергскаго драгунскаго полка повелъ Притвицъ.

— Господа юнкера! Кто хочетъ со мною?

— Я! Я! Я!... закричали Свѣчинъ, Кирѣевскій и я. Къ намъ присоединилось и нѣсколько офицеровъ.

Боже мой! Какъ было весело мнѣ въ эту минуту!

Сначала мы двигались внутрь города, не встрѣчая сопротивленія, но по мѣрѣ приближенія къ площади изъ оконъ, изъ за угловъ и заборовъ начали раздаваться ружейные выстрѣлы. Изъ обывателей на улицѣ ни души не было видно. Всѣ лавки, кофейни, кабаки и всѣ двери домовъ были заперты.

— Что это такое жужжитъ въ воздухѣ, точно пчелы? вопросительно проговорилъ Свѣчинъ.

— Это пули—повернувшись къ намъ лицемъ сказалъ, ѣхавшій впередъ насъ Притвицъ.

А вы и не знали, что это пули!...

Между тѣмъ выстрѣлы съ минуты на минуту стали повторяться все чаще и чаще, и потому спѣшеннымъ

драгунамъ, которые шли за нами, велѣно было выбить стрѣлявшихъ изъ мѣстъ ихъ засады. Съ дружнымъ «ура» драгуны бросились на штурмъ.

Изъ воротъ одного дома выбѣжала толпа человѣкъ изъ 10 гимназистовъ еще съ ружьями, но увидя, что скрыться нельзя, они побросали ружья и просили пощады.

— Отведите этихъ мальчишекъ и сдайте на гауптвахту, сказалъ мнѣ Притвицъ, указывая на гимназистовъ. Я принялъ приказаніе и, держа пистолетъ со взведеннымъ куркомъ, погналъ ихъ передъ собою, какъ барановъ. Хотя я былъ такой же мальчишка, какъ и они, но мнѣ было ихъ жаль. Такія они скорчили печальныя рожи, и, ради этихъ печальныхъ рожъ, не многихъ мнѣ привелось довести до гауптвахты, уже занятой нашимъ карауломъ. Изъ моихъ плѣнныхъ человѣкъ 6 разбѣжалось. Гналъ я ихъ по троттуарамъ, и они, когда случалось проходить мимо воротъ, чуть не притворенныхъ или съ открытыми подворотнями, глядь? вижу ужъ какой нибудь изъ нихъ торопливо осмотрится, туда, сюда, да и шмыгъ въ подворотню.

— Чертъ тебя побери! говорилъ я каждому въ напутствіе, а себѣ въ утѣшеніе, что я, какъ будто ничего не замѣчая, по долгу службы не пустилъ ему пулю въ затылокъ.

Когда я, исполнивъ порученіе, съ гауптвахты возвратился на то мѣсто, гдѣ оставилъ Притвица и всѣхъ своихъ товарищей, бой внутри города замолкъ, и Крейцъ со всѣми своими войсками вступилъ въ городъ.

Въ то время, какъ мы были съ Притвицемъ на площади, другую спѣшенную колонну драгунъ велъ Каверъ на Велявскую водяную мельницу. Пунктъ тотъ занимали регулярные солдаты и потому сопротивленіе было довольно значительное. Вообще въ этотъ штурмъ Люблина убито съ нашей стороны до 40 человѣкъ, раненыхъ болѣе 80-ти

Завладѣвъ городомъ, въ которомъ тотчасъ лавки, магазины, кабаки и кофейни открылись и жизнь пошла обычнымъ порядкомъ, всѣ и генералы и офицеры, равно голодные (это былъ часъ самый обѣденный), собрались въ кофейной Шикандара.

Когда я съ Забѣльскимъ, Свѣчинымъ и Кирѣевскимъ вслѣдъ за Притвицемъ входили въ кофейную, весело болтая между собою о событіяхъ дня, Свѣчинъ задался такимъ вопросомъ: Отъ чего это въ нынѣшній разъ веселѣе какъ то чувствуется въ Люблинѣ, нежели въ прошедшіе разы?—«Отъ того, что мы заняли его съ бою», отвѣчалъ Притвицъ, вслушиваясь въ нашу болтовню.

Въ кофейной, гдѣ варился кофе на диванѣ сидѣлъ въ перевязкахъ раненый Шиллингъ. Половина лица сильно опухла и почернѣла. Видно было, онъ очень страдалъ. Исключая его всѣ были веселы.

Mme Шикандаръ улыбалась и граціозничала. M-eur Шикандаръ одушевленно кричалъ: si florins et dis gros. Офицеры любезничали съ хорошенькой прислугой. Прислуга кокетничала съ офицерами. Все шло по прежнему, только найденныя кое гдѣ на дверяхъ и на стѣнахъ надписи мѣломъ и карандашемъ: «некъ жіе ойчизна», оставленные вѣроломными нашими предшественниками офицерами отряда Дверницкаго, были замѣняемы надписями: «некъ жіе нагайка».

КОНЕЦЪ.

Библіографическій указатель.

Административная юстиція въ Западной Европѣ (во Франціи). Куплевасскаго Харьковъ. 1879.

Сочиненіе г. Куплевасскаго относится къ одной изъ самыхъ важныхъ политико-юридическихъ сторонъ государства, къ сторонѣ, охраняющей здоровыя отношенія общаго начала къ частному интересу, правъ общества къ правамъ личности, въ чемъ и заключается естественное стремленіе общественныхъ учрежденій. Для насъ въ особенности эта сторона имѣеть знаменательное значеніе. „Мы живемъ въ переходную эпоху, высказываетъ самъ авторъ, въ которой есть еще много элементовъ оставленнаго нами прошедшаго и благотворные зачатки будущаго. Новый предпринятый путь преобразованій далекъ и труденъ,—и необходимо много доброй воли со стороны правительства и самаго общества, чтобы обойти препятствія и дойти до своей крайней, этической цѣли,—образовать дѣятельную на пользу государства, сознающую свое достоинство и уважаемую другими личность гражданина, пользующееся авторитетомъ правительство, сильное и уважаемое въ его международныхъ отношеніяхъ государство".

Всѣмъ извѣстны какія крупныя реформы совершены въ послѣднее двадцатипятилѣтіе, но всѣ эти реформы не получатъ никакого значенія и никакой силы, если не обезпечится право и законность дѣйствій управленія—администраціи. Назначеніе администраціи громадно: она охраняетъ

пользованіе правами всѣмъ и каждому, *дѣйствуя на твердой почвѣ законности*. Гдѣ же нѣтъ этой твердой почвы законности, тамъ не можетъ быть и рѣчи ни о благосостояніи, ни объ устойчивости даже коренныхъ государственныхъ началъ.

„Мало могутъ значить палаты, говоритъ авторъ, небольшую цѣну будутъ имѣть существенныя права гражданъ, если правительственной (исполнительной) власти предоставлено такое широкое и безконтрольное вліяніе въ управленіи, что она держитъ въ полной отъ себя зависимости всѣ интересы населенія и можетъ его принудить посылать въ палаты такихъ лицъ, какихъ само пожелаетъ. Отвѣтственность министровъ, государственная служба, мѣстное самоуправленіе, система разрѣшенія споровъ въ области управленія между частными лицами и администраціей — все это государственныя отношенія, которыя могутъ быть такимъ образомъ организованы, что права отдѣльныхъ лицъ будутъ призраками правъ, а конституція останется краснорѣчивымъ, но безплоднымъ выраженіемъ политическихъ желаній націи.

Охраненіе законности дѣйствій администраціи составляетъ предметъ административной юстиціи.. „Подъ административною юстиціею, по опредѣленію автора, должно разумѣть разрѣшеніе споровъ о правѣ, возникшихъ между отдѣльнымъ лицомъ физическимъ или юридическимъ * и администраціей, по поводу дѣйствій, упущеній или требованій послѣдней въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ администрація является представителемъ государственнаго авторитета, а не представителемъ фиска т. е. государства-собственника".

Въ какомъ же видѣ и на какихъ началахъ должна быть наша административная юстиція? Для разрѣшенія этого вопроса авторъ принялъ на себя трудъ провести сравнительный анализъ административной юстиціи въ главнѣйшихъ государствахъ Западной Европы и началъ съ Франціи.

* Юридическое лицо (persona moralis), созданное законодательствомъ, состоитъ, какъ извѣстно, изъ союза физическихъ лицъ, имѣющаго опредѣленную цѣль,

Мы не будемъ слѣдить за изложенiемъ и выводами автора, предоставляя читателямъ самимъ познакомиться съ этимъ солиднымъ трудомъ, а ограничимся только краткимъ перечнемъ его содержанiя.

Все сочиненiе состоитъ изъ предисловiя и введенiя, въ которыхъ изложены теорiя и выводы автора, и нѣсколькихъ главъ объ организацiи административныхъ учрежденiй до революцiи 1789 г. и послѣ до нашего времени, о компетенцiи административныхъ судовъ, съ отдѣленiемъ отъ области дискрецiонной дѣятельности администрацiи и отъ обыкновенныхъ судовъ, о конфлитахъ (спорахъ и столкновенiяхъ) по предметамъ компетенцiи, о процессѣ въ административныхъ судахъ, о дискрецiонной дѣятельности органовъ центральнаго правительства и самоуправленiя, о мнѣнiяхъ объ организацiи административной власти во Францiи и о французской системѣ административной юстицiи.

Описанiе Венгерской войны 1849 года, съ приложенiемъ 14 картъ и плановъ И. И. Ореуса. Спб. 1880 г.

Прошло слишкомъ тридцать лѣтъ съ Венгерской войны, многое измѣнилось съ тѣхъ поръ, измѣнились и наши отношенiя къ Австрiи, удивившей Европу своей неблагодарностью,—и вотъ теперь только появляется обстоятельная, безпристрастная и удовлетворяющая самымъ взыскательнымъ требованiямъ исторiя Венгерской войны 1849 года. Трудъ запоздалый, но за то вполнѣ выкупающiй долгое ожиданiе. Авторъ И. И. Ореусъ воспользовался всѣми имѣющимися источниками, какъ печатными, такъ и хранящимися въ различныхъ архивахъ, преимущественно военнаго министерства и воспользовался съ полнымъ знанiемъ дѣла. Въ этомъ сочиненiи мы находимъ добросовѣстно составленное описанiе Габсбургской имперiи до начала войны, ея отношенiй къ народамъ, входящимъ въ составъ монархiи, описанiе Венгрiи и Трансильванiи, въ которыхъ производились военныя дѣйствiя и потомъ краткое, хотя совершенно достаточное, изложенiе борьбы австрiйцевъ и венгерцевъ до прибытiя русскихъ войскъ, присланныхъ великодушiемъ покойнаго

императора Николая Павловича на помощь колеблющейся Австріи. И наконецъ въ особенности подробно и безпристрастно описаны у автора дѣйствія русской арміи, покончившей въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ всѣ разсчеты и надежды возставшихъ венгровъ.

История Россіи съ древнѣйшихъ временъ. С. Соловьева. Т. XXIX. Москва 1879.

На этомъ XXIX томѣ порвался многолѣтній трудъ нашего знаменитаго историка. Какъ извѣстно Сергѣй Михайловичъ предполагалъ закончить этотъ томъ своей Исторіи Россіи казнью Пугачева, но къ общей скорби болѣзнь, таившаяся уже давно, съ половины сентября минувшаго года, вдругъ приняла опасные размѣры. Съ 21 сентября въ продолженіи трехъ дней авторъ еще могъ заниматься и диктовать одному изъ сыновей, но затѣмъ по истощенію силъ работа прекратилась... 4-го октября Сергѣя Михайловича не стало.

Въ этомъ послѣднемъ, вышедшемъ уже послѣ смерти автора, томѣ заключается обозрѣніе турецкихъ и польскихъ дѣлъ въ 1773 и 1774 годахъ, отношеній Россіи къ другимъ державамъ и внутренняго состоянія государства во время первой турецкой войны; въ концѣ же помѣщенъ „Обзоръ дипломатическихъ сношеній русскаго двора отъ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира по 1780 годъ“, который еще готовился къ изданію „Исторіи паденія Польши“.

Извѣщая теперь только о выходѣ этого посмертнаго труда, мы предполагаемъ въ одной изъ ближайшихъ книжекъ Исторической Библіотеки представить обозрѣніе всей литературной и ученой дѣятельности С. М. Соловьева и значеніе его, какъ историографа.

Иностранная историческая литература.

Dzieje Polski w zarysie przez Michała Bobrzynskiego. Warszawa. 1879

У насъ преимущественно въ ходу литературы Франціи, Германіи и Англіи; мы имѣемъ въ переводѣ чуть-ли не всѣ

выдающіеся ученые труды этихъ литературъ, а про беллетристику и говорить нечего — наша печать наводнена переводными французскими, нѣмецкими и англійскими романами. Меньшимъ почетомъ пользуются литературы Италіи и Испаніи, а еще меньшимъ литература Польши. Изъ послѣдней у насъ встрѣчаются въ переводѣ очень немного особенно извѣстныхъ романовъ, а изъ ученой литературы... почти ничего. Между тѣмъ нѣкоторыя стороны литературы, какъ напр. историческая, для насъ существенно важны, — только совокупнымъ усиліемъ нашихъ и польскихъ ученыхъ историковъ могутъ быть совершенно ясно объяснены многія темныя явленія славянскаго быта. Почему и отчего такая отчужденность? Мы не входимъ въ подробный разборъ причинъ, а ограничимся указаніемъ на сравнительную бѣдность польской исторической литературы, въ которой хотя и имѣются почтенныя имена Мацѣевскаго, Лелевеля, Гофмана и др., но особенно обогатившейся вѣскими монографическими работами только въ послѣднее время.

Лѣтъ двадцать назадъ въ польской исторической литературѣ проявилось замѣтное движеніе. Польскіе ученые, историки и юристы (Бѣлевскій, Гельцель и друг.) съ достойнымъ усердіемъ принялись за изданіе древнихъ памятниковъ. Усиліями ихъ издано было множество лѣтописей, грамотъ, договоровъ и юридическихъ актовъ, что и дало возможность приступить къ болѣе глубокому изученію историческаго развитія. И дѣйствительно непосредственнымъ плодомъ этихъ изданій явились, въ особенности съ открытія въ 1873 году Краковской академіи, замѣчательные историческіе и юридическіе трактаты, освѣтившіе многія темныя стороны польской исторіи. Къ этимъ трактатамъ относятся: гражданское и уголовное прово XIII столѣтія Губе, изслѣдованіе о древностяхъ Малой Польши Войцеховскаго, замѣчательный трудъ М. Бобржинскаго, изслѣдовавшаго нѣмецкій періодъ польской исторіи и издавшаго въ прошломъ году исторію Польши, въ которой можно видѣть сводъ всего сдѣланнаго по исторіографіи Польши.

Г. Бобржинскій—профессоръ исторіи польскаго права въ Краковскомъ университетѣ и потому трудъ его естественно носитъ на себѣ отпечатокъ его профессіи. Такимъ образомъ въ его исторіи Польши обращено особенное вниманіе на внутренній бытъ государства, внѣшнія же событія: войны, народныя отношенія, дипломатическія сношенія и династическая наслѣдственность очерчены имъ на столько, на сколько это необходимо для объясненія хода общественной жизни. Взглядъ автора совершенно вполнѣ выразился съ самаго начала въ его дѣленіи польской исторіи на періоды. До него періоды обыкновенно совпадали съ династіями: Пястовъ 965—1370 г., Ягеллоновъ 1370—1572 г. и избирательныхъ государей 1572 — 1795 г., но г. Бобржинскій не находитъ такое дѣленіе основаннымъ на существенныхъ признакахъ, а избираетъ моментами дѣленія какое-либо новое движеніе народной жизни.

По мнѣнію г. Бобржинскаго польская исторія должна дѣлиться на три слѣдующіе періода. Первый, простирающійся до половины XIII вѣка, характеризуется патріархальнымъ признакомъ. Въ этомъ періодѣ славяне, жившіе у Одера и Вислы, сливаются въ одно польское государство, въ которомъ глава съ полною отеческой властью управляетъ на основаніи отеческихъ преданій. Второй періодъ, начинающійся въ половинѣ XIII вѣка и простирающійся до конца XV вѣка періодъ патримоніальный, характеризуется распаденіемъ общества на 3 элемента: собственно польскій, нѣмецко-колонистскій и духовный. Третій періодъ начинается въ концѣ XV вѣка и характеризуется развитіемъ польскаго элемента, создавшаго государственную форму.

Соглашаясь съ авторомъ относительно вѣрности намѣченныхъ имъ граней, нельзя не замѣтить не совсѣмъ вѣрнаго развитія нѣкоторыхъ изъ его идей. Нельзя, напримѣръ, согласиться съ его преувеличеннымъ признаніемъ важности вліянія нѣмецкой колонизаціи, отъ которой будто-бы только и послѣдовало утвержденіе самоуправленія, точно также нельзя не видѣть неудовлетворительности въ изслѣдованіи

вѣчевыхъ собраній, принявшихъ въ польской жизни своеобразную форму, но всѣ эти увлеченія и неполноты не отнимаютъ высокаго научнаго достоинства произведенія г. Бобржинскаго, перевода котораго на русскій языкъ нельзя не пожелать.

Wilibald von Schulenburg, wendische Volkssagen und Gebräuche aus dem Sprewald. Leipzig. 1880.

(Вилибальда фонъ Шуленбурга. Народныя сказанія и обычаи Вендовъ).

Это замѣчательное произведеніе по народнымъ сказаніямъ—достойно большаго вниманія. Авторъ составилъ свой разсказъ изъ народныхъ преданій, переходившихъ впродолженіи стольких лѣтъ изъ устъ въ уста, и изъ сказаній, сохранившихся въ различныхъ мѣстностяхъ. Въ своемъ предисловіи, очень удачно написанномъ, авторъ даетъ объясненіе своей многосложной задачи. Изъ него узнаемъ, что главнымъ образомъ цѣлью было нарисовать живую и вѣрную картину народнаго духа, какимъ онъ представляется безъ всякихъ прикрасъ и комментарій. Кромѣ сказаній, почтенный ученый пользовался еще свѣдѣніями, которыя нельзя понимать въ узкомъ смыслѣ сказаній. Эти свѣдѣнія онъ собиралъ въ области Лаузитцъ, гдѣ лѣсъ на Шпре съ окружающими горными замками возбуждалъ и возбуждаетъ особенное вниманіе, помимо даже того, что тамъ находилась священная роща Земноновъ. Къ этому нельзя не отнестись сочувственно каждому интересующемуся изслѣдованіями народныхъ преданій.

Karl Afred Hase, Herzog Albrecht von Preussen und sein Hofprediger. Eine Königsberger Tragödie aus dem Zeitalter der Reformation. Leipzig. 1879.

(Карла Альфреда Хазе, Герцогъ Альбрехтъ Прусскій и его придворный проповѣдникъ. Трагедія въ Кенигсбергѣ изъ временъ реформаціи).

Писатель, которому нѣмецкая литература обязана тщательнымъ изданіемъ сборника писемъ Лютера и монографіей

Севастіана Франкъ, въ этомъ новомъ трудѣ своемъ сдѣлалъ весьма вѣскій вкладъ къ исторіи распространенія реформаціи въ прусскихъ наслѣдныхъ земляхъ. Въ Кенигсбергскомъ городскомъ архивѣ хранится корреспонденція герцога Альбрехта съ его придворнымъ проповѣдникомъ, казненнымъ въ 1566 году за измѣну. Казнь проповѣдника служитъ исходной точкой произведенія г. Хазе, въ которомъ, кромѣ трагической исторіи Функа, передается еще исторія молодаго прусскаго герцогства. Мы узнаемъ, напримѣръ, что по милости Функа церковное и политическое броженіе умовъ того времени доходило до такихъ размѣровъ, что само существованіе герцогства было поставлено на карту. И не одна участь Функа трагична въ этой исторіи, много тогда погибло молодыхъ и благородныхъ силъ. Это сочиненіе, какъ говоритъ въ немъ и самъ авторъ, написано безъ всякихъ тенденцій; ученые историческіе матеріалы разсмотрѣны внимательно, языкъ и вообще изложеніе ясны, пріятны и напоминаютъ достоинствами произведенія Хазе—отца Карла Августа.

ПЯТИДЕСЯТИ КНИГЪ,

войдутъ всѣ, имѣющіе выйти въ теченіи года заграницей, лучшіе романы, повѣсти, и пр. беллетристическія произведенія извѣстнѣйшихъ иностранныхъ писателей (исключая, конечно, помѣщаемыхъ въ „Библіотекѣ Мірскаго Толка", которая будетъ, такимъ образомъ, служить какъ бы дополненіемъ къ полному годовому комплекту „Европейской Библіотеки", состоящему изъ 62 томовъ.)

Ручательствомъ за успѣхъ предлагаемаго изданія служатъ: съ одной стороны—хорошо знакомое русской публикѣ имя **П. И. Вейберга** (б. профессора всеобщей литературы Имп. Варш. Универс. и извѣстнаго переводчика Шекспира и Гейне), которому порученъ выборъ всѣхъ статей; съ другой—солидность фирмы, располагающей и собственными, обширными типографскими и хромолитографскими мастерскими, и собственнымъ книжнымъ магазиномъ и, наконецъ, довѣріемъ и расположеніемъ 10-ти тысячъ читателей журналовъ **„Мірской Толкъ"** и **„Свѣтъ и Тѣни"** Главное преимущество **„Европейской Библіотеки"** заключается какъ въ еженедѣльномъ срокѣ выпуска, такъ и въ томъ, что романы будутъ печататься въ ней не въ разбивку, а романъ за романомъ, что дастъ возможность оканчивать ихъ въ одну, двѣ, много три недѣли, а не растягивать на нѣсколько мѣсяцевъ, какъ это дѣлается въ др. изданіяхъ.

ГОДОВАЯ ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На **„Свѣтъ и Тѣни"** и **„Мірской Толкъ"**, *) съ пер. . . . . . . **13 р.**
„ **„Европейскую Библіотеку"**, съ пер. всѣхъ 50-ти книгъ. . . . **10** „
„ всѣ три журнала, съ перес. всѣхъ №№, книгъ и премій . **23** „

Разсрочка допускается не иначе какъ съ приплатою къ общей подписной суммѣ 1 р. и съ обязательствомъ уплачивать: первую треть—при подпискѣ, вторую—къ 1 марту, и третью—не позднѣе 1-го іюля. Лица подписывающіяся на всѣ три журнала отъ приплаты излишняго рубля освобождаются.

Подписка принимается: 1) **Въ Москвѣ**—въ главной конторѣ, при книжномъ магазинѣ журнала „Свѣтъ и Тѣни" (Петровка, д. Перевощикова); 2) **въ Петербургѣ**—въ конторѣ журналовъ „Свѣтъ и Тѣни", „Мірской Толкъ" и „Европейская Библіотека" (Литейный пр., д. 38), и 3) **въ Одессѣ**—въ Отдѣленіи Конторы (Дерибасовская улица д. Вагнера, кв. № 11)

Гг. иногородные подписчики благоволятъ высылать свои требованія прямо въ ЦЕНТРАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНІЕ (администрацію) журналовъ, на имя издателя Н. Л. Пушкарева [Москва. Бригадирская., собств. домъ).

---

* Отдѣльная подписка на каждый изъ этихъ двухъ журналовъ не принимается.

Н. Л. Пушкаревъ.

Пользующійся такой извѣстностью, сборникъ: **„Наши дѣятели“** будетъ имѣть продолженіе на страницахъ **„Невы“**, которая нынѣ будетъ держаться слѣдующей программы:

Наши дѣятели: 24 портрета съ біографіями.

Обзоръ текущей жизни въ Россіи.

Серія картинъ нашихъ извѣстныхъ художниковъ.

Рядъ видовъ русскихъ городовъ, памятниковъ, пейзажей и пр. и пр.

Что касается до иллюстрацій текущей жизни за границей, то на нихъ нами пріобрѣтено право собственности въ Россіи по условіямъ, заключеннымъ съ главнѣйшими издателями заграничныхъ журналовъ.

Всѣ гравюры будутъ выполняться лучшими ксилографами здѣшними и заграничными.

Что касается до литературнаго отдѣла, то въ нашемъ распоряженіи находится значительное число рукописей: интересные разсказы и повѣсти русскихъ авторовъ, между прочимъ историческая повѣсть: **„Книжная лавка при Петрѣ“**, удостоенная преміи на конкурсѣ. Нѣкоторые извѣстные писатели обѣщали намъ свое содѣйствіе.

Что касается до отдѣла иностранной литературы, то мы постараемся всѣми силами сохранить благосклонность публики, пріобрѣтенную уже нашими изданіями. Три иллюстриров. романа: французскій, англійскій и нѣмецкій уже переведены. Выборъ нашъ по прежнему будетъ клониться къ тому, чтобы читатели имѣли возможность слѣдить за всѣмъ, что только появляется выдающагося въ литературѣ.

Мы просимъ тѣхъ гг. подписчиковъ, которые пожелаютъ получить преміи въ декабрѣ нынѣшняго года, поспѣшить высылкой подписной цѣны съ приложеніемъ печатнаго адреса съ бандероли или адреса, написаннаго подробно и четко.

Объявленія принимаются съ платою 15 коп. за строку нонпарейля или мѣсто занимаемое ею.

ПРЕМІИ ПО УМЕНЬШЕННОЙ ЦѢНѢ:

1. а. *Молодая дѣвушка съ цвѣтами*
б. *Молодая дѣвушка съ бонбоньеркой* } Цуберъ-Бюлера
Велич. 34×43 сант. Цѣна каждой 50 к. съ перес. 75 к. Обѣ вмѣстѣ 85 к, съ пер. 1 р. 30 к.
2. а. *Христосъ на Крестѣ* Фанъ-Дейка.
б. *Ecce homo* (голова Христа) Гвидо-Рени.
Велич. 39×51 сант. Каждая 75 к. съ перес. 1 р. Обѣ вмѣстѣ 1 р. 40 к., съ перес. 1 р. 85 к.
3. а. *Святое семейство*
б. *Не возбраняйте дѣтямъ* } Мурильо.
Велич. 39×51 сант. Каждая 75 к., съ перес. 1 р. Обѣ вмѣстѣ 1 р. 40 к., съ перес. 1 р. 85 к.
4. Два вида Саксонской Швейцаріи:
а. *Шрекенштейнъ* б. *Кенигштейнъ*.
Велич. 39×51 сант. Каждая 50 к., съ перес. 85 к. Оба вмѣстѣ 1 р. 30 коп.
5. Два пейзажа Энгельгарда:
а. *На Бріенцскомъ озерѣ*.
б. *Мельница близь Берхтесгадена*.
Велич. 39×51 сант. Каждая 75 к., съ перес. 1 р. Оба вмѣстѣ 1 р. 40 к., съ перес. 1 р. 85 к.
6. Двѣ жанровыя картины Бріара:
а. *Добрая тетя*. б. *Злая тетя*.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1881 ГОДУ
БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ
ЕЖЕМѢСЯЧНАГО ЖУРНАЛА
„ВОСХОДЪ"

Съ 1 Января 1881 года будетъ издаваться **безъ предварительной цензуры** учено-литературный и политическій журналъ подъ названіемъ **„Восходъ"**.

Первая, книга журнала **„Восходъ"** выйдетъ 1 Января 1881 года и въ ней между прочимъ будетъ помѣщено:

I. Восходъ. Стихотвореніе С. Г. **Фруга.**
II. Типы и силуэты. **Л. О. Леванды.**
III. Еврейскій вопросъ въ его основаніяхъ и частностяхъ **М. Г. Моргулиса.**
IV. Къ исторіи «Синода четырехъ странъ». **А. Я. Гаркави.**
V. Барухъ Спиноза. **В. Ѳ. Корша.**
VI. Вѣчный вопросъ. Стихотв. **С. Г. Фруга.**
VII. Къ исторіи поселенія евреевъ въ Петербургѣ. **Л. О. Гордона.**
VIII. Еврейскіе дипломаты и государственные люди новѣйшаго времени. **Д-ра М. Кайзерлинга.**
IX. О юридическомъ положеніи евреевъ внѣ черты ихъ осѣдлости. **М. Ш—ра.**
X. Мошко Царскій. Разсказъ К. Э. Францоза въ пер. **Петра Вейнберга.**

Современная лѣтопись.

I. Обозрѣніе выдающихся явленій въ жизни русскихъ евреевъ. **А. Л.**
II. Иностранная хроника **Э. К. Ватсона.**
III. Соціальное, экономическое, политическое и юридическое положеніе евреевъ въ Австріи. Письма изъ Вѣны (нашего корреспондента) **І. Вольфа.**
IV. Русская литература и журналистика. **Гамаббита.**
V. Письма объ иностранной литературѣ (нашего корреспондента). **Д-ра М. Кайзерлинга.**
VI. Обозрѣніе древне-еврейской литературы. N. N.
VII. Литературныя новости. **А. Я. Гаркави**

и разныя другія статьи, корреспонденціи и библіографическія извѣстія и замѣтки.

Подписная цѣна за годовое изданіе съ доставкою и пересылкою 10 руб., за полугодовое 6 руб. Разсрочка подписной платы допускается на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ 4 р., къ 1-му Марта 3 р. и къ 1-му Іюля 3 р.

Съ требованіями благоволятъ обращаться къ редактору журнала «Восходъ» А. Е. Ландау, С.-Петербургъ, Площадь Большого Театра. 2.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **А. Е. ЛАНДАУ.**

